МНОГОКАНАЛЬНЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ГОРНЫ В ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РАЗВИТИЕ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА

Михаил Видейко

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, канальные горны, гончарное ремесло.

Гончарные горны двухъярусной конструкции с двумя каналами на поселениях культурного комплекса Кукутень-Триполье были открыты еще в XX веке. Их существование с самого начала рассматривали как важный показатель высокого уровня развития гончарного ремесла. Однако длительное время такие теплотехнические сооружения не были известны на поселениях трипольской культуры, расположенных к востоку от Днестра. Только наличие на поселениях находок большого количества высококачественной расписной керамики указывало на вероятность существования гончарных горнов подобной конструкции. Лишь в 2013 г. здесь были открыты двухъярусные гончарные горны. Однако их устройство отличалось от ранее известных: они имели более двух каналов. Оказалось, что в обеспечении керамическими изделиями трипольских мегапоселений были задействованы наиболее сложные в конструктивном отношении теплотехнические устройства, ближайшие аналоги которым — так называемые минойские канальные горны бронзового века. Новые исследования позволяют определить как время, так и территорию распространения многоканальных горнов в трипольской культуре между 4100-3400 гг. до н.э. Таким образом, предоставляется возможность по-новому оценить уровень развития ремесла в трипольской культуре в конце V-IV тыс. до н.э.

В поисках гончарных горнов трипольской культуры

Открытие достаточно сложных по устройству гончарных горнов трипольской культуры можно отнести к началу XX века. Например, К. Гадачек считал Кошиловцы поселением мастеров-гончаров, которые производили там расписную керамику. Там, вблизи остатков построек, были раскопаны остатки гончарных горнов, судя по фотографиям – двухъярусных (Hadaczek 1914, tab. II-III). Учитывая особенности раскопок и фиксации упомянутых объектов, их длительное время не все археологи воспринимали, как гончарные печи. Тем более что использование гончарных горнов такой конструкции принято считать признаком не только высокого технологического уровня, но и определенного уровня общественной организации, связанной с их использованием. Подобные заключения не соответствовали представлениям того времени об уровне развития технологий медного века. Понадобились несколько десятилетий и новые раскопки, чтобы исследователи все же признали за трипольцами способность создавать такие теплотехнические сооружения.

Сделанные в конце 60-х годов XX века находки двухъярусных гончарных горнов в Жванце дали основание Т. Мовша для выводов о существовании в Триполье гончарного ремесла (Мовша 1971, 228-234). Однако в течение длительного времени находки гончарных горнов на поселениях культурного комплекса Кукутень-Триполье были случайными, и среди находок, которые были интерпретированы в качестве таковых, не все выдержали испытание временем. Тем не менее списки мест находок обжигательных горнов Кукутень-Триполья в начале XXI века выглядели весьма впечатляюще (Alaiba 2007; Tencariu 2009; Korvin et al. 2016), с учетом последних открытий их общее число уже перевалило за 50.

После проведения в Молдове и Украине масштабной магнитной съемки в 2009-2016 гг., с применением новейшего оборудования, открыта перспектива планомерного изучения этих интересных и важных объектов (Видейко и др. 2015; Korvin et al. 2016, 222-223; Церна и

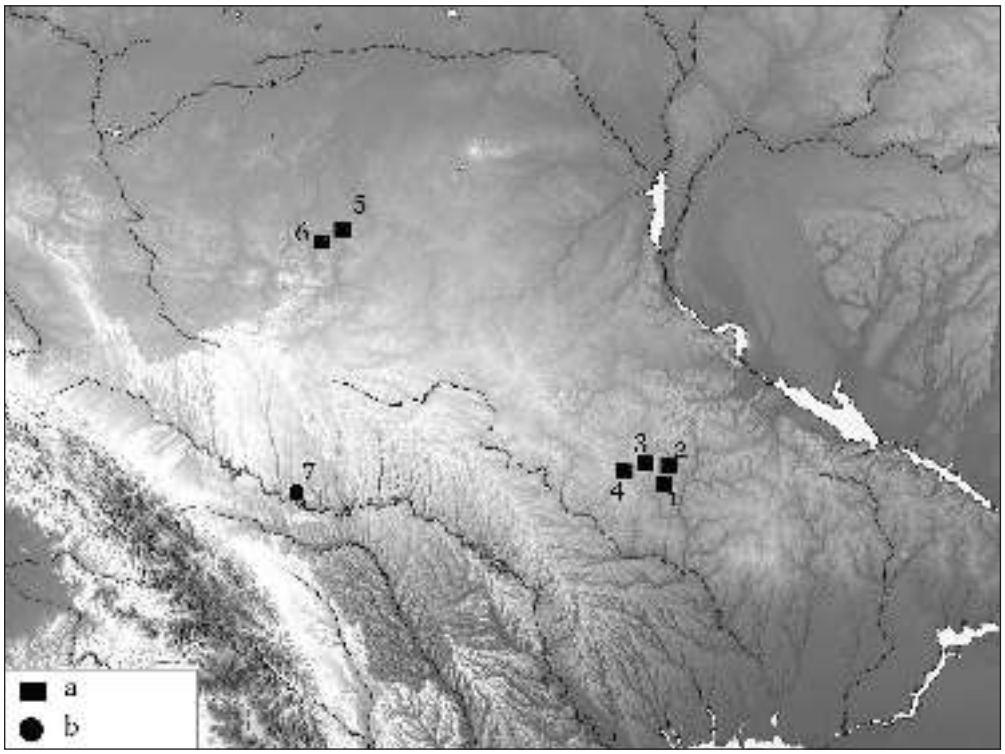


Рис. 1. Карта памятников трипольской культуры с находками горнов.
1 - Небелевка; 2 - Майданецкое; 3 - Тальянки; 4 - Доброводы; 5 - Острог,
6 - Новомалин-Подобанка; 7 - Жванец (Лысая Гора).
Условные обозначения. Горны: a - многоканальные; b - двухканальные.

др. 2017, 301-333). Уже первые раскопки, осуществленные с использованием этих планов в 2013 г. в Тальянках В.А. Круцом и А.Г. Корвиным-Пиотровским, показали наличие неизвестного ранее типа теплотехнических сооружений – многоканальных гончарных горнов, которые заметно отличались по конструкции от исследованных в прошлые годы – двухканальных. Важно отметить, что эти раскопки открыли для других исследователей возможность интерпретировать как предыдущие находки (Позиховский 2016, 98-105), так и последующие (Видейко и др. 2015, 150-155), а также существенно расширить географию и хронологию распространения горнов подобного типа (рис. 1).

Исследования, проведенные в 2013-2017 гг. по результатам магнитной съемки на таких поселениях, как Небелевка, Майданецкое, Тальянки и Доброводы, показали, что в трипольской культуре, по крайней мере с конца V – в начале IV тыс. до н.э., существовали горны многоканальной конструкции (рис. 2-9). Такое устройство открывало возможность увеличить размеры сооружения, площадь пода (и соответственно увеличить количество и размеры одновременно выкуриваемых изделий), а также регулировать обжиг посуды. Открывалась возможность для повышения качества изделий и их количества. Предварительные подсчеты численности посуды, проведенные для крупных поселений, показали, что речь шла о сотнях тысяч, возможно, миллионах различных сосудов, изготовленных в пределах лишь одного поселка (Видейко 2004, 30-36), то есть такому количеству изделий должна соответствовать определенная технологическая и производственная базы.

Проведенные в последние годы полевые исследования дали возможность подойти к изучению производственной базы гончарства в разных регионах распространения трипольской культуры, преимущественно в междуречье Южного Буга и Днепра – раскопки в Тальянках и Доброводах (2013-2017), Небелевке и Майданецком (2014) (Korvin-Piotrovsky et al. 2016; Burdo, Videiko 2016). За его пределами многоканальные горны открыты на Волыни –

1

2

3

Рис. 2. Исследования гончарного горна на поселении Небелевка. 1 - Остатки горна после расчистки и яма рядом с ним; 2 - вид ямы рядом с горном; 3 - фрагмент профиля ямы с остатками конструкций горна и другими находками.

в Остроге, ур. Земан (Позіховський, 2016) и на поселении Малин-Подобанка (Дяченко 2016). Отметим, что в последних двух случаях авторы исследований имели определенные проблемы с интерпретацией находок остатков горнов. Трудности связаны с тем, что изучение таких конструкций только началось. Таким образом, актуальным будет распространение информации об уже существующих находках, чтобы исследователи могли обратить внимание на подобные сооружения, а также их фрагменты, чтобы распознать находки в том в случае, если натолкнутся на них.

Многоканальные горны на трипольских мегапоселениях в междуречье Южного Буга и Днепра

Ниже мы приведем описания отличительных черт остатков многоканальных гончарных горнов, исследованных в Небелевке и Майданецком, а также сравним их с аналогичными находками на других трипольских памятниках, в том числе и на Волыни.

Остатки гончарного горна в Небелевке исследованы в 2014 году (Видейко и др. 2015, 150-155, рис. 3-8). Сразу после расчистки они имели вид хаотического скопления фрагментов обожженных глиняных конструкций зеленоватого цвета (рис. 3). Такой цвет, вероятно, следует связывать с особенностями местной огнеупорной глины, использованной при сооружении горна и связанных с ним изделий. Преимущественно это были многочисленные обломки дисковидных изделий толщиной 2-4 мм, диаметром примерно 30-40 см (рис. 3; рис. 4/6). Наряду с ними в скоплении найдены фрагменты пережженной керамики, костей животных и один фрагмент антропоморфной статуэтки (рис. 4/4). В дальнейшем

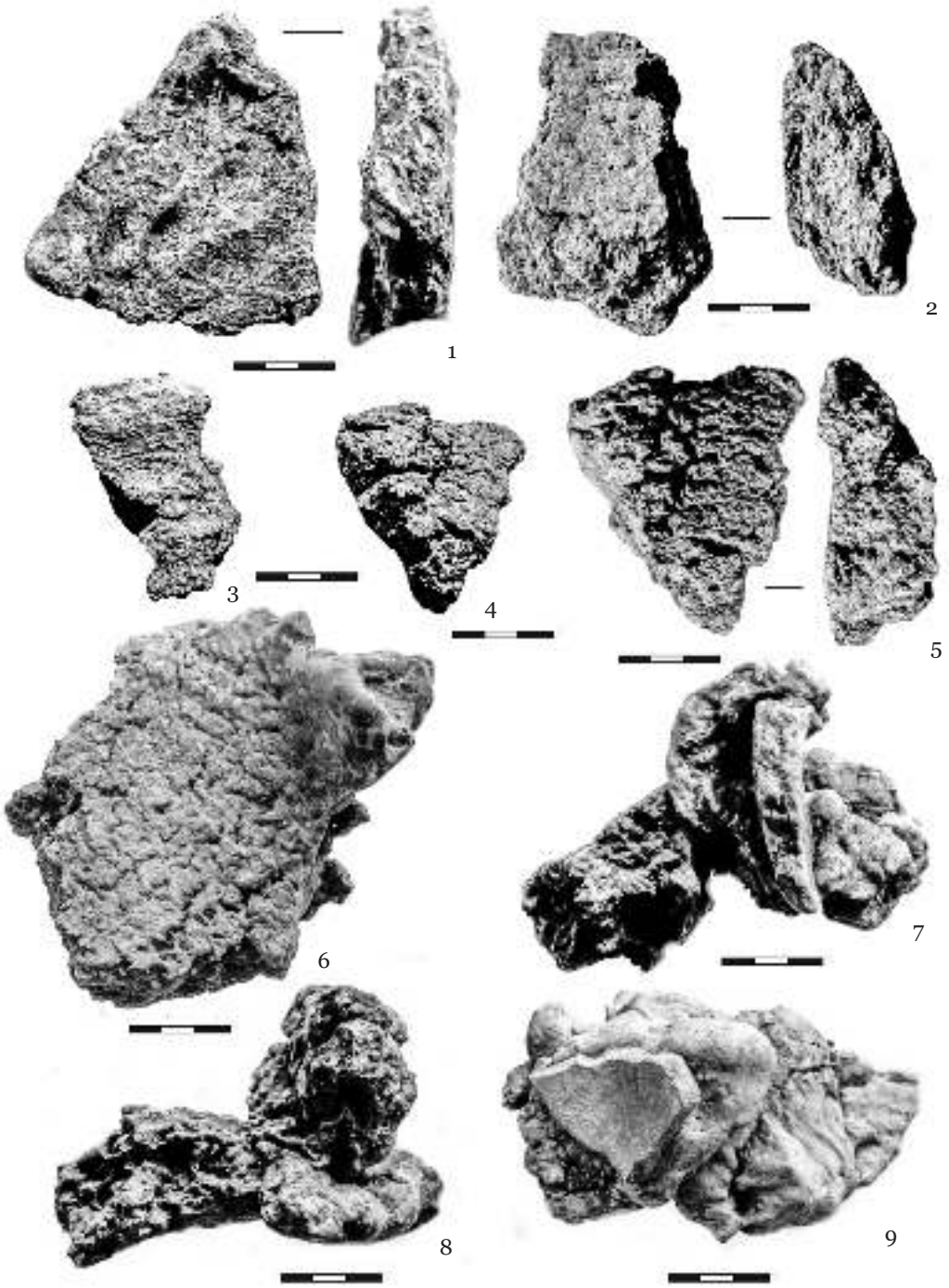


Рис. 3. Небелевка, комплекс гончарного горна, находки. 1-5 - Фрагменты керамических дисков-перекрытий для каналов; 6-9 - деформированные и с приварившимися фрагментами керамики.

выяснилось, что они перекрывали остатки установленного на древней дневной поверхности сооружения из глины, обожженной в процессе эксплуатации (рис. 2-3).

Исследованая конструкция представляла собой нижнюю часть гончарного горна. В плане она квадратная, размерами 1,8×1,8 м. Высота сохранившихся остатков до 0,3 м. Культурный слой на данном участке начал накапливаться во время эксплуатации горна. На завершающем этапе участок был забросан остатками конструкций, использовавшихся в других горнах. Следует подчеркнуть, что по периметру конструкции в пространстве шириной около 0,3 м было обнаружено минимальное количество находок (рис. 3/1). Возможно, это связано

с тем, что это пространство занимало основание купола, перекрывавшего обжиговую камеру. В этом случае какие-либо остатки купола обнаружены не были.

Само сооружение состояло из 4 расположенных параллельно стенок со скругленными сверху краями, которые образовывали конструкцию в виде трех каналов, имеющих общую стенку с одной стороны и открытых с той стороны, где была топочная камера. Сооружены они были на глиняной платформе, которая служила подом горна (рис. 4/5). В состав стенок по торцам входили камни (гранит), покрытые слоями глины. Все камни растрескались от действия высоких температур. Зафиксировано влияние сильного огня на конструкцию стенок каналов и пода-платформы. Поверхность стен каналов и пода неоднократно обновлялась нанесением тонких слоев огнеупорной глины, которая при обжиге приобретала зеленоватый оттенок. Такого же цвета были и обломки дисковидных глиняных изделий, обнаруженные в заполнении всех трех каналов и расположенной рядом ямы (рис. 4/2-4). Следует подчеркнуть, что некоторая часть фрагментов «дисков» была обожжена до состояния шлака. Зафиксированы также случаи спекания обломков «дисков» и фрагментов керамики (рис. 3/1, 3, 6). Их диаметр мог достигать 38-40 см при толщине 3-5 см (рис. 4/6).

Следует особо отметить, что фрагменты этих изделий встречались во время раскопок в Небелевке и в предыдущие годы: рядом с остатками жилья, исследованного в 2009 г., рядом с «мегаструктурой», в яме возле дома В17 и в яме раскопа 4, а также в некоторых шурфах по всей территории поселения. Во всех перечисленных случаях аномалии, аналогичные горну, вблизи зафиксированы не были, так что ответ на вопрос о причинах распространения таких изделий в границах поселения еще предстоит найти. Вероятно, в случае нахождения аналогичных изделий на других поселениях с высокой степенью вероятности можно будет утверждать, что и там были построены гончарные горны аналогичной конструкции. Возможно, эти находки являются аналогами съемных керамических решеток с продухами, известных по раскопкам поселений в ареале распространения культуры Кукутень (например: Tencariu 2009, fig. 62-64; 67; 68; 94-95).

Кроме описанных выше изделий, в заполнении каналов горна найдены многочисленные обломки плоских, толщиной 1-1,5 см, вероятно, прямоугольных изделий из красной глины с большим примесью половы (рис. 4/4 – слева от фрагмента статуэтки). Они залегали преимущественно в нижней части заполнения. В центральном канале среди описанных находок обнаружена нижняя часть антропоморфной статуэтки (рис. 4/4).

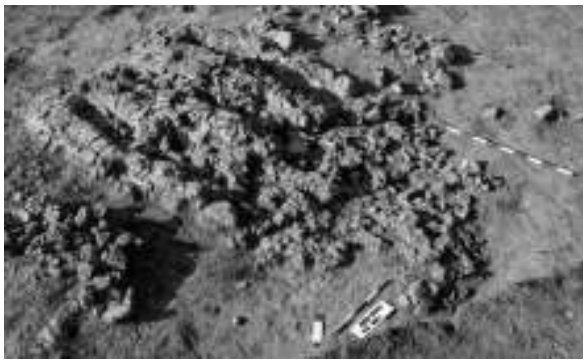
Края платформы-пода гончарного горна по углам были округлены. На некоторых участках сохранились следы примазки ее к стенкам основания купола, который не сохранился (рис. 4/5). Со стороны обжиговой камеры находился завал, состоявший из многочисленных обломков дисковидных глиняных изделий зеленого цвета, а также фрагментов керамики и костей. На этом участке в 1,2 м от края основы горна обнаружен край ямы (рис. 2/1).

Рассмотрение описанных выше остатков и их окружения, а также расположение сопутствующего материала позволяют утверждать, что в результате раскопок здесь обнаружены остатки гончарного горна (рис. 9), который после определенного периода эксплуатации был оставлен и, вероятно, частично разобран (демонтирован купол). В дальнейшем в это место выбрасывали разбитые детали других горнов (возможно, в качестве «сакральной свалки»). Вероятно, также здесь жителями поселения периодически проводились определенные ритуалы, в том числе с использованием антропоморфной пластики, с этой активностью могут быть связаны и находки костей животных.

Отметим, что есть также и другая интерпретация описанного выше объекта, а именно как «Communal cooking feature» – общественного места для приготовления пищи, – которая принадлежит Дж. Чапману. Исследователь считает, что его назначение – приготовление пищи во время массовых церемоний (Chapman 2017, 230-231, fig. 6). Подобное определение выглядит довольно экзотическим на фоне исследований аналогичных по конструкции сооружений на других поселениях трипольской культуры.

Рядом с горном была частично раскопана яма, также обнаруженная с помощью магнитной съемки. Она располагалась в 2,5 м к северу от горна (рис. 2). Первоначально после рас-

1



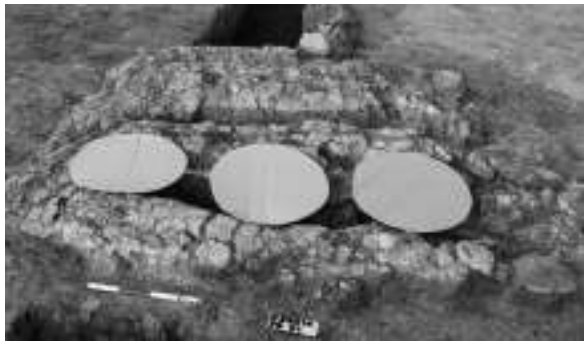
2

3

4

5

6



7

8

← Рис. 4. Исследования гончарного горна на поселении Небелевка.
1 - Место расположения остатков горна в начале расчистки; 2 - остатки горна после частичной расчистки; 3 - профиль канала горна с заполнением; 4 - фрагмент статуэтки и плитки в заполнении канала горна; 5 - остатки горна после полной расчистки; 6 - реконструкция керамического диска; 7, 8 - реконструкция использования дисков для перекрытия каналов.

чистки она представляла собой хаотическое, аморфное залегание мусора (фрагментов керамики, обмазки и костей животных) диаметром около 3 м. Особо следует отметить, что уже в верхней части, начиная с глубин в пределах 0,4-0,6 м от современной поверхности, стали попадаться фрагменты антропоморфной пластики. Послойное изучение объекта позволило установить, что яма была воронковидной в профиле, аморфной в плане (рис. 2/2, 3).

Заполнялась яма рядом с горном в несколько приемов. Зафиксированы не менее 4 довольно насыщенных прослоек, включающих обломки «дисков» (рис. 3), фрагменты керамики и костей животных, фрагменты антропоморфных статуэток, единичные изделия из камня, кремня и кости. Следует отметить находку нескольких тысяч мелких фрагментов керамики 1-3 см в поперечнике, причем на разных уровнях залегания, в том числе и в виде скоплений по несколько десятков (иногда – до сотни) единиц находок в каждом.

В центральной, наиболее глубокой части ямы находилось углубление округлой формы, вырытое в слое светло-желтой глины. Эта часть заполнена коричневым суглинком, в котором найдено большое количество фрагментов керамики, костей животных, угольки, а также отдельные фрагменты антропоморфных статуэток и небольшое количество обломков «дисков». В придонной части ямы также отмечено несколько слоев-заплывов, образовавшихся в древности в результате смыва почвы дождевыми потоками. В верхней части ямы таких образований нет.

Наличие во всех слоях ямы находок, аналогичных выявленным при исследовании горна, позволяет предположить, что она была связана с работой и обслуживанием горна. До момента прекращения жизнедеятельности на участке поселения, исследованном в пределах раскопа, яма была заполнена частично, поскольку ее верхняя часть заполнялась почвой уже после того, как поселение было оставлено. Наличие во всех скоплениях и прослойках в яме фрагментов «дисков» позволяет предположить, что в окрестностях могли располагаться и другие горны, с эксплуатацией которых, вероятно, связано изготовления и использование таких изделий после того, как была приостановлена эксплуатация исследованного горна. Диски использовали для перекрытия каналов (рис. 4/7, 8). Средний вес реконструированного диска (рис. 4/6) достигал 6 кг, а на один комплект их надо было не менее девяти. Взвешивание обломков, найденных вокруг остатков горна и в яме, показало, что мы имеем дело с остатками нескольких комплектов для перекрытия каналов.

К числу горнов аналогичного типа следует отнести обнаруженные 2014 году на поселении у села Майданецкого. Здесь так же исследованы горн и ямы рядом с ним. Установлено, что построенный здесь горн был дважды перестроен (Видейко и др. 2015), поэтому описание находки сделано начиная с верхнего.

Верхняя часть остатков горна (горн верхнего горизонта) располагалась на глубине 0,5-0,6 м от современной поверхности. Она была представлена двумя частично разрушенными межканальных опорами, третья опора не сохранилась, а также частично сохранившимися закруглениями в закрытой части каналов (рис. 6). Остатки конструкции также сохранили местами следы обмазки огнеупорной глиной. При сооружении ее в качестве забутовки использовали керамику, которая спеклась с обмазкой. Эти остатки были перекрыты обломками верхней части горна (купола?). Среди остатков горна попадались фрагменты посуды, тоже со следами сильного повторного обжига – все это в слое земли, заполнившей промежутки между остатками конструкций.

После удаления мусора, которым были засыпаны остатки горна, удалось более четко определить его составляющие. Вместе с тем были

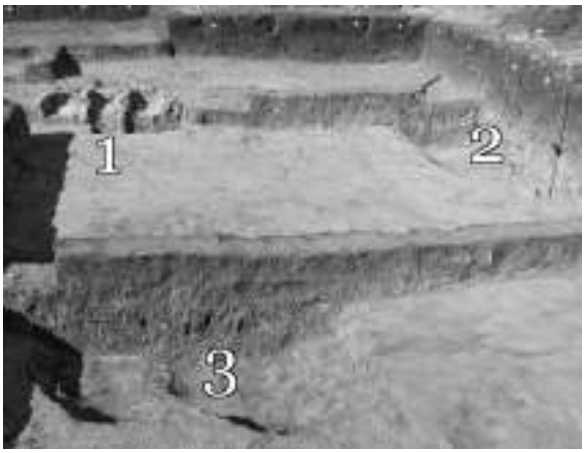


Рис. 5. Майданецкое, исследования остатков гончарного горна и его окружения. 1 - Остатки горна (первоначального); 2 - яма напротив топочной камеры последнего горна; 3 - яма напротив топочной камеры среднего и нижнего (первоначального) горнов.

шение к горнам, построенным на этом месте раньше, а именно горнам среднего и нижнего горизонтов. В горне верхнего горизонта топка была ориентирована (с небольшим отклонением) в восточном направлении. На поверхности перед ней обнаружены фрагменты посуды и части конструкции, соответствующие этому этапу функционирования теплотехнического сооружения.

На следующем этапе исследований разобраны все остатки конструкций горна выше уровня подовой обмазки с последующей зачисткой. Это позволило полностью открыть конструкции из глиняных валиков, обнаруженные на предыдущем этапе (рис. 6/3, 4). Они были ориентированы, с небольшим отклонением, по линии север-юг и оказались опорными столбами еще одного гончарного горна, остатки которого стали основой следующей конструкции, включившей также и часть старого купола.

То обстоятельство, что все три канала оказались заполненными подовой обмазкой с выровненной поверхностью более чем на половину, указывало на то, что опорные столбы этого горна не сохранились и были убраны в верхней части при сооружении горна верхнего горизонта. Топочная камера горна среднего горизонта была ориентирована с незначительным отклонением к югу. Обнаруженные же на уровне пода опоры, как оказалось, изначально принадлежали более древнему горну, каналы которого были забутованы глиной и обмазаны огнеупором. Ширина каналов горна среднего горизонта составляла от 22 до 25 см, высоту определить невозможно, но понятно, что она превышала 10 см.

После удаления забутовки каналов были полностью расчищены остатки конструкции первоначального горна (рис. 6/5-8). От него сохранились две межканальные опоры, под, остатки стенок – основа купола. Было видно, что при сооружении этого горна была вырыта неглубокая (в пределах 0,2 м) яма, стенки которой обмазали слоем обычной глины, а затем – огнеупорной. Стенки сильно обожжены изнутри, вероятно, в процессе эксплуатации горна, что хорошо видно в разрезе. Дно ямы было покрыто слоем глины толщиной 10-12 см, поверхность выровнена и обмазана огнеупором. На этой поверхности построены межканальные перегородки. Их ядро сделано из обычной глины с использованием больших фрагментов сосудов, расположенных симметрично: миска напротив миски, биконический сосуд напротив биконического сосуда (рис. 6/6-8). Высота каналов составляла до 20 см при ширине 30-32 см.

Таким образом установлено, что на этом месте последовательно были сооружены три печи для обжига керамики, каждая с тремя каналами (рис. 6). При этом предыдущая конструкция частично была включена в следующую.

Рис. 6. Майданецкое, исследования остатков гончарного горна. 1 - Вид последнего после первой расчистки; 2 - вид последнего горна после расчистки каналов со стороны топочной камеры; 3 - остатки горна среднего горизонта; 4 - расчистка остатков первоначального горна; 5 - остатки первоначального горна; 6 - керамика в забутовке опор первоначального горна; 7 - фрагмент остатков первоначального горна (a - обмазка стен ямы; b - поверхность в районе топочной камеры; c - поверхность в районе топочной камеры последнего горна). →

1

2

3

4

5

6

7

8

Если общие размеры горна (около 1,8×1,8 м) не претерпели изменений, то сечение каналов с каждой последующей перестройкой уменьшалось. Наибольшим оно было в начале, наименьшим – на третьей фазе использования горна. Также при последней реконструкции была изменена ориентация топки на 90 градусов.

горны, Майданецкое	Высота канала	Ширина канала	Ориентация топки
горн верхний	около 20 см	20 см	восток
горн средний	?	22-25 см	юг
горн нижний	до 20 см	30-32 см	юг

Открытым в данный момент остается вопрос о типе поверхности, на которой устанавливали керамические изделия во время обжига. Рядом с горном и в ямах обнаружено несколько фрагментов изделий из огнеупорной глины в виде кругов- «дисков», аналогичных найденным во время исследования горна в Небелевке (Видейко и др. 2015, рис. 7). Относительно последних есть основания полагать, что их использовали для накрытия каналов и создания временного пода под посуду. Однако в окружении исследованного в Майданецком горна количество подобных находок было минимальным и явно недостаточным для формирования подобной поверхности, не говоря о ее ремонте.

Вероятно, в данном случае следует учесть то обстоятельство, что горн был оставлен еще до завершения производственной деятельности на данном объекте. Горн, исследованный на поселении Майданецкое, имеет в целом размеры и конструкцию, аналогичную горнам исследованным на поселениях Небелевка (этап BII) и Тальянки (этап CI): три канала, внешняя топка. Вместе с тем в каждом случае мастера экспериментировали с сечением каналов, в том числе в Майданецком, по крайней мере трижды изменяя этот параметр.

Рядом с горном обнаружены две ямы (рис. 5), в заполнении которых найдено большое количество повторно пережженных фрагментов керамики и детали конструкций горна – фрагменты обмазки стен, остатки, образовавшиеся во время его перестройки и ремонтов. При этом описанные выше остатки залегали не равномерно, а в виде скоплений. Обломки конструкций, выполненных с использованием огнеупоров, обнаружены в обоих ямах. В яме, расположенной к югу от горна, почти отсутствовали фрагменты костей животных, тогда как в другой они случались в большом количестве. В одном из скоплений была обнаружена мотыга из рога оленя.

Большинство керамических изделий, обнаруженных в раскопе рядом с остатками горна в Майданецком, имеют следы сильного повторного обжига, в результате чего повреждена поверхность, фрагменты имеют соответствующий цвет, а расписная керамика утратила ангоб и роспись. Вероятно, часть этих фрагментов была использована при сооружении куполов над горнами – так, как это было зафиксировано для поселения в Тальянках. То обстоятельство, что значительная часть подобных фрагментов обнаружена в ямах, может свидетельствовать о том, что они могли попасть туда вместе с частями куполов во время ремонтных работ.

Заполнение описанных выше ям свидетельствует о том, что они возникли в период сооружения и использования расположенного рядом гончарного горна. Возможно, именно из них была добыта часть глины, использованной при его сооружении, в частности для возведения купола. Отсутствие огнеупорной глины в этом месте свидетельствует о том, что ее доставляли к месту строительства горнов.

По сведениям магнитной съемки в нескольких метрах от описанного выше комплекса горнов находится аномалия, которая может быть интерпретирована как аналогичное теплотехническое сооружение. Ямы занимают промежуток между исследованным и этим горном. В будущем стоит исследовать этот участок полностью, чтобы получить дополнительную информацию относительно функционирования гончарных центров на трипольских поселениях-гигантах.

Многоканальные горны на Волыни

Еще два многоканальных гончарных горна были исследованы вне томашевской группы на Волыни – в Остроге и Новомалине (ур. Подобанка) А. Позиховским и А. Дяченко

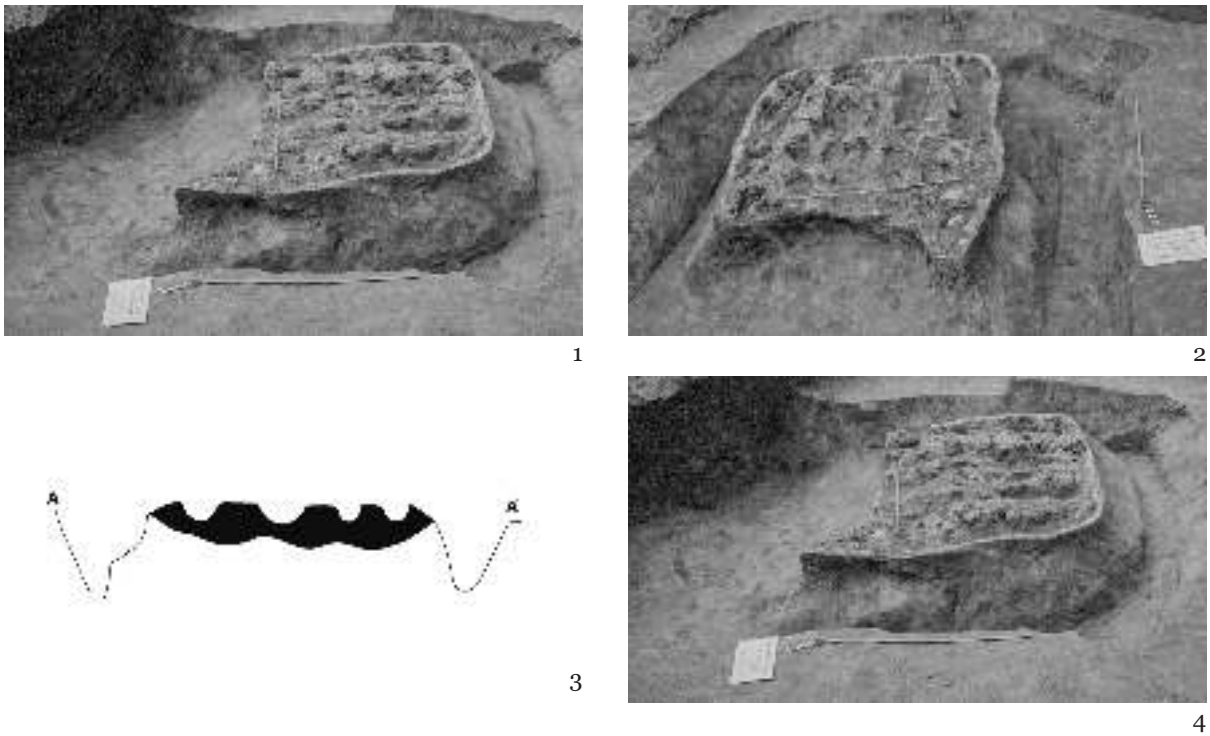


Рис. 7. Исследования многоканального горна в Остроге, исследования А. Позиховского.
1, 2, 4 - виды горна после расчистки; 3 - профиль каналов (по: Позиховский 2016).

(Позіховськй 2016, 98-105; Дяченко 2016, 19-25). Это обстоятельство значительно расширяет ареал распространения как горнов этого типа, так и гончарных горнов эпохи энеолита в целом на регион, который долгое время считали некой периферией высокоразвитых в технологическом отношении древних обществ. Учитывая это, стоит включить в обзор трипольских горнов и эти две находки.

Многоканальный гончарный горн, исследованный А. Позиховским в г. Острог, в урочище Земан (Загуменники) в 2010 году, позднее интерпретирован исследователем как остатки гончарного горна, аналогичного найденным в Тальянках и Майданецком (Позіховський 2016, 98-105, рис. 1-4). Из приведенного в этой публикации описания понятно, что сооружение находилась в углублении (0,5 м) размерами 5,0×3,1 м (рис. 7). Этот горн имел три параллельные опоры, каналы с сечением 0,2×0,35 м. При сооружении опор использована глини с примесями половы, а пода – фрагменты расписной керамики трипольской культуры. Три опоры образовывали 4 канала, два из которых – под стенками горна (Позіховський 2016, рис. 1, 2). Из описания понятно, что котлован, в котором обнаружены остатки горна, заполнял культурный слой с материалами трипольской (этап BII, шипинецкая группа) и малицкой культур (Позіховський 2016, 99). Из этого следует, что горн было оставлен еще до того, как прекратилась жизнь на поселении – картина типичная и для описанных выше памятников в Буго-Днепровском междуречье.

Наряду с найденным в Небелевке, это самый древний многоканальный горн трипольской культуры. То обстоятельство, что при его сооружении были использованы исключительно фрагменты трипольской керамики, дает основания предположить, что его построила трипольская часть местной общины, которая включала также и носителей малицкой культуры. Расписная керамика, аналогичная находкам из объекта 28, ранее была обнаружена в кремационных захоронениях в том же урочище Земан (Позіховський, Самолюк 2008, рис. 2/3, 5; 4/3, 6, 7; 5/3, 9; 6/7, 9 и др.). Ее можно отнести к ранним памятников шипинецкой группы этапа BII.

На трипольском поселении Малин-Подобанка (Острожский район Ровенской области) в 2013 г. изучено скопление обожженной обмаз-

ки. Оно было опубликовано как остатки трипольского жилища – «площадки» размерами 2,8×2,6 м (Дяченко 2016, 19-25, рис. 1-4). Учитывая наличие в публикации раскопок качественных фотоснимков, а также плана и разреза «площадки 1», возникает возможность переинтерпретировать эту находку. Общий вид объекта, представленный на рис. 1, демонстрирует наличие пода, на котором заметны остатки менее двух возведенных на нем конструкций – опор, а также основания купола на заднем плане. Этот вывод подтверждают как фото пода крупным планом (Дяченко 2016, рис. 2), так и план самого сооружения (Дяченко 2016, рис. 3), где с помощью условных обозначений показаны различия в материале, из которого изготовлены части сооружения: под из глины с примесью песка, части купола – из глины с примесью полов. Размеры пода (по чертежу на Дяченко 2016, рис. 3) составляют примерно 1,5×1,4 м.

Разрез (Дяченко 2016, рис. 4) показывает то обстоятельство, что под находится в горизонтальной плоскости, несмотря на то, что остатки сооружения расположены на небольшом склоне. Такое могло произойти лишь в случае, если место для сооружения горна выравнивали, врезая его в склон. Этому обстоятельству соответствует именно расположение «площадки 1» рядом со склоном – положение, типичное для размещения гончарных горнов – как это было сделано, например, в Жванце.

Такие признаки, как наличие пода (и его горизонтальное положение), остатков опор, основания купола, на наш взгляд, являются прямыми доказательствами для интерпретации описанного выше объекта в качестве многоканального гончарного горна. Обнаруженные рядом фрагменты обмазки с отпечатками жердей (Дяченко 2016, 21) могли относиться к конструкции купола горна. Привлекает внимание и то обстоятельство, что горн найден в разрушенном виде, на поверхности – фрагменты керамики, кости животных, то есть вероятно, что устройство перестали использовать до оставления поселения – картина аналогичная раскопкам в Небелевке и Майданецком.

В раскопе на поселении Малин-Подобанка обнаружена расписная керамика трипольской культуры, в том числе миски (конические и полусферические, с S-образным профилем, на ножках), кубки, амфоры, кратеры, сфероконические сосуды, покрышки, которые имеют аналогии в брынзенской локальной группе этапа CII (Вертелецкий 2016, 39-68). Такой ассортимент изделий, а именно наличие сосудов внушительных размеров (кратеры, сфероконические миски, амфоры, большие миски), а также их значительное количество, могут быть объяснены именно наличием собственного гончарного производства.

Конструкция и типология трипольских многоканальных горнов

Таким образом, для описанных выше конструкций многоканальных горнов, исследованных на разновременных поселениях, которые принадлежат к четырем разным локальным группам трипольской культуры, общими являются следующие черты: выделение топочной камеры, наличие трех и более каналов, разделенных опорами (рис. 2-9). Для их перекрытия использовали съемные керамические диски (Небелевка, возможно, Майданецкое), или же сплошные поды с продухами (Тальянки). Для остальных случаев тип перекрытия не установлен. Горны могли быть заглублены в землю (Тальянки, Майданецкое, Острог, ур. Земан, Малин-Подобанка) или же построены на поверхности (Небелевка). Горны многократного использования, со следами ремонта, а иногда (Майданецкое) – неоднократной перестройки. Разница конструкции состоит, прежде всего, в высоте и ширине каналов, вероятно, вследствие поисков наиболее удачной конфигурации и параметров обжига.

Отдельно следует обратить внимание на то обстоятельство, что горны отличаются длительным периодом использования, который определяется находками в ямах фрагментов конструкций, которые были заменены в процессе эксплуатации. Майданецкий же горн вообще выделяет длительная история использования – по крайней мере две перестройки с промежуточными мелкими ремонтами. Все найденные горны были в разрушенном состоянии. Их перестали использовать во всех описанных нами случаях еще до того, как были оставлены поселения.

Это обстоятельство следует учитывать при попытках реконструировать достоверное количество одновременно действовавших на поселениях горнов и объемы производства

керамики. Понятно, что такие расчеты преждевременно делать, опираясь исключительно на результаты магнитной съемки. Ведь часть аномалий может принадлежать уже оставленным горнам. Показательной в этом плане является ситуация с четырьмя горнами, раскопанными на кукутенском поселении Думешть. Их расположение впритык один к другому, по-видимому, не предполагало одновременной эксплуатации (Alaiba 2007, pl. 16). Опубликованные фотоснимки остатков этих горнов (Alaiba 2007, pl. 3; pl. 15/5) позволяют предположить, что часть из них была заброшена, в то время как расположенные рядом все еще использовали для обжига керамики.

Описанные выше конструкции гончарных горнов трипольской культуры можно отнести ко второму типу горнов (тип II) – многоканальных, по классификации, принятой для аналогичных сооружений бронзового века (Shaw et al. 2001, 20). На трипольских поселениях обнаружены две разновидности горнов II типа без стационарного пода с продухами (IIa) и с подом (тип IIb). По причине фрагментированности найденных горнов только для некоторых находок возможно установить принадлежность к определенному подтипу. Так, к подтипу IIa можно отнести находки из Небелевки, Майданецкого (горны нижнего и среднего горизонтов), Острог (ур. Земан). К подтипу IIb – горны из Тальянок. Интересно, что именно горны типа IIa, причем значительно большего размера, получили распространение на о. Крит в бронзовом веке, во II тыс. до н.э.

Вопросы датировки многоканальных горнов в трипольской культуре

Принимая во внимание датировку упомянутых поселений и локальных групп, можно попробовать установить период, в течение которого многоканальные гончарные горны были в употреблении у носителей трипольской культуры. Древнейший горн, датированный началом этапа BII трипольской культуры (ранняя шипинецкая группа), происходит из ур. Земан (Острог). Следующий по времени горн – из Небелевки. Для поселения Небелевка получен ряд изотопных дат, которые определяют наиболее вероятный период его существования в промежутке 4000-3900 гг. до н.э. Горны из Тальянок, Добровод и Майданецкого соответствуют этапу CI. Изотопные даты для этих поселений с наибольшей степенью вероятности охватывают период между 3900-3700/3600 до н.э.

Расписная керамика из горна с поселения Новомалин-Подобанка относится к брынзенской группе этапа CII. Абсолютные даты для керамики из этого комплекса – между 3905-3363 гг. до н.э. (98%) (Krol, Rybicka 2016, tab. 1). Таким образом, по имеющимся сведениям, период существования многоканальных гончарных горнов в трипольской культуре охватывает этапы от BII до начала CII, по имеющимся изотопным датам – приблизительно между 4100-3360 гг. до н.э., то есть в целом более 700 лет.

Ареалы распространения многоканальных горнов в трипольской культуре

Многоканальные горны уже зафиксированы для четырех локально-хронологических групп Триполья: шипинецкой (1), небелевской (1), томашовской (8) и брынзенской (1), общее же количество находок в настоящее время составляет до 12 сооружений. Высоко вероятным является выявление подобных горнов в целом ряде локальных групп этапов BII и CI, в частности раковецкой, мерешовской, владимировской, чечельницкой, петренской, каневской, косеновский, если принять во внимание качество и ассортимент характерной для них расписной керамики. Вопрос об использовании аналогичных горнов в более ранний и более поздний периоды Триполья остается открытым, так же как и время их появления. Наиболее вероятным временем появления многоканальных горнов в культурном комплексе Кукутень-Триполье, на наш взгляд, следует считать время Кукутень AB - Триполье BI-II, последнюю четверть V тыс. до н.э., когда получает распространение высококачественная посуда с монохромной (темно-коричневой или черной), а также бихромной (черной и красной) росписью. Вполне вероятным также представляется существование теплотехнических сооружений этого типа в на финале этапа CII, то есть в конце IV тыс. до н.э., учитывая происхождение ряда локальных групп с расписной керамикой. Таким образом, вероятный период пользования такими горнами в трипольской культуре может составить до 1100 лет.

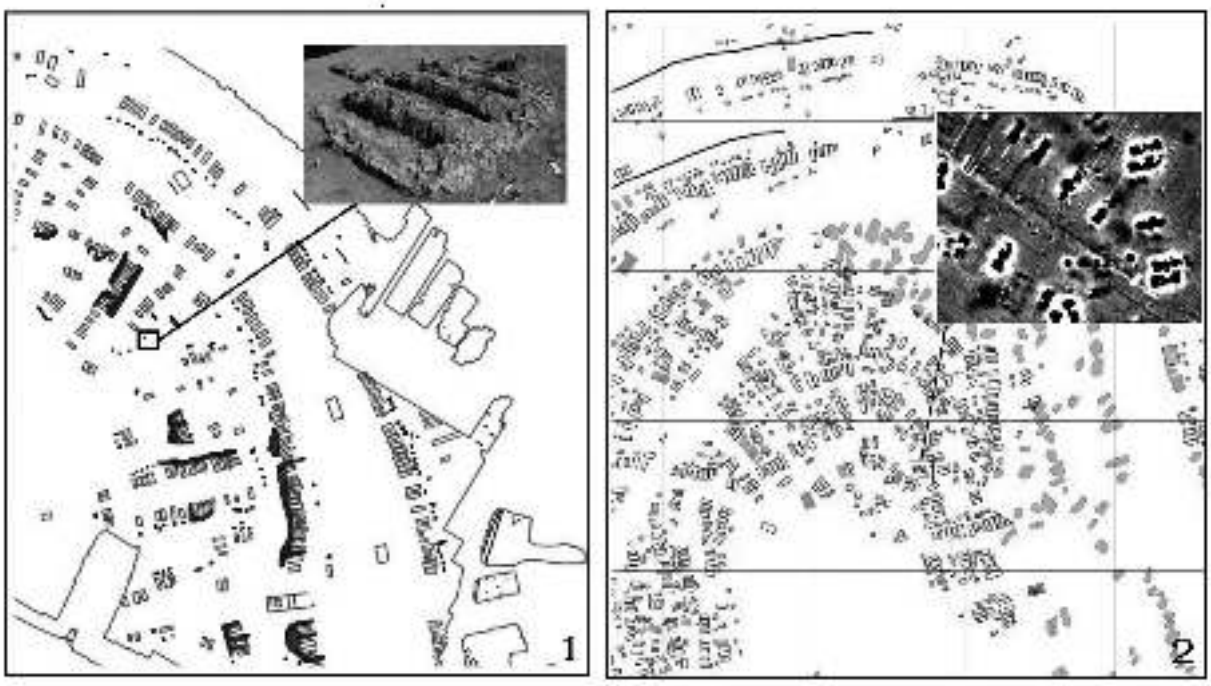


Рис. 8. Расположение многоканальных горнов, исследованных на поселениях (обозначены на планах по результатам магнитной съемки): 1 - Небелевка; 2 - Майданецкое.

География распространения многоканальных горнов: Буго-Днепровское междуречье, Волынь, а также Поднестровье и Пруто-Днестровское междуречье (учитывая ареал распространения шипинецкой группы), а позднее на западе она достигает днестровского левобережья, а также и Пруто-Днестровского междуречья (брынзенская группа, начало этапа CII) (рис. 1). Привлекает особое внимание распространение горнов на периферии трипольского ареала – в Волыни, в районе Острога. Вероятно, это явление можно связать с особым местом, которое этот регион занимал в добыче важного сырья – кремня, и, вероятно, меди. Это сырье, а также изделия из него могли обменивать на высококачественную расписную керамику. Учитывая спрос и перспективы сбыта, мастера, принадлежащие к шипинецкой и брынзенской группам, могли перенести собственное высокотехнологичное производство к местам обмена. Это позволяло им также расширить ассортимент предлагаемых на обмен изделий – за счет сокращения маршрута доставки до непосредственного потребителя. Если ареал распространения шипинецких изделий на Волыни выглядит достаточно скромным, то для брынзенских прослежено его расширение в западном направлении, вплоть до Западного Буга (Rybicka 2017, 151, rys. 86).

Раскопки также показали, что комплекс мастерской помимо горнов включал расположенные вблизи них котлованы. Их заполнение связано с функционированием горнов. В заполнении ям можно найти детали горнов, в том числе остатки подов, купола, вероятно, опорных стенок. Эти находки связаны с ремонтом или перестройкой горнов. Фрагменты пережженной керамики, найденные в Майданецком и Тальянках, также, вероятно, имеют отношение к конструкции горнов, а также могут быть связаны с их работой (производственный брак). Особый интерес представляют находки в Небелевке культовой пластики – как в яме, так и среди остатков горна, что может быть связано с проводившимися в процессе работы мастерской ритуалами.

Расположение мастерских внутри поселений начиная с V тыс. до н.э. (Думешть) и впоследствии – на этапах BII и CI (рис. 8) может свидетельствовать о том, что это производство не представляло особой опасности и не создавало неудобств для окружающих.

Выводы

В трипольском гончарстве конца V-IV тыс. до н.э. мы наблюдаем три тенденции в локализации высокотехнологичного производства. Первая – обеспечение посудой жителей поселений-гигантов (Буго-Днепровское междуречье), вторая – обеспечение посудой жителей средних по размерам поселений (шипинецкая и брынзенская группы), третья – вынос производства в регионы расселения потребителей-продуцентов стратегически важного сырья, а именно меди и кремния, на Волынь (представители шипинецкой и брынзенской групп), север Приднепровья (каневская группа – в ареал коломийщинской).

Вероятно, в ряде регионов – от Прута на западе до Днепра на востоке и до Волыни на севере – существовали общества, вполне «платежеспособная» потребность которых в расписной посуде стимулировала развитие гончарного ремесла и даже стимулировала мастеров переносить производство на окраины трипольского мира, где в круг их традиционных потребителей вовлекалось население, принадлежащее к другим культурным комплексам. К концу IV тыс. до н.э. технология изготовления расписной керамики была утеряна – так же, как и технологические достижения, связанные с ней.

Чтобы показать значение открытия отметим, что гончарные горны подобной конструкции традиционно считают принадлежностью высокоразвитого гончарного производства. Их древнейшие образцы, «минойские канальные горны» (или так называемый второй тип горнов), датированные XVII-XV вв. до н.э. (то есть поздним бронзовым веком), были в свое время изучены на острове Крит (известно не менее семи находок в разных пунктах) (например: Shaw et al. 2001, 20; Belfiore et al. 2007).

Горны подобной конструкции имели от 3 до 5 обжиговых каналов, разделенных опорами (их сооружали из глины и камней, обмазывали глиной), и топочную яму, находившуюся ниже уровня каналов. Сплошного пода для расстановки посуды не сохранилось (возможно, его и не было), вероятно, его заменяли специальные подкладки или фрагменты больших толстостенных сосудов, между которыми оставались щели, которые обеспечивали доступ раскаленного воздуха в обжиговую камеру. Благодаря отделению и размещению топки ниже уровня каналов в обжиговую камеру попадал только раскаленный воздух, что исключало покрытие поверхности

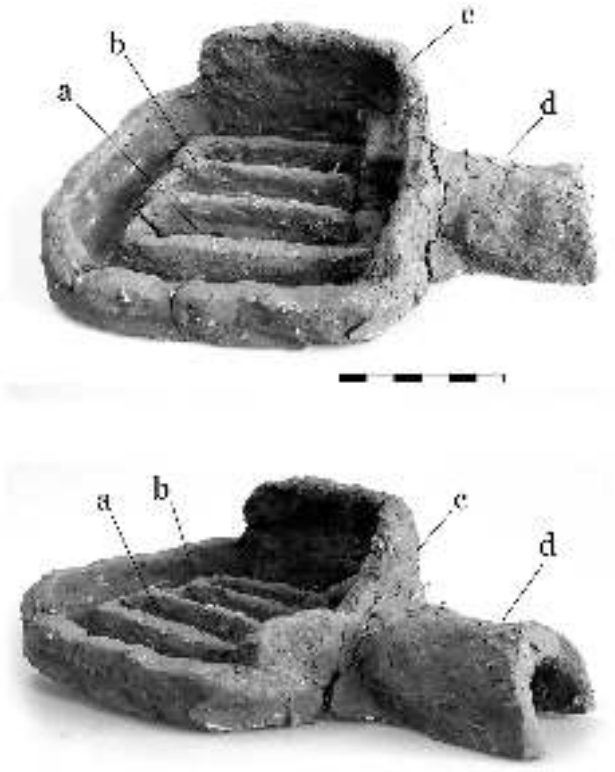


Рис. 9. Реконструкция возможного вида многоканального гончарного горна из Небелевки с частично разобранным куполом: a - канал; b - перегородка-опора; c - купол; d - топочная камера.

изделий копотью. Это обстоятельство важно при обжиге расписной керамики. Интересно, что большинство остатков выявленных горнов этого типа было завалено разнообразным «мусором», включавшим фрагменты керамики (Shaw et al. 2001, fig. 4, fig. 8; Belfiore et al. 2007, fig. 2), то есть картина в целом напоминает наблюдавшуюся в Небелевке и Майданецком.

Подобные горны использовали в ряде производственных центров в регионе Средиземноморья как в бронзовом веке (XVII-XV вв. до н.э.), так и позднее, в античные времена, когда такие сооружения выросли до внушительных размеров и обеспечивали массовое производство качественных гончарных изделий. Таким образом, наличие аналогичных теплотехнических устройств на поселениях трипольской культуры в XL-XXXIV вв. до н.э. (то есть на 2300 лет ранее) также вполне может рассматриваться как показатель уровня развития гончарного ремесла на восточной окраине Древней Европы.

Библиография

Вертелецький 2016: Д. Вертелецький, Керамика поселения Новомалин-Подобанка. In: A. Diaczenko, D. Król, F. Kyrylenko, M. Rybicka, D. Wertelecki, Nowomalin-Podobanka I Kurgany-Dubowa. Osiedla kultury trypolskiei na zachodnim Wołyniu (Rzesów: Uniwersytet Rzesowski 2016), 35-70.

Видейко и др. 2015: М.Ю. Видейко, Дж. Чепмэн, Н.Б. Бурдо, Б. Гайдарска, С.В. Черна, В. С. Рудь, Д.В. Киосак, Комплексные исследования оборонительных сооружений, производственных комплексов и остатков построек на трипольском поселении у села Небелевка. Stratum plus 2, 2015, 147-170.

Відейко 2004: М.Ю. Відейко, Про характер та обсяги виробництва глиняного посуду в трипільських протомістах. Український керамологічний журнал 1, 2004, 30-36.

Відейко и др. 2015: М.Ю. Відейко, Й. Мюллєр, Н.Б. Бурдо, Р. Хофманн, С. Черна, Дослідження у центральній частині Майданецького. Археологія 1, 2015, 71-78.

Дяченко 2016: А. Дяченко, Площадки трипольских поселений Новомалин-Подобанка и Курганы-Дубова на Западной Волыни. In: A. Diaczenko, D. Król, F. Kyrylenko, M. Rybicka, D. Wertelecki, Nowomalin-Podobanka I Kurgany-Dubowa. Osiedla kultury trypolskiei na zachodnim Wołyniu (Rzesów: Uniwersytet Rzesowski 2016), 19-33.

Мовша 1971: Т.Г. Мовша, Гончарный центр трипольской культуры на Днестре. СА 3, 1971, 228-234.

Позіховський 2016: О. Позіховський, Енеолітичний гончарний горн в Острозі (попереднє повідомлення). В сб.: (Ред. М. Манько, М. Данилюк, С. Позіховська) Острозький науковий збірник. Ювілейне видання до 100-річчя відкриття музею в Острозі. 1916 - 11(24) серпня 2016 (Острог: Історико-краєзнавчий музей 2016), 98-105.

Позіховський, Самолюк 2008: О.Л. Позіховський, В.О. Самолюк, Енеолітичний кремаційний могильник в околицях Острога на Західній Волині. Археологія 1, 2008, 28-41.

Черна, Рассманн, Рудь 2017: С.В. Черна, К. Рассманн, В.С. Рудь, Гончарный горн с позднетрипольского поселения Столничень I (Единецкий район, Республика Молдова) и производство керамики к востоку от Карпат в IV тысячелетии до н. э. Stratum plus 2, 2017, 301-330.

Alaiba 2007: R. Alaiba, Complexul cultural Cucuteni-Tripolie. Meşteşugul olăritului (Iaşi: Editura Junimea 2007)

Belfiore et al. 2007: C.M. Belfiore, P.M. Day, A. Hein, V. Kilikoglou, V. La Rosa, P. Mazzoleni, A. Pezzino, Petrographic and Chemical Characterization of Pottery Production of the Late Minoan I Kiln at Haghia Triada, Crete. Archaeometry 49/4, 2007, 621-653.

Chapman 2017: J. Chapman, The Standard Model, the Maximalists and the Minimalists: New Interpretations of Trypillia Mega-Sites. Journal World Prehistory 30(3), 2017, 221-237.

Hadaczek 1914: K. Hadaczek, Osada przemyslowa w Koszylowcach z epoki eneolitu: Studia do poczatkow cywilizacyi w polud.-wschod. Europie (Lwow: T.P.N.P. 1914).

Korvin-Piotrovskiy et al. 2016: A. Korvin-Piotrovskiy, R. Hofmann, K. Rassmann, M. Videiko, L. Brandstatter, Pottery Kilns in Trypillian Settlements. Tracing the Division of Labour and the Social Organization of Copper Age Communities. In: (Eds. J. Muller, M. Videiko, K. Rassmann) Trypillia-Megasites and European Prehistory (London and New York 2016), 221-252.

Król, Rybicka 2016: D. Król, M. Rybicka, Krytyka datowań radiowęglowych. In: A. Diaczenko, D. Król, F. Kyrylenko, M. Rybicka, D. Wertelecki, Nowomalin-Podobanka I Kurgany-Dubowa. Osiedla kultury trypolskiei na zachodnim Wołyniu (Rzesów: Uniwersytet Rzesowski 2016), 119-124.

Rybicka 2017: M. Rybicka, Kultura Trypolska – kultura Pucharów Lejkowatych. Natężenie kintaktów i ich chronologia (Rzesów: Uniwersytet Rzesowski 2017).

Shaw et al. 2001: W. Shaw, A. Van de Moortel, P. Day, V. Kilikoglu, LM IA Ceramic Kiln in South - central Crete: Function and Pottery Production. In: Hesperia Supplement 30, 2001, 1-268.

Tencariu 2009: F-A. Tencariu, Instalaţii de ardere a ceramicii în civilizaţiile pre- şi protoistorice de pe teritoriul României (Iaşi 2009).

Cuptoare de ars ceramică cu mai multe canale în cultura Tripolie şi dezvoltarea olăritului

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Tripolie, cuptor cu canale, ceramică.

Rezumat: Cuptoarele de ars ceramică cu construcţie în două niveluri şi cu două canale au fost descoperite în aşezările complexului cultural Cucuteni-Tripolie încă din secolul XX. De la bun început, existenţa lor a fost considerată un indicator important al nivelului avansat de dezvoltare a olăritului. Cu toate acestea, timp îndelungat, astfel de instalaţii nu erau cunoscute în aşezările culturii Tripolie de la est de Nistru. Doar prezenţa aici a unei mari cantităţi de ceramică pictată de calitate înaltă a indicat probabilitatea existenţei unor cuptoare de ars ceramică de o construcţie similară. Abia în 2013 aici s-au descoperit cuptoare de ars ceramică cu două niveluri. Cu

toate acestea, structura lor era diferită de cea a celor cunoscute anterior: aveau mai mult de două canale. S-a constatat că, în vederea aprovizionării cu ceramică a aşezărilor cucuteniene de mari dimensiuni, se apela la construcţii termotehnice mai sofisticate, cele mai apropiate analogii fiind aşa-numitele cuptoare minoice cu canale din epoca bronzului. Noile studii ne permit atât determinarea perioadei cât şi a ariei de distribuţie a cuptoarelor cu mai multe canale în cultura Tripolie între 4100-3400 a. Chr. Astfel, este posibilă reevaluarea nivelului de dezvoltare a meşteşugurilor în cultura Tripolie la sfârşitul mileniului V-IV a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta monumentelor culturii Tripolie cu descoperiri de cuptoare. 1 - Nebelivka; 2 - Maydanets; 3 - Talyanki; 4 - Dobrovody; 5 - Ostrog, 6 - Novomalin-Podobanka; 7 - Zhvanets (Lysaja Gora). Legenda. Cuptoare: a - cu mai multe canale; b - cu două canale.

Fig. 2. Cercetarea cuptorului de ars ceramică din aşezarea Nebelivka. 1 - Resturile cuptorului după curăţare şi groapa adiacentă; 2 - groapa adiacentă; 3 - un fragment din profilul gropii cu resturile cuptorului de ars ceramică şi alte descoperiri.

Fig. 3. Nebelivka, complexul cuptorului de ars ceramică, descoperiri. 1-5 - Fragmente de discuri ceramice pentru canale; 6-9 - fragmente ceramice deformate şi sudate.

Fig. 4. Cercetarea cuptorului de ars ceramică în aşezarea Nebelivka. 1 - Amplasarea resturilor cuptorului în faza iniţială a curăţării; 2 - resturile cuptorului după curăţarea parţială; 3 - profilul canalului cuptorului cu umplutura; 4 - un fragment dintr-o figurină şi un fragment de disc în umplutura canalului cuptorului; 5 - resturile cuptorului după curăţarea completă; 6 - reconstrucţia unui disc ceramic; 7, 8 - reconstrucţia folosirii discurilor pentru acoperirea canalelor.

Fig. 5. Maydanets, cercetarea resturilor cuptorului de ars ceramica şi a împrejurimilor sale. 1 - Resturile cuptorului (iniţial); 2 - groapa adiacentă camerei de ardere a ultimului cuptor; 3 - groapă opusă camerei de ardere a cuptorului din mijloc şi inferior (iniţial).

Fig. 6. Maidanets, cercetarea resturilor cuptorului de ars ceramica. 1 - Imaginea ultimului cuptor după prima curăţare; 2 - imaginea ultimului cuptor după curăţarea canalelor dinspre camera de ardere; 3 - resturile cuptorului orizontului mijlociu; 4 - curăţarea resturilor primului cuptor; 5 - resturile primului cuptor; 6 - ceramica din suporturile cuptorului iniţial; 7 - un fragment din resturile cuptorului iniţial (a - lipitura pereţilor gropii; b - suprafaţa în regiunea camerei de ardere; c - suprafaţa din regiunea camerei de ardere a ultimului cuptor).

Fig. 7. Cercetare cuptorului cu mai multe canale de la Ostrog, cercetările lui A. Pozikhovsky. 1, 2, 4 - imagini ale cuptorului după curăţare; 3 - profilul canalelor (după Позиховский 2016).

Fig. 8. Amplasarea cuptoarelor cu mai multe canale cercetate în aşezări (indicate pe planuri conform rezultatelor scanărilor geomagnetice): 1 - Nebelivka; 2 - Maydanets.

Fig. 9. Reconstrucţia unui posibil tip de cuptor de ars ceramică cu mai multe canale de la Nebelivka, cu o cupolă parţial demontată: a - canal; b - suportul/ peretele despărţitor; c - cupola; d - camera de ardere.

The channel kilns in Trypillia Culture and development of pottery

Keywords: Cucuteni-Trypillia, channel kilns, pottery.

Abstract: Pottery kilns of a two-level structure with two channels on the settlements of the cultural complex Cucuteni-Trypillia were discovered in the 20th century. From the very beginning, their existence was considered an important indicator of the high level of development of pottery producing. However, for a long time such heating structures were not known in the settlements of Trypillia culture located east of the Dniester. Only the presence of finds of a large number of high-quality painted ceramics here indicated the probability of the existence of pottery furnaces of a similar design. Only in 2013 pottery kilns were investigated at megasites located here. However, their construction was different from the previously known ones: they had more than two channels. It turned out that the provision of the most thermally sophisticated thermal engineering devices, the closest analogues to them – the so-called Minoyan channel kilns from Bronze Age (near 1700-1200 BC). New research allows us to determine both the time and the territory of the distribution of multichannel kilns in Trypillia Culture between 4100-3400 BC which covered a large area. Thus, an opportunity is given to re-evaluate the level of craft development in the Trypillia Culture between 4100-3400 BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Map with the finds of pottery kilns. 1 - Nebelivka; 2 - Maidanetske; 3 - Talianky; 4 - Dobrovody; 5 - Ostrog; 6 - Novomalyn-Podobanka; 7 - Zhvanets (Lysa Gora). Map symbols. Kilns: a - multichannel; b – two-channel.

Fig. 2. Investigations of the pottery kiln at Nebelivka. 1 - Remains of the kiln and pit near it; 2 - pit near the kiln; 3 - fragment of the pit profile with remains of the kiln constructions and other finds.

Fig. 3. Nebelivka, finds from pottery kiln area. 1-5 - Fragments of the ceramic discs for covering of channels; 6-9 - fragments of discs with baked fragments of pottery.

Fig. 4. Investigations of pottery kiln at Nebelivka. 1 - Location of kiln remains at the beginning; 2 - remains of the kiln partly cleaned; 3 - profile of the kiln channel with finds; 4 - fragment of figurine and tablet inside the channel; 5 - remains of the kiln after cleaning; 6 - reconstruction of ceramic disc; 7-8 - using of ceramic discs for covering of the channels.

Fig. 5. Maidanetske, investigations of the kiln remains and area around. 1 - Remains of the first kiln; 2 - the pit opposite to the last kiln; 3 - pit opposite to middle and the first kilns.

Fig. 6. Maidanetske, investigations of remains of the pottery kiln. 1 - The last kiln after the first cleaning; 2 - the last kiln after cleaning of the channels; 3 - remains of the middle horizon kiln; 4 - remains of the first kiln in process of investigations; 5 - remains of the first kiln; 6 - pottery in construction of the first kiln; 7 - parts of the first kiln (a - burnt clay walls of the first kiln; b - surface of the first kiln fire chamber; c - surface opposite the last kiln fire chamber).

Fig. 7. Investigations of multichannel kiln at Ostrog by O. Pozikhovsky. 1, 2, 4 - Remains of kiln after cleaning; 3 - profile of channels (after: Pozikhovsky 2016).

Fig. 8. Location of kilns of Trypillia Culture, marked on magnetic survey plans: 1 - Nebelivka; 2 - Maidanetske.

Fig. 9. Reconstruction of multichannel kiln from Nebelivka with partly removed dome: a - channel; b - support-partition wall; c - dome; d - fire chamber.

28.02.2019

Д-р хаб. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-8708-0749, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЯСЛА КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА ТРИПОЛЬЕ-КУКУТЕНЬ

Наталия Бурдо

Ключевые слова: прясла, Триполье CII, ранний бронзовый век, орнамент, пиктографические знаки, ритуальные предметы.

Керамические прясла трипольской культуры (Бурдо 2004c) не привлекали особого внимания исследователей, хотя для памятников позднего Триполья это довольно распространенная категория находок. Массовость – причем в ряде случаев превышающая производственные потребности, наличие на пряслицах не только орнаментации, но пиктографических знаков позволяют усомниться в исключительно утилитарном назначении этих предметов. Для периода Триполье CII к настоящему времени нами учтено 677 таких изделий. Контекст их находок, распространение в локально-хронологических группах, типология, орнаментация, аспекты использования, а также инокультурные связи рассмотрены в настоящей работе.

На поселениях Триполья BII и CI прясла обнаруживают очень редко, они лишены декора, что свидетельствует об их чисто утилитарном использовании. В то же время находки отпечатков тканей и грузил-оттяжек вертикального ткацкого станка, типичные для этих периодов Триполья, достоверно свидетельствует о ткачестве и, соответственно, изготовлении нитей для получения текстиля (Бурдо 2004b). С одинаковой долей вероятности можно предположить разные варианты объяснения отсутствия массовых находок прясел на этапе Триполья BII и CI. Прядение осуществлялось без прясел (такой способ известен, но больше характерен для очень архаических традиций), прясло входило в конструкцию деревянного веретена или было деревянным (что характерно для современности), или прясла не были предметами, оставляемыми жителями поселений в жилищах или ямах.

Распространение прясел

Ситуация с пряслами кардинально меняется с началом позднего Триполья. На поселениях раннего этапа позднего Триполья (CII1) типичные позднетрипольские прясла находят на поселениях всех локально-хронологических групп (табл. 1). На этом этапе прясла единичны для типа Колодяжин, кошиловецкой и начальных ступеней косеновской групп, но широко представлены в брынзенской и трояновской.

В памятниках всех локально-хронологических групп позднего этапа позднего Триполья (CII2) находки прясел присутствуют почти всегда, а их количество часто зависит от вскрытой на памятнике площади. К сожалению, данные о находках прясел в публикациях обычно неполные. Всего удалось собрать сведения о **677** пряслах из 51 памятника Триполья CII (рис. 1).

Контекстный анализ нахождения прясел

На этапе Триполья CII прясла известны для всех категорий памятников: поселений, могильников и святилищ. Единичные экземпляры прясел найдены в слоях пещеры Вертеба, относящихся к касперовской/гординештской локально-хронологической группе (Сохацкий 2003, рис. 7/9-13). Прясла использовали как погребальный инвентарь в выхватинском могильнике и некрополях с кремациями, относящимися к софиевской локально-хронологической группе. В выхватинском могильнике прясла единичны. В погребении 7 (2/51) (Дергачев, Манзура 1991, 22, 226, рис. 5/5-32), принадлежавшем мужчине 60-65 лет, кроме конического прясла, орнаментированного наколами, найден следующий погребальный инвентарь: расписная амфора; сосуд со шнуровым орнаментом; три мисочки из массы с примесью раковины, в одной из мисочек – створка раковины беззубки с отверстием; среди фрагментов двух других мисочек находились кремневая пластина (вкладыш серпа), отщеп, 2 кабаньих клыка.

Таблица 1

Поселения Триполья CII с находками прясел

Локально-хронологические группы Триполья CII1 (ранний этап)						
Кошиловецкая	**Тип Колодяжин**	**Брынзенская**	**Брынзенская Западная Волынь**	**Трояновская**	**Трояновская Западная Волынь**	**Косеновская**
Кошиловцы	Колодяжин	Жванец-Щовб Бернашевка Стена Гримячка	Хорив-Пидлужжя Новомалин-Подобанка	Троянов Райки Паволоч Войцеховка Лозы	Корживка-Баштан Макаривцы-Степь Хорив Костянец-Горбы Нараив-Бродки Нараив 3 Мирогоща Курганы Дубова Костянець-Листвинщина	Шарин

Локально-хронологические группы Триполья CII2 (поздний этап)					
Выхватинская	**Хородиштя-Ербичень**	**Гординештская**	**Гординештская Западная Волынь**	**Городская**	**Софиевская**[1]
Выхватинский могильник	Хордиштя Ербичень Тырпешть Извоаре Кырничень Синешть Цигэнашь	Гординешть Цвикловцы Волчанец Звенячин Поливанов Яр I 2 Вертеба Печера Сандраки Годашивка II	Голышив Листвин Могиляни-Помирки Костянец-Горбы	Городск Новая Чорторыя	ул. Кирилловская Евминка Казаровичи Подгорцы 1 Сырец 1 Бортничи Крушинка Софиевский могильник Чернинский могильник Новые Безрадичи

Рядом с сосудами – группа кремневых орудий и заготовок: 4 пластины (3 с ретушью и заполировкой), массивная пластина с ретушью, кремневый топор-тесло; две костяные пластины с обломанными концами; обломок рогового орудия с отверстием; два острия из отростков рога оленя; костяное шило; две костяные проколки; острие костяного орудия; поворотный гарпун из рога оленя; роговая поделка (вероятно, часть мотыги).

В погребении 12 (5/52) (Дергачев, Манзура 1991, 23, 229, рис. 8/1-9), принадлежавшем девочке 8-9 лет, коническое неорнаментированное глиняное прясло лежало у локтевых суставов. Остальной инвентарь включал 2 расписных сосуда, 2 расписные миски, поставленные одна в другую, сосуд со шнуровым орнаментом, три статуэтки выхватинского типа. А вокруг шейных позвонков обнаружено 10 округлых бусин и подвеска из раковины Unio. Погребение 32 (24б/55) принадлежало ребенку 6-8 лет (Дергачев, Манзура 1991, 28, 235, рис. 14/3-7). Инвентарь этого погребения, кроме глиняного конического прясла, орнаментированного наколами, состоял из четырех сосудов из глины с примесью раковины, расписной амфорки, 5 кремневых отщепов. Таким образом, прясла происходят из мужского (!) и двух детских погребений выхватинского могильника.

В софиевском могильнике несколько прясел было собрано на поверхности (Videiko 1995, fig. 68/h-k). Коническое прясло с прочерченным декором было найдено среди пепла и пережженных костей захоронения № 93 (Videiko 1995, 95), другого инвентаря рядом не обнаружено. С захоронением № 94-95 связано орнаментированное прясло, находившееся вместе с пережженными костями в небольшом горшке. В составе инвентаря были также два сосуда и ножевидная кремневая пластина (Videiko 1995, 95-96, fig. 63/2). В могильнике софиевской локально-хронологической группы Чернин небольшое орнаментированное прясло было единственным погребальным даром в

[1] В.А. Дергачев включил в гординештскую группу Триполья CII памятники на обширной территории от поселений типа Хородиштя-Ербичень на западе до поселений в Буго-Днепровском междуречье. Однако более правильно рассматривать этот феномен как **гординештский хронологический горизонт финального этапа Триполья**, представленный памятниками нескольких культурных типов. К этому хронологическому горизонту относится Хородиштя-Ербичень, которую румынские исследователи позиционируют как пост-кукутенскую культуру переходного периода от энеолита к РБВ, гординештская группа в пределах Пруто-Днестровского региона, поселения Западной Волыни, Побужья и Буго-Днепровского междуречья. Гординештскому хронологическому горизонту отчасти соответствуют выхватинская, гординештская/касперовская, софиевская и городская локально-хронологические группы второй половины позднего Триполья.

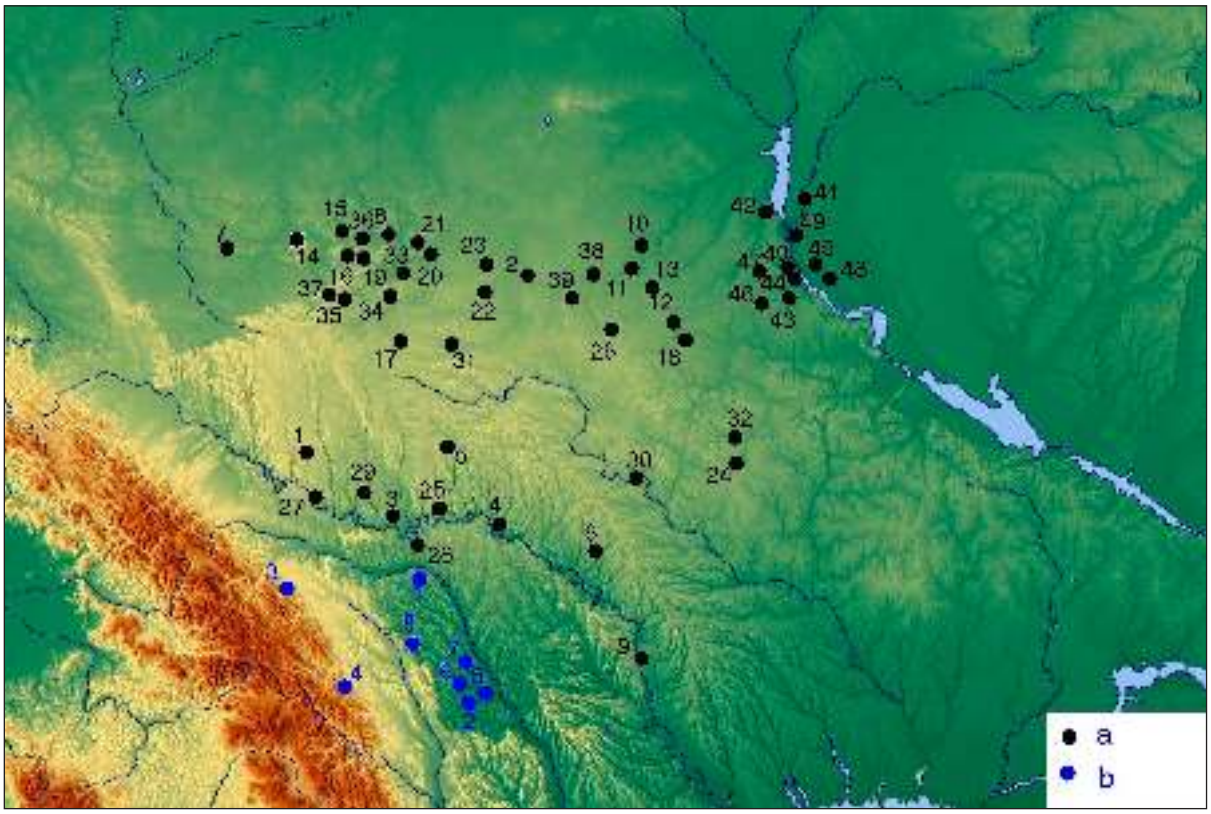


Рис. 1. Карата памятников Триполья С II и Городиштя-Эрбичень. **Кошиловецкая группа:** 1 - Кошиловцы; **тип Колодяжин:** 2 - Колодяжин; **Брынзенская группа:** 3 - Жванец-Щовб; 4 - Бернашовка (верхний слой); 5 - Гримячка; 6 - Стина 2; 7 - Хорив-Пидлужжя; 8 - Новомалин-Подобанка; **Выхватинская группа:** 9 - Выхватинцы; **Трояновская группа:** 10 - Троянов; 11 - Райки; 12 - Паволочь; 13 - Войцеховка; **Трояновская группа на Западной Волыни:** 14 - Хорив; 15 - Лози; 16 - Костянец-Лиственщина; 17 - Корживка-Баштан; 18 - Макаривци-Степь; 19 - Костянец-Горбы; 20 - Нараив-Бродки; 22 - Мирогощa; 23 - Кургани Дубова; **Косеновская группа:** 24 - Шарин; **Гординештский хронологический горизонт:** 25 - Цвикливци; 26 - Волчанец; 27 - Звенячин; 28 - Поливанов Яр I_2; 29 - Вертеба (верхний слой); 30 - Печера; 31 - Сандраки; 32 - Гордашивка II; **Гординештский хронологический горизонт на Западной Волыни:** 33 - Голышев; 34 - Листвин; 35 - Могиляны-Помирки; 36 - Костянец-Горбы; **Городская группа:** 38 - Городск; 39 - Нова Чартория; **Софиевская группа:** 40 - Кирилловская ул. (Киев); 41 - Евминка; 42 - Казаровичи; 43 - Пидгирци I; 44 - Сырец I; 45 - Бортичи; 46 - Крушинка; 47 - Новые Безрадичи; 48 - Софиевский могильник; 49 - Чернинский могильник; **Хородиштя-Ербичень:** 1 - Хородиштя; 2 - Ербичень; 3 - Тырпешть; 4 - Извоаре; 5- Кырничень; 6 - Синешть; 7 - Цигэнашь.

захоронении № 59 (Videiko 1995, 25, fig. 9/3). Использование прясел как погребального инвентаря в разного типа некрополях Триполья СII может свидетельствовать об их определенных культовых функциях.

Однако наиболее многочисленные коллекции прясел связаны с поселениями, где их находят в ямах, среди руин сожженных домов или в культурном слое. Среди остатков глиняных конструкций жилищ прясла находят вместе с фрагментами керамики и раздавленными сосудами, иногда вместе с оттяжками вертикального ткацкого станка, изделиями из камня, кости, рога. На поселении Троянов, где собрана самая большая для Триполья коллекция из 200 целых и фрагментированных прясел, они были обнаружены среди остатков сожженных построек или в углублениях (Белановская, Шмаглий 1959).

Более четырех десятков прясел происходит из раскопок остатков построек на поселении Городск (Петров 1940, фото 1; Кричевский 1940, 416-419, фото 55-59). На поселении Сандраки в раскопе площадью в 120 м² среди остатков сожженного дома выявлено 60 прясел (Лагодовська 1956, 126-127, табл. I/16-19).

На поселении Паволочь (Макаревич 1952, 100, табл. II/6-17) во время раскопок остатков одного жилища и в разведывательных траншеях выявлено 76 прясел. В аналогичном контексте найдены прясла в Райках (Видейко 2004a, 440). На поселении Шарин более 30 прясел обнаружено среди остатков двух сожженных глинобитных жилищ, а также в углублениях-котлованах, где они находились вместе с фрагментами керамики, оттяжками ткацкого станка, зооморфными и антропоморфными фигурками, жетонами (Куштан 2015, 429, 437). При раскопках поселения Жванец- Лысая Гора (Якубенко 2004, 165) прясла найдены в скоплении культурных остатков.

Прясла обнаружены при раскопках большинства поселений Среднего Приднепровья (Бурдо 2018a). В неопубликованной рукописи В. Хвойки указано, что во время раскопок в 1894 году на ул. Кирилловский в Киеве найдены прясла, в том числе изготовленные из глины с примесью измельченных ракушек. Они происходят из культурного слоя, заполнение которого включало фрагменты керамики, обломки кремня, изделия из камня, кости животных, куски обожженной до красного цвета глины, в том числе и с отпечатками прутьев и кольев, пепел, угольки. Единичные экземпляры прясел, а также их обломки найдены В. Хвойкой во время раскопок углублений №№ 15, 17, 18, 26 вместе с фрагментами керамики, раздавленными сосудами, изделиями из кости, рога, камня, кремня, костями животных и рыб, скоплениями обожженной глины в сопровождении пепла и угольков (Хвойка 1901, 759-760). Два прясла были найдены В. Хвойкой также при раскопках усадьбы Святославского в пункте № 5. Здесь был обнаружен культурный слой, содержащий много комьев обожженной глины, фрагменты керамики, кости животных, птиц, рыб, ракушки, 54 изделия из кремня, 12 костяных предметов. Такой же был контекст находки одного прясла в пункте № 6 (Хвойка 1901, 766-767).

В Бортничах, где представлены материалы как Триполья CI, выявленные в раковинной куче (Амбургер, Білановська 1956, 115, табл. II/10-11), так и Триполья CII, что было не замечено В.А. Дергачевым (Дергачев 1980, рис. 35/1) и В.А. Круцом (Круц 1977, рис. 54/13, 15), были найдены в куче ракушек два прясла диаметрами 1,8 м и 1,6 м и толщиной 0,5 м в сопровождении фрагментов керамики Софиевской группы, обломков костей животных и птиц, чешуи рыб и древесных угольков (Амбургер, Білановська 1956, 117).

В Подгорцах 1 (ур. Винница) в скоплении культурных остатков из фрагментов керамики, костей животных и рыб, створок раковин были найдены и прясла. На поселении Сырец 1 одно целое прясло и две половинки (Захарук 1956a, табл. I/11, 13, 14) были найдены в яме. Находки в ямах образовывали определенные скопления на разных глубинах. Здесь обнаружены фрагменты керамики, кремневые изделия, обломки камней, грузила от вертикального ткацкого станка, кости животных, рыбья чешуя, отдельные куски обожженной глины, медная бусина и фрагмент антропоморфной статуэтки. Это один из случаев комплексного нахождения керамических предметов текстильного производства – оттяжек ткацкого станка и прясел. В углу треугольной в плане ямы обнаружено скопление обожженной глины в виде крупных блоков, а также пятно желтой необожженной глины. По мнению Ю.М. Захарука, необожженная глина могла быть остатками печи, комплекс из двух расположенных рядом ям может рассматриваться как остатки землянки (Захарук 1956b, 111-112). Однако, характер заполнения описанных ям позволяет предполагать, что они имели культовый характер и были использованы для захоронения остатков жертвоприношений и остатков сожженного глинобитного дома. Подобного типа ямы характерны для поселений Триполья разных этапов (Бурдо, Видейко 2016, 175-192).

В Новых Безрадичах биконическое округлое прясло позднетрипольского типа было обнаружено в культурном слое с материалами коломийщинской группы этапа Триполья BII (Шапошникова 1953, табл. II/8). На поселении Евминка-Узвоз во время раскопок М. Макаренко культурного слоя и углубленных объектов найдено 14 прясел (Якубенко, Кириленко 2015, 461, рис. 12), из раскопок В. Круца – 3 (Круц 1977, рис. 42/8-10).

Анализ археологического контекста находок прясел на поселениях позднего Триполья позволяет установить, что они обнаружены в скоплениях находок в культурном слое и в

ямах, которые трактуют как мусорные или жилища-землянки. Однако, описанный характер как скоплений в культурном слое, как и заполнения ям позволяет интерпретировать их как культовые объекты, куда сбрасывали остатки жертвоприношений – то есть, по определению Б.А. Рыбакова для зольников бронзового века, «священные свалки» (Рыбаков 1981, 306), которые были прототипами «культовых свалок, куда выносили весь «священный мусор» жители античных городов и поселений» (Русяева 2005, 174). Это позволяет предполагать определенное культовое значение прясел. Прясла использовали в магических обрядах и в жертвоприношениях, следы которых постоянно фиксируют трипольские объекты (Бурдо 2004а, 348-355). Прясла, найденные среди руин сожженных жилищ, вероятно, играли определенную роль в обряде оставления поселения, который практиковали трипольцы (Бурдо 2003).

Технологические особенности трипольских прясел

Керамические прясла изготовлены из высококачественной плотной глиняной массы, чаще всего соответствующей формовочной массе ведущих категорий керамических ансамблей конкретных поселений. Примеси могут быть различны, в основном это дресва, песок, измельченные раковины. Например, все три прясла с поселения Печера содержат примесь раковины. На днестровских поселениях прясла изготовляли как из той же отмученной глины, что и расписные сосуды, так и из глины с минеральными примесями. При этом различные формовочные массы иногда использовали параллельно.

Прясла формовали из комка глины, в сыром изделии делали отверстие для насаживания его на веретено, заглаживали поверхность, а также наносили углубленный декор. Обжиг прясел в основном хороший, равномерный, сильный, как окислительный, так и восстановительный.

Размеры прясел более или менее стандартные, колеблются в диапазоне от 3 см (маленькие) до 5,5 см (большие) в диаметре, весом, соответственно, от 23 г до 45 г. Прясла использовали как часть веретена, но их утилитарные функции не могут объяснить такого большого количества этих изделий, а также характерный для них символичный декор.

Морфологические характеристики трипольских прясел

Форма прясел непосредственно никак не влияет на их производственные качества. Важен только вес, зависящий от свойств волокон, из которых изготавливают пряжу. Формы трипольских прясел разнообразны, причем в одном объекте находят очень разнообразные по форме изделия. Очевидно, форма прясел не была стандартизована. Такие же морфологические особенности характерны и для прясел многих культур финала энеолита – раннего бронзового века (РБВ), на которых они распространены.

Разнообразие форм прясел можно свести к нескольким типам: конические, биконические, усечено-конические, луковичные (особенно распространенные формы), полусферические, дисковидные, с вогнутым основанием (рис. 7/5). Эти формально выделенные типы не создают каких-либо групп. Никакой закономерности по распространению прясел определенной формы и связи формы с декором не обнаружено.

Система орнаментации прясел Триполья-Кукутень

Большая часть трипольских прясел лишена какого-либо декора. Прясла с изображениями позднего Триполья, культур Хородиштя-Ербичень и воронковидных сосудов немногочисленны, составляют в больших коллекциях не более 15%.

При разнообразии профиля прясла в плане представляют собой диски. На них возможно выделить три орнаментальные зоны – две по обеим сторонам диска и третья – по краю (рис. 2/9). За очень редким исключением (рис. 2/10), изображение присутствует только на одной стороне трипольских прясел, обычно воспринимаемой как верхняя. Хотя в тех случаях, когда использованы конические прясла, на веретено они насажены вершиной конуса вниз (рис. 7/3). Таким образом, на большинстве изделий рисунок выполнен на нижней стороне, и при условии насадки их на веретено оказывается перевернутым. Прясла с изображением животных из Паволочи и Райков (рис.

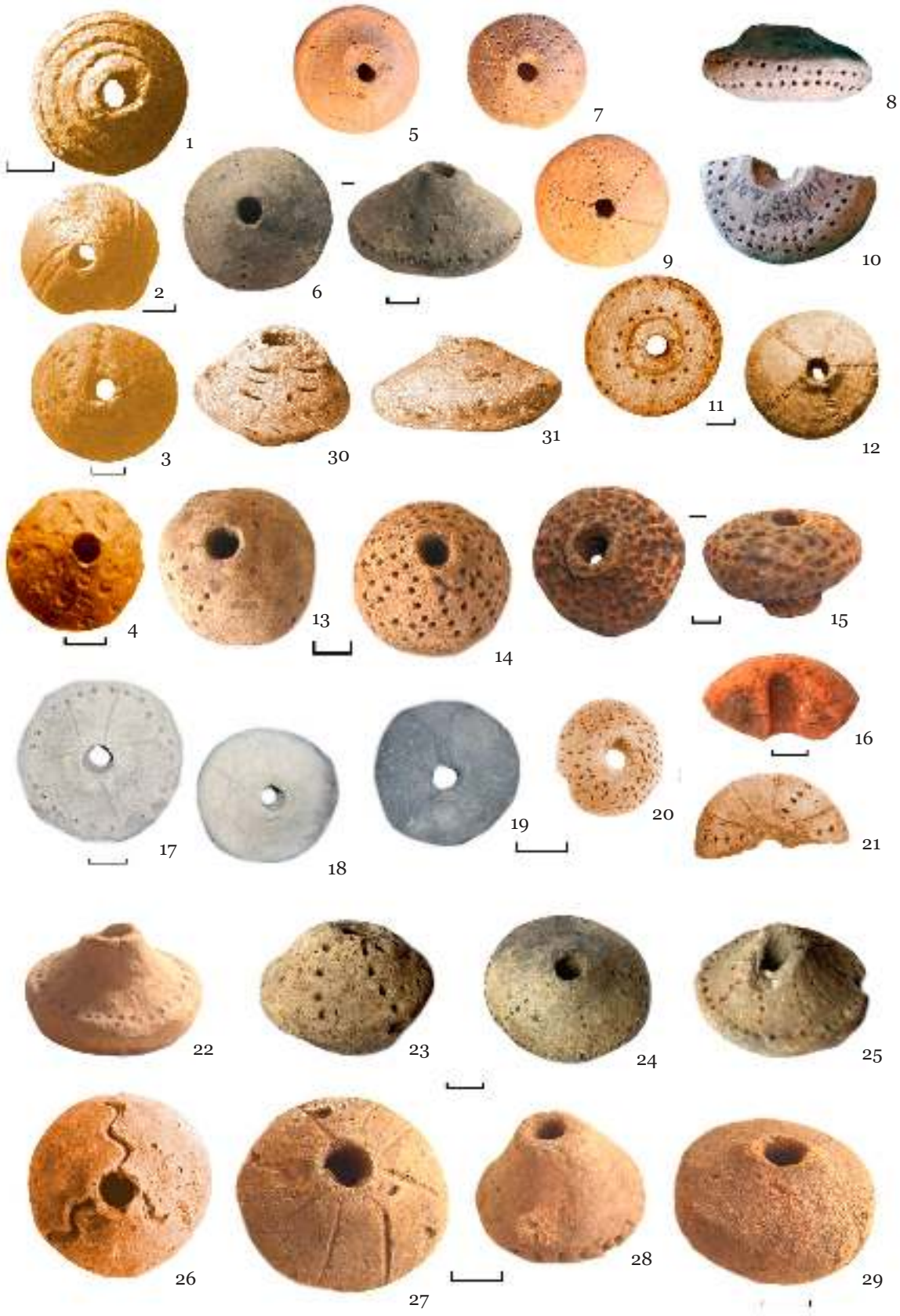


Рис. 2. Прясла Триполья С II. 1-4 - Кирилловские высоты (архивные фото); 5-12, 22 - Троянов (фонды ИА НАНУ); 13, 14 - Крушинка (разведки); 15, 16 - Казаровичи (фонды ИА НАНУ); 17-21 - Жванец (по Якубенко 2004, 165); 23-25 - Городск (по Бурдо 2004b, 417); 26-29 - Бортничи (Бурдо 2018, рис. 2, 23-26).

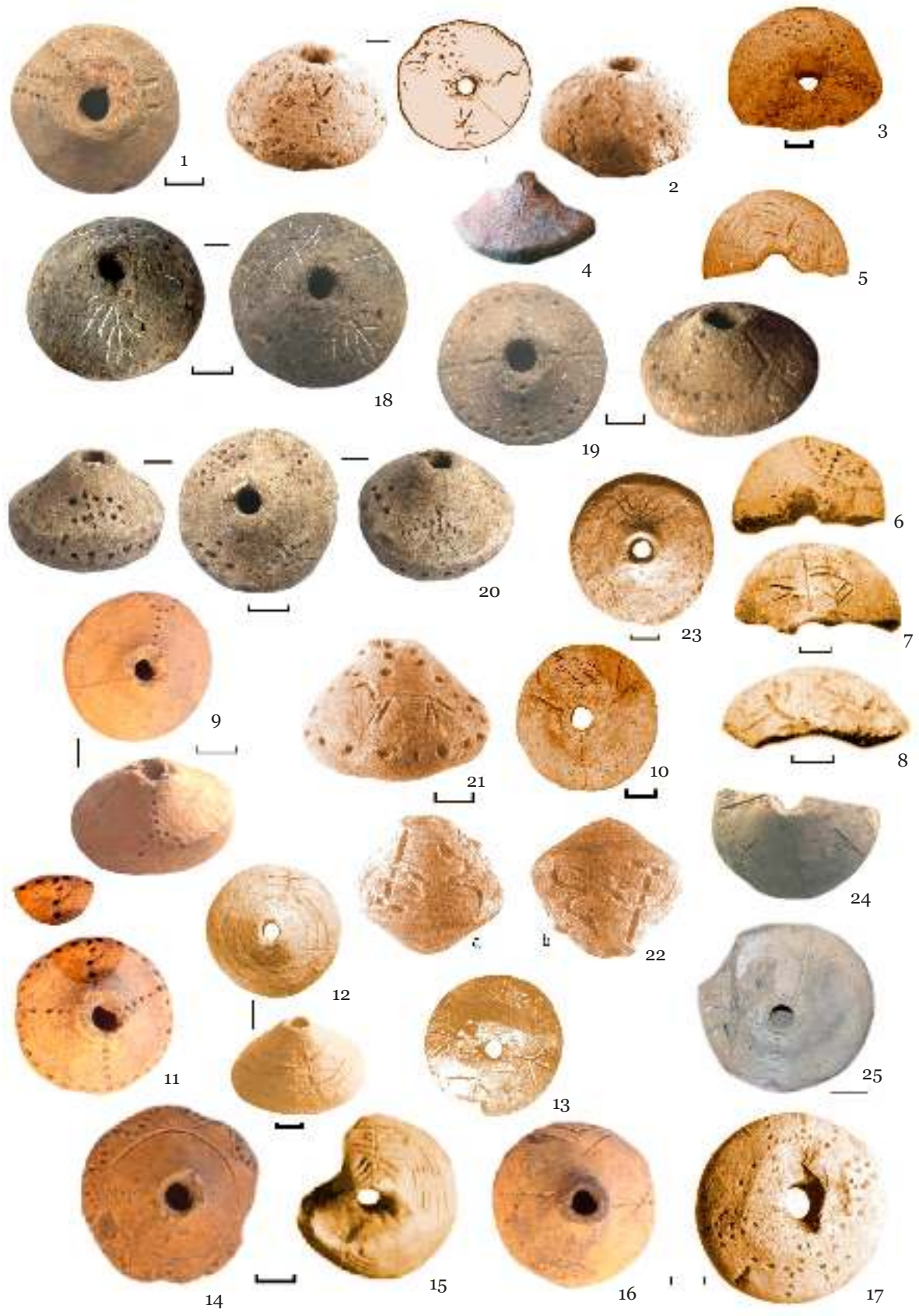


Рис. 3. Прясла Триполья С II с пиктографическими рисунками. 1 - Подгорцы I; 2 - Евминка (по Якубенко, Кириленко 2015, рис. 12/3); 3-19, 23 - Троянов (фонды ИА НАНУ; по Бурдо 2004, 438); 18-20 - Городск (фонды ИА НАНУ); 21-22 - Райки (архивное фото); 23-24 - Паволоч (фонды ИА НАНУ); 25 - Жванец (по Якубенко 2004, 165).

3/2; 4/23) свидетельствуют о том, что изображение расположено правильно, на пряслице, лежащем на плоскости, а не насаженном на веретено. Изображения на пряслах выполняли разными способами. Наиболее распространены линейные рисунки, выполненные по сырой глине тонкой заостренной палочкой или костью, иногда весьма небрежно. На некоторых пряслах прочерченные линии очень тонкие и аккуратные, возможно, они получены в результате работы тонким медным инструментом (рис. 2/8-19).

В некоторых случаях четко прослежено заполнение углубленных линий белой краской, нанесенной после обжига изделия и потому плохо сохранившейся (рис. 3/15). Распространены также прясла с овальными вдавлениями по краю, со штампованным декором. Чаше всего встречаются круглые ямки (рис. 2/4, 9, 23; 3/17, 20, 21), а также и наколы (рис. 3/3, 5-7, 20, 22, 24, 25), выполненные тонким острым инструментом. Редко встречаются отпечатки других штампов (рис. 2/3, 12), оттиски ногтя (рис. 2/30). На трех пряслах (рис. 2/1) декор выполнен оттиском шнура (веревочки), а в одном случае оттиском шнура (Пассек 1949, рис. 95/12), намотанного на палочку (гусеничка). Во многих случаях на пряслах в одном изображении сочетаются разные приемы декора: рисунки выполнены как прочерченными линиями, так и оттисками круглого штампа (рис. 2/17, 21; 3/9, 19, 23). Тонкие наколы и ямки на одном изделии не встречаются.

Орнаментальные схемы на пряслах рассмотрены в верхней проекции, они не зависят от способа декора. Орнаментальные композиции можно свести к нескольким схемам. *Радиальная схема* (рис. 6/1-3) состоит из лучей в виде прочерченной линии или ряда ямок/наколов, расходящихся от отверстия в центре пряслица (рис. 2/3, 9, 12, 17, 21, 26, 27; 3/9-11, 13, 16). Лучей может быть от 1 до 16. Для радиальной схемы характерно использование знака «растение» (рис. 3/4, 5, 15, 18; 5/3). Радиальная схема самая распространенная, она присутствует на пряслах всех локально-хронологических групп Триполья CII, а также культур Хородиштя-Ербичень (Dumitroaia 2000, fig. 25/10, 11; 43/11), воронковидных сосудов (Пелещишин 1990, рис. 10/20-23), Баден (Horváthová 2008, fig. 9/10, 11; Zastawny 2008, fig. 6), то есть отмечена для всех девяти рассматриваемых культурных группировок (рис. 6). Аналогичная орнаментация есть на дисках культуры Баден (Szmyt 2008, fig. 6/3).

Как вариант радиальной схемы можно рассматривать вихревую схему (рис. 2/2; 5/4), она редко встречается в орнаментации прясел Триполья CII. Аналогичная орнаментальная схема встречается на пряслах культуры воронковидных сосудов (Gumiński 1989, rys. 58/c). Отдаленное сходство с этой схемой представлено на прясле культуры Баден (Horváthová 2008, fig. 9/13).

Много прясел с довольно бедным декором, который сводится к глубоким вдавлениям по краю изделия, поэтому в плане прясло выглядит как диск с волнистым краем (рис. 6/5). Такие прясла также получили широкое распространение в Триполье CII, хотя и не известны на памятниках трояновской и городской локально-хронологических групп, а также в культуре воронковидных сосудов. Особенно характерны прясла с рифленым краем для культуры Хородиштя-Ербичень (Dumitroaia 2000, fig. 33/6, 8; 40/8-11; 43/9).

Радиальная схема орнамента, выполненного наколами, особенно характерна для прясел поселения культуры воронковидных сосудов Грудек-Надбужный, где связи с Трипольем CII засвидетельствованы многочисленными импортами расписной керамики (Gumiński 1989, rys. 40/53, 54, 58).

Кольцевая схема (рис. 6/6-8) менее распространенная. Чаще всего в соответствии с этой схемой отверстия в центре прясла или его края окружает линия из наколов (рис. 2/22; 3/12) или концентрические окружности. Кольцевая схема встречается на пряслах трояновской, софиевской, гординештской групп Триполья CII, редко в культуре Хородиштя-Ербичень (Dumitroaia 2000, fig. 40/5), Баден (Horváthová 2008, fig. 9/12). Радиальная и кольцевая схемы (рис. 6/9) могут быть объединены в одной орнаментальной композиции (рис. 2/25; 3/19).

Как особую орнаментальную схему можно рассматривать ямки/наколы, покрывающие всю поверхность прясла (рис. 2/14, 15, 20; 6/9). Такой декор характерен для софиевской локально-хронологической группы, а также присутствует в брынзенской и трояновской.

Особый интерес представляют единичные прясла с негативно-позитивным орнаментом в виде звездчатой розетки из треугольников (рис. 6/11). На прясле из Троянова звезда с девятью лучами образована девятью треугольниками (рис. 3/14). На прясле из Хорива звезда пятиконечная (рис. 6/12). На прясле из чернинского могильника пятилучевая звезда образована ромбами (Videiko 1995, fig. 9/3). Похожие орнаментальные схемы из звезд с четырнадцатью и шестью лучами известны на дисках культуры Баден (Szmyt 2008, fig. 6/1, 2).

Изображения пиктографического характера

Изображения на пряслах, не образующие ритмичные симметричные композиции, характерные для орнамента, можно рассматривать как пиктографические рисунки (Бурдо 2004b), состоящие из отдельных знаков (рис. 4/3). В этой группе изображений по характеру знаков условно выделено 9 типов пиктограмм (I-IX). Условность выделения групп обусловлена как фрагментарностью прясел, так и невозможностью сгруппировать их по единому принципу из-за разнообразия знаков и относительно небольшого количества прясел с пиктографическими рисунками – 40 экземпляров. Рисунки выполнены в линейной (прочерченными линиями) и/ или точечной (ямками-наколами) технике.

К типу I относятся рисунки с не поддающимися определению и не повторяющимися линейными знаками (рис. 4/1-3).

Рисунки типа II содержат знаки в форме неправильной формы креста или «рогульки» (рис. 4/4-7), или креста (рис. 4/8). Одна, три или четыре «рогульки» расположены по радиальной схеме. «Рогульки» можно трактовать как растительные символы, и как знак «оранты» – антропоморфной фигуры с поднятыми в молитвенном жесте руками.

К рисункам III типа относятся пиктограммы радиальной орнаментальной схемы с одним знаком «растение», «вырастающим» из центра к краям (рис. 4/9-14). В боковой проекции «растения» расположены в правильном положении, если прясло насажено на веретено. Если же прясло положено на горизонтальную плоскость, растения перевернуты. Именно такое положение растений подтверждается изображением на прясле с поселения Паволочь, на рисунке которого радиальная схема из четырех «растений» сочетается с зооморфной фигурой (рис. 4/23).

На рисунках IV типа в той же радиальной схеме присутствует два «растения». На одном изображении два «растения» дополняют два луча из точек по 4 и 5 в каждом, а композиция окружена двумя дугами из точек. Число точек в каждом секторе неодинаковое: 4, 6, 5, 3 (рис. 4/15). На другом пряслице рисунок из «растений» сочетается с двузубой «рогулькой», образующий третий луч, а на месте четвертого луча сохранились лишь две едва заметные черточки, вероятно, изображение не полное (рис. 4/16). На третьем прясле с рисунком, отнесенным к IV типу, «растение» формально близко к знаку «рогульки» на рисунках II типа и сопровождается лучом из пяти продолговатых ямок (рис. 4/17). Возможно, «рогулек» было три, а не две.

Изображения V типа радиальные, состоят из четырех крестообразно размещенных растений (рис. 4/18-21). На одном прясле из центра «вырастает» три «растения» в окружности из точек. Кроме того, лучи из 3-х и 4-х точек проходят между двумя «растениями» (рис. 4/22).

К VI типу отнесены рисунки радиальной схемы на пряслах из Паволочи (рис. 4/23) и Райков (рис. 4/24) с профильными фигурками животных, схожих по очертаниям, но не идентичных. На прясле из Паволочи четыре схематичных фигуры животных изображены в секторах, образованных крестообразно расположенными вверх корнями (перевернутыми с точки зрения фигуры животного) «растениями». На прясле из Райков (рис. 3/21) животное расположено в одном из четырех секторов, образованных как бы вращающимися против часовой стрелки четырьмя лучами из ямок (три луча по 4 ямки и один – из 5-ти). Композицию в плане завершает окружность из ямок. Кроме того, 2 ямки расположены над передней частью животного. Несмотря на схематизм рисунка, четко обозначены четыре длинные ноги, голова и длинный хвост животного. Больше всего этот силуэт напоминает лошадь, но достоверно идентифицировать животное затруднительно.

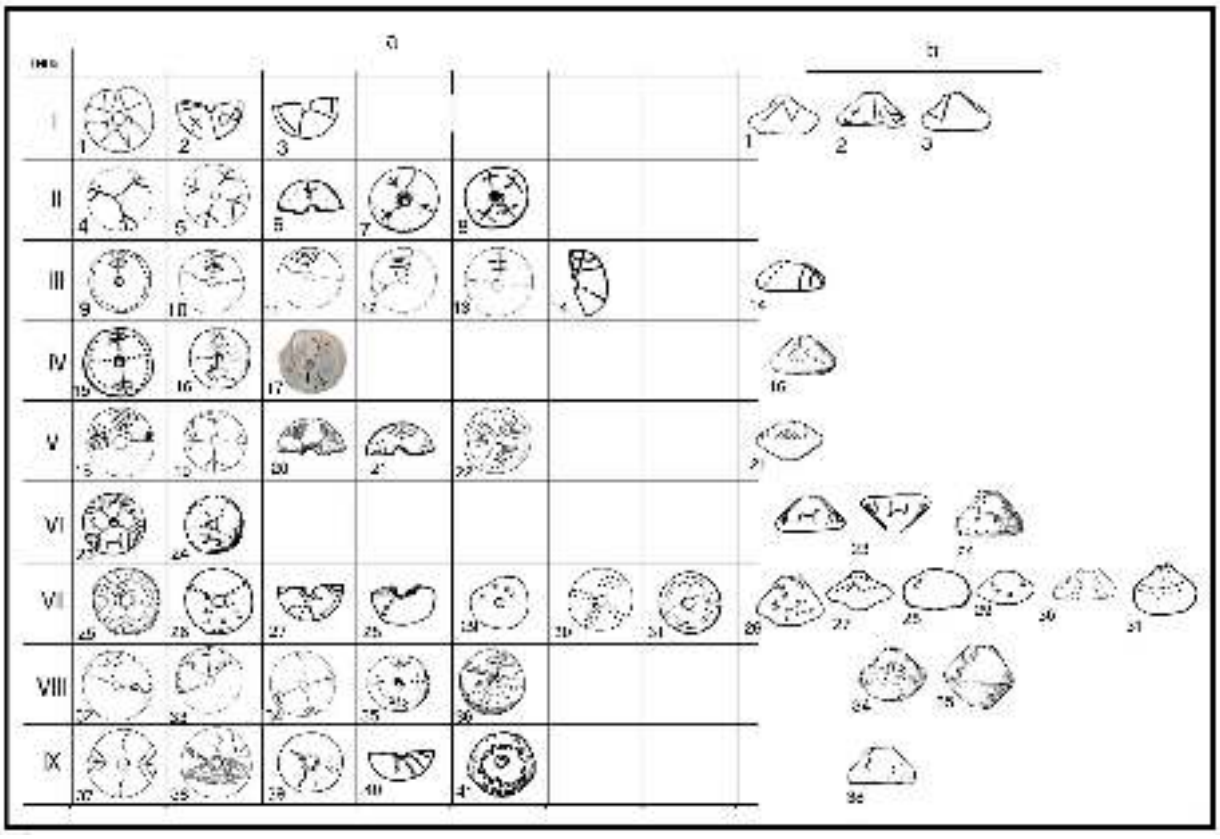


Рис. 4. Основные типы рисунков и знаков пиктографического характера на пряслах Триполья С II. I - основные типы рисунков: II - основные знаки.

Пиктографические изображения VII типа выглядят как серии ямок или наколов, причем в некоторых рисунках трудно уловить какую-либо систему (рис. 3/17, 20). Среди них есть рисунки с четкой радиальной схемой (рис. 4/26, 30, 31), в которой присутствуют группы ямок (от 3 до 12), а также композиции, сочетающие кольцевую и радиальную схемы (рис. 4/31). В некоторых случаях ямками обозначены знаки, напоминающие «растения» и «оранту» в линейной технике (рис. 4/ 25, 27), или они расположены крестообразно (рис. 4/34).

К типу VIII отнесены рисунки со знаком, условно обозначенным названием «оранта». Знак воспроизведен в линейной (рис. 3/8, 11, 23; 4/33, 35, 36), в штамповой (рис. 3/6; 4/32, 34) или смешанной (рис. 3/20) технике.

Главным признаком для рисунков IX типа является изображения зигзага, расположенные радиально, а в одном случае в виде окружности (рис. 4/41). Зафиксировано изображение в одной композиции одного (рис. 3/2; 4/I, 38-39) или двух зигзагов (рис. 4/37). Только в одном случае четыре зигзага без сопровождения других знаков, но прясло фрагментарно (рис. 4/40). Зигзаг в радиальной орнаментальной схеме зафиксирован на прясле культуры Хородище-Ербичень (Dumitroaia 2000, fig. 25/11).

На пряслах Триполья СII четко можно выделить целый ряд знаков, не менее 9 (рис. 5). Наиболее часто встречающийся знак – «растение» (рис. 5/1-6). Реже встречается знак, условно названный «оранта» (рис. 5/7-9). «Рогулька» (рис. 5/10-11) и крест (рис. 5/12-14), зигзаг (рис. 5/15, 16), круг с точкой в центре – менее распространенные знаки. Животное-«конь» изображено на двух пряслах (рис. 5/18, 19), а «лабрис» – на одном.

Зафиксированы различные сочетания описанных выше знаков. Знак «растение» чаще всего не сопровождают другие знаки, в радиальной композиции отмечено от 1 до 4 «растений». Зафиксировано присутствие растения в одном рисунке с животным (рис. 4/23), зигзагом (рис. 4/37). Знак «оранта»

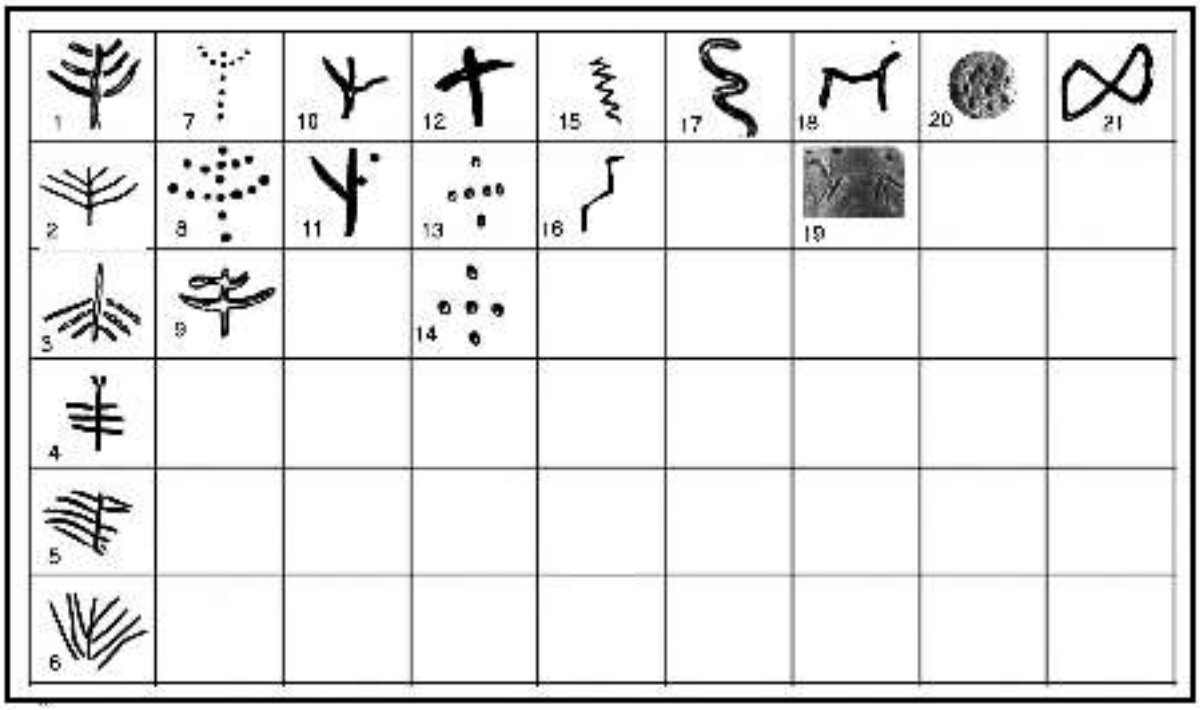


Рис. 5. Основные знаки на пряслах Триполья С II.

изображен вместе со знаками «дерево» (рис. 4/32, 34), «зигзаги» (рис. 4/33), «крест» (рис. 4/35), «змея» (рис. 4/36). Знак «рогулька» не встречен в сочетании с другими знаками (рис. 4/4-7). Зигзаг изображен вместе со знаком «оранта» (рис. 4/33), «растения» (рис. 4/37) и с группами ямок (рис. 4/38, 39). Знак животного в одном случае сочетается с четырьмя растениями (рис. 4/23), а в другом изображение не сопровождают знаки, оно помещено в радиальной композиции из ямок (рис. 4/24). Знак «лабриса» на половинке пряслица изображен вместе с крестом, тремя черточками и «растением» (?) (рис. 4/2).

Знаки на пряслах в целом не находят прямых аналогий в знаковой системе расписной керамики Триполья CI и CII (Ткачук 2005). Хотя достаточно близкие изображения «растений» известны на женских статуэтках (Бурдо 2004а, 390; Burdo 2014, fig. 21/12) и характерны для росписи керамики томашевской (Ткачук 2005, 52-56; Бурдо 2004а, 390) и косеновской (Бурдо 2004а, 415) локально-хронологических групп. Близкие знаки «растений» зафиксированы для керамики с прочерченным декором в финальных памятниках коломийщинской локально-хронологической группы Коломийщина I (Відейко 2004, 238), Рипница 1 и 6 (Відейко 2006, рис. 4/5, 6), Застугна 3 (Відейко 2018, рис. 11). Среди материалов культуры В.В. Хвойки (Черныш 1982, табл. LXXXIII/15) и в Коломийщине I (Пассек 1949, рис. 76/6; 77/4) представлены сосуды со знаком креста и изображением «растений», в том числе и перевернутых (Якубенко 2006, табл. XVI/1), а также сосуд с декором в виде скопления ямок (Якубенко 2006, табл. XVI/2), напоминающий орнаментальную схему некоторых позднетрипольских пряслиц.

На пряслах других культур финала энеолита и РБВ изображения пиктографического характера не зафиксированы, за исключением одного рисунка на прясле из Извоаре (Dumitroaia 2000, fig. 33/5).

Этнокультурный и сакральный аспект трипольских прясел

Широкое распространение прясел на этапе Триполья CII, их археологический контекст и символизм орнаментации позволяют предполагать не только или не столько утилитарное их использование, но и культовые функции.

Анализ морфологических и стилистических особенностей прясел позднего Триполья, а

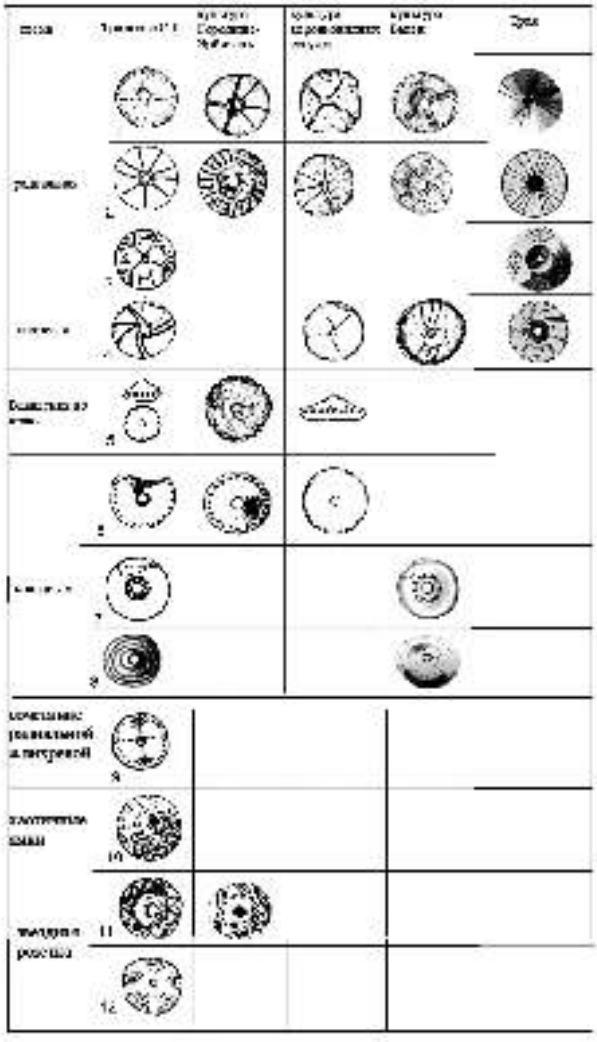


Рис. 6. Основные орнаментальные схемы на пряслах позднего Триполья, культур Хородиштя-Ербичень, воронковидных сосудов и Трои.

также присущей им знаковой системы и особых орнаментальных схем свидетельствует о том, что прясла как ритуальные предметы выступали маркерами позднетрипольской идентичности.

Не вызывает сомнения, что декор прясел выступал как некий культурный (этно-культурный) идентификатор для различных групп населения с родственными традициями в сакральной сфере. Большое количество находок прясел на трипольских памятниках не может быть объяснено их технологическими функциями. Контекст их нахождения, а также символический декор, особенно со знаками пиктографического характера, свидетельствует в пользу того, что прясла использовали в сакральной практике.

Сакрализация процесса прядения характерна для различных архаических и традиционных обществ. Особенно ярко это проявилось в мифологии греков и римлян в образе мифических сестер-прях, связанных с человеческими судьбами, известных под именами Мойры и Парки. Находки трипольских прясел свидетельствуют о том, что прообразы этих мифических существ уходят в глубокую древность земледельческих цивилизаций эпохи энеолита – РБВ.

Сравнительный анализ трипольских прясел: выводы

Общие для культур финала энеолита – РБВ и характерные только для позднетрипольской культуры особенности свидетельствуют о культурно-исторических контактах населения обширного Карпато-Днепровского региона. Отсутствие как массовых находок, так и орнаментальных мотивов прясел в памятниках предыдущих этапов Триполья-Кукутень заставляет искать истоки традиции широкого использования прясел в ритуальных целях в соседних культурах. Прясла – инновация в Триполье, истоки которой четко прослежены в культуре воронковидных сосудов. Однако изображения на пряслах культуры воронковидных сосудов стандартизованы и очень редко выходят за пределы радиальной схемы, выполненной наколами (Гавінський 2012; Пелещишин 1990). На этом фоне поражает разнообразие изобразительной традиции позднетрипольских прясел, которое по множеству вариаций орнаментальных схем и разнообразию использованных знаков можно сравнить только с пряслами из Трои (Schlimann 1881). Очевидно, импульс использования прясел в ритуалах, полученный извне, был основательно трансформирован в соответствии с собственно трипольскими сакральными традициями.

Особенно интересны установленные параллели в орнаментальных схемах на пряслах родственной Триполью CII культуры Хородиштя-Ербичень, а также таких культур Карпатского бассейна, как Баден, и в особенности воронковидных сосудов. Культурный облик большинства локально-хронологических групп позднего Триполья в значительной степени определяла баденизация, что особенно ярко проявилось в керамических ансамблях (Videiko 2008). В то же время широкое использование

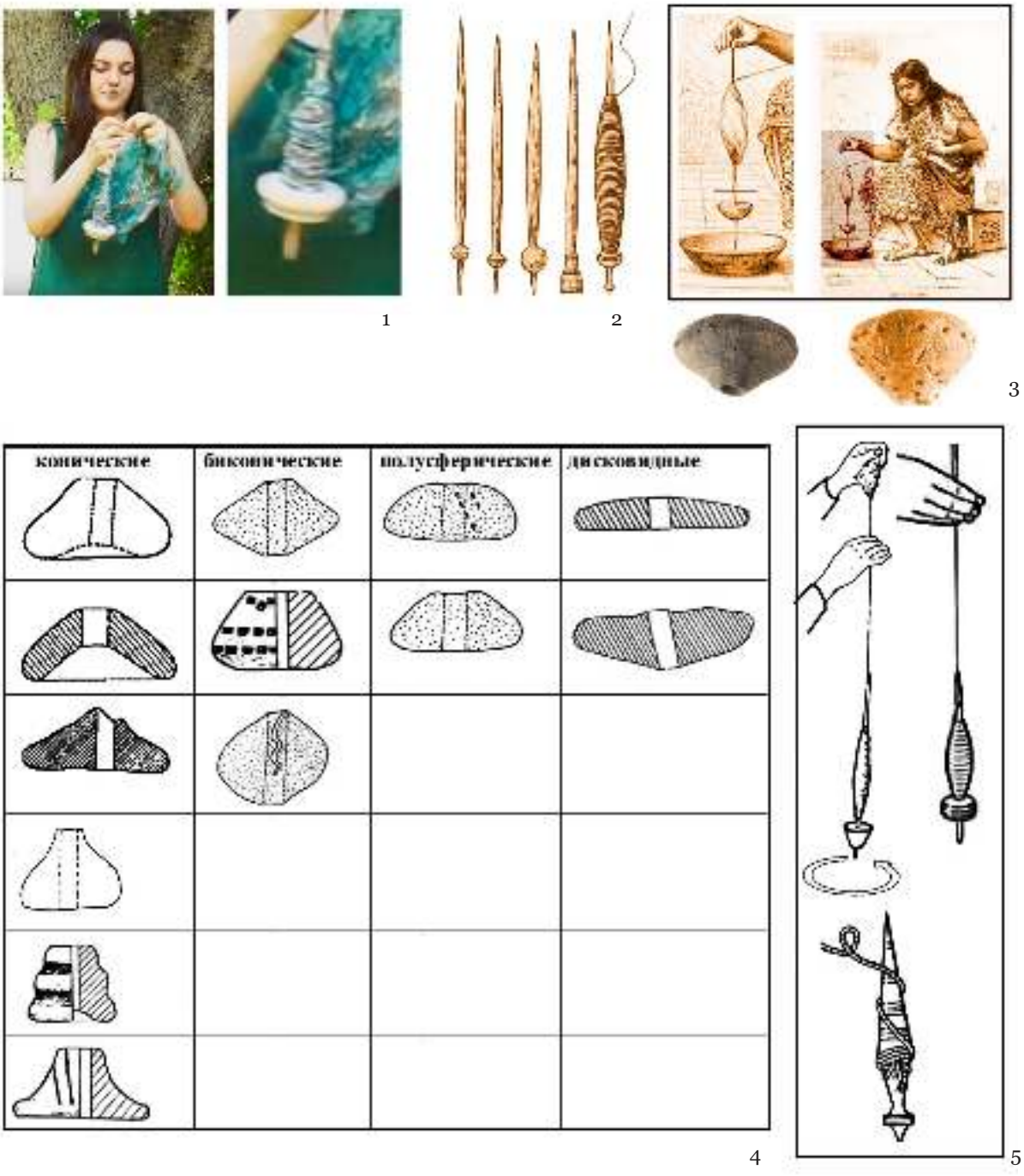


Рис. 7. Крепления пряслица на веретене и формы прясел: 1 - современный способ прядения; 2 - веретена с пряслами; 3 - использование веретена у майя; 4 - веретена и прясла; 5 - формы прясел.

прясел в ритуалах, а также их стилистические особенности прямо указывают на влияния главным образом традиций культуры воронковидных сосудов. Тесные связи этих двух культур зафиксированы взаимными импортами и подражаниями в керамике. Некоторые отдельные параллели можно провести со схемами орнамента на пряслах и дисках культур Баден и шаровидных амфор, но самое поразительное – это сходство изображений на пряслах Триполья CII и Трои (рис. 6).

Позднетрипольские прясла четко фиксируют новую идентичность финального этапа культурного комплекса Триполье-Кукутень и маркируют смену золотого века энеолита суровым РБВ.

Библиография

Амбургер, Білановська 1956: Н.П. Амбургер, Т.Д. Білановська, Пізньотрипільське поселення біля с. Бортничі. В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 6 (Київ 1956), 115-117.

Белановская, Шмаглий 1959: Т.Д. Белановская, Н.М. Шмаглий, Позднетрипольское поселение у с. Троянова Житомирской области. Краткие сообщения Института рахеологии АН УССР 8, 1959, 125-128.

Бурдо 2003: Н.Б. Бурдо, Сакральный аспект архитектуры трипольских протогородов. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ: Корвин-пресс 2003), 18-21.

Бурдо 2004a: Н.Б. Бурдо, Сакральний світ трипільської цивілізації. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 344-420.

Бурдо 2004b: Н.Б. Бурдо, Піктограма. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 417.

Бурдо 2004c: Н.Б. Бурдо, Прясельце. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 438.

Бурдо 2004d: Н.Б. Бурдо, Текстиль. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 515.

Бурдо 2018a: Н. Бурдо, Керамічні прясла з пізньотрипільських пам'яток Київщини. Переяславіка 13(15), 2018, 39-44.

Бурдо 2018b: Н.Б. Бурдо, Прясельця пізнього Трипілля — Троя(нів) та Троя. Археологія 4, 2018, 69-78.

Бурдо, Видейко 2016: Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко, «Погребенные дома» и ритуал сожжения поселений Кукутень-Триполья. В сб. (Ред. С. Черна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смысл. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры (Кишинев 2016), 175-192.

Вертилецький 2016a: Д. Вертилецький, Кераміка поселення Новомалін-Подобанка. In: A. Diaczenko, D. Król, F. Kyrylenko, M. Rybicka, D. Wertelecki, Nowomalin-Podobanka I Kurgany-Dubowa. Osiedla kultury trypolskiej na zachodnim Wołyniu (Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski 2016), 35-70.

Вертилецький 2016b: Д. Вертилецький, Кераміка познетрипільського горизонту з поселення Кургани-Дубова. In: A. Diaczenko, D. Król, F. Kyrylenko, M. Rybicka, D. Wertelecki, Nowomalin-Podobanka I Kurgany-Dubowa. Osiedla kultury trypolskiej na zachodnim Wołyniu (Rzesów: Uniwersytet Rzeszowski 2016), 71-100.

Вертилецький, Бардецький 2017: Д. Вертилецький, А. Бардецький, Нові пам'ятки трипільської культури з північно-західного краю Мізоцького кряжу на Волинській Височині. Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XXXVIII, 2017, 249-280.

Відейко 2004: М.Ю. Відейко, Коломийщина 1. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 238-240.

Відейко 2004a: М.Ю. Відейко, Райки. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 44-441.

Відейко 2006: М.Ю. Відейко, Матеріали із досліджень пам'яток трипільської культури на Київщині 2003-2005 років. В сб.: (Ред. Г.М. Моргун) Охорона культурної спадщини Київської області. Проблеми, матеріали, дослідження. Збірка наукових праць (Київ: Академперіодика 2006), 21-28.

Відейко 2018: М.М. Відейко, Археологічні розвідки в Обухівському районі у 2017 році. Переяславіка 13(15), 2018, 54-59.

Гавінський 2012: А. Гавінський, Пам'ятка культури лі частого посуду Винники-Лисівка: дослідження 1963 р. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 16, 2012, 431-447.

Дергачев, Манзура 1991: В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья (Кишинев: Штиинца 1991).

Захарук 1956a: Ю.М. Захарук, Поселения софійського типу в околицях Києва. В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 6 (Київ 1956), 111-114.

Захарук 1956b: Ю.М. Захарук, Пізньотрипільське поселення у верхів'ях р. Случі (Коротке повідомлення про розвідкові розкопки біля с. Нової Чорториї в 1949 р.). В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 6 (Київ 1956), 130-133.

Кричевський 1940: Є.Ю. Кричевський, Поселення в Городську: (Розвідкові розкопки 1937 р.). Трипільська культура 1, 1940, 383-451.

Круц 1977: В.А. Круц, Позднетрипольские племена Среднего Поднепровья (Киев: Наукова думка 1977).

Куштан 1977: Д.П. Куштан, Керамічний комплекс пізньотрипільського поселення Шарин III. В: Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірка наукових праць пам'яті Володимира Круца (Львів: «Астролябія» 2015), 429-431.

Лагодовська 1956: О.Ф. Лагодовська, Пізньотрипільське поселення біля с. Сандраки. В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 6 (Київ 1956), 118-129.

Макаревич 1952: М.Л. Макаревич, Трипільське поселення біля с. Паволочі. В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 4, 1952, 96-103.

Пассек 1949: Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поседений. Материалы и исследования по археологии СССР, 10 (Москва-Ленинград 1949), 1-248.

Пелещишин 1990: Н.А. Пелещишин, Племена культуры воронковидных сосудов. В сб.: (Ред. А.П. Черныш) Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и ранее железо) (Киев: Наукова думка 1990), 35-43.

Петров 1940: В.П. Петров, Поселення в Городську (Розвідкові розкопки 1936 р.). Трипільська культура 1, 1940, 339-379.

Рыбаков 1981: Б.А. Рыбаков, Язычество древних славян (Москва: Наука 1981).

Русяева 2005: А.С. Русяева, Религия понтийских эллинов (Киев: «Стилос» 2005).

Свешніков 1952: І.К. Свешніков, Розкопки в с. Костянець на полі Листвинщина. В: Археологічні пам'ятки Української РСР, 4, 1952, 131-139.

Сохацький 2003: М.П. Сохацький, Археологічні розкопки в печері Вертеба біля села Більче-Золоте в 1996-1998 роках. В сб.: (Ред. Д. Козак, О. Ситник) Археологія Тернопільщіни. Збірка наукових праць (Тернопіль 2003), 45-59.

Ткачук 2005: Т.М. Ткачук, Знакові системи трипільсько-кукутенської культурно-історичної спільності (мальований посуд), часть І (Вінниця: «Нова книга» 2005).

Хвойка 1901: В. Хвойка, Каменный век Среднего Приднепровья. В сб.: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году, том 1 (Москва 1901), 730-812.

Черныш 1982: Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В кн. (Ред. В.М. Массон) Энеолит СССР (Москва: Наука 1982), 166-347.

Шапошникова 1953: О.Г. Шапошникова, Пам'ятки неоліту та трипільської культури в районі Києва. Археологія VIII, 1953, 138-147.

Якубенко 2004: О.О. Якубенко, Жванець-Лиса Гора. В кн.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ: «Укрполіграфмедіа» 2004), 164-165.

Якубенко 2006: О.О. Якубенко, Колекції з розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, частина 2 (Київ 2006), 45-70.

Якубенко, Кириленко 2015: О.О. Якубенко, О. Кириленко, Керамічний комплекс пізньотрипільського поселення Євмінка 1 на Чернігівщині (із зібрання Національного музею історії України). В сб.: (Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров) Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірка наукових праць пам'яті Володимира Круца (Львів: «Астролябія» 2015), 441-462.

Burdo 2014: N.B. Burdo, Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of similarities and differences. In: (Eds. C.-E. Ursu, S. Terna) Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe (Suceava: Karl A. Romstorfer 2014), 303-364.

Dumitroaia 2000: G. Dumitroaia, Comunităţi preistorice din Nord-Estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu. In: Biblioteca Memoriale Antiquitatis, VII (Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra Neamţ 2000).

Gumiński 1989: W. Gumiński, Gródek Nadbużny osada kultury pucharów lejkowatych (Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1989).

Hadaczek 1914: K. Hadaczek, La colonie, industrielle de Koszylowce de L'epoque e neolithique: Album des fouilles (Leopol: KNTT 1914).

Horváthová 2008: E. Horváthová, About the Developmtnt of the Baden Culture in the Region of the Northern Tisza Rsver in Slovakia. In: (Eds.: M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny) Baden Complex and the Outside World. Studien zur Archaologie in Ostmitteleuropa, 4, 2008 (Bonn 2008), 111-130.

Kruts, Ryzhov 2000: V.A. Kruts, S.M. Ryzhov, Tripolye culture, in Volhynia (Gorodsk-Volhynian group). Baltic-Pontic Studies 9, 2000, 86-110.

Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.-C. Văleanu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică, BMA XIV (Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra Neamţ 2004).

Schlimann 1881: H. Schlimann, Ilios. Stadt und Land der Trojaner (Leipzig: Brockhaus 1881).

Szmyt 2008: M. Szmyt, Baden Patterns in the Milieu of Globular Amphorae: Transformation, Incorporation and Long Continuity. A case study from the Kujavia region, Polish Lowland. In: (Eds. M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny) Baden Complex and the Outside World. Studien zur Archaologie in Ostmitteleuropa, 4 (Bonn: Rudolf Habelt 2008), 217-231.

Videiko 1995: M.Yu. Videiko, Archaeological characteristics of the Sofievka-type cemeteries. Baltic-Pontic Studies 3, 1995, 15-134.

Videiko 2008: M.Yu. Videiko, Baden Culture Influences to the East of the Carpathian Mountains. In: (Eds. M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny) Baden Complex and the Outside World. Studien zur Archaologie in Ostmitteleuropa, 4 (Bonn: Rudolf Habelt 2008), 289-297.

Zastawny 2008: A. Zastawny, The Baden and Funnel Beaker-Baden Settlement in Lesser Poland. In: (Eds. M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny) Baden Complex and the Outside World. Studien zur Archaologie in Ostmitteleuropa, 4 (Bonn: Rudolf Habelt 2008), 177-188.

Fusaiolele ceramice ale complexului cultural Tripolie-Cucuteni

Cuvinte-cheie: fusaiole, Tripolie CII, epoca timpurie a bronzului, ornament, semne pictografice, obiecte rituale.

Rezumat: În articol este analizată o categorie de piese caracteristice etapei Tripolie C II – fusaiolele ceramice. În cadrul siturilor tripoliene târzii, fusaiolele sunt deosebit de numeroase în aşezări, unde acestea se găsesc în gropi precum şi printre ruinele caselor arse. Există, de asemenea, fusaiole în unele înmormântări ale necropolelor de tip Vâhvatinţi, Sofievka şi Chernin. Colecţia de fusaiole provine din nivelul Kasperovsk al peşterii Verteba.

Fusaiolele tripoliene se disting printr-o varietate de forme şi ornamente, precum şi prin numărul semnificativ de piese cu imagini pictografice. O analiză a caracteristicilor morfologice şi stilistice ale fusaiolelor Tripolie C II indică similitudinea lor cu piesele unor culturi din epoca timpurie a bronzului, în special cu cele din cultura Horodiştea-Erbiceni şi FBK, într-o măsură mai mică cu cele ale culturii Baden.

Cantitatea fusaiolelor descoperite, analiza contextuală a acestora şi natura simbolică a decorului sugerează că acestea au avut nu doar scopuri utilitare ci şi cultice. Apariţia tradiţiei de utilizare pe scară largă a fusaiolelor în tripolianul tardiv după 3400 a. Chr. este, probabil, asociată contactelor cu FBK.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta monumentelor Tripolie C II şi Horodiştea-Erbiceni. **Grupul Koshilovtsy**: 1 - Koshilovtsy; **tipul Kolodyazhin**: 2 - Kolodyazhin; **Grupul Brânzeni**: 3 - Zhvanets-Schovb; 4 - Bernashivka (nivelul superior); 5 - Grimyachka; 6 - Stina 2; 7 - Khoriv-Pidluzhya; 8 - Novomalin-Podobanka; **Grupul Vâhvatinţi**: 9 - Vâhvatinţi; **Grupul Troyanov**: 10 - Troyanov; 11 - Raiki; 12 - Pavoloch; 13 - Wojciechovka; **Grupul Troyanov în Volhynia occidentală**: 14 - Khoriv; 15 - Lozi; 16 - Kostyanets-Listvenshchina; 17 - Korzhivka-Bashtan; 18 - Makarivtsi-Stepi; 19 - Kostyanets-Gorby; 20 - Naraiv-Brodki; 22 - Mirogoshcha; 23 - Kurgan Dubova; **Grupul Kosenovka**: 24 - Sharin; **Orizontul cronologic Gordineşti**: 25 - Tsviklivtsi; 26 - Volchanec; 27 - Zvenyachin; 28 - Polivanov Yar I2; 29 - Verteba (stratul superior); 30 - Pechera; 31 - Sandraki; 32 - Gordashivka II; **Orizontul cronologic Gordineşti în Volhynia occidentală**: 33 - Golyshev; 34 - Listvin; 35 – Mohyleany-Pomirki; 36 - Kostyanets-Gorby; Grupul Gorodsk: 38 - Gorodsk; 39 - Nova Chartoria; **Grupul Sofievsk**: 40 - Str. Kirillovskaya (Kiev); 41 - Evminka; 42 - Kazarovichi; 43 - Pidhirtsi I; 44 - Syrec I; 45 - Bortichi; 46 - Krushinka; 47 - Novye Bezradichi; 48 - necropola Sofievsk; 49 - necropola Cerninsk; **Horodiştea-Erbiceni**: 1 - Horodiştea; 2 - Erbiceni; 3 - Tîrpeşti; 4 - Izvoare; 5 - Cîrniceni; 6 - Sineşti; 7 - Ţigănaşi.

Fig. 2. Fusaiole Tripolie C II. 1-4 - Kirilovskie Vysoty (fotografii de arhivă); 5-12, 22 - Troyanov (fondurile IA ANŞU); 13, 14 - Krushinka (periegheze); 15, 16 - Kazarovichi (fondurile IA ANŞU); 17-21 - Zhvanets (după Якубенко 2004, 165); 23-25 - Gorodsk (după Бурдо 2004b, 417); 26-29 - Bortnichi (Бурдо 2018, рис. 2/23-26).

Fig. 3. Fusaiole Tripolie C II cu desene pictografice. 1 - Podgortsy I; 2 - Evminka (după Якубенко, Кириленко 2015, рис. 12/3); 3-19, 23 - Troyanov (fondurile IA ANŞU; după Бурдо 2004, 438); 18-20 - Gorodsk (fondurile IA ANŞU); 21-22 - Raiki (fotografie de arhivă); 23-24 - Pavoloch (fondurile IA ANŞU); 25 - Zhvanets (după Якубенко 2004, 165).

Fig. 4. Principalele tipuri de desene şi semne pictografice de pe fusaiolele Tripolie C II. I - principalele tipuri de desene; II - principalele semne.

Fig. 5. Principalele semne de pe fusaiolele Tripolie C II.

Fig. 6. Principalele modele ornamentale de pe fusaiolele tripoliene târzii, Horodiştea-Erbiceni, FBK şi Troia.

Fig. 7. Fixarea fusaiolei pe ax şi forma fusaiolelor: 1 - un mod modern de toarcere; 2 - fusuri cu fusaiole; 3 - utilizarea fusului la Mayaşi; 4 - fusuri şi fusaiole; 5 - forme de fusaiole.

Spindle whorls of Trypillia-Cucuteni cultural unity

Keywords: Trypillia, Early Bronze Age, spindle whorls, ornament, pictographic signs, ritual artifacts.

Abstract: The article discusses the category of finds from sites of the Trypillia CII stage – ceramic spindle whorls. Such finds are relatively numerous. They were found in the pits, as well as among the ruins of burnt houses. Spindle

whorls are also present in few burials from the Vykhvatintsy, Sofiivka and Chernyn cemeteries. The finds of spindle whorls also come from the Kasperivtsi layer of the Verteba cave.

Trypillia Culture spindle whorls differ in a variety of forms and ornamentation. Also there are known several spindle whorls with pictographic images. An analysis of the morphological and stylistic characteristics of the Trypillia CII spindle whorls shows their similarity with such products coming from some Early Bronze Age cultures, especially the Erbicheni and FBC, and to a lesser extent the culture of Baden.

The mass character of the finds of spindle whorls, their contextual analysis and the symbolic nature of the decor suggest that they were used not only for utilitarian purposes, but also as some important cult objects. The emergence of the tradition of using of such spindle whorls in the Late Trypillia after 3400 BC is associated with contacts with the FBC.

List of illustrations:

Fig. 1. Sites of Trypillia CII and Horodiştea-Erbiceni. **Koshilivtsi group:** 1 - Koshilivtsi. **Kolodyazhyn type:** 2 - Kolodyazhyn. **Brynzeny local group:** 3 - Zhvanets-Shchovb; 4 - Bernashivka (upper layer); 5 - Grymizcka; 6 - Stina 2; 7 - Khoriv-Pidluzzhya; 8 - Novomalyn-Podobanka. **Vykhavatyntsi group:** 9 - Vykhvatyntsi. **Troyaniv group:** 10 - Troyaniv; 11 - Raiky; 12 - Pavoloch; 13 - Voitsekhivka. **Troyaniv group at Western Volhynia:** 14 - Khoriv; 15 - Lozy; 16 - Kostyanets-Lystvenshchyna; 17 - Korzhivka-Bashtan; 18 - Makarivtsi-Step'; 19 - Kostyanets-Gorby; 20 - Narayiv-Brodky; 21 - Naraiv-3; 22 - Myrogoscha; 23 - Kurgany Dubova. **Kosenivka group:** 24 - Sharyn. **Gordyneshti chronological horizon**: 25 - Tsviklivtsi; 26 - Volchanets; 27 - Zvenyachyn; 28 - Polyvaniv Yar I_2; 29 - Verteba (uper layer); 30 - Pechera; 31 - Sandraky; 32 - Gordashivka II. **Gordyneshti chronological horizon at Western Volhynia:** 33 - Golyshiv; 34 - Lystvyn; 35 - Mohylany-Pomirky; 36 - Kostyanets-Gorby. **Gorodsk group:** 38 - Gorodsk; 39 - Nova Chartoryia. **Sofiivka group:** 40 - Kyryllivska str. (Kyiv); 41 - Yevminka; 42 - Kazarovichi; 43 - Pidgirtsi I; 44 - Sytets-I; 45 - Bortnychi; 46 - Kryshynka; 47 - Novi Bezradychi; 48 - Sofiivka cemetery; 49 - Chernyn cemetery. **Horodiştea-Erbiceni Culture**: 1 - Horodiştea; 2 - Erbiceni; 3 - Târpeşti; 4 - Izvoare; 5 - Cârniceni; 6 - Sineşti; 7 - Ţigănaşi.

Fig. 2. Spindle whorls from Trypillia Culture, CII stage: 1-4 - Kyryllivska str. (Kyiv), archive photos; 5, 12, 22 - Troyaniv (collection from the Institute of Archaeology, Kyiv); 13, 14 - Kryshynka (field prospection); 15, 16 - Kazarovichi (collection from the Institute of Archaeology, Kyiv); 17-20 - Zhvanets (after Yakubenko 2004, 165); 23-25 - Gorodsk (after Burdo 2004b, 417; 26-29 - Bortnychi (after Burdo 2018, ris. 23-26).

Fig. 3. Trypillia CII spindle whorls with the pictograms: 1 - Pidgirtsi-I; 2 - Yevmainka (after Yakubenko, Kyrylenko 2015, ris. 12/3); 3-19, 23 - Troyaniv (collection from the Institute of Archaeology, Kyiv); 18-20 - Gorodsk (collection from the Institute of Archaeology, Kyiv); 21, 22 - Raiky (photo from archive); 23, 24 - Pasvoloch (collection from the Institute of Archaeology, Kyiv); 25 - Zhvanets (after Yakubenko 2004, 165).

Fig. 4. The main types of spindle whorls and pictographic signs on spindle whorls. The main types of drawings and pictography on Trypillia CII items. I - the main types of signs; II - the basic signs.

Fig. 5. Signs-pictograms on Trypillia Culture spindle whorls.

Fig. 6. The main ornamental schemes on spindle whorls from Trypillia CII, Horodiştea-Erbiceni, FBC and Troy.

Fig. 7. Fastening the spindle whorl on the spindle and the shapes of the spindle whorl: 1 - modern spinning; 2 - spindles with spindle whorls; 3 - using of the spindle by Maya; 4 - spindles and spindle whorls; 5 - forms of spindle whorls.

01.03.2019

Д-р Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-4873-5092, e-mail: nbburdo@gmail.com

DESPRE CRONOLOGIA ABSOLUTĂ A BRONZULUI TÂRZIU ÎN ESTUL BAZINULUI CARPATIC[1]

Florin Gogâltan

Profesorului meu,
Tudor Soroceanu, la 75 de ani

Cuvinte-cheie: estul Bazinului Carpatic, bronzul târziu, prima epocă a fierului, cronologie relativă, cronologie absolută.

Aşa cum am mai procedat în ultima vreme[2], voi încerca în paginile următoare să verific dacă opiniile mele privind cronologia bronzului târziu şi a primei epoci a fierului din vestul României şi din Transilvania, formulate acum mai bine de 20 de ani, mai sunt încă de actualitate sau comportă modificări şi completări (Gogâltan 2001). Cum este şi firesc, în estul Bazinului Carpatic au existat certe progrese în cercetarea acestei perioade, care pot relansa o discuţie plină de clişee şi încă racordată la cronologia relativă a lui Hermann Müller Karpe (Müller-Karpe 1959) pentru sudul Germaniei (László 2010; Vasiliev 2014; Dietrich 2014; etc.).

Recent a apărut volumul intitulat *Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit* care cuprinde atât lucrări de sinteză privind apariţia metalurgiei fierului în sudul Europei (de la Atlantic până în nordul Mării Negre) sau în Europa Centrală[3], cât şi articole privind diverse aspecte ale civilizaţiei hallstattiene, prescitice sau scitice (Miroššayová et al. 2017). Cu excepţia studiului de sinteză al lui Christopher Pare, care atinge şi începutul utilizării fierului în estul Ungariei şi în România, lipsesc alte informaţii despre aceste zone. De aceea am considerat ca fiind util să prezint la conferinţa de la Berlin ceea ce este mai nou din perspectiva tranziţiei de la epoca bronzului la prima epocă a fierului pe frontul de est al Bazinului Carpatic.

În Ungaria sau în Slovacia există de câteva decenii un consens privind cronologia relativă şi evoluţia culturală a bronzului târziu şi a primei epoci a fierului (Kemenczei 1984, 96; Furmánek et al. 1999, 12-18; Vaday 2003, 483). Ca o consecinţă a stadiului cercetărilor, lucrurile stau în mod diferit pentru România (Ciugudean 2010, fig. 4; Ciugudean 2012, fig. 14) (fig. 2), Serbia (Bulatović 2007) sau vestul Balcanilor (Gavranović 2011). În continuare voi prezenta pe scurt care sunt cele mai noi opinii privind cronologia bronzului târziu şi a primei epoci a fierului din estul Câmpiei Panonice şi Transilvania, ca mai apoi să încerc să actualizez schiţa cronologică şi culturală a unei perioade de circa 1000 de ani (1600/1500-600/500 BC).

Pentru estul Bazinului Carpatic (fig. 1) au fost propuse în ultimii 45 de ani mai multe sisteme cronologice care au reflectat nivelul cunoaşterii acestei perioade (Gumă 1993, 110-140). În majoritatea cazurilor s-a apelat la stratigrafia unor aşezări, la orizonturile de depozite de bronzuri, la relaţiile interculturale cu zonele mai bine cercetate etc., datele absolute lipsind aproape în totalitate. Tradiţia istoriografică românească a cronologiei bronzului târziu şi a „Hallstattului timpuriu" a fost modificată în 1990 de către Carol Kacsó, care a adaptat pentru nord-vestul României sistemul cronologic din nord-estul Ungariei. Astfel el a propus pentru bronzul târziu existenţa a patru

[1] Prezentul articol are ca punct de plecare comunicarea intitulată *The transition from the Late Bronze Age to the Early Iron Age in the eastern Carpathian Basin*, pe care am susţinut-o la sfârşitul lunii martie 2018 la conferinţa *Time and Materiality: Periodization and Regional Chronologies at the Transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200-600 BCE),* organizată de prof. dr. Elke Kaiser la Freie Universität Berlin. O variantă în limba engleză a acestui articol va fi publicată în lucrările respectivului simpozion. Doresc să-i mulţumesc lui Victor Sava pentru discuţii şi suport tehnic. Gruia Fazecaş a realizat harta cu siturile menţionate în text (fig. 1).

[2] Este vorba despre actualizarea cronologiei bronzului timpuriu şi mijlociu (Gogâltan 2015) sau a cronologiei tell-urilor epocii bronzului din Bazinul Carpatic (Gogâltan 2017; Gogâltan 2018).

[3] Aici se poate adăuga şi sinteza recentă a lui Mikketa 2017.

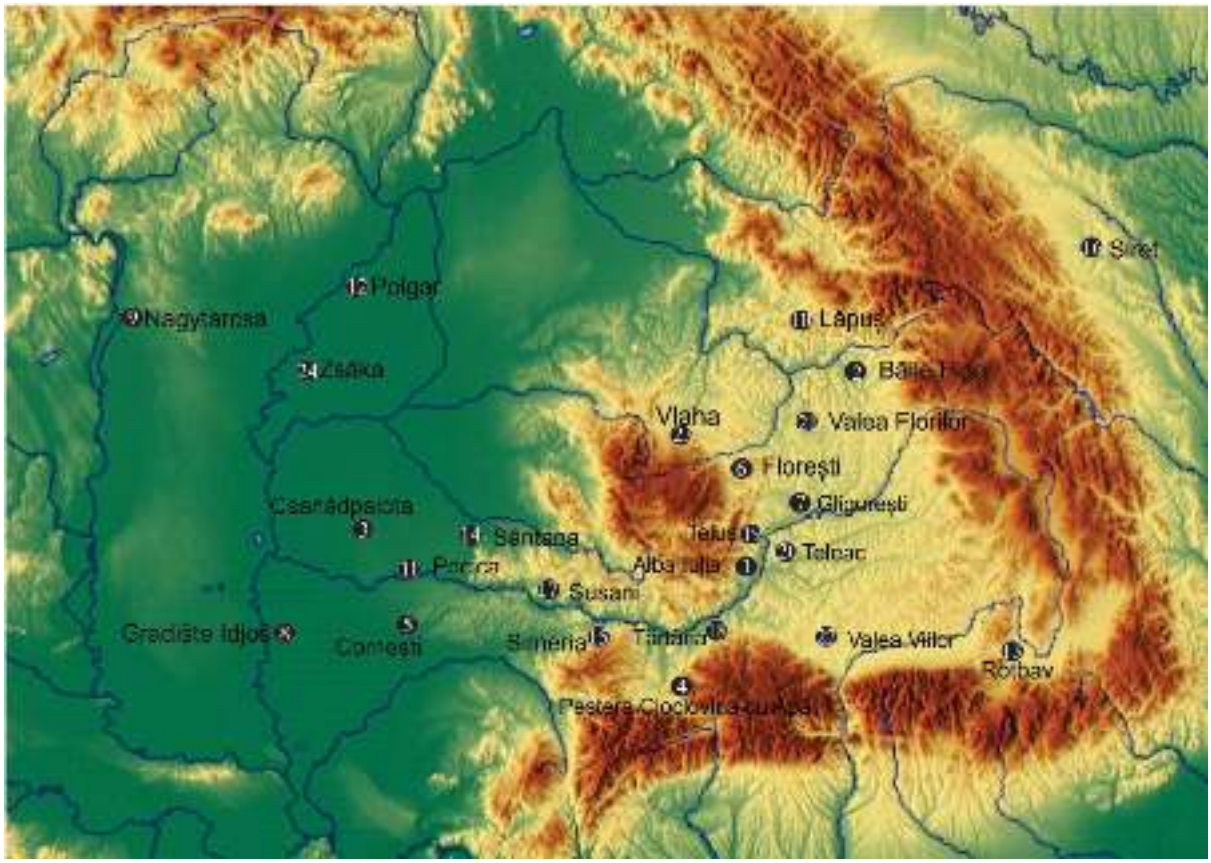


Fig. 1. Estul Bazinului Carpatic. Siturile cu datele absolute menţionate în text: 1 - Alba Iulia; 2 - Băile Figa; 3 - Csanádpalota; 4 - Peştera Cioclovina cu Apă; 5 - Corneşti; 6 - Floreşti; 7 - Gligoreşti; 8 - Gradište Idjoš; 9 - Nagytarcsa; 10 - Lăpuş; 11 - Pecica; 12 - Polgár; 13 - Rotbav; 14 - Sântana; 15 - Simeria; 16 - Siret; 17 - Susani; 18 - Tărtăria; 19 - Teiuş; 20 - Teleac; 21 - Valea Florilor; 22 - Valea Viilor; 23 - Vlaha; 24 - Zsáka.

etape (I-IV), care evoluează de-a lungul fazelor Bz C şi până la începutul perioadei Ha B. Aşa-numitul „orizont prescitic", respectiv sec. VIII şi prima jumătate a sec. VII BC, nu ar mai aparţine epocii bronzului (Kacsó 1990).

Acelaşi lucru l-am făcut şi eu cu ocazia unui simpozion internaţional la Baia Mare în 1998. De fapt am plecat de la ideea de a scoate din vocabularul arheologilor din România noţiunile de „Hallstatt" şi „culturi hallstattiene" care aveau prea puţin sau deloc legătură cu realităţile culturale din estul Bazinului Carpatic. Am considerat că bronzul târziu are trei etape (I, II şi III) care acoperă din punct de vedere al cronologiei relative perioada Bz B2/C-Ha A. Prima etapă a epocii fierului ar fi fost marcată de apariţia unor noi piese de bronz, a unor obiecte din fier şi de răspândirea unei noi realităţi culturale: Gáva-Holihrady (Gogâltan 2001, 196-199; Gogâltan 2002, 43-44; Gogâltan 2009, 121-122). La aceasta s-ar fi adăugat profundele schimbări ale tipului de habitat din Transilvania prin ridicarea primelor aşezări fortificate[4]. Prima epocă a fierului am structurat-o pe patru etape (I-IV). *Fierul I* l-am plasat între sfârşitul Ha A şi finalul perioadei Ha B1 din cronologia relativă central-europeană, caracteristice fiind locuirile din cel mai vechi nivel al aşezărilor de la Teleac şi Mediaş (nivelul I) şi orizontul de depozite de tip Moigrad-Tăuteu. *Fierul II* ar fi fost marcat de pătrunderea treptată din arealul extra carpatic a grupului Gornea-Kalakača şi a ceramicii imprimate. Sugestivă pentru această etapă (Ha B2 şi o mare parte din Ha B3) ar fi fost situaţia identificată în nivelul II de la Teleac şi orizonturile de bronzuri de tip Sângeorgiu de Pădure-Fizeşul Gherlei şi Şomartin-Vetiş. Răspândirea la sfârşitul etapei Ha B3 a stilului ceramic Basarabi peste o bună parte din vestul şi centrul Transilvaniei şi sfârşitul treptat al aşezărilor fortificate sunt evenimentele care ar fi caracterizat *Fierul III*. Odată cu apariţia comunităţilor scitice în spaţiul intra

[4] A se vedea mai noua sinteză a lui G. Bălan (Bălan 2013).

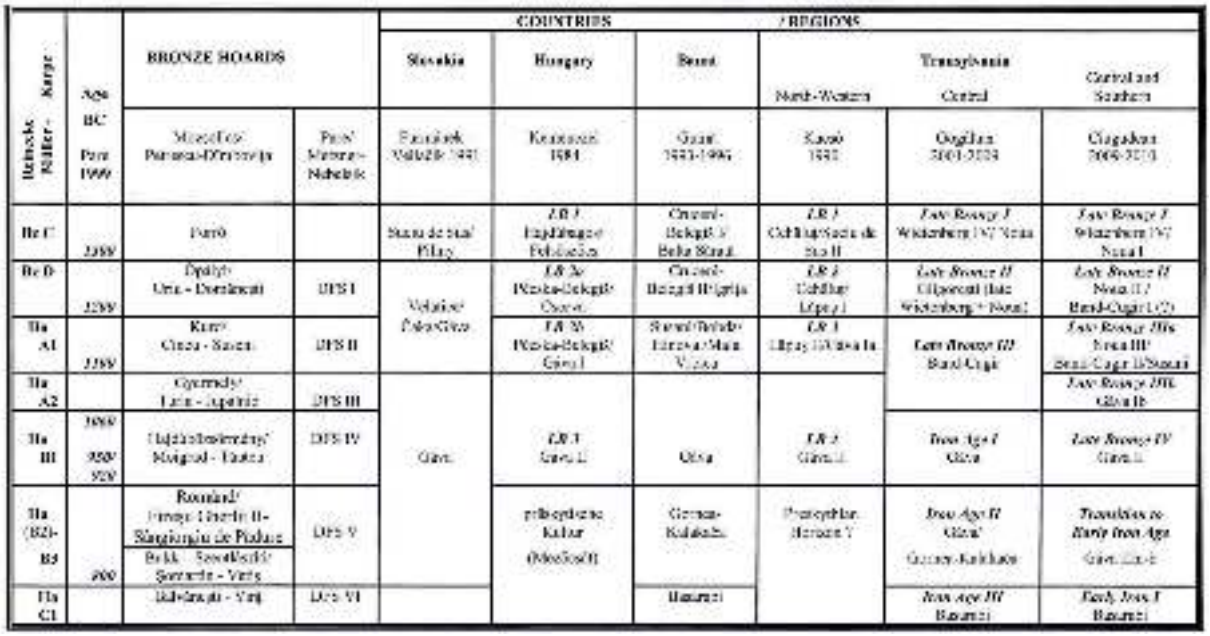


Fig. 2. Tabelul cronologic al bronzului târziu din Bazinul Carpatic (după Ciugudean 2010).

carpatic, am considerat că începe o nouă etapă în evoluţia primei epoci a fierului (*Fier IV* – Ha C2-Ha D1) (Gogâltan 2002, 44-45; Gogâltan, Nagy 2012, 112-116)[5].

Horia Ciugudean s-a aliat şi el modelului cronologic „fără Hallstatt", venind cu noi opinii privind cronologia bronzului târziu şi a primei epoci a fierului din Transilvania (Ciugudean 2009; Ciugudean 2010; Ciugudean 2012). Se remarcă în primul rând utilizarea aceluiaşi sistem cronologic propus anterior de C. Kacsó şi includerea stilului ceramic Gáva printre realităţile culturale ale bronzului târziu. În plus, ultima fază (a III-a) din evoluţia acestui stil ceramic, ar aparţine unei etape de tranziţie de la bronzul târziu la prima epocă a fierului, fiind caracteristică etapei Ha B2-Ha B3. „Early Iron I" ar începe în Ha C1 fiind reprezentat de cultura Basarabi (Ciugudean 2010, fig. 4). Toate aceste propuneri s-au bucurat de un real succes printre specialiştii din noua generaţie de arheologi ardeleni care au folosit şi folosesc şi astăzi respectivele schiţe cronologice (Marta 2009; Bejinariu 2010; Popa, Totoianu 2010; Nagy, Körösfői 2010; Molnár et al. 2013; Sava 2016; etc).

Pentru alţi specialişti din România a fost mai importantă păstrarea tradiţiei istoriografice care pleacă, dacă nu de la *Getica* lui Vasile Pârvan (Pârvan 1926, 289-459) sigur de la *Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien*, sinteza lui Ioan Nestor din 1933 (Nestor 1933, 104-151). De aceea în *Istoria Românilor*, volum publicat în 2001 şi reeditat în 2010, este încă folosită noţiunea de *Hallstatt timpuriu*, pentru perioada cuprinsă între cca 1200/1150 şi 850/800 BC (László 2001, fig. 50). Este adevărat că se face o precizare necesară: „ceea ce numim aici Hallstatt timpuriu corespunde, în termenii preistoriei central-europene, perioadei culturii câmpurilor de urne (*Urnenfelderzeit*) şi doar Hallstattul mijlociu din periodizarea noastră putând fi echivalat cu Hallstattul timpuriu central-european" (László 2001, 299). Pentru regiunile extracarpatice, la care nu voi face referire în continuare, se foloseşte în general sistemul Müller Karpe cu adaptările sale locale propuse de Mircea Rusu şi Mircea Petrescu Dîmboviţa (Levitki 2003; Kaşuba, Zanoci 2010; Kashuba, Levitski 2013; Levitki, Kaşuba 2015; etc.)[6].

Un *feedback* pozitiv pentru cei care au propus noile sisteme cronologice din Transilvania a venit din partea lui Marcin Przybyła în sinteza sa din 2009 privind *Intercultural Contacts in the*

[5] Analizând descoperirile din prima epocă a fierului din Banat, regretatul Marian Gumă a structurat această perioadă tot pe patru faze, de la I la IV, fiecare având câteva subfaze (Gumă 1993, 274-282). Din nefericire, moartea sa prematură a lăsat sistemul său nedezvoltat şi nepromovat.

[6] Trebuie remarcată şi folosirea uneori a noţiunii corecte de „Prima epocă a fierului " (Kashuba, Levitski 2013, fig. 1).

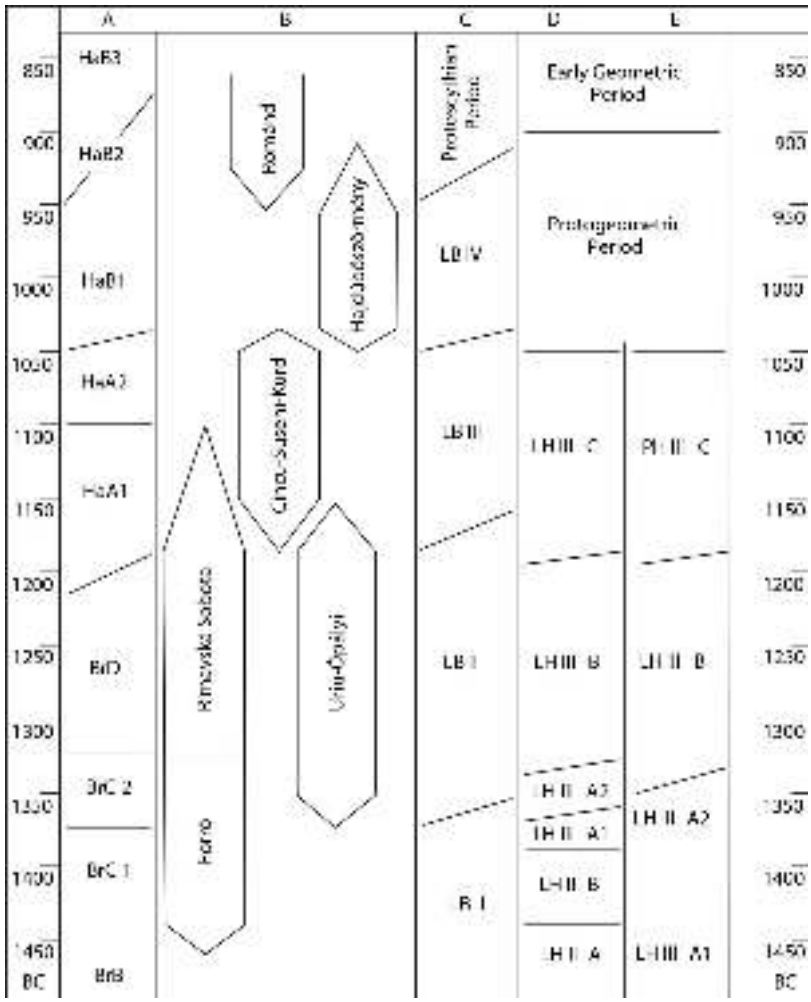


Fig. 3. Cronologia relativă şi absolută a bronzului târziu din zona nord alpină (A), seriile de depozite de bronzuri din Bazinul Carpatic (B), cronologia bronzului târziu pe râul Tisa - după Carol Kacsó (C), cronologia tradiţională a bronzului târziu în Grecia - după Warren, Hankey 1989 (D), cronologia bronzului târziu în Grecia luând în considerare momentul erupţiei de pe Terra - după Manning 1996 (după Przybyła 2009).

Western Carpatian Area at the Turn of the 2nd and 1st Millennia BC (Przybyła 2009). Pentru descoperirile acestei perioade din estul Bazinului Carpatic şi sudul Poloniei el va folosi sistemul cronologic avansat de către C. Kacsó în 1990. Datarea absolută a bronzului târziu din Bazinul Carpatic poate fi rezumată în felul următor: începutul fazei bronz târziu I (BT I) poate fi plasată la trecerea dintre secolele XVI şi XV BC. Faza bronz târziu II (BT II) începe în prima jumătate a sec. al XIV-lea BC, ceea ce corespunde etapei Bz C2 din zona nord-alpină. Sfârşitul acestei secvenţe coincide cu începutul Ha A, care se petrece în sec. al XII-lea (poate mijlocul sec. al XII-lea). Începutul fazei BT IV a fost sincronizat cu începutul perioadei Ha B, ceea ce presupune mijlocul sec. al XI-lea BC, iar sfârşitul ei plasat la mijlocul sec. al X-lea BC (Ha B2-Ha B3 în zona nord-alpină) (Przybyła 2009, 62-63) (fig. 3).

În continuare voi prezenta cele mai recente descoperiri ale bronzului târziu din estul Bazinului Carpatic respectând această schiţă cronologică. Pentru a evita repetarea informaţiilor sintetizate excelent de către M. Przybyła, voi face referiri doar la situri pentru care avem noi date absolute şi care permit astfel o fixare temporală sigură a realităţilor culturale ale acestei perioade.

O opinie general acceptată este că începutul bronzului târziu este marcat de sfârşitul tell-urilor epocii bronzului din Bazinul Carpatic precum cele de la Százhalombatta, Kakucs-*Bala-domb*,

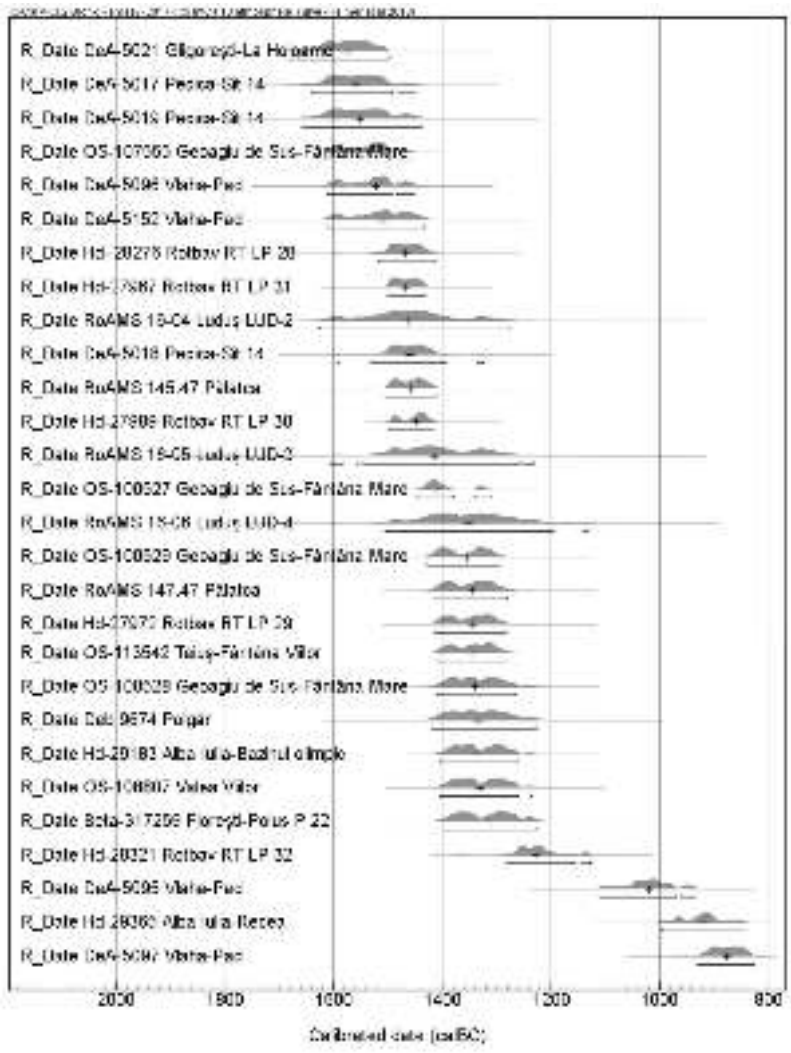


Fig. 4. Calibrarea datelor AMS de la Gligoreşti, Pecica, Luduş, Rotbav, Pălatca, Vlaha, Geoagiu de Sus, Polgár, Valea Viilor, Teiuş, Alba Iulia-*Bazinul Olimpic*, Floreşti, Alba Iulia-*Recea*.

Mende aflate la Dunărea de Mijloc (Jaeger, Kulcsár 2013, 312, fig. 19-22) sau Mezőcsat-*Laposhalom* în nord-estul Ungariei (Kienlin 2018, 36, fig. I-20). Acelaşi fenomen a fost constatat recent şi pentru tell-urile din vestul României precum Pecica (Nicodemus, O'Shea 2015, tab. 1, fig. 1), Carei (Molnár, Ciută 2017, 59) sau Toboliu, unde s-au efectuat săpături arheologice sistematice între 2014-2017 (Gogâltan 2015, 72, fig. 22; Lie et al. 2018). Procesul are loc undeva între 1600 şi 1500 BC, atunci când în estul Bazinului Carpatic, sub influenţa unor comunităţi central-europene (aşa-numita cultură a mormintelor tumulare – *Hügelgräberkultur*), se nasc noi realităţi culturale (Hajdúbagos-Cehăluţ, Piliny) (Gogâltan 2015, 73).

Câteva situri datate absolut sunt sugestive pentru acest prim orizont al bronzului târziu (BT I). Astfel, în apropierea tell-ului de la Pecica (Pecica-*Sit 14*) a fost cercetat un mic cimitir cu 38 de morminte, dintre care 23 erau de inhumaţie şi 15 de incineraţie (Sava, Andreica 2013; Sava, Ignat 2014). Prima etapă a acestui cimitir, în care elementele tumulare alături de cele locale sunt mai mult decât evidente, a fost datată între 1600 şi 1400 BC (Gogâltan 2015, 72, fig. 18-20; Sava, Ignat 2016) (fig. 4, tab. I). Apariţia în câmpia joasă a Banatului a stilului ceramic Cruceni–Belegiš I (cu aşa numitul décor pseudo-şnurat) se produce la acelaşi orizont cronologic (BT I). Datele absolute se plasează tot între 1600 şi 1400 BC, în timp ce faza a II-a acestei culturi este în general mai târzie

Tabelul I.

Lista datelor AMS de la Gligoreşti, Pecica, Luduş, Rotbav, Pălatca, Vlaha, Geoagiu de Sus, Polgár, Valea Viilor, Teiuş, Alba Iulia-*Bazinul Olimpic*, Floreşti, Alba Iulia-*Recea*

Nr. Crt.	Nr. lab.	Numele probei	14C age [yr BP]	±	Cal BC 2 σ	Material	Context	Bibliografie
1	DeA-5021	Gligoreşti-La Holoame	3298	38	cal BC 1666-1498	os animal (omoplat crestat)	nivel de cultură	Gogâltan, Popa 2016, fig. 10
2	DeA-5017	Pecica-Sit 14	3279	38	cal BC1642-1493	os uman	mormânt Cx 92	Sava, Ignat 2016, fig. 4
3	DeA-5019	Pecica-Sit 14	3271	49	cal BC 1659-1439	os uman	mormânt Cx 67	Sava, Ignat 2016, fig. 4
4	OS-107555	Geoagiu de Sus-Fântâna Mare	3260	25	cal BC 1614-1496	cărbune	nivel	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 1
5	DeA-5096	Vlaha-Pad	3249	30	cal BC 1612-1490	os animal	groapă Cx 1209	Gogâltan 2015, fig. 27
6	DeA-5152	Vlaha-Pad	3236	41	cal BC1612-1433	os animal	groapă Cx 0384	Gogâltan 2015, fig. 28
7	Hd-28276	Rotbav RT LP 28	3196	30	cal BC 1518-1415	os animal	S IX. 16, Q H 46, Rt 4	Dietrich 2014, Anhang 2
8	Hd-27967	Rotbav RT LP 31	3195	19	cal BC 1501-1430	os animal	S IX. 11, Q E 31, Rt 3	Dietrich 2014, Anhang 2
9	RoAMS 16-04	Luduş LUD-2	3186	73	cal BC 1626-1277	os animal (omoplat crestat)	Cx 6	Berecki 2016, tab. 27
10	DeA-5018	Pecica-Sit 14	3185	38	cal BC 1531-1392	os uman	mormânt Cx 98	Sava, Ignat 2016, fig. 4
11	RoAMS 145.47	Pălatca	3181	29	cal BC 1505-1410	os animal	nivel IIa	Palincaş et al. 2019, tab. 1, fig. 6
12	Hd-27989	Rotbav RT LP 30	3174	16	cal BC 1497-1416	os animal	S IX. 6, Q H 16, Rt 3	Dietrich 2014, Anhang 2
13	RoAMS 16-05	Luduş LUD-3	3147	66	cal BC 1546-1257	os animal (omoplat crestat)	cercetare de suprafaţă	Berecki 2016, tab. 27
14	OS-100527	Geoagiu de Sus-Fântâna Mare	3130	20	cal BC 1447-1380	cărbune	nivel	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
15	RoAMS 16-06	Luduş LUD-4	3101	66	cal BC 1506-1195	os animal (omoplat crestat)	lângă Cx 22	Berecki 2016, tab. 27
16	OS-100529	Geoagiu de Sus-Fântâna Mare	3100	25	cal BC 1428-1293	cărbune	nivel	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
17	RoAMS 147.47	Pălatca	3086	24	cal BC 1416-1281	os animal	nivel IIb	Palincaş et al. 2019, tab. 1, fig. 6
18	Hd-27972	Rotbav RT LP 29	3085	23	cal BC 1415-1282	os animal	S IX. 16, Q J 44, Rt 4	Dietrich 2014, Anhang 2
19	OS-113542	Teiuş-Fântâna Viilor	3080	20	cal BC 1411-1284	cărbune	groapă	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
20	OS-100528	Geoagiu de Sus-Fântâna Mare	3070	25	cal BC 1409-1265	cărbune	nivel	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
21	Deb 9674	Polgár	3070	40	cal BC 1421-1226	lemn	fântână Obj. 58	V. Szabó 2005, 158
22	Hd-29183	Alba Iulia-Bazinul Olimpic	3062	21	cal BC 1403-1263	os animal	groapa nr. 2	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
23	OS-108807	Valea Viilor	3060	25	cal BC 1407-1260	os uman	mormânt	Ciugudean, Quinn 2015, tab. 2
24	Beta-317259	Floreşti-Polus P 22	3050	30	cal BC 1401-1226	os uman	mormânt nr. 17	Rotea et al 2014, 34, pl. XIX
25	Hd-28321	Rotbav RT LP 32	2994	19	cal BC 1284-1157	os animal	S IX. 15, Q C 46, Rt 5	Dietrich 2014, Anhang 2
26	DeA-5095	Vlaha-Pad	2856	25	cal BC 1112-970	os animal	groapa Cx 0010	Gogâltan et al. 2015, fig. 8
27	Hd-29365	Alba Iulia-Recea	2775	21	cal BC 996-845	?	?	Ciugudean 2012, fig. 11
28	DeA-5097	Vlaha-Pad	2743	23	cal BC 931-827	os animal	groapa Cx 0055	inedit

de 1400 BC (Szentmiklosi 2009, fig. 7; Gogâltan 2015, 72, fig. 21).

În Transilvania, la începutul bronzului târziu, se manifestă două procese culturale paralele. Pe de-o parte, influenţarea stilului ceramic local Wietenberg de către comunităţile din vestul României. Un exemplu sugestiv în acest sens este cazul sitului de la Vlaha de lângă Cluj pe care l-am cercetat între 2004-2007[7]. Datările absolute plasează asemenea descoperiri din vestul Transilvaniei între 1600 şi 1400 BC (Gogâltan 2015, 76, fig. 27-28; Ciugudean, Quinn 2015, tab. 1-2, fig. 4-6; Palincaş et al. 2019, tab. 1-2, fig. 6; László 2019, fig. 2) (fig. 4, tab. I). Pe de altă parte la începutul bronzului târziu îşi fac prezenţa în Transilvania şi primele comunităţi Noua care au venit dinspre est traversând Carpaţii Răsăriteni[8]. Recent au fost publicate câteva informaţii despre situl de la Gligoreşti de pe valea mijlocie a Mureşului (Gogâltan, Popa 2016). Aici se constată clare elemente Noua, precum omoplaţii crestaţi şi o ceramică caracteristică, alături de produse ceramice locale Wietenberg. Datele absolute de aici dar şi din alte situri, precum cele de la Geoagiu de Sus (Ciugudean, Quinn 2015, tab. 1-2), Pălatca (Palincaş et al. 2019, tab. 1, fig. 6), Luduş (Berecki 2016, tab. 27) din vestul şi central Transilvaniei şi de la Rotbav în estul provinciei (Dietrich 2014, 182), asigură plasarea acestui eveniment tot între 1600-1400 BC (fig. 4, tab. I).

Reîntorcându-ne spre vestul Bazinului Carpatic, pentru Transdanubia şi câteva descoperiri dintre Dunăre şi Tisa (Maráz 2015, cu bibliografia mai veche), etapa următoare bronz târziu II (BT II) a fost atribuită unei aşa-numite perioade a câmpurilor de urne (*Urnfield period*), ca şi în centrul Europei. Ea corespunde în cronologie relativă etapelor Bz D - sfârşitul perioadei Ha B. Noile sinteze oferite de Gábor Ilon ne prezintă evoluţia artefactelor acelei culturi a câmpurilor de urne vest transdanubiene (*west-Transdanubian Urnfield culture*) între cca 1400/1300 - 900/800 calBC (Ilon 2015a; Ilon 2015b, 107-112, fig. 43).

Au existat încercări din partea unor specialişti români de a folosi noţiunea de *perioadă a câmpurilor de urne – Urnenfelderzeit* (Vulpe 1995; Medeleţ 1995; Kacsó 2005; etc.). Dacă pentru Banat, din punct de vedere al ritului şi ritualului funerar am putea utiliza această denumire, cultura materială a comunităţilor de aici este diferită de cea din Europa Centrală (Medeleţ 1996; Gogâltan 1998; Szentmiklosi 2004). Pentru restul arealului din vestul României nu avem suficiente descoperiri funerare care să ne permită o caracterizare a comunităţilor din perspectiva credinţelor în viaţa de apoi. În Transilvania sunt cunoscute atât inhumaţia cât şi incineraţia (Sava 2002). De aceea este de preferat ca pentru estul Bazinului Carpatic să folosim denumirea de bronz târziu şi nu de perioadă a câmpurilor de urne.

Bronzul târziu II (BT II) corespunde din punct de vedere al cronologiei relative perioadei Bz C2/Bz D şi începutului fazei Ha A1 din cronologia central-europeană şi l-am datat acum 20 de ani între cca 1350 şi 1200/1150 (Gogâltan 2001, 197-198). Din punct de vedere al cronologiei absolute, pentru Bz D există astăzi câteva repere importante pe care le voi prezenta în continuare. Această etapă în sudul Câmpiei Panonice este mai bine cunoscută datorită cercetărilor din ultimii ani în marile fortificaţii de pământ, mega-forturi cum plastic le-a denumit Anthony Harding (Harding 2017), de la Cornești (Heeb et al. 2018, cu bibliografia mai veche), Sântana (Gogâltan, Sava 2018, cu bibliografia mai veche), Munar (Sava, Gogâltan 2017, cu bibliografia mai veche), Csanádpalota (Szeverényi et al. 2017, 138-139, cu bibliografia mai veche) sau Gradište Idjoš (Molloy et al. 2017).

În Banatul sârbesc, la Gradište Idjoš, lângă Kikinda, a fost investigată o fortificaţie de pământ de „doar" cca 26 ha. Situl este însă cu mult mai mare şi acoperă peste 130 ha. Fără a fi deocamdată publicate şi datele ^{14}C, se consideră că „the major phase of settlement appears to belong to c. 15th to 9th century BC, with a possible gap from the 11th to the 10th century" (Molloy et al. 2017, 161).

Cele mai importante rezultate s-au obţinut deocamdată în Banatul românesc la Cornești. Cercetările germano-române din ultimii 10 ani pot fi sintetizate astfel: în zona nord-estică a primei fortificaţii a fost identificată o primă aşezare din bronzul târziu datată între 1550-1300 BC. Fortificaţia, aşa-numitul ring I, are două etape de construcţie. Ultima fază, distrusă printr-un incendiu,

[7] Gogâltan et al. 2011, cu bibliografia mai veche. Descoperirile acestei secvenţe se regăsesc în teza de doctorat a Ritei Németh (Németh 2015).

[8] Această opinie, împărtăşită de majoritatea celor care au studiat lumea Noua-Sabatinovka-Coslogeni, urmează să fie verificată printr-un lot consistent de analize ADN. Dr. Wolfgang Haak, în cadrul unul proiect *European Research Council* (ERC), a prelevat în vara anului 2018 din Transilvania cca 200 de probe de la indivizi atribuiţi stilului ceramic Wietenberg şi Noua. Vezi în acest sens şi Rotea et al. 2014, 31-34 sau Hervella et al. 2015, 8-9.

a fost datată undeva între 1420 şi 1250 BC. Fortificaţia a II-a (ringul II) a avut de asemenea două etape de construcţie, ultima fază sfârşindu-se tot printr-un incendiu. Pe baza datelor ^{14}C cele două fortificaţii au fost relativ contemporane între 1450-1250 BC (Szentmiklosi et al. 2011,tab. 1, fig. 9-10; Heeb et al. 2015, 59, 61; Heeb et al. 2017b, 220). Din nefericire, cu excepţia câtorva vase (Szentmiklosi et al. 2011, fig. 8; Heeb et al. 2015, Abb. 10; Lehmphul et al. 2018, Abb. 3-5), nu au fost publicate şi alte materiale arheologice care să ne permită o mai bună cunoaştere a culturii materiale a întregului orizont BT II din această zonă.

Din perspectiva materialului arheologic, mult mai bine cunoscută este situaţia din mega-fortul de la Sântana. În comparaţie cu fortificaţia de la Corneşti aici a fost descoperit un număr apreciabil de piese de bronz şi un tezaur de aur (Gogâltan, Sava 2010, fig. 5, 13-15, 39-42; Gogâltan et al. 2013). Piese similare de bronz le regăsim în depozitul II de la Pecica (Kemenczei 1991) şi în orizontul de depuneri de tip Arpăşel care a fost datat din punct de vedere relativ în Bz D-Ha A1 (Gogâltan, Sava 2014, cu bibliografia mai veche). Este vorba despre diferite tipuri de pandantive, falere, tutuli, brâuri, brăţări, apărători de braţ, seceri etc. În 1995 C. Kacsó atribuia numeroasele piese de bronz, chihlimbar sau sticlă depuse în sanctuarul din peştera de la Cioclovina orizontului de tip Arpăşel (Kacsó 1995, 107, 109). Noile cercetări din peştera Cioclovina cu Apă au oferit o dată absolută care se plasează undeva între 1428-1262 calBC (Rotea 2017, 56). Ea confirmă astfel poziţia cronologică a depunerilor de piese de tip Arpăşel şi implicit a secvenţei BT II. Contemporane cu aceste depuneri de piese de bronz din Bazinul Crişurilor şi vestul Transilvaniei sunt depunerile de tip Uriu-Opályi, Ruginoasa-Cara, sau cele denumite recent „depozite cu caracter central transilvanean/*hoards with central Transylvanian character*" caracteristice şi ele estului Bazinului Carpatic (Rezi, Gogâltan 2019).

Ceramica canelată descoperită în aceste situri ale BT II poate fi atribuită acelui orizont pre-Gáva propus acum mai bine de 20 de ani de către Gábor V. Szabó (V. Szabó 1996). Ea diferă, ca repertoriu al formelor şi al ornamentelor, de ceramica Cruceni-Belegiš II, demonstrând încă o dată că acele aşezări cu ceramică canelată din sudul Câmpiei Panonice şi cursul mijlociu al Tisei nu formează o unitate culturală compactă (Gogâltan, Sava 2010, fig. 9-12, 37-38; Sava et al. 2019, fig. 5-9). Recent, prin proiectul LOEWE, a putut fi datată absolut şi cea mai mare fortificaţie de la Sântana. Ea a fost construită cândva între 1487 şi 1236 calBC (2 σ), fiind contemporană astfel cu fortificaţia I şi II de la Corneşti (Sava et al. 2019; Gogâltan et al. 2019) (fig. 5).

Din nordul Banatului sunt bine cunoscute descoperirile din tumulul de la Susani (Stratan, Vulpe 1977). Ele au suscitat numeroase interpretări privind caracterul depunerilor ceramice de aici precum şi datarea lor relativă şi absolută (Gogâltan 2014, 42-43, cu bibliografia mai veche). Noile săpături de salvare, transformate între timp în cercetări sistematice, au vizat o altă movilă din acelaşi cimitir cu diametrul de 44 m şi 4 m înălţime. Cercetările din 2017 au stabilit carcaterul clar funerar al acestei movile. Importantă în contextul discuţiei de faţă este şi o probă ^{14}C a cărei valoare calibrată a fost stabilită la 1398 calBC (Diaconescu et al. 2018, 131-132). Ceramica decorată cu caneluri şi piesele de metal aparţin orizontului cultural al fortificaţiilor de la Corneşti (ringul I-II) şi Sântana (incinta III) şi pot fi atribuite etapei BT II.

Săpături arheologice s-au făcut şi în fortificaţia de cca 400 de ha de la Csanádpalota, aflată la circa 55 km sud-vest de Sântana. Cele câteva materiale arheologice publicate prezintă o evoluţie a sitului începând cu BT I şi pe întreaga durată a etapei BT II (Szeverényi et al. 2014, kép. 12-15). Datele radiocarbon de care dispunem sugerează cu certitudine o ocupare a aşezării între cca 1380-1120 BC (Szeverényi et al. 2017, 139).

Mergând mai spre nord trebuie amintit un alt sit caracteristic acelui orizont pre-Gáva (Bz D-Ha A1). La Polgár a fost cercetată o fântână cu un bogat material ceramic care a fost datat absolut între 1430 şi 1210 BC (V. Szabó 2005, 158) (fig. 4, tab. I). Se consideră că pe valea mijlocie a Tisei la trecerea dintre secolele XIV-XIII BC comunităţile tumulare târzii ar fi fost influenţate de etapa timpurie a culturii câmpurilor de urne transdanubiene (*Transdanubian Early Urnfield Culture*) şi dinspre sud de aşa-numitul grup Belegiš II (Váczi 2016, 186-190). Caracteristice acestui orizont sunt vasele cu corpul bitronconic, umerii decoraţi cu proeminenţe şi gâtul cu caneluri (Váczi 2016, kép. 4). Asemenea vase, care ar avea o tradiţie Belegiš II, ar fi ajuns până în sudul Poloniei prefigurând răspândirea largă a ceea ce se va considera a fi stilul ceramic Gáva (Przybyła 2005).

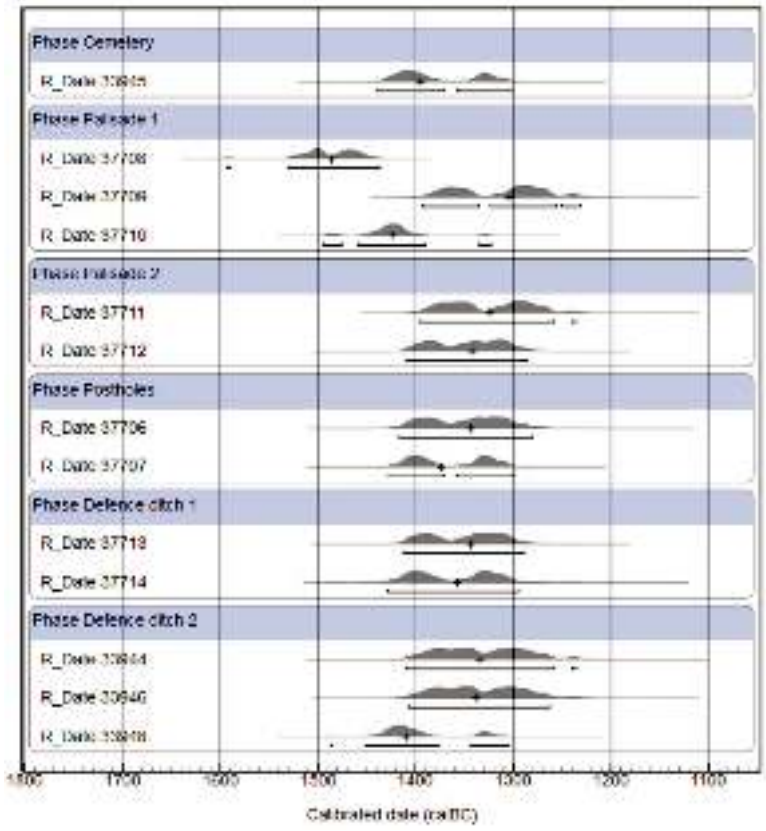


Fig. 5. Calibrarea datelor AMS de la Sântana-Cetatea Veche (după Gogâltan et al. 2019).

În 2017 același G. V. Szabó vorbește pentru perioada Bz D-Ha A1 despre două tradiții ceramice diferite: în sudul Câmpiei Panonice ar exista stilul ceramic pre-Gáva, iar în nord-estul Bazinului Carpatic stilul proto-Gáva. Ceramica de tip proto-Gáva ar fi expresia mai multor stiluri ceramice care includ un spectru de forme și ornamente achiziționate din diverse regiuni, dar care păstrează acele trăsături comune care se vor regăsi mai târziu în așa-numita Gáva „clasică" (V. Szabó 2017, 239-242).

Un sit al bronzului târziu din Transilvania care beneficiază astăzi de mai multe date absolute este cel de la Lăpuș. Misiunea germano-română coordonată de Carola Metzner-Nebelsick a investigat începând cu 2007 așa-numitul tumul 26. Acesta s-a dovedit a fi însă o structură rituală unică până acum în estul Bazinului Carpatic (Kacsó et al. 2012, cu bibliografia mai veche). În contextul discuției de față ne interesează cele șase probe radiocarbon publicate și materialul arheologic descoperit (fig. 6). Rezultatul lor s-a dovedit a fi surprinzător pentru cei care considerau cultura Gáva sau descoperirile de tip Lăpuș II-Gáva I ca fiind caracteristice etapei Ha A1 și datându-se astfel în sec. al XII-lea BC. Concluzia a fost că „Although old-wood-effects can not be excluded, the intervals of the dates indicate the existence of channeled ware pottery in Lăpuș in the 13th c. BC if not earlier" (Metzner-Nebelsick et al. 2010, 223).

Alte date absolute și contexte caracteristice care pot fi atribuite bronzului târziu II (Bz D-Ha A1) din Transilvania sunt cele publicate de Laura Dietrich de la Rotbav în sud-estul provinciei. Dacă unele dintre ele, așa cum am văzut, se plasează încă din BT I, altele reflectă evoluția acestui sit Noua între cca 1400 și 1200 BC (Dietrich 2014, 192) (fig. 4, tab. I). Horia Ciugudean și Colin Quinn atrag atenția asupra altor situri care aparțin aceluiași orizont cronologic din vestul și sudul Transilvaniei și care au fost datate absolut (Ciugudean, Quinn 2015, tab. 1-2, fig. 4-6). Este vorba fie despre stilul ceramic Noua (Valea Viilor, Teiuș) sau de alte situri contemporane (Alba Iulia-*Bazinul olimpic*) (fig. 4, tab. I).

În cadrul seriei generoase de date radiocarbon (66 de date) de la Băile Figa există mai multe probe care se datează în bronzul târziu I (între 1600

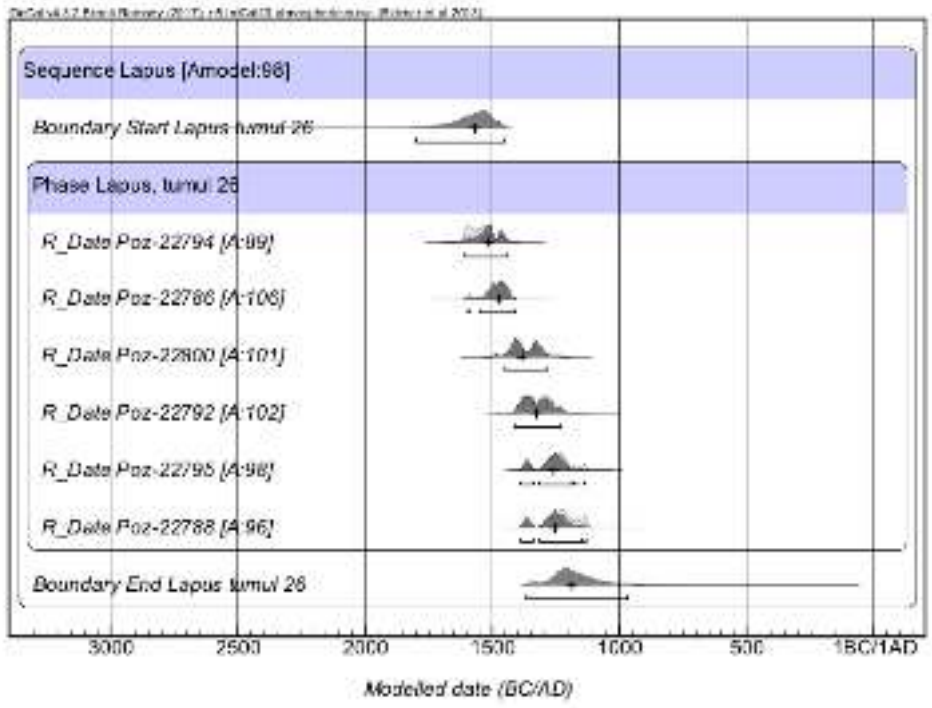


Fig. 6. Calibrarea datelor AMS de la Lăpuş.

şi 1400 BC) şi altele care pot fi atribuite bronzului târziu II (1400-1200 BC) (Harding, Kavruk 2013, 128, fig. 4.57-4.58, 4.61). În zona exploatărilor de sare de aici au fost găsite şi fragmente ceramice Suciu de Sus târzii asociate cu stilul ceramic Noua (Harding, Kavruk 2013, pl. 8) (fig. 7). Un sit contemporan în care a fost de asemenea exploatată sarea este şi la Săsarm, la 7 km în linie dreaptă spre nord de Figa (Harding, Kavruk 2013, tab. 4.3, fig. 4.74).

În sprijinul datării absolute a secvenţei cronologice BT II în vestul Transilvaniei vine şi o probă recoltată din cimitirul Noua de la Floreşti de lângă Cluj. Un schelet de adolescent (M 17), fără a i se preciza genul biologic, dintr-un mormânt dublu a fost datat între 1410-1220 calBC (2 σ) (Rotea et al 2014, 34, pl. XIX). Prin recalibrarea probei am obţinut o dată cuprinsă între 1401-1226 calBC (2 σ) (fig. 4, tab. I).

Bronzul târziu III (BT III) a fost sincronizat cu întreaga perioadă Ha A din zona de nord a Alpilor şi cu orizontul de depozite de bronzuri de tip Cincu-Suseni-Kurd şi a fost datat absolut între cca 1200/1150 şi cca 1050 BC (Przybyła 2009, 56, fig. 4) (fig. 3). Existenţa unei aşa numite secvenţe Ha A2, în care caracteristice ca şi fenomene depoziţionale ar fi orizonturile de bronzuri de tip Gyermely şi Turia-Jupalnic, s-a dovedit că nu mai poate fi susţinută. Plecând de la analiza lor tipo-cronologică, concluzia recentă a lui János Gábor Tarbay a fost că „The determination of the HaA2 period in the Carpathian Basin is one of most typical example for the imitation of the South German chronological system" (Tarbay 2015, 330). Ce informaţii avem pentru datarea absolută a etapei Bronz târziu III în estul Bazinului Carpatic?

În urma sondării celei de-a patra fortificaţii de la Cornești, care acoperă o suprafaţă de 1765 ha, au fost recuperate de la baza şanţului trei probe ^{14}C de cărbune care se plasează între 1370 şi 896 calBC (Szentmiklosi et al. 2016, 110, n. 26). Din nefericire nu a fost publicat şi materialul arheologic (dacă acesta a fost găsit) astfel încât nu se pot face deocamdată precizări cu privire la stilul ceramic al etapei a III-a a bronzului târziu din centrul Banatului. Cert este că fortificaţia de la Cornești încetează la momentul în care se generalizează şi în sudul Câmpiei Panonice ceramica neagră-roşie canelată contemporană stilului ceramic Gáva I (V. Szabó 1996; V. Szabó 2017).

Pentru estul Ungariei avem o probă de la Zsáka care se plasează între 1250-1150 calBC (V. Szabó 2017, 248). Aici au fost descoperite două depozite

de bronzuri (datate în aşa numita etapa Ha A2) şi o locuinţă cu materiale arheologice Gáva timpurii sau proto-Gáva. Fragmentele ceramice nu au fost însă publicate (V. Szabó 2016, 181-182, Abb. 17).

Unele dintre cele patru date ^{14}C de la Siret, un sit Gáva-Holihrady timpuriu din zona nord-est carpatică, se dovedesc a fi contemporane cu BT II (fig. 8). Concluzia lui Attila László a fost că „die Ersetzung der Noua-Kultur durch die Gáva-Holihrady-Kultur in den perikarpatischen Hochlandsgebieten aus dem oberen Pruth- und Dnester gegen Ende des 14. Jhs Cal BC stattfand" (László 2010, 125)[9]. O asemenea încadrare cronologică corespunde, aşa cum am văzut, şi secvenţei Lăpuş II. Dacă ar fi să acceptăm o datare atât de înaltă, atunci stilul ceramic Gáva apare pentru prima oară în nordul Bazinului Carpatic în BT II (Bz D) şi nu în BT III (Ha A). Având în vederea că atât datările de la Lăpuş cât şi cele de la Siret s-au făcut pe cărbune, putând suspecta un aşa-numit „old-wood-effect" (Ciugudean 2012, 239), cred că ar fi mai bine să aşteptăm şi alte datări absolute şi să nu ne grăbim cu astfel de concluzii.

Din informaţiile de care dispunem astăzi, momentul apariţiei în Transilvania, ca de altfel şi în Câmpia Panonică, a ceramicii negre-roşii canelate şi a vaselor bitronconice prezentând proeminenţe conice goale pe interior este mult mai târziu. Această ceramică a fost asociată în mod tradiţional cu perioada Ha A (A1) din centrul Europei (Müller-Karpe 1959, 151-161), caracterizând realităţile arheologice ale secolului al XII-lea BC din România (Rusu 1963, 184-189; Zaharia, Morintz 1965, 451-462; Horedt 1967, 150; László 1973; Hänsel 1976, 88-113; Vasiliev 2008; etc.). Acestei etape i-au fost asociate în estul Bazinului Carpatic diverse grupe culturale: Sîntana-Lăpuş-Pecica sau Sîntana-Lăpuş-Gáva (Rusu 1963, 189), Reci I (Székely 1966, 5-16, 37), Gáva (Horedt 1967, 150-152), Cruceni-Belegiš (Morintz 1978, 40-45; Gumă 1993, 150-157; Szentmiklosi 2010), Igriţa (Chidioşan, Emödi 1982; Vasiliev 2004), Biharea (Dumitraşcu 1983), Lăpuş (Kacsó 1987, 74-75; Kacsó 2001), Uioara de Jos şi Cugir-Band (Ciugudean 1994; Ciugudean 2004), Susani-Simeria (Popa, Totoianu 2010, 229-252) sau Lăpuş II-Gáva I (Marta 2010). Originea ceramicii negre-roşii canelate şi modul prin care acest stil ceramic s-a răspândit pe un spaţiu foarte larg rămâne o problemă încă nesoluţionată (Pankau 2004, 27-42; Vasiliev 2008; Bader 2012; Metzner-Nebelsick 2012; Dietrich 2015; etc.). Această problemă reprezintă o prioritate pentru cercetările viitoare, iar rezolvarea sa stă în rezultatul datării absolute a cât mai multor complexe închise în care apar astfel de materiale.

Cele mai timpurii date absolute pentru fortificaţia de la Teleac se plasează la mijlocul sec. al XI-lea (1060-1030 BC) (Ciugudean 2009, fig. 2)[10]. Noile cercetări arheologice desfăşurate în cadrul proiectului LOEWE vor aduce cu siguranţă noi precizări privind orizonturile cronologice de aici (Uhnér et al. 2017).

Apariţia ceramicii negre-roşii alături de alte elemente stilistice se produce astfel sigur în a doua jumătate a sec. al XI-lea BC, aşa cum o demonstrează şi un foarte interesant complex publicat recent de la Vlaha (Savu, Gogâltan 2015). Alături de o serie de piese ce denotă caracterul ritual al acestei gropi a fost descoperit şi un fragment ceramic negru-roşu. Întregul ansamblu a fost datat între 1112 şi 935 calBC (2 σ) (Gogâltan et al. 2015, 94, fig. 8) (fig. 4, tab. I). Pe baza datelor absolute de la Valea Florilor (Wollmann, Ciugudean 2005, 100-101, fig. 1 - 1420-990 calBC 2 σ - 95%; Ciugudean et al. 2006, 49, fig. 10 - 1430-1010 BC) şi Băile Figa (Harding, Kavruk 2013, 124-125: „Structure 5 in the 11th century cal BC, Structure 2 around 1000 cal BC, and Structure 1 in the 10th century cal BC.") ştim că aceste exploatări de sare au funcţionat în sec. XIII-X BC (fig. 7), dar nu au fost găsite şi alte piese arheologice care ne-ar fi permis o mai bună datare a culturii materiale a acestei perioade din vestul şi nordul Transilvaniei. Din nefericire nu sunt publicate încă probele ^{14}C din locuirea Gáva de la Rotbav (Dietrich 2014, 214). Ceea ce putem spune este că cea mai târzie dată Noua de aici se situează între 1284-1157 BC (2 σ) (fig. 4, tab. I).

[9] Discuţia a fost reluată recent la László 2017 sau László 2019. Reţinem următoarea concluzie „...sfârşitul culturii Noua şi începutul culturii Gáva în Câmpia Transilvaniei ar putea fi plasată către începutul sec. 13 cal. BC" (László 2017, 70) sau „...the calibrated radiocarbon age determinations show that the replacement of the Noua culture with the Gáva-Holihrady culture took place earlier in the Northeastern extra-Carpathian regions in present-day Subcarpathian Ukraine and the northwestern part of Romanian Moldavia (i.e. around the middle or second half of the 14th century cal BC), and somewhat later in Southeastern and Central Transylvania (i.e. probably not before the end of the 13th or beginning of the 12th century cal BC)" (László 2019, 57).

[10] La László 2010, 125, nota 18 găsim informaţia că „Nach der freundlichen brieflichen Information von Dr. Horia I. Ciugudean (23 Oktober 2008) liegt der Mittelwert der zwei 14CDatierungen um 1060-1030 BC. Die beide Proben stammen aus demselben Baumstamm".

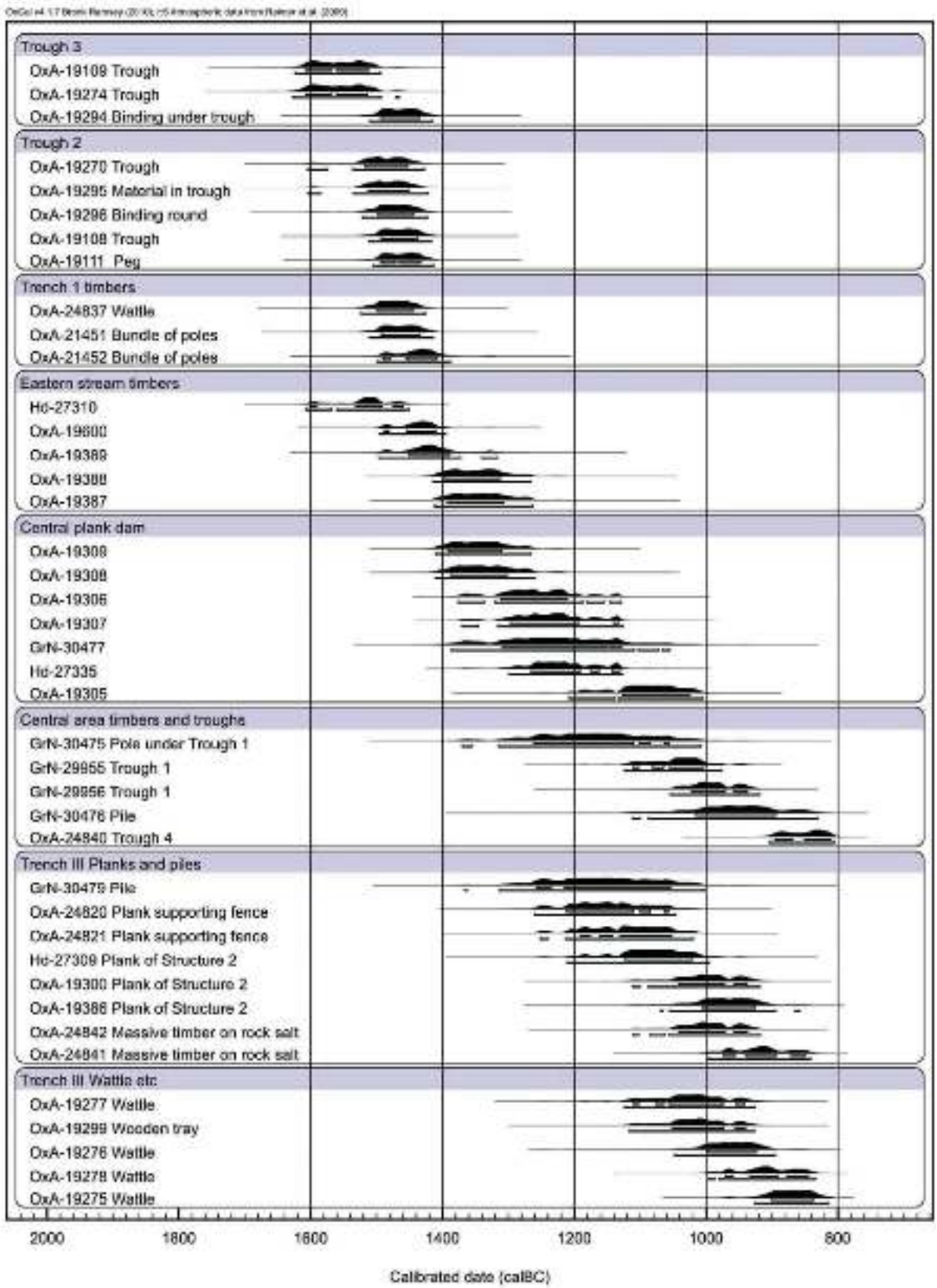


Fig. 7. Datele radiocarbon aparţinând bronzului târziu de la Băile Figa (după Harding, Kavruk 2013, pl. 8).

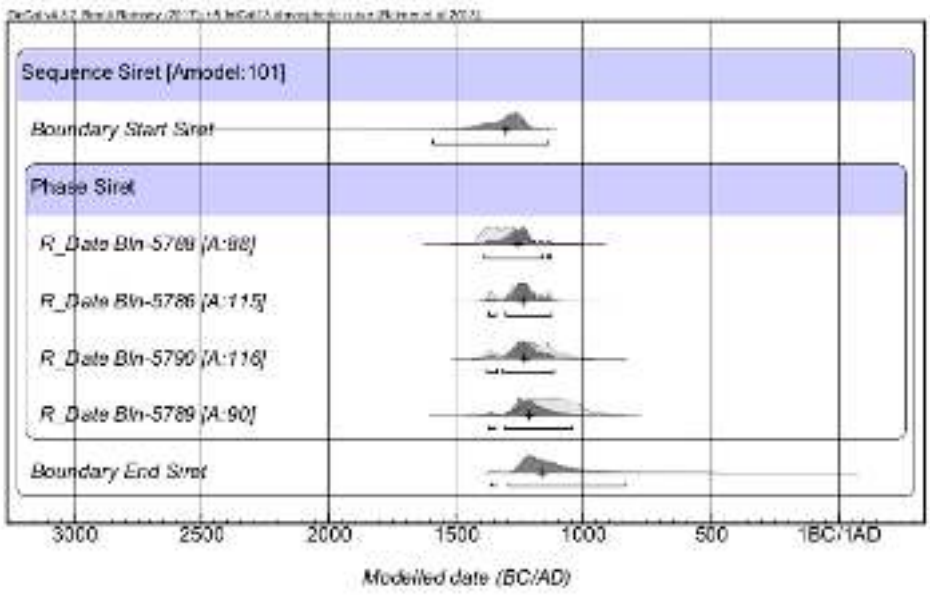


Fig. 8. Calibrarea datelor AMS de la Siret.

Bronzul târziu IV (BT IV) ar corespunde perioadei Ha B1 şi orizontului de bronzuri de tip Hajdüböszörmeny şi Moigrad-Tăuteu fiind datat absolut între cca 1050 şi 950-900 (Przybyła 2009, 57-58, fig. 4) (fig. 3). În mod normal aici trebuie plasată o probă de la Alba Iulia-*Recea* (975-896 BC), care ar fi asociată cu ceramică Gáva clasică (Ciugudean 2012, 239, fig. 11). Prin recalibrare datele absolute sunt cuprinse între 996-845 calBC (2 σ) (fig. 4, tab. I).

Analizând depunerile de bronzuri din aşa-numitele etape Ha B2 şi Ha B3 din estul Bazinului Carpatic, C. Pare şi C. Metzner-Nebelsick au încercat să demonstreze că ele nu pot fi separate, aşa cum s-a considerat anterior (Kemenczei 1996, cu bibliografia mai veche), existând un singur orizont („Depotfundstufe" - DFS V) caracteristic sec. al IX-lea BC (Pare 1999, 422, tab. 7; Metzner-Nebelsick 2005, 326-327, fig. 5). Această opinie a fost împărtăşită de către unii specialişti (Ciugudean 2012, 236) şi contestată de alţii (Soroceanu 2008, Taf. 75A-C). La Vlaha, tot în vestul Transilvaniei, am cercetat şi o locuire care a fost atribuită orizontului Mediaş-Teleac II (Ha B2) sau Gáva II după alţii (Nagy, Gogâltan 2012). O descoperire funerară izolată din aşezare a fost datată 931-827 calBC (2 σ) (Gogâltan et al. 2008) (fig. 4, tab. I). Ea corespunde momentului apariţiei aşa-numitei culturi Mezőcsát în estul Ungariei (Metzner-Nebelsick 2010, 129-136 cu bibliografia mai veche; V. Szabó 2017, 256-261), dar nu cred că se poate vorbi despre o prezenţă efectivă a acestui grup şi în vestul Transilvaniei, aşa cum s-a pronunţat A. László pentru această descoperire de la Vlaha (László 2013). Posibile contacte şi influenţe între cele două spaţii nu pot fi însă excluse (Ciugudean 2010, 171).

Cert este că în estul Bazinului Carpatic, cu excepţia Banatului unde se generalizează descoperirile de tip Gornea-Kalakača (Gogâltan 1996, cu bibliografia mai veche; Sava 2011), stilul ceramic Gáva evoluează alături de ceramica Mezőcsát şi Basarabi până la începutul Ha C (Ciugudean 2012, 236-237, fig. 14). Aşa cum am văzut, finalul bronzului târziu (BT IV) a fost stabilit de M. Przybyła la mijlocul sec. al 10-lea BC (Ha B2-Ha B3 în zona de nord a Alpilor) (Przybyła 2009, 63, fig. 4) (fig. 3). Pentru H. Ciugudean ultima fază din evoluţia culturii Gáva (a III-a după el) ar aparţine unei „Transition from the Late Bronze to the Early Iron Age" care corespunde etapei Ha B2-Ha B3 (Ciugudean 2010, 173, fig. 4).

Referindu-se la situaţia din nord-estul Serbiei, la graniţa dintre Bazinul Carpatic şi centrul Balcanilor, Miloš Jevtić formula concluzia: „It is without doubt that Kalakača horizon (or Kalakača-Gornea phase) could hardly be identified as Early Iron Age in the north Serbia region but as culturally related to the end of Late Bronze Age or characterized as transitional period, chronologically close to the so-called horizon of black burnished channeled pottery (Gáva horizon, Mala Vrbica-

Hinova)…" (Jevtić 2016, 13). Mai este necesar să precizez că aceasta este secvenţa de timp când se înmulţesc piesele de metal care au o origine estică (Metzner-Nebelsick 2002, 370-377, 707-713; Kemenczei 2005). Este şi cazul mai nou al sitului de la Baks aflat pe Tisa (V. Szabó 2011a; V. Szabó 2011b, 341-342; V. Szabó 2017, fig. 14).

Înainte de a discuta despre debutul primei epoci a fierului în estul Bazinului Carpatic sunt necesare câteva precizări legate de apariţia unor obiecte de fier în bronzul târziu. Mircea Rusu este cel care vorbea în 1974 despre existenţa unor obiecte de fier în Transilvania încă din Ha A[11]. Este cazul unui celt de 9 cm descoperit în tumulul 1 de la Lăpuş, al mânerului din fier al unui cuţit din depozitul de bronzuri de la Rozavlea, al unui fragment de brăţară din fier din necropola de la Bobda, a unui pumnal lung de 34 de cm care are miezul din fier de la Tirol, a unui ac cu capul discoidal având tot un miez de fier peste care s-a turnat bronz sau al unei săbii din fier amândouă piesele cu loc de descoperire necunoscut din Banat (Rusu 1974). Ulterior au fost adăugate alte descoperiri, care au ridicat numărul pieselor din fier care s-ar data în Ha A la 18 (Stoia 1989). Mai nou celtul de fier de la Lăpuş şi mânerul din fier al cuţitului din depozitul III de la Rozavlea au fost datate de C. Kacsó în bronz târziu II (Bz D) (Kacsó 2001, 234), la care mai trebuie adăugat şi fragmentul de brăţară din mormântul 10 din necropola de incineraţie de la Bobda (Boroffka 1991, 7, nr. 4). De asemenea în depozitul de la Pácin din nord-estul Ungariei, datat în sec. al 12-lea BC, ar exista pe o piesă de bronz urme de minereu de fier (Hellebrandt 1989, 106, 113). Concluzia recentă a lui C. Pare, care a reanalizat toate aceste descoperiri, a fost că „Aus diesen exemplarischen Fallbeispielen ist ersichtlich, dass es zurzeit nicht möglich ist, den Stand der Eisenmetallurgie während der Stufen Ha A1-B1 befriedigend zu kläre" (Pare 2017, 67).

Un număr apreciabil de piese din fier au fost descoperite atât în vechile săpături cât şi în mai noile cercetări de la Cernat în sud-estul Transilvaniei (V. Szabó 2011b, 339, cu bibliografia mai veche; Pare 2015, 281-284). Centrul metalurgic de aici, care a folosit bogatele zăcăminte de fier din zonă, a fost datat mai nou în a doua jumătate a sec. al 10-lea BC (Pare 2015, 284). Din punct de vedere al stilului ceramic, aşezarea aparţine orizontului Gáva clasic. Sunt cunoscute şi alte obiecte din fier care se pot data cu certitudine în sec. al X-lea BC, precum un cuţit cu lama de fier şi mânerul din bronz din depozitul de la Hida. Practic acum se poate vorbi despre existenţa cu siguranţă în Transilvania a unei producţii metalurgice locale a fierului (Pare 2015, 292; Pare 2017, 67-69).

În Ungaria, epoca fierului a fost împărţită în trei etape: timpurie, mijlocie şi târzie. În acest context ne interesează doar primele două etape (900/800-450 BC), ultima dintre ele caracterizându-se prin răspândirea comunităţilor celtice în ultimele decade al sec. al V-lea BC. De-o parte şi de alta a Dunării Mijlocii au fost identificate două provincii culturale. În Transdanubia varianta estică a culturii hallstattiene, iar în Câmpia Panonică şi regiunea muntoasă din nordul Ungariei lumea stepică prescitică şi mai apoi scitică. Aşa-numitei perioade prescitice (sec. IX-VIII BC) îi sunt atribuite cimitirele de la Mezőcsát, Füzsabony sau Szeged, care se caracterizează prin prezenţa inhumaţiei şi a unui set distinct de ofrande funerare (Kemenczei 2003). Aceste inventare sunt compuse şi din piese considerate ca având o origine stepică, aşa numitele descoperiri tracocimeriene (Kemenczei 2005). Trebuie precizat că nu se cunosc date absolute pentru acest orizont. Doar data amintită din mormântul de la Vlaha ar asigura o datare între 931-827 calBC (2 σ) a fazei clasice Gáva (Mediaş-Teleac II) şi a unor posibile legături cu lumea Mezőcsát (fig. 4, tab. I).

Apariţia stilului ceramic Basarabi, mai întâi în sudul extrem al Bazinului Carpatic, de unde s-a răspândit pe zone foarte largi (Ursuţiu 2002, Harta 1; Kashuba, Levitski 2013, fig. 4), a fost stabilită la un orizont relativ Ha B3/C1 (Gumă 1993, 208-235; Ursuţiu 2002, 73-75). Acum se înmulţesc brusc descoperirile sigure de piese din fier. Sugestivă pentru stabilirea momentului în care se generalizează folosirea fierului în Transilvania este situaţia constatată în urma săpăturilor din anii 80 ai secolului trecut de la Teleac. Din cele 29 de piese din fier, 25 s-au găsit în nivelul III atribuit secvenţei Basarabi, 4 în nivelul II şi niciuna în primul nivel caracteristic locuirii Gavá I (Vasiliev et al. 1991, 126).

Un alt sit reprezentativ pentru noua epocă din Transilvania este cel de la Tărtăria (Borş et al. 2014). În aşezarea de aici au fost descoperite două depozite care conţin piese din bronz şi fier (Borş 2015). Cercetările arheologice sistematice coordo-

[11] Vezi în acest sens şi contribuţiile lui K. Horedt (Horedt 1964) şi A. László (László 1977).

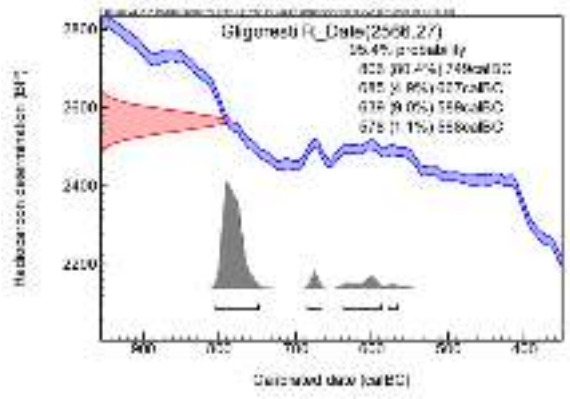


Fig. 9. Calibrarea datei AMS de la Gligoreşti.

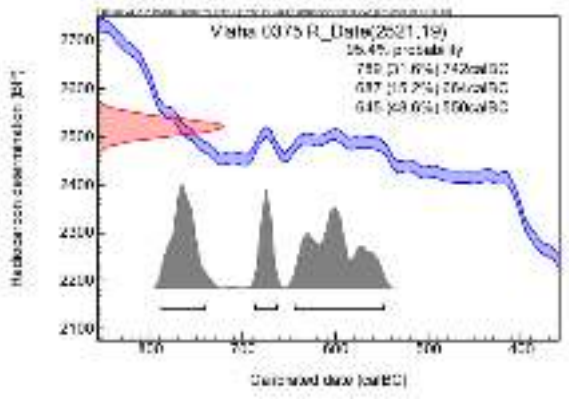


Fig. 10. Calibrarea datei AMS de la Vlaha CX 0375.

nate de Corina Borş în anii 2016-2017 au permis şi efectuarea unor probe AMS la laboratorul RO-AMS din cadrul Institutului de Fizică şi Inginerie Nucleară „Horia Hulubei". Ele nu au fost publicate încă, dar pe baza rezultatului lor prima locuire Basarabi de aici a fost datată începând cu a doua jumătate a sec. al IX-lea BC (Borş et al. 2017, 28).

Pentru această secvenţă a primei etape a epocii fierului există o dată absolută şi din aşezarea Basarabi de la Gligoreşti tot pe valea mijlocie a Mureşului (Ursuţiu 2002, 60, 89, fig. 10; Gogâltan et al. 2004, 69, 74, fig. 18)[12]. Aici a fost descoperit şi un vârf de săgeată din bronz cu trei muchii, dulie şi spin, rupt din antichitate. Pe baze tipologice el a fost datat în a doua jumătate a sec. al VII-lea (Ursuţiu 2002, 60-61, pl. CXXXI/2). Proba AMS ar asigura evoluţia acestei aşezări cel puţin pe parcursul sec. al VIII-lea BC, dacă nu şi mai târziu (fig. 9).

Unele date absolute de la Tărtăria[13] ca şi proba de la Gligoreşti au oferit valori şi după 800-750 calBC când se înscriu practic pe aşa-numitul „platou hallstattian". Din această cauză nu se poate stabili o datare sigură a finalului culturii Basarabi. Pe baza tipologiei unor săgeţi de bronz aşa-zise scitice, descoperite în unele situri Basarabi târzii, am propus încetarea existenţei acestui stil ceramic spre sfârşitul sec. al VII-lea BC (Gogâltan, Nagy 2012, 112-116, cu bibliografia mai veche).

În estul Ungariei perioada scitică a fost datată, tot pe baze tipologice, după mijlocul sec. al VII-lea şi până la începutul sec. al IV-lea BC (Kemenczei 2009, 111-114). Recent au fost publicate cinci probe ^{14}C din aşezarea de perioadă scitică de la Nagytarcsa lângă Budapesta, pe malul estic al Dunării (Czifra et al. 2017, fig. 19). Practic ele ne oferă un interval lung de timp care acoperă tot „platoul Hallstattian" (750-400 BC). Din Transilvania există două date absolute. Una a fost prelevată din complexul CX 0375 de la Vlaha, care a fost atribuit unor „descoperiri de tip Vlaha", posterioare culturii Basarabi. Despre aceste descoperiri precizam că „it is not possible to say precisely whether they were contemporary, beginning at some time in the second half of the 7th century BC, with the Scythian group, or they were posterior to that" (Gogâltan, Nagy 2012, 116). Din nefericire, data nu este foarte precisă şi acoperă o perioadă de timp cuprinsă între 789-550 calBC (2 σ)[14] (fig. 10). Ea ar trebui reanalizată, aşa cum s-a procedat recent cu o dată din cimitirul „scitic" de la Simeria. Iniţial ea a oferit intervalul 894-874 calBC (4,4%), respectiv 846-796 calBC (91,0%) (Soficaru et al. 2018, 22, fig. 14). Ulterior în laboratorul din Edinburgh, prin analiza izotopilor stabili, s-a reuşit redatarea sa între 647-548 calBC (2 σ) (Simion et al. 2019). În această situaţie este foarte probabil ca acele „descoperiri de tip Vlaha" să fie contemporane cu cimitirele „scitice" din Transilvania. Recent pentru materiale asemănătoare de la Teleac s-a propus datarea în sec. VII-VI BC (Uhnér et al. 2017, 185)[15].

[12] Proba a fost finanţată din grantul *„Living in the Bronze Age Tell Settlements. A study of Settlement Archaeology at the Eastern Frontier of Carpathian Basin"* (PN-II-ID-PCE-2012-4-0020), pe care l-am coordonat în perioada 2013-2016.

[13] Informaţii amabile C. Borş.

[14] Proba a fost de asemenea finanţată prin grantul *„Living… "*.

[15] În varianta în limba engleză a raportului privind săpăturilor recente de la Teleac se precizează însă că „the sequence might be placed in the 8th-7th century BC" (Uhnér et al. 2018, 382). Probabil este vorba despre o greşeală de tipar.

***

Aşa cum precizam la început, relativ recent am publicat un articol cu privire la cronologia bronzului timpuriu şi mijlociu din estul Bazinului Carpatic (cca 2700/2600-1600/1500 BC). Plecând de la datele absolute, am arătat ce diferenţă există între abordările cu precădere tipo-cronologice de acum 15 ani şi ceea ce se cunoaşte sau mai exact ceea ce nu se cunoaşte astăzi (Gogâltan 2015). Acelaşi lucru am încercat să fac şi prin această prezentare a realităţilor bronzului târziu din estul Bazinului Carpatic.

Pentru unele obiective ale bronzului târziu avem datări absolute satisfăcătoare. Este vorba mai ales despre săpăturile unor misiuni arheologice germane care au făcut cercetări mai mulţi ani în unele situri din România (Lăpuş, Corneşti, Sântana). Astfel pentru acele etape BT I şi BT II, cel puţin în Banat şi Maramureş, lucrurile încep să se contureze din punct de vedere cultural şi cronologic relativ mulţumitor (fig. 4, tab. I). Evident mai rămân de clarificat o serie de aspecte precum cele legate de elementele definitorii ale culturii materiale. Publicarea rezultatelor acestor săpături ar trebui să lămurească în bună măsură problemele evidenţiate mai sus. Sperăm că aceasta se va întâmpla cât mai repede pentru a ne putea stabili strategiile viitoare de cercetare. De aceea colectivul care investighează situl de la Sântana-*Cetatea Veche* şi-a propus ca prioritate publicarea în detaliu a rezultatelor fiecărei campanii de cercetări arheologice (Gogâltan, Sava 2018; Sava et al. 2019; Gogâltan et al. 2019).

În Transilvania, aşa cum am văzut, am păşit doar pe vârful acestui iceberg care reprezintă bronzul târziu. Datele absolute sunt extrem de puţine, iar o serie de obiective reprezentative au fost sumar publicate sau au rămas nepublicate. În cazul sitului de la Vlaha materialele arheologice au fost prelucrate, făcând obiectul a trei teze de doctorat[16]. Ele nu pot fi însă publicate la standardele actuale deoarece există doar 6 date AMS care acoperă o perioadă de timp cuprinsă între 1600/1500 BC şi 700/500 BC. De asemenea spaţiul intracarpatic a fost inegal cercetat, aşa încât nu ştim cu exactitate care sunt realităţile culturale pe zone foarte întinse din sudul, centrul şi estul Transilvaniei (fig. 1).

Pentru evoluţia culturală a uneia dintre manifestările considerate mai nou a fi caracteristice bronzului târziu din estul Bazinului Carpatic, aşa-numita cultură Gáva, datele sunt nepermis de puţine şi contradictorii (fig. 4, tab. I). Cu siguranţă că noul colectiv româno-german care investighează în cadrul proiectului LOEWE aşezarea multistratigrafică de la Teleac va aduce mai multe lămuriri privind evoluţia acestui stil ceramic în vestul Transilvaniei. Ce se întâmplă în restul spaţiului de răspândire a acestei mode ceramice, din Banat până în estul Transilvaniei putem doar presupune, fără a avea nicio certitudine cu privire la datarea unor situri reprezentative precum Remetea Mare, Mediaş, Porumbenii Mari, Reci, etc.

Dacă pentru o serie de alte stiluri ceramice precum Gornea-Kalakača sau Basarabi ori descoperirile funerare ale grupului Mezőcsát se mai poate face ceva în privinţa datărilor absolute, pentru perioada scitică nu avem speranţe decât din partea tehnicii de datare „wiggle-matching" atunci când datarea dendrocronologică nu este posibilă (Jacobsson et al. 2017).

Efortul pe care l-am făcut în sistematizarea tuturor informaţiilor noi privind perioada de timp cuprinsă între 1600/1500-900/800 BC în estul Bazinului Carpatic nu are un rezultat mulţumitor. Aş fi vrut să propun o schiţă cronologică care să reflecte stadiul actual al cunoşterii bronzului târziu. Din nefericire, nu aş fi adus mai multe lucruri noi faţă de propunerile avansate de M. Przybyła sau H. Ciugudean.

Cred că datările absolute ale unor situri reprezentative trebuie să fie una dintre priorităţile noastre ştiinţifice. Pentru a depăşi toate incertitudinile privind trecerea de la bronzul târziu la prima epocă a fierului în estul Bazinului Carpatic avem nevoie de proiecte naţionale (atât în Ungaria, cât şi în România) care să finanţeze serii generoase de probe AMS. Chiar dacă proiectele internaţionale au adus importante contribuţii la datarea unor obiective arheologice, ele au interesele lor particulare.

[16] Este vorba despre următoarele teze de doctorat: J.G. Nagy „Habitatul în prima epocă a fierului în Bazinul Someşului Mic. Locuirea de la Vlaha-Pad, jud. Cluj", Iaşi, 2011; I. Kelemen „Rolul animalelor în viaţa populaţiilor de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Transilvania", Iaşi, 2012; R.E. Németh „Contribuţii privind perioada târzie a epocii bronzului în podişul Transilvaniei. Aşezarea de la Vlaha-Pad", Iaşi, 2015.

Bibliografie

Bader 2012: T. Bader, Bemerkungen über die Gáva Kultur. Geschichte und Stand der Forschung. Ein Überblick. In: (Hrsg. L. Marta) Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17-18 Juni 2011. Satu Mare. Studii și comunicări 28/1, 2012, 7-22.

Bălan 2013: G. Bălan, Așezările fortificate din aria culturii Gáva din România. In: (Eds. S-C. Ailincăi, Al. Țârlea, C. Micu) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012) (Actele conferinței „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag", Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 265-310.

Bejinariu 2010: I. Bejinariu, Aspects of the Late Bronze Age Cultural Evolution in Northwestern Romania (the Upper Barcău and Crasna Rivers). Satu Mare. Studii și comunicări 26/1, 2010, 235-264.

Berecki 2016: S. Berecki, The Bronze Age Site from Luduș (Cluj-Napoca 2016).

Berecki et al. 2011: S. Berecki, R.E. Németh, B. Rezi (eds.), Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș 8-10 October 2010 (Târgu Mureș 2011).

Boroffka 1991: N. Boroffka, Die Verwendung von Eisen in Rumänien von den Anfängen bis in das 8. Jahrhundert v. Chr (Berlin 1991).

Borș 2015: C. Borș, Depozitele de bronzuri Tărtăria I și Tărtăria II. In: H. Ciugudean, G. Bălan, Artizanii epocii bronzului. Descoperiri recente de depozite de bronzuri în județul Alba. Catalog de expoziție (Alba Iulia 2015), 51-64.

Borș et al. 2014: C. Borș, L. Irimuș, V. Rumega, S. Dobrotă, C. Rișcuța, Un nou sit de tip Basarabi. Raport arheologic preliminar asupra cercetărilor arheologice preventive de la Tărtăria-Podu Tărtăriei vest (campania 2012). Cercetări Arheologice XX, 2013 (2014), 9-102.

Borș et al. 2017: C. Borș, L. Rumega-Irimuș, V. Rumega-Irimuș, Cercetări arheologice sistematice în cuprinsul sitului hallstattian Tărtăria-Podu Tărtăriei vest. Raport preliminar al campaniilor 2016-2017. Cercetări Arheologice XXIV, 2017, 17-82.

Bulatović 2007: Al. Bulatović, South Morava Basin in the Transitional Period from the Bronze Age to the Iron Age. Starinar LVII, 2007, 58-82.

Chidioșan, Emödi 1982: N. Chidioșan, I. Emödi, Grupul cultural Igrița de la sfârșitul epocii bronzului. Crisia XII, 1982, 61-86.

Ciugudean 1994: H. Ciugudean, Perioada Hallstatt A în centrul Transilvaniei. Apulum XXXI, 1994, 59-73.

Ciugudean 2004: H. Ciugudean, Descoperiri aparţinând bronzului târziu pe cursul mijlociu al Mureşului. Apulum XLI, 2004, 179-185.

Ciugudean 2009: H. Ciugudean, Câteva observaţii privind cronologia aşezării fortificate de la Teleac. Apulum, XLVI, 2009, 313-336.

Ciugudean 2010: H. Ciugudean, The Late Bronze Age in Transylvania (With primary focus on the central and Southern areas). Satu Mare. Studii și comunicări 26/1, 2010, 157-202.

Ciugudean 2012: H. Ciugudean, The chronology of the Gáva culture in Transylvania. In: (Red. W. Blajer) Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae (Kraków 2012), 107-121.

Ciugudean, Quinn 2015: H. Ciugudean, C.P. Quinn, The End of the Wietenberg Culture in the Light of new ^{14}C Dates and its Chronological Relation Towards the Noua Culture. In: (Eds. R.E. Németh, B. Rezi) Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș 2-4 October 2014 (Cluj-Napoca 2015), 147-178.

Ciugudean et al. 2006: H. Ciugudean, S.A. Luca, A. Georgescu, Depozitul de bronzuri de la Dipșa (Sibiu 2006).

Czifra et al. 2017: Sz. Czifra, A. Kreiter, É. Kovács-Széles, M. Tóth, O. Viktorik, B. Tugya, Scythian age settlement near Nagytarcsa. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 68, 2017, 241-298.

Diaconescu et al. 2018: D. Diaconescu, V. Bunoiu, A. Muscalu-Creţescu, I. Leonti, Al. Hegyi, R. Pinca, S. Tincu, Susani, com. Traian Vuia, jud. Timiș, Punct: Grămurada de la Jupani. Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 2017. A LII-a sesiune națională de rapoarte arheologice. Muzeul Naţional de Istorie al Transilvaniei, Cluj 15-17 noiembrie 2018 (Bucureşti 2018), 131-132.

Dietrich 2014: L. Dietrich, Die mittlere und späte Bronzezeit und die ältere Eisenzeit in Südostsiebenbürgen aufgrund der Siedlung von Rotbav (Bonn 2014).

Dietrich 2015: L. Dietrich, An new world order: the spread of channlled ware in Late Bronze Age and Early Iron Age Transylvania. In: (Eds. P. Suchowska-Ducke, S. Scott Reiter, H. Vandkilde) Forging Identities. The Mobility of Culture in Bronze Age Europe: Volume: 2. BAR International Series 2772, (Oxford 2015), 165-173.

Dumitrașcu 1983: S. Dumitrașcu, O nouă cultură arheologică protoistorică recent descoperită și studiată: cultura Biharea Br. CD-Ha A_1. Carpica XV, 1983, 105-116.

Furmánek et al. 1999: V. Furmánek, L. Veliaćik, J. Vladár, Die Bronzezeit im slowakischen Raum (Rahden/Westf. 1999).

Gavranović 2011: M. Gavranović, Die Spätbronze- und Früheisenzeit in Bosnien (Bonn 2011).

Gogâltan 1996: Fl. Gogâltan, Die späte Gornea-Kalakača Siedlung von Giroc und die Frage des Beginns der Basarabi-Kultur im Südwesten Rumäniens. In: Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7.-9. November 1996) (Bukarest 1996), 33-51.

Gogâltan 1998: Fl. Gogâltan, The Cruceni-Belegiš cemetery from Livezile (Tolvădia), commune Banloc, District Timiş. In: (Ed. P. Roman) The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology". Constanţa-Mangalia-Tulcea 20-26 May 1996, II (Bucharest 1998), 181-205.

Gogâltan 2001: Fl. Gogâltan, The Settlement of Căşeiu and Some Problems Concerning the Late Bronze Age in the Center and Northern Transylvania. In: (Hrsg. C. Kacsó) Der nordkarpatischen Raum in der Bronzezeit. Symposium Baia Mare, 7.-10 Oktober 1998 (Baia Mare 2001), 191-214.

Gogâltan 2002: Fl. Gogâltan, Contribuţii privind metalurgia bronzului în Bazinul Carpatic. Ciocanele şi nicovalele cu gaură de înmănuşare transversală din România. Ephemeris Napocensis IX-X, 1999-2000 (2002), 5-59.

Gogâltan 2014: Fl. Gogâltan, Drinking with the gods? The problem of Bronze Age pot deposits in Transylvania. Studia Universitatis Babeş-Bolyai 59/1, 2014, 35-82.

Gogâltan 2015: Fl. Gogâltan, The Early and Middle Bronze Age Chronology on the Eastern Frontier of the Carpathian Basin: Revisited after 15 Years. In: (Eds. R.E. Németh, B. Rezi) Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 2-4 October 2014 (Cluj-Napoca 2015), 53-95.

Gogâltan 2017: Fl. Gogâltan, The Bronze Age Multilayered Settlements in the Carpathian Basin (cca 2500-1600/1500 BC). An old catalogue and some chronological problems. JAHA 4/4, 2017, 28-63.

Gogâltan 2018: Fl. Gogâltan, Despre cronologia aşezările multistratificate ale epocii bronzului din Bazinul Carpatic. O privire retrospectivă a ultimilor 15 ani. Crisia XLVIII, 2018, 9-28.

Gogâltan, Sava 2010: Fl. Gogâltan, V. Sava, Sântana Cetatea Veche. O fortificaţie de pământ a epocii bronzului la Mureşul de jos. A Bronze Age earthwork on the lower Mureş (Arad 2010).

Gogâltan, Nagy 2012: Fl. Gogâltan, Nagy J.-G., Profane or ritual? Pit "CX 0375" from Vlaha "Pad" (Săvădisla commune, Cluj County). A discovery of the end of the Early Iron Age from Transylvania. In: (Ed. S. Berecki) Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 7-9 October 2011 (Târgu Mureş 2012), 105-132.

Gogâltan, Sava 2014: Fl. Gogâltan, V. Sava, Depozitul de bronzuri de la Lipova (jud. Arad). Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis 6, 2014, 183-209.

Gogâltan, Popa 2016: Fl. Gogâltan, C.I. Popa, Gligoreşti „Holoame" (com. Luna, jud. Cluj). O aşezare a bronzului târziu din Transilvania. Terra Sebus 8, 2016, 35-82.

Gogâltan, Sava 2018: Fl. Gogâltan, V. Sava, A Violent End. An Attack with Clay Sling Projectiles against the Late Bronze Age Fortification in Sântana, South-Western Romania. In: (Hrsg. S. Hansen, R. Krause) Bronzezeitliche Burgen zwischen Taunus und Karpaten. Beiträge der Ersten Internationalen LOEWE-Konferenz vom 7. bis 9. Dezember 2016 in Frankfurt/M. Bronze Age Hillforts between Taunus and Carpathian Mountains. Proceedings of the First International LOEWE Conference, 7-9 December 2016 in Frankfurt/M. UPA 319 (Bonn 2018), 349-369.

Gogâltan et al. 2004: Fl. Gogâltan, I.Al. Aldea, A. Ursuţiu, Raport preliminar asupra investigaţiilor arheologice de la Gligoreşti "Holoame", com. Luna, jud. Cluj (1994-1996). Apulum XLI, 2004, 61-101.

Gogâltan et al. 2008: Fl. Gogâltan, E. Apai, I. Kelemen, Leben mit den Toten. Ein ältereisenzeitliches Grab von Vlaha, Kr. Cluj. In: (Eds. V. Sîrbu, D.L. Vaida) Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Proceedings of the 9th International Colloquium of Funerary Archaeology. Bistriţa, Romania May 9th - 11th, 2008 (Cluj-Napoca 2008), 109-123.

Gogâltan et al. 2011: Fl. Gogâltan, R.E. Németh, E. Apai, Eine rituelle Grube bei Vlaha, Gemeinde Săvădisla (Kreis Cluj). In: (Eds. S. Berecki, R.E. Németh, B. Rezi) Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 8-10 October 2010 (Târgu Mureş 2011), 163-183.

Gogâltan et al. 2013: Fl. Gogâltan, V. Sava, L. Mercea, Sântana "Cetatea Veche". Metal and power. Ziridava. Studia Archaeologica 27, 2013, 21-72.

Gogâltan et al. 2015: Fl. Gogâltan, M. Savu, I. Kelemen, Mâini magice? Un complex aparţinând bronzului târziu de la Vlaha-Pad (jud. Cluj). Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis 7, 2015, 73-122.

Gogâltan et al. 2019: F. Gogâltan, V. Sava, R. Krause, Sântana "Cetatea Veche". A Late Bronze Age mega-fort between Taunus and the Carpathian Mountains. In: (Eds. S. Hansen, R. Krause) Prehistoric Conflict Research. Materialisation of Conflicts. 3rd International LOEWE Conference 24-27 September 2018 in Fulda (Hesse, Germany), sub tipar.

Gumă 1993: M. Gumă, Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României (Bucureşti 1993).

Hansen, Krause 2018: S. Hansen, R. Krause (Hrsg.), Bronzezeitliche Burgen zwischen Taunus und Karpaten. Beiträge der Ersten Internationalen LOEWE-Konferenz vom 7. bis 9. Dezember 2016 in Frankfurt/M. Bronze Age Hillforts between Taunus and Carpathian Mountains. Proceedings of the First International LOEWE Conference, 7-9 December 2016 in Frankfurt/M. UPA 319 (Bonn 2018).

Harding 2017: A. Harding, Corneşti-Iarcuri and the rise of mega-forts in Bronze Age Europe. In: (Eds. B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, R. Krause, M. Wemhoff) Fortifications: The Rise And Fall Of Defended Sites In Late Bronze Age And Early Iron Age Of South-East Europe. International Conference in Timişoara, Romania from November 11th to 13th, 2015 (Berlin 2017), 9-14.

Harding, Kavruk 2013: A. Harding, V. Kavruk, Transylvania. In: A. Harding, V. Kavruk, Explorations in Salt Archaeology in the Carpathian Zone (Budapest 2013), 41-153.

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an den unteren Donau (Bonn 1976).

Heeb et al. 2015: B.S. Heeb, Al. Szentmiklosi, R. Krause, Corneşti-Iarcuri – Ergebnisse der archäologischen Untersuchungen 2007 bis 2014 an der größten prähistorischen Befestigung Europas. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 36, 2015, 57-68.

Heeb et al. 2017a: B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, R. Krause, M. Wemhoff (eds.), Fortifications: The Rise And Fall Of Defended Sites In Late Bronze Age And Early Iron Age Of South-East Europe. International Conference in Timişoara, Romania from November 11th to 13th, 2015 (Berlin 2017).

Heeb et al. 2017b: B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, A. Bălărie, R. Lehmpuhl, R. Krause, Corneşti-Iarcuri – 10 years of research (2007-2016). Some important preliminary results. In: (Eds. B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, R. Krause, M. Wemhoff) Fortifications: The Rise And Fall Of Defended Sites In Late Bronze Age And Early Iron Age Of South-East Europe. International Conference in Timişoara, Romania from November 11th to 13th, 2015 (Berlin 2017), 217-228.

Heeb et al. 2018: B. Heeb, R. Lehmphul, Al. Szentmiklosi, A. Bălărie, R. Krause, Corneşti-Iarcuri im rumänischen Banat und sein bronzezeitlicher Kontext. In: (Hrsg. S. Hansen, R. Krause) Bronzezeitliche Burgen zwischen Taunus und Karpaten. Beiträge der Ersten Internationalen LOEWE-Konferenz vom 7. bis 9. Dezember 2016 in Frankfurt/M. Bronze Age Hillforts between Taunus and Carpathian Mountains. Proceedings of the First International LOEWE Conference, 7-9 December 2016 in Frankfurt/M. UPA 319 (Bonn 2018), 395-406.

Hellebrandt 1989: M. Hellebrandt, A Pácini IV. Bronzlelet. Communicationes Archaeologicae Hungariae 1989, 97-113.

Hervella et al. 2015: M. Hervella, M. Rotea, N. Izagirre, M. Constantinescu, S. Alonso, M. Ioana, L. Cătălin, Fl. Ridiche, A.D. Soficaru, M.G. Netea, C. de-la-Rua, Ancient DNA from South-East Europe Reveals Different Events during Early and Middle Neolithic Influencing the European Genetic Heritage. PLoS ONE 10(6), 2015, 1-20.

Horedt 1964: K. Horedt, Die Verwendung des Eisens in Rumänien bis in das 6. Jahrhundret v. u. Z. Dacia N.S. VIII, 1964, 119-132.

Horedt 1967: K. Horedt, Problemele ceramicii din perioada bronzului evoluat în Transilvania. Studii şi comunicări Muzeul Brukenthal. Arheologie-Istorie 13, 1967, 137-156.

Ilon 2015a: G. Ilon, Zeitstellung der Urnenfelderkultur (1350/1300-750/700 BC) in West-Transdanubien. Ein Versuch mittels Typochronologie und Radiokarbondaten. In: (Eds. R.E. Németh, B. Rezi) Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 2-4 October 2014 (Cluj-Napoca 2015), 223-296.

Ilon 2015b: G. Ilon, The Golden Treasure from Szent Vid in Velem. The Costume of a High-Ranking Lady of the Late Bronze Age in the Light of New Studies (Budapest 2015).

Jacobsson et al. 2017: P. Jacobsson, W.D. Hamilton, G. Cook, A. Crone, E. Dunbar, H. Kinch, Ph. Naysmith, B. Tripney, S. Xu, Refining the Hallstatt Plateau: Short-term ^{14}C variability and small scale offsets in 50 consecutive single tree-rings from southwest Scotland dendro-dated to 510–460 BC. Radiocarbon, 2017, 1-19.

Jaeger, Kulcsár 2013: M. Jaeger, G. Kulcsár, Kakucs–Balla-domb a case study in the absolute and relative chronology of the Vatya culture. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica 64, 2013, 289-320.

Jevtić 2016: M. Jevtić, Basarabi and Ferigile Finds on the Border Between the Carpathian Basin and Central Balkans. Contribution to the Early Iron Age Chronology. In: (Ed. S. Berecki), Iron Age Chronology in the Car-

pathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș 8–10 October 2015 (Cluj-Napoca 2016), 9-18.

Kacsó 1987: C. Kacs, Beiträge zur Kenntnis des Verbreitungsgebietes und der Chronologie der Suciu de Sus-Kultur. Dacia N.S. XXXI, 1987, 51-75.

Kacsó 1990: C. Kacsó, Bronzul târziu în nord-vestul României. Symposia Thracologica 8, 1990, 41-50.

Kacsó 1995: C. Kacsó, Der Hortfund von Arpășel. In: T. Soroceanu (Bearb. u. Red.), Bronzefunde aus Rumänien. PAS, 10 (Berlin 1995), 81-130.

Kacsó 2001: C. Kacsó, Zur chronologischen und kulturellen Stellung des Hügelgräberfeldes von Lăpuș. In: (Hrsg. C. Kacsó) Der nordkarpatischen Raum in der Bronzezeit. Symposium Baia Mare, 7.-10 Oktober 1998 (Baia Mare 2001), 231-278.

Kacsó 2005: C. Kacsó, Stand der Urnenforschung in Rumänien. Angustia 9, 2005, 107-112.

Kacsó et al. 2012: C. Kacsó, C. Metzner-Nebelsick, L. Nebelsick, Kontinuität und Diskontinuität im Bestattungsverhalten der spätbronzezeitlichen Eliten in Nordwestsiebenbürgen am Beispiel der Hügelnekropole von Lapus in Nordwestrumänien. In: (Hrsg. D. Bérenger, J. Bourgeois, M. Talon, S. Wirth) Gräberlandschaften der Bronzezeit/ Paysages funéraires de l'âge du Bronze (Darmstadt 2012), 457-475.

Kaşuba, Zanoci 2010: M. Kaşuba, A. Zanoci, Locuinţele comunităţilor hallstattiene din spaţiul est-carpatic în secolele XII-VIII a. Chr. (tradiţii, deosebiri culturale şi perspectivele cercetării comparative). Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 49-102.

Kashuba, Levitski 2013: M. Kashuba, O. Levitski, Impact of the Hallstattian (Carpathian-Danube) cultures (Ha A-Ha C) on the cultural-historical processes of the northern Black Sea Region. In: (Eds. B.P. Niculică, D. Boghian) Semper fidelis. In honorem magistri Mircea Ignat (Suceava 2013), 325-344.

Kemenczei 1984: T. Kemenczei, Die Sptbronzezeit in Nordostungarn (Budapest 1984).

Kemenczei 1991: T. Kemenczei, A Pécskai/Pecica második bronzlelet. Folia Archaeologica XLII, 1991, 27-48.

Kemenczei 1996: T. Kemenczei, Angaben zur Frage der endbronzezeitlichen Hortfundstufen im Donau–Theißgebiet. Communicationes Archaeologicae Hungariae 1996, 53-92.

Kemenczei 2003: T. Kemenczei, The beginning of the Iron Age: the pre-Scythians (8th century B.C.). In: (Eds. Zs. Visy, M. Nagy, Z.B. Kiss) The hungarian archaeology at the turn of the millennium (Budapest 2003), 177-179.

Kemenczei 2005: T. Kemenczei, Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. PBF, XX/10 (Stuttgart 2005).

Kemenczei 2009: T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe (Budapest 2009).

Kienlin 2018: T.L. Kienlin, Borsod Region Bronze Age Settlement: 'Diversity in Uniformity'. In: T.L. Kienlin, K. P.Fischl, T. Pusztai, Borsod Region Bronze Age Settlement (BORBAS). Catalogue of the Early to Middle Bronze Age Tell Sites Covered by Magnetometry and Surface Survey, UPA 317 (Bonn 2018), 11-92.

László 1973: A. László, Consideraţii asupra ceramicii de tip Gáva din Hallstattul timpuriu. SCIV 24/4, 1973, 575-609.

László 1977: A. László, Anfänge der Benutzung und der Bearbeitung des Eisens auf dem Gebiete Rumäniens. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica XXIX, 1977, 53-75.

László 2001: A. László, Prima epocă a fierului. Istoric şi caracterizare. In: M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe (coord.), Istoria românilor. Vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 294-299.

László 2010: A. László, Zur Chronologie der späten Bronzezeit und der älteren Hallstattperiode im nord-östlichen Karpatenraum. Die Radiokarbon-Datierung der Gáva-Holihrady Siedlung von Siret (Bukovina). Satu Mare. Studii şi comunicări 26/1, 2010, 121-132.

László 2013: A. László, Leben mit den Toten? Über die kulturelle und chronologische Lage der früheisenzeitlichen Siedlung und Körperbestattung von Vlaha. Satu Mare. Studii şi comunicări 29/1, 2013, 255-267.

László 2017: A. László, Date privind destinele unei culturi arheologice. Despre evoluţia în timp şi spaţiu a culturii Noua în lumina datarilor radiocarbon. In: Studia in honorem Florea Costea la a 80-a aniversare (Braşov 2017), 64-74.

László 2019: A. László, Archaeological-Historical Information and Radiocarbon Dating: Problems of the Late Bronze-Early Iron Age Chronology of the Carpathian-Danubian-Balkan Region. In: (Eds. N. Palincaş, C.C. Ponta) Bridging Science and Heritage in the Balkans. Studies in archaeometry, cultural heritage restoration and conservation (Oxford 2019), 52-63.

Lehmphul et al. 2018: R. Lehmphul, A. Georgescu, B.S. Heeb, Al. Szentmiklosi, A. Bălărie, K. Teinz, R. Krause, M. Wemhoff, Häuser, Gruben und ein »Lausitzer« Gefäß – Ergebnisse der Feldforschungen 2016 und 2017 an der spätbronzezeitlichen Siedlung Cornești-larcuri im rumänischen Banat. Acta Praehistorica et Archaeologica 50, 2018, 31-43.

Leviţki 2003: O. Leviţki, Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.) (Bucureşti 2003).

Leviţki, Kaşuba 2015: O. Leviţki, M. Kaşuba, Două culturi hallstattiene timpurii cu ceramică canelată din regiunea est carpatică: trăsături generale şi locale. In: (Eds. V. Spinei, N. Ursulescu, V. Cotiugă) Orbis Praehistoriae. Mircea Petrescu-Dîmboviţa – in memoriam (Iaşi 2015), 579-614.

Lie et al. 2018: M.A. Lie, C. Cordoş, Al. Găvan, G. Fazecaş, T.L. Kienlin, Fl. Gogâltan, An overview of the Bronze Age tell-settlement in Toboliu (Bihor County). Gesta XVII/2, 2018, 63-76.

Maráz 2015: B. Maráz, The Cemeteries of the Urnfield Culture East of the Danube and the Tisza. In: (Hrsg. I. Szathmári) An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit. Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75. Geburtstag (Budapest 2015), 353-368.

Marta 2009: L. Marta, The Late Bronze Age Settlements of Petea-Csengersima (Satu-Mare 2009).

Marta 2010: L. Marta, Lăpuş II-Gáva Discoveries in the Plain of Satu Mare. Satu Mare. Studii şi comunicări 26/1, 2010, 317-328.

Marta 2012: L. Marta (Hrsg.), Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17-18 Juni 2011. Satu Mare. Studii şi comunicări 28/1, 2012.

Medeleţ 1995: Fl. Medeleţ, Câmpurile de urne funerare din Banat. Unele probleme ale ritului şi ritualului funerar la tracii nordici timpurii de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului. Acta Musei Napocensis 32, I, 1995, 289-302.

Metzner-Nebelsick 2002: C. Metzner-Nebelsick, Der „Thrako-Kimmerische Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien (Rahden/Westf. 2002).

Metzner-Nebelsick 2005: C. Metzner-Nebelsick, Despre importanţa cronologică şi cultural istorică a depozitelor din România în epoca târzie şi în epoca timpurie a fierului. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Descoperiri de bronzuri din România, II (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 317-342.

Metzner-Nebelsick 2010: C. Metzner-Nebelsick, Aspects of Mobility and Migration in the Eastern Carpathian Basin and Adjacent Areas in the Early Iron Age (10th-7th centuries BC). In: (Eds. K. Dzięgielewski, M.S. Przybyła, A. Gawlik) Migration in Bronze and Early Iron Age Europe (Kraków 2010), 121-151.

Metzner-Nebelsick 2012: C. Metzner-Nebelsick, Channelled pottery in Transylvania and beyond – ritual and chronological aspects. In: (Hrsg. L. Marta) Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17-18 Juni 2011. Satu Mare. Studii şi comunicări 28/1, 2012, 65-82.

Metzner-Nebelsick et al. 2010: C. Metzner-Nebelsick, C. Kacsó, L.D. Nebelsick, A Bronze Age ritual structure on the edge of the Carpathian Basin. Satu Mare. Studii şi comunicări 26/1, 2010, 219-233.

Miketta 2017: F. Miketta, Die bronzezeitlichen Eisenartefakten aus Mittel- und Westeuropa. Chronologische, typologische und chorologische Untersuchungen (Bonn 2017).

Miroššayová et al. 2017: E. Miroššayová, Ch. Pare, S. Stegmann-Rajtár (eds.), Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien (Budapest 2017).

Molloy et al. 2017: B. Molloy, D. Jovanović, N. Mirković-Marić, M. Marić, P. Mertl, L. Milašinović, The Late Bronze Age fortification of Gradište Idjoš in its regional context. In: (Eds. B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, R. Krause, M. Wemhoff) Fortifications: The Rise And Fall Of Defended Sites In Late Bronze Age And Early Iron Age Of South-East Europe. International Conference in Timişoara, Romania from November 11th to 13th, 2015 (Berlin 2017), 161-172.

Molnár, Ciută 2017: Zs. Molnár, B. Ciută, Aspects regarding the economy of the Otomani communities in North-Western Transylvania. Data concerning the Middle Bronze Age agriculture in light of the investigations carried out in the Carei-Bobald tell. Analele Banatului XXV, 2017, 57-90.

Molnár et al. 2013: Zs. Molnár, J.G. Nagy, Z. Imecs, Das Habitat der Spätbronzezeit und der frühen Eisenzeit im Becken des Kleinen Somesch (rum. Someşul Mic). Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica 64, 2013, 209-292.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Müller-Karpe 1959: H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen (Berlin 1959).

Nagy, Körösfői 2010: J.G. Nagy, Zs. Körösfői, Early Iron Age Storage Pit at Porumbeni Mari-Várfele (Harghita Country). Satu Mare. Studii şi comunicări 26/1, 2010, 133-152.

Nagy, Gogâltan 2012: J.G. Nagy, Fl. Gogâltan, Die früheisenzeitliche Siedlung aus Vlaha-Pad, Kreis Cluj. I. Das Siedlungwesen. In: (Ed. L. Marta) The Gáva Culture in the Tisa Plain and Transylvania. Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17-18 June/Juni 2011. Satu Mare. Studii şi comunicări 28/1, 2012, 35-64.

Németh 2015: R.E. Németh, Contribuţii privind perioada târzie a epocii bronzului în podişul Transilvaniei. Aşezarea de la Vlaha-Pad (Iaşi 2015), teză de doctorat, mss.

Németh, Rezi 2015: R.E. Németh, B. Rezi (ed.), Bronze Age Chronology in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 2-4 October 2014 (Cluj-Napoca 2015).

Nicodemus, O'Shea 2015: A. Nicodemus, J.M. O'Shea, From relative to absolute: the radiometric dating of Mureş Culture ceramics at Pecica-Şanţul Mare. In: (Eds. S. Forţiu, A. Stavilă) ArheoVest, Nr. III: [Simpozion ArheoVest, Ediţia a III-a:] In Memoriam Florin Medeleţ, Interdisciplinaritate în Arheologie şi Istorie, Timişoara, 28 noiembrie 2015 (Szeged 2015), 691-702.

Palincaş, Ponta 2019: N. Palincaş, C.C. Ponta (eds.), Bridging Science and Heritage in the Balkans. Studies in archaeometry, cultural heritage restoration and conservation (Oxford 2019).

Palincaş et al. 2019: N. Palincaş, M. Rotea, T. B. Sava, G.O. Sava, O. Gâza, M. Bodea, C. David, Revisiting the Radiocarbon-Based Chronology of the Wietenberg Culture (Middle Bronze Age Transylvania): A Debate of Supra-Regional Relevance. In: (Eds. N. Palincaş, C.C. Ponta) Bridging Science and Heritage in the Balkans. Studies in archaeometry, cultural heritage restoration and conservation (Oxford 2019), 38-51.

Pankau 2004: C. Pankau, Die älterhallstattzeitliche Keramik aus Mediaş/Siebenbürgen. UPA, 109 (Bonn 2004).

Pare 1999: Ch. Pare, Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil I: Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.-8. Jahrhundert v.Chr.). JahrbRGZM 45/1, 1998 (1999), 293-433.

Pare 2015: Ch. Pare, Normative change at the start of the Iron Age: the case of Transylvania. In: (Ed. A. Esposito) Autour du „banquet". Modèles de consommation et usages sociaux (Dijon 2015), 275-312.

Pare 2017: Ch. Pare, Frühes Eisen in Südeuropa: Die Ausbreitung einer technologischen Innovation am Übergang vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr. In: (Eds. E. Miroššayová, Ch. Pare, S. Stegmann-Rajtár) Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien (Budapest 2017), 11-116.

Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).

Popa, Totoianu 2010: C.I. Popa, R. Totoianu, Noi opinii privitoare la evoluţia culturală a bronzului târziu în zona central şi sud-vest transilvaneană. In: C.I. Popa, R. Totoianu, Aspecte ale epocii bronzului în Transilvania (între vechile şi noile cercetări) (Sebeş 2010), 171-291.

Przybyła 2005: M.S. Przybyła, Die spätbronzezeitlichen Inventare mit kannelierter Keramik in westlichem Kleinpolen und ihre Verbindungen mit südlichem Teil des Karpatenbeckens. Slovenská Archeológia 53/2, 2005, 219-236.

Przybyła 2009: M.S. Przybyła, Intercultural Contacts in the Western Carpatian Area at the Turn of the 2nd and 1st Millennia BC (Warszawa 2009).

Rezi, Gogâltan 2019: B. Rezi, Fl. Gogâltan, The bronze hoard from Breaza (Mureş County). Selective deposition in Transylvania at the beginning of the Late Bronze Age. In: Festschrift Wojciech Blajer, 2019, sub tipar.

Rotea 2017: M. Rotea, The hoard from the "Cioclovina cu Apă" cave: content, dating, and significations. Acta Musei Napocensis 54/1, 2017, 41-104.

Rotea et al 2014: M. Rotea, M.G. Netea, C. De-La-Rua, T. Tecar, M. Hervella, S. Alonso, Z. Maxim, M. Răchită, The archaeological contexts of DNA samples collected from prehistoric sites in Transylvania. Acta Musei Napocensis 51/1, 2014, 21-60.

Rusu 1963: M. Rusu, Die Verbreitung der Bronzehorte in Transsilvanien vom Ende der Bronzezeit bis in die mittlere Hallstattzeit. Dacia N.S. VII, 1963, 177-210.

Rusu 1974: M. Rusu, Începuturile metalurgiei fierului în Transilvania. In: In memoriam Constantini Daicoviciu (Cluj 1974), 349-360.

Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS 19 (Kiel 2002).

Sava 2011: V. Sava, Gornea-Kalakača discoveries from Felnac Complexul Zootehnic, Arad County. Brukenthal Acta Musei VI/1, 2011, 83-94.

Sava 2016: V. Sava, The Archaeological Site of Felnac "Complexul Zootehnic" (Arad County). Discussions on the Late Bronze Age Settlement and Cemetery. Ziridava. Studia Arheologica 30, 2016, 69-108.

Sava, Andreica 2013: V. Sava, L. Andreica, Social Identity in the Lower Mureş Basin During the Late Bronze Age: Two Seal-Headed Pins from Pecica "Site 14" Cemetery. In: (Eds. I.V. Ferencz, N.C. Rişcuţa, O.T. Bărbat) Archaeological Small Finds and Their Significance. Proceedings of the Symposion: Costume as an Identity Expression (Cluj-Napoca 2013), 49-76.

Sava, Ignat 2014: V. Sava, A. Ignat, Acquiring significance. Constructing warrior's identity at the Lower Mureş Valley. Annales d'Université Valahia Targoviste Section d'Archéologie et d'Histoire XVI/1, 2014, 7-35.

Sava, Ignat 2016: V. Sava, A. Ignat, The Beginning of the Late Bronze Age in the Lower Mureș Basin. An Overview. In: (Eds. Fl. Gogâltan, C. Cordoș) Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area (Cluj-Napoca 2016), 181-199.

Sava, Gogâltan 2017: V. Sava, Fl. Gogâltan, The Bronze Age Fortifications in Munar "Wolfsberg", Arad County. The 2014 and 2017 Archaeological Researches. Analecta Archaeologica Ressoviensia 12, 2017, 75-100.

Sava et al. 2019: V. Sava, F. Gogâltan, R. Krause, First Steps in the Dating of the Bronze Age Mega-Fort in Sântana-CetateaVeche (Southwestern Romania). In: (Eds. S. Hansen, R. Krause) Bronze Age Fortresses in Europe. Proceedings of the Second International LOEWE Conference, 9-13 October 2017 in Alba Julia (Bonn 2019), 161-176.

Savu, Gogâltan 2015: M. Savu, Fl. Gogâltan, Exploring the Fields of Ritual and Symbolism. A Late Bronze Age Discovery from Vlaha, Cluj County. In: (Eds. N.C. Riscuța, I.V. Ferencz, O. Tutilă Bărbat) Representations, Signs and Symbols. Proceedings of the Symposium on Religion and Magic (Cluj-Napoca 2015), 171-186.

Simion et al. 2019: C.A. Simion, O. Gâza, T. Sava, C. Bonsall, A. Soficaru, A. Bălășescu, C. Cristescu, I.Al. Bărbat, Rezultate preliminare obținute din investigarea unor materiale osteologice umane de la sfârșitul primei epoci a fierului din sud-vestul Transilvaniei. Cazul craniului de copil din necropola „scitică" de la Simeria. Comunicare la Simpozionul Național Mobilitate individuală și colectivă în Transilvania epocii fierului. Perspective interdisciplinare (Cluj-Napoca 2019).

Soficaru et al. 2018: A.D. Soficaru, A. Bălășescu, O. Gâza, T.B. Sava, C.A. Simion, M. Culea, M. Ilie, C. Mănăilescu, D. Păceșilă, G. Sava, A. Robu, C. Cristescu, I.Al. Bărbat, Analiza antropologică, arheozoologică și datarea radiocarbon a unor materiale osteologice din sudvestul Transilvaniei. Sargetia IX (XLV), 2018, 9-45.

Soroceanu 2008: T. Soroceanu, Bronzefunde aus Rumänien. III. Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien. Descoperiri de bronzuri din România. III. Vasele de metal prescitice de pe actualul teritoriu al României (Bistrița, Cluj-Napoca 2008).

Stoia 1989: A. Stoia, The beginning of iron technology in Romania. In: (Eds. M.L. Stig Sørensen, R. Thomas) The Bronze Age – Iron Age Transition in Europe. BAR, Int. Ser. 483 (Oxford 1989), 43-67.

Stratan, Vulpe 1977: I. Stratan, Al. Vulpe, Der Hügel von Susani. Praehistorische Zeitschrift 52/1, 1977, 28-60.

V. Szabó 1996: G. V. Szabó, A Csorva-csoport és a Gáva-kultúra kutatásának problémái néhány Csongrád megyei leletegyüttes alapján. Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica II, 1996, 9-109.

V. Szabó 2005: G. V. Szabó, Polgár határában előkerült késő bronykori kút feltárása és rekonstrukciója. Ősrégészeti levelek. Prehistoric Newsletter 7, 2005, 146-165.

V. Szabó 2011a: G. V. Szabó, Ahol a bronz terem... Előzetes jelentés a baks-temetőparti késő bronzkori lelőhelyen végzett fémkereső műszeres kutatásokról. Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica XII, 2011, 91-126.

V. Szabó 2011b: G. V. Szabó, Spätbronzezeitliche Bronzehortfunde im Siedlungskontext – Neue Forschungsergebnisse aus Ostungarn. In: (Eds. S. Berecki, R.E. Németh, B. Rezi) Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș 8-10 October 2010 (Târgu Mureș 2011), 335-356.

V. Szabó 2017: G. V. Szabó, A Gáva-kerámiastílus kora. Az Alföld a hajdúböszörményi szitulák földbekerülésének időszakában. In: (Szerk. G. V. Szabó, M. Bálint, G. Váczi) A második hajdúböszörményi szitula és kapcsolatrendszere. The second situla of Hajdúböszörmény and its relations (Budapest-Hajdúböszörmény 2017), 231-278.

Székely 1966: Z. Székely, Așezări din prima vârstă a fierului în sud-estul Transilvaniei (Brașov 1966).

Szentmiklosi 2004: Al. Szentmiklosi, Câmpurile de urne funerare din Banat. Expoziție permanentă. Analele Banatului X-XI/2, 2002-2003 (2004), 555-568.

Szentmiklosi 2009: Al. Szentmiklosi, Așezările culturii Cruceni-Belegiș în Banat (Alba Iulia 2009), lucrare de doctorat, mss.

Szentmiklosi 2010: Al. Szentmiklosi, Considerații privind terminologia utilizată în definirea culturii Cruceni-Belegiș. Banatica 20/1, 2010, 67-127.

Szentmiklosi et al. 2011: Al. Szentmiklosi, B.S. Heeb, J. Heeb, A. Harding, R. Krause, H. Becker, Cornești-Iarcuri – a Bronze Age town in the Romanian Banat?. Antiquity 85, 2011, 819-838.

Szentmiklosi et al. 2016: Al. Szentmiklosi, A. Bălărie, B.S. Heeb, P. Urdea, Atestarea arheologică a celei de a patra linii de fortificații a cetății de epoca bronzului de la Cornești – Iarcuri (jud. Timiș). Materiale XII, 2016, 105-116.

Szeverényi et al. 2014: V. Szeverényi, A. Priskin, P. Czukor, Csanádpalota – Juhász T. tanya (M43 55. lh.) késő bronzkori erődített település feltárása: előzetes jelentés a 2011–2013. évi ásatások eredményeiről. A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1, 2014, 35-60.

Szeverényi et al. 2017: V. Szeverenyi, P. Czukor, A. Priskin, C. Szalontai, Recent work on Late Bronze Age fortified settlements in south-east Hungary. In: (Eds. B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, R. Krause, M. Wemhoff) Fortifications: The Rise And Fall Of Defended Sites In Late Bronze Age And Early Iron Age Of South-East Europe. International Conference in Timişoara, Romania from November 11th to 13th, 2015 (Berlin 2017), 135-148.

Uhnér et al. 2017: C. Uhnér, S. Hansen, H. Ciugudean, G. Bălan, R. Burlacu-Timofte, Structura şi demografia aşezării de la Teleac: o fortificaţie din Transilvania de la sfârşitul epocii bronzului - începutul epocii fierului. Apulum LIV, 2017, 167-201.

Uhnér et al. 2018: C. Uhnér, H. Ciugudean, G. Bălan, R. Burlacu-Timofte, S. Hansen, G. Rustoiu, Settlement structure and demography in Teleac: A Late Bronze Age - Early Iron Age hillfort in Transylvania. In: (Hrsg. S. Hansen, R. Krause) Bronzezeitliche Burgen zwischen Taunus und Karpaten. Beiträge der Ersten Internationalen LOEWE-Konferenz vom 7. bis 9. Dezember 2016 in Frankfurt/M. Bronze Age Hillforts between Taunus and Carpathian Mountains. Proceedings of the First International LOEWE Conference, 7-9 December 2016 in Frankfurt/M. UPA 319 (Bonn 2018), 371-393.

Ursuţiu 2002: A. Ursuţiu, Etapa mijlocie a primei vârste a fierului în Transilvania (Cercetările de la Bernadea, com. Bahnea, jud. Mureş) (Cluj-Napoca 2002).

Váczi 2016: G. Váczi, Deponált díszedények Tiszabura késő bronzkori településén. Tisicum. A Jasz-Nagykun-Szolnok Megyei Muzeum Evkonyve XXV, 2016, 185-192.

Vaday 2003: A. Vaday, Chronological Charts. In: (Eds. Zs. Visy, M. Nagy, Z.B. Kiss) The hungarian archaeology at the turn of the millennium (Budapest 2003), 483.

Vasiliev 2004: V. Vasiliev, Despre grupul cultural Igriţa. Acta Musei Porolissensis XXVI, 2004, 133-140.

Vasiliev 2008: V. Vasiliev, Bemerkungen zu den bitronkonischen Gefässen die für Gáva Kultur kennzeichend sind. Ephemeris Napocensis XVI-XVII, 2006-2007 (2008), 7-16.

Vasiliev 2014: V. Vasiliev, Betrachtungen zur Deutung mancher Materialgattungen und Vorgänge der späten Bronze- und frühen Hallstattzeit. Obervaţii la interpretarea unor categorii şi fenomene din Bronzul târziu şi Hallstatt-ul timpuriu. Revista Bistriţei XXVIII, 2014, 93-102.

Vasiliev et al. 1991: V. Vasiliev, I. Al. Aldea, H. Ciugudean, Civilizaţia dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuţii arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).

Visy et al. 2003: Zs. Visy, M. Nagy, Z.B. Kiss (eds.), The hungarian archaeology at the turn of the millennium (Budapest 2003).

Vulpe 1995: Al. Vulpe, Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung im Karpatenraum. In: Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums, 389-397 (Bonn 1995).

Wollmann, Ciugudean 2005: V. Wollmann, H. Ciugudean, Noi cercetări privind mineritul antic în Transilvania (I). Apulum XLII, 2005, 95-116.

Zaharia, Morintz 1965: E. Zaharia, S. Morintz, Cercetarea Hallstattului timpuriu în România. SCIV 16/3, 1965, 451-462.

About the Absolute Chronology of the Late Bronze in the Eastern Carpathian Basin

Keywords: Eastern Carpathian Basin, Late Bronze Age, the first Iron Age, relative chronology, absolute chronology

Abstract: I have relative recently published a paper concerning the Early- and Middle Bronze Age chronology of the eastern Carpathian Basin (cca 2700/2600-1600/1500 BC). Based on the evidence of absolute data I have highlighted the considerable differences between the results of the investigations carried out 15 years ago mainly grounded in the typo-chronological approach versus our present state of knowledge (or lack of it in certain cases). For me it is a true challenge to assess whether my own assertions concerning the chronology of the Late Bronze Age and Early Iron Age on the territory of the western Romania and Transylvania are still tenable after 20 years or whether they need to be revised.

The Romanian historiographical tradition regarding the Late Bronze Age and "early-Hallstatt" was transformed by Carol Kacsó in 1990 by adapting the relative chronology of north-eastern Hungary to the realities of north-western Romania. A similar approach was put forward by myself with the occasion of an international conference held in Baia Mare in 1998. The main purpose of my presentation was to do away with the term "Hallstatt" and "Hallstatt cultures" from the vocabulary of Romanian archaeologists, a term which has too little or no relevancy to the cultural realities of the eastern Carpathian Basin. Somewhat later Horia Ciugudean has also adopted the "no Hallstatt" chronological model while also putting forward some new views concerning the chronology of the Late Bronze Age and Early Iron Age from Transylvania. These new proposals have since achieved great popularity with the new generation of specialists in Transylvania who continue to use these chronological schemes

Among the positive feedbacks to the new chronological systems put forward for Transylvania I have to mention Marcin Przybyła's 2009 synthesis entitled *Intercultural Contacts in the Western Carpathian Area at the Turn of*

the 2nd and 1st Millennia BC. The author employed the periodization system introduced by C. Kacsó in 1990 for assemblages from the eastern part of the Carpathian Basin and to corresponding discoveries from the territory of Poland.

The main point of this article is to walk through the most recent Late Bronze Age discoveries from the eastern Carpathian Basin based on the aforementioned chronological scheme. In order to avoid repeating the information excellently brought together by M. Przybyła, I will limit this review to those sites for which new absolute data is available, thus allowing the precise chronological anchoring of the cultural realities of this period.

It is my belief that the absolute dating of certain representative sites should be one of our most immediate scientific priorities. In order to get over all of the uncertainties concerning the transition from the Late Bronze Age to the Early Iron Age in the eastern Carpathian Basin national research projects are needed both in Hungary and Romania so as to finance generous amounts of AMS samples. Even if international projects brought new vital insights, they are however usually limited by transitory interests.

List of illustrations:

Fig. 1. Eastern Carpathian Basin. Sites with absolute data mentioned in the text: 1 - Alba Iulia; 2 - Băile Figa; 3 - Csanádpalota; 4 - Peştera Cioclovina cu Apă; 5 - Cornești; 6 - Floreşti; 7 - Gligoreşti; 8 - Gradište Idjoš; 9 - Nagytarcsa; 10 - Lăpuș; 11 - Pecica; 12 - Polgár; 13 - Rotbav; 14 - Sântana; 15 - Simeria; 16 - Siret; 17 - Susani; 18 - Tărtăria; 19 - Teiuș; 20 - Teleac; 21 - Valea Florilor; 22 - Valea Viilor; 23 - Vlaha; 24 - Zsáka.

Fig. 2. Chronological table of the late Bronze Age in the Carpathian Basin (after Ciugudean 2010).

Fig. 3. The relative and absolute chronology of the late Bronze Age in the northern alpine area (A), the series of bronze deposits in the Carpathian Basin (B), the chronology of the late Bronze on the Tisa River -after Carol Kacsó (C), the traditional chronology of the Late Bronze Age in Greece - after Warren, Hankey 1989 (D), the late Bronze Age chronology in Greece considering the time of the Terra's eruption - after Manning 1996 (after Przybyła 2009).

Fig. 4. The calibrate AMS dates from Gligoreşti, Pecica, Luduș, Rotbav, Pălatca, Gligoreşti, Vlaha, Geoagiu de Sus, Polgár, Valea Viilor, Teiuș, Alba Iulia-*Bazinul Olimpic*, Floreşti, Alba Iulia-*Recea*.

Fig. 5. The calibrate AMS dates from Sântana-*Cetatea Veche* (after Gogâltan et al. 2019).

Fig. 6. The calibrate AMS dates from Lăpuș.

Fig. 7. Radiocarbon data belonging to the late Bronze Age from Băile Figa (after Harding, Kavruk 2013, pl. 8).

Fig. 8. The calibrate AMS dates from Siret.

Fig. 9. The calibrate AMS data from Gligoreşti.

Fig. 10. The calibrate AMS data from Vlaha CX 0375.

Tab. I. The list of AMS dates from Gligoreşti, Pecica, Luduș, Rotbav, Pălatca, Vlaha, Geoagiu de Sus, Polgár, Valea Viilor, Teiuș, Alba Iulia-*Bazinul Olimpic*, Floreşti, Alba Iulia-*Recea*.

Об абсолютной хронологии позднего бронзового века в восточной части Карпатского бассейна

Ключевые слова: восточная часть Карпатского бассейна, поздняя бронза, ранний железный век, относительная хронология, абсолютная хронология.

Резюме: Относительно недавно нами была опубликована статья по хронологии ранней и средней бронзы в восточной части Карпатского бассейна (ок. 2700 / 2600-1600 / 1500 гг. до н.э.). Исходя из абсолютных данных, мы показали, какова разница между преимущественно типо-хронологическими подходами 15-летней давности и тем, что известно или, точнее, тем, что не известно сегодня. Мы попытались проверить, как делали это не раз в последнее время, верны ли наши взгляды относительно хронологии позднего бронзового века и раннего железного века в западной части Румынии и в Трансильвании, сформированные более 20 лет назад, или они требуют корректировки и дополнений.

Румынская историографическая традиция относительно хронологии поздней бронзы и «раннего гальштата» была изменена в 1990 году Каролем Качо (Carol Kacsó), который адаптировал хронологическую систему северо-восточной Венгрии для северо-запада Румынии. Мы сделали то же самое по случаю международного симпозиума в Байя-Маре в 1998 году. Фактически, мы намеревались вычеркнуть из словаря археологов Румынии понятия «гальштат» и «гальштатские культуры», которые имели слабое отношение или вообще не были связаны с культурными реалиями восточной части Карпатского бассейна. Хория Чугудян также придерживается хронологической модели «без гальштата», предлагая новый взгляд на хронологию позднего бронзового века и раннего железного века в Трансильвании. Этот подход разделяют и специалисты нового поколения трансильванских археологов, которые использовали и используют эти хронологические схемы сегодня.

Сторонники нового хронологического подхода к истории Трансильвании получили положительный отклик и поддержку со стороны Марчина Пшибылы, опубликовавшего в 2009 году научную монографию «Межкультурные контакты в Западно-Карпатском регионе на рубеже II и I тысячелетий до нашей эры» (Przybyła 2009). Для атрибуции находок из восточной части Карпатского бассейна и с юга Польши, относящихся к этому периоду, он применял хронологическую систему, предложенную К. Качо в 1990 году.

Основная цель этой статьи – представить последние находки, относящиеся к поздней бронзе восточной части Карпатского бассейна, соблюдая этот хронологический подход. Чтобы избежать повтора информации, превосходно представленной М. Пшибылой, мы обратились здесь только к тем памятникам, по которым имеются новые абсолютные данные, позволяющие произвести достоверную хронологическую атрибуцию культурных реалий этого периода.

Усилия, которые мы предприняли для систематизации всей новой информации относительно периода времени между 1600 / 1500-900 / 800 гг. до н.э. в восточной части Карпатского бассейна, не дали удовлетворительного результата. Мы хотели предложить хронологический обзор, отражающий современное состояние знаний о позднем бронзовом веке. К сожалению, нам не удалось привнести много нового по сравнению с работами М. Пшибылы или Х. Чугудяна.

Мы считаем, что абсолютное датирование основных археологических памятников должно быть одним из наших научных приоритетов. Чтобы преодолеть все неопределенности относительно перехода от позднего бронзового века к раннему железному веку в восточной части Карпатского бассейна, нам необходимы национальные проекты (как в Венгрии, так и в Румынии) для финансирования обширного ряда анализов методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Ведь, хотя международные проекты и внесли важный вклад в датирование археологических памятников, они преследовали свои собственные цели и задачи.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Восточная часть Карпатского бассейна. Памятники с абсолютными данными, упомянутые в тексте: 1 - Алба-Юлия; 2 - Бэиле-Фига; 3 - Чанадпалота; 4 - Пещера Чекловина-ку-Апэ; 5 - Корнешть; 6 - Флорешть; 7 - Глигорешть; 8 - Градиште-Иджеш; 9 - Нагитарча; 10 - Лэпуш; 11 - Печика; 12 - Польгар; 13 - Ротбав; 14 - Сынтана; 15 - Симерия; 16 - Сирет; 17 - Сусань; 18 - Тэртэрия; 19 - Теюш; 20 - Теляк; 21 - Валя-Флорилор; 22 - Валя-Виилор; 23 - Влаха; 24 - Жака.

Рис. 2. Хронологическая таблица позднего бронзового века в Карпатском бассейне (Ciugudean 2010).

Рис. 3. Относительная и абсолютная хронология позднего бронзового века в североальпийской зоне (A), клады бронзовых изделий в Карпатском бассейне (B), хронология позднего бронзового века в Потисье по К. Качо (C), традиционная хронология позднего бронзового века в Греции (Warren, Hankey 1989) (D), хронология позднего бронзового века в Греции с учетом времени извержения вулкана на о. Санторин – по Manning 1996 (Przybyła 2009).

Рис. 4. Калибровка данных AMS по Глигорешть, Печике, Лудушу, Ротбаву, Пэлатке, Влахе, Ждоаджу-де-Сус, Польгару, Валя-Виилор, Теюшу, Алба-Юлия-*Олимпийский бассейн*, Флорешть, Алба-Юлия-*Речa*.

Рис. 5. Калибровка данных AMS по Сынтана-*Четатя-Веке* (Gogâltan et al. 2019).

Рис. 6. Калибровка данных AMS по Лэпушу.

Рис. 7. Радиоуглеродные данные, относящиеся к позднему бронзовому веку, из Бэиле-Фига (Harding, Kavruk 2013, pl. 8).

Рис. 8. Калибровка данных AMS по Сирету.

Рис. 9. Калибровка данных AMS по Глигорешть.

Рис. 10. Калибровка данных AMS по Влаха CX 0375.

Таблица I. Список данных AMS по Глигорешть, Печике, Лудушу, Ротбаву, Пэлатке, Влахе, Ждоаджу-де-Сус, Польгару, Валя-Виилор, Теюшу, Алба-Юлия-*Олимпийский бассейн*, Флорешть, Алба-Юлия-*Речa*.

15.06.2019

Dr. Habil. Florin Gogâltan, Institutul de Arheologie şi Istoria Artei, str. M. Kogălniceanu 12-14, 400084 Cluj-Napoca, România, https://orcid.org/0000-0002-0853-394X, e-mail: floringogaltan@gmail.com

МАРЬЕВА ГОРА (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ

Оксана Олих, Алексей Данильченко, Елена Ревина

Ключевые слова: курган, палеолит, кремнеобрабатывающая мастерская, археологическая тафономия.

Марьева Гора – археологический комплекс, состоящий из многослойной кремнеобрабатывающей мастерской и курганной группы «Кульбаково I» (2 насыпи). Расположен на высоком коренном берегу р. Ясиновка (приток р. Миус, Северо-Восточное Приазовье), возле с. Кульбаково Матвеево-Курганского района Ростовской области РФ. Памятник открыт П.И. Борисковским в 1952 г. Во время проведения охранных работ на одном из курганов в 1994 г. Н.И. Ромащенко зафиксировал особую тафономическую ситуацию. Насыпь кургана оказалась полностью возведенной из культуросодержащих отложений с большим количеством изделий каменного века и обломочного материала. Остатки каменного века (неолит, поздний палеолит и средний палеолит) до включения их в курганную насыпь были в значительной степени переотложены постдепозиционными процессами. Среди кремневых находок преобладают изделия среднего палеолита. В статье анализируется ситуация, связанная с формированием особого в тафономическом плане объекта (курганная насыпь), кратко характеризуются кремневые изделия среднего палеолита из коллекций Таганрогского краеведческого музея и Ростовского областного музея краеведения.

Введение

В настоящее время в археологических исследованиях в России вопросы, связанные с теорией культурного слоя и проблемами археологической тафономии занимают всё более важное место. В области теории культурного слоя сформировались три развитых блока представлений, касающихся тафономии культурных остатков в субаквальной среде (Зарецкая и др. 2002), в деятельном слое вечной мерзлоты (Амирханов и др. 2008; Питулько 2011) и в лессово-почвенных отложениях с умеренной криогенной деформацией (Леонова и др. 2006). Существенные материалы для типологии процессов постгенетической деформации культурных слоев и роли культуросодержащих седиментов в формировании новых объектов даёт комплексный археологический памятник, известный как Марьева Гора. Он расположен на левом берегу р. Ясиновки (приток р. Миус, Северо-Восточное Приазовье) и давно привлекает внимание специалистов. Памятник был обнаружен П.И. Борисковским в 1952 г. в ходе систематических разведок на территории Южного Донбасса. Как известно, в 1949 г. П.И. Борисковский возобновил полевые исследования Амвросиевского позднепалеолитического комплекса (Борисковский 1952б) и организовал поиски новых памятников палеолита в бассейне р. Миус, Крынка и Тузлов (Борисковский 1953а; Борисковский 1953б). В 1952 г. разведки были продолжены, результаты разведок опубликованы в отдельной статье (Борисковский 1957). Памятник вошел в раннюю сводку по палеолиту СССР (Береговая 1960, 60) и отдельную сводку по палеолиту Днепра и Приазовья (Борисковский, Праслов 1964, 26). Первоначально памятник был определен как кремневая мастерская, функционирующая от позднего палеолита до неолита (Борисковский 1952а, 4-6). В картотеке памятников истории и культуры Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области памятник фигурирует как поселение «Марьева Гора» («Кульбаково»), датируемое эпохой палеолита. В начале 90-х годов XX в. в рамках инвентаризации объектов культурного наследия на памятнике была зафиксирована курганная группа, состоящая из трёх насыпей. На момент проведения обследования в непосредственной близости от памятника действовал карьер по добыче мела, частично разрушивший памятник. Проведенный в 1992 г. П.А. Ларенком мониторинговый

1

2

Рис. 1. Марьева Гора. 1 - Карта-схема расположения памятника на карте Ростовской области; 2 - общий вид объекта с ЮВ, панорама.

контроль установил, что курган № 1 частично разрушен силосной ямой, которая врезалась в траншею времен Великой Отечественной войны (устная информация П.А. Ларенка). В 1994 г. на этом кургане были начаты охранные раскопки под руководством Н.И. Ромащенко. Вместе с тем, вследствие чрезвычайной насыщенности курганной насыпи артефактами и обломочным материалом и применения грамотной, но очень трудоемкой методики раскопок, охранные работы фактически ограничились исследованием зоны непосредственного разрушения и были законсервированы (Ромащенко 1996). Предварительная публикация результатов работ содержится в небольшой заметке (Ромащенко 1997).

Курган Марьевой Горы в системе аналогичных памятников

В ходе работ на памятнике в 1994 г. Н.И. Ромащенко установил необычную для Нижнего Дона ситуацию – курганная насыпь оказалась практически полностью возведенной из культуросодержащих седиментов каменного века, происходящих из поверхностного слоя возвышенности, выбранной для строительства могильника. В археологической практике этот случай не является уникальным. Ещё в 1903 г., обследуя курганы в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, классик российской археологии В.А. Городцов обратил внимание на скопление отходов расщепления кремня вокруг курганов и в самих насыпях возле д. Переездная, недалеко от г. Бахмут (Городцов 1907, 214). «Остатки неолитических стоянок прослежены на берегах р. Бахмута, у д. Переездной и ж/д ст. Ступки. Первые открытия их последовали при раскопках курганов. В обоих случаях, насыпи курганов, оказались насыщенными осколками кремня, нуклеусами и гальками, служившим материалом для выделки орудий. Изучение залегания этих остатков в прилегающих берегах реки и в цельных слоях, под курганными насыпями, приводило к заключению, что курганы, несмотря на то, что содержали древние типы погребений, возведены на местах, ранее служивших стоянками неолитического человека» (Городцов 1905, 303). Судя по дневниковой записи (ГИМ, Москва) «у хут. Кузьминовка … обнаружил под курганами на берегу р. Бахмут и притока Кудрявки мощный неолитический слой» (цит. по: Татаринов и др. 2001, 19). В 1962 г. донецкий археолог Д.С. Цвейбель пыталась найти эту мастерскую с курганом на ее поверхности. В рукописной дневниковой записи от 25/IX-62 г. находим: «Приблизившись к кургану, убедились в том, что мы нашли Городцовский пункт – у подножья кургана и на его насыпи встречается кремень – г.о. в виде отщепов, подняты единичные сечения пластин и фрагменты пластин довольно значительных размеров. Курган находится на земле совхоза им. Артема, Артемовского района, по правому берегу речки Кудрявка, с юго-вост. стороны поселка Володаровка, расположенного по левому берегу речки» (Цвейбель 1962, 5 – цит. по: Колесник 2013).

В наиболее рафинированном виде тафономическая ситуация, связанная с вовлечени-

ем в искусственный погребальный холм при его создании более ранних переотложенных кремней памятников каменного века, отмечена Н.И. Ромащенко при раскопках кургана на Марьевой Горе. Предпосылкой для возникновения насыпи с большим количеством более древних культурных остатков является многослойная кремнеобрабатывающая мастерская с культурными слоями, в значительной степени разрушенными процессами эрозии и почвообразования. В ряде случаев в верхний слой почвы в результате криогенных процессов попадают плотные включения из подстилающих горизонтов, в том числе кремневые артефакты. Насыпь кургана, возводимая из насыщенного кремнями грунта на месте древней стоянки или мастерской, неизбежно оказывается своеобразным хранилищем более древних перемещенных кремневых изделий. Концентрация разновременных культурных слоев с остатками кремневых изделий на вершине Марьевой Горы, скорее всего, объясняется близостью источника кремневого сырья.

Аналогичные наблюдения позже были сделаны А.В. Колесником при исследовании курганной насыпи на площади средневекового Теплинского городища в среднем течении Северского Донца. Эта точка превышает высоту поймы Северского Донца приблизительно на 105 м. На данном участке городища в 1941 г. изюмский археолог Н.В. Сибилев обнаружил т.н. Первую Шаруканскую стоянку (Сібільов 1946) – фактически кремневую мастерскую позднего палеолита. Стоянка получила название в связи с концепцией Н.В. Сибилева, отождествлявшего Теплинское городище с половецким городком Шарукань русских летописей (Сібільов 1950). Исследование мастерской, перекрытой курганной насыпью, проводилось А.В. Колесником в 2006-2007 гг. (Колесник, Коваль, Давыденко 2008). Насыпь высотой до 1 м. сформировалась в основном из мешанного суглинистого материала с большим количеством обломочного кремневого материала и патинированного расщепленного кремня. Как установлено шурфовкой, насыпь кургана на Теплинском городище перекрывает разрушенный культурный слой более древнего местонахождения. По наблюдениям автором исследования, этот слой залегает в верхней части лессовидного суглинка и частично в нижней части современного маломощного почвенного комплекса в виде насыщенной взвеси. Попадание палеолитических кремней из инициального лессового горизонта в современную почву связано с постдепозиционным криогенным разрушением слоя. Основной горизонт концентрации расщепленных кремней, так называемый инициальный горизонт или горизонт разрушенного культурного слоя (Колесник, Весельский 2002), залегает в суглинке на глубине около 1 м от поверхности насыпи. Перекрытая насыпью почва имеет мощность около 25 см, что довольно значительно для плакорных участков и косвенно свидетельствует о длительной истории осадконакопления. Ниже современной почвы залегает маломощный мешаный суглинок, который на глубине около 50-55 см без резкого перерыва переходит в кору выветривания меловых пород. Кора выветривания содержит большое количество обломочного кремневого материала. Видимо, этот кремень в поверхностном залегании, и служил сырьевым источником древней мастерской. В пределах Донецкого кряжа поверхность высоких урочищ со скальной (меловой) базальной структурой часто становилась зоной активного выветривания. В результате сложных постгенетических процессов в разрушенный культурный слой и выше него попадало значительное количество этого обломочного кремневого материала.

Археологический контекст памятника Марьева Гора. Комплекс среднего палеолита

При проведении охранных работ на разрушаемом участке кургана №1 в 1994 г. Н.И. Ромащенко исследовал несколько погребений бронзового века, элементы выкладки из кусков песчаника того же периода, которые требуют специальной публикации. Основной интерес к данному памятнику, на наш взгляд, связан с остатками индустрий каменного века, преимущественно среднего палеолита. Культурные остатки неолита и позднего палеолита в небольшом количестве встречены в переотложенном состоянии в курганной насыпи, при явном доминировании среди кремневых находок изделий среднего палеолита. Они залегают в большом количестве как в насыпи кургана, так и в «белесоватом светло-коричневом суглинке и кровле нижележащего коричневого суглинка» (Ромащенко 1997, 12).

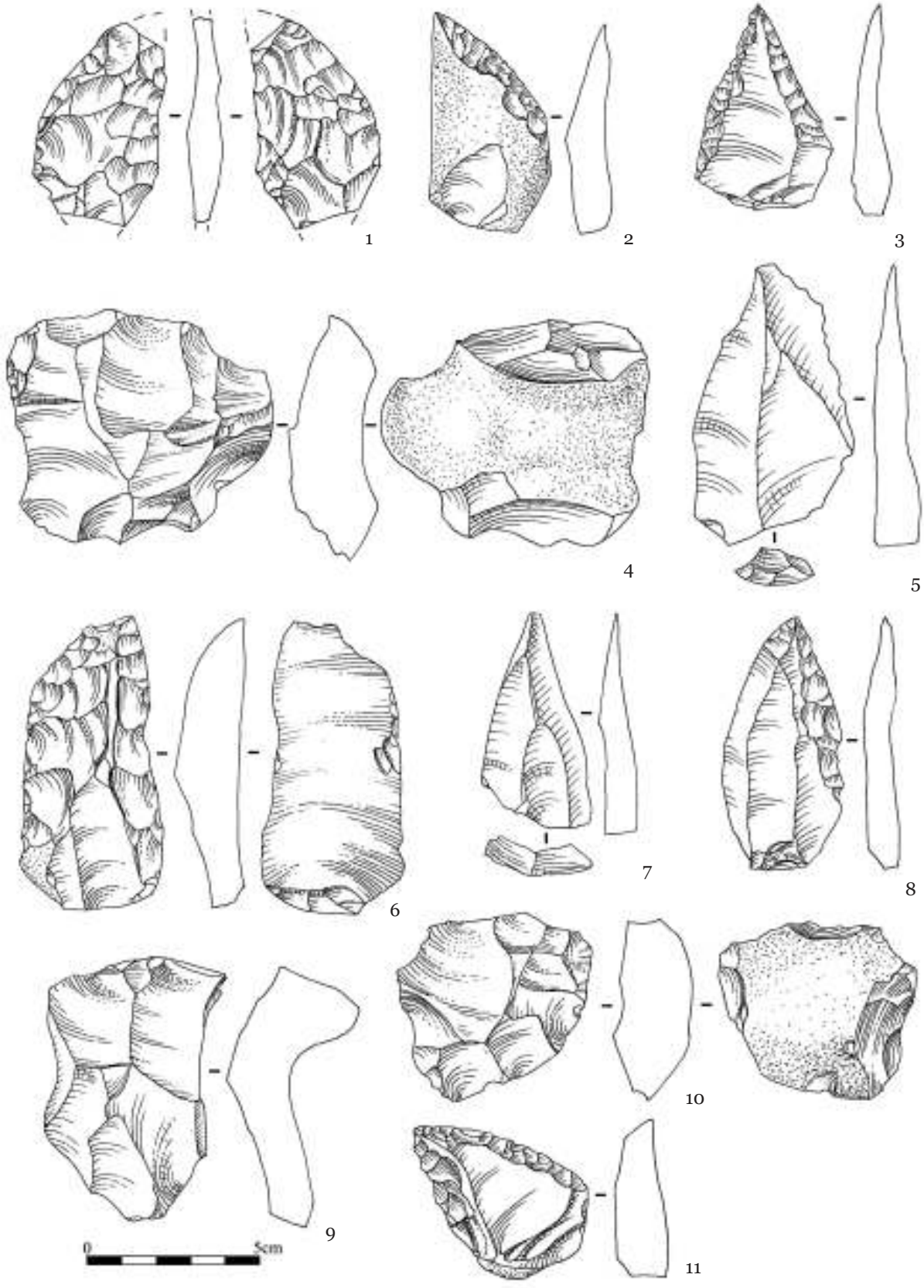


Рис. 2. Марьева Гора. Кремневые изделия из собрания Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника.

В фондах Таганрогского музея хранится весьма значительная коллекция кремневых изделий, собранных при исследовании кургана на Марьевой Горе. Коллекция[1] включает 6454 предмета и фактически является выборкой технологически и типологически значимых изделий. Структура коллекции близка стоянкам с выраженной долей предельно сработанных нуклеусов и законченных орудий. Нуклеусное расщепление базировалось приблизительно поровну на ядрищах с бессистемной и радиальной огранкой и на ядрищах с выделенными площадками и специально подготовленным уплощенным рабочим фронтом. Среди леваллуазских нуклеусов выделяются образцы с конвергентной, встречной (рис. 2/9), черепаховидной (рис. 2/4, 10) и параллельной огранкой. С них скалывались различные отщепы, в том числе близкие к леваллуазским остриям (рис. 2/5, 7). Основу орудийного ансамбля составляют различные скребла и остроконечники, что является типичным для среднего палеолита. Среди них выделяются классические остроконечники (рис. 2/3), угловатые (рис. 2/11) и диагональные (рис. 2/2) скребла, асимметричные остроконечники (рис. 2/8). Серийно представлены продольные прямые и выпуклые скребла, скребла с поперечными лезвиями. Специфические черты каменной индустрии данного памятника связаны с полу-сегментовидными остроконечниками (рис. 2/6), напоминающими т. н. «ножи носовского типа», выделенные В.Е. Щелинским по особым изделиям стоянки Носово на берегу Миусского лимана (Щелинский 1999), а также немногочисленные асимметричные ножи с двусторонней обработкой (рис. 2/1).

Часть коллекции среднего палеолита из Марьевой Горы была передана на постоянное хранение в Ростовский областной музей краеведения для экспозиционных целей. Всего передано 15 экспонатов[2], в том числе нуклеус, 5 орудий, различные сколы. Нуклеус двуплощадочный леваллуазского типа с плоским рабочим фронтом и негативом последнего снятия (рис. 3/1). Среди сколов выделяются атипичное острие с двускатной площадкой (рис. 3/6), пластинчатый скол с ретушью (рис. 3/7). Набор орудий включает сломанный асимметричный остроконечник (рис. 3/2), массивное скребло, изготовленное из кремневой плитки (рис. 3/3), двояковыпуклое продольное скребло с частичной подработкой вентральной стороны (рис. 3/4), продольное скребло на пластинчатом сколе с первичной коркой (рис. 3/8) и фрагментированный остроконечник с краевой ретушью (рис. 3/5).

Курганные насыпи из культуросодержащих седиментов как особые тафономические объекты

Предпосылкой для возникновения насыпи с большим количеством кремнёвых изделий каменного века во всех описанных случаях явилось наличие мастерской по первичному расщеплению кремня или стоянок с остатками культурных слоев более раннего времени на месте возведения могильника. Попадание палеолитических кремней из инициального лессового горизонта в современную почву связано с постдепозиционным криогенным разрушением слоя, в результате чего отмечается более или менее значительная, в зависимости от ряда обстоятельств, миграция предметов вверх по вертикали, вплоть до современного почвенного слоя (Демек 1977; Колесник 2003). Единичные механически переотложенные кремни каменного века довольно часто встречаются в курганных досыпках бронзового века и их иногда ошибочно считают частью погребальной церемонии. Очевидно, что курганные насыпи могли попадать не только материалы каменного века, но и любые другие остатки, залегающие на месте выемки грунта, необходимого для сооружения курганного холма. В данной ситуации имело место двойное переотложение культурных остатков – сначала в результате постгенетической деформации культурного слоя различных периодов каменного века, потом в результате механического перемещения культуросодержащего горизонта при сооружении насыпи. Вслед за А.В. Колесником (Колесник 2013а; Колесник, Коваль, Давыденко 2008), мы предлагаем считать такие курганные или курганообразные насыпи особым типом археологического памятника – *«курганным холмом из переотложенного культурного слоя (или культуросодержащих седиментов)»*. Очевидно, что в курганные насыпи могли попадать не только материалы

[1] ТЛИАМЗ КП-13586, ТЛИАМЗ КП-16456 и ТЛИАМЗ НВ-6834 (Акт приёмки №82 от 15.09.1999 г.).

[2] КП 24307/1-15.

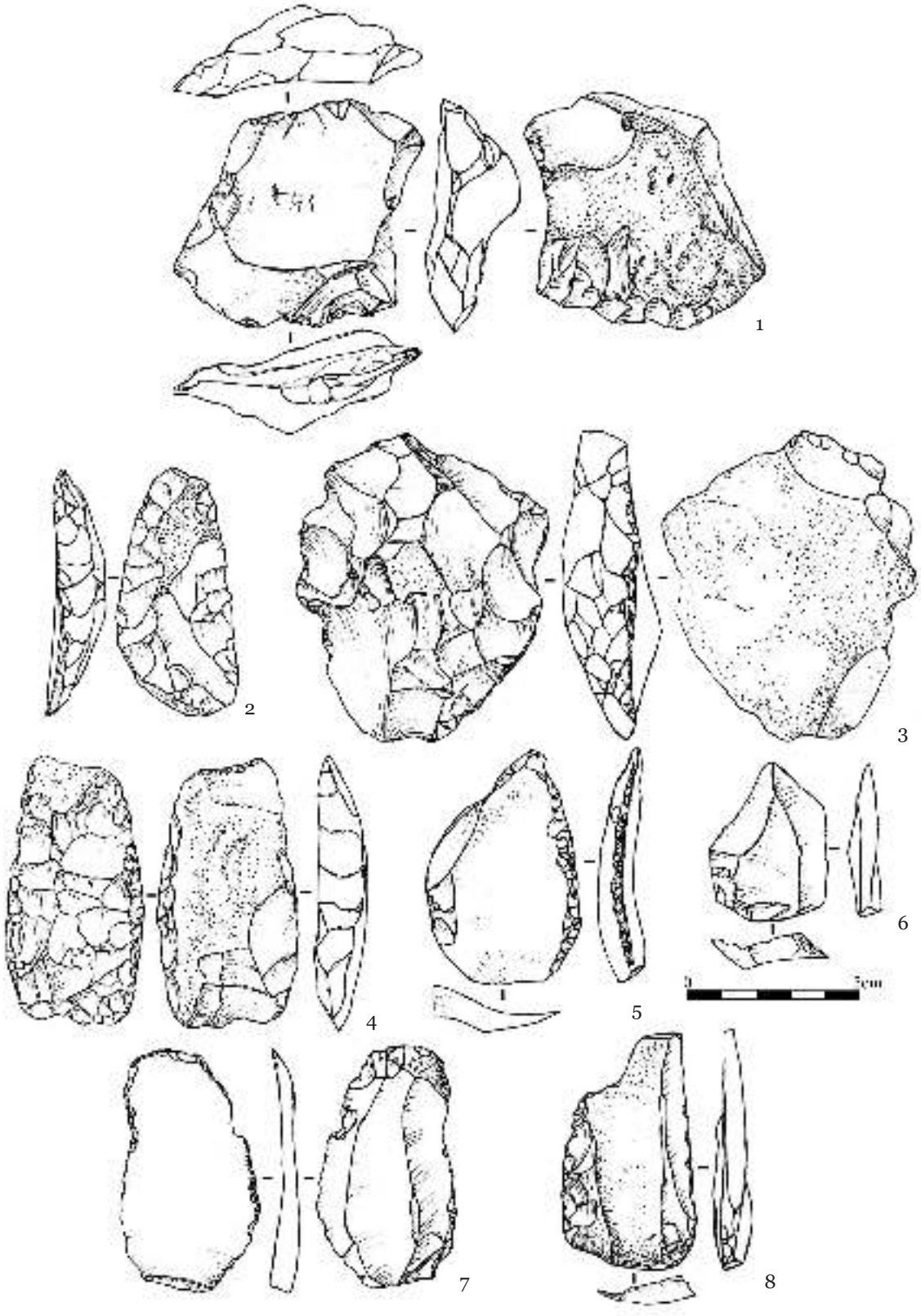


Рис. 3. Марьева Гора. Кремневые изделия из собрания Ростовского областного музея краеведения.

каменного века, но и любые другие остатки, залегающие на месте выемки грунта, необходимого для сооружения курганного холма. В данной ситуации имело место двойное переотложение культурных остатков – сначала в результате постгенетической деформации культурного слоя различных периодов каменного века, потом в результате механического перемещения культуросодержащего горизонта при сооружении кургана в эпоху палеометалла. В нашем случае произошло наложение перемещенных остатков культурного слоя на участок с измененным культурным слоем. Последующие процессы, протекающие по чисто геологическим сценариям, привели к взаимопроникновению археологического материала из двух соседних стратиграфических горизонтов.

Заключение

1. Эмпирические наблюдения Н.И. Ромащенко, открывшего курган с насыпью из культуросодержащих седиментов, хорошо вписываются в современные исследования в области археологической тафономии и позволяют ставить вопрос об особом типе тафономического объекта.

2. Разрозненные изделия каменного века, достаточно часто встречаемые в курганных насыпях бронзового века и других периодов, следует с большой осторожностью связывать с погребальными церемониями до проведения комплексной тафономической оценки всего археологического объекта, так как каменные изделия могли попасть в насыпь при её сооружении в результате непреднамеренного переноса культурных остатков более раннего периода.

3. Наиболее многочисленные культурные остатки каменного века местонахождения Марьева Гора датируются средним палеолитом. Структура комплекса среднего палеолита близка комплексам стояночного типа с большим количеством сработанных нуклеусов и орудий. В культурном плане, индустрия относится к типу индустрий с леваллуазской технической основой и орудийным набором, в котором присутствуют обычные типы изделий и специфические «ножи носовского типа», редкие асимметричные ножи с двусторонней обработкой.

Авторы благодарят сотрудника Донецкого национального университета, д.и.н. А.В. Колесника и научного сотрудника Отдела палеолита ИИМК РАН, к.и.н. А.К. Очередного за оказанные консультации, а также научного сотрудника РРОО «Донское Археологическое Общество» П.А. Ларенка за предоставленную ценную информацию и содействие в подготовке данной работы.

Библиография

Амирханов и др. 2008: Х.А. Амирханов, Н.Б. Ахметгалеева, А.П. Бужилова, Н.Д. Буров, С.А. Лев, Е.Н. Мащенко, Исследования в Зарайске. 1999-2005 (Москва: Палеограф 2009).

Береговая 1960: Н.А. Береговая, Палеолитические местонахождения СССР. МИА, №81 (Москва-Ленинград 1960).

Борисковский 1952а: П.И. Борисковский, Отчёт о работе отряда 1952 г. с приложением фотографий раскопок и археологической карты берегов рек Крынки, Миуса и Тузлова (по материалам работ 1950, 1952 гг.). Архив Института истории материальной культуры РАН, Ф. 35, опись 1952. Ед. хран. 2, 31.

Борисковский 1952б: П.И. Борисковский, Работы Амвросиевского отряда в 1950 г. КСИИМК XLVIII, 1952, 42-50.

Борисковский 1953а: П.И. Борисковский, Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. МИА, № 40 (Москва-Ленинград 1953).

Борисковский 1953б: П.И. Борисковский, Исследование памятников каменного века в бассейне р. Миус (Приазовье) в 1949-1950 гг. В: Краткие сообщения Института археологии АН УССР, вып. 2 (Киев 1953), 63-64.

Борисковский 1957: П.И. Борисковский, Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье. В: Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея, вып. I (Таганрог 1957), 47-61.

Борисковский, Праслов 1964: П.И. Борисковский, Н.Д. Праслов, Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. Свод археологических источников, вып. Ф 1-5 (Москва-Ленинград 1964).

Воробьева, Бердникова 2001: Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова, Археотафономия: этапы, процессы, циклы (в порядке дискуссии). В: Современные проблемы Евразийского палеолитоведения (Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2001), 53-70.

Городцов 1905: В.А. Городцов, Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ. в 1903 г. В: Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археологического съезда (Харьков 1905), 303-306.

Городцов 1907: В.А. Городцов, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года. В: Труды XIII Археологического съезда, т. 1 (Москва 1907), 211-285.

Демек 1977: Я. Демек, Справочник по литологии (Москва 1977).

Зарецкая, Успенская, Жилин 2002: Н.Е. Зарецкая, О.Н. Успенская, М.Г. Жилин, Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область). В: Тверской археологический сборник, вып. 5 (Тверь 2002), 117-122.

Колесник 2003: А.В. Колесник, Тафономическая вариабельность среднего палеолита Донбасса. В: Вариабельность среднего палеолита (Киев: Шлях 2003), 106-116.

Колесник 2013а: А.В. Колесник, Новые региональные типы памятников археологии Донбасса. В: Святогірський альманах 2013 (Донецьк 2013), 29-37.

Колесник 2013б: А.В. Колесник, Очерк истории изучения памятников кремнедобычи и кремнеобработки каменного века – эпохи палеометалла Большого Донбасса. В: Археологический альманах, №30 (Донецк 2013), 5-21.

Колесник, Весельский 2002: А.В. Колесник, А.П. Весельский, Археологическая характеристика горизонта находок. Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. В: Археологический альманах, №11 (Донецк 2002), 23-28.

Колесник, Коваль, Давыденко 2008: А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль, В.В. Давыденко, Позднепалеолитическая кременеобрабатывающая мастерская в Теплинском лесу (среднее течение Северского Донца). В: Археологический альманах, №19 (Донецк 2008), 201-210.

Леонова и др. 2006: Н.Б. Леонова, С.А. Несмеянов, Е.А. Виноградова, О.А. Воейкова, М.Д, Гвоздовер, Е.В. Миньков, Е.А. Спиридонова, С.А. Сычева, Палеоэкология равнинного палеолита (Москва: Научный мир 2006).

Питулько 2011: В.В. Питулько. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект Жохов-2000) на Новосибирских о-вах в 2000-2005 гг. Полярный альманах 2, 2011, 77-91.

Ромащенко 1996: Н.И. Ромащенко, Отчет о спасательных раскопках археологической экспедиции ТЛИАМЗ на Марьеой Горе у с. Кульбаково Матвеево-Курганского района Ростовской области в 1994 году (Таганрог 1996).

Ромащенко 1997: Н.И. Ромащенко, Марьева Гора – новый мустьерский памятник в Северо-Восточном Приазовье. В: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону, вып. 14 (Азов 1997), 11-13.

Сібільов 1946: М.В. Сібільов, Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця. В: Наукові Записки Інституту історії і археології України, кн. 2 (Київ 1946), 29-37.

Сібільов 1950: М.В. Сібільов, Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія IV, 1950.

Татаринов Посредников, Афанасьева, Федяев 2001: С.И. Татаринов, В.А. Посредников, В.В. Афанасьева, С.В. Федяев, Голоса тысячелетий (Артемовск 2001), 74.

Щелинский 1999: В.Е. Щелинский, Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект. В: Археологический альманах, № 8 (Донецк 1999), 109-128.

Mar'eva Gora din regiunea de nord-est a Mării Azov – un sit arheologic unicat

Cuvinte-cheie: tumul, paleolitic, atelier de prelucrare a silexului, tafonomie arheologică.

Rezumat: Mar'eva Gora reprezintă un complex arheologic ce constă dintr-un atelier cu mai multe niveluri pentru prelucrarea silexului şi un grup tumular „Kul'bakovo I" (două movile). Acesta este amplasat pe malul înalt al râului Yasinovka (afluent al râului Mius, regiunea de nord-est a Mării Azov). Situl arheologic a fost descoperit de către P.I. Boriskovsky în anul 1952. În 1994, în procesul efectuării de cercetări preventive la unul din tumuli N.I. Romashchenko a atestat o situaţie tafonomică deosebită. Mantaua tumulului s-a dovedit a fi ridicată din depuneri culturale ce conţineau o cantitate mare de artefacte din epoca pietrei (neolitic, paleoliticul superior şi paleoliticul mijlociu). Printre piesele din silex predomină cele din paleoliticul mijlociu. În articol este analizată situaţia legată de formarea, din punct de vedere tafonomic, a mantalei tumulului şi este prezentată o caracteristică succintă a ar-

tefactelor din silex din perioada paleoliticului mijlociu, păstrate în colecţiile Muzeului ţinutului natal din Taganrog şi în Muzeul Regional din Rostov.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Mar'eva Gora. 1 - Amplasarea sitului pe harta regiunii Rostov; 2 - vedere panoramică dinspre sud-est asupra sitului.

Fig. 2. Mar'eva Gora. Piese din silex din colecţiile Muzeului din Taganrog.

Fig. 3. Mar'eva Gora. Piese din silex din colecţiile Muzeului din Rostov.

Mar'eva Gora in the northeastern Sea of Azov region – a Unique Archaeological Site

Keywords: kurgan, Paleolithic, flint workshop, archaeological taphonomy.

Abstract: Mar`eva Gora is an archaeological site consisting of a multilayer flint workshop and Kul'bakovo I kurgan group consisted of two mounds. It is located on the high bank of the Yasinovka river (a tributary of the Mius River, the northeastern Sea of Azov region). This archaeological complex was discovered by P.I. Boriskovsky in 1952. During the rescue work on one of the kurgans in 1994, N.I. Romashchenko recorded a specific taphonomic situation. The mound was built completely of cultured sediments, with a very large number of the Stone Ages pecimens and natural debris. The remains of the specimens produced in the Neolithic, Late Paleolithic, and Middle Paleolithic periods are largely moved by postdeposition processes. Among the flint finds the dominated are the objects of the Middle Paleolithic. In this article, the authors analyze the taphonomic situation associated with the construction of the kurgan mound, and briefly characterize the flint collections of the Middle Paleolithic kept in the Taganrog Regional Museum and the Rostov Regional Museum.

List of illustrations:

Fig. 1. Mar`eva Gora. 1 - Schematic map of the site on the map of the Rostov region; 2 - a general view of the site from SE, panoramic view.

Fig. 2. Mar`eva Gora. Flint objects from the collection of the Taganrog State Literary, Historical and Architectural Museum-Reserve.

Fig. 3. Mar`eva Gora. Flint objects from the collection of the Rostov Regional Museum.

01.08.2019

Оксана Олих, ГБУК РО «Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей–заповедник», ул. Октябрьская 9, Таганрог, Ростовская область, Россия, https://orcid.org/0000-0001-6397-7976, e-mail: olikh.oks@yandex.ru.

Алексей Данильченко, Отдел палеолита ИИМК РАН (стажёр), Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0003-2793-9088, e-mail: Adanil4enko@ya.ru.

Елена Ревина, ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», ул. Большая Садовая, 79, Ростов-на-Дону, Россия, https://orcid.org/0000-0002-8790-0241, e-mail: elena.revina@bk.ru.

К ТИПОЛОГИИ КАМЕННЫХ ОТБОЙНИКОВ ИЗ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ ДОНБАССА

Александр Колесник
Никита Манько

Ключевые слова: Донбасс, отбойники, кремнеобрабатывающие мастерские, неолит, энеолит.

Историография

Морфология каменных отбойников, предназначенных для раскалывания камня, во многом близка внешнему виду простых ударных орудий, приспособленных для извлечения кремня из материнской породы в ходе горных работ, а также морфологии инструментов для дробления и растирания относительно мягких органических и неорганических материалов. По этой причине интерес к отбойникам и их типологии связан с исследованиями в области горного дела, технологии расщепления камня, включая экспериментальное расщепление, технологии обработки ряда злаков, минеральной краски, и т.д.

С точки зрения дифференцированного подхода, отбойники как таковые, как «орудия для производства орудий», или «орудия группы А» (Смирнов 1983, 122), встречаются в археологических комплексах всех периодов каменного века и энеолита. Они известны в материалах олдувана (Гиря 2010), среднего палеолита (Ларионова, Степанова 2016; Weisgerber 1997), позднего палеолита (Степанова 2015; Колесник, Овсяникова 2002), неолита (Цвейбель 1968; Holgate 1995), меднокаменного века (Бибиков 1953; Колесник, Манько 2016). При этом сама типология отбойников получила определенное развитие в работах исследователей. В коллекции кремневых изделий раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая С.Н. Бибиков выделил один тип круглых «отбойников» диаметром 5-8 см и весом от 200 до 600 гр. «Поверхность шаров почти сплошь покрыта звездчатыми выбоинами» (Бибиков 1953, 83). С.Н. Бибиков допускал использование этих шаров не только для скалывания пластин, но и в качестве камней для пращи или боласов. Выделялись также «отжимники» из массивных пластин. Н.Н. Гурина рассматривала отбойники в качестве особых инструментов, используемых древними горняками в процессе добычи кремня и изготовления орудий. В материалах мастерских в Красносельском горном комплексе выделяется, собственно, только один тип удлиненных отбойников, в качестве которых «применяли конкреции, имеющие форму, близкую к восьмерке» (Гурина 1976, 80). Подобные горные инструменты в виде отбойников из удлиненных кремневых конкреций и похожие на песты каменные орудия, предназначенные для извлечения кремня из известняковой толщи, найдены на поселенческих структурах горного комплекса в Кшеменках в Польше (Migal, Salacinski 1991, 103). Как особая категория орудий отбойники тесно вплетены в исследования по планиграфии древних поселений (Ларионова, Степанова 2016, 2018). В качестве отдельного направления исследования отбойников и близких к ним по морфологии тёрочников оформились экспериментальные и экспериментально-трасологические работы (Гиря 2010; Pelegrin 2000; Byrne et al. 2006; и др.).

С позиции интегральной оценки, весомая часть подобных изделий из осадочных и вулканических пород камня использовалась не только для дробления камня, но и для механической обработки некоторых твердых пищевых продуктов. Первичная классификация этих орудий была дана в статье А.Н. Рогачева, посвященной проблеме собирательства в эпоху палеолита (Рогачев 1973). Н.К. Анисюткин при анализе материалов стоянки Кетросы предполагал использование галек в качестве не только отбойников, но и ретушеров и тёрочников (Анисюткин 2013, 51). Современная обобщающая классификация, включающая

разновидности немодифицированных каменных изделий позднего палеолита, предложена К.Н. Степановой (Степанова 2015). На сегодняшний день это наиболее полная собирательная классификация немодифицированных каменных орудий, в том числе инструментов начального цикла расщепления (отбойники) каменного века. Они занимают место в ряду с ретушёрами, наковальнями и пр. изделиями.

Определение отбойников

Обязательным атрибутом мастерских по расщеплению камня первобытного времени являются разнообразные каменные отбойники и другие подобные инструменты, непосредственно вовлеченные в процесс первичной обработки сырья. Этот класс простейших инструментов в одинаковой степени характерен для неолитических и энеолитических мастерских. В подавляющем большинстве случаев в качестве отбойников использовались небольшие конкреции и куски кремня (или другого минерала) из того же месторождения, что и кремневое сырье для нуклеусов и орудий. Как правило, небольшие конкреции кремня и гальки кремнистого материала в изобилии встречаются в районах обнажения осадочных пород в пределах мелового обрамления Донецкого кряжа.

Каменные отбойники – не модифицированные (или слабо модифицированные) изделия из округлых конкреций, а также из модифицированных изделий, со следами специфического износа в виде различных по интенсивности и площади зон забитости. Родовым признаком этого класса орудий являются именно зоны забитости. В пределах таких зон формировались особые поверхности, состоящие из разрушенного множественными трещинами материала отбойника. При ударе отбойником по обрабатываемому кремневому предмету возникал волновой эффект, направленный в обе стороны. За счет кинетической энергии отбойника удар обеспечивал образование планируемой трещины в статичном предмете (управляемое расщепление), однако контрударный эффект неизбежно приводил к коническим или раковистым краевым микротрещинам на поверхности самого отбойника. Наложение конусов множества трещин вело к разрушению ударной поверхности, образованию своеобразного слоя с шероховатой поверхностью. Возникающую характерную забитость принято называть «звездчатой». В норме эти зоны располагаются на полюсах и ребрах отбойников, то есть на наиболее выступающих участках поверхности.

При выделении зон забитости на теле отбойника следует помнить, что аналогичные поверхности возникают естественным путем на поверхности кремневых галек в бурном водном потоке в результате множественных ударов о подобные предметы. Признаки такой естественной деформации – разнонаправленные трещины конусного вида (Гиря 2010, 93), а также выраженная окатанность поверхности. Комплекс следов на отбойниках из культурных слоев археологических памятников характеризуется как особые зоны, своеобразные «подовальные совокупности углублений …, образованных многочисленными выбоинами различной формы – от округлой до многогранной» вместе с однонаправленными фасетками конусов ударов (Леонова, Успенская 2017, 52-53).

Отбойники отличаются конструктивной простотой, при работе удерживались в кисти руки. Отбойники относятся к невозобновляемым, расходным орудиям, сработанные участки которых не оживлялись в силу особой кинематики износа и экономической нецелесообразности таких действий.

Корпус памятников

Обильный эмпирический материал, происходящий из неолитических и энеолитических мастерских Донбасса, служит основой для дальнейшей типологической дифференциации каменных отбойников, предназначенных для первичного расщепления кремня. В качестве основы анализа используется выборка отбойников, происходящих из нескольких неолитических и энеолитических мастерских по первичной обработке кремня в Северо-Западном Донбассе (рис. 1). Возникновение крупного производственного центра в этом регионе Донбасса обусловлено наличием здесь геологических источников качественного кремневого сырья верхнемелового генезиса (Kolesnik 2006). Наиболее значительные коллекции отбойников происходят из мастерских у с. Красное (пункты

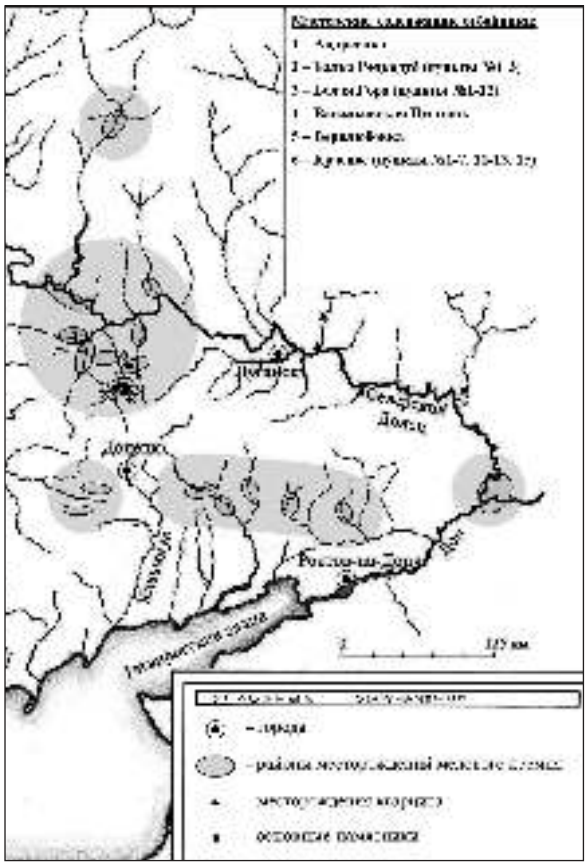


Рис. 1. Карта-схема неолитических и энеолитических мастерских Северо-Западного Донбасса.

№1-7, 11-13, 15) в районе г. Артемовска, в п. Васильевская Пустошь близ г. Краматорска, у п. Белая Гора (пункты №1-12) и в балке Редкодуб (пункты №1-3) Константиновского района, а также у п. Андреевка близ г. Славянска Донецкой области. Коллекции происходят из раскопов и сборов на поверхности, проведенных в разное время. Материалы этих памятников частично опубликованы в литературе (Kolesnik 1997; Колесник 2017). В силу технических причин не учтены отбойники, происходящие из Краматорской неолитической мастерской (31 экз.) (Цвейбель 1968, 182) и из материалов раскопок мастерских Белая Гора 3 и 2D (раскопки А.Ф. Горелика и С.М. Дегерменджи). Из архивных данных Д.С. Цвейбель известны крупный кремневый (рис. 5/1) и небольшой песчаниковый (рис. 5/2) отбойники, происходящие из мастерских в балке Широкой в Южном Донбассе. Неолитический и энеолитический возраст публикуемой коллекции отбойников устанавливается по технико-типологическим критериям сопровождающих каменных изделий. В дополнение к этому, учитывалась разница в сырье: на мастерских Красное п. 5 и п. 15(17) с исключительно энеолитическим инвентарем отмечено использование специфического плитчатого кремневого сырья с зональной структурой и характерной окрашенностью. Всего используются данные по 29 мастерским (табл. 1).

Суммарно выборка включает 334 предмета. Такое количество предметов является достаточным для выделения статистически значимых единиц группировки. Часть этих изделий (30 экз.) представлена крупными фрагментами, позволяющими реконструировать размеры орудий до слома. Учтенная коллекция включает отбойники из разнообразного материала, преимущественно из кремня (табл. 2). Примечательно, что три наиболее крупных отбойника весом свыше 1000 г – кварцитовые. Во всех случаях кремневые отбойники изготовлены из местного сырья.

Таблица 1

Распределение отбойников по мастерским

№	памятник	кол-во отбойников, шт.
1	Андреевка	5
2-4	Балка Редкодуб (пункты №1-3)	7
5-16	Белая Гора (пункты №1-12)	188
17	Васильевская Пустошь	6
18	Веролюбовка	1
19-29	Красное (пункты №1-7, 11-13, 15)	127
	Всего	**334**

Таблица 2

Материал отбойников из мастерских неолита-энеолита Донбасса

материал	количество, шт.
Кремень	322
Кварцит	7
Кварц	1
Песчаник	1
Халцедон	1
кремнистый мат-л	2
Всего	**334**

Критерии группировки отбойников, вариативность основных признаков

Выделение отдельных кластеров отбойников проводилось по определенной процедуре. Археологическая типология допускает гибкий подход к оценке ведущих признаков, исходя из особенностей анализируемой подборки и выбранной исследовательской задачи. На первом этапе статистической обработки отбойников учитывались три показателя, без установления между ними иерархической зависимости: размеры (1), вес (2), форма (3). Очевидно, для характеристики отбойников эти признаки являются необходимыми и достаточными. Важный критерий, связанный с характером зон износа, оказался в данной выборке менее значимым и общим для отбойников, которые отличаются по весу, размерам и формам. Очевидно, что выбранные для характеристики этого класса орудий базовые признаки (размеры, вес и форма) не равнозначны по своему содержанию. Размеры и вес передают природное состояние объектов. Форма отбойников во многих случаях была сознательно изменена или, в незначительной степени, испытала техногенное воздействие (фрагментация и износ).

Каждая из трех выделенных характеристик имеет определенную изменчивость.

1. Размеры

При характеристике размеров данной категории изделий существенной является их длина (максимальная величина). Характеристика других параметров (толщина, ширина, коэффициенты массивности и удлиненности и др.) имеет значение при описании формы отбойников. Выбранный «шаг» измерений длины орудий – 1 см. Всего учтено 334 целых или археологически целых отбойника (табл. 3). В коллекцию были включены фрагменты, дающие представление о первоначальной форме орудий. Это необходимое ограничение исключало отбор случайных обломков кремневых конкреций и кварцитовых галек. Фактическая «длина» шкалы измерений – до 12 см. Установлено, что основное количество инструментов имеет длину от 5 до 8 см при максимальной концентрации значений в районе 6 см (граф. 1). Выделенный размерный кластер, видимо, отражает оптимальную величину отбойников, необходимых для эффектного первичного расщепления кремня на мастерских. Размеры отбойников непосредственно связаны с их весом.

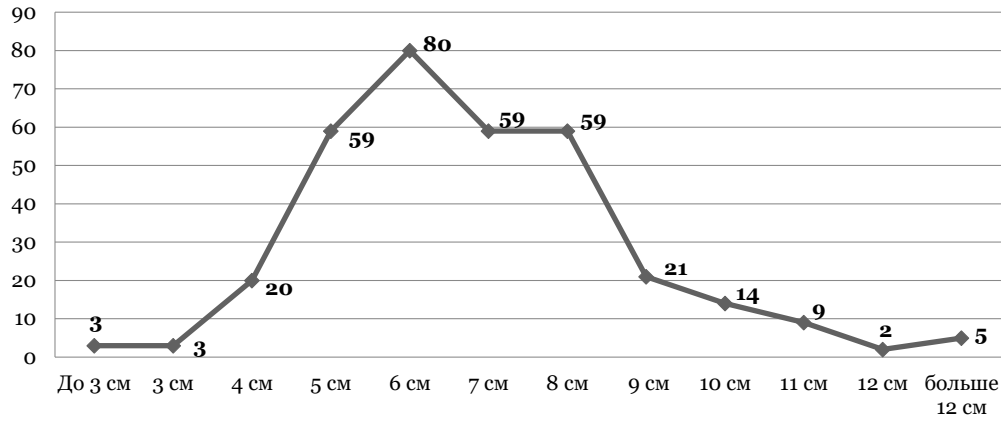
Таблица 3

Распределение количества отбойников по размерным категориям, в шт.

до 3 см	3 см	4 см	5 см	6 см	7 см	8 см	9 см	10 см	11 см	12 см	больше 12 см
3	3	20	59	80	59	59	21	14	9	2	5

График 1

Кумулятивный график распределения отбойников по длине, в см



2. Вес

При подсчете веса учитывались только целые экземпляры (табл. 4). В данной шкале фиксируются значения веса от 100 до 1000 г. В группу «до 100 г» фактически входят изделия с весом 60-100 г; отбойники тяжелее 1000 г единичны. Эмпирическим путем был выбран «шаг» измерений в 50 г. График 2 отражает нормальное распределение значений и хорошо выраженный кластер в пределах 150-250 г. Удельный вес крупных и массивных отбойников весом свыше 500 г достаточно ощутим, хотя они не образуют устойчивого кластера по критерию «вес». График показывает постепенное уменьшение количества отбойников по весу от основного пика значений в сторону более тяжелых орудий. Вероятно, это было связано с отбором и расщеплением различных по весу конкреций кремня.

Отбойники весом более 1 кг немногочисленны – их всего 3 экз. Следует заметить, что крупные кремневые и кварцитовые отбойники в виде овальных или округлых галек со следами сработанности на концах в небольшом количестве обязательно сопровождают материалы мастерских по первичному расщеплению кремня, в том числе палеолитических (Weisgerber 1995, fig. 6; Колесник, Овсянникова 2002, рис. 5/2). Нередко они использовались в качестве наковален.

Таблица 4

Распределение количества отбойников по весу, в граммах

до 100 г	до 150 г	до 200 г	до 250 г	до 300 г	до 350 г	до 400 г	до 450 г	до 500 г
32	53	51	48	27	24	17	13	9
Всего: 274 экз.								

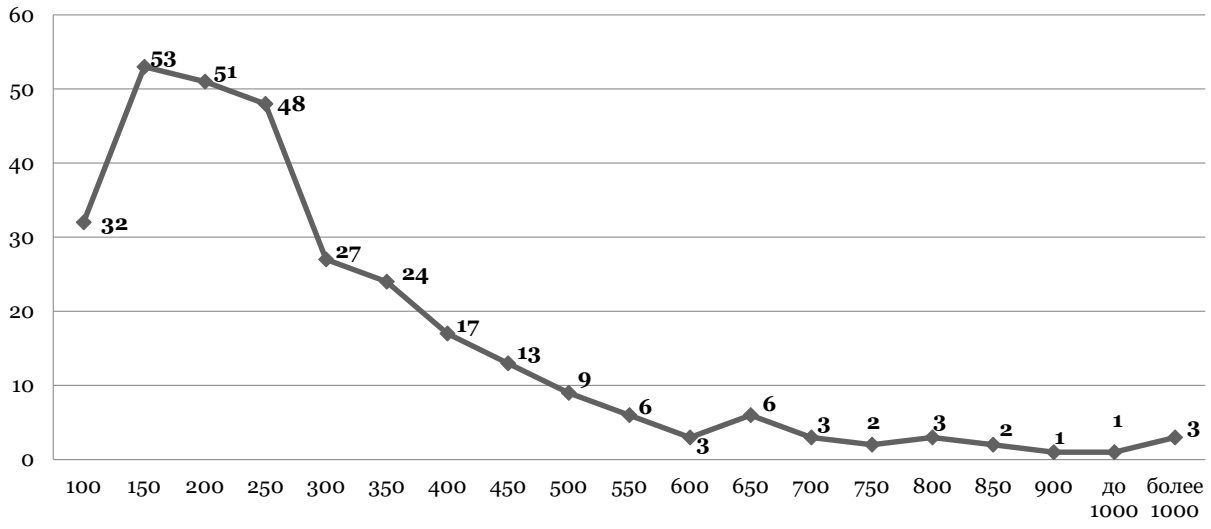
Таблица 4 (продолжение)

Распределение количества отбойников по весу, в граммах

до 550 г	до 600 г	до 650 г	до 700 г	до 750 г	до 800 г	до 850 г	до 900 г	до 1000 г
6	3	6	3	2	3	2	1	1
Всего: 27 экз.								
Свыше 1000 г – 3 шт.								

График 2

Кумулятивный график распределения отбойников по весу, в граммах



3. Форма

В подавляющем большинстве случаев на мастерских Донбасса по первичному расщеплению кремня в качестве отбойников использовались небольшие конкреции кремня из того же геологического источника, что и кремень для производства изделий, поэтому не будет лишним вспомнить классификацию форм кремней, принятую в геологической литературе. Представление о видах кремней строится на классической работе Г.И. Бушинского 1954 г. Называются следующие виды кварцево-халцедоновых кремней мелового возраста: округлые, сучковатые, палочковидные, пластинчатые и др. (Бушинский 1954, 217). Различные авторы дополняют этот список амебовидными и рогульчатыми кремнями (Справочное 1958, 263), кремнями причудливой формы (Лазаренко, Панов, Павлишин 1975, 160).

Встречаются также определения кремней скульптурной формы, пальцевидные, плитчатые и пр. Практически во всех классификациях в качестве основных выделяются конкреции округлой формы. Из этого многообразия форм древними мастерами специально отбирались конкреции определенной разновидности. Предварительное ознакомление с отбойниками из конкреций позволяет нам предположить, что статистическое значение имеют такие формы как «шаровидная», «кубовидная (шаровидно-кубовидная)», «продольно-вытянутая (цилиндрическая или бочёнковидная)», «аморфная (угловатая)».

В последнюю категорию включены как отбойники из конкреций причудливых очертаний, так и орудия из аморфных кусков и отщепов. Небольшую, но хорошо различимую группу составляют отбойники, у которых в качестве преформы использовались не конкреции с естественными природными очертаниями, а отбракованные заготовки нуклеусов и бифасов, сработанные нуклеусы, т.е. предварительно модифицированные предметы. Таким образом, в группу отбойников входят немодифицированные и модифицированные изделия (табл. 5).

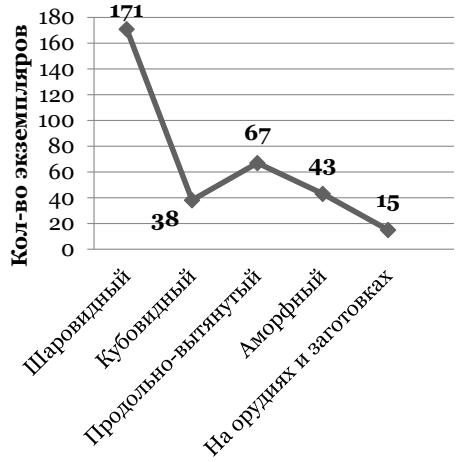
Таблица 5

Распределение отбойников по форме, в шт.

Форма отбойников	Кол-во, шт.
Шаровидная	170
Кубовидная	39
Продольно-вытянутая	67
Аморфная	43
Отбойники из нуклеусов, заготовок нуклеусов и бифасов	15
Всего:	**334**

График 3

Кумулятивный график распределения отбойников по форме



Как видно, наиболее многочисленны шаровидные отбойники. В эту собирательную группу входят орудия из округлых конкреций, имеющих шарообразное, яйцеобразное или близкое к ним очертание и ровную, не бугристую поверхность. Такие конкреции использовались в качестве отбойников без какой-либо предварительной обработки и явно специально отбирались древними мастерами на геологических источниках каменного сырья вместе с предназначенными для расщепления блоками породы. Подавляющая часть шаровидных отбойников стандартизирована по признаку веса (200-350 г) и размеров (5-8 см) (графики 4 и 5), что ещё раз подчеркивает искусственную сепарацию этой категории орудий (рис. 2/3-5; рис. 3/2, 4; рис. 4/3). Безусловно, шаровидные отбойники образуют основу кластера отбойников мастерских неолита и энеолита Донбасса.

График 4

Кумулятивный график распределения шаровидных и кубовидных отбойников по весу, в граммах

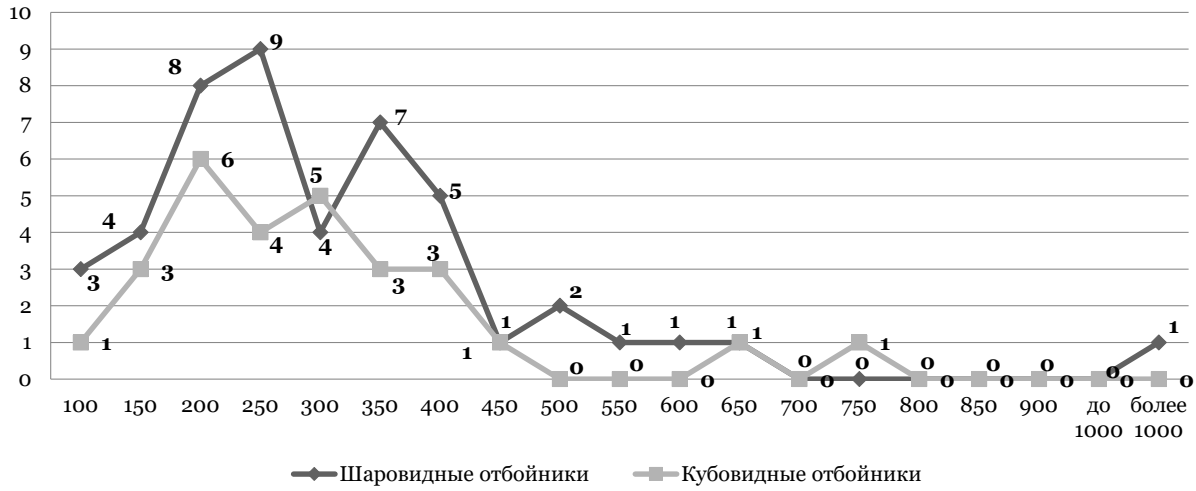
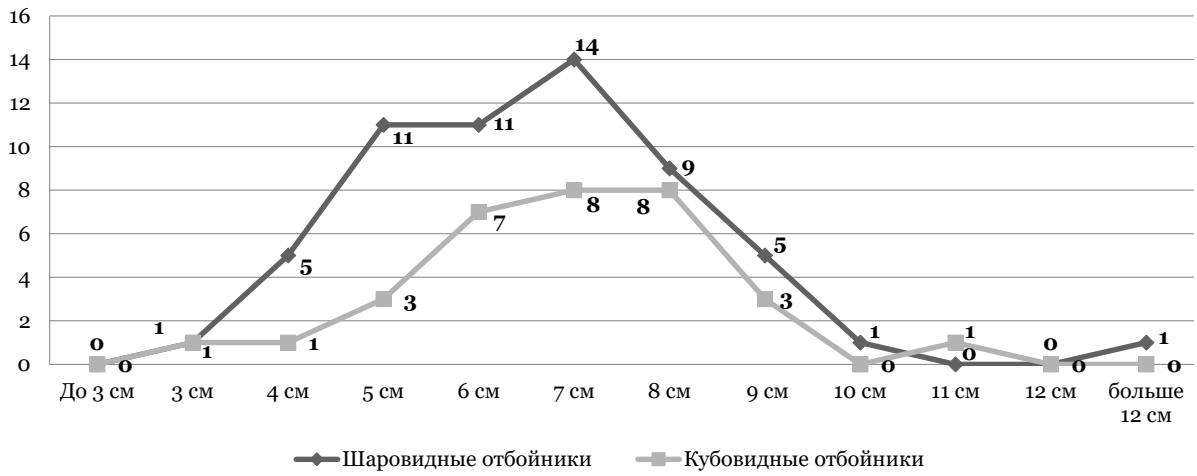


График 5

Кумулятивный график распределение шаровидных и кубовидных отбойников по длине, см



Парадоксальным является практически полное совпадение параметров и веса кубовидных отбойников с параметрами и весом шаровидных отбойников (графики 4 и 5). Инверсия пиковых значений веса (график 4) объясняется статистической погрешностью. Кубовидные отбойники относятся к категории модифицированных орудий, так как имеют следы выраженной обработки (рис. 3/3, 5, 6). Эта обработка напоминает характер расщепления кубовидных нуклеусов, у которых ударные площадки и условный рабочий фронт взаимозаменяемы. Обработанные крупными сколами участки, как правило, не перекрываются зонами забитости, т. е не являются результатом фрагментации (слома) орудий. Зоны забитости в основном тяготеют к сохранившимся естественным, округлым участкам конкреций. В качестве основы таких отбойников служили округлые в плане конкреции, несколько превышающие по весу и размеру шаровидные отбойники, в параметрическую

Рис. 2. Кремневые отбойники: 1-2, 6 - удлиненные; 3-5 - шаровидные.

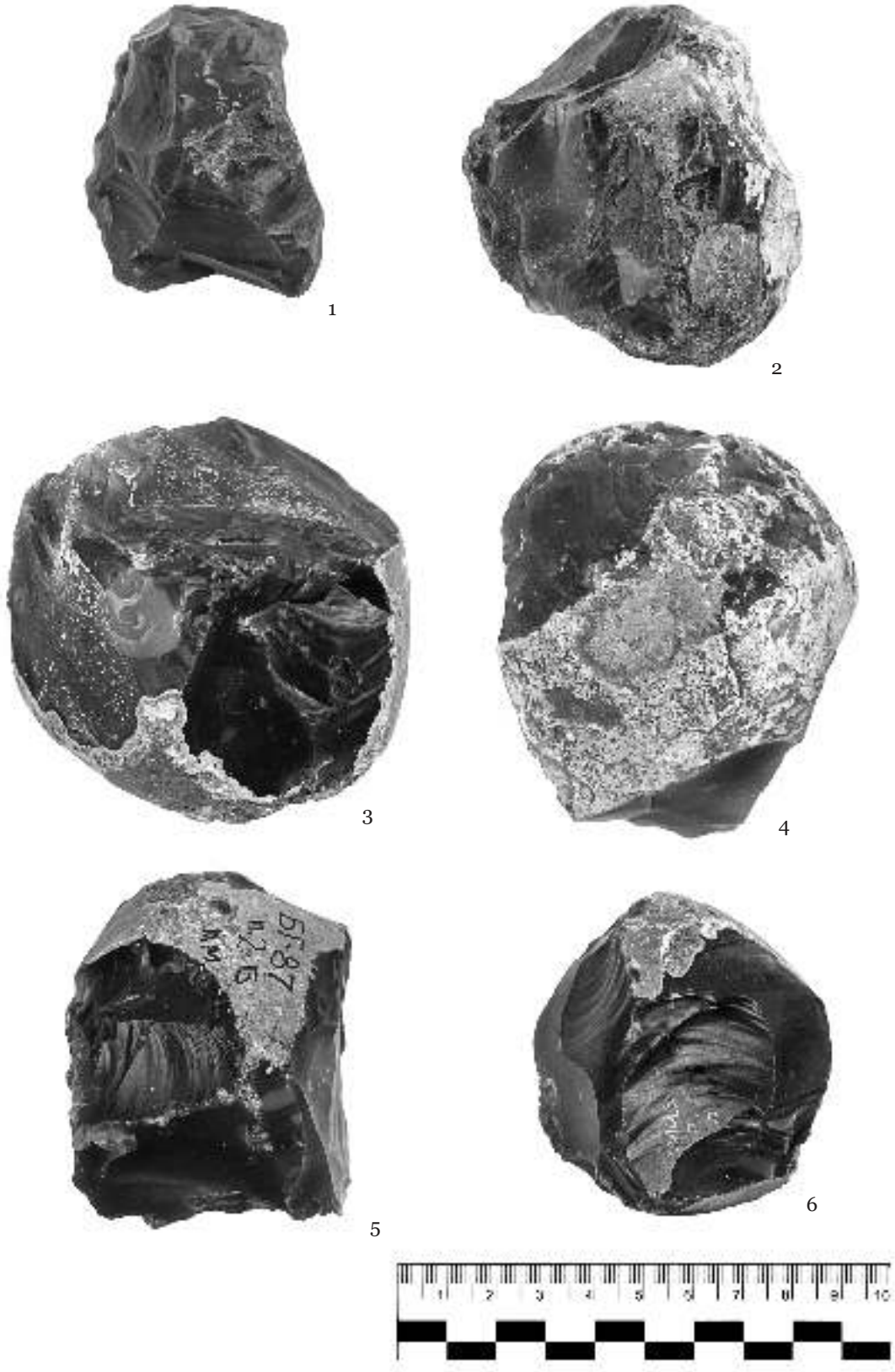


Рис. 3. Кремневые отбойники: 1 - удлиненный; 2, 4 - шаровидные; 3, 5, 6 - кубовидные.

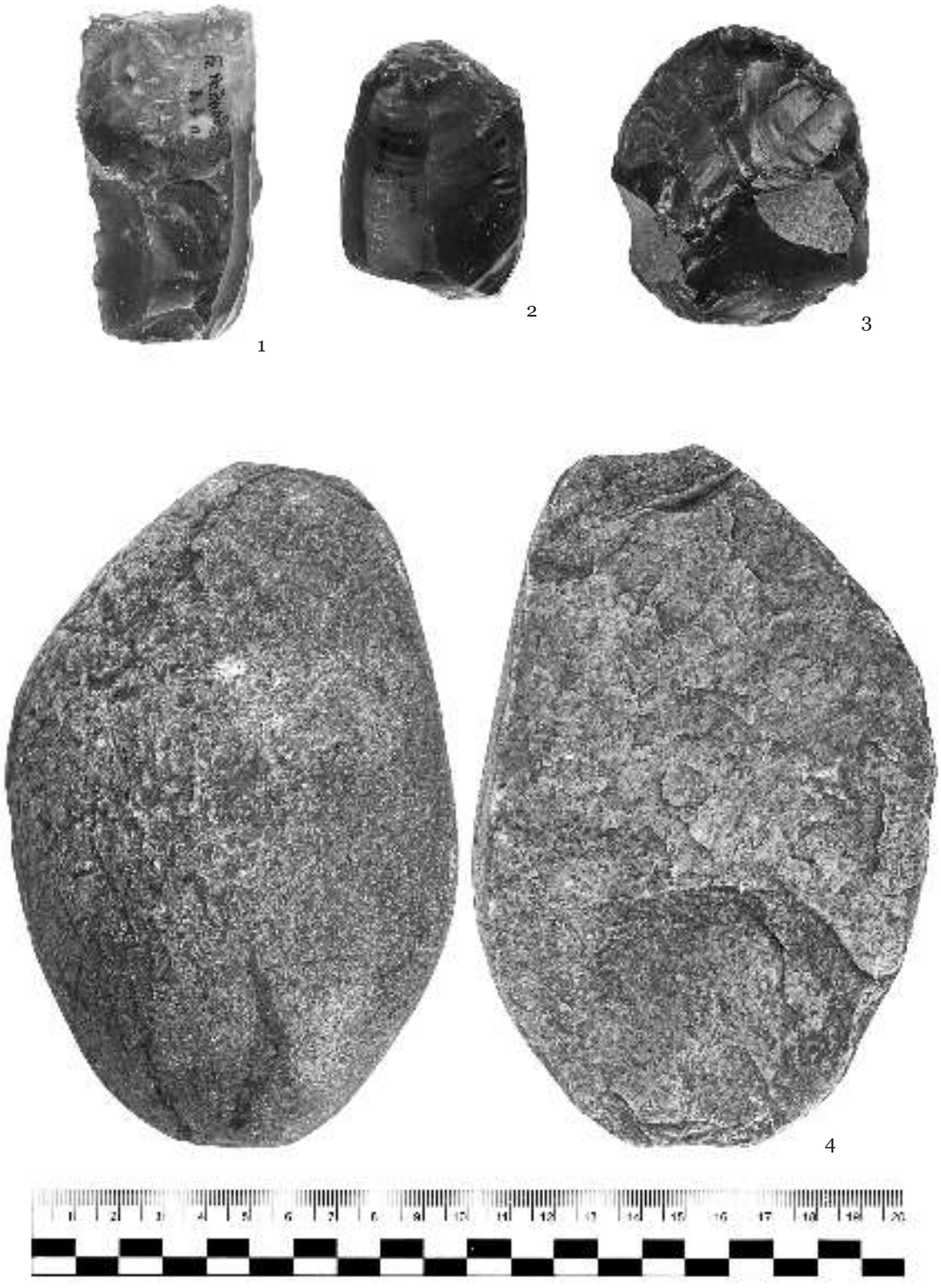


Рис. 4. Отбойники: 1, 2 - кремневые отбойники на нуклеусах; 3 - кремневый шаровидный; 4 - кварцитовый яйцевидный.

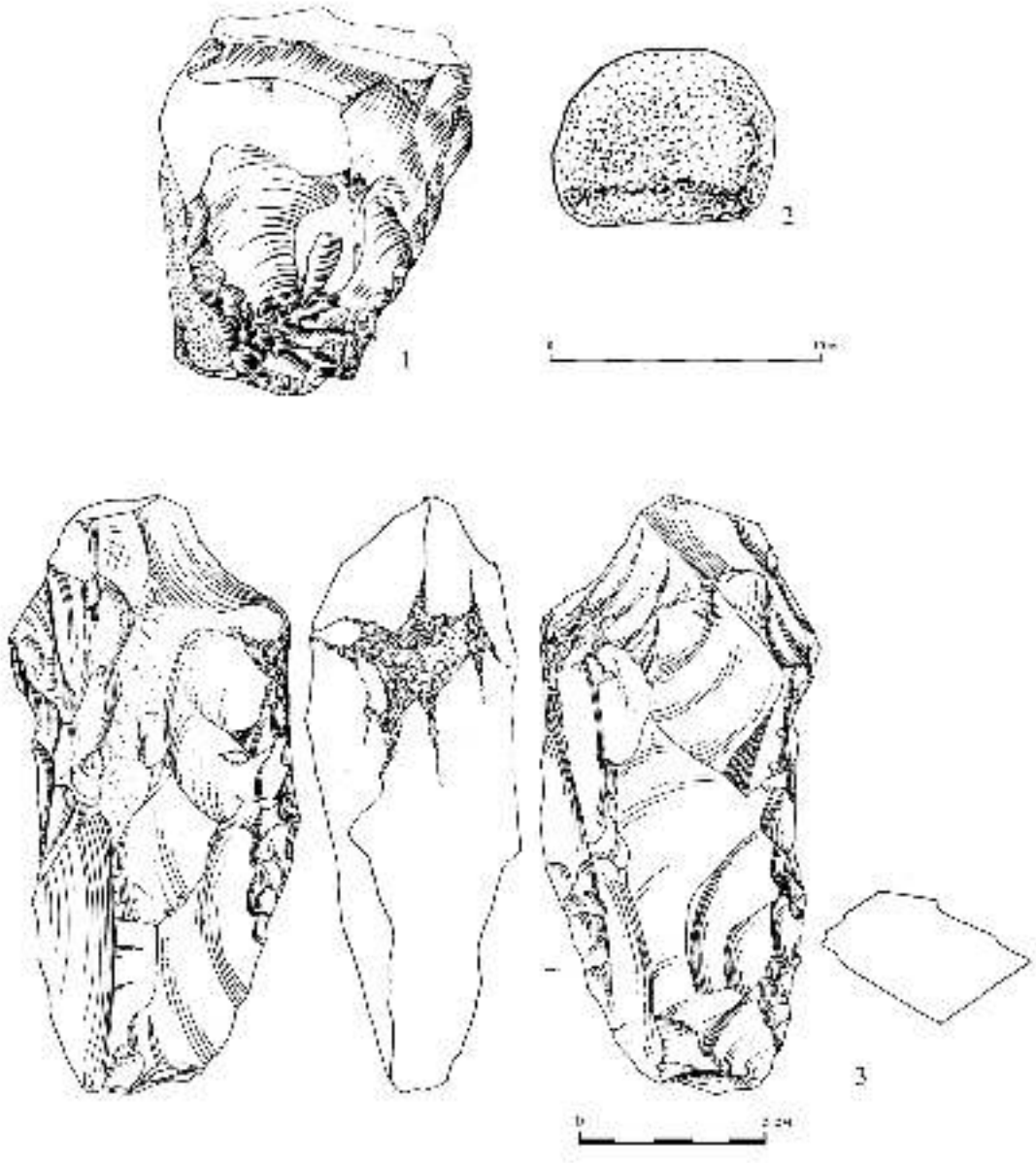


Рис. 5. Отбойники: 1 - кремневый кубовидный; 2 - песчаниковый шаровидный; 3 - кремневый отбойник из заготовки бифаса.

категорию которых они фактически входят. Промежуточное положение занимают шаровидно-кубовидные отбойники – шаровидные, но с кубовидно оббитыми участками на ограниченной площади. Некоторая часть шаровидно-кубовидных отбойников образовалась в результате непреднамеренной фрагментации шаровидных отбойников при ударах по предмету обработки. В таких случаях сколы идут от зоны забитости и легко отличаются от собственно кубовидной обработки.

Обособленную и достаточно многочисленную группу образуют отбойники, основой для которых послужили удлиненные кремневые конкреции неустойчивых очертаний (рис. 2/1, 2, 6). Их в коллекции 67 шт. Зоны сработанности всегда сосредоточены на торцовых и угловых участках. Форма конкреций продольно-удлиненная, цилиндрическая, бочковидная, иногда с пережимами и выступами.

Кластеры и типы отбойников

Первичное упорядочение группы отбойников по трем признакам (вес, длина и форма) позволяет определить структуру всего массива изделий в пределах описанных параметров, выделить ядро или основной кластер орудий. Он связан с шаровидными и кубовидными отбойниками. Если считать, что в основе типа лежит феномен типичности, то выделенный основной кластер отбойников кремнеобрабатывающих мастерских Донбасса эпохи неолита и энеолита в форме шаровидных изделий весом 200-350 г и размерами 5-8 см и есть типологическое ядро этого функционального класса орудий. Этот кластер включает две основные разновидности – шаровидные и кубовидные отбойники. Мы отмечали выше, что шаровидные отбойники отбирались в готовом виде и дополнительной обработке не подвергались. В этой связи отдельных комментариев требуют кубовидные отбойники. Во многих случаях зоны забитости перекрывают негативы сколов, т.е. отбойники использовались как таковые после их предварительной обработки. Судя по статистическим данным, благодаря предварительной обработке кубовидные отбойники образовали с шаровидными отбойниками одну консолидированную весовую группу, т.е. их калибровка была преднамеренной. С учетом вероятной целенаправленной калибровки веса отбойников их следует считать, вместе с шаровидными, основным типом каменных отбойников, предназначенных для начальных этапов обработки каменного сырья. Таким образом, на основе анализа данной коллекции, можно обосновать выделение двух типов отбойников, взаимосвязанных в морфологическом и функциональном плане. Шаровидные отбойники, происходящие из мастерских Донбасса, образуют тот же тип, что интенсивно сработанные круглые отбойники трипольского поселения Лука Врублевецкая (Бибиков 1953). Возможно, статус типа могут иметь отбойники из удлиненных кремневых конкреций.

Типологический статус других групп отбойников не столь очевиден.

После проделанного элементарного кластерного анализа коллекции далее всю совокупность орудий следует дифференцировать по специфическим признакам, значимым для относительно небольших групп изделий. Такими признаками, специфическими для отбойников мастерских Донбасса, являются следы обработки, связанные с модуляцией изделий до их отбора в качестве орудий для расщепления камня. Речь идет о сработанных нуклеусах, заготовках нуклеусов и бифасов, которые вторично использовались на мастерских в качестве ударных инструментов. Таких изделий всего 15, но они резко выделяются от основной массы изделий своей формой.

Отбойники на сработанных одноплощадочных призматических нуклеусах небольшие, относительно легкие и удлиненные, целиком попадают в основной кластер по весу и размерам (графики 6 и 7). Всего их 4 шт. Зоны забитости концентрируются на полюсах изделий, т.е. на месте площадки или основания (рис. 4/1, 2). Интенсивность вторичного использования средняя.

Отбойники из отбракованных заготовок нуклеусов (9 шт.) чуть более крупные, но также не выходят из рамок вариационного поля основного кластера.

Отбойники из заготовок бифасов массивные, крупные и удлиненные (2 шт.). Своеобразие последних (рис. 5/3) проявляется также в наличии интенсивных зон забитости на боковых и концевых участках; в чем-то они напоминают форму и характер изношенности экспериментальных роговых отбойников. Отбойники из заготовок бифасов занимают обособленное положение в основном массиве отбойников по показателям веса и размеров, за рамками основного кластера (графики 6 и 7).

Также единичны крупные кварцитовые отбойники из яйцевидных галек (рис. 4/4). Зоны сработанности и фрагментации тяготеют к полюсным участкам. Отбойники предназначались для первичного дробления весьма крупных кремневых конкреций на отдельные блоки. Вероятно, для этих целей больше подходили крупные ударные орудия из относительно вязкого кварцита.

С учетом приведенных аргументов мы считаем возможным предварительно выделить в анализируемой группе эти разновидности изделий в самостоятельные варианты отбойников эпохи неолита – энеолита Донбасса, типологическая верификация которых требует более широкого сравнительного материала.

График 6

Распределение отбойников на нуклеусах и бифасах по длине, см.

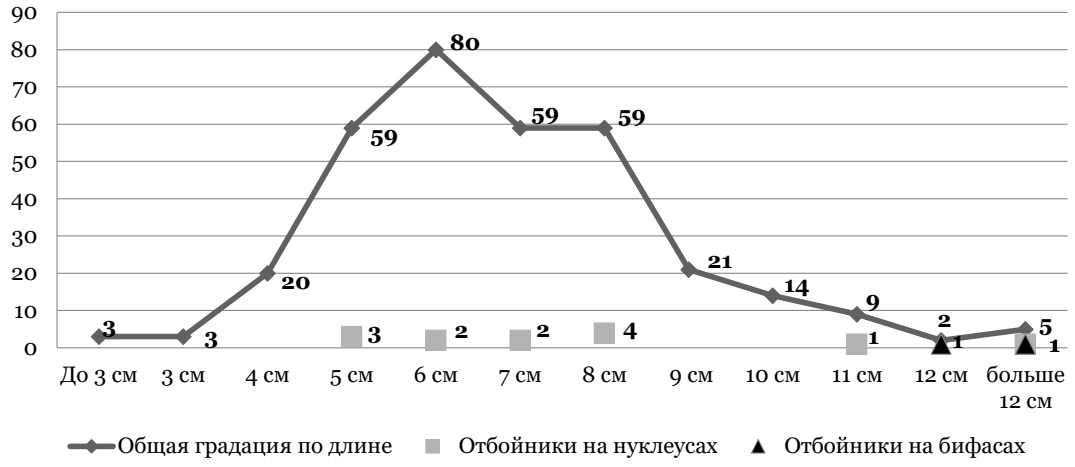
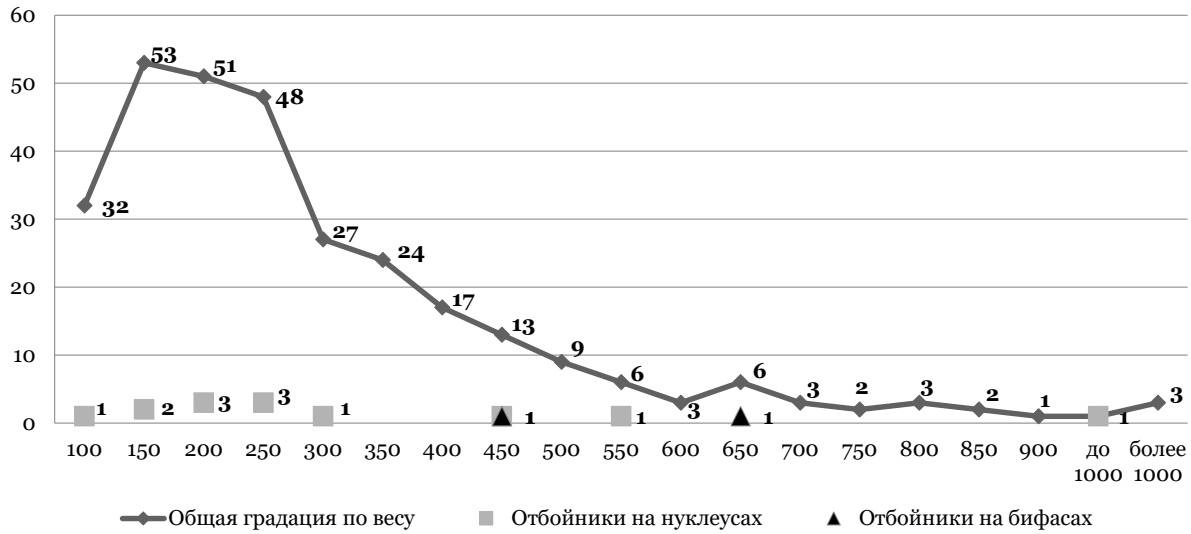


График 7

Распределение отбойников на нуклеусах и бифасах по весу, в граммах



Как видно, при определении разновидностей отбойников из неолитических и энеолитических мастерских Донбасса признак «зона забитости» использовался нами в ограниченном объеме. Обоснованная коррекция выделенных кластеров отбойников и их вариантов с локализацией зон забитости и степенью износа возможна на основании экспериментальной базы в последующем, так как только эксперимент может объяснить зависимость между кинематикой отбойников выделенных разновидностей и их размерами-весом-формой.

Интенсивность использования отбойников и характеристика зон забитости

Расщепление кремневых конкреций ударами отбойников из того же материала, т.е. с теми же показателями твердости и упругости, сопровождалось разрушением поверхности отбойников отраженными кинетическими импульсами. Основной критерий отбойников – особые зоны забитости, локализующиеся на наиболее выступающих участках. Образовавшаяся при системном раскалывании шероховатая поверхность обеспечивала лучшую сцепку между самим инструментом и предметом обработки при нанесении ударов. Поэтому при оценке рабочих качеств отбойника следует учитывать не только физические свойства материала отбойника, но и зоны забитости. В связи с этим очевиден интерес к точным характеристикам зон забитости. Твёрдость кремня из геологических источников Донбасса, судя по литературным данным, колеблется в пределах 6.5-7 единиц, по шкале Мооса (Лазаренко, Панов, Павлишин, 1975). По нашей просьбе, в Донецком государственном научно-исследовательском и проектном институте цветных металлов (ДонНИПИЦМ) были проведены замеры твёрдости зон забитости отбойников по стандартной схеме (4 образца). Измерению подвергались зоны со следами незначительной забитости. Были установлены одинаковые значения твердости для слабо забитых и незабитых участков орудий (табл. 6), что несколько диссонирует с нашими ожиданиями.

Градация зон забитости по интенсивности использования позволяет выделять зоны со слабой, средней и значительной сработанностью. Степень сработанности отбойников, происходящих из неолитических и энеолитических мастерских Донбасса, как правило, является умеренной или незначительной. Зоны значительной сработанности, которые выражаются в уплощении поверхности отбойника и понижении первоначального рельефа в связи с потерей материала отбойника в ходе интенсивной работы, в анализируемой выборке единичны – всего отмечено 14 таких случаев. Корреляция степени забитости этих отбойников с экспериментальными сериями (Byrne et al. 2006) позволяет предполагать их использование в течение короткого отрезка времени, возмож-

Таблица 6

Физическая характеристика сработанных участков кремневых отбойников

Критерии	Исследуемый образец	Среднее значение типов материала
Тип горной породы	Метаморфическая горная порода (кремень)	
Цвет	Окраска серых и темно-серых тонов со светло-бежевой коркой патины (0,1-0,3 мкм)	
Удельный вес	2,60	
Средний показатель преломления	1,538	1,537-1,540
Содержание Si02	91%	от 85 до 98%
Текстура	Полосчатая массивная	
Структура	Мелкозернистая, слоистая. Излом раковистый, раскалывается при ударе на остроугольные обломки.	
Плотность	2,97 г/см^3	2,6 г/см^3
Сопротивление раздавливанию	более 3350 кг/см^2	
Предел прочности	На изгиб 12; На сжатие 50 кгс/мм^2	
Твердость по шкале Мооса (10)	7	7
Модуль Юнга	7,45-1011 дин/см^2	7,45-1011 дин/см^2
Модуль сдвига	3,45-1011 дин/см^2	3,45-1011 дин/см^2
Коэффициент Пуассона	0,08	0,08

но, нескольких часов. Вероятно, на мастерских отбойники использовались разово, в пределах одного производственного эпизода (цикла), связанного с визитами на мастерские «сырьевых провизоров». Не вызывает сомнений сезонный характер эксплуатации мастерских. На мастерских Донбасса встречаются также единичные (8 шт.) относительно небольшие шаровидные отбойники с развитыми полями забитости (рис.). Шаровидные отбойники с интенсивной забитостью по всей поверхности характерны в большей степени всё же не для мастерских, а для стоянок (Бибиков 1953). Harm Paulsen сообщает, что при проведении экспериментов интенсивная сработанность на основной части поверхности шаровидных отбойников появлялась после 5 часов работы (Olausson 1997, fig.4). Очевиден тренд редукции кремневых отбойников по мере их срабатывания в сторону геометрически правильной шаровидной формы.

Зоны забитости на отбойниках данной коллекции образуют поля различной площади и очертаний. Они расположены на наиболее выступающих участках рельефа орудий и занимают площадь 4-6 см кв., реже больше. Как было показано выше, в коллекции преобладают шаровидные и шаровидно-кубовидные отбойники, у которых топография зон забитости не является типообразуюшим признаком.

Корреляция веса отбойников и конкреций

Очевидна взаимосвязь между весом отбойника и весом конкреции, которая подвергается обработке ударной техникой скола. В культурных слоях раскопанных мастерских Северо-Западного Донбасса (Краматорск, Белая Гора, Васильевская Пустошь и др.) учтено около 40 конкреций со следами предварительной оббивки или без таковой. Необработанные конкреции кремня имеют размеры до 18 см и вес до 2300 г; средние размеры частично оббитых конкреций колеблются в пределах 10-14 см, средний вес – в пределах от 1300 до 1800 г. Конкреции такого же «калибра» встречаются в районе ближайших геологических источников сырья. Средний вес заготовок нуклеусов, судя по материалам мастерских у п. Белая Гора, колеблется в пределах 400-700 г. Графики 1 и 2 указывают на средние значения длины (5-8 см) и веса (150-250 г) отбойников. Как видно, эффектное краевое скалывание на мастерской по первичному расщеплению кремня происходит, если вес предмета обработки превосходит вес отбойников приблизительно в диапазоне от 5-6-кратного до 2-3-кратного. Вероятно, разброс значений веса и размеров отбойников отражает разброс в весе и размерах кусков обрабатываемого сырья, при этом корреляция между весом отбойников и блоками породы должна устанавливаться отдельно для каждого вида сырья. Согласно этим выкладкам, для эффективной обработки относительно легких кремневых изделий (весом менее 100-200 г), известных на мастерских, требовались иные инструменты, не представленные в анализируемой выборке каменных отбойников.

Заключение

1. Процедура выделения типов основана на исследовательских задачах и учитывает особенности археологического инвентаря. Происходящие из неолитических и энеолитических мастерских по первичному расщеплению кремня отбойники относятся к изделиям, у которых типообразующие признаки связаны не только с формой, но и с весом орудия.

2. Проведенный анализ позволяет установить типологическую структуру кремневых отбойников из неолитических и энеолитических мастерских Донбасса по первичному расщеплению кремня. Типологическое ядро составляют шаровидно-кубовидные отбойники размерами до 5-8 см и весом 200-350 г. Внутри этой группы выделяются собственно шаровидные отбойники и кубовидные отбойники, без резкой морфологической границы между ними. Определить хронологические отличия между разновидностями отбойников или их весовыми группами не представляется возможным.

3. Кубовидные (округло-кубовидные) отбойники со следами регулярной оббивки, вероятно, сформировались в результате преднамеренной подправки крупных или аморфных конкреций с целью калибровки их веса. В этом плане отбойники из мастерских Донбасса относятся к немодифицированным и модифицированным изделиям.

4. Особую группу отбойников из материалов мастерских составляют предметы вторичного использования – отбойники из заготовок би-

фасов и нуклеусов, а также сработанных призматических нуклеусов. Последняя категория отбойников встречается также на стоянках и сама по себе отражает определенный объем «поселенческих» производственных задач, частично решаемых на мастерских.

5. Каменные отбойники не исчерпывают весь инструментарий, необходимый для эффектного первичного расщепления кремня на мастерских. Реконструкция всего набора таких орудий для производства орудий является логическим продолжением дальнейшего изучения неолитических и энеолитических мастерских Донбасса.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность сотрудникам Института истории материальной культуры РАН (С-Петербург) Е.Ю. Гире, К.Н. Степановой за оказанные профессиональные консультации. Неоценимую помощь в проведении исследования оказали ректор Донецкого национального технического университета (ДонНТУ) профессор А.Я. Аноприенко, проректор по научно-педагогической работе ДонНТУ профессор А.Б. Бирюков и директор Донецкого государственного научно-исследовательского проектного института цветных металлов Ю.П. Вархалев.

Библиография

Анисюткин 2013: Н.К. Анисюткин, Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы (Санкт-Петербург 2013).

Бибиков 1953: С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческих племен на Юго-Западе Европы. В сб.: МИА №38 (Москва-Ленинград 1953).

Бушинский 1954: Г.И. Бушинский, Литология меловых отложений Днепро-Донецкой впадины. Труды ин-та геолог. наук, 156 (Москва 1954).

Гиря 2010: Е.Ю. Гиря, Открытие олдована на юге России в свете экспериментально-трасологического метода. В сб.: Исследование первобытной археологии Евразии (Махачкала 2010), 88-113.

Гурина 1976: Н.Н. Гурина, Древние кремнедобывающие шахты (Лениград 1976).

Колесник 2014: А.В. Колесник, Энеолитическая мастерская Васильевская Пустошь в Донбассе (предварительная публикация). В сб.: Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Науковий збірник. Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції (Святогірськ-Донецьк 2014), 170-182.

Колесник 2017: А.В. Колесник, Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке: автореф. … докт. ист. наук: 00.07.06 (археология) (Санкт-Петербург 2017).

Колесник, Овсянникова 2002: А.В. Колесник, Н.Б. Овсянникова, Типология кремней и характеристика форм исходных конкреций. В сб.: Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, 11 (Донецк 2002), 14-18.

Колесник, Манько 2018: А.В. Колесник, Н.В. Манько, «Красное-5» – специализированная энеолитическая мастерская в Северо-Западном Донбассе. В сб.: Археологические записки, 9 (Ростов-на-Дону 2018), 60-69.

Сібільов 1930: М.В. Сібільов, Старовинності Ізюмщини, вип. IV (Ізюм 1930).

Смирнов 1983: С.Н. Смирнов, Становление основ общественного производства (Киев 1983).

Степанова 2015: К.Н. Степанова, Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 00.07.06 (археология) (Санкт-Петербург 2015).

Справочное руководство 1958: Справочное руководство по петрографии осадочных пород (Ленинград 1958).

Лазаренко, Панов, Павлишин 1975: Е.К. Лазаренко, Б.С. Панов, Б.И. Павлишин, Минералогия Донецкого бассейна, 2 (Киев 1975).

Ларионова, Степанова 2016: А.В. Ларионова, К.Н. Степанова, Планиграфический контекст использования отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой (предварительные результаты). В сб.: Актуальная археология. Новые интерпретации археологических данных (Санкт-Петербург 2016), 67-73.

Ларионова, Степанова 2018: А.В. Ларионова, К.Н. Степанова, Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой. В сб.: Записки ИИМК, 17 (Санкт-Петербург 2018), 126-140.

Леонова, Успенская 2017: Е.В. Леонова, О.И. Успенская, Кремневый отбойник из пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе. В сб.: КСИА, 249 (Москва 2017), 5-15.

Рогачев 1973: А.Н. Рогачев, Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине. В сб.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии (Москва 1973), 127-142.

Цвейбель 1968: Д.С. Цвейбель, Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска. В сб.: Материалы научной конференции кафедр исторических наук Донецкого университета (Харьков-Донецк 1968), 177-186.

Щелинский 2011: В.Е. Шелинский, Особенности изготовления и использования каменных орудий из различных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ). В сб.: Записки ИИМК, 6 (Санкт-Петербург 2011), 46-84.

Byrne et al 2006: L. Byrne, A. Olle, JM. Verges, Under the hammer: residues resulting from production and microwear on experimental stone tools. Archaeometry 48, 4 (2006), 549-564.

Holgate 1995: R. Holgate, Neolithic flint mining in Birtian. Archeologia Polona, 33. Special Theme: Flint mining dedicated to the Seventh International Flint Symposium, 1995, 133-161.

Kolesnik 1997: A. Kolesnik, Donbass (South-East Ukraine) - an important East European centre of flint-working. In: Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995 (Warszawa 1997), 209-216.

Kolesnik 2006: A. Kolesnik, Neolithic – Chalkolithic Flint Exploitation in Donbas (South-East of the Ukraine). Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kulturen im Bergbau. Beiheft 19: Stone Age – Mining Age (Bochum 2006), 129-134.

Migal, Salacinski 1997: W. Migal, S. Salacinski, Studies at Krzemionki during the last decade. In: Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995 (Warszawa 1997), 103-108.

Pelegrin 2000: J. Pelegrin, Les techniques de débitage luminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnoze et quelques réflexions. L'Turope centrale et septrionale au Tardiglaciaire. Concentration des modèls rèdionales de peulement. Mèmories du Musèe de prèhistoire de d'lle-de-France, 7. Namours 2000, 73-86.

Weisgerber 1997: G. Weisgerber, A new type of flint exploitation in Oman (Arabia). In: Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995 (Warszawa 1997), 153-157.

Olausson 1997: D. Olausson, Craft specialization as an agent of social power in the South Scadinavian Neolithic. In: Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995 (Warszawa 1997), 269-277.

Despre tipologia percutoarelor de piatră din atelierele neo-eneolitice din Donbas

Cuvinte-cheie: Donbas, percutoare, ateliere de prelucrare a silexului, neolitic, eneolitic.

Rezumat: Pe teritoriul Donbasului de nord-vest este cunoscut un număr semnificativ de ateliere pentru prelucrarea primară a silexului din perioada neo-eneolitică. O parte integrantă a colecţiilor de piatră ale acestor ateliere o constituie percutoarele de piatră realizate din acelaşi material ca şi semifabricatele nucleelor şi uneltelor. Percutoarele nu erau transportate în afara atelierelor, astfel acumulându-se într-o cantitate semnificativă. Articolul analizează un eşantion de 334 de piese din această clasă funcţională. Pentru gruparea pieselor au fost aplicate criteriile „formă", „dimensiune" şi „greutate". Importanţă statistică au clusterele care includ percutoare sferice cu o greutate de 200-350 gr şi dimensiuni până la 5-8 cm lungime. Aceeaşi poziţie o ocupă percutoarele de formă sfero-cubică, care erau prelucrate în mod intenţionat prin aşchieri grobe. Percutoarele sfero-cubice au fost confecţionate din noduli de silex mai mari şi reflectă procesul de calibrare a produselor la un standard specific de greutate şi dimensiune. Aceste două varietăţi de percutoare alcătuiesc nucleul tipologic al percutoarelor din atelierele pentru prelucrarea primară a silexului. Suprafeţele de uzură ale percutoarelor sunt prelucrate moderat. Aproape toate piesele păstrează porţiuni din suprafaţa naturală a nodulilor. Percutoarele complexelor asociate staţiunilor din această perioadă au alte caracteristici.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. O hartă schematică a atelierelor neolitice şi eneolitice din Donbasul de nord-vest.

Fig. 2. Percutoare de silex: 1, 2, 6 - alungite; 3-5 - sferice.

Fig. 3. Percutoare de silex: 1 - alungit; 2, 4 - sferice; 3, 5, 6 - cubice.

Fig. 4. Percutoare: 1, 2 - percutoare de silex pe nuclee; 3 - sferic de silex; 4 - cuarţitic ovoidal.

Fig. 5. Percutoare: 1 - cubic de silex; 2 - sferic de şist; 3 - percutor de silex dintr-un semifabricat de piesă bifacială.

On the typology of hammerstones from Neo-Eneolithic workshops of Donbass

Keywords: Donbass, hammerstones, flint processing workshops, Neolithic, Chalcolithic.

Abstract: There is a significant number of the Neolithic and Eneolithic workshops for flint processing on the territory of the northwestern Donbass. The stone collections of these workshops are hammerstones made of the same material as the blanks of the manufactured nuclei and tools. Hammerstones were not transported outside the workshops, and they accumulated in a significant amount. This article analyzes a sample of 334 artifacts of this functional class. Such criteria as "shape", "dimensions", and "weight" were used to group the products. Of statistical significance are clusters included spherical hammerstones weighing 200-350 gr, and sizes up to 5-8 cm in length. The same position is occupied by spherical-cuboid hammerstones that were purposely treated with rough chips. Spherical-cuboid hammerstones were made with the use of larger flint nodules, and reflect the process of calibrating the products to specific weight and size standards. These two varieties of hammerstones make up the typological core of workshops for primary flint knapping. The depreciation zones of hammerstones are worked out moderately, not exceedingly. Practically all of them preserved the areas of the natural surface of nodules. Hammerstones from assemplages associated with the sites of this period have different characteristics.

List of illustrations:

Fig. 1. Neolithic and Eneolithic workshops of the northwestern Donbass.
Fig. 2. Flint hammerstones: 1, 2, 6 - elongated; 3-5 - spherical.
Fig. 3. Flint hammerstones: 1 - elongated; 2, 4 - spherical; 3, 5, 6 - cuboid.
Fig. 4. Hammerstones: 1, 2 - hammerstones on cores, flint; 3 - spherical, flint; 4 - ovoid, quartz.
Fig. 5. Hammerstones: 1 - cuboid, flint; 2 - spherical, sandstone; 3 - hammerstone from unfinished biface.
Graph 1. Cumulative graph of hammerstone distribution by length (cm).
Graph 2. Cumulative graphs of hammerstone distribution by weight (gr).
Graph 3. Cumulative graphs of hammerstone distribution by shape.
Graph 4. Cumulative graphs of spherical and cuboid hammerstone distribution by weight (gr).
Graph 5. Cumulative graphs of spherical and cuboid hammertsone distribution by length (cm).
Graph 6. Distribution of hammerstones on nucleas and bifaces by length (cm).
Graph 7. Distribution of hammerstones on nuclei and bifaces by weight (gr).
Table 1. Allocation of hammerstones by workshops.
Table 2. Hammerstone materials from the Neolithic - Eneolithic workshops of Donbass.
Table 3. Quantity allocation of hammerstones by size categories, (pieces).
Table 4. Quantity allocation of hammerstones by weight, (gr).
Table 4 (cont.). Quantity allocation of hammerstones by weight, (gr).
Table 5. Allocation of hammerstones by shape, (pieces).
Table 6. Physical characteristic of the worked areas of flint hammerstones.

29.09.2019

Др. Александр Колесник, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001 Донецк, https://orcid.org/0000-0002-4933-8438, e-mail: akolesnik2007@mail.ru

Никита Манько, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001 Донецк, https://orcid.org/0000-0001-8216-4938, e-mail: nikita_manko@mail.ru

AŞEZĂRILE CULTURII GUMELNIŢA ÎN SPAŢIUL PRUTO-NISTREAN (CATALOG)

Eugen Mistreanu

Cuvinte-cheie: aşezări, repertoriu, eneolitic timpuriu, Gumelniţa, Bolgrad-Aldeni, Bugeac.

Introducere

Siturile arheologice din perioada eneoliticului, în zona de stepă (stepa Bugeacului) a spaţiului cuprins între Prut şi Nistru, o lungă perioadă de timp au fost puţin cunoscute. Epoca eneolitică în spaţiul pruto-nistrean fiind multă vreme asociată doar cu complexul cultural Precucuteni-Tripolie.

Aşezarea eponimă, cea de lângă Bolgrad a fost interpretată iniţial ca tripoliană. Aceasta a fost descoperită în 1960 de I.T. Černjakov[1], primele rezultate fiind publicate în 1962. Autorul împarte fragmentele ceramice descoperite în două categorii. În ceea ce priveşte prima categorie indică, în mod eronat, analogii cu materialul ceramic de la Luka Vrubleckaja, care ar putea fi încadrat cronologic în etapa timpurie a culturii Tripolie timpuriu. Pentru cea de-a doua categorie autorul remarca faptul că ceramica descoperită poate fi atribuită culturii Gumelniţa (Черняков 1962, 141).

Odată cu aceste descoperiri deosebite la momentul respectiv, *expediţia arheologică moldovenească* a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a URSS, sub conducerea T. S. Passek, care avea ca obiectiv identificarea siturilor tripoliene în zona de stepă şi cel mai important stabilirea hotarului de sud al acestora, află de acest sit de la autorul descoperirii I. T. Černjakov, iar în 1961 întreprinde primele cercetări de suprafaţă pe acest sit arheologic (Пассек, Черныш 1965, 6).

Istoricul cercetărilor

Practic de la această dată începe istoricul cercetării siturilor eneolitice a noii culturi identificate. Convenţional, putem stabili trei etape de cercetare asupra aşezărilor comunităţilor gumelniţene din spaţiul Prut-Nistru.

Etapa I, anii '60-'70 ai secolului XX

Caracteristic acestei etape este descoperirea primelor aşezări eneolitice din zonă şi încadrarea lor culturală. T.S. Passek şi E.K. Černyš au observat asemănarea acestor situri cu aşezările din etapa timpurie a culturii Gumelniţa din nord-estul României (aspectul Aldeni II). Autorii menţionaţi au identificat şi elementele apropiate de siturile tipice culturii Tripolie (faza timpurie), au efectuat clasificarea tipologică a ceramicii, stabilind o cronologie relativă a primelor situri cercetate prin săpături arheologice. Astfel, aşezarea Oziornoe ar fi cea mai timpurie, după care urmează Bolgrad, iar Vulcăneşti II cea mai târzie. Amintim că ambele cercetătoare priveau toate aşezările gumelniţiene din România, Bulgaria şi sud-vestul URSS ca un complex cultural unic, în interiorul căreia se evidenţiau mai multe variante şi aspecte locale (Пассек, Черныш 1965; Пассек 1965, 8-9; Пассек, Титов 1966, 75-77). Noile situri descoperite îşi fac apariţia şi în lucrarea lui E. Comşa (Comşa 1963).

S.N. Bibikov, analizând stratigrafia aşezării de la Bolgrad, observă două straturi culturale care se deosebesc prin cultura materială şi cele două tipuri de locuinţe, bordeie şi locuinţele de suprafaţă (aşa-numitele *platforme*). Tot el propune o cronologie a siturilor: Bolgrad I şi Bolgrad II, mai ales că aceste tipuri de aşezări se deosebesc de aşezările clasice Gumelniţa, cât şi de Aldeni II, încadrând siturile într-o cultură arheologică aparte, iar mai târziu insistă pe ideea unui aspect/tip regional în cadrul culturii Gumelniţa (Бібіков 1971; Бибиков, Субботин 1986). L. V. Subbotin susţine părerea cu privire la faptul că siturile gumelniţiene din sudul Basarabiei fac parte dintr-un aspect local aparte (Bolgrad), care se individualizează (Субботин 1978).

V.S. Bejlekči efectuează săpături arheologice în siturile Vulcăneşti II şi Lopăţică. În urma cercetă-

[1] Transliterarea numelor, denumirilor şi a altor termeni din limba rusă şi ucraineană s-a efectuat conform: ISO international standard ISO 9 utilizând: https://www.lexilogos.com/keyboard/russian_conversion.htm

rilor efectuate este publicată prima monografie dedicată exclusiv siturilor eneolitice de la gurile Dunării şi Prutului. Autorul face o introducere privind istoriografia asupra culturii Gumelniţa, existentă la aceea perioadă. Publică o hartă cu siturile existente în zona studiată şi atribuie aceste situri aspectului cultural Aldeni II, iar pe baza materialelor descoperite propune o cronologie relativă a aşezărilor gumelniţiene din stânga Dunării. De asemenea, autorul analizează locuinţele şi construcţiile auxiliare, inventarul arheologic, uneltele, ceramica, plastica. Un important aspect al lucrării este faptul că autorul nu se rezumă doar la o prezentare a descoperirilor, dar îşi expune viziunea privind soarta comunităţilor, a populaţiei gumelniţene în complexitatea spaţiului ocupat (Бейлекчи 1978).

În aceeaşi perioadă sunt publicate lucrări ştiinţifice care abordează un aspect mai îngust, dar mai concret al culturii Gumelniţa: locuinţele de suprafaţă (Черныш 1965) sau unelte de muncă (Черныш 1969). Sunt publicate lucrări cu privire la originea geologică a rocilor din care sunt realizate uneltele (Петрунь 1967) şi asupra materialului faunistic descoperit în aşezări (Цалкин 1967). Un aspect important şi bine cercetat al culturii materiale gumelniţiene de la nord de Dunărea de Jos îl reprezintă plastica antropomorfă (Бесфамильная 1966; Пассек, Герасимов 1967).

H. Todorova insistă pe faptul că aşezările din această zonă se pot include în varianta Bolgrad a culturii Varna. Acest concept fiind propus şi susţinut de cercetătorii bulgari în mare parte (Тодорова 1979, 70).

Etapa II, anii ’80-’90 ai secolului XX

În anii ‘80 ai secolului XX, sunt descoperite alte situri gumelniţiene, dar săpăturile sunt continuate în situl Nagornoe II de către N.N. Skakun (Скакун 1985; Скакун 1987; Скакун 1994; Скакун, Стеганцева 1994). De asemenea este descoperită şi cercetată aşezarea de la Taraclia şi sunt prezentate publicului noi descoperiri (Мишина, Чирков 1986).

V.G. Zbenovič susţine că grupul Bolgrad-Aldeni reprezintă o manifestare timpurie a complexului Gumelniţa (Збенович 1976). Problema relaţiilor dintre cultura Varna şi cultura Gumelniţa este tratată inclusiv de arheologii români, demontând teoria conform căreia se presupunea apartenenţa grupului de aşezări Bolgrad la cultura Varna (Şimon 1983).

L.V. Subbotin publică, în 1983, monografia dedicată aşezărilor culturii Gumelniţa din URSS, aceasta fiind, de altfel, ultima lucrare complexă asupra fenomenului gumelniţean de la Dunărea de Jos şi Prutul de Jos. L. V. Subbotin cercetează plastica culturii Gumelniţa, de asemenea aduce precizări în ceea ce priveşte numărul aşezărilor gumelniţene, cât şi multitudinea de aşezări atribuite greşit culturii Gumelniţa, printr-un studiu istoriografic asupra acestei probleme. Autorul ajunge la concluzia că acest grup nou de monumente arheologice poate fi privit ca o variantă locală, Bolgrad, a culturii Gumelniţa (Субботин 1983, 136). El propune o schemă cronologică a siturilor din zona studiată, în care urmăreşte etapele de colonizare a zonei, identificând cele mai timpurii şi cele mai târzii aşezări înfiinţate de populaţiile nou-venite din dreapta Prutului şi Dunării (Субботин 1983, 120).

Tot în 1983 apare lucrarea monografică a lui I.T. Dragomir, unde sunt incluse şi studiate descoperirile din fosta URSS, acesta incluzând grupul Bolgrad în aspectul cultural Stoicani-Aldeni II (Dragomir 1983). Tema noastră de studiu se regăseşte în lucrările lui E. Comşa (Comşa 1985; Comşa 1987). Sunt abordate aşezările din zona noastră în contextul culturilor neolitice şi enelolitice din Bulgaria (Миков 1985).

În 1986 apare un studiu cu cartografierea aşezărilor gumelniţiene în spaţiul cercetat, unde autorul analizează informaţiile cu privire la fiecare sit atribuit culturii Gumelniţa (Субботин 1986). De fapt lucrarea practic este o recenzie a lucrărilor în care este tratată tema aşezărilor gumelniţene. Autorul identifică mai multe situri atribuite greşit culturii Gumelniţa sau care nu există deloc. Chiar dacă au apărut pe o hartă sau într-un studiu anterior, sursa iniţială despre aceste situri nu se cunoaşte. Includerea acestor situri în lucrări monografice afectează credibilitatea autorilor, inducând în eroare cercetătorii. Se măresc artificial hotarele de răspândire, se stabilesc influenţe care nu au avut loc, se dublează numele unor situri, creând artificial ideea unor situri diferite (Субботин 1986, 48-52).

După 1990 a avut loc o deschidere mai largă a mediului academic, stabilindu-se colaborări a cercetătorilor din Republica Moldova şi Ucraina cu cei din România. Astfel arheologii au avut posibilitatea să examineze materialul arheologic din diferite colecţii, să interacţioneze mai des la diferite

manifestări ştiinţifice internaţionale (simpozioane, conferinţe).

V. Sorokin a realizat o analiză a surselor bibliografice şi a materialului arheologic, acceptând noţiunea de cultură Bolgrad-Aldeni, dar menţionează că problema determinării statutului taxonomic al acestui fenomen încă n-a fost elucidat complet. Conceptul de cultură defineşte, după părerea lui, unitatea culturală a aşezărilor acestui fenomen cultural-istoric de pe întregul teritoriu ocupat de ele. Una din problemele abordate este geneza culturii Bolgrad-Aldeni. V. Sorokin face trimitere la opiniile lui M. Şimon, care plasează aspectul cultural Stoicani-Aldeni la mijlocul fazei Gumelniţa A1; aminteşte de opinia lui E. Comşa care consideră că la formarea aspectului Aldeni II au contribuit comunităţile fazei de tranziţie de la cultura Boian la Gumelniţa, cât şi cele de la începutul culturii Cucuteni, idee care este combătută, datorită importurilor precucuteniene în mediul gumelniţean. Ţinând cont de aceste nuanţe V. Sorokin nu exclude că cele mai timpurii aşezări ale culturii Bolgrad-Aldeni sunt contemporane cu aşezările precucuteniene de tipul Larga-Jijia-Floreşti I-Bernaşovka sau cu cele imediat următoare. Acesta admite, cel puţin ipotetic, că începutul genezei culturii Bolgrad-Aldeni este sincronic cu faza Precucuteni II sau, eventual, cu începutul fazei Precucuteni III (Sorokin 1994, 72-73).

Au fost publicate şi alte studii asupra plasticii gumelniţene (Бейлекчи 1989; Риндюк, Скакун 1996; Скакун, Риндюк 1994; Риндюк, Скакун 1999).

Etapa III, începutul secolului XXI - până în prezent

Sunt întreprinse săpături sistematice la situl de la Kartal, cu implicarea specialiştilor internaţionali (Бруяко, Манзура, Субботин 2003; Bruyako, Manzura, Subbotin 2005, Govedarica, Manzura 2015). Au fost utilizate metode moderne de cercetare, non-invazive, cât şi interdisciplinare.

În 2010 este cercetată o nouă aşezare gumelniţeană de către I. Manzura, iar problema colonizării de către populaţiile balcano-dunărene, a zonei de stepă din spaţiul pruto-nistrean, revine în actualitate (Говедарица, Зидаров, Манзура 2012; Govedarica, Manzura 2016; Бруяко 2016). Este descoperită o nouă aşezare Gumelniţa la Chioselia Mare, care se dovedeşte a fi în momentul actual cel mai nordic punct existent în teren nu doar în publicaţii, al culturii Gumelniţa (Bolgrad-Aldeni) în spaţiul pruto-nistrean (Mistreanu 2013). Sunt întreprinse primele cercetări magnetometrice în aşezările Cialîc şi Chioselia Mare I (Manzura, Govedarica 2018). Sunt tratate aspectele funerare şi antropologice a comunităţilor gumelniţene (Dambricourt et al. 2010).

L.V. Subbotin prezintă o nouă retrospectivă asupra acestor aşezări (Субботин 2013). Informaţiile din sursele locale sunt utilizate în lucrări monografice de sinteză (Lazarovici 2007). Sunt publicate informaţii preţioase privind industria litică din aşezările gumelniţene (Киосак, Субботин 2016). Se pune în discuţie rolul comunităţilor Bolgrad-Aldeni în cadrul complexului cultural eneolitic Balcano-Carpato-Pontic (Бурдо 2018).

Din această prezentare sumară a istoricului cercetării se desprind câteva concluzii generale. Nu a fost stabilit exact statutul taxonomic al noilor aşezări identificate, utilizându-se diverse formulări, acestea variind între: cultură, aspect cultural, grup cultural, tip cultural, facies cultural. Aceste încadrări au diferite denumiri în diverse lucrări: Gumelniţa; Gumelniţa-Ariuşd; Bolgrad; Aldeni II; Stoicani-Aldeni; Bolgrad-Aldeni. Rămân neclară perioada, cauzele apariţiei şi cea a dispariţiei acestor aşezări. Iese în evidenţă lipsa unor datări absolute veridice. Semnalăm că ideea generală a cercetătorilor este că aceste aşezări apărute în zonă aparţin unor populaţii de agricultori din zona danubiană sau înrudite strâns cu acestea, fiind comunităţi gumelniţene timpurii, termen pe care îl vom utiliza şi noi în continuare.

Catalogul aşezărilor

O primă publicare a unui catalog al aşezărilor a fost publicat de V. Bejlekči (Бейлекчи 1970). În aceeaşi perioadă apare o altă lucrare privind repertoriul aşezărilor gumelniţene (Субботин 1971), în care se identifică 21 de puncte pe teritoriul Moldovei şi Ucrainei, unde a fost descoperit material ceramic gumelniţean, care are analogii cu grupul local Aldeni II, care ocupă aria de nord-est a culturii Gumelniţa (Пассек, Черныш 1965). O listă a monumentelor culturii Gumelniţa găsim în lucrarea lui V. Marchevici (Маркевич 1973, 151-156). O altă publicaţie în care întâlnim şi un catalog al aşezărilor gumelniţene este a lui A.O. Dobroljubskij şi A.G. Zaginajlo (Добролюбский, Загинайло 1976, 92-105). Siturile din zona noastră de studiu sunt incluse într-un repertoriu al descoperirilor arheologice de aspect cultural Stoi-

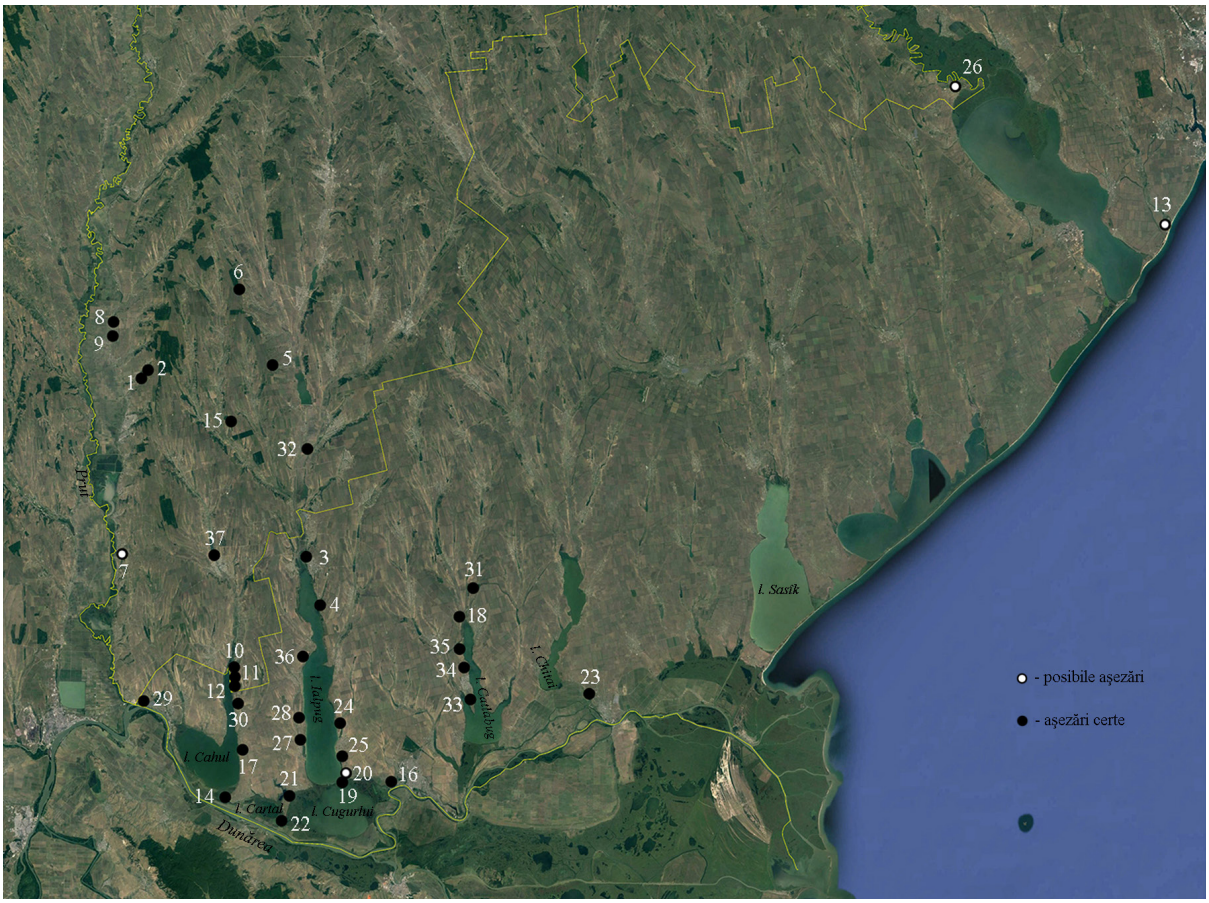


Fig. 1. Harta aşezărilor gumelniţene din spaţiul Prut-Nistru. 1 - Andruşul de Sus I; 2 - Andruşul de Sus II; 3 - Bolgrad; 4 - Bolgrad II; 5 - Cealîc; 6 - Chioselia Mare I; 7 - Colibaş I; 8 - Cucoara I; 9 - Cucoara II; 10 - Etulia II; 11 - Etulia V; 12 - Etulia VI; 13 - Gribivka IV; 14 - Kartal (Orlovka I, Orlovka II); 15 - Lopăţica I; 16 - Matros'ka; 17 - Nagirne II; 18 - Novokam'janka IV; 19 - Nova Nekrasivka I; 20 - Nova Nekrasivka II; 21 - Novosil's'ke I; 22 - Novosil's'ke II; 23 - Omarbija; 24 - Ozerne; 25 - Ozerne II; 26 - Palanca; 27 - Plavni I; 28 - Plavni IV; 29 - Reni; 30 - Reniiskii II; 31 - Suvorove VI; 32 - Taraclia I; 33 - Utkonosivka; 34 - Utkonosivka I; 35 - Utkonosivka II; 36 - Vladičen' VIII; 37 - Vulcăneşti II.

cani-Aldeni (Dragomir 1985). O sursă privind descoperirile gumelniţene o constituie Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova, elaborat în 1993, nepublicat, accesibil doar specialiştilor, păstrat la Arhiva Arheologică de la MNIM. O sursă similară este Repertoriul monumentelor arheologice al regiunii Odesa, Ucraina, publicat în 1991 (Гудкова, Охотников, Субботин, Черняков 1991). Aceste ultime surse sunt bazate pe bibliografia existentă la etapa respectivă de studiu, dar conţin şi multe informaţii eronate sau mai puţin credibile. Cu toate lacunele, aceste repertorii reprezintă deocamdată unicele surse de informaţii arheologice pentru zona noastră de studiu.

Documentarea siturilor existente în baza informaţiilor orale (Comşa 1963, 8-9), surselor bibliografice anterioare, poate cauza un şir de confuzii, de neclarităţi, lucru observat prima dată de L.V. Subbotin, care a încercat să aducă mai multă claritate în problema cartografierii siturilor gumelniţene din zona noastră de studiu. Astfel au fost identificate situri care nu au referinţe bibliografice în lucrările unde au fost publicate sub formă de puncte arheologice pe hărţi sau amintite în text ca situri Gumelniţa cu trimitere la referinţe bibliografice în care siturile nu erau identificate ca aparţinând culturii Gumelniţa. Sunt identificaţi ca fiind autori ai unor descoperiri alţi cercetători decât cei cărora le aparţine dreptul de a se numi descoperitorii de drept ai sitului. Erorile au apărut în lucrări fundamentale privind arheologia sud-est europeană. Autorul identifică informaţii eronate chiar şi în lucrările amintite mai sus, deşi scopul acestora a fost repertorierea cât mai exactă, susţinută de informaţii credibile şi exac-

te (Субботин 1986). Problema cartografierii rămâne actuală. Pornind de la acestea considerăm necesară republicarea unui tabel informativ a lui L.V. Subbotin, completat cu câteva informaţii noi, care cuprinde 11 puncte arheologice, atribuite greşit comunităţilor gumelniţene. Aceste situri nu pot fi deocamdată, până la proba contrarie, încadrate într-o hartă a siturilor gumelniţene şi reprezintă informaţii greşite care apar în unele lucrări ştiinţifice şi sunt preluate mai departe de alţi cercetători (Tabelul 1).

În continuare se prezintă catalogul aşezărilor gumelniţene de tip Bolgrad-Aldeni din spaţiul Prut-Nistru, cert existente, documentate prin materialul arheologic, cât şi unele puncte care apar în diverse surse, dar sunt la limită de a fi acceptate, principala problemă a acestora fiind lipsa sursei informaţiei şi a materialului arheologic. Prezentarea siturilor se face în ordine numerică[2] şi alfabetică, menţionându-se denumirea sitului, localizarea acestuia cu denumirea geografică şi istorică a localităţilor în limbile română, ucraineană şi rusă[3], amplasarea acestuia, descrierea topo-geografică, dimensiunile, prezenţa altor straturi culturale, anul şi autorul descoperirii. Unde a fost cazul am precizat un scurt istoric al cercetării cu informaţia privind suprafaţa decopertată şi complexele descoperite, alături de alte cercetări întreprinse. De asemenea, amintim şi alte informaţii referitoare la denumirea sitului, anul şi autorul descoperiri.

1. Andruşul de Sus I – satul Andruşul de Sus, raionul Cahul, Republica Moldova. Este situat la 2,3 km sud - sud-vest de sat, la 200 m sud-est de un iaz, partea de sud-vest este limitată de o râpă. De-a lungul aşezării trece o linie de curent e1ectric. Suprafaţa de 700×400 m, este acoperită de culturi agricole anuale. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca romană târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov). Descoperit în 1980 de S. Agulnicov. Informaţia este preluată din repertoriul monumentelor arheologice al Republicii Moldova, raionul Cahul, varianta 1993 (Haheu 1993). Un sit cu denumirea de Andruşul de Sus este întâlnit într-un tabel informativ privind siturile gumelniţene la (Субботин 2013, 87).

2. Andruşul de Sus II – satul Andruşul de Sus, raionul Cahul, Republica Moldova. Se află la 1,7 km sud-sud-est de sat, în stânga unui pârâu întrerupt de cascade de iazuri nu prea mari (în dreptul iazului din centru) la 200 m sud-vest de un drum de câmp. Suprafaţa sitului 750×450 m, se ară anual. Descoperit în 1980 de S. Agulnicov. Informaţia este preluată din repertoriul monumentelor arheologice al Republicii Moldova, raionul Cahul, varianta 1993 (Haheu 1993).

3. Bolgrad – oraşul Bolgrad (Болград), raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina. Se află la marginea de nord-vest a oraşului Bolgrad, în capătul străzii Jambol's'kaja (Ямбольська). Situată pe un mic promontoriu alungit, pe a doua terasă a malului estic a lacului Ialpug, în apropierea unui pârâu care se varsă în lac dinspre nord. Promontoriul se afla la 14-15 m de la nivelul apei. Suprafaţa 2-3 ha. Stratul cultural ajungea până la 2 m (Черняков 1962, 141; Субботин 1971, 183; Субботин 1983, 15; Dragomir 1985, 16-17; Гудкова и др. 1991, 51). Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka), epoca romană târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov). Descoperit în 1960 de către I.T. Černjakov (Черняков 1962, 141). În literatură putem întâlni şi alte informaţii cu privire la anul şi descoperitorii acestui sit. Astfel în 1964 este amintit ca fiind unul din descoperitori V.N. Pamukči (Сальников 1964, 5; Черныш 1964, 25). De asemenea, sunt întâlnite şi unele surse care atribuie descoperirea aşezării eponime de la Bolgrad, *expediţiei arheologice moldoveneşti* a Institutului de Arheologie al Academii de Ştiinţe a URSS, sub conducerea T.S. Passek, în timpul cercetărilor ce vizau identificarea hotarului de S-V a culturii Tripolie timpurie (Пассек 1965, 6). Este numit descoperitor L.V. Subbotin, care ar fi descoperit situl în 1958 (Бейлекчи 1970, 5-6; Бейлекчи 1978, 10), lucru infirmat categoric chiar de cel vizat (Субботин 1986, 44).

În 1961 au fost efectuate primele sondaje de verificare. Săpături arheologice sistematice au loc în anii 1962-1963 de către membrii *expediţiei arheologice moldoveneşti* a Institutului de Arheologie al Academii de Ştiinţe a URSS în colaborare cu Muzeul de Arheologie din Odesa şi Institutul de Istorie al Academiei de Ştiinţe a RSSM, au fost excavaţi 748 m². Au fost descoperite două niveluri de locuire. Primul, cel de jos, reprezentat de bor-

[2] Numărul de ordine corespunde cu cel de pe harta prezentată în Fig. 1.

[3] Denumirea localităţilor din Republica Moldova este după: Eremia 2001, iar cele din Ucraina conform: http://static.rada.gov.ua/zakon/new/NEWSAIT/ADM/zmistod.html

deie/semibordeie, iar cel de sus de locuinţe de suprafaţă, reprezentate prin platformele de lut arse. În marginea aşezării între locuinţe au fost descoperite fragmente de craniu uman şi un cromleh din piatră, fără schelet. Sub un alt cromleh s-a descoperit un mormânt al unui copil, vârsta 5-6 ani. Scheletul era în poziţie chircită pe partea stângă, membrele superioare strânse la piept, cele inferioare uşor încovoiate, orientat cu capul spre nord-est, între pietrele care formau cromlehul au fost identificate oase de animale şi peşte, la picioarele defunctului a fost descoperit un vas tipic gumelniţean (Бейлекчи 1978, 11; Субботин 1983, 15). Următoarea campanie de cercetări a avut loc în 1970 de către echipa *expediţiei nistreano-dunărene* a Institutului de Arheologie al Academii de Ştiinţe a RSSU, conducătorul şantierului fiind L. V. Subbotin, au fost cercetaţi alţi 166 m² (Субботин 1970, 290). Alţi 44 m² sunt cercetaţi în 1984 (Субботин 1986b, 311), încă un sondaj de verificare este efectuat în 1999 de către L.V. Subbotin, fiind descoperită încă o înmormântare gumelniţeană (Dolukhanov et al. 2002, 40-47; Dambricourt et al. 2010). Cercetările au confirmat existenţa a două niveluri de locuire (Субботин 2013, 86).

4. Bolgrad II – oraşul Bolgrad (Болград), raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina. Aşezarea se află la 10 km, sud de oraş, pe malul de est al lacului Ialpug. Suprafaţa este de 300×100 m. Descoperită de L.V. Subbotin în 1965 (Субботин 1971, 183; Гудкова и др. 1991, 51). În 1967 V. S. Bejlekči a efectuat în aşezare un sondaj de 2×4 m, s-a constatat că stratul de cultură materială nu depăşeşte 0,6 m. (Бейлекчи 1970, 6). După relatările lui L.V. Subbotin (Субботин 1986, 47), acest punct arheologic a fost greşit denumit în literatură şi „aşezarea de lângă satul Kriničnoe (Криничное)" (Федоров 1968, 286). Se mai întâlneşte în literatură şi sub denumirea de „Dačnyj (Дачный)" (Бейлекчи 1970, 6; 1978, 12; Dragomir 1985, 22), care la fel nu e corectă, denumire inventată ulterior descoperirii.

5. Cealîc – satul Cealîc, raionul Taraclia, Republica Moldova. Este amplasată la 1,1 km vest-sud-vest de fosta fabrică de vinuri. Este situată la 0,5 km vest de sat, pe malul abrupt al pârâului Cealâc. Suprafaţa de 90×70 m, se lucrează agricol. Descoperită în 1981 de I. Manzura. În august-septembrie 2011 si 2012 are loc cercetarea geomagnetică a aşezării (Говедарица, Зидаров, Манзура 2012). Cercetată prin săpătură arheologică în 2010-2012 de către I. Manzura şi B. Govedarica, într-un proiect de cercetare moldo-german. A fost decopertată o locuinţă de suprafaţă (Govedarica, Manzura 2016; Manzura, Govedarica 2018). Într-o hartă publicată în 2013 acest monument apare cu denumirea de Cealîc III (Субботин 2013, 56-57).

6. Chioselia Mare I – satul Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova. Situl este situat la 3,5 km nord-vest de biserica din s. Chioselia Mare şi 1,9 km vest de drumul dintre s. Chioselia Mare, r-nul Cahul şi s. Cîetu, r-nul Cantemir, pe malul stâng al pârâului ce trece în apropiere, acesta fiind şi marginea de sud a aşezării, este situată în imediata apropiere a izvorului pârâului amintit mai sus, pe terasa de jos, pe panta unei văi. Aşezarea ocupă suprafaţa de 100×100 m. Unele porţiuni ale aşezării se ară, iar altele sunt înţelenite. Aşezarea a fost descoperită de E. Mistreanu în 2011 (Mistreanu 2013, 145-146). În toamna anului 2012, au fost efectuate scanări magnetometrice de către P. Zidarov (Bulgaria), ajutat de E. Mistreanu şi S. Agulnicov (Chişinău).

7. Colibaş I – satul Colibaş, raionul Cahul, Republica Moldova. Se găsea în centrul satului, la 300 m vest de casa de cultură din localitate, pe malul râului Prut. În prezent distrusă complet prin construcţia librăriei şi a stadionului, tot teritoriul aşezării a fost excavat cu aproximativ 1,5-2,0 m. Descoperită în 1970 de V.S. Bejlekči (Бейлекчи 1970, 5; Маркевич 1973, 152).

8. Cucoara I – satul Cucoara, raionul Cahul, Republica Moldova. Era situat la 60 m nord-vest de sat, pe un promontoriu uşor înclinat în direcţia luncii Prutului, la 0,5 km sud de ferma de vite cornute mari. Suprafaţa 120×60 m, a fost parţial excavată de o carieră de lut dinspre sud şi vest. Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (?), antichitate târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov). Descoperită în 1966 de către V.S. Bejlekči (Бейлекчи, Бырня 1969, 182; Бейлекчи 1970, 7; Субботин 1971, 181; Маркевич 1973, 152; Дергачев 1973, 109; Sava 2014, 339). Este cercetată în 1972 o suprafaţă de 446 m² (Бейлекчи, 1973, 2). A fost descoperită o locuinţă adâncită, a cărei suprafaţă totală acoperea 390 m². Aceasta reprezenta un complex din 10 gropi diferite care alcătuiau un contur neregulat al locuinţei adâncite, care în mare parte era

orientată pe axa est-vest, cu lungimea de 18,3 m şi lăţimea de 10,2 m (Бейлекчи 1974, 54-57). Au mai fost identificate şi cinci gropi gospodăreşti, atribuite culturii Gumelniţa (Бейлекчи 1973a, 11-13; Бейлекчи 1978, 13). Se întâlneşte şi cu denumirea de Kokora I (Dragomir 1985, 27). Zona cercetată prin periegheză în primăvara 2016, de către E. Sava, E. Mistreanu, M. Sîrbu, E. Kaiser, situl nefiind identificat (Sava et al. 2017).

9. Cucoara II – satul Cucoara, raionul Cahul, Republica Moldova. Era situat la 0,5 km sud-vest de extrema de sud a satului, parţial pe teritoriul brigăzii de tractoare şi fermei de ovine. Parţial deteriorată de construcţii, gropi de siloz. Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka). Descoperită în 1966 de V.A. Dergačev (Бейлекчи, Бырня 1969, 183, Бейлекчи 1970, 7; Субботин 1971, 181; Маркевич 1973, 152; Дергачев 1973, 109; Sava 2014, 339). O altă denumire a sitului este Kokora II (Dragomir 1985, 28). Zona cercetată prin periegheză în primăvara 2016, de către E. Sava, E. Mistreanu, M. Sîrbu, E. Kaiser situl nefiind identificat (Sava et al. 2017).

10. Etulia II – satul Etulia, UTAG, Republica Moldova. Se găseşte la 0,3-0,5 km, sud-vest de extrema de sud a satului Etulia Nouă pe prima şi a doua terasa a lacului Cahul, în jurul fermei de porci. Suprafaţa aşezării eneolitice este de 50×100 m, a întregului sit de 400×250 m, terenul supus eroziunii, dinspre nord este mărginit de o râpă. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka), epoca romană târzie (sec. II-III e.n.), evul mediu timpuriu (cultura Balcano-Dunăreană). Descoperit de L.V. Subbotin în 1964. Acesta identifică mai multe fragmente ceramice fine, lustruite, de culoare neagră şi brună, pe unele fragmente este semnalată pictură de culoare albă. (Суботін 1968, 227, 228; Бейлекчи 1970, 6; Субботин 1971, 182; Dragomir 1985, 24; Sava 2014, 353). În 1974 a fost cercetată periegheticc de I. Borziac (Haheu 1993, 7). În unele surse situl are denumirea Etulia VII (Маркевич 1973, 155; Субботин 1983, 13).

11. Etulia V – satul Etulia, UTAG, Republica Moldova. Se află la 0,3 km sud-est de fosta fermă de păsări, pe malul de est al lacului Cahul, la o înălţime de 13 m, aşezarea este mărginită de o râpă dinspre sud. Grosimea stratului cultural ajungea până la 0,7 m. Acoperă suprafaţa de 100×50 m. Descoperită de L.V. Subbotin în 1964, de pe suprafaţa aşezării au fost colectate mai multe fragmente ceramice şi două piese din silex (Суботін 1968, 228; Бейлекчи 1970, 6; Субботин 1971, 182; Маркевич 1973, 155; Dragomir 1985, 25). Se mai întâlneşte cu denumirea Etulia Nouă V (Субботин 1983, 13).

12. Etulia VI – satul Etulia, UTAG, Republica Moldova. Este situată la 0,6-0,7 km sud de fosta fermă de păsări, pe a doua terasă a malul de est al lacului Cahul, lângă ferma de lapte. Afectată de eroziuni ale solului dinspre vest de ruptura lacului, dinspre sud şi nord mărginită de râpe, iar înspre est a fost detectat un val de pământ. Suprafaţa de pe care s-au colectat artefacte acoperă 100×50 m. Descoperită de L.V. Subbotin în 1964, acesta colectează mai multe fragmente ceramice şi observă bucăţi de lipitură de lut arsă de la locuinţe, cât şi un fragment de râşniţă. Acesta notează că dinspre est este fortificată cu un val nu prea mare, iar dinspre vest este afectată de alunecări de teren spre lac, dinspre nord şi sud este mărginită de râpe. În 1970 efectuează un sondaj de verificare (Суботін 1968, 228; Бейлекчи 1970, 6; Субботин 1971, 182; Маркевич 1973, 155; Dragomir 1985, 25). Se mai întâlneşte cu denumirea de Etulia Nouă VI (Субботин 1983, 13).

13. Gribivka IV – satul Gribivka (Грибівка; Грибовка), comuna Dalnic, raionul Ovidiopol, Ucraina. Situl este amplasat pe malul drept, uşor în pantă al râului Baraboi, la 0,9 km sud de marginea de sud-vest a satului contemporan. Suprafaţa aşezării este de 250×100 m. Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca paleolitică, epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka). Descoperit, presupunem, de O.M. Dzigovskij?. În urma săpăturilor de salvare întreprinse în 2001 de către Centrul de protejare a patrimoniului din regiunea Odesa, conduse de O.M. Dzigovskij, au fost găsite câteva fragmente ceramice care au fost datate de L.V. Subbotin ca fiind gumelniţene (Субботин 2013, 86; Іванова, Петрова, Будикін 2003, 123; Іванова, Секерська 2003, 25).

14. Kartal-Orlovka, (Orlovka I, Orlovka II) – satul Orlivka (Cartal[4]; Орлівка; Орловка) raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este localizat la 1,5 km, vest de localitatea Orlovka,

[4] Denumirea românească a localităţilor este conform: https://ro.wikipedia.org/wiki/Jude%C8%9Bele_interbelice_ale_Regatului_Rom%C3%A2niei

pe malul stâng al Dunării la 1.8 km nord, pe un platou ce se întindea pe 3-4 ha, de formă triunghiulară în plan, mărginit de canale, având altitudinea de 20-28 m, cel mai înalt punct fiind în partea de vest a platoului. Amplasat la 22 km sud-est de gura de vărsare a râului Prut în Dunăre şi la 27 km nord-vest de delta Dunării (Govedarica, Manzura 2015, 437). Situl este compus din două zone, partea numită „Kamennaja gora (Каменная гора)" aceasta reprezintă o fortificaţie aşezată pe o stâncă, din care localnicii extrag piatră şi în zilele noastre, intrată în literatură sub denumirea de Orlovka I şi zona rurală/de jos/nefortificată întâlnită în literatură sub denumirea de Orlovka II, amplasată la est de fortificaţie, aceste două zone sunt despărţite de un şanţ. Amintim aici că la est de sectorul nefortificat a fost identificată o necropolă din epoca eneoliticului târziu şi epoca bronzului timpuriu, cercetată începând cu anul 2004 (Govedarica, Manzura 2015, 453). Fără îndoială că aceste zone reprezintă un singur complex cultural, un sit arheologic unic caracterizat de materialul arheologic din preistorie până în evul mediu (Гудкова и др. 1991, 99; Bruyako, Manzura, Subbotin 2005, 13; Бруяко, Манзура, Субботин 2003, 56). Aria totală a sitului arheologic împreună cu necropola ocupă o suprafaţă aproximativă de aproximativ 10 ha (Govedarica, Manzura 2015, 437). Sit cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa, cultura Cernavodă I), epoca bronzului târziu, epoca fierului (cultura tracică), epoca antică timpurie (cultura greacă, getică, scitică), epoca antică târzie (cultura romano-dacă, sarmatică), epoca otomană, sec. XVI. Descoperit în 1962 de I.T. Černjakov (Черныш, Черняков 1964, 96; Субботин 1971, 182), amintim faptul că zona fortificată era cunoscută încă din secolul al XIX-lea, ca sit arheologic, fiind utilizată denumirea de Kartal în lucrările lui: (Мурзакевич 1844; Уваров 1986) după (Бруяко 2009, 39-40). Zona a fost cercetată în mai multe rânduri. În perioada sovietică (1959-1990) a fost exploatată industrial în extragerea pietrei, paralel desfăşurându-se şi cercetări arheologice de salvare, dar rezultatul acestora nu se cunoaşte. În 1998-1999 săpăturile sunt reluate într-un proiect de cercetare interstatal Ucraina-România-Moldova, însă o stratigrafie exactă, cât şi o confirmare finală că zona reprezintă un singur sit arheologic, este obţinută odată cu săpăturilor din perioada 2001-2003, sub conducerea lui I.V. Brujako, săpături care cu câteva excepţii, se desfăşoară sistematic. Nivelul gumelniţean evidenţiat atingea grosimea de 1,5 m (Бруяко, Манзура, Субботин 2003, 61). Începând cu 2007, cercetărilor se alătură Institutul German de Arheologie şi Institutul de Preistorie al *Freie Universität Berlin* (Govedarica, Manzura 2015, 439). Orizontul gumelniţean a fost reprezentat de mai multe gropi descoperite cu material arheologic caracteristic. Materialul gumelniţean a fost identificat în zona Orlovka I/ „Каменная гора", încă în anii '80 ai sec. XX (Субботин 1986). Subliniem faptul că stratul gumelniţean a fost conservat şi se evidenţiază în ambele zone ale sitului, iar structura defensivă nu ţine de aşezarea gumelniţeană, fiind un element antropic, construit şi reconstruit de purtătorii culturii Cernavodă I (Бруяко 2009, 43; Govedarica, Manzura 2015).

15. Lopăţica I – satul Lopăţica, raionul Cahul, Republica Moldova. Este situat la 0,5 km sud-est de satul Lopăţica, într-o vale adâncă ce musteşte de ape subterane, ocupând partea ei centrală, într-un fel fiind apărată natural, lângă drumul de hotar cu gospodăria satului Moscovei. Parţial deteriorată de râpe adânci, unele atingând 8-10 m. Aşezarea este amplasată pe ambele maluri ale văii, unde curge un izvor dinspre nord spre sud. În plan valea are formă ovală orientată longitudinal pe direcţia V-E. Suprafaţa aşezării aproximativ 30000 m², partea de vest fiind distrusă de râpe şi alunecări de teren. Situl a fost descoperit în 1964 de către B. A. Tarabukin (Субботин 1971, 181; Маркевич 1973, 153; Бейлекчи 1978, 77; Dragomir 1985, 32), imediat după, situl este vizitat de către A.N. Pecherskij (Сергеев 1966; Haheu 1993b). În perioada 1965-1966 au loc primele săpături arheologice pe acest sit, conduse de G.P. Sergheev şi A.N. Pecherskij. A fost decopertată o suprafaţă de 127 m², fiind descoperite două vetre şi mai multe aglomerări de ceramică (Сергеев 1966). Săpăturile sunt reluate în 1968 de către V. Bejlekči, acesta deschide două suprafeţe, III de 56 m² şi IV de 126 m². Reuşeşte să stabilească stratigrafia sitului şi să observe că stratul cultural gumelniţean are grosimea de 80 cm şi se începe a evidenţia de la adâncimea de 0,8 până la 1,6 m, cu toate că descoperirile de unelte şi piese din silex încep să apară de la adâncimea de 0,2 m. Suprafaţa totală cercetată a sitului constituie 309 m². Sunt identificate două niveluri de construcţie, superior, identificat prin locuinţa nr. 1 de suprafaţă şi nivelul inferior observat datorită descoperirii locuinţei nr. 2 adâncite. Această îm-

părţire este susţinută de faptul că locuinţa nr. 1 parţial a fost construită deasupra locuinţei nr. 2 (Бейлекчи 1978, 77-19).

16. Matros'ka – satul Matros'ka (Matroasca-Cuhurlui; Матроська; Матроска), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Aşezarea este amplasată la marginea de sud-vest a satului lângă un canal de irigare (4-5 m lăţime) care întretaie aşezarea, în profilul acestuia s-a stabilit grosimea stratului cultural 0,3-0,5 m. Situl se află la 0,4 km nord de canalul Repida, care leagă Dunărea de limanul Cugurlui. Este amplasat pe o pantă uşor înclinată. Situl este arat în fiecare an. Suprafaţa aproximativă de răspândire a materialului de suprafaţă 180×50 m. Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), evul mediu timpuriu (cultura Balcano-Dunăreană). Descoperit în 1977 de către I.G. Bondjugin şi S.V. Palamarchuk, ulterior este cercetat repetat prin periegheză în 1979. În anii '80 ai sec XX este efectuat un sondaj de verificare de către N.N. Skakun, însă rezultatele acestei intervenţii sunt necunoscute. Situl a fost datat după materialul arheologic colectat la suprafaţă. În partea de nord-vest a aşezării, vizual se observau câteva movile, posibil urmele unor locuinţe de suprafaţă, deoarece sub arătură se aflau bucăţi de lut ars, culoarea cenuşie-gălbuie, amplasaţi perpendicular spre mal, cât şi fragmente de oase şi ceramică. O cantitate mare de material de suprafaţă a fost detectată în partea de sud-vest a aşezării mai aproape de malul canalului, aici la adâncimea de 0,4 m sub arătură au fost identificate fragmente de vălătuci de lut şi pete de cenuşă în amestec cu material ceramic, oase de animale şi vertebre de peşte, lipitură de lut cu amprente de nuiele. În profilul canalului a fost identificată o groapă gospodărească/ menajeră, cu umplutura din sol cenuşiu, în care au fost identificate piese din piatră şi fragmente ceramice. Situaţia de astăzi asupra aşezării este următoarea: în centrul aşezării a fost construită o gospodărie cu locuinţă şi construcţii gospodăreşti, canalul de irigare a fost lăţit, ajungând până la 7 m, iar în profilul acestuia se observă material arheologic (Паламарчук 2018, 44-50; Субботин 2013, 86; Гудкова и др. 1991, 64).

17. Nagirne II – satul Nagirne (Caragacii Vechi; Caragaci; Наірне; Нагорное), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Este situat la 15 km, nord de Dunăre, la 1 km, sud de satul Nagornoe. Amplasat pe un promontoriu al malului de est al lacului Cahul, aproximativ la 20 m de la suprafaţa apei. Suprafaţa iniţială a fost de 60×100 m. Partea de sud a aşezării este distrusă de lucrările agricole, cea de nord-est de râpe adânci, alte margini fiind afectate de alunecări de teren. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca fierului, epoca antică (sec IV î.e.n.), epoca romană târzie (sec. II-III e.n. – cultura Sântana de Mureş-Černjachov). Aşezarea este descoperită în 1964 de L.V. Subbotin (Суботін 1968, 230 (17); Субботин 1971, 182; Субботин 1983, 25; Гудкова и др. 1991, 98). Este cercetată prin câteva sondaje arheologice de verificare în 1964, de expediţia nistreano-dunăreană sub conducerea lui N.M. Shmaglij. În 1966 au loc săpături arheologice sub conducerea lui S.N. Bibikov de către expediţia la Dunărea de Jos a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a RSSU. În 1969 au fost efectuate cercetări de către divizia „Bolgrad" a *expediţiei nistreano-dunărene* a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a RSSU, conducător fiind L.V. Subbotin. De asemenea, în 1969, 1971, 1981 au fost executate săpături de către Universitatea de Stat din Odesa sub conducerea A.V. Gudkova şi L.V. Subbotin. Au fost cercetaţi 225 m², fiind descoperite patru locuinţe adâncite, trei locuinţe de suprafaţă de tip „platforme" şi o vatră, care se afla în afara locuinţei (Субботин 1983 25). În perioada 1983-1991, în acest sit efectuează săpături sistematice o echipă de cercetare de la Institutul de Istorie a Culturii Materiale al Academiei de Ştiinţe a URSS, filiala Sankt Peterburg, conducător fiind N.N. Skakun. Au fost descoperite o locuinţă de suprafaţă, o construcţie adâncită compusă din mai multe gropi unite între ele de tranşee înguste şi două „şănţuleţe". Lăţimea acestora variază între 0,4 m spre est până la 1 m spre vest, acestea fiind paralele, fixate pe linia est-vest, pe o lungime de cca. 20 m, adâncimea maximă fiind detectată în capătul de vest (Скакун 1983, 354-355; Скакун 1985, 413; Skakun 1992, 242, 243; Skakun 1996, 141-158). Acest sit mai este întâlnit şi cu denumirea de Nagornoe (Бейлекчи, 1978, 13) şi Nagornoe II (Dragomir 1985, 35).

18. Novokam'janka IV – satul Novokam'janka (Şichirlichitai Noi; Новокам'янка; Новокаменка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este amplasat la sud de localitate pe malul drept al râuleţului Catlabugul Mare. Aşezarea prezintă mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca romană târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov). Descoperit

în 1966 de către N.M. Kravčenko, datat în baza materialului colectat de la suprafaţă (Кравченко 1967, 227; Бейлекчи 1970, 8; Гудкова и др. 1991, 64; Субботин 2013, 86). Întâlnit în literatură şi cu denumirea de Novo-Kamenka IV (Dragomir 1985, 35).

19. Nova Nekrasivka I – satul Novaia Nekrasovka (Necrasovca-Nouă; Новáя Некрáсівка; Новая Некрасовка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Aşezarea era amplasată la sud-vest de localitate, pe un promontoriu situat pe malul abrupt (7-10 m) al lacului Ialpug şi lunca canalului Repida în locul unde se varsă în lacul Ialpug. Suprafaţa acoperea 500×100 m. A fost descoperită în 1964 de I.T. Černjakov. La suprafaţă au fost identificate 10-12 aglomerări de lut ars, fragmente ceramice, oase şi pietre. Acestea erau aranjate într-o linie de-a lungul malului lacului. În profilul malului lacului s-a observat că grosimea stratului cultural era de 1,5-2,0 m. Ceramica colectată de pe aşezare era tipică culturii Gumelniţa (Шмаглій, Черняков 1965, 216, (4); Бейлекчи 1970, 7; Субботин 1971, 184, 186; Гудкова и др. 1991, 65). În 1966 S.N. Bibikov efectuează un sondaj (Субботин 2013, 86). Se întâlneşte şi cu denumirea de Nova Nekrasovka I (Dragomir 1985, 35). Din câte se pare, astăzi situl este distrus de construcţia barajului pe lacul Ialpug (Бруяко 2005, 280).

20. Nova Nekrasivka II – satul Novaja Nekrasovka (Necrasovca Nouă; Новáя Некрáсівка; Новая Некрасовка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este localizat la 100-200 m vest de marginea de vest a localităţii Novaia Nekrasovka (str. Beregovaia şi Ataman Nekrasov), în partea dreaptă a şoselei Ismail - Reni, pe un promontoriu larg, mărginit de apele lacurilor Ialpug şi Cugurlui. Material arheologic se întâlneşte pe toată suprafaţa promontoriului, însă cea mai aglomerată zonă o reprezintă partea de sud-vest a promontoriului. Suprafaţa sitului este de 250-300 m pe axa nord-sud şi 100-150 m axa vest-est. Situl prezintă mai multe straturi culturale: epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka), epoca antică (cultura greacă antică, sec. V î.e.n, cultura scitică, cultura getică, sec. V î.e.n.), epoca romană, sec. I-III e.n., epoca romană târzie (sec. II-IV e.n. – tipul „Etulia"). Descoperit în 1964 de I.T. Černjakov (Шмаглій, Черняков 1965, 216, (5); Гудкова и др. 1991, 65). Materialul arheologic eneolitic, atribuit culturii Gumelniţa, este descoperit în 2003, în urma săpăturilor de salvare întreprinse de către I.V. Brujako. Este descoperită o aglomerare ceramică în şantierul nr. 1, caroul A/12. Acestea au fost fragmentele de la trei vase, datate ca aparţinând culturii Gumelniţa de către L.V. Subbotin, autorul consideră că această aglomerare ar fi ceea ce a mai rămas de la aşezarea Novonekrasovka I, însă notează faptul că fragmente ceramice de acest tip se întâlnesc şi mult mai la nord, pe promontoriu la 300-400 m de la această descoperire (Бруяко 2005, 297; Сапожников и др. 1999, 92).

21. Novosil's'ke I – satul Novosil's'ke (Satul Nou; Новосільське; Новосельское), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Este situat la 6 km. nord de Dunăre, la 1 km sud de sat, pe un promontoriu amplasat pe malul de nord-vest al lacului Cugurlui. Materialul arheologic identificat la suprafaţă se întindea pe o suprafaţă de 100×400 m. Situl prezintă mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Belozerca), epoca romană târzie (sec. II-III e.n. cultura Sântana de Mureş-Černjachov), evul mediu târziu. Descoperită de V. Cojocaru în 1980. În 1984 a fost cercetată o suprafaţă de peste 350 m² (Субботин 1986b, 311). Un sondaj în zona centrală şi o scanare magnetometrică a sitului este efectuată în 1988 de către E.I. Novickij. O altă suprafaţă, de 1900 m², este cercetată în 1989 de către B.A. Vasilenko. Rezultatul acestor cercetări este identificarea şi cercetarea a unei locuinţe adâncite, urmele altor şapte locuinţe de suprafaţă de tip „platformă", alte construcţii în afara locuinţelor: o vatră de lut cu cupolă, două vetre deschise, şase gropi gospodăreşti sau posibil şi de cult (Субботин, Василенко 1999, 29).

22. Novosil's'ke II – satul Novosil's'ke (Satul Nou; Новосільське; Новосельское), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află la 5 km sud de localitate, pe malul stâng al fluviului Dunărea. Amplasat pe un mic promontoriu, îngust de formă triunghiulară, orientat spre Dunăre. Situl reprezintă o suprafaţă fortificată cu val şi şanţ, încă dificil de încadrat cronologic şi cultural. Structurile defensive apără o suprafaţă de cca 40 ha, în interiorul căreia se observă material arheologic la suprafaţă. Aşezarea are mai multe straturi culturale: straturi culturale care se prezintă mai mult orizontal, chiar dacă pe alocuri se observă şi suprapuneri verticale: epoca neolitică (cultura Bo-

ian), epoca eneolitică (cultura Gumelniţa, cultura Sredny Stog, Novodanilovka), epoca bronzului târziu (cultura Belozerca), epoca fierului (cultura Babadag), epoca La Tène (cultura getică), epoca romană târzie (sec. II-III e.n. cultura Sântana de Mureş-Černjachov), evul mediu târziu. Descoperită de V. Cojocaru în 1980 (Бруяко, Ярошевич 2001; Ванчугов, Субботин 2002, 39-41).

23. Omarbija – satul Omarbija (Омарбия), raionul Chilia, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află la 0,5 km sud-est de localitatea Omarbija, pe un platou mărginit dinspre sud de malul antic al Dunării iar, dinspre sud-est de o râpă. Suprafaţa este de 400×250 m. Aşezarea avea mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (?), antichitate târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov), epoca medievală târzie, perioada otomană. Stratul cultural atingea grosimea de 0.6 m; au fost identificate mai multe pete cenuşii în profilul malului. Sit datat după materialul arheologic de suprafaţă. Descoperit în 1964 de I.T. Černjakov (Черняков 1964, 46-47; Шмаглій, Черняков 1965, 219; Бейлекчи 1970, 7; Субботин 1971, 186; Sava 2014, 404). În literatură acest sit mai este întâlnit şi sub denumirea de Chilia (Гудкова и др. 1991, 70) şi Omarbia I (Бейлекчи 1970, 7; Dragomir 1985, 36).

24. Ozerne – satul Ozerne (Babele; General Al. Averescu; Озерне; Озёрное), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Este situat la 20 km la nord de Dunăre, la 5 km nord de satul Oziornoe. Este amplasat pe malul de est, abrupt al lacului Ialpug, la 20 m de nivelul apei. Suprafaţa este de 120×100 m. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu, epoca romană. Situl este descoperit de directorul muzeului din Ismail, V.K. Čigirin în 1963. Săpături arheologice au loc în perioada 1963-1965 de către *expediţia arheologică moldovenească* sub conducerea T.S. Passek şi E.K. Černyš în colaborare cu Muzeul de Arheologie din Odesa, când au fost cercetaţi aproximativ 600 m². Stratul cultural atingea 1,05 m (Бесфамильная 1964, 93; Черныш, Бесфамильная 1965, 40; Субботин 1971, 183; Гудкова и др. 1991, 65-66). Au fost identificate cinci locuinţe gumelniţene. În urma acestor cercetări s-a emis ipoteza unui al treilea nivel de locuire (Черныш, Бесфамильная 1965, 41; Субботин 1983, 21-23; Бейлекчи 1978, 13) ipoteză slab argumentată şi care nu se baza pe observaţiilor reale din stratigrafie şi materialelor arheologice, stratul cultural al aşa-numitului nivel doi de locuire nu se deosebea cu nimic de primul, nici prin umplutură, nuanţe de sol, şi nici prin piese arheologice descoperite (Субботин 1983, 24, 31). Au fost descoperite două locuinţe adâncite şi trei de suprafaţă. În literatura arheologică acest sit mai este numit şi Oziornoe I (Шмаглій, Черняков 1965, 216; Бейлекчи 1970, 6; Бейлекчи 1978, 12; Добролюбский, Загинайло 1976, 97) şi Ozernoe I (Dragomir 1985, 36).

25. Ozerne II – satul Ozerne (Babele; General Al. Averescu; Озерне; Озёрное), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este amplasat la 1,5-2,0 km sud de sat, pe malul de est al lacului Ialpug, pe malul nordic al unei râpe care se deschide spre lac. Suprafaţa 100×50 m. Sit cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu. Descoperit în 1962 de I.T. Černjakov. (Шмаглій, Черняков 1965, 216; Бейлекчи 1970, 6-7; Субботин 1971, 184; Гудкова и др. 1991, 66; Sava 2014, 400-401). Aşezarea atribuită culturii Gumelniţa după materialul colectat la suprafaţă care presupunem că se află în fondurile Muzeului de Arheologie din Odesa. Întâlnit şi cu denumirea de Ozernoe II (Dragomir 1985, 37).

26. Palanca – satul Palanca, raionul Ştefan-Vodă, Republica Moldova. Situl este amplasat la marginea de est a promontoriului pe care este amplasată localitatea Palanca, în grădinile locuitorilor. De pe porţiunea cercetată au fost colectate fragmente ceramice aparţinând culturii Bolgrad-Aldeni şi culturii getice. Autorul descoperirilor presupunea existenţa unei aşezări cu două straturi culturale, care cel mai probabil este distrusă de construcţiile gospodăreşti. Descoperit în 1985 de I.N. Voloh. Material de suprafaţă (Борзияк, Волох 1995, 11-12).

27. Plavni I – satul Plavni (Barta; Плавні; Плавни), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este amplasat la marginea de nord a localităţii, lângă fermă, pe malul de est al unei văi care se deschide spre lacul Ialpug. Suprafaţa este de 100×70 m. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (?), antichitate, sec. IV-III î.e.n. Descoperit în 1962 de I.T. Černjakov (Черныш, Черняков 1964, 93; Пассек, Черныш 1965, 16; Бейлекчи 1970, 5; Субботин 1971, 182; Drago-

mir 1985, 37; Гудкова и др. 1991, 100; Sava 2014, 397) Aşezarea este atribuită culturii Gumelniţa după materialul colectat la suprafaţă care presupunem că se află în fondurile Muzeului de Arheologie din Odesa.

28. Plavni IV – satul Plavni (Barta; Плавні; Плавни), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află la 2,5 km nord de sat, pe malul drept al unei văi de lângă grădinile gospodăreşti. Dinspre est era mărginit de o râpă. În profilul râpei s-a observat că stratul cultural atingea grosimea de 0,7 m. Suprafaţa este de 100×80 m. Situl are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu, perioada romană (sec. II-III e.n.). Descoperit în 1962 de I.T. Černjakov (Черныш, Черняков 1964, 93; Бесфамильная 1964, 93; Бейлекчи 1970, 5; Субботин 1971, 182-183; Dragomir 1985, 37; Гудкова и др. 1991, 100; Sava 2014, 397). Aşezarea este atribuită culturii Gumelniţa după materialul colectat la suprafaţă care trebuie să se afle în fondurile Muzeului de Arheologie din Odesa.

29. Reni – oraşul Reni (Рені; Рени), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Este situat la 1,5-2,0 km nord-vest de oraşul Reni şi la 0,8 km sud-est de extrema de sud a localităţii Giurgiuleşti şi a pichetului de grăniceri, în locul numit „Transportare" pe a doua şi a treia terasă a fluviului Dunăre. La momentul descoperirii partea de est şi nord a sitului era prelucrat agricol prin arătură an de an. Acoperea suprafaţa de 500×400 m. Situl prezintă mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca fierului (cultura Salto-Majatsk, sec. VIII-X î.e.n.), evul mediu (cultura slavă, sec. IX-X e.n.). A fost descoperit de L.V. Subbotin în 1967 (Субботин 1971, 181; Субботин 1986, 48; Гудкова и др. 1991, 100). Din câte se cunoaşte, au fost efectuate câteva sondaje (Субботин 2013, 87). Aşezarea a fost distrusă de construcţii şi alunecările de teren; în profilul râpelor s-a constatat că grosimea stratului cultural atingea 0,6-0,8 m. Pe suprafaţa aşezării au fost colectate fragmente ceramice, alături de oase şi bucăţi de lipitură de lut. Se mai întâlneşte cu denumirea de Giurgiuleşti şi Giurgiuleşti I (Бейлекчи 1970, 8; Маркевич 1973, 152; Dragomir 1985, 26).

30. Reniiskii II – satul Nagirne (Caragacii Vechi; Caragaci; Нагірне; Нагорное), raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina. Este localizat la 5,5 km nord de localitatea Nagornoe, pe a doua terasă a malul de est al lacului Ialpug. Suprafaţa acoperă 100×50 m. Situl are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), perioada romană (sec. II-III e.n.), epoca medievală (cultura Salto-Maiaţk, sec. VIII-X e.n.). Descoperit de L.V. Subotin în 1964 (Бейлекчи 1970, 6; Субботин 1971, 182; Dragomir 1985, 39; Гудкова и др. 1991, 98). Acest sit mai este numit şi „Sovhoz Reninskii II" sau „Reniiskii sovhoz II", denumire respinsă de autorul descoperirii (Субботин 2013, 87). Aşezarea atribuită culturii Gumelniţa după materialul colectat la suprafaţă care presupunem că se află în fondurile Muzeului de Arheologie din Odesa.

31. Suvorove VI – satul Suvorove (Şichirlichitai; Суворове; Суворово), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl este amplasat la 7 km nord de sat, pe malul stâng al râului Catlabuhul Mic, la 300 m nord de o fâşie forestieră. Suprafaţa este de 200×100 m. Situl prezintă mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), perioada romană (sec. II-III e.n.). Descoperit de M.V. Agbunov în 1970. (Агбунов, Субботин, Черняков 1974, 236; Субботин 2013, 87; Sava 2014, 402). Mai este întâlnit cu denumirea de Catlabuhul Mic III (Малых Катлабух III) (Гудкова и др. 1991, 67, 130). Aşezarea atribuită culturii Gumelniţa după materialul colectat la suprafaţă.

32. Taraclia I – oraşul Taraclia, raionul Taraclia, Republica Moldova. Acesta este situat la 1,5 km sud-vest de oraşul Taraclia şi 1 km sud de şoseaua Taraclia-Novosiolovca şi se află în bazinul râului Ialpug, amplasat în valea râului Ialpug, pe un mic promontoriu între râurile Ialpug şi Lunguţa. Suprafaţa aproximativă a sitului acoperă 250×150 m. În perimetrul aşezării se afla un tumul. Situl are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului timpuriu (cultura Jamnaya, cultura Catacombelor), evul mediu (perioada Hoardei de Aur, cultura moldovenească). Descoperit în 1979 de către T.A. Ščerbakova şi S. Agulnicov. Săpăturile arheologice întreprinse s-au desfăşurat în perioada 1982-1985, fiind conduse de: 1982 – I. Manzura (Манзура, Сорокин 1990), 1983 – V. Sorokin (Сорокин 1984), 1984 – I. Manzura (Мишина, Чирков 1986, 385; Савва, Агульников, Манзура 1984), 1985 – V. Bejlekči (Бейлекчи, Агульников, Чирков 1986; Бейлекчи 1987), toate în cadrul Expediţiei arheologice de salvare „Bugeac", condusă de T.A. Ščerbakova. Constatăm că a fost excavată în total o suprafaţă de 3420 m². Au fost

descoperite patru locuinţe de suprafaţă şi patru (?) adâncite, 13 gropi gospodăreşti, o vatră şi un şanţ de apărare, toate aceste complexe atribuite culturii Gumelniţa. Pe lângă astea au fost detectate alte construcţii, tranşee mai mici, atribuite comunităţilor Hoardei de Aur. De asemenea, amintim aici descoperirea a 12 morminte atribuite epocii bronzului timpuriu. Cercetări de suprafaţă au fost întreprinse în 2011, fiind observate bucăţi de lut ars, fragmente ceramice şi oase (Говедарица, Зидаров, Манзура 2012, 6). În perioada 6-8 aprilie 2019, în situl Taraclia I este întreprinsă o cercetare non-invazivă, magnetometrică, condusă de Marcin M. Przybyła, asistat de colegi din Polonia şi de la Institutul Patrimoniului Cultural, Republica Moldova. Informaţia preliminară ne confirmă existenţa unui sistem defensiv, compus din două rânduri de şanţuri, distanţa dintre acestea variind între 10-11 m, acestea fiind dispuse în jurul spaţiului locuibil, având un plan aproximativ patrulater. Astfel suprafaţa interioară a aşezării, în perimetrul primului şanţ este de 100×107 m. Orientarea aşezării fiind SSV-NNE. Se observă câteva anomalii care permit să presupunem existenţa unei intrări în incintă dinspre sud, cât şi alte structuri, posibile locuinţe de suprafaţă.

33. Utkonosivka – satul Utkonosivka (Erdec-Burnu; Ion Gheorghe Duca; Утконосівка; Утконосовка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află la marginea de sud-vest a localităţii, pe malul de vest al limanului Catlabug (Субботин 1971, 186; Гудкова и др. 1991, 68). Situl prezintă mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), perioada romană (sec. II-III e.n.). Descoperit în 1966 de N.M. Kravčenko acesta o denumeşte greşit Utkonosovka II (Субботин 1986, 46-47), în condiţiile când această denumire era deja folosită pentru alt sit descoperit anterior (Шмаглій, Черняков 1965, 220-221).

34. Utkonosivka I – satul Utkonosivka (Erdec-Burnu; Ion Gheorghe Duca; Утконосівка; Утконосовка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află pe malul de est al limanului Catlabug, la 1.5 km, nord de sat, lângă o carieră de lut. Suprafaţa acoperă 100×80 m. Aşezarea are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu, perioada romană (sec. II-III e.n.). Descoperit în 1964 de I.T. Černjakov (Шмаглій, Черняков 1965, 220; Гудкова и др. 1991, 68). Materialul ceramic gumelniţean fiind descoperit în 1966 în urma perighezelor lui N.M. Kravčenko. (Кравченко 1967, 227).

35. Utkonosivka II – satul Utkonosivka (Erdec-Burnu; Ion Gheorghe Duca; Утконосівка; Утконосовка), raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina. Situl se află la 3 km, nord de localitate, pe un mic promontoriu, format pe malul de vest al limanului Catlabug, mărginit de o râpă care se deschide spre liman. Suprafaţa acoperă 300×100 m. Situl are mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu. Descoperit în 1964 de I.T. Černjakov (Шмаглій, Черняков 1965, 220-221; Гудкова и др. 1991, 68; Sava 2014, 403). Autorii descoperirii au evidenţiat câteva fragmente ceramice vopsite tricrom (roşu, cafeniu, galben), atribuite culturii Gumelniţa. Se mai întâlneşte cu denumirea de Utkonosovka (Субботин 1971, 186). În 1970 s-a efectuat un sondaj (Субботин 2013, 87). Materialul de suprafaţă cât şi cel din săpătură se află în fondurile Muzeului de Arheologie din Odesa.

36. Vladičen' VIII – satul Vladičen' (Împuţita; Vlădiceni; Владичень; Владычень), raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina. Este localizată la 2 km sud-est de sat, pe malul drept al lacului Ialpug. Aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka), perioada scitică, perioada romană (sec. II-III e.n.). Suprafaţa acoperă 500×100 m. A fost descoperită în 1962 de I.T. Černjakov (Черныш, Черняков 1964, 91-93; Пассек, Черныш 1965, 16; Бейлекчи 1970, 4-5; Субботин 1971, 183; Гудкова и др. 1991, 53; Sava 2014, 394).

37. Vulcăneşti II – oraşul Vulcăneşti, UTAG, Republica Moldova. Este situată la 0,5-0,7 km N de marginea de nord a localităţii Vulcăneşti, pe malul stâng a r. Cahul, în valea „Dei Sirta", amplasată pe panta de est, în extrema de nord e mărginită de un baraj pe râuleţul Cahul. Suprafaţa de 500×200 m, a fost stabilită iniţial după răspândirea materialului arheologic (Маркевич 1973, 153). O dată cu săpăturile ulterioare ni se prezintă hotarele aşezării eneolitice ca fiind de 200×75 m (Бейлекчи 1978, 17). Aşezarea a fost descoperită în 1962 de către I.T. Černjakov (Черныш, Черняков 1964, 95; Субботин 1971, 181), în acelaşi an au loc primele sondaje arheologice sub conducerea T.S. Passek de către *expediţia arheologică moldovenească* a Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a URSS. Cercetările au continuat în 1963 şi

1965. În 1969-1970 s-a continuat cercetarea sitului de către *expediţia arheologică Cahul*, sub conducerea lui V.S. Bejlekči. Au fost cercetaţi în total 633 m² (Бейлекчи, 1978, 17). În total au fost descoperite 6 locuinţe de suprafaţă, două locuinţe adâncite, vetre şi mai multe gropi gospodăreşti. În studiile iniţiale referitoare la acest sit şi la materialul cercetat dobândit din această aşezare este utilizată denumirea de Vulcăneşti (Пассек, Черныш 1965; Пассек, Герасимов 1967; Петрунь 1967; Бейлекчи 1983). Cercetări de suprafaţă sunt întreprinse în 2011, fiind observate bucăţi de lut ars, fragmente ceramice şi oase (Говедарица, Зидаров, Манзура 2012, 7). Actualmente suprafaţa aşezării este parcelată şi lucrată agricol, unele parcele sunt plantate cu viţă-de-vie, altele cu pomi fructiferi, situaţie constatată în urma vizitei efectuate în 2016 de către E. Mistreanu şi M. Sîrbu. Materialul arheologic se observă în zonele unde terenul este arat.

Concluzii

Se poate constata că sunt 37 de puncte geografice unde s-a pretins iniţial existenţa materialului gumelniţean. Din această listă avem dubii privind existenţa certă a unor aşezări gumelniţene în 4 puncte. Dubiile apar în cazul sitului Colibaş I, din cauza lipsei unor artefacte, materiale de arhivă sau publicaţii. La Gribivka IV, cele câteva fragmente ceramice descoperite şi publicate, într-o calitate grafică slabă, nu ne conving că ar aparţine comunităţilor de tip Bolgrad-Aldeni. Chiar dacă acceptăm încadrarea culturală făcută de L. V. Subbotin, considerăm insuficient materialul arheologic descoperit, pentru a susţine existenţa unei aşezări. Nova Nekrasivka II este un alt punct pe care la moment nu putem să-l identificăm ca o altă aşezare distinctă. Aceste descoperiri, credem noi, sunt urme din aşezarea Nova Nekrasivka I, care se afla în imediata apropiere. Următorul punct întâlnit în literatură, dar nesusţinut de existenţa reală a materialului arheologic este cel de la Palanca.

Astfel, aşezări cert identificate aparţinând culturii Gumelniţa sunt 33: 12 pe teritoriul Republicii Moldova; 21 în Ucraina (fig. 1). De la începutul descoperirii culturii Gumelniţa în zona noastră de studiu până la ziua de astăzi au fost cercetate prin săpături arheologice 13 aşezări: Bolgrad (1962-1963, 1970, 1984, 1999), Cealîc (2010-2012), Cucoara I (1972), Lopăţica I (1965-1966, 1968), Nagirne II (1964, 1966, 1969, 1971, 1981, 1983-1991), Nova Nekrasivka II (2003), Novosil's'ke I (1984, 1988-1989), Ozerne (1963-1965), Taraclia I (1982-1985), Vulcăneşti II (1962-1963, 1965, 1969-1970). În anii '80 ai sec XX au fost efectuate nişte sondaje în siturile Matros'ka şi Reni. Începând cu anul 2000 reîncep săpăturile sistematice la Kartal, unde a fost confirmat prezenţa nivelului Bolgrad-Aldeni şi în situl Orlovka I.

De asemenea, constatăm faptul că un şir de aşezări au denumiri diferite în diverse lucrări, numele sitului este dublat, chiar dacă este acelaşi sit. Un lucru inacceptabil, mai ales ţinând cont de faptul că aceste erori s-au strecurat în lucrări monografice şi articole de sinteză. Este de remarcat că la aceste date eronate fac referire arheologii colegi din România şi Bulgaria, nu doar cei din spaţiul ex-sovietic. Aceste inadvertenţe fac ca hotarele de răspândire a culturii Gumelniţa să fie mărite artificial fără a avea surse sigure în acest sens, un exemplu fiind situl Sărata-Răzeşi care plasează hotarul de nord la circa 60 km de la cea mai nordică aşezare existentă astăzi (Chioselia Mare I) şi cea mai nordică din perioada publicării lucrării (Cucoara I) (Бейлекчи 1978, 12). De asemenea, este de amintit o aşezare care s-ar afla la gurile râului Botna şi alta undeva pe malul limanului Nistrului, dar despre care nu sunt surse bibliografice, iar aceasta apare ca graniţă de est a populaţiilor balcano-dunărene (Comşa 1963, fig. 1). Regretabil este faptul că inclusiv în lucrările recente se fac greşeli în amplasarea unor puncte pe hărţi arheologice (Субботин 2013, 56). În acest caz punctul Lopăţica este plasat mult mai la nord, faţă de Cealîc III, pe când situaţia geografică este exact invers.

Acest catalog reprezintă o primă etapă de sistematizare a informaţiilor privind siturile culturii Gumelniţa din zonă şi include doar situri arheologice documentate şi inventariate în timp, chiar dacă multe din ele apar în diverse lucrări sub alte denumiri, iar altele au chiar şi denumiri triple, fiind necesar demersul de identificare şi corectare a aceste erori. Rolul acestui exerciţiu este de a alcătui o listă veridică a aşezărilor, pentru a elabora o lucrare cât mai exactă şi mai plauzibilă. Documentarea siturilor existente strict pe baza surselor bibliografice, poate cauza un şir de confuzii. Astfel, au fost identificate situri care nu au referinţe bibliografice în lucrările unde au fost publicate sub formă de puncte arheologice pe hărţi sau amintite în text ca situri încadrate Gumelniţa, cu trimitere la referinţe bibliografice în care siturile nu erau identificate ca fiind Gumelniţa, sau sunt

identificaţi ca autori ai unor descoperiri alţi cercetători decât cei cărora le aparţine dreptul de a se numi descoperitori ai siturilor (Субботин 1986).

Fiind amplasate pe hartă, avem o imagine reală a răspândirii acestora în zona noastră de studiu. Se observă traseele de colonizare a acestui spaţiu pe cursurile râurilor, văilor într-o zonă cât mai apropiată de Dunăre. Grupul de aşezări dintre Prut şi Nistru ocupă partea de sud-vest a acestui spaţiu, iar cartografierea siturilor ne permite să afirmăm că acestea ocupă zona de nord-est a comunităţilor de agricultori din eneoliticul timpuriu, care au migrat dinspre sud şi vest, în a doua jumătate a mileniului V î.e.n. în acest spaţiu (fig. 2.I). Considerăm că sunt aceleaşi comunităţi care formează aspectul cultural Stoicani-Aldeni (fig. 2. II), însă aşezările din spaţiul analizat de noi nu se disting şi nu se individualizează prin ceva specific. Sunt amplasate pe terasele joase ale râurilor, în preajma cursurilor de apă, pe văile laterale în apropierea izvoarelor, pe terasele marilor lacuri basarabene. Datorită unei locuiri relativ de scurtă durată, comunităţile noi apărute în zonă nu au lăsat un model de locuire de tip tell, aşezări întâlnite în nord-estul Munteniei şi sudul Moldovei în România. Se poate observa un ,,hiatus" geografic între aşezările Precucuteni - Tripolie A şi Bolgrad-Aldeni, în spaţiul Prut-Nistru, situaţie care posibil se datorează cercetărilor perieghetice limitate din zonă sau nu este exclus că aceasta să fie o zonă ,,tampon", de hotar între comunităţi.

Nu excludem existenţa şi altor situri gumelniţiene descoperite, în alte surse bibliografice, necunoscute de noi la acest moment, ne-identificate sau chiar trecute cu vederea. Precum am menţionat, mai jos prezentăm lista unor situri care nu pot fi încadrate într-o harta a siturilor gumelniţene, sunt informaţii greşite care apar în unele lucrări ştiinţifice şi sunt preluate în continure şi de alţi cercetători.

Tabelul 1

Siturile arheologice atribuite greşit culturii Gumelniţa (după Субботин 1986; Субботин 2013, 89, cu completări)

Denumiri ale siturilor arheologice	Localizarea sitului, conform surselor bibliografice	Autorul şi anul descoperirii sitului[5]	Datarea reală a sitului. Apartenenţa culturală reală
Cairaclia I, (Кайраклия) Кайраклия I	satul Cairaclia, raionul Taraclia, Republica Moldova	A.G. Agbunov, 1970 (Маркевич 1973; Бейлекчи 1978)	Epoca bronzului târziu (cultura Sabatinovka)
Etulia I	satul Etulia, UTAG, Republica Moldova	I.T. Černjakov, 1962 (Федоров; Чеботаренко 1974)	Epoca bronzului târziu; cultura slavă (IX-X e.n.)
Furmanovka, (Фурмановка)	raionul Chilia, regiunea Odesa, Ucraina	N.M. Šmaglij, 1963 (Кравченко 1966; Бейлекчи 1970, 1978)	Sec. II-III e.n.; cultura slavă (IX-X e.n.)
Ivovoe I, (Ивовое I)	raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina	A.G. Zaginajlo, 1974 (Добролюбский, Загинайло 1976)	Epoca bronzului târziu; sec. II-III e.n., cultura Sântana de Mureş-Černjachov
Pelinei, Pelinei I	satul Pelinei, raionul Cahul, Republica Moldova	V.I. Marchevici 1963 (Маркевич 1973)	Epoca romană, sec. II-IV e.n., cultura Sântana de Mureş-Černjachov
Renijskij III, Sovhozul Renijskij III, (Ренийский III, Ренийский с-з III)	raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina	L.V. Subbotin 1963	Epoca romană, sec. II-IV e.n., cultura Sântana de Mureş-Černjachov; cultura slavă (IX-X e.n.)
Sărata-Răzeşi	satul Sărata-Răzeşi, raionul Leova, Republica Moldova	(Бейлекчи 1978)	Situl nu există
Suvorovo IX	raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina	(Добролюбский, Загинайло 1976)	Situl nu există
Utkonosovka V (Утконосовка V)	raionul Ismail, regiunea Odesa, Ucraina	(Добролюбский, Загинайло 1976)	Situl nu există
Aşezare pe râul Botna		(Comşa 1963)	Situl nu există
Aşezare pe limanul Nistrului		(Comşa 1963)	Situl nu există

[5] Autorul şi anul introducerii în literatură ca fiind gumelniţean (în paranteză)

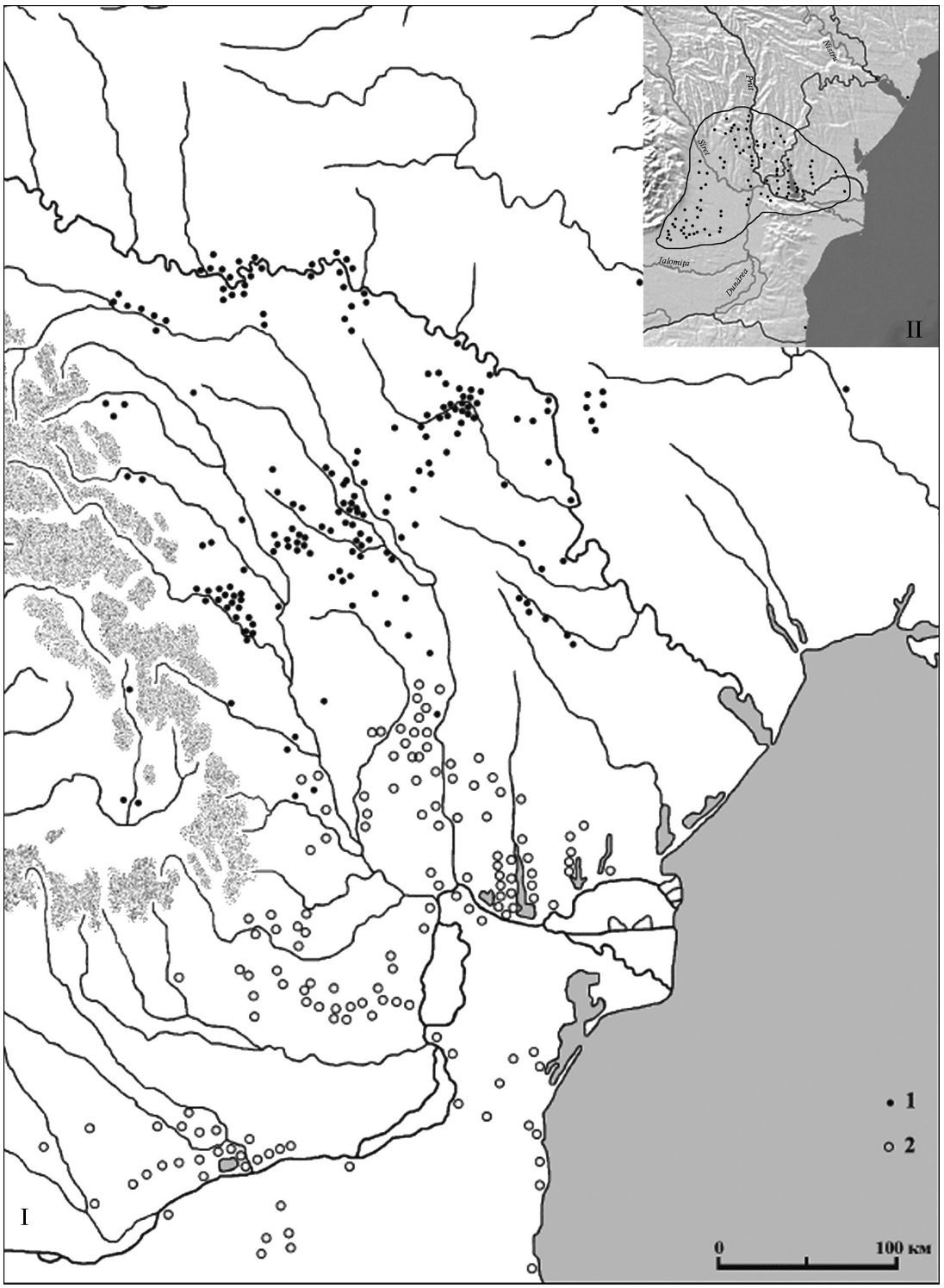


Fig. 2. I. Harta distribuţiei siturilor în perioada Precucuteni-Tripolie A. 1 - Siturile culturii Precucuteni-Tripolie A; 2 - siturile culturii Gumelniţa A1 şi Bolgrad-Aldeni (după Manzura 2005a, 317, fig. 2). II. Arealul aşezărilor Bolgrad-Aldeni.

Bibliografie

Bruyako, Manzura, Subbotin 2005: I. Bruyako, I. Manzura, L. Subbotin, Prehistoric settlement „Kartal" (Orlovka): Preliminary information on the excavations in 2001-2002. Prehistoric Archaeology &Anthropological Theory and Education. RPRP, 6-7, 2005, 13-33.

Comșa 1963: E. Comșa, Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II. SCIV 14/1, 1963, 7-31.

Comșa 1985: E. Comșa, Date noi referitoare la contactele dintre comunităţile Aldeni II și cele ale culturilor vecine. Carpica XVII, 1985, 27-32.

Comșa 1987: E. Comșa, Neoliticul pe teritoriul României. Consideraţii (Bucureşti 1987).

Comșa 1995: E. Comșa, Raporturile dintre comunităţile culturii Gumelniţa și cele ale aspectului cultural Aldeni II, reprezentate prin figurinele antropomorfe. Cultură și Civilizaţie la Dunărea de Jos 13-14, 1995, 19-28.

Dambricourt et al. 2010: A. Dambricourt Malassé, P. Dolukhanov, M. Seferiades, L. Subbotin, Funeral Meal and Anthropophagy in Gumelniţa Chalcolithic Civilization in the North-western Black Sea area. In: (Eds. J. Šuteková, P. Pavúk, P. Kalábková, B. Kovár) The Chronology of the Neolithic and Eneolithic Period. Festschrift for Professor Juraj Pavúk. Edition: Panta Rhei, Chapter: Balkan and Anatolia, Publisher: Comenius University in Brastislava & Archaeological centre (Olomouc 2010), 159-168.

Dergaciov 2010: V. Dergaciov, Marile civilizaţii de vechi agricultori și nomazi. Eneoliticul. Începuturile descompunerii orânduirii gentilico-tribale. In: (red. V. Dergaciov) Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până la sec. V) (Chișinău 2010), 242-249.

Dolukhanov et al. 2002: P. Dolukhanov, M. Séfériadès, L. Subbotin, La civilisation de Gumelnitsa. Archéologia 388, 2002, 40-47.

Dragomir 1969: I.T. Dragomir, Contribuţii la cunoașterea aspectului cultural Stoicani-Aldeni (Săpăturile de la Lișcoteanca, judeţul Brăila și Băneasa, judeţul Galaţi). Danubius II-III, 1969, 45-64.

Dragomir 1983: I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud estul României: (Aspectul cultural Stoicani-Aldeni) (Bucuresti 1983).

Dragomir 1985: I.T. Dragomir, Repertoriul descoperirilor arheologice de aspect cultural Stoicani-Aldeni. Danubius XI-XII (1984-1985), 1985, 7-48.

Eremia 2001: A. Eremia, Nomenclatorul localităţilor din Republica Moldova (Chișinău: Civitas 2001).

Frînculeasa 2007: A. Frînculeasa, Aspectul cultural Stoicani-Aldeni, repere de cronologie relativă. Peuce s.n. V, 2007, 7-32.

Govedarica, Manzura 2015: B. Govedarica, I. Manzura, The Copper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In: (Eds. S. Hansen, P. Raczky, A. Anders, A. Reingruber) Archäologie in Eurasien 31: Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. International Workshop Budapest 2012 (Bonn: Habelt-Verlag 2015), 437-456.

Govedarica 2016: B. Govedarica, Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area. In: (Eds. S. Ţerna, B. Govedarica) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Kishinev 2016), 81-93.

Govedarica, Manzura 2016: B. Govedarica, I. Manzura, The Bolgrad-Aldeni culture in the northwest Pontic region: or history of failed colonization. In: International conference: Die Cucuteni-Kultur und ihre südlichen nachbarn im 5. Jt. v. Chr. Internationales Tagung. 18-22 April 2016, Academia Română, Filiala Iași.

Haheu 1993a: V. Haheu, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova, raionul Vulcănești (Chișinău 1993). Arhiva MNIM.

Haheu 1993b: V. Haheu, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova, raionul Cahul (Chișinău 1993). Arhiva MNIM.

Haşotti 1997: P. Haşotti, Epoca neolitică în Dobrogea (Constanţa 1997).

Lazarovici, Lazarovici 2007: C-M. Lazarovici, G. Lazarovici, Arhitectura neoliticului și epocii cuprului din România (Iași 2007).

Manzura 2005: I. Manzura, The East-West interaction in the mirror of the eneolithic and early bronze cultures in the nordwest Pontic. Revista arheologică s.n. I, 2005, 23-53.

Manzura 2005a: I. Manzura, Steps to the Steppe: Or, How the North Pontic Region Was Colonized. Oxford Journal of Archaeology 24 (4), 2005, 313-338.

Manzura, Govedarica 2018: I. Manzura, B. Govedarica, Deutsche-Moldawische Forschungen der Kupferzeit im Nordwestpontischen Gebiet: Ergebnisse und Perspektiven, In: Humboldt-Kolleg: Chronologie in den Archälogischen forschungen – Humboldt-Kolleg: Chronology in archaeological studies. Chișinău, 8-9 November 2018.

Mistreanu 2013: E. Mistreanu, O nouă aşezare a culturii Gumelniţa de la Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 145-156.

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Sava et al. 2017: E. Sava, E. Keiser, M. Sîrbu, E. Mistreanu, Raport despre investigaţiile arheologice şi interdisciplinare a aşezărilor culturii Sabatinovka (campania 2016) (Chişinău 2017). Arhiva MNIM.

Skakun 1992: N.N. Skakun, The Excavations of the Eneolithic Site Nagornoye II. In: Symposia Thracologica, 9 (Bucuresti 1992), 242-243.

Skakun 1996: N.N. Skakun, New excavations of a eneolithic settlement in the Lower Danube region. BMA II, (Cucuteni aujourd'hui), 1996, 141-158.

Sorokin 1994: V. Sorokin, Culturile eneolitice din Moldova. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 67-92.

Sorochin 2001: V. Sorochin, Relaţiile între culturile Precucuteni-Tripolie A şi Bolgrad-Aldeni. Tyragetia X, 2001, 81-90.

Şimon 1983: M. Şimon, Cu privire la relaţia dintre cultura Varna şi cultura Gumelniţa. SCIVA 34/4, 1983, 305-319.

Şimon 1986: M. Şimon, Unele probleme ale aspectului cultural Stoicani-Aldeni. SCIVA 37/1, 1986, 5-28.

Todorova 1978: H. Todorova, The Eneolithic in Bulgaria. BAR International Series (Suplementary), 49 (Oxford 1978).

Todorova 1982: H. Todorova, Kupferzeitliche Siedlungen in Nordostbulgarien. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Band 13 (München 1982).

Агульников 1985: С.М. Агульников, Раскопки курганов у пос. Тараклия. В сб.: АО 1983 года (Москва 1985), 455.

Бейлекчи, Бырня 1969: В.С. Бейлекчи, П.П. Бырня, Материалы к археологической карте Попрутья. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару, В.И. Маркевич и др.) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 171-184.

Бейлекчи 1970: В.С. Бейлекчи, Поселения культуры Гумельница на территории СССР (Материалы к археологической карте). Известия Академии наук МССР. Сер. обществ. наук, № 2, 1970, 3-9.

Бейлекчи 1972: В.С. Бейлекчи, Результаты раскопок гумельницких поселений в Молдавии в 1968-1969 гг. В сб.: АИМ (1968-1969) (Кишинев 1972), 29-48.

Бейлекчи 1973: В.С. Бейлекчи, Раскопки гумельницкого поселения у с. Вулканешты в 1970 г. В сб.: АИМ (1970-1971) (Кишинев 1973), 34-52.

Бейлекчи 1973а: В.С. Бейлекчи, Отчет о раскопках поселения Кукора I в 1972 г. (Кишинёв 1973). Arhiva MNIM, nr. inv. 74.

Бейлекчи 1974: В.С. Бейлекчи, Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора. В сб.: АИМ (1972) (Кишинев 1974), 51-67.

Бейлекчи 1978: В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная: (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).

Бейлекчи 1983: В.С. Бейлекчи, Наземное жилище культуры Гумельница у с. Вулканешты. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Первобытные древности Молдавии (Кишинев 1983), 206-213.

Бейлекчи 1987: В.С. Бейлекчи, Работы Буджакской экспедиции. В сб.: АО 1985 года (Москва 1987), 514.

Бейлекчи 1989: В.С. Бейлекчи, Изображение человека в культуре Гумельница. В сб.: (Отв. ред. И.А. Борзияк) Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии (Кишинев 1989), 36-47.

Бейлекчи, Агульников, Чирков 1986: В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г., т. I (Кишинёв 1986). Arhiva MNIM, nr. inv. 231.

Бесфамильная 1964: Е.В. Бесфамильная, Поселения культуры Гумельница на Украине. КСОГАМ 1962, 1964, 92-94.

Бесфамильная 1966: Е.В. Бесфамильная, Антропоморфные изображения культуры Гумельница в СССР. В: Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Секция неолита и бронзы (Москва 1966).

Бібіков 1971: С.М. Бібіков, Пам'ятки культури Гумельниця на території Української РСР. В: (Гл. ред. И.И. Артеменко) Археологія Української РСР. Том I (Киев 1971), 210-213.

Бибиков, Субботин 1986: С.Н. Бибиков, Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница на территории УССР. В: (Гл. ред. И.И. Артеменко) Археология Украинской ССР Том I (Киев 1985), 263-268.

Борзияк, Волох 1995: И.А. Борзияк, И.Н. Волох, Паланка — новый микрорайон археологических памятников на Нижнем Днестре. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Днестровско-Дунайское междуречье в первобытности и в средние века (Белгород-Днестровск 1995), 11-12.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае). Revista arheologică s.n. I, 2005, 279-300.

Бруяко 2009: И.В. Бруяко, Об исторической топографии городища Картал. МАСП 9, 2009, 39-46.

Бруяко 2013: И.В. Бруяко, Памятники фракийского гальштата. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 353-373.

Бруяко 2016: И.В. Бруяко, Природный ландшафт поселения Картал в эпоху энеолита. In: (Eds. S. Ţerna, B. Govedarica) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Kishinev 2016), 121-131.

Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).

Бруяко, Манзура, Субботин 2003: И.В. Бруяко, И.В. Манзура, Л.В. Субботин, Энеолитический горизонт поселения Орловка – II на Нижнем Дунае. В: АВУ 2001-2002 рр (Київ 2003), 56-61.

Бурдо 2013: Н.Б. Бурдо, К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры. Revista arheologică s.n. IX/1, 2013, 48-53.

Бурдо 2018: Н.Б. Бурдо, Болград-Алдень в системе раннеземледельческих культур Карпато-Балкано-Дунайского региона. В: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Измаил, 23-26 августа 2018 г.) Народы и культуры Нижнего Дуная в древности (Измаил 2018), 5-14.

Ванчугов, Субботин 2002: В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, Новосельский энеолитический могильник в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 33-41.

Говедарица, Зидаров, Манзура 2012: Б. Говедарица, П. Зидаров, И. Манзура, Отчет о геомагнитом изучении поселения раннего энеолита культуры Болград-Алдень у с. Чалык, р-н Тараклия в 2011 году (Кишинэу 2012). Arhiva MNIM, nr. inv. 532.

Гудкова и др. 1991: А.В. Гудкова, С.В. Охотников, Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, Археологические памятники Одесской области. Справочник (Одесса 1991).

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 3 (Кишинев 1973).

Добролюбский, Загинайло 1976: А.О. Добролюбский, А.Г. Загинайло, Опыт сводного картографирования археологических памятников (на материалах юго-западных районов Одесской области). В сб.: (Отв. ред. З.В. Першина) Археологические и археографические исследования на территории южной Украины (Киев-Одесса 1976), 92-105.

Збенович 1976: В.Г. Збенович, К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. В сб.: (Отв. ред. С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Я. Телегин) Энеолит и бронзовый век Украины (Киев: Наукова Думка 1976), 79-92.

Іванова, Петрова, Будикін 2003: С.В. Іванова, К.А. Петрова, І.А. Будикін, Найдавніший кам'яний якір з поселення Грабівка IV. Археологія 2, 2003, 123-127.

Іванова, Секерська 2003: С.В. Іванова, О.П. Секерська, Багатошарове поселення Грибівка IV в Одеській області. В: Записки історичного факультету Одеського національного Університету, 14 (Одеса 2003), 24-39.

Киосак, Субботин 2016: Д.В. Киосак, Л.В. Субботин, О технике скола пластин болградского варианта культуры Гумельница. In: (Eds. S. Ţerna, B. Govedarica) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Kishinev 2016), 93-106.

Кравченко 1967: Н.М. Кравченко, Памятники черняховского типа в Буджакской степи (по материалам разведки 1966). В сб.: АИУ 1965-1966, 1 (Киев 1967), 224-228.

Манзура, Сорокин 1990: И.В. Манзура, В.Я. Сорокин, Гумельницкое поселение у пгт Тараклия. В сб.: (Отв. ред. В.А. Дергачев) Археологичесие исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 78-93.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2 (Кишинев 1973).

Миков 1985: В. Миков, Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии. СА 1, 1958, 47-55.

Мишина, Чирков 1986: Т.Н. Мишина, А.Ю. Чирков, Гумельницкое поселение Тараклия. В сб.: АО 1984 года (Москва 1986), 385.

Паламарчук 2018: С.В. Паламарчук, Энеолитическое поселение Матроска близ г. Измаила. В: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.) Народы и культуры Нижнего Дуная в древности (Измаил 2018), 44-50.

Пассек, Черныш 1965: Т.С. Пассек, Е.К. Черныш, Открытие культуры Гумельница в СССР. КСИА 100, 1965, 6-18.

Пассек 1965: Т.С. Пассек, История племен в V-III тысячелетиях до н. э. на территории Молдавии. КСИА 105, 1965, 1965, 3-9.

Пассек, Титов 1966: Т.С. Пасек, В.С. Титов, Изучение энеолитических поселений культуры Гумельница. В сб.: АО 1965 года (Москва 1966), 75-77.

Пассек, Герасимов 1967: Т.С. Пассек, М.М. Герасимов, Новая статуэтка из Вулканешт. КСИА 111, 1967, 38-42.

Петрунь 1967: В.Ф. Петрунь, К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР. КСИА 111, 1967, 50-59.

Риндюк, Скакун 1996: Н.В. Риндюк, Н.Н. Скакун, О некоторых культовых предметах из поселения Нагорное II (Болград-Алдень II). Археологія 3, 1996, 109-115.

Риндюк, Скакун 1999: Н.В. Риндюк, Н.Н. Скакун, Новые находки антропоморфной пластики в Болград-Алдень II. Vita Antiqua 1, 1999, 35-40.

Савва, Агульников, Манзура 1984: Е.Н. Савва, С.М. Агульников, И.В. Манзура, Отчет о полевых исследованиях Буджакской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. Кишинёв, 1984. + Album (Кишинев 1984). Arhiva MNIM, nr. inv. 212.

Сергеев 1966: Г.П. Сергеев, Новое поселении культуры «Гумельница» у с. Лопацика Кагульского р-на МССР (Краткий отчет о раскопках) (Кишинёв 1966). Arhiva MNIM, nr. inv. 33.

Сальников 1964: А.Г. Сальников, Археологические исследования Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея в 1962 г. КСОГАМ 1962, 1964, 3-12.

Сапожников, Бруяко, Кожокару 1999: И.В Сапожников, И.В Бруяко, В.М. Кожокару, Новые данные о поселении Ново-Некрасовка-II. КСОАО, 1999, 92-94.

Скакун 1985: Н.Н. Скакун, Раскопки поселения Нагорное II в Нижнем Подунавье. В сб.: АО 1983 года (Москва 1985), 354-355.

Скакун 1986: Н.Н. Скакун, Орудия труда и хозяйство болградской (Алдени II) энеолитической культуры. Studia Praehistorica 8, 1986, 9-107.

Скакун 1987: Н.Н. Скакун, Раскопки у с. Нагорное. В сб.: АО 1985 года (Москва 1987), 413.

Скакун 1994: Н.Н. Скакун, Новые раскопки энеолитических поселений в низовьях Дуная. АВ 3, 1994, 58-68.

Скакун, Риндюк 1994: Н.Н. Скакун, Н.В Риндюк, К вопросу об антропоморфной пластике культуры эпохи энеолита Болград-Алдень II (по материалам поселения Нагорное II). В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яаровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. (Тирасполь 1994), 22.

Скакун, Стеганцева 1994: Н.Н. Скакун, В.Я. Стеганцева, Энеолитическая керамика поселения Нагорное II (из раскопок 1987 г.). В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яаровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. (Тирасполь 1994), 23.

Сорокин 1997: В.Я. Сорокин, К проблеме культурных связей прекукутенско-ранетрипольских племен с обществами культур Балкано-Дунайского региона. In: (Ed. V. Dergaciov) Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 138-155.

Суботін 1968: Л.В. Суботін, Розвідки археологічних пам'яток по берегах оз. Кагул та р. Карасулак. Археологія XXI, 1968, 227-235.

Субботин 1970: Л.В. Субботин, Поселение гумельницкой и черняховской культур у с. Нагорного. АО 1969 года, 1970, 224.

Субботин, Дубин, Агбунов 1970: Л.В. Субботин, Г.И. Дубинm, М.В. Агбунов, Раскопки у Болграда. В сб.: АО 1969 года (Москва 1970), 290-291.

Субботин 1971: Л.В. Субботин, Памятники энеолитической культуры Гумельницы на левом берегу Нижнего Дуная. МАСП 7, 1971, 179-187.

Субботин 1976: Л.В. Субботин, Антропоморфная пластика гумельницких памятников Юго-Запада СССР. МАСП 8, 1976, 21-36.

Субботин 1978: Л.В. Субботин, О синхронизации памятников культуры Гумельница в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко, О.П. Карышковский) Археологические исследования северо-западного Причерноморьяю (Киев 1978), 36-41.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).

Субботин 1986a: Л.В. Субботин, О картографировании гумельницких памятников юго-запада СССР. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Станко) Исследования по археологии северо-западного причерноморья (Киев 1986), 41-53.

Субботин 1986b: Л.В. Субботин, Раскопки на поселениях Новосельское I и Болград. В сб.: АО 1984 года (Москва 1986), 311.

Субботин 1990: Л.В. Субботин, Углубленные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. В.Г. Збенович) Раннеземледельчские поселения-гиганты трипольской культуры на Украине (Киев 1990), 177-182.

Субботин, Василенко 1999: Л.В. Субботин, Б.А. Василенко, Краткие итоги исследования гумельницкого поселения Новосельское I. КСОАО, 1999, 29-36.

Субботин 2013: Л.В. Субботин, Культура Гумельница: Болградский вариант. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 85-114.

Тодорова 1979: Х. Тодорова, Энеолит Болгарии (София 1979).

Федоров 1968: Г.Б. Федоров, Работа Прутско-Днестровской экспедиций. В сб.: АО 1967 года (Москва 1968), 286-287.

Цалкин 1967: В.И. Цалкин, Фауна из раскопок поселений культуры Гумельницы в СССР. КСИА 111, 1967, 43-49.

Черныш 1964: Е.К. Черныш, Многослойное поселение у г. Болград Одесской области. КСОГАМ 1962, 1964, 24-30.

Черныш, Бесфамильная 1965: Е.К. Черныш, Е.В. Бесфамильная, Поселение культуры Гумельница у с. Озерное. КСОГАМ 1963, 1965, 40.

Черныш, Черняков 1964: Е.К. Черныш, И.Т. Черняков, Археологические разведки в Подунавье. КСИА 99, 1964, 89-96.

Черныш 1965: Е.К. Черныш, Глинобитные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. Е.И. Крупнов) Новое в советской археологии (Москва 130), 1965, 84-86.

Черныш 1969: Е.К. Черныш, Орудия труда культуры Гумельница. КСИА 115, 1969, 23-28.

Черныш 1982: Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: (Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) Энеолит СССР (Москва 1982), 253-256.

Черняков 1962: И.Т. Черняков, Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. МАСП 4, 1962, 138-143.

Шмаглій, Черняков 1965: М.М. Шмаглій, І.Т. Черняков, Археологічні розвідки 1964 р. в пониззі Дунаю. Археологія XIX, 1965, 215-221.

Щербакова и др. 1984: Т.А. Щербакова, И.В. Манзура, Е.Н. Савва, С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Буджакской новостроечной археологической экспедиции в 1982 г. (Кишинёв 1984). Arhiva MNIM, nr. inv. 190.

Settlements of Gumelniţa culture in the Prut-Dniester area (catalog)

Keywords: settlements, list of archaeological sites, early Eneolithic/ Chalcolithic/ Copper Age, Gumelniţa, Bolgrad-Aldeni, Budzhak.

Abstract: The paper presents the history of the researches of the early Eneolithic settlements discovered in the steppe of Budzhak. There are three stages. The author proposes a catalog of Gumelniţa culture settlements of the Prut-Dniester interfluve. 37 points were mapped as possible settlements, four of which are under great question; the existence of 12 sites on the territory of the Republic of Moldova and 21 on the territory of Ukraine was confidently confirmed. A table with some erroneous data on the existence of Gumelniţa settlements is presented. Their spatial distribution allows us to trace the routes and directions of colonization of this territory during the early Eneolithic period. The area of settlements Bolgrad-Aldeni and their concentration in the south-western zone of the Prut-Dniester interfluve is determined.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of Gumelniţa culture settlements in the Prut-Dniester region.

Fig. 2. I. The distribution of sites in the Precucuteni-Tripolye A period. Legend: 1 - the sites of Precucuteni-Tripolye A culture; 2 - the sites of Gumelniţa A 1 and Bolgrad-Aldeni cultures (after (по Манзура 2005a, 317, рис. 2)). II. Area of Bolgrad-Aldeni culture settlements.

Поселения культуры Гумельница пруто-днестровского ареала (каталог)

Ключевые слова: поселения, свод памятников, ранний энеолит, Гумельница, Болград-Алдень, Буджак.

Резюме: В работе представлена история исследования поселений раннего энеолита, открытых в Буджакской степи. Выделены три её этапа. Автор представляет каталог гумельницких поселений Пруто-Днестровского междуречья. Картографировано 37 местонахождений вероятных поселений, четыре из которых находятся под большим вопросом; уверенно подтверждено существование 12 памятников на территории Республики Молдова и 21 – на территории Украины. Представлена таблица с ошибочными данными относительно существования некоторых гумельницких поселений. Их пространственное распределение позволяет проследить пути и направления колонизации этой территории в период раннего энеолита. Устанавливается ареал поселений Болград-Алдень и их концентрация в юго-западной зоне Пруто-Днестровского междуречья.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта гумельницких поселений Пруто-Днестровского междуречья.

Рис. 2. I. Карта распределения памятников в период Прекукутень-Триполье А. 1 - памятники культуры Прекукутень-Триполье А; 2 - памятники культуры Гумельница А1 и Болград-Алдень (по Манзура 2005а, 317, рис. 2). II. Ареал поселений Болград-Алдень.

27.05.2019

Eugen Mistreanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2307-2010, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

«СВОД ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В БЕССАРАБИИ» Н. МОГИЛЯНСКОГО И Я. ЭБЕРГАРДТА

Игорь Сапожников
Майя Кашуба[1]

Всегда приходится идти
по чьим-то стопам.
А. Додэ

Бессарабия в отношении богатств
историко-археологического характера
занимает одно из первых мест среди
стран всего мира.
Я.М. Эбергардт

Ключевые слова: Бессарабия, Республика Молдова, области Украины, Н. Могилянский, Я. Эбергардт, свод памятников 1913-1916 гг., земляные валы, курганы, пещеры, остатки древних поселений, древние кладбища, монастыри и скиты, крепости и укрепления.

Введение

Менее года тому назад один из авторов этих строк написал работу о малоизвестном «Своде памятников старины и археологических находок в Бессарабии» (далее «Свод»), в которой рассмотрел ход его создания в 1913-1916 гг. ученым-виноделом Н.К. Могилянским (22.03.1877, Прилуки - 17.7.1966, Кишинев; рис. 1; 2) и чиновником Я.М. Эбергардтом (16.03.1887 - ?), привел некоторые факты их биографий, а также републиковал газетную версию описания «Свода» (Сапожников 2019). В той же работе была высказана уверенность в том, что вскоре будет найдено его полное издание (Эбергардт 1916), и это уже сделал второй соавтор в библиотеке Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Поэтому главной целью данной статьи является републикация брошюры 1916 г. (Прил.) и анализ ее содержания по разделам, территориям и категориям памятников и находок.

«Свод» и его характеристика

В восьми уездах Бессарабской губернии того времени[2] были учтены: курганы – 1079, древние кладбища – 94, древние городища или селища – 66, насыпи-валы – 28 и пещеры (навесы и гроты) – 24 (Эбергардт 1915-1916, 2; Эбергардт 1916, 5-6), данные о которых содержались в анкетах, заполненных примерно 800 респондентами. Кроме того, в нем использованы личные наблюдения и заключения Я.М. Эбергардта, в частности о сохранности Хотинской и Аккерманской крепостей. В целом можно сделать вывод, что в 1913-1916 гг. был создан именно «Свод памятников Бессарабии», так как упоминания о входящей в него карте отсутствуют.

Практическое значение «Свода» выразилось в том, что Я.М. Эбергардт сделал доклад «Результаты анкеты о памятниках старины и археологических находках в Бессарабии» на двух заседаниях Секции антропологии, географии и этнографии Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания (3 декабря 1915 и 7 января 1916 гг.). Видимо, доклад произвел впечатление, так как по нему была принята специальная резолюция: «принять меры к сохранению исторических памятников, *собирать археологические находки* и *учредить историко-археологический музей* в Кишиневе»[3] (Краткий отчет 1917, 24-26).

Важно, что на момент принятия этого решения две подачи статьи Я.М. Эбергардта о со-

[1] М.Т. Кашуба провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. - I тыс. до н.э.)».

[2] Сейчас их территории входят в состав Республики Молдова, Одесской и Черновицкой областей Украины.

[3] Здесь и далее курсив наш. – И.С. и М.К.

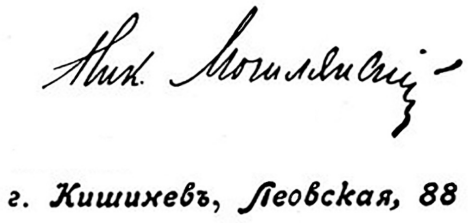


Рис. 1. Подпись и рабочий адрес Н.К. Могилянского 1910 г.

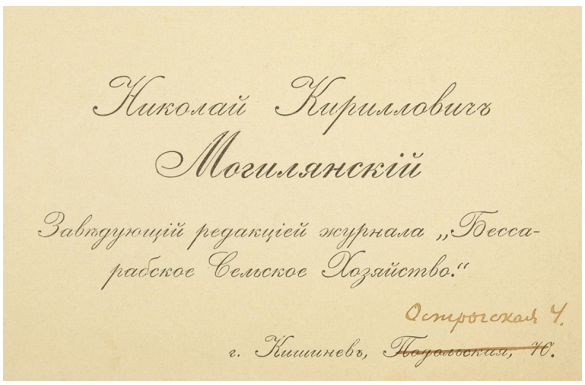


Рис. 2. Визитная карточка Н.К. Могилянского (1910-е гг.).

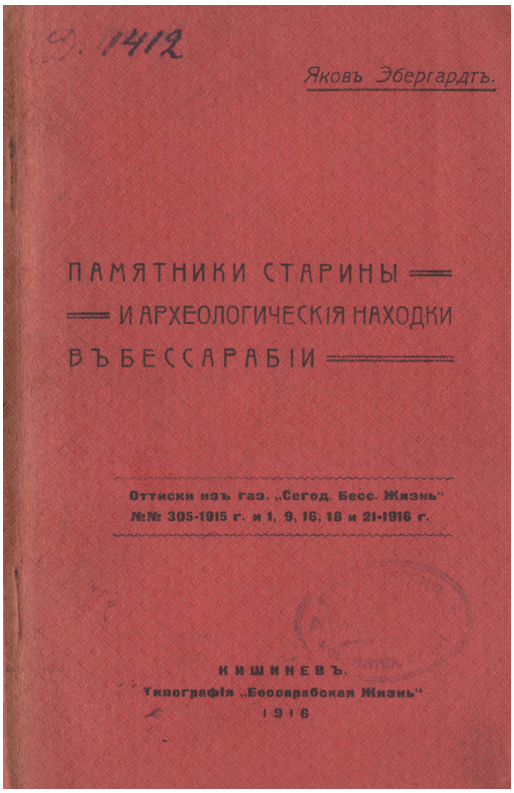


Рис. 3. Обложка брошюры Я.М. Эбегардта 1916 г.

держании «Свода» (№305 от 25.12.1915 г. и №1 от 01.01.1916 г.) уже были опубликованы, а чуть позже вышли еще три подачи из пяти – №9 от 11.01.1916 г., №16 от 08.01.1916 г. и №18 от 20.01.1916 г.) (Эбергардт 1915-1916). Однако на обложке брошюры указано, что ее текст уже опубликован в газете «Сегодняшняя бессарабская жизнь», но не в пяти, а в шести подачах (включая №21; рис. 3), где фактически ее не было. Эти данные свидетельствуют о том, что газетный и брошюрный варианты печатались в одной типографии примерно в одно время на протяжении конца декабря 1915 - января 1916 гг., и второй из них вышел в свет до окончания печатания первого.

Следует подчеркнуть, что на самом деле Я.М. Эбергардт описал и опубликовал не сам «Свод», который, очевидно, представлял собой ответы на анкеты (опросные листы)[4], разработанные Н.К. Могилянским и разосланные по линии Губернского статистического комитета, а два его изложения – менее и более полное. Они состояли из таких разделов и пунктов: «Историческая справка», «Бессарабия в археологическом отношении», «Анкета Н.К. Могилянского», «Итоги анкеты», «Валы» (общ. обзор и по уездам), «Курганы» (общ. обзор и по уездам), «Пещеры» (общ. обзор и по уездам), «Остатки древних поселений» (общ. обзор и по уездам), «Древние кладбища», «Монастыри и скиты», «Крепости и укрепления», «Старинные памятники» (общ. обзор и по уездам), «Археологические находки»: *монеты* (по уездам), *другие древние вещи* (по уездам) и «Заключение» и отличались лишь одним: в брошюрном варианте присутствует описание древних поселений по уездам (Прил.).

Таким образом более века тому назад в Бессарабии, без привлечения археологов и историков, но при помощи 800 региональных корреспондентов (также не имевших специальной подготовки) был создан документ, в который входили упоминания и описания почти 1300 самых разнообразных и разновременных па-

[4] Данные о том, сохранились эти документы или нет, отсутствуют.

мятников и находок древности этого региона (в том числе палеонтологических, архитектурных, мемориальных и пр.).

До настоящего времени характеристика и анализ этого примечательного источника археологических и исторических сведений по Бессарабии отсутствует. По разным причинам «Свод» оказался практически неизвестен современным историкам и археологам. Хотя, справедливости ради, заметим, что ценные сведения о монетных кладах, курганах, как и другая значимая информация об интересующих нас древностях региона, приведены в целом ряде археологических работ (Нудельман 1990, 262-263 и сл.; Пармакли, Руссев 1999, 366; Кетрару 2005, 57-59; Щербакова и др. 2008, 7 и сл.; Коваленко и др. 2011; Синика и др. 2013, 5 и сл.; Синика и др. 2016, 15 и сл.; Яровой 2013, 75-80; Яровой 2014; и др.).

Однако прежде чем проанализировать этот труд на предмет его научной ценности и полноты, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать состояние учета древностей региона к 1910-м гг., в частности более ранние попытки создания сводов памятников археологии и истории всей Бессарабии путем анкетирования корреспондентов на местах.

О сборе информации о древностях Бессарабии к 1910-м гг.

Первую из попытку предпринял в 1837-1838 гг. военный губернатор и любитель старины П.И. Федоров, выполняя циркуляр министра внутренних дел Д.Н. Блудова от 9 октября 1837 г. о доставлении губернаторами сведений о наличии древних зданиий, как-то «монастырей, церквей, замков, домов, водопроводов, мостов, развалин стен, остатков древних дорог и пр.». Тогда губернатор приказал полицейским на местах «без замедления доставить точные и полные сведения о древних зданиях, с означением настоящего их положения, и если возможно, то доставить рисунки таковых древностей и изложить вкратце историю существования оных, или предания, кои на их счёт сохранились» (Халиппа 1902, 96).

Ныне в историографии преобладает точка зрения о том, что наиболее полный систематизированный обзор сведений, полученных от полицейских, представлен в алфавитном порядке в первом из двух приложений к статье И.Н. Халиппы «Основные исторические данные о Бессарабии» (Халиппа 1902, 98-115). Однако их анонимный обзор был издан еще в 1839 г., и в нем речь идет в основном о крепостях и церквях Аккермана, Килии, Бендер, Сорок и Каушан. Из других памятников в нем описаны два земляных вала у Леово (Верхний Траянов и Прутский), два керамических водопровода у Каушан, два «фонтана» у Бендер, а также пещерная «скиния» у Сорок и памятник гетману С. Жолкевскому (Сведения 1839) у с. Сударка Дондюшанского района Молдовы. В свою статью И.Н. Халиппа добавил к названным объектам характеристику Хотинского замка, сделанную инженером-подполковником Базаевым (Халиппа 1902, 113-115), а также характеристику десятка *именных курганов Олофсона*, описанных лишь в 1843 г. и опубликованных в 1848 г. (Сапожников, Аргатюк 2018, 99).

Вторую попытку предпринял «правитель делами» Бессарабской ученой архивной комиссии И.Н. Халиппа, сообщивший, «что к бывшему в 1899 г. в Киеве XI Археологическому съезду им были собраны *корреспондентным путем* сведения о находящихся в губернии» памятниках и все они нанесены «на карту, каковую «Археологическую карту Бессарабской губернии» референт и представил к названному съезду, снабдив ее таблицей итогов отдельных категорий древностей. Несмотря на то, что о многих достопримечательных в археологическом отношении местностях, бесспорно, референту не было сообщено, в Бессарабии насчитано: 1464 кургана, 18 пещер, 49 городищ, 2 мастерские каменных орудий, 132 очага (с древними кухонными остатками в земле) и 84 менгира (камни насторчь). Сведения эти, с согласия господина председателя, переданы М. Савинскому (как секретарю Губернского статистического комитета) для помещения в «Обзоре Бессарабской губернии за 1901 год»» (Протоколы 1907, 514-515). Однако в этом, как и в последующих выпусках этого издания, материалы не были опубликованы.

Поскольку шансы найти в ближайшее время рукопись «Археологической карты» И.Г. Халиппы для сравнения со «Сводом» минимальны, мы исходим из того, что в нашем распоряжении наконец-то оказался *первый* более

или менее подробный *каталог памятников археологии и истории Бессарабии*[5].

«Свод» и его разделы

«Свод» был создан в 1913-1916 гг., когда целый ряд находок уникальных кладов и артефактов в Бессарабии уже был сделан, большинство древних земляных валов и крепостей описаны и проведены научные раскопки не только десятков курганов с севера до юго-востока, но и мест обитания людей от трипольских поселений до античных городов[6] (Кетрару 2005; Сапожников 2011; Сапожников 2018а).

Процесс создания «Свода» делится на два этапа. Первый – *подготовку анкет и их рассылку* – выполнил Н.К. Могилянский в 1913-1914 гг., и он в то время не был связан с Бессарабским обществом естествоиспытателей. Второй – *анализ опросных листов и публикацию его результатов* – осуществил Я.М. Эбергардт в 1915-1916 гг. под эгидой Секции антропологии, географии и этнографии Бессарабии этого общества. Сам чиновник подчеркнул, что приведенным перечнем «далеко *не исчерпывается вся масса памятников старины в Бессарабии*, так как ответов получено всего лишь около 800, тогда как в губернии имеется свыше 2000 поселений». Показательна и другая его фраза: «Данные этой анкеты в виде отдельного очерка *появляются в печати* несколько *случайно*. Предприняв подробное статистико-экономическое *описание населенных мест Бессарабской губернии*, автор настоящего очерка любезно *получил возможность* воспользоваться для заполнения в этом труде рубрики по местной археологии *данными упомянутой анкеты*» (Прил.).

Пока нам не удалось установить, какой именно свой труд имел в виду Я.М. Эбергардт, но можно сказать наверняка, что он не был опубликован из-за уже идущей Первой Мировой войны, грядущей Февральской революции и Октябрьского переворота. Однако из этой фразы вытекает, что в 1915 г. инициатор опроса Н.К. Могилянский не распоряжался материалами «Свода», которые, скорее всего, хранились в Губернском статистическом комитете. Тем не менее, соавторами труда с полным правом можно считать и Н.К. Могилянского, и Я.М. Эбергардта (Сапожников 2019).

Ранее отмечалось, что разделы этого труда отличаются друг от друга степенью полноты. Наибольшие пробелы допущены при описании курганов (большая часть которых даже не упоминается) и поселений, наименьшие – земляных валов (Сапожников 2019), но после выявления в брошюре поуездного описания поселений (Прил.) публикуемый источник стал более полным. Сделав такие предуведомления, перейдем к характеристике «Свода» по разделам, опустив вводные части.

Валы. Раздел состоит из обзора оборонительных земляных валов и их описания по уездам. Первый выполнен на основании соответствующего раздела книги «Начертание древней истории Бессарабии» (Вельтман 1828, 16-22). В нем описаны основные валы южной части региона (Верхний и Нижний Траяновы, Нижнеднестровский или Змиев и Прутский), находящиеся главным образом в Буджаке и вдоль низовий долин Прута и Днестра. Но в нем пропущен ряд *коротких валов*: в районе с. Кицканы и Плоп-Штубей в низовьях р. Бык, у с. Орловка, Новосельское и г. Измаил на берегах Дуная (Сапожников 2011; Сапожников 2013).

Вторая часть гораздо ценнее, так как в ней, со слов респондентов, описано до 20 объектов (валы, «редуты» и даже длинные курганы) Северной, Средней Молдовы и восточной части Черновицкой обл. Примечательно, что четыре из них (большой квадратный редут близ Хотина и три вала), находящиеся в самой узкой части Пруто-Днестровского междуречья, были отмечены на «Карте Бессарабской области с показанием Трояновых валов…» 1820-1830-х гг. (рис. 4)[7].

[5] В данной статье не рассматриваются памятники (в основном крепости, валы и поселения), охарактеризованные в описании Буджака 1828 г. (Статистическое 1899) и многочисленные курганы, отмеченные на ряде карт (Прута, Буджака и пр.), снятых с 1816 по 1828 гг. Военно-топографической комиссией Бессарабии (Сапожников 2011, 213-215).

[6] Специфика археологических изысканий в Российской империи в связи с учреждением Императорской Археологической комиссии (ИАК) заключалась в том, что в 1859-1917 гг. для раскопок на государственных землях необходимы были «Открытые листы» от ИАК, которая нередко финансировала эти исследования. Их получение предполагало обоснование необходимости работ, соблюдение методики раскопок, сдачу отчетов, полевой документации, материалов и пр. (ИАК 2009). Раскопки на частных землях этого не требовали и чаще всего проводились за счет принимающей стороны.

[7] «Карта Бессарабской области с показанием Трояновых валов, уездов, городов, почтовых дорог и ближайших селений около означенных валов». Копировал дворянин Федор Банташ. М 10 верст в дюйме (1:420 000). Копия нач. 1840-х гг. (НБУВ; № 15828).

Рис. 4. Земляные валы и укрепления к югу от Хотина («Карта Бессарабской области с показанием Трояновых валов…»; копия начала 1840-х гг.; фрагмент).

Еще одно скопление земляных насыпей, вероятно, в основном длинных курганов, зафиксировано в Сорокском уезде. Среди них названо два-три вала на берегу Днестра у сс. Кременчук и Темелеуцы, но на названной карте они отсутствуют. Из двух объектов Оргеевского уезда на ту же карту нанесен вал между с. Маловата и Верхняя Жора. Отметим также упомянутый в «Своде» вал, тянущийся от с. Пугачены до с. Гура-Быкулуй в Бендерском уезде, который, судя по карте, доходил до с. Варница. Из объектов южной части региона упомянем два коротких вала у с. Саталык-Хаджи (совр. с. Александровка Болградского р-на Украины), сведения о которых в иных источниках отсутствуют.

Курганы. Переходя к этим памятникам, напомним, что в Бессарабии в 1899 г. насчитали 1464 кургана, а в 1913-1914 гг. – 1079. Впрочем, в действительности эти цифры не говорят почти ни о чем, так как путем анализа находившихся с 1857 г. в свободной продаже *бессарабских листов* «Военно-топографической карты Российской империи» (трехверстки; М 1 : 126000) (Сапожников 2011, 214) можно было уже тогда увеличить любую из этих цифр в разы, а ведь есть и более подробные карты.

Так или иначе, на сегодня полноценные сводки могильных насыпей районов, некогда составлявших Бессарабию, отсутствуют. Более того, в отличие от ряда других степных регионов Восточной Европы, для рассматриваемого нами в опубликованном виде нет списка даже крупных и (или) именных курганов. Лишь в прошлом году в южной части Буджака (в пределах Одесской обл. Украины) выявлены и обмерены пять наиболее значимых курганов. Самым крупным, высотой 12,1 и 11,2 м и

длиной 180-185 м, оказался двойной курган *Могила* (Мовиле) на берегу р. Чага (Сапожников, Присяжнюк 2018). Стоит отметить, что наиболее высоким курганом региона считается упомянутый в «Своде» курган *Мэгура* на одноименной горе близ с. Петросу (совр. р-н Унгень Республики Молдова). Его высота составляет от 15 до 16 м[8], диаметр 90-100 м.

Говоря об информативности «Свода», заметим, что в нем далеко не в полной мере отражены памятники, уже исследованные до 1913-1914 гг. Складывается устойчивое впечатление, что автор(ы) «Свода» и не ставили перед собой такую задачу (см. Прил.). В описании курганов присутствует много местных рассказов и поверий, придающих всему труду особый незабываемый колорит: «Проследим несколько наиболее интересных курганов и послушаем, что про них говорит народ» (Прил.).

Здесь же можно упомянуть, что научные раскопки курганов в Буджаке начал в 1888 г. Ф.И. Кнауэр (работал также в 1889, 1891 и 1899 гг.), а продолжили А.А. Матвеев (1890 г.), А.С. Синявский (около 1900 г.) и Д.Я. Самоквасов (1906 г.), изучив всего около 32-33 насыпей в Аккерманском уезде (Сапожников 2018а). Первый курган северной части Молдовы исследовал Э.Р. Штерн в мае 1902 у с. Петрены Сорокского уезда (Штерн 1904). Руководители Бессарабской ученой архивной комиссии А.Л. Крылов и И.Н. Халиппа 20 июля того же года «раскопали» за один день «до 6 курганов высотой аршин по 7 [около 5 м – !?]» у с. Чеколтены Оргеевского уезда. Как ни странно, они полагали, что провели первые раскопки курганов в регионе и даже заявили, что «почин дороже денег» (Крылов 1907; Протоколы 1907, 514)[9]. В 1911 г. обследовали место находки каменной бабы на кургане у с. Надушита Сорокского уезда (Селенгинский 1911; рис. 5). В «Своде» написано что вскоре «фигуру эту разбили» (Прил.). Добавим, что «Бородинский клад» эпохи поздней бронзы выявили немцы-колонисты в 1912 г. в ходе разработки на камень курганных насыпей (Штерн 1914, 1; Сапожников 2018а, 132-133). Кроме того, ряд могильных насыпей упомянут в «Своде» в разделе «Археологические находки» (Прил.).

Рис. 5. «Каменный истукан» из кургана у с. Надушита (фото А.И. Селингинского 1911 г.).

Таков краткий обзор истории изучения курганов Бессарабии до середины 1910-х гг. Подчеркнем, что к поуездному описанию Я.М. Эбергардтом этих памятников нам нечего добавить, за исключением ряда подстрочных примечаний. В целом же перед нами уникальный обзор именных (и не только) курганов региона, легенд и фактов о них, наиболее интересные из которых связаны с находками кладов, могил и древних артефактов.

Пещеры. В разделе охарактеризовано 24 пещеры и грота, 18 из которых располагались на землях Хотинского и Сорокского уездов. О них нам, по сути, также нечего сказать, тем более, что среди них нет ни одного объекта, хоть както связанного с местами пещерных поселений и стоянок людей каменного века, выявленных позднее в северной части региона.

Остатки древних поселений. Начало научных исследований этих памятников археологии

[8] По топографической карте ВТС СССР (лист L-35-Г изд. 1978 г.). См. сведения и фотографию кургана по Хынку 1990, 61-62. Данные об этом кургане также содержатся в «Своде памятников района Унгень», где отмечено, что его высота около 15 м, а диаметр – 40 м (см. Covalenco 1993; Археологические… 1987, 25). Авторы приносят благодарность С.М. Агульникову за информацию и помощь с поиском литературы.

[9] По-видимому, следы именно этих «раскопок» наблюдал и один из авторов этой статьи в 1986 г. в ходе исследования курганов возле с. Чокылтень (Кетрару, Хахеу 1990, 49-50).

региона связано с раскопками Э.Р. Штерна античного города Тиры в Аккермане в 1900, 1903 и 1912 гг. (Кузьмищев 2012, 149-151). Первое первобытное поселение тот же ученый исследовал в 1902-1903 гг. у с. Петрены Надушитской волости Сорокского уезда[10], раскопав 8 обожженных площадок энеолитической культуры Кукутень-Триполье (Штерн 1904; Штерн 1907; Кузьмищев 2012, 142). Если работы в Петренах нашли свое отражение в «Своде» (Прил.), то исследования Э.Р. Штерна в Тире там не упоминаются, не говоря уже о разведках в районе Аккермана, с. Картал (совр. с. Орловка Ренийского р-на Украины) на Дунае и попытках раскопок кургана на берегу Черного моря графом А.С. Уваровым в 1848 г. (Сапожников 2018а, 126-127).

В обобщающей характеристике 66 известных поселений подчеркнуто, что в северной части Бессарабии преобладают укрепленные городища, а в южной – так называемые *селища*. И действительно, в трех буджакских уездах (Бендерском, Аккерманском и Измаильском) отмечено 30 поселений, большая часть которых атрибутирована как турецкие и татарские (Прил.). В 1820-х гг. А.Ф. Вельтман дал им такую характеристику: «Вообще в нижней части Бессарабии или Буджаке… по всем рекам и лощинам рассеяны следы бывших татарских селений. – Эти следы заметны по кучам золы и по густому бурьяну; так, что издали, замечая темноцветное пространство посреди зелени, знаешь, что это *селище* (по молдавскому произношению *селиште*), то есть место бывшего селения. Имена этих селищ сохранились в памяти жителей, например селище Акмангыт, Мангыт, Эдиге, Эникиой и т.д. – После того как буджакские степи розданы правительством для населения, вероятно следы селищ уже стерлись, но названия урочищ долго сохранятся. Проезжая через эти места, поросшие глухой высокой травой, почти невозможно выносить удушливого запаха каких-то диких, мрачных растений, напоминающих бывшую обитель человека. – Селища обыкновенно любимый бульвар куропаток во время вечера. Целыми стадами слетаются они на курганы золы» (Вельтман 1837, 243).

Рис. 6. Селища, села и курганы района Татарбунар («Карта Бессарабии или Буджака…» 1828 г.; фрагмент).

Тема селищ объемна и требует детального изучения. Здесь скажем, что несколько десятков из них упомянуты в описании земельных дач Буджака 1828 г. (Статистическое 1899). Не меньше их число отмечено и на одной из копий «Карты Бессарабии собственно так называемой или Буджака» 1828 г.[11], фрагмент которой мы публикуем впервые. На нем хорошо видны не только селища, которые не были заняты новыми поселенцами, но и новые села, дороги, почтовые станции, большое число курганов и пр. (рис. 6). По двум этим источникам можно выявить большинство селищ Буджака, но заметим, что на некоторых его более ранних планах новые села были отмечены так же, как и старые. Одним из них является «План местоположению около крепости Измаила…» 1815 г. с населенными пунктами Сарык, Дондар, Бабель, Кишла-Татар, Челибе, Сафиян, Аджи-Курдулук и др., а также городом Тучков и старообрядческим монастырем на мысу Богас (рис. 7). Известно, что в то время в некоторых из них строились и уже действовали православные храмы, а гражданское население (вместе с Тучко-

[10] Сам ученый связал с. Петрены с Белецким уездом (Штерн 1904; Штерн 1907). Ныне с. София Дрокиевского р-на Республики Молдова.

[11] «Карта Бессарабии собственно так называемой или Буджака представляющая… с 1822 по 1828 год». Рукописная, в цвете. М 5 верст : 1 дм, 92 × 176 см (РНБ / Рук. отд, ф. 342, д. 447).

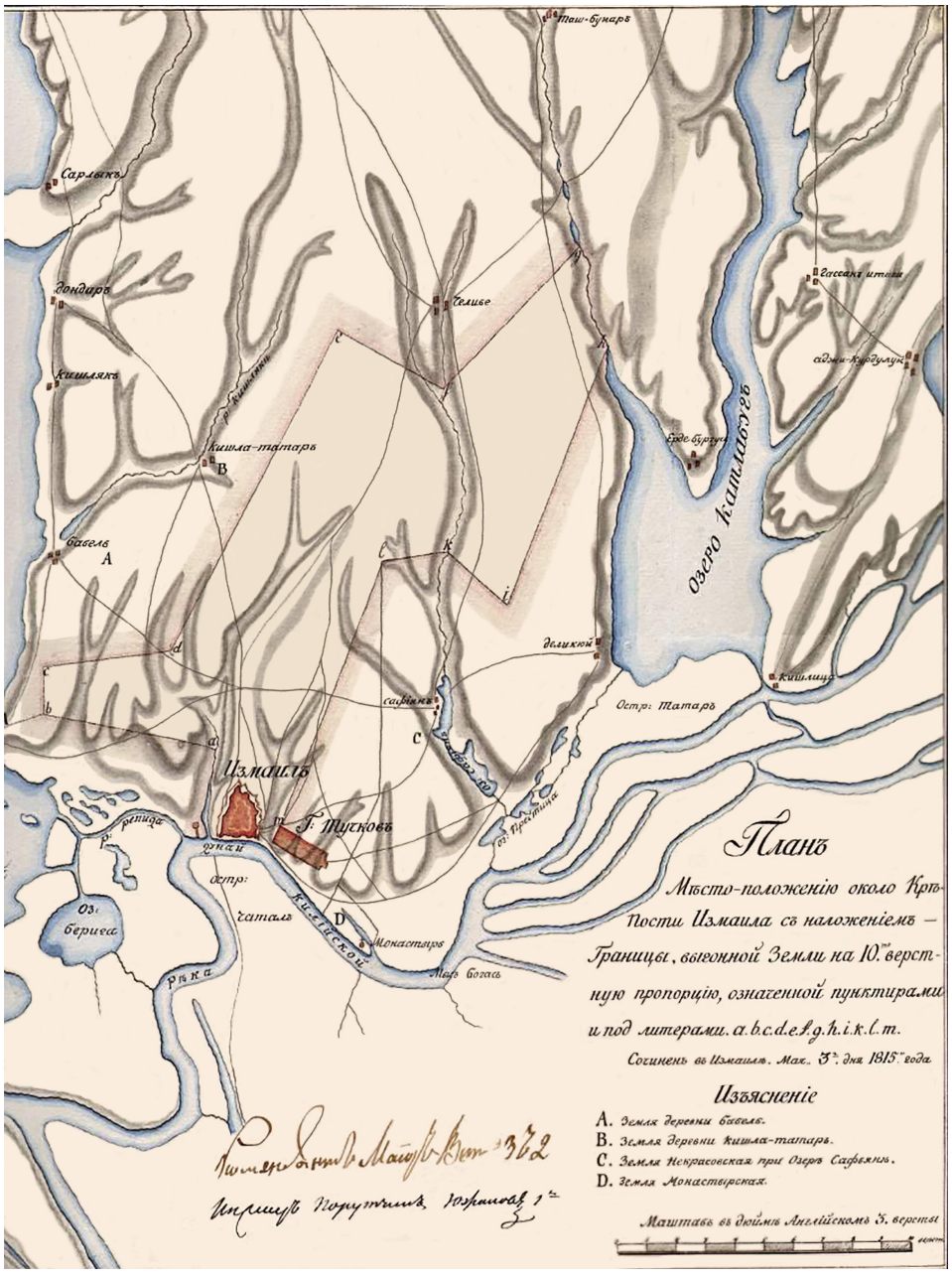


Рис. 7. План Измаила с окрестными селами 1815 г. (Tomuleţ 2012, 211).

вым) состояло из молдаван, болгар, украинцев, русских старообрядцев и греков (Руссев 2013).

В целом же список поселений в «Своде» является весьма разношерстным, так как в него попали как объекты фортификации – земляные крепости, редуты и даже лагерь войск короля Карла XII (Сапожников, Левчук 2017)[12], так и руины отдельных культовых зданий – каменный пол старой церкви и пр. (Прил.).

Древние кладбища охарактеризованы Я.М. Эбергардтом без какой-либо конкретики, что избавляет нас от анализа этого раздела.

Монастыри и скиты, которых в 1910-х гг. в Бессарабии действовало 23, также не описаны. Из 17 закрытых монастырей упомянуты два – пещерный Городиште на берегу Днестра и руины старообрядческого скита у с. Пискарешты Оргеевского уезда (Прил.). Первый из

[12] Подробнее об этом уникальном объекте, его исследованиях и музеефикации, проведенной Национальным музеем истории Молдовы, см. Sava, Ploşniţa 2017.

Рис. 8. Бак для керосина внутри Аккерманской крепости (фото 1910-х гг.).

них близ с. Ципова Резинского района дважды описал А.Ф. Вельтман в 1820-х гг. – в романе «Странник» (Вельтман 1978, 19-20) и в «Воспоминаниях о Бессарабии»: «Верстах в сорока от Орхея, на Днестре, в вершине береговых скал, есть монастырь – Городище. Смотря снизу, от реки, кельи кажутся норами птиц. Скалы стоят стеной. Взобравшись на гору в объезд по каменистой, крутой дороге, вы найдете там несколько домов, принадлежащих монастырю, обитель настоятеля и сады; настоятель поведет вас через сад к вершине скалы; вышина ужаснет вас, когда вы приблизитесь к обрыву, и станете спускаться по узенькой вырубленной снаружи лесенке; по положенной над обрывом доске, вы перейдете в старую церковь и в искусственные пещеры, вырубленные в камне; в последнюю должно пролезать сквозь узкой проруб. Здесь хранится несколько старых пищалей, и широкое отверстие наружу, заделано толстыми дубовыми досками, в которых прорублены ружейные амбразуры. – Говорят, что здесь в старину христиане скрывались от татар. – Возвратившись на уступ скалы, составляющий площадку, вы помолитесь Богу в новой церкви, вырубленной также в камне, посетите трапезную и калугерей в их пещерках, с одним окошечком и трубой выведенной наружу скалы. Высота скалы над Днестром до 100 саж.» (Вельтман 1837, 247-248).

Крепости и укрепления. В этом разделе Я.М. Эбергардт перечислил основные каменные крепости Бессарабии, по которым существует обширная литература. Из менее известных он упомянул руины Татарбунарского замка[13] и ряд древних городищ, расположенных как на юге, так и на севере. Особое внимание уделено сохранению Хотинских укреплений и использованию Аккерманской крепости как склада керосина (рис. 8). Раздел завершен такими актуальными словами: «Вот таково здесь отношение к историческим памятникам. А ведь памятники эти так жаль, так бесконечно жаль…».

[13] Об этой крепости и ее раскопках 2018 года см. Сапожников 2018б.

Старинные памятники. В этом разделе, кроме нескольких каменных столбов с надписями и без них, описаны объекты, имеющие к археологии косвенное отношение, например, знак на месте смерти князя Г.А. Потемкина в 1791 г. Одним из уникальных памятников региона, конечно, является обелиск на месте гибели гетмана Станислава Жолкевского в 1620 г. (Хиждеу 1844). С точки зрения археологии интересны памятники у сел Кырнацены, Поповка, Фештелица и особенно «старинный фонтан с камнями и какими-то надписями» близ с. Ташлык (совр. с. Каменское Арцизского р-на Украины).

Археологические находки. Один из самых информативных разделов труда состоит из двух частей, первая – посвящена монетам. Правда, в нем нет сведений о ряде находок, сделанных до 1910-х гг., из которых абсолютно уникален клад из более 1000 древнегреческих золотых статеров (Придик 1902), выявленный в 1895 г. местными жителями у с. Анадол (совр. с. Долинское Ренийского р-на Украины). Как говорилось выше, часть описанных кладов уже вошла в нумизматические сводки (Нудельман 1990; и др.). Вторая часть представляет собой перечень находок ископаемых костей и самых разных артефактов, датированных от доисторических эпох до османского времени. Автор особо подчеркнул богатство Аккерманского уезда археологическими находками, одна из которых была совершена в «одном кургане» возле упомянутого выше с. Ташлык.

Заключение

Если сравнить только что проанализированный труд с одновременными сводами памятников соседних территорий, то более всего он похож на две классические сводки памятников Херсонской губернии (Ястребов 1894; Гошкевич 1903), которые более столетия являются настольными книгами для археологов Юга Украины и Молдовы. Совершенно очевидно, что этот «Свод» является не менее значимым и наверняка займет свое достойное место в историографии. Особо подчеркнем, что в нем приведены не только рассказы с курьезными сюжетами и полуфантастические побасенки, собранные корреспондентами у простых жителей Бессарабии более века тому назад, а набор бесценных фактов, который с полным правом следует охарактеризовать как «дорожную карту» археолога-полевика. Имея под рукой такой кладезь информации, можно проводить по нему разведки, проверяя на местности, в какой мере тот или иной факт соответствует действительности. Не исключено, что некоторые из них приведут к открытию новых памятников и их раскопкам.

«Свод» в двух своих вариантах также является важным свидетельством «взаимодействия» властей и населения. Ведь первоначально он печатался в газете, что являлось важным элементом просвещения, донесения важных сведений до публики и показателем, что собираемые государственными структурами анкеты не являются формальностью и не остаются без ответа. Это было примечательным явлением тогдашней действительности. Например, В.К. Гульдман первоначально печатал свои очерки о памятниках старины в «Подольских ведомостях» (1893/95-1900/01 гг.), а затем издал их в виде отдельной книги (Гульдман 1901; см. Смирнова и др. 2018, 19).

Стоит отметить, что в брошюре содержатся палеонтологические, геологические, исторические и даже этнографические сюжеты, которые в сумме составляют уникальную картину коллективных представлений о древностях Бессарабии, бытовавшую среди ее населения более века тому назад. Это «коллективное бессознательное» тогдашних жителей региона: рожденных здесь, но также и прибывших для освоения этих земель и ставших бессарабцами по велению души и сердца.

Приложение

Яков Эбергардт

Памятники старины и археологические находки в Бессарабии
(Эбергардт 1916, 1-50)[14]

Историческая справка. Нынешняя Бессарабская губерния, благодаря своему географическому положению между рр. Днестром, Прутом, Дунаем и Черным морем на самом рубеже древнего мира, была обитаема с незапамятных времен. Ограничивая Запад Европы от Востока, страна эта в течение бесконечной вереницы веков, даже, можно сказать, в течение целых тысячелетий, постоянно служила ареной кровавых столкновений народов, вплоть до начала прошлого столетия, когда натиск восточных племен окончательно был сломлен.

Непрерывные войны и походы приводили в эту страну, кажется, все известные истории воинственные племена, начиная от скифов, минуя полчища Атиллы и Тамерлана и кончая турками. История насчитывает свыше двадцати различных племен и народностей, заселявших в разные эпохи нынешнюю Бессарабию или совершавших на эту страну походы. Тут происходили великие события, тут решались судьбы целых народов. /4/

Бессарабия в археологическом отношении. От всех древних обитателей нынешней Бессарабии, живших здесь более или менее продолжительное время, сохранилось и до наших дней множество памятников, достойных самого подробного изучения, но, к сожалению, до сих пор еще не изученных. Много старинных укреплений и крепостей более позднего периода; масса валов, курганов, пещерных жилищ древнего человека, остатков древних поселений и кладбищ – все это властно заявляет о своем праве на интерес к ним, о необходимости самого близкого и тщательного исследования. Можно сказать, что Бессарабия в отношении богатств историко-археологического характера занимает одно из первых мест среди стран всего мира.

Анкета Н.К. Могилянского. Первый почин в деле более подробного исследования памятников страны Бессарабии был положен три года тому назад анкетой Н.К. Могилянского. В 1913 году по адресам корреспондентов статистического отдела губернского земства Н.К. Могилянским был разослан анкетный листок для заполнения ответами об имеющихся здесь памятниках старины и о встречающихся археологических находках, и это предприятие дало очень удовлетворительные для начала результаты.

Правда, данные этой анкеты в виде отдельного очерка появляются в печати несколько случайно. Предприняв подробное статистико-экономическое /5/ описание населенных мест Бессарабской губернии, автор настоящего очерка любезно получил возможность воспользоваться для заполнения в этом труде рубрики по местной археологии данными упомянутой анкеты.

При этом надо, однако, указать на то, что предлагаемый очерк не есть научный труд по археологии Бессарабии, а только группировка и систематизация тех сведений, которые можно было почерпнуть из ответов, полученных путем указанной выше анкеты. Вообще и сама анкета не может быть рассматриваема как что-то научно законченное. Она является только материалом, на основании которого можно составить хороший, быть может, не очень полный, но все же весьма необходимый путеводитель по древней Бессарабии – указатель достопримечательных мест и памятников старины, требующих детального изучения компетентными лицами и специалистами.

Потому-то я не буду делать никаких дерзких выводов и заключений, предоставляя это знатокам археологам, а буду говорить лишь о том, что дали мне ответы анкетного листка.

Итоги анкеты. По предварительным подсчетам, в анкете имеются указания на существование в Бессарабии 28 насыпей-валов, 1079 курганов, 24 пещер, 66 древних городов или селищ и 94 древних кладбищ. Все эти

[14] В виду того, что разделы брошюры были оформлены в разных стилях, весь текст приведен к единообразию с общей системой сокращений. Кроме общепринятых, использованы: арш. – аршин, вол. – волость, г. – город, дес. – десятина, м. – местечко, р. – река, р-н – район, с. – село, саж. – сажень, сс. – села, стороны света – С, Ю, З, В,

памятники разбросаны по губернии повсеместно, причем в отношении к территории /6/ отдельных местностей больше всего их находится в трех северных уездах – Хотинском, Сорокском и Белецком; несколько меньше – в южной части губернии, в уездах: Бендерском, Аккерманском и Измаильском, и сравнительно мало в двух средних уездах – Кишиневском и Оргеевском.

По отдельным уездам эти памятники распределяются так:

Уезды	Валов	Курганов	Пещер	Городищ	Древних кладбищ	Итого*
Хотинский	6	96	9	10	10	131
Сорокский	10	119	9	11	26	175
Белецкий	1	242	3	7	1	254
Оргеевский	2	56	2	3	18	81
Кишиневский	2	36	-	5	13	56
Бендерский	2	138	1	5	5	151
Аккерманский	3	257	-	12	18	290
Измаильский	2	135	-	13	3	153
Всего:*	28	1079	24	66	94	1291

* правый столбец и нижняя строка добавлены нами. – *И.С. и М.К.* Как видим, в эти общие подсчеты не входят памятники, монастыри и скиты, а также клады и отдельные находки. – *И.С. и М.К.*

Конечно, нельзя утверждать, что приведенные выше цифры безусловно точны. С уверенностью можно сказать, что ими далеко не исчерпывается вся масса памятников старины в Бессарабии, так как ответов получено всего лишь около 800, тогда как в губернии имеется свыше 2000 поселений. С другой стороны, надо думать, что в иных местах получилось некоторое преувеличение цифр, например, о количестве курганов. Часто встречаются показания двух или трех корреспондентов смежных поселений, упоминающих об одном и том же кургане /7/ – «в окрестности» или «вблизи» села. Если курган имеет особое название, то задача решается просто: он показывается только в одном из этих поселений; но при отсутствии в большинстве случаев отдельных названий, безымянный курган показывается в двух–трех местах. Перейдем теперь к рассмотрению отдельных видов этих памятников.

Валы. Из валов Бессарабии самые замечательные Верхний и Нижний Траяновы валы. Верхний Траянов вал тянется сначала вдоль левого нагорного берега речки Ботны, притока Днестра, а затем, пересекая эту речку, проходит на З через всю губернию, вплоть до местечка Леово на румынской границе. От Леово до с. Ваду-луй-Исак, расположенного немного ниже города Кагула, видны следы вала, не имеющего особого названия, но принадлежащего к общей системе Траяновых валов. От Ваду-луй-Исак, в свою очередь, начинается самый главный и лучше всех сохранившийся Нижний Траянов вал. Изгибаясь к В, он проходит от названного селения мимо северной оконечности озера Ялпуха и делает новый изгиб на ЮВ до вершины озера Катлабуга. Тут же от него отделяется под острым углом другая его отрасль, которая направляется ломаной линией на СВ, проходя над /8/ вершиной озера Китай и вдаваясь небольшим углом в пределы Аккерманского уезда (всего на 6 верст), а затем снова поворачивает вниз до соленого озера Сасика.

По некоторым литературным источникам Траянов вал имеет свое начало около Петервардейна и, проходя через Венгрию, Трансильванию, Валахию, Молдавию и нынешнюю Бессарабию, идет отсюда еще далее на В до самого Дона. Однако в настоящее время от упомянутого озера Сасика дальнейших следов вала не видно: они до наших дней не сохранились.

Зато к СЗ от г. Аккермана, по покатости нагорного берега Днестра, выше впадения его в лиман, местами сохранились следы вала, известного под названием Змеевого или Змеиного. Этим последним и исчерпываются валы Южной Бессарабии.

Если взглянуть на карту Бессарабской губернии, на которой в большинстве изданий отмечены оба Траянова вала, и если затем навести по обеим границам губернии, как со стороны Прута, так и со стороны Днестра, указанные выше второстепенные линии валов, соединяющих Верхний Траянов вал с Нижним, то можно убедиться, что все валы юга Бессарабии, обнимая весь так называемый «Буджак», составляют как бы один обширный редут, заключающий в себе целый край.

Это обстоятельство оправдывает некоторым образом установившееся /9/ предположение, что названные валы – сооруженные ли Траяном для защиты своих подданных от вторжения в их пределы других народов или другими народами против Траяна, – в старину просто означали государственную границу различных владений, хотя некоторые историки полагают, что валы эти служили укреплениями для обороны страны.

Кроме этих главных валов, об остатках древних насыпей этого рода в анкете упоминается еще в 20 разных местах губернии, которые и проследим, начиная с крайнего севера Бессарабии.

Хотинский уезд. 1) В лесу близ с. Грозинец находится любопытный вал, насыпанный, по словам местного населения, по распоряжению императрицы Екатерины в одну из войн с турками. По поводу этого редута и находящегося вблизи на «Лысой горе» кургана у местных жителей создалась следующая легенда: «Война длилась 30 лет и люди «ховались» от неприятеля в лесах. Имели они «возы» с двумя дышлами – одно спереди, другое сзади, – а на могилах (то есть курганах) были устроены из дерева высокие «вельхи», и там сидел человек и указывал, с которой стороны идет неприятель. Народ де не имел времени возы поворачивать, потому только лошадей перепряг в заднее дышло и давай бежать в ту сторону, куда указывал палкой человек /10/ на вельхе».

2) К ЮЗ мимо сс. Дарабан и Анадол, расположенных по Днестру, в одной линии с г. Хотином, немного ниже последнего идет вал под названием «Турецкий».

3) В двух верстах от с. Сталинешт начинается насыпь (говорят, турецкая), носящая название «Шанц», которая, направляясь к Пруту, проходит мимо с. Кишло Салиево до с. Кривой.

4) Такая же насыпь (быть может, даже часть только что упомянутой) упоминается в с. Грушевцы Кельменецкой вол.

5) Через имение Селище и Шебутинцы Романкоуцкой вол. с Ю на СВ на протяжении около 5-6 верст идет вал под названием «Валок».

6) К СВ от с. Грубно Бричанской вол. имеются еле заметные следы одного, видимо, весьма значительного в свое время вала. Ниже к ЮЗ от села продолжение этого вала сохранилось лучше и дает возможность судить о его первоначальных грандиозных размерах. Тянется он через несколько имений от Днестра к Пруту и почему-то, по свидетельству корреспондента, называется «Траяновым валом».

Сорокский уезд. 1) Корреспондент сс. Ярово и Собар Арионештской вол. указывает на большой вал, который начинается от Днестра около с. Кременчука и тянется к З на много верст, говорит, до самого Прута. Вал якобы насыпан во время /11/ войны, а иные говорят, что под ним похоронены турки.

2) В 3 верстах к В от с. Плоп-Траистен [с. Плоп Дондюшанского р-на] Тырновской вол. проходит вал в 125 саж. длины.

3) Близ сс. Торжинцы и Рубленицы находится 4 вала (хотя это скорее не валы, а курганы). Между тремя из них, носящих название «Замчиско», по рассказам местных жителей, находится погреб с кладом. Корреспондент уверяет даже, что один человек нашел кучу денег, но из страха и радости воскликнул: «Что я буду делать с такой массой денег?!» – и деньги тогда ушли обратно в землю, а у него в руках остались только 3 монеты.

Между прочим, надо сказать, что все возможные клады являются для корреспондентов самой излюбленной темой для всяких легенд и рассказов; о кладах говорят очень многие и иногда не без основания.

Под четвертым из указанных курганов-валов, носящих название «мормынту Уриешулуй» (могила великана), имеющим в длину около 30 саж., говорят, похоронен какой-то семилетний «уриеш», то есть *великан.*

4) Корреспондент с. Темелеуц Васкоуцкой вол. упоминает о валах, которые идут от названого села: в одну сторону – к г. Оргееву и в другую – к с. Воловице, находящемуся в соседней Околинской вол.

5) Близ с. Старой Кобыльни Котюжанской вол. параллельно идут два вала /12/ около 100 саж. длины каждый, отделенных друг от друга промежутком в 30–40 саж. Недавно один из них стал с одного конца обрываться, причем обнаружился какой-то каменный крест без надписи.

6) Довольно заметный вал идет от с. Солонца Околинской вол. к с. Сенатовке Васкоуцкой вол.

Белецкий уезд. Близ с. Корпачи Забричанской вол. от Прута по направлению к СВ идет вал, местами очень хорошо сохранившийся.

Оргеевский уезд. 1) К В от с. Мигулен Резенской вол. имеется вал версты 3 длины, идущий по направлению к соседнему селу Глинженам.

2) Затем от с. Маловатой к с. Жорам идет вал, продолжение которого находится и с другой стороны Днестра в Подольской губернии.

Кишиневский уезд. 1) Около с. Городища Новачской вол. имеется курган, обнесенный валом.

2) Около с. Фарладан Костешской вол. также упоминаются какие-то валы.

Бендерский уезд. 1) От с. Пугачен через Шерпены и далее до с. Гура-Быкулуй Телицкой вол. идет значительный и довольно хорошо сохранившийся вал.

2) В этом же уезде находится большая часть Верхнего Траянова вала, описанного в начале. Он пересекает поперек весь уезд, отделяя его верхнюю половину от нижней. /13/

Аккерманский уезд. Тут, кроме упомянутого раньше Змеиного [Змеевого] вала, находятся еще два незначительных вала, а именно близ с. Саталык-Хаджи Ивановско-Болгарской вол., возникновение которых относят ко времени русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Измаильский уезд. Здесь имеются описанные раньше: весь Нижний Траянов вал, часть Верхнего и соединяющая их между собой линия валов от м. Леово до с. Ваду-луй-Исак.

Если бы нанести на карту все описанные валы, то, может быть, во многих местах получились бы системы валов подобно той, которая получается в Южной Бессарабии из Траяновых и соединяющих их между собой второстепенных линий валов. Но это возможно будет сделать лишь после более близкого и более подробного исследования валов Бессарабии.

Курганы. От валов мы переходим к другому виду древних насыпей – к курганам. Как показали итоги анкеты, их насчитывается 1079. Они встречаются в Бессарабии повсеместно, причем больше их находится на севере и юге и меньше – в центральной полосе губернии. Как по роду и назначению этих курганов, так и по времени их возникновения они распределяются на несколько категорий: в первом случае – на могильные и сторожевые, а во втором – на курганы доскифского /14/ (киммерийского), скифского происхождения, дакийского и народов позднейших эпох.

Могильные курганы различных народов отличаются между собою как их расположением, так и по находимым в них остаткам похоронных обрядов. Так, из истории нам известно, что скифы, например, хоронили вместе со своими царями одну из жен умершего, министра, повара, кучера, часть прислуги и любимого коня, даки обычно сжигали трупы умерших и хоронили урну с пеплом и некоторые драгоценные вещи; гунны же и позднейшие народы просто зарывали труп умершего вместе с его оружием и некоторыми вещами.

Сторожевые курганы в виде целых систем встречаются в Бессарабии в двух местах. Первая линия их находится в Белецком уезде над р. Прутом, где в последний впадает речка Чугор [Чугур], между сс. Костешты Забричанской и Бранешты Болотинской вол., причем вся эта линия курганов у местного населения носит название «сута де можиле», то есть *сто курганов* или *сто могил*[15].

Вторая линия сторожевых курганов начинается несколько южнее г. Бендер, откуда поворачивает к Днестру и оканчивается ниже с. Копанки Бендерского уезда.

Большинство бессарабских курганов не имеет особых названий; их просто называют *курганами*, *могилами* или по-молдавски «можилы». В Аккерманском /15/ уезде встречается еще одно название: *кучугуры*. Форма курганов обыкновенно напоминает полушарие; редко встречаются остроконечные, которые можно было бы отнести к позднейшим временам. Вышина их бывает разная, но чаще

[15] Описаны А.Ф. Вельтманом в романе «Странник» и рассказе «Костештские скалы» (Вельтман 1978, 77, 228-233) (Прим. И.С. и М.К.)

всего от 2 до 5 саж. Правда, встречаются показания и в 10, 15, 20 и даже 50 саж. вышины, но такие показания порождают сомнения: тут, несомненно, корреспонденты берут не разрез кургана, а просто расстояние от подножия его до вершины.

В анкете часто упоминается о курганах чрезвычайно маленьких (в ½ саж. до 2 арш. вышины). Это, скорее всего, не курганы, а просто межевые знаки-бугорки, оставшиеся от генерального межевания. На это явно указывают находимые под такими буграми камни, которые напоминают старое землемерное правило: «на каждом повороте обмежеванной дачи выкапывать яму и в оную бросать нетленные предметы – камни или уголь, – такие, чтобы человек едва снести мог, и яму засыпать землею».

К счастью археолога, такие подозрительные курганы мало-помалу исчезают: течение времени и плуг пахаря выравнивают их постепенно с окружающей местностью. Но с другой стороны, той же участи нередко подвергаются и настоящие курганы.

Характерно отметить, что о большинстве более или менее видных курганов у местного населения существует масса рассказов и легенд. Непременно /16/ под курганом или недалеко от него зарыт какой-нибудь клад, какое-нибудь огромное богатство. Эти рассказы нередко пестрят самой удивительной фантазией и невероятно таинственными прикрасами, но также нередко они базируются и на твердом фундаменте – на действительных находках. Проследим несколько наиболее интересных курганов и послушаем, что про них говорит народ.

Из [96] курганов *Хотинского уезда* замечательны следующие. Во-первых, курганы-валы «Лысая Гора» и «Санкоуцы» около с. Клишковец, о которых упомянуто уже в отделе валов. Затем находящиеся вблизи с. Ракитны Новоселицкой вол. курганы «Бортоса» и «Иоржинка», из которых на последнем находится какой-то камень. Возле с. Ревкоуц Новоселицкой же вол. на холме возвышается курган под названием «Высокий», который виднеется с расстояния в 25 верст. Корреспондент названного села говорит об этом кургане почти аналогичное тому, что сказал другой корреспондент о курганах Бортоса и Иоржинка. Он пишет: «Старые люди рассказывают, что на этой могиле была «вельха» – и поясняет значение этого слова: «то есть елка с пучком соломы и когда подходили турки, эту солому поджигали и куда поворачивал человек вельхой, туда и уходили крестьяне». /17/

Около сс. Ленкеуц и Коновки Кельменецкой вол. любопытны так называемые «Макаровские шанцы».

Между сс. Лопатником и Богданештами находится курган также названный «Бортоса», который по типу своему напоминает так называемые «майданы» – с углублением посередине и следами боковых ходов. Рассказывают, что в былые времена под этим курганом скрывались разбойники, имевшие будто бы подземный ход от кургана до р. Прута. В действительности и ныне идет от него по направлению к Пруту ров, который быть может и есть провалившийся ход. Между прочим, в том кургане найдено крестьянами несколько сот старинных монет, из которых одна даже прислана при анкете.

В *Сорокском уезде* 119 курганов. Около с. Коболты Надушитской вол. курган, на котором имеется каменный крест с румынской надписью. Около с. Извор той же вол. большой курган под названием «Циглеу».

В полуверсте к В от с. Старая Кобыльня, уже известного нам по двум валам, о которых упомянуто выше, находится весьма любопытный курган под названием «Можила-луй-Пантелеймон». Он имеет вид креста, с ЮЗ остроконечный, а с другой, именно восточной стороны, кончается скалой. Тут же виднеются две ямы, которые, можно полагать, служили входами внутрь кургана. /18/ Сооружение кургана население приписывает туркам; близлежащая местность и поныне называется «Фынтына-туркулуй». Вообще район около Старой Кобыльни чрезвычайно интересен и, по-видимому, богат в археологическом отношении, а «Можила-луй-Пантелеймон» пользуется известностью далеко за пределами этой местности. Разумеется, известен этот курган потому, что под ним зарыты богатые клады, которые, однако, нельзя раскопать, так как на них лежит какое-то роковое проклятие. Местный сельский писарь свидетельствует о том, что кто-то вздумал однажды раскопать могилу, но смельчак при этом «был отброшен какой-то неведомой силой».

Григорий С. из с. Жабки пишет, что в смежной с Луй-Пантелеймоном местности под на-

званием «Козинца», к СЗ от той же Старой Кобыльни, в низине, в лесу зарыто десять подвод турецкого золота и серебра всякого. «Турецкая волость, говорит он, закопала и лошадьми землю приорала, чтобы и следов не было». В 1900 году один человек, – пишет дальше Григорий С., – копал, как ему было указано одним 129-летним стариком, жившим еще при турках, и нашел знаки, какие указал старик, – истинно так верно, три знака: белые камни, сложенные в кучи, как ядра, дубовые доски и под ними дырка, как от крота, выложенная мешеной глиной, как горшок, и ясно было видно, что дырка сделана двумя пальцами – указательным /19/ и другим. Но копавший – старый николаевский солдат – больше не имел силы копать. А копать надо было еще до красного камня, а там и деньги, – так сказали 129-летнему старику турки... «Оченно обидно, то есть жалко, – заканчивает корреспондент, – место это без внимания оставлять, да много надо труда и расходов. Но зато десять подвод серебра и золота-то было бы на много царских расходов больших. Покорнейше просим сие писание во внимание понимать, а если подлинно – и место сейчас указать могу».

В *Белецком уезде* 242 кургана, из которых особого внимания достойны следующие. Близ с. Кукуецы Веки Глодянской вол. находится ряд интересных курганов под названием «Суворовские». Они расположены на вершинах холмов, а подножия этих холмов местами изрезаны узкими прокопанными дорогами. Вокруг с. Глодян расположены курганы: «Сочи», «Татарилор», «Гултурулуй» и «Петруни». Эти курганы, по преданию, насыпаны турками или татарами и служили наблюдательными пунктами. Действительно о принадлежности их к разряду сторожевых курганов можно судить по тому, что с их вершин видно очень далеко. Тут же находится большой курган-вал «Уриеш».

В 1 версте к Ю от с. Аврамен Болотинской вол. вдоль берега Прута расположен ряд курганов «Сута-де-можиле» (сто могил), о которых было /20/ сказано выше.

К З от с. Старые Лимбены Фалештской вол. снова есть курган под названием «Уриеш», причем корреспондент нарочно указывает на то, что этот курган-вал точь-в-точь такой же, какой имеется около с. Рубленицы Сорокского уезда (о последнем упомянуто в отделе валов).

В Корнештской вол. около с. Негуры, на вершине горы того же названия находится высокий курган, очевидно, сторожевой. Гора Мегура [Мэгура], между прочим, является одной из самых высоких точек во всей Бессарабии[16]; отсюда в ясную погоду виден румынский город Яссы, отстоящий на расстоянии 40 верст.

Из 56 курганов *Оргеевского уезда* интересны следующие. Около с. Алчедар Резенской вол. имеется курган, носящий у местного населения название «Четацуя», то есть крепость. Этот курган был *раскопан ИАК*[17]. Затем кругом с. Саратены Чеколтенской вол. разбросано до 20 курганов разной формы и величины.

В *Кишиневском уезде* из 36 курганов особенно интересен курган «Джамана» (то есть Близнецы), находящийся около с. Бужор. Он состоит из двух расположенных рядом больших курганов, из которых один немного ниже другого. Конечно, и под этим курганом закопан клад, по определению корреспондента – турецкий и очень богатый. Но, к сожалению, он /21/ также недоступен простым смертным, как и большинство бессарабских кладов. «Так что, – говорит корреспондент, – никто приступить не может потому, что ночью оттуда выходит какой-то огромный баран».

Вообще надо думать, что местность около с. Бужор, а также около с. Шишкан для археологии интересны. Затем упоминается еще один довольно видный курган «Четатя турчаскы», находящийся немного ниже с. Гырлы.

В *Бендерском уезде* 138 курганов. Назовем следующие. Около с. Чок-Майдан Комратской вол. имеется два кургана, за которыми сохранились татарские названия «Бююк» и «Кючюк» («Большой» и «Малый»). Близ с. Беш-Гиоз Чадыр-Лунгской вол. в полосе расположения нескольких курганов, по рассказам старожилов, тоже закопан какой-то злосчастный клад. Корреспондент говорит, что «один человек искал тут клады, но что с ним случилось – никто не знает. Только привез домой, лег в постель и помер».

[16] Абс. отметка вершины кургана +387,6 м (См. выше), а высшей точкой Молдовы с отметкой +428,2 м является гора Баланешты (*Bălăneşti или* Крэкан), в 60 км к З от Кишинёва. Известно также, что в 1915 г. геолог Т. Поручик нашел у подножия Мэгуры каменную зернотерку, которая хранится в Национальном музее этнографии и естественной истории Молдовы (Мельникова 2005, 320).

[17] Эта информация не нашла подтверждения (И.С. и М.К.).

В *Аккерманском уезде* 257 курганов. Интересен курган около с. Талмазы, где было найдено много различных предметов.

Кругом с. Гура-Роши Паланкской вол. расположено 8 курганов; на самом большом из них, на берегу Днестровского лимана – камень «с какой-то надписью».

В одном кургане близ с. Волонтировка /22/ при раскопках был найден человеческий скелет «стоячий», как выражается корреспондент, «а на голове – невроку – было штук десять больших камней».

Близ с. Марьяновка I большой курган, под которым тоже «огромный запас турецкого золота». Некоторые видели даже пламя над деньгами, но люди боятся приступить к раскопкам. «Может, Бог даст, все-таки найдем турецкое золото», говорит корреспондент.

Около с. Молодово имеется курган, раскопанный профессором Киевского университета Кнауэром, причем найдено 2 скелета и разбитая посуда. Тот же Кнауэр, сам уроженец с. Сараты, раскопал и вблизи последнего 3 кургана; тут были найдены скелеты людей и лошадей, предметы вооружения и мелкие золотые вещи[18].

Из цепи курганов, расположенных к Ю от с. Павловка Татар-Бунарской вол., самый большой, по словам корреспондента, был раскопан «инженером из села Петербурга» в 1892 году (очевидно, это указание на раскопки, произведенные здесь около того времени ИАК). При раскопке найдены монеты, стрелы и скелеты. Из них один скелет человека больше сажени росту; нижняя челюсть широкая, кости крупные[19].

В *Измаильском уезде* 135 курганов. Около с. Вайсал местные жители разрыли курган в поисках клада и нашли скелет и глиняный ковш. /23/ Тут же под курганом был обнаружен боковой ход, пол которого выложен камнем.

Близ с. Кара-Махмет большой курган, про который местный корреспондент пишет следующее: «Лет 15 тому назад, на кургане еврей держал корчму, которая служила притоном для воров и разбойников. Позднее убили и ограбили и самого хозяина корчмы. Пошли разговоры, что у убитого корчмаря, зарытого в кургане, много денег, и вот нашлись любители, которые принялись за раскопку кургана. Но то, что они нашли, принесло им только разочарование; это были кости людей и лошадей, железная посуда и утварь и никчемные старые медные монеты *с нерусскими надписями*».

Курьезные сведения о происхождении курганов вообще дает корреспондент с. Эскиполос [Глубокое Татарбунарского р-на]: «то дети великанов играли в песочки и от этих игр остались такие курганы». Интересно, какими колоссами представляют себе местные жители самих-то великанов?!

Заканчивая обзор о курганах, позволю себе сообщить еще некоторые сведения о двух курганах, случайно разрытых в Аккермане несколько лет тому назад, остатки которых я видел сам.

Берег Днестровского лимана под значительной частью самого города и ниже его в садах по направлению к посаду Шабо состоит из одной сплошной скалы. Почва толщиной приблизительно /24/ в 2½-3 арш. от поверхности до основания скалы – сплошной песок. И тут в некоторых местах, в видах улучшения культуры виноградников, с одной стороны, и выгодности добывания камня – с другой, сносят слой песка, обнажая таким образом сверху скалу, а последнюю начинают раздроблять. Перенесенный на новое место песок в смеси с мелкими осколками камня дает для разведения виноградников новую хорошую почву, которую здесь называют «жерствой».

На одном таком месте, на берегу лимана возвышалось два кургана, которые во время производства упомянутой работы были разрыты и снесены. Под курганами оказались какие-то склепы, сложенные из огромных каменных призм, которые образуют свод, поддерживаемый с двух концов полукруглыми кверху стенками из таких же камней. С одного такого склепа часть камней успели раздробить и снести, а часть в разобранном виде валяется тут же на берегу и сейчас.

Склеп, найденный под вторым курганом, разобрали лишь наполовину. Пол внутри склепа

[18] Речь идет о трех курганах, исследованных по поручению ИАК Ф.И. Кнауэром на землях с. Фриденсфельд (Мирнополье) в 1899 г. и о 6 насыпях, которые он же раскопал на землях с. Сарата в 1888-1889 гг. (Сапожников 2018а).

[19] У Павловки Ф.И. Кнауэр раскопал двойной (спаренный) курган в 1891 г. (Там же).

выложен камнем, за исключением двух расположенных рядом углублений в виде гробниц длиной приблизительно в 3 арш., а шириной в аршин. Любопытнее всего орнаменты на внутренних стенках; они совершенно непонятны или даже загадочны. Не представляя собой решительно ничего цельного, никакой системы /25/ рисунка, они не высечены на камне, а просто по нарочно нанесенному какому-то мягкому слою, быть может, гипса, выведены разные круги и своеобразные линии, которые, по-видимому, ничего не означают, а дают в общем что-то наподобие пейзажа художника-футуриста[20].

Пещеры. От курганов перейдем к рассмотрению встречающихся в Бессарабии гротов и пещер. Пещеры, встречающиеся в Бессарабии обыкновенно по скалистым берегам рек, безусловно, все достойны нашего внимания как места, служившие когда-то жилищами для человека. Но мы ограничимся более близким ознакомлением только с некоторыми главными из них.

В *Хотинском уезде* между сс. Ростео и Атаки Кельменецкой вол. в скале имеется глубокая пещера, над которой возвышается большой камень под названием «Дівочий камінь». Далее к З от с. Кормань Романкоуцкой вол., на берегу Днестра, в скале – пещера, в которой, как рассказывают старики, в былые времена скрывались люди от неприятеля. Там будто бы находится церковь с высеченным из камня алтарем и иконостасом. Сверху доступ в эту пещеру начал заваливаться.

Около Ломачинец Секурянской вол. имеется несколько пещер. В трех верстах к ЮВ от с. Громадзены Липканской вол. находится группа скал «Язу Дракулуй», то есть «Чертов пруд» с /26/ гротами, служившими, очевидно, в старину убежищами во время войн, а в последнее время известные как воровской стан.

В *Сорокском уезде* известны следующие пещеры. В ущелье недалеко от г. Сорок по дороге к Флорештам, в скалистых известковых обнажениях высечена пещера, которую здесь называют «Бикеровой» или «Бикировкой». Пещера имеет входы и окна. Внутри – помещение в виде комнаты размером 1½ х 2 саж., при высоте в 1 саж., а отсюда – ход в другое помещение, круглое и тесное. В первом помещении имеется нечто вроде печи; в углу комнаты выемка, видимо, для образов, а на потолке остались следы копоти. В пещеру эту попасть очень трудно: ко входу надо сперва подыматься по крутой насыпи, а затем сажени на две карабкаться прямо вверх по выемкам, сделанным в отвесной скале.

Недалеко от с. Ниорканы Арионештской вол. в горе глубокая пещера. Корреспондент пишет, что в пещеру пускали зайца, а вслед за ним – гончую собаку, причем собака пошла так далеко, что лая уже не было слышно. Пещера эта называется «Бес». Про нее и окружающую ее местность существуют разные легенды. Один пишет, что в «этой местности есть сокровища разные и люди часто видят там огненные пламени».

В *Белецком уезде* пещеры встречаются лишь в тех местах, в /27/ Забричанской вол.

В *Оргеевском уезде*, к В от с. Городишты Изворской вол., в скале на берегу Днестра остались следы бывшего здесь когда-то монастыря. Сохранились некоторые остатки церкви и кельи.

В *Кишиневском уезде* в с. Бужорах открыто старинное подземелье в виде погреба, по рассказам очень глубокое.

В *Бендерском уезде*, к востоку от с. Телицы в скале находится пещера под названием «Борта-Калугер». Тут на камнях высечено много крестов.

В *Аккерманском и Измаильском уездах*, судя по анкете, пещер не имеется.

Остатки древних поселений. Как показали данные анкеты, в губернии насчитывается 66 городищ или, как их иначе еще называют, – селищ. Они встречаются во всех уездах, причем опять-таки больше на севере и юге Бессарабии и меньше – в средней ее части. Рассматривая остатки древних поселений как места чрезвычайно важные для будущих исследователей края, приводим здесь перечень их по уездам.

Хотинский уезд. 1) В 4 вер. к Ю от с. Клишковец разбросаны обломки стен, камни и кирпичи. Говорят, что на этом месте был турецкий (?) город «Галич», а по другому преданию тут была какая-то стеклянная фабрика.

[20] Остатки кургана с каменным склепом обследовали А.А. Кочубинский и Э.Р. Штерн в сентябре 1895 г. (Сапожников 2018а, 131).

2) К С от с. Пол-Вавчиковцы /28/ Новоселицкой вол., около кургана, находят глиняную посуду, кирпичи и пр. Говорят, что тут было турецкое поселение.

3) С С-З стороны с. Сталинешты, на горе «Дялутуркулуй», было турецкое поселение, о котором остались предания у местного населения.

4) Вблизи того же села, в долине «Гажиу», также следы поселения.

5) Около с. Бузовицы Кельменецкой вол. на месте древнего кладбища, под названием «Цвинтариско» остатки древнего поселения, по рассказам татарского.

6) В 3 вер. к З от с. Ларга Липканской вол., в местности «Тревки», селище, говорят – турецкое.

7) с. Витрянка Романкоуцкой вол., по рассказам старожилов, находится на месте бывшего турецкого селения. В земле тут находили разные вещи.

8) К С от с. Ломачинцы Секурянской вол.

9) К В от того же села.

10) Близ с. Михалково Секурянской вол., в местности «Рышинцы».

Сорокский уезд. 1) В 3 вер. к зап. от с. Бричаны (Атакской вол.) сохранились некоторые следы от с. Кокачев, разрушенного татарами. Бежавшие жители, скрываясь в лесу, основали там нынешнее с. Бричаны.

2) Около с. Каларашовка Арионештской вол.

3) В 1 версте к Ю от с. Ярово Арионештской вол. селище под названием «Колца».

4) К С от с. Курешница Бадичанской /29/ вол., в скалах следы монастыря, бывшего здесь по преданию во времена турецкого владычества.

5) В лесу близ с. Черешниовец-Реди Околинской вол. следы городища под названием «Замок». Тут в поисках кладов перерыли всю местность.

6) К В от с. Надушиты.

7) Близ с. Петрены Надушитской вол. открыто древнее поселение, занимающее пространство в несколько десятин. Тут разбросано много камня и кирпича. Найдена посуда и глиняныя фигуры, которые, по заключению профессора Штерна, относятся к трипольской культуре.

8) Вблизи с. Гвоздово Флорештской вол. развалины построек, каменный крест и остатки церкви. Местность называется «Ла Селише».

9) К З от с. Пояны Вад-Рашковской вол.

10) К В от того же села.

11) Близ с. Котюжаны-Мич Пепенской вол.

Белецкий уезд. 1) К С от с. Хавкоуцы Забричанской вол., у опушки леса, по рассказам, существовал когда-то турецкий город.

2) К В от с. Данул Глодянской вол. имеются следы городища, окруженного валом; говорят, что здесь был татарский городок.

Непосредственно у с. Глодяны, при р. Глодуосе, находятся следы старого села. Корреспондент свидетельствует, что это место составляло раньше часть с. Глодян, но в эпоху расцвета /30/ крепостного права, в первой половине прошлого столетия большая часть жителей от невыносимого гнета покинула насиженные места и разбрелась по разным другим селам.

3) Вблизи с. Алуниш Белецко-Слободзейской вол. имеется урочище, совершенно похороненное под землей. Во время полевых работ тут часто обнаруживаются целые развалины построек, находят черепки посуды и другие предметы.

4) К З от с. Сынжереи Кишкаренской вол. на пространстве около 5 дес. имеются признаки бывшего поселения.

5) В 1 вер. к З от с. Стынжинены Унгенской вол. находилось, как рассказывают, татарское поселение. Часто находят черепки глиняной посуды, медные перстни и проч.

6) В полуверсте от с. Унцешты Унгенской вол. имеется городище, носящее у местного населения название «Кишла». Городище это, по-видимому, очень древнее. Случайно под землей здесь обнаружены фундаменты стен и найдены римския монеты.

Оргеевский уезд: 1) Немного к С от с. Екимоуцы Чинишеуцкой вол. небольшое старинное укрепление «Четацуя», то есть маленькая крепость.

2) Близ с. Годжинешты [Ходжинешть] Бравичской вол. в местности «Фунту-Сатулуй» следы древнего поселения.

3) В 1 версте от с. Кириянки Кобылковской вол. в местности «Драгушаны», также следы

поселения. В земле найдено /31/ выложенное каменными плитами небольшое пространство. Полагают, что тут была церковь, от которой остался только каменный пол.

Кишиневский уезд: 1) Большое внимание заслуживает местность вокруг села Городища *Ковачск.* [Костештской – ?] вол., которая изобилует разными остатками старинных укреплений, углубленный в земле и проч.

2) На берегу Прута, в 1 версте от с. Збирои, имеются остатки довольно значительного древнего поселения.

3) В 2 вер. к З от с. Дурлешты Сирецкой вол. сохранились следы старинного укрепления под названием «Четацуя турчаскы». Место это окружено валом.

4) Около с. Ханска Костештской вол. следы поселения: много камня и жженого кирпича.

5) В 3 вер. к В от с. Бачой Яловенской вол., на берегу р. Ишновца, следы небольшого поселения.

Бендерский уезд: 1) Близ с. Телица следы поселения.

2) Недалеко от с. Варницы остатки лагеря шведского короля Карла XII.

3) В 1 вер. к С от с. Баймаклия Тараклийской вол. место под названием «Четатя», окруженное валом на пространстве 300 × 300 саж.

4) К Ю от с. Тараклия следы бывшего здесь поселения, по преданию татарского.

5) На краю с. Кирнацены Каушанской вол., на небольшом пространстве находятся следы построек. Говорят, что /32/ тут был замок какого-то знатного турка.

Аккерманский уезд. 1) В 1 версте к С от с. Фиштелицы Александровской вол. в балке «Селишты» имеются следы весьма любопытного древнего поселения. Говорят, что тут был турецкий город, служивший в свое время посредническим торговым пунктом между Бендерами и Измаилом. И сейчас в этой местности встречаются дорожные знаки и остатки построек. Тут же находится интересный памятник с надписью, о которой сказано ниже, в соответствующем отделе.

2) Около с. Ивановка Русская селище и валы, называемые крепостью.

3) В 3 вер. от с. Каторга [Катаржи] Шабской вол.

4) Около с. Марьяновка Постольской вол.

5) В 5 вер. к Ю от с. Постоль.

6) Близ с. Кебабча (Дивизийск. вол.).

7) В полу вер. от с. Каиры Николаевско-Новороссийской вол.

8) В полуверсте от с. Надежда.

9) Около с. Красное.

10) К СВ от с. Ново-Трояны Чийшийской вол. Говорят – татарское.

11) Близ с.Девлет-Агач [Делень Арцизского р-на] Ивановско-Болгарской вол., татарское.

12) В 2 вер. от с. Михайловка Акмангитской вол. следы поселения, по рассказам – турецкого.

Измаильский уезд. 1) К В от с. Ларгуца, в местности под названием «Селище» когда-то, по преданию, /33/ было татарское село «Лека».

2) с. Кисилия-Маре [Кеселия Маре – Chioselia Mare)] построено на месте древнего кладбища и поселения.

3) Недалеко от с. Хаджи-Абдул [Александру Иоан Куза – Alexandru Ioan Cuza)] городище.

4) Недалеко от с. Этулии.

5) Выше г. Болград.

6) В 8 верстах к С от с. Ташбунар, в долине р. Большой Катлабуг [Котлабух] имеются остатки бывшего форта Измаильской крепости [?].

7) В 4 верстах к С от с. Шикирликитай место, окруженное валом пространство 100 × 100 саж., которое носит название «Кале», то есть крепость.

8) В 7 верстах от с. Хаджи-Курда следы поселения, по рассказам – татарского.

9) В 4 вер. к Ю от с. Галилешты – остатки поселения, по преданию, турецкого, под названием «Городок».

10) К Ю от с. Бакчалия следы селища, говорят – турецкого.

11) В 2 верстах к Ю от с. Эскиполос; по преданию, тут жили татары.

12) К Ю от с. Золокары городище «Заборы».

13) Следы значительного городища (480 × 460 саж.), с южной стороны с. Ново-Карагач.

Наиболее выдающиеся и важные с историко-археологической точки зрения городища надо искать на севере и отчасти в Средней Бессарабии. Что же касается городищ южной части губернии или собственно «Буджака» –Аккерманского /34/ и Измаильского уездов – то это, судя по анкете, в большинстве случаев остатки поселений сравнительно недавнего времени – турецких и татарских.

Городища часто снабжены специальными названиями, которыми характеризуется их происхождение и значение в старое время, и эти названия иногда переходят на местность, где находятся городища. Нередко также получается обратное явление: название местности становится и названием городища. Признаками городищ обычно являются остатки построек, камни, кирпичи, пепел, масса черепков разбитой посуды и прочее. Встречающиеся во многих местах так называемые «четатя» или «четацуя», то есть крепости, обыкновенно обнесены валами и рвами, посередине которых в большинстве случаев встречаются такие же признаки, что и в городищах вообще.

Древние кладбища. Часто вблизи городищ встречаются и древние кладбища, что, конечно, вполне естественно. Древние или просто очень старые кладбища находятся и при многих ныне существующих поселениях, а также в поле, далеко от поселений. На многих таких кладбищах сохранились памятники, иногда даже с надписями. Для того, однако, чтобы сказать что-либо прочное, обоснованное об этих памятниках, нельзя удовольствоваться данными, собранными анкетным путем от добровольных корреспондентов земства, большой контингент которых составляют крестьяне. /35/ Нам решительно ничего не может дать такой, например, ответ: «есть памятник с надписью, но ни по-русски, ни по-молдавски нельзя разобрать».

Монастыри и скиты. Говоря о памятниках старины в Бессарабии вообще, нельзя обойти молчанием и монастыри. Подробно останавливаться на них мы сейчас не будем, но все-таки здесь будет уместно указать на то, что среди существующих ныне в Бессарабии 23 монастырей и скитов имеются очень старинные, причем важны не только монастыри сами по себе, но и монастырские библиотеки и архивы. А кроме того, до 17 монастырей совершенно прекратило свое существование, и сохранившееся от некоторых из них остатки могут быть ценным достоянием археологии и должны быть изучены. Так, например, близ с. Городишты Скит в скалах на берегу Днестра сохранились остатки древней христианской церкви и кельи; затем на лесной даче с. Пискарешты Самашканской вол. Оргеевского уезда был старообрядческий скит, от которого также остались некоторые следы и т.д.

Крепости и укрепления. Заканчивая обзор старинных памятников, надо сказать еще два слова о самых важных, самых интересных исторических памятниках Бессарабии, именно о старинных крепостях и укреплениях. Как известно, в Бессарабии имеются крепости: Хотинская, Сорокская (генуэзский замок) и Бендерская – на Днестре; Аккерманская – на Днестровском лимане и Измаильская и Килийская – на Дунае. Далее, к числу /36/ менее значительных укреплений относятся остатки крепости к ЮВ от с. Курешница Бадичанской вол. Сорокского уезда; развалины крепости «Гуша» на Днестре, ниже м. Каушан Бендерского уезда, относящиеся ко времени молдавского воеводы Стефана Великого; следы укрепления «Татар-Бунары» и местечка того же названия в Аккерманском уезде, которые относятся к эпохе временного татарского владычества в Буджаке. Наконец, в различных местах губернии имеются остатки укреплений и более отдаленных времен, как, например, развалины древней дакийской крепости «Петродава» в каменных утесах близ г. Оргеева и др.

Все это вместе взятое составляет необозримое поле для плодотворной деятельности в деле изучения местной старины. Но, к сожалению, эта деятельность пока отсутствует. А ценные памятники между тем мало-помалу погибают; неумолимое время уносит их с собой в бездну вечности, и когда-нибудь о них люди ничего и знать не будут.

Даже крепости – одни из самых долговечных памятников – и те находятся уже на краю своей могилы; и со временем о них останутся лишь легенды. Мало того, что они разрушаются сами по себе, находясь в стране, где ни о какой поддержке или реставрации их не думают, тут еще и местные жители хищнически разбирают старинные исторически стены и растаскивают /37/ камни для своих построек, какие случаи пишущему эти строки лично довелось установить. Помимо этого, поражает своеобразная

культурность местных городских деятелей. Так, в Хотине мне неоднократно приходилось спорить с некоторыми отцами города, усердно отстаивающими одну гениальную идею, которая заключается в том, что, мол, необходимо войти с ходатайством о разрешении разнести стены Хотинской крепости для возведения каких-то городских построек. Тем более дико это еще потому, что берег Днестра возле Хотина очень богат камнем, добывать который может быть более легко, чем разрушать крепостные стены. Нужно сказать, что эти стены и так уже сильно пострадали от окрестных жителей.

Отцы города Аккермана питают к своей крепости более высокое чувство: они украсили ее керосиновыми резервуарами и населили торговцами-керосинщиками. Над историческими воротами Аккерманской крепости еще издали виднеются вывески, возвещающие большими золотыми буквами о том, что здесь продается керосин, а при приближении к крепости видно, как из рвов грозно высовываются какие-то огромные железные шапки, напоминающая современного типа форты, хотя на самом деле это не форты, а баки с керосином; войдя затем в главные ворота крепости, сразу ударяешься лбом о такой же бак, занимающий центральное /38/ место между стройным минаретом и цитаделью крепости.

Вот таково здесь отношение к историческим памятникам. А ведь памятники эти так жаль, так бесконечно жаль...

Старинные памятники. В анкете упоминается о существовании в губернии некоторых памятников, быть может, весьма важных и интересных для истории и археологии края, но, к сожалению, до сих пор известных только отчасти или совершенно неизвестных. Памятники эти следующие:

В *Сорокском уезде* близ с. Сударка Арионештской вол. стоит полуразрушенный обелиск-памятник гетману Жолкевскому, убитому на этом месте в сражении поляков с турками в 1620 году.

В *Белецком уезде*, на поле недалеко от с. Старая Яблона Глодянской вол. стоит старинный памятник с какой-то надписью. В этом же уезде, на границе с Кишиневским уездом, между сс. Унцешты и Темелеуцы находится памятник-камень на том месте, где скончался князь Потемкин Таврический по пути из Ясс в Херсон.

В 1 версте к В от с. Пол-Пуцунтей Исаковской вол. *Оргеевского уезда* в землю вкопан какой-то камень в 2 арш. высоты и ¾ арш. ширины при толщине в 6 вершков. Камень этот стоит, по преданию, не менее 200 лет. Затем около с. Круглик Гертопской вол. /39/ имеется каменный столб «с надписью вроде не нашего языка». О таком же, приблизительно, каменном столбе упоминается в с. Жаврены Криулянской вол., к З от села. Говорят, что под этим памятником похоронен «православный бунтовщик турок»; «было их трое, которые дразнили турок, а потом убежали в лес и тут одного из них убили».

В *Кишиневском уезде* памятники имеются в четырех местах. Так, около с. Селиште Болдурештской вол. есть даже несколько камней-памятников. Близ с. Сирец три камня, под которыми похоронены, как рассказывают, какие-то «знаменитые турки». В с. Гидигиш [Гидигич] Сирецкой вол., а также ниже этого села, имеется два камня-памятника с надписями. Такие же камни с надписями находятся на вотчине с. Мирены: один в 5 вер. от села, а два – в 1 версте. Говорят, что под этими камнями погребены турецкие полководцы, убитые во время преследования.

В *Бендерском уезде*, вблизи с. Кирнацены Каушанской вол. стоит каменный столб с надписью «неизвестно на каком языке».

В *Аккерманском уезде* памятники упоминаются в четырех местах. В с. Поповка Талмазской вол. есть памятники в виде больших камней с надписями, по словам корреспондента, на молдавском языке. Один из этих памятников поставлен у престола старой церкви этого села. Около /40/ с. Фиштелицы Александровской вол. на месте древнего городища, известного по многим рассказам о зарытых здесь кладах, стоит каменный столб твердой породы в 1 саж. высоты и 1 арш. ширины, с надписью «нерусскими буквами». Прежде здесь было еще 4 таких памятника, но их снесли люди. Близ с. Ташлык находится старинный фонтан с камнями и какими-то надписями. Наконец, большой интерес представляет собой источник великомученика Иоанна Сочавского, находящийся в 2 верстах ниже г. Аккерман в скалах на Днестровском лимане и известный здесь под названием «кернычки». У входа в часовню, сооруженную над источником, в стенку вделана бывшая на могиле

Иоанна Сочавского мраморная плита с пространною греческой надписью, великолепно сохранившейся.

Из всех упомянутых старинных памятников истории Бессарабии известны только три: памятник гетману Жолкевскому, памятник князю Потемкиму-Таврическому и источник Иоанна Сочавского. А все остальные памятники и, вероятно, не только указанные здесь, но и другие, совершенно не известные, – ждут своих исследователей, своих историков, и в этом ожидании разрушаются, никого не дождавшись.

Археологические находки. В той же анкете имеется очень много указаний на находимые в разных местах Бессарабии всевозможные древние вещи, предметы вооружения и /41/ проч., не говоря уже о старинных монетах, которых находят везде в губернии очень много. Нередко упоминается о находках чрезвычайно важных, которые могли бы послужить залогом для создания специального археологического музея. Собирание этих находок, бесспорно, является задачей местного общества естествоиспытателей в лице его новой секции по изучению Бессарабии. Дело это весьма не трудное, и успех гарантирован заранее. Но если секция, тем не менее, не примет в этом направлении мер и ценные находки пропадут даром, то этого будет очень-очень жаль.

Привожу здесь краткий обзор наиболее интересных археологических находок, упомянутых в анкете. Прежде всего, наше внимание останавливает обилие старинных и даже древних монет, находимых во многих местах губернии. В нескольких случаях действительно были найдены целые клады, рассказы о которых проходят красной нитью по всей анкете.

Так, в *Хотинском уезде* в 1913 году одним крестьянином найдено во время работы в монастырской усадьбе около 200 старинных монет, которые переданы в какой-то музей. В том же уезде, в одном из курганов найдено также несколько сот монет.

Затем в *Сорокском уезде* найдены клады тоже в двух местах. В первом случае корреспондент говорит просто, что недалеко от его села несколько лет тому назад нашли клады /42/ – золото турецкое.

Другой же, а именно корреспондент с. Чутулешты, останавливается на своем кладе более подробно и, конечно, уже и приукрашивает несколько свой рассказ. Он пишет: «Более 80 лет тому назад (тогда было еще крепостное право) в Чутулештах жил один человек из Подольской губернии. Детей этот человек не имел, а была у него только жена, плуг с шестью волами и два мальчика, нанятых им на 26 лет. Раз весной поехал он орать целину, и тут во время работы вдруг перевернул крышку от двух больших котлов, полных золотом. Два дня возил старик золото это до своей хаты в одноконной повозке с белой кобылицей. Потом старик построил в Чутулештах низкую каменную церковь, которая церковь и теперь значится, а от старой церкви, что была на этом месте, он подарил дерево и доски крестьянам с. Котюжаны-Мичь, у которых церкви тогда не было. Говорят старые люди, что тот старик сам ездил в город Кишинев разов пять и продал золото одному еврею Гринбану за 250 тысяч рублей». Этот рассказ, трактующий о том, что было в давно минувшее время, хотя и страдает явным преувеличением, но все-таки находка крупного клада тут, вероятно, имела место. Кроме этих кладов, о более скромных находках денег имеются следующие показания.

/43/ Один корреспондент из того же *Сорокского уезда* пишет: «Находили монеты. Некоторые сохранили, а у них забирала полиция за очень невыгодные цены, потому – заканчивает корреспондент – теперь от нее прячут, что имеют». У другого корреспондента имеются монеты, найденные в поле: 9 штук трех- и пятикопеечного достоинства 1769-1777 гг. и одна «денга» 1753 года. Еще один пишет, что находят мелкие медные монеты «с неизвестными изображениями и надписями». А один говорит, что им были найдены римские монеты времен Траяна. Все это в Сорокском уезде.

В *Белецком уезде* в одном кургане лет 30 тому назад нашли турецкие золотые монеты; в другом месте часто находят какие-то старинные монеты при вспашке поля.

В одном селе *Оргеевского уезда в* земле найдены римские серебряные монеты 1630 и 1648 гг. Другой корреспондент говорит о найденных им двух серебряных турецких монетах. Как те, так и другие имеются лично у корреспондентов и сейчас.

В *Кишиневском уезде* находки старинных монет были в трех разных местах, в *Аккерманском* – в девяти и, наконец, в *Измаильском* – в одном.

Судя по анкете, самый наибольший интерес заслуживают следующие монеты: 1) найденная в Хотинском уезде монета из какого-то белого металла /44/ с датой 1112. На одной стороне имеется изображение женщины во весь рост, а на другой – голова в венке. Монета, по словам корреспондента, обделана неаккуратно. 2) Несколько монет 1022 года, найденные близ Днестра в Аккерманском уезде: 3) найденная в земле на глубине около двух арш., в том же уезде, монета «более 1000 лет существующая, с изображением императора в древних одеяниях»; 4) имеющиеся у двух крестьян Аккерманского же уезда: у Максима Горелкова – монета с конской подковой и у поселянина Гейслера – «две очень старинных монеты».

Кроме монет, в губернии много *других древних вещей*, которые мы будем рассматривать по уездам.

В *Хотинском уезде* найдены следующие предметы. В одном месте – каменные топоры, которые хранятся у корреспондента и сейчас. В двух других местах – гранаты. Затем один пишет, что в земле часто находят посуду, ядра и проч., но все это «забирает начальство на ветхость». В одном селе крестьяне нашли в земле два колокола и какие-то медные трубы, которые отправлены куда-то в музей! Одним крестьянином найдена в земле старинная серебряная цепь в полтора аршина длины; цепь продана еврею в Бричанах. В другом селе в земле найдены три котла, и, наконец, еще в одном месте находили свинец, шашки и копья.

В *Сорокском уезде* были также /45/ очень важные находки. Так, в с. Кричкоуцы лет 13 тому назад в земле найден большой медный колокол, который имеется в селе и сейчас. В с. Надушита найдена какая-то каменная фигура «наподобие человека» (быть может, языческий бог), но фигуру эту разбили, «потому, стал бояться народ». Потом еще в пяти других местах упоминаются находки: железные наконечники стрел, мечи, каменные бомбы, копья, посуда и пр.

В *Белецком уезде* в трех разных местах найдены: стальные стрелы, глиняная посуда и ядро в полтора пуда весом.

В *Оргеевском уезде* также найдены ядра, стрелы и проч.

В *Кишиневском уезде*, на месте древнего кладбища найдено кольцо, ожерелья и другие вещи.

В *Бендерском уезде*, а именно в с. Шерпены, лет 12 тому назад случайно был обнаружен под землей старинный погреб.

Точно так же близ с. Троицкого крестьяне искали в земле клад, и нашли, по словам корреспондента, «жилые помещения стародревних жителей».

В 1910 году крестьянин Иустин Стерку нашел около с. Телица старинную медную вазу с ручкой – «на вид крестильница». К сожалению, ваза «продана цыганам за 16 руб.». В другом месте близ разрытого кургана находили жернова ручных мельниц, «люльки» и другие предметы.

В овраге близ с. Тараклия находят, по показанию корреспондента, /46/ кости мамонтов. Тараклийское местонахождение костей ископаемых животных известно ученым и деятельно изучается. Тут, между прочим, найден скелет гиппариона.

Такое же показание имеется по с. Ферапонтьевка, где в овраге найдена челюсть мамонта, которую нашедший ее крестьянин передал в какой-то частный музей.

Очень богат в отношении археологических находок и *Аккерманский уезд*. Один корреспондент характеризует его так: «Это степи Буджака, где носились на лошадях, как ветер, ногайцы и покуривали кальян сонные и ленивые турецкие паши, и ак-паши, и апа-паши...».

В с. Новая Царичанка кем-то найдены в земле золотые серьги (большие круглые кольца) и какие-то побрякушки из неизвестного металла; вещи эти проданы в Аккермане. Близ м. Байрамча лет 14 тому назад был обнаружен под землей старинный колодец, прикрытый большой каменной плитой.

Поселянин с. Арциз Готлиб Иессе нашел в земле медный сосуд котлообразной формы, глиняный ковш и скелет; все это отдано по начальству – полицейскому уряднику.

В одном селе найдена тоже «каменная фигура наподобие человека», какая упомянута и по с. Надушита Сорокского уезда. Но эта фигура не подверглась участи надушитской; она цела и «сидит» пока у хозяина, нашедшего ее.

Как и в Бендерском уезде, тут тоже в некоторых /47/ местах встречаются окаменелости вымерших животных, причем имеются показания о находках костей под камнями, глубоко в земле.

Затем в одном месте находили стрелы и медные молоточки. Последние, быть может, не медные, а бронзовые, и, стало быть, тем интереснее. В одном кургане (около с. Ташлык) лет 30 тому назад были найдены: медный шлем, панцырь-кольчуга, половина меча и большой скелет. Все это было передано местной полиции и дальнейшая судьба этой интересной находки неизвестна.

Наконец, имеется еще одно показание, что один человек копал погреб и нашел две медных кастрюли и большой чугунный котел ведер на восемь.

В *Измаильском уезде* одним крестьянином найдена в земле мраморная турецкая «чалма», очевидно, часть какого-то памятника. В нескольких других местах уезда найдены стрелы, ручные жернова, глиняные трубки, металлические звездочки и знаки полумесяца.

Этим и исчерпываются имеющиеся в анкете данные об археологических находках в Бессарабии. В приведенном перечне значится много замечательных находок, которые для будущего собирателя и исследователя края погибли безвозвратно. Этого, конечно, очень жаль. Но ведь также немало таких находок сохраняется и поныне. Потому-то секция изучения Бессарабии /48/ должна заботиться о том, чтобы хотя эти последние не погибли, тем более, что собрать эти находки не так уж трудно.

В предложенном кратком обзоре найденных в Бессарабии древностей мы встречаем следы культур самых различных народов и разных исторических и доисторических эпох. Так, найденные на севере Бессарабии каменные топоры можно рассматривать как дошедшие до нас остатки культуры каменного века; имеющиеся орудия из бронзы говорят о бронзовом веке; затем разные мечи, стрелы и другие предметы из железа относятся, быть может, к началу железного века и, наконец, множество других вещей свидетельствуют о культуре позднейших времен в разные исторические эпохи.

Заключение. Итак, проследив памятники старины и важнейшие археологические находки в Бессарабии, мы приходим самым естественным путем к некоторым заключениям.

Прежде всего, мы помним, что археология рассматривается не только как таковая; не только как любопытное окошечко в туманный мир давно минувших дней, а как важный научный фактор, на котором отчасти строится история. Что же касается последней, то о важности и значении ее во всех наших начинаниях, к какой бы области деятельности они ни принадлежали, здесь говорить, конечно, не приходится. А так как новая секция общества /49/ естествоиспытателей организовалась не для того, чтобы полюбопытствовать: что представляет собой Бессарабия? – а для того, чтобы изучать жизнь этого края, изучать основательно, во всех отношениях и, изучив ее достаточно, сказать об этом и другим; так как мы сплотились вокруг одного общего дела, устремились к одной, быть может, еще далекой, но все же достижимой, объединяющей нас общей цели не для слов, а для дела – поэтому и нужно взяться за работу.

Вот это-то обстоятельство и дает нам право сделать из всего сказанного следующие выводы о ближайших задачах новой секции в деле изучения древней Бессарабии, а именно:

1) Приобрести все имеющиеся на рынке труды и издания по истории и археологии Бессарабии для того, чтобы знать, какие памятники изучены и какие еще требуют изучения.

2) Составить и издать, как на основании данных рассмотренной анкеты, так и вообще всех имеющихся по этому вопросу материалов и трудов, подробный путеводитель по древней Бессарабии, то есть указатель всех достопримечательных мест и памятников, ожидающих своих исследователей. Этот путеводитель не будет и не должен быть научным трудом, а исключительно только практическим руководством – но как таковой он необходим.

3) Принять меры к приобретению возможно большей коллекции древних /50/ монет и других находок, указанных в анкете, и тем самым положить начало историко-археологическому музею Бессарабии.

4) Составить программу для исследования памятников старины и древних сооружений Бессарабии и программу эту послать для просмотра в ИАК и другие однородные с ней ученые учреждения или – быть может, это еще проще и лучше – прямо обратиться в ИАК с просьбой дать инструкцию для производства археологических исследований в Бессарабии.

5) Приложить все усилия к охранению исторических памятников, в особенности старинных бессарабских крепостей.

Библиография

Археологические 1987: Археологические памятники Унгенского района (Кишинев 1987).

Вельтман 1828: А.Ф. Вельтман, Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты (Москва 1928).

Вельтман 1837: А.Ф. Вельтман, Воспоминания о Бессарабии. Современник, Т. 7. № 3, 227-249.

Вельтман 1978: А.Ф. Вельтман, Странник (Москва 1978).

Гошкевич 1903: В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии (Херсон 1903).

Гульдман 1901: Д.К. Гульдман, Памятники старины в Подолии (Материалы для составления археологической карты Подольской губернии) (Каменец-Подольский 1901).

Императорская 2009: Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. / Ред.-сост. А.Е. Мусин (СПб 2009).

Кетрару 2005: Н.А. Кетрару, Очерки истории археологии Молдовы. 1715-1945 (Кишинев 2005).

Кетрару, Хахеу 1990: Н.А. Кетрару, В.П. Хахеу, Чокылтянские курганы. В: (Отв. ред.: Н.А. Кетрару) АИМ в 1985 году (Кишинев 1990), 49-73.

Коваленко и др. 2011: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Свод археологических памятников Дубоссарского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2011).

Краткий отчет 1917: Краткий отчет о деятельности Общества с 1 июня 1914 по 1 июля 1917 года. В: Труды Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания, т. VI: 1914-1915 (Кишинев 1917), 1-33.

Крылов 1907: А. Крылов, Маленькая археологическая экскурсия (пробные раскопки в с. Чеколтенах Оргеевского уезда). В: Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 3 (Кишинев 1907), 297-299.

Кузьмищев 2012: А.Г. Кузьмищев, Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены. В: Археологія і давня історія України, 9 (Київ 2012), 139-147.

Мельникова 2005: Н. Мельникова, Из истории изучения археологии в музее. В: Buletinul ştiinţific al Muzeului Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală a Moldovei, vol. 3 (16) (Chişinău 2005), 320-326.

Нудельман 1990: А.А. Нудельман, Монетные клады XVIII - начала XIX в. в Днестровско-Прутском регионе. В сб.: Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (Кишинев 1990), 227-263.

Пармакли, Руссев 1999: С.И. Пармакли, Н.Д. Руссев, К истории изучения античных памятников Бессарабии (по документам ООИД). Stratum plus 3, 1999, 359-368.

Придик 1902: Е.М. Придик, Анадольский клад золотых статеров 1895 года. В: Известия Императорской археологической комиссии, вып. 3 (Санкт-Петербург 1902), 58-92.

Протоколы 1907: Протоколы заседаний Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. 71 частное заседание, 24 августа 1902 г. В: Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 3 (Кишинев 1907), 514-515.

Руссев 2013: Н.Д. Руссев, Селения Измаильского цинута в 1815 г.: храмы, священники, прихожане. Русин 4 (34), 2013, 41-52.

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. МАСП 12, 2011, 206-236.

Сапожников 2013: И. Сапожников, Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 345-354.

Сапожников 2018а: И. Сапожников, Начала изучения курганов Буджака: историография и картография. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 121-139.

Сапожников 2018б: І. Сапожников, Татарбунарський замок: археологія та історія. В: І-й Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей (Київ 2018), 95-96.

Сапожников 2019: И. Сапожников, Свод археологических памятников Бессарабии: очерк истории создания в 1913-1916 годах. Південний захід. Одесика, вип. 26 (в печати).

Сапожников, Аргатюк 2018: И. Сапожников, С. Аргатюк, Александр Олофсон – полковник, помещик и первый археолог Буджака. Scriptorium nostrum 1 (10), 2018, 99-116.

Сапожников, Левчук 2017: И. Сапожников, В. Левчук, Исследования и описания места лагеря Карла XII в Варнице в 1810-х - 1850-х гг. В сб.: Situl istoric «Tabăra regelui Suediei Carol al XII-lea de la Varniţa». Restaurarea memoriei. Historic site «Camp of King Charles XII of Sweden at Varniţa». Recovery of the memory (Chişinău 2017), 41-56.

Сапожников, Присяжнюк 2018: І. Сапожников, О. Присяжнюк, Кургани Ф.І. Кнауера та найбільші могили епохи бронзи Буджака і України. В.: І-й Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей (Київ 2018), 95.

Сведения 1839: Сведения о древностях находящихся в Бессарабской области. В: Журнал Министерства народного просвещения, вып. 23 (Санкт-Петербург 1839), 19-23 (смесь).

Селенгинский 1911: А.И. Селенгинский, О поездке в село Надушиту Сорокского уезда Бессарабской губ. ЗООИД XXXI, 1911, 121-123 (протоколы).

Синика и др. 2013: В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы. Археологические памятники Приднестровья I (Тирасполь 2013).

Синика и др. 2016: В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Археологическое наследие Приднестровья = Archaeological heritage of Pridnestrovie (Тирасполь 2016).

Смирнова и др. 2018: Г.И. Смирнова (†), М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е.Г. Старкова (Приложения: К.Б. Калинина, А. Закосьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С.В. Хаврин), Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург 2018).

Статистическое 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей[ся] по Высочайшему повелению [с] размежевание[м] земель оной на участки с 1822 по 1828 год. 1899 (Аккерман 1899).

Халиппа 1902: И.Н. Халиппа, Сведения о древностях бессарабских, собранные военным губернатором П.И. Федоровым в 1837-1838 гг. В: Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. 2 (Кишинев 1902), 1902, 98-115.

Хиждеу 1844: Б. Хиждеу, Памятник гетмана Жолкевского в Бессарабии. Одесский вестник, 5 апреля, 1844.

Хынку 1990: И. Г. Хынку, Вестижий стрэмошешть (Кишинэу 1990).

Штерн 1904: Э. Штерн, Предварительное сообщение о раскопках в имении Петрены, в Белецком уезде Бессарабской губернии. ЗООИД XXV, 1904, 69-72 (протоколы).

Штерн 1907: Э.Р. Штерн, Доисторическая греческая культура на юге России (раскопки в Петренах Бельцевского уезда Бессарабской губернии 1902-1903 г.). В.: Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905 г.), т. I (Москва 1907), 49-51.

Щербакова и др. 2008: Т.А. Щербакова, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Археологическая библиотека, вып. IV (Кишинёв 2008).

Эбергардт 1915-1916: Я. Эбергардт, Памятники старины и археологические находки в Бессарабии. Сегодняшняя бессарабская жизнь (Кишинев), №305, 25.12.1915, 2-3; №1, 01.01.1916, 2; №9, 11.01.1916, 3; №16, 18.01.1916, 4; №18, 20.01.1916, 4.

Эбергардт 1916: Я. Эбергардт, Памятники старины и археологические находки в Бессарабии (Кишинев 1916).

Яровой 2013: Е.В. Яровой, Мистика древних курганов (Москва 2013).

Яровой 2014: Е. Яровой, Начало изучения курганов Бессарабии. В: Kallatida (Mangalia), 2014, 349-362.

Ястребов 1894: В. Ястребов, Опыт топографического анализа древностей Херсонской губернии. ЗООИД XVII, 1894, 63-177.

Covalenco 1993: S. Covalenco, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Ungheni, Republica Moldova (Chişinău 1993). Arhiva MNIM.

Sava, Ploşniţa 2017: E. Sava, E. Ploşniţa (ed.), Situl istoric «Tabăra regelui Suediei Carol al XII-lea de la Varniţa». Restaurarea memoriei. Historic site «Camp of King Charles XII of Sweden at Varniţa». Recovery of the memory (Chişinău 2017).

Tomuleţ 2012: V. Tomuleţ, Basarabia în epoca modernă (1812-1918), vol. 2 (Chişinău 2012).

„Corpusul monumentelor antice şi al descoperirilor arheologice din Basarabia" al lui N. Mogilyansky şi Ya. Ebergardt

Cuvinte-cheie: Basarabia, Republica Moldova, regiuni ale Ucrainei, N. Mogilyansky, Ya. Ebergardt, valuri de pământ, tumuli, peşteri, vestigii ale aşezărilor, cimitire vechi, mănăstiri şi schituri, fortificaţii.

Rezumat: Articolul este rezervat analizei şi republicării exhaustive a puţin-cunoscutului „Corpus al monumentelor antice şi al descoperirilor arheologice din Basarabia", alcătuit în anii 1913-1916, ca urmare a anchetării a 800 de respondenţi din localităţile Basarabiei. Acesta a fost elaborat de către savantul-vinificator N. Mogilyansky

(1877-1966) şi funcţionarul de stat Ya. Ebergardt (1887 - ?). Pe teritoriul a opt ţinuturi ale Basarabiei (actualmente Republica Moldova şi regiunile Cernăuţi şi Odesa, Ucraina) au fost repertoriate cca 1300 descoperiri: tumuli, necropole, fortificaţii, aşezări, valuri de pământ, peşteri, descoperiri monetare etc. Ca urmare a analizei conţinutului „Corpusului" s-a ajuns la concluzia că el poate prezenta un instrument de lucru în vederea localizării şi cercetării arheologice a siturilor necunoscute în prezent pentru arheologi.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Semnătura şi adresa de serviciu ale lui N. Mogilyansky (anul 1910).

Fig. 2. Cartea de vizită a lui N. Mogilyansky (anii 1910).

Fig. 3. Coperta broşurii lui Ya. Ebergardt din anul 1916.

Fig. 4. Valuri de pământ şi întărituri la sud de Hotin („Harta regiunii Basarabia cu indicarea valurilor lui Traian…", copie de la începutul anilor 1840, fragment).

Fig. 5. „Idol din piatră" din tumulul de lângă s. Năduşita (foto A.I. Selinginsky, 1911).

Fig. 6. Aşezări, tumuli şi sate din raionul Tatarbunar („Harta Basarabiei şi Bugeacului…", 1928, fragment).

Fig. 7. Planul Ismailului cu satele limitrofe, anul 1815 (Tomuleţ 2012, 211).

Fig. 8. Rezervor pentru gaz lampant în cetatea Akkerman (Cetatea Albă) (foto din anii 1910).

«Corpus of antiques and archaeological findings in Bessarabia» by N. Mogilyansky and Ya. Ebergardt

Keywords: Bessarabia, Republic of Moldova, regions of Ukraine, N. Mogilyansky, Ya. Ebergardt, Corpus of antiques 1913-1916, ramparts, mounds, caves, remains of ancient settlements, ancient cemeteries, monasteries and sketes, fortresses.

Abstract: The article is devoted to the analysis and republishment of the full version of the little-known «Corpus of Ancient Monuments and Archaeological Findings in Bessarabia», created in 1913-1916 by questioning of 800 local correspondents. It was created by the wine-maker N.K. Mogilyansky (1877-1966) and the official Ya.M. Ebergardt (1887 - ?). On the territory of eight districts of Bessarabia (now the Republic of Moldova, Odessa and Chernivtsi regions of Ukraine) about 1300 objects were taken into account: burial mounds, ancient cemeteries, ancient settlements and settlements, earthworks and other fortifications, caves, as well as finds of coins and other artifacts. The article contains an analysis of the «Corpus» and concluded that it is a living canvas of the collective folk notions about the antiquities of Bessarabia, as well as a road map for searching and excavating old and unknown archeological monuments.

List of illustrations:

Fig. 1. Signature and working address of N.K. Mogilyansky (1910).

Fig. 2. N. Mogilyansky's business card (1910s).

Fig. 3. Cover of the brochure by Ya.M. Ebegardt (1916).

Fig. 4. Ramparts to south of Hotin («Map of the Bessarabia with the indication of the Trayan shafts…»; a copy of the early 1840s; fragment).

Fig. 5. «Stone idol» from the burial mound near the Nadushita village (Photo by A.I. Selinginsky, 1911).

Fig. 6. Settlements, villages and mounds of the Tatarbunar district («Map of Bessarabia or Budjak…» 1828; fragment).

Fig. 7. The plan of Ismail with the surrounding villages (1815; Tomuleţ 2012, 211).

Fig. 8. A tank for kerosene inside the Akkerman fortress (photo of the 1910s).

15.02.2019

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: igors@gcn.ua

Др. Майя Кашуба, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0001-8901-8116, e-mail: mirra-k@yandex.ru

МЕДНЫЙ КОТЕЛ С ПОСЕЛЕНИЯ КРИВИНКА 1

Виктор Мерц

Ключевые слова: эпоха бронзы Казахстана, металлическая посуда, поселение Кривинка 1, металлообработка.

Изучение памятников бронзового века Казахстана и сопредельных регионов продолжается уже более ста лет, но до последнего времени была практически неизвестна связанная с ними металлическая посуда, поэтому никто из исследователей не задумывался о ее существовании. Следовательно, все случайные находки и обломки такой посуды либо не соотносились с данным периодом, либо рассматривались как нечто нетипичное для культур эпохи бронзы Казахстана (Ермолаева 1986, 161, рис. 4; 1987, 83-84, рис. 44; Карабаспакова 2011, 164). Лишь обнаружение очень ярких образцов металлической посуды в погребальных комплексах петровско-алакульского времени Центрального Казахстана из могильника Ащису (Кукушкин 2011, 107-109), а потом и Нураталды 1 (Кукушкин и др. 2016, 85) изменило представление исследователей об их существовании в комплексах эпохи бронзы (Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005; Карабаспакова 2011, 143; Кукушкин 2012, 78; Kukuškin 2013, 226-227; Stöllner, Samašev 2013; Джумабекова, Базарбаева 2013; Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 66-69). Затем произошло открытие целого ряд новых образцов металлической посуды как в закрытых комплексах синхронного или еще более раннего горизонта из могильника Каратомар (Логвин, Шевнина 2018), так и случайных (Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016) – позднебронзовой эпохи. К этому типу находок данного периода можно отнести и экземпляр с поселения Кривинка 1, найденный в 2013 году (фото 1/2). Попав в поле зрения исследователей, он уже был не очень удачно отмечен в литературе (Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 276). К сожалению, авторы данного солидного издания не обратились ко мне за уточнением и привели неверные сведения о его местонахождении. Это заставило заняться более серьезной работой по его изучению и дать исчерпывающую информацию о месте и обстоятельствах обнаружения данного предмета.

Несмотря на то, что этот сосуд был найден поисковиком монет с помощью металлодетектора, информация о нем сразу же была передана мне вместе с самим предметом и некоторыми другими находками[1], также имеющими большое значение (Мерц 2016, 86). Это бронзовая стамеска с разбитой втулкой и загнутым острием (рис. 1/1), тёсла (рис. 1/2, 3, 7), небольшой ножик (рис. 1/5), кинжал с обломанным лезвием и кованой рукоятью (рис. 1/6) и еще один предмет в виде зубила (рис. 1/4), о котором будет сказано ниже. Состояние сосуда оставляло желать лучшего, но понятно было, что это не рядовая находка и место ее обнаружения требует специального осмотра. Обследование местонахождения сосуда показало, что оно находится на поселении эпохи поздней бронзы Кривинка 1, приуроченном к старичному участку 1-й надпойменной террасы правого берега р. Иртыш, в 3 км к северу от одноименного села, входящего в Жетыжарский (Семиярский) сельский округ Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области. Здесь была собрана керамика позднебронзового времени и проведена шурфовка.

Сам сосуд залегал на глубине 30-20 см от поверхности. Выкопанный на этом месте шурф размером 1×1 м до глубины 50 см показал наличие культурного слоя светло-серого золистого цвета, содержащего фрагменты керамики алексеевско-саргаринского типа (фото 3/1-8, 10, 11, 13), станковой (фото 3/9) и штампованной бегазы-дандыбаевской (фото 3/12), кости животных, обломки металлических пластин и других предметов (фото 3/1, 2). Связь

[1] Пользуясь случаем, хочу выразить признательность учителю Кривинской средней школы Ф.К. Карымжанову за передачу данного предмета и сообщение о его местонахождении. Все предметы хранятся в Центре археологических исследований Павлодарского госуниверситета им. С. Торайгырова.

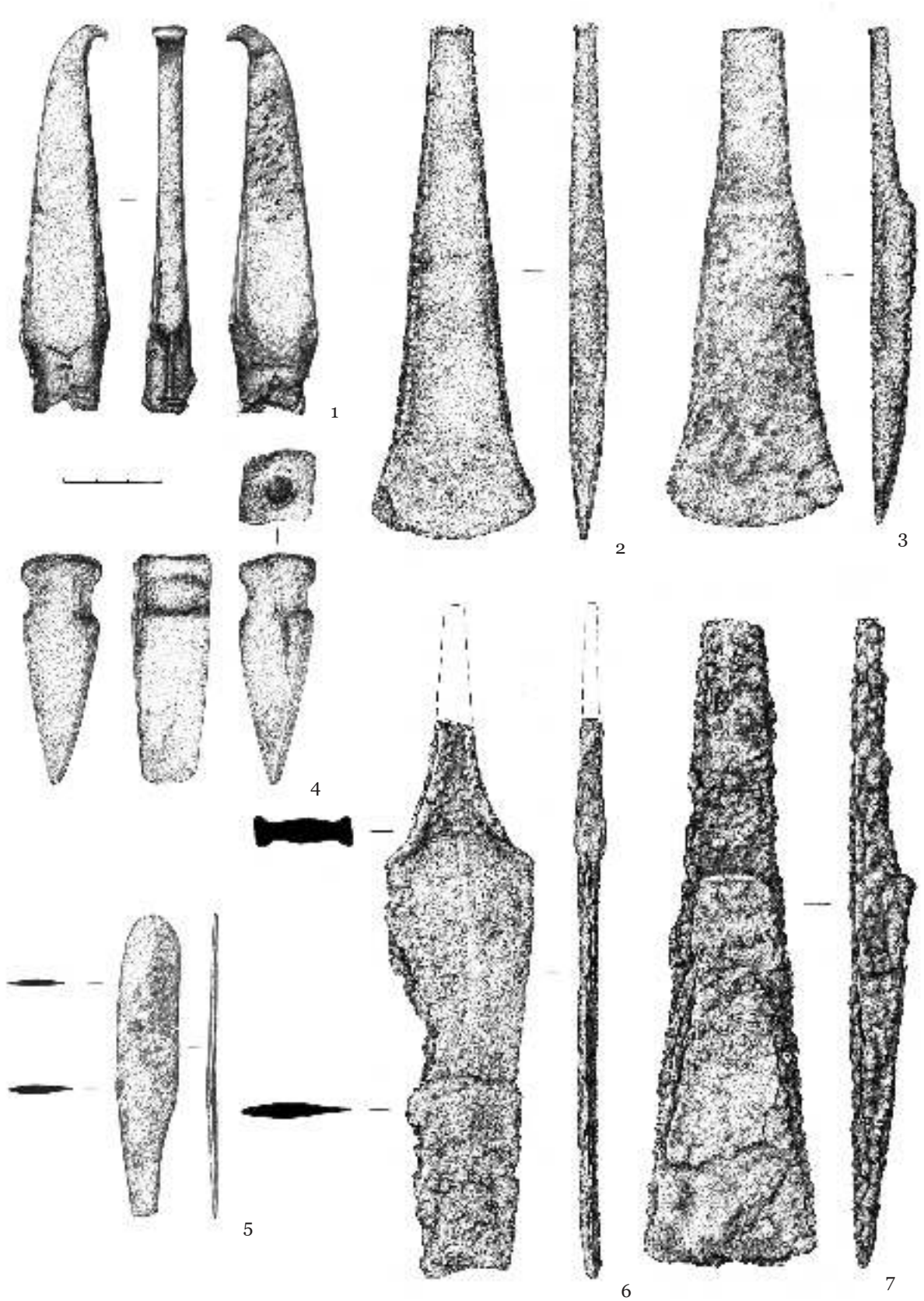


Рис. 1. Бронзовые орудия, поселение Кривинка 1.

данного сосуда с культурным слоем и всем его содержимым не вызывала сомнения. Однако состояние сосуда, в виде куска искореженного и порванного металла, не давало о нем ясного представления. Его поверхность была покрыта патиной и мощным слоем карбонатно-зольного образования, который нам удалось частично снять путем промывки в теплой воде с использованием моющих средств, а затем – в растворе лимонной кислоты. Но полностью его очистить не удалось, так как вместе с карбонатной коркой снималась и патина, а на ее месте, на очищенных сгибах, образовался бурый налет, напоминающий ржавчину (фото 1/7). Не пытаясь далее самостоятельно его реставрировать, чтобы не допустить изломов, я оставил сосуд в том состоянии, в каком он был найден, поэтому попробуем сделать его описание и вычислить параметры с помощью гибких измерительных инструментов.

По целиком сохранившимся частям стенки (фото 2/1) его высоту можно определить примерно в 23 см, диаметр хорошо сохранившегося дна – 11 см (фото 1/7, 8; 2/8), сохранившаяся часть окружности горловины – 51,5 см, следовательно, ее диаметр около 16 см. Самая большая толщина стенок сосуда на венчике, слегка завальцованном внутрь, 3 мм (фото 1/1-5; 2/5-7). На верхней части сосуда с разных сторон расположена пара двусторонних петлеобразных накладок подтреугольной формы. К краю сосуда они крепились двумя заклепками, находившимися в нижней части пластин. Их ширина 2,7 см, высота 2,8 см (фото 1/2, 3; 2/4-6). Накладки находились на расстоянии 22 см друг от друга, на целой стороне венчика (фото 1/1-3). С разорванной стороны, по сохранившимся частям, расстояние между накладками больше – 24 см, и, видимо, они располагались асимметрично на противоположных сторонах сосуда. Они предназначались, очевидно, для крепления рукояти, но не понятно, каким образом это могло быть, так как между ними и краем сосуда практически нет никакого зазора. Одна петля разорвана, и ее края прижаты к венчику (фото 1/3), вторая – как будто целая, но закрыта мощным слоем карбонатного налета (фото 2/5, 6).

Сосуд, безусловно, очень сильно поврежден, помимо смятости, он прорезан и порван каким-то острым предметом, вероятнее всего, плугом, хотя следов распашки на месте его обнаружения не отмечено. Разрыв тулова произошел выше средней части сосуда (фото 1/7, 8). На месте разрыва венчика есть отверстие для заклепки (фото 2/1-3). На краю одного смятого листа тонкой меди, приклепанного внутри сосуда и, видимо, являвшегося заплаткой, имеются две заклепки, которые могли крепиться к венчику или другой части сосуда (фото 1/4, 6), но это можно будет выяснить только после его реставрации. Там, где были самые тонкие стенки, сосуд, видимо, неоднократно ремонтировался латками из медных листов, сохранившихся внутри его (фото 1/4, 5). К верхней части они крепились на расстоянии 8-9 см от венчика, где и произошел разрыв. Эта часть сосуда представлена в виде согнутой ленты (фото 1/1, 2, 7, 8). Вес сосуда, в том виде как он показан на снимке, без предполагаемых обломков, 1450 г. В распрямленном виде он представляется в форме небольшого ведерка или котелка, сделанного из цельного листа меди (рис. 2). Думаю, что на данном этапе изучения сосуда, до его реставрации, сделать иную графическую реконструкцию не представляется возможным.

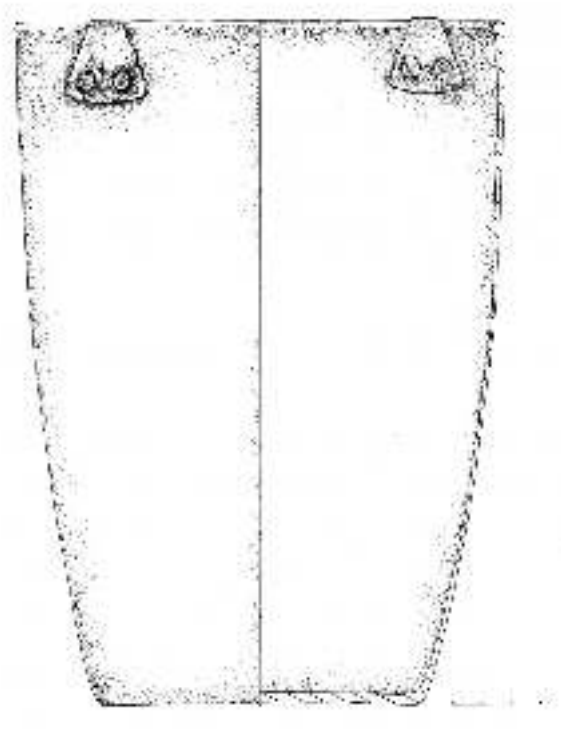


Рис. 2. Предварительная реконструкция металлического сосуда с поселения Кривинка 1.

1

5

2

6

3

7

4

8

Фото 1. Общий вид и детали металлического сосуда с поселения Кривинка 1.

1

5

2

6

3

7

4

8

Фото 2. Общий вид и детали металлического сосуда с поселения Кривинка1.

1

4

2

5

3

6

Фото 3. 1 - Обломки, рубленные куски листового металла и латки, поселение Кривинка 1; 2 - срубленные заклепки и полоска металлла с отверстиями для таких заклепок; 3 - керамика, поселение Кривинка 1; 4 - инструменты неизвестного назначения с поселений кривинской округи; 5 - остатки тигля на месторождении Коктас; 6 - шлак и медная руда с месторождения Коктас.

В сопоставлении с керамической посудой его можно отнести к баночному типу. Технологию производства таких изделий пока сложно представить, на нем нет литейных швов и клепаных стыков, за исключением ремонтных латок, что хорошо видно по смятой, но полностью сохранившейся стенке, переходящей в цельное дно (фото 2/1, 4). Отходящие от дна стенки сохранились со всех сторон, минимум на 6 см (фото 2/8). В придонной части, местами, сосуд имеет трещины и протертости (фото 2/8). Это может объясняться тем, что он

постоянно пригорал в этом месте из-за тонких стенок и поэтому подвергался сильному механическому воздействию во время его очистки. В целом процесс изготовления подобной посуды описывается в вышеупомянутом издании известных специалистов по данному вопросу (Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 26), и думаю, что мне здесь нечего будет добавить.

Найденные рядом с сосудом фрагменты металла представляют рубленые куски листовой меди (фото 3/1. 1, 4), а также детали других предметов и обломков изделий со следами клепки. Это тонкие листы меди с отверстиями для заклепок и их остатки (фото 3/1. 3, 5-8, 11), со следами рубки (фото 3/4) и обломки предметов (фото 3/1. 2, 9, 10). Один фрагмент листового металла с рваными краями (фото 3/1. 2) может быть фрагментом данного сосуда. Особенно интересны согнутая полоска металла длиной 18 см, шириной 3,0-3,8 см, толщиной до 3 мм с отверстиями для крупных заклепок толщиной от 7 до 10 мм и сами срубленные заклепки (фото 3/1. 9; 2), а также детали какого-то предмета, соединенные одной заклепкой (фото 3/1. 10). Они могут быть деталями каких-то еще более крупных изделий. Все эти вещи, найденные в одном месте, говорят о том, что здесь могла быть литейно-кузнечная мастерская, а сам сосуд мог быть отдан на очередной ремонт или утилизацию.

Спектральный анализ одного из обломков листового металла с отверстием для заклепки, который может являться фрагментом подобного сосуда и мог использоваться для ремонта таких изделий (фото 3/1. 1), показал следующие результаты[2].

Местонахождение: точка № 2, Кривинка 1 – 2013.

Тест № 16 02-04-2014 (в окисел).
Cu – 92,19 %; Fe – 7,06 %; Ti – 0,61; Zr – 0,07 %; Pb – 0,07; Mn – 0,06 %.

Тест № 17 02-04-2014 (зачищенный окисел).
Cu – 99,41 %; Fe – 0,59 %.

Тест № 18 02-04-2014 (зачищенный окисел).
Cu – 99,65 %; Fe – 0,35 %.

[2] Исследование проведено профессором А.А.Тишкиным на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000).

[3] Смотрите статью С. Амировой и М. Радивоевич в этом номере, с. 159-163.

То есть это листовая медь, которая шла на изготовление посуды. Эти данные подтверждаются результатами более сложного композитного и металлографического анализа фрагмента сосуда[3]. Из этого следует, что здесь, вероятно, как и на других позднебронзовых поселениях Восточно-Казахстанского Прииртышья, было ее развитое производство. Оно сложилось на рудной базе Алтая и восточной части Казахского Мелкосопочника. Ближайшие известные нам источники меди находились на левобережье Иртыша, в 100 км к западу от поселения. Это месторождение Коктас, где в 2011 г. нами были обнаружены следы производственной деятельности древних металлургов в виде остатков разрушенных тиглей (фото 3/5). Здесь были собраны остатки шлаков и медной руды (фото 3/6).

О высоком уровне металлообработки, существовавшей на позднебронзовых поселениях кривинской округи, могут свидетельствовать и найденные здесь необычные для памятников степной зоны Евразии этого периода вышеупомянутые бронзовые орудия в виде зубила с боковыми выемками, напоминающие современные лудильные инструменты из меди (рис. 1/4). Подобные изделия и их обломки были найдены и на других памятниках данной округи: Кривинка 2, 4, 5, 8, Полугора 1. Они отливались в двусторонней форме, что хорошо заметно по литейным швам (рис. 1/4; фото 3/4). Представлены несколькими типами с разными формами верхней части: ровные, уплощенные (фото 3/4. 4, 6, 7, 14, 15), выпуклые (фото 3/4. 1, 8, 9), вогнутые, с углублением (рис. 1/4; фото 3/4. 2, 10), с выступом (фото 3/4. 3), квадратные (рис. 1/4; фото 3/4. 2, 10), прямоугольные (фото 3/4. 3, 4, 6, 7, 14, 15) и аморфные (фото 3/4. 5, 8, 9, 16). Следов смятости на верхней части нет, то есть они не использовались как зубило или иной рубящий инструмент, по которому наносились удары сверху. Все они хорошо заточенные и не имеют повреждений на острие, обламывались обычно выше перехвата (фото 3/4. 11-15), возможно, от температурных перепадов. На одном небольшом образце такого орудия с поселения Кривинка 8 сохранилась окалина (фото 3/4. 16). Вес этих орудий колеблется от 184 до 30,7 г, длина от 7,9 до 4 см, ширина от 3 до 1,3 см, толщина от 2,5 до 1,3 см, ширина лезвия от 1,7 до 0,9 см. Причем ширина лезвия не зависит от веса и длины орудия.

Так как найти аналоги этим орудиям пока не удалось, окончательно определить их назначение и функции позволят лишь дальнейшие исследования, которым может быть посвящена отдельная работа с подробным описанием каждого экземпляра. Возможно, будет увеличена их выборка и найдены аналогии.

Таким образом, исходя из результатов исследований последних лет, можно сказать, что металлическая посуда в культурах эпохи бронзы Казахстана появляется еще на раннеандроновском этапе и, видимо, бытует в течение всего последующего периода. Следовательно, в памятниках более позднего времени, связанных с бегазы-дандыбаевской и алексеевско-саргаринской культурами, такой посуды должно быть еще больше. Об этом косвенно свидетельствуют многочисленные находки латок с заклепками и отверстиями для них, обломков и обрезков листового металла на многих позднебронзовых поселениях Семипалатинского Прииртышья и Восточного Казахстана в целом, таких как Кривинка 2, 4, 5, Полугора 1, Семипалатинские дюны и других. Истоки технологической традиции производства металлической посуды, видимо, связаны с древними цивилизациями Средней и Юго-Западной Азии, ближайшим форпостом которых был Бактрийско-Маргианский комплекс (Сарианиди 2001,56, 97), оказавший влияние и на позднебронзовые культуры Казахстана.

Думается, что в будущем количество находок такой посуды будет возрастать, изменять представления об уровне развития металлургического производства и материальной культуры племен эпохи бронзы Казахстана и сопредельных регионов в целом. Но пока на обширной территории распространения памятников этих культур мы знаем лишь о нескольких экземплярах металлической посуды данного периода. Это остатки сосуда с поселения Кент, найденного еще в 1990 году (Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 141), изделия из андреевского клада (Карабаспакова 2011), одно из которых имеет форму ведёрка или котелка, наиболее близкую, на наш взгляд, к находке из Кривинки 1. Цедилки из того же клада и Измайловки (Ермолаева 2012, 190, рис. 60) составляют особую категорию посуды и говорят о ее разнообразии у скотоводческих племен эпохи поздней бронзы Казахстана. Безусловно, наиболее яркой находкой является клепаный котел из Зайсанского района Восточно-Казахстанской области (Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016). Он, так же как и другие находки и некоторые памятники, исследовавшиеся в последние годы (Мерц 2016; Мерц 2017; Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2018), не только меняет представление о материальной культуре племен эпохи развитой и поздней бронзы Казахстана, но и открывает новый этап их изучения.

Библиография

Гошко, Агапов, Отрощенко 2018: Ю.Т. Гошко, С.О. Агапов, В.В. Отрощенко, Металеві казан из Великову степу за доби пізньоі бронзи (Київ: ІА НАН Украіни 2018).

Джумабекова, Базарбаева 2013: Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Художественные бронзы Жетысу (Алматы 2013).

Ермолаева 1986: А.С. Ермолаева, Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья. В сб.: Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1986), 154-163.

Ермолаева 1987: А.С. Ермолаева, Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС (Алма-Ата 1987), 64-94.

Ермолаева 2012: А.С. Ермолаева, Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннего железа) (Алматы 2012).

Карабаспакова 2011: К.М. Карабаспакова, Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы (Алматы 2011).

Кукушкин 2011: И.А. Кукушкин, Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису. РА 2, 2011, 103-109.

Кукушкин 2012: И.А. Кукушкин, Могильник Ащису. Курган с металлическим сосудом. В: Археология и история Сарыарки (Караганда 2012), 63-80.

Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2018: И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин, Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований). Археологические вести 24, 2018, 102-109.

Кукушкин и др. 2016: И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан, А.И. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы). В: Уральский исторический вестник, 4 (53) (Екатеринбург 2016), 85-92.

Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016: Г.А. Кущ, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Клад металлических изделий эпохи бронзы из Восточного Казахстана. В сб.: Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы 2016), 149-158.

Кущ и др. 2016: А. Кущ, Г. Джумабекова, С. Демиденко, Г. Базарбаева, Клад эпохи поздней бронзы с клепаным сосудом из Восточного Казахстана. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 201-210.

Логвин, Шевнина 2018: А.В. Логвин, И.В. Шевнина, Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение). В: XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8-11 октября 2018 г. (Самара 2018), 123-125.

Мерц 2016: В.К. Мерц, Феномен бегазы-дандыбая в Прииртышье. «Мәдени мұра»/«Культурное наследие» № 4(67), 2016, 78-87.

Мерц 2017: В.К. Мерц, Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье. Мир Большого Алтая. Международный научный журнал 3 (4) 2017, 495-509.

Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005: З.С. Самашев, Ф.П. Григорьев, Г.С. Жумабекова, Древности Алматы (Алматы 2005).

Сарианиди 2001: В. Сарианиди, Некрополь Гонура и иранское язычество (на русском и английском языках) (Москва 2001).

Kukuškin 2013: I. Kukuškin, Streitwagen in Kasachstan und in den angrenzenden Gebieten. In: (Hrsg. T. Stöllner, Z. Samašev) Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Band I. Katalog der Ausstelung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013 (Bochum 2013), 221-230.

Stöllner, Samašev 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens I-II (Bochum 2013).

Cazanul de cupru din aşezarea Krivinka 1

Cuvinte-cheie: epoca bronzului în Kazahstan, vase de metal, aşezarea Krivinka 1, prelucrarea metalului.

Rezumat: Articolul este dedicat studiului unui vas de metal descoperit împreună cu alte ustensile neobişnuite şi ceramică în aşezarea din perioada târzie a epocii bronzului Krivinka 1, situată pe malul drept al râului Irtâş, în apropierea satului Krivinka, amplasat în partea de est a Republicii Kazahstan. Cultura materială a epocii bronzului din Kazahstan este de obicei reprezentată de un set standard de artefacte, printre care, până nu de mult, vasele de metal erau puţin cunoscute. Însă, în ultimul deceniu au fost descoperite o serie de vase de metal, care provin din complexe închise şi descoperiri fortuite, care demonstrează că această categorie de obiecte a fost, de asemenea, utilizată pe scară largă de către populaţia arhaică din Kazahstan, începând cu perioada timpurie a culturii Andronovo.

Reconstrucţia grafică a vasului ne permite să-l considerăm ca o găleată mică. Analiza metalului a arătat că vasul a fost fabricat din table de cupru. Acest vas, alături de alte descoperiri, precum şi unele situri arheologice, cercetate în ultimii ani în Kazahstan, schimbă imaginea despre cultura materială a triburilor din epoca bronzului din Kazahstan şi deschide o nouă etapă în studierea lor.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Ustensile de bronz din aşezarea Krivinka 1.

Fig. 2. Reconstituirea preliminară a vasului din aşezarea Krivinka 1.

Foto 1. Imaginea generală şi detaliile principale ale vasului din aşezarea Krivinka 1.

Foto 2. Imaginea generală şi detaliile principale ale vasului din aşezarea Krivinka 1.

Foto 3. 1 - Fragmente de table de metal tăiate şi plăcuţe pentru reparaţii din aşezarea Krivinka 1; 2 - nituri tăiate şi o placă de metal cu orificii pentru nituri din aşezarea Krivinka 1; 3 - ceramică din aşezarea Krivinka 1; 4 - ustensile cu funţionalitate necunoscută din alte aşezări din împrejurimile Krivinka; 5 - resturi de creuzet din zona Koktas; 6 - zgură şi minereu de cupru din zona Koktas.

Copper vessel from from Krivinka 1 settlement

Keywords: Bronze Age of Kazakhstan, metal vessels, Krivinka 1 settlement, metalworking.

Abstract: The article is devoted to the new find of a metal vessel, discovered together with pottery and other unusual tools at the Late Bronze Age settlement of Krivinka 1, located on the right bank of the Irtysh by the eponymous village in the East Kazakhstan Oblast of the Republic of Kazakhstan. The material culture of the Bronze Age of Kazakhstan is usually represented with a standard assemblage of artifacts, where metal vessels until recently have been almost not known. However, in the last decade there has appeared a number of examples of metal ware from closed complexes and random finds, demonstrating that the early population of Kazakhstan had broadly used them too starting from the Early Andronovo Period.

A graphic reconstruction allows representing the vessel as a small bucket. The metal analysis shows that the vessel was made of a copper sheet. This artifact, as well as some other finds and sites explored in the recent years at the territory of Kazakhstan change the idea of the material culture of the Bronze Age tribes of Kazakhstan and open a new stage in their research.

List of illustrations:

Fig. 1. Bronze implements, the settlement of Krivinka 1.

Fig. 2. Preliminary reconstruction of the metal vessel from the settlement of Krivinka 1.

Photo 1. General view and details of the metal vessel from the settlement of Krivinka 1.

Photo 2. General view and details of the metal vessel from the settlement of Krivinka 1.

Photo 3. 1 - Debris and cut pieces of sheet metal from the settlement of Krivinka 1; 2 - rivets and metal stripes with holes for such rivets; 3 - pottery, settlement Krivinka 1; 4 - tools of unknown destination from Krivinka 1; 5 - remains of the crucible in the Koktas field; 6 - slag and copper ore from the Koktas deposit.

10.04.2019

Др. Виктор Мерц, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, ул. Ломова, 64, Павлодар, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-3163-1609, e-mail: v_merz@mail.ru

МЕДНЫЙ КОТЕЛ С ПОСЕЛЕНИЯ КРИВИНКА 1. КОМПОЗИЦИОННЫЙ И МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Салтанат Амирова
Мильяна Радивоевич

Ключевые слова: медь, металлография, металлообработка, химический состав, скифы, Казахстан, железный век.

Введение

Сосуд с поселения Кривинка 1 был обнаружен поисковиком монет и передан в числе других артефактов археологу Павлодарского государственного университета им. Торайгырова к.и.н. Мерц В.К. Сосуд находится в коллекции Центра археологических исследований Университета, где в марте 2019 г. с поврежденного части изделия был взят образец металла для его дальнейшего композиционного и металлографического анализа (фото 1).

Методы анализа

Фрагмент сосуда был помещен в эпоксидную смолу, отшлифован и отполирован с помощью алмазной пасты до 0.25 μm. Затем образец был покрыт слоем углерода для проведения SEM-EDS анализа. Подготовленный таким образом образец был проанализирован на Zeiss Scanning Electron Microscope (SEM) EVO 25, оборудованном Oxford Instruments Energy Dispersive Spectroscopy (EDS) X-Max^N, работающем на EPH 20kV с током пучка 1200-2000 pA, на рабочем расстоянии (WD) 8.5мм.

Четыре сертифицированных стандартных образца бронзы (CRMs), выпущенных компанией Bureau of Analysed Samples Ltd. (BAS), были использованы для определения относительной погрешности результатов SEM-EDS анализа (Таблица 1).

Таблица 1

Список CRMs, использованных для определения относительной точности результатов SEM-EDS анализа

Удостоверитель	Материал (CRM)	Код
Bureau of Analysed Samples Ltd. (BAS)	Leaded Bronze	CURM 50.01-4
Bureau of Analysed Samples Ltd. (BAS)	Leaded Bronze	CURM 50.04-4
Bureau of Analysed Samples Ltd. (BAS)	Admirality Brass	CURM 42.23-2
Bureau of Analysed Samples Ltd. (BAS)	Leaded Gunmetal	CURM 71.32-4

Источник: www.basrid.co.uk

Относительная погрешность результатов SEM-EDS анализа равна 6% для Cu, 9% для Sn, 7% для S, 8% для Sb, 22% для Sn, 26% для Zn и более 40% для Pb для значений выше предела обнаружения. Относительная погрешность для Fe составляет не более 14% для значений, превышающих 0,2%. Предел обнаружения равен 0,1% (масс.). Только элементы с 3-х кратным превышением σ были включены в анализ.

В связи с отсутствием в рамках проведенного анализа сертифицированных стандартов для таких элементов как теллурий и селен определение относительной погрешности полученных результатов по данным элементам не предоставлено в рамках данной статьи.

[1] Авторы выражают глубокую признательность Институту археологии Университетского колледжа Лондона (UCL) за возможность использования лабораторного инструментария Археологических научных лабораторий Вулфсона (Wolfson Archaeological Science Laboratories) в рамках курса на соискание степени «Магистра естественных наук в области археологии: Технологии и Материалы», проходимым основным автором данной статьи.

Авторы также выражают глубокую признательность Институту Археo-металлургических Исследований (Institute of Archaeo-Metallurgical Studies,www.ucl.ac.uk/iams) за финансирование поездки авторов в Казахстан с целью сбора археометаллургических материалов, включая образец сосуда с поселения Кривинка 1.

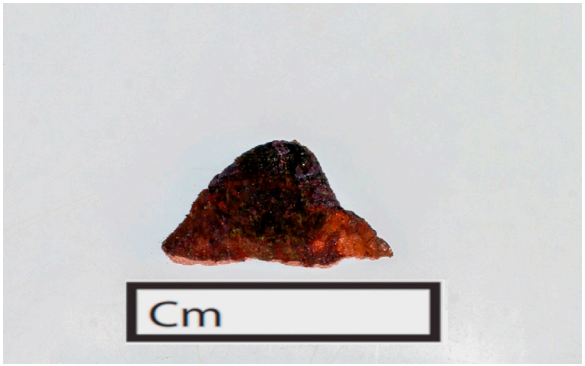


Фото 1. Отобранный образец сосуда.

Образец также был изучен с помощью микроскопа в поляризованном свете (оптический микроскоп) для определения наличия и форм включений, а также для анализа цвета и гомогенности образца. После проведенного анализа отполированный образец был протравлен Алкогольным раствором хлорного железа (120 мл этанола, C_2H_5OH; 30 мл соляной кислоты, HCI; 10 гр. хлорного железа, $FeCl_3$) для выявления металлографической структуры металла (Scott 1991, 72).

Результаты

Результаты SEM-EDSанализа показали, что сосуд был изготовлен из медивысокой чистоты (в среднем 98.3 ат.%) (Таблица 2). Композиционный состав металла гомогенен по всей поверхности исследованного образца (стандартное отклонение составляет 0.2%). Были зафиксированы включения серы (S), олова (Sn), селена (Se), железа (Fe), свинца (Pb), теллурия (Te), цинка (Z) исурьмы (Sb) (Таблица 3, фото 5).

Металлографический анализ показал равноосную гексагональную металлографическую структуру металла с деформированными кристаллами, прямыми и изогнутыми двойниками отжига, линиями деформации и продолговатыми сернистыми включениями (фото 2-4). Полученные результаты предполагают, что объект подвергался неоднократной механической обработке и последующему отжигу. Завершающей стадией обработки была проковка объекта в холодном состоянии, что подтверждается наличием линий деформации и изогнутых двойников отжига (фото 3).

Таблица 2

Результаты композиционного анализа (SEM-EDS) в ат.% (металл)

Металл	**(ат.%)**	
Тип анализа	**Cu**	**O**
точечный	98.1	1.9
точечный	98.5	1.5
точечный	98.2	1.8
точечный	98.3	1.7
точечный	98.4	1.6
точечный	98.3	1.7
точечный	98.4	1.6
точечный	98.1	1.9
точечный	98.0	2.0
Среднее зн.	*98.3*	*1.7*
Медианное зн.	*98.3*	*1.7*
Стандартное отклонение	*0.2*	*0.2*
Минимальное зн.	*98.0*	*1.5*
Максимальное зн.	*98.5*	*2.0*

Обсуждение

Сосуд был изготовлен из меди высокой чистоты, которая возможно была выплавлена из сульфидных руд. Наличие S (среднее зн. 5,5 ат.%), Se (среднее зн. 7,7 ат.%), Fe (среднее зн. 0,6 ат.%), Te (среднее зн. 0,5 ат.%) вероятно является признаком использования сульфидных медных руд при выплавке данного металла (например, халькопирит). Присутствие Sn (среднее зн. 2,1 ат.%) в числе выявленных включений может указывать на наличие оруденений олова в рамках основного медного месторождения. Однако, это также может означать использование оловянно-колчеданных минералов (Cu_2FeSnS_4).

Металлографический анализ показал, что металл был отлит, после чего прошел через неоднократный цикл, включавший в себя проковку в холодном состоянии с последующим отжигом. Присутствие линий деформации, изогнутых двойников отжига и продолговатых сернистых включений указывает, что металл подвергся значительной механической обработке (фото 3 и 4). Завершающей стадией обработки металла была его проковка в холодном состоянии, что подтверждается наличием линий деформации и изогнутых двойников отжига (фото 3).

Заключение

Сосуд был изготовлен из меди высокой чистоты (в среднем 98 ат.%). Были зафиксированы включения серы (S), олова (Sn), селена (Se), железа (Fe), свинца (Pb), теллурия (Te), цинка (Z) и сурьмы (Sb).

Металл был отлит, после чего прошел через неоднократный цикл, включавший в себя проковку в холодном состоянии с последующим отжигом. Металл, возможно, был выплавлен из сульфидных медных руд (например, халькопирит).

Таблица 3

Результаты композиционного анализа (SEM-EDS) в ат.% (включения)

Включения	**ат.%**									
Тип анализа	**Cu**	**Sn**	**S**	**Se**	**Zn**	**Fe**	**Te**	**Sb**	**Pb**	**O**
точечный	88.7	nd	1.1	3.9	nd	0.1	nd	nd	nd	6.2
точечный	83.5	0.2	1.3	4.4	0.5	0.9	nd	nd	nd	9.2
точечный	79.9	2.0	0.3	1.6	0.4	1.0	nd	0.2	0.6	14.1
точечный	81.5	5.7	3.1	3.4	nd	nd	0.2	nd	nd	6.2
точечный	92.0	0.6	2.4	2.6	nd	nd	nd	nd	nd	2.5
точечный	68.1	nd	12.8	15.6	nd	nd	0.7	nd	nd	2.8
точечный	67.0	nd	13.7	15.6	nd	nd	0.7	nd	nd	3.0
точечный	71.5	nd	10.5	13.8	nd	0.2	0.6	nd	nd	3.5
точечный	80.7	nd	4.5	8.1	nd	nd	0.2	nd	nd	6.6
Среднее зн.	*79.2*	*2.1*	*5.5*	*7.7*	*0.5*	*0.6*	*0.5*	*0.2*	*0.6*	*6.0*
Медианное зн.	*80.7*	*1.3*	*3.1*	*4.4*	*0.5*	*0.5*	*0.6*	*0.2*	*0.6*	*6.2*
Стандартное отклонение	*8.7*	*2.5*	*5.3*	*5.8*	*0.0*	*0.5*	*0.3*	-	-	*3.8*
Минимальное зн.	*67.0*	*0.2*	*0.3*	*1.6*	*0.4*	*0.1*	*0.2*	*0.2*	*0.6*	*2.5*
Максимальное зн.	*92.0*	*5.7*	*13.7*	*15.6*	*0.5*	*1.0*	*0.7*	*0.2*	*0.6*	*14.1*

nd: ниже предела обнаружения

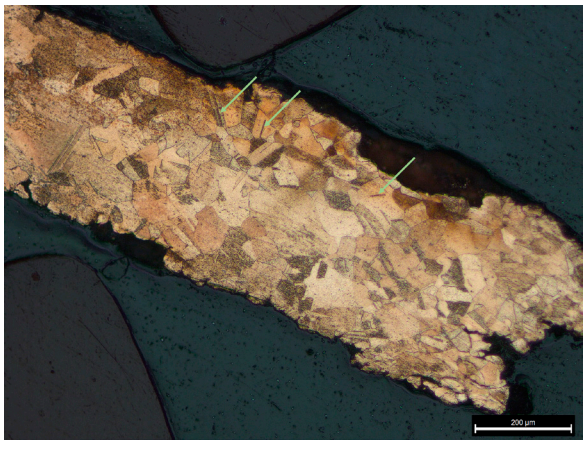


Фото 2. Микрофотоснимок края образца в поляризованном свете, демонстрирующий прямые двойники отжига (обозначены зелеными указателями) и равно-осную гексагональную металлографическую структуру с деформированными кристаллами. Образец протравлен Алкогольным раствором хлорного железа. Увеличение 10х.

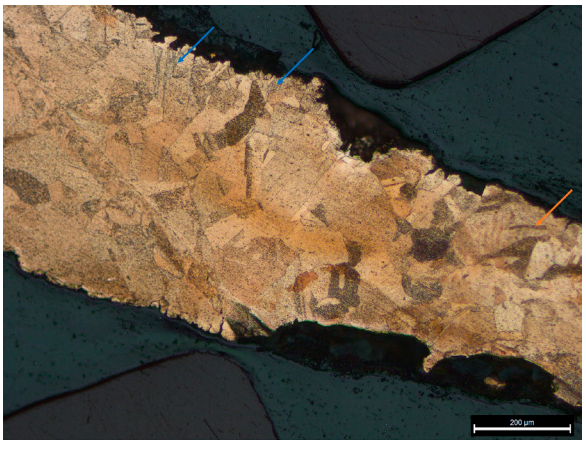


Фото 3. Микрофотоснимок центральной части образца в поляризованном свете, демонстрирующий линии деформации (обозначены синими указателями) и изогнутый двойник отжига (обозначен оранжевым указателем). Образец протравлен Алкогольным раствором хлорного железа. Увеличение 10х.

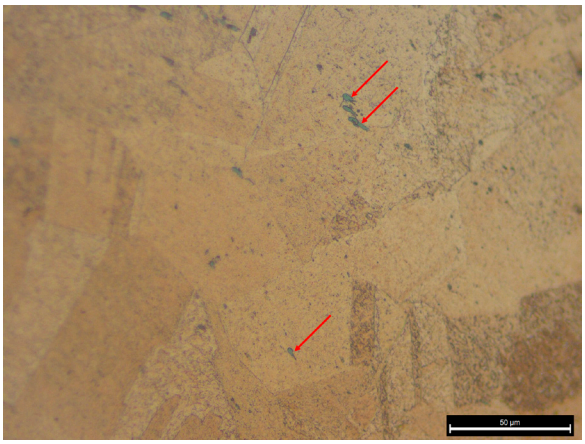


Фото 4. Микрофотоснимок в поляризованном свете с продолговатыми сернистыми включениями (обозначены красным указателем). Образец протравлен Алкогольным раствором хлорного железа. Увеличение 50х.

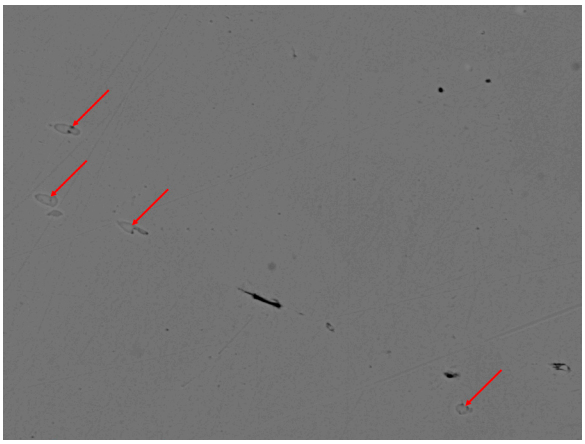


Фото 5. SEM-EDS изображение включений Cu, Se, Te, S и S (обозначены красными указателями) в обратно-рассеянных электронах. Увеличение 1000х.

Библиография

Scott 1991: D.A. Scott, Microstructure of Ancient and Historic Metals. The Getty Conservation Institute, The J. Paul Getty Trust, in Association with Archetype Books (Library of Congress Cataloguing-in-Publication Data 1991).

Scott 2013: D.A. Scott, The use of metallographic and metallurgical investigation methods in the preservation of metallic heritage artefacts. In: (Eds. P. Dillmann, D. Watkinson, E. Angelini, A. Adriaens) Corrosion and conservation of Cultural Heritage Metallic Artefacts (European Federation of Corrosion Publications, Number 65). Woodhead Publishing Limited, USA, 2013.

Tylecote, Ghaznavi, Boydell 1977: R.F. Tylecote, H.A. Ghaznavi, P.J. Boydell, Partitioning of Trace Elements Between Ores, Fluxes, Slags and Metal during the smelting of copper. Journal of Archaeological Science 4, 1977, 305-333.

Cazanul de cupru din aşezarea Krivinka. Componenţa chimică şi analiza metalografică

Cuvinte-cheie: cupru, metalografie, prelucrarea metalului, componenţă chimică, sciţi, Kazahstan, epoca fierului.

Rezumat: Vasul de metal din aşezarea lui Krivinka 1 a fost descoperit de un căutător de monede şi predat arheologilor de la Universitatea de Stat „Toraigârov” din Pavlodar. În martie 2019, a fost prelevat un eşantion de la vas pentru analiza combinată, folosind microanaliza de dispersie a energiei cu un microscop electronic (SEM-EDS) şi pentru examinarea metalografică. S-a constatat că vasul a fost fabricat din cupru de înaltă puritate (medie 98.3 at.%) cu elemente de staniu, sulf, fier, seleniu, telur, zinc, antimoniu şi plumb. Metalul a fost turnat şi trecut prin câteva etape de forjare la temperaturi înalte. În faza finală vasul a fost forjat într-o stare rece.

Lista ilustraţiilor:

Tabelul 1. Lista CRMs, utilizate pentru determinarea devierii rezultatelor de analiză SEM-EDS. Sursa: www.basrid.co.uk

Tabelul 2. Rezultatele analizei compoziţionale (metal).

Таблица 3. Rezultatele analizei compoziţionale (SEM-EDS) în at.% (ingrediente).

Foto 1. Eşantionul de la vas.

Foto 2. Microfotografia marginii eşantionului în lumină polarizată, care prezintă gemeni drepţi de călire (indicaţi prin săgeţi verzi) şi o structură metalografică hexagonală cu axă egală cu cristale deformate. Proba a fost tratată cu o soluţie alcoolică de clorură de fier. Mărire 10x.

Foto 3. Microfotografia părţii centrale a eşantionului în lumină polarizată care prezintă linii deformate (indicate cu săgeţi albastre) şi o dublă curbă de călire (indicată cu săgeţi portocalii). Proba a fost tratată cu o soluţie alcoolică de clorură de fier. Mărire 10x.

Foto 4. Microfotografia în lumină polarizată cu incluziuni de sulf oblong (indicate cu indicator roşu). Proba a fost tratată cu o soluţie alcoolică de clorură de fier. Mărire 50x.

Foto 5. SEM-EDS imaginea incluziunilor Cu, Se, Te, S şi S (indicate cu indicatoare roşii). Mărire 1000x.

Copper vessel from from Krivinka 1 settlement. Compositional and metallographic analysis

Keywords: copper, compositional analysis, metallography, metal working, Scythians, Kazakhstan, Iron Age.

Abstract: The metal vessel from Krivinka 1 site was detected by a metal detectorist and handed over to archaeologists from the Pavlodar State University. A sample of the vessel was taken for compositional analysis by OM and SEM-EDS and metallographic study in March 2019. The metal was found to be made of copper of high purity (on average 98.3 at%) with relevant contents of tin, sulfur, iron, selenium, tellurium, zinc, antimony and lead. The object was cast and worked in several cycles of hammering and annealing, with final touch of cold working.

List of illustrations:

Table 1. List of CRMs used for identification of relative accuracy of the SEM-EDS analysis results. Source: www.basrid.co.uk

Table 2. SEM-EDS analysis results of chemical composition of metal body represented in atomic percentage.

Table 3. SEM-EDS analysis results of chemical composition of inclusions represented in atomic percentage.

Photo 1. Sampled section of the Krivinka vessel.

Photo 2. Photomicrograph taken under plain polarized light showing the edge of the sample with annealing twins (green arrowed) and equiaxed hexagonal metallic structure. Etched with Alcoholic ferric chloride. Magnification 10x.

Photo 3. Photomicrograph taken under plain polarized light showing the center of the sample with strain lines (blue arrowed), a banded annealing twin (orange arrowed) and equiaxed hexagonal metallic structure. Etched with Alcoholic ferric chloride. Magnification 10x.

Photo 4. Photomicrograph taken under plain polarized light with elongated sulfide inclusions (red arrowed) and annealing twins (light violet arrowed). Etched with Alcoholic ferric chloride. Magnification 50x.

Photo 5. SEM backscattered electron image of the metal body with inclusions reach of Cu, Se, Te, S and S (red arrowed). Magnification 1000x.

07.06.2019

Салтанат Амирова, Университетский колледж Лондона, Институт Археологии, адрес: 31-34, Гордон Скуэр, Лондон, WC1H OPY, https://orcid.org/0000-0002-6135-5943, e-mail: saltanat.amirova.17@ucl.ac.uk

Др. Мильяна Радивоевич, Университетский колледж Лондона, Институт Археологии, адрес: 31-34, Гордон Скуэр, Лондон, WC1H OPY, https://orcid.org/0000-0001-7329-305X, e-mail: m.radivojevic@ucl.ac.uk

ПОГРЕБЕНИЯ С ПОВОЗКАМИ В ЯМАХ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОЗЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА

Елена Избицер

Ключевые слова: подкурганные захоронения, период средней бронзы, повозки, бассейн реки Дон, погребальный обряд.

В последние годы повилось несколько публикаций, посвященных новым находкам погребений с повозками в ямах эпохи средней бронзы на территории Северного Кавказа (Калмыков 2016; Алейников, Глебов, Стеганцева 2018). Несмотря на то, что в целом эта категория погребений составляет немногочисленную группу, расширение источниковедческой базы дает возможность выделить особенности обряда с повозкой, характерного для погребений данной группы в пределах определенного степного региона.

С этой точки зрения интерес представляет погребение 10 в кургане 3 могильника Ясеневый II. До его открытия на территории бассейна Дона был известен лишь один подобный комплекс – Шахаевская II курган 2, погребение 8 (рис. 1). При публикациии обоих погребений исследователями отмечались особенности (для каждого комплекса свои), выделяющие данные погребения среди одновременных, и на основании которых они были отнесенны к категории уникальных. Между тем, при более детальном анализе видно, что в обоих случаях уникальные характеристики погребений являются лишь результатом интерпретаций раскопанного материала. В то же время оба комплекса выделяет наличие повозки и связанные с этим детали обряда. Погребения Шахаевская II 2/8 и Ясеневый II 3/10 сопоставимы по ряду показателей, в частности таких, как тип погребального сооружения, место повозки в погребении, а также соотношение расположения повозки и погребенных, характерное исключительно для территории бассейна Дона.

Погребение Шахаевская II 2/8 было открыто в 1972 г. Багаевским отрядом Донской экс-

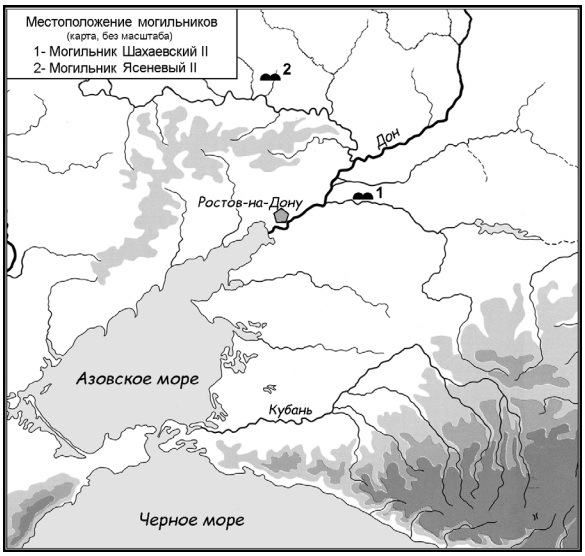


Рис. 1. Местоположение курганных групп (карта, без масштаба): 1 - Шахаевская II; 2 - Ясеневый II.

педиции. В результате раскопок оказалась прослеженной яма, имевшая «неправильную пятилепестковую форму», основанием которой служил прямоугольник с полукруглыми выступами по углам; еще один подобный выступ, являвшийся и входом в подбойную камеру, был в центре юго-восточной стенки; другая камера была выведена из восточного угла ямы. В центре ямы сохранились остатки кузова повозки с костяком 2, кости которого были уложены пакетом; у юго-западной стенки, скорченно на правом боку, находился костяк 1; в одной из камер было скорченное на правом боку одиночное захоронение подростка – костяк 3, а в другой – парное захоронение взрослого, обозначенного как костяк 4 (кости которого были уложены пакетом), и младенца в вытянутом на спине положении (рис. 2, 3; Федорова-Давыдова 1980).

Автор раскопок Э.А. Федорова-Давыдова интерпретировала данную связку погребений

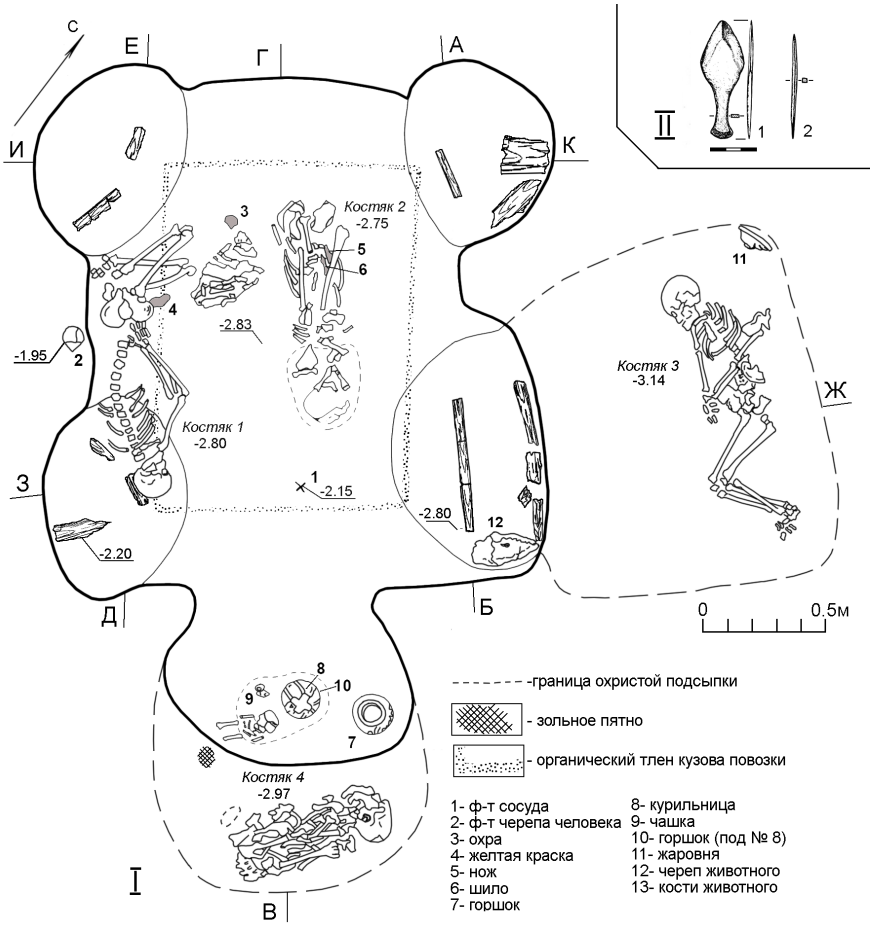


Рис. 2. Шахаевская II, курган 2, погребение 8: I - план погребения; II, 1 - бронзовый нож, 2 - бронзовое шило (по Федорова-Давыдова 1983).

следующим образом: первоначально вырыли яму с выемками по углам для колес и подбоем в юго-восточной стенке для ярма и дышла, а также камеру в восточном углу ямы; одновременно с повозкой были совершены три захоронения. Это костяки: 2 – в повозке, 3 – в камере и 4 – в подбое. Позднее яма была вскрыта и впущены еще два захоронения, представленные костяком 1 и костяком младенца в подбое. При этом погребенного в подбое взрослого отодвинули вглубь, его кости сложили в кучу, а младенца положили у входа в подбой. Так же и кости находившегося на повозке погребенного были сдвинуты и уложены в кучу, а другой погребенный, костяк 1, положен в свободную часть ямы (Федорова-Давыдова 1980, 39-45, рис. 1-2; Федорова-Давыдова 1983, 40-41, рис. 6). По мнению Федоровой-Давыдовой, хоронившие последних умерших «знали устройство могильной ямы и ее место в кургане» (Федорова-Давыдова 1980, 42).

Ни утверждения о последовательности совершения погребений, ни версии о прижизненном подчиненном положении и занятиях погребенных, изложенные автором – в них присутствуют и социальное неравенство, и возничий, и тягловые животные, и ухаживающий за молодняком подросток (Федорова-Давыдова 1980, 43-44), не выдерживают критики, поскольку и обряд погребений, и инвентарь, и ситуация в целом указывают на то, что яма нарушила катакомбные погребения, впущенные в курган ранее. Поэтому яму с повозкой и двумя погребенными нужно рассматривать как самостоятельный комплекс.

Согласно описанию, «Костяк 1, принадлежавший взрослому человеку, находился в основной могильной яме, у юго-западной стенки, лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Костяк завалился на грудь, руки вывернуты локтями вперед,

фаланги пальцев находились в области живота, ноги резко подогнуты в коленях. Кости обильно засыпаны порошком мела, у таза обнаружен кусок желтой минеральной краски. Костяк 2, также принадлежащий взрослому индивидууму, находился в середине могилы. Кости были аккуратно сложены в кучу так, что имитировали ориентировку погребенного головой на юго-восток: длинные кости положены параллельно продольной оси ямы, с юго-востока от них находились кости черепа, с северо-запада – тазовые кости. Под черепом прослеживались следы охристой подсыпки, все кости засыпаны порошком мела. Между погребенными находились остатки заупокойной пищи – кости и разрубленный череп барана, рядом с ними – кусок красной краски. Под костяком 2, костями животного, коленями и черепом костяка 1 прослеживался сплошной слой меловой подсыпки и древесной трухи, который образовывал правильный четырехугольник размером 1,4×1,05 м, соответствующий контуру кузова погребальной повозки. Костяк 2 находился почти в центре повозки. Костяк 1 лежал у самой стенки ямы, лишь руки его, колени и лицевая часть черепа находились на остатках кузова, грудная клетка располагалась над выемкой для колеса. Череп погребенного лежал непосредственно на отпечатке стоявшего там ранее колеса. Очевидно, это погребение было впущено в существовавшую ранее могильную яму уже после того, как дерево частично истлело» (Федорова-Давыдова 1983, 41-42). При этом, по предположению Федоровой-Давыдовой, колесо, на отпечатке которого лежал череп, было выброшено из ямы при подзахоронении (Федорова-Давыдова 1983, 58). Не останавливаясь на этой своеобразной трактовке, предложим свою интерпретацию первоначального положения повозки и погребенных.

На дно ямы была поставлена повозка; были ли колеса сняты с осей – неясно, но расположение сохранившихся остатков близко к их реальному месту. Кости погребенного, уложенные пакетом, находились в повозке. Второго погребенного положили на дно могилы, правой стороной прислонив к кузову. По мере того, как дерево кузова истлевало, кости погребенного опускались вместе с проседавшим деревом и в результате оказались частично поверх него. Предположение о таком соотношении погребенных и повозки подтверждается материалами погребения Ясеневый II 3/10.

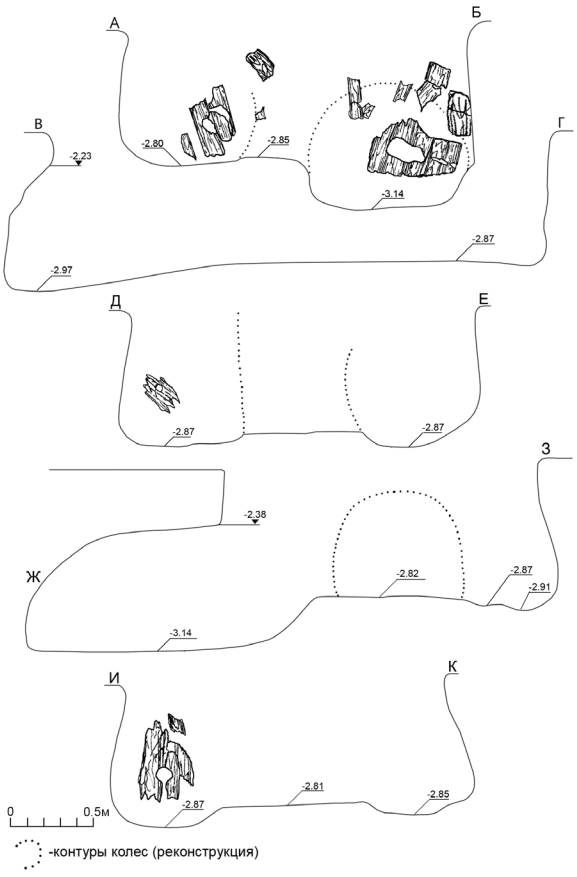


Рис 3. Шахаевская II, курган 2, погребение 8. Разрезы погребения (по Федорова-Давыдова 1983).

Погребение Ясеневый II 3/10 было открыто в 2006 г. в Тарасовском районе Ростовской области в ходе работ совместной экспедиции «Донского наследия» и «Археологического научно-исследовательского бюро» (Алейников, Глебов, Стеганцева 2018)[1]. Оно представляло собой яму подпрямоугольной в плане формы и содержало два захоронения на разных уровнях. На 1-м, верхнем, уровне был расчищен скелет в слабоскорченном положении на боку (рис. 4); на нижнем, 2-м уровне, лежал еще один скелет, также скорченно на правом боку, но с бóльшим завалом на спину (рис. 5). На нижнем уровне находились также остатки кузова повозки и снятые с осей колеса, стоявшие попарно у юго-восточного и южного

[1] Приношу искреннюю благодарность В.В. Алейникову и В.П. Глебову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами полевого отчета.

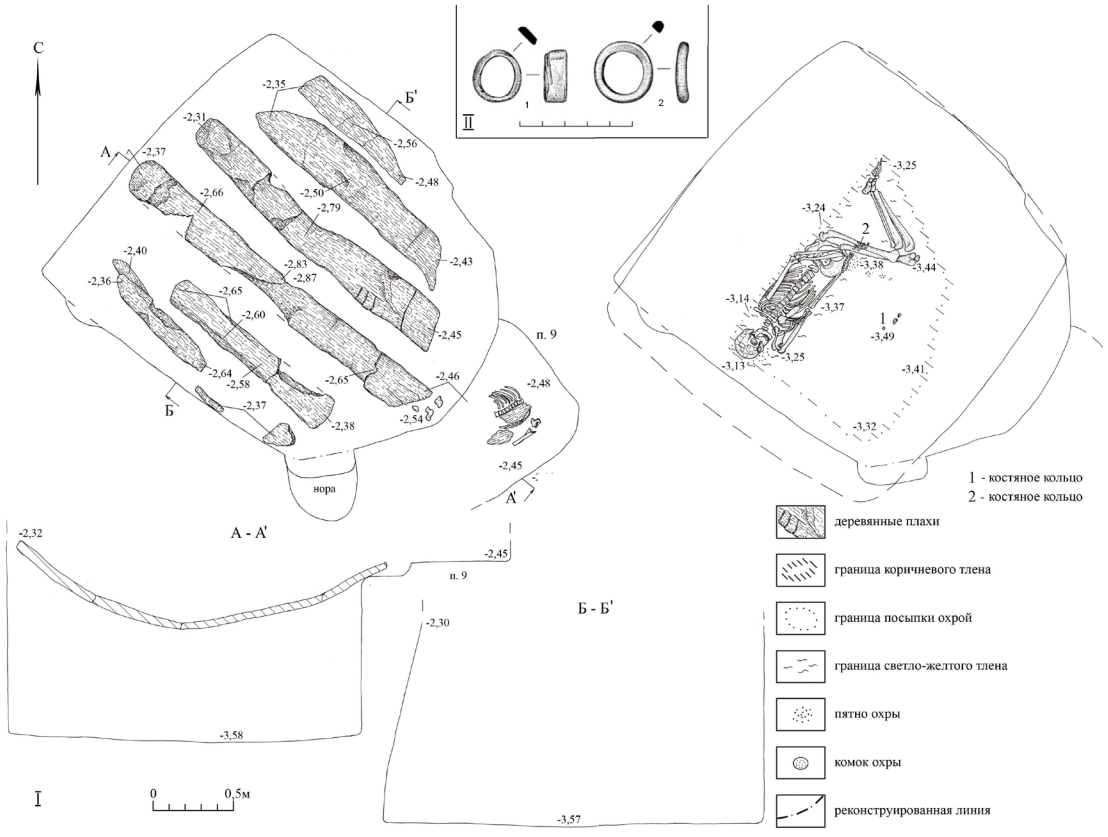


Рис. 4. Ясеневый II, курган 3, погребение 10, 1-й уровень: I - планы и разрезы погребения; II, 1, 2 - костяные кольца (по Алейников, Глебов, Стеганцева 2018).

углов ямы. К сожалению, в публикации погребения авторы не поясняют, как они соотносят между собой эти два уровня. Повозку они связывают с захоронением на нижнем уровне. В то же время в описании погребения указано, что границы коричневого тлена 1-го уровня совпадали с границами кузова, а костяк 1-го уровня был расположен над одной из длинных стенок кузова (Алейников, Глебов, Стеганцева 2018, 100), т.е. в пределах пространства кузова. В целом, перепад глубин составлял до 42 см (Там же), но в отдельных местах он был значительно меньше: концы некоторых плах конструкции кузова отмечены на глубине 3,30-3,37 см (рис. 6), при том, что глубина у стоп погребенного составляла 3,25 см (рис. 4), и под костяком прослежен органический тлен; верхний уровень колес также был выше уровня, на котором лежал верхний костяк. Таким образом, приведенное описание и отмеченные глубины указывают на то, что погребенный на 1-м, верхнем, уровне находился непосредственно в повозке, а погребенный на 2-м, нижнем, уровне лежал рядом с повозкой на дне ямы – то есть так же, как и в Шахаевская II 2/8.

Погребение Ясеневый II 3/10 авторы публикации относят к памятникам новотитаровского облика, с чем трудно согласиться, даже с учетом их оговорки на особенности в положении колес, присущие, по их мнению, уже катакомбному времени. В качестве доказательных признаков перечислены «наличие перекрытия из тесаных древесных плах, конструкция рамы повозки из тонких плашек, досок и прутьев, а также то, что колеса сняты с осей и лежат в могиле отдельно, по сторонам повозки» (Алейников, Глебов, Стеганцева 2018, 101). Однако ни одна из приведенных характеристик, так же как и их совокупность, не является атрибутом исключительно новотитаровской культуры. При этом, описанная схема расположения повозки в погребениях новотитаровской культуры неизвестна, а наличие памятников этой культуры на Дону нуждается в более надежном обосновании.

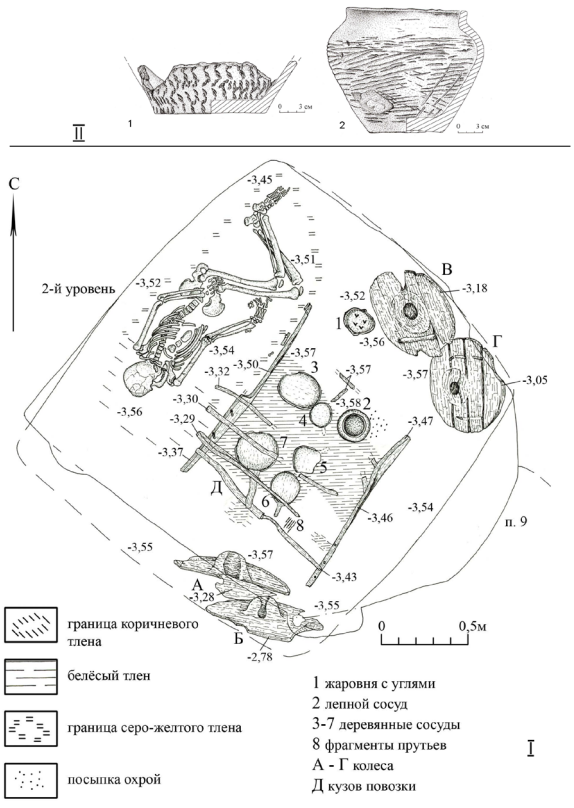


Рис. 5. Ясеневый II, курган 3, погребение 10, 2-й уровень: I - план погребения; II, 1 - жаровня, 2 - лепной сосуд (по Алейников 2006).

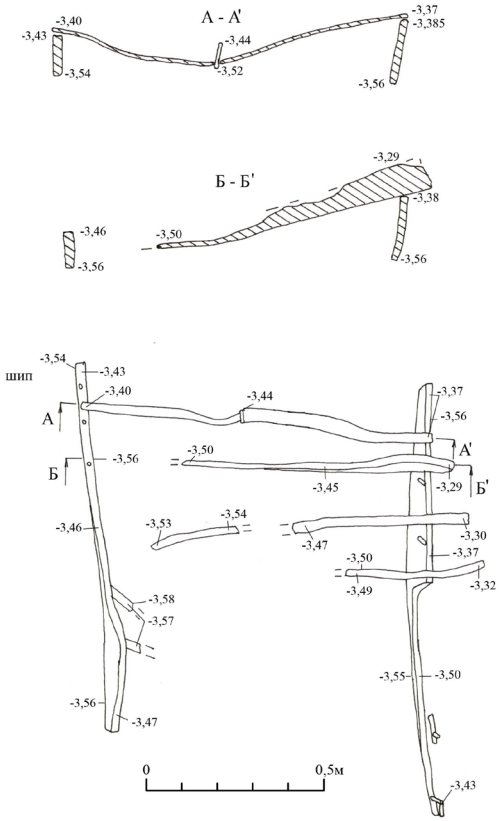


Рис. 6. Ясеневый II, курган 3, погребение 10, 2-й уровень. Остатки рамы кузова повозки (по Алейников 2006).

Оба комплекса, и Ясеневый II 3/10, и Шахаевская II 2/8 датируются эпохой средней бронзы. Но они несколько отличаются конфигурацией ям – Шахаевская II 2/8 углы выступают за пределы контура ямы (такая форма ям нередко встречается в Северо-Западном Прикаспии[2]). Разнятся также положение и место колес в яме: в Шахаевская II 2/8 колеса стояли по обе стороны повозки, а в Ясеневый II 3/10 снятые с осей колеса были поставлены попарно у противоположных стенок ямы. Для ответа на вопрос, связаны ли эти отличия с другими элементами обряда или это отличия временные, необходим анализ большого массива погребений.

Помимо рассмотренных выше погребений с территории бассейна Дона, известные на сегодня погребения с повозками в ямах эпохи средней бронзы, за исключением одного из Закубанья, открыты на территории Северо-Западного Прикаспия. Среди них есть и коллективные захоронения, но в таких случаях все погребенные находились в повозке. Если на протяжении нескольких десятилетий погребение Шахаевская II 2/8 представлялось малопонятным исключением, то наличие уже двух комплексов – Шахаевская II 2/8 и Ясеневый 3/10 – с идентичной схемой расположения погребенных относительно повозки, позволяет говорить об определенном стандарте в погребальном обряде. Являлся ли этот стандарт характерным исключительно для донского региона, покажет будущее.

Библиография

Алейников 2006: В.В. Алейников, Отчет об исследовании курганного могильника «Ясеневый II» в Тарасовском районе Ростовской области в 2006 году. Архив Государственного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие».

[2] Ямы подобной формы будут рассмотрены в специальной работе.

Алейников, Глебов, Стеганцева 2018: В.В. Алейников, В.П. Глебов, В.Я. Стеганцева, Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области. Археологические вести 24, 2018, 94-101.

Калмыков 2016: А.А. Калмыков, Об использовании повозок в погребальном ритуале восточноманычской катакомбной культуры. В кн.: Изучение и сохранение археологического наследия Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции, Грозный, 18-21 апреля 2016 г. (Грозный 2016), 27-29.

Федорова-Давыдова 1980: Э.А. Федорова-Давыдова, История и культура Евразии по археологическим данным (Труды государственного ордена Ленина Исторического музея 51) (Москва 1980), 39-45.

Федорова-Давыдова 1983: Э.А. Федорова-Давыдова, Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче. В кн.: Древности Дона (Москва 1983), 40-43.

Morminte cu caruri în gropile din perioada mijlocie a epocii bronzului din bazinul Donului

Cuvinte-cheie: morminte tumulare, perioada mijlocie a epocii bronzului, caruri, bazinul fluviului Don, rit funerar.

Rezumat: În baza publicării recente a unui mormânt cu car de la Yasenevyi II 3/10, din regiunea Donului, a fost posibil de făcut o comparaţie a lui cu mormântul Shakhaevskaya II 2/8 din aceeaşi regiune. Aceste două morminte sunt asemănătoare printr-un şir de elemente atât după tipul construcţiei cavoului funerar, amplasarea carului în mormânt, cât şi prin poziţia carului şi a celor înmormântaţi. Ultimul element este cel mai interesant, deoarece este caracteristic exclusiv pentru regiunea Donului şi se deosebeşte de alte morminte cu caruri în gropi din perioada mijlocie a epocii bronzului din alte regiuni ale Caucazului de Nord.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea grupelor de tumuli (harta, fără scară): 1 - Shakhaevskaya II; 2 - Yasenevyi II.

Fig. 2 Shakhaevskaya II, tumul 2, mormântul 8: I - planul mormântului; II, 1 - cuţit de bronz; 2 - sulă de bronz (după Федорова-Давыдова 1983).

Fig. 3. Shakhaevskaya II, tumul 2, mormântul 8. Profilurile mormântului (după Федорова-Давыдова 1983).

Fig. 4. Yasenevyi II, tumul 3, mormântul 10, nivelul 1: I - planul şi profilurile mormântului; II, 1, 2 - inele de os (după Алейников, Глебов, Стеганцева 2018).

Fig. 5. Yasenevyi II, tumul 3, mormântul 10, nivelul 2: I - planul; II, 1 - grătar; 2 - vas de lut modelat cu mâna (după Алейников 2006).

Fig. 6. Yasenevyi II, tumul 3, mormântul 10, nivelul 2. Resturile ramei de la car (după Алейников 2006).

Wagon burials in pits of the Middle Bronze Age in the Don River basin

Keywords: kurgan burials, Middle Bronze Age, wagons, Don River basin, burial rite.

Abstract: The recent publication of a wagon burial Yasenevyi II 3/10 in the Don River region allows us to compare it with another grave from the same region, Shakhaevskaya II 2/8. These two burials share such important features as the type of the grave, the place of the wagon within the grave, and also the relative positions of both the wagon and the buried people. The latter feature is especially interesting because it turned out to be typical for the Don River region, differing from other wagon burials in pits of the Middle Bronze Age known in other regions of the Northern Caucasus.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of kurgan groups (map, no scale): 1 - Shakhaevskaya II; 2 - Yasenevyi II.

Fig. 2. Shakhaevskaya II, kurgan 2, grave 8: I - plan of the grave; II, 1 - bronze knife; 2 - bronze awl (after Федорова-Давыдова 1983).

Fig. 3. Shakhaevskaya II, kurgan 2, grave 8. Cross-sections (after Федорова-Давыдова 1983).

Fig. 4. Yasenevyi II, kurgan 3, grave 10, 1st level: I - plan and closs-sections; II, 1, 2 - bone rings (after Алейников, Глебов, Стеганцева 2018).

Fig. 5. Yasenevyi II, kurgan 3, grave 10, 2nd level: I - plan; II, 1 - incense-burner, 2 - clay vessel (after Алейников 2006).

Fig. 6. Yasenevyi II, kurgan 3, grave 10, 2nd level, remains of the frame of the wagon box (after Алейников 2006).

18.09.2019

Др. Елена Избицер, New York, USA, https://orcid.org/0000-0002-5173-2178, e-mail: eizbitser@gmail.com

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ТИЛИГУЛЬСКОГО ЛИМАНА И БАССЕЙНА Р. БЕРЕЗАНЬ (материалы к археологической карте Северного Причерноморья)

Виктор Гребенников

Ключевые слова: поздняя бронза, поселения, стоянки, Тилигульский лиман, р. Березань.

Данная работа является логическим продолжением статьи «Поселения, стоянки и клады Степного Побужья эпохи поздней бронзы», которая вышла в журнале *Tyragetia* в 2018 г. (Гребенников 2018, 155-185). Она органически дополняет карту поселений эпохи поздней бронзы, расположенных на территории Николаевской области.

Регион находится в восточной части Северного Причерноморья. Он представляет собой равнину, изрезанную ложами лиманов, долинами небольших степных рек и древних балок. В эпоху поздней бронзы был густо заселен племенами сабатиновской культуры и пришедшими им на смену белозерцами.

В административном плане регион включает в себя западные части Николаевского и Очаковского, а также Березанский районы Николаевской области.

Описанию памятников Северного Причерноморья посвящали свои труды многие авторы, начиная с XVI в. Среди них хотелось бы особо выделить исследователей-археологов В.Н. Ястребова (Ястребов 1894), В.И. Гошкевича (Гошкевич 1903) и И.В. Фабрициус. Все они в своих работах в большей или меньшей степени касались Тилигуло-Березанского межлиманья. Однако они описывали преимущественно памятники и находки античного и средневекового периодов. Лишь некоторые из находок В.Н. Ястребов и В.И. Гошкевич привязывали к «киммерийскому времени». Только И.В. Фабрициус в своей работе «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР»[1] уже четко относила часть описываемых находок из данного района к эпохе бронзы (Фабрициус 1951, табл. 5-6, 18-19). Однако поселения этого периода там ещё не были определены.

Действительно научные исследования поселений эпохи поздней бронзы в этом районе начались уже после второй мировой войны. Так в 1949 г. сотрудником экспедиции ОАМ М.С. Синицыным были проведены разведки на Березанском лимане и небольшие раскопки поселения Викторовка III (Синицын 1949, 46-49). В результате них это поселение было отнесено к раннему периоду сабатиновской культуры. В следующем году разведки на Тилигульском лимане провел отряд Бугo-Днепровской экспедиции ИА АН УССР под руководством Э.А. Сымоновича. На левом его берегу было открыто несколько поселений интересующей нас эпохи (Сымонович 1950).

В 1957 г. разведки в степях Тилигуло-Березанского межлиманья провела Западно-Скифская экспедиция ИА АН СССР под руководством Н.Н. Погребовой. Были обследованы разновременные поселения, открытые ранее местным краеведом Л.В. Кондрацким. Часть из них была отнесена к эпохе поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960). В последующие годы поселение у с. Анатольевка (Анатольевка-Клуня) было частично исследовано Н.Н. Погребовой, которая на основе найденного материала отнесла его к позднему этапу сабатиновской культуры (Погребова 1961; Погребова, Елагина 1962).

В этот же период разведку у с. Нечаяное на р. Березань провела экспедиция ОАМ, в результате которой было обнаружено многослойное поселение, содержащее и материалы сабатиновской культуры (Валенционок 1960, 153-154).

[1] Книга была написана во второй половине 30-х годов XX в.

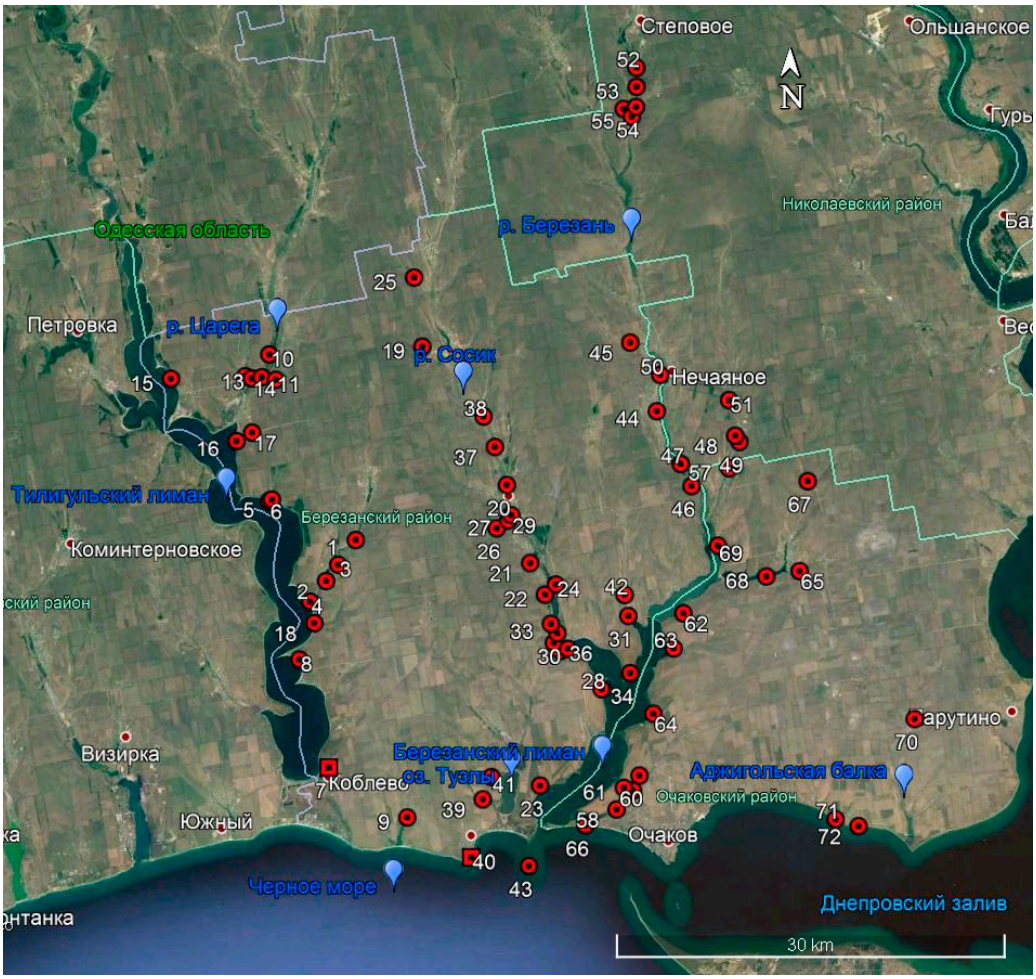


Рис. 1. Карта поселений эпохи поздней бронзы Тилигуло-Березанского межлиманья. Номера поселений на карте соответствуют номерам поселений в тексте.

В 1969 г. разведку в долине нижнего течения р. Березань и левого берега Березанского лимана от с. Даниловка до с. Черноморка провел отряд экспедиции НКМ под руководством Ю.С. Гребенникова. Было найдено несколько поселений, в том числе и поздней бронзы.

Сразу после своего создания в 1969 г., Южнобугская экспедиция ИА АН УССР под руководством Г.Т. Ковпаненко провела разведки на участках р. Чичиклеи и в верховьях р. Березань, где у с. Степовое в Лисичьей балке были начаты большие раскопки комплекса поселений сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1979, 422-423).

В середине 70-х гг. много поселений по берегам причерноморских лиманов открыла Ольвийская периферийная экспедиция ИА АН УССР под руководством А.В. Буракова. Проводя поиск античных памятников в Березанском и Очаковском районах, её сотрудники попутно зафиксировали ряд объектов позднего периода бронзовой эпохи (Бураков, Отрешко, Буйских 1974; Бураков и др. 1975; Бураков, Буйских 1976; Бураков, Буйских 1977).

В нижнем течении р. Березань Ингульская экспедиция ИА АН УССР под руководством О.Г. Шапошниковой провела в 1977 г. раскопки поселения сабатиновской культуры у с. Яблоня (Шапошникова и др. 1977; Черняков 1985, 35). В этом году экспедиция обследовала район Анчекракской балки и прилегающих к ней берегов Березанского лимана. В результате были проведены охранные раскопки на поселениях белозерской культуры Октябри и Каменка II (Шапошникова и др. 1977; Черняков 1985, 43).

В 1983 г. в районе озера Тузлы провел обследование разведочный отряд экспедиции НКМ

под руководством И.А. Снытко. Было открыто несколько разновременных поселений, в том числе и относящиеся к позднесабатиновскому периоду (Требух 2010, 84-87).

В 1995 г. совместной экспедицией НГУ-НКМ под руководством И.А. Снытко была проведена фронтальная разведка в Березанском районе. В ходе нее было открыто несколько поселений, стоянок и местонахождений, которые предварительно можно отнести к эпохе поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

В период 2006-2008 годов низовья р. Цареги и окрестности с. Ташино обследовал В.Б. Гребенников, в результате чего было зафиксировано несколько разновременных поселений, в том числе и позднебронзового века (Гребенников 2008, 61-62).

В настоящее время Тилигуло-Березанский регион в археологическом плане изучен довольно хорошо, но это не исключает появления на его археологической карте в ходе последующих разведок новых объектов, в том числе и поселений поздней бронзы. Для примера укажем, что берега Тилигульского лимана были довольно тщательно обследованы различными экспедициями на протяжении 40 лет. Результаты их были опубликованы (Буйских, Иевлев 1993), однако уже в середине 90-х годов появились вновь открытые памятники, и процесс этот продолжается. На сегодняшний день накопился уже довольно значительный материал, который запущен в научный оборот. Также вышли каталоги по памятникам археологии Березанского (Гребенников и др. 2011), Николаевского (Гребенников и др. 2010) и Очаковского (Гребенников и др. 2011а) районов Николаевской области, куда входит рассматриваемый нами регион. Там собраны все известные на территориях вышеуказанных районов археологические объекты. На наш взгляд, назрела необходимость на основе ранее опубликованных (Черняков 1985; Ванчугов 1990) и последних материалов составить новую карту поселений эпохи поздней бронзы данной территории.

Некоторые объекты их первооткрывателями были отнесены к эпохе бронзы без указания периодов или конкретных культур. Не имея возможности внимательно изучить артефакты этих памятников, мы не рискнули включить их в наш список.

Левый берег Тилигульского лимана от низовий р. Цареги

1.[2] Анатольевка I. Расположено на северо-восточной окраине с. Анатольевка, на левом берегу Анатольевской балки (р. Коблевка), выходящей к левому берегу Тилигульского лимана. Открыто Буго-Днепровской экспедицией в 1950 г. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения 2,5 га, мощность культурного слоя 0,2-0,6 м. Найдены фрагменты лепной керамики, костей животных, каменные орудия, бронзовое шило. Датируется сабатиновской культурой. На поселении также присутствует керамика черняховской культуры (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

2. Анатольевка II. Пастушеская стоянка расположена на юго-западной окраине с. Анатольевка, на левом склоне Анатольевской балки на юг от МТФ, на территории черняховского поселения. Открыто Л.В. Кондрацким в 50-е годы. Площадь не определена, культурный слой не исследован. Найдены незначительные фрагменты керамики сабатиновской культуры (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

3. Анатольевка IV (Клуня). Расположено на восточной окраине с. Анатольевка, на склоне высокого холма правого берега Анатольевской балки. Открыто Л.В. Кондрацким в 50-е гг. Площадь поселения около 1 га, мощность культурного слоя 0,15 м. Раскопки проводились Западно-Скифской экспедицией в 1957-59 гг. Заложены 3 раскопа общей площадью 750 м^2. Открыты остатки каменного строения с тремя помещениями. Среди керамики имеются лощеные сосуды баночного типа и чернолощеные кубки. Орнаментированы сосуды, как правило, валиками под венчиком, изредка косыми насечками. Также найдены сосуды с ручками-упорами и костяная проколка. Обнаружены удлиненный каменный молот, бронзовые шило и 3 булавки. Датируется поздним этапом сабатиновской культуры, ее рубежом с белозерской (Погребова, Кондрацкий 1960, 79-83; Погребова 1961, 110-113; Погребова, Елагина 1962).

4. Анатольевка V. Расположено в 1,3 км на юго-запад от южной окраины с. Анатольевка, на мысе левого берега Анатольевской балки в устье выхода ее к левому берегу Тилигульско-

[2] Номер в перечне памятников соответствует номеру на карте.

го лимана. Открыто в 1977 г. Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции. Площадь поселения 0,5 га, культурный слой 0,15 м. Зафиксированы остатки каменного домостроительства. Найдены кремневые отщепы и лепная керамика. Датируется сабатиновской культурой. На поселении также присутствует керамика черняховской культуры (Бураков, Буйских 1977).

5. Атаманка I. Расположено в 7,5 км на запад от с. Краснополье, в 300 м на восток от устья Атаманской балки, на склоне левого берега Тилигульского лимана. Открыто Л.В. Кондрацким в 50-е гг. Обследовалось Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1977 г. Площадь поселения 0,06 га, культурный слой 0,15 м. Собраны 25 фрагментов лепной керамики и костей животных. Датируется периодом поздней бронзы. Найдена также лепная керамика ингульской катакомбной культуры (далее ИКК) и фрагменты амфор IV-III вв. до н.э. (Погребова, Кондрацкий 1960, 76; Бураков, Буйских 1977).

6. Атаманка II. Находится в 8 км на запад от с. Краснополье, на мысу между правым берегом Атаманской балки и левым берегом Тилигульского лимана. Открыто Периферийным отрядом в 1977 г. На поселении черняховской культуры найдена керамика эпохи поздней бронзы (Бураков, Буйских 1977).

7. Коблево (Клад). Найден в 1856 г. местными жителями возле с. Коблево. Имеет название «Коблевский» или «Аджиясский». Он состоял из 4 кельтов, топора, 21 серпа, 4 матриц для отливки серпов и кельтов и 22 кусков меди. Датируется сабатиновской культурой (рубеж – начало I тыс. до н.э.) (Фабрициус 1951, 62-63).

8. Коса. Расположено на северной окраине с. Украинка (старое название Червоная Украинка), на высоком уступе надпойменной террасы левого берега Тилигульского лимана. Обнаружено Буго-Днепровской экспедицией в 1950 г. Культурный слой почти полностью разрушен расположенной вблизи птицефермой. На участке 30×30 м встречаются фрагменты керамики эллинистического времени, поздней бронзы и катакомбной культуры (Сымонович 1950).

9. Луговое I. Расположено на южной окраине с. Луговое, на левом пологом склоне балки Большой Карабаш, выходящей к берегу Черного моря. Открыто разведочной экспедицией НКМ в 1983 г. Площадь поселения 6 га, культурный слой достигает 0,4-0,5м. Найдены фрагменты лепной керамики и костей животных. Поселение распахивается. По всей его площади лежат небольшие известняковые камни. Датируется сабатиновской культурой (Требух 2010, 84).

10. Люблино II. Местонахождение находится в 200 м на юго-запад от с. Люблино, на первой надпойменной террасе правого берега р. Царега – левого притока Тилигульского лимана. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. Площадь примерно 0,5 га, мощность культурного слоя не определена. На задернованной поверхности много мелких известняковых камней. Собрано несколько мелких фрагментов лепной керамики. Датируется периодом поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

11. Люблино III. Расположено в 1-1,5 км на юго-восток от с. Люблино, на плато левого берега р. Царега. Открыто В.Б. Гребенниковым в 2006 г. Шурфовка проведена экспедицией НГУ в 2007 г. Площадь поселения 2 га, культурный слой 0,2-0,6 м. На поверхности и в шурфах найдены фрагменты лепной лощеной и ангобированной керамики (горшки, кубки, корчаги, жаровня), кости животных (КРС и МРС) и остатки каменных известняковых кладок, кремневые отщепы. Всего собрано 266 фрагментов керамики. Часть посуды с валиковым орнаментом. Датируется сабатиновской культурой (Гребенников 2008, 61-62; Олейниченко, Філатов 2014, 28).

12. Новопетровка I. Местонахождение расположено в 0,5 км на северо-запад от развалин с. Новопетровка, на северном склоне балки Злодейка, выходящей к правому берегу р. Царега. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. На задернованной площади 0,35 га собрано несколько фрагментов лепной керамики эпохи поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

13. Новопетровка II. Местонахождение расположено на южной окраине развалин с. Новопетровка, на пологом склоне правого берега р. Царега, на огородах. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. На площади в 1 га собраны фрагменты лепной керамики эпохи поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

14. Новопетровка IV. Местонахождение расположено в юго-западной части развалин с. Новопетровка на огородах, на надпойменной террасе правого берега р. Царега. Открыто

В.Б. Гребенниковым в 2007 г. Площадь 1 га, культурный слой не определен. На поселении черняховской культуры присутствует керамика поздней бронзы (Гребенников 2008, 61-62; Олейниченко, Філатов 2014, 28).

15. Прогрессовка. Расположено в 1,5 км на север от с. Прогрессовка, на невысоком пологом склоне, плавно переходящем в ровную надпойменную террасу левого берега Тилигульского лимана. Открыто ПО Ольвийской экспедиции в 1977 г. Сохранность поселения хорошая. Площадь его 0,45 га, мощность культурного слоя 0,3 м. Найденная лепная керамика характерна орнаментом с ногтевыми насечками. Также здесь присутствуют фрагменты посуды ИКК. Поселение датируется периодом поздней бронзы (Бураков, Буйских 1977).

16. Ташино I. Расположено в 1,5 км на юг от с. Ташино, на левом склоне Ташинской балки, в 0,5 км на юго-восток от левого берега Тилигульского лимана. Открыто Буго-Днепровской экспедицией в 1950 г. Площадь 0,4 га, культурный слой смыт, местами он сохранился толщиной 0,1 м. Собрано небольшое количество керамики поздней бронзы и ИКК (Сымонович 1950).

17. Ташино IV. Расположено на юго-восток от села Ташино, на мысе правого склона Ташинской балки, в 1,2 км на восток от левого берега Тилигульского лимана. Открыто В.Б. Гребенниковым в 2006 г. Площадь памятника 0,1 га, культурный слой сильно смыт со склона, местами толщина его сохранилась до 0,1 м. В одном месте прослеживается выход на поверхность известняковых камней. Собраны фрагменты лепной керамики, костей животных, кремневые отщепы и обломок бронзовой стамески. Датируется сабатиновской культурой (Гребенников 2008, 61-62; Олейниченко, Філатов 2014, 28).

18. Червоная Украинка I. Расположено в 2,8 км на северо-восток от с. Украинка (старое название Червоная Украинка), на мысе между левым коренным берегом Тилигульского лимана и оврагом. Открыто в 50-е гг. Л.В. Кондрацким. Обследовано Николаевской (до 1980 г. Ингульской) экспедицией в 1981 г. Площадь 0,36 га, мощность культурного слоя 0,15 м. Собраны фрагменты лепной керамики (89 экз.) и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (бабинская, белозерская культура). Встречается также керамика ИКК (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

Долина р. Сосик и правый берег Березанского лимана

19. Александровка. Расположено в 1,5 км на северо-запад от с. Александровка, на пологом склоне безымянной балки, выходящей к правому берегу р. Сосик (Сасык). Открыто Л.В. Кондрацким в 1954 г. Обследовано Скифской экспедицией в 1957 г. и Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 12 га, мощность культурного слоя 0,7 м, местами он достигает глубины 1,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики, обработанные камни, кремневые наконечники стрел, скребки, растиральник и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

20. Березанка I (Тилигуло-Березанка). Расположено на северной окраине пгт Березанка, на пологом склоне левого берега р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким в начале 50-х гг. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения 4 га, мощность культурного слоя 0,5-1,5 м. Памятник двухслойный (черняховская и сабатиновская культуры). Найдены фрагменты лепной керамики, костей животных и каменные орудия (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

21. Васильевка I. Расположено на северо-западной окраине с. Васильевка, на пологом склоне правого берега р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким в 50-е гг. XX в. Обследовалось Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения приблизительно 2 га, мощность культурного слоя достигает 0,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики, кости животных. На поверхности разбросаны небольшие известняковые камни. Датируется периодом поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

22. Васильевка II. Расположено в 1 км на юг от с. Васильевка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Сосик. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. Площадь поселения 10 га, мощность культурного слоя достигает 0,8 м. Поселение двухслойное верхний слой занимает черняховская культура, а нижний – сабатиновская культура. В нижнем слое найдены фрагменты лепной керамики (Снытко и др. 1995).

23. Викторовка III. Расположено на территории с. Викторовка по обеим сторонам безымянной балки, выходящей к правому берегу Березанского лимана. Открыто экспедицией

ОАМ в 1949 г. (руководитель М.С. Синицын). В этом же году экспедицией ОГУ (руководитель М.Ф. Болтенко) проведены раскопки. Площадь поселения примерно 0,5 га, культурный слой достигает глубины 0,5 м. Раскопан участок в 302 м². На нем обнаружена каменная кладка длиной 4 м и шириной 0,5-0,6 м, к ней примыкала глиняная площадка. Найдены фрагменты лепной керамики, кости животных, обломки зернотерок, растиральные камни, бронзовая игла, глиняная фигурка быка, лепная посуда, заготовка для костяной бляхи и др. Датируется ранним периодом сабатиновской культуры. Также присутствуют материалы культуры многоваликовой керамики (далее КМК) (Синицын 1949; Болтенко 1950; Черняков 1985, 29-32).

24. Каменка. Расположено на южной окраине с. Лиманное, на высоком обрывистом правом берегу Сосицкого лимана. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь приблизительно 2 га, мощность культурного слоя 0,5 м. Собран подъёмный материал в виде фрагментов лепной посуды и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

25. Комиссаровка 1. Расположено в 0,8 км на запад от с. Комиссаровка, на склоне безымянной балки, выходящей к правому берегу р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким. Площадь поселения 16 га, мощность культурного слоя достигает 0,5 м, частично распахивается. Собран подъёмный материал в виде фрагментов лепной керамики (25 экз.) и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

26. Красное I. Находится в 1,5 км на запад от с. Красное, на пологом левом склоне Чабанской балки, выходящей к правому берегу р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения 9 га, мощность культурного слоя в среднем 0,5 м. Собрано 9 фрагментов лепной керамики, каменные орудия и кремневые наконечники стрел. Датируется сабатиновской культурой (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

27. Красное II. Расположено в 1 км на северо-запад от с. Красное, на первой надпойменной террасе правого берега р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения 2 га, мощность культурного до 0,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики и костей животных, также встречаются на поверхности фрагменты амфор. Датируется периодом поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

28. Лиманы III. Расположено в 2,5 км на северо-восток от с. Лиманы, на плато правого берега Березанского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1973 г. Площадь поселения около 2 га, мощность культурного слоя достигает 0,5 м. Датируется периодом поздней бронзы (Отрешко и др. 1973).

29. Малыши II. Расположено в 500 м на юго-запад от пгт Березанка, на пологом склоне левого берега р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь поселения около 2 га, мощность культурного слоя достигает 0,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется периодом поздней бронзы (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

30. Матиясово I, III. Расположено в 0,5 км на северо-запад от с. Матиясово, на плато левого берега Сосицкого лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1976 г. Площадь примерно 0,4 га. Датируется эпохой поздней бронзы, также найдена керамика ИКК и КМК (Бураков, Буйских 1976).

31. Матиясово II, IV. Расположено в 5 км на северо-восток от с. Матиясово, на плато левого берега Сосицкого лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1976 г. Площадь примерно 0,35 га. На поселении эпохи поздней бронзы обнаружена керамика ИКК и КМК (Бураков, Буйских 1976).

32. Михайловка I. Расположено в 1 км на юг от с. Михайловка, на невысоком правом берегу Сосицкого лимана. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. Площадь 0,8 га, культурный слой до 0,5 м, задерновано. На поверхности много мелкого камня. Поселение двухслойное: верхний слой занимает черняховская культура, нижний – поздняя бронза. Собраны фрагменты лепных сосудов и кости животных (Снытко и др. 1995).

33. Михайловка III. Летовка расположена на северной окраине с. Михайловка, на невысоком правом берегу Сосицкого лимана. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. Площадь 0,35

га, культурный слой не определен. На поверхности много мелких известняковых камней. Собраны фрагменты лепных сосудов и кремневые отщепы. Датируется поздней бронзой (Снытко и др. 1995).

34. Мыс II. Расположено в 4 км на юго-восток от с. Матиясово, на высоком левом берегу Сосицкого лимана, недалеко от мыса, разделяющего его с Березанским лиманом. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1973 г. Площадь поселения 0,8 га, мощность культурного слоя 0,3 м. Памятник многослойный, датируется ИКК, сабатиновской культурой и архаикой (Отрешко и др. 1973).

35. Новоселовка I. Местонахождение расположено в 1 км на северо-запад от с. Новоселовка, на левом пологом склоне древней балки, выходящей к правому берегу Сосицкого лимана. Открыто экспедицией НКМ в 1995 г. На площади 0,4 га собраны фрагменты лепной керамики. Часть из них с глубокими расчесами. Датируется эпохой средней и поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

36. Новоселовка II. Местонахождение расположено на северной окраине с. Новоселовка, на высоком правом берегу Сосицкого лимана. Зафиксировано экспедицией НКМ в 1995 г. На площади примерно 0,7 га собрана керамика поздней бронзы (Снытко и др. 1995).

37. Попильное (Леонидовка) I. Расположено между селами Попильное и Леонидовка, на пологом левом берегу р. Сосик. Открыто Л.В. Кондрацким. Раскопки проведены Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. В проложенной разведочной траншее выявлены остатки прямоугольных жилищ. Камни кладки поставлены либо на ребро, либо уложены плашмя в два ряда. Собраны фрагменты лепной керамики (94 экз.) и костей животных, каменные орудия. Датируется развитым этапом сабатиновской культуры (Погребова, Кондрацкий 1960, 76-79).

38. Попильное II. В 1 км на север от с. Попильное, на пологом склоне левого берега р. Сосик. Открыто Кондрацким Л. В. Площадь и культурный слой не определены. Собран подъёмный материал. Датируется поздней бронзой (Погребова, Кондрацкий 1960, 76).

39. Рыбаковка VI. Расположено в 2,5 км на север от с. Рыбаковка, на северном склоне балки Василёвой, выходящей к западному берегу оз. Тузлы. Открыто разведочной экспедицией НКМ в 1983 г. Площадь поселения 4,5 га, культурный слой сильно разрушен вспашкой. Собраны фрагменты лепной керамики (банковидные сосуды, кубки, горшки, миски), орнаментированные валиками и шишечками. На поверхности много известняковых камней. Датируется поздним этапом сабатиновской культуры (Требух 2010, 84).

40. Рыбаковка (Клад). Найден в 1915 г. возле с. Рыбаковка (старое название – Аджияск), на берегу моря. Он находился в глиняном горшке и состоял из вислообушного топора, желобчатого долота и 19 клиновидных тесел. Поступил в Херсонский музей, откуда в годы Второй мировой войны был вывезен в Германию. В 1994 г. часть клада была возвращена. Датируется сабатиновской культурой (Фабрициус 1951, 62-63; Пивоpович 2009, 10). Также есть непроверенные сведения, что в нём было 50 топоров-кельтов.

41. Тузлы I. Расположено в 2 км на юг от с. Тузлы, на склоне безымянной балки, выходящей к западному берегу оз. Тузлы, которое соседствует с правым берегом Березанского лимана. Открыто В.И. Никитиным в 1982 г. Обследовано разведочной экспедицией НКМ в 1983 г. Площадь поселения 10,5 га, мощность культурного слоя 0,7-0,8 м. Найдены фрагменты лепной керамики (215 экз.), костей животных, каменные орудия. Датируется поздним этапом сабатиновской культуры. Также найдены фрагменты керамики культур Ноуа и белозерской (Требух 2010, 84).

42. Шмидтовка III. Расположено в 0,5 км на северо-запад от с. Шмидтовка, на склоне безымянной балки, выходящей к правому берегу Березанского лимана. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1957 г. и Ольвийской экспедицией в 1974 г. Площадь поселения 2 га, мощность культурного слоя 0,4-0,5 м. Поселение имеет несколько культурных слоёв: поздняя бронза, архаика, эллинизм, черняховская культура (Крыжицкий и др. 1990, 14-15).

43. Березань остров (в эпоху бронзы – полуостров). Расположен в акватории Черного моря, на юг от устья Березанского лимана. На территории острова найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. М.Ф. Болтенко говорил о наличии на острове древних догреческих могил. Также обнаружены землянки предположительно предскифского времени (Артамонова 1940, 50-54; Болтенко 1960, 41).

Долина р. Березань и левый берег Березанского лимана

44. Кимовка II. Расположено в 0,5 км на юго-восток от с. Калиновка (старое название Кимовка), на пологом правом берегу р. Березань. Открыто разведкой НКМ в 1969 г. Площадь поселения 2,5 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Собрано 40 фрагментов лепной керамики, среди которой выделяются сосуды баночной формы, миски. Найдены и фрагменты древнегреческих амфор. Датируется сабатиновской культурой. Верхний слой поселения относится к черняховской культуре (Історія 1971, 226).

45. Подымово I. Расположено в 400 м на восток от с. Подымово, на правом пологом берегу р. Березань, возле устья Козловской балки. Открыто разведкой НКМ в 1969 г. Площадь поселения 3,5 га, мощность культурного слоя достигает местами 0,6 м. Памятник двухслойный (черняховская и сабатиновская культуры) (Елисеев, Клюшинцев 1982, 153).

46. Суходолье (Болгарка) I, II. Находится в 1,5 км на северо-запад от с. Суходол, на пологом склоне правого берега р. Березань. Открыто Л.В. Кондрацким. Повторно обследовано Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1976 г. Площадь поселения 2 га, культурный слой 0,5 м. Собран подъёмный материал, датировавший поселение поздней бронзой и античностью (Бураков, Буйских 1976).

47. Яблоня (II) III. Расположено в 2 км на юго-восток от с. Яблоня, на первой надпойменной террасе правого берега р. Березань, возле плотины. Частично разрушено карьером, культурный слой 0,7-0,8 м. Открыто разведкой НКМ в 1969 г. Охранные раскопки проведены сотрудниками Ингульской экспедиции (руководил В.Ф. Елисеев) в 1977 г. В раскопе площадью 300 м² обнаружен строительный комплекс, состоящий из нескольких помещений, сложенных из вертикально стоящих каменных плит в два ряда, забутованных внутри мелкими камешками. Найдены фрагменты лепной керамики, в основном баночных форм, костей животных (КРС, конь), каменные орудия (зернотерка) и бронзовый обломок серпа-секача. Датируется ранним этапом сабатиновской культуры (Черняков 1985, 35).

48. Ивановка I. Находится напротив с. Ивановка, на западном склоне Турчановской балки, которая выходит к левому берегу Березанского лимана, в 200 м на северо-запад от фермы. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г., обследовано Ингульской экспедицией в 1977 г. Площадь поселения примерно 1 га, культурный слой 0,5-0,7 м. На поверхности видны участки скопления камней. Собраны фрагменты лепных корчаг, горшков, кубков орнаментированных валиками, также фрагменты зернотёрок, пращевые камни, керамический шлак, кости КРС и коня. Датируется сабатиновской культурой (Бураков и др. 1974).

49. Ивановка II. Расположено на юг от с. Ивановка, на восточном склоне Турчановской балки. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь и культурный слой не определены. Собран подъёмный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1974).

50. Нечаяное II, III. Расположено на западной окраине с. Нечаяное, на правом пологом склоне правого берега р. Березань, перерезано дорогой Николаев-Одесса. Открыто экспедицией ОАМ в 1959 г. под руководством М.С. Синицына. Площадь примерно 1 га, культурный слой 0,5-0,6 м, частично разрушено кладбищем XVIII-XIX вв. Севернее дороги заложены 2 шурфа. Найдены фрагменты лепной керамики и изделия из кремня. Часть керамики имеет оттянутый венчик. Поселение многослойное: эпоха ранней бронзы (18 фрагментов), ИКК (19 фр.), сабатиновская (15 фр.) и скифская культуры (Валенционок 1960, 153-154).

51. Пятихатки. Расположено в 700 м на север от хут. Пятихатки на пологом правом склоне Турчановской балки. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974, обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь поселения 3 га, культурный слой 0,2 м. Собран подъемный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1974).

52. Степовое I. Расположено в 3,1 км на юг от с. Степовое, на обоих склонах балки Лисичья, которая выходит к левому берегу р. Березань. Открыто и частично исследовано Южнобугской экспедицией в 1975-78 гг. (руководитель раскопок И.Н. Шарафутдинова). Площадь поселения 2,5-3 га, культурный слой 0,4-0,9 м. Раскопан участок в 2000 м², на котором обнаружены прямоугольные многокамерные жилища из камня-известняка. К основным помещениям

примыкали более легкие постройки. Внутри жилищ находились очаги. Сами постройки располагались рядами-террасами на склонах балки параллельно берегу. Площадь помещений колебалась от 40 до 100 м². Обнаружено большое количество керамического материала. Особенно выделяется грубая толстостенная посуда. Много костяных орудий для обработки шкур, в том числе 10 штампов. Также найдены зернотерки, терочник, болас, точильный брусок, фрагмент костяного псалия, трехгранный наконечник стрелы. Среди найденных костей животных преобладают бык и конь. Датируется развитым этапом сабатиновской культуры (Клюшинцев 1975; Шарафутдинова 1979, 422).

53. Степовое II. Расположено в 3,8 км на юг от с. Степовое, на пологом левом склоне Лисичьей балки левого притока р. Березань. Открыто Южнобугской экспедицией в 1975 г., и произведены небольшие раскопки. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой 0,2-0,5 м. Открыты остатки каменного домостроительства, найдены фрагменты лепной керамики (банки, кубки и горшки с валиками и насечками), зернотёрки, точило, кости животных и каменные орудия. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1975; Шарафутдинова 1979, 422).

54. Степовое III. Находится в 6,6 км на юг от с. Степовое, на левом склоне Лисичьей балки левого притока р. Березань. Открыто Южнобугской экспедицией в 1975 г. Площадь поселения 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Проведена шурфовка. Обнаружены остатки каменного домостроения, много керамики (горшки, банки, кубки с валиками и наколками), зернотёрки, отбойники, боласы, растиральник и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1975; Шарафутдинова 1979, 422).

55. Степовое IV. Расположено в 7,7 км на юг от с. Степовое, на левом пологом склоне Лисичьей балки, выходящей к левому берегу р. Березань. Открыто Южнобугской экспедицией в 1975 г. Площадь поселения 3 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Собраны фрагменты банок, горшков, мисок, кубков, орнаментированных валиками и вдавлениями, а также растиральник, точило, зернотёрка и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1975; Шарафутдинова 1979, 422).

56. Степовое V. Расположено в 6,5 км на юг от с. Степовое, на пологом правом склоне Лисичьей балки, выходящей к левому берегу р. Березань. Открыто Южнобугской экспедицией в 1975 г. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой 0,6 м. Этой же экспедицией проведены небольшие раскопки. Найдены остатки каменного домостроительства, фрагменты лепной керамики с валиками и насечками, лощила, штампы, каменный топор. Датируется эпохой поздней бронзой (Клюшинцев 1975; Шарафутдинова 1979, 422).

57. Баланово I. Находится в 500 м на север от с. Баланово, на мысу восточного склона Турчановской балки. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 11 га, культурный слой до 0,7 м. На поверхности видны выходы отдельных камней. Собраны фрагменты сосудов баночных и горшковидных форм. Орнаментированы валиком под венчиком. Датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1974; Шапошникова 1976).

58. Большая Черноморка III. Расположено на северо-западной окраине села Черноморка, недалеко от левого берега Березанского лимана, возле усадеб и у развилки полевых дорог. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь 1 га, культурный слой до 0,2 м. Датировано эпохой поздней бронзы. Также здесь находилась стоянка архаического времени (Бураков и др. 1974).

59. Большая Черноморка VI. Находится у восточного отрога оврага Большой Бейкуш, который выходит к левому берегу Березанского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь 1,5 га, культурный слой не исследован. Поселение двухслойное: эпохи поздней бронзы и эллинистического времени (Бураков и др. 1974).

60. Большая Черноморка VII. Находится в верховьях оврага Большой Бейкуш. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь и культурный слой не исследованы. Поселение двухслойное: эпохи поздней бронзы и эллинистического времени (Бураков и др. 1974).

61. Большая Черноморка VIII. Расположено на северном склоне оврага Большой Бейкуш, на территории с. Черноморка. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь и культурный слой не исследованы. Поселение датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1974).

62. Шмидтовское. Расположено напротив с. Ровное, на склоне безымянной балки выходящей к левому берегу Березанского лимана. Открыто Л.В. Кондрацким. Обследовано Западно-Скифской экспедицией в 1958 г. На склоне четко прослеживаются остатки прямоугольных жилищ. Площадь поселения до 3 га, культурный слой сильно повреждён смывами грунта. Заложены две разведочные траншеи. Обнаружены каменные кладки, где небольшие плиты поставлены на ребро в два ряда с забутовкой внутри. Керамика представлена лепными сосудами с валиком. Много фрагментов амфор VI-I вв. до н.э. Датируется эпохой поздней бронзы и античностью (Погребова 1961, 113-114).

63. Ижецкое I. Находится на восточной окраине с. Ижецкое, на мысу оврага и левого берега Березанского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Площадь 3,6 га, культурный слой 0,15-0,2 м. Поселение двухслойное: античность и поздняя бронза (Бураков и др. 1974).

64. Каборга I (VI). Расположено на месте хутора Каборга, на северном склоне балки, выходящей к левому берегу Березанского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1968. Повторно обследовано им в 1974 г. Площадь 1,4 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Собраны 23 фрагмента лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Русяева 1969, 162; Бураков и др. 1974).

65. Каменка II. Находится в 0,8 км на юго-восток от с. Каменка, на южном склоне Анчекракской (Янчекракской) балки, которая выходит к левому берегу Березанского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1974 г. Сильно разрушено карьером. В 1977 году Ингульская экспедиция провела раскопки. Вскрыто более 100 м² поселения. Найдены остатки помещений площадью от 6 до 50 м², фрагменты лепной керамики и обломки бронзового котла. По найденному материалу датируется позднесабатиновской и белозерской культурами. Также присутствует античная керамика и ИКК (Бураков и др. 1974; Шапошникова и др. 1977).

66. Малая Черноморка II. Расположено в 0,8 км на запад от с. Черноморка на Бейкушском мысу, находящемся на левом берегу Березанского лимана. Открыто Э.Р. Штерном в 1904 г. Неоднократно проводились раскопки и обследования. Поселение античного времени. В береговых смывах под поселением в 2012 г. обнаружены невыразительные фрагменты лепной керамики эпохи бронзы и обломок литейной формы двух копий дремайловского типа сабатиновской культуры (Лысенко, Олейниченко 2013).

67. Новое. Расположено в 0,3 км на запад от с. Новое, на правом пологом склоне Анчекракской балки, на пахотном поле. Открыто И.А. Снытко в 2001 г. Площадь около 1 га, культурный слой не исследован. Собран подъёмный материал. Датировано эпохой поздней бронзы (сообщение И.А. Снытко).

68. Октябри I. Расположено в 1 км на восток от с. Солнечное (старое название Октябри), на пологом северном склоне Анчекракской балки, выходящей к левому берегу Березанского лимана. Открыто Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 6 га, культурный слой 1,2-1,4 м. В следующем году этой экспедицией проведены раскопки. Вскрыта площадь около 1000 м². Выявлены многокамерные наземные жилища и постройки хозяйственного назначения из камня. Также найдены фрагменты лепных горшков, черпаков, жаровень, мисок, обломки зернотерок, литейных форм, 2 бронзовых ножа, кости животных. Встречалась также керамика ИКК. Датируется белозерской культурой (Шапошникова 1977, 390; Черняков 1985, 43).

69. Октябри II. Расположено на север от с. Солнечное (старое название Октябри), на мысу южного склона безымянной балки, впадающей в Березанский лиман (150 м от левого берега лимана). Открыто сотрудниками Ингульской экспедиции в 1976 г. Площадь и культурный слой не определены. На поверхности много мелких известняковых камней. Собрано немного керамики эпохи поздней бронзы (Шапошникова 1976).

Северный берег Днепровского лимана и Аджигольская балка

70. Аджигольская Балка XIV. Расположено в 4 км на юг от с. Красное Парутино, на плато западного склона одноименной балки, которая выходит к Днепровскому лиману, и примыкающего к ней оврага. Открыто отрядом Ольвийской экспедиции в 1975 г. Площадь поселения 10 га, культурный слой достигает 1,1 м. поселение многослойное: античность, поздняя и средняя бронза (КМК) (Бураков и др. 1975).

71. Дмитриевка (Чефутово) III. Расположено на запад от с. Дмитриевка, на мысе плато правого берега Днепровского лимана и оврага, выходящего к берегу. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1975 г. Площадь примерно 2 га, культурный слой распахан. Датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1975).

72. Дмитриевка (Чефутово) II. Находится на восточной окраине с. Дмитриевка, на плато правого берега Днепровского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1975 г. Площадь поселения не определена, культурный слой распахивается. Собран подъемный материал. Датируется эпохой поздней бронзы (Бураков и др. 1975).

Библиография

Артамонова 1940: О.А. Артамонова, Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК АН СССР 5 (Москва 1940), 50-54.

Болтенко 1950: М.Ф. Болтенко, Археологические раскопки на западном берегу Березанского лимана в Викторовке Тилигуло-Березанского р-на, Николаевской области в 1949 г. Архив ОАМ НАНУ, 1950.

Болтенко 1960: М.Ф. Болтенко, Исторические судьбы острова Березани. ЗОАО 1(34), 1960, 38-46.

Буйских, Иевлев 1993: С.Б. Буйских, М.М. Иевлев, Археологическая карта Тилигульского лимана. В сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Древности причерноморских степей (Киев 1993), 115-122.

Бураков и др. 1974: А.В. Бураков, В.М. Отрешко, С.Б. Буйских, Отчет Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ИА АН УССР о разведках и раскопках в 1974 г. НА ИА НАНУ, 1974/26.

Бураков и др. 1975: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, В.П. Дудкин, Отчет о разведочных работах проведенных Периферийным и Геофизическим отрядами Ольвийской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. НА ИА НАНУ, 1975/21ж.

Бураков, Буйских 1976: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, Отчет о разведочных работах Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ИА АН УССР в 1976 г. НА ИА НАНУ, 1976/1д, ф.э. №8256.

Бураков, Буйских 1977: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, Отчет о разведках по побережью Причерноморских заливов в 1977 г. НА ИА НАНУ, 1977/8.

Валенционок 1960: Ж.В. Валенционок, Археологічні спостереження в районі с. Нечаяне. Матеріали з археології Північного Причорномор'я 3, 1960, 153-154.

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. (Киев 1990).

Гошкевич 1903: В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии (Херсон 1903), 1.

Гребенников 2008: В.Б. Гребенников, Нові поселення у нижній течії р. Царега. Наукові праці МДУ. Історичні науки 83, 2008, 61-62.

Гребенников и др. 2010: В.Б. Гребенников, О.О. Бродецький, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Миколаївського району (Миколаїв 2010).

Гребенников и др. 2011: В.Б. Гребенников, О.О. Бродецький, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Березанського району (Миколаїв 2011).

Гребенников и др. 2011а: В.Б. Гребенников, О.М. Каражей, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Очаківського району (Миколаїв 2011).

Гребенников 2018: В.Б. Гребенников, Поселения, стоянки и клады Степного Побужья эпохи поздней бронзы. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 155-185.

Елисеев, Клюшинцев 1982: В.Ф. Елисеев, В.Н. Клюшинцев, Новые памятники первых веков н. э. в междуречье Ингульца и Березани. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Станко) Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1982), 149-154.

Історія 1971: Історія міст і сіл УРСР (Миколаївська обл.) (Киев 1971).

Клюшинцев 1975: В.Н. Клюшинцев, Отчет о разведке в зоне строительства водохранилища у с. Степовое Николаевского р-на, Николаевской обл. НА ИА НАНУ, 1975/125.

Крыжицкий и др. 1990: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта) (Киев 1990).

Лысенко, Олейниченко 2013: С. Лысенко, Е. Олейниченко, Новая находка литейной формы сабатиновской культуры. Аркасівські читання. Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції, Миколаїв, 2013 (Миколаїв 2013), 65-68.

Олейниченко, Філатов 2014: Є. Олейниченко, Д. Філатов, До питання археологічних досліджень епохи пізньої бронзи на території Миколаївщини. Аркасівські читання. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції, Миколаїв, 2014 (Миколаїв 2014), 28-30.

Отрешко и др. 1973: В.М. Отрешко, С.Б. Буйских, А.В. Бураков, Б.В. Магомедов, Отчет о разведках по берегам Березанско-Сосицкого лимана в 1973 г. НА ИА НАНУ, 1973/13.

Пиворович 2009: В.Б. Пиворович, Монеты и клады юга Украины (Херсон 2009).

Погребова, Кондрацкий 1960: Н.Н. Погребова, Л.В. Кондрацкий, Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК АН СССР 78, 1960, 74-84.

Погребова 1961: Н.Н. Погребова, Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. КСИА АН СССР 83, 1961, 110-114.

Погребова, Елагина 1961: Н.Н. Погребова, Н.Г. Елагина, Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. КСИА АН СССР 89, 1962, 6-14.

Русяева 1969: А.С. Русяева, Разведки и раскопки поселений близ Ольвии. АИУ 1968 года (Киев 1969), 162.

Синицын 1949: М.С. Синицын, Разведка 1949 г. в Викторовке III. КСОГАМ, 1949, 46-49.

Снытко и др. 1995: И.А. Снытко, В.Б. Гребенников, Ю.С. Гребенников, С.И. Гаврилов, Отчет экспедиции НКМ о разведках в Березанском районе Николаевской области. Фонды НКМ, 1995.

Сымонович 1950: Э.А. Сымонович, Отчет о работе Буго-Днепровской экспедиции (1950 г.). Рукопись НА ИА НАНУ, 1950/1е.

Требух 2010: О.О. Требух, Археологічна розвідка експедиції Миколаївського краєзнавчого музею у 1983 р. Аркасівські читання, Матеріали І міжнародної науково-практичної конференції, Миколаїв, 2010 (Миколаїв 2010), 84-87.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР (Киев 1951).

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шапошникова и др. 1976: О. Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. НА ИА НАНУ, 1976/7.

Шапошникова и др. 1977: О.Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1977 г. НА ИА НАНУ, 1977/15.

Шарафутдинова 1979: И.Н. Шарафутдинова, Раскопки поселения сабатиновской культуры у с. Степовое. АО 1978 года (Москва 1979), 422-423.

Ястребов 1894: В.Н. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. ЗООИД 17, 1894, 63-176.

Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului de pe malul stâng al limanului Tiligul şi din bazinul râului Berezan (materiale pentru harta arheologică a Nordului Mării Negre)

Cuvinte-cheie: perioada târzie a epocii bronzului, aşezări, limanul Tiligul, râul Berezan.

Rezumat: Prin acest articolul continuăm completarea hărţii arheologice a siturilor din perioada târzie a epocii bronzului târziu pe teritoriul regiunii Nikolaev. În prima parte este prezentat istoricul cercetărilor aşezărilor din spaţiul cuprins între râurile Tiligul şi Berezan. Partea a doua reprezintă catalogul siturilor din perioada târzie a epocii bronzului cunoscute la momentul de faţă în această regiune.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta aşezărilor din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul dintre limanurile Tiligul şi Berezan. Numerotarea pe hartă corespunde numerotării din catalog.

Settlements of the epoch late bronze of the left-bank Tiligul Lyman and the basin of r. Berezan (materials for the archaeological map of the Northern Black Sea Coast)

Keywords: late bronze, settlements, camps, Tiligulsky estuary, r. Berezan.

Abstract: The article is a continuation of the compilation of an archaeological map of Late Bronze Age monuments on the territory of the Nikolaev region. In the first part, there is a description of the history of research of settlements in the interfluve areas of Tiligul and Berezan. In the second part – a list of residential type monuments known today in this region is given. Each group of settlements is tied to a specific waterway.

Illustration:

Fig. 1. Map of settlements of the Late Bronze Age in Tiligul-Berezan between estuaries. The settlement numbers on the map match to the settlement numbers in the text.

18.01.2019

Виктор Гребенников, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов, 34/1, г. Николаев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-7689-1175, e-mail: grebennikov.v2013@yandex.ru

КОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ КОСЛОДЖЕНЬ (ЯМА № 121) В ЧЕРНАВОДЭ – «ШОССЕ № 2, 152-Й КМ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО КОНВЕРГЕНТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНЕ ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Тудор Сорочяну, Кэтэлин Добринеску, Сорин Аилинкэй, Виталие Бодоликэ, Тибериу Сава

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, культура Кослоджень, Подунавье, клад бронзовых предметов[1]

Во время строительства шоссе № 2 на участке Чернаводэ-Меджидия в 2011-2012 гг. были проведены предварительные археологические исследования, в процессе которых на 152-м километре шоссе южнее города Чернаводэ был обнаружен необычный археологический памятник.[2] Он располагалось вблизи железной дороги на высокой террасе «Дялул Кокирленилор», которое является частью возвышенности Добруджа. С восточной стороны терраса проходит вдоль канала Дунай - Чёрное море (Долина Карасу), на западе ограничено Дунаем (рис. 1/1-2). Начатые специалистами Музея национальной истории и археологии Констанцы в конце 2011 года и продолжавшиеся до середины 2012 года раскопки охватили площадь почти в 2 га (рис. 1/3-4). В результате проведенных исследований был выявлен ряд археологических комплексов: 120 ям, относящихся к концу эпохи бронзы; одно захоронение без инвентаря и римское жилище (4-5 столетия нашей эры)[3]. Ямы эпохи поздней бронзы – разных размеров, в плане округлой или овальной формы, стенки выкопаны вертикально или под наклоном. Содержимое ям включало, в основном, небольшое количество материала – кости животных, камни, фрагменты керамики, орудия труда из камня (топоры, растиральники, фрагменты зернотерок) и костей (серп из нижней челюсти животного), фрагменты очагов с бортиком и др. 29 ям, по-видимому, были полностью лишены археологического материала. Памятник был исследован лишь частично, поскольку раскопки носили спасательный характер.

Особый интерес представляет собой яма № 121, находившаяся на восточной окраине раскопанной площади в квадрате Е4, исследованного в мае 2012 года. Яма была ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, имела верхний край неправильной овальной формы (2,00×1,65 м), вертикальные стенки выкопаны на глубину до 0,30 м. На слегка неровном дне ямы, в центре, находились три керамических сосуда, сохранившиеся *in situ* (рис. 2). Первый из них (a) стоял почти вертикально в СЗЗ секторе ямы (рис. 2/1-2). В ЮВВ части находился другой сосуд (b) уплощенных пропорций (рис. 2/1-2), также находившийся в вертикальном положении, в то время как третий сосуд (c) кувшинообразной формы был вставлен устьем (рис. 2/4) во второй сосуд (b). Со временем, вероятно,

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность всем, оказавшим помощь в реализации нашего проекта: в первую очередь, профессору Свенду Ханзену (Берлин) за финансовую поддержку поездки, в ходе которой был исследован клад бронзовых изделий; Д. Спыну (Бухарест) за высококачестванные рисунки и фотографии бронзовых предметов из Чернаводэ (рис. 5-10). За фотографии предметов из музеев Болгарии, а также за разрешение их опубликовать авторы признательны Вл. Славчеву (Варна, фотографии ножа из Черковны), директору Национального Музея в Софии Л. Вагалинскому и начальнику Отдела информатики Национального Музея в Софии К. Чукалеву, за фотографии литейных форм (место находки неизвестно). Также, за поддержку нашего исследования благодарим коллег А. Попеску (Бухарест) и Л. Лещакова (София). Выражаем нашу благодарность Е. Сава (Кишинэу) за перевод статьи на русский язык.

[2] В данном случае невозможно определить его как классическое поселение, так как кроме большого количества ям культурный археологический слой не был обнаружен.

[3] Предварительные результаты исследования были представлены на конференции в г. Тулча (Dobrinescu, Bodolică 2012).

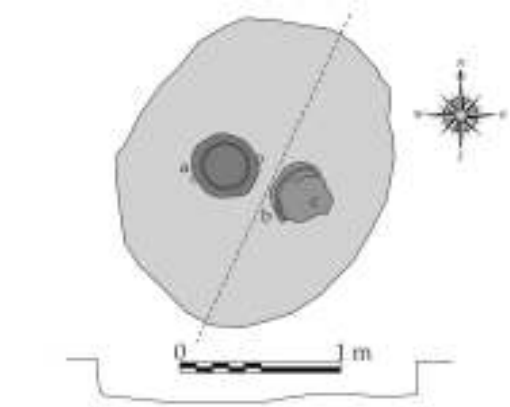
1

3

2

4

Рис. 1. Чернаводэ. Место расположения поселения и общий вид раскопа.



1

2

3

4

Рис. 2. Чернаводэ. Комплекс № 121: яма и предметы в первоначальном положении.

под влиянием ряда факторов, сосуд (c) слегка наклонился, так что дно оказалось обращенным в сторону восточной стенке (рис. 2/3-4); горлышко сосуда (c), тем не менее, полностью осталось в сосуде (b), который тоже слегка наклонился немного к востоку. Помимо сосудов в этом комплексе были обнаружены и фрагменты чашек, биконических горшков и кухонной посуды (рис. 3/4-14). В верхней части ямы (точное место неизвестно) были найдены четыре бронзовых предмета: котел с двумя ручками (сильно разрушенный), чаша полусферической формы, нож для жертвоприношений/махайра и топор с полусферическим обухом. Несмотря на то, что во время строительных работ бульдозер значительно сместил предметы с их первоначального места, вероятность их принадлежности к комплексу, в котором находились и три керамических сосуда, весьма велика и поэтому они будут детально рассмотрены в настоящей статье, так как комплекс № 121 является исключительно важным не только для данного памятника, но и для гораздо более обширного региона.

Описание материала

Керамика

a). Сосуд с выпуклым и слегка асимметричным туловом (рис. 3/1; 4/1). Верхняя часть сосуда, в форме, близкой к усеченному конусу, заканчивается утолщенным наружу венчиком. Дно слегка профилировано, практически ровное и относительно небольшого диаметра. На уровне наибольшего диаметра тулова сосуда расположены две ручки, в сечении овальные.

Внешняя поверхность коричневого цвета, с участками черного цвета (рис. 4/1); глина хорошего качества, с примесью мелкого известняка (диаметром 2-3 мм). Изнутри прослеживается отслаивание поверхности дна. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49124.

b). Сосуд со слегка выпуклым туловом в центральной части (рис. 3/2; 4/2); шейка имеет легкий изгиб в виде дуги, направленной вовнутрь, что придает венчику слегка отогнутую наружу форму. На уровне наибольшего диаметра сосуда имеется горизонтально расположенный плоский налеп. Тесто серого цвета с коричневыми пятнами (рис. 4/2), с включениями мелкого известняка. Внешняя и внутренняя поверхности залощены, внутренняя поверхность черного цвета. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49125.

c). Сосуд биконической формы (рис. 3/3; 4/3). Верхняя часть сосуда короче нижней части, с легким изгибом вовнутрь; нижняя часть более высокая и выпуклая. На уровне плеча, находятся – в диаметрально противоположных позициях – два налепа конической формы и две ручки, слегка приподнятые над уровнем плеча. Незначительно отогнутый венчик сосуда сильно поврежден. Внешняя лощеная поверхность коричневого цвета с серыми пятнами, матовая (рис. 4/3); местами расслаивается. Изнутри сосуд черного цвета со следами горизонтального лощения. Тесто хорошего качества, с включениями мелкого известняка. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49123.

В яме № 121 находились также фрагменты различных керамических чашек и биконических сосудов, а также кухонной посуды (рис. 3/4-14).

Бронзовые предметы

1. Клепаный котёл[4] (рис. 5/1-9) с горизонтальным венчиком, коротким цилиндрическим горлом и немного выпуклым туловом в виде усеченного конуса, с наибольшим рас-

[4] Данное определение, по нашему мнению, является не совсем подходящим, но в силу традиции используемое и нами вслед за советскими и постсоветскими исследователями. Также, уже много десятилетий бытует неверно применяемый термин «киммерийские котлы», относящийся, как правило, к серии бронзовых сосудов, известных от Карпат до Северного Кавказа и Урала (выборочно см. Городцов 1928, 46-60; Бочкарьов 1972, 63-68; Демиденко 2005, 93-103; Бочкарев 2010, 185-208; Гошко, Агапов, Отрощенко 2018). Термин «киммерийская металлургия» был введен в начале 1920-х годов Эбертом при характеристике известных в Северном Причерноморье на то время бронзовых предметов (Ebert 1921, 73-79). Хотя он не рассматривал в этом смысле и «клепаные котлы», все же именно Эберт первым связал всю бронзовую металлургию Северного Причерноморья с киммерийцами. Однако со времени появившейся позднее публикации Городцова, в которой ссылка на работу Эберта отсутствует, общее определение «киммерийское металлопроизводство», в том числе и «киммерийские котлы» приписывается Городцову. Талгрен (Tallgren 1926, 82-85, 218-220) также видел связь с металлургией Северного Причерноморья, в том числе между сосудами из благородного металла и киммерийцами.

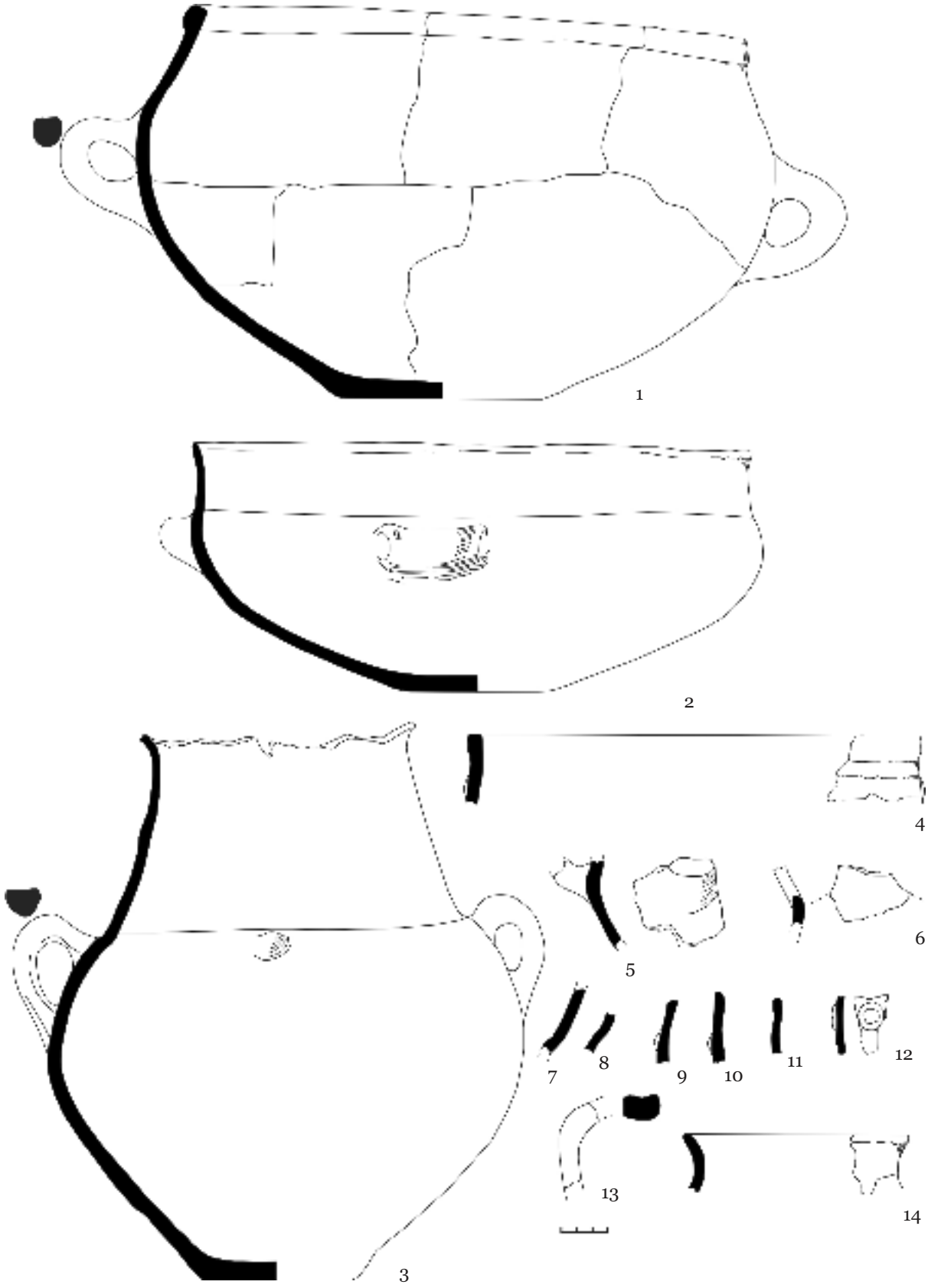


Рис. 3. Чернаводэ. Керамические сосуды и фрагменты керамики из комплекса № 121.

Рис. 4. Чернаводэ. Керамические сосуды из комплекса № 121.

ширением в верхней части[5]. Дно слегка вогнутое, и котёл на плоской поверхности устойчив только благодаря внешнему ободку дна. Две ручки прикреплены с обеих сторон котла на бронзовом листе, составляющем верхнюю часть сосуда, строго в ряд с вертикальными заклёпками, соединившими две пластины верхней части котла (венчик, горло, плечо).

Ручка А (рис. 5/4-6) и пластины отлиты одновременно; внутри и снаружи они были выполнены способом вертикальной приливки, что весьма вероятно является и способом исходного изготовления обеих ручек. У ручки А на уровне венчика, в результате ошибки в процессе приливки, осталась узкая пластина, немного закругленная, выходящая за пределы края сосуда. Это доказывает, что заливка произошла на внешней стороне сосуда, с помощью формы из двух створок, в то время как с внутренней стороны использовалась только одна. Внешняя пластина, прямоугольной формы, слегка выпуклая в средней части с неровными краями; на этой пластине по горизонтали видны два боковых узких удлинения, получившиеся вследствие одновременной заливки: оставшееся продление имеет на конце два маленьких бугорка, в то время как другое удлинение или потерялось, или, что кажется более вероятным было удалено.

Пластина с внутренней стороны ручки А подпрямоугольной формы и больше внешней: на пластине внутри сосуда наблюдается только одно боковое узкое расширение, которое расположено ниже венчика (на 1,8 см), по сравнению с той, что находится с внешней стороны (1 см ниже венчика) (рис. 5/4-6). По нижнему краю пластины с внутренней стороны можно отметить также небольшое удлинение. Все это должно рассматриваться как утечка расплавленного металла, который не был удален намеренно, с целью дополнительного укрепления ручки.

Ручка В (рис. 5/7-9) – со следами ремонта; мастер явно пытался создать новую, похожую на прежнюю, но вероятно, ни средств, ни умения не хватило. Техника литья та же самая, но способ крепления ручки с обеих сторон в форме «ласточкиного хвоста» указывает на гораздо более низкое, по сравнению с ручкой А, владение мастером техникой литья.

[5] Бульдозер сместил предмет с его первоначального места и сильно повредил его. Следует также отметить, что, с одной стороны, свежих разломов очень мало, а с другой, что фрагментация идёт чётко по линии горизонтальных заклёпок (на плече и на донной части сосуда). Это позволяет предположить, что заклёпки на котле были повреждены или частично значительно ослаблены в древности. Реставрация сосуда ещё не завершена, и окончательные выводы о конструктивных деталях данного сосуда могут быть дополнены.

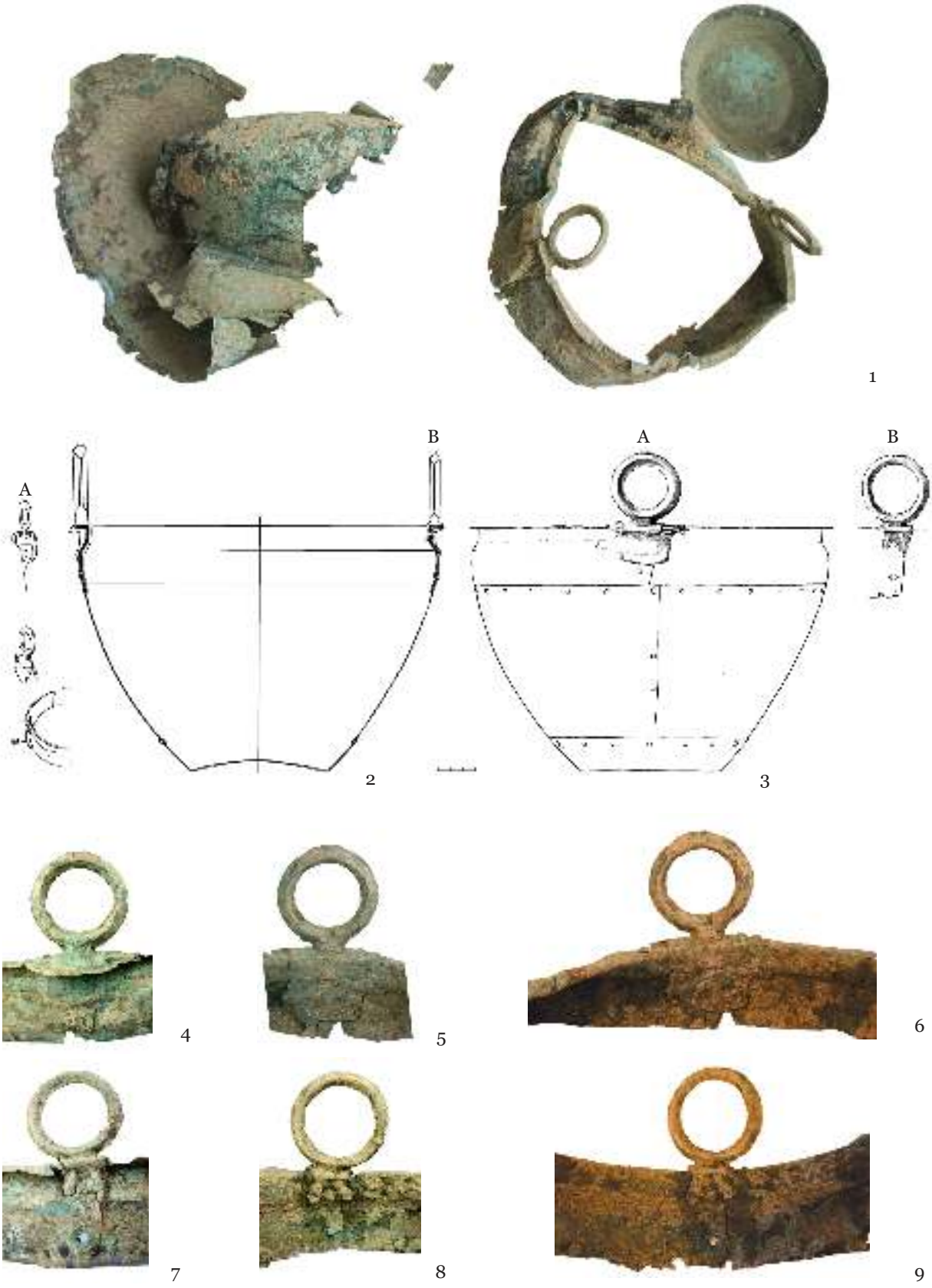


Рис. 5. Чернаводэ. Бронзовый клепаный котел: 1 - состояние котла после извлечения из ямы бульдозером; 2, 3 - авторский вариант реконструкции; 4-9 - детали ручек и венчика.

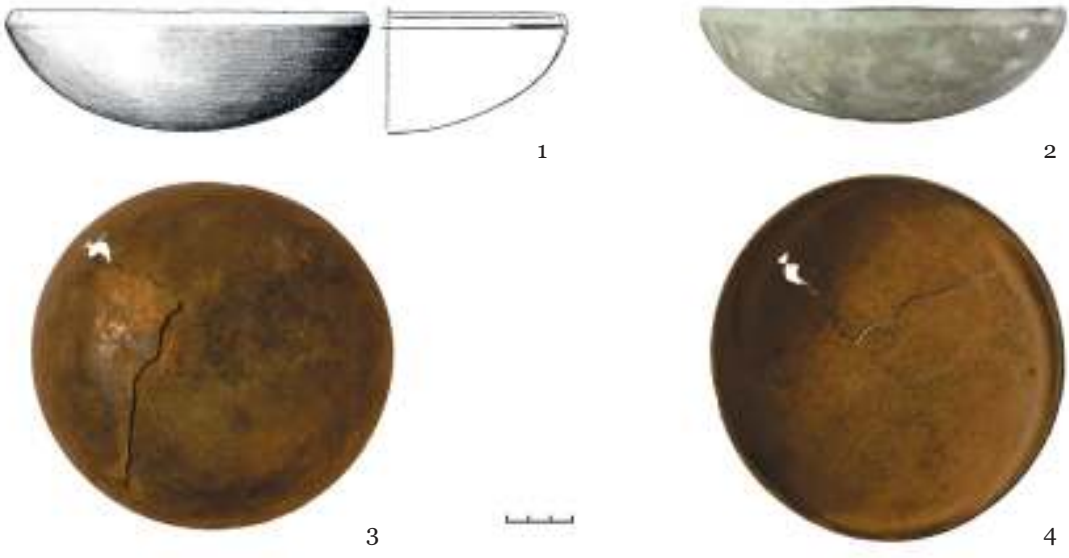


Рис. 6. Чернаводэ. Чаша полусферической формы.

В отличие от ручки А на ручке В между кольцом ручки и верхним краем сосуда есть стержень для укрепления, который после приливки не был тщательно очищен.

Нужно отметить, что на котле нет следов от более ранних заклёпок, поэтому возможность существования приклепанных ручек до ручки В следует исключить. Скорее, можно предположить существование ранее литой ручки, такой же как и ручка А.

Котёл, который на данный момент состоит из трех крупных частей, первоначально был сделан из пяти металлических листов (рис. 5/2, 3): верхняя и средняя (собственно корпус) части, состоящие каждая из двух металлических листов, заклепанных вертикально; ряд заклепок спускается от венчика до мискообразного поддона со скошенными стенами, изготовленного из одного раскованного листа. Все листы соединены одним способом: нижний край каждого листа закреплен заклепками внутри верхнего края листа, следующего под ним. Патина светло-зеленая с более темными зонами; на больших участках она была удалена после обнаружения сосуда.

На значительной части поверхности сосуда имеется также известковый налёт. Размеры: высота около 23-24 см; высота верхней части (до первого ряда горизонтальных заклепок) 5-6 см; высота горловины около 1,6 см; диаметр ручки с пластиной 5,7 см; диаметр ручки со стержнем 5,5 см; диаметр венчика около 29 см; диаметр днища 11 см. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49122.

2. Чаша полусферической формы (рис. 6). Венчик высотой, примерно, 2 см слегка утолщенный, наклонен во вовнутрь. Чаша имеет идеальную полусферическую форму и по качеству изготовления выглядит гораздо лучше, чем другие подобные находки. В центре днища имеется серьезное повреждение – значительная трещина, расходящаяся от середины к краю (рис. 6/3-4). Тот факт, что металл, в трещине уже окислился, сформировав специфический налет, исключает предположение о повреждении чаши бульдозером в момент раскопок, что могло бы вызвать расширение уже существовавших трещин. С другой стороны, такого рода трещины не являются характерным видом разрушений для вещей доисторического времени.

Наиболее вероятно, что они могли образоваться из-за подвижек грунта, так как на протяжении многих лет предмет находился очень близко к поверхности почвы. То, что чаша была расположена горлом вниз, является скорее предположением, но могло бы пояснить появление такого рода трещин. На чаше имеются известковые отложения во многих

местах, особенно внутри сосуда. Патина была частично удалена, а первоначальная, светло-зеленого цвета, сохранилась больше в верхней части. Размеры: высота 5,2 см; максимальный диаметр 15,9 см; диаметр устья 15,4 см. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49121.

3. Махайра/Нож для жертвоприношений[6] (рис. 7/1-3; 8/1-9). Предмет массивный, с ажурной рукояткой каплевидной формы, увенчанной диском со срезанным краем; максимальное расширение рукоятки приходится на ее нижнюю часть, со стороны лезвия ножа. Рукоятка внутри полая, с четырьмя прорезями, расположенными через, примерно, равное расстояние. Форма прорезей в виде вытянутого овала несколько отличается между собой, но в целом повторяет форму рукоятки. Внутри рукоятки имеется горизонтально расположенное крестообразное устройство, которое объединяет четыре полоски бронзы, расположенные между выемками, укрепляя тем самым рукоятку; в верхней части рукоятка заканчивается плоским диском, также расположенным перпендикулярно к продольной оси предмета, но не строго по центру, указывая на не совсем качественное литье. В нижней части рукоятка фиксируется с помощью повторной заливки в верхнем конце лезвия; для лучшей фиксации рукоятка была укреплена в двух местах, у кромки и у острого конца лезвия, что создало некое утолщение. Под рукояткой, начиная от утолщения, книзу, с обеих сторон по спинке ножа прослеживается продольный выступ. Только с одной стороны, под рукояткой, находится отверстие, доходящее до полой части рукоятки.

Односторонне заостренное лезвие имеет форму вытянутого овала с утолщенным краем, имеющим Т-образный профиль; по кромке на каждой из сторон лезвия имеется нервюра; вдоль лезвия на обеих сторонах ножа расположена еще одна тонкая нервюра, которая закругляется у рукоятки. Конец ножа закру-

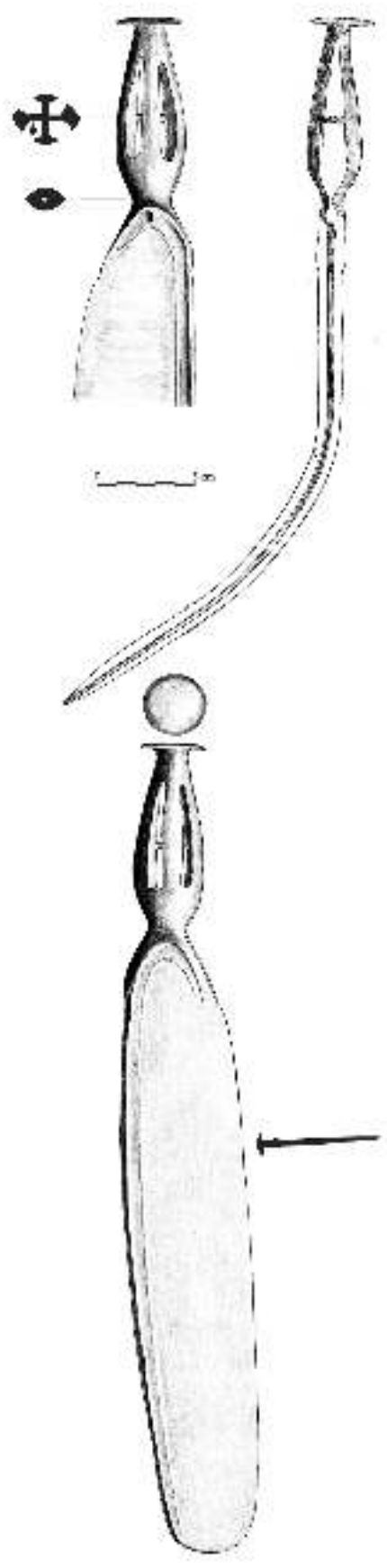


Рис. 7. Чернаводэ. Махайра.

[6] Относительно соотношения пропорций «длинный кинжал - короткий меч», определяемых на основе длины (приблизительно 30-40 см), см., например, Bader 1991, 1-2, где приведен обзор различных точек зрения. В нашем случае эти определения не могут быть использованы, и в первую очередь из-за того, что по видимому, идет речь об инструментах, у которых лезвие заточено только с одной стороны, и которые использовались в различных сферах деятельности.

Рис. 8. Чернаводэ. Махайра.

глен, сохранив, по-видимому, свою первоначальную форму, поскольку нервюра, идущая по кромке, вдоль лезвия, здесь очень слабо выражена и тоже поворачивает к окончанию округленного лезвия (рис. 7/3; 8/3). Лезвие было отлито в двойной форме, а затем, методом приливки, была выполнена очень сложная рукоятка. Оставшийся после литья металл на Т-образной кромке ножа был тщательно зачищен; также очень хорошо были обработаны обе стороны рукоятки и оборотная сторона дисковидного навершия; его верхняя часть тщательно была отполирована. За исключением минимальных повреждений предмет имеет идеальную сохранность. Возможно, что еще в древности он был, изогнут под углом приблизительно 45 градусов и именно в сторону, на котором находится отверстие, на лезвии. Единственным повреждением, вероятно технического характера, является небольшая трещина на засостренной части лезвия, в 9 см ниже рукоятки (рис. 8/3). Край лезвия был

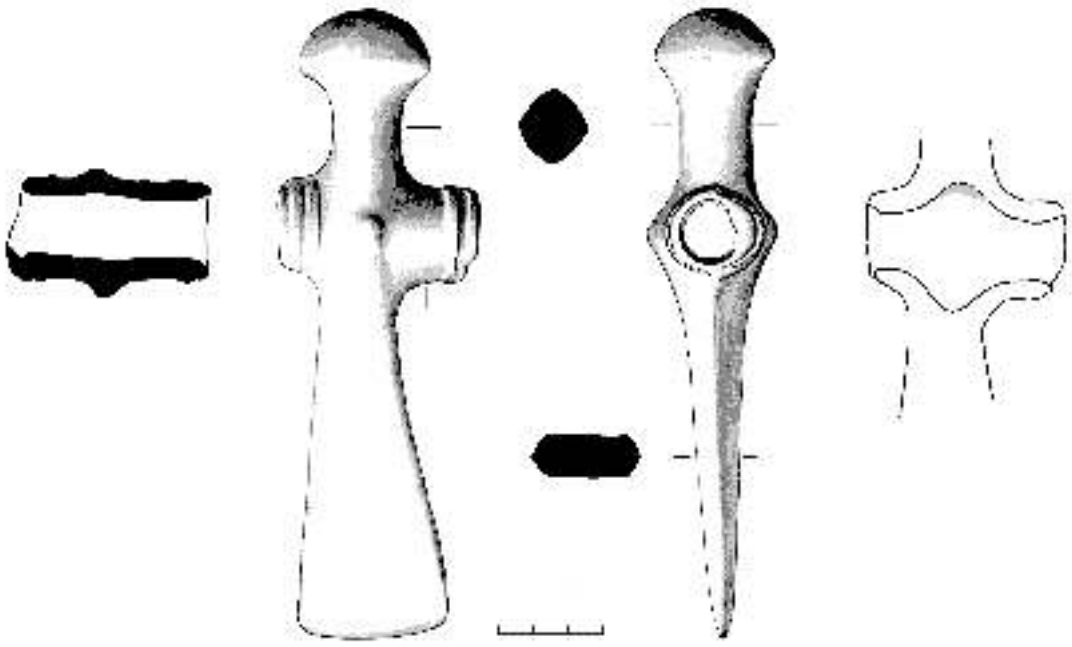


Рис. 9. Чернаводэ. Топор с поперечной втулкой и полусферическим обухом.

незначительно поврежден при обнаружении или вскоре после него. В целом, патина зеленого цвета, оттенок средний, в некоторых местах интенсивность цвета неравномерна (рис. 8/1-8). Размеры: L 41,8 см; максимальная длина лезвия 6,4 см; диаметр дисковидного навершия на рукоятке 3,2 см; максимальная длина рукоятки 3,5 см. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49119.

4. Втулчатый топор с полусферическим обухом[7] (рис. 9; 10/1-7). Обух топора представляет собой в данном случае полусферу, но по форме все же приближается к полной сфере, поскольку его нижняя часть закруглена в месте соединения с шейкой топора (рис. 9; 10/1-4). По сравнению с классической формой данного типа предметов участок между втулкой и обухом имеет дугообразную форму, с изгибом вовнутрь, профиль ромбовидный (рис. 9). Втулка размещена асимметрично, а ее края выполнены относительно небрежно, что повлияло на точность формы как внутренней части отверстия, так и тех двух-трех выпуклых ребер, имеющихся на обоих концах втулки. По бокам втулки, снаружи, имеются выпуклости конической формы.

Внутри втулки остались два углубления – со стороны обуха и со стороны лезвия, –которые определяются только на ощупь при исследовании внутренней части втулки.

Лезвие слегка асимметричное, имеет в сечении форму удлиненного шестигранника. Нижний край лезвия слегка закруглен. На одном конце втулки видны старые повреждения, которые можно отнести к дефектам литья (рис. 10/5). Следы от свежих ударов имеются на шейке топора (рис. 10/1). Топор очень хорошо сохранился, и мог бы быть использован для работы и сегодня. В нескольких местах наблюдается патина светло-зеленого и темно-зеленого цвета (рис. 10/1-7); в основном патина с предмета была удалена. Имеются известковые отложения. Размеры: длина 16,6 см; длина втулки 5,3 см; максимальная длина лезвия 4,0 см. Место хранения: Музей Национальной истории и археологии, Констанца, инв. № 49120.

[7] Данный геометрический термин представляется в данном случае более подходящим (Soroceanu 2016, 176), чем неточность и неадекватный характер других часто употребляемых терминов: «топор (с бутонообразным выступом на затылке) тип Дражна», «...с грибовидным диском», «...с бутонообразным или сферическим затылком», «...с эллипсовидным уплощенным затылком», «...с округленным затылком», «...с бутонообразным выступом/шаровидным или сферическим затылком» и т.д.

Рис. 10. Чернаводэ. Топор с поперечной втулкой и полусферическим обухом.

Интерпретация комплекса

Котел (рис. 5). Для того, чтобы отметить уникальность котла из Чернаводэ не требуется слишком обширных исследований. Однако необходимо тщательное изучение ряда важных деталей, которые придают этому предмету – именно из-за своей уникальности – некоторые особенности, которые приобретают смысл только при их рассмотрении с аналогичными предметами. Котел, без сомнения, по всем характеристикам принадлежит к так называемой группе клепаных котлов, в том значении, которое придали при исследовании подобных котлов, происходящих с территории Северного Причероморья (см. выше примечание 3). Общая форма котла соответствует форме перевернутого усеченного конуса со слегка выпуклым туловом; в связи с тем, что зона венчик-горло-плечо является более короткой, чем у большинства клепаных котлов[8], а также и потому, что у него нет ножки, форма

[8] Приблизительно такой же высоты, но с другими конструктивными деталями, эта часть присутствует на сосудах Молешть (Dergačev 2002, 38-39, Taf. 38/1-2 [искаженные рисунки], Ягорлыцкий залив (Тереножкин 1982, 219, рис. 1-2), возможно Лапас (Филипченко 1962, 276-278).

усеченного конуса является более очевидной. Говоря о форме как таковой, мы можем указать только на приблизительное сходство данного котла с котлом № 1 из Молешть (Dergačev 2002, 38-39, Taf. 38/1-2)[9].

Первой важной проблемой является определение технологического изготовления ручек котла. Очень вероятно, что обе ручки были первоначально сделаны по одинаковой схеме методом приливки, причем самая нижняя часть (от горла и до плеча), где кольцо ручки присоединено к котлу, была задумана как прямоугольная пластина, отлитая одновременно. Ручки установлены вертикально, по обе стороны бронзового листа. Эта первоначальная форма сохранилась только у ручки А и она соответствует типу II, согласно типологии ручек клепаных котлов, которая была недавно разработана (см. Soroceanu, Sava 2019, 295 Abb. 6/II).

Наш вариант может быть обозначен как Ивановский-Чернаводэ. Лишь незначительное возвышение ручки относительно венчика, а также наличие горизонтальной пластины в форме полукруга напротив расширяющегося венчика, в какой-то степени отличает типологически ручку А от ручек единственного для него аналогичного котла из Ивановского посёлка (Раев 1979, 53, № 176; 129, таб. 17/17). Данный предмет происходит из Волго-Донского междуречья, т.е. типологически сходные элементы присутствуют на предметах, обнаруженных далеко друг от друга. Более того, между ручками этих двух котлов сходство весьма приблизительное, но, принимая во внимание предположение, что котлы из Михайловки/Херсон (Makarenko 1930, 37-39[10]) и, возможно, из Одесского музея[11], имели похожие ручки, это может расширить круг аналогий.

Ремонт ручки В (осуществленный также методом приливки, см. описание выше) остается сам по себе уникальным, и не может быть датирован более поздним временем, чем ручка А, но уровень технологического исполнения гораздо ниже. Аналогичные ручки у сосуда из Мацкова Лучка (Клочко, Козыменко 2017, 146-147, рис. 31/1-31; анализы №№ 804-808), представляют собой в принципе те же два тонких стержня крепления, но сделаны на более высоком техническом уровне и впоследствии ремонту не подвергалась. Установление двух ручек на котле из Чернаводэ в точности поверх ряда вертикальных заклепок, является еще одним отличием от экземпляра из Ивановского поселка. Аналогии из Греции подчеркивают, эту особенную позицию ручки (Matthäus 1980, Taf. 1/3 - Тилисосс; Taf. 2/5-7, 9 - Микены), которая может играть важную роль при сборке сосуда, но не является обязательным элементом с технической точки зрения.

Рассмотрение каждого из конструктивных элементов котла в отдельности, позволяет констатировать, что венчик, горло, тулово и дно, а также и ручки, указывают на очень разные направления развития таких металлических сосудов.

Четко выраженная форма венчика котла Чернаводэ позволяет провести аналогию не с группой котлов, имеющих прилитые ручки как можно было ожидать, а с экземплярами из Попяска (Маркевич 1985, 113, рис. 135; Dergačev 2002, 41, Taf. 42), Гайдар (Гольцева, Букарский 1978, 253-255, рис. 3; Dergačev 2002, 8, 40, Nr. 127; 135, 216, Taf. 41A и 107), Дикий Сад (Фабрициус 1951, 79 рис. 26; Кривцова-Гракова 1955, 133, 135, рис. 31/1; Antoniewicz 1958, 58, fig. 7), Лубни (Клочко 2003, 30-37), Месич (Рашајски 1975, 63-68, таб. 60-62 - клад; 67, № 35, таб. 62/15 - фрагмент сосуда), у которых ручки отлиты вместе с венчиком и которые относятся к типу IIIB (см. Soroceanu, Sava 2019, 295 Abb. 6/IIIB).

Форма вогнутого дна типологически сближает котел из Чернаводэ с двумя экземплярами из Молешть; исходя из имеющейся в нашем распоряжении надежной документации, они представляют собой единственные точные аналогии днищу котла из Добруджи.

По своей форме котел из Чернаводэ, принадлежит к металлическим сосудам Северного Причерноморья, которые включает в себя все конусовидные сосуды с наименьшим диаметром в нижней части тулова.

[9] См. Soroceanu, Sava 2019, 286 Abb. 4/5-6; см. там же более раннюю библиографию, например Хынку 1972.
[10] Там же приведены важные технические детали.
[11] На первоначально опубликованной иллюстрации (Terenožkin 1962, 272-277) невозможно разглядеть детали.

Для данного типа характерно то, что нижний край каждого листа заклепан с внутренней стороны верхнего края листа, находящегося снизу. Две верхние части (от венчика до верхней части днища) состоят из двух металлических листов, заклепанных вертикально; для этого вида конструкции, но исключая самую верхнюю часть, есть аналогии в других типах (например, сосуды Гайдар, Лубны, Дикий Сад, Лапас, а также станица Суворовская).

У котла «киммерийского времени» из Трудового вторая часть (сверху), как и у котла из Чернаводэ, собрана из двух листов металла, заклепанных вертикально, однако, к сожалению, почти полностью отсутствует часть венчика (Самар, Антонов 2015, 139, рис. 7/2.3). У котла из Чернаводэ вертикальная линия заклепок на двух верхних частях находится практически одна под другой, что не встречено ни у одного из сосудов из исследуемого региона, но есть, даже с двойной линией заклепок, у котла из Тилиссос[12]. Другие южные элементы микенского круга, которые проникают на север и северо-восток, и которые следует упомянуть, – это ручки, закрепленные по обе стороны венчика сосуда и похожее строение тулова сосуда, за исключением днища[13].

В целом, научную новизну исследуемого котла можно очертить следующим образом. Во-первых, сосуд из Чернаводэ – единственный клепаный котел, хотя и в поврежденном виде, но со всеми полностью сохранившимися частями, определяющими его конструктивные элементы, которые указывают на восточное происхождение данного котла, обнаруженного к западу от линии Прут - дельта Дуная - западное побережье Черного моря. Хотя котел открыт к югу от Дуная, на данный момент просматривается, распространение таких сосудов на запад только севернее Дуная.

Несомненно, что на территории современной Болгарии и Греции, в любое время могут появиться неожиданные находки. Однако, такие типологические детали, как дно и ручки имеют только восточные аналогии, и таким образом котел из Чернаводэ представляется нам как типологический синтез (с элементами перехода) к котлам более позднего HaA (Месич, вероятно, Орбяска де Сус) периода, но, несомненно, его не достигшего. Наконец, данный котел является одним из немногих, обнаруженных в конкретном археологическом контексте. За исключением находок, относящихся к самому раннему майкопскому и самым поздних до- и протомеотскому периодамна всем пространстве между Карпатами, Уралом, Казахстаном и Северным Кавказом только экземпляры из Андреевки (Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005; Карабаспакова 2011; Кукушкин 2012; Kukuškin 2013; Stöllner, Samašev 2013; Джумабекова, Базарбаева 2013), Батарейки (Сокольский 1980), Зайсана (Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016; Кущ и др. 2016), Комсомольского (Boroffka, Sava 1998), Месич (Рашајски 1975), станицы Суворовская (Нечитайло 1975; Нечитайло 1979), Трудового (Самар, Антонов 2015) и Каратомар/Халвай (Логвин, Шевнина 2018) происходят их закрытых комплексов[14].

Чаша полусферической формы (рис. 6). Данная чаша характерных очертаний имеет в составе клада особое значение. Из-за хронологических расхождений (BD, соответственно HaB2) необходимо прежде всего отметить, что установить какую-либо связь с аналогичными предметами из Трансильвании невозможно (Soroceanu 2008, 100-101)[15]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на определенные связи с восточным и южным районами Северного Причерноморья. Сравнение с другими похожими чашами, обнаруженными на восточной стороне Восточных Карпат (Пыхнешть), в северопонтийских степях (Дремайловка) и на Урале (Пермь, Турбино) не позволяют сделать окончательные выводы о связях и с Карпатским регионом, в первую очередь, из-за неудовлетворительного качества доступного иллюстративного материала. Но и хорошо описанные чаши, такие

[12] Дом A - котел, с корпусом состоящим из большого количества листов (Matthäus 1980, 83, Nr. 3, Taf. 1/3).

[13] Matthäus 1980, в особенности первые две таблицы, 1-2 (Тилиссос, Микены).

[14] Необходимо отметить, что «клад Лубны», несмотря на мнение автора его первой публикации, что это единый комплекс (Клочко 2003, 30-37), в реальности он представляет собой набор разрозненных находок, искусственно объединенных в комплекс, и для хронологических построений бесполезен.

[15] Необходимо отметить, что Ф. Кристя ошибочно датирует весь комплекс, а также неверно определяет ареал распространения чаш и приводит некорректные библиографические ссылки (Cristea 2009, 200-201).

как Тэтэрань (Iconomu 1977; Soroceanu 2008) и Усть Гайва (Бадер 1964), могут быть использованы лишь как общие отправные точки в исследовании экземпляра из Чернаводэ[16]. Для отнесения этого сосуда к определенному типу важна одна из чаш из клада Текирдаг (ранее известного как Родосто, Родощук, Текфур Даги), которая является почти полной аналогией (Harmankaya 1995, 230-231, 251, Taf. 14d; Hansen 2005a, 90-94; Hansen 2005b, 303-307). Не только общая форма и профиль сосуда практически идентичны, но даже размеры и характер повреждения дна делают похожими экземпляры из турецкой Фракии и Добруджи. Предположение о том, что оба экземпляра имеют общее происхождение не только заманчиво, но и аргументировано подтверждается. Незамеченной осталась миниатюрная чаша (максимальный диаметр 5,3 см) из того же клада, также очень похожая и по форме, и по профилю (Harmankaya 1995, 253, Taf. 16c; Hansen 2005, 91, Abb. 1/73; Hansen 2005a, 303, fig. 1/73). Эти аналогии предмету из Чернаводэ надежно подтверждают датирование, предложенное С. Ханзеном, который, в отличие от Харманкая, относящего клад из Текирдага к 12-11 векам до н.э. (Harmankaya 1995, 217) относит его к 14-13 векам до н.э. (Hansen 2005, 93; Hansen 2005a, 304). К сожалению, химические анализы для чаши из клада Текирдаг отсутствуют.

Хотя полусферические чаши достаточно многочисленны в киприотской среде (около 300 экземпляров), наш вариант выделен по единственной аналогии из Энкоми, хотя стенки у чаши более толстые и изгиб профиля менее подчёркнутый (Matthäus 1985, pl. 1-18; для экземпляра из Энкоми - площадь III, помещение 1, см. там же pl. 7/142). Этот важный типологический вариант, выделенный нами на основе верхней части профиля чаши, характерен пока только для восточной зоны Причерноморья и назван Текирдаг-Чернаводэ. Расширение зоны исследования в Малой Азии может привести к дополнительным результатам, но мы считаем, что это выходит за рамки нашего исследования[17].

Несмотря на территориальную удалённость, следует упомянуть и аналогию из Египта (Фивы), где похожий сосуд числился в инвентарном списке гробница 8, принадлежащей Ха: он представляет собой, изготовленное, вероятно, по заказу штампованное изделие на деревянной подставке, в котором хранилась жидкость (Radwan 1983, 97, № 249, Taf. 48/249). Его датировка (середина правления XVIII династии, 15-14 вв.) не слишком удалена от даты, предлагаемой для находки из Чернаводэ. В связи с отсутствием дополнительных доказательств утверждение о связи балканских находок (Чернаводэ-Текирдаг) с Египтом на данный момент всё же рискованно. Однако следует подчеркнуть, что в крито-микенской среде (Matthäus 1980, 277-279), вне зависимости от нашего предположения (Matthäus 1980, 277-279, pl. 49/414-418), редко встречаются чаши в полусферической формы, в то время как на территории Древнего Ханаана, связанной и с Кипром, и с Ближним Востоком, чаши такой формы хорошо известны[18] (Gershuny 1985, 2-4; pl. 1-3).

Махайра (рис. 7; 8). Выделение категорий кинжалов, мечей и других видов оружия на основе длины и определение соответствующих названий всегда представляли сложности. Это связано с тем, что с течением времени менялось их применение, и с тем, что в разные эпохи разные группы населения в различных географических зонах по-своему рассматривали характер данного предмета. Взятые за основные признаки ширина лезвия и длина ручки, а также их форма, послужили основой для ряда неточных определений[19]. Это же относится и к предмету из Чернаводэ.

[16] Полусферические чаши из Тэтэрань и Чернаводэ деформированы аналогичным образом. Некоторое типологическое сходство с северо-причерноморским регионом можно увидеть в керамическом сосуде из Суботовского городища (Гершкович 2016, 381, рис. 3/6). Необходимо упомянуть, хотя и очень ранние, керамические аналогии из могильника Клады, например из курганов 11 и 15 (Rezepkin 2000, pl. 12/11, pl. 29/3).

[17] См. группу сосудов из Киник на западной части побережья Малой Азии (Emre, Cınaroğlu 1993, 682-683, nr. 17-19, fig. 15-17). Там присутствуют варианты полусферических чаш простой формы: но, после того как авторы говорят о достаточно распространенной форме (как в металле, так и в глине) в Хетской империи, весьма удивительно, что ими приводится всего лишь одна аналогия, датирующаяся поздним ассирийским периодом.

[18] Но, известны они и на Ближнем Востоке, например металлический сосуд в Сусе (Tallon 1987, 264, Nr. 699).

[19] Относительно разных названий, основанных на размерах, см. более ранние работы Mylonas, Foltiny, Gordon и Schauer, процитированные в Bader 1991, 1-2, а также Kemenczei, 1988, 1-2; Kilian-Dirlmeier 1993, 5; Harding, 1995, 5-6.

Поэтому мы будем использовать в основном наименование «махайра». Поскольку острие клинка изначально было сделано округлым, а отверстие расположенное в верхней части клинка соединяется с внутренней частью прорезной рукоятки, предмет вряд ли можно расценивать как оружие. В данном случае предпочтительнее использовать название «махайра» – как правило, длинный нож, используемый при жертвоприношении животных. Учитывая отличительные характеристики, исследователи по-разному называют предметы, подобные ножу из Чернаводэ, в целом относящиеся к одной категории; их длина варьирует от 20 до 40 см. Так, например, при первой публикации все экземпляры из Лозово в начале каталога были даны под общим названием «кинжал-меч», а в конце каталога, при описании их характеристик, определены только как «кинжалы» (Дергачев 1975, 14, рис. 4 - подрисуночная подпись; 16; 52-54, с дополнительной литературой). Экземпляр с односторонним заточенным лезвием и с относительно острым наконечником, но с цельной, не прорезной рукояткой из Черковны (рис. 11/1-6), был назван «меч-кинжал или короткий меч» (Черных 1978, 237, со схематическими рисунками). Предметы, имеющие односторонне заточенное лезвие и плоский язычок на рукоятке (в основном из Урало-Каспийской зоны) были, напротив, определены как «нож» (Бадер 1964, 122, 123, рис. 113) или «кинжал» (Черных, Кузминых 1989, 118-123). Обоюдоострое оружие с ажурной или сплошной рукояткой попадает иногда в категорию мечей[20] или коротких мечей[21], а иногда – кинжалов[22]. Эти очень похожие по типу экземпляры, длина которых варьирует приблизительно от 20 до 40 см, без сомнения, повлияли на научную терминологическую классификацию.

Экземпляр из клада Чернаводэ, при сравнении с однородными предметами, является уникальным[23]. Его уникальность в том, что впервые в одной типологической категории присутствуют два относительно самостоятельных элемента: 1) односторонне заостренное лезвие; 2) прорезная рукоятка с крестообразным укреплением внутри и с утолщением, приходящимся на ее нижнюю часть. К этому следует указать на такой элемент, как отверстие на лезвии, которое соединяется узким каналом с полой рукояткой.

Махайра с односторонним лезвием находит параллели, в первую очередь, в Болгарии, с предметом из Черковна (рис. 11/1-6) (Черных 1978, 235, таб. 63/16; Черняков 1985, 112, рис. 56), однако на этом ноже имеются три продольных ребра, которые идут вдоль спинки лезвия, с четко выраженным Т-образным профилем лезвия. В отличие от предмета из Чернаводэ его конец более острый, а на лезвии, почти по всей длине, имеются следы использования[24]. Также из Болгарии, но неизвестного происхождения[25] происходят и формы для литья подобного предмета (рис. 12-13): ребра занимают большую площадь ассиметричного одностороннего лезвия; верхняя часть отличается тем, что на ней имеется язычок у рукоятки

[20] Kločko 1995, 130-134, без того чтобы взять во внимание прорезные рукоятки из того же клада (Черняков 1965, 106-107, fig. 9/4; 121, fig. 15/1) и предложенную Черняковым реконструкцию (Черняков 1985, 110-111).

[21] Dergačev 2002, 37, 124-125, относительно похожие экземпляры определены как характерные для различных зон (там же стр. 135, кинжал). Картографирование только частичное и очень сложно проверяемое (Dergačev 2002, Taf. 103). Дергачев не объясняет, почему короткие мечи по его типологии ("Kurzschwerter vom Krasnyi Majak") соответствуют типам «кинжалы» № 48-50 по типологии Черных (1976, 123), которые в той же работе превращаются в «ножи» (Черных 1976, 237, табл. XXXII, подпись). Каково различие между № 48 и № 50, объясняется весьма запутанно в тексте, а рисунки не приводятся.

[22] Popescu 2009, 271-278 с каталогом аналогичных находок, в котором внесены и многие фрагменты, из которых не все можно достоверно определить (см. и предыдущую сноску).

[23] Из похожих мотивов Черных определил то же самое и для Черковны (Черных 1978, 237).

[24] Необходимо обратить внимание на предмет из клада Гура Доброджей датированный периодом BD, который при длине 27 cm, определен как нож (Aricescu 1965, 22, fig. 4/1, фотография; Aricescu 1970, 31, fig. 7/3, рисунок; 69, fig. 32, предмет в положении in situ; личное ознакомление Т. Сорочяну с предметом; как обычно неточные рисунки у Петреску-Дымбовица (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 100/8); «улучшенные» в Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 78/10). Канал лезвия с утолщённым краем и короткая рукоятка скорее указывают на миниатюрный меч. В принципе предмет похож на один из предметов из Черковна, а также и с другим из Болгарии (место обнаружения неизвестно), но без того, чтобы можно было признать их детальное сходство.

[25] Б. Хензель (Hänsel 1976, 39, Nr. 10 "drei aus dem gleichen grauweisen Kalkstein") упоминает их как происходящие из окрестностей города Шумен, с предположением, что они составляли клад литейных форм (для топоров-кельтов и одного топора с двойным лезвием), и которые хранятся в Национальном музее в Софии. Дополнительное устное сообщение Б. Хензеля лично Т. Сорочяну.

Рис. 11. Черковна. Короткий меч. Случайная находка.

(рис. 13/1)[26]. Ножи с односторонне заточенным лезвием, более или менее похожие на тот, который мы рассматриваем, встречаются, только на отдаленных территориях от Чернаводэ: в урало-каспийском – Сейма (Бадер 1970, fig. 52; Samašev, Žumabekova 1996, 231, fig. 2/2), Турбино (Бадер 1964, 122, 123, рис. 113; Samašev, Žumabekova 1996, 231, Abb. 2/3), в сибирском – например, Ростовка под Омском (Матющенко, Синицына 1988, 8, 9, рис. 17; Черных, Кузминых 1989, 115-123), забайкальском и монголо-китайском (Членова 1976, таб. 7/13; 12/1,5; Chernykh 2009, 6, fig. 5/1-21) ареалах и очень редко в пространстве между Днестром (возможно, Красный Маяк и Сосновая Маза[27]) и Волгой. Особенной формой является изогнутое

[26] Особенно имеется в виду изготовленная створка (рис. 13/1-2), но которая не была доведена мастером до конца на двух литейных формах. Технические данные: литейная форма A (с завершенным негативом) имеет длину 29,8 см; ширину 7,8 см; высоту 3,93 см. Литейная форма B (незаконченная) имеет длину 30,2 см; ширину 8,7 см; высоту 4,9 см (любезное сообщение Л. Лещакова). См. также и Черных 1978, 235, таб. 63/17 и стр. 124, рис. 52; на картах оба экземпляра из Болгарии обозначены вопросительными знаками, которые относятся к их типологии.

[27] Но, в принципе с различными типологически элементами: Черных 1970, рис. 59/8-10, 12; Черняков 1985, 110, рис. 54/3 (контур лезвия передан пунктирной линией, профиль отсутствует).

Рис. 12. Болгария, без определенного местонахождения. Литейные формы для лезвия длинного ножа/короткого меча.

оружие[28] обнаруженное до 1902 года в станице Нагавская, в Нижнем Подонье; оно представляет собой один из немногих однолезвийных экземпляров известных в Северном Причерноморье[29]. В результате добруджско-болгарская группа ножей с длинным лезвием выделяется весьма четко, и её типологическо-географическое значение является бесспорным. Таким образом, прорезная рукоятка махайры, происходящей из Западного Причерноморья была скомбинирована металлургическим способом с лезвием, ближайшие аналогии которого к тому времени уже существовали на территории современной Болгарии. Нужно отметить, что типологическое сходство лезвия ножа из Черковны и лезвия ножа из Гура Доброджей (длина 27 см)[30] гораздо большее, чем с западными аналогами, приводимые некоторыми авторами (Черных 1978, 236).

[28] Гимбутас указывает длину 41,5 cm; ширину 7 cm; Клочко – длина 20 cm.

[29] См. Tallgren 1937, 106; Gimbutas 1965, 564-565 fig. 391 (Staraja[!] Nogavskaja, „sabre-dagger"); Kločko 1995, 115 Abb. 22/2 (кинжал); 136 (меч, даже для рубки [Hiebschwert]); не понятно почему Клочко считает три бутона на грани лезвия как два (sic!) орнитологических изображения.

[30] Напоминаем, что предмет из Гура Доброджей более напоминает миниатюрный меч, похожий на предметы из Чернаводэ и Черковна, или же на предмет, отливавшийся в литейной форме из Болгарии, неизвестного происхождения. Отдельной аналогией, особенно для рельефных нервюр, является нож из Жавгур (длина 17 см): см. Дергачев 2012, 175-176, рис. 14/5; 177, рис. 15/1, где автор отмечает сходство с ножом из Черковна.

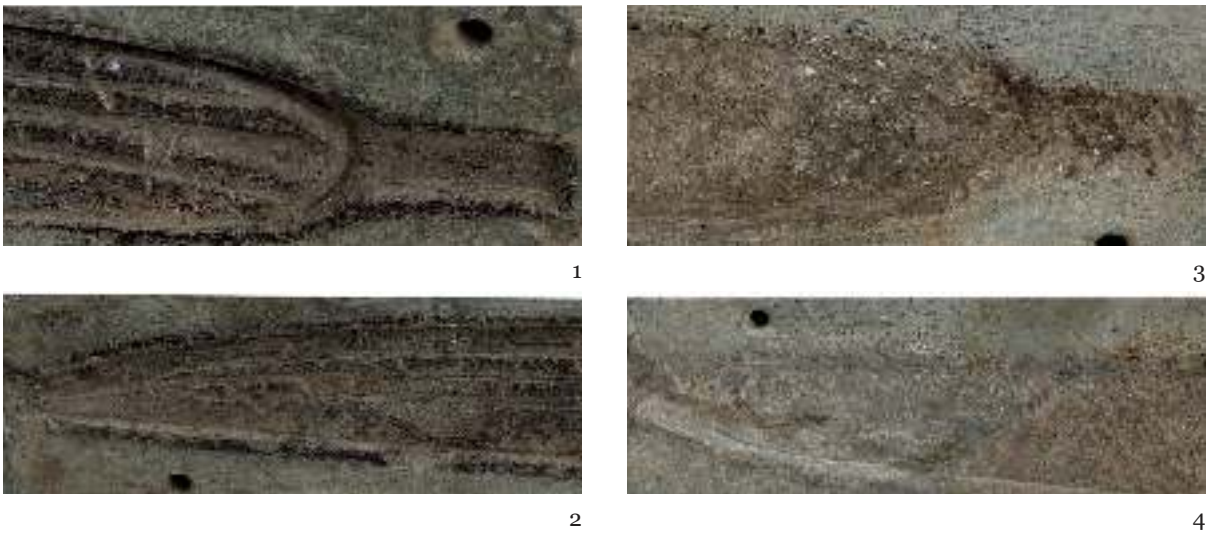


Рис. 13. Болгария, без определенного местонахождения. Литейная форма для лезвия длинного ножа/короткого меча.

Сильно закругленный конец лезвия (рис. 7/3; 8/3) является характерным не только для клинков с односторонним лезвием. Экземпляры ножей с двусторонним лезвием и закругленным концом входят в состав кладов Красный Маяк (Черняков 1985, 111, рис. 55/1, 7, 8, возможно и другие, фрагментированные) и Лозово[31] (Dergačev 2002, Taf. 34/13) а отдельные находки кинжалов известны, например, из Молдовы/Могошешть[32]. Надо подчеркнуть тот факт, что нож из Чернаводэ был намеренно закруглен, на что указывает то, что ребра на тупом крае ножа округляются на конце, утончаясь до исчезновения (рис. 7/3; 8/3). К сожалению, более детально форма конца ножа, а также контуры лезвий не могут быть рассмотрены в связи с отсутствием всех данных для других известных экземпляров.

Для рукоятки длинного ножа из Чернаводэ характерной, как, нужно отметить, и для многих других видов таких предметов до настоящего времени не разработана надежная типология. Конкретно, речь идет о слегка дугообразной форме рукоятки, с максимальной шириной, чаще всего, в нижней части. В профиле форма рукояток овальная или круглая, а различные способы конструкции рукоятки дают разнообразие форм. На противоположном лезвию конце рукоятка почти всегда заканчивается плоским круглым диском, расположенным перпендикулярно продольной оси, и который иногда несколько выпуклой формы. После относительно резкого сужения нижняя часть рукоятки раздваивается, охватывая с обеих сторон, на расстоянии нескольких сантиметров, верхнюю часть лезвия, так же, как и в случае ножа из Черковны. Таким образом, создается особая форма рукоятки, типологию которой определяют разные детали, зависящие от ряда показателей, например, количества и формы прорезей на рукоятке, наличия металлического стержня и крестообразного устройства внутри рукоятки или различные способы соединения рукоятки с лезвием. Как правило, прорези имеют форму вытянутого овала, с заостренными концами.

В сравнительно редких случаях – как и у описываемой махайры – верхний конец прорезей острый, а нижний конец прямой или закругленный. Длина прорезей может незначительно отличаться, даже у одного и того же экземпляра, а количество прорезей может достигать четырех (как у экземпляра из Чернаводэ) или шести[33]. Для укрепления рукоятки,

[31] Похоже, что рисунок с округленным кончиком лезвия на другом изделии из Лозово основан на том, что Е.Н. Черных (Черных 1976, 240, таб. 37/5) не принял во внимание сохранившуюся часть заостренного кончика (Dergačev 2002, pl. 34/14).

[32] Наконечник слегка поврежден (Popescu 2009, 277, fig. 2); устное сообщение автора и о других деталях для Т. Сорочяну.

[33] Как и кинжал из Тигечь II (Dergačev 2002, 41, Nr. 140, Taf. 43C), но прорези намного уже. Для понимания общей картины о кинжалах с прорезной рукояткой см. недавно опубликованную работу - Дергачев 2011, 222-231 (только предметы с обоюдоострыми лезвиями).

и соответственно, для обеспечения безопасности при работе с махайрой, как правило, отливали на конце лезвия короткий металлический стержень, либо отдельно от клинка, крестообразное горизонтальное крепление, наружные концы которого опираются на полоски между проемами рукоятки.

Данное крепление использовано и на предмете из Чернаводэ, где мастер отказался от отливки металлического стержня, в первую очередь, из-за отверстия, расположенного между лезвием и рукояткой. В случае наличия металлического стержня у рукоятки эту деталь технически было бы невозможно выполнить. Есть и экземпляры, например, из кладов Лозова II (Dergačev 2002, Taf. 34/13) и Красный Маяк (Кривцова-Гракова 1955, 134, рис. 30/6; Черняков 1965, 87-123; Черняков 1985, 111-112) или отдельная находка из Могошешть (Popescu 2009, 277, fig. 2)[34], у которых присутствуют оба способа крепления рукоятки, однако встречаются и экземпляры вообще без какого-либо крепления, например, в Тигечь (Dergačev 2002, 41, Nr. 140, Taf. 43 C)[35]. Вопрос, который не может быть пока решена – это исследование внутреннего пространства рукояток, имеющих типологическое сходство, но без прорезей. Отсутствие рентгенограмм оставляет все на уровне предположений и не позволяет разработать более детальную типологию. То же самое и с вопросом монтажа различных рукояток к ножам с одно- и двусторонним лезвием: несмотря на то, что большинство из них, наиболее вероятно, были выполнены методом приливки, в настоящее время нельзя сделать конкретные и окончательные выводы для этой категории ножей.

Пока невозможно установить и происхождение данного типа прорезной рукоятки. Типологическую связь между цельными и прорезными рукоятками в европейской среде трудно определить, как из-за относительно малого количества экземпляров, так и из-за неполных сведений (Черняков 1985; Kločko 1995; Dergačev 2002). Поиск аналогий в азиатском пространстве – вплоть до северного Китая – является еще более сложным из-за отсутствия каких-либо характерных типологических элементов. В какой степени выпуклые диски на конце прорезных рукояток могут быть связаны с рассматриваемыми нами находками, сказать трудно, однако техника исполнения, несомненно, та же (Членова 1976, рис. 2/21; 10/3-10, 17; 12/1)[36]. В заключение можно сказать, что либо прорезной, к которой принадлежит и экземпляр Чернаводэ, либо цельный тип рукоятки, характерен, скорее, для северопонтийского пространства, и особенно для его западной части. Однако, надо отметить, что прорезная рукоятка, имеющаяся на экземпляре с односторонним лезвием из Добруджи, все же встречается чаще у ножей с обоюдоострым лезвием.

Немаловажное значение имеет и круг вопросов, связанных с наличием отверстия и каналом между верхней частью лезвия и внутренней частью рукоятки[37]. Этот узкий и довольно короткий канал, который соединяет верхнюю конечность лезвия и внутреннюю сторону нижней части рукоятки (рис. 7/1, 2; 8/1, 3, 6, 9), имел, вероятно, конкретное значение, но из-за отсутствия аналогий мы можем лишь это предполагать. Одним из предположений является то, что отверстие нужно было для стока крови с лезвия вовнутрь рукоятки. Другим – отверстие нужно было бы в том случае, если бы рукоятка была относительно плотно отделана снаружи (например, кожей), а внутри находилось жидкое вещество, которое, возможно, было предназначено для того, чтобы стечь в рану, нанесенную ножом с таким лезвием. Но опять же, это только предположения. В качестве возможной аналогии необходимо указать на наличие канала на бронзовых иглах с четырьмя выступами, типа Ноуа, которые соединяют зону под выступами с верхней частью головки иглы[38].

Для понимания способа отливки рукоятки, с использованием форм для литья из Красный Маяк, И.Т. Черняковым был реконструиро-

[34] Также устная информация автора Т. Сорочяну.

[35] На основе неполных и неточных рисунков невозможно достоверно выявить другие подобные экземпляры (см. например Черных 1976, 240-241; Leskov 1981, Taf. 10; Черняков 1985, 111-112).

[36] Возможно, что предметами, которые указывают на вероятную связь между кинжалами из южно-сибирского и урало-каспиийского региона с предметами из южного Подунавья, являются литейные формы из Новокиевки и Дудчан (оба с обоюдоострыми лезвиями): см. Geršković 1999, 62, Taf. 40/1-2; 63, Taf. 49/1.

[37] Возможно, что аналогичные каналы существуют и на других кинжалах и ножах, но они остались неотмеченными. В нашем случае эта деталь была определена только после использования лупы с сильным увеличением.

[38] Например: Florescu 1991, 274, fig. 102/10 (Вэлень); 277, fig. 105/3 (Тэвэдэрэштъ); Sava 2002, 43-44, Abb. 14/8-9; 184-186 (общая презентация и типология).

ван процесс производства этой детали[39]. Сам процесс, без сомнения верный, но только для варианта со стержнем, который соединен с лезвием как одно целое, и поверх которого путем приливки зафиксирована рукоятка. Если не рассматривать вариант, при котором отдельно заливалась верхняя часть рукоятки[40], в отдельно взятом случае для экземпляра из Чернаводэ, то не может быть применена схема литья, предложенная И.Т. Черняковым, поскольку экземпляр из Добруджи не имеет стержня, а только крестообразное крепление внутри, соприкасающееся только с внутренними стенками рукоятки.

Приливка, вероятно, происходила непосредственно на конце лезвия, без придания стабильности, имеющейся на экземплярах со стержнем. Металлургический процесс является весьма трудным из-за наличия канала между лезвием и рукояткой, и поэтому, махайра из Чернаводэ, с этой точки зрения, является одним из самых сложных экземпляров. В целом, махайра, представляет собой тип предметов, характерных, в первую очередь, для восточной зоны Северного Причерноморья, и с наглядной связью с Нижним Подунавьем. Даже учитывая наличие специфических элементов именно экземпляр из Чернаводэ указывает на связь между этими двумя регионами.

Топор с поперечной цилиндрической втулкой и полусферическим обухом (рис. 9; 10) из Чернаводэ, указывает в первую очередь, на присутствие предмета трансильванского происхождения в Добрудже, и это не единичный случай (Aricescu 1970, 38, 42; Ailincăi 2010, 244-245)[41]. В данной работе мы не будем касаться вопросов, связанных со временем появления такого типа топоров и первичного материала, из которого их изготавливали (медь, бронза, камень или кость), а также параллельным использованием разных материалов, в частности камня и бронзы[42].

Эволюция данного типа топоров во времени и пространстве интересует нас на данном этапе только в той степени, в какой это может помочь уточнению даты анализируемого клада, а наши основные усилия направлены на определение хронологической позиции топора из клада Чернаводэ[43]. Важной остается типологическая систематизация топоров с диском и шипом, предпринятая И. Нестором[44], согласно которой топор из Чернаводэ может быть отнесен к одному из вариантов топоров с полусферическим обухом (разной высоты) типы Нестор B2-3. Об обухе данного типа И. Нестор оставил лишь несколько замечаний (Nestor 1932, 128; Nestor 1938, 185 и сноска 26). Тем не менее, вариант данного типа топоров[45] надежно локализуется севернее Карпатского бассейна, откуда и происходят его прототи-

[39] И.Т. Черняков, представил наиболее полно подходящие примеры и предпринял попытку объяснить методы отливки для этого особенного типа в существующих литейных формах (Черняков 1985, 110-113). Важно отметить первоначальную публикацию (Черняков 1965, 87-123), в которой не существует (даже если это клад литейных форм), сохранившаяся полная литейная форма, которая дала бы название данному типу. С нашей точки зрения более подходящее название является тип Лозова. Также необходимо отметить, что В.С. Бочкарев и А.М. Лесков (Bočkarev, Leskov 1980, 50-61) представляют неожиданно очень кратко предметы которые отливались в литейных формах обнаруженных в кладе Красный Маяк (Маяки), и совсем не упоминают находку из Лозова (Дергачев 1975, 13-16).

[40] Например, Лозова (Dergačev 2002, 120-121, pl. 33-34; 35/22-23; 36/24-25).

[41] Весьма поверхностный анализ о присутствие, за пределами внутрекарпатской дуги, топоров с диском и шипом, а также и с обухом полусферической формы, представлены в László 2013.

[42] См.: Schubert 1965, 294-295; один очень интересный экземпляр из камня, обнаруженный в нашей зоне исследования (Палота, см. Luca, Ilieş 2000, 330/1a-b), по каким-то причинам исследователями не принимался во внимание. У этого топора начало втулки и соединение с лезвием имеет сильный изгиб, необычный для предмета, изготовленного из камня. См. также обобщающее исследование В. Диакону (Diaconu 2010, 5-21).

[43] Исходя из этого, указанный список литературы, является выборочным.

[44] См. выделение вариантов в Nestor 1938, 178-192; Mozsolics 1967, 33-49, особенно стр. 38 (без обозначения как отдельного параграфа); Vulpe 1970, 3, fig. 2; 99-101; Mozsolics 1973, 14-22, тип D/c (стр. 18) представляющие втулчатые топоры с полусферической верхней частью обуха из горизонтов Форро и Опаий); Kacsó 1977a, 57-62; Kroeger-Michel 1983, только в схеме эволюции; fig. 15 с многими примерами, но которые довольно сложно понять и использовать; Bader 1996, 300 Abb. 18. В соответствии с выбранной темой В. Давид анализирует только начальные типологические фазы втулчатых топоров с полусферической верхней частью обуха (David 2002, 84-85, экземпляры №31-55).

[45] Vulpe 1970, 23 Abb. 2; Taf. 41 (общая эволюция); Kacsó 1977a, 60 fig. 2 (типологическая схема); Kacsó 1989 (типологическая дискуссия); Bader 1996, сноска 41; 300, Abb. 18 (дискуссия и таблица топоров типа Дражна; сам экземпляр из Дражна в таблице отсутствует); Kacsó 2001, 33-38; Kacsó 2003, особенно стр. 278-279; Kacsó 2007, 37-43 (дискуссия); см. также Kroeger-Michel 1983, fig. 15, и развернутую таблицу (без номера); попытка автора создать типологию топоров с диском на обухе не увенчалась успехом – вернее, была выполнена лишь частично – из-за незнания методики и из-за ранней смерти ее научного руководителя Жана Дешае.

пы[46], и где находится основной ареал их распространения[47]. Встречаются довольно ранние упоминания об их распространении и на востоке – Борлешть, Извоаре (Vulpe 1963, 511-516), Кэжвана, топор № 2 (Ignat 2000, 34, fig. 7). В отдельных случаях они известны южнее и восточнее, например, Дражна де Жос, Лозова II, Побит-Камык. Однако, отсутствие монографического исследования затрудняет выделение различных вариантов[48] (Vulpe 1970, 99-100; см. и Roska 1942; Roska 1957, 63-66 (Ларга); Дергачев 1975, 60; Dergačev 2002, 167; pl. 35/2; Hansen 2005, 93-94; Hansen 2005a, 306-307; László 2006, 124-143; László 2007, 43-55; Buchholz, Weisgerber 2005, 149-153; Lichardus et al. 2002, 158-160; Diaconu 2010, 15-16; László 2013, 254-263; - с библиографией и аналогиями). Тем не менее, форма экземпляра из Побит-Камык указывает на то, что он был изготовлен в Нижнем Подунавье (Hänsel 1976, Taf. 1/1-2 - только фотографии высокого качества; Черных 1976, таб. 46/6 - неточный рисунок и без профиля).

Таким образом, самыми близкими аналогиями нашему экземпляру являются топоры из Тыргу Лэпуш I (Hampel 1896, Taf. 248/1 - "Magyar Lajos"; Vulpe 1970, Taf. 41/567; Kacsó 2003, 279, Nr. 20 - с более ранней библиографией; Kacsó 2005, 235-245; Kacsó 2007, 37, 178, fig. 3/3-4 - Уриу-Опалы), Орцица (Kacsó 1989, 83-89), Тыргу Лэпуш I (Kacsó 2001, 33-38; Kacsó 2005, 237-241, 243, Abb. 1/1-2), Чичеу-Корабия (Vulpe 1970, 100, Nr. 569A - не иллюстрирован, считается утерянным; Kroeger-Michel 1983, fig. 126a - без библиографии и музейных данных; Kacsó 2003, 278, Nr. 4 - с библиографией), Гемже (Mozsolics 1973, 138-139, Taf. 33/12), Чонград (Mozsolics 1973, 127, 289 fig. 37 B 1; Kroeger-Michel 1973, fig. 124a), топор из Болгарии неизвестного происхождения (Vulpe 1970, Taf. 41/566, как Лэпуш[49]) и топор из бывшего комитата Солнок-Добока (Kacsó 2007, 178, fig. 3/6).

Следовательно, принимая во внимание присутствие на одном предмете таких типологических элементов, как верхняя часть обуха в виде сферы (в нашем случае полусфера), четкий контур шейки, втулки средней длины и лезвия в форме слегка асимметричной удлиненной трапеции, можно с уверенностью утверждать, что экземпляр из Чернаводэ имеет северо-трансильванское происхождение. Детали, которые отличают его в какой-то мере от основных типологических характеристик – это наличие нескольких отличающихся элементов в конструкции и орнаменте, рассматриваемые ниже.

Дугообразный, вогнутый вовнутрь контур шейки встречается реже, чем прямой и вертикальный прослеживаемый у большинства экземпляров. Эта особенность встречается у топоров, датируемых более ранними этапами развития, и данный феномен иллюстрируется типом B1 – топорами из Сегхалом (Mozsolics 1967, 38, 165, Taf. 12/3; 14/3), топором у которого неизвестно место обнаружения (Mozsolics 1967, Taf. 17/3.), топором № 2 из Кэжвана (Ignat 2000, 34, fig. 7), а также скипетром из Лозова II (Дергачев 1975, 15 рис. 5/11; 17, 60; Dergačev 2002, Taf. 35/19), втулчатым топором из Малые Геевцы (Балагурі, Бідзіля, Пеняк 1978, 27, с иллюстрациями; Kobal' 2000, 86-87, Nr. 81; pl. 5/5), топорами из западной Волыни и Иваницы (Свешников 1968, 160, рис. 1/1-2).

Отличительным элементом является, в частности, ромбовидный профиль шейки топора, так как у большинства экземпляров он квадратный или прямоугольный.

Круглые в профиле шейки встречаются гораздо чаще – Ортица (Kacsó 1989, 84, fig. 1), Малые Геевцы (Kobal' 2000, 86-87, Nr. 81, Taf. 5/6), Ларга[50] (Roska 1957, 63-66; Vulpe 1970,

[46] Тип Сегед-Банов и топоры с шипом на диске, вариант A1 (Nestor 1938; Mozsolics 1967, 33-49; Hänsel 1968, 186, Liste 40; 189, Liste 47 - с более ранней литературой); вариант Бикач-Борлешть (Vulpe 1970, Taf. 23/323-328); в рамках общей типологии (Vulpe 1970, 23, fig. 2) расположена первая конкретная эволюционная схема втулчатых топоров с полусферическим диском на обухе; Kacsó 1977b (местонахождения неизвестно, см. дискуссию); Kacsó 1978 (Илба); Kroeger-Michel 1983; Kacsó 1997 (Сату Маре); László 2013, 254-263; Soroceanu 2016; все с дополнительной библиографией.

[47] Vulpe 1970, 99-101 (первая карта и типология для территории Румынии); Mozsolics 1973, 18 (Typ D/c); Kroeger-Michel 1983, 203 (список); fig. 129 (карта). Новые предметы, общий список, варианты типологии в Kacsó 1977a, 57-62; Kacsó 1978, 65-68; Kacsó 1989, 83-89; Bader 1996, 1996, сноска 41; 300 Abb. 18; особенно в Kacsó 2003, 278-279 и Kacsó 2007, 37-43.

[48] Проблема поздних аналогий из Кавказа для скипетров типа Дражна-Лозова переходит границы данного обсуждения, поэтому можно указать только на работу Эрлих 2007, 354, рис. 165; 355, рис. 166.

[49] См. поправку в Kacsó 2003, 279, nr. 25.

[50] А. Можолич датирует горизонтом Хойдушамшон (IIIa), что, по нашему мнению, является весьма ранней датировкой (Mozsolics 1967, 38-39).

Nr. 570, Taf. 41/570) и относительно эклектичный экземпляр из жудеца Хунедоара (Vulpe 1970, Taf. 56/C3)[51], в то же время нам пока не известен топор с четко выраженным ромбовидным контуром профиля шейки, аналогичным экземпляру из Чернаводэ[52].

Еще одна отличительная деталь – это сравнительно короткая втулка и неравная длина левой и правой части втулки. Неудачно отлитая короткая часть не отменяет вывод о том, что отмеченное неравенство неслучайно: на это указывают ребра, отлитые в короткой части и как бы «втиснутые» между слегка поврежденным концом и корпусом топора. Это было и частью со стороны кончика древка топора, на что указывает и асимметричность лезвия. Аналогии встречаются в Орцице (Kacsó 1989, 83-84, fig. 1[53]), Троещино под Киевом (Клочко, Козыменко 2017, 129, рис. 1) и Ивания (Свешников 1968, 160, рис. 1/2[54]). Однако на топоре из Перишор такое неравенство размеров произошло явно из-за повреждения части со стороны древка (Soroceanu, Retegan 1981, 210, 227, fig. 28/1).

Нервюры, окружающие концы втулки топора из Чернаводэ, встречаются относительно редко, и особенно те, которые находятся ближе к корпусу топора. В тех случаях, когда они двойные это резко сокращает количество аналогий. Отметим лишь некоторые из наиболее близких соответствий, такие как двойные нервюры на скипетре из Дражна де Жос[55] (Andrieşescu 1925, 363, pl. III/18; Alexandrescu 1966, R 15a/3; Vulpe 1970, 99; pl. 41/565; Kroeger-Michel 1983, fig. 128/a-b), и только одна на предмете из Ивания[56] (Свешников 1968, 160, рис. 1/2). Похожие простые нервюры, но не на концах втулки, имеются в основном на экземплярах с шипом на диске, как например, на топорах из Хойдуходхаз или Кишпалад[57] (Mozsolics 1973, 140, 294, Taf. 43 A 5; 147, Taf. 39/7-10), на двух экземплярах из Прилог или четырех из Хороату Чехулуй[58] (Vulpe 1970, pl. 37/509, 511; 515-518).

Выпуклости, имеющеюся на втулке на месте её пересечения с вертикалью самого топора, тоже встречается относительно редко, а варианты топоров, на которых они имеются, иногда довольно разные. Топоры с такими выпуклостями имели довольно широкий ареал распространения, но, судя по экземплярам из Гылгэул Алмашулуй (Lakó 1983, 76, nr. 31, pl. 5,3: Kacsó 2007, 38), Орцица (Kacsó 1989, 83-84, fig. 1), Троещина под Киевом (Клочко, Козыменко 2017, 129, илл. 1) и Ивания (тип Ларга: Свешников 1968, 160, рис. 1/2), являются малочисленными.

Широкое производство таких топоров в Трансильвании доказано находками форм для литья в Дэбыка, в комплексе датирующимся средним периодом или концом средней бронзы (Gogâltan 2017, 15-26, особенно 19-20)[59]. Несмотря на то, что поиск аналогий вызывает затруднения, находка из Дэбыка указывает на то, что это продукция местного внутрикарпатского региона.

В связи с производством предметов либо в внутрикарпатском пространстве, либо в южном Подунавье, либо в северопонтийском регионе необходимо отметить некоторые детали химического состава бронзовых предметов, обнаруженных на поселении Чернаводэ– «Дялуриле Кокирленилор». Во-первых – это наличие в предметах относительно высокого процента олова вне зависимости от их категории: в махайре он доходит почти до 15%. А, в двух экземплярах «оружия» неожиданно зафиксировано и наличие довольно высокой концентрации свинца, который весьма вероятно был добавлен намеренно. Очевидно, что результаты химического анализа должны быть рассмотрены специалистами, и с большим географическим охватом; в данной работе мы отмечаем только основные элементы (табл. 1).

[51] И личное ознакомление Т. Сорочяну с данным предметом.

[52] Kroeger-Michel 1983, fig. 19, приводит только несколько экземпляров для топоров с диском и шипом, но и не для топоров с полусферическим обухом; в то же время их очень сложно соотнести и с иллюстрациями.

[53] См. аналогичное разрушение на более короткой части.

[54] Втулка относительно короче и несколько непропорциональная.

[55] Двойные нервюры находятся на окончании втулки.

[56] Только по одной нервюре и только в центральной части втулки.

[57] Правильный рисунок в Kroeger-Michel 1983, fig. 127.

[58] С простыми нервюрами или двойными расположенными на различных частях втулки. Похожие нервюры существуют и на более поздних вариантах топоров с диском и шипом типа Нестор B3. См. также Vulpe 1970, Taf. 38/522, 527-529; 39/535, 538-539; 40/543, которые очень редко выходят за пределы периода BD.

[59] Так же любезное устное сообщение Ф. Гогылтан.

Таблица 1

Анализ химических элементов бронзовых предметов из комплекса С 121

Предмет	Элементы (%)											
	Ti	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Ag	Sn	Sb
Махайра	0,16	0,07	0,59	81,2	0,00	0,14	2	0,28	0,001	0,001	14,91	0,68
Топор	0,20	0,92	0,64	84,7	0,20	0,10	1,4	0,21	0,001	0,001	10,99	0,60
Чаша		0,27	0	86	0,11	0,09	0	0,03	0,001		13,55	
Котел		0,38	0,23	84,80			1	0,15	0,001	0,001	13,25	0,25

Керамика и культурная среда

Археологический материал, и особенно керамика, найденная на поселении Чернаводэ, находит надежные аналогии на поселениях культуры Кослоджень, выделение которой С. Моринтц и Н. Ангелеску сделали на основании некоторых разведочных данных и изолированных находок. Упоминаемая многократно в специализированной литературе, эта культурная среда, тем не менее, по-прежнему остается малоизвестной по причине недостаточного проведения систематических исследований, а также весьма скудных публикаций. В связи с этим материал, полученный при изучении поселения, обнаруженного на 152 километре шоссе южнее города Чернаводэ, может дополнить исследования культуры Кослоджень новыми и важными данными.

Немногочисленное количество керамики, которая была найдена при раскопках в Чернаводэ, все же является, весьма представительной для характеристики конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дунае. Высокая степень фрагментированности находок затрудняет составление детальной типологической классификации, но несмотря на это, возможно выделить ряд основных категорий керамических сосудов (рис. 14).

Первая категория представлена биконическими сосудами, изготовленными из глины хорошего качества, с лощеной поверхностью, предназначенными, вероятно, для хранения/транспортировки жидкостей. У них узкое устье и округлое тулово (рис. 14/1-3). Сосуды высокие, снабжены полукруглыми ручками и упорами, расположенными на плече или в зоне максимального диаметра тулова (рис. 14/1-2). В некоторых случаях горло сосудов орнаментировано рельефными валиками (рис. 14/1).

Ко второй категории относится посуда уплощенной формы (горшки, миски, кастрюли), также изготовленная из глины хорошего качества, с лощеной поверхностью. Имеется несколько основных форм (рис. 14/4-7). Некоторые экземпляры биконической формы, с невысоким горлом и изогнутым венчиком (рис. 14/4, 6-7). Один сосуд биконической формы без выделенного горла, венчик утолщен кнаружи (рис. 14/5). На некоторых сосудах в области наибольшего расширения тулова расположены петлевидые ручки и ручки-упоры (рис. 14/5-6) или орнамент в виде налепного короткого диагонально расположенного валика (рис. 14/4).

Третья категория керамики представлена чашками (рис. 14/8-11). Изготовленные из глины хорошего качества, они имеют уплощенную форму и небольшие размеры. На некоторых фрагментах сохранились части от возвышавшихся над устьем ручек или ручки-упоры на плече (рис. 14/9-11).

Самая многочисленная категория представлена кухонной посудой (рис. 14/12-16). Разных размеров и форм, сосуды этой категории имеют вытянутые пропорции и изготовлены из глины, содержащей крупный гранулированный дегресант, что сделало их поверхность пористой. Основная часть сосудов биконической формы (рис. 14/12-14). В редких случаях сосуды имеют широкое устье и почти прямой вертикальный профиль (рис. 14/15). В большинстве случаев на этих сосудах, в верхней части, под венчиком, расположен валик (гладкий или с пальцевыми вдавлениями) (рис. 14/12-15) или ручки-упоры в виде конических выступов (рис. 14/16).

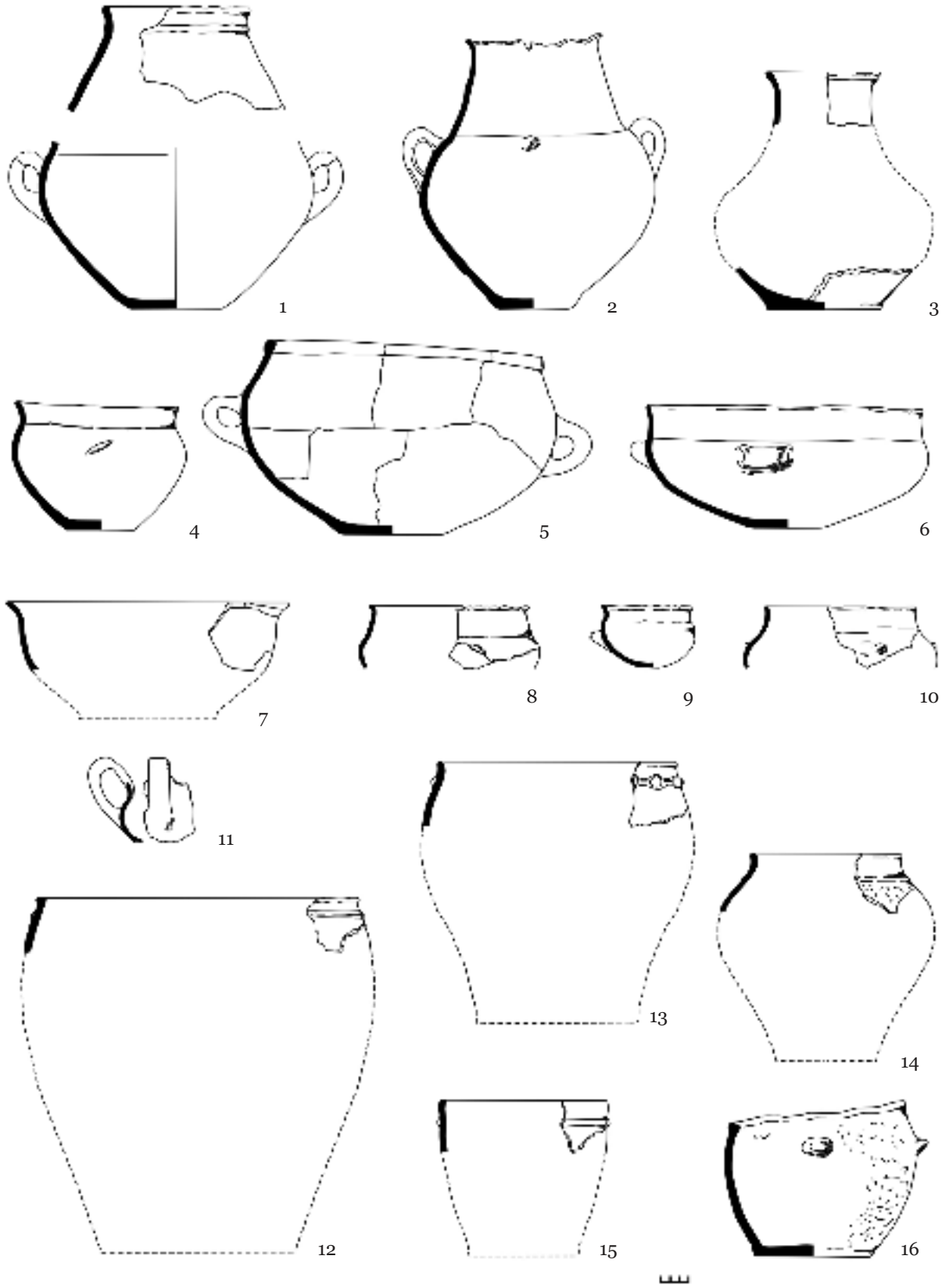


Рис. 14. Чернаводэ. Основные категории керамических сосудов обнаруженных на поселении.

Таблица 2

Данные 14C, полученные по образцам из комплексов культуры Кослоджень

Памятник	Контекст	Материал	Код пробы	Дата 14C	2σ
Чернаводэ	C9	кость	RoAMS-152.46	2992±36	6,8%: 1386-1340 calBC 88,6%: 1311-1111 calBC
Чернаводэ	C21	кость	RoAMS-153.46	3096±43	93,4%: 1450-1257 calBC 2%: 1251-1231 calBC
Чернаводэ	C28	кость	RoAMS-154.46	3001±37	10,4%: 1387-1339 calBC 85,0%: 1316-1119 calBC
Чернаводэ	C74	кость	RoAMS-155.46	3069±43	95,4%: 1427-1221 calBC
Чернаводэ	C106	кость	RoAMS-156.46	3005±38	12,7%: 1390-1338 calBC 82,7%: 1320-1121 calBC
Дуранкулак	жилище 15	уголь	Bln 3528	3400±60	89,4%: 1881-1600 calBC 6,0%: 1585-1534 calBC
Дуранкулак	жилище 15	уголь	Bln 3529	3490±60	95,4%: 1964-1659 calBC
Дуранкулак	жилище 15	уголь	Bln 3530	3160±60	2,1%: 1607-1583 calBC 0,4%: 1559-1553 calBC 92,8%: 1546-1268 calBC
Дуранкулак	жилище 15	уголь	Bln 3532	3910±70	95,3%: 2576-2200 calBC 0,1%: 2158-2155 calBC
Дуранкулак	жилище IVa	уголь	Bln 2570	2960±60	5,2%: 1386-1340calBC 90,2%: 1310-1005calBC
Дуранкулак	жилище Vb	уголь	Bln 2569	2850±50	5,3%: 1194-1142calBC 90,1%: 1133-899 calBC
Дуранкулак	жилище I	уголь	Bln 2571	2930±50	95,0%: 1279-933 calBC 0,4%: 987-980calBC

О датировке культуры Кослоджень и поселения Чернаводэ

Хронологические рамки существования культуры Кослоджень первоначально было предложены в пределах XIV-XIII вв. до н.э., с учётом датировки одновременных культур, а также предшествующих и последующих. Данная культура была разделена на три этапа, последний из которых связан с поселением Радовану и характеризуется сильным влиянием гальштаттского времени. С. Моринтц признавал, что проблема финального этапа культуры Кослоджень недостаточно ясна, и считал, что в северной части своего ареала (жудецы Тулча, Брэила и юг жудеца Галац) она не просуществовала до конца бронзового века (Morintz 1978, 150-152).

Раскопки, проведенные до 1986 года на поселении Градиштя-Кослоджень, выявили ряд изделий из бронзы и литейные формы, обоснование датировки которых нуждается в более пристальном анализе. Если кинжал и литейная форма для литья топоров-кельтов могут быть датированы поздним периодом бронзового века, то фибула с одной пружиной и симметричной дугой (Bogenfibeln), открытая в верхнем слое, вблизи печи № 3, встречается и в эгейском регионе доминойского и протогеометрического периодов, и соотносится с Сапуна-Секелларакис типа II, что указывает на существование поселения Кослоджень уже до 11 столетия до н.э.

Эта эволюция до 11 века до н.э. подтверждается и серией радиоуглеродных данных дат из Дуранкулак. Первая серия была получена для четырех образцов, взятых из жилища № 15 на ЮЗ части острова, который периодически подвергался затоплению, что могло повлиять на точность результатов, давших слишком ранние даты (табл. 2): 3400±60BP (89,4%: 1881-1600 calBC; 6,0%: 1585-1534 calBC), 3490±60 BP (95,4%: 1964-1659 calBC), 3160±60BP (2,1%: 1607-1583 calBC; 0,4%: 1559-1553 calBC; 92,8%: 1546-1268 calBC), 3910±70 BP (6,7%: 2568-2519; 81,2%: 2499-2267 calBC; 7,5%: 2261-2206). Вторая группа образцов была взята из жилищ IVa, Vb и I, анализ которых указывает наконец существования этой культуры (табл. 2): 2960±60BP (1386 (5,3%) 1340 calBC; 1310 (90,2%) 1005 calBC), 2850±50

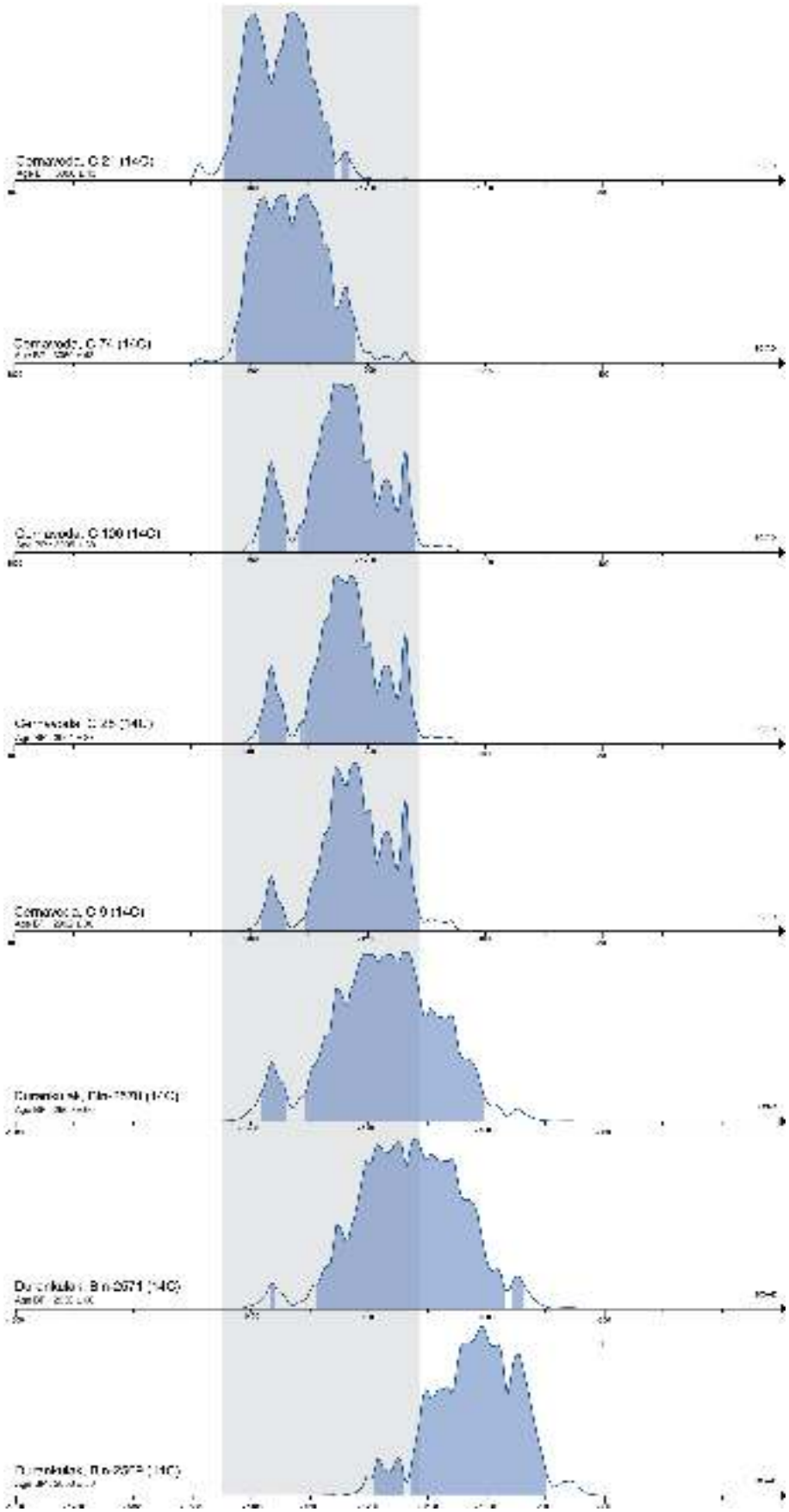


Рис. 15. Чернаводэ. Радиокарбонные даты для культуры Кослоджень.

BP (1194 (5,3%) 1142 calBC; 1133 (90,1%) 899), 2930±50BP (1279 (95,0%) 933; 987 (0,4%) 980 calBC). Три последние даты также указывают на возможное существование культуры Кослоджень вплоть до 11 века до н.э.

Помимо указанных датировок нами учтены также результаты радиоуглеродных анализов, выполненных в Лаборатории Национального института исследований и развития ядерной физики и инженерии «Хория Хулубей» в Мэгуреле, сделанного по костному материалу из комплексов 9, 21, 28, 74 и 106 из Чернаводэ (табл. 2; рис. 15). Вероятность точности этих датировок более высока, чем полученные для поселения Дуранкулак, и согласно им памятник датируется 1450-1111 BC с точностью 95,4%. Эти данные можно сравнить (табл. 2) с данными из Дуранкулак (Bln 2569, 2570, 2571).

Условия обнаружения

Без особенных деталей, следует напомнить о некоторых особых условиях открытия кладов, которые содержат предметы, схожие с находками в Чернаводэ. Один из самых известных кладов расположен в Дражна де Жос, где топоры с полусферическим обухом находились вместе с мечами, бронзовыми топорами-кельтами и другими предметами расположенных внутри серпов, уложенных радиально по кругу[60].

Кубок полусферической формы из Пыхнешть располагался горлом вниз поверх двух скрещённых серпов и других предметов из бронзы. В могильнике Ростовка (Омск) длинный однолезвийный нож находился непосредственно под черепом человека, то, что уже свидетельствует об особенной позиции (Матющенко, Синицына, 1988, 8-9, рис. 7/17); нож с похожим лезвием был найден в том же могильнике между погребениями, прислонённый наклонно к топору-кельту, распложенному вертикально лезвием вниз[61] (Матющенко, Синицына, 1988, 42-43, рис. 53). Несмотря на слабое качество полевых фотографий кладов Ингул (Антоновка) (Сымонович 1966, 127-128, рис. 1/2-3) и Гура Доброджей (Aricescu 1970, 68, 69, fig. 32), в состав которых входят кинжалы, следует отметить, что, судя по расположению, предполагалась определенная связь кинжалов с серпами.

Без того, чтобы допустить существование непосредственных связей, все же необходимо упомянуть и три керамических сосуда в соотношении с некоторыми кладами, например, с комплексом Куджир I (Ciugudean, Aldea 2005, 95-132) и «клада» из Лубны (Скорый, Супруненко, Сидоренко 2016, 63-72). Хоть и с оговоркой, но эти примечания подтверждают единство комплекса в яме № 121 из Чернаводэ.

К сожалению, в случае с комплексом № 121 из Чернаводэ мы не знаем, как именно были расположены бронзовые предметы; зато керамика (особенно сосуд, уложенный вверх дном в другой сосуд) позволяет нам с большой вероятностью предположить, что и бронзовые изделия, по крайней мере, некоторые из них, могли иметь специальное положение. Расположение материалов на различных уровнях и незначительная глубина ямы дополнительно подтверждают вероятность версии о том, что депонирование было связано с культовым обрядом, жертвоприношениями, а не с внутриплеменной борьбой или закапыванием вещей во время вражеского нападения – ошибочными умозаключениями, которые до сих пор можно встретить в литературе. Следует отметить, что безинвентарные ямы сконцентрированы, в основном, на участке в северной трети исследуемого поселения, то есть, расположены в части, противоположной комплексу 121[62].

Взаимосвязь

Обзор результатов анализа имеющихся источников, дает следующую картину (рис. 16). Между теми, кто собирал и хранил бронзовые находки в Чернаводэ, основные взаимосвязи осуществлялись на территории Северного Причерноморья. Основные элементы клепаного котла указывают на существование связей с областями, расположенными к востоку

[60] Детальное описание условий обнаружения (Andrieşescu 1925, 347-348); теоретическая попытка реконструировать расположение предметов (Soroceanu 1995, 39, Abb. 11g; 43; 63-64).

[61] В пределах могильника Ростовка существуют и другие отдельные депонирования, однако они не содержат другие категории предметов, которые могли бы позволить установить прямую связь с кладом Чернаводэ.

[62] Из приблизительно 29 безинвентарных комплексов (ок. 25% из общего числа) 21 были сконцентрированы в северной части раскопанной площади. На остальной площади (более 2/3) обнаружены только 9 ям без каких-либо материалов. Однако надо учитывать, что данный памятник, раскопан частично, и поэтому эти выводы имеют предположительный характер.

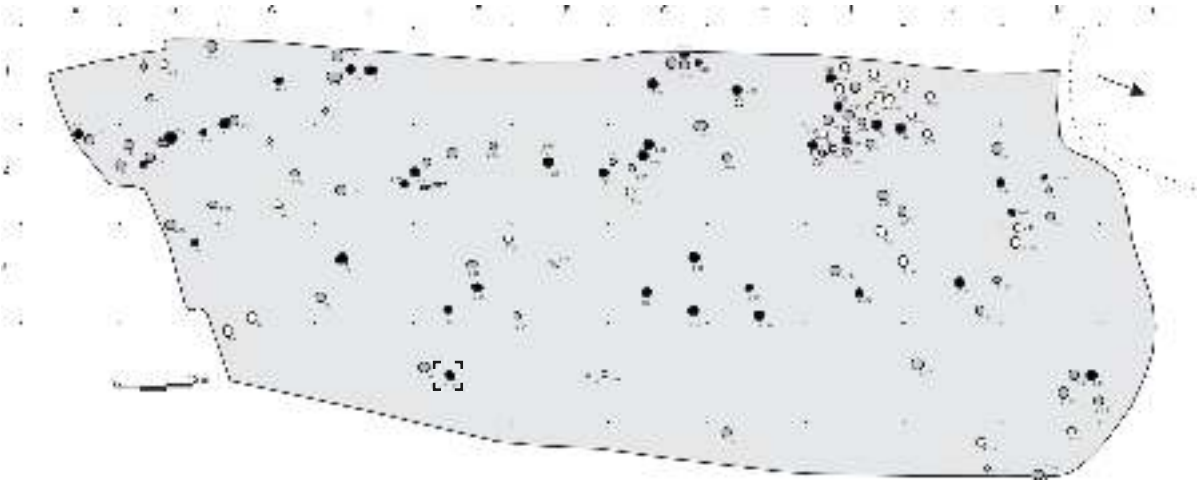


Рис. 16. Общий план раскопа поселения Чернаводэ с обозначением комплексов по категориям: 1 - белый = комплексы без инвентаря; 2 - чёрный = комплексы с 3, 4 или группами из 3 и 4 предметов в одном комплексе; 3 - серый = другие комплексы (с 1, 2, 5 или более находками; в некоторых комплексах предметы не были посчитаны).

от Азовского моря, или Поднепровья, а также с Пруто-Днестровским регионом. Последний регион, вероятно, являлся и производителем или, по крайней мере, «вдохновителем» изготовления рукоятки ножа с прорезями для жертвоприношений из Чернаводэ; хотя, не умаляя её значимость, территорию между Карпатами и Прутом можно считать зоной распространения этого вида рукоятки в западном направлении. Миграция бронзовых предметов с востока на запад достаточно хорошо известна и подтверждается содержимым кладов из Бэлень (Dragomir 1967; Kaiser 1997), Одэиле-Подарь (Şerbănescu, Trohani 1975, 529-539[63]), Констанце[64], Бейдауде (Jugănaru 1995, 353-357). Но аналогии вещам из кладов, известные с территории Болгарии, вызвали разногласия среди исследователей относительно направления возможных влияний, и только новые открытия помогут решить вопрос о характере взаимоотношений между общностями Нижнего Дуная и Днестра.

Наличие топора с полусферическим обухом в Чернаводэ указывает на связи с территорией, расположенной внутри дуги Карпатских гор (где и локализуются предшествующие варианты). Судя по всему, такой путь отмечен кладом Дражна де Жос, откуда этот путь, возможно, разветвлялся в разных направлениях[65]. Также нужно учитывать и «обратный поток» со стороны Балканского полуострова (микенские мечи и др.), однако данная тема выходит за рамки данной работы[66].

На связи с югом указывает, в первую очередь, чаша полусферической формы, которая имеет, скорее всего, отношение к зоне Мраморного моря либо ещё южнее, хотя такая форма представлена и на северном побережье Черного моря. Нужно отметить и то, что и клинок махайры из Чернаводэ имеет прямые аналогии только на юге Дуная, а приводимые некоторыми исследователями аналогии из отдаленных регионов (зона Урала) малоубедительны.

В то же время, при рассмотрении аналогий предметам из клада Черноводэ происходящих из самых близких к нему территорий, необходимо констатировать, что прежде, чем достичь западного побережья Черного моря, им иногда приходилось преодолевать огромные расстояния (рис. 17). В данном случае, по-видимому, нужно говорить об импорте предметов, поскольку в культуре Кослоджень параллели для вещей из Чернаводэ неизвестны

[63] Где связи с востоком четко оконтурены.

[64] Для связей с Кавказом см. Irimia 1968, 103-104 (гибридная форма); Черных 1981, 19-26 (анализы); Irimia 1982, 342.

[65] Другое, вероятное направление может быть основано на давно обсуждаемом топоре с полусферическим обухом из Додоны (Kacsó 2007, 38 – обсуждение связей с Трансильванией и более ранней литературой).

[66] Например, Horedt 1960, 31-44; Bader 1991, 19-36 с библиографией и дискуссиями.

(Bolohan 2016, 134-156). Перевозчики бронзовых предметов, вероятно, проходили по различным территориям. Из Трансильвании они шли через Карпаты, затем переправлялись через Дунай, достигали побережья Мраморного моря, Среднего Поднепровья или Подонья, не говоря и о более близких контактных точек. Нужно иметь в виду и то, что предметы могли доставляться морскими или речными маршрутами (Лозова, Ивановский посёлок), что дает основание нашему предположению, что с этими маршрутами возможно связано и кораблекрушение у мыса Улубурун (Yalcin, Pulak, Slotta 2005; Hansen 2005a, 89-103; László 2007, 43-55).

Сегодня практически невозможно точно установить, кем на самом деле были перевозчики бронзы – профессиональные торговцы или кочующие мастеровые, и в течение какого времени происходила передача товара из рук в руки, либо транспортировкой занималась одна и та же группа людей. Клад из Чернаводэ доказывает

не только исключительность связей на больших расстояниях, но свидетельствует и о комплексных взаимоотношениях. В составе клада присутствуют не только отдельные предметы разного происхождения, но и предметы, в которых сочетаются элементы различного происхождения (клепаный котел и махайра).

Такое положение вещей не исключает и наличие творческих способностей местных мастеров, скорее наоборот, оно свидетельствует об их интересе, открытости и желании познать необычный товар, и даже «умения» гармоничного соединения в кладе столь разных элементов, что невозможно было бы произойти без их прямого содействия. В любом случае, металлургическое объединение лезвия типа Черковна, литейной формой из Болгарии (рис. 11-13) с рукояткой из Побит Камык (см. библиографию выше), вероятно является выражением своеобразной местной ремесленной инициативой в южной части Нижнего Подунавья.

Анализ хронологически значимых элементов инвентаря комплекса № 121 очень важно для правильной датировки всего поселения, расположенного на террасе «Дялуриле Кокирленилор».

Наиболее надежным для этого элементом является ажурная рукоятка длинного ножа типа махайры. На основе корреляции с кладами Красный Маяк (Черняков 1965, 87-123; Черняков 1985, 110-113; Bočkarev, Leskov 1980, 15-18, Nr. 42-55 - под названием Маяки) и Лозова II (Дергачев 1975, 14-18; Dergačev 2002, 124-125) получается стабильная хронологическая триада, указывающая на фазу BD и 13 век

до н.э. как время производства и депонирования предмета из Добруджы. Отдельные изолированные находки (Тигечь, Могошешть/Молдова) дают только косвенные датировки.

Тем же временем датируется и топор с втулкой (Nestor B2) и с полусферическим обухом. Учитывая эволюцию формы во времени, следует принять во внимание близкие к экземпляру из Чернаводэ детали, о которых мы уже упомянули – Чичеу-Корабия, Тыргу Лэпуш I, бывший комитат Сольнок-Добока, Гемже и др. Наряду с другими, упомянутыми выше аналогиями, подобные предметы четко датируются периодом BD, даже с небольшой тенденцией к более раннему периоду. Такая устойчивость хронологических определений доказывается и почти полным отсутствием этого вида топоров и его элементов, характерных для них на новом этапе HaA.

Чаша полусферической формы также датируется 13 веком до н.э., но немногие аналогии, имеющиеся в нашем распоряжении, предполагают и возможность ее датировки 14 в. до н.э. Даже при отсутствии полных аналогий чаши полусферической формы, открытые между Карпатами и Уралом, совпадают по времени, а некоторые датируются даже более ранним периодом.

Предметом, который более других соответствует данной датировке, является клепаный котёл. Как говорилось ранее, он является одним из очень немногих аналогичных предметов, найденных совместно с другими, имеющими четкие хронологические показатели; в сравнении с кладом Месич, надежно датированным периодом HaA, котёл из Чернаводэ, был найден в контексте, который не допускает его датировку позднее конца этапа BD. В сравнении с фрагментом из клада Месич он фундаментально способствует не только разделению двух этапов развития во времени, но

и подтверждению датировок некоторых изолированных находок периодом BD, например, таких как Ивановский посёлок, Мацкова Лучка или Молешть, а возможно, и Михайловка/Херсон. Оба металлических сосуда из Чернаводэ вынуждают нас пересмотреть время появления металлической посуды за пределами молдо-валахской карпатской зоны. Если период BD указывается во многих случаях (хотя и не очень четко) как попытка расширить хронологическое определение[67], тем не менее он не нашел свое графическое место в типологическо-хронологической таблице (Soroceanu 2008, Taf. 75A-C). Оба сосуда из Добруджи дают возможность более раннего датирования металлической посуды по обеим сторонам Карпатских гор[68].

Керамика, открытая в кладе Чернаводэ непосредственно под бронзовыми предметами, также показательна для датировки клада периодом BD, что позволяет ввести в типологию бронзовых предметов, на этапе развития культуры Кослоджень, новые элементы, которые если и относятся к категории импорта, указывают на существование широких торговых, металлургических, культовых интересов данного общества в относительно короткий исторический период.

Лабораторные данные (табл. 2), полученные на основании анализа костей, не противоречит их размещению во времени, установленному с помощью типологических аналогий. Этап BD, соответственно 13 век до н.э., остается наиболее надежно определенным периодом, но, без сомнения, следует учитывать и небольшие сдвиги в сторону предыдущего столетия. Основным и бесспорным результатом исследования является установление относительной хронологии для содержимого ямы № 121 в Чернаводэ, относящегося к интервалу между концом среднего бронзового века и началом распространения металлургии периода Гальштат A.

Заключение

Выводы, вытекающие из обобщения результатов наших исследований, не составляют особых трудностей, так как они логически вытекают сами по себе.

Прежде всего, инвентарь ямы № 121 гармонично, и в какой-то мере неожиданно, объединяет керамические изделия, по преимуществу местного происхождения, с бронзовыми предметами из другой культурной среды, привезёнными издалека, преодолевшими большие расстояния, и в то же время, вероятно специально подобранными. Необычно то, что на этом поселении примерно четверть ям оказались безинвентарные, а содержимое остальных ям выглядит бедно или весьма скромно по сравнению с комплексом № 121 (рис. 16). Даже с учетом того, что памятник вскрыт не полностью, различие между содержимым ямы № 121 и остальными ямами очень существенное, а группа безинвентарных ям расположена на достаточно большом расстоянии от интересующего нас комплекса. При всей тщательности, обусловленной обстоятельствами проведения спасательных раскопок, следует напомнить, что в 37 ямах были выявлены по три фрагмента, а в 21 – по четыре фрагмента керамики, кости, камни и пр. Эти археологические находки относятся к, комплексам, большинство из которых занимают только две трети раскопанной южной части поселения (рис. 16). Достаточно часто встречающиеся совместные находки инвентаря из трех или четырех мелких предметов с большой осторожностью можно увязать с основными находками, обнаруженными в комплексе № 121 – три керамических сосуда и четыре бронзовых предмета[69].

С нашей точки зрения идея подбора бронзовых предметов, обнаруженных в кладе Чернаводэ, с целью их последующей передачи, маловероятна. Более логичной выглядит концепция подбора типологически разных предметов для использования на месте. С депонированием этих предметов в первоначальном хорошем состоянии заканчивается, можно сказать, рядовое, «земное» существование

[67] Например, Пыхнешть, Тэтэрань; аналогии см. в Soroceanu 2008, 99-100.

[68] Одно из открытий, которое указывает ясно на такую хронологическую тенденцию является золотая чашка из Бистрица-«Дялул Тыргулуй», датируемая фазой, которая соответствует среднему этапу культуры Виетенберг; личное ознакомление Т. Сорочяну с предметом, благодаря любезности К. Гаю; дополнительная информация от Ф. Гогылтан, который готовит об этом публикацию (Gogâltan, Marinescu 2018).

[69] За исключением 37 комплексов с одним фрагментом, есть 16 с двумя, 14 с пятью и более предметами. Явно, что только полное исследовании площади всего поселения позволит сделать правильные выводы, но считаем, что первые шаги, возможно, предпринять уже сейчас.

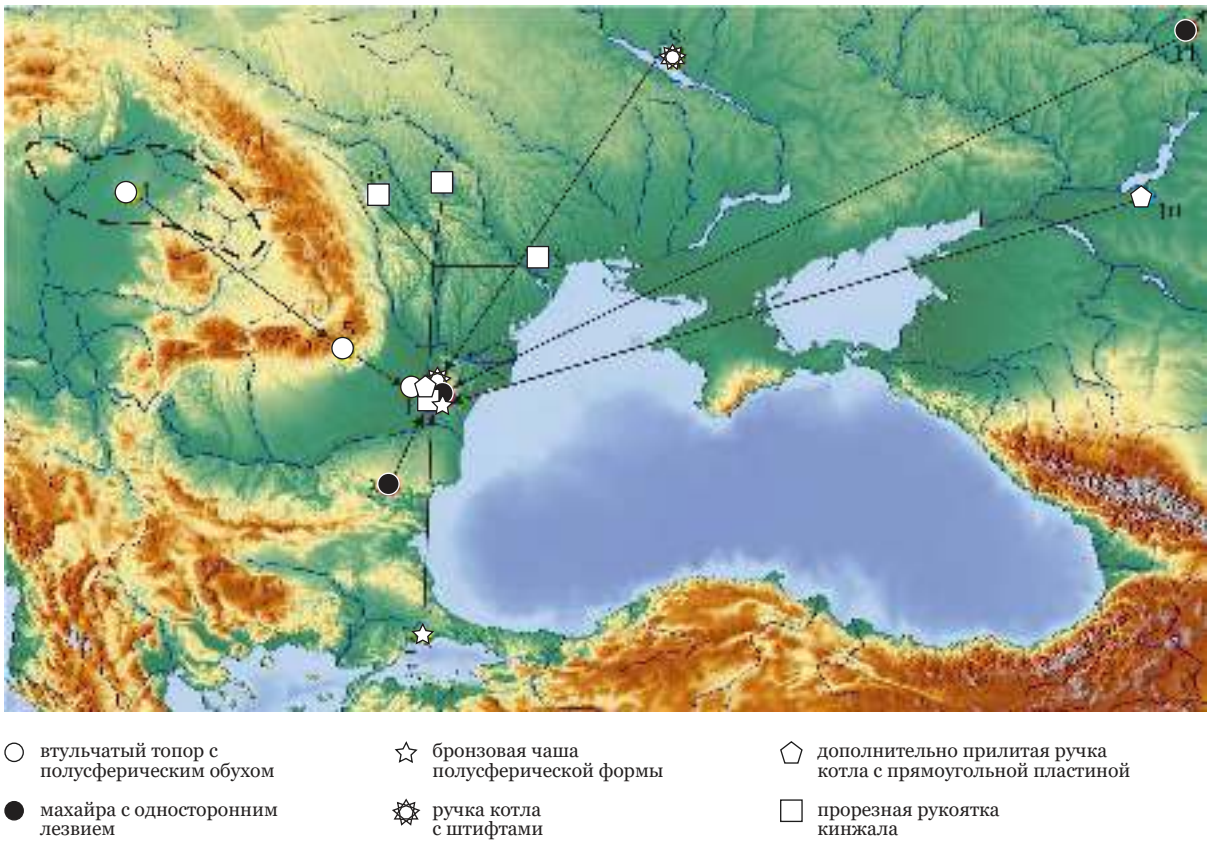


Рис. 17. Основные зоны и возможные маршруты аккумуляции предметов в кладе Чернаводэ: 1 - Чернаводэ; 2 - Текирдаг; 3 - Черковна; 4 - основная зона распространения втулчатых топоров с полусферическим обухом; 5 - Дражна де Жос; 6 - Могошешть; 7 - Лозова II; 8 - Красный Маяк; 9 - Мацкова Лучка; 10 - Ивановский поселок, 11 - Сосновая Маза.

четырёх бронзовых артефактов и трех керамических сосудов. Две разные металлические ёмкости были задуманы как для хранения жидкостей (котёл), так и для питья или либаций (чаша). Вероятно, это была кровь или вино, возможно, смешанное с водой.

Неудивительно и наличие двух инструментов для жертвоприношений, один, вероятно, для нанесения смертельного удара (топор), а второй (махайра), по-видимому, для заклания животного или для принесения человеческой жертвы. Идея наличия таких инструментов для жертвоприношений не кажется нам невероятной. На то, что это является особым случаем, указывает депонирование некоторых редких и значимых вещей. К таковым относится местная продукция металлургического производства – металлическая посуда и махайра являются уникальными изделиями, а учитывая недавние публикации (Bolohan 2016, 105-159), возможно, что они, в будущих исследованиях, войдут в категорию своеобразных раритетов.

Это распределение предметов по категориям позволяет нам не только очертить зоны происхождения каждого бронзового предмета, входящего в клад, обнаруженный в регионе «Дялуриле Кокиленилор», но и говорить о преднамеренном включении в него и исключительно алогенных элементов: те, которым принадлежали эти предметы, и которые придали им культовый характер, явно желали показать, что являются владельцами особенных предметов и приносят их в жертву. Следует добавить, что, в отличие от большинства кладов бронзовых предметов из Добруджы (Aricescu 1970, 42 и далее; Ailincăi 2010, 217-245; Bolohan 2016, 135-156), в которых импортных артефактов очень мало, в небольшом кладе из Чернаводэ собраны особенные импортные изделия, которые составили коллекцию

настоящих исторических раритетов не только для территории Добруджы, но и для других, более отдаленных территорий.

Характер депонирования указывает на жертвенные действия: керамические сосуды, находившиеся в первоначальном положении немного глубже (в числе которых и биконический сосуд, который был уложен устьем вниз в одну из мисок), позволяют предположить это же и для бронзовых предметов вывернутых на поверхность бульдозером. Сложно сказать определенно, был ли нож для жертвоприношения изогнут

во время обнаружения или это следствие действия, проведенного в древние времена, в период, когда подобная практика применялась достаточно широко. Небольшая глубина ямы – а бронзовые предметы находились выше керамических сосудов – подтверждает депонирование близко к поверхности почвы, и, вероятно, в дополнительном перекрытии не было необходимости или оно вообще не предвиделось.

Мотивы культовых действий, а также страх наказания отделяли клад от реального мира надёжнее, чем земляное перекрытие предметов (Caesar, De bello gallico VI, 17). Этот факт подтверждается и остальными 120 безинвентарными ямами или ямами с малочисленным инвентарем, которые явно отличаются от богатого комплекса № 121.

Если условия относительно схожих депонирований подчеркивают лишь в немногих случаях их особенный характер – Дражна де Жос, Пыхнешть, Ростовка, Гура Добруджей, Ингул (Антоновка), то значимость клада из Чернаводэ состоит в том, что металлургическая продукция, обнаруженная в этом комплексе, чуждая для данной среды и попавшая туда с отдаленных территорий, лишний раз подчёркивает, что Добруджа была своеобразным перекрёстком дорог в поздний период эпохи бронзы.

Четыре артефакта из Чернаводэ дают возможность определить удивительное сочетание разных типов предметов, свидетельствующих о дальних связях, преодолевавших большие расстояния, и о культовых депонированиях, практиковавшихся в западной части Причерноморья. Они служат свидетельством того, что пространство между Нижним Дунаем и Чёрным морем было подобно конвергентной линзе, вбиравшей в себя разнонаправленные, разнородные и в то же время взаимосвязанные излучения, фокусируя их в особый культовый пучок.

Каталог находок относящихся к культуре Кослоджень[70]

1. Керамика культуры Кослоджень обнаруженная во время систематических или спасательных раскопках, шурфовках и разведках на поселениях, а также как случайные находки

Памятник	Административная единица	Тип исследования	Библиография
Андолина	комуна Чокэнешть, жудец Кэлэрашь		Morintz, Anghelescu 1970, 381; Morintz 1978, 124; Florescu 1991, 146
Аксинтеле – *Ла Четате*	комуна Аксинтеле, жудец Яломица	шурф	Renţa 2008, 24
Великопитово	область Шумен	систематические раскопки	Лещаков, Василева 2013, 133-134
Бордушань – *Попинэ*	комуна Бордушань, жудец Яломица	систематические раскопки	Renţa 2008, 26
Брэилица	жудец Брэила	систематические раскопки	Harţuche, Anastasiu 1968, 24-25; Harţuche 2002, 139-140; Florescu 1991, 41
Буку – *Покинэ*	жудец Яломица	систематические раскопки	Renţa 2008 2008, 26-27

[70] Список находок представлен в алфавитном порядке.

Памятник	Административная единица	Тип исследования	Библиография
Буджак – *Гецэрие*	жудец Констанца	систематические раскопки	Hänsel 1976, 74; Irimia 1981, 353-360; Irimia 1982, 338, 340
Валя Чиорий – *Цэндэрей Керханале*	жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 38-39
Валя Сякэ	коммуна Лехлиу Гарэ, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 398; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 154
Вэрэшть	коммуна Доробанцу, жудец Кэлэрашь	разведка	Florescu 1991, 154
Васил Левски	область Тырговище; некрополь	систематические раскопки	Панайотов, Ангелова 1986, 87-98
Гагу	коммуна Даскэлу, жудец Илфов	разведка	Trohani 1986, 21
Грэдина	жудец Констанца	случайная находка	Irimia, Bardac 1995-1996, 13-18; Irimia 2001, 183-195; Irimia 2002, 137-138
Грэдиштя	коммуна Грэдиштя, жудец Кэлэрашь	разведка	Culică 1975, 521; Harţuche 1979, 73; Morintz, Anghelescu 1970, 395; Morintz 1978, 395
Гырлица	коммуна Остров, жудец Констанца	спасательные раскопки и шурфовка	Morintz, Anghelescu 1970, 402
Джурджень	коммуна Джурджень, жудец Яломица	спасательные раскопки	Renţa 2008, 29-30
Дедулешть	коммуна Мирча Водэ, жудец Брэила	разведка и спасательные раскопки	Sîrbu 1992, 257-258
Доробанцу	жудец Кэлэрашь	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 385-388; Morintz 1978, 126; Florescu 1991, 148-149
Дуранкулак	Шабла, область Добрич	систематические раскопки	Todorova 1982, 417-425; Бояджиев 1992, 17; Bojadžiev 1995, 177
Ессеница	-	-	Alexandrov et al. 1998, 11
Жегэлия – *Делимани*	коммуна Жегэлия, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 396; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 150
Канлия – *Гура Канлией*	коммуна Липница, жудец Констанца	разведка и шурфовка	Morintz, Anghelescu 1970, 402; Florescu 1991, 146; Morintz, Anghelescu 1970, 402; Mortintz 1978, 122
Кэлэрашь – *Грэдиштя*	жудец Кэлэрашь	разведка и шурфовки	Florescu 1991, 146
Кэлэрашь – *Мэгурень*	жудец Кэлэрашь	разведка и шурфовки	Morintz, Anghelescu 1970, 379; Morintz 1978, 124; Florescu 1991, 146
Кэсчиоареле	жудец Кэлэрашь	систематические раскопки	Morintz 1978, 122; Morintz, Şerbănescu 1985, 19; Florescu 1991, 146-147
Кындяска	коммуна Белчюгателе, жудец Кэлэрашь	спасательные раскопки	Vernescu 2013, 59
Кирноджень – *Ла Стацие*	жудец Констанца	разведка	Florescu 1991, 147; Papasima 2006; Neagu, Nopcea 2007)
Кирноджь – *Мирой*	коммуна Улму, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz 1978, 147; Morintz, Şerbănescu 1985, 19
Кодрень	коммуна Гурбэнешть, жудец Кэлэрашь	разведка	Şerbănescu, Trohani 1978, 34; Trohani 1986 15, fig. 1
Копузу	коммуна Балачиу, жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 28-29
Кослоджень – *Грэдиште*	коммуна Дикисень, жудец Кэлэрашь	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 375-379; Morintz 1978; Neagu, Nanu Basarab 1986; Florescu 1991, 147-148; Cavruc, Neagu 1995

Памятник	Административная единица	Тип исследования	Библиография
Крэсаний де Жос	коммуна Балачиу, жудец Яломица	разведка и шурфовка	Morintz, Anghelescu 1970, 398-399; Renţa 2008, 29)
Лехлиу – *Гарэ*	жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 398
Лиману	жудец Констанца	разведка	Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 150
Лишкотянка – *Кэрэмидэрие*	коммуна Бордей Верде, жудец Брэила	разведка	Harţuche 1980, 325; Vernescu 2013, 77
Лупшану	жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 398; Morintz 1978, 136; Florescu 1991, 150-151
Малтези – *Валя луй Илие*	коммуна Стелника, жудец Яломица	разведка	Vlad, Matei 2003-2004, 199; Renţa 2008, 30
Маралою	коммуна Грэдиштя, жудец Брэила	разведка	Florescu 1991, 82
Николае Бэлческу – *Валя Чиобанулуй*	коммуна Александру Одобеску, жудец Кэлэрашь	случайная находка	Irimia, Munteanu 1988-1989, 299-303
Новград	-	-	Alexandrov et al. 1998, 11
Нучету	коммуна Лупшану, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 398; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 151
Остров – *Пятра Фрекэцей* (Берое)	коммуна Остров, жудец Тулчя	систематические раскопки	Bolohan 2016, 47
Панайот Волов	Шумен	систематические раскопки	Гоцев, Петрова, Гатев 2013
Пьетрою	коммуна Борчя, жудец Кэлэрашь	разведка	Irimia 1982, 340; Florescu 1991, 151
Платонешть – *Ла Чимитир*	коммуна Платонешть, жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 30-31
Платонешть – *Ла Крамэ*	жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 31
Платонешть – *Ла Гарэ*	жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 31-32
Платонешть – *Ла Пайзан*	жудец Яломица	спасательные раскопки	Renţa 2008, 32
Поарта Албэ	коммуна Поарта Албэ, жудец Констанца	случайная находка	Morintz, Anghelescu 1970, 402; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 151-152
Преславци	-	-	Alexandrov et al. 1998, 11
Радовану - *Горгана а доуа*	коммуна Радовану, жудец Кэлрашь	Morintz 1978, 143-147; Morintz, Şerbănescu 1985, 5-21	
Радовану – *Валя Коаделор*	коммуна Радовану, жудец Кэлэрашь	погребение	Comşa 1964, 127; Morintz 1978, 149
Раса – *Керхана*	коммуна Грэдиштя, жудец Кэлэрашь	разведка	Anghelescu 1955, 317-318; Morintz, Anghelescu 1970, 395; Morintz 1978, 122
Рымничелу – *Вия луй Тудор Мунтяну*	коммуна Рымничелу, жудец Брэила	-	Harţuche, Anastasiu 1976, 21
Росець	коммуна Росець, жудец Кэлэрашь	разведка	Florescu 1991, 152
Сарикиой – *Ла Грэдинэ*	коммуна Сарикьой, жудец Тулчя	систематические раскопки	Oberländer-Târnoveanu, Oberländer-Târnoveanu 1979, 77-78; Oberländer-Târnoveanu, Oberländer-Târnoveanu 1980, 58
Руссе	-	-	Alexandrov et al. 1998, 11
Саринасуф	коммуна Муригьол, жудец Тулчя	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 404; Florescu 1991, 152

Памятник	Административная единица	Тип исследования	Библиография
Сату Ноу – *Ла Армане*	коммуна Олтина, жудец Констанца	систематические раскопки	Mitrea, Anghelescu 1959, 535; Morintz, Anghelescu 1970, 402; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 152
Силиштя – *Попинэ*	коммуна Силиштя, жудец Брэила	систематические раскопки	Harţuche 1983, 67-70; Harţuche, Silvestru 1992, 17-24; Sîrbu, Pandrea 1994, 33-34; Vernescu 2004, 337-345)
Слобозия – *Иезер*	жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 33
Слобозия – *Слобозия Ноуэ*	-	-	Renţa 2008, 33-34
Станча	коммуна Спанцов, жудецул Кэлэраш	случайная находка	Morintz 1978, 60, 149
Стежару	коммуна Сараю, жудец Констанца	разведка и шурфовка	Morintz, Anghelescu 1970, 396-397; Morintz 1978, 143; Florescu 1991, 152
Стелника – *Грэдиштя Маре*	жудец Яломица	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 396-397; Renţa 2008, 34-35
Стелника – *Грэдиштя Стойчий*	жудец Яломица	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 396-397; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 153; Renţa 2008, 35-37
Султана – *Шувица Оилор*	коммуна Мэнэстиря, жудец Кэлэрашь	разведка и шурфовка	Morintz 1978, 136; Şerbănescu, Trohani 1978, 21, 40
Султана – *Валя Орбулуй*	коммуна Мэнэстиря, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz 1978, 136
Сэвень – *Ла Мовиле*	сом. Сэвень, жудец Яломица	систематические раскопки	Renţa 2008, 32-33
Тутракан	область Силистра	разведка и шурфовка	Alexandrov et al. 1998
Улмень	коммуна Улмень, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Ionescu 1965, 111; Morintz, Anghelescu 1970, 395; Morintz 1978, 122; Florescu 1991, 153
Улму – *Ла Караман*	коммуна Улму, жудец Кэлэрашь	систематические раскопки	Morintz, Anghelescu 1970, 388-391; Morintz 1978, 126, 135-136; Florescu 1991, 153-154);
Униря	коммуна Униря, жудец Кэлэрашь	-	Florescu 1991, 154
Хыршова – *Ла лак*	жудец Констанца	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 403; Morintz 1978, 122; Morintz, Şerbănescu 1974, 54; Florescu 1991, 150
Цэндэрей – *Стракина*	жудец Яломица	разведка	Morintz 1978, 118-119; Renţa 2008, 37
Чернаводэ – 152 км	жудец Констанца.		
Чиокэнешть	жудец Кэлэрашь	разведка	Florescu 1991, 146
Чюлница	коммуна Чюлница жудец Яломица	разведка	Renţa 2008, 27-28
Чяку	коммуна Куза Водэ, жудец Кэлэрашь	разведка	Morintz, Anghelescu 1970, 395; Morintz 1978, 124-126; Florescu 1991, 147
Штефан чел Маре	коммуна Штефан чел Маре, жудец Кэлэрашь	систематические раскопки	Cavruc, Cavruc 1995, 90-91
Ягнилово	Ветрино, область Варна	шурфовка	Toncheva 1977, 147-164; Alexandrov et al. 1998, 11

2. Клады бронзовых предметов

Памятник	Административная единица	Тип клада	Библиография
Гура Добруджей	жудец Констанца	клад	Aricescu 1965, 23-25; Aricescu 1970, 29-32; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 80
Касимча	жудец Тулча	клад	Simion 2003, 67-69
Констанца – *Палас*	-	клад	Irimia 1968, 89-105; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 80
Николае Бэлческу	жудец Констанца	клад	Aricescu 1965, 19-21; Aricescu 1970, 55-56; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 80
Меджидия	жудец Констанца	клад	Nestor 1936, 175-189; Morintz 1978, 179; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 50-51
Михай Браву	коммуна Виктория, жудец Брэила	клад	Harţuche 1980, 327; Harţuche, Constantinescu, 1983, 41-48
Одэиле Подарь	коммуна Иляна, жудец Кэлэрашь	клад	Şerbănescu, Trohani 1975, 537-538; Morintz 1978, 93
Побит Камык	область Разград	клад литейных форм(?)	Черных 1978, 254-257
Сымбэта Ноуэ II	жудец Тулчя	клад	Aricescu 1965, 26-27; Aricescu 1970, 34-37; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 120)
Сокол	общность Главиница, область Силистра	клад	Панайотов, Доневски 1977, 131-142)
Текиргиол	жудец Констанца	клад	Aricescu 1965, 23-26; Aricescu 1970, 32-34; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 121
Чернаводэ – 152 км	жудец Констанца	клад на поселении	

3. Случайные находки металлических предметов

Памятник	Административная единица	Находки	Библиография
Бейдауд	комуна Бейдауд, жудец Тулча	бронзовый кинжал	Jugănaru 1995, 353-358
Вылчеле	коммуна Вылчеле, жудец Кэлэрашь	врагмент ножа	Bolohan 2016, 145
Дэень	коммуна Дэень, жудец Тулча	бронзовый серп	Aricescu 1965, 17; Petrescu-Dîmboviţa 1978, 15
Зебил	коммуна Сарикиой, жудец Тулча	бронзовый серп	Ailincăi, Ignat 2007, 487-492
Кэсчиоареле – *Остров*	жудец Кэлэрашь	топор-кельт	Culică 1975, 533; Şerbănescu, Trohani 1975, 533
Кослоджень – *Ла Вест де Сат*	коммуна Дикисень, жудец Кэлэрашь	фрагмент кинжала фрагмент серпа	Culică 1975, 521-522; Morintz 1978, 179
Меджидия	жудец Констанца	бронзовый меч	Irimia, Dumitraşcu 1969, 137-146; Irimia 1970, 389-395; Bader 1991, 34-36
Назарча	жудец Констанца	бронзовый серп	Aricesu 1965, 27
Олтеница	жудец Кэлэрашь	серп типа «патте»	Culică 1975, 535; Morintz 1978, 176
Пэкуюл луй Соаре	жудец Констанца	бронзовые гарпуны	Diaconu 1990, 122-124
Поарта Албэ	жудец Констанца	наконечник копья, 37 конусы из бронзовых пластинок	Comşa 1965, 149-158; Petrescu-Dîmboviţa 1978, 48
Поткоава	коммуна Индепенденца, жудец Кэлэрашь	бронзовый наконечник копья	Morintz, Anghelescu 1970, 395
Сабанджия	коммуна Сарикиой, жудец Тулчя	2 топора-кельта и кинжал	Aricesu 1965, 18; Simion 2004-2005, 99-110
Слава Черкезэ	жудец Тулчя	бронзовые браслеты	Simion 2004-2005, 99-110
Такач	Каолиново, область Шумен	3 бронзовых серпа и 5 топоров-кельтов	Черных 1978, 187, 207, 215; Popov 1981, 203, 205, 206
Черна	коммуна Черна, жудец Тулчя	топор-кельт	Simion 2003, 69

4. Находки бронзовых предметов и литейных форм на поселениях и в погребениях

Памятник	Административная единица	Находки	Библиография
Валя Сякэ	коммуна Лехлиу Гарэ, жудец Кэлэрашь	наконечник стрелы	Morintz, Anghelescu 1970, 398; Florescu 1991, 154
Васил Левски	область Търговиште	меч с язычком на рукоятке	Панайотов, Ангелова 1986, 87-98
Кирноджень	жудец Констанца	фрагмент серпа	Neagu, Nopcea 2007, 471-485
Кирноджь – *Мирой*	коммуна Улму, жудец Кэлэрашь	бронзовый нож	Morintz 1978, 147; Morintz, Şerbănescu 1985, 19
Кослоджень – *Грэдиштя*	коммуна Дикисень, жудец Кэлэрашь	кинжал, фибула, булавки, фрагмент серпа, литейная форма для топора-кельта, наконечник стрелы, кольца	Nanu Basarab 1986, 113-117; Bolohan 2016, 140
Лупшану	жудец Кэлэрашь	бронзовое шило	Morintz, Anghelescu 1970, 398; Morintz 1978, 136; Florescu 1991, 150-151
Пиетрою	коммуна Борчя, жудец Кэлэрашь	серп «пате»	Irimia 1981, 363-366
Радовану – *Горгана а доуа*	коммуна Радовану, жудец Кэлэрашь	топор-кельт, нож, булавки, литейные формы	Morintz, Şerbănescu 1985, 5-21
Улму – *Ла Караман*	коммуна Улму, жудец Кэлэрашь	нож, булавка и браслет	Morintz 1978, 134-135

Библиография

Бадер 1964: О.Н. Бадер, Древнейшие металлурги Приуралья (Москва 1964).

Бадер 1970: О.Н. Бадер, Бассейн Оки в эпоху бронзы (Москва 1970).

Балагурі, Бідзіля, Пеняк 1978: Е.А. Балагурі, В.І. Бідзіля, С.І. Пеняк, Давні металлурги українських Карпат: Історико-краєзнавчі нариси (Ужгород: Карпати 1978).

Бойко 2015: Ю. Бойко, Исследования кургана у села Бандышовка. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 123-130.

Бонев, Димов 1985: А. Бонев, Т. Димов, Приноси към праисторията на Добруджа. Векове 14, 1985, 32-39

Бояджиев 1992: Я.Д. Бояджиев, Хронология на праисторическите култури на територията на Добруджа. Добруджа 9, 1992, 10-19.

Бочкарьов 1972: В.С. Бочкарьов, Киммерійськи казани. Археологіа 5, 1972, 63-68.

Бочкарев 2010: В.С. Бочкарев, О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В сб.: В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт Петербург 2010), 185-208.

Джумабекова, Базарбаева 2013: Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Художественные бронзы Жетысу (Алматы 2013).

Гершкович 2016: Я.П. Гершкович, Суботовское городище (Киев 2016).

Гольцева, Букарский 1978: Н.В. Гольцева, В.Б. Букарский, Два новых экспоната из собрания кишиневского музея. СА 2, 1978, 253-256.

Городцов 1928: В.А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИИОН, II, 1928, 46-60.

Гоцев, Петрова, Гатев 2012: Ал. Гоцев, В. Петрова, Й. Гатев, Спасителни археологически проучвания на Обект 1 по АМ «Хемус» (км 342+200 - км 343+050) в землището на с. Панайот Волов, община Шумен. В: М. Гюрова (гл. редактор) Археологически открития и разкопки през 2012 г. (София 2013), 107-109.

Гошко, Агапов, Отрощенко 2018: Т.Ю. Гошко, С.А. Агапов, В.В. Отрощенко, Металеві казани з великого степу за доби пизньої бронзи (Киев 2018).

Демиденко 2005: С.В. Демиденко, К вопросу о происхождении клепанных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья. В сб.: Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского (Москва 2005), 93-103.

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья (Кишинэу 2011).

Дергачев 2012: В.А. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы – раннего гальштата на территории Республике Молдова. Revista arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 161-181.

Карабаспакова 2011: К.М. Карабаспакова, Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы (Алматы 2011).

Клочко 2003: В. Клочко, Лубеньский скарб. Пам'ятки України: історія та культура. Науковий Часопис 4, 2003, 30-37.

Клочко, Козыменко 2017: В.И. Клочко, А.В. Козыменко, Древний металл Украины (Киев 2017).

Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).

Кукушкин 2012: И.А. Кукушкин, Могильник Ащису. Курган с металлическим сосудом. В: (ред. Р.М. Жумашев) Археология и история Сарыарки: Сборник научных статей (Караганда 2012), 63-80.

Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016: Г.А. Кущ, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Клад металлических изделий эпохи бронзы из Восточного Казахстана. В сб.: Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы 2016), 149-158.

Кущ и др. 2016: А. Кущ, Г. Джумабекова, С. Демиденко, Г. Базарбаева, Клад эпохи поздней бронзы с клепаным сосудом из Восточного Казахстана. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 201-210.

Лещаков, Василева 2014: Л. Лещаков, Е. Василева, № 12. Предварителни археологически проучвания на обект 001, етап 3 по трасето на АМ 'Хемус' (км 339+920 - км 340+120) до с. Белокопитово, област Шумен. В: М. Гюрова (гл. редактор) Археологически открития и разкопки през 2013 (София 2014), 133-134.

Логвин, Шевнина 2018: А.В. Логвин, И.В. Шевнина, Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение). В: XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8-11 октября 2018 г. (Самара 2018), 123-125.

Маркевич 1985: В.И. Маркевич, Далекое-Близкое (Кишинев 1985).

Матющенко, Синицына 1988: В.И. Матющенко, Г.В. Синицына, Могильник у д. Ростовка вблизи Омска (Томск 1988).

Нечитайло 1975: А.Л. Нечитайло, Про одне з найдавніших кіммерійських поховань. Археологія 15, 1975, 50-58.

Нечитайло 1979: А.Л. Нечитайло, Суворовский курганный могильник (Киев 1979).

Панайотов, Доневски 1977: И. Панайотов, П. Доневски, Съкровище от късната бронзова епоха от села с. Сокол, Силистренско. Известия на народния музей Варна XIII, 1977, 131-142.

Панайотов, Ангелова 1986: И. Панайотов, И. Ангелова, Некропол от късната бронзова епоха в село Васил Левски, Търговищки окръг. Интердисциплинарни изследования XVIA, 1986, 87-98.

Рашајски 1975: Р. Рашајски, Остава Месић-Шупаја код Вршца. In: Праисторијске оставе у Србији и Војводини. I (Београд 1975), 63-68.

Раев 1979: Б.А. Раев, Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества (Новочеркасск 1979).

Самар, Антонов 2015: В. Самар, А. Антонов, Исследования кургана №2 группы «Бельмак-Могила» вблизи села Трудовое Куйбышевского района Запорожской области. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 131-144.

Самашев, Григорьев, Жумабекова 2005: З.С. Самашев, Ф.П. Григорьев, Г.С. Жумабекова, Древности Алматы (Алматы 2005).

Свешников 1968: И.К. Свешников. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области. СА 1, 1968, 159-168.

Скорый, Супруненко, Сидоренко 2016: С.А. Скорый, А.Б. Супруненко, А.В. Сидоренко, К изучению Мацковецкого («Лубенского») клада в Посулье. В сб.: Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Збірник наукових праць (Київ 2016), 63-72.

Сокольский 1980: Н.И. Сокольский, Таманский клад бронзовых орудий. СА 2, 1980, 144-150.

Сымонович 1966: Э.А. Сымонович, Ингульский клад. СА 1, 1966, 127-142.

Тереножкин 1982: А.И. Тереножкин, Ягорлыцкий котел. СА 2, 1982, 218-223.

Тодорова и др. 2011: Х. Тодорова, К. Йорданов, В. Велков, С. Торбатов, История на Добруджа, том 1 (Велико Тырново 2011).

Узунов и др. 2014: Ж. Узунов, П. Лещаков, А. Божкова, П. Кияшкина, П. Делев, Ив. Карайотов, Я. Мутафчиева, И. Киров, Издирвания на археологически обекти в общини Несебър и Поморие. В: (гл. редактор М. Гюрова) Археологически открития и разкопки през 2013 (София 2014), 650-653.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Выпуск 1 (Киев 1951).

Филипченко 1962: В.А. Филипченко, Бронзовые котлы Астраханского музея. СА 1, 1962, 276-278.

Хынку 1972: И.Г. Хынку, Находка бронзовых клепаных котлов в Молдавии. В сб.: Матеріали XIII конференції Институту археології АН УРСР, Київ 1968 р. (Київ 1972), 177-179.

Черных 1970: Е.Н. Черных, Древнейшая металлургия Урала и Поволжья (Москва 1970).

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на юго-западе СССР (Москва 1976).

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Черных 1981: Е.Н. Черных, Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы. СА 1, 1981, 19-26.

Черных, Кузминых 1989: Е.Н. Черных, С.В. Кузминых, Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен (Москва 1989).

Черняков 1965: И.Т. Черняков, Красномаяцкий клад литейщика. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год (Одесса 1965), 87-123.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Членова 1976: Н.Л. Членова, Карасукские кинжалы (Москва 1976).

Эрлих 2007: В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников (Москва 2007). Каталог находок относящихся к культуре Кослоджень.

Ailincăi 2005: S. Ailincăi, Epoca bronzului. In: Aspecte privind circulaţia metalelor în Dobrogea din Preistorie pană in Evul mediu (Tulcea 2005) 17-18; (in colaborare cu G. Jugănaru), 19-24.

Ailincăi 2010: S.C. Ailincăi, Inceputurile epocii fierului în Dobrogea. Teză de doctorat. Universitatea"Alexandru Ioan Cuza" (Iaşi 2010).

Ailincăi, Ignat 2007: S. Ailincăi, A. Ignat, A Bronze Sickle from Zebil (Sarichioi, Tulcea County). Pontica 40, 2007, 487-492.

Alexandrescu 1966: A.D. Alexandrescu, Dépôts de l'âge du bronze tardif, Inventaria Archaeologica, fasc. 2, R 15-16 (Bucarest 1966).

Alexandrov et al. 1998: S. Alexandrov, N. Sirakov, E. Petkov, B. Gajdarska, Trial excavations of a Bronze Age site near Tutrakan, North-East Bulgaria. Archaeologia Bulgarica 2-3, 1998, 7-30.

Andrieşescu 1925: I. Andrieşescu, Nouvelles contributions sur l'âge du bronze en Roumanie. Le dépôt de bronzes de Drajna de Jos et l'épée de Bucium. Dacia 2, 1925, 345-384.

Anghelescu 1955: N. Anghelescu, Cercetări şi descoperiri arheologice in raioanele Călăraşi şi Slobozia. SCIV 6/1-2, 1955, 311-328.

Antoniewicz 1958: Wł. Antoniewicz, Les chaudières préscythiques en bronze. Archaeologia Polona 1, 1958, 57-78.

Aricescu 1995: A. Aricescu, Depozitele de bronzuri din Dobrogea. SCIV 16/1, 1965, 17-42.

Aricescu 1970: A. Aricescu, Depozite de unelte, arme şi podoabe de bronz din Dobrogea. Pontica 3, 1970, 25-76.

Bader 1991: T. Bader, Die Schwerter in Rumänien. Prähistorische Bronzefunde IV/8 (Stuttgart 1991).

Bader 1996: T. Bader, Neue Bronzefunde in Nordwestrumänien. In: (Hrsg. T. Kovács) Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. Festschrift für A. Mozsolics zum 85. Geburtstag (Budapest 1996), 265-302.

Bočkarev, Leskov 1980: V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spatbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Prähistorische Bronzefunde XIX/1 (München 1980).

Bojadžiev 1995: J.D. Bojadžiev, Chronology of Prehistoric Cultures in Bulgaria. In: (Eds. D.W. Bailey, I. Panayotov) Prehistoric Bulgaria. Monographs in World Archaeology 22 (Madison Wisconsin 1995), 149-192.

Bolohan 2016: N. Bolohan, Bronzul târziu la Dunărea de Jos. Componenţe şi relaţii interculturale (Cluj-Napoca 2016).

Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen "Zeptern/Stössel-Zeptern", Miniatursäulen" und "Phalli" der Bronzezeit Eurasiens. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 30, 1998, 17-113.

Buchholz 1999: H.G. Buchholz, Ein aussergewöhnliches Steinzepter in östlichen Mittelmeer. Prähistorische Zeitschrift 74/1, 1999, 68-78.

Buchholz, Weisgerber 2005: H.G. Buchholz, G. Weisgerber, Prominenz mit Steingerät. (Hrsg. Ü. Yalçin, C. Pulak, R. Slotta) Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren (Bochum 2005), 149-153.

Cavruc, Cavruc 1995: V. Cavruc, G. Cavruc, Ştefan cel Mare, judeţul Călăraşi. In: Cronica Cercetărilor Arheologice. Campania 1994. A XXIX-a Sesiune Naţională de Rapoarte Arheologice (Cluj-Napoca 1995), 90-91.

Cavruc, Neagu 1995: V. Cavruc, M. Neagu, Date noi despre stratigrafia Grădiştei Coslogeni. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos 13-14, 1995, 71-80.

Chernykh 2009: E. Chernykh, Ancient metallurgy in the Eurasian steppes and China: problems of interactions. In: (Eds. J. Mei, Th. Rehren) Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond Archetype (London 2009), 3-9.

Ciugudean, Aldea 2005: H. Ciugudean, I.Al. Aldea, Der Bronzefund von Cugir, Kr. Alba, und seine Beziehungen zu den spätbronzezeitlichen Kulturphänomenen Siebenbürgens. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 95-132.

Comşa 1964: E. Comşa, Mormânt din prima epocă a fierului găsit la Radovanu (r. Olteniţa). SCIV 15/1, 1964, 127-130.

Comşa 1965: E. Comşa, Descoperirea de la Poarta Albă. SCIV 16/1, 1965, 149-158.

Cristea 2009: F.L. Cristea, Metalurgia bronzului în regiunile est-carpatice la sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului. Teză de dr. Universitatea "Alexandru Ioan Cuza", facultatea de istorie. Mss. (Iaşi 2009).

Culică 1975: V. Culică, Contribuţii la cunoaşterea epocii bronzului în judeţul Ialomiţa. SCIVA 26/4, 1975, 521-528.

David 2002: W. David, Studien zu Ornamentik und Datierung der bronzezeitlichen Depotfundgruppe Hajdusamson-Apa-Ighiel-Zajta. Bibliotheca Musei Apulensis 18 (Alba Iulia 2002).

Dergačev 2002: V.A. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Prähistorische Bronzefunde XX/9 (Mainz/Stuttgart 2002).

Diaconu 1990: P. Diaconu, Harpoane de bronz caracteristice culturii Coslogeni. In: Symposia Thracologica, 8 (Satu Mare-Carei 1990), 122-124.

Diaconu 2010: V. Diaconu, Consideraţii privind topoarele de luptă din piatră specifice epocii bronzului din regiunile est-carpatice ale Romaniei. Revista Arheologică s.n. 5, 2010, 5-21.

Dobrinescu, Bodolică 2012: C. Dobrinescu, V. Bodolică, Raport de cercetare preventivă. Proiect: Autostrada Cernavodă-Medgidia, km. 152+000 (Constanţa 2012). Mss.

Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Le dépôt de l'âge du bronze tardif de Băleni. Inventaria Archaeologica R 18 (Bucarest 1967).

Ebert 1921: M. Ebert, Südrußland im Altertum. Bücherei der Kultur und Geschichte, Bd. 12 (Bonn, Leipzig 1921).

Emre, Cınaroğlu 1993: K. Emre, A. Cınaroğlu, A group of metal Hittite vessels from Kınık-Kastamonu. Aspects of art and iconography. Anatolia and its neighbors. Nimet Ozguc'e armağan. In: Studies in honor of Nimet Ozguc (Ankara 1993), 675-713.

Florescu 1991: A. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. In: Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, 9 (Călăraşi 1991).

Gerškovič 1999: J.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. Archäologie in Eurasien 7 (Rahden/Westf. 1999).

Gershuny 1985: L. Gershuny, Bronze Vessels from Israel and Jordan. Prähistorische Bronzefunde, II/6 (München 1985).

Gimbutas 1965: M. Gimbutas, Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe (Paris, The Hague, London 1965).

Gogâltan 2017: F. Gogâltan, Dăbâca. Un atelier metalurgic al epocii bronzului din Transilvania. – Dăbâca. Ein bronzezeitliches Metallhandwerk in Siebenbürgen. Crisia 47, 2017, 15-26.

Gogâltan, Marinescu 2018: F. Gogâltan, G. G. Marinescu, Aur pentru zei. O descoperire aparţinând epocii bronzului de la Bistriţa-Dealul Târgului (nord-estul Transilvaniei) (Cluj-Napoca 2018).

Hampel 1886, 1892, 1896: J. Hampel, A bronzkor emlekei Magyarhonban I; II; III (Budapest 1886, 1892, 1896).

Hänsel 1968: B. Hänsel, B. Hänsel, Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. In: Beiträge zur Archäologie des Mittelmeerraumes, 7-8 (Bonn 1968).

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau, I-II (Bonn 1976).

Hansen 2005a: S. Hansen, Neue Forschungen zur Metallurgie der Bronzezeit in Sudosteuropa. In: (Hrsg. Unsal Yalcin) Anatolian Metal III. Der Anschnitt, Beiheft 18 (Bochum 2005) 89-103.

Hansen 2005b: S. Hansen, S. Hansen, Noi cercetări asupra metalurgiei epocii bronzului în sud-estul Europei. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/ Cluj-Napoca 2005), 301-316.

Harding 1995: A. Harding, Die Schwerter im ehemaligen Jugoslawien. Prähistorische Bronzefunde, IV/14 (Stuttgart 1995).

Harmankaya 1995: N.S. Harmankaya, Kozman Deresi Mevkii (Şarkoy, Tekirdağ) Maden Buluntulari. In: Halet Çambel için prehistorya yazilari – Readings in Prehistory. Studies presented to Halet Çambel (Istanbul 1995), 217-254.

Harţuche 1979: N. Harţuche, Probleme privind bronzul timpuriu şi mijlociu în nord-estul Munteniei şi Dobrogea. Danubius 8-9, 1979, 67-92.

Harţuche 1980: N. Harţuche, Preliminarii la repertoriul arheologic al judeţului Brăila. Istros 1, 1980, 281-354.

Harţuche 1983: N. Harţuche, Raport preliminar asupra săpăturilor de la Siliştea-Nazaru. Istros 2-3, 1983, 67-79.

Harţuche 2002: N. Harţuche, Complexul arheologic Brăiliţa. Bibliotheca Thracologica 35 (Bucureşti 2002).

Harţuche, Anastasiu 1968: N. Harţuche, F. Anastasiu, Brăiliţa (Brăila 1968).

Harţuche, Anastasiu 1976: N. Harţuche, F. Anastasiu, 1976, Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei (Brăila 1976).

Harţuche, Constantinescu 1983: N. Harţuche, Gh. Constantinescu, Depozitul de bronzuri de la Mihai Bravu, comuna Victoria, judeţul Brăila. Istros 2-3, 1983, 41-48.

Harţuche, Silvestru 1992: N. Harţuche, O. Silvestru, Consideraţii asupra cercetărilor din aşezarea Babadag de la Siliştea-Nazaru, judeţul Brăila. Istros 6, 17-24, 1992, 343-361.

Horedt 1960: K. Horedt, Siebenbürgen und Mykenä. In: Nouvelles Etudes d'Histoire 2 (Bucarest 1960), 31-44.

Iconomu 1977: C. Iconomu, Depozitul de bronzuri de la Tătărani (comuna Dăneşti, jud. Vaslui). Cercetări istorice 8, 1977, 213-229.

Ignat 2000: M. Ignat, Metalurgia în epoca bronzului şi prima epocă a fierului din Podişul Sucevei (Suceava 2000).

Irimia 1968: M. Irimia, Un depozit de bronzuri la Constanţa. Pontica 1, 1968, 89-105.

Irimia 1970: M. Irimia, Das mykenische Bronzeschwert aus Medgidia. Dacia N.S. 14, 1970, 389-395.

Irimia 1981: M. Irimia, Observaţii privind epoca bronzului în Dobrogea în lumina unor cercetări recente. SCIVA 32/3, 1981, 347-369.

Irimia 1982: M. Irimia, Die Bronzezeit in der Dobrudscha im Lichte neurer Entdeckungen. In: (Hrsg. B. Hänsel) Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. PAS 1, 1982, 329-351.

Irimia 2001: M. Irimia, Descoperiri din bronzul târziu pe teritoriul Dobrogei şi unele probleme privind cultura Coslogeni. Thraco-Dacica 22/1-2, 2001, 183-197.

Irimia 2002: M. Irimia, Funde aus der späten Bronzezeit in der Dobrudscha und einige Betrachtungen, die Coslogeni-Kultur betreffend. In: (Hrsg. Al. Fol.) Thrace and the Aegean. Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology, Sofia-Yambol, 25-29 september 2000 (Sofia 2002), 137-149.

Irimia 2008: M. Irimia, Unele aspecte privind raporturile dintre spaţiul egeean şi regiunile istro-pontice în bronzul târziu. Zargidava 8, 2008, 19-61.

Irimia, Bardac 1995-1996: M. Irimia, A. Bardac, Noi descoperiri din epoca bronzului la Grădina (jud. Constanţa). Pontica 28-29, 1995-1996, 13-21.

Irimia, Dumitraşcu 1969: M. Irimia, A. Dumitraşcu, Sabia de bronz micenianã descoperită la Medgidia. Pontice 2, 1969, 137-147.

Irimia, Munteanu 1988-1989: M. Irimia, M. Munteanu, Un topor din epoca bronzului descoperit la Nicolae Bălcescu (jud. Călăraşi). Pontica 21-22, 1988-1989, 299-303.

Jugănaru 1995: G. Jugănaru, Un pumnal de tip răsăritean descoperit la Beidaud – judeţul Tulcea. Cultură şi Civilizaţie Dunărea de Jos 15, 1995, 353-357.

Kacsó 1977a: C. Kacsó, Toporul de bronz de la Oarţa de Sus. Acta Musei Napocensis 14, 1977, 57-62.

Kacsó 1977b: C. Kacsó, Contribuţii la cunoaşterea metalurgiei cuprului şi bronzului in nord-vestul României. Apulum 15, 1977, 131-154.

Kacsó 1978: C. Kacsó, Toporul de bronz de la Ilba. Marmatia 4, 1978, 65-68.

Kacsó 1989: C. Kacsó, Toporul de bronz de la Orţiţa. SCIVA 40, 1989, 83-89.

Kacsó 1997: C. Kacsó, Das Depot von Satu Mare. A Jósa András Muzeum Évkönyve 39-40, 1997-1998, 11-31.

Kacsó 2001: C. Kacsó, Descoperiri de bronzuri la Târgu-Lăpuş. Revista Bistriţei 15, 2001, 33-38.

Kacsó 2003: C. Kacsó, Der zweite Depotfund von Ungureni. In: (Hrsg. C. Kacsó) Bronzezeitliche Kulturerscheinungen im karpatischen Raum. Die Beziehungen zu den benachbarten Gebieten. Ehrensymposium für Alexandru Vulpe zum 70. Geburtstag. Baia Mare 10.-13. Oktober 2001 (Baia Mare 2003), 267-300.

Kacsó 2005: C. Kacsó, Bronzefunde von Târgu Lăpuş, Kr. Maramureş. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beitrage zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 235-245.

Kacsó 2007: C. Kacsó, Descoperiri de bronzuri din nordul Transilvaniei (I). Colecţia Ferenc Floth. In: Studii şi Cercetări Maramureşene, 2 (Baia Mare 2007).

Kaiser 1997: E. Kaiser, Der Hort von Borodino. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 44 (Bonn 1997).

Kemenczei 1988: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn I (Griffplatten-, Griffangel- und Griffzungenschwerter). Prähistorische Bronzefunde, IV/6 (München 1988).

Kemenczei 1991: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter). Prähistorische Bronzefunde, IV/9 (München 1991).

Kilian-Dirlmeier 1993: I. Kilian-Dirlmeier, Die Schwerter in Griechenland (außerhalb der Peloponnes), Bulgarien und Albanien. Prähistorische Bronzefunde, IV/12 (Stuttgart 1993).

Kločko 1995: V.I. Kločko, Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17.-10. Jhs. v. Chr. Eurasia Antiqua 1, 1995, 81-164.

Kobal' 2000: J. Kobal', Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). Prähistorische Bronzefunde, XX/4 (Stuttgart 2000).

Koledin 2001: J. Koledin, Ostava bronzanih predmeta iz Hetina. Rad Vojvodanskih Muzeja (RMV) 43-45, 2001-2003, 29-39.

Kroeger-Michel 1983: E. Kroeger-Michel, Les haches à disque du bassin des Carpathes. In: Recherches sur les civilisations, Mémoire no. 24 (Paris 1983).

Kukuškin 2013: I. Kukuškin, Streitwagen in Kasachstan und in den angrenzenden Gebieten. In: (Hrsg. T. Stöllner, Z. Samašev)Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Band I. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26.Januar bis zum 30.Juni 2013, 221-230.

Lakó 1983: E. Lakó, Repertoriul topografic al epocii bronzului şi al Hallstatt-ului timpuriu în judeţul Sălaj. Acta Musei Porolissensis 7, 1983, 69-100.

László 2006: A. László, Uber die Beziehungen, die kulturelle und chronologische Lage der Bronzefunde vom Typ Opályi-Uriu-Drajna de Jos-Lozova-Pobit Kamăk. In: (Hrsg. J. Kobal') Bronzezeitliche Depotfunde – Problem der Interpretation. Materialien der Festkonferenz für Tivodor Lehoczky zum 175. Geburtstag. Ushhorod, 5.-6. Oktober 2005 (Uzgorod 2006), 124-143.

László 2007: A. László, Drajna de Jos - Lozova - Pobit Kamăk - Uluburun. Sur les relations à longue distance dans l'Âge Tardif du Bronze. Studia Antiqua et Archaeologica 12, 2006 (2007) 43-55.

László 2013: A. László, Über die Verbreitung der bronzenen Streitäxte mit Nackenscheibe in den aussenkarpatischen Gebieten. Eine neue in der Moldau entdeckte Nackenscheibenaxt. In: (Hrsg. B. Rezi, R.E. Németh, S. Berecki) Bronze Age Crafts and Craftsmen in the Carpathian Basin. Bibliotheca Musei Marisiensis. Seria (sic!) Archaeologica VI (Târgu Mureş 2013) 251-265.

Lazăr 1997: V. Lazăr, Depozitul de bronzuri de la Jabeniţa (jud. Mureş). Revista Bistriţei 10-11, 1996-1997 (1997), 9-12.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen). Prähistorische Bronzefunde, XX/5 (München 1981).

Lichardus et al. 2002: J. Lichardus, R. Echt, I. K. Iliev, C.J. Christov (m. Beitr. von J.S. Becker, W.-R. Thiele), Die Spätbronzezeit an der unteren Tundža und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Eurasia Antiqua 8, 2002, 135-184.

Luca, Ilieş 2000: S.A. Luca, C. Ilieş, Kupferne, bronzene und steinerne Werkzeuge und Waffen aus den Sammlungen des „Emanoil Gojdu"-Lyzeums aus Grosswardein/Oradea/Nagyvarad. Tibiscum 10, 2000, 323-332.

Makarenko 1930: N. Makarenko, La civilisation des Scythes et Hallstatt. Eurasia Septentrionalis Antiqua 5, 1930, 22-48.

Matthäus 1980: H. Matthäus, Die Bronzegefäße der kretisch-mykenischen Kultur. Prähistorische Bronzefunde II 1 (München 1980).

Matthäus 1985: H. Matthäus, Metallgefäße und Gefäßuntersätze der Bronzezeit, der geometrischen und archaischen Periode auf Cypern mit einem Anhang der bronzezeitlichen Schwertfunde auf Cypern. Prähistorische Bronzefunde, II/8 (München 1985).

Mitrea, Anghelescu 1959: B. Mitrea, N. Anghelescu, Săpăturile de la Satu Nou (r. Adamclisi, reg. Constanţa), MCA 5, 1959, 535-542.

Morintz 1977: S. Morintz, Câteva observaţii cu privire la complexul Sabatinovka-Coslogeni-Noua. Peuce 6, 1977, 23-29.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii, vol. I (Bucureşti 1978).

Morintz, Anghelescu 1977: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului in Romania. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21/3, 1970, 373-416.

Morintz, Ionescu 1977: S. Morintz, B. Ionescu, Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Olteniţa (1958-1967). SCIV 19/1, 1965, 95-128.

Morintz, Şerbănescu 1974: S. Morintz, D. Şerbănescu, Cercetări arheologice la Hîrşova şi în împrejurimi. SCIVA 25/1, 1974, 47-69.

Morintz, Şerbănescu 1977: S. Morintz, D. Şerbănescu, Rezultatele cercetărilor de la Radovanu, punctul „Gorgana a doua" (jud. Călăraşi). I. Aşezarea de epoca bronzului. Thraco-Dacica 6, 1985, 5-30.

Mozsolics 1967: A. Mozsolics, Bronzefunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Hajdusámson und Kosziderpadlás. Mit einem Anhang von F. Schubert und E. Schubert (Budapest 1967).

Mozsolics 1973: A. Mozsolics, Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi (Budapest 1973).

Neagu, Basarab-Nanu 1986: M. Neagu, D. Basarab-Nanu, Consideraţii preliminare asupra aşezării eponime de la Grădiştea Coslogeni, judeţul Călăraşi. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos 2, 1986, 99-128.

Neagu, Nopcea 2007: M. Neagu, C. Nopcea, Cercetările arheologice preventive de la Chirnogeni, jud. Constanţa (2001). Pontica 39, 2007, 471-485.

Nestor 1932: I. Nestor, Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1932 (1933), 11-181.

Nestor 1936: I. Nestor, Depôt (?) de bronzes de Medgidia (Dobrogea). Dacia 5-6, 1936, 175-189.

Nestor 1938: J. Nestor, Die verzierten Streitäxte mit Nackenscheibe aus Westrumänien. In: Marb. Stud. Festschr. f. G. v. Merhart (Darmstadt 1938), 178-192.

Oberländer-Târnoveanu, Oberländer-Târnoveanu 1979: E. Oberländer-Târnoveanu, I. Oberländer-Târnoveanu, Aşezarea neolitică şi necropola de la Sarichioi (jud. Tulcea) (campania 1978). Raport preliminar. MCA. A XIII-a Sesiune Anuală de Rapoarte (Oradea 1979), 59-70.

Oberländer-Târnoveanu, Oberländer-Târnoveanu 1980: E. Oberländer-Târnoveanu, I. Oberländer-Târnoveanu, Aspecte ale civilizaţiei geto-dacice în lumina cercetărilor din aşezarea de la Sarichioi (sec. IV-III i.e.n.). Peuce 8, 1980, 77-142.

Papasima 2006: T. Papasima, Cercetările arheologice de la Chirnogeni. Pontica 39, 2006, 321-332.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens. Prähistorische Bronzefunde, XVIII/1 (München 1978).

Popescu 2009: A.D. Popescu, Un pumnal de tip răsăritean din Moldova. In: (Hrsg. L. Dietrich, O. Dietrich, B. Heeb, A. Szentmiklosi) Festschrift für Tudor Soroceanu zum 65. Geburtstag. Analele Banatului S.N. Arheologie - Istorie 17, 2009, 271-278.

Radwan 1983: A. Radwan, Die Kupfer- und Bronzegefäße Ägyptens (Von den Anfängen bis zum Beginn der Spätzeit). Prähistorische Bronzefunde, II/2 (München 1983).

Rezepkin 2000: A.D. Rezepkin, Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien (Rahden/Westf. 2000).

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgovişte 2008).

Roska 1942: M. Roska, Erdély régészeti repertoriuma. I. Őskor. – Thesaurus antiquitatum transilvanicarum. I. Praehistorica (Kolozsvár [= Cluj] 1942).

Roska 1957: M. Roska, A tágfalvi bronzfokos kóra. Folia Archaeologica 9, 1957, 63-66.

Samašev, Žumabekova 1996: Z. Samašev, G. Žumabekova, Spätbronzezeitliche Waffen aus Kazachstan. Eurasia Antiqua 2, 1996, 229-230.

Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. Mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E.V. Jarovoj, T. Soroceanu. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 19 (Berlin 2002).

Schubert 1965: F. Schubert, Zu den südosteuropäischen Kupferäxten. Germania 43, 1965, 274-295.

Şerbănescu, Trohani 1975: D. Şerbănescu, G. Trohani, Obiecte din cupru şi bronz descoperite în jud. Ilfov. SCIVA 26, 1975, 529-539.

Şerbănescu, Trohani 1978: D. Şerbănescu, G. Trohani, Cercetări arheologice pe Valea Mostiştei. In: (Hrsg. V. Vrabie) Ilfov. File de Istorie (Bucureşti 1978), 17-42.

Simion 2001: G. Simion, Cultures et groupes culturels dans la région du Bas Danube à la fin du bronze recent. In: Der Nordkarpatische Raum in der Bronzezeit (Baia Mare 2001), 315-333.

Simion 2003: G. Simion, Cultures et groupes culturels dans la région du Bas Danube à la fin du Bronze recent. In: Culturi antice în zona Gurilor Dunării, vol. I, Preistorie şi Protoistorie (Cluj-Napoca 2003), 63-78.

Simion 2004-2005: G. Simion, Arme şi podoabe inedite de bronz din judeţul Tulcea. Pontica 37-38, 2004-2005, 99-110.

Sîrbu 1992: V. Sîrbu, O descoperire aparţinand culturii Coslogeni de la Deduleşti, jud. Brăila (groapă –„depozit de vase”?). Istros 6, 1992, 257-258.

Sîrbu, Pandrea 1994: V. Sîrbu, S. Pandrea, Cercetările arheologice de la Siliştea, Jud. Brăila. Istros 7, 1994, 27-62.

Soroceanu 2005: T. Soroceanu, Zu den Fundumständen der europäischen Metallgefäße bis in das 8. Jh. v. Chr. Ein Beitrag zu deren religionsgeschichtlicher Deutung. In: T. Soroceanu, Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 387-428.

Soroceanu 2008: T. Soroceanu, Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien. Vasele de metal prescitice de pe actualul teritoriu al României. In: Bronzefunde aus Rumänien, III – Descoperiri de bronzuri din România, III (Bistriţa/Cluj-Napoca 2008).

Soroceanu 2016: T. Soroceanu, Der Bronzefund von Jabeniţa (Görgénysóakna), Kr. Mureş, Siebenburgen. In: (Hrsg. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitzer, M. Băţ) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. Tyragetia International I (Chişinău 2016), 163-180.

Soroceanu, Retegan 1981: T. Soroceanu, Al. Retegan, Neue spätbronzezeitliche Funde im Norden Rumäniens. Dacia N.S. 25, 1981, 195-229.

Soroceanu, Sava 2019: T. Soroceanu, E. Sava, Einige Bemerkungen zur Herstellung, zur Typologie und zur Verbreitung der spätbronze- und früheisenzeitlichen Metallgefäße im Raum zwischen Karpaten, Nordkaukasus und Ural/Т. Сорочяну, Е. Сава, Некоторые заметки об изготовлении, типологии и распространении в позднем бронзовом — раннем железном веках металлических сосудов между Карпатами, Северным Кавказом и Уралом. In: (Hrsg. M.T. Kashuba, S. Reinhold, J.Ju. Piotrowskij / М.Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю.Ю. Пиотровский) Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Archäologie in Iran und Turan (Berlin 2019) 279-300.

Stöllner, Samašev 2013: T. Stöllner, Z. Samašev (Hrsg.), Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens I-II (Bochum 2013).

Tallgren 1926: A.M. Tallgren, La Pontide préscythique après l’introduction des métaux. Eurasia Septentrionalis Antiqua 2, 1926.

Tallgren 1926: A.M. Tallgren, Studies of the Pontic Bronze Age. Eurasia Septentrionalis Antiqua 11, 1937, 103-121.

Tallon 1987: F. Tallon, Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siecle avant J.-C. Notes et documents des Musees de France 15 (Paris 1987).

Terenožkin 1962: A.I. Terenožkin, Der Bronzekessel des Odessaer Museums. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (Festschrift Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstage) 92, 1962, 272-277.

Todorova 1982: H. Todorova, Die spätbronzezeitliche Siedlung auf der „Grossen Insel” bei Durankulak. In: Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau in Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 412-425.

Tončeva 1977: G. Tončeva, Fouilles d`une necropole et d`un site du bronze récent en Bulgarie du Nordest. Pontica 24, 1977, 29-43.

Tončeva 1979: G. Tončeva, Thracia Pontica à l’Âge du Bronze recent. Thracia Pontica 1, 2011, 170-181.

Trohani 1986: G. Trohani, Noi cercetări arheologice de suprafaţă pe Valea Mostiştei. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos 2, 1986, 15-36.

Vernescu 2004: M. Vernescu, Materiale de tip Coslogeni descoperite în aşezări hallstattiene timpurii din Câmpia Brăilei, Istros 11, 2004, 337-345.

Vernescu 2013: M. Vernescu, Bărăganul în preistorie (circa 3500-1200 a. Chr.). Perioada de tranziţie de la eneolitic la epoca bronzului şi epoca bronzului (Brăila 2013).

Vlad, Matei 2003-2004: F. Vlad, Gh. Matei, Contribuţii la repertoriul arheologic al judeţului Ialomiţa. Ialomiţa 4, 2003-2004, 199-205.

Vulpe 1963: Al. Vulpe, Nackenscheibenäxte aus der Moldau. Dacia 7, 1963, 511-516.

Vulpe 1970: Al. Vulpe, Äxte und Beile in Rumänien, I. Prähistorische Bronzefunde, IX/2 (München 1970).

Yalcin, Pulak, Slotta 2005: U. Yalcin, C. Pulak, R. Slotta (Hrsg.), Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren (Bochum 2005).

Die Coslogeni-Fundgrube 121 von Cernavodă-„Autobahn 2, km. 152“ (Kr. Constanţa, Rumänien): Treffpunkt hervorragender osteuropäischer Bronzen und Keramik an der westlichen Schwarzmeerküste

Schlüsselwörter: Spätbronzezeit, Coslogeni-Kultur, Unterdonauareal, Bronzefund.

Zusammenfassung: Die begleitenden archäologischen Rettungsmasnahmen entlang der Autobahn Nr. 2 führten im Abschnitt Cernavodă-Medgidia, beim km. 152, zur Entdeckung eines Grubenfeldes, das allerdings nicht vollständig ausgegraben werden konnte. Die Fundstelle liegt südlich der Stadt Cernavodă bei „Dealurile [Hügel] Cochirlenilor“, auf einer hohen Donau-Terasse. Die Grube Nr. 121, die 2012 freigelegt worden ist, lieferte hervorragende Inventarstücke aus Bronze und Keramik und erweist sich dadurch als wegweisender Fund an der unteren Donau und sogar in größeren kulturellen Arealen.

In die nicht tiefe Grube wurden zuerst drei Keramik-Gefäße der Coslogeni-Kultur deponiert – das eine umgestülpt –, dann obendrauf, vermutlich minimal unter der damaligen Erdoberflache, vier Bronzegegenstände, die vom Bagger gestört und teilweise beschädigt worden sind. Es handelt sich um einen vernieteten Kessel, eine kalottenförmige Schale, ein säbelförmiges Langmesser/Machaira und eine Schaftrohraxt mit kugelsegmentförmiger Nacken. Die vier Bronzen verweisen auf Verbindungen mit dem nordpontischen Raum (vor allem mit seiner westlichen Hälfte), mit dem ostpontischen Bereich und mit dem nördlichen Karpatenbecken. Die Zusammensetzung der Gegenstände stellt bislang ein typologisch-geographisches Unikum dar und kann in die BD-Zeit (14.-13. Jh., vgl. auch die C 14-Datierungen) versetzt werden.

Abbildungsliste:

Abb. 1. Cernavodă. Der Standort des Grubenfeldes und die Gesamtansicht der Grabungen.

Abb. 2. Cernavodă. Der Befund Nr. 121: die Grube und die Gegenstände in primärer Lage.

Abb. 3. Cernavodă. Keramikgefäße und- Fragmente aus dem Befund Nr. 121.

Abb. 4. Cernavodă. Keramikgefäße aus dem Befund Nr. 121.

Abb. 5. Cernavodă. Vernieteter Bronzekessel: 1 - Erhaltungszustand des Kessels nach dem Ausreißen aus der Grube durch den Bagger; 2, 3 - graphische Rekonstruktion; 3-8 - Detailsaufnahmen der Henkel und des Randes.

Abb. 6. Cernavodă. Kalottenförmige Schale.

Abb. 7. Cernavodă. Machaira.

Abb. 8. Cernavodă. Machaira.

Abb. 9. Cernavodă. Schaftrohraxt mit kugelsegmentförmiger Nacken.

Abb. 10. Cernavodă. Schaftrohraxt mit kugelsegmentförmiger Nacken.

Abb. 11. Čerkovna. Kurzsäbel. Zufallsfund.

Abb. 12. Bulgarien, ohne Fundort. Gußformen für die Herstellung eines langen Messers/Kurzsäbels.

Abb. 13. Bulgarien, ohne Fundort. Gußformen für die Herstellung eines langen Messers/Kurzsäbels.

Abb. 14. Cernavodă. Hauptkategorien keramischer Gefäße, die in den Gruben entdeckt worden sind.

Abb. 15. Cernavodă. C 14-Daten für die Coslogeni-Kultur.

Abb. 16. Gesamtplan der Ausgrabungen des Grubenfeldes von Cernavodă mit der Kennzeichnung der Befunde nach Kategorien: 1 - weiß = Befunde ohne Inventar; 2 - schwarz = Befunde mit drei, vier oder Gruppen aus drei und vier Gegenständen im selben Befund; 3 - grau = andere Befunde (mit einem, zwei, fünf oder mehreren Fundstücken; in einigen Befunden wurden die Fundstücke nicht gezählt.

Abb. 17. Die Hauptzonen und die möglichen Richtungen, welche die Akkumulierung der Bronzen im Depotfund von Cernavodă erleichterten: 1 - Cernavodă; 2 - Tekirdağ; 3 - Čerkovna; 4 - Hauptverbreitungsareal der Äxte mit Schaftrohr und kugelsegmentförmigen Nacken; 5 - Drajna de Jos; 6 - Mogoşeşti; 7 - Lozova II; 8 - Krasnyi Majak; 9 - Mackova Lučka; 10 - Ivanovskij poselok; 11 - Sosnovaja Maza.

Complexul nr. 121 aparţinând culturii Coslogeni, descoperit la Cernavodă-„Autostrada 2”, km 152: un punct de întâlnire a unor convergenţe est-europene la vest de Pontul Euxin

Cuvinte-cheie: epoca târzie a bronzului, cultura Coslogeni, Dunărea de Jos, depozit de bronzuri.

Rezumat: Săpăturile arheologice preventive, care au avut loc în cadrul construirii autostrăzii nr. 2 au dus – în tronsonul Cernavodă-Medgidia, la km 152 – la descoperirea unui areal cu gropi, care de fapt nu a putut fi săpat exhaustiv. Descoperirea este localizată la sud de oraşul Cernavodă, în partea de hotar „Dealurile Cochirlenilor”, aflată pe o terasă înaltă a Dunării. Groapa nr. 121, descoperită în anul 2012, a furnizat câteva piese de inventar remarcabile, confecţionate din bronz şi ceramică, prezentându-se actualmente drept una din descoperirile-cheie de la Dunărea de Jos cu implicaţii tipologice în areale mai mari.

Într-o groapă nu foarte adâncă au fost depuse mai întâi trei vase de ceramică aparţinând culturii Coslogeni – unul dintre ele cu gura în jos –; peste acestea au fost aşezate, probabil foarte puţin sub nivelul de călcare preistoric, patru obiecte de bronz, care au fost ulterior deranjate de buldozer, fiind parţial şi deteriorate. Aceste piese de bronz sunt un cazan nituit, o cupă în formă de calotă sferică, un cuţit lung/sabie scurtă (machaira) şi un topor cu tub de înmănuşare transversal şi cu ceafă în formă de calotă sferică. Cele patru artefacte ne permit să reconstruim legăturile zonei dobrogene cu spaţiul nord-pontic (mai ales cu jumătatea lui vestică), cu zona est-pontică şi cu nordul Bazinului Carpatic. Reunirea unor asemenea piese în cadrul unei depuneri reprezintă până în momentul de faţă un unicat tipologic, cronologic şi geografic, putând fi datat în faza BD (sec. XIV-XIII a. Chr., vezi şi datările C 14).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Cernavodă. Locul amplasării sitului arheologic şi vederea generală a săpăturii.

Fig. 2. Cernavodă. Complexul nr. 121: groapa şi piesele păstrate in situ.

Fig. 3. Cernavodă. Vasele şi fragmentele ceramice din complexul nr. 121.

Fig. 4. Cernavodă. Vasele ceramice din complexul nr. 121.

Fig. 5. Cernavodă. Cazan de bronz nituit: 1 - starea de conservare a cazanului după scoaterea din groapă de către buldozer; 2, 3 - reconstrucţie grafică; 4-9 - detalii ale torţilor şi ale buzei.

Fig. 6. Cernavodă. Cupă în formă de calotă sferică.

Fig. 7. Cernavodă. Machaira.

Fig. 8. Cernavodă. Machaira.

Fig. 9. Cernavodă. Topor cu tub de înmănuşare transversal şi ceafă în formă de segment de sferă.

Fig. 10. Cernavodă. Topor cu tub de înmănuşare transversal şi ceafă în formă de segment de sferă.

Fig. 11. Čerkovna. Sabie scurtă, de bronz. Descoperire întâmplătoare.

Fig. 12. Bulgaria, fără loc de descoperire. Forme de turnat pentru lamă de cuţit lung/sabie scurtă.

Fig. 13. Bulgaria, fără loc de descoperire. Forme de turnat pentru lamă de cuţit lung/sabie scurtă.

Fig. 14. Cernavodă. Principalele categorii de vase ceramice descoperite descoperite în cadrul sitului.

Fig. 15. Cernavodă. Date C 14 pentru cultura Coslogeni.

Fig. 16. Planul general de săpătură al sitului Cernavodă, cu marcarea anumitor categorii de complexe: 1 - alb = complexe fără nici o piesă de inventar; 2 - negru = complexe cu 3, cu 4 sau cu grupe de 3 şi 4 piese de inventar în acelaşi complex; 3 - cenuşiu: celelalte categorii de complexe (cu 1, 2, 5 sau mai multe piese de inventar; în unele complexe, nu au fost numărate).

Fig. 17. Principalele zone şi direcţii de acumulare ale depozitului de la Cernavodă: 1 - Cernavodă; 2 - Tekirdağ; 3 - Čerkovna; 4 - zona de maximă extensiune a topoarelor cu tub şi ceafă calotiformă; 5 - Drajna de Jos; 6 - Mogoşeşti/Moldova; 7 - Lozova II; 8 - Krasnyj Majak; 9 - Mackova Lučka; 10 - Ivanovskij poselok; 11 - Sosnovaja Maza.

12.02.2019

Др. Тудор Сорочяну, Берлин, Германия, https://orcid.org/0000-0002-8601-7254, e-mail: tudor_soroceanu@gmx.de

Др. Кэтэлин Добринеску, Музей Национальной истории и археологии, Констанца, Румыния, https://orcid.org/0000-0001-6545-9590, e-mail: catalindobrinescu@yahoo.com

Др. Сорин Аилинкэй, Институт эко-музейных исследований, Тулча, Румыния, https://orcid.org/0000-0002-6936-1942, e-mail: sailincai@gmail.com

Виталие Бодоликэ, Музей Национальной истории и археологии, Констанца, Румыния, https://orcid.org/0000-0002-9305-6630, e-mail: bodovitalie@gmail.com

Тиберию Сава, Национальный институт исследований и развития ядерной физики и инженерии «Хория Хулубей», Мэгуреле, Румыния, e-mail: tiberiu.sava@nipne.ro

THE HOARD OF BRONZE ARTIFACTS DISCOVERED NEAR VILLAGE HARAGÎŞ (CANTEMIR DISTRICT)

Mariana Sîrbu, Sergiu Popovici, Vlad Vornic

Keywords: hoard of bronze artifacts, tools, adornments, raw material, late Bronze Age.

In the spring of 2017, during topographic works on the territory of the forest north of the village of Haragîş (Cantemir district), was discovered a hoard made of bronze objects. The information about this discovery was immediately sent to the specialists of the National Archaeological Agency, who soon conducted an inspection in the area where the hoard had been found[1].

The hoard was discovered at 2.5 km NNW on the northern edge of the village, on the eastern slope of a promontory at an altitude of 260 m (geographic coordinates: 46°18'43.23"N 28°21'38.21"E). On the place where the deposit had been indicated by the discoverer was excavated a 2×2 m square of land in order to convey stratigraphic data and eventually retrieve other bronze pieces. It was possible to determine that the hoard was deposited at a depth of 0.4-0.6 m, at the base of a brown-gray soil, containing vegetation debris and small fragments of coal, without clear outline of the pit in which the hoard was found. From the information provided by the discoverer, it appears that the bronze objects were deposited compactly in several layers, the pieces of ingots (five copies) being placed at the base, above them were placed seven sickles, then three bracelets and a hairpin. Four other sickles were laid over the bracelets, and among them were found four fragments of sickles, an applique and an earring.

In total, the hoard consists of 26 pieces. Typologically, it is part of the category of hoards with complex associations, containing three functional categories – tools, adornments/wear and raw material. The tools are represented exclusively by sickles, of which 13 are hook sickles (nine whole, one with cast blade defect and three others in a fragmentary state), and a fragment knob-sickle. The category of adornments/wear includes three bracelets, an applique, an earring and a hairpin. The hoard also contains a piece with uncertain utility and five fragments of bronze ingots.

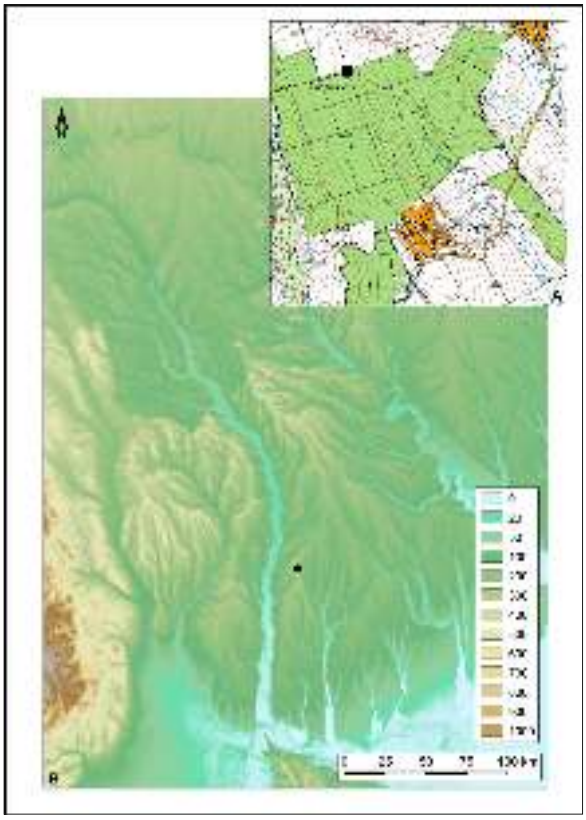


Fig. 1. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. Geographic and topographic location.

The fact that the artifacts are carefully arranged and not accidentally thrown is not a novelty, this conscious and intentional gesture being observed in most cases of bronze hoards. The arrangement of the raw material (ingot fragments) at the basis of the group of objects is also typical of the hoards containing this category, analogies being known, for example, in the deposits at Aiud and Bicaz (Bratu 2009, 135).

[1] The visit on the site was in August, 2017, by archaeologists Vlad Vornic, Sergiu Popovici and Ion Ciobanu, together with the discoverer of the hoard, the geodesist Iurie Lungu.

Catalogue of artifacts:

1. Hook sickle (fig. 2/1). It is formed a curved casting, the outside of the curve and the handle are thickened. The cutting edge of the blade and the tip are broken. At the maximum point of the curve between the blade and the handle it retains a part of the casting stub that has been carefully smoothed. Casting was done in monovalve mold. The artifact retains traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 27.1 cm; blade width – 3.7 cm; weight – 228 g.

2. Hook sickle (fig. 2/2). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are thickened. The cutting edge of the blade and the tip are broken. At the maximum point of the curve between the blade and the handle it is slightly damaged in the place where the casting stub was removed. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 26.0 cm; blade width – 4.2 cm; weight – 223 g.

3. Hook sickle (fig. 2/3). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The butt of the blade is broken and has marks of beating on the inside of the handle. It is slightly damaged in the place where the casting stub was removed. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 26.0 cm; blade width – 4.0 cm; weight – 271 g.

4. Hook sickle (fig. 2/4). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The butt of the blade is broken and has marks of beating on the inner edge of the handle, which is bent inwards on a 1.4 cm portion. The blade is slightly narrowed to the center due to wear. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 22.5 cm; blade width – 4.0 cm; weight – 199 g.

5. Hook sickle (fig. 3/1). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The butt of the blade is broken. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 22.2 cm; blade width – 4.5 cm; weight – 195 g.

6. Hook sickle (fig. 3/2). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The cutting edge of the blade is broken and shows marks of beating on the inner side of the handle. It has a casting defect on the tip of the blade. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 23.3 cm; blade width – 4.0 cm; weight – 175 g.

7. Fragment of hook sickle (fig. 3/3). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The cutting edge of the blade is broken and has traces of beating on the inner side of the handle. It has broken tip and a casting defect on the butt of the blade. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 22.2 cm; blade width – 4.2 cm; weight – 152 g.

8. Fragment of hook sickle (fig. 3/4). The handle and a fragment of the blade were preserved. It has a strongly thickened butt. On the curve from the blade to the handle is observable a part of the casting stub. The edges are jagged. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 12.7 cm; blade width – 4.5 cm; weight – 105 g.

9. Fragment de sickle (fig. 3/5). The part of the curve from the blade to the handle has been preserved. It is highly bent. The butt is thickened and shows traces of use. It is most likely a fragment of a hook sickle. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 6.9 cm; blade width – 4.5 cm; weight – 61 g.

10. Fragment of hook sickle (fig. 3/6). The handle and a fragment of the blade were preserved. It has a strongly bent butt. It is decorated on the handle with two ribs that progressively approach each other towards the bend transition from the blade to the handle. It practically disappears here, being very poorly observed, and continues along

Fig. 2. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. Ghermăneşti type sickles.

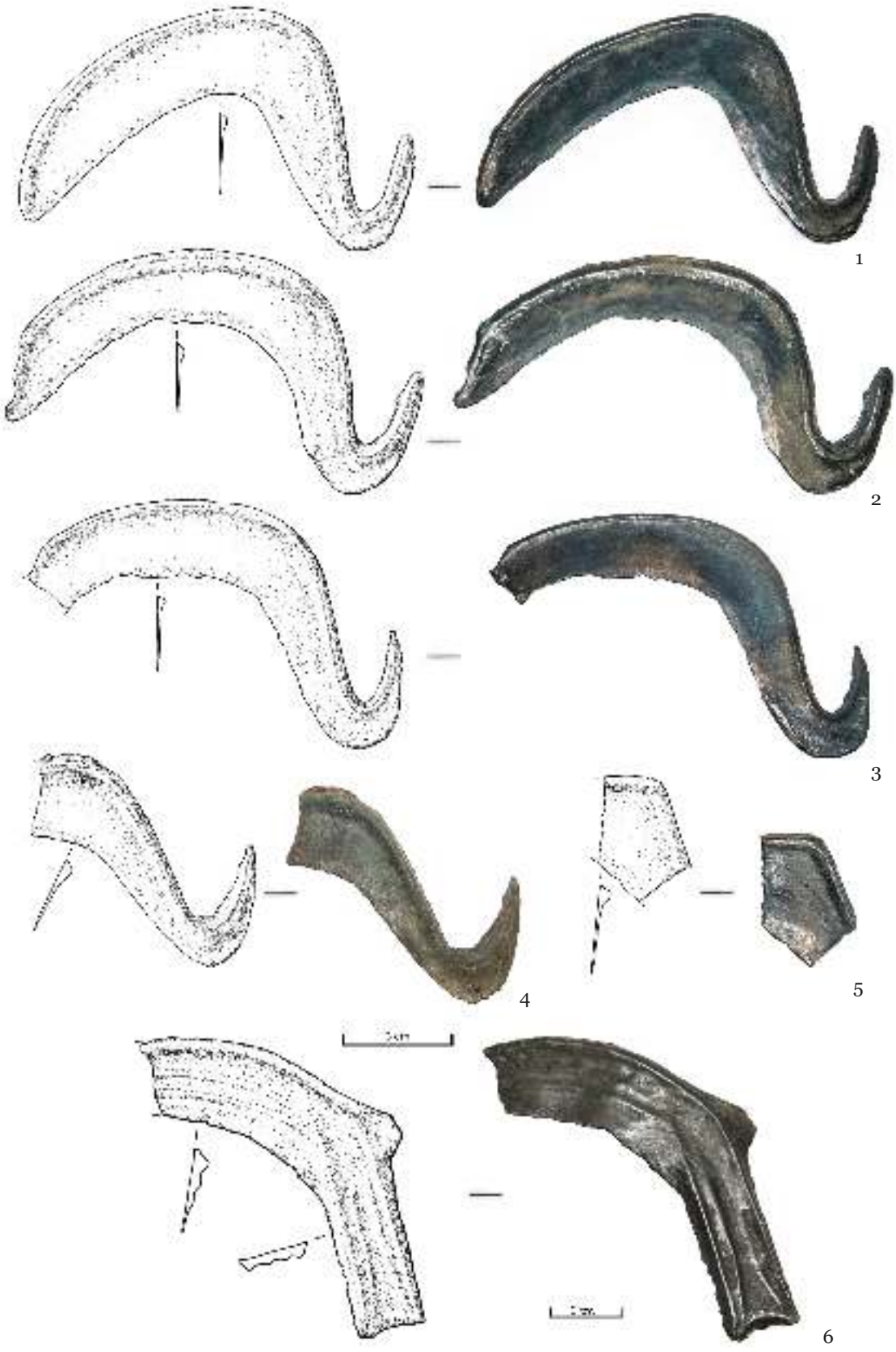


Fig. 3. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. 1-4 - Ghermăneşti type sickles; 5 - fragment of Ruginoasa type sickle; 6 - fragment of knob sickle, Pécs variant.

the length of the portion of the preserved blade. On the butt, it retains a part of the casting stub, which is partially smoothed. The cutting edge of the blade and the inside handle are broken. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 14.5 cm; blade width – 3.1 cm; weight – 110 g.

11. Hook sickle (fig. 4/1). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The transition curve from the blade to the handle is highlighted and retains a part of the casting stub. The cutting edge of the blade is broken. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 23.3 cm; blade width – 4.2 cm; weight – 194 g.

12. Hook sickle (fig. 4/2). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The curve between the blade and the handle is highlighted, the blade is slightly narrowed towards the handle and the cutting edge is broken. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 24.7 cm; blade width – 4.0 cm; weight – 243 g.

13. Hook sickle (fig. 4/3). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The cutting edge of the blade is broken and has traces of beating on the inside of the handle. It is slightly damaged in the place where the casting stub was removed. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 20.1 cm; blade width – 4.0 cm; weight – 146 g.

14. Hook sickle (fig. 4/4). It is formed as a curved casting, the outside of the curve and the handle are strongly thickened. The cutting edge of the blade is broken. It is slightly damaged in the place where the casting stub was removed. Casting was done in monovalve mold. It shows traces of use. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 20.1 cm; blade width – 3.5 cm; weight – 136 g.

15. Earring (fig. 5/1). It has an oval shape in plan, made from wire circular in section, with progressively narrowing and open ends. The piece is partially covered by a layer of green patina with brown spots.
Dimensions: diameter – 3.3×3.8 cm; wire gauge – 0.15-0.4 cm; weight – 1.0 g.

16. Applique (fig. 5/2) of flattened conical shape, with slightly blunted edges and center spin. On the inside there is a median semicircular hook in plan, made from wire, elongated oval in section. It was cast in bivalve mold. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: H – 1.25 cm; diameter – 4.1×4.5 cm; diameter of hook – 0.3 cm; weight – 8.0 g.

17. Fragment of bronze piece (fig. 5/3) cast in bivalve mold. It has irregular shape in plan, with three edges broken and jagged. The fourth edge has a wavy shape, visibly thickened on half of its length. On one of the edges there is a 0.5 cm in diameter hole. The usefulness of the object is uncertain, but the obviously finer bronze used to cast it allows us to assume that it most likely represents the fragment of an adornment. The piece is covered with a uniform layer of light green color patina.
Dimensions: length – 6.3 cm; width – 2.2-3.0 cm; thickness – 0.25-0.45 cm; weight – 15.0 g.

18. Semi-oval hairpin (fig. 5/4). It has a long foot, circular in section, narrowing slightly towards the broken tip. There are two bitronconical shape prominences on the neck that are placed one above the other. The top of the pin is ornamented. The decor begins at 1.5 cm below the lower prominence with two garlands made up of three incised lines, then continue as simple horizontal lines to the semi-oval shaped head. The latter preserves traces of a cruciform decoration made of two strips of four incised lines. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 16.0 cm, wire gauge – 0.2-0.4 cm; diameter of head – 1.0 cm; diameter of prominences – 0.6 cm; weight – 13.0 g.

19. Bracelet (bangle) (fig. 5/5) of annular shape and circular wire in section. It was cast into a bivalent mold. The artifact is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: diameter – 8.1 cm; wire gauge – 0.65 cm; weight – 67 g.

20. Bracelet (bangle) (fig. 5/6) of annular shape and circular wire in section. It was cast into a bi-

Fig. 4. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. 1-2 - Ruginoasa type sickles; 3-4 - Ilişeni type sickles.

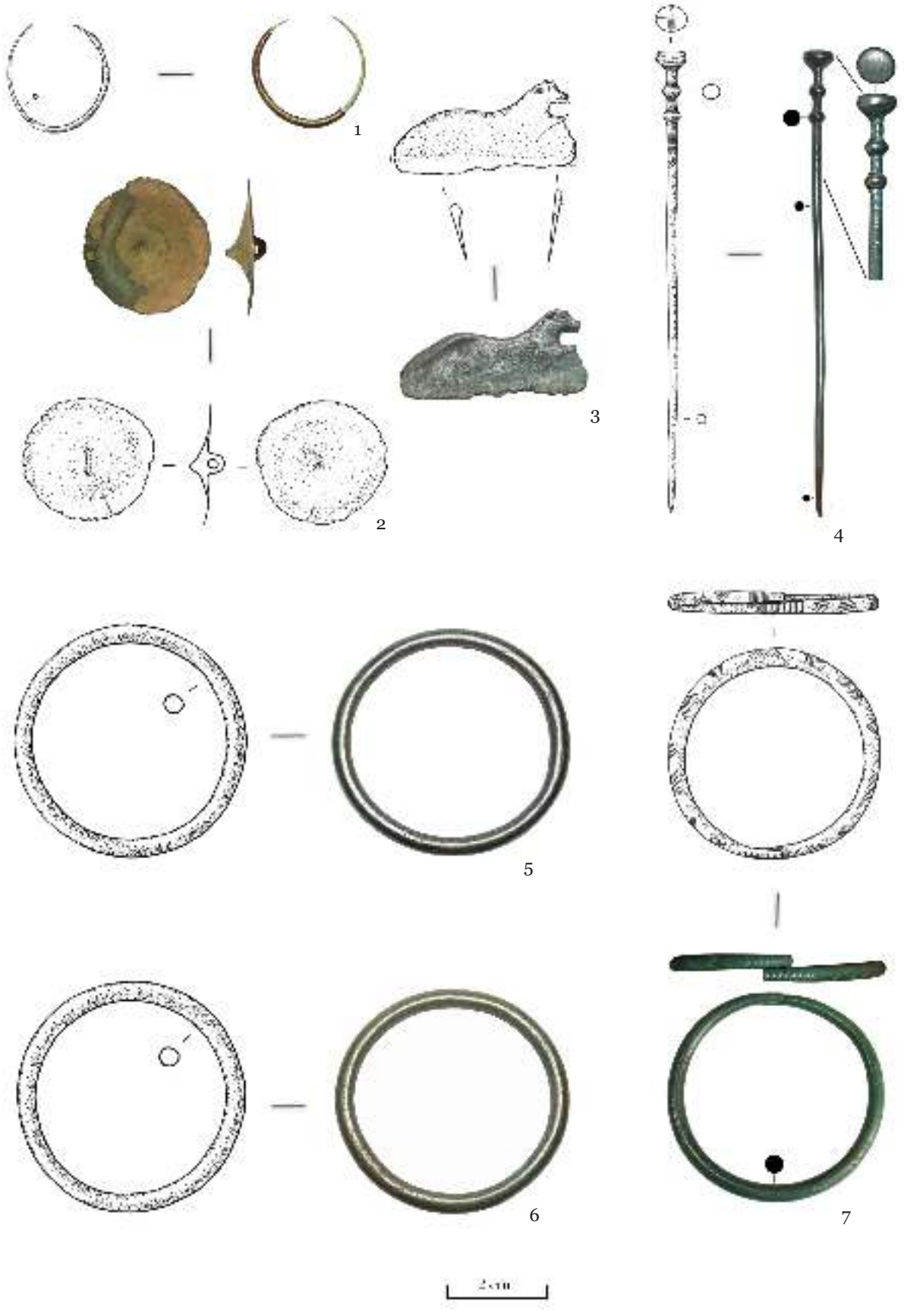


Fig. 5. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. 1 - earring; 2 - applique; 3 - fragment of piece with uncertain utility; 4 - hairpin; 5-7 - bracelets.

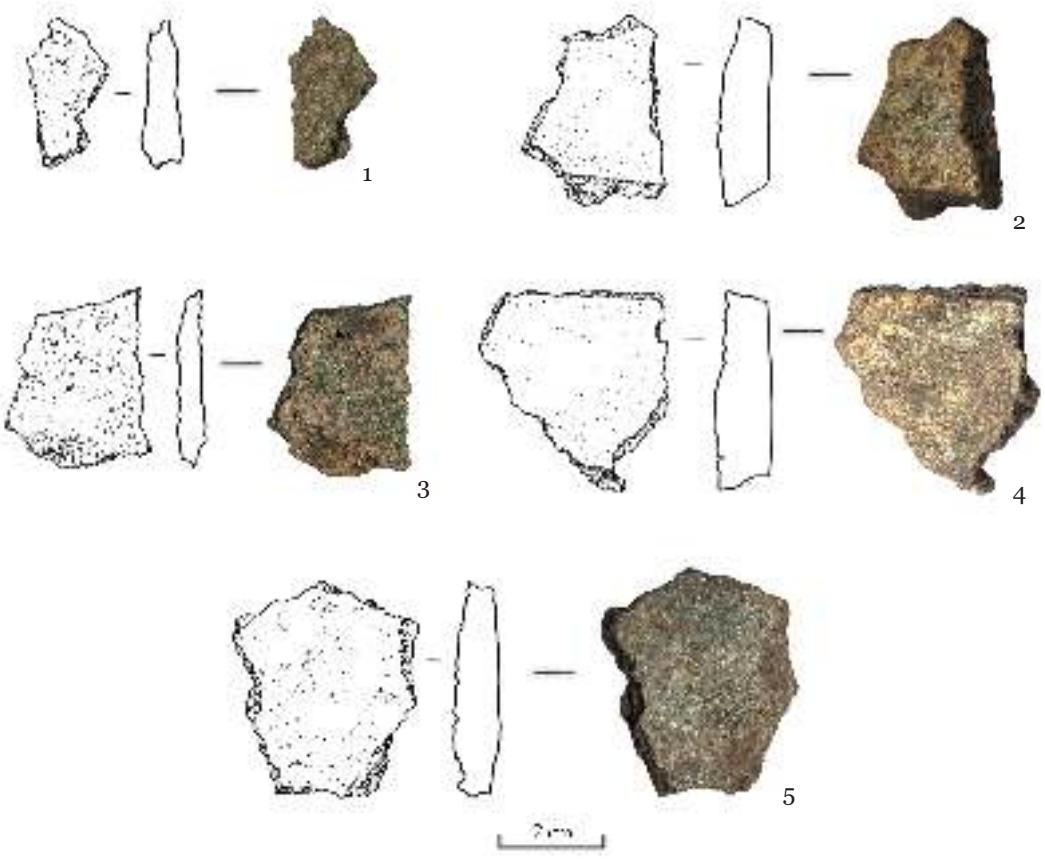


Fig. 4. Hoard of bronze artifacts from Haragîş. Bronze ingots.

valent mold. The artifact is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: diameter – 7.9 cm; wire gauge – 0.65 cm; weight – 65 g.

21. Bracelet (fig. 5/7) made of circular wire in section, with progressively narrowing ends and arranged one over the other. It has an ornamented exterior side made of a series of hatched triangles, while the ends are decorated with a band of incised vertical lines. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: diameter – 7.1×7.35 cm; wire gauge – 0.4-0.6 cm; weight – 41 g.

22. Bronze ingot fragment (fig. 6/1). It has irregular shape in plan and section and a porous texture on one side.
Dimensions: length – 4.2 cm; width – 2.4 cm; thickness – 1.2 cm; weight – 39 g.

23. Bronze ingot fragment (fig. 6/2). It has irregular shape in plan and rectangular shape in section. It has porous texture on one side.
Dimensions: length – 5.7 cm; width – 3.9 cm; thickness – 1.6 cm; weight – 149 g.

24. Bronze ingot fragment (fig. 6/3). It has irregular shape in plan and section. It has porous texture on both sides.
Dimensions: length – 4.7 cm; width – 4.5 cm; thickness – 0.9 cm; weight – 59 g.

25. Bronze ingot fragment (fig. 6/4). It has irregular triangular shape in plan and rectangular shape in section. It features porous texture on one side. The piece is covered with a uniform layer of dark green color patina.
Dimensions: length – 5.7 cm; width – 5.5 cm; thickness – 1.7 cm; weight – 250 g.

26. Bronze ingot fragment (fig. 6/5). It has irregular shape in plan and rectangular shape in section. It has porous texture on one side.
Dimensions: length – 6.3 cm; width – 5.2 cm; thickness – 1.3 cm; weight – 228 g.

Discussions

Hook sickles. Called generically "hook sickles", this type of tool is known in the special literature in different typologies. M. Petrescu-Dîmboviţa divides the hook sickle into 10 types (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 57 and following). E. Černych includes the hook sickles discovered in the north Pontic space in types 24 and 25, while those from the territory of Bulgaria in type 10 (Черных 1978, 215). Analyzing the hook sickles discovered on the territory between Nistru and Transylvania, V. Dergaciov distinguishes three types: Ghermăneşti, Ruginoasa and Ilişeni (Дергачев, Бочкарев 2002, 188-209), a typology that will be used as reference in typological analysis of hook sickles presented in this article. According to morphological and metrological criteria, eight sickles out of 13 found in the bronze hoard of Haragîş can be assigned to Ghermăneşti type (n. 7, 9-12, 16-18), three to Ruginoasa type (no. 8, 13, 19) and two to Ilişeni type (no. 14-15).

The *Ghermăneşti type* is characterized by larger weight, height and dimensions. The length of this type of sickle oscillates between 21.0 and 26.0 cm and the length of the blade is almost equal to the length of the handle. The weight varies between 160 and 290 g. (Дергачев, Бочкарев 2002, 194). The *Ruginoasa type*, like the type described above, has a big weight and size. The maximum length of such sickles varies between 20.0 and 26.0-27.0 cm and the weight reaches 160-340 g. Unlike the Ghermăneşti type, the Ruginoasa type has a lower height and a wider blade (Дергачев, Бочкарев 2002, 200). The *Ilişeni type* differs, in terms of weight and size it is smaller. The maximum length of the sickles of this type varies between 12.0 and 21.0 cm and the weight ranges from 50 to 160 g. The blade length is 6.0-10.0-15.0 cm and the height of the handle 13.0-19.0 cm (Дергачев, Бочкарев 2002, 209).

The hook sickles have their origins in the East Carpathian metallurgic centers of Noua culture, from where they spread throughout the entire area of this culture and in the space of Sabatinovka and Coslogeni cultures (Дергачев, Бочкарев 2002, 188). They are found abundantly in hoards dated at the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age on the territory of Romania, Bulgaria, the Republic of Moldova and Ukraine (Шарафутдінова 1971, 32, рис. 4/1; Дергачев 1972, 67, рис. 48/21; Черняков 1975, рис. 63/22-24; Черных 1976, табл. XXII/2, 9, 10; XXIV/1; Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 91-90; Morintz 1978, fig. 109/13-14; Черных 1978, табл. 54-56; Bobi 1981, 53, fig. 22/1-2; Суботін, Черняков 1982, рис. 2/2, 4, 6; Dergacev 1991, 43, fig. 3/17-19; Soroceanu 1995, Abb. 4/2-4; Vulpe, Căpitanu 1995, Abb. 3/6, 8, 9; Крушельницька 2006, рис. 51/1-5; Dergacev 2002, Taf. 22/6-9; Ciugudean, Luca, Georgescu 2010, pl. XII/2; XXII-XXIII, XXIV/1; Дергачев 2012, 155, илл. II/11-12, Sîrbu 2013, fig. 4/8; Matveev, Vornic 2018, fig. 6 etc.). More rarely, hook sickles are found in settlements (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I, 28; Дергачев 1982, 132, рис. 2/8, 11; Florescu, Florescu 1990, 89, fig. 16/4, 5; Балагури 1990, рис. 31/A; Sîrbu 2014, fig. 2/4; Soroceanu 2016, 164-165, Abb. 2-4 etc.). It was observed that they were deposited unbroken especially in stage Br D period, and as fragments during stage Ha A_1 (Bratu 2009, 102, fig. 67). They are dated with Br D - Ha A_1 (Dergacev 1991, 50). It is worth mentioning that the sickles found in the bronze hoard near the village of Haragîş presents traces of use and wear out.

Knob sickles have their origins in metallurgical workshops in the Middle Danube area and were widely spread. This category of sickles is frequently discovered in the hoards dated with Br D in Transylvania and in the rest of the Carpathian basin (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 26-57, Taf. 95, 107-109, 169-181 etc.; Mozsolics 1985, 44-45, Taf. 23/3-9, 28/1-6, 34, 37-38 etc.), but is rarely found in hoards from the east Carpathian area (Дергачев, Бочкарев 2002, 286, таб. 97-98). They begin their evolution in Br D, with a more frequent use in Ha A, and reach up to Ha B (Дергачев, Бочкарев 2002, 290; Bratu 2009, 101, fig. 64). The combinations of ribs on the handle and blade have been interpreted differently by scholars who have analyzed this category of pieces. M. Petrescu-Dîmboviţa divided them into a number of different types and variants (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 26-57). V. Dergacev proposed for this type of sickle a simpler classification, highlighting only two variants: Pécs and Gyermely (Дергачев, Бочкарев 2002, 286-289). Pécs variant is characterized by the presence of three or more ribs on the handle and two or three ribs on the blade (Дергачев, Бочкарев 2002, 286). For the Gyermely variant, the sickles have only two ribs on the handle (Дергачев, Бочкарев 2002, 289). The knob sickle fragment from the Haragîş hoard could be included in the Pécs variant according to the morphological and metro-

logical criteria. Analogies to the knob sickle from Haragîş are known in the hoards from Uioara de Sus (Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 183/483) (Romania) and Birjan (Mozsolics 1985, Taf. 66/2) (Hungary). For the Br D period, was observed the deposition of fragmented knob sickles, usually with broken tip, and for the period in Ha B_1 their deposition in unbroken condition mainly (Bratu 2009, 101, fig. 65). The artifact is dated with the period Br D - Ha B (Дергачев, Бочкарев 2002, 290).

Appliques of conical shape or phalars, as they are also called, are found much rarely than convex shaped applique type and come almost exclusively from hoards. Artifacts similar to the one found at Haragîş are also known on the territory of Hungary (Mozsolics 1985, Taf. 35/3,7), but almost identical analogies come from the deposits of bronze artifacts from Cehăluţ, Otomani and Timişoara on the territory of Romania (Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 24/1-5, 7-13, 15-21; 123/15, 19, 21-24, 159/A13; Gogâltan, Sava 2014, 187-188, fig. 1/5-10). Two conical appliques with central spin deposited as funerary inventory were found in Ukraine (Лысенко 2015, рис. 9/25-26). The applique from Haragîş is the only discovery of this kind on the territory of the Republic of Moldova. The piece is dated with Br D - Ha A_1 (Gogâltan, Sava 2014, 190).

The ***bracelets*** from the Haragîş hoard are of two types: bangle bracelets (two copies) and bracelet with decoration (one piece).

Bangle bracelets are known in a number of hoards (Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 74/B1, 122/B, 270/A1-2; Черняков 1985, рис. 66/8-16; Шарафутдинова 1987, рис. 7/4; Hüttel 1981, Taf. 29/27; Mozsolics 1985, Taf. 44/12, 84/11; 140/35, 145/29; Ignat 2000, 49, fig. 15; Hänsel 2005, 286-290, fig. 2/7-9; fig. 5; Niculică 2015, pl. XCII/2-3 etc.) and are dated with the end of Br D - Ha A_1. Casting mold with the negative of the bracelet type were discovered in Ukraine at Novo-Aleksandrovka and Vasilievka (Bočkarev; Leskov 1980, Taf. 74/a; Шарафутдинова 1987, рис. 1/17). Decorated bangles are also known; they are considered to adorn the upper arm or leg and are spread mainly in northeastern Transylvania up until phase HaB_1 (Hänsel 2005, 290).

As for the *bracelet with decoration*, copies with similar ornamental styling are known in several bronze hoards (Rusu 1966, 31, pl. 1/a-b; Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 20/B12, 21/35, 34/C1, 41/B16, 159/B13; Dergacev 2002, Taf. 39/8-9; Дергачев 2012, 159, илл. IV/2 etc.) and are dated with Br D. Bracelets with identical decoration as the artifact from Haragîş were also found in hoards from Băleni (Dragomir 1967, fig. 3/1) and Domăneşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 46/12a, 14a).

The ***hairpin*** is a piece of particular importance not only by morphological and stylistic criteria but also because it is the first piece of this type discovered to the east of Hungary's borders. The piece seems to be of Western origin as shown by analogies in Moravia (Říhovský 1979, Nr. 561-562, ca Ha A_1), Hungary (Říhovský 1983, Taf. 7/92-103; Mozsolics 1985, Taf. 259/11, ca Ha B) and Slovakia (Novotná 1980, Taf. 22/502-503, ca Br D). It is worth mentioning that we do not refer to perfect analogies, which are impossible to find because of the rather small or low-quality drawings which don't show very clearly the ornament. A similar hairpin, except for the bitronconical shape of the head, was discovered in Switzerland, currently preserved in the collections of the Archäologisches Museum from Hamburg (Heynowski 2014, 30, photo 6.8.1). All currently available data on this type of hairpin makes possible to date this artifact with Br D - Ha A[2].

The ***earring*** is similar in shape to a bracelet with open ends. But the small diameter and thin wire from which it is made indicates to its use as an adornment for ear. No analogies are known for this piece on the territory of the Republic of Moldova, while in Romania the only artifact similar in shape and size comes from the Tăut hoard dated with Br D (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 131, Taf. 159/A10).

With regard to the ***piece with uncertain utility***, taking into account the morphological and metrological criteria, we assume it could represent a fragment of an adornment and not a tool or weapon.

Bronze ingots are known in other bronze hoards, ranging from a few to dozens of pieces (Petrescu-Dîmboviţa 1978, Taf. 20/B13-14, 42/11-13, 80/A18-24, 209/A; Ciugudean, Luca, Georgescu 2010, pl. XII; Дергачев 2012, 159, илл. III/27-31 etc.).

[2] We express our gratitude to dr. Tudor Soroceanu for his help in identifying analogies and dating this hairpin.

Some bronze artifacts found in this hoard are specific to the Br D period (hook sickles), others are dated starting with Br D and continue in Ha A1 (knob sickles, bangle bracelets). Taking into account all the above mentioned information, we consider reasonable to date the Haragîş hoard with Br D, with cultural identification to the Noua-Sabatinovka communities.

Bibliography

Bobi 1981: V. Bobi, Descoperiri arheologice din epoca bronzului în judeţul Vrancea. Vrancea. Studii şi cercetări IV, 1981, 47-77.

Bočkarev, Leskov 1980: V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung-cund spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Prähistorische Bronzefunde, XIX/1 (München 1980).

Ciugudean, Luca, Georgescu 2010: H. Ciugudean, S.A. Luca, A. Georgescu, Depozite de bronzuri preistorice din colecţia Brukenthal (II) (Sibiu 2010).

Cogâltan, Sava 2014: F. Cogâltan, V. Sava, Depozitul de bronzuri de la Lipova, jud. Arad, în Terra Seus. Acta Musei Sabesiensis 6, 2014, 183-209.

Dergacev 1991: V. Dergacev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu, raionul Hânceşti (R. Moldova). Thraco-Dacica XII/1-2, 1991, 39-55.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen. Metallfunde aus Moldavien (Stuttgart: Franz Steiner Verlag 2002).

Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni în sudul Moldovei. Danubius I, 1967, 90-113.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Hänsel 2005: A. Hänsel, Un depozit de bronzuri din Ţinutul Sucevei. In: T. Soroceanu, Bronzefunde aus Rumänien II/Descoperiri de bronzuri din România (Cluj-Napoca 2005), 285-299.

Heynowski 2014: R. Heynovski, Nadeln erkennen-bestimmen-bescreiben (München 2014).

Hüttel 1981: H.G. Hüttel, Bronzzeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa. Prähistorische Bronzefunde, XVI/2 (München 1981).

Ignat 2000: M. Ignat, Metalurgia în epoca bronzului şi prima epocă a fierului din podişul Sucevei (Suceava 2000).

Matveev, Vornic 2018: S. Matveev, V. Vornic, Cercetări arheologice de salvare la Călmăţui (r-nul Hînceşti). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2017 (Chişinău 2018), 63-65.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii, I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Mozsolics 1985: A. Mozsolics, Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. In: Bronzefunde aus Ungarn (Budapest 1985).

Niculică 2015: B.P. Niculică, Epoca bronzului în podişul Sucevei (Suceava 2015).

Novotná 1980: M. Novotná, Die Nadeln in der Slowakei. Prähistorische Bronzefunde XIII/6 (München 1980).

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien. Prähistorische Bronzefunde, XVIII/1 (München 1978).

Říhovský 1979: J. Říhovský, Die Nadeln in Mähren und im Ostalpenland: Von der mittleren Bronzezeit bis zur älteren Eisenzeit. Prähistorische Bronzefunde, XIII/5 (München 1979).

Říhovský 1983: J. Říhovský, Die Nadeln in Westungarn, I. Prähistorische Bronzefunde XIII/10 (München 1983).

Rusu 1966: M. Rusu, Depozitul de bronzuri de la Balşa. Sargetia IV, 1966, 17-39.

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Depozitul din perioada tardivă a epocii bronzului descoperit în împrejurimile comunei Antoneşti, raionul Cantemir, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 205-218.

Sîrbu 2014: M. Sîrbu, Piese de bronz descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 185-203.

Soroceanu 1995: T. Soroceanu, Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen – Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 15-81.

Soroceanu 2016: T. Soroceanu, Der Bronzefunde von Jabeniţa (Görgénysóakna), Kr. Mureş, Siebenbürgen. In: Mensch, Kultur und gesellschaft von der Kupferyeit bis Frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu ehren zum 60. Gerburtstag von Eugen Sava (Chişinău 2016), 163-180.

Vulpe, Căpitanu 1995: A. Vulpe, V. Căpitanu, Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacău in der Moldau. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 337-245.

Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Новые находки металлических предметов эпохи поздней бронзы на территории Молдавии. В сб.: АИМ в 1977-1978 гг. (Кишинев 1982), 129-137.

Дергачев 2012: В. Дергачев, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 154-160.

Дергачев, Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноуа на землях України (Львів 2006).

Лысенко 2015: С.Д. Лысенко, К вопросу о культурной принадлежности Гордеевсого могильника. Stratum plus 2, 2015, 207-230.

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII - середина VII в. до н. э.). В сб.: Древние фракийцы в северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Суботін, Черняков 1982: Л.В. Суботін, І.Е. Черняков, Новотроянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи. Археологія 39, 1982, 5-23.

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шарафутдінова 1971: І.Н. Шарафутдінова, Бронзові серпи Північно-Західного Причорномор'я (кінець II - початок I тисячоліття до н.е.). Археологія 1, 1971, 26-43.

Шарафутдинова 1987: И.Н. Шарафутдинова, Бронзовые украшения сабатиновской культуры. В сб.: Межплеменные связи эпохи поздней бронзы на территории Украины (Киев 1987), 69-86.

Depozitul de bronzuri descoperit în apropierea satului Haragîş (r-nul Cantemir)

Cuvinte-cheie: depozit de bronzuri, unelte, piese de podoabă, materie primă, perioada târzie a epocii bronzului.

Rezumat: În primăvara anului 2017, graţie realizării pe teritoriul masivului forestier de la nord de satul Haragîs (r-nul Cantemir) a unor lucrări topografice, a fost descoperit un depozit de obiecte de bronz. S-a constatat că descoperirea a fost făcută la 2,5 km NNV de marginea nordică a localităţii, pe panta estică a unui promontoriu, la altitudinea de 260 m. În locul identificării depozitului indicat de către descoperitor, specialiştii de la Agenţia Naţională Arheologică au săpat un sondaj de 2×2 m, însă cu regret nu a fost sesizat conturul gropii depozitului. Din informaţia oferită de descoperitor, reiese că obiectele din bronz erau depuse compact în câteva straturi, lingourile (cinci exemplare) aflându-se la o adâncime mai mare, deasupra lor fiind plasate şapte seceri, apoi trei brăţări şi un ac. Alte patru seceri au fost depuse deasupra brăţărilor, iar între ele se găseau patru fragmente de seceri, o aplică şi un cercel.

În total, depozitul este compus din 26 de piese. Tipologic, acesta face parte din categoria depozitelor cu asocieri complexe, conţinând trei categorii funcţionale – unelte, podoabe/piese de port şi materie primă. Uneltele sunt reprezentate în exclusivitate de seceri, dintre care 13 cu cârlig la mâner (nouă întregi, una cu defect de turnare pe lamă şi alte trei în stare fragmentară) şi un fragment de seceră cu limbă la mâner. Categoria pieselor de podoabă/port cuprinde trei brăţări, o aplică, un cercel şi un ac de păr. Depozitul mai conţine un fragment de piesă cu utilitate incertă şi cinci fragmente de lingouri de bronz. Depozitul de bronzuri de la Haragîş se datează în BrD şi poate fi atribuit comunităţilor culturilor Noua-Sabatinovka.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Depozitul de bronzuri de la Haragîş. Localizarea geografică şi topografică.

Fig. 2. Depozitul de bronzuri de la Haragîş. Seceri de tip Ghermăneşti.

Fig. 3. Depozitul de bronzuri de la Haragîş. 1-4 - Seceri de tip Ghermăneşti; 5 - fragment de seceră de tip Ruginoasa; 6 - fragment de seceră cu limbă la mâner, varianta Pécs.

Fig. 4. Depozitul de bronzuri de la Haragîş. 1-2 - Seceri de tip Ruginoasa; 3-4 - seceri de tip Ilişeni.

Fig. 5. Depozitul de bronzuri de la Haragîş. 1 - Cercel; 2 - aplică; 3 - fragment de piesă cu utilitate incertă; 4 - ac de păr; 5-7 - brăţări.

Клад бронзовых изделий, обнаруженный у села Харагыш (Кантемирский район)

Ключевые слова: клад бронзовых изделий, орудия труда, украшения, сырье, период поздней бронзы.

Резюме: Весной 2017 года вследствие проведения топографических работ на территории лесного массива к северу от села Харагыш Кантемирского района был обнаружен клад бронзовых изделий. Установлено, что открытие было сделано в 2,5 км на северо-северо-запад от северной окраины населенного пункта, на восточном склоне мыса, имеющий абсолютную высоту 260 м. На месте обнаружения клада, указанном находчиком, специалисты Национального археологического агентства выкопали шурф 2×2 м, но, к сожалению, контур ямы не был прослежен. По информации, предоставленной находчиком, бронзовые предметы были компактно уложены в несколько слоев, причем глубже всего лежали слитки (пять экземпляров), а над ними были помещены семь серпов, затем три браслета и головная шпилька. Четыре других серпа были уложены поверх браслетов, а между ними находились четыре фрагмента серпов, накладка и серьга.

Всего в составе клада было 26 предметов. По типу он относится к смешанным кладам, так как содержал изделия трех функциональных категорий: орудия труда, украшения и сырье. Орудия труда представлены исключительно серпами, из которых 13 с крючком на черенке (девять целых, один с дефектом литья на лезвии и три фрагментарных) и один фрагмент серпа с язычком на черенке. Категория украшений включает в себя три браслета, накладку, серьгу и головную шпильку. Клад также содержит фрагмент предмета неясного назначения и пять фрагментов бронзовых слитков. Клад бронзовых изделий из Харагыша датируется периодом BrD и может быть отнесен к общностям культур комплекса Ноуа-Сабатиновка.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Клад бронзовых изделий из Харагыша. Географическое и топографическое положение.

Рис. 2. Клад бронзовых изделий из Харагыша. Серпы типа Гермэнешть.

Рис. 3. Клад бронзовых изделий из Харагыша. 1-4 - Серпы типа Гермэнешть; 5 - фрагмент серпа типа Руджиноаса; 6 - фрагмент серпа с язычком на черенке, вариант Печ.

Рис. 4. Клад бронзовых изделий из Харагыша. 1-2 - Серпы типа Руджиноаса; 3-4 - серпы типа Илишень.

Рис. 5. Клад бронзовых изделий из Харагыша. 1 - Серьга; 2 - накладка; 3 - фрагмент предмета неясного назначения; 4 - головная шпилька; 5-7 - браслеты.

15.04.2019

Mariana Sîrbu, National Museum of History of Moldova, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-1537-7375, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

Sergiu Popovici, National Archaeological Agency, str. Mihai Eminescu, 50, MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: sergiupopovici1986@gmail.com

Dr. Vlad Vornic, National Archaeological Agency, str. Mihai Eminescu, 50, MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

ANALIZA RESTURILOR FAUNISTICE PROVENITE DIN AŞEZAREA DIN PRIMA EPOCĂ A FIERULUI DE LA ENISALA-*PALANCA* (comuna Sarichioi, judeţul Tulcea, sud-estul României)

Margareta Simina Stanc
Daniel Ioan Malaxa
Sorin-Cristian Ailincăi

Cuvinte-cheie: prima epocă a fierului; cultura Babadag; arheozoologie, creşterea animalelor, vânătoare.

Introducere

Situl de la Enisala-*Palanca*, com. Sarichioi, jud. Tulcea (fig. 1) este cunoscut în literatura de specialitate încă din anii '70, când în urma unor sondaje, Sebastian Morintz publica sumar câteva date despre vestigiile preistorice (Morintz, Anghelescu 1970, 403). Cercetările arheologice preventive ce au urmat în 1979, 1986, 2003-2006, 2010 şi 2013 (fig. 2) au evidenţiat existenţa în acest sit a unei locuiri eneolitice atribuite culturii Gumelniţa şi a uneia destul de extinse din perioada timpurie a epocii fierului (cultura Babadag). La fel de numeroase sunt şi vestigiile lăsate de un sat şi un cimitir din perioada medievală (sec. XIV-XV) (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1980; Jugănaru et al. 2004, 118-119; Jugănaru et al. 2007, 145-146; Ailincăi, Constantinescu 2008; Ailincăi et al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015; Ailincăi 2015; Siena et al. 2018).

Prezentul articol este dedicat analizei resturilor faunistice provenite exclusiv din contexte datate în perioada timpurie a epocii fierului, atribuite culturii Babadag (sec. IX a. Chr.). Acestea provin din campaniile arheologice mai recente, care reprezintă şi cele mai ample investigaţii în situl de la Enisala-*Palanca*. Astfel, în cei peste 6000 m² investigaţi, au fost înregistrate peste 260 complexe atribuite culturii Babadag, gropi (cu diverse utilizări) şi locuinţe de tip bordei.

Prezentarea metodei de lucru

Resturile faunistice colectate în cursul campaniilor arheologice derulate la Enisala-*Palanca* sunt reprezentate de oase, dinţi, coarne şi cochilii care s-au păstrat în sediment. Metodologia standard de cercetare arheozoologică cuprinde mai multe etape: recoltarea şi pregătirea materialului pentru analiză, identificarea anatomică, taxonomică şi tafonomică; aceste tipuri de analize au permis cuantificarea resturilor care compun eşantionul, în vederea evaluării frecvenţelor relative ale speciilor identificate. Estimarea vârstei de sacrificare a diferitelor animale este importantă pentru înţelegerea modului de gospodărire a principalelor specii de mamifere şi se bazează pe stadiul de dezvoltare a diferitelor oase şi pe înlocuirea dentiţiei temporare cu cea definitivă, iar la mamiferele la care s-a realizat această înlocuire, prin observarea gradului de uzură a dentiţiei definitive (Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999).

Descrierea materialului faunistic

Resturile faunistice identificate sunt indicatoare ale activităţilor de creştere a animalelor (mamifere domestice şi găini), vânătoare, pescuit şi culesul moluştelor (scoici şi melci).

Din situl Enisala-*Palanca* în perioada 2000-2013 au fost adunate 3591 resturi faunistice. Cele mai multe dintre ele (2674 resturi) provin din campania arheologică derulată în anul 2013. Aceste fragmente reprezintă resturi menajere, ele purtând urme antropice (arsură, tranşare, dezarticulare); unele fragmente au urme lăsate de colţii carnivorelor (au fost roase de câinii din aşezare). Aceste resturi au fost atribuite la cinci grupe faunistice: moluşte, peşti, reptile (broaşte ţestoase), păsări şi mamifere. Cele mai multe resturi aparţin peştilor (40,69%) şi mamiferelor (56,86%), celelalte trei grupe faunistice fiind foarte slab reprezentate (sub 1% fiecare). Se remarcă proporţia ridicată a resturilor de peşte, fiind identificate resturi care

Fig. 1. Harta cu siturile citate în text.

provin de la sturioni, crap, somn, plătică, ştiucă, şalău, biban, lin. Cu siguranţă se pescuia în lacul din apropierea aşezării.

Pentru moluşte s-au identificat 11 valve de *Unio* sp. (scoica de râu), 21 cochilii de *Helix* sp. (melcul de grădină) şi o valvă de *Cardium* sp. (bivalvă marină).

Resturile atribuite reptilelor sunt fragmente de carapace şi plastron de la broaşte ţestoase; despre acestea nu ştim dacă erau folosite în alimentaţie.

De la păsări provin 26 fragmente osoase şi patru dintre ele aparţin găinii.

Cea mai mare parte din resturile faunistice aparţin grupului mamiferelor (56,8%). Din totalul de 2042 fragmente, 684 nu au fost identificate până la nivel de specie, din cauza fragmentării lor puternice. Acestea sunt fragmente de oase lungi, late, craniu, coaste, care au fost atribuite la două grupe (mamifere de talie mijlocie şi mamifere de talie mare).

Resturile de la mamiferele domestice reprezintă 89,18% din totalul celor identificate pentru mamifere. Au fost identificate şapte specii (Tabelul 2) şi proporţia cea mai ridicată o au bovina domestică (37,48%) şi ovicaprinele (26,14%). Porcul, calul şi câinele au ponderi de sub 10% fiecare. Pentru măgar a fost identificat un singur rest.

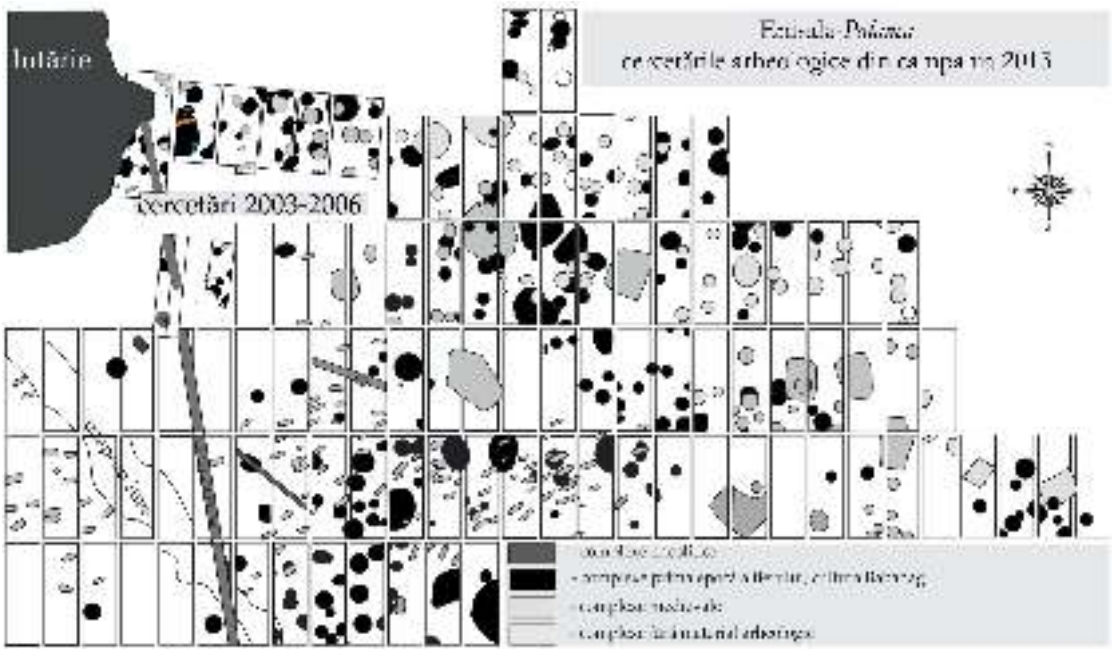
Resturile de mamifere sălbatice reprezintă numai 10,82% din totalul celor atribuite mamiferelor. Speciile identificate sunt în număr de şapte, iar cerbul (5,01%), mistreţul (2,14%) şi iepurele de câmp (2,36%) au cea mai bună reprezentare în cadrul mamiferelor sălbatice. Căpriorul, castorul, ursul şi vulpea reprezintă, fiecare în parte, mai puţin de 1% din totalul mamiferelor identificate specific.

Tabelul 1

Grupe faunistice identificate (NR-număr resturi)

Grup faunistic	NR
Moluşte	33
Peşti	1461
Reptile	29
Păsări	26
Mamifere	2042
Total eşantion	3591

1



2

3

Fig. 2. Enisala-*Palanca*. 1 - Imagine de ansamblu asupra sitului; 2 - planul cercetărilor din campania 2013; 3 - imagine dinspre est.

Tabelul 2

Cuantificarea resturilor de mamifere

Specie	Denumire populară	NR	%
Bos taurus	Bovină domestică	509	37,48
Ovis aries/Capra hircus	Oaie/Capră	355	26,14
Sus domesticus	Porc	121	8,91
Equus caballus	Cal	126	9,28
Canis familiaris	Câine	99	7,29
Equus asinus	Măgar	1	0,07
Mamifere domestice		**1211**	**89,18**
Cervus elaphus	Cerb	68	5,01
Sus scrofa	Mistreţ	29	2,14
Capreolus capreolus	Căprior	10	0,74
Lepus europaeus	Iepure de câmp	32	2,36
Ursus arctos	Urs	2	0,15
Castor fiber	Castor	4	0,29
Vulpes vulpes	Vulpe	2	0,15
Mamifere sălbatice		**147**	**10,82**
Total mamifere identificate specific		**1358**	**100,00**
Mamifere neidentificate specific		684	-
Total mamifere		2042	-

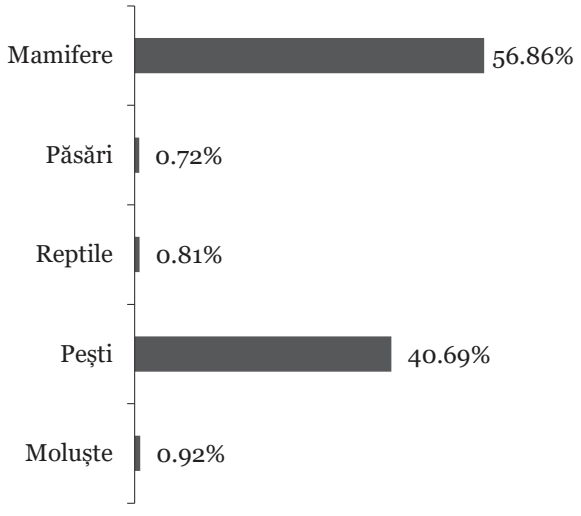


Fig. 3. Repartiţia procentuală pe grupe faunistice identificate.

Comparaţia cu situri contemporane

Recent am publicat un studiu referitor la siturile din perioada timpurie a fierului (sec. X-IX a. Chr.) identificate în zona lacului Babadag (Ailincăi et al. 2019). Cu această ocazie atrăgeam atenţia asupra unicităţii sitului fortificat de la Babadag şi a sistemului de exploatare a teritoriului dezvoltat în jurul acestuia. Locuirea de la *Palanca*, precum şi toate cele identificate în apropiere, trebuie privită în directă legătură cu exploatarea resurselor. Din acest punct de vedere, analizele interdisciplinare pot juca un rol important în deslușirea modului de organizare a comunităţilor umane din zona Babadag-Enisala, la începutul mileniului I a. Chr.

Importanţa unor studii interdisciplinare în arheologie abia dacă mai trebuie subliniată. Nu cu mult timp în urmă deplângeam lipsa acestora în siturile atribuite culturii Babadag (Ailincăi 2013). Din punct de vedere al studiului faunei există o serie de studii referitoare la siturile de la Rasova-*Malul Roşu* (Vasilescu-Ureche, Haimovici 1976), Revărsarea-*Dealul Tichileşti*, Teliţa-*Amza* (Haimovici, Bodi 2003), Babadag (Haimovici 2008), Niculiţel-*Cornet*, Jurilovca-*Capul Dolojman* (Radu 2005) sau Satu Nou-*Valea lui Voicu*

Fig. 4. Situri arheologice atribuite culturii Babadag, identificate în jurul lacului cu acelaşi nume: 1 - Babadag-*Cetăţuie*; 2 - Babadag-*Răţărie*; 3 - Enisala-*Cetatea medievală*; 4 - Enisala-*Fermă*; 5 - Enisala-*Palanca*; 6 - Sarichioi-*La Bursuci*; 7 - Sarichioi-*La grădini*; 8 - Sălcioara-*Călugăra*; 9 - Visterna.

(Bălăşescu et al. 2015). În linii mari acestea arată rolul important al creşterii animalelor, mai ales al cornutelor mari, dar şi a ovicaprinelor şi suinelor, în vreme ce pescuitul şi vânătoarea au avut o importanţă mult mai redusă.

Din acest punct de vedere, situl de la Enisala-*Palanca* păstrează în linii mari aceeaşi ierarhie a speciilor de mamifere domestice şi sălbatice, însă iese în evidenţă prin procentul mare de resturi de peşti (40,69%). La Babadag, peştii nu depăşesc 8% din fauna analizată, rolul scăzut al peştelui în alimentaţie fiind observat şi în siturile Revărsarea, Rasova, Teliţa sau Satu Nou. Un alt lot cu o proporţie mare de peşte este cel de la Niculiţel-*Cornet* (Stanc, Radu 2013), din nordul Dobrogei (fig. 5). Mai putem remarca prezenţa speciilor de peşti care trăiesc în apă dulce/salmastră şi absenţa, ca şi în resturile faunistice de la Jurilovca-*Capul Dolojman* (Radu 2006) a peştilor exclusiv marini. Această observaţie poate indica probabil faptul că comunităţile Babadag nu exploatau decât resursele din imediata apropiere (mici râuri, bălţi şi zona costieră a actualului lac Razelm) şi foloseau în mică măsură sau chiar deloc resursele marine.

În privinţa mamiferelor se poate observa că cele domestice predomină în toate siturile analizate, în timp ce vânatul reprezintă în jur de 10% din totalul mamiferelor (fig. 6). Speciile de mamifere sunt aceleaşi atât în situl de la Enisala, cât şi la Babadag, aproximativ în aceeaşi pondere (fig. 7).

Concluzii

Pescuitul şi creşterea animalelor erau ocupaţii importante pentru populaţia de la Enisala. Acest lucru este indicat de proporţia ridicată pe care o au în eşantion resturile de la peşti şi mamifere domestice în eşantionul luat în studiu. Ponderea resturilor de la mamiferele domestice este 89%, iar a resturilor de la mamiferele sălbatice de numai 11%. Au fost identificate şapte specii de mamifere domestice, iar ponderea cea mai ridicată o are vita domestică, urmată de ovicaprine. S-au identificat şi şapte specii de mamifere sălbatice, ponderea cea mai crescută având-o cerbul, iepurele de câmp şi mistreţul. Speciile identificate sunt indicatoare pentru biotopurile de pădure (cerb, mistreţ, urs), lizieră (căprior, iepure de câmp) şi acvatic (castor). Studiul vârstelor de sacrificare la principalele specii de mamifere domestice indică exploatarea mixtă (pentru produse secundare şi

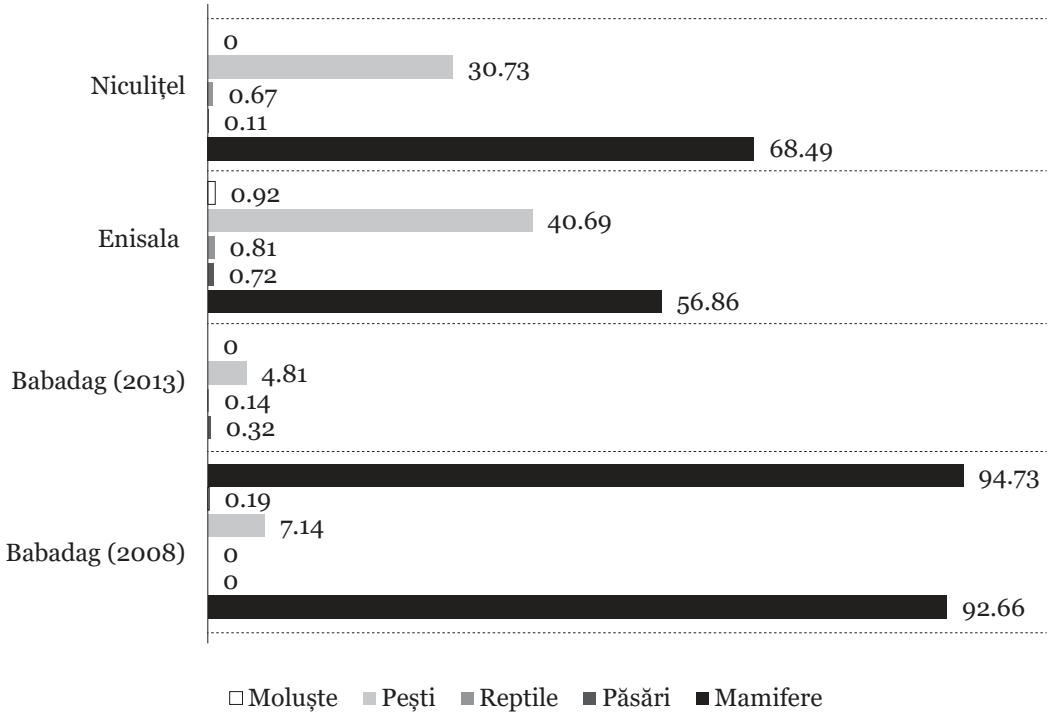


Fig. 5. Procentajele resturilor faunistice pe grupe taxonomice (% NR).

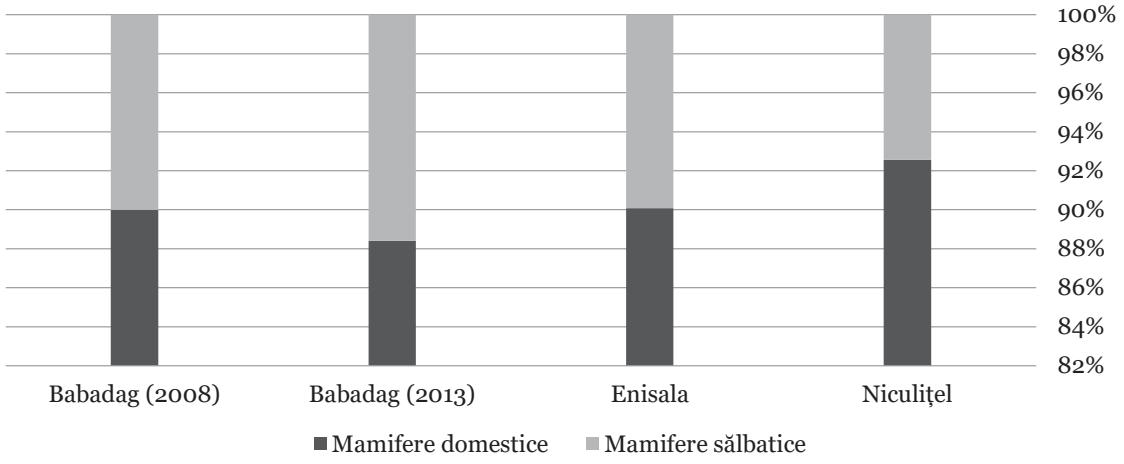


Fig. 6. Distribuţia procentajelor mamiferelor domestice şi sălbatice în siturile de la Babadag, Enisala şi Niculiţel (% NR).

în final pentru cele primare) în cazul vitei domestice şi al ovicaprinelor; în cazul porcului domestic, predominau exemplarele sacrificate la vârste imature, exploatarea acestei specii fiind pentru produsele primare.

Mulţumiri

Cercetarea s-a desfăşurat în cadrul unui grant oferit de Ministerul Cercetării şi Inovării din România – CNCS-UEFISCDI proiect numărul PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852 (în PNCDI III).

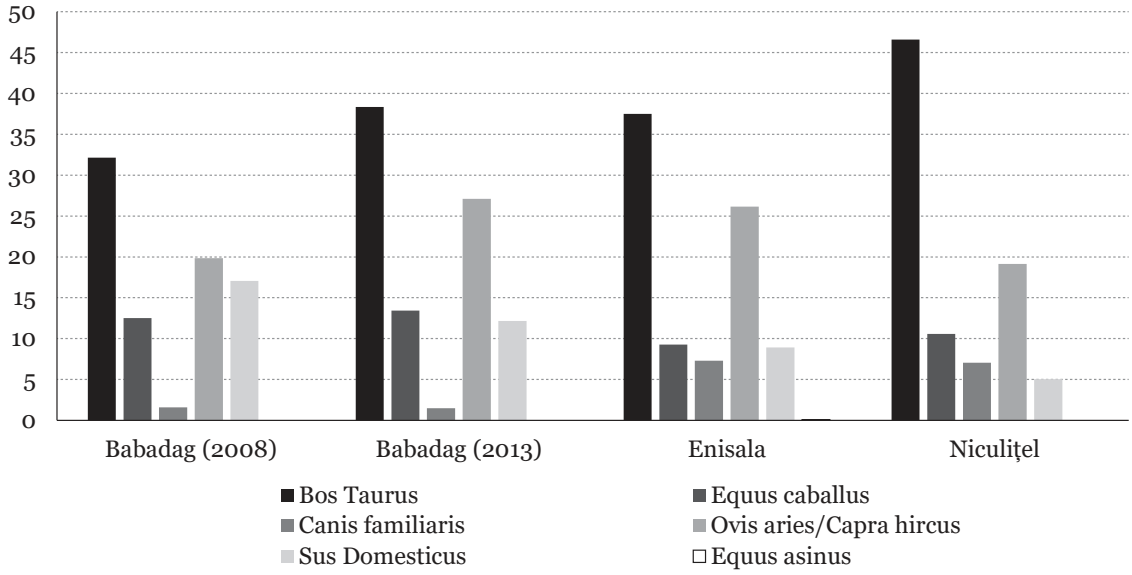


Fig. 7. Distribuţia procentuală a resturilor de mamifere domestice în siturile de la Babadag, Enisala şi Niculiţel (% NR).

Bibliografie

Ailincăi 2013: S.C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64/3-4, 2013, 223-292.

Ailincăi 2015: S.C. Ailincăi, Trăind cu morţii. Înmormântări în aşezări de la începutul epocii fierului între Carpaţi, Tisa şi Nistru (Cluj-Napoca 2015).

Ailincăi, Constantinescu 2008: S.C. Ailincăi, M. Constantinescu, O groapă cu oseminte umane descoperită în aşezarea culturii Babadag de la Enisala-*Palanca*. In: (Eds. S.C. Ailincăi, C. Micu, F. Mihail) Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare (Tulcea 2008), 121-131.

Ailincăi, Constantinescu 2015: S.C. Ailincăi, M. Constantinescu, Living with the dead. Burials in Early Iron Age settlement at Enisala-Palanca, Tulcea county (South-Eastern Romania). Sprawozdania Archeologiczne 67, 2015, 221-244.

Ailincăi et al. 2011: S.C. Ailincăi, G. Jugănaru, A. Ţârlea, F. Mihail, M. Vernescu, A. Ailincăi, Noi date referitoare la aşezarea culturii Babadag de la Enisala-Palanca, com. Sarichioi, jud. Tulcea. Cercetările arheologice din perioada 2003-2006. Revista Arheologică s.n. 7/1-2, 2011, 157-199.

Ailincăi et al. 2013: S.C. Ailincăi, F. Mihail, M. Constantinescu, Aşezarea din prima epocă a fierului de la Enisala–Palanca. Cercetările arheologice din 2010. In: (Eds. S.C. Ailincăi, A. Ţârlea, C. Micu) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor de la Babadag (1962-2012). Actele conferinţei „Lower Danube Prehistory. 50 Years of Excavations at Babadag, Tulcea, September 20th-22th (Brăila 2013), 387-460.

Ailincăi et al. 2019: S.C. Ailincăi, A. Adamescu, F. Mihail, C. Micu, A. Ţârlea, A.D. Stănică, Despre locuirile umane de la începutul mileniului I a. Chr. în zona lacului Babadag. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ) Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danibiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis (Chişinău 2019), 163-186.

Bălăşescu et al. 2015: A. Bălăşescu, V. Radu, M. Constantinescu, S.C. Ailincăi, Animal exploitation in Babadag culture. Satu Nou–Valea lui Voicu site (Oltina, Constanţa county). Dacia S.N. 59, 2015, 227-240.

Haimovici 2008: S. Haimovici, Studiul materialului arheozoologic din aşezarea hallstattiană de la Babadag. Peuce S.N. 6, 2008, 149-164.

Haimovici, Bodi 2003: S. Haimovici, G. Bodi, Studiul paleofaunei descoperită în trei situri hallstattiene din nordul Dobrogei. Peuce S.N. 1, 2003, 477-476.

Jugănaru et al. 2004: G. Jugănaru, S. Ailincăi, A. Stănică, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea, punct Palanca. In: Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 2003 (Bucureşti 2004), 118-119.

Jugănaru et al. 2007: G. Jugănaru, S. Ailincăi, A.C. Ţârlea, M. Vernescu, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea, punct Palanca. In: Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 2006 (Bucureşti 2007), 145-146.

Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1980: E. Lăzurcă, Gh. Mănucu-Adameşteanu, Noi descoperiri arheologice la Enisala, jud. Tulcea. Materiale, 1980, 146-156.

Morintz, Anghelescu, 1970: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21/3, 1970, 333-415.

Radu 2006: V. Radu, Study of the faunal material from a pit with human bones (Babadag culture) discovered in precolonial level at Orgame. In: (Ed. M. Mănucu-Adameşteanu) A la recherche d'une colonie. Actes du Colloque International. 40 ans de recherche archéologiques à Orgamé/Argamum (Bucureşti 2006), 109-114.

Siena et al. 2018: S. Siena, M. Mairo, M. Constantinescu, A. Soficaru, Necropola medievală de la Enisala-Palanca. Raport antropologic. Peuce S.N. 16, 2018, 355-370.

Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999: M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrişcu, Introducere în arheozoologie (Iaşi 1999).

Vasilescu-Ureche, Haimovici 1976: R. Vasilescu-Ureche, S. Haimovici, Studiu preliminar al materialului faunistic din aşezarea hallstattiană de la Rasova-Malul Roşu. Pontica 9, 1976, 29-36.

The analysis of faunal remains in Early Iron Age settlement at Enisala-*Palanca* (Sarichioi Commune, Tulcea County, South-Eastern Romania)

Keywords: Early Iron Age, Babadag Culture, archaeozoology, animal husbandry, hunting.

Abstract: The site from Enisala-*Palanca* has been known in the specialized literature since the 1970s. Archaeological researches have revealed the existence of several living horizons dating from the Eneolithic (Gumelniţa Culture), the Early Iron Age (Babadag Culture) and the Medieval Period (14th-15th centuries), a period from which also dates an inhumation necropolis. This article is dedicated to the analysis of faunal remains coming from contexts attributed to the Babadag Culture (9th century BC). The collected faunal remains are numerous (3591) and coming from molluscs, fish, turtles, birds and mammals. There have been identified fragments coming from domestic mammals (1211 fragments attributed to seven species) and wild mammals (147 fragments attributed to seven species).

List of illustrations:

Fig. 1. Map with sites cited in the text.

Fig. 2. Enisala-*Palanca*. 1 - Site overview; 2 - the research plan of the 2013 archaeological campaign; 3 - image from the east.

Fig. 3. Percentage distribution by faunal identified groups.

Fig. 4. Archaeological sites attributed to Babadag Culture, identified around the lake with the same name: 1 - Babadag-*Cetăţuie*; 2 - Babadag-*Răţărie*; 3 - Enisala-*Cetatea medievală*; 4 - Enisala-*Fermă*; 5 - Enisala-*Palanca*; 6 - Sarichioi-*La Bursuci*; 7 - Sarichioi-*La grădini*; 8 - Sălcioara-*Călugăra*; 9 - Visterna.

Fig. 5. Percentages of faunal remains by taxonomic groups (% NR).

Fig. 6. Distribution of percentages for domestic and wild mammals in the sites at Babadag, Enisala and Niculiţel (% NR).

Fig. 7. Percentage distribution of domestic mammal remains in the sites at Babadag, Enisala and Niculiţel (% NR).

Table 1. Faunal groups identified (NR-number of remains).

Table 2. Quantification of the mammals remains.

Анализ фаунистических остатков с поселения раннего железного века Енисала «Паланка» (с. Сарикиой, уезд Тулча, на юго-востоке Румынии)

Ключевые слова: ранний железный век, культура Бабадаг, археозоология, животноводство, охота.

Резюме: Археологический памятник Енисала «Паланка» упоминался в специализированной литературе с 1970-х годов. В результате проводившихся здесь археологических исследований было выявлено наличие нескольких горизонтов, относящихся к энеолиту (культура Гумельница), раннему железному веку (культура Бабадаг) и средневековому периоду (XIV-XV вв.), к которому принадлежит также некрополь с захоронениями по обряду ингумации. Данная статья посвящена анализу фауны из слоев, относящихся к культуре Бабадаг (IX век до н.э.). Собранные фаунистические остатки многочисленны (3591) и принадлежат моллюскам, рыбам, черепахам, птицам и млекопитающим. Были обнаружены фрагменты скелетов домашних (1211 фрагментов, относящихся к семи видам) и диких (147 фрагментов, относящихся к семи видам) животных.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта упомянутых в тексте памятников.

Рис. 2. Енисала-*Паланка*. 1 - Общий вид памятника; 2 - план раскопок 2013 г.; 3 - вид с востока.

Рис. 3. Процентное распределение фаунистических остатков по группам.

Рис. 4. Археологические памятники культуры Бабадаг, обнаруженные вокруг одноименного озера: 1 - Бабадаг-*Четэцуе*; 2 - Бабадаг-*Рэцэрие*; 3 - Енисала-*Средневековая крепость*; 4 - Енисала-*Ферма*; 5 - Енисала-*Паланка*; 6 - Сарикиой-*Ла Бурсучь*; 7 - Сарикиой-*Ла Грэдинь*; 8 - Сэлчиоара-*Кэлугэра*; 9 - Вистерна.

Рис. 5. Процентаж фаунистических остатков по таксономическим группам (% NR).

Рис. 6. Процентное распределение домашних и диких животных на памятниках Бабадаг, Енисала и Никулицел (% NR).

Рис. 7. Процентное распределение останков домашних животных на памятниках Бабадаг, Енисала и Никулицел (% NR).

Таблица 1. Выявленные фаунистические группы (NR-количество останков).

Таблица 2. Количественная оценка останков млекопитающих.

01.08.2019

Dr. Margareta Simina Stanc, Facultatea de Biologie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, bd. Carol I, 11, Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0003-2514-9779, e-mail: simina.stanc@uaic.ro

Daniel Ioan Malaxa, Facultatea de Biologie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, bd. Carol I, 11, Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0002-3329-0687, e-mail: danielmalaxa@yahoo.ro

Dr. Sorin-Cristian Ailincăi, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale „Gavrilă Simion”, str. 14 Noiembrie, 1, Tulcea, România, https://orcid.org/0000-0002-6936-1942, e-mail: sailincai@gmail.com

INVESTIGAȚIILE ARHEOLOGICE LA SITUL SAHARNA MARE / „DEALUL MĂNĂSTIRII”, RAIONUL REZINA (2017-2019)*

Ion Niculiță, Aurel Zanoci, Mihail Băț, Victor Dulgher

Cuvinte-cheie: regiunea Nistrului Mijlociu, epoca fierului, cultura Holercani-Hansca, cultura Cozia-Saharna, traco-geți, construcții, gropi, înmormântare în așezare.

Situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” se află la vest de localitatea Saharna, raionul Rezina, Republica Moldova și este amplasat pe un promontoriu de formă quasi-trapezoidală cu suprafața de cca 15 ha și altitudinea de cca 130 m față de nivelul fluviului Nistru (fig. 1). Laturile de nord, est și sud ale promontoriului sunt marcate de două defileuri cu pantele abrupte, ce se unesc în partea de est într-o singură vale, numită de localnici „Valea Crac” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 19).

Primele cercetări arheologice pe sit au fost realizate de către G. Smirnov în anii 1946-1947 (Смирнов 1949, 93-96; Смирнов 1953, 19-30), însumând o suprafață de 734 m². În anii 2001-2014 investigațiile arheologice[1] au fost efectuate de către echipa Laboratorului de Cercetări Științifice „Tracologie” de la Universitatea de Stat din Moldova, fiind cercetată o suprafață de 2530 m² (fig. 2). Ca urmare s-a stabilit că pe promontoriul Saharna Mare s-au perindat mai multe așezări deschise și fortificații, ce se încadrează în intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. XII a. Chr. și sfârșitul sec. III a. Chr. Astfel, în a doua jumătate a sec. XII - sec. XI a. Chr. aici a existat o așezare deschisă, care, conform artefactelor recuperate,

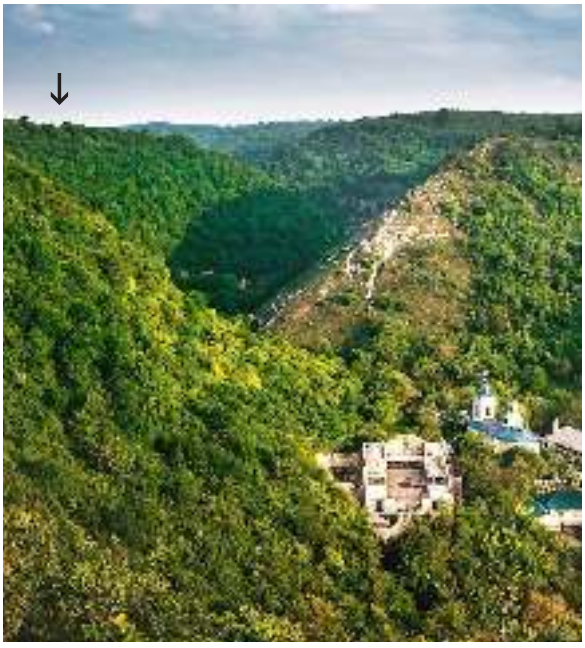


Fig. 1. Amplasarea sitului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (foto de M. Chumash).

a fost atribuită culturii Holercani-Hansca. În secolele următoare (X-IX a. Chr.) pe promontoriu a funcționat o fortificație și o întinsă așezare deschisă în imediata apropiere, ce au aparținut purtătorilor culturii Cozia-Saharna. Pentru sec. VIII-VII a. Chr. au fost descoperite dovezi în favoarea existenței aici a unei așezări caracteristice culturii Basarabi-Șoldănești. Iar în sec. VI-III a. Chr. pe promontoriul Saharna Mare a funcționat o fortificație, atribuită comunităților traco-getice (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 242-248).

Începând cu anul 2017, având la dispoziție harta magnetometrică a sitului (fig. 2), cercetările au avut drept obiectiv investigarea porțiunilor promontoriului, unde au fost identificate anomalii pozitive ce denotă prezența unor structuri arse.

* Cercetarea a fost realizată în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.20F „Centre rezidențiale și așezări rurale din silvostepa pruto-nistreană în mileniul I a. Chr. - prima jumătate a mileniului I p. Chr.”.

[1] Rezultatele acestor investigații și-au găsit reflectare în mai multe articole științifice (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2007, 27-62; Niculiță, Zanoci, Băț 2011, 226-236; Niculiță, Zanoci, Băț 2013, 351-372; Niculiță et al. 2012, 111-167; Niculiță et al. 2013, 219-292; etc.), precum și în două studii monografice (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 51-150, fig. 40-159; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 19-248).

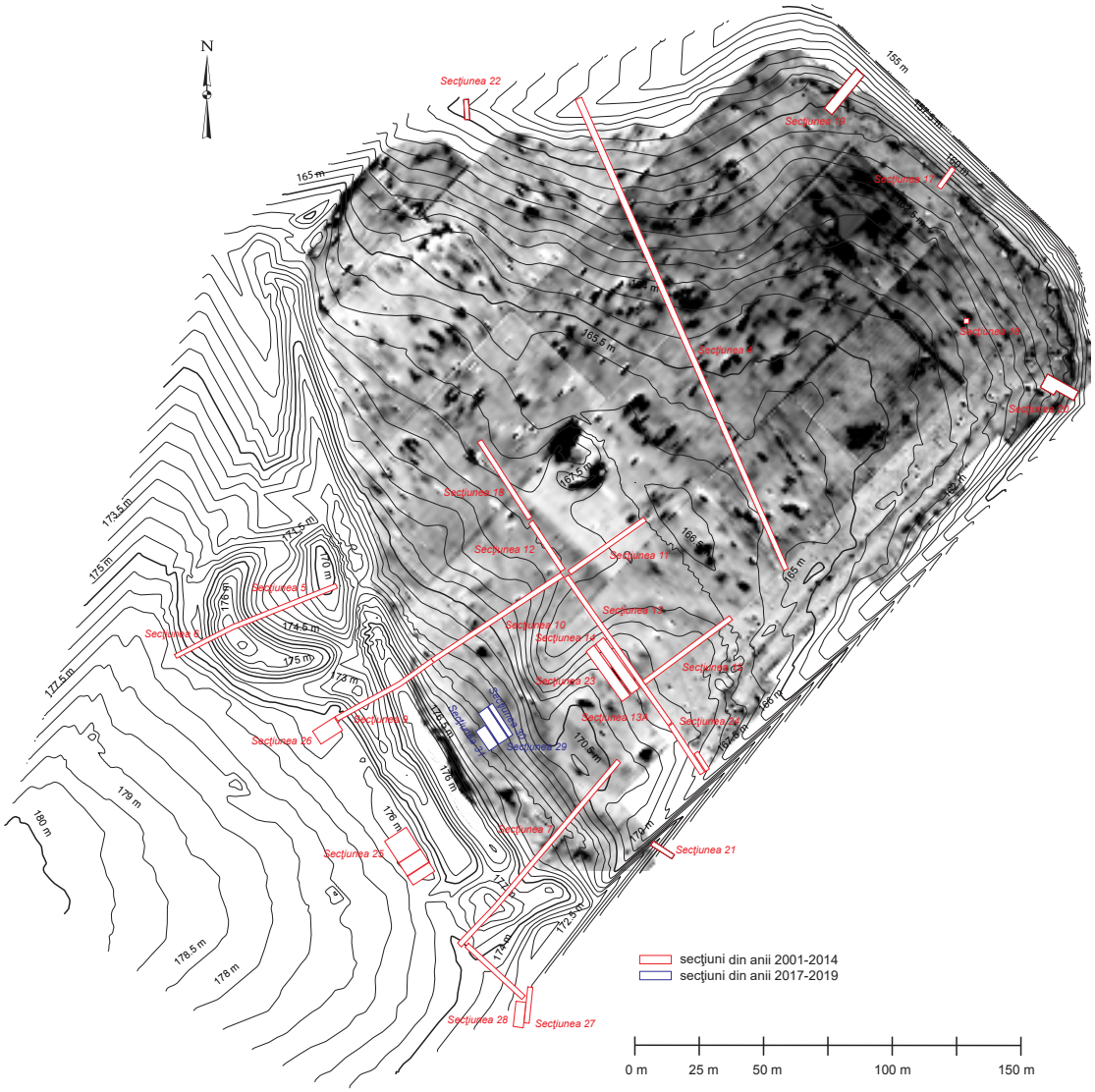


Fig. 2. Planul topografic şi harta magnetometrică a sitului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" cu localizarea secţiunilor din anii 2017-2019.

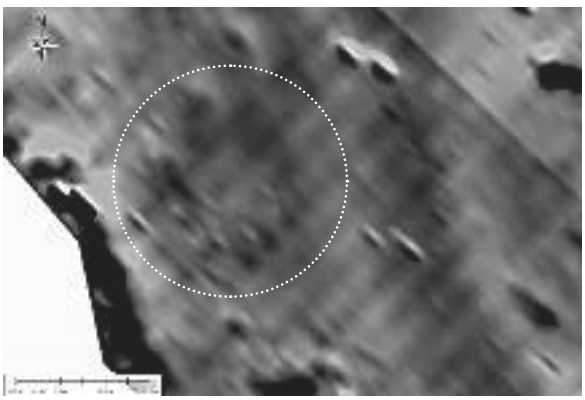


Fig. 3. Extras din harta magnetometrică cu marcarea anomaliei investigate.

Una dintre aceste anomalii a fost atestată în partea de sud-vest a sitului, ea având formă ovală, cu dimensiunile de cca 20×16 m (fig. 3). Cu scopul de a cerceta depunerile arheologice şi a verifica datele magnetometrice, în anii 2017-2019 în spaţiul anomaliei au fost trasate trei secţiuni (fig. 4) cu o suprafaţă totală de 256 m² (Secţiunea 29/2017, cu dimensiunile 32×4 m; Secţiunea 30/2018 – 32×2 m; Secţiunea 31/2019 – 16×4 m).

Ca urmare a investigaţiilor au fost descoperite mai multe structuri arheologice (construcţii, gropi menajere etc.), precum şi un divers şi bogat inventar. Din punct vedere cultural-cronologic acestea aparţin la trei nivele de locuire: Holercani-Hansca, Cozia-Saharna şi traco-getic.

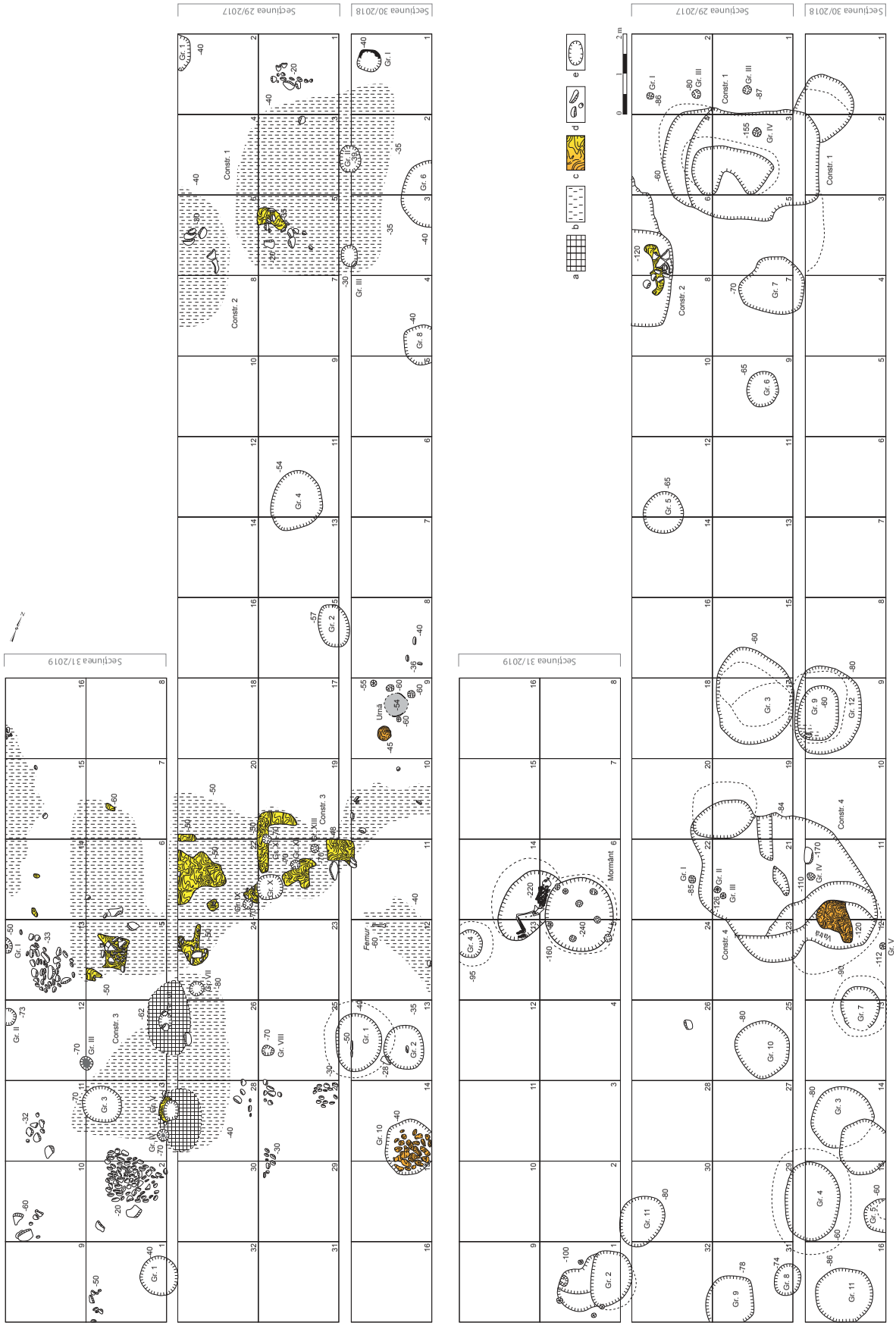


Fig. 4. Planul suprafeței investigate în 2017-2019 (Legenda: a. sol ars; b. sol argilos în amestec cu cenușă și fragmente de lut ars; c. lipitură de pereți și vetre; d. pietre; e. conturul structurilor arheologice).

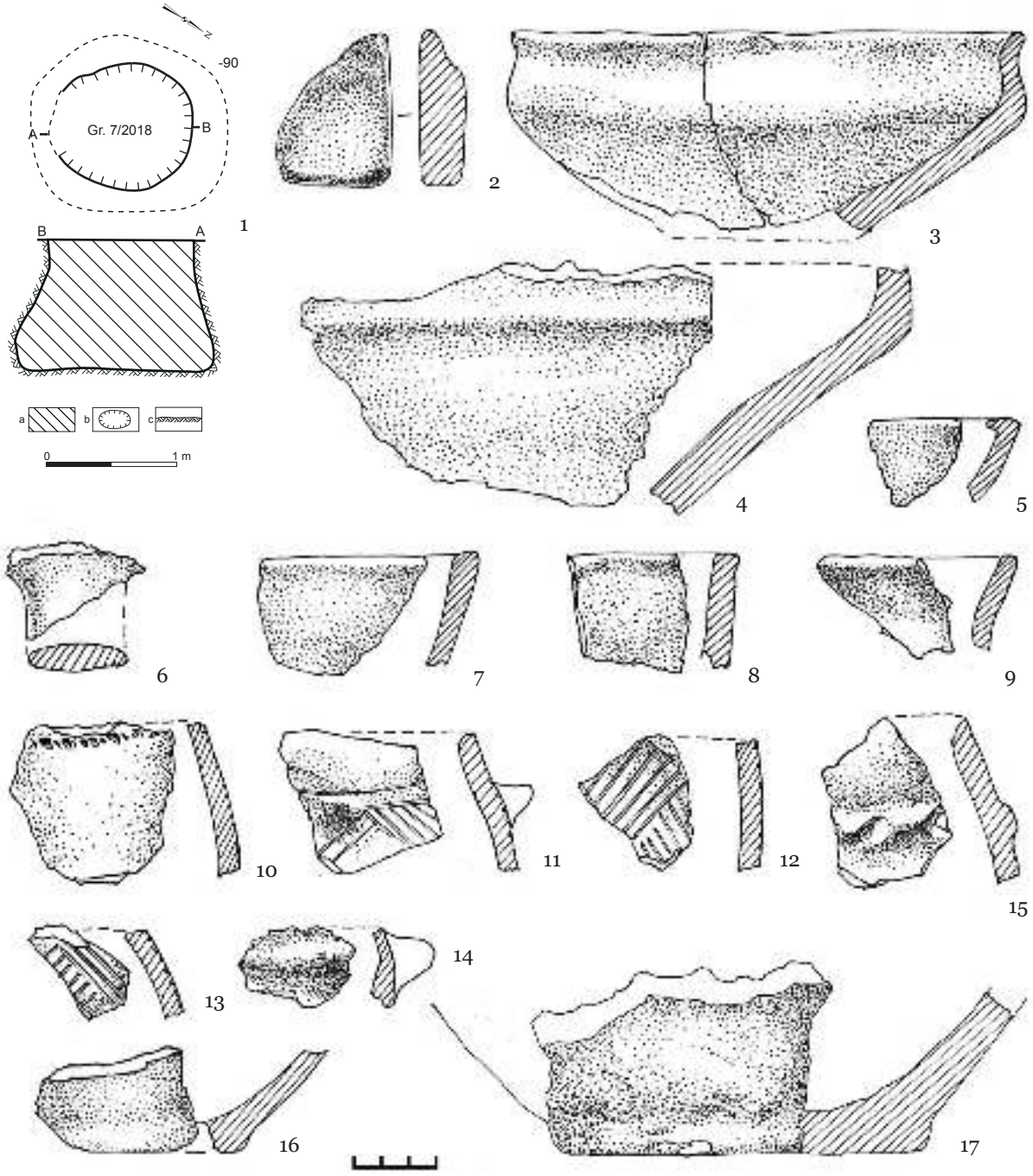


Fig. 5. Groapa 7/2018 (Legenda: a. sol cenuşiu; b. conturul gropii; c. strat steril).

Nivelului de locuire **Holercani-Hansca** i-a fost atribuită o groapă (*7/2018*), atestată în secţiunea 30, la adâncimea de 0,90 m[2] (fig. 4; 5/1). Ea a avut formă de clopot cu diametrul gurii de 1 m, cel al fundului de 1,20 m şi adâncimea de 0,94 m. Emplectonul gropii consta din sol de culoare cenuşie.

Inventar: o cute (cat. nr. III.6; fig. 5/2), 40 fragmente de ceramică modelată cu mâna (fig. 5/3-17) şi 31 fragmente de oase de animale.

Ceramică similară celei din groapă a fost descoperită în siturile hallstattiene timpurii de la Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 6, 8; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 181, 183), Holercani (Leviţki 1994, pl. 3/4) etc., precum şi în campaniile anterioare la Saharna Mare / „Dealul Mă-

[2] Aici şi în continuare adâncimile sunt date de la nivelul actual de călcare.

năstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 25/10). Plecând de la prezența acestui tip de ceramică, groapa poate fi atribuită nivelului de locuire de tip Holercani-Hansca, atestat anterior la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 40-45).

***

Orizontului **Cozia-Saharna** îi aparțin: o construcție adâncită, 12 gropi, un mormânt, precum și numeroase artefacte, atestate atât în complexele arheologice, cât și în stratul cultural.

Construcția 4/2017-2019[3] (fig. 4; 6) a fost atestată la adâncimea de 0,84 m de la nivelul actual de călcare[4]. Ea reprezintă o structură adâncită în sol, ale cărei vestigii se prezintă sub forma unei gropi quasi-ovale în plan cu lungimea de cca 5 m pe direcția est-vest și cca 3,2 m – pe direcția nord-sud. După degajarea umpluturii gropii bordeiului, ce consta din sol cenușiu în amestec cu cenușă, lemn ars și pietre, s-a stabilit că ea se adâncea în solul steril cu 0,8 m.

Pe laturile de est și de vest, dar și în centrul construcției au fost descoperite patru gropi de par cu diametrul de cca 0,2 m și adâncimea de 0,2-0,25 m, în care, probabil, au fost fixați stâlpii de la structura de lemn destinată susținerii acoperișului. Pereții au fost construiți în sistemul paiantă, fapt confirmat de numeroasele fragmente de lipitură de pereți cu amprente de nuiele descoperite în groapa bordeiului (fig. 7/27-29). Podeaua bordeiului a fost amenajată din pământ și lut bătătorit. În colțul estic, sub podeaua construcției, se afla o groapă de provizii (fig. 4/1, 2, 5). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 0,9×1,5 m, al fundului – de 1,35 m, iar adâncimea față de nivelul podelei bordeiului – de 0,65 m.

Instalația de foc a fost amenajată în colțul de vest al construcției și prezenta o vatră, realizată din lut ars bătătorit (fig. 4/1, 4). Dimensiunile vetrei erau de 0,6×1,2 m, având grosimea de 0,15 m. Lângă vatră, în peretele vestic al gropii bordeiului, a fost scobită o nișă (fig. 4/1, 3), în care, probabil, erau păstrate proviziile sau materialul de combustie. Intrarea în bordei se făcea, după toate probabilitățile, prin cele două trepte săpate pe latura de sud-est a construcției (fig. 4/1, 2, 5).

Ca urmare a investigațiilor arheologice în construcție au fost descoperite 106 fragmente ceramice, 115 fragmente de oase de animale, precum și 60 bucăți de lut ars.

Ceramica a fost modelată cu mâna și este reprezentată de fragmente de la cești/cupe, străchini și oale.

Cestile/cupele (fig. 7/1-16), ornamentate, în special, cu decor incizat, sunt similare recipientelor caracteristice culturii Cozia-Saharna, descoperite anterior în situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 61, 79, 80; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 74), precum și la Saharna „Țiglău” (Niculiță, Nicic 2014, fig. 67-73), Glinjeni „La Șanț” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. LX), Țahnăuți (Băț 2017, fig. 10, 11) etc.

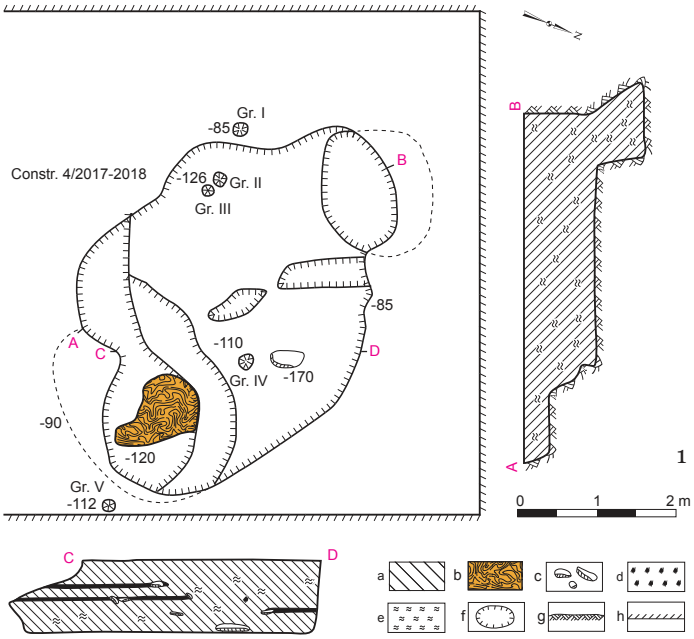
Străchinile (fig. 8), de diferite tipuri, decorate pe buză și/sau pe trunchi cu imprimeuri, sunt identice celor atestate în campaniile precedente de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 58, 59, 77, 78; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 67-70). De asemenea, astfel de străchini sunt cunoscute în majoritatea siturilor atribuite culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. XX; Niculiță, Nicic 2014, fig. 56-64).

Oalele (fig. 7/17-24; 9), unele ornamentate cu decor în relief (fig. 9/7, 8, 10-14), imprimat (fig. 7/17, 19, 20, 23) sau incizat (fig. 7/18, 21, 22), sunt caracteristice sortimentului de recipiente de tip Cozia-Saharna, atestat și anterior la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 55-57, 81-83; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 71-73, 75/1-6, 12-18), precum și în alte situri din această perioadă (Кашуба 2000, рис. XXXVII; Niculiță, Nicic 2014, fig. 19-43; Băț 2017, fig. 15, 16).

Astfel, ceramica descoperită în emplectonul construcției 4/2017-2019 permite încadrarea acesteia în nivelul de locuire Cozia-Saharna al sitului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”.

[3] În publicațiile anterioare, cu ocazia prezentării rezultatelor preliminare ale cercetărilor de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță et al. 2018; Niculiță et al. 2019), această structură arheologică apare drept construcția nr. 5. În urma cercetărilor arheologice din anul 2019, s-a stabilit că construcțiile nr. 3 și nr. 4, cercetate în anii 2017-2018, reprezintă, de fapt, o singură structură. Astfel, în varianta finală, construcțiile nr. 3 și nr. 4 au devenit construcția nr. 3, iar construcția nr. 5 s-a transformat în construcția nr. 4.

[4] Construcția 4/2017-2018 este suprapusă parțial de construcția 3/2017-2019, structurile fiind delimitate de un strat de sol ars, cu grosimea de 0,2 m.



4

2

5

3

6

Fig. 6. Construcţia 4/2017-2018; 1 - planul şi profilul; 2-6 - vestigiile construcţiei (Legenda: a. sol cenuşiu; b. instalaţia de foc/vatră; c. pietre; d. fragmente de lemn ars/bârne; e. cenuşă; f. conturul gropilor; g. strat steril; h. limita secţiunii).

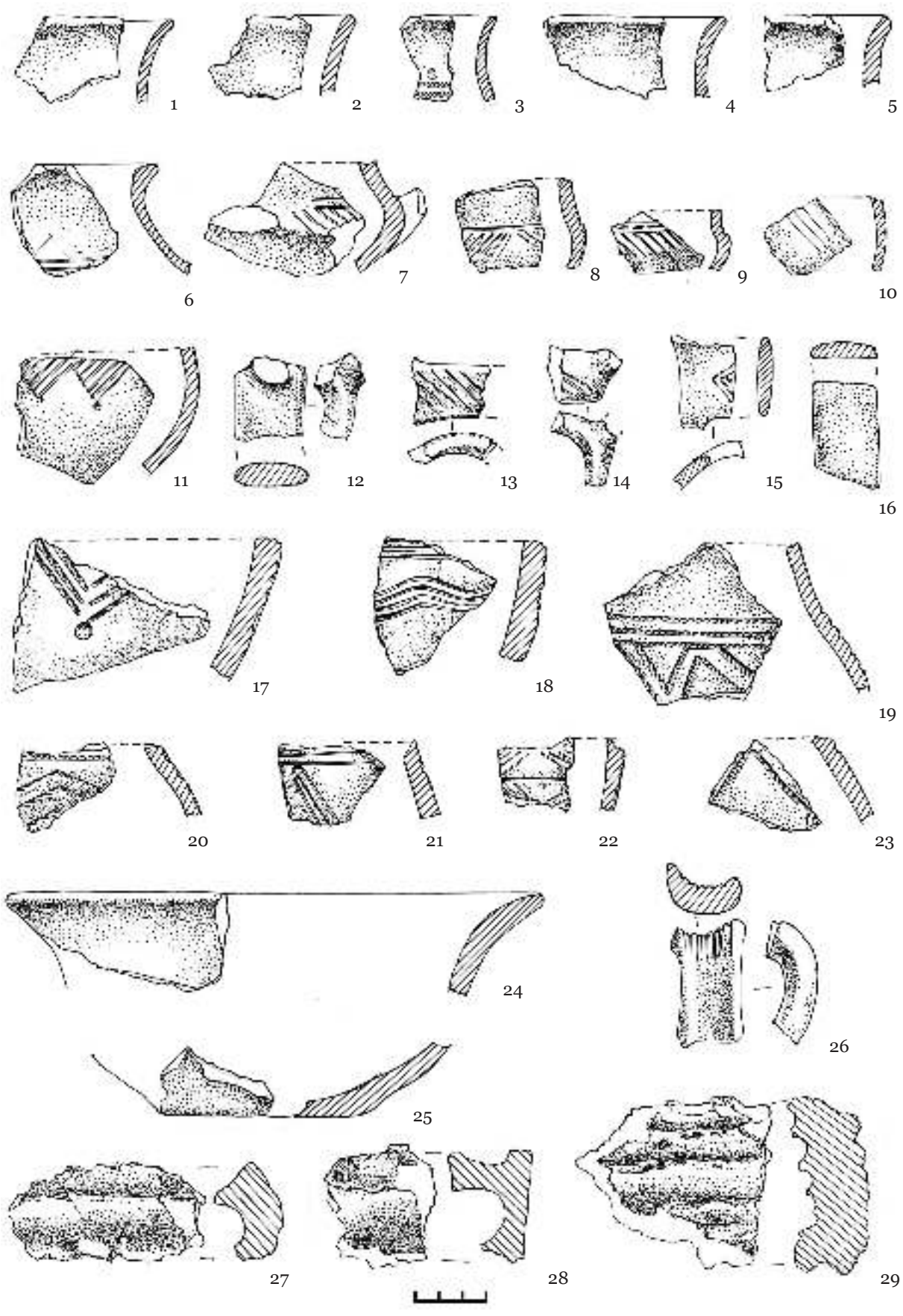


Fig. 7. Construcția 4/2017-2018: 1-26 - fragmente ceramice; 27-29 - fragmente de lut ars cu urme de nuiele.

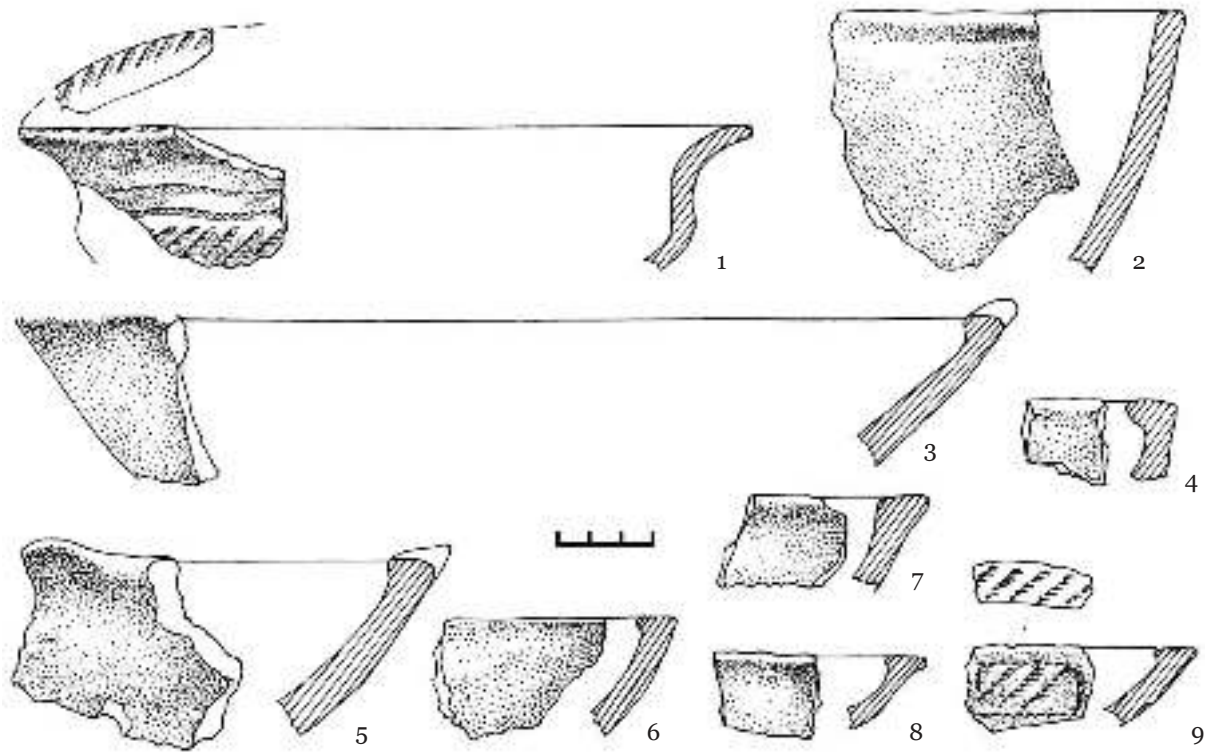


Fig. 8. Construcţia 4/2017-2018. Fragmente de străchini.

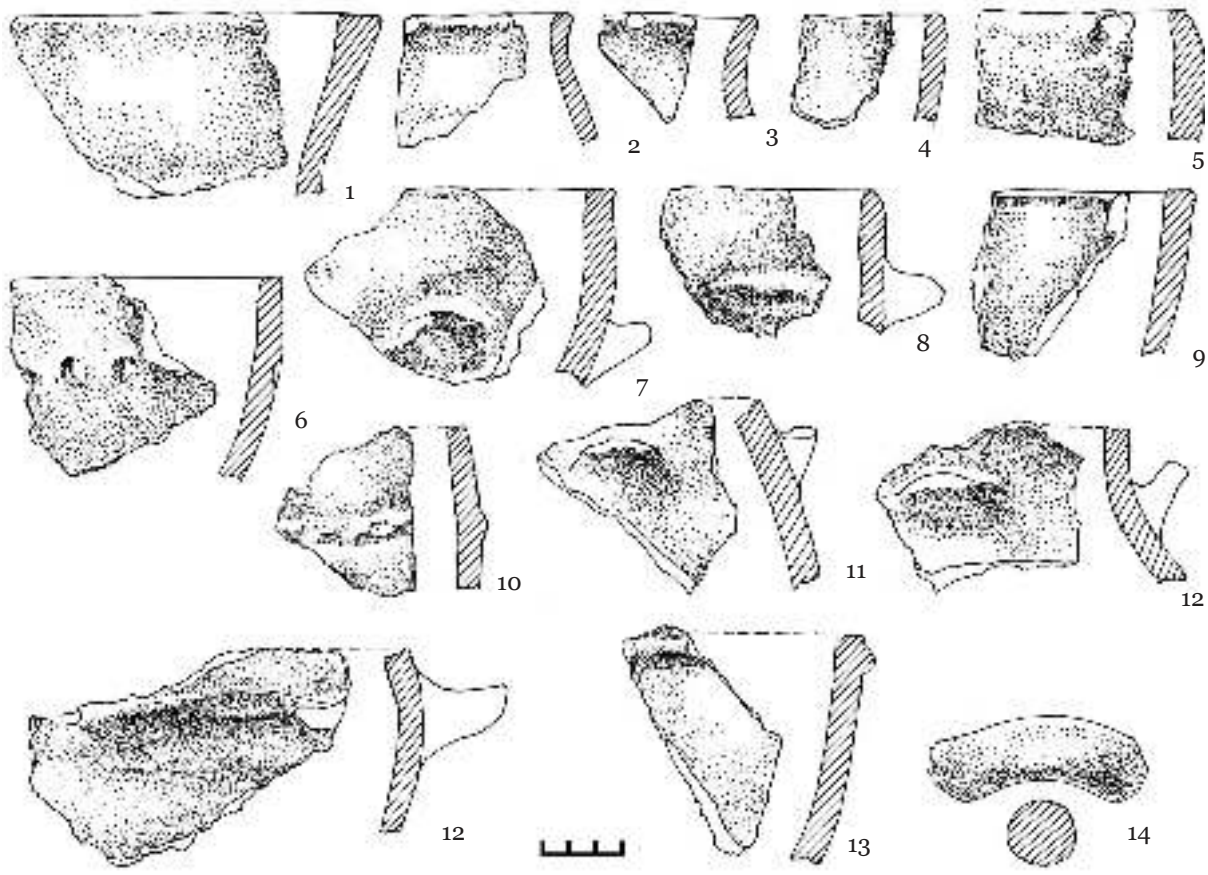


Fig. 9. Construcţia 4/2017-2018. Fragmente de oale.

Groapa 3/2017 a fost descoperită în secțiunea 29, la adâncimea de 0,6 m (fig. 4; 10/1). Ea era de formă rotundă în plan, peretele în partea de sud fiind vertical, în partea de nord – în trepte, iar fundul – albiat. Diametrul gurii era de 2,4 m, al fundului – de 1,1 m, iar adâncimea de 1 m. Emplectonul reprezenta sol argilos în amestec cu cenușă.

Inventar: 16 fragmente de ceramică lucrată cu mâna și opt fragmente de oase de animale. Printre fragmentele ceramice se evidențiază cele de la străchini (fig. 10/7, 8), de la vase cu marginea verticală (fig. 10/9, 11) sau evazată (fig. 10/10), de la vase decorate cu brâu sau proeminențe (fig. 10/12-14). Plecând de particularitățile lor și, în primul rând, suprafața lustruită, recipientele pot fi atribuite sortimentului ceramic de tip Cozia-Saharna.

Groapa 5/2017 a fost atestată în secțiunea 29, la adâncimea de 0,65 (fig. 4; 10/2). Complexul avea formă cilindrică cu diametrul de 1,0 m și adâncimea de 0,48 m. Umplutura gropii era reprezentată de sol de culoare cenușie.

Inventar: 12 fragmente de oase de animale.

Groapa 6/2017 a fost depistată în secțiunea 29, la adâncimea de 0,65 m (fig. 4; 10/3). Avea formă cilindrică cu diametrul de 0,9 m și adâncimea de 0,25 m. Groapa a fost umplută cu sol de culoare cenușie. Inventarul arheologic lipsește.

Groapa 8/2017 a fost descoperită în secțiunea 29, la adâncimea de 0,74 m (fig. 4; 10/4). Ea a avut formă cilindrică cu diametrul de 0,8 m și adâncimea de 0,4 m. Groapa a fost umplută cu sol ars.

Inventar: o fusaiolă (cat. nr. IV.2; fig. 10/15), șase fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna (fig. 10/16-18) și 11 fragmente mici de oase de animale.

Groapa 10/2017 a fost surprinsă în secțiunea 29, la adâncimea de 0,8 m (fig. 4; 10/5). Ea a avut formă cilindrică cu diametrul de 1,5 m și adâncimea de 0,8 m. Emplectonul consta din sol castaniu.

Inventar: trei fragmente de la vase de tip Cozia-Saharna (fig. 10/19-21).

Groapa 11/2017 a fost descoperită în secțiunea 29, la adâncimea de 0,9 m (fig. 4; 10/6). Groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 1,0×1,2 m și adâncimea de 0,35 m. Emplectonul reprezintă sol ars.

Inventar: patru fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna (fig. 10/22-24).

Groapa 3/2018 a fost atestată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,8 m (fig. 4; 11/1). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,5 m, al fundului – de 3,6 m și adâncimea de 1,7 m. Umplutura gropii prezintă sol de culoare castanie.

Inventar: două cute (cat. nr. III.7-8; fig. 11/4, 6), o străpungătoare din os (cat. nr. II.1; fig. 11/5), o rondelă din piatră de calcar (cat. nr. III.16; fig. 11/3), o aplică (nasture?) din bronz (cat. nr. I.6; fig. 11/2), 30 fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna (fig. 11/7-22) și 39 fragmente de oase de animale.

Groapa 4/2018 a fost cercetată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,6 m (fig. 4; 12/1). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,2×2,0 m, diametrul fundului de 2,6 și adâncimea de 1,9 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușiu în amestec cu fragmente de lut și lemn ars. În profilul stratigrafic se observă o lentilă de lut ars cu grosimea de 0,1-0,2 m.

Inventar: 20 fragmente de la vase de tip Cozia-Saharna (fig. 12/4-16) și 213 fragmente de oase de animale.

Groapa 5/2018 a fost descoperită în secțiunea 30, la adâncimea de 0,6 m (fig. 4; 12/2). Complexul a fost investigat parțial, o parte a lui continuând în afara secțiunii. Însă, conform profilului, s-a stabilit că groapa avea formă circulară în plan cu pereții de sud și vest săpați vertical, iar cei de nord și est – în trepte. Diametrul gropii era de 0,8 m, iar adâncimea de 0,8 m. Emplectonul consta din sol castaniu.

Inventar: șase fragmente de la vase de tip Cozia-Saharna (fig. 12/17-21), 68 fragmente de oase de animale.

Groapa 11/2018 a fost atestată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,86 m (fig. 4; 12/3). Ea avea formă cilindrică cu diametrul de 1,4 m și adâncimea de 0,85 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușiu în amestec cu fragmente de lemn ars și lut ars.

Inventar: 14 fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna (fig. 12/22-26) și 53 fragmente de oase de animale.

Groapa 12/2018 a fost cercetată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,8 m (fig. 4; 13/1). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 2,2 m, al

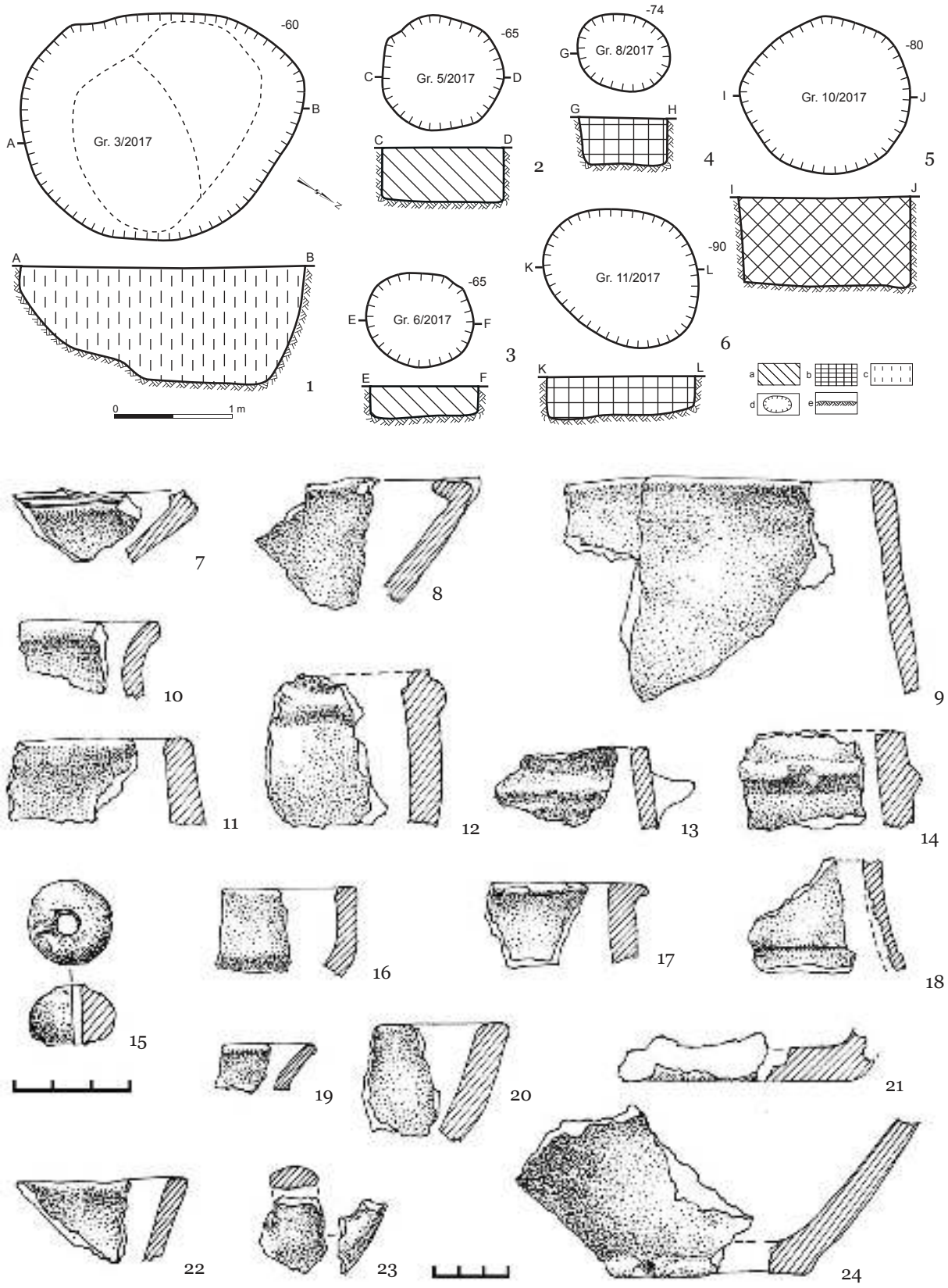


Fig. 10. Gropi din perioada timpurie a primei epoci a fierului: 1, 7-14 - groapa 3/2017; 2 - groapa 5/2017; 3 - groapa 6/2017; 4, 15-18 - groapa 8/2017; 5, 19-21 - groapa 10/2017; 6, 22-24 - groapa 11/2017 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol ars; c. sol argilos; d. conturul gropilor; e. strat steril).

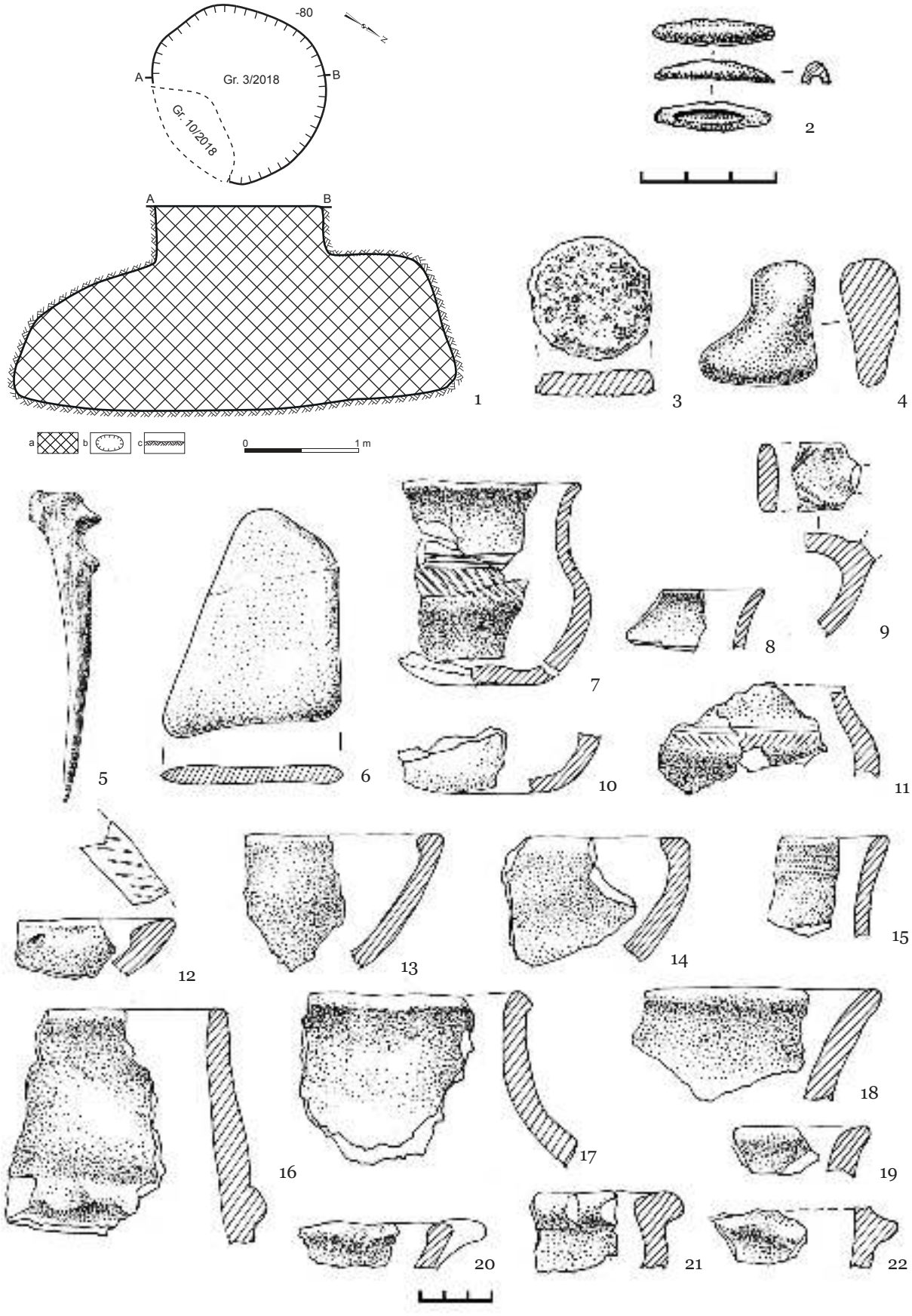


Fig. 11. Groapa 3/2018 (Legenda: a. sol castaniu; b. conturul gropii; c. strat steril).

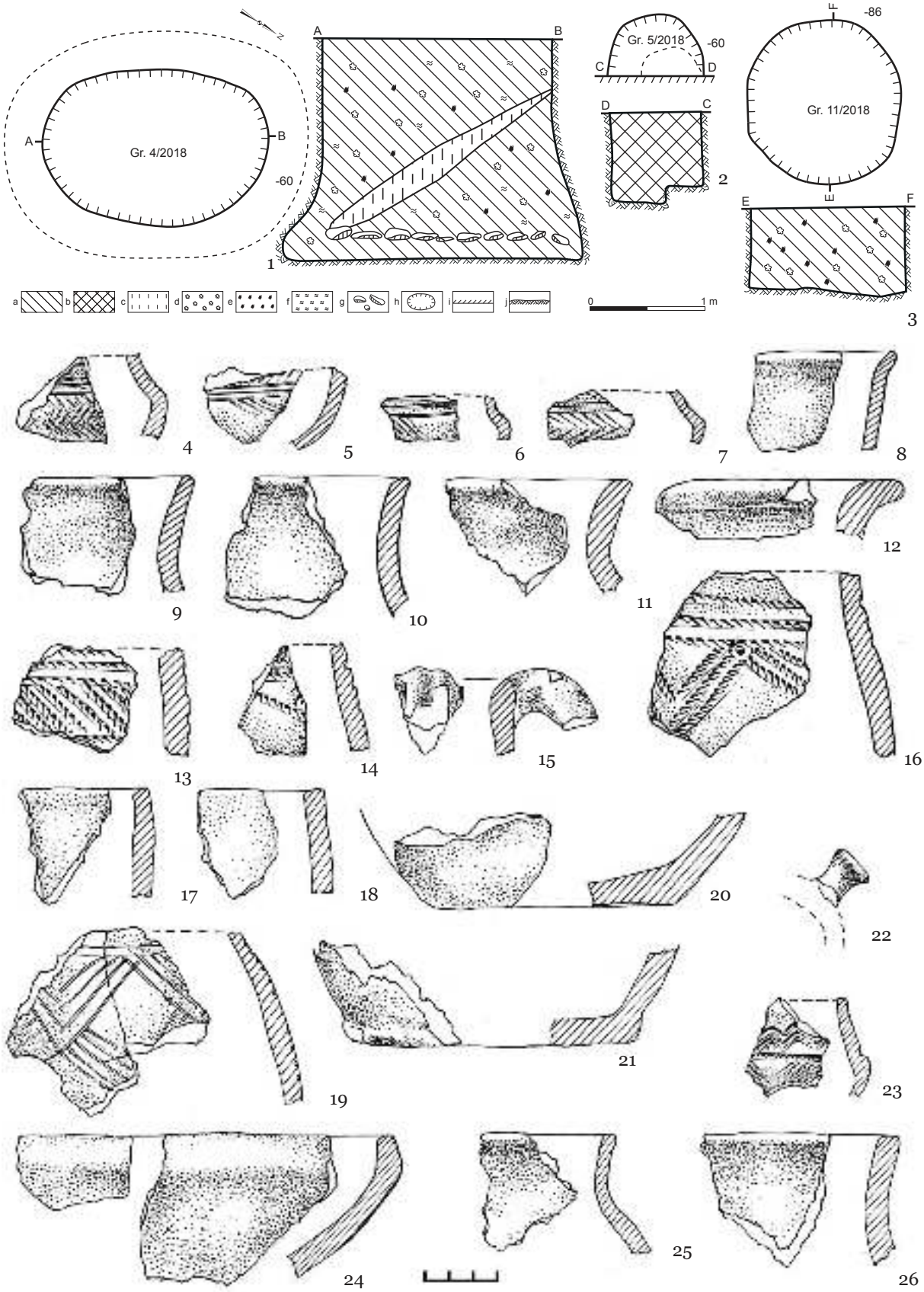


Fig. 12. Gropi din perioada timpurie a primei epoci a fierului: 1, 4-16 - groapa 4/2018; 2, 17-21 - groapa 5/2018; 3, 22-27 - groapa 11/2018 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol castaniu; c. sol argilos; d. fragmente de lut ars; e. fragmente de lemn ars; f. cenușă; g. pietre; h. conturul gropilor; i. limita secțiunii; j. strat steril).

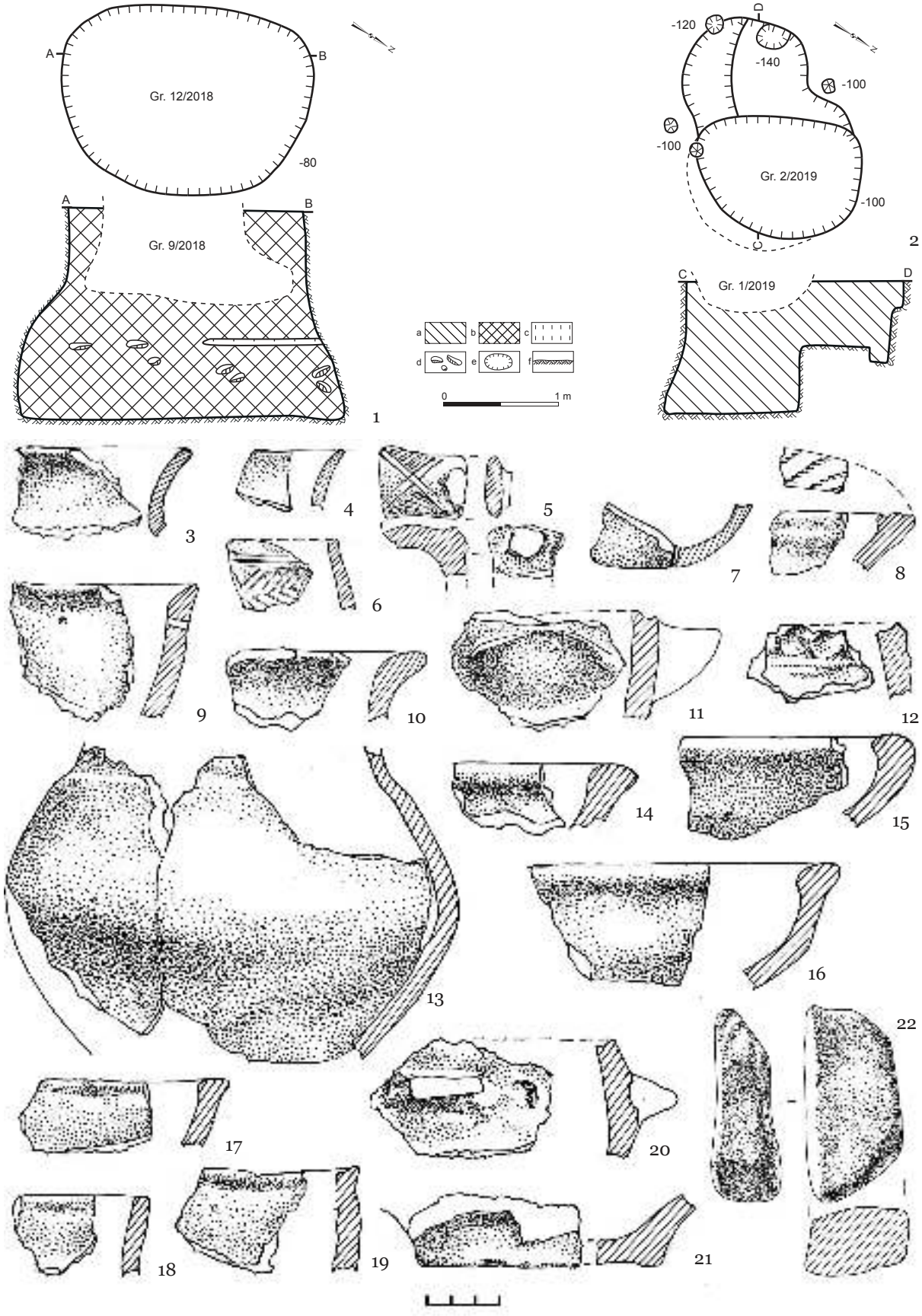
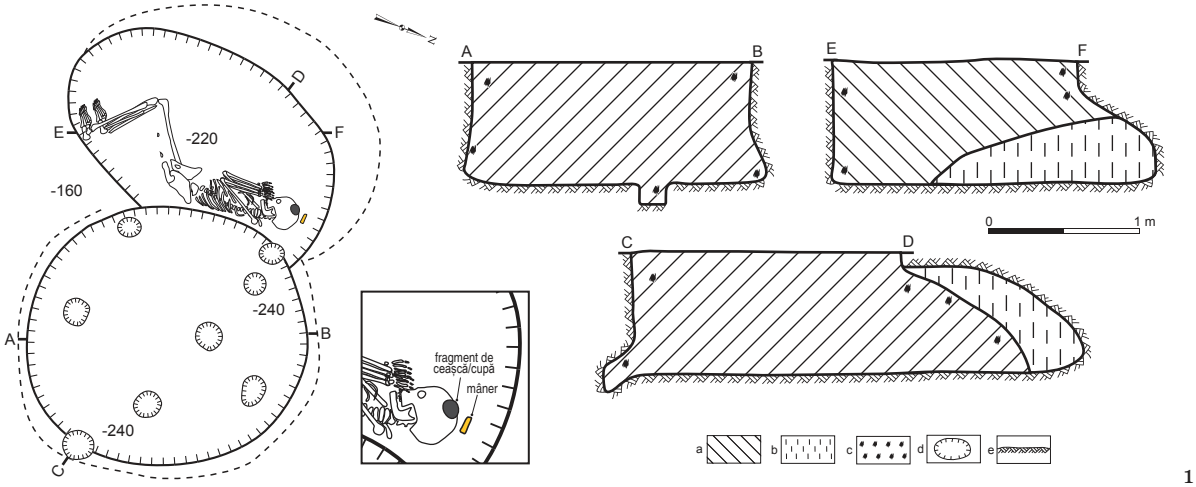


Fig. 13. Gropi din perioada timpurie a primei epoci a fierului: 1, 3-12 - groapa 12/2018; 2, 13-22 - groapa 2/2019 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol castaniu; c. sol argilos; d. pietre; e. conturul gropilor; f. strat steril).



1

2

3

Fig. 14. Mormânt din perioada timpurie a primei epoci a fierului: 1 - planul şi profilul (Legenda: a. sol cenuşiu; b - sol argilos; c. fragmente de lemn ars; d. conturul gropilor; e. strat steril); 2 - vedere generală asupra mormântului; 3 - vedere a catacombei.

fundului – de 2,6 m şi adâncimea de 1,8 m. Emplectonul reprezenta sol castaniu în amestec cu cenuşă şi pietre. Partea superioară a gropii a fost deranjată de groapa 9/2018.

Inventar: 12 fragmente de ceramică de tip Cozia-Saharna (fig. 13/3-12) şi 66 fragmente de oase de animale.

Groapa 2/2019 a fost descoperită în secţiunea 31, la adâncimea de 1,0 m (fig. 4; 13/2). Ea reprezintă o structură complexă, ce consta din două părţi componente. În partea superioară, de la gură şi până la adâncimea de 0,6 m, groapa avea formă quasi-ovală în plan cu dimensiunile de 1,8×1,4 m, având pereţii verticali. De la adâncimea de 0,6 m, în partea de nord, groapa se adânceşte, astfel formându-se o cavitate de formă ovală în plan cu dimensiunile 1,4×1,0 m şi adâncimea de 0,56 m. Spre fund groapa se lărgeşte în direcţia nord-vest, astfel căpătând formă de clopot. La nivelul gurii gropii, pe marginea ei de sud-vest şi sud-est, au fost atestate cinci gropi de la pari. Acestea aveau diametrul cuprins între 0,10 şi 0,25 m şi adâncimea de 0,15 m. Probabil, gropile de pari reprezintă vestigiile unei construcţii din lemn cu care era acoperită groapa de provizii.

Inventar: o lustruitoare (cat. nr. III.15; fig. 13/22), 12 fragmente de vase de tip Cozia-Saharna (fig. 13/13-21) şi 49 fragmente de oase de animale.

Mormântul a fost descoperit în secţiunea 30 la adâncimea de 1,6 m de la nivelul actual de călcare (fig. 4; 14). Înmormântarea reprezintă o amenajare funerară de tip groapă cu catacombă. Groapa funerară avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,8 m, diametrul fundului – de 2,1 m şi adânci-

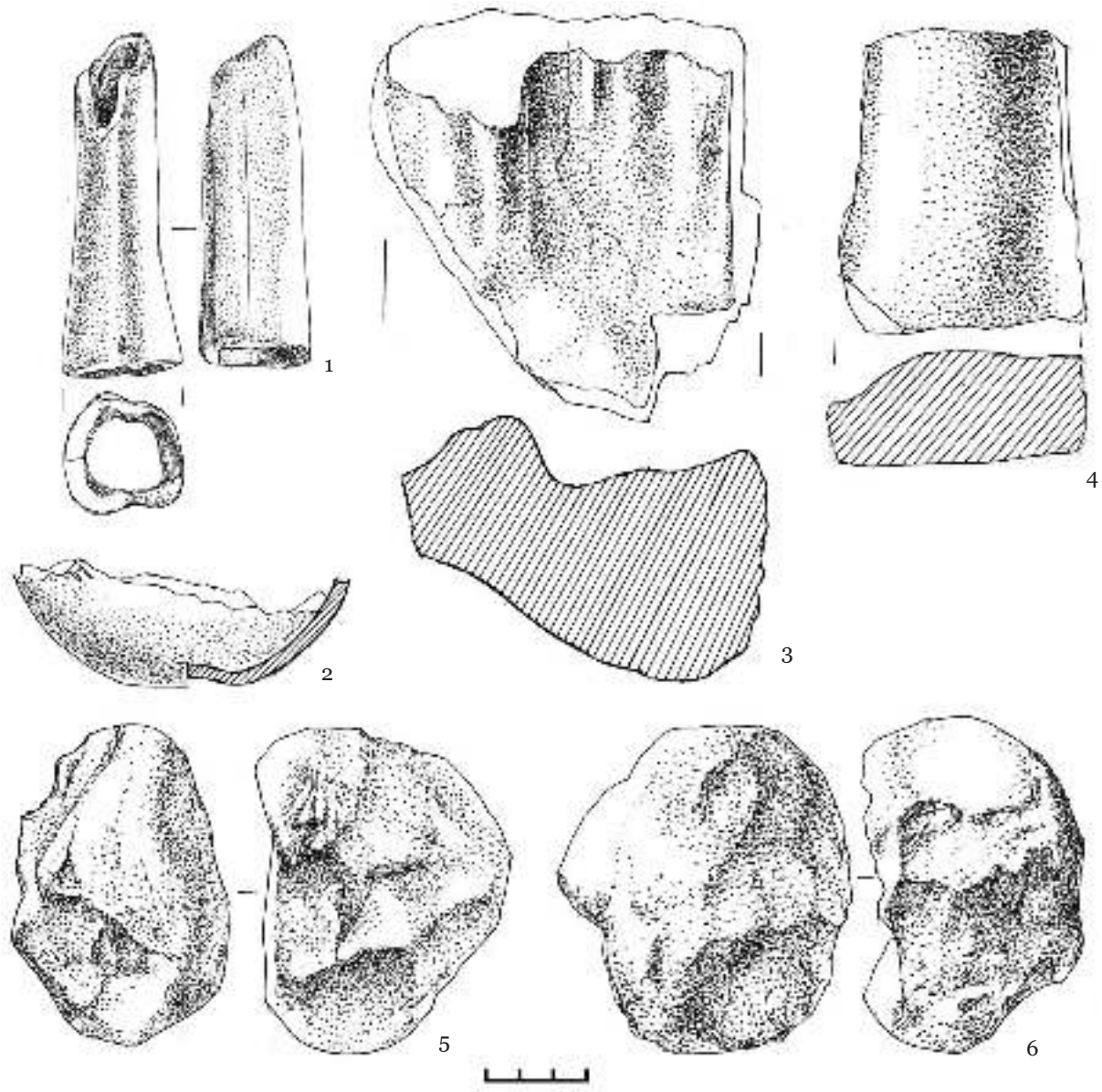


Fig. 15. 1-2 - inventarul funerar depus în catacomba mormântului; 3-6 - piese descoperite în groapa mormântului.

mea de 0,8 m. Umplutura gropii constă din sol de culoare cenușie în amestec cu fragmente de lemn ars. Din groapa mormântului au fost recuperate: un fragment de piatră de râșniță (cat. nr. III.12; fig. 15/3), două percutoare (cat. nr. III.4-5; fig. 15/5, 6), o cute (cat. nr. III.11; fig. 15/4), 16 fragmente de ceramică (fig. 16/10-18) și 121 fragmente de oase de animale.

Ceramica descoperită în groapa funerară a fost modelată cu mâna din pastă de lut cu degresanți de șamotă. Arderea este neuniformă și incompletă, iar culoarea variază de la cenușiu la negru. Suprafața recipientelor este lustruită. Unele fragmente sunt decorate în relief cu proeminențe conice (fig. 16/15) sau cilindrice (fig. 16/16). Astfel de vase sunt frecvent întâlnite în microzona Saharna (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 76; Niculiță, Nicic 2014, fig. 24-33; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 53/4, 15, 19) care, conform caracteristicilor, se încadrează în perioada hallstattiană timpurie.

În peretele de est al gropii funerare a fost săpată o catacombă de formă ovală cu dimensiunile de 1,2×2,0 m. Intrarea în catacombă are lățimea de 1,1 m și înălțimea de 0,7 m. În partea de est a catacombei a fost scobită o nișă cu adâncimea de până

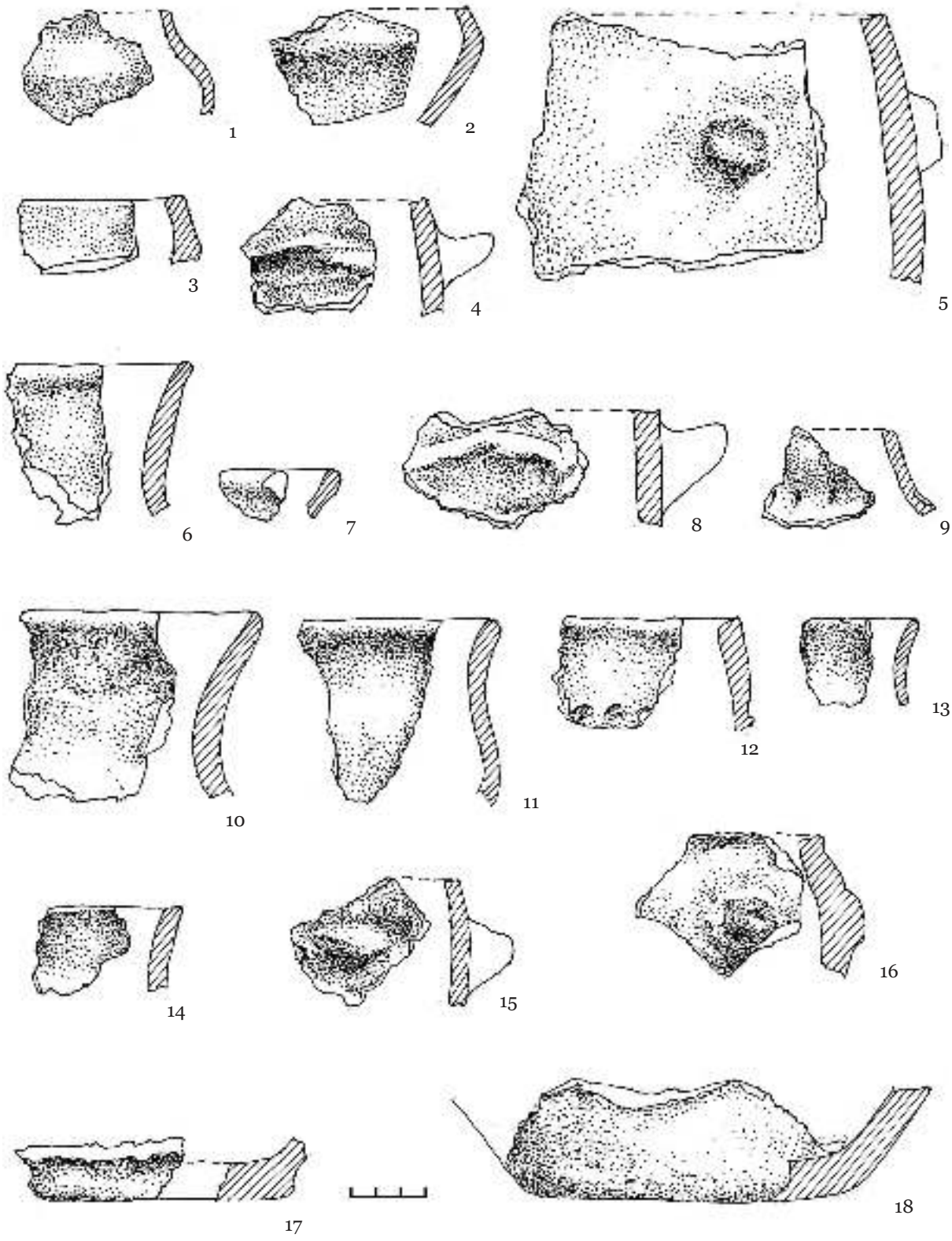


Fig. 16. Fragmente de ceramică descoperite în construcţia funerară: 1-9 - catacomba mormântului; 10-18 - groapa mormântului.

la 0,5 m. Solul excavat din umplutura catacombei este de culoare cenuşie în amestec cu sol argilos. În urma degajării solului din catacombă a fost descoperit un schelet uman, care aparţine unui individ de sex masculin de vârstă *senilis* (peste 60 de ani la deces)[5]. Defunctul a fost depus în catacombă chircit pe partea dreaptă cu braţele îndoite spre cap cu palmele în dreptul bărbiei şi picioarele îndoite din genunchi. Scheletul era orientat pe direcţia N-S. În dreptul craniului a fost depus un mâner din corn (cat. nr. II.4; fig. 15/1), iar peste craniul scheletului a fost depus un fragment de cupă/ceaşcă, modelată cu mâna din pastă fină de lut cu degresanţi de şamotă mărunţită. Suprafaţa vasului este lustruită, având culoarea cenuşie închisă. În partea inferioară ceaşca are o adâncitură de tip umbo, iar în zona fragmentării s-au păstrat trei capete de linii, incizate oblic. Astfel de recipiente sunt cunoscute atât din structurile arheologice, cât şi din stratul cultural de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 61/5; 79/8; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 44/6; 56/3; 59/11), precum şi în situri atribuite culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. LXVII/6; CXI/4).

De asemenea, în catacombă au mai fost atestate 31 fragmente de ceramică (fig. 16/1-9) şi patru fragmente de oase, care, probabil au ajuns aici, după ruinarea construcţiei funerare, în momentul astupării gropii.

Pe fundul gropii funerare au fost identificate opt gropi cu diametrul de cca 0,2-0,4 m şi adâncimea de 0,25-0,4 m, care provin de la o construcţie din lemn. O suprastructură similară a fost descoperită anterior la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii (Niculiţă, Nicic 2011, 225-228, fig. 2; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 127-131, fig. 82, 83).

***

În structurile arheologice, precum şi în nivelul de locuire atribuit culturii Cozia-Saharna au fost descoperite mai multe piese de inventar confecţionate din diferite materii prime şi reprezentate de unelte, ustensile şi arme.

Unelte şi ustensile

Ustensilele din fier sunt reprezentate de trei lame de cuţit (cat. nr. I.1-3) şi două străpungătoare (sule) (cat. nr. I.4-5).

Cuţitele sunt confecţionate din fier şi fac parte din categoria pieselor cu muchia curbată şi secţiune triunghiulară. Unul (fig. 17/1) are lungimea de 11,9 cm, fiind lipsit de peduncul de înmănuşare. Un astfel de cuţit a fost descoperit şi anterior în incinta „citadelei” hallstattiene timpurii de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 99, fig. 65/1). Cel de-al doilea (fig. 17/3), fragmentar, avea un peduncul scurt, pe care s-a păstrat nitul de la fixarea plăselei. Piese asemănătoare, însă fără nit, sunt cunoscute din necropola Saharna „Ţiglău” (Kaşuba 2014, fig. 187/17; 199/3). Cel de-al treilea exemplar (fig. 17/2) reprezintă un cuţit scurt (5,5 cm) cu muchia profilată şi cu peduncul de înmănuşare. Piese similare sunt cunoscute în necropola Saharna „Gura Hulboacei” (Кашуба 2000, рис. XXX/16), în aşezarea Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 8/3) etc., atribuite culturii Cozia-Saharna.

Străpungătoarele au fost lucrate prin forjare din bare de fier şi aveau forma în secţiune patrulateră (cat. nr. I.4; fig. 17/5) sau rotundă (cat. nr. I.5; fig. 17/4).

Ustensilele din os şi corn sunt cunoscute graţie a două străpungătoare şi a două mânere pentru unelte.

Una dintre *străpungătoare* (cat. nr. II.1; fig. 11/5), confecţionată din osul cubitus al unui câine[6], a fost descoperită în groapa 3/2018. Cea de-a doua (cat. nr. II.2; fig. 17/6) a fost atestată în stratul cultural. Astfel de piese se întâlnesc frecvent în nivelul de locuire hallstattian timpuriu de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 79, fig. 148/6; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 99, fig. 65/7), dar şi în alte aşezări sincrone – Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 11), Solonceni „Hlinaia” (Кашуба 2000, таб. XXIX/9, 10, 13) etc.

Mânerele au fost confecţionate din coarne de bovine, având suprafaţa şlefuită, fapt ce demonstrează o utilizare îndelungată. Unul dintre ele (cat. nr. II.4; fig. 15/1) face parte din inventarul funerar al mormântului din secţiunea 31/2019, iar cel de-al doilea (cat. nr. II.3; fig. 17/7) a fost atestat în stratul cultural. O piesă asemănătoare este cunoscută şi în aşezarea din prima epocă a fierului Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 9/1).

Uneltele din piatră, atribuite perioadei hallsttatiene timpurii, sunt reprezentate de: un fragment

[5] Osemintele au fost analizate antropologic de Angela Simalcsik, studiul fiind publicat în numărul de faţă al revistei (Nagacevschi et al., pag. 328-333, fig. 4-5).

[6] Aici şi în continuare aprecierile sunt făcute de Margareta Simina Stanc.

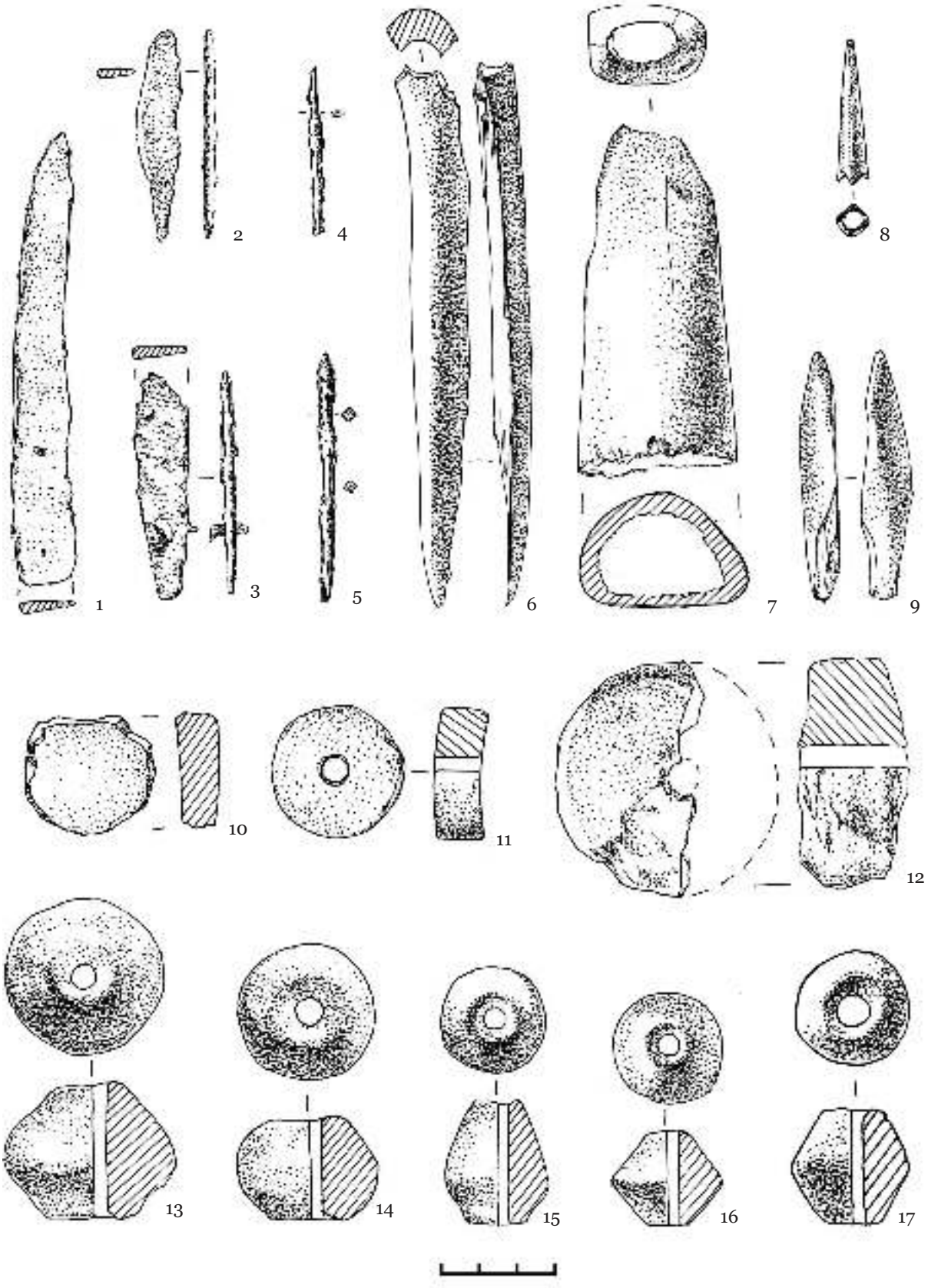


Fig. 17. Piese din perioada timpurie a primei epoci a fierului (1-5 - fier; 6, 8, 9 - os; 7 - corn; 10-17 - lut ars).

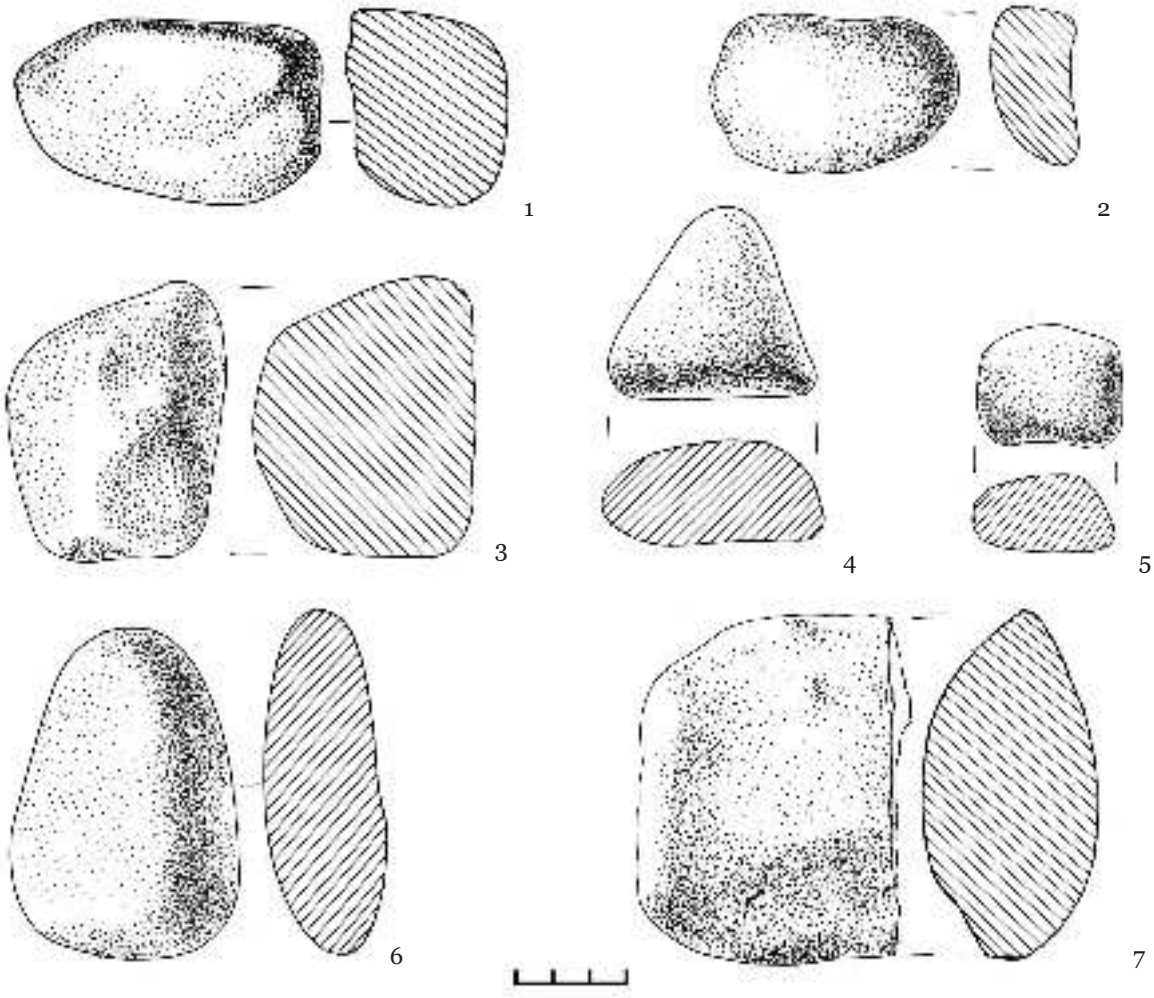


Fig. 18. Piese din piatră atribuite perioadei timpurii a primei epoci a fierului.

de piatră de râşniţă (cat. nr. III.12; fig. 15/3), cinci percutoare (cat. nr. III.1-5; fig. 18/1, 3, 7; 15/5, 6), confecţionate din pietre de râu, gresie sau granit; trei lustruitoare (cat. nr. III.13-15; fig. 13/22; 18/4, 5), lucrate din piatră de râu; şase cute (cat. nr. III/5, 7-11; fig. 11/4, 6; 15/4; 18/2, 6;) din piatră de râu şi o rondelă (cat. nr. III.16; fig. 11/3), confecţionată din piatră de calcar. Piesele din piatră sunt destul de frecvent întâlnite în aşezarea Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 80, fig. 149/1, 3, 5, 8; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 99, fig. 65/12-20), precum şi în alte situri ale culturii Cozia-Saharna – Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 13-15), Glinjeni II (Гольцева, Кашуба 1995, таб. LI/1-3, 5), Pocreaca (Iconomu 1996, fig. 20/11) etc.

Ustensilele din lut sunt reprezentate de şase fusaiole (cat. nr. IV.1-6; fig. 10/15; 17/13-17) şi trei rondele (cat. nr. IV.7-9; fig. 17/10-12).

Fusaiolele au forma bitronconică şi au fost modelate din pastă de lut cu impurităţi de şamotă, având arderea neuniformă. Culoarea lor variază de la cărămiziu la cenuşiu-închis sau negru. Unele dintre ele au suprafaţa lustruită. Înălţimea lor este cuprinsă între 1,6 şi 3,3 cm, diametrul maxim variază între 2,0 şi 3,5 cm, al bazelor – între 0,7 şi 2,2 cm, iar al orificiului – între 0,4 şi 0,8 cm.

Fusaiole similare au fost atestate şi anterior în nivelul hallstattian timpuriu de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 80-81, fig. 152/1, 2, 4, 5, 8; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 101, fig. 66/1-9), precum şi în alte aşezări ale culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, 314-315, рис. XXV/6, 7, 9-17, 19-26).

Rondelele sunt reprezentate de două piese (cat. nr. IV.7-8; fig. 17/10, 11) confecţionate din pereţii unor vase caracteristice culturii Cozia-Saharna şi una (cat. nr. IV.9; fig. 17/12) modelată

din pastă de lut în amestec cu şamotă şi calcar pisat. Astfel de rondele au fost descoperite şi anterior în aşezarea Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 80-81, fig. 151/1-6; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 101-102, fig. 66/12, 13). De asemenea, ele sunt întâlnite frecvent şi în alte situri ale culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, 317, рис. XXVI/19, 24, 25).

Categoria **armelor** este reprezentată de două vârfuri de săgeată confecţionate din os. Unul (cat. nr. II.5; fig. 17/8), de formă piramidală, cu bucşă de înmănuşare interioară, similar celor descoperite anterior în situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 147/1-4; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 65/3), precum şi în alte aşezări ale culturii Cozia-Saharna – Solonceni „Hlinaia”, Ţahnăuţi etc. (Кашуба 2000, рис. XXIX/7, 14, 16). Cel de-al doilea (cat. nr. II.6; fig. 17/9) – foliform cu peduncul, se aseamănă cu piesele din fortificaţia Lubentsy din arealul culturii Chernoles (Тереножкин 1961, рис. 66/16, 18).

***

În urma cercetărilor arheologice în **nivelul de locuire traco-getic** au fost atestate trei construcţii, 13 gropi menajere, precum şi un bogat şi variat inventar arheologic.

Construcţia 1/2017-2018 (fig. 4; 19; 20) a fost evidenţiată la adâncimea de 0,4 m de la nivelul actual de călcare. În partea superioară, ruinele ei ocupau o suprafaţă de cca 17 m² şi se prezentau sub forma unei dărâmături cu grosimea de 0,4 m, compusă din sol argilos în amestec cu fragmente de lut ars şi pietre (fig. 20/1). După degajarea părţii superioare a dărâmăturii, la adâncimea de 0,8 m, s-a conturat groapa unui bordei de formă quasi-rectangulară în plan, cu dimensiunile de 2,8×3,3 m, orientat NE-SV. Podeaua acestuia era din pământ bătătorit şi se afla la adâncimea de 0,9 m în raport cu nivelul antic de călcare. În podeaua construcţiei a fost săpată o groapă cu pereţii cotloniţi, amenajată, probabil, pentru păstrarea rezervelor alimentare (fig. 19; 20/2, 3). În peretele de vest al bordeiului, la fel, a fost săpată o cavitate, care,

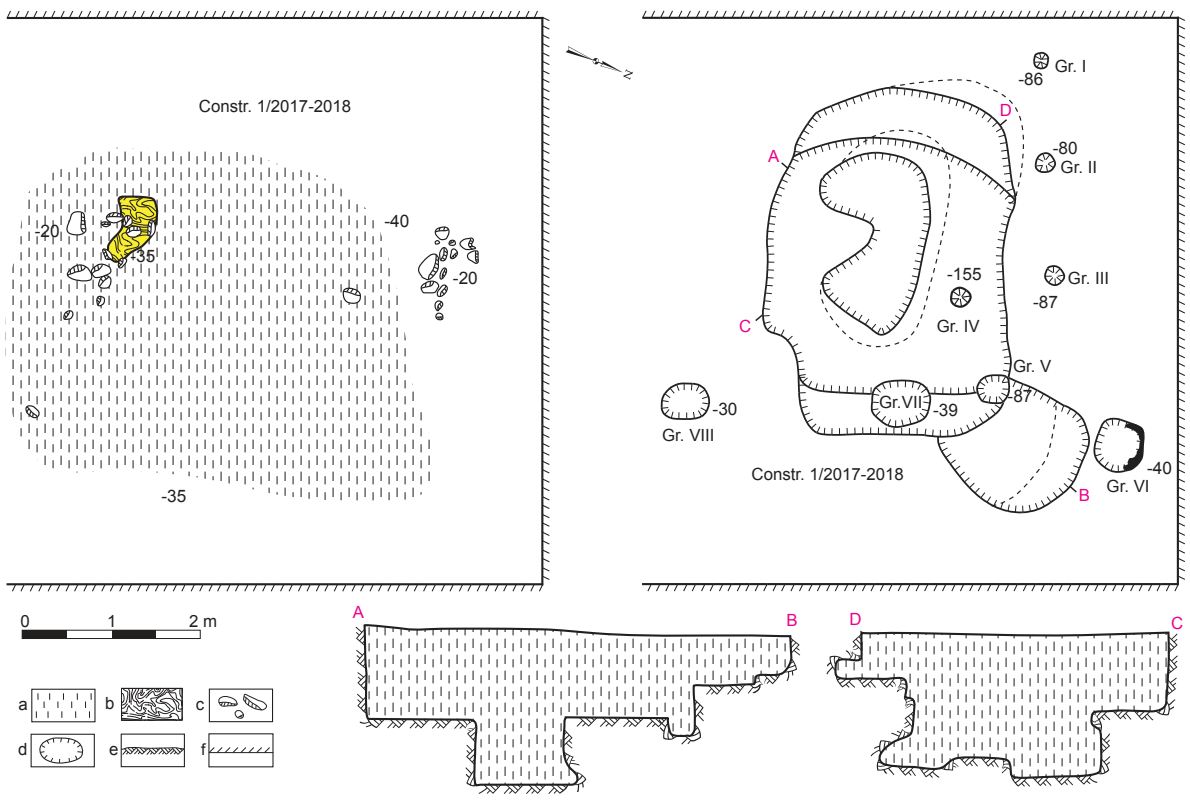


Fig. 19. Construcţia 1/2017-2018. Planul şi profilurile stratigrafice (Legenda: a. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lut ars; b. dărâmătura/lipitura construcţiei; c. pietre; d. conturul gropilor; e. strat steril; f. limita secţiunii).

1

2

3

4

5

Fig. 20. Construcția 1/2017-2018: 1 - ruinele construcției; 2-3 - groapa bordeiului; 4 - groapă de par (VI); 5 - fragmente de lemn din groapă de par (VI)

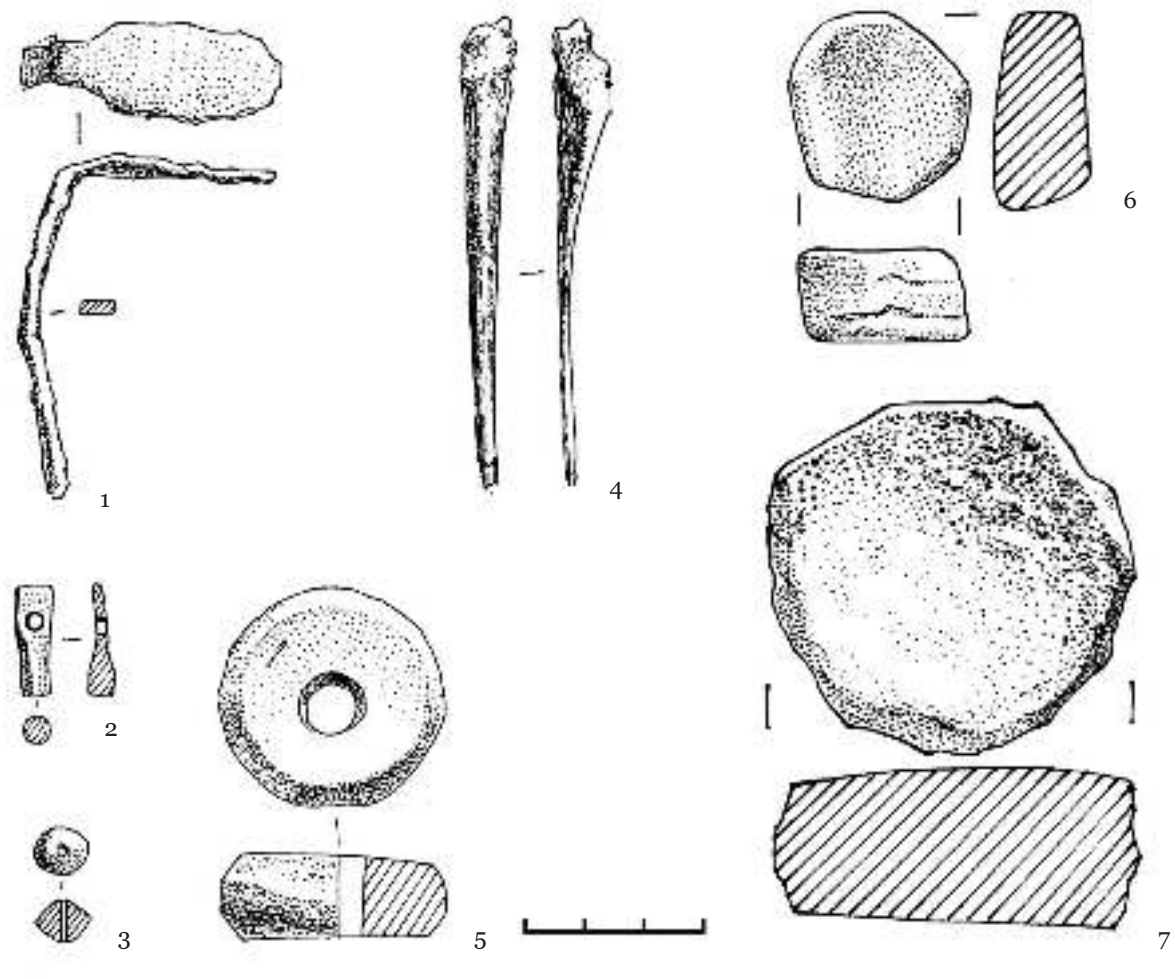


Fig. 21. Piese din construcţia 1/2017-2018 (1 - fier; 2- bronz; 3 - sticlă; 4 - os; 5 - lut ars; 6, 7 - piatră de râu).

probabil, a avut aceeaşi destinaţie – depozitarea produselor, a veselei sau altor obiecte de uz menajer (fig. 19; 20/2). Pe latura de nord a bordeiului au fost amenajate două trepte, care pot fi interpretate drept calea de acces în construcţie (fig. 19).

Pe suprafaţa cercetată a structurii au fost identificate urmele a opt gropi de par. Trei dintre ele se aflau în interiorul gropii bordeiului, altele cinci – în afara acesteia (fig. 19; 20/2-5). Acestea reprezintă, probabil, locaşul în care au fost fixaţi parii, meniţi să sprijine acoperişul construcţiei.

În urma investigaţiilor arheologice nu a fost descoperite urme ale vreunei instalaţii de foc, nici urme de foc direct pe podeaua bordeiului, fapt care ne conduce spre ipoteza utilizării unei vetre mobile.

Ca urmare a investigaţiilor arheologice în construcţie au fost descoperite: un cuţit din fier (cat. nr. I.9; fig. 21/1), un fragment de ac din bronz (cat. nr. I.32; fig. 21/2), o străpungătoare din os (cat. nr. II.9; fig. 21/4), un percutor (cat. nr. III.20; fig. 21/7) şi o lustruitoare (cat. nr. III.25; fig. 21/6), confecţionate din piatră de gresie, o fusaiolă (cat. nr. IV.47; fig. 21/5), o mărgică din pastă sticloasă (cat. nr. V.1; fig. 21/3), 184 fragmente de ceramică (fig. 22-23), 136 bucăţi de lut ars şi 137 fragmente de oase de animale.

Ceramica atestată în construcţie, cu excepţia unui fragment (fig. 23/15), a fost modelată cu mâna şi este reprezentată de fragmente de străchini (fig. 22/1-6), oale (fig. 22/7-20; 23/1-11, 14) şi capace (fig. 22/21). Vasele sunt ornamentate cu şiruri de alveole, amplasate sub buză (fig. 22/19, 20), brâie alveolate (fig. 23/8, 9), proeminenţe cilindrice (fig. 23/1, 2) sau segmentoidale (fig. 23/3-7).

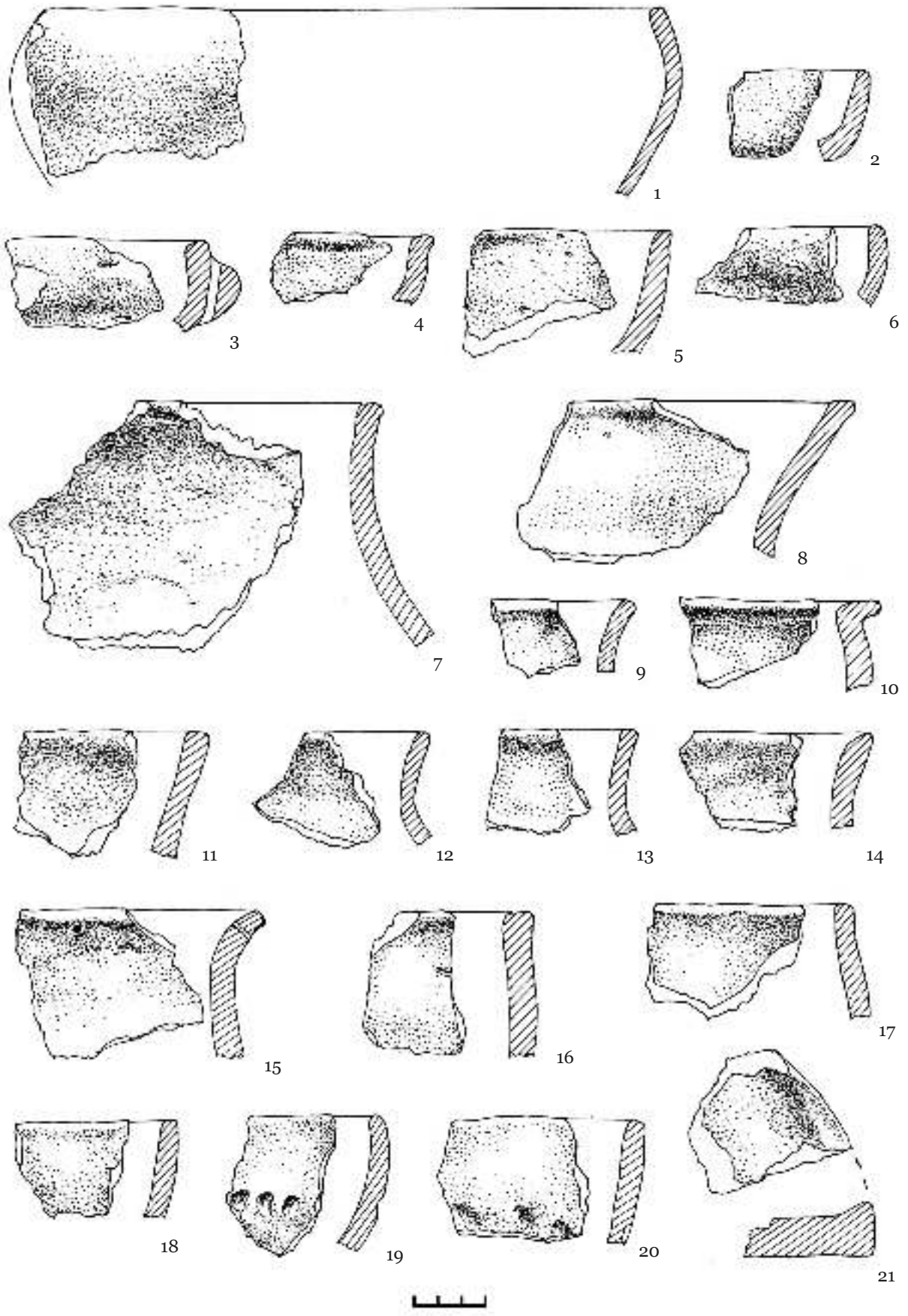


Fig. 22. Fragmente ceramice descoperite în construcția 1/2017-2018.

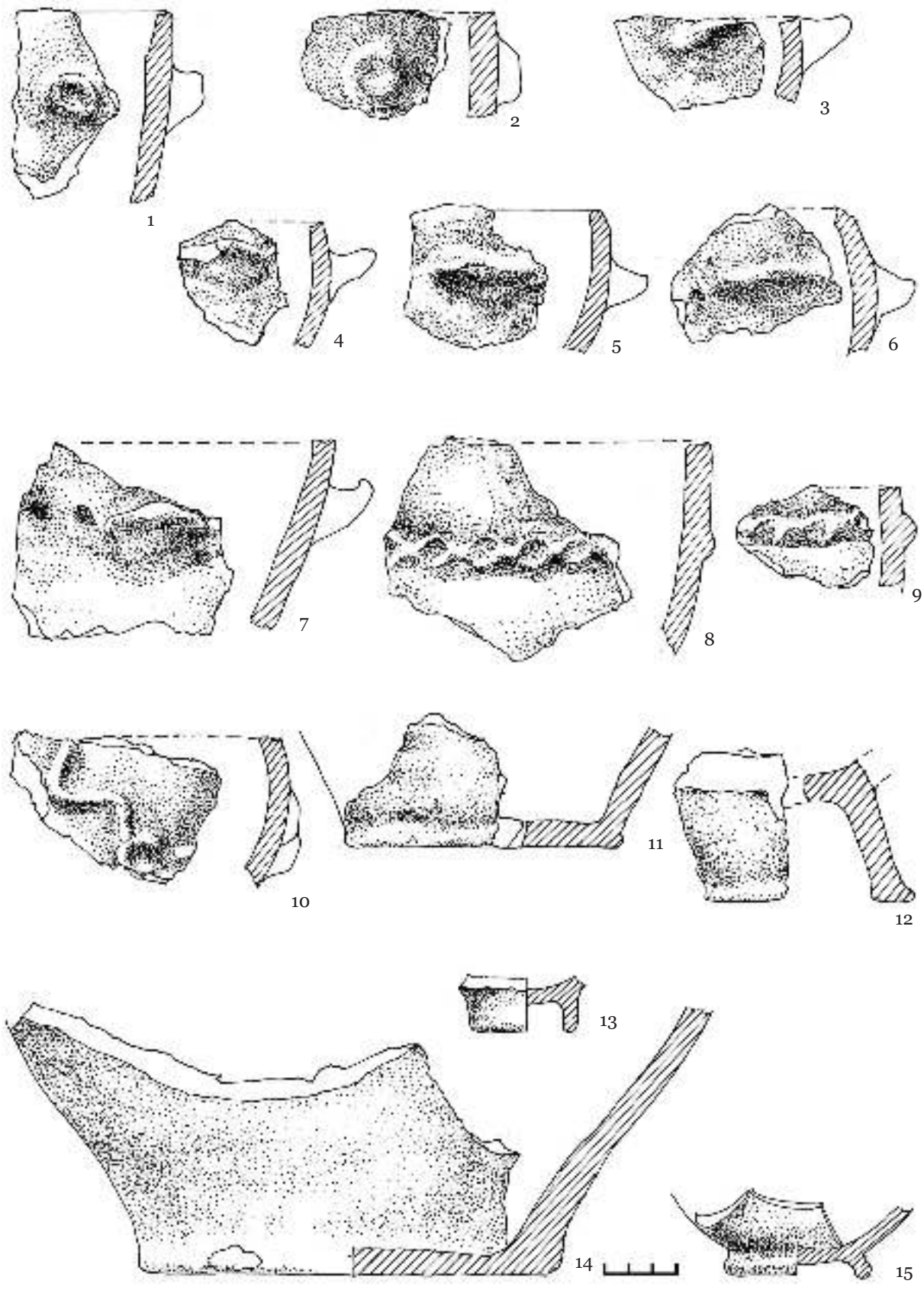
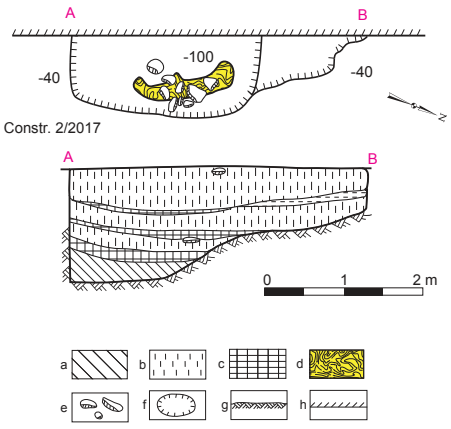


Fig. 23. Fragmente ceramice descoperite în construcţia 1/2017-2018.



1

2

3

Fig. 24. Construcţia 2/2017: 1 - planul şi profilul (Legenda: a. sol cenuşiu; b. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lut ars; c. sol ars; d. lipitură; e. pietre; f. conturul construcţiei; g. strat steril; h. limita secţiunii); 2-3 - vestigiile construcţiei.

Astfel de recipiente sunt caracteristice comunităţilor traco-getice, fiind întâlnite atât în siturile din microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 37; 119-137; 169-173; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 153-164; 203-210; 227-229), cât şi din alte regiuni (Гольцева, Кашуба 1995, таб. XCIV-XCVIII; Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 86-94; Niculiţă, Matveev, Nicic 2019, fig. 72-74; 94 etc.).

Construcţia 2/2017 (fig. 4; 24) a fost sesizată la adâncimea de 0,4 m, fiind cercetată parţial. Însă, după cum reiese din partea investigată, aceasta reprezintă o structură adâncită. Umplutura ei consta din sol argilos în amestec cu cenuşă, fragmente de lut ars şi pietre. Adâncimea construcţiei este de 0,8-1,0 m faţă de nivelul de surprindere. În partea estică a structurii, a fost săpată o cavitate cu o adâncime maximă de 0,5 m, amenajată special pentru instalaţia de foc. Aici a fost descoperită o amenajare din chirpici şi pietre, ceea ce reprezintă, probabil, bolta şi pereţii cuptorului (fig. 24/2). Acesta avea o lungime de 1,35 m şi o lăţime de 0,8 m şi a fost depus pe un strat de pământ bătătorit. Bolta cuptorului s-a păstrat pe o înălţime de 0,2 m. În peretele de vest al instalaţiei a fost atestat un spaţiu liber, ceea ce poate sugera că aici era amenajată gura cuptorului.

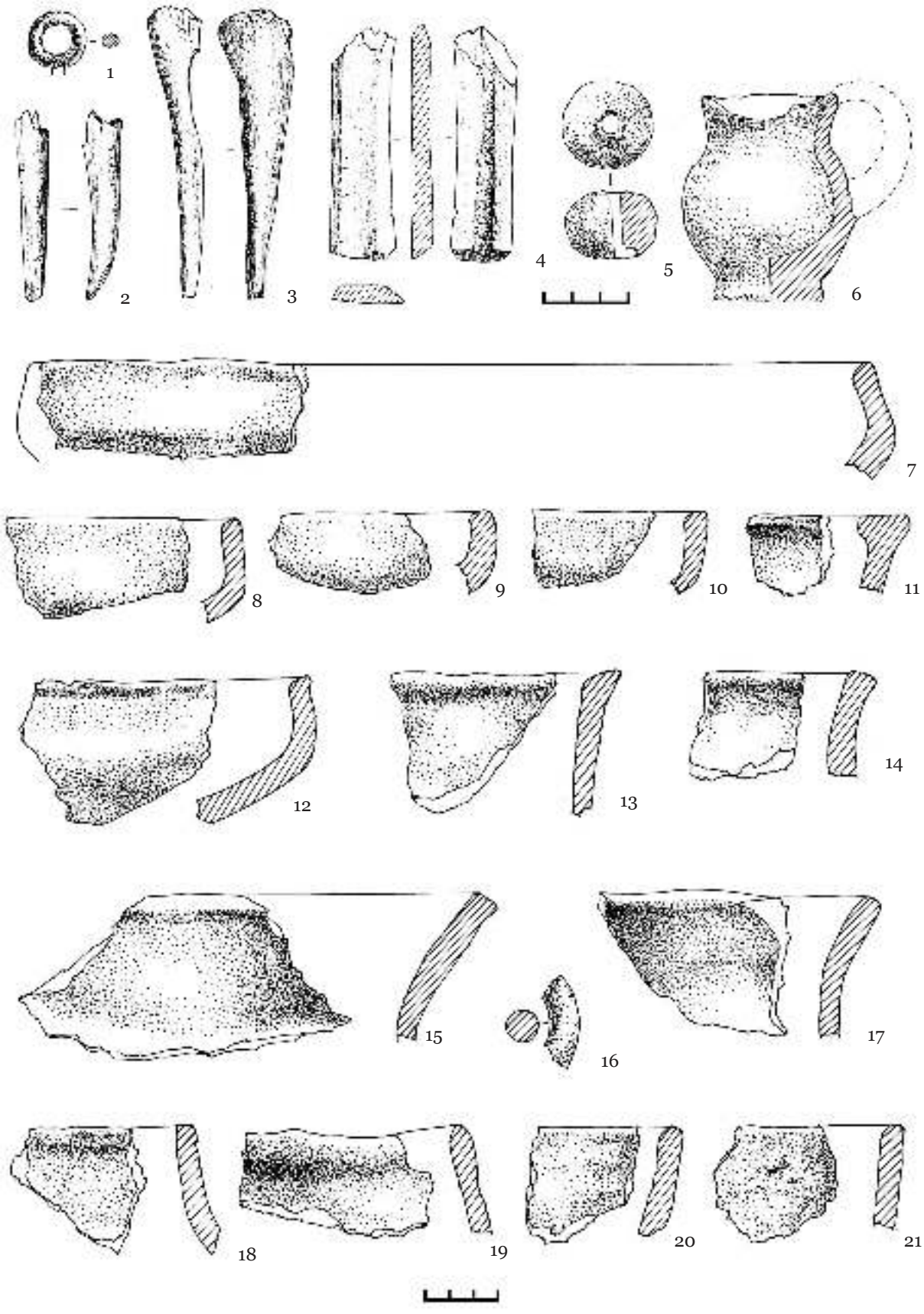


Fig. 25. Inventarul construcției 2/2017.

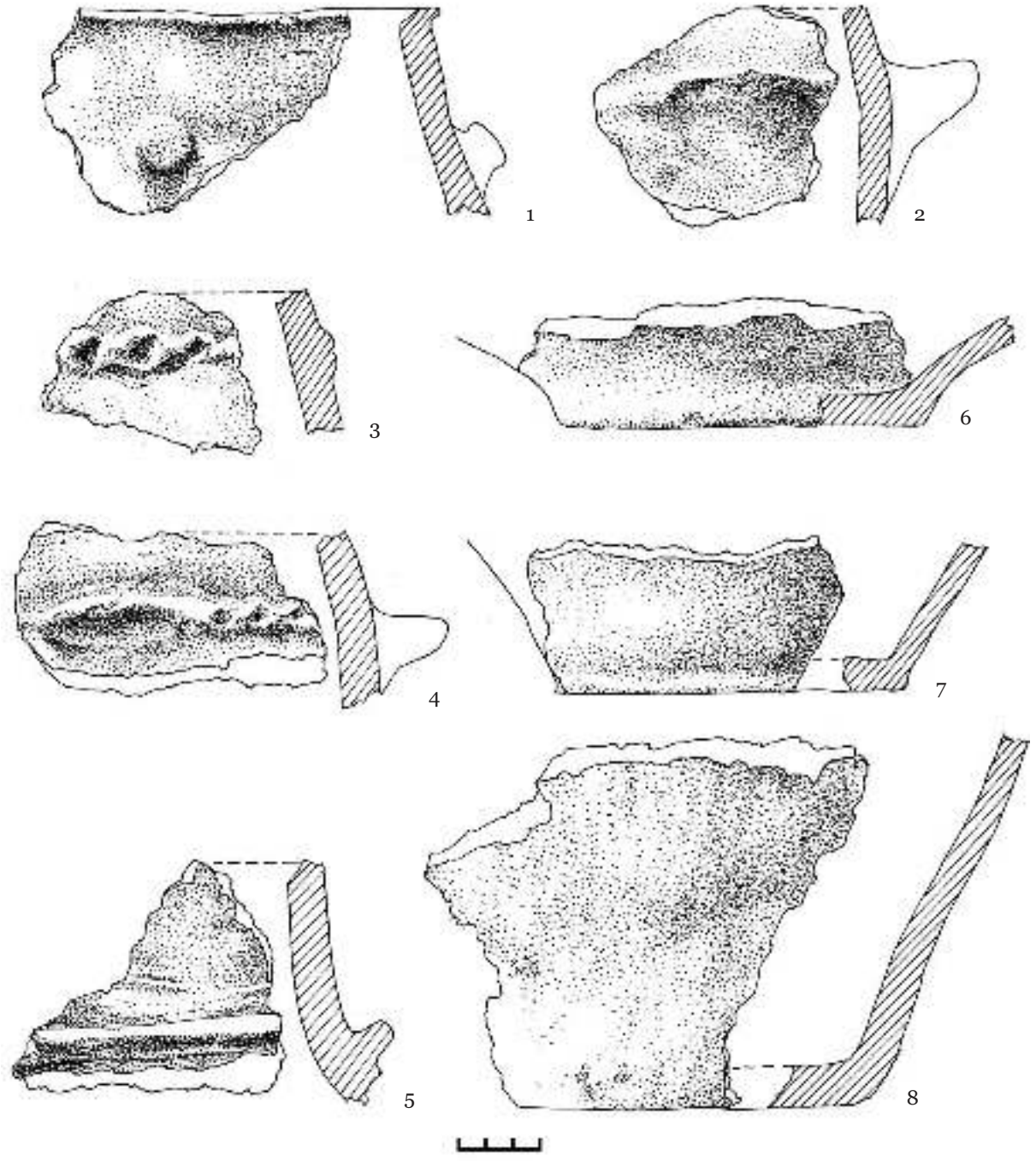


Fig. 26. Inventarul construcției 2/2017.

În urma cercetărilor arheologice din construcție au fost recuperate: un fragment de ac din bronz cu cap inelar (cat. nr. I.33; fig. 25/1), două străpungătoare din os (cat. nr. II.10-11; fig. 25/2, 3), o plăsea din os (cat. nr. II.17; fig. 25/4), o fusaiolă (cat. nr. IV.48; fig. 25/5), o ceașcă (fig. 25/6), 38 fragmente de ceramică (fig. 25/7-21; 26/1-8) și 26 fragmente de oase de animale.

Atât piesele de inventar, cât și ceramica se încadrează tipologic în nivelul de locuire traco-getic de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, fiind similare celor descoperite în construcții, gropi, precum și în stratul cultural.

Construcţia 3/2017-2019 a fost descoperită la adâncimea de 0,5 m. Ruinele construcţiei ocupau o suprafaţă de 10×11 m şi prezentau un strat cu grosimea de 0,4-0,6 m, compus din sol argilos ars, amestecat cu chirpici (unele cu amprente de nuiele şi pari), pietre, fragmente de lemn ars, oase şi fragmente de vase (fig. 4; 27; 28/2-4, 7).

Ca urmare a cercetării ruinelor construcţiei au fost identificate urmele a paisprezece gropi de par, folosite pentru susţinerea acoperişului (fig. 27/1, 4; 28/5, 6). Gropile aveau formă cilindrică cu diametrul de 0,2-0,6 m şi adâncimea cuprinsă între 0,25 şi 0,65 m. Plecând de la traseul gropilor de par şi de la configuraţia dărâmăturii a fost posibilă reconstituirea planimetriei construcţiei şi a modului de edificare a acoperişului. Prin urmare, putem presupune că construcţia a avut o formă patrulateră în plan, orientată cu latura lungă pe direcţia nord-sud, având dimensiunile de aproximativ 7,0×9,5 m. Şirul format din gropile de par nr. I, II, IV, V, VI, IX reprezintă locaşurile rămase de la parii de susţinere ai pereţilor exteriori. Şirul de stâlpi, format din gropile de par nr. IV, VIII, IX ar putea delimita două încăperi, numite convenţional nordică (5,0×7,0 m) şi sudică (4,0×7,0 m). În baza şirului de stâlpi din interiorul construcţiei (gropile de par nr. III, VII, VIII, X, XI, XIII, XIV) se poate afirma că acoperişul era construit în două ape. Construcţia avea pereţii edificaţi în sistemul paiantă, unele fragmente de lut ars păstrând amprente ale împletiturilor de nuiele (fig. 35/9, 10). Pe unele fragmente de lipitură ale pereţilor se observă urme de var, aplicat în mai multe straturi.

Pornind de la succesiunea depunerilor de la nivelul podinii, putem presupune că podeaua a fost reamenajată de câteva ori. În încăperea nordică, iniţial, a fost amenajată o platformă din lemn, ulterior fiind acoperită cu straturi de lut galben bătătorit (fig. 27/1, 5). În încăperea sudică podeaua a fost realizată din pământ bătătorit.

După degajarea ruinelor construcţiei, în colţul de sud-est al încăperii sudice[7], la adâncimea de 0,8 m a fost descoperită *groapa 3/2019* (fig. 4; 27/1). Ea avea formă cilindrică cu diametrul de 0,8×1,1 m şi adâncimea de 0,88 m. Umplutura gropii era formată dintr-un sol ars, în care se aflau fragmente mici de lut ars, trei fragmente de ceramică şi 27 fragmente de oase de animale.

În colţul de est al încăperii nordice, la adâncimea de 0,6 m a fost atestată o pată de sol de culoare cenuşie-închisă, cu dimensiunile de 1,0×1,5 m, în care au fost descoperite mai multe fragmente de oase umane (fig. 27/1; 28/1). Acestea erau dispersate, neavând o conexiune anatomică. Autoarea studiului antropologic al acestor resturi osteologice constată, că osemintele provin de la un bărbat cu vârsta biologică în momentul decesului de circa 60 de ani[8].

La cca 2,4 m nord de construcţie, la adâncimea de 0,6 m a fost descoperit un vas plin cu cenuşă[9] şi mici fragmente de oase de animale (fig. 27/1; 28/8, 9). În jurul vasului au fost descoperite patru gropi, a căror funcţionalitate este neclară la momentul de faţă. Acestea au diametrul de cca 0,15-20 m şi adâncimea de 0,10 m (fig. 19). Lângă vas, la 0,30 m sud-est, s-au păstrat urmele unei instalaţii de foc (vatră?) de formă ovală, cu dimensiunile de 0,35×0,50 m. Spre sud, la cca 0,6 m, a fost descoperită o aglomeraţie din oase arse de animale şi fragmente ceramice, care erau depuse la gura unei gropi[10], probabil, aferente construcţiei (fig. 27/1; 28/8).

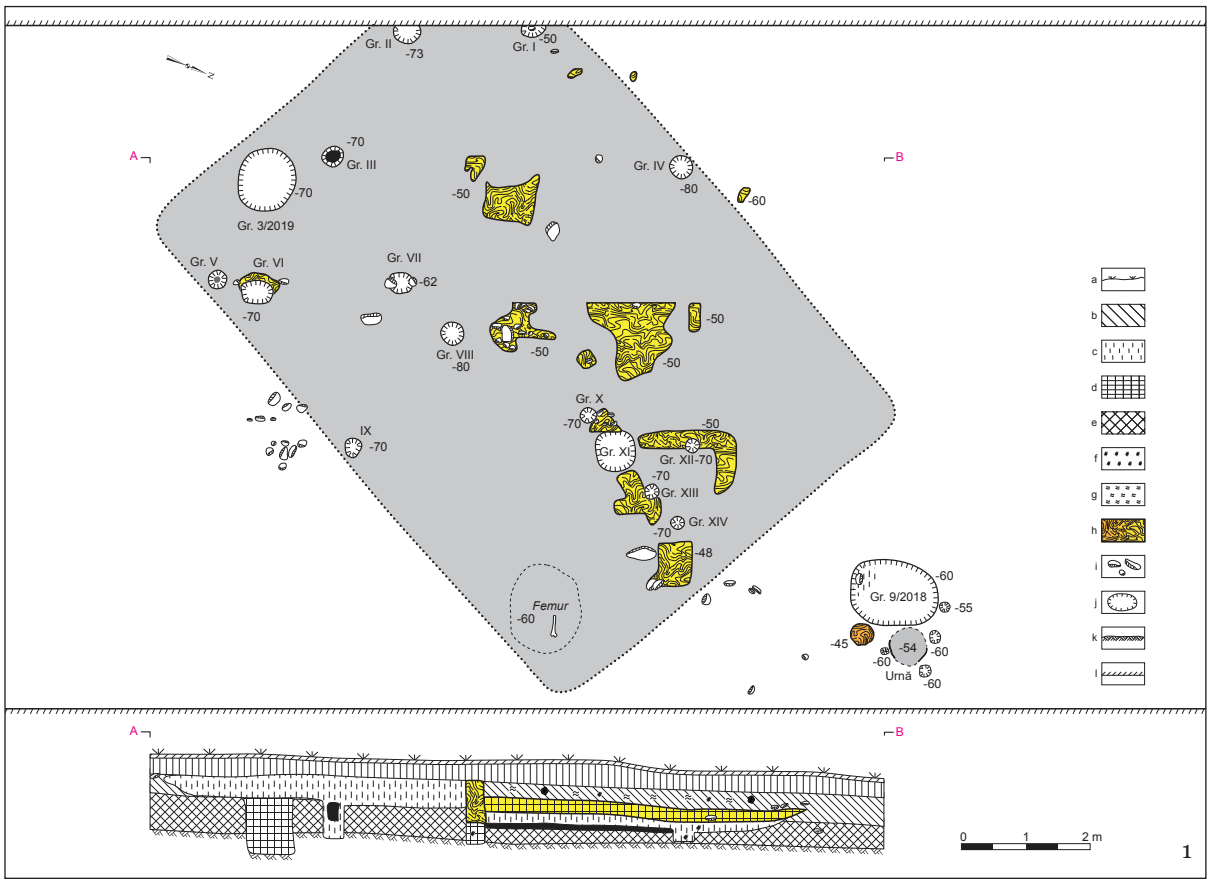
Ca urmare a investigaţiilor arheologice printre ruinele locuinţei au fost descoperite: un fragment de cuţit din fier (cat. nr. I.10; fig. 29/9), o străpungătoare din fier (cat. nr. I.17; fig. 29/10), două fibule din fier (cat. nr. I.26-27; fig. 29/13, 14), o aplică din bronz (cat. nr. I.30; fig. 29/11), o brăţară din bronz (cat. nr. I.31; fig. 29/12), opt vârfuri de săgeată din bronz (cat. nr. I.36-43; fig. 29/1-8), două străpungătoare din os (cat. nr. II.15-16; fig. 29/15, 16), un fragment de creuzet din piatră de calcar (cat. nr. III.17; fig. 30/1), un fragment de piatră de râşniţă (cat. nr. III.18; fig. 31/10), trei percutoare din piatră de gresie (cat. nr. III.22-24; fig. 30/7-9), cinci lustruitoare din piatră (cat. nr. III.28-32; fig. 30/1-6), nouă cute (cat. nr. III.46-55; fig. 31/1-6); 11 fusaiole (cat. nr. IV.50-60; fig. 32), 456 fragmente de ceramică (fig. 33-36; 49/4, 5), bucăţi de lut ars şi 498 fragmente de oase de animale.

[7] În construcţie nu au fost găsite dovezi clare despre existenţa unei instalaţii de foc. O vatră deschisă ar fi putut funcţiona în partea centrală a încăperii sudice, unde a fost descoperită o aglomeraţie de sol ars amestecat cu moloz ars, lut ars şi pietre (fig. 27/5).

[8] Pentru mai multe detalii despre studiul antropologic, vezi: Nagacevschi et al., pag. 333-336, fig. 6-7, din numărul de faţă al revistei.

[9] Rezultatele cercetărilor pedologice ale probei de sol prelevate din vasul-urnă sunt publicate în: Nagacevschi et al., pag. 327, tabelul 2, din numărul de faţă al revistei.

[10] Groapa 9/2018.



2

3

4

5

6

Fig. 27. Construcția 3/2017-2019: 1 - planul și profilul; 2-6 - ruinele construcției.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Fig. 28. Construcţia 3/2017-2019: 1 - femur uman *in situ*; 2, 4, 7 - vase descoperite *in situ* printre ruinele construcţiei; 3 - aglomeraţie de oase de animale, ceramică şi pietre de la nivelul podinei; 5, 6 - groapă de par (III); 8 - amenajări exterioare construcţiei; 9 - vas-urnă, detaliu.

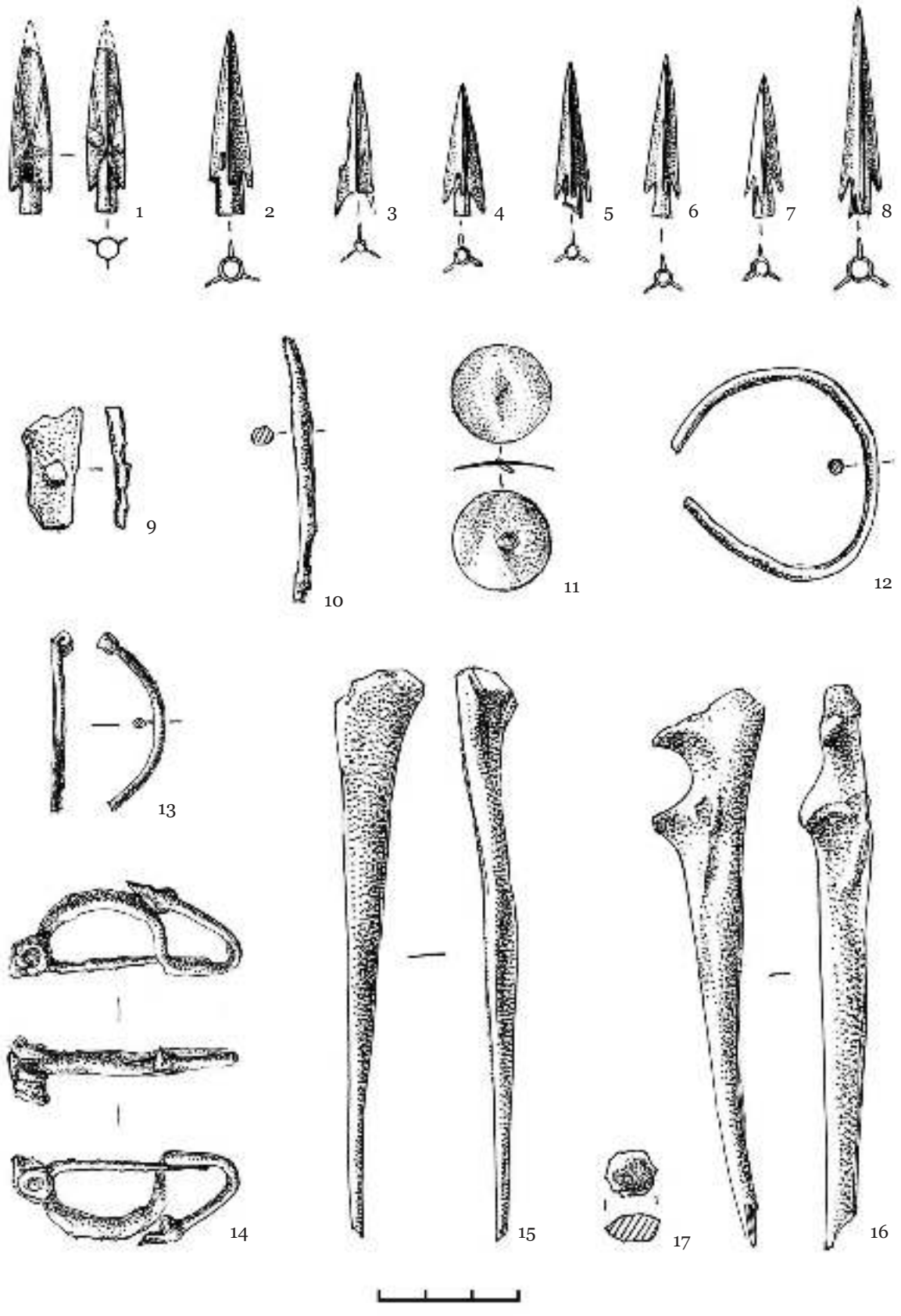


Fig. 29. Construcția 3/2017-2019. Piese de inventar (1-8, 11, 12 - bronz; 9, 10, 13, 14 - fier; 15, 16 - os; 17 - scoică).

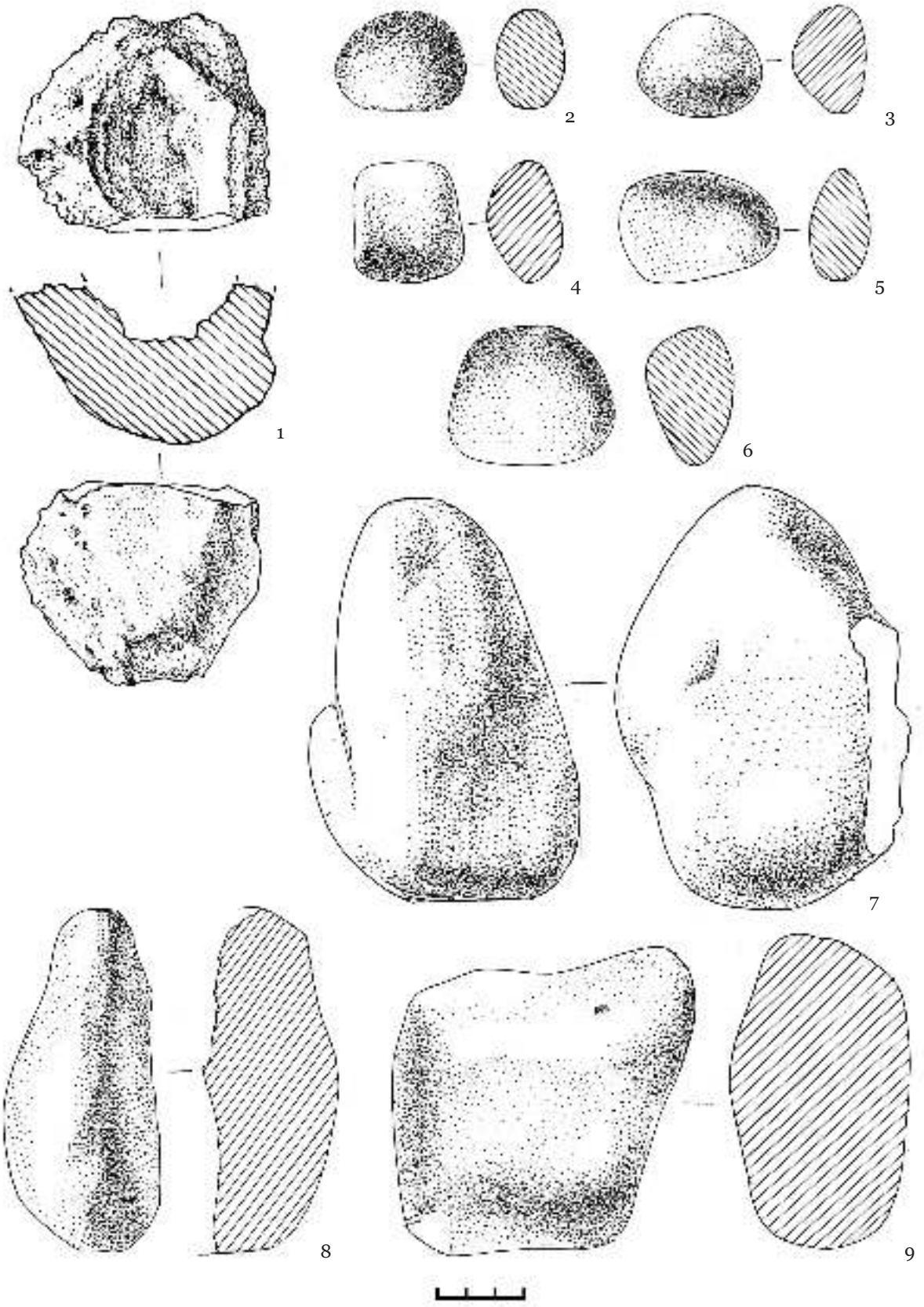


Fig. 30. Construcția 3/2017-2019. Piese de inventar (1 - calcar; 2-8 - piatră de râu).

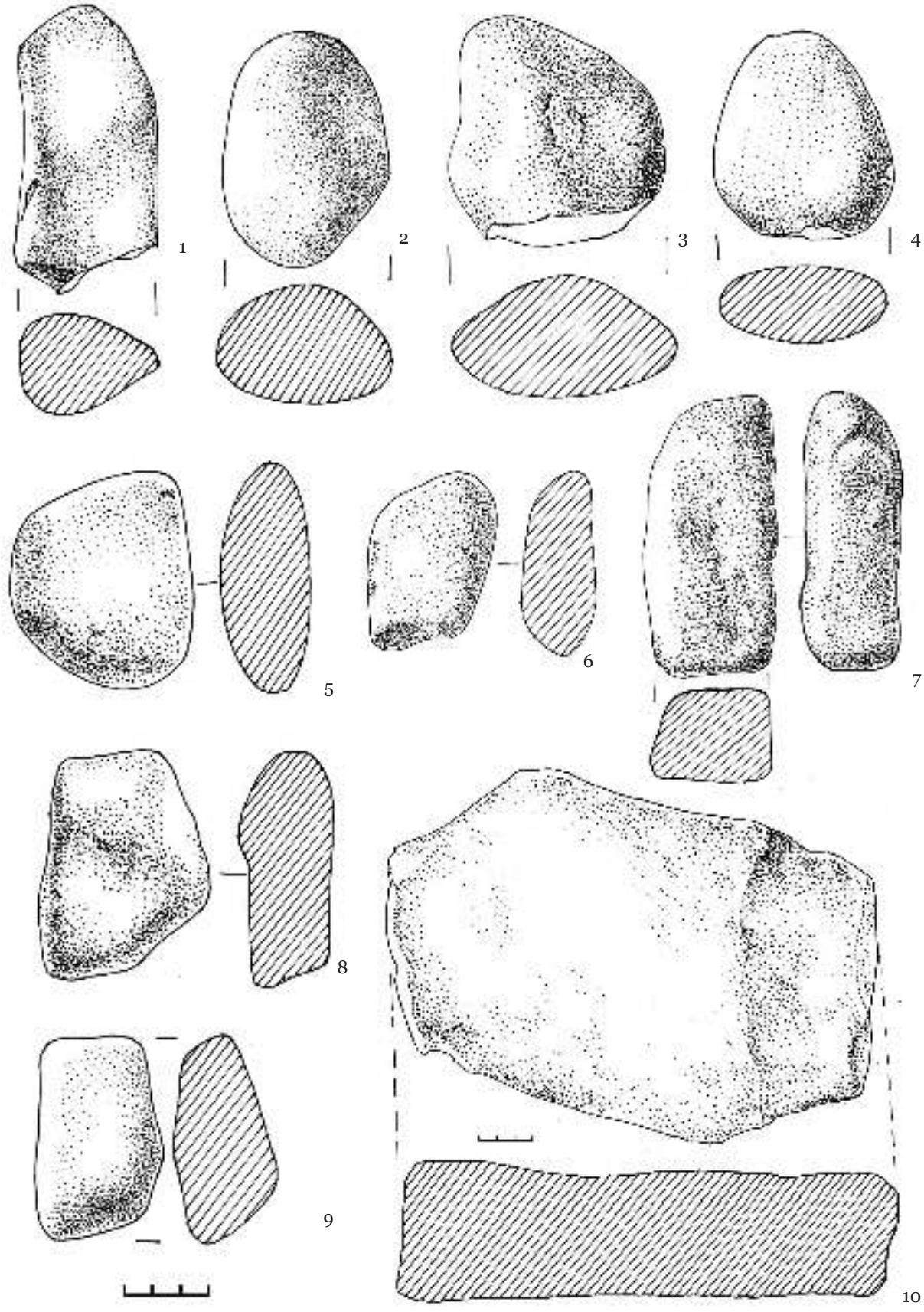


Fig. 31. Construcția 3/2017-2019: 1-9 - cute; 10 - piatră de râșniță.

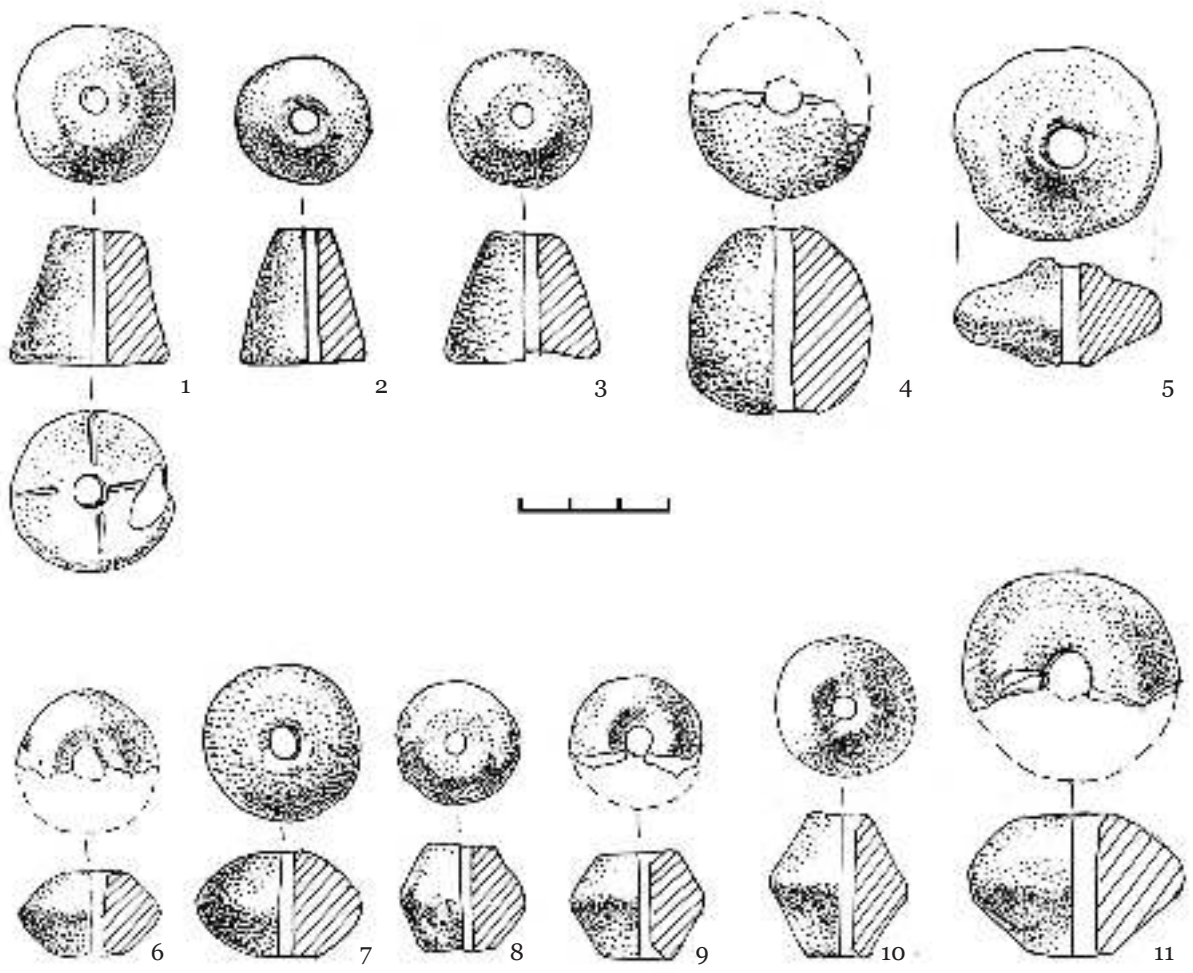


Fig. 32. Construcţia 3/2017-2019. Fusaiole

Ceramica recuperată din construcţie este reprezentată de fragmente, sau recipiente grafic întregibile, confecţionate cu mâna, precum şi la roata olarului.

Din categoria vaselor modelate cu mâna se evidenţiază o serie de vase miniaturale (fig. 28/2, 4; 33/1-5), asemănătoare celor descoperite anterior în fortificaţia Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 138/1-5; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 161/2-7). Asemenea recipiente fiind cunoscute în majoritatea siturilor traco-getice, cum ar fi, de exemplu: Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 210/4-7), Alcedar „La Cordon" (Haheu 1998, fig. 7), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 97-98) etc. Din construcţie provine şi un număr impresionant de fragmente de străchini (fig. 34), care sunt de diferite tipuri şi dimensiuni. Acestea sunt similare veselei descoperite şi în alte structuri arheologice, precum şi în stratul cultural de la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 128-137; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 162-164). De asemenea, sortimentul de oale este destul de bogat şi variat (fig. 35/1-8; 36), care, însă, nu se deosebeşte de cel atestat în alte construcţii, gropi, precum şi în stratul cultural atribuit comunităţilor traco-getice din microzona Saharna.

Ceramica lucrată la roata olarului este reprezentată de fragmente de amfore greceşti, în special, pereţi. Din această categorie se evidenţiază două fragmente de toarte de amforă, una de producţie thasiană (fig. 49/4) şi, cea de-a doua, produsă într-un centru mediteraneean nedeterminat (fig. 49/5).

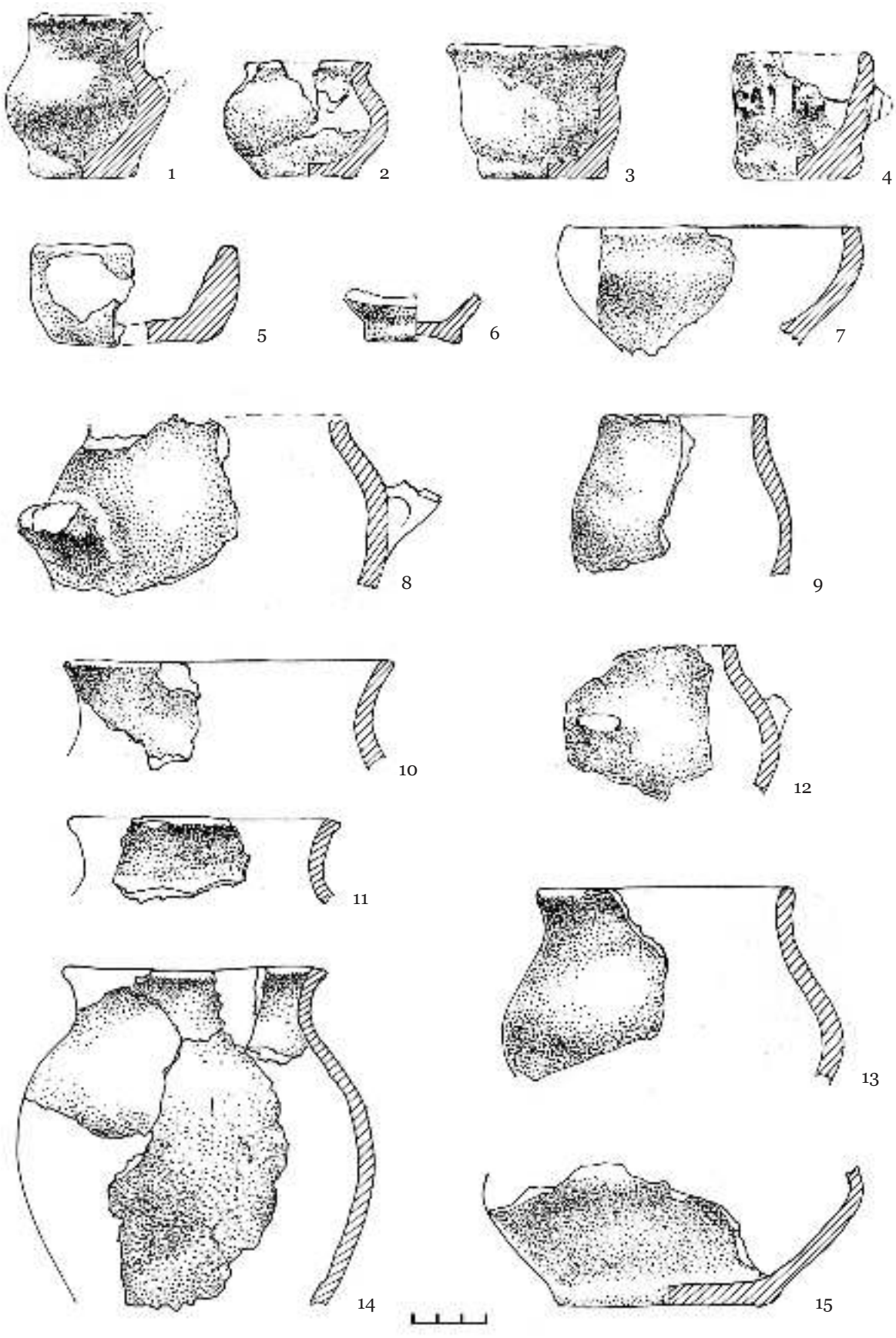


Fig. 33. Construcția 3/2017-2019. Fragmente de vase ceramice.

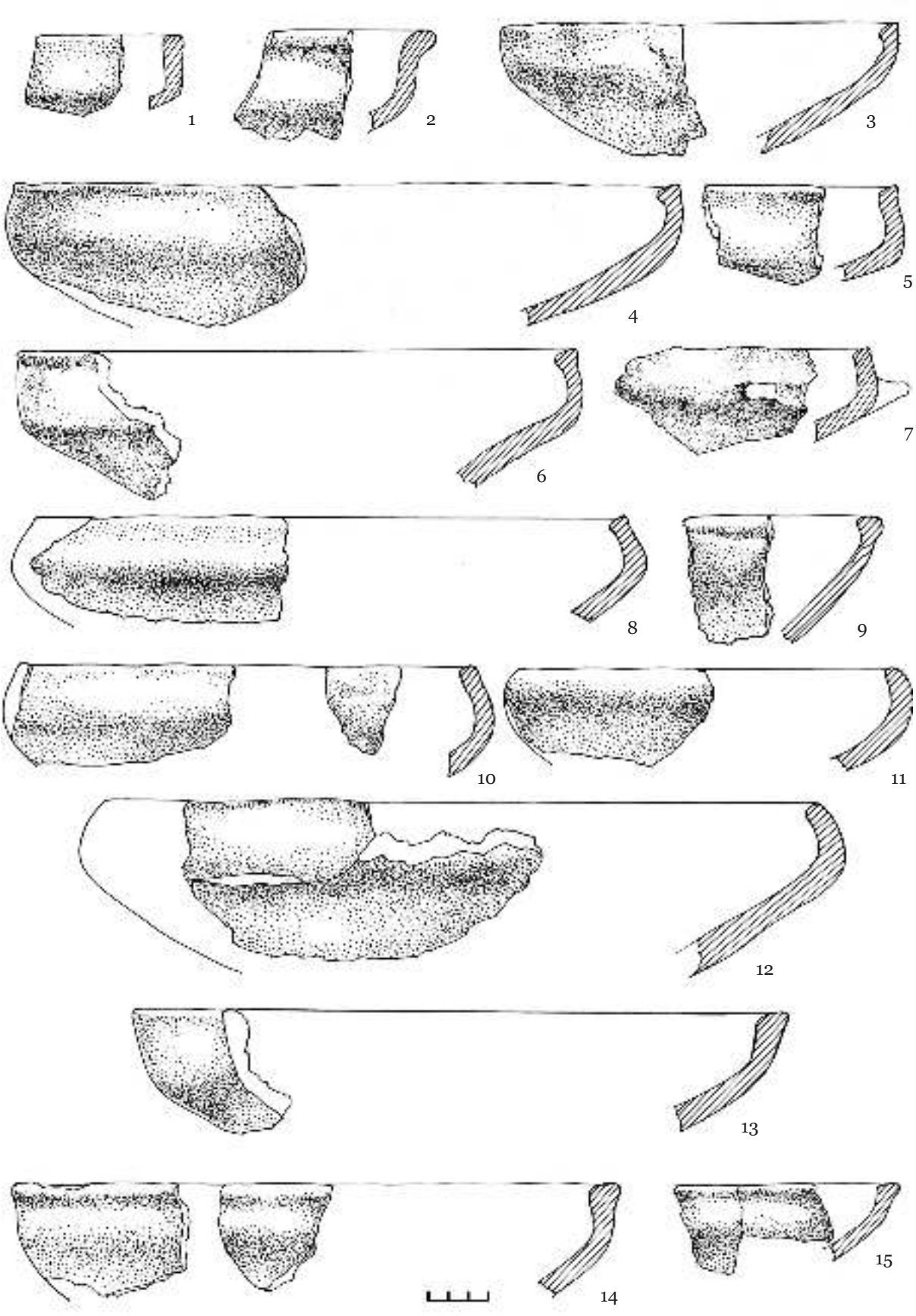


Fig. 34. Construcţia 3/2017-2019. Fragmente de străchini.

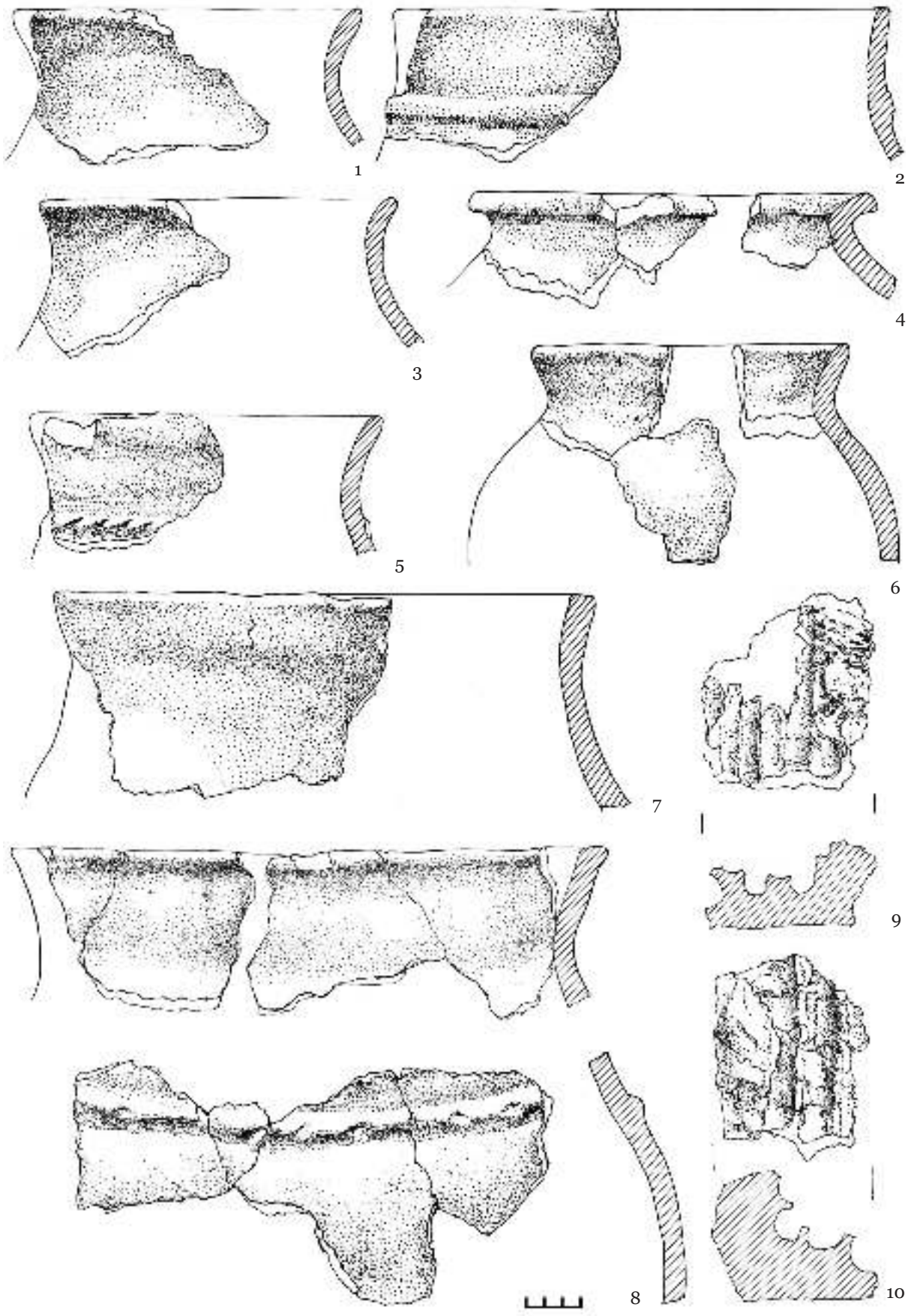


Fig. 35. Construcția 3/2017-2019: 1-8 - fragmente de oale; 9, 10 - fragmente de lut ars cu urme de nuiele.

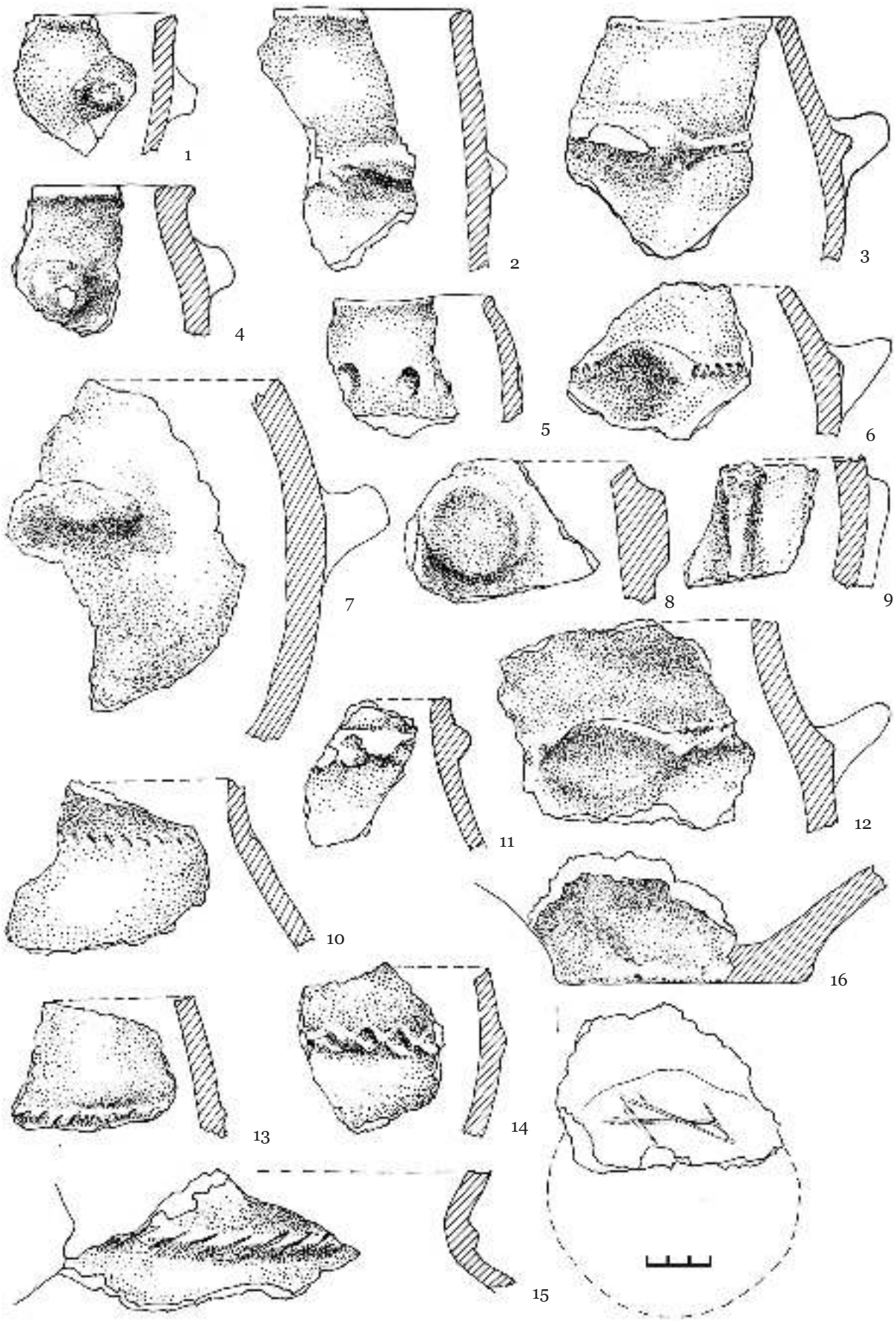


Fig. 36. Construcția 3/2017-2019. Fragmente de oale.

Groapa 1/2017 a fost descoperită în secțiunea 29, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 37/1). A fost cercetată incomplet, însă după cum reiese din partea investigată, groapa era de formă cilindrică cu diametrul de 0,9 m și adâncimea de 1,34 m. Emplectonul gropii consta din sol ars în amestec cu pietre.

Inventar: o cute (cat. nr. III.33; fig. 37/4) și cinci fragmente de ceramică traco-getică (fig. 37/5-7).

Groapa 2/2017 a fost surprinsă în secțiunea 29, la adâncimea de 0,57 m (fig. 4; 37/2). Groapa avea formă cilindrică cu diametrul de 1 m și adâncimea de cca 0,5 m. Groapa a fost umplută cu sol ars.

Inventar: nouă fragmente de ceramică traco-getică (fig. 37/8-15) și 11 fragmente de oase de animale.

Groapa 4/2017 a fost atestată în secțiunea 29, la adâncimea de 0,54 m (fig. 4; 37/3). Ea avea formă cilindrică cu diametrul de 1,4 m și adâncimea de 0,7 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușiu.

Inventar: o străpungătoare din fier (cat. nr. I.15; fig. 37/16), 20 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 37/17-24) și 17 fragmente de oase de animale.

Groapa 7/2017 a fost surprinsă în secțiunea 29, la adâncimea de 0,70 m (fig. 4; 38/1). Groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 1,3 m și adâncimea de 1 m. Emplectonul consta din trei lentile dispuse succesiv. Prima lentilă, compusă din sol cenușiu, avea grosimea de 0,3 m, a doua – din argilă – 0,25 m, a treia, cu grosimea de 0,4 m, consta din sol de culoare cenușie.

Inventar: o fusaiolă (cat. nr. IV.46; fig. 38/3), cinci fragmente de ceramică traco-getică (fig. 38/4-7) și 14 fragmente mici de oase de animale.

Groapa 9/2017 a fost atestată în secțiunea 29, la adâncimea de 0,78 m (fig. 38/2). A fost cercetată incomplet, însă după cum reiese din partea investigată, ea avea formă cilindrică cu diametrul de 1,2 m și adâncimea de 0,6 m. Emplectonul gropii consta din sol castaniu.

Inventar: 20 fragmente de ceramică lucrată cu mână (fig. 38/8-14). Dintre acestea se evidențiază fragmente de la o strachină cu trunchiul tronconic și buza verticală. Pe linia diametrului maxim al trunchiului ea era prevăzută cu suporturi segmentoidale (fig. 38/8). Diametrul gurii era de 30 cm, diametrul maxim al trunchiului – 31 cm, iar înălțimea nu depășea 11 cm. În groapă au mai fost descoperite șase fragmente de oase de animale.

Groapa 1/2018 a fost atestată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 39/1). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,2×1,4 m, al fundului – de 2,0 m și adâncimea de 1,2 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușiu în amestec cu pietre.

Inventar: o fusaiolă (cat. nr. IV.49; fig. 39/3), o străpungătoare din os (cat. nr. II.12; fig. 39/2), 25 fragmente de ceramică traco-getică și 175 fragmente de oase de animale. Din sortimentul vaselor se evidențiază fragmente de oale (fig. 39/4-13, 16, 17) și străchini (fig. 39/14, 15).

Groapa 2/2018 a fost depistată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,35 m (fig. 4; 40/1). Ea avea forma cilindrică cu diametrul gurii de 1,2 m și adâncimea de 0,4 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușos.

Inventar: cinci fragmente de ceramică traco-getică (fig. 40/5-8), 50 fragmente de oase de animale.

Groapa 6/2018 a fost surprinsă în secțiunea 30, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 40/2). Complexul a fost investigat parțial, o parte a lui conținând în afara secțiunii. Însă, conform profilului, s-a putut stabili că groapa a avut formă cilindrică cu diametrul de 1,6 m și adâncimea de 1,2. Ea a fost umplută cu sol cenușiu.

Inventar: 18 fragmente de oase de animale.

Groapa 8/2018 a fost atestată în secțiunea 30, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 40/3). A fost cercetată incomplet, însă după cum reiese din partea investigată, ea avea formă cilindrică cu diametrul de 0,92 m și adâncimea de 1,1 m. Emplectonul gropii consta din sol cenușiu în amestec cu pietre.

Inventar: patru fragmente de ceramică traco-getică (fig. 40/9, 10) și opt fragmente de oase de animale.

Groapa 9/2018 a fost descoperită în secțiunea 30, la adâncimea de 0,6 m (fig. 4; 41/1). Ea avea formă de clopot cu diametrul gurii de 1,4 m, al fundului – de 1,8 m, iar adâncimea de 1 m. Emplectonul reprezenta sol cenușiu în amestec cu cenușă.

Inventar: o lamă de cuțit din fier (cat. nr. I/11; fig. 41/2), 25 fragmente de ceramică traco-getică (fig. 41/3-12) și 89 fragmente de oase de animale.

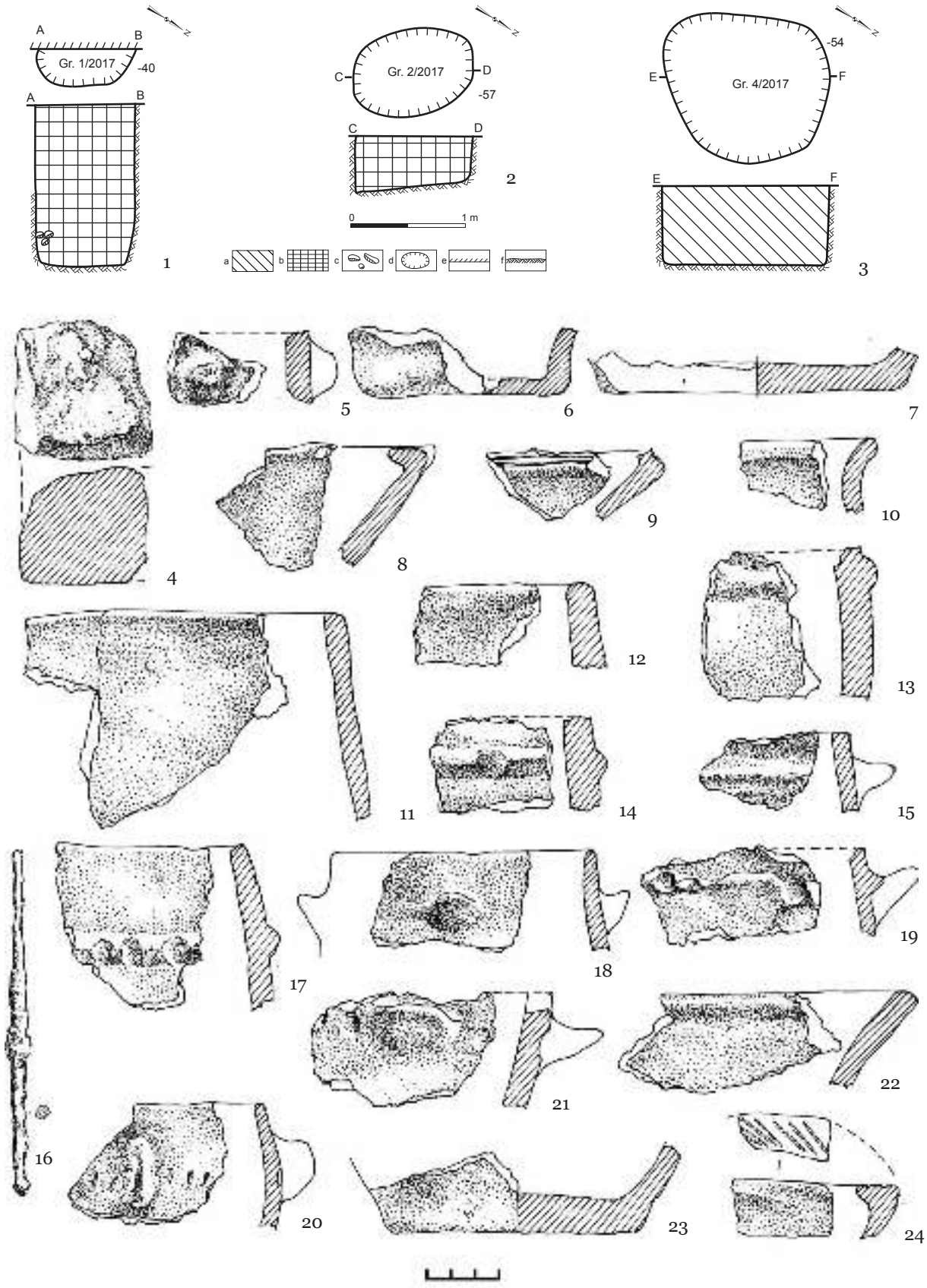


Fig. 37. Gropi din perioada traco-getică: 1, 4-7 - groapa 1/2017; 2, 8-15 - groapa 2/2017; 3, 16-24 - groapa 4/2017 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol ars; c. pietre; d. conturul gropilor; e. limita secțiunii; f. strat steril).

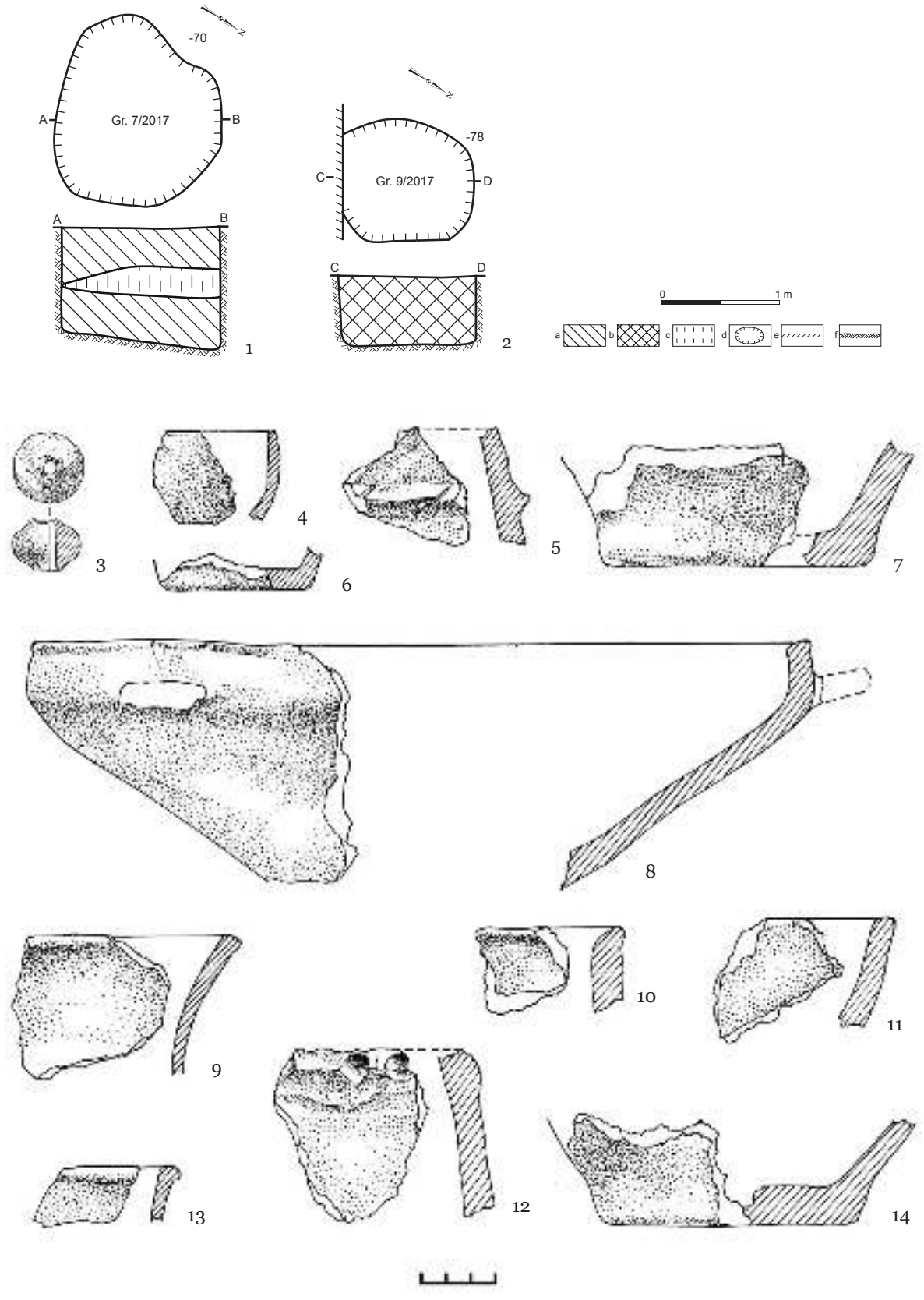


Fig. 38. Gropi din perioada traco-getică: 1, 3-7 - groapa 7/2017; 2, 8-14 - groapa 9/2017
(Legenda: a. sol cenușiu; b. sol castaniu; c. sol argilos; d. conturul gropilor; e. limita secțiunii; f. strat steril).

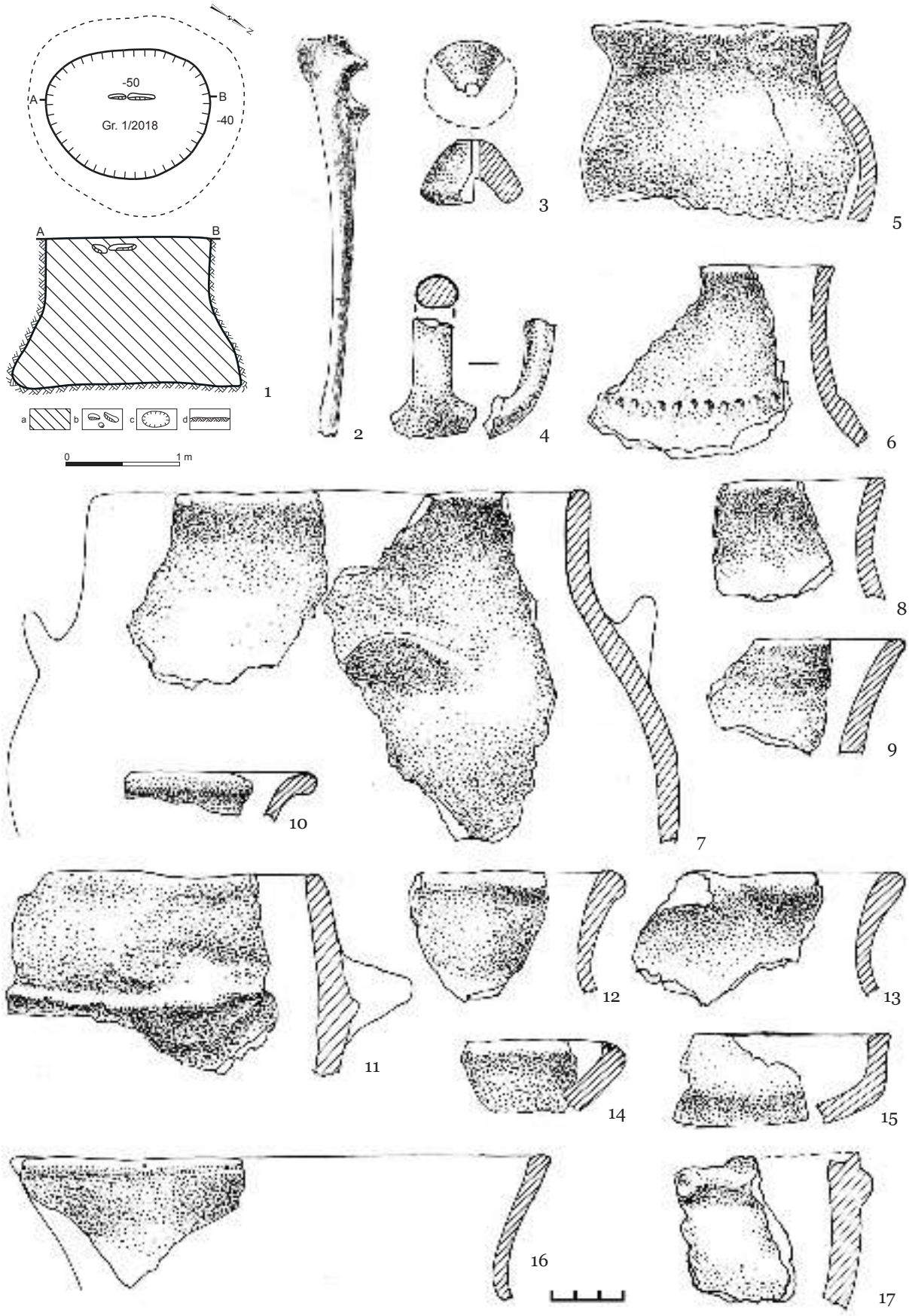


Fig. 39. Groapa 1/2018 (Legenda: a. sol cenuşiu; b. pietre; c. conturul gropii; d. strat steril).

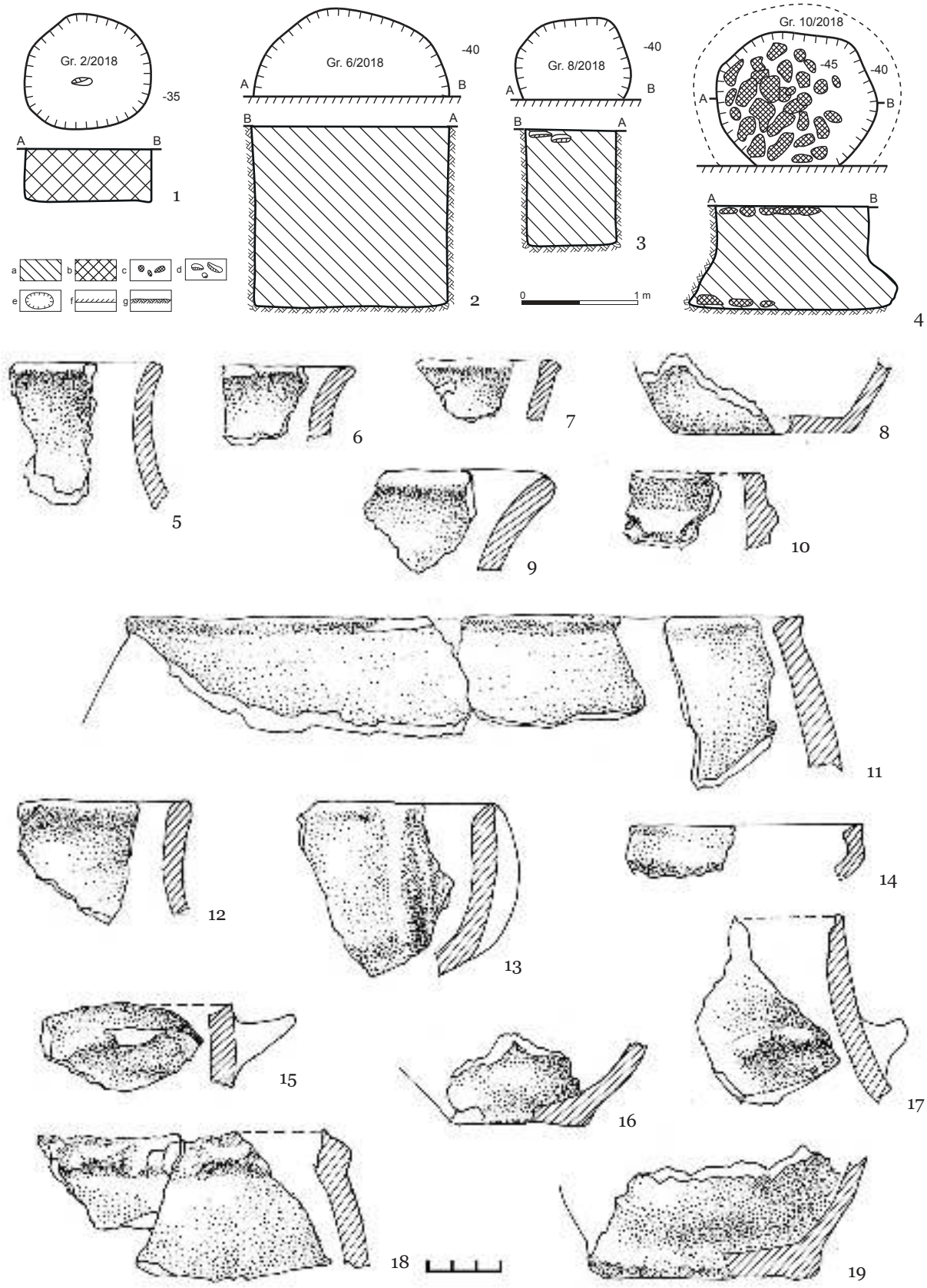


Fig. 40. Gropi din perioada traco-getică: 1, 5-8 - groapa 2/2018; 2 - groapa 6/2018; 3, 9, 10 - groapa 8/2018; 4, 11-19 - groapa 10/2018 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol castaniu; c. fragmente de vatră; d. pietre; e. conturul gropilor; f. limita secţiunii; g. strat steril).

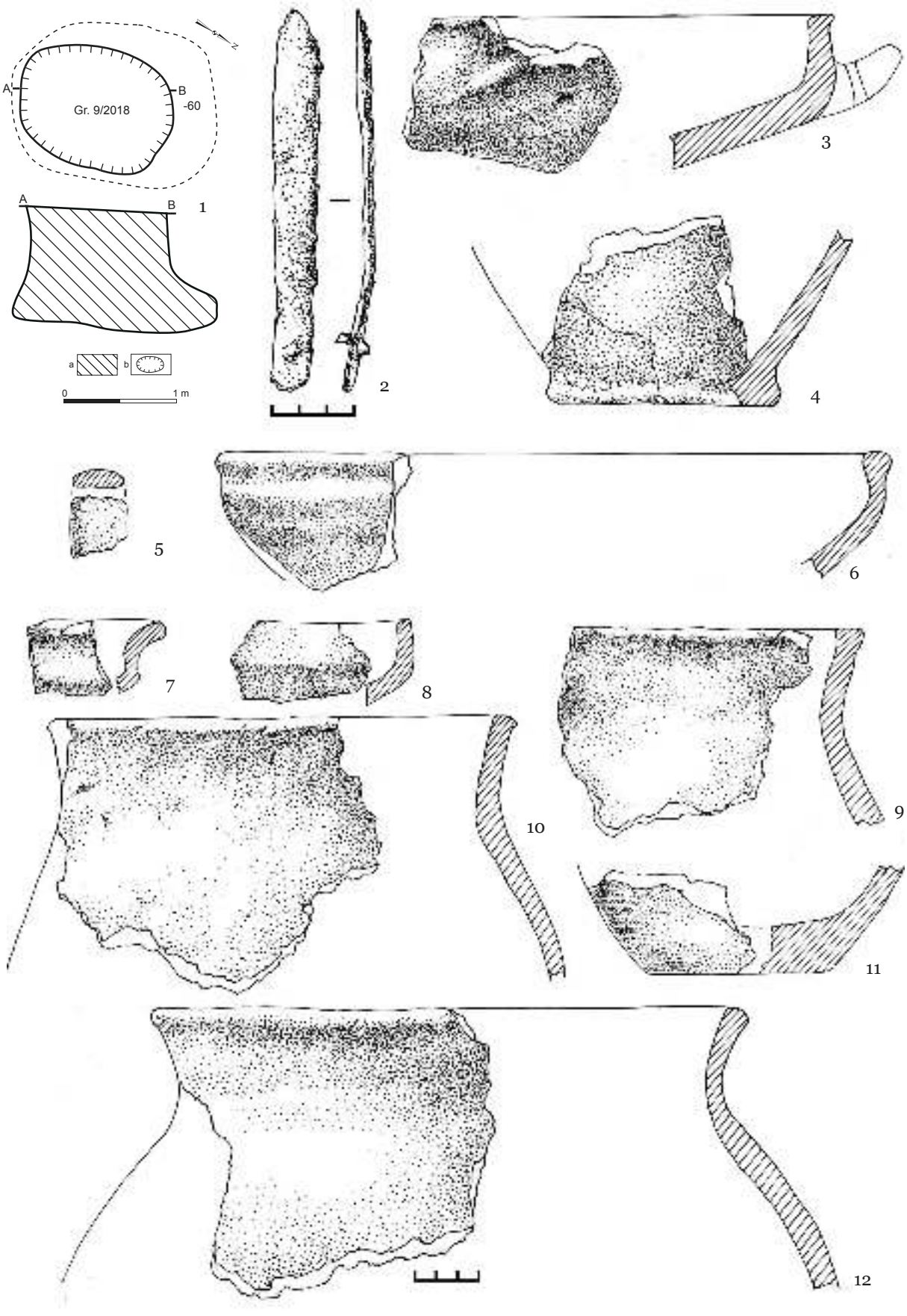


Fig. 41. Groapa 9/2018 (Legenda: a. sol cenușiu; b. conturul gropii).

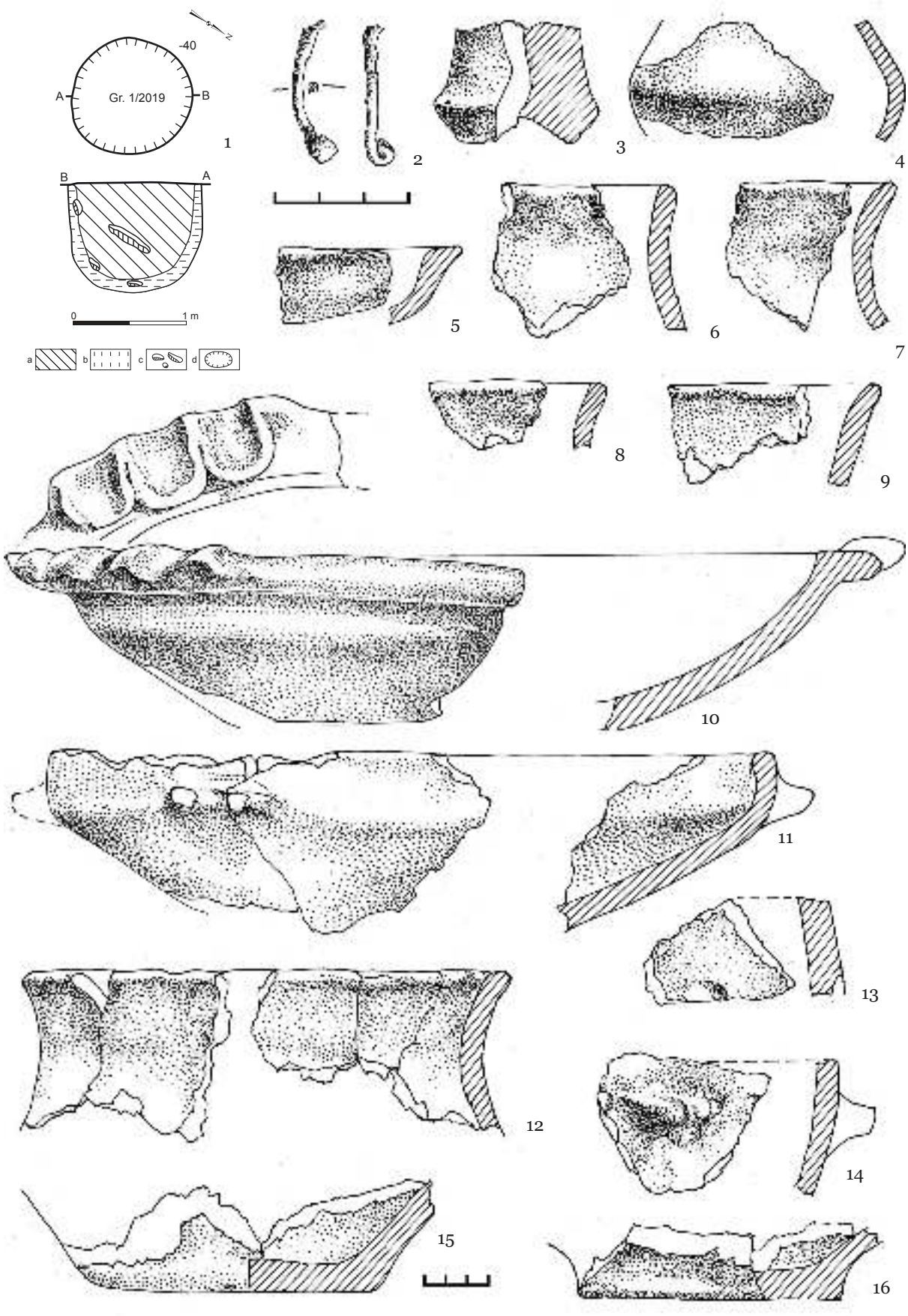


Fig. 42. Groapa 1/2019 (Legenda: a. sol cenușiu; b. sol argilos; c. pietre; d. conturul gropii; e. strat steril).

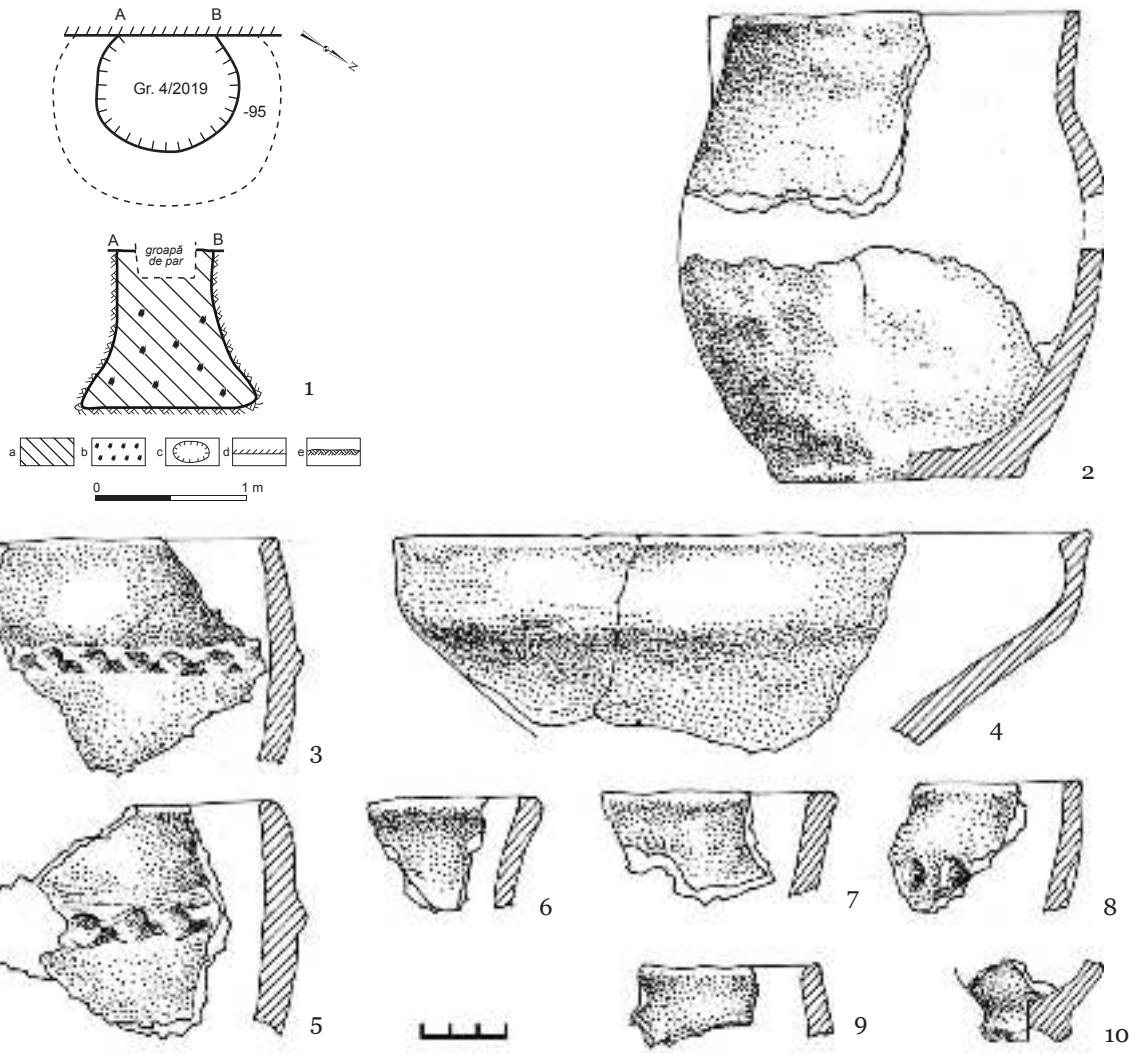


Fig. 43. Groapa 4/2019 (Legenda: a. sol cenuşiu; b. fragmente de lemn ars; c. conturul gropii; d. limita secţiunii; e. strat steril).

Groapa 10/2018 a fost depistată în secţiunea 30, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 40/4). Ea a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 1,4 m, cel al fundului de 1,6 m şi adâncimea de 0,9 m. Emplectonul gropii consta din sol de culoare cenuşie în amestec cu fragmente de lut ars.

Inventar: 40 fragmente de ceramică lucrată cu mână (fig. 40/11-19) şi 42 fragmente de oase de animale. Din partea superioară a gropii au fost recuperate cca 35 fragmente de vatră, alte trei fragmente descoperite de la fundul gropii.

Groapa 1/2019 a fost atestată în secţiunea 31, la adâncimea de 0,4 m (fig. 4; 42/1). Ea avea formă rotundă în plan cu diametrul de cca 1,0 m. Spre fund pereţii erau arcuiţi spre interior, astfel fundul având diametrul de cca 0,7 m. Groapa, cu adâncimea de cca 1,0 m, a fost umplută cu sol argilos, pe margini, şi cu sol cenuşiu – în centru.

Inventar: un fragment de fibulă din fier (cat. nr. I/25; fig. 42/2), 60 fragmente de ceramică modelată cu mâna (fig. 42/4-9, 11-16), un fragment de picior de amforă (fig. 42/3), un fragment de luteriu de Sinope (fig. 42/10) şi 48 fragmente de oase de animale.

Groapa 4/2019 a fost descoperită în secţiunea 31, la adâncimea de 0,95 m (fig. 4; 43/1). Ea a avut forma de clopot cu diametrul gurii de 0,65 m, cel al fundului de 1,15 m şi adâncimea de 1,1 m. Emplectonul gropii consta din sol de culoare cenuşie în amestec cu fragmente de lemn ars.

Inventar: 17 fragmente de ceramică (fig. 43/2-10) şi 63 fragmente de oase de animale.

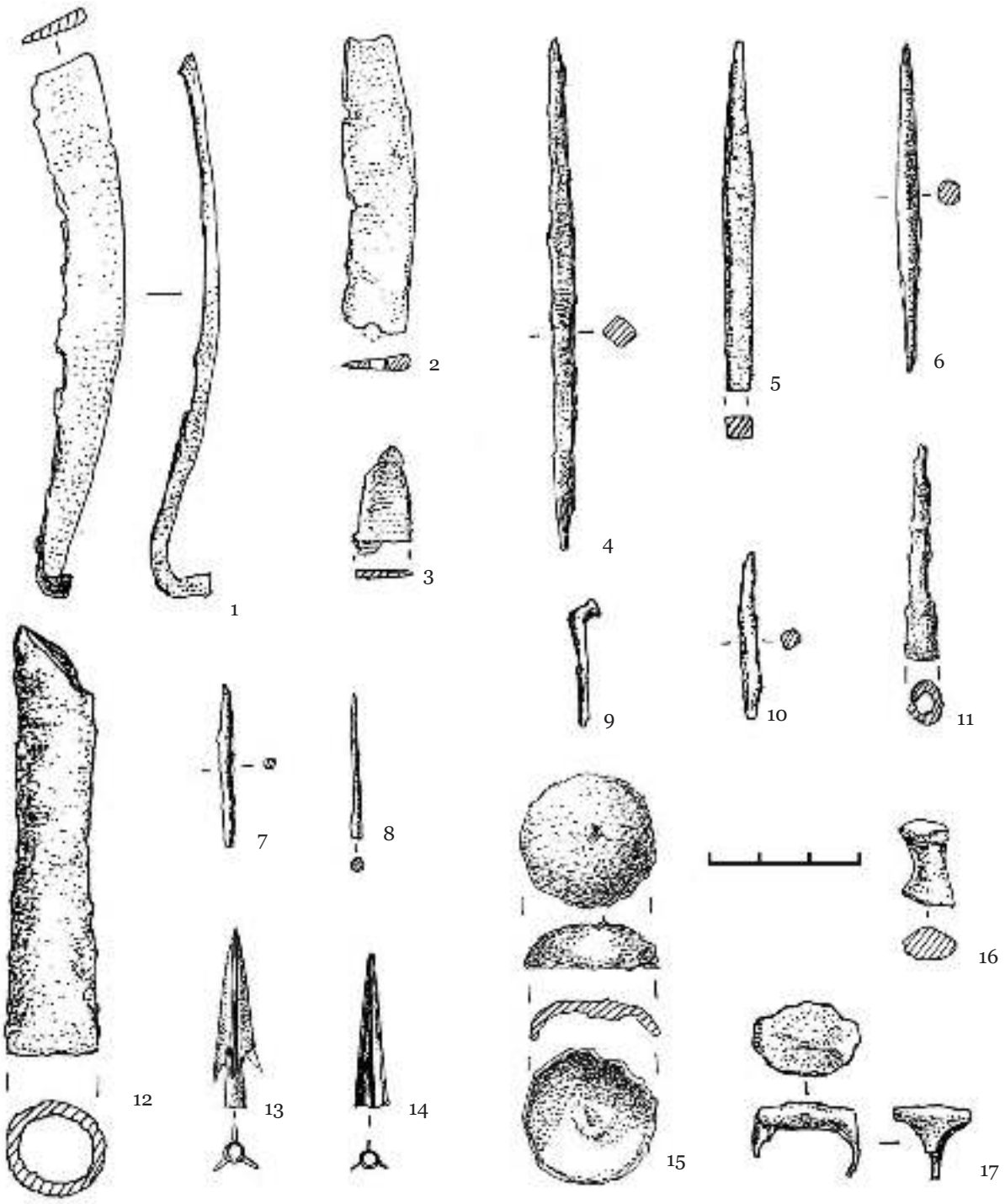


Fig. 44. Piese din metal din nivelul traco-getic (1-12, 15-17 - fier; 13, 14 - bronz).

***

Atât în structurile arheologice, cât și în stratul cultural a fost descoperit un bogat și variat inventar arheologic, reprezentat de unelte de muncă, arme, piese de podoabă și ceramică, confecționate din diverse materii prime: fier, bronz, os, piatră și lut.

Unelte și ustensile

Uneltele și ustensilele din fier sunt reprezentate de o seceră (cat. nr. I.7; fig. 44/1), cinci lame de cuțit (cat. nr. I.8-12; fig. 21/1; 29/9; 41/2; 44/2, 3), șapte străpungătoare (cat. nr. I.13-19; fig. 29/10; 37/16; 44/4-7, 10) și un ac (cat. nr. I.20; fig. 44/8).

Secera avea curbura largă și era înzestrată cu un cârlig pentru înmănușare, dispus sub unghi față de lamă. Piese similare sunt atestate frecvent în așezările getice din sec. IV-III a. Chr., cum ar fi, de exemplu: Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 285, fig. 200/1), Mășcăuți „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, 49-50, fig. 12/1); Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 42, fig. 60/1), Trebujeni „Potârca" (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, 298), Bunești (Bazarciuc 1983, 225, fig. 7/1-8) etc.

Cuțitele aveau muchia arcuită (fig. 44/2) sau dreaptă (fig. 41/2) și erau înzestrate cu peduncul de înmănușare. Piese similare au fost atestate la Saharna Mare și în campaniile anterioare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 125, fig. 145/1-3; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 144/1). La fel, cuțite asemănătoare sunt cunoscute din siturile Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 44, fig. 29/4, 5), Saharna „La Șanț" (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 322, fig. 226/1, 2), Alcedar „La Cordon" (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXVII/7-9), Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 60/2), Trebujeni „Potârca" (Niculiță, Matveev, Nicic 2019, fig. 80/2-5) etc.

Străpungătoarele a fost confecționate din bare rectangulare sau rotunde în secțiune și aveau unul dintre capete ascuțit. La Saharna Mare astfel de piese sunt cunoscute și din cercetările anterioare (Arnăut 2003, 113; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 209, fig. 139/3, fig. 144/2, 7). De asemenea, piese similare au fost descoperite la Curteni (Iconomu 1981-1982, 129, 149, fig. 6/9, fig. 19/5), Brad (Ursachi 1995, 130, pl. 14/14, 18) etc.

Ustensilele din os sunt cunoscute după 10 străpungătoare (cat. nr. II.7-16; fig. 21/4; 25/2, 3; 29/15, 16; 39/2; 45/1-3, 5), o spatulă (cat. nr. II.18; fig. 45/4) și o plăsea (cat. nr. II.17; fig. 25/4).

Străpungătoarele au fost confecționate, în cele mai frecvente cazuri, din oase cubitus de câine. Acestea aveau forma plată sau rotundă în secțiune, cu unul dintre vârfuri ascuțit. Lungimea exemplarelor descoperite este cuprinsă între 4,1 și 16,5 cm. Piese similare au fost atestate și anterior la Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 209, fig. 145/1-3, 5). Străpungătoarele din os au o răspândire largă în siturile traco-getice, fiind descoperite la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 200/6, 7), Alcedar (Haheu 1998, 127, fig. 4/21), Stolniceni (Sîrbu, Arnăut 1995, 392, fig. 4/2), Brad (Ursachi 1995, 136, pl. 20) etc.

Spatula a fost confecționată prin așchierea și șlefuirea unui corn de bovină, ca și în cazul piesei descoperite anterior la Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 106/5). Astfel de unelte

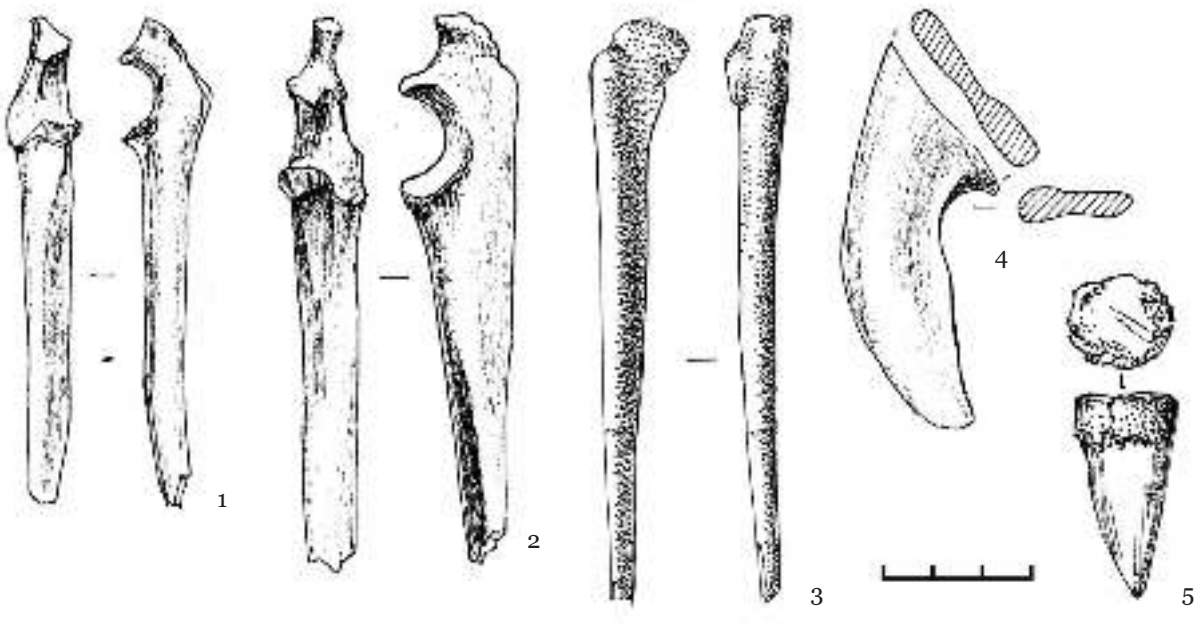


Fig. 45. Piese din os (1-4) și corn (5) din nivelul traco-getic.

sunt frecvent întâlnite în așezările traco-getice din sec. VI-III a. Chr.

Plăseaua a fost lucrată prin șlefuirea unui os de bovină, fiind utilizată, probabil, pentru placarea mânerului unui cuțit. Piese similare au fost descoperite și anterior în fortificația Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 125, fig. 148/8, 9), precum și în alte situri traco-getice din sec. IV-III a. Chr. (Никулицэ 1987, 115, рис. 36/2, 3, 5; Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 27/3; Niculiță, Matveev, Nicic 2019, fig. 68/7).

Uneltele din piatră sunt reprezentate de două pietre de râșniță (cat. nr. III.18-19; fig. 31/10; 46/1), cinci percutoare (cat. nr. III.20-24; fig. 21/7; 30/7-9; 46/2), opt lustruitoare (cat. nr. III.25-32; fig. 21/6; 30/2-6; 46/3, 12), 23 cute (cat. nr. III.33-55; fig. 31/1-9; 46/4-11, 13-17).

Râșnițele de mână, reprezentate prin pietre de râșnițe plate și percutoare au fost confecționate din piatră de gresie și poartă urme de utilizare intensă. Uneltele de acest tip sunt bine documentate la Saharna Mare, fiind atestate și în campaniile anterioare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 126, fig. 150/1-3; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 211, fig. 147/1-8). De asemenea, astfel de râșnițe sunt întâlnite și în alte așezări traco-getice, cum ar fi: Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 287, fig. 200/10), Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 65), Mășcăuți „Dealul cel Mare” (Zanoci 2004, fig. 14/1, 2) etc.

În calitate de *lustruitoare* pentru prelucrarea suprafeței vaselor proaspăt-modelate au fost utilizate pietre de râu sau de gresie. Piese similare au fost descoperite în fortificația traco-getică Saharna „La Șanț” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 226/10-12), precum și în alte așezări din această perioadă (Kašuba, Haheu, Levițki 2000, pl. XXXVI/12).

Cutele au fost descoperite atât în complexe, cât și în stratul cultural. Ele au fost confecționate din pietre de gresie sau de râu și au, de regulă, formă quasi-elipsoidală sau quasi-paralelepipedică. Lungimea lor variază de la 4,0 cm la 11,2 cm, lățimea – de la 1,6 cm la 7,5 cm, iar grosimea – de la 1,0 cm la 4,6 cm. Cute similare au fost descoperite la Saharna Mare și în campaniile anterioare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 126, fig. 149; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 211, fig. 146). Piesele de acest tip sunt frecvent întâlnite în siturile traco-getice de la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 200/11, 12), Saharna „La Șanț” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 226/6-9), Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 64/6, 7, 9, 10), Alcedar (Haheu 1998, 126, fig. 3/1, 2, 8) etc.

Ustensilele din lut au fost descoperite atât în complexe, cât și în stratul cultural, fiind documentate prin 51 fusaiole, trei lustruitoare și un fragment de creuzet (?).

Fusaiolele au fost lucrate din pastă de lut cu impurități de șamotă. Ele au fost arse neuniform, având culoarea ce variază de la cărămiziu/brun la cenușiu. Fusaiolele după formă, indiferent de dimensiunile lor absolute, pot fi grupate în patru tipuri:

Tipul I – fusaiole de formă bitronconică – 30 exemplare (cat. nr. IV.16, 17, 19, 20, 22, 23, 25, 27-33, 35, 37, 41-44, 46, 47, 49, 51-53, 56-59; fig. 21/5; 38/3; 39/3; 32/5-11; 47/1-20). De regulă, înălțimea lor este cuprinsă între 1,1 și 3,3 cm, diametrul maxim variază între 2,0 și 4,5 cm, diametrul bazelor este de 0,8-2,2 cm, iar diametrul orificiului – de 0,4 și 1,2 cm.

Tipul II – fusaiole de formă tronconică – 12 piese (cat. nr. IV.12-15, 26, 34, 38, 39, 45, 50, 55, 60; fig. 32/1-3; 48/1-9). Înălțimea lor variază între 2,0 și 3,5 cm, diametrul bazei mici fiind cuprins între 1,0 și 2,0 cm, al celei mari – între 2,0 și 3,2 cm, iar al orificiului – între 0,4 și 0,7 cm.

Tipul III – fusaiole de formă sferică – cinci exemplare (cat. nr. IV.10, 11, 18, 48, 54; fig. 25/5; 32/4; 48/10, 12, 13). Acestea au diametrul cuprins între 2,4 și 3,0 cm, iar diametrul orificiului – între 0,4 și 0,6 cm.

Tipul IV – fusaiole de formă cilindrică – patru exemplare (cat. nr. IV.21, 24, 36, 40; fig. 48/11, 14-16). Înălțimea lor variază între 1,4 și 3,5 cm, diametrul – între 2,0 și 3,5 cm, diametrul orificiului – între 0,5 și 0,8 cm.

Fusaiole de aceste tipuri au fost descoperite la Saharna Mare și în campaniile anterioare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 126-127, fig. 152-156; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 211, 214, fig. 148/1-21). De asemenea, această categorie de piese este pe larg răspândită la siturile traco-getice din sec. VI-III a. Chr. (Arnăut 2003, 115-116; Teodor 1999, 74, fig. 50; Zanoci 1998, 81, fig. 77, 78).

Lustruitoarele, utilizate pentru prelucrarea ceramicii, au fost confecționate dintr-un mâner de amforă (cat. nr. IV.62; fig. 48/20), precum și din pereții unor vase modelate cu mâna (cat. nr. IV.64; fig. 48/19) sau de amfore grecești (cat. nr. IV.63; fig. 48/18).

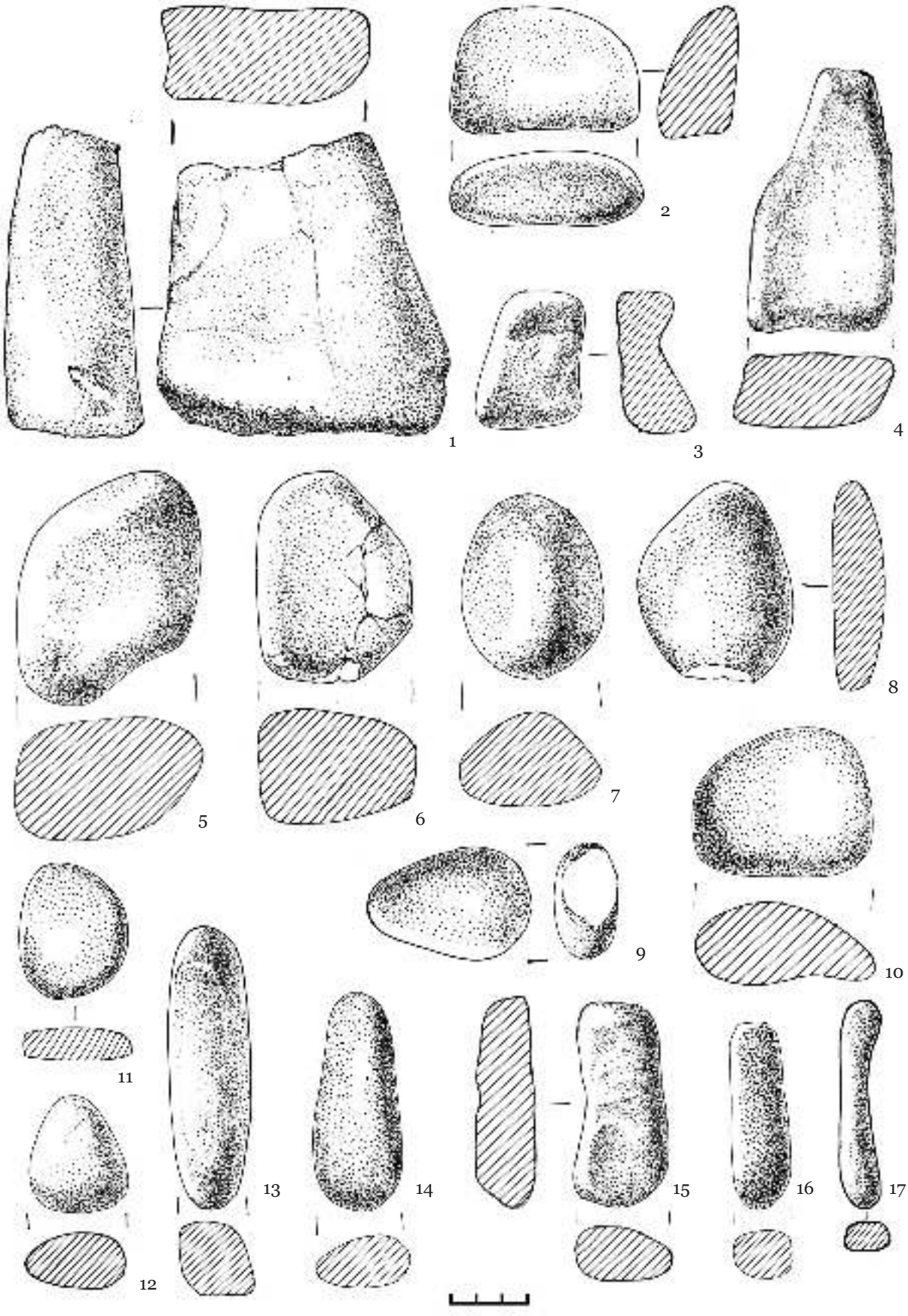


Fig. 46. Piese din piatră din nivelul traco-getic (1 - gresie; 2-17 - piatră de râu).

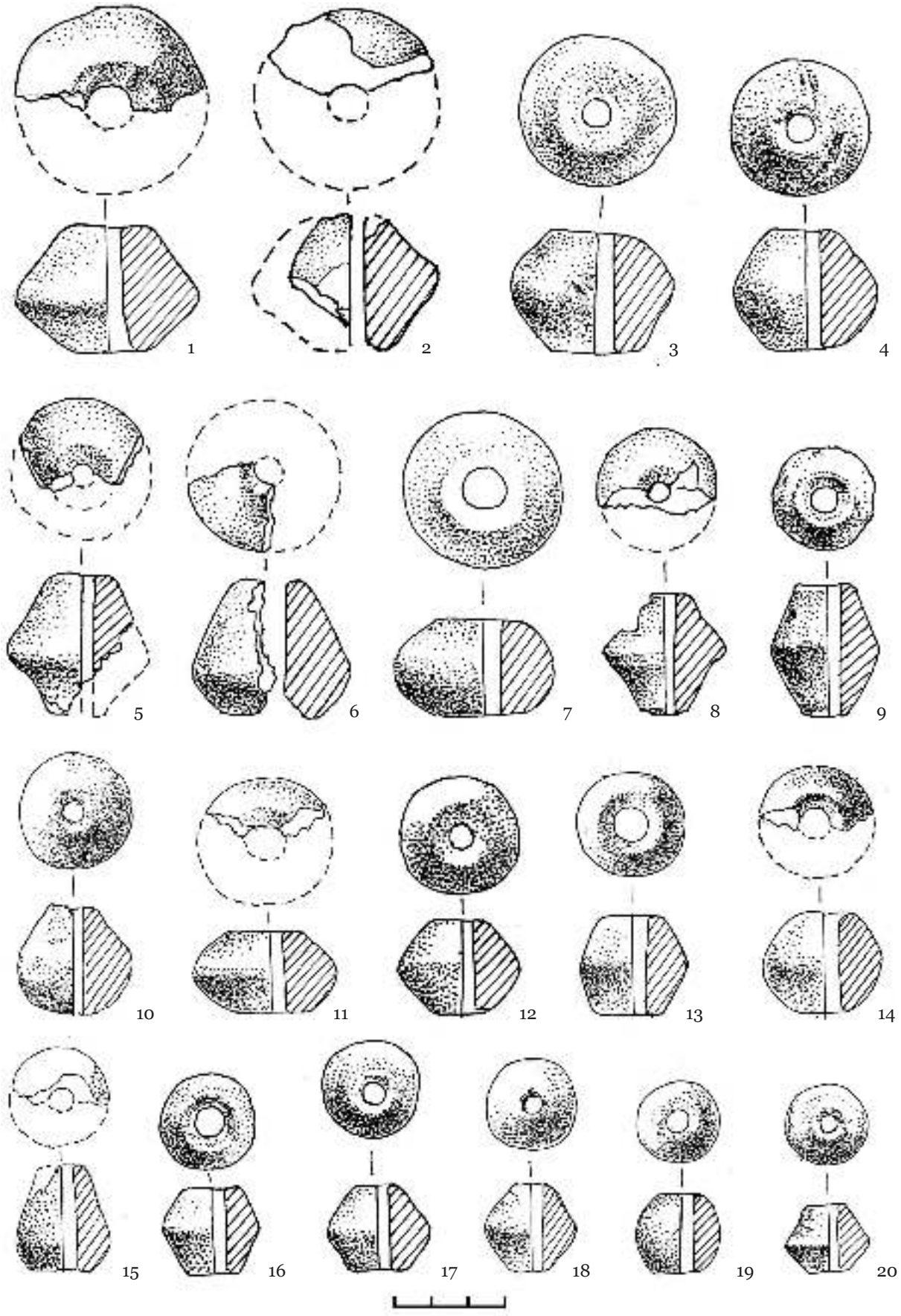


Fig. 47. Fusaiole din nivelul traco-getic.

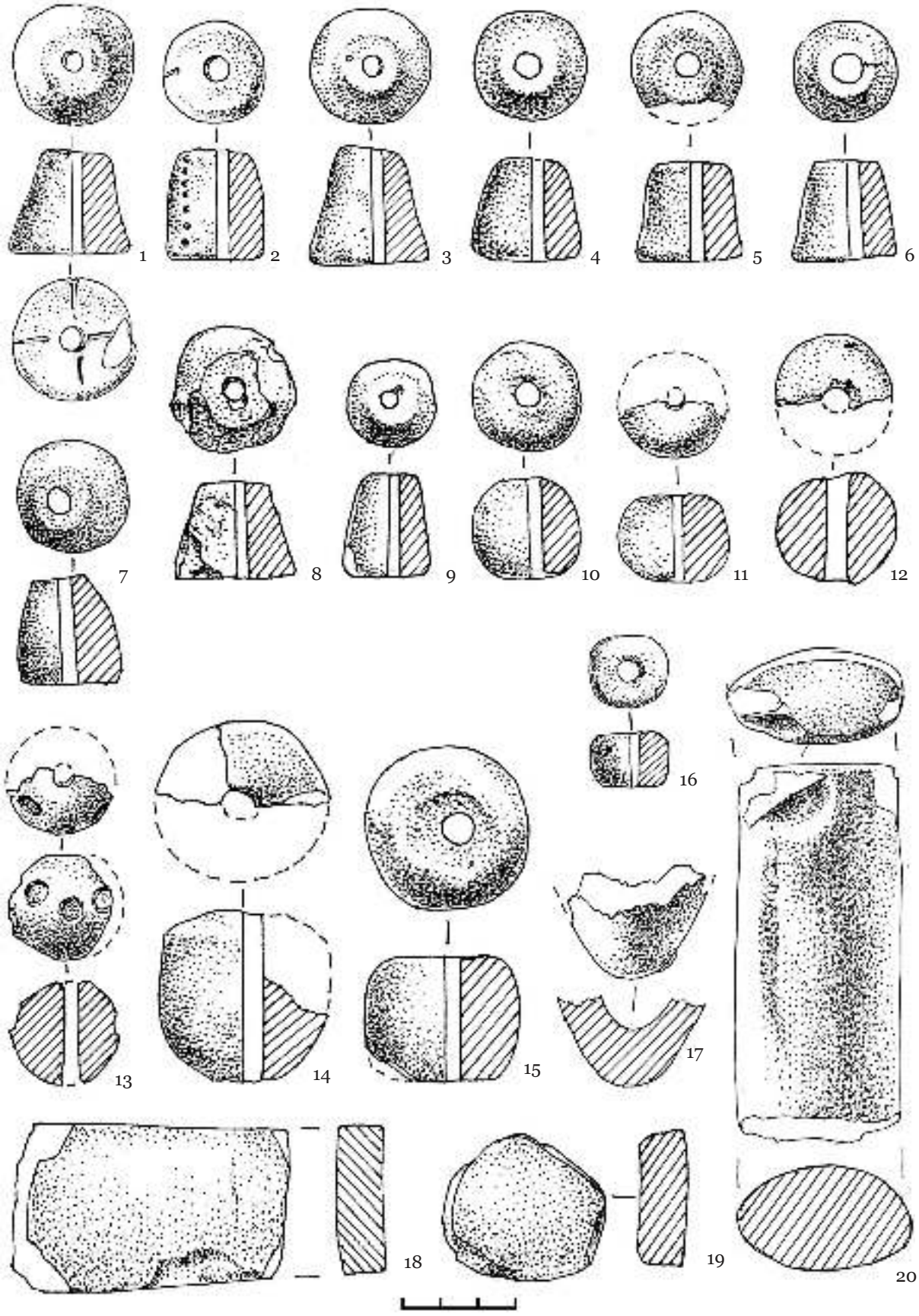


Fig. 48. Piese din lut din nivelul traco-getic.

Arme

Armele descoperite în cetatea Saharna Mare sunt reprezentate de un vârf de dardă, un manşon de lance şi 10 vârfuri de săgeată.

Vârful de dardă (cat. nr. I.23; fig. 44/11), confecţionat din fier, avea secţiunea rotundă şi era înzestrat cu tub de înmănuşare.

Manşonul de lance (cat. nr. I.24; fig. 44/12), a fost lucrat din fier şi avea formă tubulară. O piesă similară a fost descoperită şi anterior în situl Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 215-216, fig. 149/2), precum şi în aşezarea Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 29/3).

Majoritatea *vârfurilor de săgeată* (cat. nr. I.36-43; fig. 29/1-8) au fost descoperite printre ruinele *construcţiei 3/2017-2019* şi doar două (cat. nr. I.34-35; fig. 44/13, 14) în stratul cultural. Ele au fost confecţionate din bronz şi sunt de tipul „cu trei aripioare”. Nouă dintre ele sunt înzestrate cu dulie de înmănuşare exterioară şi, doar unul (fig. 44/14) are bucşă interioară. Dimensiunile vârfurilor sunt diferite, lungimea lor variind între 2,7 şi 4,2 cm.

Piese similare au fost descoperite şi anterior la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 128, fig. 147/7-13; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 216, fig. 149/3, 4). Acest tip de armă este destul de frecvent întâlnit atât în aşezările, cât şi în necropolele traco-getice din sec. IV-III a. Chr. (Arnăut 2003, 119-121).

Piese de podoabă

Categoria pieselor de podoabă este documentată prin: trei fibule, o brăţară, un inel, două aplici şi o mărgică.

Fibulele au fost descoperite printre ruinele *construcţiei 3/2017-2019* (două exemplare) şi în *groapa 1/2019* (un exemplar), toate fiind confecţionate din fier. Una dintre piesele din construcţie (cat. nr. I.26; fig. 29/13), precum şi cea din groapă (cat. nr. I.25; fig. 42/2) sunt de tipul circular cu capetele răsucite („Ringfibeln”). Fibule similare au fost atestate şi anterior în fortificaţia de la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 146/2, 3, 9), precum şi în situl de la Rudi „La Şanţuri” (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, рис. 28/2, 3).

Cea de-a treia fibulă (cat. nr. I.27; fig. 29/14) avea corpul arcuit, îngroşat, resort bilateral cu trei spire pe o parte şi una – pe cealaltă[11], iar coarda exterioară, dispusă în faţa resortului. Piciorul fibulei este întors spre spate, cu buton sferic la mijloc şi cu terminaţie ascuţită. Piese asemănătoare au fost atestate la Saharna Mare şi în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, 127, fig. 151/7-9).

Brăţara (cat. nr. I.31; fig. 29/12) provine din *construcţia 3/2017-2019* şi a fost confecţionată dintr-o sârmă de bronz, rotundă în secţiune. Ea avea capetele libere, fiind de formă circulară cu diametrul de 4,1 cm. Astfel de piese sunt frecvent întâlnite în siturile traco-getice din sec. VI-III a. Chr. (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, рис. 15/6; Никулицэ 1985, рис. 3/4; Arnăut 2003, 133, fig. 74/I, 4).

Inelul (cat. nr. I.28; fig. 44/17) a fost confecţionat din fier şi avea diametrul de cca 1,7 cm. Partea superioară a piesei reprezintă o placă de formă ovală cu dimensiunile 1,8×1,2 cm.

Aplicile sunt de formă concavă şi erau prevăzute pe partea inferioară cu o urechiuşă pentru fixare. Una dintre ele a fost descoperită în stratul cultural, fiind confecţionată din fier (cat. nr. I.29; fig. 44/15). Cea de-a doua (cat. nr. I.30; fig. 29/11) provine din *construcţia 3/2017-2019* şi a fost lucrată din bronz. Piese asemănătoare au fost descoperite la Saharna Mare şi în campaniile anterioare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 146/5). Astfel de aplici sunt cunoscute şi în alte situri din această perioadă, cu ar fi: Hansca „Toloacă” (Никулицэ 1985, рис. 2/15), Brad (Ursachi 1995, pl. 210/23-28) etc.

Mărgica (cat. nr. V.1; fig. 21/3) a fost descoperită în *construcţia 1/29/2017*. Ea avea forma bitronconică şi a fost confecţionată din pastă sticloasă de culoare albastră. Mărgele din pastă sticloasă, însă de alte forme şi alte culori, au fost atestate şi anterior la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 129, fig. 158/1, 2). Astfel de piese sunt atestate şi în alte situri traco-getice, cum ar fi: Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 69/3), Hansca (Arnăut 2003, 136), Alcedar „La Cordon” (Haheu 1998, fig. 4/1, 7, 8) etc.

[11] Probabil că resortul a avut un număr egal de spire, câte trei de fiecare parte.

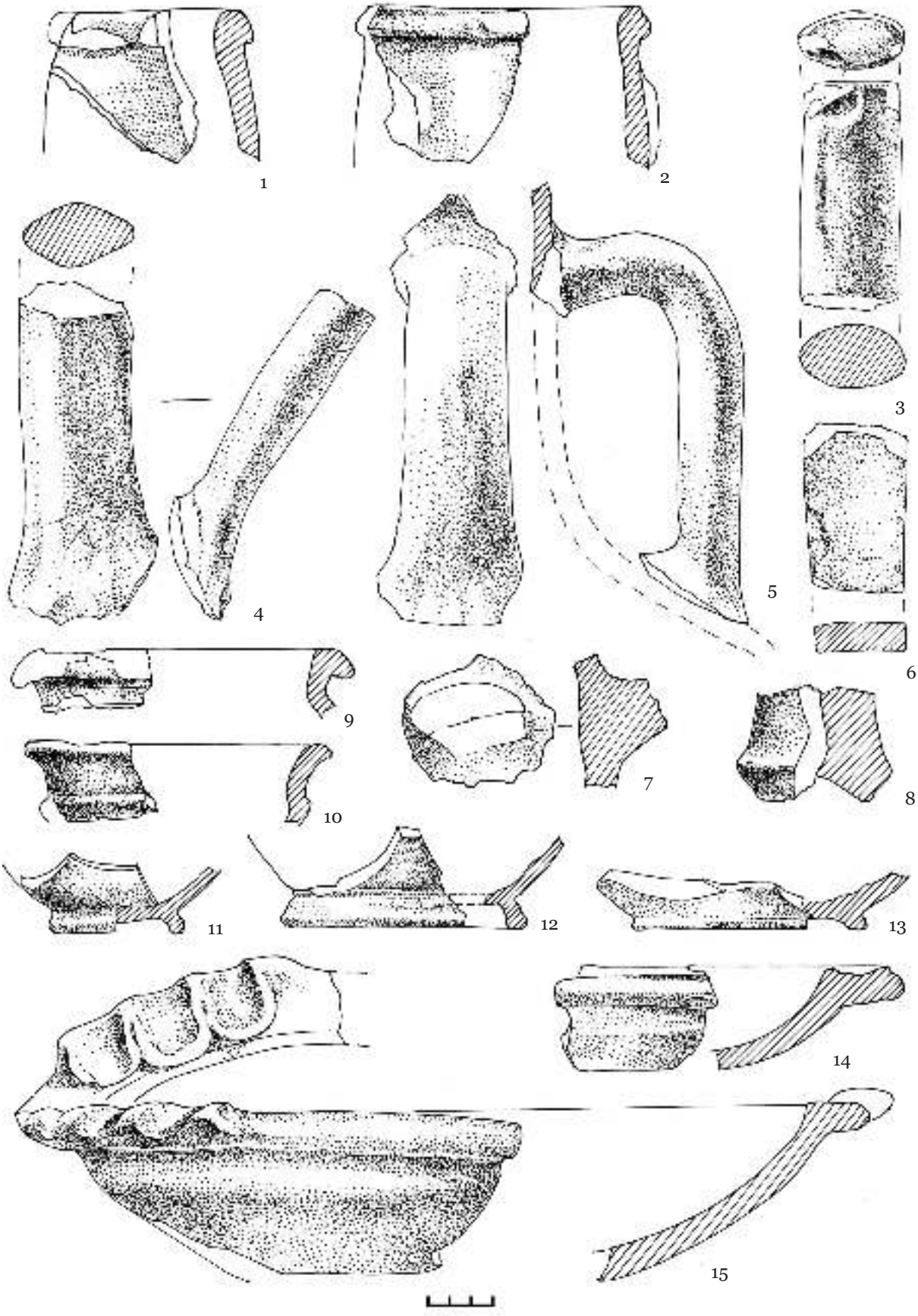


Fig. 49. Centre producătoare greceşti: 1 - Lesbos; 2 - Peparethos; 3 - Chios; 4 - Thasos; 5 - centru mediteraneean; 6 - Mende (?); 7 - Heracleea Pontică; 8 - cercul Thasos; 9 - Cnidos; 14, 15 - Sinope; 10-13 - centre necunoscute.

***

Din cantitatea impresionată de ceramică atestată în nivelul de locuire traco-getic atât în structurile arheologice, cât și în stratul cultural, se evidențiază mai multe fragmente de la recipiente lucrate la roata olarului, de producție grecească[12] (fig. 49).

Centrul producător *Lesbos* este reprezentat de fragmentul unei buze de amforă (fig. 49/1), datată cu ultimul sfert al sec. VI a. Chr. Un alt fragment de buză a fost atribuit unei amfore de *Peparethos* (fig. 49/2), care a fost răspândită între anii ’50-’30 ai sec. IV a. Chr. *Heracleea Pontică* este reprezentată de un fragment de amforă (fig. 49/7), datată cu a doua jumătate a sec. IV a. Chr. Un alt centru de producție prezent la Saharna Mare este insula *Cnidos*, căruia îi revine un fragment de buză de amforă, care se datează cu sec. IV a. Chr.

Fragmentele de amforă atribuite centrelor *Chios* (fig. 49/3), *Mende* (?) (fig. 49/6), *Thasos* (fig. 49/4) și din *cercul Thasos* (fig. 49/8) sunt datate cu aceeași perioadă – sec. IV a. Chr. Se remarcă și centrul producător *Sinope* cu două fragmente de luteriu (fig. 49/14, 15), datate cu a doua jumătate a sec. IV - începutul sec. III a. Chr. De asemenea, au fost atestate și alte fragmente de vase de proveniență grecească (fig. 49/10-13), ale căror centre de producție rămân a fi neidentificate.

Concluzii

Cercetarea arheologică, realizată în anii 2017-2019, vine să confirme importanța prospecțiunilor geofizice, prin care s-a reușit evidențierea unei anomalii în partea de sud-vest a sitului, a cărei investigare s-a soldat cu rezultate remarcabile.

De asemenea, a fost confirmată existența pe sit a mai multor nivele de locuire, atestate și în campaniile precedente.

Astfel, prin cercetarea *gropii 7/2018* s-a reușit lărgirea informației despre locuirea comunităților de tip Holercani-Hansca în așezarea Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, identificată anterior prin *gropile nr. 119* și *nr. 177* (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 40-45, fig. 23-25). *Construcția nr. 4*, gropile, mormântul, precum și inventarul arheologic îmbogățesc cunoștințele noastre cu privire la modul de viață și practicile funerare ale comunităților de tip Cozia-Saharna, care au locuit pe promontoriul Saharna Mare, precum și în alte situri din această perioadă. Iar descoperirile din nivelul traco-getic aduc noi informații cu privire la tipurile de construcții, planimetria și destinația lor.

Catalogul pieselor de inventar[5]

I. Piese din metal

Nivelul hallstattian timpuriu

I.1. Lamă de cuțit (fig. 17/2). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,70 m. Confecționată din fier. Formă – cu muchia curbată. H=5,5 cm, L=1,1 cm, Gr=0,2 cm. Peduncul de înmănușare cu H=1,2 cm. Inedit.

I.2. Lamă de cuțit (fig. 17/1). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,95 m. Confecționată din fier. Formă – cu muchia curbată. H=11,9 cm, L=1,4 cm, Gr=0,2 cm. Inedit.

I.3. Lamă de cuțit (fig. 17/3). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,20 m. Confecționată din fier. Formă – cu muchia curbată. H=5,8 cm, L=1,2 cm, Gr=0,2 cm. Peduncul de înmănușare cu H=1,9 cm. Nit cu D=0,3 cm. Inedit.

I.4. Străpungătoare, fragment (fig. 17/5). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,05 m. Confecționată din fier. Forma – patrulateră în secțiune. H=6,7 cm, $D_{vârf}$=0,2 cm. Inedit.

I.5. Străpungătoare, fragment (fig. 17/4). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,1 m. Confecționată din fier. Forma – rotundă în secțiune. H=4,4 cm, $D_{vârf}$=0,2 cm. Inedit.

I.6. Aplică (fig. 11/2) Secțiunea 30/2018, groapa 3/2018, adâncimea de 0,99 m de la gura gropii. Confecționată din bronz. Forma – ovală în plan. H_{max} =2,8 cm, L_{max} =0,6 cm, Gr_{max} =0,5 cm. Pe partea concavă piesa se subțiază spre mijloc până la 0,4 cm. La bază piesa este prevăzută cu o cavitate de formă ovală alungită în plan cu D=0,3×1,5 cm, Ad=0,2 cm. Inedit.

[12] Analiza ceramicii grecești a fost efectuată de dr. N. Mateevici (Muzeul Național de Istorie a Moldovei), căreia îi aducem mulțumiri și pe această cale.

[13] În catalog au fost utilizate următoarele abrevieri: H – lungimea/înălțimea; L – lățimea; Gr – grosimea; D_{max} – diametrul maxim; D_b – diametrul bazei (bazelor); D_{orf} – diametrul orificiului.

Nivelul traco-getic

I.7. Seceră (fig. 44/1). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,10 m. Confecţionată din fier. H= 10,5 cm, L= 0,5-1,5 cm, Gr=0,1-0,3 cm. Inedit.

I.8. Lamă de cuţit, fragment (fig. 44/2). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,15 m. Confecţionată din fier. Forma – cu muchia arcuită. $H_{păstrată}$=5,9 cm, L=1,4 cm, Gr=0,1-0,3 cm, D_{orf}=0,3 cm. Inedit.

I.9. Cuţit (fig. 21/1). Secţiunea 29/2017, construcţia 1/2017-2018, adâncimea 0,58 m. Confecţionat din fier. Are lama scurtă, foliformă cu H=4 cm, L=1,5 cm, Gr=0,2 cm. Peduncul de înmănuşare cu L=6 cm. Inedit.

I.10. Cuţit, fragment (fig. 29/9). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/31/2019, adâncimea 0,75 m. Confecţionat din fier. H=2,4 cm, L=1 cm, Gr=00,2 cm. Pe limba mânerului s-a păstrat un nit cu D=0,4 cm. Inedit.

I.11. Cuţit (fig. 41/2). Secţiunea 30/2018, groapa 9/2018, adâncimea 0,18 m de la gura gropii. Confecţionat din fier. Formă – cu muchia dreaptă. H=10,1 cm, L=1,6 cm, Gr=0,3 cm. Peduncul de înmănuşare cu H=3,5 cm, pe care s-a păstrat nitul (D=0,3 cm) de prindere a plăselei. Inedit.

I.12. Cuţit, fragment (fig. 44/3). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,30 m. Confecţionat din fier. S-a păstrat doar un fragment de peduncul cu H=2 cm, L=1,0 cm, Gr=0,3 cm. Inedit.

I.13. Străpungătoare (fig. 44/5). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,20 m. Confecţionată din fier. Forma – rectangulară în secţiune (0,4×0,5 cm) cu vârful ascuţit. H=6,9 cm, $D_{vârf}$=0,2 cm. Inedit.

I.14. Străpungătoare, fragment (fig. 44/10). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,34 m. Confecţionată din fier. H=3,2 cm, D=0,3 cm. Inedit.

I.15. Străpungătoare (fig. 37/16). Secţiunea 29/2017, groapa 4/2017, adâncimea 0,10 m de la gura gropii. Confecţionată din fier. Forma – rotundă în secţiune cu D=0,6 cm, cu vârful ascuţit ($D_{vârf}$=0,3 cm). H=14 cm. Inedit.

I.16. Străpungătoare (fig. 44/4). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,16 m. Confecţionată din fier. Forma – rectangulară în secţiune (0,4×0,5 cm) cu vârful ascuţit. H=9,9 cm, $D_{vârf}$=0,25 cm. Inedit.

I.17. Străpungătoare, fragment (fig. 29/10). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,56 m. Confecţionată din fier. Forma – rotundă în secţiune. H=5,5 cm, $D_{vârf}$=0,4 cm. Inedit.

I.18. Străpungătoare, fragment (fig. 44/7). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,45 m. Confecţionată din fier. Forma – rotund în secţiune (D=0,3 cm) cu vârful ascuţit. H=3,2 cm, $D_{vârf}$=0,15 cm. Inedit.

I.19. Străpungătoare (fig. 44/6). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din fier. Străpungătorul, rotund în secţiune – H=4,1 cm, D_{max}=0,5 cm, $D_{vârf}$=0,15 cm; manşonul, patrulater în secţiune (0,40×0,45 cm) – H=2,4 cm, $D_{vârf}$=0,2 cm. Inedit.

I.20. Ac, fragment (fig. 44/8). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,35 m. Confecţionat din fier. H=2,9 cm, D=0,1×0,3 cm. Inedit.

I.21. Nit (fig. 44/16). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,28 m. Confecţionat din bară de fier ovală în secţiune (0,5×1,0 cm). H=1,7 cm, Gr=0,5 cm. Inedit.

I.22. Cui, fragment (fig. 44/9). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,30 m. Confecţionat din fier. H=2,5 cm, D=0,2 cm. Inedit.

I.23. Vârf de dardă (fig. 44/11). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,71 m. Confecţionat din fier. Cu tub de înmănuşare. H=4,2 cm, D=0,4 cm, $D_{vârf}$=0,2 cm, $H_{tubului}$=1,0 cm, $D_{tubului}$=0,8 cm. Inedit.

I.24. Manşon de lance (fig. 44/12). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,54 m. Confecţionat din fier. Forma – tubulară. H=11,2 cm, D=1,3-1,6 cm, Gr=0,2 cm. Inedit.

I.25. Fibulă, fragment (fig. 42/2). Secţiunea 31/2019, groapa 1/2019, adâncimea 0,45 m de la gura gropii. Confecţionată din fier. Tipul – circulară cu capetele răsucite. Gr_{corp}=0,3 cm, D capătului răsucit = 0,4 cm. Inedit.

I.26. Fibulă, fragment (fig. 29/13). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,44 m. Confecţionată din fier. Tipul – circulară cu capetele răsucite. Gr_{corp}=0,3 cm, D capătului răsucit = 0,4 cm. Inedit.

I.27. Fibulă (fig. 29/14). Secţiunea 30/2018, construcţia 3/2018, adâncimea 0,76 m. Confecţionată din fier. Forma – corpul arcuit, îngroşat, resort bilateral cu trei spire pe o parte şi una – pe cealaltă, coarda – exterioară, dispusă în faţa resortului. Piciorul – întors spre spate, cu buton sferic la mijloc. Terminaţia piciorului este ascuţită. H=4,2 cm, Gr_{corp}=0,4 cm, $D_{spiră}$=0,15 cm. Portagrafa: H=1,2 cm. Piciorul: H=2,5 cm, D=0,2 cm, D_{but}=0,5 cm. Ac: H=3,0 cm, D=0,15-0,3 cm. Inedit.

I.28. Inel, fragment (fig. 44/17). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,60 m. Confecţionat din fier. D=1,7 cm. Partea superioară reprezintă o placă de formă ovală cu D=1,8×1,2 cm. Inedit.

I.29. Aplică (nasture?) (fig. 44/15). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,15 m. Confecționată din fier. Forma – concavă. D=2,4 cm, H=0,85 cm, Gr=0,2 cm. Pe partea interioară s-a păstrat locul unde prin sudură era fixat dispozitivul de prindere a aplicii. Inedit.

I.30. Aplică (nasture?) (fig. 29/11). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,40 m. Confecționată din placă din bronz. Forma – concavă. D=2,1 cm, H=0,25 cm, Gr=0,05 cm. Pe partea interioară s-a păstrat un inel/dispozitiv pentru prinderea aplicii cu D=0,4 cm. Inedit.

I.31. Brățară (fig. 29/12). Secțiunea 29/2017, construcția 3/31/2019, adâncimea 0,50 m. Confecționată dintr-o sârmă de bronz, rotundă în secțiune cu D=0,25 cm. Are capetele libere. D=4,1 cm. Inedit.

I.32. Ac, fragment (fig. 21/2). Secțiunea 29/2017, construcția 1/2017-2018, adâncimea 0,70 m. Confecționat dintr-o bară de bronz, rotundă în secțiune cu D=0,5 cm. Capul a fost lățit prin batere. D_{orf}=0,3 cm. Inedit.

I.33. Ac, fragment (fig. 25/1). Secțiunea 29/2017, construcția 2/2017, adâncimea 0,70 m. Confecționat dintr-o sârmă din bronz cu D=0,4×0,6 cm. Tipul – cu capătul inelar. Inedit.

I.34. Vârf de săgeată (fig. 44/14). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,25 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei muchii”. H=3 cm. Dulie interioară de înmănușare cu H=1,6 cm și D=0,6 cm. Inedit.

I.35. Vârf de săgeată (fig. 44/13). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,35 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. H=3,4 cm, $D_{tubului}$=0,5 cm. Inedit.

I.36. Vârf de săgeată (fig. 29/1). Secțiunea 29/2017, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,32 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”. În spațiul dintre muchii piesa este decorată cu câte două nervuri dispuse oblic, care se unesc în zona tubului de înmănușare. Vârful este rupt. H=3,5 cm. Inedit.

I.37. Vârf de săgeată (fig. 29/2). Secțiunea 30/2018, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,38 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”. H=3,6 cm, D=0,5 cm. Inedit.

I.38. Vârf de săgeată, fragment (fig. 29/3). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,55 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”. $H_{păstrată}$=3,0 cm. Inedit.

I.39. Vârf de săgeată (fig. 29/4). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,40 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. H=2,7 cm, $D_{tubului}$=0,4 cm. Inedit.

I.40. Vârf de săgeată (fig. 29/5). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,47 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. H=2,9 cm, $D_{tubului}$=0,4 cm. Inedit.

I.41. Vârf de săgeată (fig. 29/6). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,72 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. H=3,4 cm, $D_{tubului}$=0,4 cm. Inedit.

I.42. Vârf de săgeată (fig. 29/7). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,80 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. Piesa a fost arsă. H=2,8 cm, $D_{tubului}$=0,4 cm. Inedit.

I.43. Vârf de săgeată (fig. 29/8). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,80 m. Confecționat din bronz. Tipul – „cu trei aripioare”, cu tub de înmănușare. Piesa a fost arsă. H=4,2 cm, $D_{tubului}$=0,5 cm. Inedit.

II. Piese din os și corn

Nivelul hallstattian timpuriu

II.1. Străpungătoare (fig. 11/5). Secțiunea 30/2018, groapa 3/2018, adâncimea 0,45 m de la gura gropii. Confecționată din osul cubitus al unui câine[14]. H=11,7 cm, L_{max}=2,5 cm, Gr=0,2-1,2 cm. Inedit.

II.2. Străpungătoare (fig. 17/6). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,57 m. Confecționată din os. H=13,6 cm, L_{max}=1,5 cm, Gr_{max}=1,0 cm. Vârful ascuțit cu G=0,1 cm. Inedit.

II.3. Mâner pentru unealtă (sulă?) (fig. 17/7). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,76 m. Confecționat din corn de bovină. H=8,5 cm, $D_{bază}$=4,0×3,0 cm, $D_{capăt}$=1,7×1,2 cm. Inedit.

II.4. Mâner pentru unealtă (sulă?) (fig. 15/1). Secțiunea 31/2019, catacomba mormântului, adâncimea 2,20 m. Confecționat din corn de bovină. H=9,7 cm, $D_{bază}$=3,40×3,60 cm. Inedit.

II.5. Vârf de săgeată (fig. 17/8). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,65 m. Confecționat din os. Forma – piramidală. H=3,6 cm, baza=0,6×0,6 cm. Bucșă de înmănușare, H=1,5 cm, D=0,4 cm. Inedit.

II.6. Vârf de săgeată, semifabricat (fig. 17/9). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,72 m. Confecționat din os. Forma – foliformă, cu peduncul de în-

[14] Apreciere făcută de dr. Margareta Simina Stanc.

mănuşare. H=6,2 cm, L=1,2 cm, $H_{penduncul}$=1,7 cm. Inedit.

Nivelul traco-getic

II.7. Străpungătoare (fig. 45/1). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,20 m. Confecţionată din os. H=9,7 cm. Inedit.

II.8. Străpungătoare (fig. 45/2). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,20 m. Confecţionată din os. H=11,1 cm. Inedit.

II.9. Străpungătoare (fig. 21/4). Secţiunea 29/2017, construcţia 1/2017-2018, adâncimea 0,95 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – rotundă, vârful ascuţit. H=9,2 cm. Inedit.

II.10. Străpungătoare (fig. 25/2). Secţiunea 29/2017, construcţia 2/2017, adâncimea 1,2 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – rotundă. H=6,5 cm. Inedit.

II.11. Străpungătoare (fig. 25/3). Secţiunea 29/2017, construcţia 2/2017, adâncimea 1,2 m. Confecţionată din os. Forma în secţiune – rotundă. H=10 cm. Inedit.

II.12. Străpungătoare, semifabricat (fig. 39/2). Secţiunea 30/2018, groapa 1/2018, adâncimea 0,91 m de la gura gropii. Confecţionată din osul cubitus al unui câine. H=16,5 cm, L_{max}=2,9 cm, Gr_{max}=0,5-1,1 cm. Inedit.

II.13. Străpungătoare (fig. 45/5). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,58 m. Confecţionată din corn. H=4,1 cm, D_b=1,8×2,0 cm, $D_{vârf}$=0,1 cm. Inedit.

II.14. Străpungătoare (fig. 45/3). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,39 m. Confecţionată din osul cubitus al unui câine. H=11,2 cm, L_{max}=1,2 cm, Gr_{max}=0,7 cm. Vârful este rupt. Inedit.

II.15. Străpungătoare, fragment (fig. 29/16). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,53 m. Confecţionată din osul cubitus al unui câine. H=11,5 cm, L_{max}=1,6 cm, Gr_{max}=0,7 cm. Vârful este rupt. Inedit.

II.16. Străpungătoare (fig. 29/15). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,59 m. Confecţionată din osul cubitus al unui câine. H=11,9 cm, L_{max}=1,4 cm, Gr_{max}=0,6 cm. Vârful este rupt. Inedit.

II.17. Plăsea, semifabricat (fig. 25/4). Secţiunea 29/2017, construcţia 2/2017, adâncimea 1,2 m. Confecţionată din os. H=8 cm, L=2 cm, Gr=0,6 cm. Inedit.

II.18. Spatulă (fig. 45/4). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din corn. H=7,5 cm, L= 2 cm, Gr=0,6 cm. Inedit.

III. Piese din piatră

Nivelul hallstattian timpuriu

III.1. Percutor (fig. 18/1). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,80 cm. Confecţionat din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală. H=7,9 cm, L_{max}=4,8 cm, G_{rmax}=4,3 cm. Inedit.

III.2. Percutor (fig. 18/3). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,80 m. Confecţionat din piatră de gresie. Forma – quasi-paralelepipedică. H_{max}=7,1 cm, L_{max}=5,5 cm, Gr_{max}=5,3 cm. Inedit.

III.3. Percutor (fig. 18/7). Secţiunea 31/2019, adâncimea 1,35 m. Confecţionat din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=9,1 cm, L_{max}=6,1 cm, Gr_{max}=4,7 cm. Inedit.

III.4. Percutor, fragment (fig. 15/6). Secţiunea 31/2019, groapa mormântului, adâncimea 0,65 m de la gura gropii. Confecţionat din piatră de granit. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=9,1 cm, L_{max}=8,7 cm, Gr_{max}=5,8 cm. Inedit.

III.5. Percutor (fig. 15/5). Secţiunea 31/2019, groapa mormântului, adâncimea 0,60 m de la gura gropii. Confecţionat din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=9,2 cm, L_{max}=6,7 cm, Gr_{max}=5,7 cm. Inedit.

III.6. Cute (fig. 5/2). Secţiunea 30/2018, groapa 7/2018, adâncimea 0,20 m de la gura gropii. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală. H=5,4 cm, L_{max}=4,0 cm, Gr_{max}=1,7 cm. Inedit.

III.7. Cute (fig. 11/6). Secţiunea 30/2018, groapa 3/2018, adâncimea 0,30 m de la gura gropii. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală. H_{max}=7,9 cm, L_{max} =6,6 cm, Gr_{max} =0,7 cm. Inedit.

III.8. Cute (fig. 11/4). Secţiunea 30/2018, groapa 3/2018, adâncimea 0,30 m de la gura gropii. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală. H_{max} =4,7 cm, L_{max} =4,3 cm, Gr_{max} =2,0 cm. Inedit.

III.9. Cute (fig. 18/6). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,86 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=8,8 cm, L_{max}=5,8 cm, Gr_{max}=3,1 cm. Inedit.

III.10. Cute (fig. 18/2). Secţiunea 31/2019, adâncimea 1,1 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=6,4 cm, L_{max}=4,0 cm, Gr_{max}=2,2 cm. Inedit.

III.11. Cute (fig. 15/4). Secţiunea 31/2019, groapa mormântului, adâncimea 0,40 m de la gura gropii. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-paralelepipedică. H_{max}=8,8 cm, L_{max}=6,8 cm, Gr_{max}=3,3 cm. Inedit.

III.12. Piatră de râșniță, fragment (fig. 15/3). Secțiunea 31/2019, groapa mormântului, adâncimea 0,45 m de la gura gropii. Confecționată din piatră de gresie. H_{max}=12,4 cm, L_{max}=10,4 cm, Gr_{max}=6,2 cm. Inedit.

III.13. Lustruitoare (fig. 18/5). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,73 m. Confecționată din piatră de râu. Forma în plan – poligonală cu colțurile rotunjite. H_{max}=3,8 cm, L_{max}=3,4 cm, Gr_{max}=2,2 cm. Inedit.

III.14. Lustruitoare (fig. 18/4). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,90 m. Confecționată din piatră de râu. Forma în plan – triunghiulară cu colțurile rotunjite. H=4,9 cm, L_b=5,3 cm, Gr_{max}=2,8 cm. Inedit.

III.15. Lustruitoare (fig. 13/22). Secțiunea 31/2019, groapa 2/2019, adâncimea 1,26 m. Confecționată din piatră de râu. Forma în plan – poligonală cu colțurile rotunjite. H_{max}=7,7 cm, L_{max}=3,9 cm, Gr_{max}=2,7 cm. Inedit.

III.16. Rondelă, semifabricat (fig. 11/3). Secțiunea 30/2018, groapa 3/2018, adâncimea 0,50 m de la gura gropii. Confecționată din calcar. Forma – cilindrică. H=0,9 cm, D=4,5 cm. Inedit.

Nivelul traco-getic

III.17. Creuzet, fragment (fig. 30/1). Secțiunea 29/2017, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,67 m. Confecționat din calcar. Forma – elipsoidală. H=8,5 cm, L=7 cm, Gr=3,5 cm. Cavitatea are o adâncime de 2 cm. Inedit.

III.18. Piatră de râșniță, fragment (fig. 31/10). Secțiunea 29/2017, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,45 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – poligonală în plan. H_{max}=28,4 cm, L_{max}=19,5 cm, Gr_{max}=7,3 cm. Inedit.

III.19. Piatră de râșniță, fragment (fig. 46/1). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,20 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – poligonală în plan. H_{max}=11,7 cm, L_{max}=10,2 cm, Gr_{max}=4,7 cm. Inedit.

III.20. Percutor (fig. 21/7). Secțiunea 29/2017, construcția 1/2017-2018, adâncimea 1,41 m. Confecționat din piatră de gresie. Forma – rotundă în plan. D=6,5 cm, Gr=3 cm. Inedit.

III.21. Percutor (fig. 46/2). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,50 m. Confecționat din piatră de gresie. Forma – quasi-poligonală în plan. H_{max}=7,1 cm, L_{max}=4,8 cm, Gr_{max}=2,8 cm, Gr_{min}=1 cm. Inedit.

III.22. Percutor, fragment (fig. 30/8). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,60 m. Confecționat din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=11,2 cm, $L_{păstrată}$=4,1 cm, Gr_{max}=4,9 cm. Inedit.

III.23. Percutor (fig. 30/9). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,60 m. Confecționat din piatră de gresie. Forma în plan – poligonală cu colțurile rotunjite. H_{max}=10,1 cm, L_{max}=9,8 cm, Gr_{max}=5,8 cm. Inedit.

III.24. Percutor (fig. 30/7). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,72 m. Confecționat din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=13,7 cm, L_{max}=9,1 cm, Gr_{max}=7,9 cm. Inedit.

III.25. Lustruitoare (fig. 21/6). Secțiunea 29/2017, construcția 1/2017-2018, adâncimea 0,75 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – quasi-cilindrică. H=1,4 cm, D=3,0 cm. Inedit.

III.26. Lustruitoare (fig. 46/12). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,20 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H=4,4 cm, L=3,7 cm, Gr=2,0 cm. Inedit.

III.27. Lustruitoare (fig. 46/3). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,60 m. Confecționată din piatră de râu. Forma în plan – poligonală cu colțurile rotunjite. H_{max}=5,6 cm, L_{max}=4,0 cm, Gr_{max}=2,2 cm. Inedit.

III.28. Lustruitoare (fig. 30/4). Secțiunea 29/2017, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,70 m. Confecționată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=4 cm, L_{max}=3,5 cm, Gr_{max}=2,5 cm. Inedit.

III.29. Lustruitoare (fig. 30/2). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,56 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H=4,3 cm, L=3,4 cm, Gr=2,5 cm. Inedit.

III.30. Lustruitoare (fig. 30/6). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,51 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H=5,3 cm, L=4,7 cm, Gr=2,8 cm. Inedit.

III.31. Lustruitoare (fig. 30/3). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,53 m. Confecționată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=4,0 cm, L_{max}=3,5 cm, Gr_{max}=2,5 cm. Inedit.

III.32. Lustruitoare (fig. 30/5). Secțiunea 31/2019, construcția 3/2017-2019, adâncimea 0,53 m. Confecționat din piatră de râu. Forma în plan – poligonală cu colțurile rotunjite. H_{max}=5,3 cm, L_{max}=3,7 cm, Gr_{max}=1,8 cm. Inedit.

III.33. Cute (fig. 37/4). Secţiunea 29/2017, groapa 1/2017, adâncimea 0,4 m de la gura gropii. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – poligonală în plan. H_{max}=5,5 cm, L_{max}=5,5 cm, Gr_{max}=4,5 cm. Inedit.

III.34. Cute (fig. 46/17). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,26 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-paralelipipedică. H=8,0 cm, L=1,6 cm, Gr=1 cm. Inedit.

III.35. Cute (fig. 46/7). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,25 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=6,9 cm, L_{max}=5,2 cm, Gr_{max}=3,6 cm. Inedit.

III.36. Cute (fig. 46/8). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=7,3 cm, L_{max}=5,7 cm, Gr_{max}=2,0 cm. Inedit.

III.37. Cute (fig. 46/11). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,13 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H=5,2 cm, L_{max}=4,1 cm, Gr_{max}=1,2 cm. Inedit.

III.38. Cute (fig. 46/13). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,16 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=10,9 cm, L_{max}=2,9 cm, Gr_{max}=2,6 cm. Inedit.

III.39. Cute (fig. 46/5). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,32 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=9,5 cm, L_{max}=7,0 cm, Gr_{max}=4,5 cm. Inedit.

III.40. Cute (fig. 46/14). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,40 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H=8,4 cm, L_{max}=3,3 cm, Gr_{max}=2,1 cm. Inedit.

III.41. Cute (fig. 46/6). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,33 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală în plan. H=8,3 cm, L_{max}=6,0 cm, Gr_{max}=4,6 cm. Inedit.

III.42. Cute (fig. 46/10). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,30 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală în plan. H=6,8 cm, L_{max}=5,7 cm, Gr_{max}=3,2 cm. Inedit.

III.43. Cute (fig. 46/9). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,45 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H=6,3 cm, L_{max}=4,2 cm, Gr_{max}=2,4 cm. Inedit.

III.44. Cute (fig. 46/16). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,56 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-paralelipipedică. H=7,1 cm, L=2,2 cm, Gr=1,7 cm. Inedit.

III.45. Cute (fig. 46/4). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,20 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – poligonală în plan. H_{max}=10,0 cm, L_{max}=5,2 cm, Gr_{max}=2,7 cm. Inedit.

III.46. Cute (fig. 46/15). Secţiunea 31/2019, adâncimea 0,20 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma în plan – poligonală cu colţurile rotunjite. H_{max}=7,8 cm, L_{max}=3,3 cm, Gr_{max}=2,0 cm. Inedit.

III.47. Cute (fig. 31/1). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,70 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=10,5 cm, L_{max}=5,2 cm, Gr_{max}=3,5 cm. Inedit.

III.48. Cute (fig. 31/2). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,70 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=8,5 cm, L_{max}=6 cm, Gr_{max}=4,5 cm. Inedit.

III.49. Cute (fig. 31/9). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,75 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=8,2 cm, L_{max}=6,2 cm, Gr_{max}=3,5 cm. Inedit.

III.50. Cute (fig. 31/8). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,75 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=8 cm, L_{max}=6,5 cm, Gr_{max}=3,2 cm. Inedit.

III.51. Cute (fig. 31/5). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,80 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-elipsoidală. H_{max}=6,9 cm, L_{max}=4 cm, Gr_{max}=3,3 cm. Inedit.

III.52. Cute (fig. 31/4). Secţiunea 30/2018, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,54 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-ovală. H=7,2 cm, L_{max}=6,0 cm, Gr_{max}=2,8 cm. Inedit.

III.53. Cute (fig. 31/3). Secţiunea 30/2018, construcţia 3/2017-2019, adâncimea de 0,70 m. Confecţionată din piatră de râu. Forma – quasi-poligonală. H =7,9 cm, L_{max} =7,5 cm, Gr_{max} =4,2 cm. Inedit.

III.54. Cute (fig. 31/7). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – quasi-paralelepipedică. H_{max}=9,4 cm, L_{max}=4,5 cm, Gr_{max}=3,1 cm. Inedit.

III.55. Cute (fig. 31/6). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,50 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma în plan – poligonală cu colţurile rotunjite. H_{max}=5,5 cm, L_{max}=4,2 cm, Gr_{max}=2,4 cm. Inedit.

IV. Piese din lut

Nivelul hallstattian timpuriu

IV.1. Fusaiolă (fig. 17/14). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,78 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cenușiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,5 cm, D_{max}=3,5 cm, D_b=2 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.2. Fusaiolă, fragment (fig. 10/15). Secțiunea 29/2017, groapa 8/2017, adâncimea 0,26 m de la gura gropii. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cenușiu-închis. Forma – bitronconică. H=1,6 cm, D_{max}=2,1 cm, D_b=1,1 cm, D_b=0,7 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.3. Fusaiolă (fig. 17/13). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,96 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-închis la negru. Forma – bitronconică. H=3,3 cm, D_{max}=4,4 cm, D_b=1,8 cm, D_b= 2,2 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.4. Fusaiolă (fig. 17/17). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,05 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu la negru. Forma – bitronconică. H=1,9 cm, D_{max}=2,0 cm, D_b=1,1 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.5. Fusaiolă (fig. 17/15). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,35 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu la cafeniu. Suprafața – lustruită. Forma – bitronconică. H=3,1 cm, D_{max}=2,8 cm, D_b=1,5 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.6. Fusaiolă (fig. 17/16). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,36 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Suprafața – lustruită. Forma – bitronconică. H=2,4 cm, D_{max}=2,7 cm, D_b=1,1 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.7. Rondelă (fig. 17/10). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,50 m. Confecționată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanți de șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – cilindrică. H=1 cm, D_{max}=3,2 cm. Inedit.

IV.8. Rondelă (fig. 17/11). Secțiunea 31/2019, adâncimea 1,15 m. Confecționată din peretele unui vas. Suprafața – neagră, lustruită. Forma – cilindrică. H=1,2 cm, D=3,4 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.9. Rondelă, fragment (fig. 17/12). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,80 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă și calcar pisat, arderea – uniformă și completă, culoarea cărămizie. Forma – cilindrică. H=2,6 cm, D=5,7 cm, D_{orf}=1,0 cm. Inedit.

Nivelul traco-getic

IV.10. Fusaiolă, fragment (fig. 48/12). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,10 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – sferică neregulată. D=2,5 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.11. Fusaiolă, fragment (fig. 48/10). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,15 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – sferică neregulată. D=2,2 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.12. Fusaiolă (fig. 48/5). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,17 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – tronconică. H=2,1 cm, D_b=2,1 cm, D_b=1,8 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.13. Fusaiolă (fig. 48/4). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,19 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – tronconică. H=2,1 cm, $D_{b=}$2,4 cm, D_b=1,5 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.14. Fusaiolă (fig. 48/8). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,20 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – tronconică. H=2 cm, D_b=2,5 cm, D_b=1,5 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.15. Fusaiolă (fig. 48/6). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,20 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – tronconică. H=2 cm, $D_{b=}$2,2 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.16. Fusaiolă, fragment (fig. 47/6). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,23 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-închis la cafeniu-închis. Forma – bitronconică. H=3 cm, D_{max}=3,3 cm, D_b=2 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.17. Fusaiolă (fig. 47/7). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,28 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2 cm, D_{max}=3,4 cm, D_b=1,8 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.18. Fusaiolă, fragment (fig. 48/13). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,30 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu. Pe diametrul maxim a fost aplicat un şir de împunsături Forma – sferică neregulată. D=2,4 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.19. Fusaiolă, fragment (fig. 47/16). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,30 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=1,8 cm, D_{max}=2 cm, D_b=1 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.20. Fusaiolă (fig. 47/17). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,34 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – bitronconică. H=1,9 cm, D_{max}=2 cm, D_b=1,2 cm, D_b= 0,8 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.21. Fusaiolă (fig. 48/15). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,35 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – cilindrică. H=2,5 cm, D=3,1 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.22. Fusaiolă (fig. 47/4). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,35 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – bitronconică. H=2,5 cm, D_{max}=3 cm, D_b=1,5 cm, D_b= 1,4 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.23. Fusaiolă, fragment (fig. 47/8). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,35 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu -închis. Forma – bitronconică. H=2,5 cm, D_{max}=2,5 cm, D_b=1 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.24. Fusaiolă, fragment (fig. 48/14). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,36 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – quasi-cilindrică. H=3,5 cm, D=3,5 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.25. Fusaiolă (fig. 47/9). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,40 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – bitronconică. H=2,8 cm, D_{max}=2,2 cm, D_b=1 cm, D_b= 1,2 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.26. Fusaiolă (fig. 48/7). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu-închis. Forma – tronconică. H=2,3 cm, D_b=2 cm, D_b=1 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.27. Fusaiolă, fragment (fig. 47/2). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=2,9 cm, D_{max}=4 cm, D_b=1,5 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.28. Fusaiolă, fragment (fig. 47/5). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,50 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la cenuşiu-închis. Forma – bitronconică. H=3 cm, D_{max}=3 cm, D_b=1,2 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.29. Fusaiolă (fig. 47/3). Secţiunea 29/2017, adâncimea 0,40 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – bitronconică. H=2,7 cm, D_{max}=3,4 cm, D_b=2 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.30. Fusaiolă, fragment (fig. 47/1). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,11 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu deschis la negru. Forma – bitronconică. H=3,3 cm, D_{max}=4,7 cm, D_b=2,2 cm, D_{orf} =1,2 cm. Inedit.

IV.31. Fusaiolă, fragment (fig. 47/14). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,15 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu deschis la negru. Forma – bitronconică. H=2,6 cm, D_{max}=3,2 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,8 cm. Inedit.

IV.32. Fusaiolă, fragment (fig. 47/15). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,18 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arde-

rea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cenușiu. Forma – bitronconică. H=2,7 cm, D_{max}=2,4 cm, D_b=1,7 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf} =0,7 cm. Inedit.

IV.33. Fusaiolă (fig. 47/19). Secțiunea 30/2018, adâncimea 0,13 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă și nisip, arderea – uniformă și completă, culoarea – cărămizie deschisă. Forma – bitronconică. H=2,0 cm, D_{max}=2,2 cm, D_b=1,2 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf} =0,6 cm. Inedit.

IV.34. Fusaiolă (fig. 48/1). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,77 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – uniformă și completă, culoarea cărămizie. Forma – tronconică. H=2,5 cm, D_b=2,8 cm, D_b=1,6 cm, D_{orf}=0,4 cm. Baza mare a fusaiolei este decorată cu patru linii incizate, dispuse în formă de cruce. Inedit.

IV.35. Fusaiolă, fragment (fig. 47/11). Secțiunea 30/2018, adâncimea 0,35 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu deschis la cenușiu. Forma – bitronconică. H=2,1 cm, D_{max} =3,8 cm, D_b=2 cm, D_{orf} =0,8×1,0 cm. Inedit.

IV.36. Fusaiolă (fig. 48/16). Secțiunea 30/2018, adâncimea 0,55 m. Confecționată din o pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cafeniu deschis la cenușiu închis. Forma – cilindrică. H=1,4 cm, D=2,0 cm, D_{orf} =0,5 cm. Inedit.

IV.37. Fusaiolă (fig. 47/12). Secțiunea 30/2018, adâncimea 0,42 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă pisată mărunt, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu deschis la cenușiu. Forma – bitronconică. H=2,6 cm, D_{max}=3,2 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf} =0,6 cm. Inedit.

IV.38. Fusaiolă (fig. 48/9). Secțiunea 30/2018, adâncimea 0,46 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea-neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu deschis la cenușiu. Forma – tronconică. H=2,7 cm, D_b=2,3 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf} =0,5 cm. Inedit.

IV.39. Fusaiolă (fig. 48/3). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,15 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de cărămiziu la cafeniu. Forma – tronconică. H=3,0 cm, $D_{b=}$2,9 cm, D_b=1,8 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.40. Fusaiolă, fragment (fig. 48/11). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,15 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de cenușiu la cafeniu. Forma – cilindrică. H=2,2 cm, D=2,7 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.41. Fusaiolă (fig. 47/20). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,20 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cărămiziu. Forma – bitronconică. H=1,8 cm, D_{max}=2,1 cm, D_b=1,2 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.42. Fusaiolă (fig. 47/13). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,50 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,6 cm, D_{max}=2,7 cm, D_b=1,9 cm, D_b=1,7 cm, D_{orf}=1,0 cm. Inedit.

IV.43. Fusaiolă (fig. 47/10). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,58 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-închis la negru. Forma – bitronconică. H=2,8 cm, D_{max}=3,0 cm, D_b=1,6 cm, D_b=1,1 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.44. Fusaiolă (fig. 47/18). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,48 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,4 cm, D_{max}=2,5 cm, D_b=1,0 cm, D_b=0,8 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.45. Fusaiolă (fig. 48/2). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,93 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu la cărămiziu. Forma – tronconică. Suprafața este decorată cu un șir de puncte imprimate, dispuse vertical. H=2,7 cm, D_b=2,6 cm, D_b=2,2 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.46. Fusaiolă (fig. 38/3). Secțiunea 29/2017, groapa 7/2017, adâncimea 0,26 m de la gura gropii. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2 cm, D_{max}=2,8 cm, D_b=1,1 cm, D_b=1 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.47. Fusaiolă (fig. 21/5). Secțiunea 29/2017, construcția 1/2017-2018, adâncimea 0,78 m. Confecționată din pastă de lut în amestec cu șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cenușiu-deschis la cenușiu-închis. Forma – bitronconică. H=1,1 cm, D_{max}=4,5 cm, D_b=3,5 cm, D_b=3,7 cm, D_{orf}=1,1 cm. Inedit.

IV.48. Fusaiolă (fig. 25/5). Secţiunea 29/2017, construcţia 2/2017, adâncimea 1,2 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cenuşiu-închis. Forma – sferică neregulată. D=3 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.49. Fusaiolă, fragment (fig. 39/3). Secţiunea 30/2018, groapa 1/2018, adâncimea 0,36 m de la gura gropii. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă mărunt pisată şi nisip, culoarea variază de la cărămiziu la cenuşiu. Forma – bitronconică cu umbo la bază. H=2,5 cm, D_{max}=4,2 cm, D_b=2,6 cm, D_b=1,3 cm, H_{umbo}=0,6 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.50. Fusaiolă (fig. 32/2). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,52 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – tronconică. H=2,9 cm, D_b=2,6 cm, D_b=1 cm, D_{orf}=0,6 cm. În orificiu s-au păstrat fragmente de la tija din lemn. Inedit.

IV.51. Fusaiolă (fig. 32/8). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cafeniu-deschis. Forma – bitronconică. H=2,3 cm, D_{max}=2,6 cm, D_b=1,4 cm, D_b=1,5 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.52. Fusaiolă, fragment (fig. 32/5). Secţiunea 29/2017, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la negru. Forma – bitronconică. H=2,3 cm, D_{max}=4,4 cm, D_b=1,4 cm, D_b=1 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.53. Fusaiolă (fig. 32/7). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,46 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la negru. Forma – bitronconică. H=2,2 cm, D_{max}=3,1 cm, D_b=1,3 cm, D_b=1,5 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.54. Fusaiolă, fragment (fig. 32/4). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,46 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-închis la negru. Forma – sferică neregulată. H=3,5 cm, D_b=3,2 cm, D_b=2,0 cm, D_{orf}=0,7 cm. Inedit.

IV.55. Fusaiolă (fig. 32/3). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,46 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – tronconică. H=2,4 cm, D_b=2,8 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf}=0,4 cm. Inedit.

IV.56. Fusaiolă, fragment (fig. 32/9). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,37 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu-deschis la cărămiziu. Forma – bitronconică. H=2,1 cm, D_{max}=2,6 cm, D_b=1,7 cm, D_b=1,7 cm, D_{orf}=0,5 cm. Inedit.

IV.57. Fusaiolă (fig. 32/10). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,50 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,7 cm, D_{max}=2,8 cm, D_b=1,3 cm, D_b=1,3 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.58. Fusaiolă, fragment (fig. 32/6). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,60 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=1,6 cm, D_{max}=2,7 cm, D_b=1,5 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,6 cm. Inedit.

IV.59. Fusaiolă, fragment (fig. 32/11). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,56 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la cafeniu. Forma – bitronconică. H=2,8 cm, D_{max}=4,2 cm, D_b=1,9 cm, D_b=1,4 cm, D_{orf}=0,9 cm. Inedit.

IV.60. Fusaiolă (fig. 32/1). Secţiunea 31/2019, construcţia 3/2017-2019, adâncimea 0,90 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la cărămiziu. Forma – tronconică. H=2,5 cm, D_b=3,1 cm, D_b=1,8 cm, D_{orf}=0,5 cm. Baza mare a fusaiolei este decorată cu patru linii incizate, dispuse în formă de cruce. Inedit.

IV.61. Creuzet (?), fragment (fig. 48/17). Secţiunea 30/2018, adâncimea 0,36 m. Confecţionat din pastă de lut în amestec cu degresanţi de şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cărămiziu închis la cenuşiu închis. H_{max}=2,6 cm, L_{max}=3,5 cm. Suprafaţa piesei este vitrificată. Inedit.

IV.62. Lustruitoare (fig. 48/20). Secțiunea 31/2019, adâncimea 0,60 m. Confecționată dintr-un fragment de toartă de amforă grecească. H=9,8 cm, D=4,2×2,9 cm. Inedit.

IV.63. Lustruitoare (fig. 48/18). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,18 m. Confecționată din peretele unei amfore, lucrate din pastă de lut cu degresanți de nisip. Arderea – completă și uniformă, culoarea – cărămizie. Forma – quasi-paralelipipedică. H=5,5 cm, L=3,4 cm, Gr=1 cm. Inedit.

IV.64. Lustruitoare (fig. 48/19). Secțiunea 29/2017, adâncimea 0,18 m. Confecționată din peretele unui vas modelat cu mâna din pastă de lut cu degresanți de șamotă, arderea – neuniformă și incompletă, culoarea variază de la cafeniu-deschis la cafeniu-închis. Forma – cilindrică. H=1 cm, D_{max}=3,4 cm. Inedit.

V. Piese din pastă sticloasă

V.1. Mărgică (fig. 21/3). Secțiunea 29/2017, construcția 1/2017-2018, adâncimea 1,62 m. Confecționată din pastă sticloasă de culoare albastră. Forma – bitronconică. H=0,8 cm, D_{max}=1,1 cm, D_b=0,2 cm, D_{orf}=0,1,5 cm. Inedit.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).

Bazarciuc 1983: V.V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești, jud. Vaslui. SCIVA 34, 3, 1983, 249-273.

Băț 2017: M. Băț, Așezarea din prima epocă a fierului de la Țahnăuți, raionul Rezina. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 137-163.

Haheu 1998: V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar – La Cordon din raionul Șoldănești. Revista Arheologică 2, 1998, 111-135.

Iconomu 1981-1982: C. Iconomu, Cercetările arheologice de la Curteni-Dealul Viei și Dealul Pietrărie (jud. Vaslui). Cercetări Istorice XII-XIII, 1981-1982, 127-192.

Iconomu 1996: C. Iconomu, Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca – Iași. ArhMold XIX, 1996, 21-56.

Kașuba 2014: M. Kașuba, Necropola Saharna I (Țiglău) și locul ei în studierea practicilor funerare ale comunităților culturii Saharna (în baza rezultatelor cercetărilor efectuate de G.D. Smirnov și G.P. Sergheev în anul 1950). In: I. Niculiță, A. Nicic, Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău (Chișinău 2014), 127-156, 399-422.

Kašuba, Haheu, Levițki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).

Levițki 1994: O. Levițki, Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată. In: Relation thraco-illyro-helleniques (București 1994), 219-256.

Niculiță, Matveev, Nicic 2019: I. Niculiță, S. Matveev, A. Nicic, Cercetările sitului arheologic Potârca din Rezervația Cultural-Naturală Orheiul Vechi (Chișinău 2019).

Niculiță, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiță, S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. III (București 1999), 279-343.

Niculiță, Nicic 2011: I. Niculiță, A. Nicic, Practici funerare în situl din prima epocă a fierului de la Saharna-Dealul Mănăstirii. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 225-235.

Niculiță, Nicic 2014: I. Niculiță, A. Nicic, Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău (Chișinău 2014).

Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).

Niculiță, Zanoci, Arnăut 2007: I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetății din epoca fierului – Saharna Mare. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 27-62.

Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).

Niculiță, Zanoci, Băț 2011: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Die frühhallstattzeitliche Befestigung von Saharna, Rajon Rezina, Republik Moldova. In: (Hrsgs. Sava, E., Govedarica, B., Hänsel, B.) Der Schwarzmeeraum von Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.). Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 27 (Rahden/Westf. 2011), 226-236.

Niculiță, Zanoci, Băț 2013: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Siturile de pe interfluviul Saharna Mare (sfârșitul sec. XII - sec. III a. Chr.). In: (Eds. S-C. Ailincăi, A. Țârlea, C. Micu) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012). Actele conferinței „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag”, Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 351-372.

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Niculiţă et al. 2012: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2011) (I). Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 111-167.

Niculiţă et al. 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.

Niculiţă et al. 2018: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, Rezultate preliminare ale cercetărilor arheologice în situl Saharna Mare (campania 2017). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2017. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 18 aprilie 2018: Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2018), 43-45.

Niculiţă et al. 2019: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, Cercetări arheologice la situl Saharna Mare (campania 2018). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2018. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 18 aprilie 2019: Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2019), 49-50.

Sîrbu, Arnăut 1995: V. Sîrbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hânceşti, Rep. Moldova. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. I (Bucureşti 1995), 378-400.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VII-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". In: Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, вып. 4 (Кишинев 1974).

Никулицэ 1985: И.Т. Никулицэ, Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинёв 1985), 95.117.

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК 26, 1949, 93-96.

Смирнов 1953: Г.Д. Смирнов, Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинев 1953). Arhiva MNIM, inv. nr. 507.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).

Archaeological investigations at the Saharna Mare site / „Dealul Mănăstirii", Rezina district (2017-2019)

Keywords: Middle Dniester region, iron age, Holercani-Hansca culture, Cozia-Saharna culture, Thracians-Getae, structures, pits, burial in settlement.

Abstract: The archaeological research conducted in 2017-2019 was concentrated in the southwest part of the site, where as a result of the geomagnetic measurements a positive anomaly was attested that denotes the presence of burned structures.

Following the archaeological excavations (256 m²) in this part of the settlement, three layers of living were identified: Holercani-Hansca, Cozia-Saharna and Thracian-Getae.

It was discovered a pit (7/2018) belonging to the Holercani-Hansca horizon whose filling contained ceramics characteristic of this culture.

For the Cozia-Saharna layer was found a structure (4/2017-2019), 12 pits, a burial, and various archaeological inventory represented by work tools, weapons and ceramics ornamented with incised and stamped ornaments.

In the Thracian-Getae layer were uncovered three structures, 13 pits and a rich archaeological findings. Among the inventory items are tools and utensils made of different raw materials – iron, bronze, bone and horn, stone and burnt clay. From this layer come several weapons, in particular, tips of bronze arrows, as well as pieces of jewelry, represented by fibuale, bracelets, rings etc. Also, from the Thracian-Getae layer was recovered a significant amount of local ceramics and Greek imports.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Saharna Mare / “Dealul Mănăstirii” site (photo by M. Chumash).

Fig. 2. Topographic plan and magnetometric map of the Saharna Mare / “Dealul Mănăstirii” site with indication of sections from 2017-2019.

Fig. 3. Extract from the magnetometric map with the indication of the researched anomaly.

Fig. 4. Plans of the researched area in 2017-2019 (a. burned soil; b. clay soil mixed with ash and burnt clay; c. debris/smear clay from the structure; d. stones; e. contour of structures).

Fig. 5. Pit 7/2018 (Legend: a. gray soil; b. contour of pit; c. sterile layer).

Fig. 6. Structure 4/2017-2018; 1 - plan and profile; 2-6 - remains of the structure (Legend: a. gray soil; b. fire/hearth installation; c. stones; d. wood charcoal/beams; e. ash; f. contour of pits; g. sterile layer; h. excavation boundary).

Fig. 7. Structure 4/2017-2018: 1-26 - pottery sherds; 27-29 - daub fragments with imprints.

Fig. 8. Structure 4/2017-2018. Fragments of bowls.

Fig. 9. Structure 4/2017-2018. Fragments of pots.

Fig. 10. Early Iron Age pits: 1, 7-14 - pit 3/2017; 2 - pit 5/2017; 3 - pit 6/2017; 4, 15-18 - pit 8/2017; 5, 19-21 - pit 10/2017; 6, 22-24 - pit 11/2017 (Legend: a. gray soil; b. burned soil; c. clay soil; d. contour of pits; e. sterile layer).

Fig. 11. Pit 3/2018 (Legend: a. brown soil; b. contour of pit; c. sterile layer).

Fig. 12. Early Iron Age pits: 1, 4-16 - pit 4/2018; 2, 17-21 - pit 5/2018; 3, 22-27 - pit 11/2018 (Legend: a. gray soil; b. brown soil; c. clay soil; d. fragments of burnt clay; e. wood charcoal; f. ash; g. stones; h. contour of pits; i. excavation boundary; j. sterile layer).

Fig. 13. Early Iron Age pits: 1, 3-12 - pit 12/2018; 2, 13-22 - pit 2/2019 (Legend: a. gray soil; b. brown soil; c. clay soil; d. stones; e. contour of pits; f. sterile layer).

Fig. 14. Early Iron Age grave: 1 - plan and profile (Legend: a. gray soil; b - clay soil; c. wood charcoal; d. contour of pits; e. sterile layer); 2 - general view over the burial pit; 3 - view of the catacomb.

Fig. 15. 1-2 - Funerary inventory deposited in the catacomb; 3-6 - artifacts discovered in the burial pit.

Fig. 16. Pottery sherds discovered in the funerary structure: 1-9 - catacomb; 10-18 - burial pit.

Fig. 17. Early Iron Age artifacts (1-5 - iron; 6, 8, 9 - bone; 7 - horn; 10-17 - burnt clay).

Fig. 18. Early Iron Age stone artifacts.

Fig. 19. Structure 1/2017-2018. Plan and stratigraphic profiles (Legend: a. clay soil mixed with ash and burnt clay; b. debris/smear clay from the structure; c. stones; d. contour of pits; e. sterile layer; f. excavation boundary).

Fig. 20. Structure 1/2017-2018: 1 - ruins of the structure; 2, 3 – pit house; 4 – post-hole (VI); 5 - wood charcoal from a post-hole (VI)

Fig. 21. Artifacts found in the structure 1/2017-2018 (1 - iron; 2- bronze; 3 - glass; 4 - bone; 5 - burnt clay; 6, 7 - river stone).

Fig. 22. Pottery sherds discovered in the structure 1/2017-2018.

Fig. 23. Pottery sherds discovered in the structure 1/2017-2018.

Fig. 24. Structure 2/2017: 1 - plan and profile (Legend: a. gray soil; b. clay soil mixed with ash and burnt clay; c. burnt soil; d. daub fragments; e. stones; f. contour of structure; g. sterile layer; h. excavation boundary); 2-3 - remains of the structure.

Fig. 25. Inventory of structure 2/2017.

Fig. 26. Inventory of structure 2/2017.

Fig. 27. Structure 3/2017-2019: 1 - plan and profile; 2-8 - structure ruins.

Fig. 28. Structure 3/2017-2019: 1 - human femur in situ; 2, 4, 7 - pottery in situ among the ruins of the structure; 3 - agglomeration of animal bones, pottery sherds and stones at the level of the floor; 5, 6 - post-hole (III); 8 - external features; 9 - urn, detail.

Fig. 29. Structure 3/2017-2019. Artifacts (1-8, 11, 12 - bronze; 9, 10, 13, 14 - iron; 15, 16 - bone; 17 - shell).

Fig. 30. Structure 3/2017-2019. Artifacts (1 - limestone; 2-8 - river stone).

Fig. 31. Structure 3/2017-2019: 1-9 - grindstone; 10 - grinding stone.

Fig. 32. Structure 3/2017-2019. Spindles.

Fig. 33. Structure 3/2017-2019. Pottery sherds.

Fig. 34. Structure 3/2017-2019. Fragments of bowls.

Fig. 35. Structure 3/2017-2019: 1-8 - fragments of pots; 9, 10 - daub fragments with imprints.

Fig. 36. Structure 3/2017-2019. Fragments of pots.

Fig. 37. Pits from the Thracian-Getae period: 1, 4-7 - pit 1/2017; 2, 8-15 - pit 2/2017; 3, 16-24 - pit 4/2017 (Legend: a. gray soil; b. burnt soil; c. stones; d. contour of pits; e. excavation boundary; f. sterile layer).

Fig. 38. Pits from the Thracian-Getae period: 1, 3-7 - pit 7/2017; 2, 8-14 - pit 9/2017 (Legend: a. gray soil; b. brown soil; c. clay soil; d. contour of pits; e. excavation boundary; f. sterile layer).

Fig. 39. Pit 1/2018 (Legend: a. gray soil; b. stones; c. contour of pit; d. sterile layer).

Fig. 40. Pits from the Thracian-Getae period: 1, 5-8 - pit 2/2018; 2 - pit 6/2018; 3, 9, 10 - pit 8/2018; 4, 11-19 - pit 10/2018 (Legend: a. gray soil; b. brown soil; c. fragments of hearth; d. stones; e. contour of pits; f. excavation boundary; g. sterile layer).

Fig. 41. Pit 9/2018 (Legend: a. gray soil; b. contour of pit).

Fig. 42. Pit 1/2019 (Legend: a. gray soil; b. clay soil; c. stones; d. contour of pit).

Fig. 43. Pit 4/2019 (Legend: a. gray soil; b. wood charcoal; c. contour of pit; d. excavation boundary; e. sterile layer).

Fig. 44. Metal artifacts from the Thracian-Getae layer (1-12, 15-17 - iron; 13, 14 - bronze).

Fig. 45. Bone (1-4) and horn (5) artifacts from the Thracian-Getae layer.

Fig. 46. Stone artifacts from the Thracian-Getae layer (1 - sand stone; 2-17 - river stone).

Fig. 47. Spindles from the Thracian-Getae layer.

Fig. 48. Clay artifacts from the Thracian-Getae layer.

Fig. 49. Greek centers of production: 1 - Lesbos; 2 - Peparethos; 3 - Chios; 4 - Thasos; 5 - Mediterranean center; 6 - Mende (?); 7 - Heraclea Pontica; 8 - Thasos circle; 9 - Knidos; 14, 15 - Sinope; 10-13 - unknown centers.

Археологические исследования на памятнике Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий», Резинский район (2017-2019)

Ключевые слова: Среднее Поднестровье, железный век, культура Холеркань-Ханска, культура Козия-Сахарна, фрако-геты, сооружения, ямы, захоронение на территории поселения.

Резюме: Археологические исследования 2017-2019 годов были сосредоточены в юго-западной части памятника, где в результате геомагнитных разведок была обнаружена положительная аномалия, свидетельствующая о наличии сгоревших строительных сооружений.

Археологические исследования (256 м²) в этой части поселения показали наличие трех культурных слоев: Холеркань-Ханска, Козия-Сахарна и фрако-гетского.

Так, к горизонту Холеркань-Ханска относится яма (*7/2018*), в заполнении которой находилась керамика, характерная для этой культуры.

К слою Козия-Сахарна относится постройка (*4/2017-2019*), 12 ям, захоронение, а также разнообразный археологический инвентарь, представленный орудиями труда, оружием и керамикой с резным и штампованным орнаментом.

Фрако-гетский культурный слой включает: три постройки, 13 ям и богатый археологический инвентарь. Среди находок – орудия труда, изготовленные из разного сырья – железа, бронзы, кости и рога, камня и обожженной глины. Также в этом слое обнаружены предметы оружия, в частности бронзовые наконечники стрел, а также украшения, представленные фибулами, браслетами, кольцами и т. д. Кроме того, в фрако-гетском слое было найдено значительное количество местной керамики, а также греческой импортной.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий» (фото М. Чумаш).

Рис. 2. Топографический план и магнитометрическая карта памятника Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий» с обозначением раскопов 2017-2019 гг.

Рис. 3. Часть магнитометрической карты с обозначением исследуемой аномалии.

Рис. 4. Планы участка, исследованного в 2017-2019 гг. (Легенда: a. сгоревшая почва; b. глинистая почва, смешанная с золой и фрагментами обожженной глины; c. обломки/обмазка сооружения; d. камни; e. контур сооружения).

Рис. 5. Яма 7/2018 (Легенда: a. серая почва; b. контур ямы; c. стерильный слой).

Рис. 6. Сооружение 4/2017-2018; 1 - план и разрез; 2-6 - остатки сооружения (Легенда: a. серая почва; b. устройство для разведения огня/очаг; c. камни; d. фрагменты обгоревшего дерева/бревен; e. зола; f. контур ям; g. стерильный слой; h. граница раскопа).

Рис. 7. Сооружение 4/2017-2018: 1-26 - керамические фрагменты; 27-29 - фрагменты обожженной глины со следами прутьев.

Рис. 8. Сооружение 4/2017-2018. Фрагменты мисок.

Рис. 9. Сооружение 4/2017-2018. Фрагменты горшков.

Рис. 10. Ямы периода раннего железа: 1, 7-14 - яма 3/2017; 2 - яма 5/2017; 3 - яма 6/2017; 4, 15-18 - яма 8/2017; 5, 19-21 - яма 10/2017; 6, 22-24 - яма 11/2017 (Легенда: a. серая почва; b. сгоревшая почва; c. глинистая почва; d. контур ям; e. стерильный слой).

Рис. 11. Яма 3/2018 (Легенда: a. каштановая почва; b. контур ямы; c. стерильный слой).

Рис. 12. Ямы периода раннего железа: 1, 4-16 - яма 4/2018; 2, 17-21 - яма 5/2018; 3, 22-27 - яма 11/2018 (Легенда: a. серая почва; b. каштановая почва; c. глинистая почва; d. фрагменты обожженной глины; e. фрагменты обгоревшего дерева; f. зола; g. камни; h. контур ям; i. граница раскопа; j. стерильный слой).

Рис. 13. Ямы периода раннего железа: 1, 3-12 - яма 12/2018; 2, 13-22 - яма 2/2019 (Легенда: a. серая почва; b. каштановая почва; c. глинистая почва; d. камни; e. контур ям; f. стерильный слой).

Рис. 14. Погребение периода раннего железа: 1 - план и разрез (Легенда: a. серая почва; b - глинистая почва; c. фрагменты обгоревшего дерева; d. контур ям; e. стерильный слой); 2 - общий вид погребения; 3 - вид катакомбы.

Рис. 15. 1-2 - Погребальный инвентарь из катакомбы; 3-6 - предметы, обнаруженные в могильной яме.

Рис. 16. Фрагменты керамики, обнаруженные в погребальном сооружении: 1-9 - катакомба погребения; 10-18 - могильная яма.

Рис. 17. Предметы раннего железного века (1-5 - железо; 6, 8, 9 - кость; 7 - рог; 10-17 - обожженная глина).

Рис. 18. Предметы из камня, относящиеся к раннему железному веку.

Рис. 19. Сооружение 1/2017-2018. План и профили слоев (Легенда: a. глинистая почва, смешанная с золой и фрагментами обожженной глины; b. обломки/обмазка сооружения; c. камни; d. контур ям; e. стерильный слой; f. граница раскопа).

Рис. 20. Сооружение 1/2017-2018: 1 - развалины сооружения; 2, 3 - яма землянки; 4 - яма от бревна (VI); 5 - фрагменты дерева из ямы от бревна (VI).

Рис. 21. Предметы из сооружения 1/2017-2018 (1 - железо; 2- бронза; 3 - стекло; 4 - кость; 5 - обожженная глина; 6, 7 - речной камень).

Рис. 22. Керамические фрагменты, обнаруженные в сооружении 1/2017-2018.

Рис. 23. Керамические фрагменты, обнаруженные в сооружении 1/2017-2018.

Рис. 24. Сооружение 2/2017: 1 - план и разрез (Легенда: a. серая почва; b. глинистая почва, смешанная с золой и фрагментами обожженной глины; c. сгоревшая почва; d. обмазка; e. камни; f. контур сооружения; g. стерильный слой; h. граница раскопа); 2-3 - остатки сооружения.

Рис. 25. Инвентарь сооружения 2/2017.

Рис. 26. Инвентарь сооружения 2/2017.

Рис. 27. Сооружение 3/2017-2019: 1 - план и разрез; 2-6 - остатки сооружения.

Рис. 28. Остатки сооружения 3/2017-2019: 1 - бедренная кость человека *in situ*; 2, 4, 7 - сосуды, обнаруженные *in situ* среди остатков сооружения; 3 - скопление костей животных, керамики и камней на уровне пола сооружения; 5, 6 - яма от бревна (III); 8 - внешние элементы сооружения; 9 - сосуд-урна, деталь.

Рис. 29. Сооружение 3/2017-2019. Предметы инвентаря (1-8, 11, 12 - бронза; 9, 10, 13, 14 - железо; 15, 16 - кость; 17 - ракушка).

Рис. 30. Сооружение 3/2017-2019. Предметы инвентаря (1 - известняк; 2-8 - речной камень).

Рис. 31. Сооружение 3/2017-2019: 1-9 - точило; 10 - зернотерка.

Рис. 32. Сооружение 3/2017-2019. Пряслица.

Рис. 33. Сооружение 3/2017-2019: 1- фрагменты керамических сосудов; 9, 10 - фрагменты обожженной глины со следами прутьев.

Рис. 34. Сооружение 3/2017-2019. Фрагменты мисок.

Рис. 35. Сооружение 3/2017-2019. Фрагменты горшков.

Рис. 36. Сооружение 3/2017-2019. Фрагменты горшков.

Рис. 37. Ямы гето-фракийского периода: 1, 4-7 - яма 1/2017; 2, 8-15 - яма 2/2017; 3, 16-24 - яма 4/2017 (Легенда: a. серая почва; b. сгоревшая почва; c. камни; d. контур ям; e. граница раскопа; f. стерильный слой).

Рис. 38. Ямы гето-фракийского периода: 1, 3-7 - яма 7/2017; 2, 8-14 - яма 9/2017 (Легенда: a. серая почва; b. каштановая почва; c. глинистая почва; d. контур ям; e. граница раскопа; f. стерильный слой).

Рис. 39. Яма 1/2018 (Легенда: a. серая почва; b. камни; c. контур ямы; d. стерильный слой).

Рис. 40. Ямы гето-фракийского периода: 1, 5-8 - яма 2/2018; 2 - яма 6/2018; 3, 9, 10 - яма 8/2018; 4, 11-19 - яма 10/2018 (Легенда: a. серая почва; b. каштановая почва; c. фрагменты очага; d. камни; e. контур ям; f. граница раскопа; g. стерильный слой).

Рис. 41. Яма 9/2018 (Легенда: a. серая почва; b. контур ямы).

Рис. 42. Яма 1/2019 (Легенда: a. серая почва; b. глинистая почва; c. камни; d. контур ямы).

Рис. 43. Яма 4/2019 (Легенда: a. серая почва; b. фрагменты обожженного дерева; c. контур ямы; d граница раскопа; e. стерильный слой).

Рис. 44. Металлические предметы из фрако-гетского слоя (1-12, 15-17 - железо; 13, 14 - бронза).

Рис. 45. Предметы из кости (1-4) и рога (5) из фрако-гетского слоя.

Рис. 46. Каменные предметы из фрако-гетского слоя (1 - песчаник; 2-17 - речной камень).

Рис. 47. Пряслица из фрако-гетского слоя.

Рис. 48. Глиняные предметы из фрако-гетского слоя.

Рис. 49. Греческие производственные центры: 1 - Лесбос; 2 - Пепарет; 3 - Хиос; 4 - Фасос; 5 - средиземноморский центр; 6 - Менда (?); 7 - Гераклея Понтийская; 8 - круг Фасоса; 9 - Книд; 14, 15 - Синопа; 10-13 - неизвестные центры.

11.11.2019

Dr. hab. Ion Niculiţă, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6642-2888, e-mail: mb_usm@yahoo.com

Victor Dulgher, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9024-4599, e-mail: dulghervictor@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE LA SITUL SAHARNA MARE/„DEALUL MĂNĂSTIRII”, RAIONUL REZINA

Tatiana Nagacevschi, Angela Simalcsik, Vitalie Sochircă, Margareta Simina Stanc

Cuvinte-cheie: microzona Saharna, epoca fierului, cercetări interdisciplinare, investigaţii pedologice, investigaţii paleoantropologice, investigaţii arheozoologice.

Introducere

Cercetările arheologice realizate în anii 2017-2019 în sectorul de sud-vest al sitului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” s-au soldat cu descoperirea mai multor structuri arheologice (locuinţe, construcţii auxiliare, gropi menajere etc.), precum şi a unui bogat şi variat inventar arheologic, care a permis încadrarea lor în nivelurile de locuire hallstattian timpuriu (Cozia-Saharna) şi traco-getic[1].

Deopotrivă cu investigaţiile arheologice, din stratul cultural, din groapa 4/2018 şi dintr-un vas-urnă au fost prelevate probe de sol pentru analize. De asemenea, atât din strat, cât şi din complexe a fost colectate eşantioane destul de semnificative de resturi paleofaunistice, care, la fel, au fost supuse unei analize detaliate. Totodată au fost realizate şi analize antropologice a unui schelet incomplet, recuperat în preajma construcţiei nr. 3, şi a scheletului unui defunct descoperit într-un mormânt, atribuit perioadei hallstattiene timpurii.

1. Investigaţii pedologice

Material şi metode de cercetare

În perimetrul sitului arheologic Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” s-a format un strat cultural (sol antropizat) cu grosimea de circa 0,8-1,5 m, ca rezultat al locuirii îndelungate (cca 900 de ani), mai ales în partea de sud-vest a promontoriului Saharna Mare (Zanoci et al. 2018; Băţ, Asăndulesei 2018). Pentru a studia solul stratului cultural de pe acest sector al promontoriului, au fost prelevate probe din secţiunile 29/2017 şi 30/2018, trasate cu scopul cercetării unei anomalii ce prezenta indicii ale existenţei unor structuri arheologice (fig. 1).

Probe au fost prelevate din peretele de vest al secţiunii 29/2017, din profilul gropii 4/2018 şi dintr-un vas-urnă, descoperit în careul 9 al secţiunii din 2018. Pentru comparaţie, în afara sitului arheologic, la o distanţă de circa 100 m nord-vest, pe un teren arabil a fost realizat un alt profil, numit în continuare arabil (fig. 2).

Analizele probelor s-au realizat în Laboratoarele „Fizica solului” şi „Chimia solului” din cadrul Departamentului „Ştiinţele Solului, Geografie, Geologie, Silvicultură şi Design” al USM şi în laboratoarele Institutului de Pedologie, Agrochimie şi Protecţie a Solului „Nicolae Dimo” şi ale Institutului de Ecologie şi Geografie din Chişinău. Au fost utilizate metodele clasice de determinare a parametrilor chimici şi fizici ai solului: humusul – prin metoda I.V. Tiurin, cu modificarea de V.N. Simakov; N_{total} – prin metoda Chieldal; $CaCO_3$ – prin metoda gazovolumetrică; P_2O_5 – prin metoda B.P. Macighin; K_2O – prin metoda fotometrică (Аринушкина 1970); componenţa granulometrică – prin metoda pipetei după N.A. Kacinski; densitatea fazei solide – prin metoda Petinov (Jigău, Nagacevschi 2006).

Rezultatele obţinute şi discuţii

Ca rezultat al investigaţiei, s-a stabilit că subtipul de sol din spaţiul investigat este cernoziomul carbonatic, cu deosebirea că cel din perimetrul sitului arheologic este înţelenit, iar cel situat în afara sitului – arabil. Cernoziomul carbonatic se formează în condiţii naturale de stepe xerofite, cu păiuş, negară şi pelin. Acest subtip de sol contactează teritorial cu cernoziomul tipic slab humifer, fiind mai slab humificat, cu o structură mai puţin

[1] Rezultatele cercetărilor arheologice a se vedea în articolul Ion Niculiţă, Aurel Zanoci, Mihail Băţ, Victor Dulgher, *Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, raionul Rezina (2017-2019)*, de la p. 253-322.

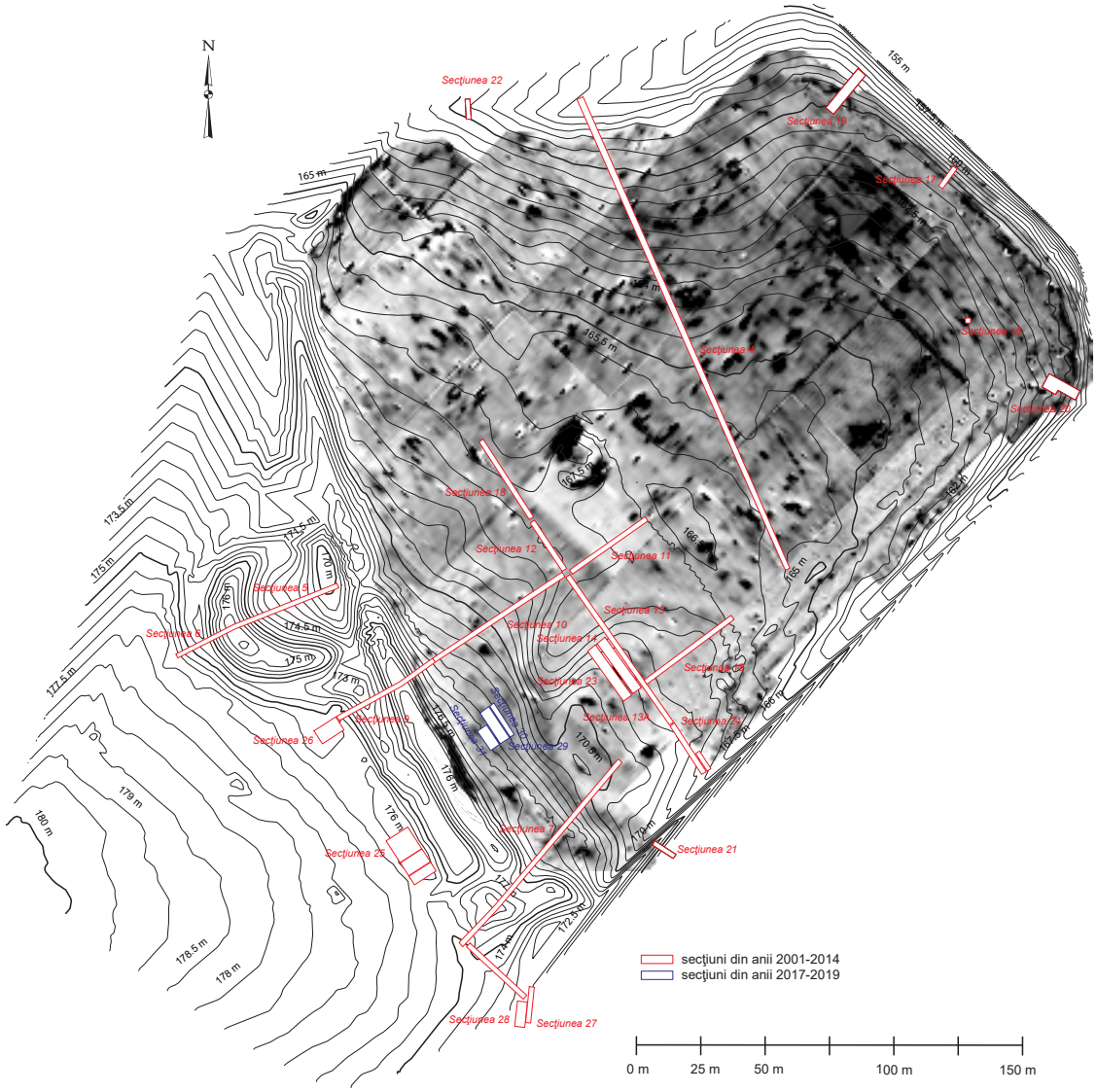


Fig. 1. Planul topografic al sitului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”. Localizarea secţiunilor din anii 2017-2019 (grafică de M. Băţ).

stabilă, conţine carbonaţi de la suprafaţă. În arealul Saharna, cernoziomul carbonatic este prezent, de regulă, pe promontoriile şi platourile formate la confluenţa Nistrului cu afluenţii săi de dreapta, sau cele formate doar de afluenţii Nistrului. Prezenţa carbonaţilor în stratul superior indică regimul hidric xerofit. Carbonaţii interacţionează cu elementele nutritive, trecându-le în stare insolubilă, iar reacţia solului este bazică (Ursu 2011).

Rezultatele analizelor de laborator ale probelor din cele trei profiluri de sol sunt prezentate în *tabelul 1*, fiind investigaţi comparativ parametrii fizici şi chimici ai solului. Straturile cu urme evidente de modificări antropice din secţiunile arheologice, de la adâncimea de 50 cm în jos, se deosebesc atât morfologic, cât şi analitic după toţi parametrii fizici şi chimici.

Densitatea fazei solide a solului, care corelează cu conţinutul de humus şi partea minerală a solului (componenta minerologică), are limitele medii ale valorilor de 2,55-2,73 g/cm^3 pentru solurile Republicii Moldova. Creşterea conţinutului de humus (partea organică) determină scăderea densităţii fazei solide a solului, trăsătură caracteristică pentru orizonturile de la suprafaţă, pe când orizonturile subiacente, lipsite de partea organică şi cu prezenţa părţii minerale, au valori de 2,70-2,73 g/cm^3.

1 2 3

Fig. 2. Profiluri de sol: 1 - din secţiunea 29/2017; 2 - din groapa 4/2018; 3 - din afara aşezării.

În cazul celor trei profiluri de sol analizate, densitatea fazei solide în profilul de sol arabil se încadrează în legitatea generală de creştere a valorii odată cu adâncimea, ajungând până la 2,63 g/cm^3. Pe când în profilurile din secţiunea 29/2017 şi groapa nr. 4/2018 această legitate se manifestă doar la suprafaţa solului, iar spre adâncime este perturbată, în special în stratul 90-120 cm din secţiunea 29/2017 şi 160-200 cm din groapa nr. 4/2018 (*vezi cifrele subliniate din tabelul 1 şi fig. 3*). Putem presupune, că valorile mai mici anume la această adâncime se datorează ponderii sporite a părţii organice, care este mai uşoară, generată de activitatea omului în trecutul îndepărtat.

Constatăm şi o deosebire evidentă dintre cele trei profiluri de sol la conţinutul de humus şi C organic. În profilul de sol arabil conţinutul de humus este conform normativelor cunoscute. Pe când în profilele din secţiunea 29/2017 şi groapa nr. 4/2018 se înregistrează un conţinut majorat de humus (8,34-4,95%) în prima jumătate de metru, ce poate fi explicat prin faptul că este un sol înţelenit (deja de o perioadă îndelungată de timp). Prezenţa unui conţinut înalt de humus (4,53-2,76%) în orizonturile subiacente, nu se încadrează în caracteristicile genetice ale cernoziomului. Astfel, conţinutul de humus la adâncimea de 80-100 cm este de circa 3-4 ori mai mare în profilul din secţiunea 29/2017, comparativ cu profilul genetic. Cu totul nefiresc este conţinutul de humus de 3,20-2,76% la adâncimea de 110-130 cm, adică în orizontul C – roca de solificare. Aceasta demonstrează că prezenţa materiei organice la adâncimi mari, de 90-130 cm, poate fi explicată prin influenţa unei activităţi antropice consistente într-o perioadă îndepărtată de timp, acest fapt fiind atestat şi la situl arheologic din vecinătate Saharna „Ţiglău" (Sochircă, Nagacevschi, Cojocaru 2018).

O trăsătură a cernoziomului carbonatic este frecvenţă mare a carbonaţilor ($CaCO_3$) în profilul solului şi în materialul parental. În profilul de sol arabil constatăm un conţinut de carbonaţi conform normativelor de 12,26-18,03%, iar în profilul din secţiunea 29/2017 conţinutul ajunge la valori de peste 30%. Această concentraţie sporită poate fi explicată, pe de o parte, prin fenomenul natural firesc de circulaţie a carbonaţilor în aceste soluri, întrucât soclul promontoriului este constituit din calcare sarmaţiene, care aflorează la câţiva metri de secţiune, iar pe de altă parte, posibil prin prezenţa resturilor de calcare utilizate în diverse scopuri (ca piatră de construcţie, la dobândirea varului, la obţinerea lianţilor, la muruială etc.) de către populaţiile care au locuit aici în trecutul îndepărtat.

Componenţa granulometrică a solului din cele trei profiluri diferă semnificativ. În cazul profilului de sol arabil ea este uniformă şi tipică pentru un profil de sol genetic nemodificat şi dovedeşte o aşezare normală a orizonturilor genetice neantropizate. Pe când profilul din secţiunea 29/2017 se delimitează prin conţinutul mai înalt de praf (diametrul 0,001-0,05 mm), îndeosebi la adâncimea de 60-70 cm, precum şi în orizonturile subiacente. Textura prăfoasă în orizonturile de la adânci-

Tabelul 1

Parametrii fizici şi chimici ai solului (cernoziom carbonatic) din cele trei profiluri din situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”

Adâncimea, cm	Densitatea fazei solide, g/cm³	< 0,001 mm (argilă fină)	0,001-0,05 mm (praf)	0,05-1 mm (nisip)	C organic	Humus	$CaCO_3$	K_2O	P_2O_5
		Componența granulometrică, %			*Conținutul, %*				
Profilul de sol din secțiunea 29/2017									
0-10	2,50	20,15	49,89	30,26	4,84	8,34	6,55	2,46	0,11
10-20	2,51	21,27	48,06	30,67	4,06	6,70	12,38		
20-30	2,51	18,21	51,04	30,75	3,40	5,86	12,55	1,79	0,14
30-40	2,51	18,34	51,28	30,38	3,00	5,17	12,98		
40-50	2,51	18,15	51,63	30,22	2,87	4,95	17,30	1,54	0,30
50-60	2,52	13,31	57,18	29,51	2,63	4,53	20,19		
60-70	2,52	12,41	**74,85**	12,74	2,26	3,90	24,80	1,74	0,40
70-80	2,55	12,47	61,06	26,47	1,70	2,93	27,65		
80-90	2,55	12,35	60,23	27,42	1,70	2,93	32,76	1,62	0,37
90-100	**2,46**	13,24	60,76	26,00	**2,18**	**3,77**	32,34		
110-120	**2,49**	13,83	61,82	24,35	**2,16**	**3,73**	32,76		
110-120	2,51	12,83	61,87	25,30	**1,85**	**3,20**	31,76	1,72	0,35
120-130	2,52	11,25	62,91	25,84	**1,60**	**2,76**	30,28		
Profilul de sol din groapa nr. 4/2018									
50-60*	2,59	16,11	53,43	30,46	1,60	2,76	8,49	3,00	0,40
60-70	**2,60**	**16,12**	**52,59**	**31,29**	**1,55**	**2,67**	**11,88**	3,20	0,46
70-80	2,60	13,44	55,83	30,73					
80-90	2,57	15,56	51,93	32,51	1,36	2,35	13,58	2,81	0,57
90-100	2,58	11,92	57,16	30,92					
100-110	2,58	13,54	53,10	33,32	1,29	2,22	14,00	2,68	0,59
110-120	2,60	13,28	53,98	32,74					
120-130	2,60	12,71	53,08	34,21	1,08	1,87	16,97	2,93	**0,67**
130-140	2,60	16,63	48,74	34,63					
140-150	2,60	17,82	54,46	27,72	1,23	2,13	18,57	5,37	**0,64**
150-160	2,60	18,66	55,24	26,13					
160-170	**2,57**	17,96	41,04	31,94	1,35	2,32	17,40	5,37	**0,69**
170-180	**2,57**	18,88	49,46	31,36					
180-190	**2,57**	18,95	47,22	33,83	0,96	1,65	13,15	6,24	**0,66**
190-200	**2,57**	21,71	47,20	31,12					
200-210	2,64	24,47	45,81	29,72	0,55	0,95	12,78	6,24	0,49
210-220	2,64	22,31	41,81	35,88					
220-260	2,66	13,04	35,25	51,71	0,22	0,38	29,28	3,43	0,27
Profilul de sol arabil									
0-20	2,55	26,93	53,11	19,96	2,81	4,84	13,99	1,44	0,07
20-40	2,57	26,11	56,71	17,18	2,34	4,03	14,00	1,28	0,05
40-60	2,61	26,53	56,49	16,98	1,39	2,40	12,26	1,23	0,08
60-80	2,63	25,81	56,74	17,45	0,66	1,15	18,03	1,28	0,17
80-100	2,63	25,62	57,75	16,63	0,51	0,89	15,14	1,11	**0,13**

*Adâncimea corespunde cu nivelul la care a fost atestată gura gropii.

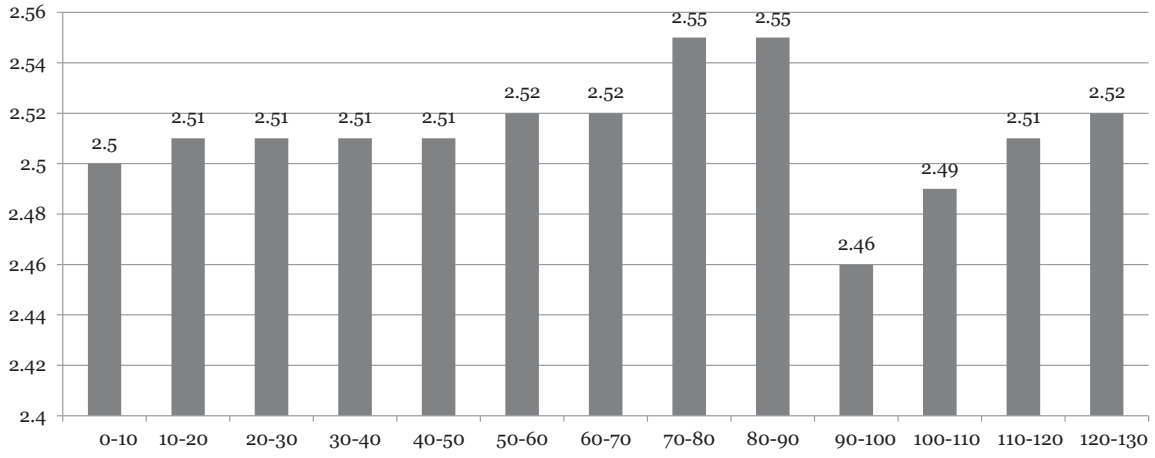


Fig. 3. Densitatea fazei solide (profilul de sol din secţiunea 29/2017).

me poate fi legată de prezenţa cenuşii rămase de la arderea resturilor vegetale şi a altor materii, cenuşa fiind vizibilă atât la preluarea probelor din profil, cât şi în cilindre în timpul analizelor de laborator.

Prezintă interes conţinutul sporit de fosfor (P_2O_5) în straturile subiacente, îndeosebi în groapa nr. 4/2018 – 0,59-0,69% la adâncimea de 100-180 cm, faţă de profilul de sol arabil (de exemplu, la adâncimea de 80-100 cm decalajul dintre valorile conţinutului de fosfor (P_2O_5) este de cca 4,4 ori) (*vezi cifrele subliniate din tabelul 1*). Aceasta indică impactul antropic al unor teritorii populate, deoarece fosforul mobil reprezintă fosforul acceptabil – de origine primară organică şi poate fi generat de deşeurile menajere şi de cenuşa de origine vegetală sau de la arderea resturilor animale (posibil şi umane). Aceleaşi caracteristici le are şi conţinutul de potasiu (K_2O), mai ridicat de până la 3-6 ori în solul din groapa nr. 4/2018, comparativ cu solul arabil. Frecvenţa mai mare a potasiului (K_2O), în comparaţie cu orizonturile superioare, poate fi legată de prezenţa cenuşii rămase de la arderea resturilor vegetale. Cenuşa sau scrumul rămân ca reziduuri sub formă de praf depozitat în locul combustiei.

Un interes deosebit prezintă rezultatele cercetărilor pedologice ale probei de sol prelevate din vasul-urnă (fig. 4), descoperit în secţiunea 30/2018, la adâncimea de 60-80 cm de la nivelul actual de călcare.

Ca rezultat, s-a constatat că din punctul de vedere morfologic materialul identificat corespunde mai mult cenuşii. Parametrii fizici ai acestei probe, sub aspect granulometric, prezintă o diferenţă semnificativă, comparativ cu parametrii solului de la adâncimea de 60-80 cm din secţiunea 30/2018, în ceea ce priveşte conţinutul de praf – majorat cu circa 10% şi argilă fină – diminuat cu circa 13% (*tabelul 2*).

Proba de sol din urnă are şi parametri chimici deosebiţi: un conţinut sporit de $CaCO_3$, aproape triplu comparativ cu parametrii solului din secţiune de la adâncimea de 60-80 cm (*tabelul 3*). Conţinutul de fosfor (P_2O_5) cu cca 50% mai mare comparativ cu solul din secţiune de la aceeaşi adâncime, de asemenea atestă un impact de origine antropică. În concluzie, considerăm că prezenţa ridicată de carbonaţi şi fosfaţi demonstrează prezenţa unei cenuşe din resturi preponderent osoase.

Concluzii

1. Subtipul de sol din ambele profiluri de sol din arealul Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" este cernoziomul carbonatic, cu deosebirea că cel din perimetrul sitului arheologic este înţelenit, iar cel situat în afara sitului – arabil.

2. Rezultatele testelor de laborator demonstrează că profilul de sol arabil (din afara sitului arheologic) are trăsături tipice pentru un profil de sol genetic nemodificat, cu o aşezare normală a orizonturilor, neantropizate, cu parametri fizici şi chimici conform normativelor cunoscute. Pe când profilurile din cele două secţiuni din situl arheologic au urme evidente de modificări antropice, de la adâncimea de 50 cm în jos, atât morfologice, cât şi analitice, după parametrii fizici şi chimici: o densitate a fazei solide a solului perturbată; un

Tabelul 2

Parametrii fizici ai probelor de sol colectate din vasul-urnă în comparaţie cu probele de sol din secţiunea 30/2018

Adâncimea, cm	Densitatea fazei solide, g/cm^3	1-0,1 mm	0,1- 0,05 mm	0,05- 0,01 mm	0,01-0,005 mm	0,005-0,001 mm	<0,001 (argilă fină)	<0,01 mm (argilă fizică)	0,05-0,001 mm (praf)	1-0,05 mm (nisip)
		Componenţa granulometrică, %					*Componenţa granulometrică, %*			
Proba de sol din vasul-urnă										
60-80	2,59	1,93	28,45	45,16	9,16	8,94	6,36	24,46	63,26	30,38
Proba de sol din secţiunea 30/2018										
60-80	2,60	2,61	28,39	31,52	12,83	9,87	14,78	37,48	54,22	31,00

Tabelul 3

Parametrii chimici ai probelor de sol colectate din vasul-urnă în comparaţie cu probele de sol din secţiunea 30/2018

Adâncimea, cm	C organic, %	Humus, %	$CaCO_3$, %	K_2O, %	P_2O_5, %
Proba de sol din vasul-urnă					
60-80	1,24	2,13	31,61	2,68	0,68
Proba de sol din secţiunea 30/2018					
60-80	1,55	2,67	11,88	3,20	0,46

conţinut înalt de humus la adâncime şi în roca de solificare; un conţinut mai înalt de praf, de carbonaţi ($CaCO_3$), de fosfor (P_2O_5) şi de potasiu (K_2O) în orizonturile subiacente. Aceste abateri reflectă prezenţa materiei organice la adâncimi mari, precum şi a cenuşii rămase de la arderea resturilor vegetale şi a altor materii, ceea ce se observă vizual şi pe profilul solului. Prin urmare, putem afirma că profilurile de sol din situl arheologic prezintă urme ale activităţii antropice consistente într-o perioadă îndepărtată de timp – de la sfârşitul sec. XII până în sec. III a. Chr., conform estimărilor arheologice.

2. Investigaţii paleoantropologice

Studiul antropologic a fost efectuat asupra unui schelet, care provine dintr-un mormânt cu catacombă din nivelul de locuire al primei epoci a fierului, precum şi asupra unui schelet incomplet, atestat în preajma construcţiei nr. 3 din nivelul getic.

Mormântul din secţiunea 31/2019

Gradul de reprezentare şi starea de conservare. Scheletul este aproape complet, foarte bine reprezentat. Sunt prezente peste 80% din componentele scheletice (Buikstra, Ubelaker 1994, 5-8) (fig. 4/1). Menţionăm slabe distrugeri produse recent la nivelul temporalului drept, orbitelor, arcurilor zigomatice şi maxilarului superior stâng. În ceea ce priveşte segmentul postcefalic, incomplete sunt următoarele părţi: omoplaţii, majoritatea coastelor, femurul şi fibula de pe partea stângă (lipsesc treimile distale ale acestora) şi sacrumul. Elementele lipsă sunt: clavicula stângă, vertebrele coccigiene şi câteva falange palmare şi plantare. Starea de conservare a osemintelor analizate este foarte bună (Connel 2009, 9).

Estimarea vârstei şi determinarea sexului. Osemintele provin de la un individ de sex masculin (Ubelaker 1979, 72-80, 93-114; Buikstra, Ubelaker 1994, 16-20), cu vârsta biologică, în momentul decesului, de cel puţin 60 de ani (adult bătrân sau *senilis*) (Buikstra, Ubelaker 1994, 21-38).

Caracteristici biomorfometrice. Resturile craniene au fost analizate morfoscopic şi biometric. Calota craniană este foarte lungă (191 mm), îngustă (137 mm) şi scundă (112 mm), de formă sfenoidă-ovoidă (privită din plan vertical), dolicocrană (71,7 u.i.), ortocrană (58,6 u.i.) şi metriocrană (81,7 u.i.) (fig. 4/2-4). Occipitalul este înalt, cu o curbură accentuată, în special în regi-

unea sublambdică („coc" occipital slab). Fruntea este largă (100 mm), ovală, de tip intermediar (83,3 u.i.) şi eurimetopă (72,9 u.i.). Fosa canină este profundă. Zigomaticele sunt înalte şi largi, dispuse în acelaşi plan cu temporalele. Procesul mastoid este voluminos. Scheletul facial este înalt, de tip leptoprosop (90,6 u.i.), mezen spre lepten (54,6 u.i.). Orbitele sunt scunde şi moderat de largi, de tip mezoconc (78,5 u.i.). Nasul este larg, cu tendinţă de înălţare, mezorin spre leptorin (50,9 u.i.) (fig. 4/2, 3). Relieful cranian (supraglabelar, supraciliar, occipital şi goniac) este accentuat. Mandibula prezintă deschidere mică, este îngustă, gracilă (32,4 u.i.), cu simfiză piramidală atenuată, cu corpul foarte înalt (37 mm) şi moderat de gros (12 mm), cu ram vertical înalt şi larg. Profilarea orizontală a feţei este accentuată, de tip europoid. Din punct de vedere tipologic, menţionăm trăsături nordoide predominante şi câteva elemente est-europoide (fig. 4/2-4). Osatura postcraniană este robustă şi zveltă, cu inserţii musculare extrem de dezvoltate. Humerusurile înscriu un indice de robusticitate de circa 19,1 u.i. şi un indice al secţiunii diafizei de tip euribrahic (78,0 u.i.). Radiusurile au un indice al secţiunii diafizei de 75,7 u.i. şi un indice de robusticitate de 17,8 u.i. Aceiaşi indici calculaţi pentru cubitusuri înscriu 90,6 u.i. şi, respectiv, 14,9 u.i. Femurul drept înscrie un indice de platimerie de tip platimer spre hiperplatimer (75,6 u.i.) şi un indice de pilastrie de 112,9 u.i. Indicele cnemic al tibiilor este de tip euricnem (71,8 u.i.). Indicele de soliditate al fibulelor este de 9,13 u.i. (Martin 1928; Martin, Saller 1957-1966; Buikstra, Ubelaker 1994, 69-84). Statura scheletică, calculată după lungimea humerusurilor, radiusurilor, cubitusurilor, femurului drept, tibiilor şi fibulei drepte, este cuprinsă între 177 şi 181 cm (Manouvrier 1892, 227-233) şi 177 cm (Breitinger 1938, 249-274; Trotter, Gleser 1951, 311-324; Trotter, Gleser 1952, 469-514; Trotter, Gleser 1958, 79-123; Bach 1965, 12-21), valori care se încadrează în categoria staturilor masculine mari spre foarte mari.

Patologii dentare. Starea de sănătate dentară este precară. Semnalăm trei căderi dentare produse *intravitam* (M_2 de pe partea stângă şi M_2 şi M_3 de pe partea dreaptă), patru carii (P^2, M^1, M_1 şi M^2 de pe partea dreaptă) şi patru abcese (P^1, M^1 şi M^2 de pe partea dreaptă şi M_1 de pe partea stângă). Uzura coroanelor dentare este avansată, de tip mixt. Unele coroane sunt uzate prin atriţie (uzură fiziologică, produsă prin procesul de masticaţie), iar altele, prin abrazie (uzură patologică produsă prin anumite obiceiuri alimentare sau culturale) (fig. 4/5, 6).

Patologii osoase. Aproape toate suprafeţele de articulaţie sunt afectate de osteoartrită degenerativă destul de avansată. Factorii responsabili sunt, mai întâi de toate, vârsta înaintată, dar şi efortul fizic care a suprasolicitat musculatura şi articulaţiile. Pe marginea unor suprafeţe de articulaţie sunt prezente osteofitele (fig. 5/1), iar în zonele de inserţie musculară, entezofitele. Unele articulaţii sunt corodate, cum ar fi, de exemplu, cele coxofemurale (fig. 5/2), altele au conturul anatomic modificat (Waldron 2009, 26-71; Ortner 2003, 545-560). Manifestările bolii sunt mai accentuate la nivelul centurii pelviene şi coloanei vertebrale (în special în segmentul lombar) (fig. 5/3).

Hernia discală intraspongioasă a fost identificată pe corpurile vertebrale toracice inferioare şi pe cele lombare (fig. 5/3), condiţionată fiind, în acest caz, de suprasolicitarea fizică a coloanei vertebrale (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 96-97; Waldron 2009, 42-45; Ortner 2003, 549-550, 555-558).

Printre componentele scheletice au fost găsite părţi din laminele osificate ale cartilajului tiroidian, iar pe manubrium, bilateral, urmele osificării cartilajului aferent primei perechi de coaste (fig. 4/8), caracteristici care susţin vârsta înaintată a acestui individ.

La nivelul diafizelor tibiilor au fost identificate macroscopic o serie de modificări de structură ale periostului (fig. 5/4), care indică o inflamaţie acută. Acelaşi tip de modificări, dar nu atât de ample, se pot observa şi pe rotula stângă (fig. 5/1). Ţesutul osos nou-format pe diafizele tibiilor şi pe suprafaţa rotulei poate fi un răspuns clar localizat al sistemului osos la anumiţi factori patologici, cum ar fi anumite boli infecţioase, traumatisme sau carenţe alimentare acute grave (Ortner 2003, 206-215; Mann, Hunt 2005, 155, 157-159). După aspectul ţesutului, reacţiile periosteale erau active în momentul decesului (fig. 5/5), fiind cauzate de extinderea agresivă şi galopantă a unei infecţii microbiene. Cel mai probabil, acestea sunt în strânsă legătură cu procesul patologic la care ne vom referi în cele ce urmează.

Pe femurul stâng sunt vizibile modificări patologice complexe. Osul nu este întreg, pentru analiză fiind disponibile doar treimile mijlocie (fragmen-

Fig. 4. Mormânt (secţiunea 31/2019). Bărbat, peste 60 ani. 1 - Gradul de reprezentare a scheletului (alb - element absent; negru - element prezent; haşurat - element prezent parţial); 2-4 - craniul văzut din planurile lateral, facial şi vertical; 5, 6 - arcadele dentare superioară şi inferioară; 7 - clavicula dreaptă, inserţii musculare; 8 - sternul, incomplet.

1

2

3

4

5

7

6

8

9

Fig. 5. Mormânt (secţiunea 31/2019). Bărbat, peste 60 ani. 1 - Rotulele, osteofite; 2 - coxal, fosa acetabulară, coroziune; 3 - vertebre cu osteofite marginale şi hernie discală; 4 - tibii, diafize, modificări periosteale; 5 - tibia dreaptă, diafiză, modificări periosteale, detaliu; 6, 7 - femurele văzute anterior şi posterior; 8 - femurul stâng, treimea proximală, modificări patologice agresive; 9 - femurul stâng, treimea proximală, vedere prin canalul medular.

tară) şi proximală (fig. 5/6, 7). Cel mai probabil, *in situ* erau prezente şi fragmentele din treimea distală a osului, însă, judecând după aspectul treimii mijlocii, probabilitatea recuperării acestora pare infimă. Porţiunea conservată din femurul stâng ne-a pus în mare dificultate în ceea ce priveşte determinarea patologiei de care a suferit acest bărbat şi care, cel mai probabil, a constituit, direct sau indirect, cauza decesului. Reamintim că starea de reprezentare a scheletului este foarte bună (fig. 4/1), în inventarul scheletic fiind prezente inclusiv rotulele, tibiile, fibulele (cea stângă – fără treimea distală, însă linia de ruptură este produsă recent) şi aproape toate oasele plantare. Pornind de la această stare de fapt, ipoteza unei amputări nereuşite (cu suprainfecţie) a părţii distale a femurului stâng, de la care am plecat la prima confruntare vizuală cu osul, nu mai are susţinere logică. Ce s-a întâmplat, totuşi, cu coapsa stângă a acestui bărbat?

Credem că, mai întâi de toate, femurul stâng a suferit o fractură deschisă multifragmentară, compusă, localizată la limita dintre treimea mediană şi cea proximală, unde se pot distinge punţi de calus (fig. 5/8, 9). Posttraumatic, pe ţesutul vătămat s-a instalat o infecţie bacteriană extrem de agresivă (cel mai probabil, *Staphylococcus aureus* şi/sau *Streptococcus sp.*), care a consumat porţiuni extinse ale osului, pornind de la canalul medular, iar apoi traversând peretele osos (sunt prezente leziuni circulare, cloaca şi *involucrum*) (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 172-178; Ortner 2003, 181, 187-191, 199-206). Interiorul osului este consumat, modificat şi subţiat de procesele infecţioase/purulente (fig. 5/9).

Cu toate că procesul inflamator a fost extrem de sever şi foarte rapid, bărbatul a supravieţuit câteva zile după producerea posibilei fracturi şi, respectiv, după instalarea procesului infecţios, astfel încât osul a avut timp suficient să reacţioneze atât de sever. Rapiditatea acestui proces se poate deduce şi din faptul că a rămas localizat pe un singur element scheletic, producând în plus doar reacţii periosteale severe la nivelul tibiilor şi ceva mai superficiale pe suprafaţa rotulei de pe partea stângă. Rezultatul final a fost însă, după suficiente zile de suferinţă, septicemia, care a condus la deces.

Un alt factor care produce o asemenea reacţie necrotică distructivă putea fi osteosarcomul intermedular, care afectează cel mai frecvent doar un os din sistemul scheletic, cel mai adesea femurul (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 377-379; Ortner 2003, 524-526). Nu în ultimul rând trebuie luat în considerare şi sindromul Gorham-Stout (*vanishing bone disease*), care este o boală osoasă caracterizată prin distrugerea progresivă a matricei osoase şi absorbţia acesteia, putând afecta unul sau mai multe oase din sistemul scheletic (El-Kouba et al. 2010, 618-619; Nikolaou et al. 2014, 694-695).

Fără îndoială, diagnosticul final în acest caz rămâne nerezolvat, cel puţin până în momentul când vor fi posibile o serie de investigaţii suplimentare, care ne vor ajuta să trecem de pereţii osului (cu ajutorul radiaţiilor X şi scanării prin tomografia computerizată axială) şi să pătrundem până la matricea osoasă, cu ajutorul examinării histopatologice. Ne rezervăm detalierea acestor rezultate într-o lucrare ulterioară.

Indicatori ocupaţionali. Pe parietale, imediat după sutura coronară (fig. 4/2, 4), se poate observa o depresiune clară, interpretată de unii autori ca fiind un tip de deformaţie craniană neintenţionată „de tip Tumpline" sau „deformaţie postcoronară" (Lambert 1979, 52), asociată cu anumite activităţi fizice intense din perioada copilăriei, dar şi din perioada maturităţii, în special dacă este acompaniată de o intensă musculatură nucală. Ne referim la căratul poverilor pe spate, susţinute pe cap cu ajutorul unei benzi trecute peste regiunea parietalelor (creştet) (Molleson 2007; Khudaverdyan 2018, 8-11). Alţi autori includ această depresiune, în special dacă este însoţită de „cocul" occipital şi depresiunea prelambdică, în şirul trăsăturilor epigenetice/non-metrice craniene (Mann, Hunt, Lozanoff 2016, 184, 188).

Inserţiile musculare sunt extrem de accentuate pe clavicule (fig. 4/7) şi humerusuri, ceea ce indică suprasolicitarea musculaturii braţelor. Femurul drept, prin pilastria sa de aproape 113 u.i., reliefful subtrohanterian accentuat presărat cu entezofite, prezenţa trohanterului suplimentar şi *linea aspera* rugoasă, indică o intensă suprasolicitare a muşchilor coapsei, implicit mobilitate terestră şi menţinerea îndelungată a corpului în poziţie verticală. Reamintim că entezofitele se formează în locurile de inserţie a ligamentelor musculare şi tendoanelor, fiind indicatori ai suprasolicitării musculo-scheletice (Hawkey, Merbs 1995, 324-338; Pálfi, Dutour 1996, 41-55; Chapman 1997, 390-411; Hawkey 1998, 326-340; Robb 1998, 363-377; Mann, Hunt 2005, 203-211).

Pe humerusul de pe partea dreaptă este prezent foramenul supratrohlear, numit şi perforaţie humerală sau diafragmă septală. Numeroşi autori susţin că acesta se formează după osificare, din cauza presiunii mecanice exercitate de olecranul ulnar asupra porţiunii supratrohleare humerale, situaţie ce se întâmplă atunci când braţul este întins în repetate rânduri (mişcarea de flexie-extensie). Un alt factor responsabil de formarea foramenului humeral poate fi neîndemânarea (Singhal, Rao 2007, 105-107; Mahajan 2011, 128-132).

Modificări tafonomice. Cu excepţia distrugerilor patologice discutate anterior, toate celelalte fracturi şi fisuri, care au condus la fragmentarea unor elemente scheletice, sunt recente. Nu au fost identificate urme de oxidare sau arsură (Buikstra, Ubelaker 1994, 95-106).

Depunerea de oseminte umane din secţiunea 29/2017

Gradul de reprezentare şi starea de conservare. Scheletul este incomplet, parţial reprezentat, fiind prezente circa 60% din componentele scheletice (Buikstra, Ubelaker 1994, 5-8) (fig. 6/1). Din segmentul cefalic s-au conservat următoarele părţi: un fragment din frontal (regiunea glabelară şi supraorbitară de pe dreapta), un fragment din parietalul drept (regiunea de articulaţie cu temporalul drept), un fragment din occipital (din proximitatea eminenţei cruciate), parte din temporalul drept (*pars petrosa*) şi două fragmente din sfenoid. Din segmentul postcefalic sunt prezente următoarele componente: coxalul drept, femurul stâng (fără treimea distală), un fragment din diafiza femurului drept, tibia dreaptă (treimea proximală), humerusul drept (întregit prin reconstituire), trei fragmente din diafiza peroneului drept, ulna dreaptă (pătrimea proximală), radiusul drept (treimea mijlocie), un fragment din omoplatul drept, claviculele (din cea dreaptă, doar treimea proximală), manubriul, mezosternul (cu mici distrugeri în porţiunea mediană), numeroase fragmente din coaste, vertebrele cervicale C3-C6, toracice T10-T12 şi lombare L1-L5. Starea de conservare a osemintelor analizate este satisfăcătoare spre bună (Connel 2009, 9).

Estimarea vârstei şi determinarea sexului. Osemintele provin de la un individ de sex masculin (Ubelaker 1979, 72-80, 93-114; Buikstra, Ubelaker 1994, 16-20), cu vârsta biologică în momentul decesului de circa 60 de ani (adult bătrân sau *senilis*) (Buikstra, Ubelaker 1994, 21-38).

Caracteristici biomorfometrice. Resturile craniene au fost analizate doar morfoscopic, studiul biometric nefiind posibil din cauza fragmentării accentuate şi a stării slabe de reprezentare (fig. 6/2). Chiar dacă incomplete, fruntea pare de lărgime mijlocie, cu eminenţe slabe, iar occipitalul, destul de aplatizat, cu inserţii musculare accentuate. Relieful cranian este moderat. Osatura postcraniană este robustă şi prezintă inserţii musculare extrem de dezvoltate. Humerusul are un indice de robusticitate de 21,1 u.i. şi un indice al secţiunii diafizei de tip euribrahic (77,8 u.i.). Indicele secţiunii diafizei radiusului este de 70,0 u.i. Femurul înscrie un indice de platimerie de tip platimer (77,1 u.i.) şi un indice de pilastrie de 103,3 u.i. Indicele cnemic al tibiei de pe dreapta este de tip euricnem (71,0 u.i.) (Martin 1928; Martin, Saller 1957-1966; Buikstra, Ubelaker 1994, 69-84). Statura scheletică, calculată după lungimea humerusului drept (singurul os întregit), este cuprinsă între 171 cm şi 177 cm (Manouvrier 1892, 227-233; Breitinger 1938, 249-274; Trotter, Gleser 1951, 311-324; Trotter, Gleser 1952, 469-514; Trotter, Gleser 1958, 79-123; Bach 1965, 12-21), valori care se încadrează în categoria staturilor masculine mari.

Patologii osoase. Pe fragmentele provenite din occipital şi parietalul drept a fost identificată hiperostoza porotică (*cribra cranii*), care este rezultatul unei creşteri anormale a ţesutului osos pe tăblia externă a calotei craniene. Porozitatea, care era inactivă în momentul decesului, poate sugera prezenţa unor anemii, hipervascularizări, procese inflamatorii locale cauzate de traumatisme sau diseminări secundare ale proceselor inflamatorii. Cel mai frecvent este invocat însă deficitul de fier (anemia sideropenică) (Mays 1998, 142-145; Ortner 2003, 136-137).

Majoritatea suprafeţelor de articulaţie sunt afectate de osteoartrită – boală degenerativă a articulaţiilor, de tip neuromecanic, cu caracter proliferativ şi eroziv, caracterizată prin pierderea cartilajului care protejează suprafeţele articulare. În cazul de faţă, boala este de tip poliarticular, iar primul factor responsabil este vârsta înaintată, alături de mişcare şi efortul fizic susţinut şi prelungit. Sunt prezente toate caracteristicile bolii: osteofitele (excrescenţe osoase formate pe marginea suprafeţelor de articulaţie), entezofitele (excrescenţe osoase formate în zonele de inserţie a muşchilor), porozitatea/coroziunea pe suprafeţele de articulaţie şi modificările conturului articular normal (Waldron 2009, 26-71; Ortner 2003, 545-560).

1

3

4

5

2

6

7

Fig. 6. Depunere de oseminte umane (secţiunea 29/2017). Bărbat, circa 60 ani. 1 - Gradul de reprezentare a scheletului (alb - element absent; negru - element prezent; haşurat - element prezent parţial); 2 - fragmente craniene; 3 - vertebrele cervicale C3-C5, osteoartrită; 4 - vertebrele toracice T11-T12, hernie discală şi osteofite marginale; 5 - vertebrele lombare L1-L5, hernie discală şi osteofite marginale; 6 - femur drept, fragment din diafiză, traumatism produs *perimortem*; 7 - femur drept, detaliu al liniei de fractură produsă *perimortem*.

1 2 3a 3b 4 5

Fig. 7. Depunere de oseminte umane (secţiunea 29/2017). Bărbat, circa 60 ani. 1 - Humerusul drept, inserţii musculare accentuate şi modificări entezopatice; 2 - femurul stâng, latura posterioară, inserţii musculare accentuate şi modificări entezopatice; 3a - femurul stâng, capătul proximal văzut anterior, modificări entezopatice şi placă femurală; 3b - femurul stâng, capătul proximal văzut posterior, modificări entezopatice şi ovalizarea capului; 4 - coxalul drept, urme osteoartritice şi modificări entezopatice; 5 - manubriu şi mezostern, cartilaj costo-clavicular osificat.

Manifestările bolii sunt mai accentuate la nivelul coloanei vertebrale (fig. 6/3-5), dar au afectat parţial şi articulaţiile coxo-femurală (a soldului), humero-ulnară şi radio-ulnară (a cotului), gleno-humerală (a umărului) şi sterno-claviculară.

Corpurile vertebrale toracice şi lombare prezintă hernie intervertebrală verticală (fig. 6/4, 5), care este rezultatul bombării masei spongioase a corpului vertebral (a nucleului pulpos), al îngustării spaţiului intervertebral, fenomen ce permite contactul între două vertebre adiacente. Factorii responsabili sunt bolile degenerative de disc vertebral, alături de suprasolicitarea mecanică a coloanei vertebrale (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 96-97; Waldron 2009, 42-45; Ortner 2003, 549-550, 555-558).

Traumatisme. Fragmentul provenit din diafiza femurului drept prezintă o fractură produsă *perimortem* (în preajma decesului) (fig. 6/6, 7), cel mai probabil cauzatoare de moarte. Linia de ruptură nu prezintă urme de vindecare şi are toate caracteristicile unei fracturi deschise, complete, multifragmentare, transversal-oblice, produsă, probabil, printr-un mecanism mixt (Paine et al. 2007, 48-50).

Indicatori ocupaţionali. Inserţiile musculare la nivelul oaselor centurilor şi membrelor sunt extrem de accentuate. În cazul humerusului (fig. 7/1), modificările suprafeţelor de inserţie pot sugera activităţi care au solicitat intens muşchii braţelor (căratul poverilor sau ridicatul greutăţilor), iar în cazul femurului (fig. 7/2, 3), o intensă mobilitatea terestră, suprasolicitarea muşchilor coapsei prin activităţi precum mersul susţinut pe distanţe lungi şi pe teren denivelat şi accidentat, menţinerea îndelungată a corpului în poziţie verticală, dar şi activităţi ecvestre (călăritul). De altfel, în afară de o *linea aspera* şi relief subtrohanterian reliefate şi extrem de rugoase, prevăzute cu entezofite, femurul prezintă şi o uşoară ovalizare a capului, dar şi placă femurală (faţeta Walmsley) (fig. 7/3), cea din urmă fiind o amprentă adesea asociată cu hiperdorsiflexia, mişcările de flexie-extensie ale coapsei, alergatul şi/sau călăritul

(Blondiaux 1994, 97-110; Molleson, Blondiaux 1994, 312-316; Hawkey, Merbs 1995, 324-338; Pálfi, Dutour 1996, 41-55; Chapman 1997, 390-411; Hawkey 1998, 326-340; Robb 1998, 363-377; Mann, Hunt 2005, 203-211).

Pe unele componente scheletice au fost identificate entezofite – excrescenţe osoase formate în zonele de inserţie musculară (ligamente şi tendoane), care pot fi şi o formă de răspuns al organismului la acţiunea factorilor de stres musculo-scheletic, sugerând activităţi fizice intense ale muşchilor ce se inseră în respectivele locusuri. Se evidenţiază în acest sens coxalul (fig. 7/4), sternul (fig. 7/5), humerusul (fig. 7/1), femurul (fig. 7/2, 3) şi tibia.

Modificări tafonomice. Numeroase fracturi şi fisuri care au condus la fragmentarea elementelor scheletice sunt recente. Sunt însă câteva rupturi produse *postmortem* în vechime, marginile acestora fiind uzate/tocite în sol. Nu au fost identificate urme de oxidare sau arsură. În ceea ce priveşte culoarea resturilor scheletice analizate, aceasta este uşor modificată, având o tentă cenuşie (Buikstra, Ubelaker 1994, 95-106).

3. Analiza materialului faunistic[2]

Studiul arheozoologic a urmărit identificarea speciilor de animale cu care au intrat în contact comunităţile umane şi a relaţiilor dintre acestea (pescuit, vânătoare şi creşterea animalelor); s-a urmărit evaluarea resurselor animale şi a strategiilor de exploatare a animalelor identificate în eşantioanele faunistice.

Metodologia standard de cercetare arheozoologică are mai multe etape, cum sunt: pregătirea materialului pentru studiu, identificarea anatomică, taxonomică şi tafonomică a resturilor, osteometria, estimarea vârstei, estimarea sexului la unele specii; acestor metode li se adaugă cele de cuantificare a datelor (care urmăresc evaluarea frecvenţelor diferitelor specii animale, pe baza numărului de resturi şi a numărului minim de indivizi estimaţi) şi de analiză statistică a datelor.

Resturile animale descoperite în cursul săpăturilor arheologice sunt reprezentate de oase, dinţi, coarne şi reflectă atât utilizarea animalelor de către oameni pentru alimentaţia cu produse animale, cât şi sursă de materii prime pentru activitatea artizanală.

În cursul campaniilor de săpături desfăşurate în anii 2017 şi 2018 au fost recoltate 3709 resturi faunistice, de origine menajeră, care provin din diferite contexte arheologice (straturi, gropi şi construcţii). Recoltarea resturilor în cursul săpăturilor arheologice a fost realizată de către arheologi. Materialul faunistic colectat a fost împărţit în patru eşantioane, în funcţie de contextul cultural şi cel arheologic; mărimea eşantioanelor variază de la 260 până la 1856 resturi, astfel: două eşantioane din perioada culturii Cozia-Saharna (cuprind 260, respectiv 585 resturi) şi două eşantioane de cultură getică (cuprind 1856, respectiv 1008 resturi) (*tabelul 4*).

Pe resturile osoase care compun cele patru eşantioane au fost observate şi urme antropice (urme de arsură, tranşare), dar şi urme lăsate de câini. Cele mai numeroase sunt resturile cu urme de arsură.

Moluşte. Dintre cele patru eşantioane faunistice, s-au identificat resturi de moluşte numai într-unul singur. În groapa 1 (care aparţine eşantionului CGconstr) a fost găsită o valvă de *Unio* sp. (scoica de râu), care prezintă o perforaţie (probabil scoica a fost utilizată ca pandantiv).

Peşti. În cele două eşantioane care cuprind resturile din straturi (CGstrat şi CCstrat) nu s-a identificat niciun rest de peşte. Au fost găsite patru resturi de peşti în gropile 1 şi 9 (care aparţin eşantionului CGconstr), respectiv nouă resturi în gropile 4, 5 şi 7 (care aparţin eşantionului CCconstr). Toate cele 13 fragmente (solzi dermici şi radii) provin de la sturioni. Nu s-au găsit deloc resturi de la peşti ososi.

Păsări. În eşantioanele Cozia-Saharna nu s-a găsit niciun fragment de pasăre. Resturi de păsări au fost identificate numai în eşantioanele de cultură getică. Cele două resturi de pasăre din eşantionul CGstrat provin de la un individ matur de găină (*Gallus domesticus*). În eşantionul CGconstr s-au identificat patru resturi de la păsări, şi două dintre ele provin cu siguranţă de la găina (*Gallus domesticus*) (pe baza unui tarsometatars a fost estimat un exemplar matur de sex masculin).

[2] Cercetarea s-a desfăşurat în cadrul unui grant oferit de Ministerul Cercetării şi Inovării din România – CNCS-UEFISCDI proiect numărul PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852 (în PNCDI III).

Mamifere. În toate cele patru eşantioane predominante sunt resturile provenind de la mamifere, ponderea acestora depăşind 98% (Tabelul 5). Resturile osoase au un grad ridicat de fragmentare, multe dintre ele având urme de tranşare şi ardere. Din acest motiv pentru numeroase fragmente nu s-a putut stabili specia, dar ştim cu siguranţă că provin de la speciile de mamifere identificate. Resturile neidentificate până la nivel de specie sunt fragmente mici de craniu, vertebre, coaste sau fragmente din oase lungi şi late; ponderea fragmentelor neidentificate până la nivel de specie este 38,4% la CCstrat, 39,9% la CCconstr, 45,2% la CGstrat şi 38,7% la CGconstr.

Resturile de ***mamifere domestice*** au o pondere foarte mare în toate cele patru eşantioane, ele reprezintă 91-97% din totalul mamiferelor identificate specific, proporţia cea mai ridicată fiind pentru eşantionul CCstrat (97%) (fig. 8). Proporţia ridicată a acestui grup este un indicator al faptului că creşterea mamiferelor era o ocupaţie foarte importantă pentru locuitorii aşezărilor. S-au identificat şase specii de mamifere domestice (bovină domestică, oaie, capră, porc, cal şi câine), prezente în toate cele patru eşantioane.

Ponderea cea mai ridicată o au fragmentele aparţinând vitei domestice, acestea reprezentând 48-58% din totalul fragmentelor identificate până la nivel de specie. În eşantioanele de cultură Cozia-Saharna, vita domestică are o pondere mai ridicată în CCstrat (57,5%) faţă de CCconstr (48,2%). În schimb, în cele două eşantioane de cultură getică, această specie are frecvenţe foarte apropiate: 53,3% în CGstrat şi 53,6% în CGconstr.

În toate cele patru eşantioane, pe al doilea loc ca pondere a numărului de resturi, se găsesc ovicaprinele, variind între 15% şi 22%. Pentru fiecare dintre cele două culturi, se observă că frecvenţa ovicaprinelor este uşor mai ridicată în eşantioanele constituite din oasele adunate din construcţii şi gropi (21,9% în CCconstr şi 20,26% în CGconstr) faţă de eşantioanele care cuprind oasele adunate din straturi (15% în CCstrat, respectiv 17,4% în CGstrat).

Porcul domestic are o proporţie mai redusă, în toate eşantioanele el urmând după vita domestică şi ovicaprine, ponderea acestei specii variind între 7,2% şi 10%. Comparativ cu ovicaprinele, situaţia este inversată, ponderea porcului fiind uşor mai mare în eşantioanele care cuprind resturi din straturi (10% în CCstrat, respectiv 9,6% în CGstrat), faţă de eşantioanele constituite din oasele din construcţii şi gropi (7,2% în CCconstr şi 8,6% în CGconstr) (*tabelul 6*, fig. 9).

Resturile de cal au ponderi apropiate de cele întâlnite pentru porc şi reprezintă 9,3% în CCstrat şi 8,9% în CCconstr, respectiv 10,8% în CGstrat şi 6,3% în CGconstr, din totalul resturilor identificate până la nivel de specie. Resturile de câine au frecvenţa mai redusă în cele două eşantioane de cultură getică, faţă de cele două eşantioane de cultură Cozia-Saharna.

Sub raportul numărului minim de indivizi estimaţi, se observă că predomină vita domestică în toate eşantioanele, urmată de ovicaprine, porc şi cal. Bovinele domestice şi ovicaprinele erau sacrificate cu preponderenţă la maturitate; se observă dominanţa numerică a indivizilor sacrificaţi la maturitate, faţă de cei sacrificaţi la vârste imature, acesta fiind un indicator al faptului că se urmărea exploatarea acestor specii pentru produsele secundare, şi în final pentru cele primare. În cazul porcului, exploatarea era pentru produsele primare, şi se observă predominanţa indivizilor sacrificaţi la vârste imature. La cal, cu o singură excepţie (eşantion CGconstr), indivizii aveau vârste mature (*tabelul 7*, fig. 10).

Mamiferele sălbatice au o pondere redusă, nedepăşind 10% din totalul resturilor în niciunul dintre eşantioane. Pentru fiecare dintre cele două culturi, se observă că frecvenţa mamiferelor sălbatice este uşor mai ridicată în eşantioanele constituite din oasele colectate din construcţii şi gropi (8,9% în CCconstr şi 7,5% în CGconstr) faţă de eşantioanele care cuprind oasele adunate din straturi (3,1% în CCstrat, respectiv 6,3% în CGstrat).

Speciile de mamifere sălbatice identificate sunt cerbul, mistreţul, iepurele de câmp (prezente în fiecare din cele patru eşantioane), căpriorul (prezent în trei eşantioane) şi vulpea (identificată într-un singur eşantion). Între cele cinci specii, cerbul şi mistreţul au frecvenţele cele mai mari (*tabelul 6*). După biotopul pe care-l preferă, mamiferele sălbatice identificate se grupează în două grupe: specii de pădure (cerb, mistreţ) şi specii de lizieră (iepure de câmp, căprior). Pentru fiecare specie, pe baza resturilor identificate, a fost estimat şi numărul minim de indivizi (*tabelul 7*).

Tabelul 4

Gruparea materialului faunistic pe contexte

Context cultural	Context arheologic		Total resturi faunistice (NR)	Abreviere eşantion
Cultura Cozia-Saharna	Straturile 4, 5	Strat 4	245	CCstrat
		Strat 5	15	
	Gropi; construcţia 4	Gropi: 3, 5, 11 (2017) Gropi: 3, 4, 5, 11, 12 (2018)	470	CCconstr
		Construcţia 4	115	
Cultura getică	Straturile 1, 2, 3	Strat 1	436	CGstrat
		Strat 2	851	
		Strat 3	569	
	Gropi; construcţiile 1, 2, 3	Gropi: 1, 7, 9, 10, 11 (2017) Gropi: 1, 2, 6, 8, 9, 10 (2018)	419	CGconstr
		Construcţia 1	137	
		Construcţia 2	26	
		Construcţia 3	426	
Total			**3709**	

Tabelul 5

Ponderea grupelor faunistice identificate în cele patru eşantioane
(NR-număr de resturi)

Grup faunistic	CCstrat		CCconstr		CGstrat		CGconstr	
	NR	%	NR	%	NR	%	NR	%
Moluşte	0	0	0	0	0	0	1	0,10
Peşti	0	0	9	1,54	0	0	4	0,40
Păsări	0	0	0	0	2	0,11	4	0,40
Mamifere	260	100	576	98,46	1854	99,89	999	99,11
Total eşantion	260	100	585	100	1856	100	1008	100

Tabelul 6

Cuantificarea (% NR) resturilor de mamifere din cele patru contexte/eşantioane
(NR-număr de resturi)

Specie	CCstrat		CCconstr		CGstrat		CGconstr	
	NR	%	NR	%	NR	%	NR	%
Bos taurus (bovina domestică)	92	57,50	167	48,27	541	53,30	328	53,59
Ovis aries/Capra hircus (oaie/capră)	24	15,00	76	21,97	177	17,44	124	20,26
Sus domesticus (porc domestic)	16	10,00	25	7,23	98	9,66	53	8,66
Equus caballus (cal)	15	9,38	31	8,96	110	10,84	39	6,37
Canis familiaris (câine)	8	5,00	16	4,62	25	2,46	22	3,59
Total mamifere domestice	155	96,88	315	91,04	951	93,69	566	92,48
Cervus elaphus (cerb)	2	1,25	22	6,36	37	3,65	32	5,23
Sus scrofa (mistreţ)	2	1,25	7	2,02	19	1,87	10	1,63
Capreolus capreolus (căprior)	0	0	1	0,29	5	0,49	2	0,33
Lepus europaeus (iepure de câmp)	1	0,63	1	0,29	3	0,30	1	0,16
Vulpes vulpes (vulpe)	0	0	0	0	0	0	1	0,16
Total mamifere sălbatice	5	3,13	31	8,96	64	6,31	46	7,52
Total mamifere identificate specific	160	100	346	100	1015	100	612	**100**
Mamifere neidentificate specific	100	-	230	-	839	-	387	-
Total mamifere	260	-	576	-	1854	-	999	-

Tabelul 7

Cuantificarea (% NMI) resturilor de mamifere din cele patru contexte/eşantioane
(NMI-număr minim de indivizi estimaţi)

Taxon	CCstrat		CCconstr		CGstrat		CGconstr	
	NMI	%	NMI	%	NMI	%	NMI	%
Bos taurus (bovina domestică)	5 (3 matur, 2 imatur)	27,78	8 (5 matur, 3 imatur)	25,81	20 (14 matur, 6 imatur)	37,74	14 (9 matur, 5 imatur)	35,90
Ovis aries/Capra hircus (oaie/capră)	3 (2 matur, 1 imatur)	16,67	6 (4 matur, 2 imatur)	19,35	8 (5 matur, 3 imatur)	15,09	6 (3 matur, 3 imatur)	15,38
Sus domesticus (porc domestic)	3 (1 matur, 2 imatur)	16,67	4 (1 matur, 3 imatur)	12,90	5 (2 matur, 3 imatur)	9,43	4 (2 matur, 2 imatur)	10,26
Equus caballus (cal)	2 (2 matur)	11,11	3 (3 matur)	9,68	6 (6 matur)	11,32	4 (3 matur, 1 imatur)	10,26
Canis familiaris (câine)	2 (1 matur, 1 imatur)	11,11	2 (2 matur)	6,45	4 (2 matur, 2 imatur)	7,55	3 (2 matur, 1 imatur)	7,69
Total mamifere domestice	**15**	**83,33**	**23**	**74,19**	**43**	**81,13**	**31**	**79,49**
Cervus elaphus (cerb)	1 (1 matur)	5,56	4 (3 matur, 1 imatur)	12,90	4 (4 matur)	7,55	3 (3 matur)	7,69
Sus scrofa (mistreţ)	1 (1 imatur)	5,56	2 (2 matur)	6,45	3 (3 matur)	5,66	2 (1 matur, 1 imatur)	5,13
Capreolus capreolus (căprior)	0	0	1 (1 matur)	3,23	2 (2 matur)	3,77	1 (1 matur)	2,56
Lepus europaeus (iepure de câmp)	1 (1 matur)	5,56	1 (1 matur)	3,23	1 (1 matur)	1,89	1 (1 matur)	2,56
Vulpes vulpes (vulpe)	0	0	0	0	0	0	1 (1 matur)	2,56
Total mamifere sălbatice	**3**	**16,67**	**8**	**25,81**	**10**	**18,87**	**8**	**20,51**
Total mamifere	**18**	**100**	**31**	**100**	**53**	**100**	**39**	**100**

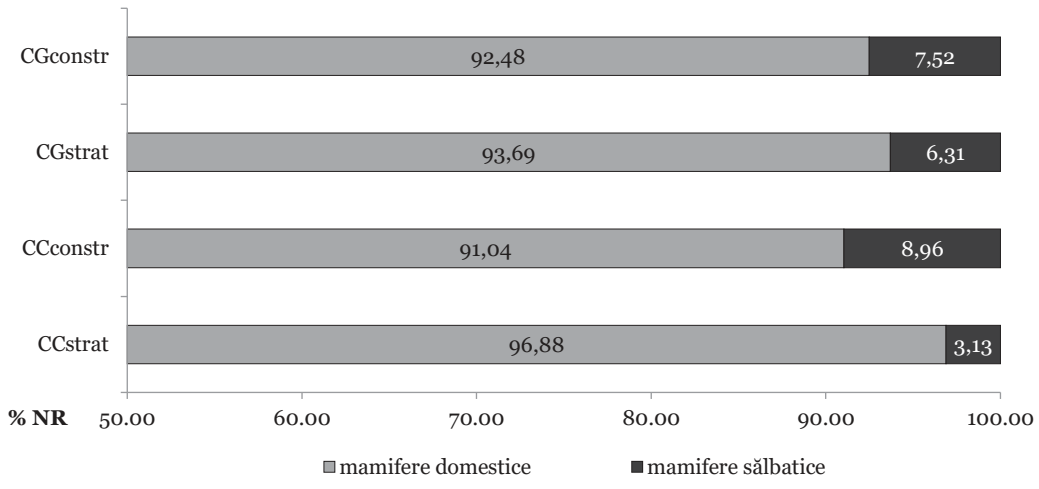


Fig. 8. Ponderea mamiferelor domestice şi a celor sălbatice (% NR) în cele patru eşantioane.

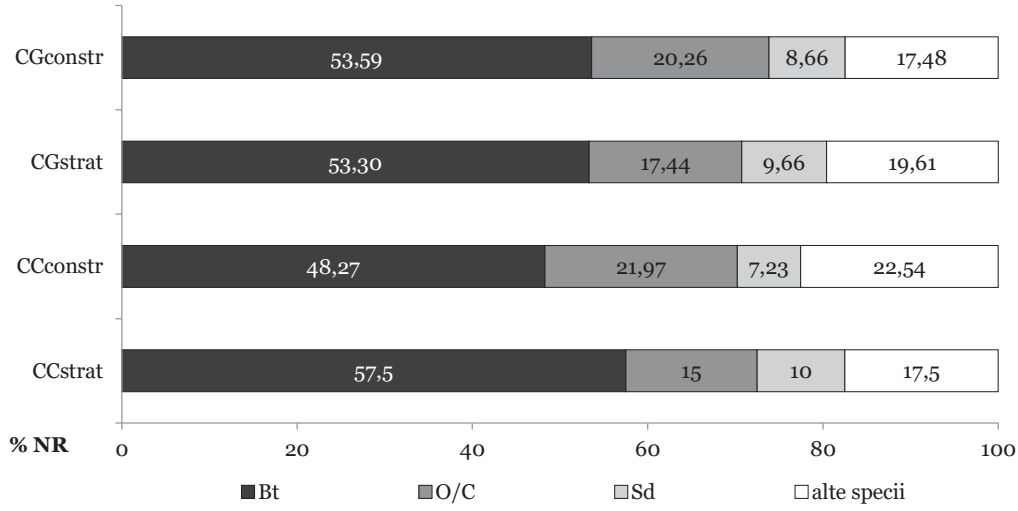


Fig. 9. Ponderea principalelor specii de mamifere domestice (% NR) în cele patru eşantioane (Bt-*Bos taurus*, O/C-*Ovis aries/Capra hircus*, Sd-*Sus domesticus*, alte specii-*Equus caballus, Canis familiaris, Cervus elaphus, Sus scrofa, Lepus europaeus, Vulpes vulpes*).

Date metrice. O parte dintre oasele lungi şi scurte, oasele late şi serii dentare au putut fi dimensionate, atât la mamifere domestice, cât şi la cele sălbatice. Cele mai multe oase măsurate sunt pentru eşantioanele culturii getice. Raportat la speciile identificate, cele mai multe măsurători sunt pentru vita domestică.

Din eşantioanele de cultură Cozia-Saharna, pentru *Bos taurus* s-au măsurat 10 falange proximale (a căror lungime este cuprinsă între 53,5 mm şi 71 mm, valoare medie 63,3 mm), 4 falange mijlocii (a căror lungime variază între 37 mm şi 57 mm, valoare medie 48,8 mm).

Pentru *Cervus elaphus* s-au măsurat 2 calcanee (lungime 104,5 mm şi 111 mm), o falangă proximală (lungime 61 mm).

Pentru *Equus caballus* s-au măsurat două falange proximale (fiecare cu lungimea de 86 mm), un calcaneu (lungime 115,5 mm), un radius (lungime maximă 333 mm).

Pentru *Ovis aries* s-au măsurat un astragal (lungime 32 mm) şi un metacarp (lungime 121,5 mm).

Talia la greabăn. Pentru cal, pe baza radiusului (utilizând coeficientul lui Kiessewalter, 1880 – *apud* Udrescu et al. 1999) s-a estimat talia la greabăn – 142,7 cm. Pentru oaie talia la greabăn s-a estimat pe baza unui astragal şi a unui metacarp (utilizând coeficienţii lui Teichert, 1975 – *apud* Udrescu et al. 1999), valorile obţinute fiind 72,5 cm, respectiv 59,4 cm.

Din eşantioanele de cultură getică, pentru *Bos taurus* s-au măsurat 10 astragale (lungime cuprinsă între 54 mm şi 72 mm, valoare medie 61,7 mm), un calcaneu (lungime 113 cm), 4 centrotarse (lungime cuprinsă între 48 mm şi 51 mm, medie 49,7 mm), 18 falange proximale (lungime cuprinsă între 46 mm şi 62 mm, valoare medie 54,1 mm), 6 falange mijlocii (lungime cuprinsă între 37,5 mm şi 49 mm, valoare medie 42,3 mm), două metacarpe (lungime 160 mm şi 183 mm), patru metatarse (lungime cuprinsă între 186 mm şi 215 mm), şase fragmente distale de metacarp (lăţimea distală variază de la 47 mm la 63 mm, valoare medie 54,5 mm), 10 fragmente proximale de metatars (lăţimea proximală variază între 37 mm şi 49 mm, valoare medie 41,8 mm), 11 fragmente distale de metatars (lăţimea distală cuprinsă între 41,5 mm şi 54 mm, valoare medie 48,5 mm), 10 fragmente distale de tibie (lăţimea distală cuprinsă între 52 mm şi 61,5 mm, valoare medie 57,5 mm), opt fragmente proximale de radius (lăţime proximală cuprinsă între 66 mm şi 81,5 mm, valoare medie 73,8 mm).

De la cerb s-au măsurat trei astragale (lungime care variază între 53 mm şi 61,5 mm, valoare medie 57,3 mm), patru centrotarse (lungime care variază între 45 mm şi 53 mm, valoare medie 48,8 mm), patru fragmente distale de tibie (lăţimea variază între 52 mm şi 60 mm, valoare medie 56,1 mm).

De la cal s-au măsurat cinci falange proximale (lungime cuprinsă între 74,5 mm şi 90,5 mm, valoare medie 80,5 mm), trei falange mijlocii (lungime cuprinsă între 45 mm şi 48,5 mm, valoare medie 46,3 mm), un metatars 3 (lungime maximă 272 mm), trei fragmente distale de radius (lăţime distală cuprinsă între 67 mm şi 73 mm, valoare medie 70,8 mm).

La oaie s-au măsurat un astragal (lungime 26,5 mm) şi un metacarp (lungime 121,5 mm). La capră s-au măsurat două metatarse cu lungimea de 106 mm şi 118,5 mm. De la ovicaprine s-au măsurat trei falange proximale (lungimea variază între 31,5 mm şi 39 mm, valoare medie 36,1 mm) şi două fragmente distale de humerus (lăţime distală 31,5 mm şi 32,5 mm).

La porc s-a măsurat un astragal (lungime 39 mm).

Talia la greabăn. Pentru vita domestică talia la greabăn a fost estimată pe baza celor două metacarpe şi patru metatarse; talia la greabăn pentru două exemplare femele este 96 cm şi 99,5 cm, pentru un individ mascul este 114,3 cm şi pentru trei indivizi castraţi este 104 cm, 115,5 cm şi 117,1 cm (Tabelul 8). La cal talia a fost estimată pe baza unui metatars 3 (utilizând coeficientul lui Kiesswalter, 1880 – *apud* Udrescu et al. 1999), valoarea obţinută fiind 142,8 cm. Talia la oaie (*tabelul 9*) s-a estimat pe baza unui astragal şi a unui metacarp (utilizând coeficienţii lui Teichert, 1975), valorile obţinute fiind 60,1 cm, respectiv 59,4 cm. La capră talia a fost estimată pe baza a două metatarse (utilizând coeficienţii lui Schramm, 1967 – *apud* Udrescu et al. 1999), valorile obţinute fiind 56,6 cm şi 63,2 cm. Talia la porc s-a estimat pe baza unui astragal (utilizând coeficientul lui Teichert, 1990 – *apud* Udrescu et al. 1999), valoarea înregistrată fiind 72,1 cm.

Contribuţia autorilor

1. Investigaţii pedologice (*Vitalie Sochircă, Tatiana Nagacevschi*); 2. Investigaţii paleoantropologice (*Angela Simalcsik*); 3. Analiza materialului faunistic (*Margareta Simina Stanc*).

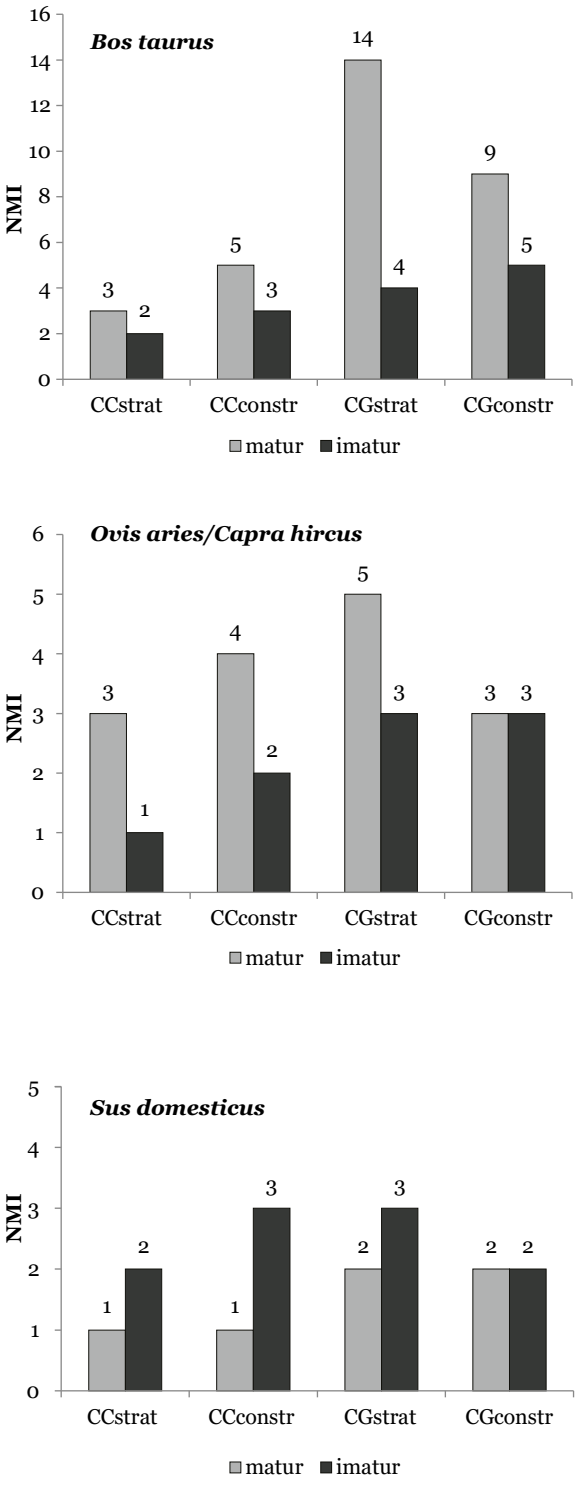


Fig. 10. Distribuţia indivizilor de *Bos taurus*, *Ovis/Capra* şi *Sus domesticus* pe două grupe de vârste de sacrificare (matur/imatur).

Tabelul 8

Estimarea sexului şi a taliei la greabăn (în cm) la Bos taurus, eşantion cultura getică

Element anatomic	Lungime element anatomic (mm)	Sex	Talie greabăn (cm) (coeficienţi Fock, 1966 - *apud* Udrescu et al. 1999)
metacarp	160	Femel	96
metacarp	183	Mascul	114,3
metatars	191	Castrat	104
metatars	186	Femel	99,5
metatars	212	Castrat	115,5
metatars	215	Castrat	117,1

Tabelul 9

Estimarea taliei la greabăn (în cm) la ovicaprine

Eşantion	Specie	Element anatomic	Lungime element anatomic (mm)	Talie greabăn (cm)
Cultura Cozia-Saharna	*Ovis aries*	astragal	32	72,5
		metacarp	121,5	59,4
Cultura Getică	*Ovis aries*	astragal	26,5	60,1
		metacarp	121,5	59,4
	Capra hircus	metatars	118,5	63,2
		metatars	106	56,6

Bibliografie

Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998: A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology (Cambridge: Cambridge University Press 1998).

Bach 1965: H. Bach, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette. Anthropologischer Anzeiger 29, 1965, 12-21.

Băţ, Asăndulesei 2018: M. Băţ, A. Asăndulesei, Siturile din epoca fierului din microzona Saharna: GIS şi analiză spaţială / Iron Age sites in the Saharna micro-zone: GIS and Spatial Analysis. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ, S. Ailincăi, A. Ţârlea) Cercetări interdisciplinare în siturile de epoca fierului din spaţiul tiso-nistrean / Interdisciplinary research in Iron Age sites from the Tisa-Dniester area (Tulcea-Chişinău 2018), 21-43.

Blondiaux 1994: J. Blondiaux, A propos de la dame d'Hochfelden et de la practique cavalière: discussion autour des sites fonctionnels femoraux. In: (Ed. L. Buchet) La femme pendant le Moyen Âge et l'Epoque Moderne (Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 1994), 97-110.

Breitinger 1938: E. Breitinger, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmaßen Knochen. Anthropologischer Anzeiger 14, 1938, 249-274.

Buikstra, Ubelaker 1994: J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, No 44 (Fayetteville 1994).

Chapman 1997: N.E. Chapman, Evidence for Spanish influence on activity induced musculoskeletal stress markers at Pecos Pueblo. International Journal of Osteoarchaeology 8, 1997, 390-411.

Connell 2008: B. Connell, Preservation and archaeological data. In: (Ed. N. Powers) Human osteology method statement (London: Museum of London 2008), 9.

El-Kouba et al. 2010: G. El-Kouba, R. Araújo Santos, P.C. Pilluski, A. Severo, O. Lech, Gorham-Stout syndrom: "phantom bone disease". In: Revista Brasileira de Ortopedia 45/6, 2010, 618-622.

Hawkey 1998: D.E. Hawkey, Disability compassion and the skeletal record: using musculoskeletal stress markers (MSM) to reconstruct an osteobiography from early New Mexico. International Journal of Osteoarchaeology 8, 1998, 326-340.

Hawkey, Merbs 1995: D.E. Hawkey, Ch.F. Merbs, Activity-induced musculoskeletal stress markers (MSM) and subsistence strategy changes among ancient Hudson Bay Eskimos. International Journal of Osteoarchaeology 5/4, 1995, 324-338.

Jigău, Nagacevschi 2006: Gh. Jigău, T. Nagacevschi, Ghid al disciplinei Fizica Solului (Chişinău: CEP USM 2006).

Khudaverdyan 2018: A.Y. Khudaverdyan, Tumpline deformation on skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: a cause of enigmatic cranial superstructure? Mankind Quaterly 59/1, 2018, 8-30.

Lambert 1979: P.J. Lambert, Early Neolithic cranial deformation at Ganj Dareh Tepe, Iran. Canadian Review of Physical Anthropology 1, 1979, 51-54.

Mahajan 2011: A. Mahajan, Supratrochlear foramen; Study of humerus in North Indians. Professional Medical Journal 18/1, 2011, 128-132.

Mann, Hunt 2005: R.W. Mann, D.R. Hunt, Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton (Illinois, Springfield: Charles C. Thomas Publisher 2005).

Manouvrier 1892: L. Manouvrier, Détermination de la taille d'après les grands os des membres. Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris 2, 1892, 227-233.

Martin 1928: R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie, 2nd ed. (Jena: Fisher 1928).

Martin, Saller 1957-1966: R. Martin, K. Saller, Lehrbuch de Anthropologie (Stuttgart: Fischer 1957-1966).

Mays 1998: S. Mays, The archaeology of human bones (Routledge, London, New York 1998).

Molleson 2007: T. Molleson, A method for the study of activity related skeletal morphologies. Bioarchaeology of the Near East 1, 2007, 5-33.

Molleson, Blondiaux 1994: T. Molleson, J. Blondiaux, Riders' bones from Kish. Cambridge Archaeological Journal 4, 1994, 312-316.

Nikolaou et al. 2014: V.S. Nikolaou, D. Chytas, D. Korres, N. Efstathopoulos, Vanishing bone disease (Gorham-Stout syndrom): A review of a rare entity. World Journal of Orthopedics 5/5, 2014, 694-698.

Ortner 2003: D.J. Ortner, Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Oxford: Academic Press 2003).

Paine et al. 2007: R.R. Paine, D. Mancinelli, M. Ruggieri, A. Coppa, Cranial trauma in Iron Age Samnite Agriculturists, Alfedena, Italy: Implications for Biocultura land Economic Stress. American Journal of Physical Anthropology 132, 2007, 48-58.

Pálfi, Dutour 1996: Gy. Pálfi, O. Dutour, Activity-induced skeletal markers in historical anthropological material. International Journal of Osteoarchaeology 11/1, 1996, 41-55.

Robb 1998: J.E. Robb, The interpretation of skeletal muscle sites: a statistical approach. International Journal of Osteoarchaeology 8/5, 1998, 363-377.

Singhal, Rao 2007: S. Singhal, V. Rao, Supratrochlear foramen of the humerus. Anatomical Science International 82, 2007, 105-107.

Sochircă, Nagacevschi, Cojocaru 2018: V. Sochircă, T. Nagacevschi, M. Cojocaru, Consideraţii geografice şi pedologice privind situl arheologic „Saharna-Ţiglău" din raionul Rezina, Republica Moldova. In: Conferinţa ştiinţifică naţională consacrată jubileului de 90 ani din ziua naşterii academicianului Boris Melnic, 12 februarie 2018, Chişinău (Chişinău: CEP USM 2018), 363-366.

Trotter, Gleser 1951: M. Trotter, G. Gleser, The effect of ageing on stature. American Journal of Physical Anthropology 9, 1951, 311-324.

Trotter, Gleser 1952: M. Trotter, G. Gleser, Estimation of stature from long bones of American whites and Negroes. American Journal of Physical Anthropology 10, 1952, 469-514.

Trotter, Gleser 1958: M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. American Journal of Physical Anthropology 16, 1958, 79-123.

Ubelaker 1979: D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Taraxacum, Washington D.C. 1979).

Udrescu et al. 1999: M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrişcu, Introducere în arheozoologie (Iaşi 1999).

Ursu 2011: A. Ursu, Solurile Moldovei (Chişinău: Ştiinţa 2011).

Waldron 2009: T. Waldron, Palaeopathology (Cambridge, New York 2009).

Zanoci et al. 2018: A. Zanoci, S. M. Rafailă-Stanc, T. Nagacevschi, V. Sochircă, Cercetări interdisciplinare la situl din epoca fierului Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" / Interdisciplinary researches at the Iron Age site of Saharna Mare / "Dealul Mănăstirii". In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ, S.-C. Ailincăi, A. Ţârlea) Cercetări interdisciplinare la siturile din epoca fierului în spaţiul tiso-nistrean. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (Saharna, 13-16 iulie 2017) / Interdisciplinary research in Iron Age sites from the Tisa-Dniester area. Proceedings of Saharna Summer Colloquium (Saharna, July 13th-16th, 2017) (Tulcea-Chişinău 2018), Cluj-Napoca: Mega, p. 45-65.

Аринушкина 1970: Е.В. Аринушкина, Руководство по химическому анализу почв (Москва: Издательство Московского Университета 1970).

Interdisciplinary research at the Saharna Mare / "Dealul Mănăstirii" site, Rezina District

Keywords: Saharna micro-zone, Iron Age, interdisciplinary research, pedological investigations, paleoanthropological investigations, archaeozoological investigations

Abstract: The archaeological researches carried out during 2017-2019 in the southwestern sector of the Saharna Mare / "Dealul Mănăstirii" site resulted in the discovery of several archaeological structures (dwellings, auxiliary constructions, household pits, etc.), as well as rich and varied archaeological finds, which allowed their attribution to the early Hallstattian (Cozia-Saharna) and Thraco-Getic habitation layers.

Simultaneously with the archaeological research, soil samples were taken for analysis from the cultural layer, from the pit 4/2018 and from an urn. Also, quite significant samples of the remains of the paleofauna were taken from the layer and from the complex, which were also subjected to careful analysis. At the same time, anthropological research of the skeleton from a catacomb burial in the habitation layer of the Early Iron Age, as well as the incomplete skeleton found near structure no. 3 from the Getic layer, were carried out.

List of illustrations:

Fig. 1. The topographic plan of the Saharna Mare / "Dealul Mănăstirii" site. Location of excavations during 2017-2019.

Fig. 2. Soil profiles: 1 - from excavation 29/2017; 2 - from pit 4/2018; 3 - outside the settlement.

Fig. 3. Density of the solid phase (soil profile in excavation 29/2017).

Fig. 4. Grave (excavation 31/2019). Male, over 60 years old. 1 - Representation state of the skeleton (white - absent element; black - present element; hatred - partially present element); 2-4 - cranium seen from lateral, facial and vertical views; 5, 6 - upper and lower dental arcades; 7 - right clavicle, muscle insertions; 8 - sternum, incomplete.

Fig. 5. Grave (excavation 31/2019). Male, over 60 years old. 1 - Patellae, osteophytes; 2 - coxal bone, acetabular fossa, corrosion; 3 - vertebrae, marginal osteophytes and disc herniation; 4 - tibiae, diaphyses, periosteal reactions; 5 - right tibia, diaphysis, periosteal reaction, detail; 6, 7 - femora seen from anterior and posterior views; 8 - left femur, proximal third, pathological aggressive changes; 9 - left femur, proximal third, view through the medullary canal.

Fig. 6. Human bones (excavation 29/2017). Male, cca 60 years old. 1 - Representation state of the skeleton (white - absent element; black - present element; hatred - partially present element); 2 - cranial fragments; 3 - cervical vertebrae C3-C5, osteoarthritis; 4 - thoracic vertebrae T11-T12, disc herniation and marginal osteophytes; 5 - lumbar vertebrae L1-L5, disc herniation and marginal osteophytes; 6 - right femur, fragment from diaphysis, *perimortem* trauma; 7 - right femur, detail of the fracture line produced *perimortem*.

Fig. 7. Human bones (excavation 29/2017). Male, cca 60 years old. 1 - Right humerus, pronounced muscle insertions and enthesopathic changes; 2 - left femur, posterior view, pronounced muscle insertions and enthesopathic changes; 3a - left femur, proximal third, anterior view, enthesopathic changes and femoral plaque; 3b - left femur, proximal third, posterior view, enthesopathic changes and ovalisation of the head; 4 - right coxal bone, osteoarthritis and enthesopathic changes; 5 - manubrium and mesosternum, ossified costo-clavicular cartilage.

Fig. 8. Share of domestic and wild mammals (% NR) in the four samples.

Fig. 9. Share of the main species of domestic mammals (% NR) in the four samples (Bt-*Bos taurus*, O/C-*Ovis aries/ Capra hircus*, Sd-*Sus domesticus*, alte specii-*Equus caballus, Canis familiaris, Cervus elaphus, Sus scrofa, Lepus europaeus, Vulpes vulpes*).

Fig. 10. Distribution of individuals of *Bos taurus, Ovis / Capra* and *Sus domesticus* over two groups of slaughter ages (mature / immature).

Междисциплинарные исследования на археологическом памятнике Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий» в Резинском районе

Ключевые слова: микрозона Сахарна, железный век, междисциплинарные исследования, педологические исследования, палеоантропологические исследования, археозоологические исследования.

Резюме: Археологические исследования, проведенные в 2017-2019 годах в юго-западном секторе памятника Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий», привели к обнаружению нескольких археологических сооружений (жилищ, подсобных строений, бытовых ям и т. д.), а также богатого и разнообразного археологического инвентаря, который позволил отнести их к раннегальштатскому (Козия-Сахарна) и гето-фракийскому культурным слоям.

Одновременно с археологическими исследованиями из культурного слоя, из ямы 4/2018 и из сосуда-урны были взяты образцы почвы для анализа. Также из слоя и из комплекса были взяты довольно значительные образцы останков палеофауны, которые также были подвергнуты тщательному анализу. В то же время были проведены антропологические исследования скелета из катакомбного погребения, относящегося к слою раннего железного века, а также неполного скелета, обнаруженного вблизи сооружения № 3 из гетского слоя.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Топографический план памятника Сахарна Маре / «Дялул Мэнэстирий». Расположение раскопов 2017-2019 гг.

Рис. 2. Почвенные профили: 1 - из раскопа 29/2017; 2 - из ямы 4/2018; 3 - вне пределов поселения.

Рис. 3. Плотность твердой фазы (почвенный профиль из раскопа 29/2017).

Рис. 4. Погребение (раскоп 31/2019). Мужчина, более 60 лет. 1 - Степень присутствия скелетных частей (белый - элемент отсутствует; черный - элемент присутствует; штрих - элемент частично присутствует); 2-4 - вид черепа с боковой, лицевой и вертикальной плоскостей; 5, 6 - Верхние и нижние зубные дуги; 7 - правая ключица, мышечные вставки; 8 - часть грудины.

Рис. 5. Погребение (раскоп 31/2019). Мужчина, более 60 лет. 1 - Коленные чашечки, остеофиты; 2 - бедренная кость, вертлужная впадина, коррозия; 3 - позвонки, маргинальные остеофиты и грыжа; 4 - большеберцовые кости, диафизы, периостальные изменения; 5 - правая большеберцовая, диафиз, деталь периостальных изменений; 6, 7 - бедренные кости, вид спереди и сзади; 8 - левая бедренная кость, проксимальная часть, агрессивные патологические изменения; 9 - левая бедренная кость, проксимальная часть, вид через медуллярный канал.

Рис. 6. Человеческие кости (раскоп 29/2017). Мужчина, около 60 лет. 1 - Степень присутствия скелетных частей (белый - элемент отсутствует; черный - элемент присутствует; штрих - элемент частично присутствует); 2 - фрагменты черепа; 3 - шейные позвонки C3-C5, остеоартроз; 4 - грудные позвонки T11-T12, грыжа и маргинальные остеофиты; 5 - поясничные позвонки L1-L5, грыжа и маргинальные остеофиты; 6 - правая бедренная кость, диафиз, перимортальный перелом; 7 - правая бедренная кость, деталь линии перимортального перелома.

Рис. 7. Человеческие кости (раскоп 29/2017). Мужчина, около 60 лет. 1 - Правая плечевая кость, интенсивные мышечные вставки и энтезопатии; 2 - левая бедренная кость, задняя сторона, интенсивные мышечные вставки и энтезопатии; 3a - левая бедренная кость, проксимальная часть, передняя сторона, энтезопатии и пластина Walmsley; 3b - левая бедренная кость, проксимальная часть, задняя сторона, энтезопатии и овализирование головки; 4 - правая тазовая кость, остеоартроз и энтезопатии; 5 - рукоятка и тело грудины, окостеневший реберно-ключичный хрящ.

Рис. 8. Процентное соотношение домашних и диких млекопитающих в четырех образцах.

Рис. 9. Процентное соотношение основных видов домашних млекопитающих в четырех образцах (Bt-*Bos taurus*, O/C-*Ovis aries/Capra hircus*, Sd-*Sus domesticus*, alte specii-*Equus caballus, Canis familiaris, Cervus elaphus, Sus scrofa, Lepus europaeus, Vulpes vulpes*).

Рис. 10. Распределение особей *Bos taurus, Ovis / Capra* и *Sus domesticus* по двум группам возраста убоя (зрелый / незрелый).

01.10.2019

Dr. Tatiana Nagacevschi, Facultatea de Biologie și Pedologie, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2897-4785, e-mail: lola8459@mail.ru

Dr. Angela Simalcsik, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov", Academia Română – Filiala Iași, România; Institutul de Cercetări Bioarheologice și Etnoculturale, Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-8639-3535, e-mail: angellisimal@gmail.com

Dr. Vitalie Sochircă, Facultatea de Biologie și Pedologie, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-3924-2253 e-mail: sochirca1970@gmail.com

Dr. Margareta Simina Stanc, Facultatea de Biologie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza", bd. Carol I, 11, Iași, România, https://orcid.org/0000-0003-2514-9779, e-mail: simina.stanc@uaic.ro

EMBLEME REPREZENTÂND ZEITĂȚI DE PE ȘTAMPILELE DE AMFORE DE SINOPE (în baza colecţiei de la Tyras)

Natalia Mateevici

Cuvinte-cheie: zei greci, ștampile de amfore, embleme, comerţ, magistraţi, drumuri, ocrotitori.

Religia juca în viaţa grecilor antici un rol deosebit. Zeităţile nu doar că erau venerate în altarele domestice, dar lor li se ridicau temple măreţe, unele ajungând şi până în zilele noastre. Zeii erau menţionaţi şi în izvoare epigrafice, printre care şi toartele ştampilate ale amforelor comerciale greceşti.

Sinope era unul dintre centrele producătoare pontice, care îşi ştampila amforele comerciale predestinate pentru transportarea atât a vinului, cât şi a uleiului de măsline. Emblema era o parte importantă şi componentă a ştampilelor amforelor sinopeene, care alături de legenda propriuzisă (de obicei, conţinea titulatura magistraturii, numele magistratului, patronimicul şi numele producătorului), reprezenta de multe ori fie magistratul dat, fie producătorul (cel mai frecvent acesta fiind proprietarul de atelier). Spre deosebire de unele centre greceşti, ale căror ştampile conţineau doar legenda, emblema pe ştampilele sinopeene este o componentă obligatorie (sunt cunoscute puţine ştampile de Sinope fără emblemă). Oraşul sud-pontic Sinope se situează printre centrele producătoare greceşti, care foloseau imaginile zeilor panteonului grecesc ca embleme de ateliere sau ale magistraţilor.

Analiza şi cercetarea colecţiei de ştampile de amfore sinopeene de la Tyras vizează circa 40 de exemplare, pe care apar ca embleme fie reprezentările zeităţilor panteonului grecesc, fie simbolurile lor.

Panteonul zeilor greci este divers, locul primordial avându-l zeii olimpieni, urmând zeii auxiliari, eroii.

Printre imaginile zeilor olimpieni care pot fi întâlnite pe ştampile de Sinope menţionam: Atena, Artemis şi Poseidon. Zeii secundari sunt reprezentaţi de Hermes, Selene, Helios, Hekate şi Nike. Iar unicul erou reprezentat pe ştampilele sinopeene este Heracles.

Laolaltă cu aceste reprezentări, sunt întâlnite şi diverse obiecte sau animale, care sunt simbolurile unui sau alt zeu sau erou, purtând aceeaşi semnificaţie[1].

Zei

Atena (în greaca veche: Αθήνα) este una dintre cele mai mari divinităţi ale mitologiei greceşti. Ea era fiica lui Zeus şi a lui Metis şi personifica forţa moştenită de la Zeus, îmbinată cu înţelepciunea şi prudenţa lui Metis. A fost zeiţa tutelară a cetăţii Atena şi zeiţă războinică (fig. 1). Atena a jucat un rol important în lupta împotriva giganţilor, pe care a câştigat-o şi a devenit patroana cetăţii, care-i poartă de atunci numele. Atena era socotită protectoarea artelor frumoase, a meşteşugurilor, a literaturii şi a agriculturii, a oricărei acţiuni care presupunea ingeniozitate şi spirit de iniţiativă. Ea patrona viaţa socială şi cea statală, era sfătuitoarea grecilor adunaţi în areopag şi apărătoarea lor în războaie. Atributele zeiţei sunt o cască sau cuirasă şi o suliţă lungă. De asemenea, avea un scut cu capul Gorgonei, care mai apare şi pe piept. Un şarpe mare o însoţea, iar în mână o ţinea pe Nike, zeiţă victoriei.

În lotul de la Tyras a fost atestată o singură ştampilă (nr. 1), având ca emblemă capul cu coif al zeiţei Atena, legenda păstrând parţial şi numele magistratului Πόσις 3 Στρατονίκου.

1. ἀστυνομοῦν[τος]
[Πό]σιος τοῦ
Στρατονίκου. Capul Atenei →
[.....]
Magistrat Πόσις 3 Στρατονίκου. Grupa V-D (după Conovici), VI-D (după Garlan).

[1] Bibliografia care s-a folosit pentru caracterizarea zeităţilor este prezentată la compartimentul respectiv (Rose 1959; Kernbach 1995; Kun 2003).

1

2

Fig. 1. Zeiţa Atena (1 - foto autor, Muzeul de Arheologie din Pireu, Grecia; 2 - după: https://ghidturciagrecia.files.wordpress.com/2012/09/goddess-athena-symbol-i10.jpg).

Zeiţa **Artemis** (în greaca veche: Ἄρτεμις) era descrisă ca fiind fiica lui Zeus şi a muritoarei Leto, şi sora geamănă a lui Apollo (fig. 2). Este zeiţa fecundităţii, a castităţii şi a iubirii legitime. Artemis mai era asimilată ca zeiţa pădurilor, naşterii copiilor, virginităţii, fertilităţii, a vânătorii şi era evocată cu arc şi săgeţi. Ca sora lui Apollo, împarte cu el unele însuşiri ale acestuia, ca de exemplu aceea de a feri oamenii de boli, dar este în stare şi să provoace epidemii şi să omoare cu repeziciune. Identificându-se cu zeităţile lunare, Hecate şi Selene, ea apare ca zeiţă a luminii nocturne, zeiţă care iubeşte locurile retrase întunecoase. Grecii socoteau că ea putea să-i ajute pe navigatori să-şi conducă vasele şi să-i călăuzească în timpul nopţii. Simbolurile sale sunt luna, căprioriii, ogarii, ursoaicele, şerpii, chiparosul. Este reprezentată deseori, ca ducând o torţă de argint. În colecţia dată atestăm trei ştampile cu emblema Artemis cu două torţe. Două ştampile aparţin aceluiaşi magistrat Φαίνιππος Πασιχάρου, producător fiind Κλεαίνετος, într-un caz, iar în celălalt – Μενίσκος (nr. 2, 3). Cea de a treia ştampilă aparţine astynomului Βόρυς 2 Ζεύξιος, producător fiind Μίδας 2 (nr. 4). În toate cele trei ştampile emblema aparţine magistraţilor. Considerăm, că ştampilele care poartă imaginea unui câine, la fel ar putea reprezenta această zeitate, ogarii (câinele) fiind unul din atributele-simboluri ale lui Artemis (nr. 5-7), având in legendă numele magistraţilor Θηρικλῆς Ἀπολλωνίου şi Καλλίχορος Πρωταγόρου.

2. ἀ[στυνόμου]
Φαινίππου Artemis cu două torţe →
τοῦ Πασιχάρου.
Κλεαίνετος
Magistratul Φαίνιππος Πασιχάρου. Grupa V-A (după Conovici), VI-A (după Garlan).

3. ἀστυ[νόμου Φαινίπ]
που το[ῦ Πασιχά [Artemis cu două torţe →]
ρου. Μεν[ίσκου]
Magistratul Φαίνιππος Πασιχάρου. Grupa V-A (după Conovici), VI-A (după Garlan).

4. ἀσ[τυνόμου]
Βόρυος [τοῦ] [Artemis cu două torţe]
Ζεύξ[ιος].
Μίδ[α]
Magistrat Βόρυς 2 Ζεύξιος. Grupa V-C (după Conovici), VI-C (după Garlan).

1

2

Fig. 2. Zeiţa Artemis (1 - după: https://everworld.fandom.com/wiki/Artemis; 2 - după: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Apollo_Artemis_Brygos_Louvre_G151.jpg).

5. [ἀστυνόμου]
[Θηρ]ικλέους τοῦ câine↑
[’Απολλω]νίου.
[Πύθης]
Magistratul Θηρικλῆς ’Απολλωνίου, producător Πύθης. Grupa V-C (după Conovici) sau VI-C (după Garlan).

6. [ἀστυνόμου]
[Θηρικλέους τοῦ] [câine↑]
[’Απο]λλωνίου.
Ἀπολλώνιος
Magistratul Θηρικλῆς ’Απολλωνίου, producător Ἀπολλώνιος.

7. ἀστυνόμ[ου]
Καλλιχόρου [τοῦ] [câine →]
Πρωταγόρου.
Στέφανος
Magistratul Καλλίχορος Πρωταγόρου. Grupa V-D (după Conovici) sau VI-C (după Garlan).

Poseidon (în greaca veche: Ποσειδῶν). Era zeul mării, fiul lui Cronos şi al Rheei. Ca şi ceilalţi fraţi ai săi, când s-a născut, Poseidon a fost înghiţit de către tatăl său şi apoi dat afară. Mai târziu a luptat alături de olimpieni împotriva titanilor. Când, în urma victoriei, s-a făcut împărţirea Universului, lui Zeus i-a revenit cerul, lui Hades: lumea subpământeană, iar lui Poseidon – împărăţia apelor. El sălăşluia în fundul mării împreună cu soţia sa, nereida Amphitrite, alături de care, uneori, urmat de un întreg cortegiu marin şi purtat de un car tras de cai înaripaţi, spinteca valurile. Alături de Zeus, Hades, Poseidon face parte din cei trei zei principali ale Olimpului. Poseidon stârnea furtunile sau făcea ca apele mării să devină liniştite, el scotea insule la iveală sau le scufunda pe altele lovindu-le cu tridentul său, făcea să izvorască râuri sau să se închege lacuri (fig. 3). Odată el a încercat împreună cu Hera şi cu Atena să-l pună în lanţuri pe Zeus, dar încercarea a dat greş. De atunci Poseidon a fost mereu alături de preaputernicul său frate care cârmuia destinele lumii. Semnul său simbolic este tridentul, cu care stârneşte valurile, sfărâmă stâncile şi atrage spre sine curenţii apelor; în acelaşi timp este şi ocrotitorul navigatorilor. Reprezentat uneori ca un taur, alegorie a mării furioase. Simbol delfin, trident, calul, boul. Simbolul delfin îl mai avea şi Apollo, dar credem ca aici, mai

1

2

Fig. 3. Zeul Poseidon (1 - după: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Zeus_or_Poseidon_bronze_460_BC,_NAMA_X_15161_102615x.jpg; 2 - după: https://www.pinterest.com/pin/114630752990269952/?lp=true).

degrabă, este vorba de Poseidon. În lotul nostru nu avem imaginea acestei zeităţi, care, de altfel, nici nu se întâlneşte pe ştampilele sinopeene. În schimb, avem mai multe ştampile cu embleme, ce îl reprezentau pe acest zeu: delfin, calul. Două exemplare aparţin aceluiaşi magistrat Κλεομένης Πλειστάρχου (nr. 8, 9). Magistratul dat face parte din grupul ultimilor astynomi ai Sinopei, care îşi aplicau ştampile pe amforele comerciale. Unul din exemplare a păstrat şi numele producătorului, care este Στέφανος (nr. 9), un proprietar de atelier, care a activat pe parcursul mai multor decenii. Printre ştampilele de la Tyras, remarcăm şi şapte ştampile aparţinând magistratului Μικρίας 1, care are ca emblemă reprezentarea unui cal spre stânga (nr. 10-13). Printre producători ce au activat cu acest astynom îi menţionăm pe Ἀπολλώνιος, Φιλοκράτης, Σιμαλίων 1. Aceeaşi emblemă (laolaltă cu altele) îl mai are şi un alt magistrat – fecior ul lui Μικρίας 1 – Ἡρακλείδης (dar o asemenea ştampilă lipseşte din colecţia noastră).

8. [ἀστυνόμου]
Κλεο]μένου τοῦ [delfin→?]
[Πλεισ]τάρχου.
[.....]
Magistratul Κλεομένης Πλειστάρχου. Subgrupa V-E (după Conovici), sau subgrupa VI-E (după Garlan).

9. [ἀστυνομ]οῦντος
Κλ[εομέν]ου τοῦ [delfin→]
Πλειστάρχου.
Στέφανος
Magistratul Κλεομένης Πλειστάρχου. Subgrupa V-E (după Conovici), sau subgrupa VI-E (după Garlan).

10. Μικρίου ἀστυνο
[μοῦν]τος. Cal ←
[Σιμ]αλίων
Magistratul Μικρίας 1. Grupa III-D (după Conovici) sau IV-C (după Garlan).

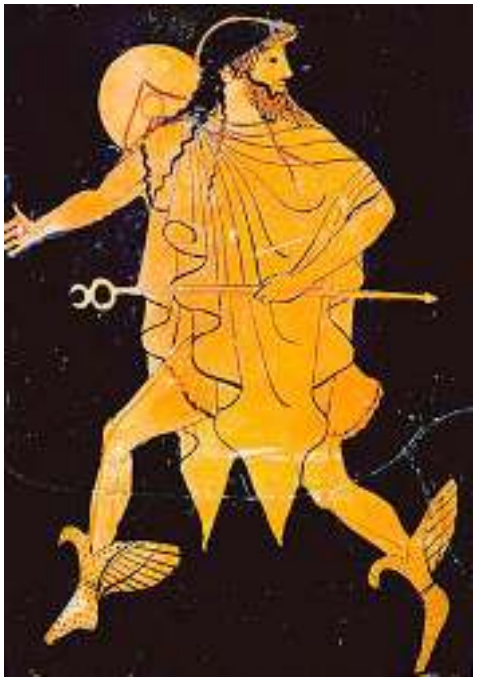
11. [Μι]κρίου ἀστυ[ν]
[ομ]οῦντος. Cal ←
[Ἀπο]λλώνι[ος]
Magistratul Μικρίας 1.

12. [Μικρ]ίου ἀστυνομοῦ
ντος. Ἀπολλω Cal ←
[νίου] το Μάν(τιθέου).
Magistratul Μικρίας 1.

13. [Μικρίου ἀστυνο]
μο [ν]τος. Cal ←
[Φιλο]κράτο[υς]
Magistratul Μικρίας 1

Zeul ***Hermes*** (în greaca veche: Ἑρμῆς) era una dintre cele mai interesante figuri ale panteonului grecesc. Este fiul lui Zeus şi al pleiadei Maia. El este socotit ca zeu al vântului. Mitologia povesteşte de altfel că, la naşterea sa, Hermes a făcut să răsune pădurea şi că el a inventat lira din carapacea unei broaşte ţestoase şi cimpoiul ciobanilor. Zeus face însă din Hermes curierul zeilor, care-i duce veştile şi-i împlineşte poruncile cu iuţeala vântului. Tot el este şi zeul drumurilor, cunoscând toate străzile oraşelor şi protejând pe călători şi tot el este şi conducătorul sufletelor în drumul lor spre lumea cealaltă. Mesagerul zeilor, zeul comerţului şi negustoriei, al hoţilor şi tâlharilor. Ca zeu al călătorilor el era cinstit mai ales la răscruci de drumuri, unde i se înălţau statui menite să alunge stafiile şi să-i apere pe drumeţi de întâlniri funeste. Chiar şi drumurile erau jalonate cu pietre numite herme în cinstea lui. Simbolul său este caduceul, sandalele şi casca înaripate, barza şi broasca ţestoasă (fig. 4). Avem o singură ştampilă cu bustul lui Hermes (nr. 14).

1



1

Fig. 4. Zeul Hermes (1 - după: https://www.pinterest.com/xthonia/hermes/; 2 - după: https://www.imagenesmi.com/im%C3%A1genes/hermes-the-god-of-thieves-2b.html).

14. [ἀστυν]όμου
[ἀστυν]όμου] bustul lui Hermes
[Ἱκεσίου] τοῦ
[Ἀντιπάτρ]ου.
[...]

Denumirea magistraturii este imprimată dublu, magistratul Ἱκέσιος 6 Ἀντιπάτρου. Grupa V-D (după Conovici), VI-D (după Garlan).

Printre ştampile cu emblema aparţinând zeului Hermes, pot fi considerate şi cele care au reprezentarea caduceului, un element indispensabil al imaginii acestei divinităţi. Astfel imaginea acestui atribut apare pe două ştampile (nr. 15, 16), ambele aparţinând aceluiaşi magistrat Πασιχάρης 2 Δημητρίου, activ în cadrul grupei V-C (după Conovici) sau VI-C (după Garlan şi Кац).

15. ἀσ[τυνόμου]
Πα[σιχάρου] [caduceu↑]
τοῦ [Δημητρίου].
Μάν[η]ς
Magistratul Πασιχάρης 2 Δημητρίου. Grupa V-C (după Conovici) sau VI-C (după Garlan şi Кац).

16. [ἀστυνόμου]
[Πασιχάρου] caduceu↑
[τοῦ Δημητρίου].
[.....]
Magistratul Πασιχάρης 2 Δημητρίου. Grupa V-C (după Conovici) sau VI-C (după Garlan şi Кац).

1

2

Fig. 5. Zeiţa Selene (1 - după: https://en.wikipedia.org/wiki/Selene; 2 - după: https://www.theoi.com/Gallery/T18.1.html).

Selena (sau Selene) (în greaca veche: Σελήνη), identificată mai târziu cu Selene (o titanidă, fiică a titanului Hiperion şi a Theiei), a fost în mitologia greacă zeiţă şi personificarea Lunii. Era înfăţişată ca o femeie tânără, care avea neapărat aripi, cu o faţă extrem de albă, care călătoreşte într-o caleaşcă de argint, trasă de doi cai. De multe ori înfăţişată călărind pe un cal sau pe un taur. Despre Selene se spune că poartă o torţă şi o cunună-semilună pe cap, care prin strălucirea sa luminează drumul călătorilor pe timp de noapte (fig. 5). După ce fratele ei – Helios, îşi termină călătoria de-a lungul cerului, ea o începe pe a ei. Prezentăm doar o singură ştampilă cu emblema aparţinând acestei zeiţe „masca lui Selene" (nr. 17), în legendă căreia apare şi numele magistratului Ἴφις 3 Ἑστιαίου şi al producătorului Ἀγάθων 2.

17. [ἀστυνομουντος]
Ἴφιος τ[οῦ]
Ἑστιαί[ου]. [Mască Selene]
Ἀγάθω[ν]
Magistratul Ἴφις 3 Ἑστιαίου, producătorul Ἀγάθων 2. Grupa V-D (după Conovici), VI-D (după Garlan).

Helios (în greaca veche: Ἥλιος), era în mitologia greacă o divinitate solară, asemănătoare (uneori identificată) cu Apollo. Aparţinea generaţiei preolimpiene: era fiul lui Hyperion şi al Theiei şi frate cu Selene şi cu Eos. Helios, reprezentat ca un tânăr frumos şi puternic, este zeul care aude şi vede totul, el străbate zilnic bolta cerească pe carul său tras de patru cai iuţi (fig. 6). Este reprezentat prin capul cu o coroana de raze. În Grecia antică temple dedicate lui Helios nu erau atât de numeroase. Dar erau multe statui ale lui, cea mai cunoscută fiind Colosul din Rhodos, lucrare a marelui sculptor Hares din Lindos, plasată la intrare în portul Rhodosului, având 30-35 de metri în înălţime, executată din aliaj de aramă şi fier, considerată ca una dintre cele şapte minuni ale lumii antice. În colecţia de la Tyras sunt patru ştampile cu imaginea acestui zeu drept emblemă, toate aparţinând aceluiaşi astynom Βόρυς 1 (nr. 18-21).

18. Βό[ρυος]
ἀστυνόμο[υ]. [Cap de bărbat (Helios?) →]
[Φιλο]κράτους
Magistratul Βόρυς 1. Posibil că numele producătorului este Στεφάνος.

19. Βό[ρυος]
ἀστ[υνόμου] [Cap de bărbat (Helios?) →]
[...]
Magistratul Βόρυς 1. Posibil că numele producătorului este Στεφάνος.

20. [Βόρυος ἀσ]τυ
[νομοῦντ]ος. capul lui Helios→
[.....]νου
Magistratul Βόρυς 1. Posibil că numele producătorului este Στεφάνος.

1

2

Fig. 6. Zeul Helios (a - după: https://ro.wikipedia.org/wiki/Helios; b - după: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2420645-bog-solnce-skolko-imen-u-bozhestvennogo-solnca.html).

1

2

Fig. 7. Zeiţa Hekate (1 - foto autor, Muzeul de istorie Naţională şi Arheologie din Constanţa; 2 - după: http://vjesticji-ormar.blogspot.com/2014/05/hekata-bozica-vjesticarstva.html).

21. [Βόρυος ἀστ]υ
[ν]ομοῦντος. capul lui Helios →
Ἡρακλείδου
Acelaşi magistrat Βόρυς 1 cu producătorul Ἡρακλείδης 3. Grupa III (după Conovici), IV-C (după Garlan).

Hekate (în greaca veche: Ἥκάτη), născută de zeiţa Asteria, a fost zeiţa greacă a răscrucilor. De cele mai multe ori este înfăţişată cu trei capete: unul de câine, unul de şarpe şi unul de cal. De obicei, este însoţită de două fantome de câini, care o slujesc (fig. 7). Hekate, se spune, bântuie o răscruce cu trei drumuri, fiecare din capete uitându-se într-o anumită direcţie. Se mai zice că apare atunci când luna de fildeş străluceşte. Emblemele Hekatei sunt două torţe şi o cheie. În cele două ştampile cu emblema aparţinând zeiţei Hekate, ea este redată stând în picioare cu o ramură în mână. Ambele exemplare au fost ştampilate de acelaşi magistrat Ἡρακλείδης 2 Ἑκαταίου (nr. 22, 23).

22. [ἀστυ]νόμου
[Ἡρα]κλείδου Hekate cu ramură↑
[τοῦ Ἑκ]αταίου.
[.....]
Magistratul Ἡρακλείδης 2 Ἑκαταίου. Grupa V (după Conovici), VI-C (după Garlan).

23. ἀστυν[ό]μ[ου]
Ἡρα[κλείδου] [Hekate cu ramură↑]
τοῦ Ἑ[καταίου].
Πρῶτος
Magistratul Ἡρακλείδης 2 Ἑκαταίου. Producător Πρῶτος.

Nike (în greaca veche: Νίκη) este zeiţa victoriei în mitologia greacă. Se pare că atenienii nu au avut un cult separat al zeiţei Nike. La început ea a fost în legătură şi confundată cu zeiţa Pallas Athena, distribuitoarea victoriei, fiind separată de Pallas. Pentru că zborul înaripat era considerat ca o victorie asupra morţii, ea a fost asociată cu victoria. Acesta este motivul pentru care Victoria este asociată cu zeiţa înaripată Nike. Adesea apare în picturi în care plutește cu aripile larg deschise deasupra învingătorului dintr-o competiţie (fig. 8). Treptat, Nike a fost recunoscută ca un mediator de succes între zei şi oameni nu numai în război ci şi în tot felul de neînţelegeri între muritori. Nike este o asemănare a Atenei şi este, de fapt, o Atena cu aripi. Prezentăm trei ştampile cu emblema având imaginea acestei zeităţi. Două exemplare aparţin magistratului Πρωταγόρας 2 Κυνίσκου (nr. 25, 26). Cea de a treia ştampilă are gravat numele astynomului Μνῆσις 2 Φορμίωνος (nr. 24).

24. [ἀστυνόμου]
Μνήσι[ος τοῦ] [Nike←]
Φορμίω[νος].
᾽Αγάθων
Astonimul Μνήσις 2 Φορμίωνος. Grupa V-D (după Conovici), VI-D (după Garlan).

25. ἀστυνομοῦντος
Πρωταγόρου [Nike cu creangă de palmier ←]
τοῦ Κυνίσκου.
᾽Αγάθων
Magistratul Πρωταγόρας 2 Κυνίσκου. Grupa V-D (după Conovici) sau VI-C (după Garlan). Prodcucător Στέφανος.

26. ἀστ]υνόμου
Πρωταγόρου Nike cu creangă de palmier ←
τοῦ Κυνίσκου
[Σ]τέφανος
Astinomul Προταγόρας 2 Κυνίσκου.

1

2

Fig. 8. Zeiţa Nike (1 - după: https://www.zf.ro/business-international/unul-dintre-cele-mai-frumoase-proiecte-de-zgarie-nori-inspirat-din-mitologia-greaca-galerie-foto-12345378; 2 - după: http://pomegranatesandgrapes.com/2014/10/02/ephesus-and-nike-the-goddess-of-victory/).

Eroi

Heracles (în greaca veche: Ἡρακλής) , eroul născut din Zeus şi din Alcmena. Fiind încă în leagăn, sugrumă doi şerpi, trimişi de Hera, duce la bun sfârşit faimoasele douăsprezece munci grele (în greaca: Δωδεκατος - Dodekathos). El era adorat şi ca zeu solar, având un cult special, cu jocuri şi serbări publice numite „Heracli". Cea mai cunoscută poveste a sa este cea legată de Heracle, care l-a eliberat pe Prometeu. Printre atributele lui Heracles sunt blana de leu şi măciuca (fig. 9). Prezentăm ştampile care au ca emblemă imaginea propriu-zisă a eroului-zeu şi mai multe ştampile, a căror emblemă este măciuca. Trei ştampile, care conţin ca emblemă capul lui Heracles, aparţin magistratului Δημήτριος 3 Ἡροξένου. Ca emblemă apare capul bărbos cu coroana, spre stânga (nr. 27-29). Toate trei ştampile au păstrat şi numele producătorilor, cu care a activat acest magistrat: Κεφαλίων Διονισιδώρου, Ἀπατούριος, Νουμηνίος. Cea de a patra ştampilă cu capul lui Heracles, aparţine magistratului Ἀπολλόδωρος 3 Διονυσίου (nr. 30). 11 ştampile păstrează drept emblemă de magistrat măciuca lui Heracles. Cea mai timpurie ştampilă în acest şir este cea aparţinând magistratului Ποσιδείος 1 Ἡφαιστοδώρου (nr. 31). Este unul dintre puţinii magistraţi sinopeeni, care nu includeau în ştampila lor numele producătorului, care, de obicei, se afla pe cea de a doua toartă. Două ştampile cu emblema măciuca conţin numele magistratului Φίλων 2 şi al producătorul Καλλισθένης (nr. 32, 33). Opt ştampile cu emblema măciuca lui Heracles aparţin unui şi acelaşi magistrat Αι ÃÇ¯½·Â 4 (nr. 34-41), care, precum se vede, a fost foarte activ, lucrând cu diverşi producători Γλαυκίας, Μιθραδάτης, Μενίσκος 1. Totuşi, cele mai multe ştampile – cinci conţin aceeaşi legendă din care citim atât numele magistratului Αι ÃÇ¯½·Â, cât şi numele producătorului Θῦς (nr. 35-39)

27. [ἀστ]υνόμου
Δημητρίου [Heracles cu coroana ←]
Κεφαλίον
Magistratul Δημήτριος 3 Ἡροξένου. Grupa IV (după Conovici), V-C (după Garlan). Producătorul Κεφαλίων Διονισιδώρου.

28. ἀστυνόμου
Δημητρίου. Heracles cu coroana ←
Ἀπατουρίου
Magistratul Δημήτριο 3. Grupa IV (după Conovici), V-C (după Garlan). Producătorul Ἀπατούριος.

29. ἀστυνόμου]
[Δη]μητρίου. [Heracles cu coroana]
Νουμηνίου
Astinomul Δημήτριος 3.

30. [ἀστ]υνόμο[υ]
Ἀπολλο [capul lui Heracles]
[δώρ]ου τοῦ
[Δι]ο[νυσί]ου.
Magistrat Ἀ πολλόδωρος 3 Διονυσίου. Grupa V-B (după Conovici); VI-B (după Garlan).

31. [Ποσιδείου]
τοῦ Ἡφαιστο[δώρου] [măciucă] ↓
ἀστυνόμ[ου].
Ποσιδείος 1 Ἡφαιστοδώρου. Grupa II-C (după Conovici), III-B (după Garlan). Unul din puţinii magistraţi sinopeeni, care nu includeau în ştampila sa numele producătorului, acesta, de obicei, se afla pe cea de a doua toartă.

1

2

Fig. 9. Heracles (1 - după: https://www.writeups.org/heracles-mythology-dc-heroes-rpg/; 2 - după: https://sites.google.com/site/mitologiagriega106informatica/home/ttjrurd/teogonia/hijos-de-crio-y-euribia).

32-33. Φίλω[νος]
στυνομ[οῦ]
ντος.
Καλλισθένο[υ] măciucă ←
Două ştampile cu redare retrograda. Φίλων 2 şi producătorul Καλλισθένης. Grupa III-B (după Conovici), IV-A (după Garlan).

34. ἀστυνόμου
Αἰσχίνου. grăunte, măciucă↑
Γλα[υκία]
Magistratul Αἰσχίνης 4. Grupa IV (după Conovici), V-A (după Garlan).

35-38. Αἰσ[χίνου] σ
τυνομοῦντο[ς].
Θύος măciucă→
Magistrat Αἰσχίνης 4. Producătorul Θῦς.

39. ἀστυνόμου
Αἰσχίνου. măciucă↑
[Θύο]ς ?
Magistrat Αἰσχίνης 4.

40. ἀσ[τυ]νόμο
Αἰσχίνου. măciucă↑
Μιθραδάτου
Magistrat Αἰσχίνης 4. Producătorul Μιθραδάτης.

41. [ἀστ]υνόμου
Αἰσχίνου. [măciucă]
Μενίσκου
Magistrat Αἰσχίνης 4. Producătorul Μενίσκος 1.

Încercarea noastră de a atribui unele embleme anumitor zei, nu are ca scop doar scoaterea în evidenţă a acestor ştampile. Insistenţa de a găsi şi reprezentările altor zeităţi ale panteonului grecesc, care este, de altfel, destul de numeros, nu a scos la iveală (cel puţin momentan) alte nume de zei[2]. Dacă e să unificăm imaginile şi atributele tuturor zeilor, ce apar pe ştampilele sinopeene, observăm, că toate reprezintă zeităţi, care într-un fel sau altul aveau fie direct, fie indirect, acelaşi numitor – protejarea şi uşurarea comerţului, deseori anevoios, al negustorilor greci, care îşi comercializau produsele lor în amfore, peste hotarele Greciei. Şi Hermes (zeul comerţului şi al negustoriei), şi Atena (protectoarea meşteşugurilor), şi Poseidon (ocrotitorul navigatorilor), şi Artemis (care trebuia să călăuzească navigatorii în marea nocturnă), şi zeităţile (Selene, Helios, Hekate) care uşurau călătorilor, în primul rând negustorilor, parcurgerea fără griji a drumurilor pe care trebuiau să le facă, precum şi zeiţa Nike, una din calităţile căreia era rolul de mediator între zei şi oameni, toate erau dirijate spre un singur scop – ocrotirea de nevoi şi impedimente ale celor ce se aventurau să plece peste „mări şi ţări”, ducând în lumea mare, uneori necunoscută şi neprietenoasă, mărfurile lor, în cazul nostru, amfore cu diverse produse alimentare.

Un rol aparte îl are şi cel mai iubit erou al grecilor Heracles, care era privit de către grecii antici ca luptător, ca ocrotitor al lor.

Problema interpretării diverselor embleme, din punctul de vedere al religiei grecilor antici, nu este nouă (Salviat 1964; Debidour 2011). Cercetătorul Michel Debidour a încercat să facă o analiză a ştampilelor thasiene, concluzionând ca e puţin probabil ca embleme de pe ştampilele thasiene să poarte doar un caracter religios (Debidour 2011, 5-24). Nu punem la îndoială, că nu toţi magistraţii sau producătorii, care îşi aplicau ştampilele pe amforele comerciale se conduceau de aceleaşi motive şi dorinţe sau superstiţii (care, de altfel, erau foarte importante în lumea antică). Ne-a stârnit curiozitatea să încercăm să vedem imaginile căror zei erau folosite ca embleme de ştampile la Sinope. Că sunt aceşti zei şi nu alţii, de exemplu Appolo sau Afrodite (care, de altfel, era cunoscută ca protectoarea marinarilor), Hefaistos sau Hera, sau chiar Zeus, credem că indică o direcţionare anumită a folosirii de către unii magistraţi (în special) a zeităţilor cărora le-am dedicat acest studiu. Fiecare polis grecesc, care era implicat în comerţul cu amfore şi care îşi ştampila amforele, avea o anumită predilecţie pentru folosirea unor atribute, ca emblemă. La Rhodos, de exemplu, foarte des este întâlnit ca emblemă caduceul sau herma, reprezentându-l pe Hermes. Deseori, în special în ştampilele de producători, la Rhodos este prezentă ca emblemă imaginea cu capul lui Helios (protector al oraşului), mai ales la ştampilele de eponimi. La Cos, al cărui ocrotitor era considerat Heracles, întâlnim deseori imaginea măciucii eroului legendar. Acelaşi Michel Debidour, referindu-se la emblema „Heracles arcaş”, întâlnită pe ştampilele de Thasos, menţionează totuşi, că ea ar putea avea, fără îndoială, o conotaţie religioasă, dar şi una civilă. Este evident, că nu toate emblemele aveau o semnificaţie religioasă, dar am încercat să ne axăm şi să interpretăm doar pe cele care au, indubitabil, reprezentările şi atributele anumitor zei.

[2] Poate doar cu excepţia lui Dionisos. Imaginile viţei-de-vie sau ale vaselor de băut sunt considerate ca obiecte reprezentând acest zeu.

1

5

2

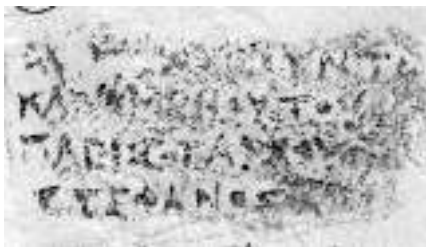
6

3

7

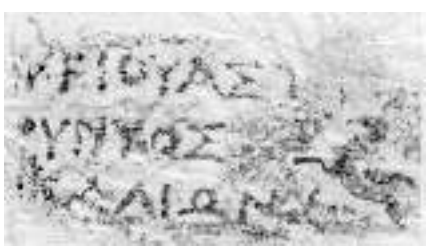
4

8



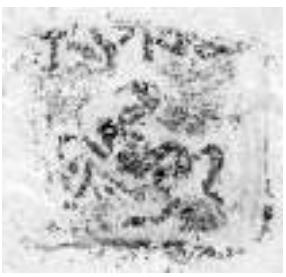
9

10

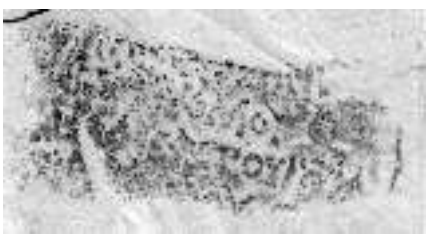


11

12



13

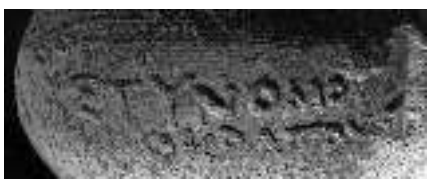


14

15

16

17



18

19

20

21

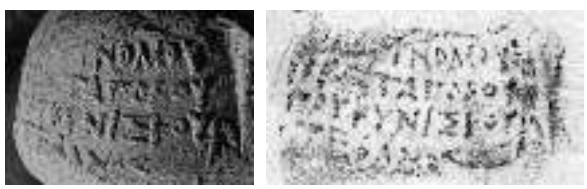
22

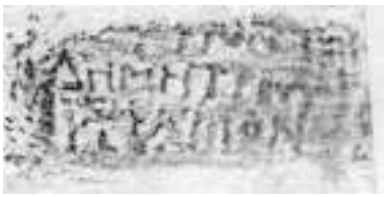
23

24

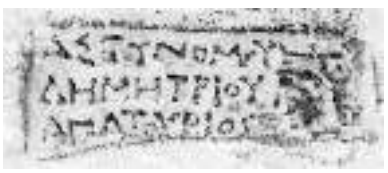
25

26

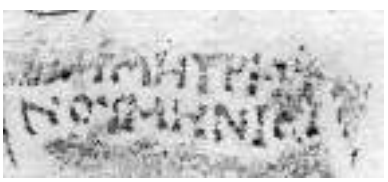




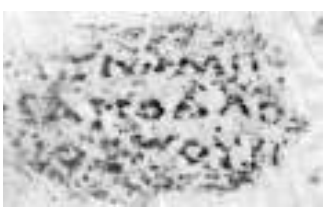
27



28



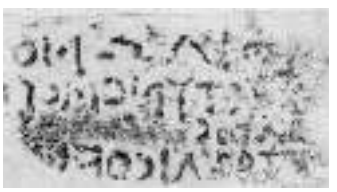
29



30

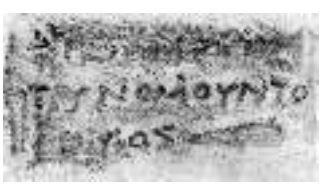
31

32



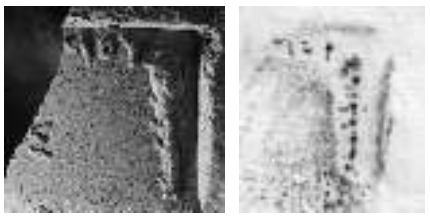
33

34



35

36

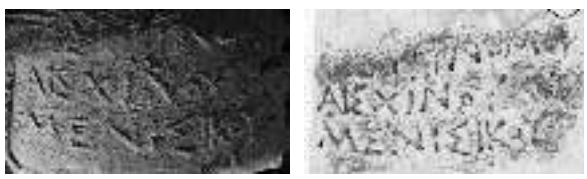


39

37

40

38



41

Bibliografie

Conovici 1998: N. Conovici, Les timbres amphoriques. Sinope. Histria, vol. VIII (2) (Bucarest 1998).

Debidour 2011: M. Debidour, Les attributs sur les timbres amphoriques: faut-il chercher une signification religieuse? In: (éd. B. Cabouret, M.-O. Charles-Laforge), La norme religieuse dans l'Antiquité. Actes du colloque organisé les 14 et 15 décembre 2007 par les Universités Lyon 2 et Lyon 3 (Paris 2011), 5-24.

Garlan 2004: Y. Garlan, Les timbes céramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica, vol. XVI (Paris 2004).

Kernbach 1995: V. Kernbach, Dicţionar de mitologie generală (Bucureşti: Albatros 1995).

Kun 2003: N.A. Kun, Legendele şi miturile Greciei Antice (Bucureşti: Editura Lider 2003).

Rose 1959: H. J. Rose, A Handbook of Greek Mythology (Dutton 1959).

Salviat 1964: F. Salviat, Religion populaire et timbres amphoriques: Hermès; Hélène et les Δοκανα. BCH LXXXVIII, 1964-II, 486-495.

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Emblems representing deities on Sinope amphora stamps (based on the Tyras collection)

Keywords: Greek gods, amphorae stamps, emblems, trade, magistrates, roads, protectors.

Abstract: The article is an attempt to interpret some of the emblems on the Sinope amphora stamps, especially those that contain faces of Greek gods and their attributes. 41 stamps from the Tyras collection of Sinope stamps containing such emblems are analyzed and presented. The representation of only some of the gods and attributes on stamps denotes, in our opinion, the preference of Sinope magistrates for deities that had functions of protection and defense, ease of difficult roads that merchants traversed in a world often unknown and hostile. Among the gods and attributes that appear on Sinope stamps we should mention Hermes (the god of trade and merchandise), Athena (protector of crafts), Poseidon (the patron of sailors), and goddess Artemis (who was supposed to guide sailors during the night), or gods that made it easy for travelers (first of all merchants) to safely traverse the roads they were supposed to (Selene, Helios, Hecate) or goddess Nike, one of whose qualities was the role of successful mediator between gods and men during war and during all sorts of misunderstandings between mortals.

It is obvious that not all the emblems have a religious significance, but we have tried to focus and interpret only the pieces that contain undoubtedly representations and attributes of certain gods.

List of illustrations:
Fig. 1. Goddess Athena.
Fig. 2. Goddess Artemis.
Fig. 3. God Poseidon.
Fig. 4. God Hermes.
Fig. 5. Goddess Selene.
Fig. 6. God Helios.
Fig. 7. Goddess Hecate.
Fig. 8. Goddess Nike.
Fig. 9. Heracles.

Эмблемы с изображением богов на синопских амфорных клеймах (по материалам коллекции из Тираса)

Ключевые слова: греческие боги, амфорные клейма, эмблемы, торговля, магистраты, дороги, покровители.

Резюме: В статье предпринята попытка толкования некоторых эмблем на клеймах синопских амфор, особенно представляющих изображения греческих богов и их атрибуты. Проанализировано и представлено 41 клеймо из коллекции синопских клейм из Тираса с такими эмблемами. То, что на клеймах присутствуют только некоторые из богов и их атрибутов, по нашему мнению, означает, что синопские магистраты оказывали предпочтение тем богам, которым приписывались функции покровительства и защиты, облегчения пути для торговцев, подвергавшихся опасностям на часто неизведанных и враждебных дорогах. Среди богов и их атрибутов, встречающихся на синопских амфорах, следует упомянуть Гермеса (бога торговли), Афину (покровительницу ремесел), Посейдона (покровителя мореплавателей) и богиню Артемиду, которая должна была направлять мореплавателей в ночном море, богов, помогавших путешественникам (прежде всего, купцам) преодолевать путь (Селена, Гелиос, Геката), а также богиню Нику, которой, помимо прочего, принадлежала роль успешного посредника между богами и людьми не только на войне, но и во всевозможных недоразумениях между смертными.

Очевидно, что не все эмблемы имеют религиозное значение, но мы постарались выделить и интерпретировать лишь те, на которых, несомненно, представлены изображения и атрибуты определенных богов.

Список иллюстраций:
Рис. 1. Богиня Афина.
Рис. 2. Богиня Артемида.
Рис. 3. Бог Посейдон.
Рис. 4. Бог Гермес.
Рис. 5. Богиня Селена.
Рис. 6. Бог Гелиос.
Рис. 7. Богиня Геката.
Рис. 8. Богиня Ника.
Рис. 9. Геракл.

11.03.2019

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@yahoo.com

МОНЕТНЫЕ СЕГМЕНТЫ – ВЕСОВЫЕ ГИРЬКИ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА IV-III ВВ. ДО Н.Э.

Иван Снытко, Андрей Бондаренко

Ключевые слова: Ольвия, хора, Нижнее Побужье, Гилея, монетный сегмент, монета, весовая гирька.

В 2019 г. на территории Голопристанского и Алёшковского районов Херсонской области в качестве случайных находок местными жителями были найдены и переданы в Государственную инспекцию по охране памятников культуры в Николаевской области две ольвийские бронзовые монеты, специально подрезанные со всех сторон и имеющие в их нынешнем облике подтрапециевидную форму.

Экземпляр № 1 (рис. 1, 2). Аверс – молодой безбородый Геракл в львиной шкуре (в профиль, влево), изображённый в стиле известных образов на монетной иконографии Александра Македонского. Реверс – горит. Под гоитом палица Геракла. Дифферент – «ΠΕΕΙ». Надпись «ΟΛΒΙΟ», обычно расположенная вверху над горитом, обрезана, и от неё лишь сохранились едва заметные краешки нижних частей литер. Эмиссия монет этой серии относится к 30-20 гг. III века до н.э., к так называемому кризисному этапу чеканки бронзовых монет Ольвийского полиса (Карышковский 1988, 89, 91, рис. 8/3). Изначально округлая по форме монета была обрезана по четырём краям, образуя своеобразную по форме трапецию. Вес искусственно воспроизведённого из монеты предмета составляет 6,420 г. Края по обрубленным сторонам гурта со всех четырёх сторон затёрты и заглажены, что свидетельствует о долгом использовании данного своеобразного монетного «гибрида» в быту, хотя он и имеет хорошую сохранность. Найден в окрестностях с. Рыбальче.

Экземпляр № 2 (рис. 3). Аверс – полностью затёрт и специально запилен, сужен и заглажен в процессе длительного использования предмета. Реверс – ольвийский городской герб – орёл на дельфине (влево) в синопско-истрийском варианте (Граков 1929, 13, 22, 24-25; Карышковский 1978, 98; Карышковский 1982, 83). От традиционной надписи «ΟΛΒΙΟ» частично сохранились лишь три литеры «…ΛΒΙ…». Не возникает сомнений, что данный предмет в форме трапеции изготовлен из известного младшего номинала серии бронзовых чеканных монет Деметра – орёл на дельфине, второй четверти IV века до н.э. и в иных качествах, избегая надчеканов и прочих эволюций, был использован уже, вероятнее всего, в эллинистическую эпоху. Его вес в нынешнем состоянии составляет – 1, 04 г. Найден в окрестностях с. Солонцы.

При рассмотрении данного варианта монетных сегментов, недавно найденных в Херсонской области, упомянём и ещё один известный, но неопубликованный экземпляр из экспозиции Николаевского краеведческого музея:

Экземпляр № 3 (рис. 4). Аверс – бородатая голова Борисфена (сильно затёртая), от которой, после обрезок, частично сохранились лишь едва прослеживаемый профиль (влево) с деталями носа, глаза и «причёски». Реверс монеты также сильно затёрт. Слегка заметно изображение горита. Монета, в качестве её использования в денежном варианте, датируется первой четвертью IV - первой третью III в. до н. э. Вес монеты – 4,530 г. Передана музею известным херсонским специалистом в области нумизматики и коллекционером В.Б. Пиворовичем в 1992 году (из собрания херсонского коллекционера М.А. Вирлича). Инвентарный номер – А-6320-КВ-44464. По данным из инвентарной карточки монета, предположительно, происходит из окрестностей Ольвии, хотя В.Б. Пиворович не указал точное место её находки. Это вполне может быть и Херсонская область, в том числе и микрорегион Голопристанского и Алёшковского районов, где были найдены вышеупомянутые гирьки-трапеции.

Рис. 1. Аверс монеты-гирьки с изображением Геракла (фото О. Крутинь).

Рис. 2. Реверс монеты-гирьки с изображением горита и палицы Геракла (фото О. Крутинь).

Все монеты, стилизованные под гирьки, ориентировочно относятся к эпохе эллинизма. Имеют форму трапеции.

Приведём и опубликованные в своё время В.Б. Пиворовичем аналогичные предметы, которые он также идентифицирует как гирьки (Пиворович 2009, 86, 89, 102):

Экземпляр № 1. Аверс – Деметра (вправо). Реверс – орёл на дельфине (вправо), надпись «ΟΛΒΙ». Подквадратной формы, приближающейся к трапеции. Вес – 4,33 г. Найден в окрестностях с. Парутино, Очаковского района Николаевской области в 2003 году (Пиворович 2009, рис. на с. 86).

Экземпляр № 2. Аверс в иллюстрациях не приведён (вероятнее всего – Деметра). Реверс – орёл на дельфине (вправо). Под ними надпись «ΟΛΒΙΟ». Форма подквадратная, приближающаяся к трапеции. Вес – 1,13 г. Найден в окрестностях с. Парутино в 1999 году (Пиворович 2009, рис. на с. 89).

Экземпляр № 3. Аверс – Борисфен (сильно затёрт). Реверс – оружие (едва прослеживается). Форма подквадратная, близкая к трапеции. Вес 3,43 г. Найден в окрестностях с. Яселка, Очаковского района Николаевской области в 2000 году (Пиворович 2009, рис. на с. 102).

Экземпляр № 4. Аверс – Борисфен (сильно затёрт). Реверс – оружие. Надпись «ΟΛΒΙΟ» и дифферент обрублены. Форма подтрапециевидная. Вес – 5,50 г. Найден в окрестностях с. Парутино, в урочище Широкая балка в 2003 году (Пиворович 2009, рис. на с. 102).

Экземпляр № 5. Аверс затёрт (вероятнее всего, Борисфен). Реверс – оружие. Надпись «ΟΛΒΙΟ» и дифферент отсутствуют. Форма прямоугольная, приближающаяся к трапеции. Вес – 4,12 гр. Найден в окрестностях с. Рыбальче, Голопристанского района Херсонской области в 2004 году (Пиворович 2009, рис. на с. 102).

Трапециевидная форма бронзовых гирек характерна для Березани и Ольвии с архаического времени и практически стала традиционной (Крапивина 1986, 105-111). В данных монетных сегментах – весовых гирьках прослеживаются реминисценции архаической эпохи. На ранних трапециевидных гирях Березани, вероятнее всего, крупных номиналах стреловидных монет, присутствует изображение монет-стрелок – символов Аполлона Врача (Лапин 1966, 145; Граков 1971, 125-127; Копейкина 1981, 168, 173; Крапивина 1986, 107; 1987, 131-133, рис. 46/5, 6). Существует предположение о том, что подобные сегменты с изображением монет-стрел на «реверсе» и головы рыбы на «аверсе» выступали и в качестве своеобразных денежных знаков, до появления крупных номиналов бронзовых литых округлых монет – т.н. «ассов» с изображением Афины на аверсе и колеса на реверсе. Подобные случаи широко известны в археологии и

Рис. 3. Реверс монеты-гирьки с изображением городского герба Ольвии – орла на дельфине (фото О. Крутинь).

Рис. 4. Реверс монеты-гирьки с изображением оружия (фото О. Крутинь).

этнографии. Зафиксировано множество вариантов постепенного перехода от примитивных денежных форм в виде слитков, предметов, орудий труда, украшений и пр., служивших ценовым эквивалентом, к непосредственно денежным номиналам (см.: Карышковский 1988, 33). Культивируется и мнение о том, что местом их выпуска непосредственно являлся Борисфен, якобы имевший в те времена полисный статус (Пиворович 2000, 119-122; Пиворович 2001, 149-152; Наумов 2002, 33; Соловьёв 2000, 93 сл.; Соловьёв 2010, 20-23; Solovyov 2006, 70, fig. 3).

Относительно выпуска стреловидных сегментов на Березани, где существовали первые бронзолитейные мастерские, изготовлявшие всевозможную утварь, в том числе и первые на Понте зеркала борисфенитского типа (Зуев 2017, 144 сл.; Зуев 2018, 241), особых возражений не имеется. Тем не менее это не может являться аргументом в пользу полисного статуса Борисфена, ибо данные мастерские могли выполнять заказы на изготовление этих серий от храма либо полисной администрации, а могли быть и под непосредственной их опекой. Учтём и то, что с древнейших времён в Ольвийском полисе существовало разумное экономическое территориальное районирование, с учётом местных природных ресурсов (Отрешко 1979; Буйских 1985, Буйских 2009; Крыжицкий и др. 1989, 84, 94; Снытко 2011; Снытко 2013, 4), и поселение на о-ве Березань при этом, в эпоху архаики, являлось одним из важнейших ремесленных центров государства (Отрешко 1979, 15 -158; Отрешко 1994, 112-122).

Существует и достаточно интересная гипотеза, выдвинутая В.В. Рубаном. Учитывая многочисленные находки стреловидных монет от устья Днепра до Бургасского залива, автор приходит к выводу о наличии единой денежной единицы и создании некоего валютного союза между колониальными полисами Левого Понта, а следовательно и о возможной попытке создания ими некоей религиозно-политической симмахии по типу малоазийского Паниониона (Рубан 2009, 147-149).

Тем не менее, как свидетельствуют современные археологические исследования в Нижнем Побужье, центром полиса изначально была Ольвия. Поселение на острове Березань, основанное несколько ранее, вероятнее всего, исходя из последних разработок (Буйских А. 2005, 164), следует рассматривать как эмпорий – центр посреднической торговли с варварским хинтерландом (Буйских 2009, 225; Буйских 2011, 58 -59; Буйских А. 2013, 21 сл.)[1].

[1] Идея основания поселения на острове Березань как эмпория разрабатывалась в своё время В.П. Яйленко (Яйленко 1982, 266). В свою очередь Ю.Г. Виноградов рассматривал Борисфен как апойкию – самостоятельную политическую структуру, постепенно, с притоком новых волн колонистов органически влившуюся в состав Ольвийского полиса (Виноградов 1989, 60 сл.).

Не анализируя в нынешней обзорной статье проблемы исторического плана, имеющие принципиальный характер, относительно раннего этапа освоения греками Нижнего Побужья, отметим лишь, что, вероятнее всего, в определении данных сегментов как весовых гирь в определённой степени всё же была права собравшая воедино материал В.В. Крапивина и её предшественники, опубликовавшие и именно таким образом, идентифицировавшие находки. Хотя однозначно трактовать данные сегменты как весовые гири также рискованно. Как свидетельствует историческая практика, подобные сегменты, в виде протомонет, носили двоякие функции (см.: Карышковский 1988, 33). Не исключено и даже весьма вероятно использование их как крупных бронзовых денежных номиналов монет-стрел[2], в качестве параллельного варианта. Косвенным аргументом этому является и наличие в несколько более позднее время крупных весовых номиналов монет-дельфинов (Карышковский 1988, 37, рис. 3/6-8), которые где-то в последней четверти VI века до н.э. сменили в Ольвийском полисе стреловидные деньги и символизировали культ Аполлона Дельфиния. Очевидно, первые выпуски дельфиновидных денежных знаков также были храмовыми[3]. Этот вариант недавно был достаточно скрупулёзно проанализирован В.П. Яйленко, убедительно доказавшим, что сокращения имён на ранних ольвийских квазимонетах принадлежат не частным лицам или каким-либо мифическим варварским правителям, «протекторам» и пр., а эсимнетам Союза мольпов Аполлона Дельфиния, подобно тому как предшествовавшие им монеты-стрелки выпускало святилище Аполлона Иетра (Яйленко 2016, 90-91).

Тем не менее существование весовых мелких монет – гирек подтрапециевидной, подквадратной и подпрямоугольной форм классической и эллинистической эпохи мелких размеров и незначительного веса, приведённых выше, свидетельствует о том, что такая трактовка предметов характерна в большей степени для гирь, нежели для монетных единиц, несмотря на то, что изготовлены они из официальных денежных знаков. Хотя здесь следует учитывать, что рассмотрению подлежат артефакты IV-III вв. до н.э., когда сама округлая форма монет для античных полисов Ойкумены была практически стандартной и устоявшейся.

Заметим, что в Ольвии, как и во многих других древнегреческих городах, широко использовались «стационарные» гирьки из свинца. Подквадратная свинцовая гирька с изображением дельфина – символа Аполлона Дельфиния и надписью «АГОР (AIA)», указывающей именно на торговый вес, литерой «Н» чуть ниже надписи, в возможном сокращении слова «Н (MICY)» – «половина», зафиксирована на Надлиманском городище в Нижнем Поднестровье (Дзис-Райко 1982, 138-140). Все известные весовые гири Ольвии, изученные в своё время В.В. Крапивиной (53 экземпляра), относятся к эвбейско-аттической весовой системе и по своей форме (прямоугольные, квадратные, реже подтрапециевидные) аналогичны гирям Афинской агоры и Олинфа (Крапивина 1986, 106).

Отметим и то, что большинство описываемых трапециеподобных монет-гирек классико-эллинистической эпохи были найдены на хоре Ольвии (многие – в Гилее), в удалении от города. Учитывая это, можно предположить, что данный монетный весовой сегмент, при вторичном использовании, послужил из-за дефицита обычных рыночных весовых гирь от агораномов, а порой и изменчивости в весовых стандартах, в качестве весового эквивалента для взвешивания дорогостоящих металлов (слитки, ювелирные изделия и пр.)[4]. При этом учтём, что все монеты затёрты, «обрезаны» и «облегчены» в контексте денежного кризиса, а собственно и весовых инноваций в оценке денежного метала этого периода. Данные са-

[2] Возможно, храмовых выпусков, в которых само подтрапециевидное воспроизведение предмета имитирует форму жертвенной секиры либо стилизованной, с обрезанным верхним краем, большой стрелы – символа Аполлона Иетра.

[3] Об основных аргументах в пользу возможности храмового выпуска монет-дельфинов и сомнениях на сей счёт см.: (Карышковский 1988, 38 сл.).

[4] По мнению В.П. Яйленко, ссылающегося на лекарственные рецептуры Гиппократа, Орибасия и других античных светил медицины, подобными мелкими гирьками могли взвешиваться и всевозможные добавки к различным медицинским препаратам, что, действительно, не исключено и свидетельствует об универсальном их использовании. Пользуемся возможностью поблагодарить В.П. Яйленко за консультацию. К предположению В.П. Яйленко можно добавить, что данными гирьками могли взвешиваться не только медицинские, но и косметические средства, благовония для фимиатериев и пр.

модельные сегменты вполне могли заменять официальные весовые гирьки на окраинных посёлках полиса и в его ближайшем приграничье, а также использоваться в качестве мелких и средних весовых единиц при взвешивании в добавление, в виде разновесов, к стандартным, более крупным гирям.

И ещё. Обратим внимание на одну существенную деталь – указанные сегменты избежали процесса «надчеканов», что произошло в ольвийской нумизматике с подавляющим большинством мелких и средних бронзовых номиналов этого периода. Это, вероятнее всего, дополнительно свидетельствует в пользу того, что они уже не использовались в качестве официальных монетных единиц. Об этом косвенно свидетельствует и их затёртость в процессе длительного использования и запилы в форме трапеций. Исключением из правила может послужить номинал (экземпляр №1) с изображением Геракла, имеющий почти идеальную сохранность.

Не исключено, что указанные весовые гирьки, изготовленные из монет, могли использоваться на протяжении нескольких столетий, включая в дальнейшем и римский период. Хотя в эпоху Римской империи уже применялись совершенно иные денежные весовые стандарты, связанные с введением международной валюты – денариев и римскими традициями, распространёнными, в том числе, и на древнегреческие полисы Северо-Западного Причерноморья. Тем не менее в альбоме В.Б. Пиворовича приведена аналогичная гирька, изготовленная из монеты эпохи Флавиев, с надчеканом в виде кадуцея[5], весом 2,56 г. Монета-гирька найдена в окрестностях с. Александровка, Белозерского района Херсонской области, в урочище Скелька в 2005 году (Пиворович 2009, рис. на 108). Данная находка свидетельствует о сохранившейся у ольвиополитов традиции изготовления подобных весовых единиц из монет и в римское время.

В заключение, отметим, что, к сожалению, найденные предметы зафиксированы в качестве случайных находок и, увы, лишены археологического, чётко датирующего их контекста. Тем не менее ещё раз подчеркнём, что многие из них найдены в Гилее, в эллинистическую эпоху являвшейся территорией непосредственной контактной зоны между ольвиополитами и Приднепровской, а в дальнейшем Крымской Скифией, через которую проходили сухопутные торговые пути на полуостров. Учтём и то, что лесистая Гилея, где издревле находились священные рощи и святилища Гекаты, Матери Богов, Геракла и Борисфена, являлась одним из основных сакральных районов для ольвиополитов (Русяева 2005, 154-155; Буйских 2013, 95). Из Гилеи начинал свой «бег» Ахиллесов дром – Тендровская коса, на оконечности которой находилось святилище Ахилла (Тункина 2002, 452-472), где в честь божественного героя периодически проводились празднества с различными спортивными состязаниями (Кубланов 1957, 224-226; Русяева 2005, 116-124, 215-216). Местом поклонения Ахиллу следует считать и Кинбурнскую косу (Охотников, Островерхов 1993, 108), где, судя по надписи (IOSPE, I^2, № 327), датируемой IV в. до н.э., ему были посвящены жертвенник и плод кедра. В римское время восточные территории полиса, в том числе и Гилея, находились под сакральным протекторатом Аполлона Простата, о чём свидетельствует находка посвящения ему от коллегии ольвийских стратегов, зафиксированная у с. Бехтеры Голопристанского района Херсонской области (Карышковский 1993, 77-78). Вероятнее всего, харистерия Аполлону Простату связана с успешно проведёнными лесозаготовками для строительства и ремонта фортификационных сооружений хоры – городищ и фортов (Снитко 2012, 36-37).

Кроме мероприятий культового характера, учитывая известную античную практику, вероятнее всего, здесь велась и интенсивная торговля между греками-ольвиополитами и окружающими полис варварскими племенами, а также с эллинами из различных полисов Эллады – купцами и паломниками, осуществлявшими священные феории в легендарные, прославленные ещё Геродотом, земли Гилеи. В какой-то степени об этом свидетельствуют отдельные находки и клады монет иных государств. Так в 2004 г. в районе с. Васильевка, в северо-западной части Кинбурнской косы был зафиксирован клад из 24 бронзовых македонских монет Филиппа II и Александра III, находку которого авторы публикации объясняют не столько торговыми контактами Оль-

[5] Вероятнее всего, надчекан был нанесён ещё во времена использования предмета в качестве монеты.

вии с Западным Причерноморьем, сколько неспокойным временем в этих краях и вероятным оттоком населения на восток. Жители Истрии могли спасаться от войн Лисимаха в восточном регионе (Былкова, Сикоза 2011, 74-75)[6]. Полностью не исключая такой гипотетической возможности, всё же в данном случае, на наш взгляд, следует в первую очередь обратить внимание именно на тесные политические, экономические[7] и религиозные связи ольвиополитов с античными полисами Северо-Западного Причерноморья, в том числе и с Истрией, имевшими начиная с архаической эпохи почти одинаковый с Ольвией культовый Пантеон.

Что касается иностранной меди и не только, то её хождение на территории Ольвийского полиса в позднеклассический и раннеэллинистический периоды было запрещено известным законом Каноба. Декретом, под угрозой наказания, предписывалось при торговых сделках на территории полиса пользоваться исключительно местной монетой. Материалы ольвийской периферии показывают, что эта финансовая политика строго проводилась в жизнь (Рубан, Урсалов 1986, 52; Крыжицкий и др. 1989, 143). Современная датировка декрета – 340-335 гг. до н.э. (Виноградов, Карышковский 1976, 23-27; Виноградов, Карышковский 1983, 25, 38). Закон Каноба был связан прежде всего со стремлением ольвиополитов упорядочить внутреннюю торговлю и денежное обращение (Карышковский 1988, 14-16). Очевидно, имплементация основных положений закона в государстве охватила как минимум десятилетие, вплоть до появления бронзовых монет «борисфенов», выполненных по определённым весовым стандартам (Снытко 2018, 123).

Находки иностранных монет эллинистической эпохи на хоре Ольвии единичны. Их нередко находят в самой Ольвии и на Березани, но это объясняется тем, что именно там и производился обмен этих монет на ольвийские деньги, посредством которых и осуществлялись торговые операции. Исключения могут составлять святилища, куда монеты традиционно преподносились в качестве даров. Так, к примеру, на священном острове Ахилла – Левке, находившемся под патронатом ольвиополитов вплоть до римского времени, зафиксированы монеты, география которых охватывает все более или менее значительные полисы Понта и Средиземноморья (Охотников, Островерхов 1993, 108). Изредка иногородние монеты встречаются на окраинных поселениях хоры Ольвии и памятниках ближайшего ольвийского приграничья, преимущественно в районе святилищ. Истрийские монеты в единичном экземпляре зафиксированы на поселениях в Лузановке и Дидова Хата-I (Рубан, Урсалов 1986, 52). На Белозерском поселении дальней хоры Ольвии в 2007

[6] В районе с. Васильевка (Николаевская область) были ранее, в 1970-1980-е гг., неоднократно зафиксированы находки ольвийских монет, что связывается автором их публикации с возможностью существования напротив современного села ольвийского поселения IV в. до н.э., которое было затоплено в результате повышения уровня моря (Наумов 1990, 36-37). В.И. Наумовым учитывается и то, что со стороны Днепровского лимана у Кинбурнской косы известны поселения Покровское-I и Геройское-I (Крыжицкий и др. 1989, 98). В контексте публикации В.И. Наумова, на которую ссылается В.П. Былкова и Д.Н. Сикоза в плане «находок подобных монет в этой части Кинбурнской косы» (по ходу изложения текста следует понимать именно македонских) (Былкова, Сикоза 2011, 73), вынуждены внести поправку о том, что в тезисах В.И.Наумова упоминаются исключительно ольвийские монеты и какая-либо информация о находках македонских монет у с. Васильевка отсутствует. Об этом свидетельствует и само название его работы (Наумов 1990, 36-37), с которой должна была быть прекрасно ознакомлена В.П. Былкова, являвшаяся, к тому же, ответственным редактором данного сборника тезисов.

[7] Заметим, что торгово-экономические связи в греческой Ойкумене, хотя и были в определённой степени сокращены, не прекращались даже в период Пелопонесской войны 431-404 гг. до н.э., когда торговое судоходство в Эгейско-Средиземноморском бассейне было крайне ограничено боевыми действиями противоборствующих флотов Афин и Спарты. К примеру, Хиос, активно используемый Афинами в военных мероприятиях, исходя из археологических материалов в это время не прерывал своей интенсивной торговли с городами Понта, и прежде всего с Ольвией (Лейпунская 1981, 68-60, 81; Снитко 2014, 24; Снитко 2016, 23). Крайне сомнительным представляется предположение о том, что войны Лисимаха, которые велись преимущественно на суше, кардинально могли повлиять на морскую торговлю в Северо-Западной части Причерноморья. Учтём и то, что осада Истрии Лисимахом была кратковременной и она была вынуждена капитулировать на определённых договорных условиях. Такая же участь перед этим постигла и Одесс (Карышковский, Клейман 1985, 63). Несколько лет продержался лишь Каллатис, который ещё до его сдачи покинула тысяча жителей, нашедших убежище у Боспорского царя Евмела (Diod. XX, 25). Новое бремя, возложенное на греческие полисы Лисимахом, тем не менее не могло серьёзно подорвать экономические устои и разрушить их торговые и культурные связи с эллинскими городами Ойкумены, что было не выгодно и самому Лисимаху, использовавшему их как материальную базу для продолжения своих военных походов.

г. обнаружены две бронзовые монеты Пантикапея III в. до н.э. (Былкова 2008, 36). В сезон 2003 г. в процессе исследования зольника-святилища Кошарского поселения была найдена бронзовая монета Тиры (Bodzek 2008, 17, fig. 6; Bodzek 2011, 58). Имеется информация о находке монеты Филиппа в районе Станиславского (Гиполаева) мыса (Былкова, Сикоза 2011, 74), где по описанию Геродота издревле находилось святилище Деметры, а сам Гиполаев мыс, как и Гилея, входил в мифо-географическую сакральную структуру Ольвийского полиса, маркировавшую его территориальное пространство начиная с архаической эпохи (Русяева 1979, 29; Буйских 2013, 95).

Библиография

Буйских А. 2005: А.В. Буйских, Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI-V вв. до н.э. ВДИ 2, 2005, 146-164.

Буйских А. 2013: А.В. Буйских, О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?). ВДИ 1, 2013, 21-39.

Буйских 1988: С.Б. Буйских, Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры. В: Проблемы исследования Ольвии (Парутино 1985), 6-10.

Буйских 2009: С.Б. Буйских, Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму. В сб.: (Голов. ред. П.П. Толочко) Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, XV, (Запоріжжя 2009), 225 -247.

Буйских 2011: С.Б. Буйських, До проблеми заснування та становлення Ольвійського полісу. В: Древнее Причерноморье, IX (Одесса 2011), 58-59.

Буйских 2013: С.Б. Буйских, Мифо-географическое пространство Ольвийского полиса в VI-V вв. до н.э. В: Древнее Причерноморье, X (Одесса 2013), 94-99.

Былкова 2008: В.П. Былкова, Находки монет на Белозерском поселении дальней хоры Ольвии. В: Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (Харьков 2008), 36.

Былкова, Сикоза 2011: В.П. Былкова, Д.Н. Сикоза, Клад македонских бронзовых монет с Кинбурнской косы. В: Древнее Причерноморье, IX (Одесса 2011), 71-76.

Виноградов 1989: Ю.Г. Виноградов, Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. (историко-эпиграфическое исследование) (Москва 1989).

Виноградов, Карышковский 1976: Ю.Г. Виноградов, П.О. Карышковский, Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. ВДИ 4, 1976, 20-42.

Виноградов, Карышковский 1983: Ю.Г. Виноградов, П.О. Карышковский, Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э., ч. 2. ВДИ 1, 1983, 21-39.

Граков 1929: Б.Н. Граков, Древнегреческие клейма с именами астиномов (Москва 1929).

Граков 1971: Б.Н. Граков, Ещё раз о монетах-стрелках. ВДИ 3, 1971, 125-127.

Дзис-Райко 1982: Г.А. Дзис-Райко, Гиря из Надлиманского городища. В сб.: (Отв. ред. В.Л. Янин) Нумизматика античного Причерноморья (Киев 1982), 138-140.

Зуев 2017: В.Ю. Зуев, Типология борисфенитских зеркал. У зб.: (Голов. ред. Н.А. Гаврилюк) Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького) (Київ 2017), 144-154.

Зуев 2018: В.Ю. Зуев, Об одной серии зеркал борисфенитского типа. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Коваленко) Причерноморье в античное и раннесредневековое время, вып. 2. Сборник научных трудов, посвящённый 70-летию профессора В.П. Копылова (Ростов-на-Дону 2018), 232-243.

Карышковский 1978: П.О. Карышковский, Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н.э. В сб.: (Отв. ред. Г.А. Дзис-Райко) Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 83-99.

Карышковский 1982: П.О. Карышковский, Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии. В сб: (Отв. ред. В.Л. Янин) Нумизматика античного Причерноморья (Киев 1982), 80-98.

Карышковский 1988: П.О. Карышковский, Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху) (Киев 1988).

Карышковский 1993: П.О. Карышковский, Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры. ВДИ 1,1993, 141-154.

Карышковский, Клейман 1985: П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира (Киев 1985).

Копейкина 1981: Л.В. Копейкина, Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке). СА 1, 192-208.

Крапивина 1986: В.В. Крапивина, Архаические весовые гири Березани и Ольвии. В сб. (Отв. ред. А.С. Русяева) Ольвия и её округа (Киев 1986), 105-111.

Крапивина 1987: В.В. Крапивина, Весовые гири. В кн.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время (Киев 1987), 131-133.

Крыжицкий и др. 1989: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, А.В. Бураков, В.М. Отрешко, Сельская округа Ольвии (Киев 1989).

Кубланов 1957: М.М. Кубланов, Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества (к истории формирования культов античного полиса). В: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 1 (Москва-Ленинград 1957), 222-231.

Лапин 1966: В.В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации) (Киев 1966).

Лейпунская 1981: Н.А. Лейпунская, Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI-IV вв. до н.э.) (Киев 1981).

Наумов 1990: В.И. Наумов, Новые находки ольвийских монет у с. Васильевка на Кинбурнской косе. В сб.: (Отв. ред. В.П. Былкова) Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции, ч. 3 (Херсон 1990), 36-37.

Наумов 2002: В.И. Наумов, Новый тип литой монеты? В: Древний мир, 3 (Киев 2002), 33.

Отрешко 1979: В.М. Отрешко, К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы 1 Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо - 77) (Тбилиси 1979), 151-158.

Отрешко 1994: В.М. Отрешко, Про основи економіки Березанського поселення. Археологія 2, 1994, 112-122.

Охотников, Островерхов 1993: С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) (Киев 1993).

Пиворович 2000: В.Б. Пиворович, Древнейшие денежные знаки Северного Причерноморья. В: Летопись Причерноморья, вып. 4 (Херсон 2000), 119-122.

Пиворович 2001: В.Б. Пиворович, Новые находки древнейших денежных знаков на острове Березань. В: Летопись Причерноморья, вып. 5 (Херсон 2001), 149-152.

Пиворович 2009: В.Б. Пиворович, Монеты и клады Юга Украины (Херсон 2009).

Рубан 2009: В.В. Рубан, Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Буйских) Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко (1949-1999) (Киев 2009), 147-150.

Рубан, Урсалов 1986: В.В. Рубан, В.Н. Урсалов, История денежного обращения на территории Борисфениды и Ольвии догетского времени. ВДИ 4, 1986, 31-53.

Русяева 1979: А.С. Русяева, Земледельческие культы в Ольвии догетского времени (Киев 1979).

Русяева 2005: А.С. Русяева, Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев (Киев 2005).

Снытко 2011: И.А. Снытко, Новая древнегреческая надпись с левобережья Бугского лимана. В: Вопросы эпиграфики, т. V (Москва 2011), 180-191.

Снитко 2012: І.О. Снытко, Ще раз про межі Ольвійського поліса. Археологія 4, 2012, 31-42.

Снитко 2013: І.О. Снитко, Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійского поліса. Археологія 3, 2013, 3-14.

Снитко 2014: І.О. Снитко, Характер і динаміка економічних стосунків Ольвії з містами Іонії в VI-V ст. до н. е. та початок формування внутрішньопонтійського ринку. Археологія 2, 2014, 17-28.

Снитко 2016: І.О. Снитко, Амфори з сільських некрополів Ольвійського полісу VI-III ст. до н.е.: центри виробництва, сакрально-ритуальний аспект. Археологія 1, 2016, 19-32.

Снытко 2018: И.А. Снытко, О времени хождения ассов серий «Горгонейон» и «Деметра» на территории Ольвийского полиса. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Алексеенко) «ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка». В: V International Numismatic Symposium (Севастополь, Симферополь, Москва 2018), 121-124.

Соловьёв 2000: С.Л. Соловьёв, Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия. В сб.: (Отв. ред. С.Л. Соловьёв) Античное Причерноморье (□Санкт-Петербург 2000), 93-109.

Соловьёв 2010: С.Л. Соловьёв, Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Борисфен – Березань (Санкт-Петербург 2010).

Тункина 2002: И.В. Тункина, Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII - середина XIX в.) (Санкт-Петербург 2002).

Яйленко 1982: В.П. Яйленко, Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. (Москва 1982).

Яйленко 2016: В.П. Яйленко, История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. - VII в. н.э. (Санкт-Петербург 2016).

Bodzek 2006: J. Bodzek, Koshary (Ukraine). In: (Ed. E. Papuci-Wladika) Coin finds in 2004, (ΠΟΝΤΙΚΑ – 2006) (Krakow 2008), 13-23.

Bodzek 2013: J. Bodzek, Remarks on monetary circulation in the Chora of Olbia – the Case Koshary. In: Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress, Glasgow 2009 (Glasgow 2011), 58-64.

IOSPE: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Edidit B. Latyschev (Petropoli 1916).

Solovyov 2006: S.L. Solovyov, Monetary Circulation at the Political history of Archaic Borysthenes. In: Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 12/1-2 (Leiden 2006), 63-75.

Fragmente de monede – ponduri ale polisului Olbia în secolele IV-III a. Chr.

Cuvinte-cheie: Olbia, hora, Bugul de Jos, Hylaea, fragment de monedă, monedă, pond.

Rezumat: În articolul de faţă sunt analizate fragmentele monetare – ponduri, descoperite recent pe teritoriul regiunii Herson, Ucraina. Pondurile au formă trapezoidală şi au fost confecţionate din monede de bronz ale Olbiei din secolele IV-III a. Chr. Sunt analizate şi piesele analogice, publicate anterior, care provin din aşezările din hora Olbiei. Toate acestea sunt atribuite epocilor clasice şi elenistice. Forma trapezoidală a pondurilor este caracteristică pentru populaţia grecească din regiunea Bugului Inferior, începând cu perioada arhaică. Aceste ponduri artizanale, probabil înlocuiau pondurile oficiale în aşezările periferice ale polisului, de asemenea, ele puteau fi utilizate în calitate de unităţi de greutate mai mică, care erau adăugate la pondurile cu greutate mai mare.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Aversul unei monede-pond cu imaginea lui Haracle (foto O. Krutin).

Fig. 2. Reversul unei monede-pond cu imaginea goritului şi măciucii lui Haracle (foto O. Krutin).

Fig. 3. Reversul unei monede-pond cu imaginea stemei Olbiei – vulturul pe delfin (foto O. Krutin).

Fig. 4. Reversul unei monede-pond cu imagine de armă (foto O. Krutin).

Coin segments used as weights in the Olbia Polis in the 4th-3rd centuries BC

Keywords: Olbia, chora, the Lower Bug Region, Hylaia, coin segment, coin, weight.

Abstract: This article discusses the coin segments – weights recently found on the territory of the Kherson Region of Ukraine. The weights are trapezoidal in shape and made from Olbia bronze coins of the 4th-3rd centuries BC. There are also considered previously published similar objects originating from the settlements of the chora of Olbia. All of them belong to the Classical and Hellenistic periods. The trapezoidal shape of the weights is characteristic of the Greek population of the Lower Bug Region since archaic times. These home-made segments could easily replace the official weights on the outlying villages of the polis and in its near border area, as well as be used as small and medium weight units in addition to standard, larger weights.

List of illustrations:

Fig. 1. The obverse of the coin-weights depicting Hercules (photo O. Krutin).

Fig. 2. The reverse of the coin-weights with the image of the gorytos and the mace of Hercules (photo O. Krutin).

Fig. 3. The reverse of the coin-weights with the city emblem of Olbia – the Eagle-on-Dolphin (photo O. Krutin).

Fig. 4. The reverse of the coin depicting a weapon (photo O. Krutin).

05.04.2019

Др. Иван Снытко, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов-34/1, 54029 Николаев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3300-5679, e-mail: maharadze_v@mail.ru

Андрей Бондаренко, Николаевская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры, ул. 12 Продольная, 42/23, 54028 Николаев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-3932-6724

CERCETĂRI ARHEOLOGICE RECENTE ÎN ACROPOLA TOMITANĂ (2017-2018). STUDIU PRELIMINAR

Aurel Mototolea
Tiberiu Potârniche
Simina Margareta Stanc

Cuvinte-cheie: Tomis, locuinţă-bordei, tramă stradală, edificii, *intra muros*.

Context istoric

În antichitate, promontoriul tomitan a fost o oprire iminentă pentru navigatorii acelor vremuri, fiind un loc propice pentru întemeierea unui *emporion*. În acest context, Tomis este fondat de către milesieni, probabil în a doua jumătate a secolului al VI-lea a. Chr. Această origine este semnalată de către Demetrios din Callatis şi preluată de Pseudo-Skymnos, care afirma: „Oraşul Tomis a fost o colonie a milesienilor"; mai târziu, poetul Publius Ovidius Naso susţine această afirmaţie în opera sa, redactată în exil. Numele localităţii variază, în greacă fiind numită *Tomis* sau *Tomeos*, denumire preluată şi de romani sub forma *Tomi* sau *Tomis* (Buzoianu, Bărbulescu 2012, 12).

În secolele VI-V a. Chr., oraşul Tomis a rămas încă în stadiu incipient de dezvoltare, fiind dominat de oraşele vecine. Pentru perioada de locuire arhaică şi clasică, informaţiile arheologice sunt puţine, cea mai mare parte a acestora provenind dintr-un perimetru restrâns – Parcul Catedralei. În nivelele XII-XI, repertoriate aici, au fost identificate o serie de locuinţe-bordeie (Rădulescu, Scorpan 1975, 29) aparţinând perioadei arhaice. Perioada clasică este reprezentată, în aceeaşi zonă, de descoperirea unui depozit numismatic alcătuit din 28 monede histriene, databile în secolul al V-lea a. Chr. (Rădulescu, Scorpan 1975, 27-29), precum şi a fragmentelor ceramice specifice.

În perioada elenistică, după anul 260 a. Chr., ca o consecinţă a conflictelor dintre Byzantion şi Callatis, Tomis a profitat de decăderea celorlalte colonii vest-pontice şi cunoaşte o dezvoltare economică substanţială, fapt reflectat de prima emisiune de monede din bronz a oraşului (Buzoianu, Bărbulescu 2012, 27).

Odată cu intrarea sub controlul administraţiei romane, oraşul Tomis s-a bucurat de un statut privilegiat, fiind în secolele I şi II p. Chr. centrul Asociaţiei Greceşti a Oraşelor Vest-Pontice – *Pentapolis*, devenită mai târziu *Hexapolis*. Sub domnia împăraţilor Antoninus Pius şi a lui Septimius Severus, oraşul a atins un înalt nivel de prosperitate, perioadă în care au fost construite mai multe clădiri publice şi noul zid de incintă al cetăţii.

La începutul secolului al IV-lea p. Chr., sub domnia lui Constantin cel Mare, metropola Tomis trăieşte o perioadă de prosperitate economică, moment în care se construiesc multe clădiri publice sau sunt refăcute altele deja existente. Această etapă este greu de dovedit în totalitate, având în vedere suprapunerea portului modern şi a oraşului contemporan peste zona peninsulară a Constanţei.

Oraşul Tomis a fost reconstruit sub Iustinian. Mai târziu, de la începutul secolului al şaptelea, locuitorii oraşului au dus o existenţă precară, aşa cum a făcut-o întreaga populaţie a provinciei Scythia Minor. În jurul anului 680, Tomisul a căzut sub atacurile prelungite ale avarilor şi slavilor (Barbu 1972, 72-73).

Context arheologic

Succesiunea cronologică a istoriei tomitane, prezentată pe scurt mai sus, se regăseşte în mare parte în rezultatele cercetării arheologice recent încheiate, şi care face obiectul prezentării de faţă.

Cercetări arheologice recente efectuate în aria *intra muros* a cetăţii Tomis au contribuit la obţinerea de noi informaţii referitoare la istoria şi evoluţia metropolei pontice în intervalul cuprins între secolele VI a.Chr. şi VI p.Chr. Acestea s-au desfăşurat, cu intermitenţe, în perioada iulie 2017 - septembrie 2018, în apropiere de binecunoscutul Parc al Catedralei (Rădulescu, Scorpan 1975, 9-54), pe strada Arhiepiscopiei nr. 11. Întru-

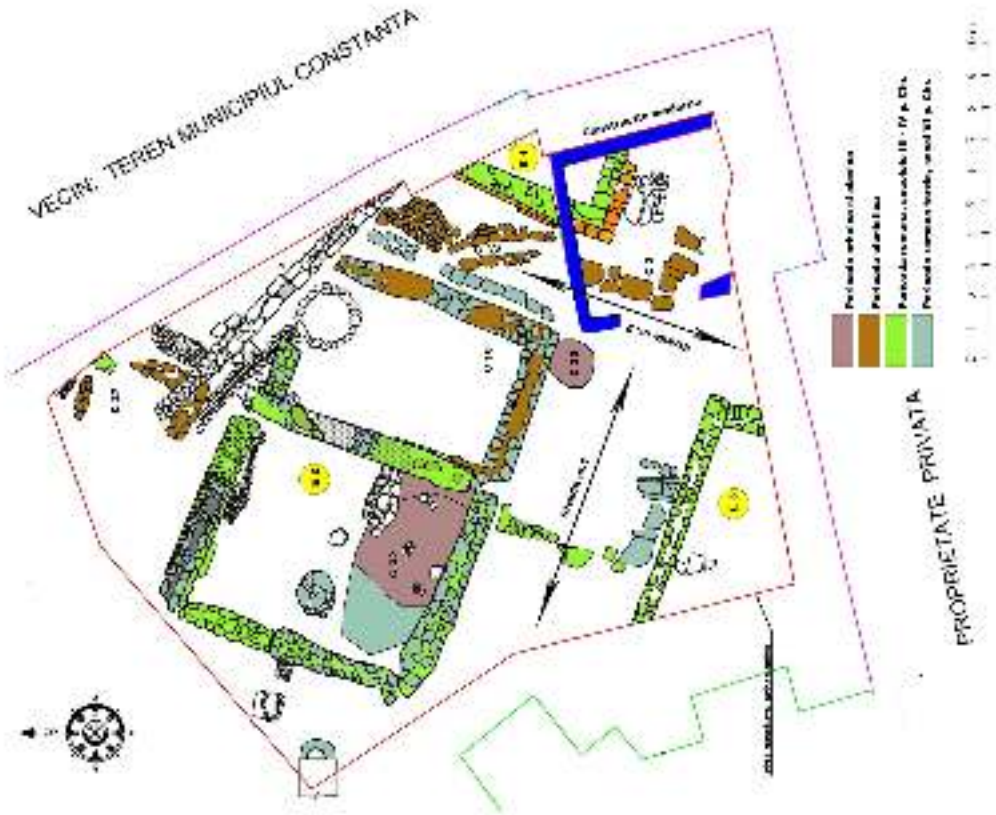


Fig. 1. Planul general al perimetrului cercetat.

Fig. 2. Vedere aeriană a perimetrului cercetat.

cât această cercetare arheologică a fost încheiată recent, iar materialul descoperit este în curs de prelucrare, în stadiul actual ne propunem o prezentare succintă a situaţiei înregistrate aici, cu scopul de a semnala noile informaţii dobândite.

De-a lungul timpului, cercetările arheologice preventive efectuate în zonele adiacente au oferit rezultate interesante, probând o densitate a vestigiilor, precum şi faptul că zona a fost permanent utilizată. Se cuvine să amintim, spre nord, cripta unui edificiu creştin (Rădulescu, Lungu 1989, 2573–2576, fig. 5-7; Lungu 2000, 69-70, 156, fig. 8), descoperită în anul 1982, localizată pe strada Karl Marx (actualmente str. Revoluţiei din 22 Decembrie 1989). Rezultatele acestei cercetări au fost reluate într-un studiu recent (Achim, Cliante 2017, 73-88), discuţia axându-se pe analiza materialului special. De asemenea, spre vest, cu ocazia executării fundaţiei pentru actualul bloc L12 de pe str. Revoluţiei din 22 Decembrie 1989, a fost descoperită o construcţie termală de o mărime apreciabilă (Papuc 2005, 92, 129, fig. 1).

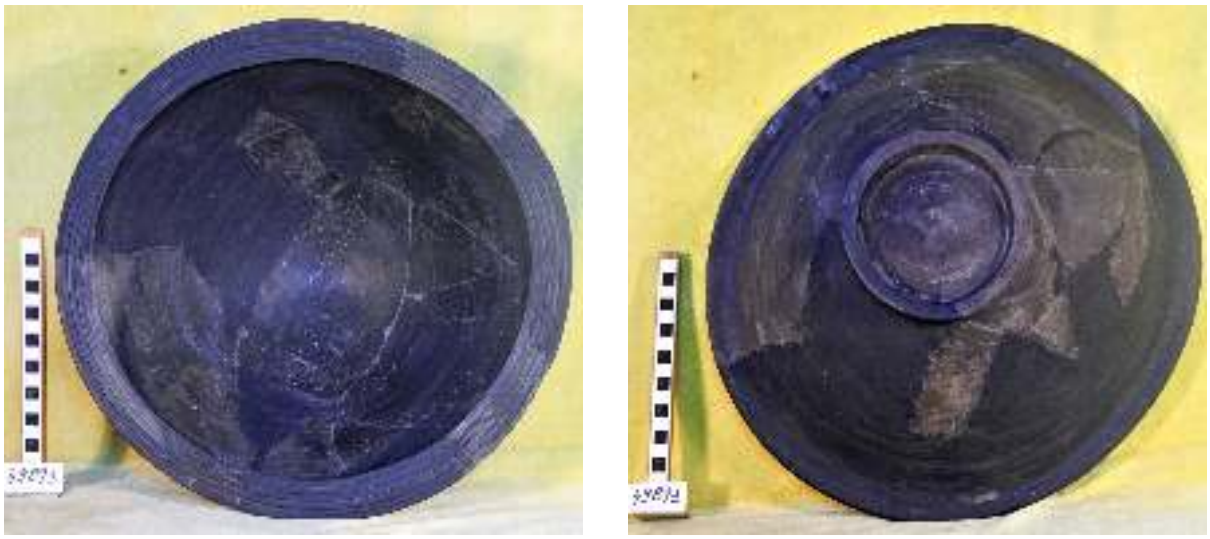


Fig. 3. Castron sec. V-IV a. Chr.

Aceste descoperiri par firești în contextul general al importanței pe care cetatea Tomis a dobândit-o pe parcursul evoluției sale, neîntreruptă timp de aproape treisprezece secole.

Rezultatele cercetării

Cercetarea arheologică s-a desfășurat în curtea unui imobil datând de la începutul secolului XX, pe o suprafață însumând cca 400 m²; în mod fericit, zona nu a fost perturbată de foarte multe intervenții antropice moderne, specifice zonei peninsulare. Suprafața a fost cercetată în totalitate prin trasarea a cinci secțiuni stratigrafice; în urma cercetării arheologice au fost identificate un număr de 36 de complexe, databile într-un interval generos, cuprins între sfârșitul secolului al VI-lea a. Chr. și secolul VI p. Chr. (fig. 1).

Perioadele arhaică și clasică sunt reprezentate printr-o groapă, probabil menajeră, și o locuință-bordei. Cele două complexe se plasează în zona centrală a perimetrului cercetat și au fost identificate pe același orizont cronologic, fiind conturate sub vegetalul antic.

Groapa de formă circulară (C30), cu profil tronconic în secțiune, s-a delimitat, cum aminteam mai sus, sub nivelul de vegetal antic. Din umplutura sa au fost recuperate mai multe fragmente ceramice și osteologice, între care se remarcă un castron mare din ceramică de culoare gri-cenușie (fig. 3), pe baza căruia complexul se poate data la sfârșitul secolului V - prima jumătate a secolului IV a. Chr.

Fig. 4. Locuința-bordei: Complex C32.

Locuința-bordei (C32), de formă cvasi-dreptunghiulară, este probabil cea mai spectaculoasă dintre descoperirile efectuate pe strada Arhiepiscopiei nr. 11 (fig. 4). Din cauza suprapunerilor fazelor mai târzii, conturul locuinței a putut fi surprins într-o proporție de cca 70%, suficient însă pentru a trage unele concluzii pertinente. Astfel, tehnica folosită la construcția pereților este cea a „teme-

Fig. 5. Ceramică descoperită în locuinţa-bordei.

liilor olbiene", fundaţia fiind realizată din zid de piatră legată cu pământ, iar elevaţia din straturi succesive de pământ brun intercalate cu pământ galben. Cele mai apropiate analogii ale acestei tehnici de construcţie se regăsesc în cercetările arheologice efectuate în cetatea vecină Histria (Dimitriu 1966, 28, 32-34, fig. 8, 9; Domăneanţu 2003-2005, 95, 97, fig. 5). La baza peretelui de nord a fost identificată o platformă realizată din pietre rulate, de dimensiuni medii, ce pare să aparţină podelei. Întrucât complexul a fost perforat de o groapă databilă în perioada romană târzie, putem considera că întreaga podea a fost pavată cu astfel de pietre, un argument suplimentar fiind acela că alte piese litice se regăsesc atât în profilul de est, cât şi în cel de sud, pe acelaşi

Fig. 6. *Fish-plate* descoperit în C27.

aliniament. Materialul recuperat din umplutura acestui complex este reprezentat de fragmente amforice de Chios, boluri şi cupe cu firnis negru (câteva prezentând urme de reparaţii cu scoabe de plumb), opaiţe fragmentare, ceramică cu figuri roşii şi negre, vârfuri de săgeţi premonetare, precum şi câteva verigi de bronz (fig. 5).

În ***perioada elenistică***, zona a cunoscut o dezvoltare spaţială mai însemnată, fiind identificate resturile a două construcţii realizate cu ziduri de piatră, un pavaj stradal şi un canal colector. În colţul de nord-vest al zonei cercetate a fost identificat un zid realizat din blocuri de piatră legată cu pământ (C27), orientat pe direcţia est-vest, ce aparţine, după toate probabilităţile, unei construcţii civile. Latura de sud-est, respectiv cea de sud-vest, sunt mai slab conservate. Totuşi, din interiorul acestui complex au fost recuperate fragmente ceramice cu firnis negru, decorate cu palmete, un inel de bronz, precum şi un *fish-plate* întregibil, databil în sec. IV-III a. Chr. (fig. 6).

Cel de-al doilea complex (C10), de dimensiuni mai mari, este reprezentat de segmentul de sud-vest al unei clădiri din care s-au păstrat două ziduri lucrate din blocuri mari de piatră, paralelipipedice, legate cu pământ. Latura de nord-est a edificiului a fost distrusă prin amenajarea unei fântâni, probabil în epoca modernă, iar latura de nord-vest a fost înglobată parţial într-o amenajare ulterioară, databilă în epoca romană târzie (fig. 7).

Pavajul stradal (C2) a fost identificat la sud de clădirea delimitată de complexul C10, pe care probabil o mărginea pe latura de sud-est. A fost realizat din dale de piatră de mari dimensiuni, rostuite, ce prezintă urme de uzură. Între pavajul C2 şi zidul de sud-est al complexului C10 a fost identificat şi un canal deversor (C13), ce prezintă o pantă de scurgere către sud.

Prin prisma monumentalităţii şi a stării de conservare a edificiilor descoperite, ***perioadele romană şi romană târzie*** sunt cel mai bine reprezentate. Deşi toate secolele corespunzătoare prezenţei romane la Tomis au fost documentate arheologic prin materialul descoperit, ne vom opri doar asupra a două momente, databile în secolele III-IV p. Chr., respectiv VI p. Chr.

Pentru perioada tetrarhică, zona cercetată documentează un segment stradal cu o intersecţie în care se întâlnesc nu mai puţin de trei edificii. Primul dintre acestea, denumit convenţional E1, este reprezentat de două ziduri (C1) realizate din piatră făţuită, legată cu mortar, ce reprezintă colţul de sud-vest al clădirii. Exteriorul acesteia a fost căptuşit cu un adaos suplimentar de cărămidă, legată cu mortar hidrofug, probabil într-o fază secundară. Acest aspect ne poate conduce la ipoteza referitoare la funcţionalitatea clădirii: posibil bazin sau cisternă pentru apa necesară consumului public.

Fig. 7. Edificiul E2, complex C10.

Fig. 8. Edificiul E2, complex C12.

Fig. 9. Intersecţia C10 cu C12.

Fig. 10. Frescă *in situ*.

La vest de E1 se delimitează un al doilea edificiu (E2) (fig. 8) ce înglobează în structura sa şi vechea construcţie elenistică C10. În acest caz avem de-a face cu o construcţie impunătoare, masivă, cu cel puţin două camere. Cea de-a doua cameră, alipită complexului C10, a fost realizată cu ziduri din piatră legată cu mortar nisipos. Pereţii au fost tencuiţi, iar ulterior decoraţi cu frescă şi stucatură (fig. 10 şi fig. 11). În partea inferioară şi mediană fresca parietală a fost realizată în paneluri canelate, în încercarea de a imita placarea cu marmură, situaţie frecvent întâlnită pentru acea epocă. La partea superioară se distinge stucatura şi decorul fin cu ove şi intarsii. Culorile sunt vii şi variază într-o paletă largă, demonstrând ingeniozitatea şi meticulozitatea meşterului. Din păcate, fragmentele de frescă au fost descoperite într-o poziţie secundară, ca urmare a demantelărilor survenite ulterior.

Cel de-al treilea edificiu (E3) se plasează vis-à-vis de edificiul E2, la sud de acesta. Este vorba despre o construcţie lucrată în tehnica *opus mixtum*, cu observaţia că au fost documentate brâuri alcătuite din patru asize de cărămidă. O situaţie similară întâlnim în cazul Edificiului roman cu mozaic, construit în ultimii ani ai secolului III şi începutul secolului al IV-lea p. Chr.

Între edificiile E2 şi E3 a fost identificată o stradă, lată de 5 m, din componenţa căreia s-au păstrat doar câteva resturi de pavaj. Acest aspect este firesc, dacă luăm în considerare multiplele intervenţii antropice şi demantelări efectuate asupra terenului în perioada modernă. Această stradă intersectează, spre sud-est, o a doua stradă, mai îngustă (3 m), ce oferea acces pentru edificiul E1, creându-se astfel o intersecţie (fig. 9). Datorită

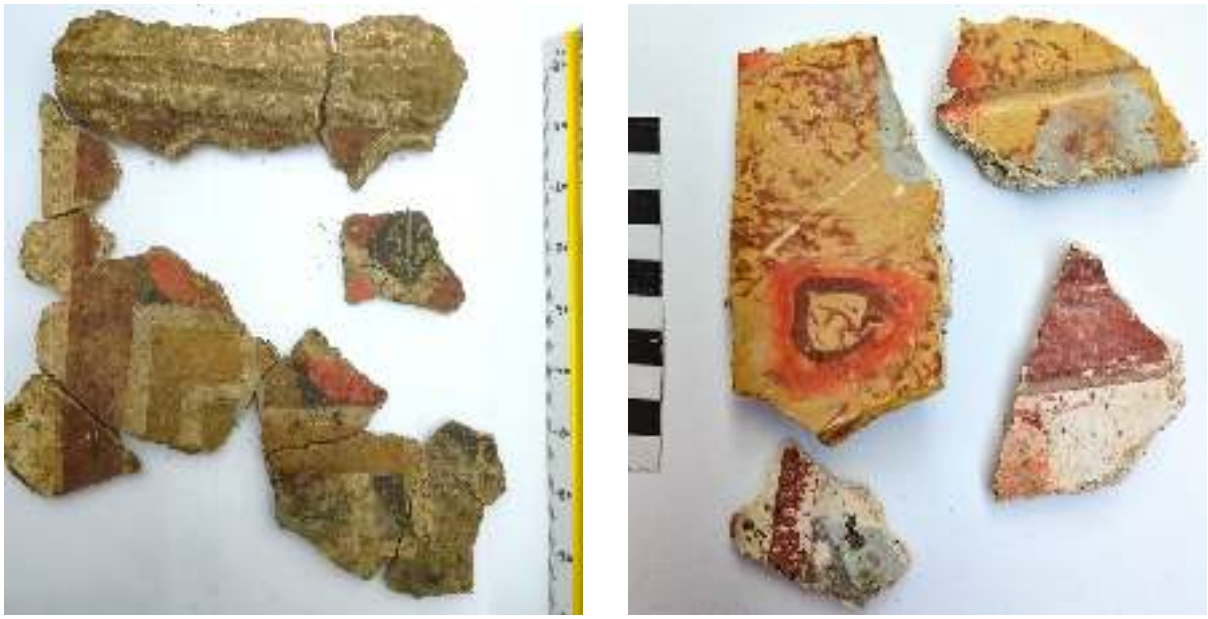


Fig. 11. Fragmente frescă.

amplasării echidistante a celor trei edificii în raport cu intersecţia menţionată, putem considera faptul că spre sud-est şi la est de E3, ar mai putea exista un al patrulea edificiu, pe care însă nu am putut să-l identificăm în teren.

Amenajarea edilitară se păstrează şi în secolele următoare, fiind documentate câteva intervenţii şi reparaţii realizate funcţie de clădirile deja existente. În acest sens, asistăm la o nivelare masivă, databilă în secolul al VI-lea, precum şi o îmbunătăţire a circuitului stradal. Astfel, pentru această perioadă au fost identificate două canale deversoare, orientate pe direcţia nord-est/sud-vest, destinate colectării apelor reziduale, ce prezintă o pantă de scurgere către sud-vest. În plus, edificiul E2 prezintă o refacere a zidăriei exact în zona reprezentată de C10, această refacere fiind corespunzătoare cu nivelul de călcare aferent secolului al VI-lea. Un argument în acest sens este oferit şi de descoperirea, în interiorul edificiului E2, a unui vas de provizii – *dolium*, a cărui cotă „de funcţionare" corespunde cu acelaşi nivel de călcare. Tot în edificiul E2 au loc modificări legate de compartimentarea interioară: pe latura de sud-vest vechea intrare este blocată cu un zid realizat din piatră legată cu mortar, în timp ce latura opusă, de nord-est, este refăcută integral, aproape pe acelaşi aliniament. În stadiul actual al cercetărilor, în contextul multiplelor atacuri avaro-slave îndreptate asupra Tomisului, putem considera că edificiul a funcţionat cel puţin dincolo de ultimul sfert al secolului al VI-lea, fapt documentat prin descoperirea unui *solidus* (fig. 12) din timpul împăratului Flavius Mauricius Tiberius Augustus, databil în intervalul 582-586. Această descoperire nu este una izolată, fiind în concordanţă cu celelalte descoperiri numismatice recuperate din perimetrul cercetat.

Pe lângă materialul ceramic şi numismatic descoperit, în cursul săpăturilor arheologice au fost colectate şi numeroase resturi faunistice. Analiza arheozoologică urmăreşte identificarea speciilor de animale cu care comunitatea umană a venit în contact, a tipurilor de relaţiilor dintre aceasta şi animalele identificate (creşterea animalelor, vânătoare, pescuit) (Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999). A fost realizată şi o analiza anatomică, taxonomică şi tafonomică a materialului arheozoologic recuperat în cursul săpăturilor arheologice. Cea mai mare parte a eşantionului faunistic, colectat din straturile arheologice corespunzând secolelor V-VI p. Chr., este reprezentat de fragmente de oase, dinţi şi procese cornulare provenite de la mamifere domestice şi sălbatice (vită domestică, porc, ovicaprine, câine, cerb, mistreţ, căprior); pe lângă resturile de mamifere există şi resturi osoase provenite de la peşti (crap, somn, sturioni) şi păsări (găina).

Fig. 12. *Solidus* (Flavius Mauricius Tiberius Augustus, databil în intervalul 582-586).

Consideraţii finale

Pentru mai bine de un mileniu, zona cercetată a fost locuită neîntrerupt. La început timid, spaţiul a fost ocupat treptat de către coloniştii greci, ajungând la apogeu sub stăpânirea romană. Din acest moment, peisajul edilitar s-a păstrat constant, noile clădiri luând treptat locul celor mai vechi, pe măsură ce spaţiul a permis-o, fără a modifica substanţial trama stradală. Aceasta nu este o situaţie singulară pentru Tomis; recent (2016), o altă cercetare arheologică preventivă efectuată pe strada Traian nr. 35 din Constanţa, la cca 1 km nord faţă de amplasamentul prezentat, susţine această afirmaţie.

Trama stradală, coroborată cu reparaţiile şi refacerile multiple, arată o continuitate evidentă într-o zonă ce coincide, din punct de vedere geografic, cu partea cea mai înaltă a peninsulei tomitane. Este motivul pentru care în studiul de faţă facem referire la „acropola tomitană", referindu-ne *stricto sensu* la accepţiunea termenului, fără a avea pretenţia unei delimitări topografice riguroase. Totodată, edificiile descoperite aici nu impresionează prin monumentalitate însă, judecând după starea de conservare şi elementele constructive utilizate, ca de pildă tehnica *opus mixtum*, fresca parietală şi mortarul hidrofug, putem considera că avem de-a face cu edificii de utilitate publică, plasate într-o zonă accesibilă şi străbătută de un trafic intens (fig. 2).

Rezultatele prezentate constituie un studiu preliminar al cercetării arheologice recent încheiate pe strada Arhiepiscopiei nr. 11. De aceea, păstrăm rezerve în ceea ce priveşte interpretarea stratigrafică şi cronologică. Analiza riguroasă a materialului descoperit, în special a celui ceramic şi numismatic, va oferi informaţii suplimentare mult mai detaliate. Acestea vor fi coroborate şi cu cele obţinute în urma altor cercetări arheologice preventive, efectuate în imediata vecinătate a perimetrului discutat, aflate în desfăşurare (2019). Toate informaţiile prezente şi viitoare obţinute vor face obiectul unui amplu studiu, destinat cercetărilor arheologice desfăşurate în acropola tomitană.

Mulţumiri

Mulţumim şi pe această cale doamnei Dr. Livia Buzoianu, pentru informaţiile bibliografice şi sugestiile oferite cu generozitate, în special pentru perioada arhaică şi elenistică. De asemenea, mulţumim domnului arheolog Traian Cliante, pentru generozitatea cu care ne-a împărtăşit din experienţa sa practică, în decursul derulării săpăturii arheologice.

Cercetarea s-a desfăşurat în cadrul unui grant oferit de Ministerul Cercetării şi Inovării din România – CNCS-UEFISCDI proiect numărul PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852 (în PNCDI III).

Bibliografie

Achim, Cliante 2017: I. Achim, L. Cliante, Anciennes recherches, nouvelles considérations sur la crypte repérée dans le périmètre de la rue Karl Marx à Constanţa. MCA (serie nouă) XIII, 2017, 73-88.

Barbu 1972: V. Barbu, Tomis. Oraşul poetului exilat (Bucureşti 1972).

Buzoianu, Bărbulescu 2012: L. Buzoianu, M. Bărbulescu, Tomis. Comentariu istoric şi arheologic (Constanţa 2012).

Dimitriu 1966: S. Dimitriu, Cartierul de locuinţe din zona de vest a cetăţii în epoca arhaică. In: (Ed. Em. Condurachi) Histria II (Bucureşti 1966).

Domăneanţu 2003-2005: C. Domăneanţu, Histria. Topografia ariilor sacre în epoca greacă. SCIVA 54-56, 2003-2005, 85-102.

Lungu 2000: V. Lungu, Creştinismul Scythia Minor în contextul vest-pontic (Sibiu-Constanţa 2000).

Papuc 2005: Gh. Papuc, Tomis I. Aprovizionarea cu apă a cetăţii Tomis în epoca romană şi romană târzie (Constanţa 2005).

Rădulescu, Scorpan 1975: A. Rădulescu, C. Scorpan, Rezultate preliminare ale săpăturilor arheologice din Tomis (Parcul Catedralei), 1971-1974. Pontica 8, 1975, 9-54.

Rădulescu, Lungu 1989: A. Rădulescu, V. Lungu, Le christianisme en Scythie Mineure à la lumière des dernières découvertes archéologiques. ACIAC 11/3, 1989, 2561-2615.

Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999: M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrişcu, Introducere în arheozoologie (Iaşi 1999).

Recent Archaeological Investigations on the Tomitan Acropolis (2017-2018). Preliminary Study

Keywords: Tomis, dwelling-hut, street network, edifices, *intra muros*.

Abstract: The present study aims to briefly present the results of a preventive archaeological research, recently concluded in the peninsular area of Constanţa city. As a result of the archaeological excavations carried out here, it could be noticed that the high area of the ancient Tomis had a long and prominent dwelling. The phases belonging to the archaic and classical Greek period, as well as those from the late Hellenistic, Roman and late Roman periods, were identified. The rich archaeological material, as well as the state of preservation of the uncovered edifices, shows an uninterrupted housing for more than a millennium. The study has an introductory character, proposing a preliminary presentation, which later will be developed into a wider material, in which the results of several archaeological research carried out in the area will be corroborated.

List of illustrations:

Fig. 1. General plan of the investigated perimeter.
Fig. 2. Aerial view of the investigated perimeter.
Fig. 3. Bowl (dated in the V-IV centuries a.Chr.)
Fig. 4. Dwelling-hut: Complex C32.
Fig. 5. Pottery discovered in the Dwelling-hut.
Fig. 6. *Fish-plate* discovered in the complex C27.
Fig. 7. Edifice E2, complex C10.
Fig. 8. Edifice E2, complex C12.
Fig. 9. Intersection of C10 with C12
Fig. 10. Fresco *in situ*
Fig. 11. Fragments of fresco.
Fig. 12. *Solidus* (Flavius Mauricius Tiberius Augustus, dated in the 582-586).

Последние археологические изыскания в Акрополе Томиса (2017-2018 гг.). Предварительные исследования

Ключевые слова: Томис, землянка, уличная сеть, здания, *intra muros*.

Резюме: В данной работе кратко представлены результаты предварительных археологических исследований, недавно завершенных в полуостровной зоне города Констанца. В результате проведенных здесь археологических раскопок было обнаружено, что территория возвышенности древнего Томиса была обитаема с древнейших времен. Были выявлены фазы заселения этой территории, относящиеся к архаическому и классическому периодам, а также к эллинистическому, римскому и позднеримскому периодам. Богатый археологический материал, а также состояние сохранности обнаруженных зданий свидетельствуют о непрерывности человеческого обитания здесь на протяжении более тысячелетия. Данное исследование носит вводный характер и предназначено для предварительного ознакомления с темой, которая позже будет разработана с использованием более полного материала, подтверждающего результаты нескольких проведенных здесь археологических изысканий.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Общий план исследуемой территории.
Рис. 2. Вид с воздуха на исследуемую территорию.
Рис. 3. Миска, V-IV вв. до н.э.
Рис. 4. Жилище-землянка: Комплекс C32.
Рис. 5. Керамика, обнаруженная в землянке.
Рис. 6. Блюдо для рыбы, обнаруженное в комплексе C27.
Рис. 7. Здание E2, комплекс C10.

Рис. 8. Здание E2, комплекс C12.

Рис. 9. Пересечение C10 и C12.

Рис. 10. Фреска *in situ*.

Рис. 11. Фрагменты фрески.

Рис. 12. Солид императора Флавия Маврикия Тиберия Августа, датируется 582-586 гг.

12.08.2019

Aurel Mototolea, Muzeul de Istorie Naţională şi Arheologie, Piaţa Ovidiu nr. 12, Constanţa, România, https://orcid.org/0000-0002-2196-3442, e-mail: aurelmototolea@yahoo.com.

Tiberiu Potârniche, Muzeul de Istorie Naţională şi Arheologie, Piaţa Ovidiu nr. 12, Constanţa, România, https://orcid.org/0000-0002-9692-9265, e-mail: tiberiupotarniche@gmail.com.

Dr. Simina Margareta Stanc, Facultatea de Biologie, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, b-dul Carol I nr. 20A, Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0003-2514-9779, e-mail: simina.stanc@uaic.ro.

CU PRIVIRE LA CRONOLOGIA NECROPOLEI DE EPOCĂ LATÈNE DE LA CAMMER (LKR. POTSDAM-MITTELMARK)

Vasile Iarmulschi

Cuvinte-cheie: cultura Jastorf, necropola de la Cammer, epoca preromană a fierului, cronologia relativă şi absolută.

Printre cele mai importante situri de epocă Latène din spaţiul cuprins între r. Havel şi Spree se numără şi necropola de tip Jastorf[1] de la Cammer (fig. 1). În urma a două campanii de săpături arheologice conduse de K.-H. Marschalleck au fost descoperite 91 de morminte de incineraţie şi o groapă ritualică (?) (Marschalleck 1927, 217-232). Din cele 91 de complexe funerare dezvelite, 81 reprezentau morminte în urnă, şase erau morminte cu oasele depuse direct în groapă, celelalte patru complexe funerare erau, foarte probabil, cenotafe[2] (fig. 2).

Una dintre cele mai dificile probleme ridicate de cimitirul de la Cammer este cronologia şi periodizarea acestuia[3]. De aceea, mi-am propus drept scop, în acest articol, întocmirea unei cronologii interne a necropolei şi stabilirea perioadei de funcţionare a acesteia.

Trebuie să precizăm că la Cammer din cele 91 de morminte, doar 50, ceea ce reprezintă 55% din numărul total de morminte descoperite, conţineau inventar. Acesta este reprezentat prin mai mult de 40 de fibule, 17 paftale, nouă cercei, şase mărgele, două „ace de păr", un colier de bronz, un vârf şi un călcâi de lance (Marschalleck 1927, 232-247). Respectiv, putem afirma că există suficiente date pentru realizarea unei periodizări cronologice a acestui sit.

Fig. 1. Distribuţia necropolelor de tip Jastorf (pătrat – amplasarea cimitirului de la Cammer) (după Brandt 2001 cu modificări).

De menţionat că pentru întocmirea diagramei incidenţii seriilor tipologie de obiecte descoperite în morminte am utilizat programul PAleontological Statistics (PAST), elaborat de Ø. Hammer,

[1] De precizat că în cazul culturii Jastorf este utilizat conceptul de „grupuri regionale" (Steuer 2007, 258-260; Brather 2014, 22; Nikulka 2014, 49-56; Meyer, Łuczkiewicz, Rauchfuß 2017, 9; Rauchfuß 2018). La baza delimitării acestor grupe s-a avut în vedere, în primul rând, ritualurile funerare, obiceiurile de port şi ceramica.

[2] Deşi în text este menţionat faptul că în patru urne nu s-au găsit oase calcinate (Marschalleck 1927, 228), cu regret, nu sunt indicate numerele acestor complexe funerare (Marschalleck 1927, 228-230).

[3] Menţionăm că autorul săpăturilor, fără a întocmi o înseriere cu prezenţa seriilor tipologice de obiecte descoperite în morminte, a datat respectiva necropolă între mijlocul sec. III şi a doua jumătate a sec. I a. Chr., mai exact, „puţin înainte de epoca romană timpurie" (Marschalleck 1927, 248). La rândul său, R. Hachmann, în baza incidenţilor seriilor tipologice a delimitat patru faze de evoluţie a necropolei (Hachmann 1960, 92-97, Abb. 31). Conform aceluiaşi autor, situl respectiv a funcţionat între LT B2 şi LT D1 (Hachmann 1960, 95-97). K. Peschel a reuşit să separe trei etape de înmormântări, datând situl în LT B2 şi LT D1 (Peschel 1971, 33).

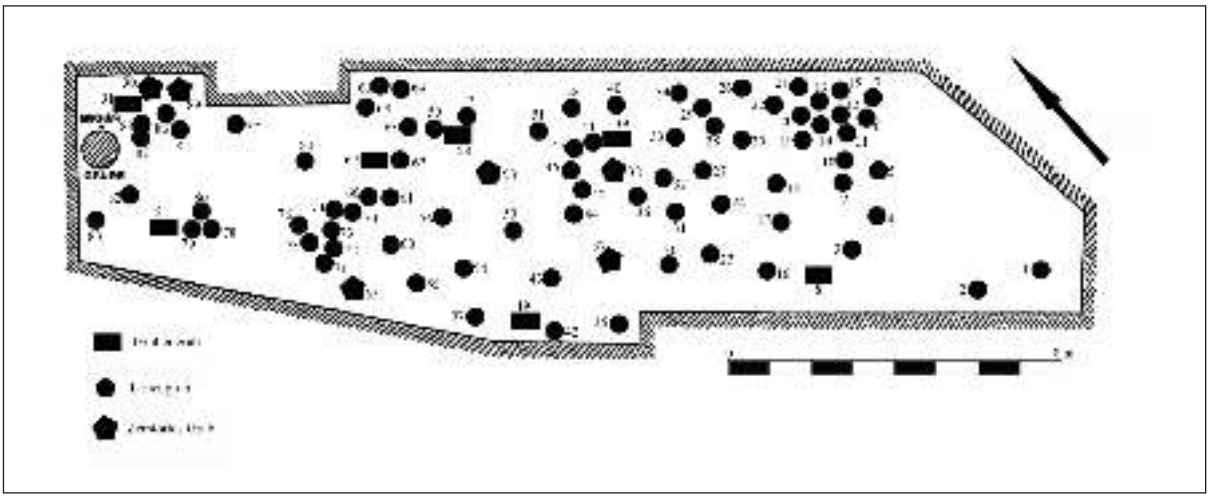


Fig. 2. Planul necropolei de la Cammer (după Marschalleck 1927 cu modificări).

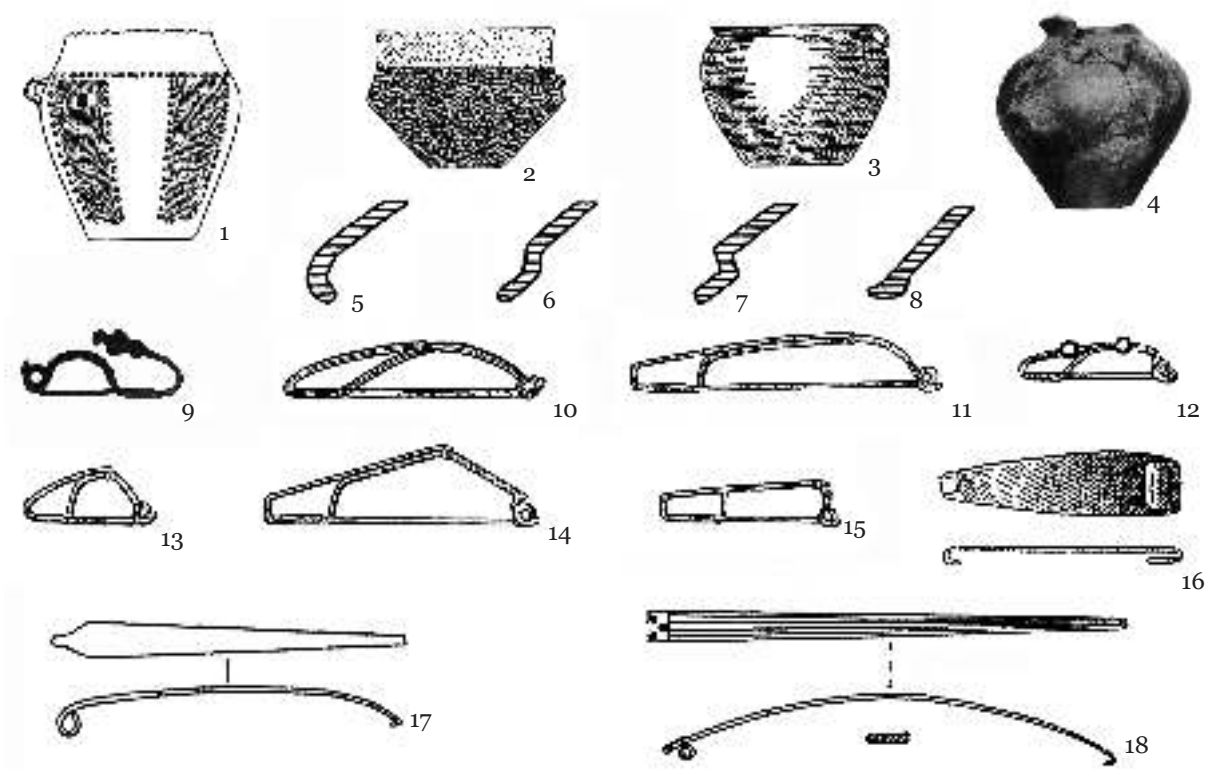


Fig. 3. Cammer. Tipuri de inventar selectate la înseriere (1-18 - după Marschalleck 1927).

D. Harper şi P. Ryan[4]. Aşa cum s-a mai precizat în literatura de specialitate (Jensen, Nilsen 1997; Meyer 2008; Măndescu 2010), la stabilirea tipurilor de obiecte participante în analiza de corespondenţă trebuie respectate două condiţii esenţiale: 1. prezumptivul tip să fie prezent în cel puţin două complexe; 2. prezumptivul tip să beneficieze de asocierea cu cel puţin încă unul din tipurile de obiecte utilizate în analiza combinatorie. Precizăm, că pentru a „salva" unele tipuri de obiecte în vederea utilizării acestora în analiza de corespondenţă, în unele cazuri am recurs la unificarea variantelor aceleiaşi forme (în special este vorba de fibule).

[4] http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm

Astfel, în diagrama combinatorie am inclus 31 de morminte (fig. 4), ceea ce reprezintă 34,06% din numărul de morminte descoperite – M. 1, M. 3, M. 4, M. 9, M. 10, M. 12, M. 14, M. 15, M. 17, M. 18, M. 19, M. 20, M. 23, M. 33, M. 36, M. 39, M. 40, M. 41, M. 43, M. 45, M. 47, M. 48, M. 59, M. 60, M. 69, M. 71, M. 72, M. 74, M. 75, M. 80 şi M. 83 – şi 18 serii tipologice de obiecte[5]: oale tip 1; oale tip 6, oale tip 8, castroane, străchini tip 1, străchini tip 2, străchini tip 7, străchini tip 8, fibule de schemă Latène timpurie, fibule varianta Kostrzewski A, fibule varianta Kostrzewski B, fibule cu sfere pe arc, fibule varianta Kostrzewski G/H – Beltz J, fibule varianta Kostrzewski F, aşa-numitele Stufenfibeln, paftale de tip 1, paftale tip 2, paftale tip 3 (fig. 3).

După cum s-a menţionat în literatura de specialitate (Şovan 2005, 181) succesiunea incidenţilor seriilor tipologice de obiecte din diagrama combinatorie indică, de la stânga la dreapta, desfăşurarea în timp a acestora, începând de la primele serii de tipuri. La rândul său, fiecare serie tipologică de obiecte luată pe verticală indică perioada în care membrii comunităţii respective au folosit aceste obiecte.

În urma înserierii, având în vedere asocierea pieselor de inventar descoperite în mormintele introduse în diagrama combinatorie, am delimitat trei grupe principale de morminte, care, potrivit opiniei noastre, corespund cu trei faze de înmormântări[6]. Prima grupă cuprinde şase complexe funerare; cea de a II-a este reprezentată în diagrama combinatorie prin 15 morminte (9 complexe – subfaza IIA; 6 morminte – subfaza IIB), în sfârşit, a III-a grupă cuprinde 10 morminte (fig. 4).

Pentru prima grupă (I), care cuprinde mormintele dintr-o fază mai veche, sunt caracteristice următoarele tipuri de obiecte – oale ovoidale cu buza dreaptă sau uşor evazată (tip I), străchini de tip 1, paftale de tip 1 (*Zungengürtelhaken*) şi fibule de schemă Latène timpurie (fig. 4).

Grupei a doua de morminte (subfaza IIA) îi sunt caracteristice fibulele varianta Kostrzewski A. De asemenea, în aceasta perioada continuă a fi utilizate paftalele de tip 1 şi încep a fi „purtate" fibulele cu sfere pe arc, agrafele apropiate variantei Kostrzewski B şi aşa-numitele Stufenfibeln (fig. 4).

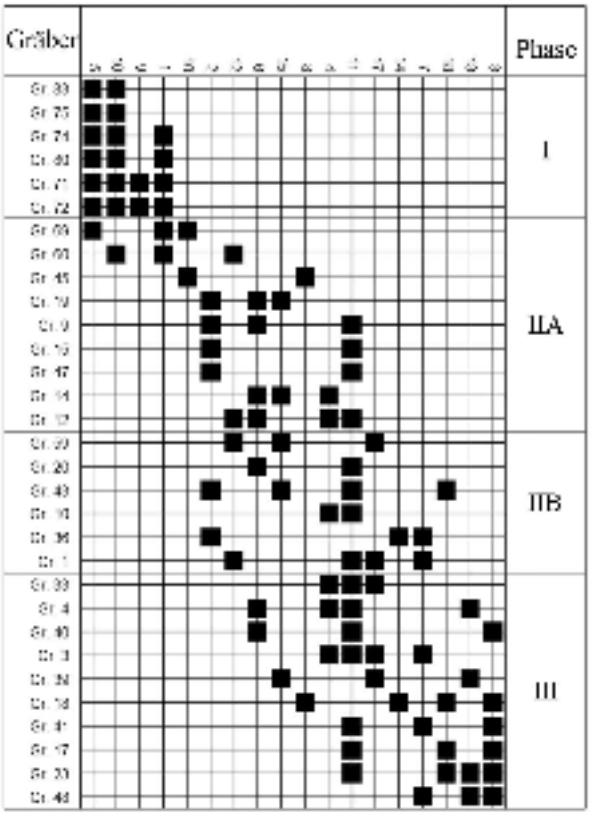


Fig. 4. Cammer. Înserierea mormintelor ce conţin tipurile de inventar.

Pentru mormintele incluse în subfaza IIB sunt caracteristice paftalele de tip 2 (*Bandgürtelhaken mit eingerolltem Ansatzende*). În această fază continuă a fi utilizate fibule cu sfere pe arc, fibulele apropiate variantei Kostrzewski B, aşa-numitele Stufenfibeln şi castroanele din pastă grosieră. De asemenea, în perioada respectivă încep a fi utilizate fibule apropiate variantei Kostrzewski F, paftale de tip 3 şi străchinile de tip 3 (fig. 4).

Pentru ultima grupă de morminte (III) tipice sunt fibulele apropiate variantei Kostrzewski G/H şi castroanele din pastă fină. În aceeaşi fază continuă a fi utilizate fibulele apropiate variantelor Kostrzewski B şi Kostrzewski F, paftale de tip 2 şi 3, precum şi străchinile de tip 3 (fig. 4).

În afară de mormintele încadrate în analiza de corespondenţă, alte 15 morminte pot fi datate cu mai multă sau mai puţină precizie. Astfel, M. 72 (fibulă de schemă Latène timpurie, pafta de tip 1 şi „ac de păr"), M. 78 (doi cercei de bronz), M. 82 (fibulă de schemă Latène timpurie, pafta de tip 1 şi şase cercei de bronz) şi 84 (pafta tip 1) se datează în faza I de evoluţie a cimitirului (fig. 5/1-4).

[5] Consemnăm că am urmat, în mare parte, tipologia elaborată de R. Hachmann (1960, 92-97).

[6] De precizat că cea de-a doua grupă de morminte a fost divizată în două subgrupe.

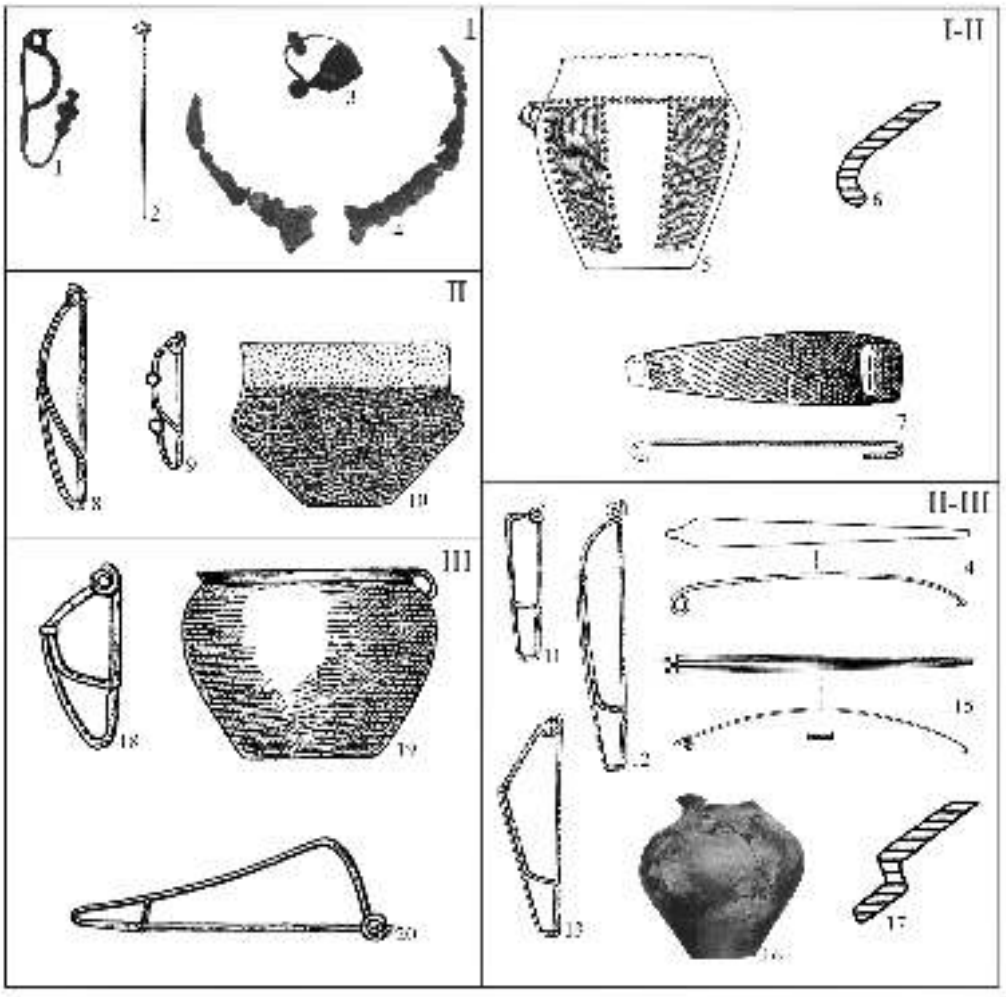


Fig. 5. Cammer. Repartizarea cronologică a elementelor de datare (1-20 - după Marschalleck 1927).

Subfazei IIA îi aparţine şi M. 91 în care a fost descoperită o fibulă apropiată variantei Kostrzewski A. Amintim că în situl respectiv astfel de agrafe sunt caracteristice acestei subfaze (fig. 4). Mormintele 7, 61 şi 70, în care s-au găsit fibule cu sfere pe arc, pot fi datate pe larg în faza a doua de evoluţie a necropolei de la Cammer (fig. 4).

Mormântul 24 (fibulă Kostrzewski F), M. 25 (fibulă Kostrzewski G/H) şi M. 30 (fibulă Kostrzewski K)[7] trebuie datate în faza finală de evoluţie a acestui cimitir.

În sfârşit, M. 11, M. 26 (în ambele fiind descoperite câte o Stufenfibel), M. 54 şi M. 63 (ambele având în inventar câte o fibulă Kostzewski B) pot fi datate pe larg în fazele II-III de funcţionare a sitului.

Cât priveşte dispunerea celor două grupe de morminte în planul cimitirului, precizăm că acestea ocupă zone distincte. Astfel, mormintele din grupa I – cele care reprezintă faza veche de înmormântări – sunt grupate în partea sud-vestică a necropolei (fig. 6).

Mormintele din grupa IIA se grupează în zona centrală şi nord-estică a cimitirului. În aceeaşi zonă se regăsesc răspândite mormintele din grupa IIB (fig. 6).

Referitor la mormintele din faza a III-a, consemnăm că acestea se grupează în zona sud-estică şi centrală a necropolei (fig. 6).

Prin urmare, cele trei grupe principale de morminte cuprind zone distincte de înmormântări, care, din punctul de vedere al spaţiului, evoluează din

[7] Agrafa descoperită în M. 30 este unica de acest fel la Cammer (Marschalleck 1927, 243). De precizat că piesa respectivă face parte din varianta K1a în tipologia lui Th. Völling (2005, 104-110). În mediul culturii Jastorf asemenea fibule sunt datate, de regulă, în LT D1 (Brandt 2001, 90; Meyer 2001, 172-173; Bockius, Łuczkiewicz 2004, 42).

Fig. 6. Cammer. Cartarea fazelor necropolei.

sectorul sud-vestic către centrul şi zona sud-estică a sitului. Această distribuţie a mormintelor confirmă evoluţia în timp a combinaţiilor dintre seriile tipologice cuprinse în diagrama combinatorie. Respectiv se certifică că aceste grupe de morminte reprezintă, în realitate, trei faze de înmormântări.

Cu regret, tabloul generat de diagrama combinatorie şi de „stratigrafia orizontală" nu este confirmat şi de datele „stratigrafiei verticale", întrucât niciunul din cele două complexe implicate în suprapunere (M. 87 şi M. 88) (fig. 2) nu au putut fi integrate în analiza de corespondenţă.

După ce am stabilit etapele de înmormântare în necropola de la Cammer, considerăm oportun să facem câteva observaţii suplimentare referitoare la cronologia unor piese ce nu au fost incluse în analiza de corespondenţă.

Printre piesele timpurii din cimitirul de la Cammer se numără şi aşa-numitele Segelohringe. Astfel de podoabe au fost descoperite în M. 78 şi 82 (5/3). Amintim că în M. 82 s-au mai găsit o pafta de tip 1 şi o fibulă de schemă Latène timpurie, piese ce sunt caracteristice primei faze de evoluţie a necropolei. Aserţiunea noastă este probată şi prin descoperirile din necropola de la Geltow-Wildpark, unde asemenea piese marchează faza veche de evoluţie a cimitirului (Seyer 1969, 148).

Din această perioadă datează şi „acele de păr", piese ce au apărut în M. 72 şi M. 83 – morminte plasate cronologic în faza I-a de evoluţie a necropolei de la Cammer (fig. 5/2).

Printre piesele timpurii din respectivul cimitir se numără şi colierul de bronz (tip L 2 după Voigt) (Voigt 1968, 28-31) descoperit în M. 74 (Marschalleck 1927, 226, Taf. 36) (fig. 5/4) – complex funerar fixat cronologic în prima fază de evoluţie a sitului (fig. 4). În sprijinul opiniei noastre vine şi descoperirea făcută la Ehrenburg-Harmhausen, unde asemenea piesă a apărut într-un mormânt datat în perioada de trecere de la faza veche la etapa recentă a epocii preromane a fierului (Nortmann 1983, 64; Brandt 2001, 94).

În diagrama combinatorie n-au putut fi incluse nici cele şase mărgele descoperite în M. 82, care, după cum menţionam, în baza fibulei de schemă Latène timpurie şi a paftalei de tip 1 (*Zungegürtelhaken*) trebuie datat în faza I-a a necropolei.

La sfârşitul subfazei IIA datăm şi cârligul de centură de tip 4 (*Stabgürtelhaken mit rhombischen Querschnitt*) descoperit în M. 12 (Marschalleck 1927, 246, Abb. 14/6), complex funerar fixat cronologic în această etapă de funcţionare a necropolei (fig. 4)

Printre piesele din faza mai târzie a sitului se numără şi vârful de lance găsit în M. 20 (Marschalleck 1927, Abb. 14/8)[8]. Amintim că în baza asocierii pieselor de inventar, respectivul complex funerar a fost datat în subfaza IIB (fig. 4).

[8] De menţionat că în tipologia elaborată de P. Łuczkiewicz asemenea piese constituie tipul M3 (Łuczkiewicz 2006, 127-128; ryc. 44/5). Conform aceluiaşi autor, astfel de vârfuri de lance în mediul culturii Przeworsk se datează în sec. I a. Chr. (Łuczkiewicz 2006, tab. 13).

Cât priveşte fibula apropiată variantei Kostrzewski K descoperită în M. 30 (fig. 5/20), aceasta, având în vedere datarea unor astfel de agrafe în mediul culturii Jastorf (Brandt 2001, 90; Meyer 2001, 172-173), trebuie plasată cronologic în etapa a III-a de funcţionare a necropolei.

Luând în consideraţie elementele enunţate, presupunem că cimitirul de la Cammer a cunoscut trei faze principale de înmormântare, cea de a doua etapă cunoscând, foarte probabil, două subfaze (fig. 4).

***

Pentru propunerea unei cronologii absolute putem utiliza atât indiciile cronologice oferite de unele tipuri incluse în analiza combinatorie, cât şi piesele cu relevanţă cronologică din inventarul mormintelor de la Cammer care nu au putut fi incluse la înseriere.

Pentru faza veche a necropolei, fibula de schemă Latène timpurie (*Frühlatène Fibel mit Vasenfuß*) (fig. 5/1), reprezintă tipul definitoriu. În nordul şi centrul Germaniei, asemenea accesorii se datează, de regulă, în LT B2b-LT C1a (Brandt 2001, 73). Relevantă pentru datarea primei faze de funcţionare a cimitirului este şi cârligul de centură de tip 1 (*Zungegürtelhaken*) (fig. 5/7). Astfel de piese sunt caracteristice pentru faza II-a a epocii preromane a fierului în regiunea Brandenburg în cronologia lui H. Seyer (1982, 16-22), ceea ce ar corespunde LT B2b-LT C1. Prin urmare, având în vedere încadrarea cronologică a acestor accesorii vestimentare, credem că nu greşim dacă datăm prima faza de funcţionare a sitului între anii 260/250-220/210 a. Chr.

Tipul director al subfazei IIA este fibula apropiată variantei Kostrzewski A (fig. 5/8). După cum precizam, în mediul culturii Jastorf asemenea agrafe marchează începuturile epocii preromane recente a fierului (Hachmann 1960, 100; Müller 1985, 38, Abb. 13; Brandt 2001, 78), ceea ce corespunde perioadei cuprinse între ultimul sfert al sec. III şi primul sfert al sec. II a. Chr. Având în vedere cele menţionate, fixăm subfaza IIA în aceleaşi limite cronologice.

Pentru stabilirea cronologiei absolute a subfazei IIB, avem în vedere, în primul rând, fibulele cu sfere pe arc[9] şi aşa-numitele Stufenfibeln. De menţionat, că majoritatea fibulelor cu sfere de pe arc descoperite în Brandenburg au fost datate de A. Bieger în LT C1b-LT C2 (Bieger 2003, 80-81), ceea ce în date absolute ar corespunde sfârşitului sec. III - mijlocului sec. II a. Chr. Fazei LT C2 îi sunt caracteristice şi aşa-numitele Stufenfibeln (Brandt 2001, 90). Luând în consideraţie datele nuanţate, plasăm subfaza IIB între anii 180/170-150/140 a. Chr.

Tipul director pentru faza a III-a de funcţionare a cimitirului sunt fibulele apropiate variantei Kostrzewski G/H şi paftalele de tip 3 (*Bandgürtelhaken mit angenieteter Öse*). Consemnăm că fibulele variantei Kostrzewski G/H sunt tipice fazei LT D1 (Brandt 2001, 82-83; Döhlert-Albani 2014, Abb. 8). În aceeaşi perioadă sunt datate şi paftalele de tip 3 (Peschel 1971, 26-27). Având în vedere datarea acestor piese, considerăm că faza a III-a a necropolei de la Cammer trebuie fixată între cel de-al treilea sfert al sec. II şi primele două-trei decenii ale sec. I a. Chr.

Raportarea celor trei faze de evoluţie a sitului la cronologia epocii preromane a fierului din regiunea Brandenburg nu este greu de realizat. Astfel cele mai vechi morminte le sincronizăm cu faza II-a a epocii preromane a fierului din Brandenburg. Mai exact, într-o fază mai târzie a acestei perioade. Tipul definitoriu al fazei a II-a de evoluţie a necropolei de la Cammer este fibula apropiată variantei Kostrzewski A, agrafe ce sunt caracteristice sfârşitului fazei II-a şi mijlocului subfazei II b1 a epocii preromane din aceeaşi regiune. În sfârşit, ultima etapă de funcţionare a respectivului sit, în baza fibulelor de tip Kostrzewski G/H şi Kostrzewski K, o sincronizăm cu mijlocul/sfârşitul subfazei IIb1 şi începuturile subfazei IIb2 după H. Seyer (Sezer 1982, 16-22, Abb. 2).

Cât priveşte raportarea celor trei etape de evoluţie a necropolei de la Cammer la cronologia epocii Latène, prima fază o sincronizăm cu subfaza LTB 2b/LT C1a, cea de a doua etapă o raportăm la LT C1b/LT C2, iar ultima o sincronizăm cu LT D1a/LTD1b, eventual, începutul LT D2a a culturii celtice din centrul Europei după J. Waldhauser (Waldhauser 1987) şi S. Rieckhoff (Rieckhoff 1995).

Luând în consideraţie toate datele enunţate, putem afirma că pentru cimitirul de la Cammer, unul din cele mai importante situri de epocă Latène în regiunea cuprinsă între r. Havel şi Spree, se pot

[9] Precizăm că în cimitirul de la Cammer asemenea agrafe încep a fi utilizate încă în subfaza IIA.

distinge trei faze de înmormântări[10]. Necropola respectivă a funcţionat între cel de-al doilea sfert/mijlocul sec. III şi primele decenii ale sec. I a. Chr.

De menţionat că sfârşitul fazei vechi a necropolei de la Cammer, respectiv a doua jumătate a sec. III a. Chr., coincide cronologic cu multiplele transformări de ordin social-economic şi, foarte probabil, etno-cultural ce au avut loc, aproape concomitent, în Europa Central-Nordică şi de Sud-Est. Aceste schimbări au dus la apariţia unor şir de culturi arheologice asemănătoare între ele – Jastorf (fazele Ripdorf şi Seedorf), Oksywie, Przeworsk, Poieneşti-Lucaşeuca şi Zarubinec (Dąbrowska 1988; Babeş 1993; Kual, Martens 1995; Munteanu 2004; Iarmulschi 2016; Meyer, Łuczkiewicz, Rauchfuß 2017; Michałowski, Teska 2017; Iarmulschi 2018). Asemănările se manifestă printr-un şir de elemente ale culturii materiale dar, în special, prin ceramica fină de culoare neagră cu buza faţetată, unele piese de port (fibule, paftale etc.) cât şi ritul funerar – incineraţia. Multiplele aspecte legate de aceste grupuri culturale, cum ar fi, spre exemplu – originea şi cronologia lor, structura socială a acestor comunităţi umane – urmează a fi analizate de autorul acestui articol într-un studiu separat.

Bibliografie

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30 (Bonn 1993).

Bieger 2003: A. Bieger, Kugelfibeln: eine typologisch-chronologische Untersuchung zu den Varianten F, N und O von Beltz. Universitätforschungen zur prähistorischen Archäologie 29 (Bonn 2003).

Böckius, Łuczkiewicz 2004: R. Böckius P. Łuczkiewicz, Kelten und Germanen im 2.-1 Jahrhundert vor Christus (Mainz 2004).

Brandt 2001: J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Intern. Arch. 66 (Rahden/Westf 2001).

Brather 2014: S. Brather, Archäologische Kultur und historische Interpretation. Zwischen Raumklassifikation und Raumanalyse. In: (Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß) Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa (Hamburg 2014), 19-34.

Dąbrowska 1988: T. Dąbrowska, Wczesne fazy kultury Przeworskiej (Krakow 1988).

Döhlert-Albani 2014: N. Döhlert-Albani, Zum Ende der Jastorf-Kultur – Der späte Abschnitt der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und Übergand zur frühen römischen Kaiserzeit. In: (Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß) Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa (Hamburg 2014), 223-244.

Hachmann 1960: R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien. Bericht RGK 41, 1960, 1-276.

Jensen, Nielsen 1997: C.K. Jensen, K.H. Nielsen, Burial Data and Correspondence Analysis. In: (Eds. C.K. Jensen, K.H. Nielsen) Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Arcaheological Burial Data (Aarhus 1997), 29-61.

Iarmulschi 2016: V. Iarmulschi, A few consideration regarding the chronology of the Poieneşti-Lucaşeuca culture. PZ 91/2, 2016, 471-494.

Iarmulschi 2018: V. Iarmulschi, Cronologia şi periodizarea aşezărilor culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Tyragetia s.n. XXVII/1, 2018, 29-39.

Kaul, Martens 1996: F. Kaul. J. Martens, Southeast European influences in the early Iron Age of southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. Acta Archaelogica 66, 1996, 113- 161.

Łuczkiewicz 2006: P. Łuczkiewicz, Uzobrojenie ludności ziem Polski w młodzym okresie przedrzymskim. Archaelogie Militaria II (Lublin 2006).

Marschalleck 1927: K.H. Marschalleck, Das Latènegraberfeld von Cammer (Kreis Zauch-Belzig). PZ 18/4, 1927, 212-249.

Măndescu 2010: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Meyer 2001: M. Meyer, Regionale Ausprägungen der Fibel Var. K nach Kostrzewski. In: (Hrsg. M. Meyer) Trans Albim Fluvium. Festschr. Achim Leube. Stud. Honoraria 10 (Rahden/Westf. 2001), 161-175.

[10] Menţionăm că şi reputatul arheolog german K. Peschel a delimitat trei faze de funcţionare a acestui sit (Peschel 1971, 32-33).

Meyer 2008: M. Meyer, Mardorf 23, Lkr. Marburg-Biedenkopf. Archäologische Studien zur Besiedlung des deutschen Mittegebirgsraumes in den Jahrhunderten um Christi Geburt. Berliner Archäologische Forschungen 5 (Rahden/West. 2008).

Meyer, Łuczkiewicz, Rauchfuß 2017: M. Meyer, P. Łuczkiewicz, B. Rauchfuß, Einleitung – „Eisenzeitliche Siedlungskeramik der Przeworsk-Kultur": Internationaler Workshop, 24.-27.10.2013, Berlin. In: (Hrsg. M. Meyer, P. Łuczkiewicz, B. Rauchfuß) Eisenzeitliche Siedlungskeramik der Przeworsk-Kultur. Berlin Studies of the Ancient World 50 (Berlin 2017), 9-14.

Michałowski, Teska 2017: A. Michałowski, M. Teska, Formation of the younger Pre-Roman Iron Age cultural model in Wielkopolska. Plural 5/2, 2017, 75-100.

Munteanu 2004: O. Munteanu, Lanţul slăbiciunilor sau unde au dispărut geţii. In: (Eds. T. Arnăut, O. Munteanu, S. Musteaţă) Studia in honorem Gheorghe Postică. Studii de istorie veche şi medievală (Chişinău 2004), 141-152.

Nikulka 2014: F. Nikulka, Zur Regionalisierung der Jastorfkultur: Theoretische und methodische Grundlagen. In: (Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß) Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa (Hamburg 2014), 49-56.

Nortmann 1983: H. Nortmann, Die vorrömische Eisenzeit zwischen unter Weser und Ems. Ammerlandstud. I (Mainz 1983).

Peschel 1971: K. Peschel, Ein Gräberfeld der jüngeren Latènezeit in Vehlow, Kr. Kyritz, Veröff. des Museum für Ur- und Frügesch. Potsdam 6, 1971, 5-36.

Rauchfuß 2018: B. Rauchfuß, 80 Jahre „Jastorfgruppen" – Ein Zwischenbericht. In: (Hrsg. A. Michałowski, J. Schuster), Kulturkonzepte und konzipierte Kulturen. Aussagemöglichkeiten und Grenzen einer systematischen Erfassung archäologischer Funde des eisenzeitlichen Mittel- und Nordeuropas (Frankfurt am Main 2018), 51-66.

Rieckhoff 1995: S. Rieckhoff, Süddeutschland im Spannungsfeld von Kelten, Germanen und Römern. Studien zur Chronologie der Spätlatènezeit im südlichen Mitteleuropa. Trierer Zeitschr. Beih. 19 (Trier 1995).

Seyer 1969: H. Seyer, Das Brandgräberfeld der vorrömischen Eisenzeit von Geltow-Wildpark im Potsdamer Havelland, Veröff. Mus. Ur- und Frühgesch. Potsdam 5, 1969, 118-158.

Seyer 1982: H. Seyer, Siedlung und archäologische Kultur der Germanen im Havel-Spree-Gebiet in den Jahrhunderten vor Beginn u. Z. Schriften zur Ur- und Frühgeschichten 34 (Berlin 1982).

Şovan 2005: O.L. Şovan, Necropola de tip Sântana de Mureş-Černajachov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani) (Suceava 2005).

Steuer 2007: H. Steuer, Kulturgruppen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit zwischen Keltiké und dem südlichen Skandinavien. In: (Hrsg. S. Möllers, W. Schülter, S. Sievers) Keltische Einflüsse im nördlichen Mitteleuropa während der mittleren und jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Akten des Internationalen Kolloquims in Osnabrück vom 29. März bis 1. April 2006 (Bonn 2007), 255-264.

Voigt 1968: T. Voigt, Latènezeitliche Halsringe mit Schälchenenden zwischen Weser und Oder. Mitteldt. Vorgesch. 52, 1968, 143-232.

Völling 2005: Th. Völling, Germanien an der Zeitwende. Studien zum Kulturwandel beim Übergang von der vorrömischen Eisenzeit zur älteren römischen Kaiserzeit in der Germania Magna. BAR 1360 (Oxford 2005).

Waldhauser 1987: J. Waldhauser, Keltische Gräberfelder in Böhmen. Dobrá Voda und Letky sowie Radovesice, Stránce und Tuchomyšl. Bericht RGK 68, 1987, 25-179.

On the chronology of the La Tène cemetery at Cammer (Lkr. Potsdam-Mittelmark)

Keywords: Jastorf culture, cemetery at Cammer, Pre-Roman Iron Age, relative and absolute chronology.

Abstract: The author analyses herein the relative and absolute chronology of the Jastorf type cemetery of Cammer. Based on the study of archaeological finds, three evolution stages of the cemetery were delimited. It was established that respective stages are synchronized with LT B2b/LTC1a, LT C1b/LT C2 and LT D1 or stages IIa and IIb of the Pre-Roman Iron Age in Brandenburg, which corresponds in absolute data to the second quarter of the 3rd century and first decades of the 1st century BC.

List of Illustrations:

Fig. 1. Distribution of the Jastorf type cemeteries (the square marks the location of the cemetery at Cammer) (by Brandt 2001 with corrections).

Fig. 2. Plan of the cemetery at Cammer (by Marschalleck 1927 with corrections).

Fig. 3. Cammer. Types of grave goods distributed by series (1-18 - by Marschalleck 1927).

Fig. 4. Cammer. Series of burials containing the types of grave goods.
Fig. 5. Cammer. Chronological distribution of dating elements (1-20 - by Marschalleck 1927).
Fig. 6. Cammer. Mapping of stages of the cemetery evolution.

О хронологии могильника эпохи Латена в Каммере (Потсдам-Миттельмарк)

Ключевые слова: ясторфская культура, могильник в Каммере, доримский железный век, относительная и абсолютная хронология.

Резюме: В статье анализируется относительная и абсолютная хронология могильника ясторфской культуры в Каммере. На основе изучения комплексов археологических находок были выявлены три фазы эволюции могильника. Было установлено, что соответствующие этапы синхронизированы с LT B2b / LTC1a, LT C1b / LT C2 и LT D1 или с фазами IIa и IIb доримского железного века Бранденбурга, что по абсолютным данным соответствует второй четверти III века и первым десятилетиям I века до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение могильников ястрофского типа (квадратом отмечено расположение каммерского могильника) (Brandt 2001 с исправлениями).
Рис. 2. План каммерского могильника (Marschalleck 1927 с исправлениями).
Рис. 3. Каммер. Типы инвентаря, распределенные по сериям (1-18 - Marschalleck 1927).
Рис. 4. Каммер. Серии захоронений, содержащих типы инвентаря.
Рис. 5. Каммер. Хронологическое распределение датирующих элементов (1-20 - Marschalleck 1927).
Рис. 6. Каммер. Картирование фаз эволюции могильника.

12.06.2019

Dr. Vasile Iarmulschi, Freie Universität Berlin, Institut für Prähistorische Archäologie, Fabeckstr. 23-25, Berlin, Germania / Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9013-1973, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

ROMAN BRONZES AND DOOR KNOCKERS FROM THE BLACK SEA CITIES OF CENTRAL ANATOLIA. AN ETHNOGRAPHIC ÉTUDE[1]

Boris A. Raev

Keywords: Turkey, Modern Age, metal work, door knockers, bronze basins, Roman imports.

The use of ethnographic evidence for archaeological reconstructions, or for interpretation of objects obsolete and obscure to contemporaries, is the widely applied practice (Клейн 2013, кн. 2, 73-74). Meanwhile, a reverse process, when ethnographers use archeological data, is also possible, though this happens relatively rarely. Such a case we are describing below.

In spring of 2018, browsing through a journal of the Fine Arts Institute at Ataturk University in Erzurum, I saw an article about the door knockers that could be seen on certain entrance doors of some common houses in old quarters of provincial cities in the northern part of central Anatolia (Yeni, Çetin 2016, 278-298). The author of the article described several types of the door knockers, and my attention attracted one type, which happened to be the most representative one. The door knockers of this type are cast of bronze, their striking part is a hanging ring made of the circular-sectioned rod. The central part of the ring is reinforced with several, often with three both functional and decorative elements. The rings rotate freely in the grooves of the thickened lower part of the open-work plate in the form of a palmette. Below, under the central part, attached is a small open-work plate that should be stroked in order to call the hosts (fig. 1; 2/1, 2).

The door knockers described in the article are almost exact copies of attachments for movable handles on the bronze basins of the 1st century AD (fig. 2, 3). After H.J. Eggers published in 1951 his comprehensive work, this type of the bronze ware becomes known as "basins Eggers 92", or "type Poggendorf" (Eggers 1951, 45-46, 168, Beil. 35, Karte 30). The Turkish craftsmen borrowed from the ancient handle not only construction and general outline of the object but details of its design as well. All door knockers preserved the number of rosette petals, sleeve shape, and others; the change touched the sleeve design. Out of all handles published by Ö. Yeni and Y. Çetin, only several of them have the sleeve decorated with three rolls, one in the center and two along the edges (fig. 1/5; 2/1); the rest of sleeves are ornated with a row of parallel rolls run along their entire length (fig. 1/1-4, 6; 2/2). Also, the profile typical for the basin handles has been changed toward simplification: sections became either circled (fig. 1/1, 4-6), or sub-square with rounded corners (fig. 1/2, 3; 2/1, 2).

Could the Turkish craftsmen posses the real, authentic handles from ancient basins as samples for the door knockers? Let's try to discuss briefly several finds of basins Eggers 92 and their chronology. Usually, such basins include in the same group with basins Eggers 91, where attachments for the handles differ due to the absence of the palmette on them; this feature excludes the latter type as a possible prototype of the door knockers.

Out of 17 finds in H.J. Eggers' catalog, 15 belong to the basins 92 (Eggers 1951, 168, Beil. 35), and the main region where similar vessels were found are the Rhine provinces of the Roman Empire and Germania libera. J. Werner, whose study was published three years later, lists more, 22 finds, and the area of the basins' distribution includes one more province, Dacia (Werner 1954, 70-71, Liste H, Karte 2). Presently, the number of handles have been increased by several more objects (Cf.: Sedlmayer 1999, 55, Abb. 8; Sueur 2018, 109-110, fig. 74) but their geographical span has not changed (Sedlmayer 1999, 60, Karte 7). For some unknown reason, no H. Sedlmayer or Q. Sueur

[1] The work was supported by the program of fundamental scientific research of state academies of sciences for 2013-2020 as part of the basic research topic "Study of intercultural interactions of the population of the Lower Don from ancient times to modern times" No. 01201354248.

Fig. 1. 1-6 - Turkish door knockers (photo; after Yeni, Çetin 2016, 290, photo 1-4; 291, photo 5, 8).

considered two the most eastern finds, Kurdzhipskaja and Andreevka, mentioned by I. Lindeberg back to 1973 (Lindeberg 1973, 9); though, it should be said that both handles were assigned to the type Eggers 92 erroneously.

An attachment for the basin handle from Kurdzhipskaja has the completely different sleeve's shape, it is decorated with an embossed plaque depicting a mythological scene, and dates to the 4th century AD (Галанина 1969, 103, рис. 1, 2). The basin from a destroyed grave in Andreevka has a solid cast attachment without a palmette (Степанов 1980, 42, рис. 11), and in V.V. Kropotkin's catalogue that was referenced by Inga Lindeberg, the basin is correctly assigned to basins Eggers 91 (Кропоткин 1970, 93-94, кат. 807, рис. 56/6, 7; 66/1-3).

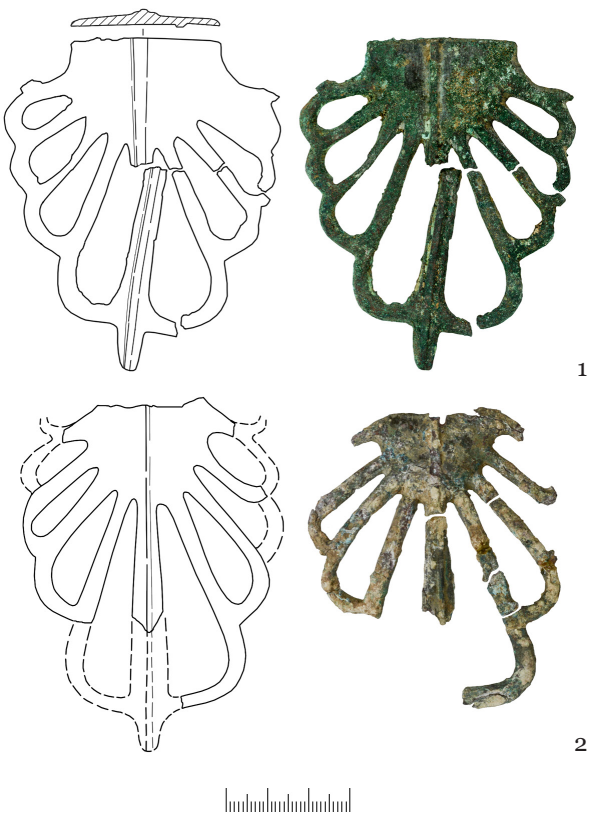
The Eastern European finds belonged to basins Eggers 92 were discovered only in the last decades. An open-work attachment for a basin handle was found in the robbed grave 1, kurgan 1 of the Oktiabrskiy burial ground (Мордвинцева, Мыськов 1999, 179, 181, рис. 2/1; 187-188). This attachment is the only example of a similar handle cast out of silver, not bronze that is known to me. Another new find came from grave 1, kurgan 4, the Verbovskiy II burial ground. The preserved pieces of the basin included its walls with rim, foot-rim, and the open-work palmette from one handle (Мамонтов 2008, 171, рис. 5/3; 6/15).

1 2 3

Fig. 2. 1, 2 - Turkish door knockers (photo; after Yeni, Çetin 2016, 291, photo 6, 7); 3 - Lalendorf (after Keiling 1977, 136, Abb. 11).

Even with a quick look at the handles, it is noticeable that handle attachments of basins Eggers 92 differ in proportions. The ratio of the attachment height to its width for five objects that were available for measurement is 1.15-1.3 (Mainz, Dobřichov-Pičhora, Titelberg, Kempten, Verbovsky), while the other three – 0.8-0.85 (Lalendorf, Poggendorf, Fontilet). In this article, I did not set myself a goal to analyze in detail basins Eggers 92, however, such a study, combined with data of spectral analysis of alloys, seems rather necessary. It could indicate not only the northern Italian or Campagna workshops, with which researchers connect productions of basins Eggers 92, but possibly reveal other places as well (Lindeberg 1973, 9-10; Karasova 1998, 24-26).

Let us return to the question of the possibilities of copying the Roman basin handles by Turkish craftsmen. Presently, it seems that there are no finds of such basins in the territory of Asia Minor and neighboring regions, but the probability of their finding in the past is extremely high. The area where Ö. Yeni and Y. Çetin conducted their study represents the northern outskirts of the province of Galatia, the place where the eastern Celts settled down. Not only the craft objects from Celtica and south Italy had reached this region but it served as a transit point for the distribution of imports in the late La-Tène period further east and north (Raev 1994, 353). For this reason, I would like to express my hope that in a future the



1

2

Fig. 3. 1 - Verbovsky II, kurgan 4, grave 1 (drawing by N. Bespalaya, 2002; photo by M. Treister, 2015. Printed by permission of the Volgograd Regional Museum); 2 - Oktyabrsky I, kurgan 1, grave 1 (drawing by N. Bespalaya, 2018; photo by M. Treister, 2015. Printed by permission of the Volgograd Regional Museum).

basins included in basins Eggers 92 will be found in élite graves on the territory of Galatia.

The use of archaeological finds during the Modern Age, including Turkey, is not rare. As instances of the use of ancient artifacts can be mentioned the stone axes dated to the Bronze Age kept in the collection of the Oriental Department, the State Hermitage Museum (St Petersburg). The axes are mounted on the handles covered with silver plates. The latter feature, as well as the absence of chips on the axes' surfaces excludes their utilitarian purpose. In this case we can assume that the use of archaeological artifacts for ceremonial (?) purposes had to demonstrate and emphasize the rights of newcomers to their new homeland. In a case with door knockers replicated the basin handles, it is possible to talk about both their functionality and easiness of use, and that the design of the handle of the ancient basin satisfied the test for decorating the entrance to the dwellings. The borrowing of the palmette motif used in the design of the attachment did not contradict religious restrictions, and this caused the Turkish masters to turn to the ornamental design, one of the main elements of which were floral motifs.

In the end, I would allow myself to express regret that similar architectural details have been rapidly disappearing, if have not disappeared completely, from façades and building lobbies, from the window frames, from the doors of private mansions and public buildings in Russian provincial cities. Many of them were true masterpieces made by local craftsmen in styles of different periods, more often Modernism.

Acknowledgments. I would like to express my sincere gratitude to Prof. Dr. Yeni Çetin, who sent me photographs of Anatolian door knockers, and gave his permission for their publication. I also very thankful to Yuri Piotrovsky for information about hafted stone axes from the collection of the State Hermitage Museum.

Bibliography

Eggers 1932: H.J. Eggers, Ein frühkaiserzeitlicher Grabfund von Poggendorf, Kreis Grimmen, Vorpommern. Prähistorische Zeitschrift 23: 3/4, 1932, 248-260.

Eggers 1951: H.J. Eggers, Der römische Import im freien Germanien. Bd. 1, 2. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. [Atlas der Urgeschichte. Bd. 1.].

Karasova 1998: Z. Karasova, Die römischen Bronzegefäße Böhmen. (Pragae 1998). [Fontes archaeologici pragenses. Vol. 22].

Keiling 1977: H. Keiling, Zur kulturgeschichtlichen Bedeutung des Fürstengrabes von Lalendorf, Kr. Gustrow. Syposium. Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet (Bratislava 1977), 123-142.

Lindeberg 1973: I. Lindeberg, Die Einfuhr römischer Bronzegefäße nach Gotland. Saalburg Jahrbuch. XXX, 1973, 5-69.

Raev 1994: B.A. Raev, Bronze vessels of the Late La-Tène period from Sarmatia. Akten der 10. internationalen Tagung über antike Bronzen (Stuttgart: Theiss 1994), 347-353.

Sedlmayer 1999: H. Sedlmayer, Die römischen Bronzegefäße in Noricum. (Montagnac: Mergoil 1999). [Monographies Instrumentum, 10].

Sueur 2018: Q. Sueur, La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la Conquête: typologie, function, et diffusion (Drémil-Lafage: Mergoil 2018). [Monographies Instrumentum, 55].

Werner 1954: J. Werner, Die Bronzekanne von Kelheim. Bayerische Vorgeschichtsblätter 20, 1954, 43-73.

Yeni, Çetin 2016: Ö. Yeni, Y. Çetin, Kastamonu Taşköprü ilçe merkezinde yeralan geleneksel kapı tokmaklari. Atatürk Üiversitesi Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi. Sayı 37 (Erzurum 2016), 278-298.

Галанина 1969: Л.К. Галанина, Античный бронзовый таз из Курджипского кургана. В сб.: АСГЭ, вып. 11 (Ленинград, 1969), 92–103.

Клейн 2013: Л.С. Клейн, Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1, 2. (Донецк: Донецкий национальный университет 2013). [Серия: Теоретическая археология. Т. 3 (в двух книгах)].

Кропоткин 1970: В.В. Кропоткин, Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). Свод археологических источников. Вып. Д1-27 (Москва, 1970).

Мамонтов 2008: В.И. Мамонтов, Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II. Нижневолжский археологический вестник, вып. 9, 2008, 170-197.

Мордвинцева, Мыськов 1999: В.И. Мордвинцева, Е.П. Мыськов, Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский. Археологические вести 6, 1999, 179-191.

Степанов 1980: П.Д. Степанов, Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры (Саранск: Мордовское кн. изд-во 1980).

Bronzurile romane şi „ciocănaşele de uşă" din oraşele de pe litoralul Mării Negre din Anatolia Centrală. Studiu etnografic

Cuvinte-cheie: Turcia, epoca modernă, „ciocănaşele de uşă", prelucrarea metalului, importuri romane.

Rezumat: În articol sunt descrise „ciocănaşele" de la uşile locuinţelor din cartierele vechi ale Anatoliei Centrale. „Ciocănaşele de uşă" reprezintă nişte cópii ale mânerelor lighenelor din bronz din secolul I p. Chr., cunoscute în arheologie ca „lighene Eggers 92". Descoperirile de lighene Eggers 92 sunt concentrate în provinciile romane din bazinul Rinului, în Germania şi Dacia, iar ataşe ajurate ale mânerelor au fost descoperite şi în mormintele sarmatice din regiunea Povolgiei. Toate aceste piese se încadrează în perioada cuprinsă între a doua jumătate a sec. I a. Chr. şi prima jumătate a sec. I p. Chr.

În Asia Mică nu sunt cunoscute descoperiri de lighene Eggers 92, însă familiarizarea meşterilor turci cu astfel de recipiente este evidentă. Regiunea în care apar „ciocănaşe de uşă", care repetă mânerele lighenelor, este periferia provinciei Galatia – locul de trai al celţilor de est. În această regiune nu doar pătrund produse meşteşugăreşti din Celtica europeană şi sudul Italiei, dar reprezintă şi un spaţiu de tranzit al importurilor din perioada La Tène târziu mai departe spre est şi nord.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. 1-6 - „Ciocănaşe de uşă" turceşti (foto; după: Yeni Çetin 2016, 290, photo 1-4; 291, photo 5, 8).

Fig. 2. 1, 2 - „Ciocănaşe de uşă" turceşti (foto; după: Yeni Çetin 2016, 291, photo 6, 7); 3 - Lalendorf (după: Keiling 1977, 136, Abb. 11).

Fig. 3. 1 - Verbovsky II, tumulul 4, mormântul 1 (desen N. Bespalaya, 2002; foto M. Treister, 2015. Se publică cu permisiunea Muzeului Regional Volgograd); 2 - Oktyabrsky I, tumulul 1, mormântul 1 (desen N. Bespalaya, 2018; foto M. Treister, 2015. Se publică cu permisiunea Muzeului Regional Volgograd).

Римские бронзы и дверные молоточки причерноморских городов центральной Анатолии. Этнографический этюд

Ключевые слова: Турция, Новое время, дверные молоточки, обработка металла, римские импортные изделия.

Резюме: В статье описаны дверные молоточки входных дверей в старых кварталах городов в северной части Центральной Анатолии. Дверные молоточки являются почти точной копией атташей мобильных ручек бронзовых тазов первого века н.э., которые известны в археологии как «тазы Eggers 92». Находки тазов Eggers 92 сосредоточены в прирейнских провинциях римской империи, в свободной Германии и Дакии, ажурные атташи ручек и части тазов найдены в сарматских погребениях Поволжья. Все находки укладываются во вторую пол. 1 в. до н.э. - первую пол. 1 в. н.э.

В Малой Азии находок тазов Eggers 92 нет, но знакомство турецких ремесленников с этой посудой более чем вероятно. Район, где изучены дверные молоточки, подражающие ручкам тазов, является северной периферией провинции Галатия – местом расселения восточных кельтов. В этот регион не только поступали предметы ремесла европейской Кельтики и Южной Италии, но он служил транзитным пунктом распространения импортов периода позднего La-Tène period далее на восток и север.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1-6 - Турецкие дверные молоточки (фото; по: Yeni, Çetin 2016, 290, photo 1-4; 291, photo 5, 8).

Рис. 2. 1, 2 - Турецкие дверные молоточки (фото; по: Yeni, Çetin 2016, 291, photo 6, 7); 3 - Lalendorf (по: Keiling 1977, 136, Abb. 11).

Рис. 3. 1 - Вербовский II, курган 4, погребение 1 (рисунок Н. Беспалая, 2002; фото М. Трейстер, 2015. Печатается с разрешения Волгоградского областного музея краеведения); 2 - Октябрьский I, курган 1, погребение 1 (рисунок Н. Беспалая, 2018; фото М. Трейстер, 2015. Печатается с разрешения Волгоградского областного музея краеведения).

23.09.2019

Dr. Boris A. Raev, Southern Scientific Center, RAS, Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-6006-6173, e-mail: boris_raev@mail.ru

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОСТЯНЫЕ РУКОЯТИ НОЖЕЙ С КОЛЬЦЕВЫМИ ВЫРЕЗАМИ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПРИЗНАКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ТИВЕРЦЕВ

Иван Власенко

Ключевые слова: «Повесть временных лет», восточнославянские племена, тиверцы, этноопределяющие украшения, костяные рукояти ножей с кольцевыми вырезами.

«Повесть временных лет», составленная в начале XII в. киевским летописцем Нестором, насчитывает 13 восточнославянских племён конца I - начала II тысячелетия, занимавших определённые территории. В Среднем Поднепровье жили поляне, их западными соседями были древляне. На Волыни расселились волыняне (бужане). Между Припятью и Западной Двиной обитали дреговичи. По Десне, Сейму и Суле располагались северяне. На левом притоке Днепра – Соже локализуются радимичи. Верховья Оки занимали вятичи. Кривичи заселили верхнее течение Днепра, Волги и Западной Двины. На р. Полоте (приток Западной Двины) располагались полочане. В бассейне озера Ильмень проживали словене. На юго-западе по Днепру, Южному Бугу и Днестру обитали уличи и тиверцы, а западнее, в Прикарпатье и Закарпатье – хорваты (ПВЛ 1950, 11-17; Седов 1982, 5-6).

В конце XIX - начале XX вв. в результате накопления археологических материалов, полученных при раскопках древнерусских курганов, было установлено, что эти племена – не случайные образования, а устойчивые этнические группы, которым свойственны специфические черты материальной культуры.

Б.А. Рыбаков относит их к крупным союзам восточнославянских племён, которые, войдя в состав Киевской Руси, сохранили свои этнографические особенности (Рыбаков 1982, 25-28).

Археологи выяснили, что среди всех категорий находок наиболее отчётливо проявляют этническую ситуацию различные типы женских украшений, и прежде всего различные типы височных колец (Степанова 2010, 276).

В результате картографирования височных украшений была более точно очерчена территория обитания многих восточнославянских племён.

Ведущий российский славист В.В. Седов, обобщив весь накопленный по этой теме материал, выделил среди украшений этноопределяющие для большинства летописных племён (Седов 1982, 123-196). Так, самым надёжным этнографическим признаком племени северян являются спиральные височные кольца, у радимичей они семилучевые, а у вятичей – семилопастные. У крупнейшего русского племени кривичей этноопределяющими были браслетообразные завязанные височные кольца. У самого северного племени словен новгородских височные кольца ромбощитковые и овальнощитковые. Поляне, волыняне (бужане), древляне и дреговичи, составлявшие в середине I тыс. н.э. одну племенную группу дулебов, в X-XII вв. имели однотипные восточнославянские перстнеобразные височные кольца, и только у дреговичей вместо височных колец были крупные металлические бусы, покрытые зернью.

Подобная картина прослеживается и у юго-западных восточнославянских племён – хорватов, а также у более интересующих нас уличей и тиверцев, у которых явно преобладают черты культурной общности (Тельнов 2001-2002, 255). Общеславянские перстнеобразные височные кольца не позволяют по украшениям уточнить территорию их расселения.

Как уже отмечалось, «Повесть временных лет» локализует уличей и тиверцев в Поднестровье: «...а уличи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множьство

ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть грады их и до сего дне» (ПВЛ 1950, 14).

По мнению исследователей, основанному на сообщениях некоторых летописей, уличи до середины X в. обитали в Поднепровье южнее Киева, а после взятия в 940 г. княжеским воеводой Свенельдом их города Пересечена переселились в междуречье Южного Буга и Днестра (Рыбаков 1950, 5-14).

Видимо, в результате этого переселения в верховьях Южного Буга возникли многочисленные круглые городища (южные территории были заняты кочевниками), нижние слои которых как раз относятся к X в. (Хавлюк 1969, 171, 173).

Основные исследователи тиверцев Г.Б. Фёдоров и Б.А. Тимощук локализуют их в Днестровско-Прутском междуречье, начиная на севере от Хотинщины и кончая нижним течением Днестра и Дуная, и относят к тиверцам древности раннеславянской лука-райковецкой культуры VIII-IX вв., трансформировавшейся в X-XI в. в древнерусскую (Фёдоров 1952, 250-259; Фёдоров 1965, 25; Тимощук 1975, 97; Тимощук 1976, 95).

И.Г. Хынку считал, что тиверцы проживали на всей территории Молдовы с VI по IX вв., а в X-XII вв. они сохранились только на юге Днестровско-Прутского междуречья в составе так называемой синкретической балкано-дунайской культуры. В то же время он предполагал, что поселения с небольшими круглыми городищами, содержащие курганные могильники с трупосожжениями, керамику с примесью слюды в тесте и височные кольца «волынского» типа, были оставлены летописными уличами, обитавшими как в верховьях Южного Буга и Среднего Днестра на территории Украины, так и в междуречье Днестра и Реута в Молдавии (Хынку 1972, 174-175).

На наш взгляд, это может быть верным лишь по отношению к городищам Южного Буга, так как они датируются серединой X в. и не имеют более ранних подстилающих слоёв. Но по отношению к городищам Днестровско-Прутского междуречья это положение не выдерживает критики, так как кольцевые городища типа Екимэуць-Алчедар появляются в конце IX в., а часть из них (Рудь, Алчедар, Екимэуць, Лукашевка, Германарие) подстилаются слоем раннеславянской культуры VIII-IX вв. типа лука-райковецкой (Фёдоров, Чеботаренко 1974, 74-76, 78-85, 91-94, 94-98; Рабинович 1993).

Г.Б. Фёдоров неоднократно пытался выделить этноопределяющие признаки в материальной культуре тиверцев, к которым он относил некоторые виды гончарной посуды, керамику со слюдой в тесте, форму и конструкции оборонительных сооружений, наличие железных ромбовидных наконечников стрел и некоторых украшений (Фёдоров 1952а, 87; Фёдоров 1965, 26; Фёдоров 1972, 158-159). Но в ходе дальнейшего исследования раннесредневековых памятников Поднестровья он пришёл к выводу, что подавляющее большинство вышеперечисленных признаков встречается, как и посуда со слюдой у уличей (Фёдоров 1964, 86), у многих восточнославянских племён, что «...в целом материальная культура славян Пруто-Днестровского междуречья имела ярко выраженный восточнославянский характер, а после образования древнерусского государства – древнерусский» (Фёдоров 1965, 26).

Выводы Фёдорова по этому вопросу были подтверждены последующими исследователями древнерусской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Так, Н.П. Тельнов отмечает, что круглые городища были распространены и в других восточнославянских районах, а появление слюды в тесте гончарной посуды относится только к X в., причём, очевидно, к краткому периоду, и характерно также и для других территорий (Тельнов 2001-2002, 255).

Уже было сказано, что женские височные украшения являются одним из самых надёжных этнографических индикаторов. Женские украшения тиверцев в основном представлены височными общеславянскими перстнеобразными кольцами с сомкнутыми концами, некоторыми видами бус и лунниц, а в единичных случаях серебряными серьгами «волынского» или «екимэуцкого» типа в виде колечка с «виноградной гроздью» из зерни и скани, распространёнными от Поднестровья до Волыни и заходящими далеко на запад (Фёдоров 1953б, 124-125, рис. 48; Фёдоров, Чеботаренко, Великанова 1984, 48-52; Рябцева 2006, 143-168).

Говоря о ювелирном уборе населения Пруто-Днестровского региона в X-XI вв., специалист по средневековым украшениям С.С. Рябцева отмечает: «За исключением нескольких пред-

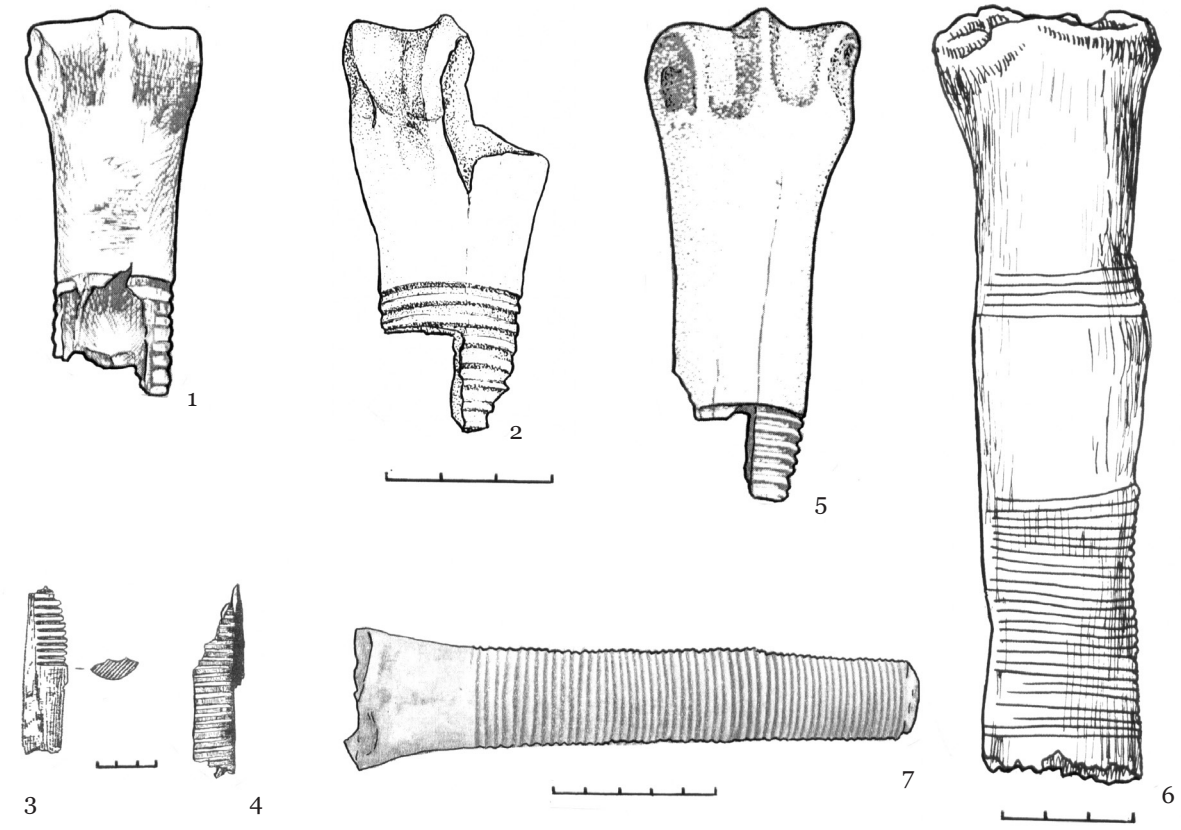


Рис. 1 Костяные рукояти ножей с кольцевыми вырезами: 1, 2, 5 - Ханска-Лимбарь-Кэпрэрия; 3 - Рудь; 4 - Алчедар VII - хутор Одая; 6 - Глинжень II; 7 - Екимэуць.

метов, рядовой повседневный убор характеризуется большой степенью стандартизации, не отличается какими-то «этноопределяющими» компонентами и близок к древнерусскому» (Рябцева 2006, 159). Таким образом, выделение территории расселения тиверцев по украшениям оказалось затруднительным, что, видимо, связано с недостаточной степенью изученности могильников (Седов 1982, 129). В связи с этим поднестровские древности были отнесены исследователями к тиверцам по территориальным, а не этнографическим признакам (Фёдоров 1952b, 250-259; Фёдоров 1965, 25; Седов 1982, 129; Тельнов 2001-2002, 258).

В поисках специфических черт материальной культуры, присущих древностям тиверцев, Г.Б. Фёдоров неоднократно обращал внимание на присутствие среди вещевого инвентаря раннесредневековых поселений Днестровско-Прутского междуречья своеобразных костяных рукоятей ножей так называемого «екимэуцкого» типа с рельефным нарезным кольцевым орнаментом (Фёдоров 1960, 182-183, 218; Фёдоров 1972, 149 и др.) (рис. 1).

Исследователь раннеславянского поселения Скок Э.А. Рикман среди полученных вещевых материалов выделял костяную рукоятку ножа с поперечными нарезами (Рикман 1957, 83).

Подробно останавливался на характеристике орнаментированных костяных рукоятей ножей специалист по раннеславянской культуре в Молдавии И.А. Рафалович (Рикман, Рафалович, Хынку 1971, 114-115; Рафалович 1972, 211).

При составлении «Археологической карты Молдавской ССР» по славянам, авторы уделяли особое внимание наличию на поселениях костяных рукоятей подобного типа (Фёдоров, Чеботаренко 1974, 60, 65, 76, 97, 100).

Рукояти с кольцевыми вырезами изготовлялись из больших трубчатых костей крупного рогатого скота или других животных и в большей мере до нас дошли в фрагментах.

По всей видимости, они предназначались для крупных черенковых ножей или кинжалов (Фёдоров 1960, 219; Рафалович 1972, 211), о чём, видимо, могут свидетельствовать их размеры. Так, наиболее сохранившаяся рукоять из Глинжень II имела длину 17,5 см, а целая рукоять из Екимэуць – 17,3 см. Наружный диаметр рукоятей достигал 2,5 см. Некоторые из них имели эпифизы. На определённом расстоянии от эпифиза наносился углублённый кольцевой орнамент, имевший кроме эстетического и утилитарное назначение – углубления не позволяли руке скользить по рукояти. Поверхность рукоятей заполирована. Черенок ножа или кинжала вбивался в торец рукояти.

Таким образом, подобные рукояти свидетельствуют о существовании в раннем средневековье небольшой группы крупных черенковых, возможно, боевых ножей или кинжалов, хотя в это время преобладают небольшие бытовые черенковые ножи с рукоятками из дерева или обрезков рога оленя (Рафалович 1972, 181-182). Кроме того, И.А. Рафалович выделяет совсем малочисленную группу ножей с волютообразным навершием (Рафалович 1972, 182-183), имевших, по всей видимости, сакральное предназначение (Рабинович 2005, 353). В это время появляются уже и пластинчатые ножи, получившие распространение в несколько более поздний период (Musteaţă 2006, 137).

В настоящее время костяные рукояти ножей и кинжалов с нарезным кольцевым орнаментом выявлены на десяти раннесредневековых поселениях республики: на посаде городища Рудь – 2 фрагмента (Фёдоров 1972, 149, рис. 2/7; Бейлекчи, Власенко 1984, 2, рис. 7/21); Шолданешты I (Фёдоров 1960, 260); Алчедар (Фёдоров 1960, 218); Алчедар VII – хутор Одая (Рафалович 1972, рис. 35/9); Глинжень II (Гольцева, Кашуба 1995, 69, табл. CIX/7); Екимэуць (Фёдоров 1953б, 123, рис. 53/1; Фёдоров 1960, 182); Требужень-Скок (Рикман 1957, 83); Лукашевка (Фёдоров, Чеботаренко 1974, 97); Кырлань (Стежерень) (Рафалович 1972, 211); Ханска-Лимбарь-Кэпрэрия – 6 фрагментов (Хынку 1968, табл. III, рис. 1, 2; Хынку 1974, рис. 13/1; Хынку 1975, рис. 32/1, 2; и др.).

Костяные рукояти имеют довольно широкую датировку – от VIII-IX до X-XII вв. Среди них выделяются ранние и поздние типы. Рукояти, орнаментированные мелкими густыми горизонтальными, не совсем параллельными и не всегда кольцевыми линиями, нанесёнными при помощи пилы, а иногда, видимо, и ножа, исследователи считают более ранними. Так, рукоятку, найденную на поселении Скок, Г.Б. Фёдоров причислял к типу, который предшествовал рукояткам Екимэуцкого городища (Фёдоров 1960, 182-183). И.А. Рафалович к раннему типу отнёс также рукоятку с городища Кырлань (Стежерень) (Рафалович 1972, 211).

Производство этих изделий не требовало совершенных инструментов и высокой квалификации исполнителей. Такие рукояти могли быть изготовлены до IX-X вв. почти в каждом доме (Седов 1982, 239).

В X - начале XI в., в связи с появлением высокопроизводительных инструментов-наборов ножей, специальных пил, напильников, различных резцов и свёрл, токарных станков, а также совершенных костяных изделий, косторезное дело из домашнего производства выделяется в ремесло (Фёдоров 1953а, 148; Колчин 1985, 271).

Более поздние рукояти выполнены на токарных приспособлениях или станках уже общинными специалистами-ремесленниками. Токарные станки, предназначенные для обработки дерева, кости, а иногда и мягкого камня (на поселениях часты находки известняковых пряслиц, поверхность которых покрыта концентрическими углублёнными линиями), появились, по всей видимости, на территории Днестровско-Прутского междуречья уже в конце IX - начале X в. (на них изготовлены все костяные рукояти Екимэуцкого городища, датированного концом IX - началом XI в.). В Екимэуць были найдены специальные резцы от токарных станков, а также железная пила с закруглёнными зубьями для обработки кости (Фёдоров 1953б, 123, рис. 52/5б).

По свидетельству Б.А. Колчина, среди токарных станков в древней Руси уже существовала специализация. Хотя принцип работы таких станков был идентичен, одни из них предназначались для обработки дерева, а другие – кости, причём у косторезов станки были менее мощные, чем у деревообработчиков (Колчин 1985, 271).

У более изящных костяных рукоятей, изготовленных на токарных станках, кольцевые вырезы обычно более широкие, более регулярные и чёткие. Они представлены на городищах Рудь, Алчедар, Екимэуць, поселении Ханска и других памятниках.

По нашему мнению, хотя в X в. уже и существовали токарные станки, но были они не в каждом доме, а принадлежали специалистам-ремесленникам, бравшим за работу определённую плату, поэтому костяные рукояти иногда ещё продолжали изготавливать в домашних условиях кустарным способом. Н.В. Гольцева костяную рукоятку с поселения Глинжень II (посад древнерусского городища Глинжень V), видимо, в связи с тем, что она была обнаружена в заполнении котлована полуземлянки X в., ошибочно посчитала изготовленной при помощи токарного приспособления (Гольцева, Кашуба 1995, 69, табл. CIX/7). Но данная рукоять орнаментирована так же, как и рукояти с поселений Скок и Кырлань: линии углублённого орнамента мелкие, не кольцевые и не всегда параллельные, по всей видимости, наносились при помощи пилы или ножа.

Подобная ситуация прослеживается и на селище Алчедар III, которое подстилает слой Алчедарского городища. Здесь в полуземлянке I, относящейся к концу IX века - X веку, найдена заготовка рукояти из кости животного, изготовленная кустарным способом. Её поверхность покрыта ассиметричным и неровным рифлением, нанесённым ножом (Фёдоров 1960, 283).

Интересны костяные рукоятки раннесредневекового поселения Ханска-Лимбарь-Кэпрэрия (не опубликованы). Они также изготовлены из костей крупного рогатого скота. Большинство из шести рукоятей выявлено в подъёмном материале или культурном слое, поэтому их датировка затруднительна. Но судя по более хорошей сохранности и выделке (несколько отступая от эпифиза, нанесены очень чёткие и широкие кольцевые вырезы, видимо, на усовершенствованном токарном станке), они, по всей вероятности, являются самыми поздними и принадлежат уже не к тиверской восточнославянской культуре, а к сменившей её культуре Рэдукэнень XI-XII вв.

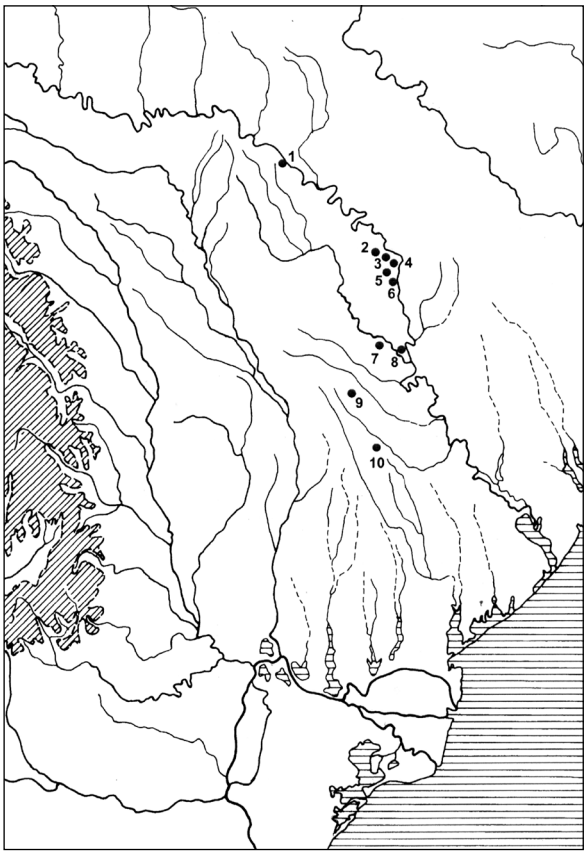


Рис. 2. Поселения, на которых были найдены костяные рукояти ножей с кольцевыми вырезами: 1 - Рудь; 2 - Шолданешты I; 3 - Алчедар; 4 - Алчедар VII - хутор Одая; 5 - Глинжень II; 6 - Екимауцы; 7 - Лукашевка; 8 - Требужень-Скок; 9 - Кырлань (Стежерень); 10 - Ханска-Лимбарь-Кэпрэрия.

Таким образом, хотя на данном поселении, видимо, и произошла смена этнического компонента, но предшествующие производственные традиции в косторезном деле не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие.

Картографирование раннесредневековых костяных рукоятей ножей и кинжалов с рельефным нарезным кольцевым орнаментом показало, что ареал их распространения в большей мере охватывает северо-восточную зону республики – междуречье Днестра и Реута, где сосредоточено большинство восточнославянских памятников VIII-XI вв., а это, по всей видимости, именно та территория Поднестровья, где согласно «Повести временных лет» в это время и обитали летописные тиверцы (рис. 2).

По нашему мнению, на основании всего вышеизложенного можно полагать, что костяные рукояти ножей и кинжалов с нарезным кольцевым орнаментом, наряду с другими этноопределяющими факторами, и в первую очередь с украшениями из ещё недостаточно изученных могильников, в какой-то мере могут служить одним из этнических признаков племени тиверцев.

Библиография

Бейлекчи, Власенко 1984: В.С. Бейлекчи, И.Г. Власенко, Отчёт о раскопках поселения у славянского городища Рудь в 1983 г. (Кишинёв 1984). Архив НМИМ, инв. № 204.

Власенко 2014: И.Г. Власенко, Раннесредневековые костяные рукояти ножей с кольцевыми прорезями как один из признаков этнической атрибуции. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (ediţia a XXIV-a) 16-17 octombrie 2014. Program. Rezumatele. Comunicărilor (Chişinău 2014), 32-34.

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Колчин 1985: Б.А.Колчин, Ремесло. В кн. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село (Москва 1985), 243-297.

ПВЛ 1950: Повесть временных лет, Т. I (Москва-Ленинград 1950).

Рабинович 1993: Р.А. Рабинович, Отчёт о раскопках Дондюшанской археологической экспедиции городища Германарие (Тэтэрэука-Ноуэ IV) в 1990 г. (Кишинёв 1993). Архив НМИМ, инв. № 324«а».

Рабинович 2005: Р.А. Рабинович, Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст. Revista arheologică s.n. I/2, 2005, 351-359.

Рафалович 1972: И.А. Рафалович, Славяне VI-IX веков в Молдавии (Кишинёв 1972).

Рикман 1957: Э.А. Рикман, Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. КСИИМК, вып. 68 (Москва 1957), 75-83.

Рикман, Рафалович, Хынку 1971: Э.А. Рикман, И.А. Рафалович, И.Г. Хынку, Очерки истории и культуры Молдавии (II-XIV вв.). В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века (Кишинёв 1971), 59-119.

Рыбаков 1950: Б.А. Рыбаков, Уличи (историко-географические заметки). КСИИМК, вып. 35 (Москва 1950), 3-17.

Рыбаков 1982: Б.А. Рыбаков, Киевская Русь и Русские княжества XII-XIII вв. (Москва 1982).

Рябцева 2006: С.С. Рябцева, Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. Revista arheologică s.n. II/1-2, 2006, 143-168.

Седов 1982: В.В. Седов, Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР (Москва 1982).

Степанова 2010: Ю.В. Степанова, Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья. Stratum plus 5, 2010, 275-283.

Тельнов 2001-2002: Н.П. Тельнов, Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. Stratum plus 5, 2001-2002, 142-263.

Тимощук 1975: Б.О. Тимощук, Слов'янські гради Північної Буковини (Ужгород 1975).

Тимощук 1976: Б.О. Тимощук, Слов'яни Північної Буковини 5-9 ст. (Київ 1976).

Фёдоров 1952a: Г.Б. Фёдоров. Екимауцкое городище. Отчёт о работе Славяно-Днестровской экспедиции ИИМКАН СССР за 1951 год (Москва 1952). Архив НМИМ, инв. № 495.

Фёдоров 1952b: Г.Б. Фёдоров, Тиверцы. ВДИ 2, 1952, 250-259.

Фёдоров 1953a: Г.Б. Фёдоров, Славяне Поднестровья. В сб.: По следам древних культур. Древняя Русь (Москва 1953), 121-154.

Фёдоров 1953б: Г.Б. Фёдоров, Городище Екимауцы (Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г.). КСИИМК, вып. 50 (Москва 1953), 104-126.

Фёдоров 1960: Г.Б. Фёдоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА № 89 (Москва 1960).

Фёдоров 1964: Г.Б. Фёдоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. КСИА, вып. 99 (Москва 1964), 77-88.

Фёдоров 1965: Г.Б. Фёдоров, Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР. КСИА, вып. 105 (Москва 1965), 21-31.

Фёдоров 1972: Г.Б. Фёдоров, Древнерусское поселение на Севере Молдавии. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 143-159.

Фёдоров, Чеботаренко 1974: Г.Б. Фёдоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI-XIII вв.). АКМ, вып. 6 (Кишинёв 1974).

Фёдоров, Чеботаренко, Великанова 1984: Г.Б. Фёдоров, Г.Ф. Чеботаренко, М.С. Великанова, Бранештский могильник X-XI вв. (Кишинёв 1984).

Хавлюк 1969: П.Г. Хавлюк, Давньоруські городища на Південному Бузі. В кн.: Слов'яно-Руські старожитності (Київ 1969), 156-174.

Хынку 1968: И.Г. Хынку, Отчёт о полевых работах в 1967г. на поселении Лимбарь-Кэпрэрия и могильнике Кэпрэрия (Кишинёв 1968). Архив НМИМ, инв. № 37.

Хынку 1972: И.Г. Хынку, К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье. В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века (Кишинёв 1972), 159-175.

Хынку 1974: И.Г. Хынку, Отчёт о полевых исследованиях на поселении X-XIV вв. у с. Ханска в 1973 г. (Кишинёв 1974). Архив НМИМ, инв. № 85.

Хынку 1975: И.Г. Хынку, Отчёт о полевых исследованиях на поселении Ханска в 1974 г. (Кишинёв 1975). Архив НМИМ, инв. № 94.

Musteaţă 2006: S. Musteaţă, Meşteşugul prelucrării osului şi cornului la nordul Dunării de Jos în sec. VIII-IX. Revista arheologică s.n. II/1-2, 2006, 128-142.

Mânere din os pentru cuţite cu ornament incizat circular în calitate de posibil element etnic atribuit tiverţilor

Cuvinte-cheie: Povestea vremurilor de demult, triburile slavilor de răsărit, tiverţi, podoabe determinante etnic, mânere din os pentru cuţite cu incizii circulare.

Rezumat: Povestea vremurilor de demult aminteşte 13 triburi ale slavilor de răsărit. S-a constatat că teritoriul de răspândire ale acestor grupuri etnice stabile poate fi identificat în baza podoabelor de tâmplă pentru femei. Tiverţii amintiţi în cronică locuiau pe Nistru purtând podoabe caracteristice tuturor slavilor, fapt ce permite identificarea lor după criterii teritoriale, şi nu în baza elementelor etnice.

În zece aşezări medievale timpurii din Republica Moldova au fost descoperite mânere din os pentru cuţite care sunt ornamentate cu incizii circulare. Conform opiniei lui G.B. Fedorov, acestea ar constitui un element etnic determinant pentru tiverţi. Arealul de răspândire a mânerelor cuprinde, în general, interfluviul Nistru-Răut, unde sunt concentrate majoritatea siturilor aparţinând slavilor de răsărit din secolele VIII-XI. Este regiunea de pe Nistru, unde, se pare, locuiau tiverţii.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Mânere din os pentru cuţite, cu ornament incizat circular: 1, 2, 5 - Hansca-Limbari-Căprăria; 3 - Rudi; 4 - Alcedar VII Odaia; 6 - Glinjeni II; 7 - Echimăuţi.

Fig. 2. Aşezări cu descoperiri de mânere din os pentru cuţite, cu ornament incizat circular: 1 - Rudi; 2 - Şoldăneşti; 3 - Alcedar; 4 - Alcedar VII Odaia; 5 - Glinjeni II; 6 - Echimăuţi; 7 - Lucaşeuca; 8 - Trebujeni-Scoc; 9 - Cârlani (Stejăreni); 10 - Hansca-Limbari-Căprăria.

Early medieval bone handles of knives with annular notches as one of the possible signs of ethnic attribution of the Tivertsi

Keywords: Tale of Bygone Years, East Slavic tribes, Tivertsi, ethno-defining ornaments, bone handles of knives with annular notches.

Abstract: The *Tale of Bygone Years* mentions 13 East Slavic tribes. It was established that these were resilient ethnic groups, and it was possible to define the settlement territory of most of them due to female temporal ornaments. The chronicle tribe of Tivertsi, which lived in the Dniester region, had common Slavic ornaments, so it is identified mostly on territorial, rather than ethnographic grounds.

In ten early medieval settlements of the Republic of Moldova, peculiar bone handles of knives with carved annular patterns were found, which G.B. Fedorov considered ethno-determining for Tivertsi. The area of their distribution covers mainly the interfluve of the Dniester and the Răut, where most of the East Slavic sites of the 8th-11th centuries are concentrated. Apparently, this is the territory of the Dniester region, where the Tivertsi lived.

List of illustrations:

Fig. 1 Bone handles of knives with annular notches: 1, 2, 5 - Hansca-Limbari-Căprăria; 3 - Rudi; 4 - Alcedar VII - Odaia; 6 - Glinjeni II; 7 - Echimăuţi.

Fig. 2. Settlements where bone handles of knives with annular notches were found: 1 - Rudi; 2 - Şoldăneşti I; 3 - Alcedar; 4 - Alcedar VII - Odaia; 5 - Glinjeni II; 6 - Echimăuţi; 7 - Lucaşeuca; 8 - Trebujeni-Scoc; 9 - Cârlani (Stejăreni); 10 - Hansca-Limbari-Căprăria.

20.06.2019

Иван Власенко, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989, 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

THE HOARD OF EARLY MEDIEVAL TOOLS AND WEAPONS FOUND AT SADOVA-CĂLĂRAŞI, THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici

Keywords: Carpathian-Nistrian space, 9th-11th centuries, hoard, tools, weapons.

The systematic investigations and discoveries made during the last decades have brought to light a large number of archaeological remains of the early Middle Ages. Their introduction into scientific use makes it possible to objectively reconstruct the social-economic, political and cultural life of the Romanian autochthonous communities in the Eastern Carpathian region at the end of the 1st millennium BC and the beginning of the next. The comparative analysis of the archaeological materials allows the understanding of the complexity of the social and economic relations, the level of development of the local communities in the Carpathian-Dniester space, the receptivity to the agro-technical innovations of the time, the internal, interregional or external relations, the involvement of the locals in the dynamics of the economic, commercial and political aspects of the period.

In the spring of 2010, about a kilometer from the northeast entrance to the Sadova village, Călăraşi District, Republic of Moldova, on the edge of the forest[1], there was found a small hoard which included seven iron artifacts representing tools and weapons from the early Middle Ages[2] (fig. 1). The context of the discovery in the field is not very clear. According to the discoverer, the artifacts were revealed when the protective zone of the forest had been plowed. On-site research has not brought more information about the discovery context. The hoard was made up of a hoe, two plowshare shovels, three axes and a knife[3], all of them made of iron.

1. *The hoe* (fig. 2). The piece has a slim and elongated body. Rounded nape is beautifully shaped and endowed with two "wings" in the extension of the upper part of the butt, made for a better connection of the handle. The socket for the handle, quasi-round in section, is strengthened on both sides with triangular "wings"[4]. The transition from the butt to the blade is through a long neck, strongly individualized, rectangular in section. The blade is arched in the shape of a fan made symmetrically to the body of the piece. The cutting blade, curved in plan, is double beveled. The blade has signs of repair and / or reinforcement. On the front side of the blade was added an iron strip 10.1 cm long, 2.0 cm wide and 0.2 cm thick, which led to the increase in stiffness and the work surface of the piece. The total length of the hoe is 16.3 cm, width 1.4-10.1 cm, hole diameter – 3.4×3.6 cm.

The functionality of this type of agricultural tool is, as it is known, for use in gardening, for soil loosening (Comşa 1980, 164-184; Olteanu 1989, 275-284; Teodor 1996; Bilavschi 2016).

Narrow-bladed hoes, known as yearly as the Early Middle Ages, were discovered isolated, in hoards or in systematic archaeological investigations, in several sites south and east of the Carpathians (Bilavschi 2016, 137-138).

Analogies. The hoe from Sadova has close analogies among similar artifacts from Bogheşti, Prisecani (Vrancea county) (Paragină 2002, 120-121, pl. XIX/1, 2, 3), Echimăuţi (Rezina district) (Федоров 1953, 122, рис. 51/4), Ruhotin (Hotin district, Cernăuţi region) (Тимощук 1978, фото

[1] The forest area on Bîc River Plateau, where the hoard was discovered, was known in the past as the Land of Codri. It forms two wooded massifs, that of the Northern Coderi, or Codrii Orheiului, and of the Southern Codri, or Codrii Hânceştilor, separated by the valley of Bâc River.

[2] These data were communicated to us by Petru Costin, who was present at the time of the discovery, and we also thank him for this information and the opportunity to study the artifacts from the hoard.

[3] The iron knife, discovered with the other pieces was not preserved.

[4] The shape of the butt of this piece is identical to that of some types of axes from the 10th-11th/12th centuries AD.

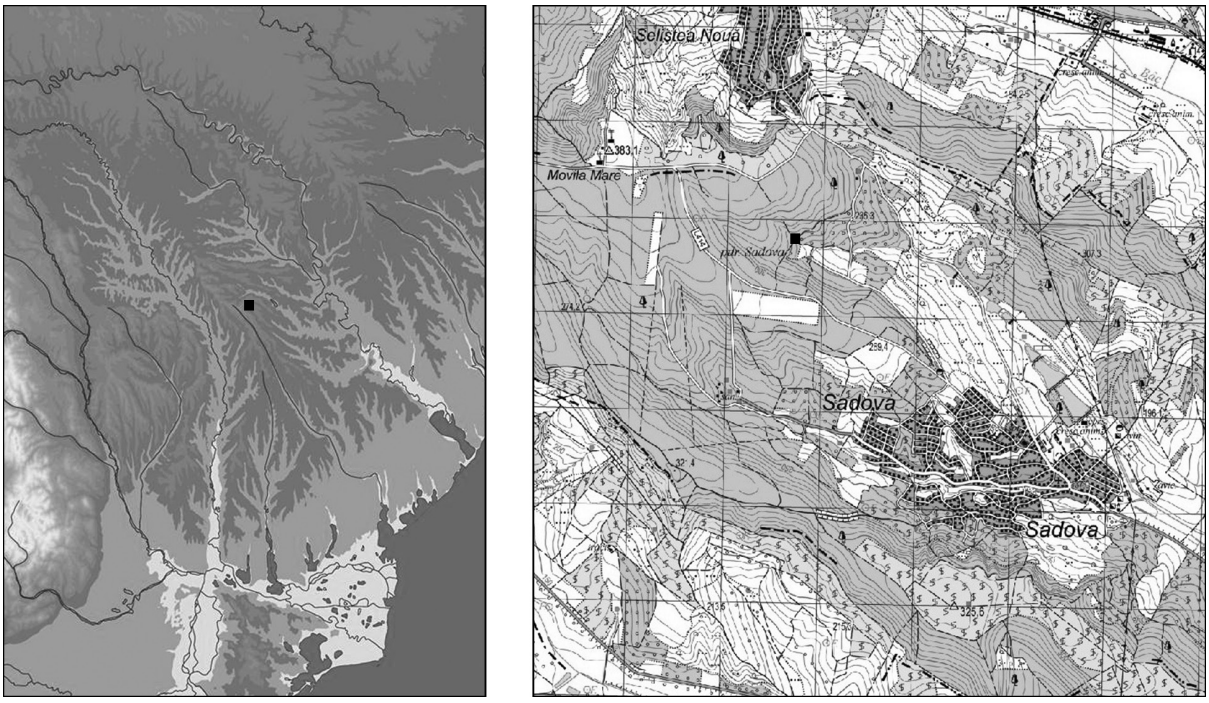


Fig. 1. Sadova. Map with the location of the hoard of iron tools and weapons.

1), Spinoasa (Iaşi county) (Bilavschi 2016, 137, pl. XL/9), or in the hoards from Dragosloveni (Vrancea county) (Comşa, Constantinescu 1969, 425-436, fig. 2/8), Bârlogu (Argeş county) (Nania 1969, 120-131; Comşa 1980, 174) and Curcani (Călăraşi county) (Comşa, Diculescu 1972, 469-472; Comşa 1980, 174, fig. 6/6) etc. From the morphological point of view, the closest to the Sadova piece are the hoe from the Dragosloveni hoard, represented by a single copy of the five found there (Comşa, Constantinescu 1969, 429, fig. 2/8) and the hoe from the cenotaph tomb made in a barrow from Krylos, near Halici, on the Upper Dniester (Томенчук 2006, 17-19, рис. 15). It has a fan-shaped blade, a long slender body with rectangular section. The sides of the hole for attaching the handle are widened in the form of a triangle, as in our piece. It has a prolonged butt going in the opposite direction of the blade.

These type of hoes belong to type K10 and K11 in the typology made by J. Henning (Henning 1987, 82-83, Taf. 5/20), or type D2a in the classification proposed by G. Bilavschi (Bilavschi 2016, 137). The funerary complex at Krylos, where the hoe was discovered, contained three axes, a circular shaped shield with gold foil and a scramasax, has been dated to the middle of the 10th century (Томенчук 2006, 19).

Dating. J. Henning frames the Dragosloveni and Bîrlogu hoards in the K10 and K11 types, and the Curcani piece in the K23 type, dating them to the 8th-10 centuries AD (Hanning 1987, 83, Abb. 38 and Abb. 39, Taf. 50 and Taf. 51). Researchers A. Canache and Fl. Curta, on the basis of analogies outside Romania, especially of the discoveries in the closed complexes revealed in Moravia or Bulgaria, date the hoes from Dragosloveni and Bârlogu to the period generally included in the 8th century, and the piece from Curcani in the 9th century (Canache, Curta 1994, 179-221, fig. 5).

It seems that in the circum-Carpathian space the evolution of the early medieval hoes starts from the narrow-blade pieces that slightly exceeds the thickness of the body, from the Geto-Dacian period (Glodariu, Yaroslavschi 1978, 97), towards those with a quasi-triangular body, whose blade is twice as wide as the body of the tool itself[5]. From this classical form, the shaping of hoes evolves into pieces with almost oval body (Teodor 1981, 63), or towards tools with a slender body and a fan-shaped blade.

[5] To describe the level of development of agricultural practices in the Thracian and Dacian period, Magdalena Beranova brought as example the hoes discovered at Grădiştea Muscelului and Câpâlna (see: Beranova 1980, 99, fig. 34).

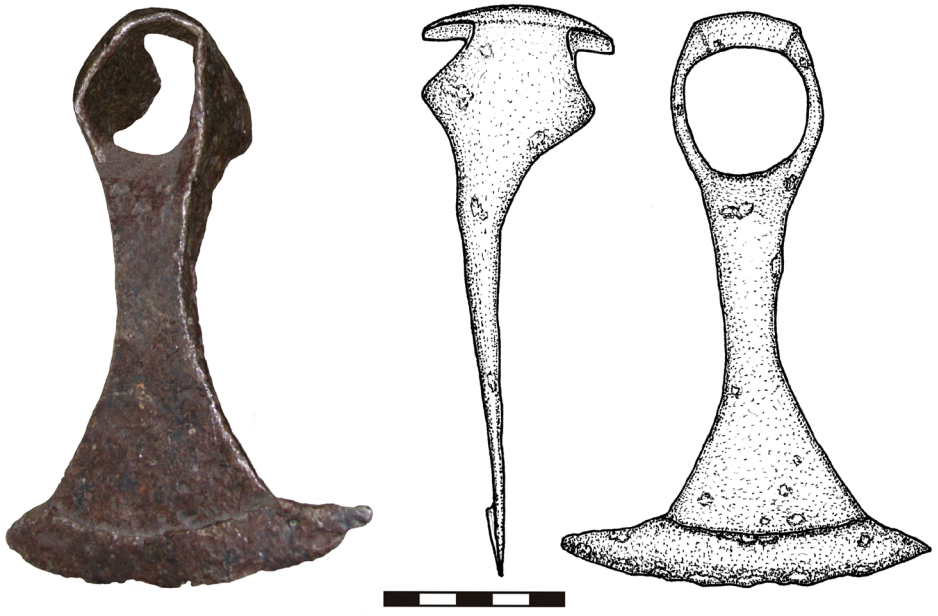


Fig. 1. Sadova. Map with the location of the hoard of iron tools and weapons.

There are no chronological or geographical differences regarding the predominance of one or another type of hoe in the Carpathian area. On the other hand, the shape of the stenciled butt of the hoe from Sadova, with two "wings" in the extension of the upper part of the butt, is identical to that of type III and type IV axes after Kirpičnikov, dated with the 10th-12th centuries, with the period of maximum use in the 11th century (Кирпичников 1966, 26). This allows us to assign the Sadova hoe to that period.

Regarding the origin of hoes from the north of the Lower Danube, we agree on the insufficiency of information (Canache, Curta 1994, 189) which would prove their origin in the Byzantine territories (Teodor 1981, 62)[6], or, if they are not of local origin, with roots in the Roman period (Glodariu, Iaroslavschi 1978, 97, fig. 34/6-8, 10)[7].

In our opinion, the dating of these discoveries can be assigned particularly to the period of time between the second half of the 8th and the end of the 10th centuries, although such pieces are also known in the 11th or 11th-12th centuries.

2. *Iron plowshare shovel* (fig. 3a). Has a rectangular shape. It is made of a single metal band. The blade is very little splayed, has a sharp and slightly curved back. At the top, the sides are bent to form a short and open socket. The upper part forms an oval in the cross section. The length of the piece is 8.5 cm. The blade is 7 cm wide and the socket is 6.3 cm.

3. *Iron plowshare shovel* (fig. 3b). It has an elongated rectangular shape. The piece is made of a single metal band. The blade is sharp and straight. At the top two sides were bent to form a short and open socket. The length of the piece is 11.2 cm, the blade is 7.7 cm wide, and the socket has a width of 6.2 cm.

The plowshare shovels from Sadova belong to the open socket type and find analogies among the artifacts from isolated discoveries or from hoards of tools and weapons found to the east and south of the Carpathians.

In the Eastern Carpathian area, the plowshare shovels are known from the 6th-7th centuries AD. Some pieces of this period were discovered at Alcedar-Odaia (Рафалович 1972, рис. 16/3),

[6] We do not exclude the possibility that the penetration of early medieval hoes in the regions south and east of the Carpathians would have spread from the Carolingian-Moravian or Scandinavian space, where our pieces have more analogies in Brancovice, Mikulcice, Moravschy Ian, and Mastermyr, near Hemse, on the island of Gotland. From here the hoes could penetrate to the east and south of the Carpathians or to Bulgaria, via the commercial transit road linking Byzantium to the Moravian and Nordic regions. In Bulgaria such pieces were discovered at Asenoveţ, Karanovo, Provadia, Dălgopol etc.

[7] See some Dacian tools and weapons discovered in the Orăştie Mountains, recently published by Marius-Mihai Ciută and Cătălin Borangic (2018, 31-46), which confirms our hypothesis.

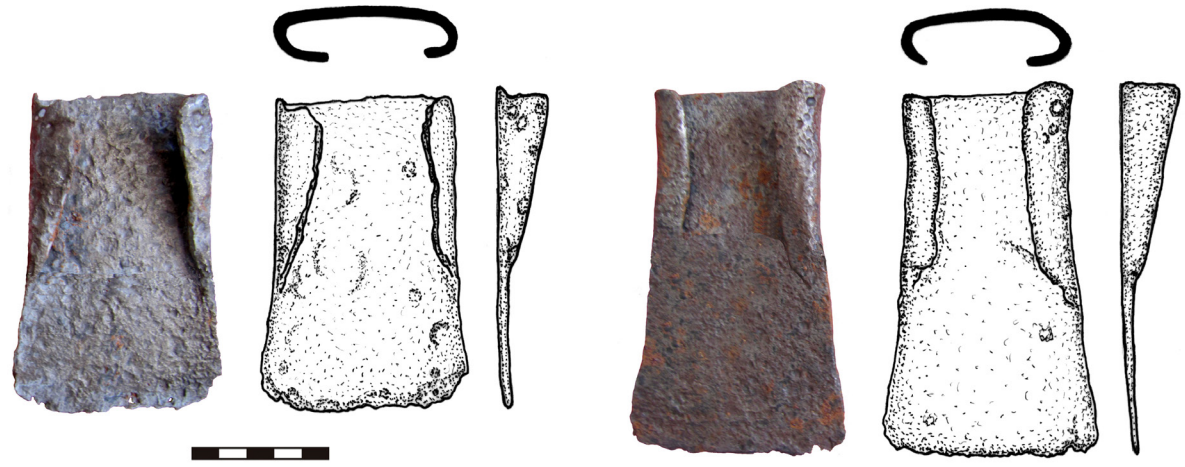


Fig. 3. Sadova. The iron plowshare shovels (photo and drawing).

Brăneşti (Федоров 1960, 379, рис. 71/11), Trebujeni-Scoc (Тельнов, Рабинович 1990, 203, рис. 3-4) and Hansca (Хынку 1967; Postică 2007, 151). A particularity of these pieces is that they are all made of deer horn (Рафалович 1972, 109-110, рис. 16/1-3; Musteaţă 2005, 55-56, fig. 36/1-6)[8].

Starting with the second half of the 8th century in the East Carpathian area all used plowshare shovels are almost exclusively made of iron.

Analogies. In the space to the east and south of the Carpathians, analogies for the two pieces from Sadova are found in the sites of Alcedar (Федоров 1954, 17, рис. 6/7), Bârlăleşti (Teodor 1978, 77, fig. 25/4; Coman 1980, 130, fig. 162/8), Calfa (Чеботаренко 1973, 58), Cociu (Coman 1979, 74, 91, fig. 11/6), Dridu (Zaharia 1967, 94, 128, fig. 54/7), Fundu Herţii (Teodor 1978, 77, fig. 27/1-2; Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987, fig. 52/1-2, 4), Hansca (Хынку 1972, 177, рис. 2/1; Postică 2007, 150-151; Tentiuc 2017, 72, fig. 10/5, 21)[9], Glinjeni (Гольцева, Кашуба 1995, 59, табл. CXXXIII/16), Lucaşeuca (Хынку 1969, 21, рис. 20/1), Măluşteni (Bilavschi 2016, 297, pl. 38/16), Moleşti (Tentiuc 2012, 171, fig. 75/11), Păcuiul lui Soare (Diaconu, Vâlceanu 1972, 168, fig. 68/2-3), Trebujeni-Scoc (Тельнов 1988, 107, рис. 3/9) and in the hoards of tools and weapons from Dragosloveni (Comşa, Constantinescu 1969, 429, fig. 2/1-2) and Vatra Moldoviţei-„Hurghişca", the latter being dated with the 8th-14th centuries (Spinei 1994, 237, fig. 28/4).

The pieces of iron, representing plowshare shovels, have been interpreted differently, being often considered as being *adze* for working wood (Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987, 37, fig. 29/1-2, 4) or a *spoon-shaped plowshare* with two working handles (Henning 1987, 69; Canache, Curta 1994, 188). The discoveries in the Romanian space have also been called *hoes* or „axe with vertical socket" (Teodor 1973, fig. 2/5; Corbu 2006, 189, pl. XXXV/5; Zaharia 1967, 94-95, 128, fig. 54/7). Some scholars have considered plowshare shovels as a tool that is characteristic only for the Romanian space, missing completely in the eastern Slavs space (Olteanu 1997, 81).

We mention that this type of discoveries was known not only to the communities practicing agriculture but also to those whose basic concern was equestrian nomadism (Нестеров 1981, 163-172, рис. 1, 2). For the Altai and Central-Asian regions iron plowshare shovels were used as weapons (Грязнов 1956, 152; Худяков 1982, 120, рис. 2/5-8), being discovered in funerary complexes belonging to some riders (Мерперт 1955, 143).

[8] For artifacts made of deer horn it was assumed that they would have been used for working animal skins. This conclusion was drawn as a result of studying the blade of the pieces. In some cases, they had a polished blade and it is believed they have been used for leather working, others had irregular working surface (see Postică 2007, 150 and note 106).

[9] At the site of Hansca (Ialoveni) more than 20 iron plowshare shovels were discovered (see: Postică 2007, 151).

However, most researchers believe that this category of artifacts serve mainly for removal of soil deposited on the working parts of the plough, plowshare shovel, plough knife, moldboard. Gh. Postică emphasizes the universal nature of plowshare shovels in the human household (Postică 2007, 151 and note 107), which serve both as a farming tool – plowshare shovels or hoe for gardening and craftsman tool – adze for woodworking or as a weapon for nomadic horsemen in the large Eurasian steppes.

Research has made it possible to highlight two (Bilavschi 2016, 126-130), or even three types of plowshare shovels (Henning 1987, 43, Abb. 13). The most common in the Eastern Carpathian region are open-socket plowshare shovels belonging to type P2 after Henning, or type C1 after Bilavschi. To this type belong the plowshare shovels found in the hoard of Sadova.

Another type of plowshare shovel is the one provided with a socket tube, which has a fan-shaped blade symmetrically arranged to the body, discovered at Floreni, Dodeşti and Avereşti (jud. Vaslui) (Teodor 1978, fig. 27/4-6; Coman 1980, fig. 162/5-7). These were classified as Hanning type P1 or P3 and Bilavschi C2 type.

It should be mentioned that some scholars have identified two variants among the open-socket plowshare shovels: a) the first includes pieces where the transition from the socket to the blade is not highlighted; and b) the second includes pieces where the transition from the socket to the blade forms lateral highlighted protrusions which increase the active surface of the piece (Нестеров 1981, 168-172). The first variant was dated to the 6th-8th centuries[10], and the ones with side protrusions to the 8th-10th centuries AD (Нестеров 1981, 172). Within the open-socket type we could point out another variant, variant c), in which the plowshare shovel from Spinoasa[11] (Iaşi county) could be included. It has the blade shape identical to that of the variant a artifacts, yet, unlike them, has a rectangular socket shape (with close "wings") in section (Teodor 1973, fig. 2/5).

Dating. Starting from the fact that P2 type plowshare shovels after Henning (Henning 1987, Abb. 13) are met in the Saltavo-Maiaţk culture and the North Caucasus (Плетнева 1981, 64, рис. 36/41; Ковалевская 1981, 83-87, рис. 62/153), some scholars consider that the pieces discovered in the area east and south of the Carpathians can be dated to the second half of the 8th century and the 9th century (Canache, Curta 1994, 188). On the other hand, most of the plowshare shovels have been brought to light in sites belonging to the time period from the 9th to the 11th centuries AD. It is obvious that in the East Carpathian area these pieces of iron had a longer duration, being used more, from the second half of the 8th century until the end of the 11th century - the beginning of the next one. In the complexes of the 11th-12th centuries, these pieces appear more rarely, but they are not missing completely, as illustrated by the plowshare shovel form dwelling 3/53 in Moleşti discovered together with fragments of clay caldrons and reddish amphorae (Tentiuc 2012, 173), from Hansca (Хынку 1972, 177), Lucaşeuca (Хынку 1969, 21), Păcuiul lui Soare (11th-12th centuries?) (Diaconu, Vâlceanu 1972, 168) and Vatra Moldoviţei-"Hurghişca" (Spinei 1994, 237), the latter with later dating (8th-14th centuries).

4. *Axe* (fig. 4). The artifact is part of the category of axes with elongated and narrow body. It has a rounded and beautifully shaped butt, with two "wings" arranged symmetrically in the extension of the upper part of the butt. On the central part, the hole for the handle has two triangular shaped "wings" arranged on both sides. The size of the triangular side "wings" is uneven, being larger towards the axe handle and less highlighted towards the front. The transition from the butt to the blade is through a highly individualized neck formed by narrowing the body of the piece. The slightly curved blade on the inner side has a symmetrically executed blade on both sides, slightly curved in plan. The length of the piece is 22.9 cm, the width is 2.5-6.1 cm and the hole diameter is 3.7×4.5 cm.

5. *Axe* (fig. 5a). The piece is part of the narrow and elongated body axe category. The massive butt is rounded, with the top slightly flattened and beautifully shaped. Here it has two "wings" arranged symmetrically in the extension of the upper part of the butt. In the central area, the gripping hole is strongly raised, forming two triangular shaped

[10] In the East-Carpathian region this category of tool was identified in the sites of Dodes, Floreni and Bârlălesti, and are dated to the 7th-9th centuries AD. See: Teodor 1978, 77, fig. 27/5-6.

[11] A piece with an identical socket of the plowshare shovel from Spinoasa was discovered in the Celtic hoard from Bezdědovic, in the south of the Czech Republic (see: Novotná, Pleiner 1999, 96, fig. 77).

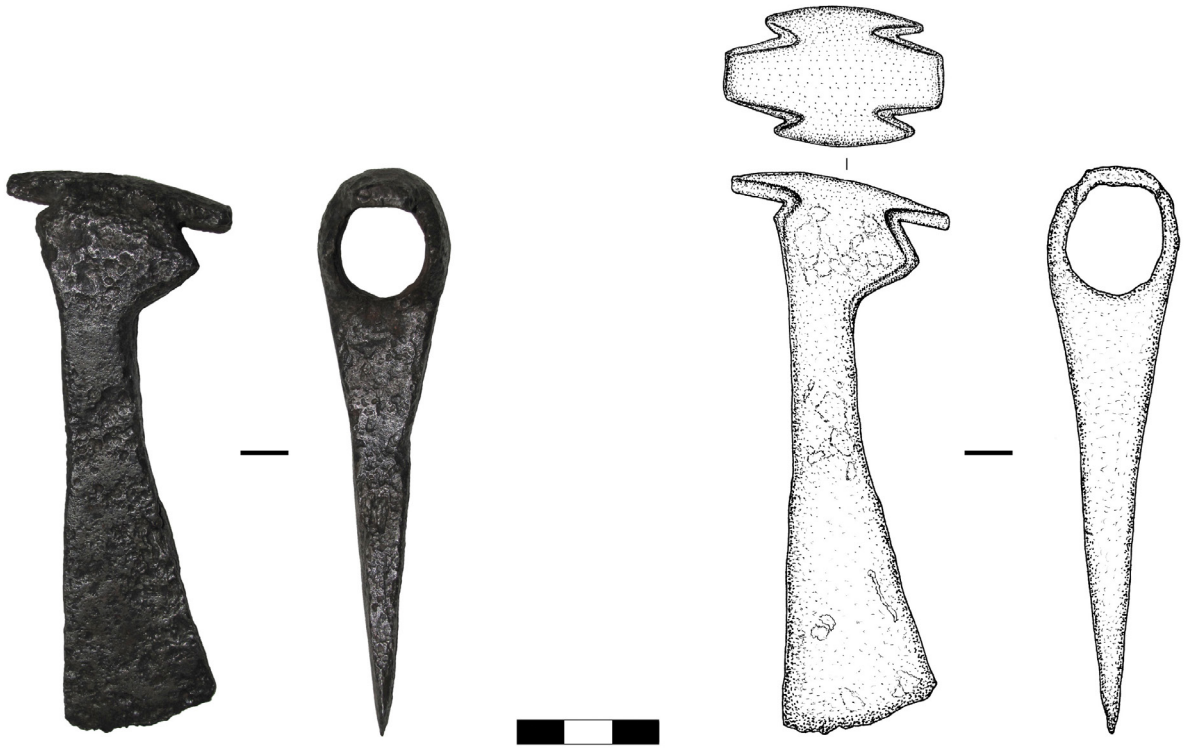


Fig. 4. Sadova. The axe (photo and drawing).

wings arranged on both sides of the hole for the handle. The transition from the butt to the blade is through a well shaped neck, formed by narrowing the body of the piece. The blade is slightly arched on the inner side, and the cutting edge is twice wider than the blade body; is symmetrically made on both sides of the blade, slightly curved. The length of the piece is 17.6 cm, the width is 2.1-4.4 cm, the diameter of the hole is 3.9 cm.

The functionality of axes with elongated body and narrow blade was widely discussed by the researchers. Today the vast majority of scholars accept as rational and practical the proposal by which axes weighing less than 500 g and shorter than 15 cm, to be classified as weapons (Макаров 1992, 41-56; Лесман 2014, 72-73; Тюрк 2018, 167; Меньшиков 2017, 118-131; Kucypera, Pranke; Wadil 2010, 103-176)[12], and those exceeding these coordinates / sizes are considered to have dual functionality, being used both as a weapon and as an indispensable cutting tool in the human household but also during long military campaigns (Кирпичников 1966, 28).

Analogies. The axes described above are part of type IIc after Ruttkay (Ruttkay 1976, 306-307, Abb. 42), type I after Teodor (Teodor 2003, 546-547, fig. 4), or type Id after Bilavschi (Bilavschi 2016, 187-196, pl. LII/8-14). The spreading area of this type of axes includes large spaces stretching from Volga in the east to the Danube and the Balkans in the west, being used by the Eastern European and Northern Caucasus communities as well as by the Central and South Eastern European communities.

In recent decades, more studies have been published on this category of archaeological remains. The most important typological analyzes on early medieval axes belong to P. Paulsen, R. Muller, B. Dostal, Al. Ruttkay, B.A. Kolčin, A.H. Kirpičnikov, V. Yotov, who researched and classified materials in Central and Northern Europe as well as those in Eastern and South Eastern Europe. For the Romanian space are important analyses and studies

[12] With regard to the length that would make the difference between the axes considered as work tools and those used as weapons, but also between weapons and amulets or toys, there are other assumptions according to which the length that differentiates the functionality of the axes (weapons or tools) varies between 8, 10 and 15 cm. This dispute is more about trying to determine the functionality of a large number of miniature axes (amulets, toys, or cult items) found in Northern, Central, Eastern and Southeastern Europe, whose size varies between 2.5 and 8 cm.

Fig. 5. Sadova. The axes (photo and drawing).

on the typology, chronology and functionality of these early medieval artifacts signed by E.I. Emandi, D.Gh. Teodor, V. Spinei, G. Belavschi, etc.

The closest analogies for this kind of axes are found in the pieces that come from random discoveries or from systematic archaeological excavations at Liteni (Liteni commune, Suceava county) (Emandi 1981, 35, fig. 6/5), Pleşeşti (Vultureşti commune, Suceava county) (Emandi 1981, 35, fig. 6/2), Dulceşti (Dulceşti commune, Neamţ county) (Alexianu, Scorţanu 1987, 159, fig. 1), Echimăuţi (Rezina district, Rep. Moldova) (Федоров 1953, 106-107, рис. 45/2b), Poiana (Şoldăneşti district, Rep. Moldova) (Bilavschi 2016, 313-314, pl. LII/8), Lencăuţi-Cernăuţi (Cernăuţi region, Ukraine) (Тимощук 1978; Spinei 1994, fig. 7/8), Prăjeşti (Prăjeşti commune, Bacău county) (Teodor 2003, 546, fig. 4/6) and Krylos (Ivano-Frankivsk region, Ukraine), on Upper Dniester (Томенчук 2006, 17, рис. 15).

Dating. We find that in the East of the Carpathians this type of tool and weapon has been discovered in isolation or in archaeological sites most commonly dated to the 9th-10th centuries (Prăjeşti), 10th-11th centuries (Dulceşti, Echimăuţi and Poiana), 11th century (Liteni and Pleşeşti), or the 12th-13th centuries (Lencăuţi-Cernăuţi). Dan Gh. Teodor ranks them chronologically in the time interval of the

8th-10th centuries AD (Teodor 2003, 542-543), considering that these artifacts of "Danube type" have prototypes in some battle axes from the Getae period, especially to those of the 1st century BC - 1st century AD (Glodariu, Iaroslavschi 1979, 77-80, fig. 36-39). Al. Ruttkay also believes that this kind of axes had local, native development, criticizing the statements he calls *"tendentious"* (Ruttkay 1976, 306) made by P. Paulsen's (Paulsen 1956, 16) according to which they represent Nordic, Germanic influences on Slavs. A. Canache and Fl. Curta consider that the narrow-blade axes from the hoards on the territory of Romania fall within the chronological time interval between the end of the 8th century and the end of the 9th century AD (Canache, Curta 1994, 190- 191, fig. 5/25). Victor Spinei dates this kind of axes to the 10th-12th centuries AD, underlining that in the 13th century are spread axes with one of the blade sides right and the other arched (Spinei 1994, 130).

6. *Axe* (fig. 5b). The piece is part of the broad-axe category. It has a beautifully arched body, wide asymmetrical blade of triangular shape in plan. The axe has a massive, circular, slightly flattened, profiled butt, with two symmetrically extended "wings" on the top of the butt. The hole for the handle is provided with two quasi-triangular "wings" arranged on one side and the other symmetrical to the butt line. The transition to the blade is through a neck formed by narrowing the body. The blade is slightly curved on the outside, but strongly arched on the inner side where, along with the socket "wings", it describes a quasi-parabolic curve. The hatchet[13] has a total length of 15.5 cm, a width of 1.7-7.7 cm and the diameter of the hole of the handle of 3.2 cm.

The artifact belongs to the category of broadaxes that are characteristic for the end of the 1st millennium - the beginning of the 2nd millennium. According to existing classifications, it can be included in type III after D.Gh. Teodor (Teodor 2003, 543-544, fig. 6/1, 2, 4), types III and IVb (with "wings" on the butt) after G. Bilavschi (Bilavschi 2016, 207-208, pl. LIII/2-4), or types III and IV after A.N. Kirpičnikov's typology (Кирпичников 1966, 35-36, рис. 6). The area of spreading these axes in Central and South-Eastern Europe includes Moravia, Slovakia, Hungary, Poland, Romania and Bulgaria. A significant number of such axes have been discovered in Northern Europe and Russia. P. Paulsen calls this type the "*Varangian group"* of North-Baltic axes (Paulsen 1956, 30). A. Kirpičnikov also assumes an old Russian origin of broadaxes axes that would have expanded after the 10th century[14] in different European regions.

Analogies. In the eastern regions of the Carpathians, the broadaxes with symmetrical "wings" on the upper part of the butt are known in several sites, with discoveries at Fedeşti[15] (Şuletea commune, Vaslui county) (Coman 1980, 234, fig. 154/9; Spinei 1982, 103, fig. 21/3), Jariştea (Jariştea commune, Vrancea county) (Paragină 1978, 82, fig. 2), Siliştea Nouă (Dolhasca commune, Suceava county) (Spinei 1985, 182, fig. 10/5; Teodor 2003, 547) and Echimăuţi (Федоров 1953, 106-107, рис. 45/2d). In the rest of the Romanian space such axes have been identified in Oradea (Emandi 1982, 35, fig. 6/3), Baia Mare (Emandi 1981, 35, fig. 6/2) and Vităneşti (Teleorman county) (Leahu, Trohani 1978, 530, 2/6). This is the category of weapons that surpasses from a numerical point of view the axes with raised butt (type II, represented by five copies) found in the eastern and southern parts of the Carpathians (Teodor 2003, 543).

A variant of this type of battle axe with wide blade, fan-shaped, symmetrically or asymmetrically arranged on the body, are the pieces with narrow and short butt, rectangular in section, discovered at Bârlăleşti, Dragosloveni, Ruşi, Năneşti şi Răzeni (Ialoveni district, Republic of Moldova)[16], and possibly those from Răstoaca and Dragosloveni (with broken butt). Some axes may have a vertical and sharp elongated edge, as is the piece from Echimăuţi (Федоров 1953, рис. 45/2c)[17], assigned by A.N. Kirpičnikov to type II (Кирпичников 1966, 106-107), with analogies in the Saltovo-Maiaţk culture sites (Комар, Сухобоков 2000, 20-30, рис. 3/47).

Dating. A.N. Kirpičnikov considers that the type of broad blade ax with a prominent and extended up-

[13] We use here the words broadax and hatchet as synonyms.

[14] In Russian historiography the period of the 9th-11th centuries is called "Varangian-Russian". See: Михайлов 2004, 93-103.

[15] The hatchet from Fedeşti has a small hole on the blade (Spinei 1982, fig 21/3), similarly to an axe discovered in Echimăuţi (Кирпичников 1966, 105, no. 29), an element which is not reflected in the drawings of several publications where this piece appears. The presence of this hole on the axle blade has prompted long and controversial discussions about their usefulness or functionality.

[16] The piece from Răzeni, with a silver ornament on the surface of the blade, is unprecedented. The axe has a protrusion on the blade, in the corner near the handle.

[17] See here, axe no. 3, from four published, indicated top down by letters, from a to d.

per part of the butt, with side "wings" on the socket for the handle, has its origins in the 10th century (Кирпичников 1966, 26-30, 36, рис. 6). Attention was drawn to the fact that most such axes were discovered in the tombs of the ancient Russian druzhina (Varangians) dating back to the 10th-11th centuries AD (Алешковский 1960, 70-90). In the 11th century, in many funerary complexes of druzhina, this type of ax was the only weapon (Кирпичников 1966, 35-36). It was mentioned above that Paulsen rightly considered them of North Germanic origin, a region from where they entered the Slavic and Anglo-Saxon world with the help of the Vikings (Paulsen 1956, 16, 30). V. Spinei dates this type of axes to the 10th-11th centuries AD (Spinei 1985, 182, fig. 10/5) or, more widely to the 10th-12th centuries (Spinei 1994, 130, fig. 4/2). The same dating, 9th-11th centuries, is given to these artifacts by D. Gh. Teodor and G. Bilavschi (Teodor 2003, 544, 547; Teodor 2017, 262-263, 265; Bilavschi 2016, 200-202, 206-208).

Instead of conclusions. Iron tools and weapons, the production and acquisition of which was very difficult, were highly valued throughout the Middle Ages. This explains their long-term use or their identification, sometimes, in inappropriate archaeological contexts[18].

The hoard from Sadova is part of the series of hoards of early medieval weapons and tools found in Central and South Eastern Europe (Canache, Curta 1994, 179-221; Curta 2009, 433-475; Curta 2011, 251-276). In the area of the East and South of the Carpathians, no less than 10 such hoards are known (Curta 2011, 327-331; Ciupercă 2010, 271-288; Ciupercă, Cojocaru 2016, 129-136). These were dated by the specialists between the 8th-9th centuries or 9th-11th centuries AD, their hoarding being related to the battles between Byzantines, Bulgarians and Hungarians in the 9th century, or to the intrusion of Turanic, Pechenegs and Cumans nomads in the 10th century and the end of the 11th century - the beginning of the next century.

Researchers have drawn attention to the fact that since the 8th century (Шевеленко 1992, 35) or, after some, in the 9th century (Макаров 2012, 451-454), Europe experienced important climate change related to progressive warming of the weather, a phenomenon that had a beneficial influence on the development of agriculture (Utterström 1955, 47; Wallerstein 1992, 40-41)[19]. This *"little medieval climate optimum"* lasted until the 13th century. As a result, in the southern and eastern regions of the Carpathians in the 9th and 10th centuries, as well as in the whole Eastern and South Eastern Europe, there are intensive processes of deforestation of the wooded massifs and increase of farming lands. Agricultural activities have led to an increase in the demand for high-quality iron tools, primarily those related to deforestation and earthworks – axes, coulters, plow knives, hoes, sickles, scythes, etc.

The embargo established in the 4th century by the court from Constantinople, initially on the export of *"wine, oil and beverages"* (Corpus Iuris Civilis IV, 42, 1-1) and then on the export of iron tools and weapons or raw iron to the „barbarians" (Canache, Curta 1994, 195 and note 103; Corbu 2006, 189-191), the violation of which equated with treason and perpetuated during the entire Middle Ages by the Byzantine law (Каждан 1958, 56-66; Сюзюмов 1958, 67-75), led to the appearance of the phenomenon called "l'appele de l'aire" or "call of the air" (Grousset 1939, 87; Brătianu 1988, I, 224, 242). As a result, in the eastern area of the Carpathians, tools and weapons came from regions with ancient traditions in ore processing and manufacture of iron tools and weapons. For northern Europe, the Scandinavian space was distinguished since the Roman period with areas rich in ferrous ores (Voss 1971; Мельникова 2010, 43-57; Хейвуд 2019, 36). In the 5th-7th centuries appear major craft centers at Eketorp, Ismantorp, Helgö, Dankirke, specialized extraction and processing of iron (Hagberg 1979) which was exported through the old commercial road network to Central and South-Eastern Europe. The presence of amber in complexes dating back to the 6th-7th centuries, discovered in the Carpathian Basin, arrived here through the trade route of the Vistula, confirms this, as well as the presence of the type I zoomorphic style fibulae brought from Eastern Sweden (Curta 2006, 172)[20]. From the

[18] In each of the two hoards with agricultural tools from Orheiul Vechi, dated with the 13th-14th centuries, were discovered an axe with shapes typical for the 9th-11th centuries. See: Бырня, Рябой 1988, 117, рис. 1/3; Бырня, Рябой 1997, 284, рис. 2/1; Бырня, Рябой 2000, рис. 113; 115/5; Teodor 2003, 544 and note 74.

[19] According to climatological research, the climate change, manifested by a significant warming of the weather, spread from northwest to southeast Europe, from the middle of the 8th century so that in the 13th century in England were planting vineyards.

[20] Climate change and drop of temperatures from the 5th to the 6th century made it popular the wear of sable and fox furs in Constantinople, and the resumption of transcontinental roads linking Scandinavia to Byzantium. See: Казанский 2010, 17-127, fig. 1. For the eastern and southern Carpathian region, the climatic changes of the 5th and 6th centuries brought the stone oven and the deepened dwellings.

Baltic regions to the eastern area of the Carpathians, periodically, penetrate artifacts and enclaves of northern origin during the Early Middle Ages (Kazanski 2013, 154-165; Tentiuc 2018, 321; Tentiuc, Bubulici 2018, 73).

The Scandinavians were receptive to the socio-economic and political transformations that were taking place on the Euro-Asian continent in the last quarter of the 1st millennium, when the Arab conquests of the 7th and 8th centuries provoked the crisis of the Mediterranean centers and led to reorientation of trade routes to safer regions in northern Europe, the Baltic Sea and the North Sea.

Political and administrative reorganization with a focus on the economic aspects of the Abbasid Arab Caliphate, peace with the Tang Empire concluded after the Battle of Talas (year 751) led them to take control of important segments of the transcontinental trade routes (Tentiuc 2017, 128-130). On the other hand, the silver crisis in the Carolingian empire, the identification of alternative ways to connect to the Great Silk Road, and the special interest of Vikings for white metal products explains why in the second half of the 8th century and in the 9th century, the Scandinavians used more intensely the commercial, sea and river routes leading to Constantinople and Baghdad (Spinei 1985, 47) which were transiting regions of Eastern Europe. The route from the Baltic Sea to the Caspian Sea, along the Volga, at the end of the 8th century and the beginning of the 9th century, was called by researchers as the *"Arab Road"* (Дубов 1989). During this period is noted an intense exploitation of the commercial route along Dnieper described by the emperor-scholar Constantine VII Porphyrogenetus (Constantin Porphirogenetul, 8, 5-22, 9, 78-101), called in the Russian chronicle *"the road from Varangians to Greeks"* (Леонтьев, Носов 2012, 382-401; Петрухин 2010, 58-65; Пчелов 2010, 66-77).

Probably, from the end of the 8th century and the beginning of the 9th century, was used with more frequency the old route from the Baltic Sea to the East-Carpathian and North-Pontic, along the rivers Vistula, Dniester, Prut and Siret. It connected the northern countries to the Byzantine Empire and the Arab Caliphate, invariably following the course of the rivers and the Black Sea shore (Spinei 1985, 47-48; Teodor 1985, 263-268; Musteaţă 2007, 165-182).

Some scholars have called the commercial road that went along the Dniester River as *"the second road from Varangians to Greeks"* (Пашуто 1950, 166-167; Новикова 1990, 115; Болдуряну, Рябцева 2015, 114)[21]. The route followed the Baltic Sea - Vistula - West Bug or San - Dniester - Black Sea[22], with several meridional branches. The road through which the northerners of the Baltic region penetrated into the eastern lands of the Carpathians was an old one, known to the Bastarnae in the 3rd and 2nd centuries BC, later used by the Goths. The latter moved to north-Pontic and eastern Carpathian space in the 2nd and 3rd centuries BC, being identified among the bearers of highly Romanized archeological cultures of the 4th century[23].

It was noted that in the eastern and southern regions of the Carpathians no hoards of tools and weapons were recorded for the period prior to the 9th century or the time interval after the second half of the 10th century (Teodor 2004, 405)[24]. However, most of the tools and weapon hoards were dated to the 8th-9th and 9th-11th centuries, as most of the known hoards in Central and South-Eastern Europe are dated (Curta 2011, 327-331).

With this period is dated also a large number of coin hoards and adornments hoards, consisting of Byzantine and oriental pieces, mainly made of gold or silverware, discovered in the East Carpathian area at Alcedar, Cleja, Dolheşti, Echimăuţi, Făureşti, Panciu, Paşcani, Răducăneni etc. (Spinei 1994, 124)[25]. Part of the hoards were dated to the middle and the second half of the 10th century (Alcedar, Cleja, Echimăuţi, Răducăneni) and another to the 11th century (Dolheşti, Făureşti, Paşcani)

[21] Later, depending on its political control, it was known as the "Dacian road" or "the Moldovan road". See: Gonţa 1989, 25-45.

[22] A team lead by Henryk Wolski took this route in 2006 during about 60 days starting from Gdansk, following the route on Vistula, San and Dniester until reaching the Black Sea, traveling on the model of a Viking trade ship named Welet. See: Humbert 2015, 190.

[23] The Nordic peoples have preserved beautiful legends about the Gothic storyland. In the Scandinavian writings of the 12th-13th centuries, a fairy-tale land of the Germans is often mentioned, situated in the south, a space where are wars and clashes between the giants, where heroes and empires are born and die. See: Шаров 1997, 95-106.

[24] We consider that the upper limit of hiding the hoard, as we have mentioned above, as well of some silver treasures, can be extended to the second half and the end of the 11th century.

[25] Researchers distinguish between the hoards discovered in the steppe area, which could have originated from salaries granted by Byzantines to nomad Turanians, and those from the forest steppe regions of the Eastern Carpathian space (Spinei 1982, 98).

(Vîlcu, Isvoranu 2015, 102-105; Boldureanu, Nicolae 2015, 113-119). The hoards are part of a wider phenomenon of treasuring of some Byzantine and Islamic coins (Нунан 2004, 255-308; Леонтьев, Носов 2012, 385)[26] or gold ornaments, which includes regions in the Great Britain, Scandinavia, the Baltic countries, Poland, Russia and Ukraine (Корзухина 1954; Пушкина 2010, 147-153; Макаров, Гайдуков, Гомзин 2016, 48-74)[27]. For the eastern area of the Carpathians the burial of the hoards was connected with certain military-political events, with the penetration into the East Carpathian space of the Hungarians, Pechenegs or Cumans, and their wars with the Byzantine Empire (Teodor 1985, 62, 65).

The time span corresponds to the period of peak activity of the Scandinavians in the northern, eastern and southeastern Europe from the 8th to the 11th centuries, with the second phase of the European politogenesis (Горский 2014, 25-33), but also with important changes that have occurred in the field of socio-economic and political development in Central, Eastern and Southeastern Europe, based on climate change and some "formidable social energies".

Starting from these considerations, we mention that the penetration of Viking groups in the East and South of the Carpathians (Spinei 1973, I, 57-82 and II, 259-283; Damian, Vasile 2011, 275-290; Paraschiv-Talmaţchi, Talmaţchi 2013, 263-291; Dejan 2015, 195-218; Yotov 2018, 467-476)[28], who were both craftsmen (Якубовский 1926, 65)[29], merchants and warriors, gave a new impetus to the development of iron metallurgy in the region (Teodor 1996, 10-42; Teodor 2011; Postică 2007, 156-158; Telnov 1994, 31-40)[30], the production of iron tools and weapons in a period of important changes in the field of production and trade activities, changes in the social and economic stratification of human communities, emergence of strongholds protected with strong earth ramparts with palisades and defense ditches (some circular in plan), a period characterized by a considerable demographic increase of the local Romanian communities at the end of the 1st millennium AD.

We do not have much concluding evidence regarding the dating of the hoard from Sadova with the end of the 1st millennium - the beginning of the 2nd millennium. As the iron tools have a quite long period of use, the exact identification of the time the hoard was hidden can only be done by analogy with artifacts of the same type found in closed complexes with clearly dated elements.

What draws attention to the findings from this hoard is that the hoe and the three axes have a beautifully stenciled butt, with symmetrical "wings" in the upper part of the butt (along with side "wings" to strengthen the socket for the handle). Close analogies for this butt model are found, as we have seen, on the axes from Fedeşti, Silištea Nouă and Jariştea (Spinei 1994, fig. 4/1-2, 8), dated with the 10th-11th centuries. Two of the four axes discovered in the circular fortified settlement of Echimăuţi have the same butt shape (Федоров 1953, рис. 45/2b and 2d)[31]. It seems that the Lencăuţi-Cernăuţi axe, discovered in the cultural layers dated in the 12th century - the first half of the 13th century, with identical butt shape, belongs to the same category of artifacts (Spinei 1994, fig. 7/8).

The cause for hiding and later oblivion of the hoard of tools and weapons from Sadova can be linked to the change in the political situation in the Northern Black Sea regions, including the

[26] According to the researchers' calculations, in the 10th century, dirhems with a total weight of 375 tons or an average of 3.75 tons per year were imported into Northern and Eastern Europe. See: Нунан 2004, 255-308; Леонтьев, Носов 2012, 385.

[27] Some scholars try to convey a random character and a lack of connection between the phenomenon of hiding treasures and hoards of early medieval tools and weapons in the mentioned regions. See: Urbańczuk 2009, 499-521.

[28] See: Spinei 1973. Here, on p. 277, he author recalls a bronze bouterolle, characteristic of the Varangians, dated in the 11th-12th centuries, discovered near Bârlad. The presence of the tip of the sheath is related to the period when the Varangians, in the desire to reach Byzantium, tried to find other ways than the Dnieper, which became dangerous because of the Turanic nomad neighbors. In recent years, to the east of the Carpathians, other remains of Viking origin have been discovered: battle axes (Alcedar, Echimăuţi, Orhei, Răzeni-Ialoveni etc.), spades (Paşcani-Iaşi), bouterolle (Bârlad and Echimăuţi), miniature iron bronze axes (Cărbuna-Ialoveni, Păhărniceni-Petruha-Orhei), spurs, amber pendants, and weights (Alcedar, Echimăuţi), balance scale (Voloave) etc.), which confirms the assumption that some commercial roads functioned, and some fortified halts/camps situated along the Nistru, Prut and Siret, which were used by the Scandinavians to reach Constantinople.

[29] Ibn-Miskawayh mentions the people rūs: „It is in their habit to wear all kinds of weapons. They cling to themselves most of the handicraft tools, made of ax, pile and hammer, or what resembles them".

[30] In the space between Prut and Dniester for the period of the 8th/9th - 12th/13th centuries up to the present, about 70 kilns for iron smelting have been discovered and researched, others, some dozens, were destroyed to the extent that they could not be documented from an archaeological point of view, a number that makes this space to be highly distinguished from the neighboring regions.

Eastern Carpathian region, from the end of the 1st millennium and the beginning of the 2nd millennium. It is the time when the East Carpathian space becomes the arena of confluence, but also of confrontation, of two migratory waves – of the Turanian communities that penetrate from the eastern steppe and the Vikings that periodically cross the territory, penetrating from the north. The temporary presence of these communities in the region is evidenced by the information provided by the written sources and confirmed by the archaeological remains. However, if Romanian historiography have accumulated an important number of studies about the Turanian nomads, the presence of the Scandinavians in the eastern regions of the Eastern Carpathians is at the stage of accumulation of documentary materials, with only episodic reflections in the publications of scholars.

The last migratory waves of Turanian nomads have affected the lives of sedentary local communities from the east of the Eastern Carpathians and the north of the Lower Danube in a different way. In recent years, more and more researchers have supported the idea of predominantly peaceful relationships between the sedentary local population and the Pechenegs (Spinei 1982, 122-128; Spinei 2009, 349; Curta 2013, 211-212; Козлов 2015, 220). As an argument for this claim is the example of settlements in the area of the Danubian lakes, the sites of the final stage of Dridu culture in the Carpathian-Nistrian area, which cease their existence no earlier than the middle of the 11th century (Teodor 1987, 140-167).

Different were the relations of the Romanian native communities and the Viking enclaves with the tribes of the Cumans, who entered this area at the end of the 11th century (Spinei 1974, 389-392; Spinei 1986-1987, 120-122) and which ended with significant destructions, and even with the disappearance of most of the fortified settlements in the Carpathian-Nistrian region.

Starting from this, we consider the artifacts are from the 10th -11th centuries, and the hiding of Sadova's hoard of tools and weapons can be linked to one of the invasions of the Cumans that could have happened in the second half or even in the last quarter of the 11th century (Diaconu 1978, 73-90; Spinei 1982, 130-135; Spinei 1985, 71-93; Postică 2007, 92-94).

Bibliography

Alexianu, Scorţanu 1987: M. Alexianu, Şt. Scorţanu, Două topoare din evul mediu descoperite în judeţul Neamţ. Memoria Antiquitatis XV-XVII (1983-1985), 155-165.

Andronic 1993: M. Andronic, Un topor de luptă prefeudal descoperit la Suceava. ArhMold XVI, 1993, 283-284.

Andronic 2001: M. Andronic, Cultura materială din secolele VIII-X din teritoriul nord-est carpatic. Suceava XXVI-XXVIII (1999-2001), 2001, 219-282.

Artimon 1989: Al. Artimon, Topoare din secolele X-XI e.n. Carpica XX, 1989, 215-221.

Barnea 1967: I. Barnea, Arme şi piese de harnaşament. In: Dinogetia, I (Bucureşti 1967), 337-341.

Beranova 1980: M. Beranova, Zemědělství starých slovanu (Praga 1980).

Bilavschi 2016: G. Bilavschi, Unelte agricole din Moldova medievală (Brăila 2016).

Boldureanu, Nicolae 2015: A. Boldureanu, E. Nicolae, Monedele islamice. In: (coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda din Republica Moldova (Chişinău 2015), 113-119.

Braudel 1989: F. Braudel, Timpul lumii, vol. I-II (Bucureşti 1989).

Brătianu 1988: Gh.I. Brătianu, Marea Neagră. De la origini până la cucerirea otomană. vol. I-II. Trad. Michaela Spinei. Ed. îngrijită, studiu introductiv, note şi bibliografie de V. Spinei (Bucureşti 1988).

Canache, Curta 1994: A. Canache, Fl. Curta, Depozite de unelte şi arme medievale timpurii de pe teritoriul României. Musaios IV/I, 1994, 179-221.

Ciupercă 2014: B. Ciupercă, Observaţii asupra unor topoare de luptă din colecţiile Muzeului Judeţean de Istorie şi Arheologie Prahova. Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman 6, 2014, 143-150.

Ciupercă 2015: B. Ciupercă, Topoare de luptă din a doua jumătate a mileniului I din colecţiile Muzeului Judeţean Teleorman. Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman 7, 2015, 167-178.

Ciupercă, Cojocaru 2016: B. Ciupercă, V. Cojocaru, Două topoare de luptă din a doua jumătate a mileniului I p. Chr., aflate în colecţia Muzeului din Roşiorii de Vede, judeţul Teleorman. Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman. Seria Arheologie 8, 2016, 129-136.

[31] A battle axe, from Alcedar, with the but identical in shape is preserved in the collections of the National Museum of History of Moldova from Chişinău (first published).

Ciută, Borangic 2018: M.-M. Ciută, C. Borangic, A Recently Recovered Lot of Iron Tools and Weapons Originating in the Area of Orăştiei Mountains. Brukenthal. Acta Musei XIII/1, 2018, 31-46.

Coman 1979: G. Coman, Noi cercetări arheologice cu privire la secolele V-XI în partea de sud a Moldovei. Acta Moldaviae Meridionalis I, 1979, 71-100.

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Comşa 1978: M. Comşa, Cultura materială veche românească (aşezările din secolele VIII-X de la Bucov-Ploieşti) (Bucureşti 1978).

Comşa 1980: M. Comşa, Grădinăritul în mileniul I e.n. pe teritoriul României. Pontica 13, 1980, 164-184.

Comşa 1987: M. Comşa, Un drum care lega ţinutul Vrancei de Dunăre şi existenţa unui cnezat pe valea Putnei în secolele IX-X. Vrancea. Studii şi comunicări V-VII (1982-1984), 1987, 39-44.

Comşa, Constantinescu 1969: M. Comşa, Gh. Constantinescu, Depozitul de unelte şi arme din epoca feudală timpurie descoperit la Dragosloveni (jud. Vrancea). SCIV XX/2, 1969, 425-436.

Comşa, Gheannopoulos 1969: M. Comşa, E. Gheannopoulos, Unelte şi arme din epoca feudală timpurie descoperite la Radovanu (jud. Ilfov). SCIV XX/4, 1969, 617-621.

Comşa, Diculescu 1973: M. Comşa, C. Diculescu, Un depozit de unelte şi arme descoperit la Curcani (jud. Ilfov). SCIV XXIII/3, 1973, 469-475.

Corbu 2006: E. Corbu, Sudul României în evul mediu timpuriu (secolele VIII-XI). Repere arheologice (Brăila 2006).

Corpus 1970: Corpus Iuris Civilis, Codicele lui Iustinian. Fontes Historiae Dacoromanae II (Bucureşti 1970), 373-387.

Croitoru 2016: C. Croitoru, Topoare medievale identificate în judeţul Galaţi. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 333-344.

Cucoş et al. 1987: Şt. Cucoş, Gh. Dumitroaia, D. Monah, M. Alexianu, Două topoare din evul mediu descoperite în judeţul Neamţ. Memoria Antiquitatis XVII, 1987, 159-165.

Curta 2006: Fl. Curta, Apariţia slavilor. Istorie şi arheologie la Dunărea de Jos în veacurile VI-VII (Bucureşti 2006).

Curta 2009: Fl. Curta, Iron and potlach: Early Medieval Hoards of Implements and Weapons in Eastern Europe. Fl. Curta, Text, Context, History, and Archaeology. Studies in Late Antiquity and the Middle Ages, ed. by V. Spinei (Bucureşti-Brăila 2009), 433-475.

Curta 2011: Fl. Curta, New Remarks on Early Medieval Hoards of Iron Implements and Weapons. Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldtstiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.-9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik. Edited by J. Macháček and Š. Ungermann (Bonn 2011), 251-276.

Damian, Vasile 2011: O. Damian, M. Vasile, Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county. SCIVA 62/3-4, 2011, 275-290.

Dejan 2015: M. Dejan, Elemente răsăritene în ţinuturile extracarpatice (secolele VI-X) (Suceava 2015).

Diaconu 1978: P. Diaconu, Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles (Bucureşti 1978).

Diaconu, Vâlceanu 1972: P. Diaconu, D. Vâlceanu, Păcuiul lui Soare. Cetatea bizantină, vol. I (Bucureşti 1972).

Emandi 1981: I.E. Emandi, Cercetări privind uneltele de tăiat de pe teritoriul României în perioada secolelor IX-XVII. Studii şi comunicări de istorie a civilizaţiei populare din România, vol. II (Sibiu 1981), 19-65.

Glodariu, Iaroslavschi 1979: I. Glodariu, E. Iaroslavschi, Civilizaţia fierului la daci (sec. II î. e.n. - I e.n.) (Bucureşti 1979).

Gonţa 1989: Al.I. Gonţa, Ce spun documentele moldoveneşti şi izvoarele străine despre drumurile comerciale ale Moldovei. In: Al.I. Gonţa, Legăturile economice dintre Moldova şi Transilvania în secolele XIII-XVII (Bucureşti 1989), 25-45.

Grousset 1939: R. Grousset, L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan (Paris 1939).

Hagberg 1979: U.E. Hagberg, Eketorp. Fortification and Settlement on Oland (Sweden) (Stockholm 1979).

Haywood 2019: J. Haywood, Northmen. The Viking Saga. 793-1241 AD. Перевод с английского Н. Мезина. 2-е издание, дополненное и исправленное (Москва 2019).

Henning 1987: J. Henning, Südosteuropa zwischen Antike und Mitelalter. Archäologische Beiträge zur Landwirtschaft des I. Jahrtausends u.Z. (Berlin 1987).

Humbert 2015: B. Humbert, La circulation des Scandinaves dans la Rus' aux IXe-XIe siècles, (Paris 2015).

Kucypera, Pranke, Wadyl 2010: P. Kucypera, P. Pranke, S. Wadyl, Wczesnośredniowieczne miniaturowe toporiki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. Korpus zabutków. Życie codzienne przez pryzmat rzeczy. Kultura materialna średniowiecza w Polsce, t. I (Torun 2010), 103-176.

Leahu, Trohani 1978: V. Leahu, G. Trohani, Două morminte de călăreţi nomazi din Cîmpia Teleormanului. SCIVA 29/4, 1978, 530-535.

Lombard 2014: M. Lombard, L'Islam dans sa première grandeur (VIIIe-XIe siècles) (Paris 2014).

Lynn 1963: W. Lynn, What accelerated technological Progress in the Western Middle Ages. In: Scientific Change: historical studies in the intellectual, social and technical conditions for scientific discovery and technical invention, from antiquity to the present: Symposium on the History of Science, University of Oxford, 9-15 July 1962, Ed. by A.C. Crombie (London 1963).

Musteaţă 2005: S. Musteaţă, Populaţia spaţiului pruto-nistrean în secolele VIII-IX (Chişinău 2005).

Musteaţă 2007: S. Musteaţă, Răspândirea monedei islamice timpurii la nordul Dunării de Jos în secolele VIII-X. In: Monedă şi comerţ în sud-estul Europei, I (Sibiu 2007), 165-182.

Nania 1969: I. Nania, O importantă descoperire din perioada feudalismului timpuriu la Bîrlogu, comuna Negraşi, judeţul Argeş. In: Studii şi comunicări 2 (Piteşti 1969), 117-132.

Novotná, Pleiner 1999: B. Novotná, R. Pleiner, Metalografiský výzkum pěti železných nástroju z berzdědovického depotu. In: J. Michálek, Keltsky poklad z Bezdědovic na Blatensku (Blatna 1999), 91-116.

Olteanu 1989: Şt. Olteanu, Contribuţii la cunoaşterea evoluţiei principalelor unelte agricole de pe teritoriul României în epoca marilor migraţii (secolele IV-XI). Revista de istorie 42/3, 1989, 275-284.

Olteanu 1997: Şt. Olteanu, Societatea carpato-danubiano-pontică în secolele IV-XI). Structuri demo-economice şi social-politice (Bucureşti 1997).

Paragină 1978: A. Paragină, Două piese de metal din feudalismul timpuriu descoperite în comuna Jariştea, judeţul Vrancea. Vrancea. Studii şi comunicări I, 1978, 181-184.

Paragină 1979: A. Paragină, Un nou depozit de arme şi unelte din feudalismul timpuriu descoperit pe teritoriul judeţului Vrancea. Vrancea. Studii şi comunicări II, 1979, 40-49.

Paragină 2002: A. Paragină, Habitatul medieval la carbura exterioară a Carpaţilor în secolele X-XV (Brăila 2002).

Paraschiv-Talmaţchi, Talmaţchi 2013: C. Paraschiv-Talmaţchi, G. Talmaţchi, Comerţul la gurile Dunării în secolele IX-XII. Un stadiu al cercetărilor. Pontica XLVI, 2013, 263-291.

Paulsen 1956: P. Paulsen, Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa (Bonn 1956).

Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: M. Petrescu-Dîmboviţa, D.Gh. Teodor, Sisteme de fortificaţii medievale timpurii la est de Carpaţi. Aşezarea de la Fundu Herţii (jud. Botoşani) (Iaşi 1987).

Porfirogenetul 1971: Constantin Porfirogenetul, Carte de învăţătură pentru fiul său Romanos, ed. N. Grecu (Bucureşti 1971).

Postică 2007: Gh. Postică, Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (Bucureşti 2007).

Ruttkay 1976: A. Ruttkay, Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II). Slovenska archeologia XXIV/2, 1976, 245-395.

Spinei 1973: V. Spinei, Informaţii destre vlahi în izvoarele medievale nordice. SCIV 24/1, 57-82; 24/2, 1973, 259-283.

Spinei 1974: V. Spinei, Antichităţile nomazilor turanici din Moldova în primul sfert al mileniului al II-lea. SCIVA 25/3, 1974, 389-392.

Spinei 1980: V. Spinei, Aspecte economice şi sociale ale evoluţiei comunităţilor locale din spaţiul est-carpatic în secolele X-XIII. Hierasus I, 1980, 217-242.

Spinei 1982: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Bucureşti 1982).

Spinei 1985: V. Spinei, Realităţi etnice şi politice în Moldova Meridională în secolele X-XIII. Români şi turanici (Iaşi 1985).

Spinei 1986-1987: V. Spinei, Populaţiile nomade turce în regiunile româneşti în secolele X-XIV: aprecieri sintetice. Suceava. Anuarul Muzeului Judeţean XIII-XIV, 1986-1987, 120-122.

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinău 1994).

Spinei 2009: V. Spinei, The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century (Leiden: Brill 2009).

Telnov 1994: N. Telnov, Complexe medievale timpurii de producere a fierului în interfluviul Prut-Nistru. Suceava. Anuarul Muzeului Judeţean XXI, 1994, 31-40.

Tentiuc 2012: I. Tentiuc, Contribuţii la istoria şi arheologia spaţiului pruto-nistrean. Siturile de la Durleşti şi Moleşti (Chişinău 2012).

Tentiuc 2017: I. Tentiuc, Populaţia din Moldova Centrală în secolele X-XIII (Chişinău 2017).

Tentiuc 2018: I. Tentiuc, Aşezări fortificate, cete înarmate şi formaţiuni politice prestatale la românii de la est de Carpaţi în secolele IX-XIII. SCIVA 69/1-4, 2018, 321.

Tentiuc, Bubulici, 2018: I. Tentiuc, V. Bubulici, Despre pătrunderea unor piese de origine varegă în spaţiul est-carpatic în perioada evului mediu timpuriu. In: Viaţa cotidiană în spaţiul est-european din cele mai vechi timpuri până în prezent: abordări interdisciplinare. Conferinţa ştiinţifică internaţională (Chişinău, 30 octombrie 2018). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2018), 73.

Teodor 1973: D.Gh. Teodor, Descoperiri arheologice în Moldova referitoare la agricultura din secolele VI-XI e.n. Terra nostra. Culegere de materiale privind istoria agrară a României, III (Bucureşti 1973), 223-232.

Teodor 1978: D.Gh. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuţii arheologice şi istorice la problema formării poporului român (Iaşi 1978).

Teodor 1981: D.Gh. Teodor, Romanitatea carpato-dunăreană şi Bizanţul în veacurile V-XI e.n. (Iaşi 1981).

Teodor 1985: D.Gh. Teodor, Legături economice între regiunile de la răsărit de Carpaţi şi Orientul Arab în secolele IX-X e.n. In: Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol" XXII/1 (Iaşi 1985), 263-268.

Teodor 1987: D.Gh. Teodor, Aşezarea feudală timpurie de la Epureni-Vaslui. ArhMold XI, 1987, 140-167.

Teodor 1996: D.Gh. Teodor, Meşteşugurile la nordul Dunării de Jos în secolele IV-XI d. H. (Iaşi 1996).

Teodor 2003: D.Gh. Teodor, Topoare medievale timpurii în regiunile carpato-nistrene. In: Temeiuri ale civilizaţiei româneşti în context european. In memoriam Radu Popa (Cluj-Napoca 2003), 185-200.

Teodor 2004: D.Gh. Teodor, Depozitul de unelte şi arme medievale timpurii de la Gârbovăţ (jud. Galaţi). Memoria Antiquitatis XXIII, 2004, 395-406.

Teodor 2011: D.Gh. Teodor, Un centru meşteşugăresc din evul mediu timpuriu. Cercetările de la Lozna-Botoşani (Brăila 2011).

Teodor 2017: D.Gh. Teodor, Armament din secolele V-XI la est de Carpaţi. Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi arheologie XIII, 2017, 260-272.

Urbańczuk 2009: P. Urbańczuk, The Polish discussion on medieval deposits of hack-silver. Historia archaeologica: Festschrift für Heiko Steuer zum 70. Geburtstag (Berlin-New York), 499-521.

Utterström 1955: G. Utterström, Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History. Scandinavian Economic History Reviev, III, 1, 1955.

Vîlcu, Isvoranu 2015: A. Vîlcu, Th. Isvoranu, Monedele bizantine. In: (coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda din Republica Moldova (Chişinău 2015), 102-105.

Voss 1971: O. Voss, Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit (Stockholm 1971).

Wallerstein 1992: Im. Wallerstein, Sistemul mondial modern. Agricultura capitalistă şi originile economiei mondiale europene în secolul al XVI-lea, vol. I-II (Bucureşti 1992).

Yotov 2007: V. Yotov, The Vikings in the Balkans (Tenth to 11th Centuries). Strategic and tactical changes. New Archaeological data on Weaponry. Archaeologia Baltica 8, 2007, 321-327.

Yotov 2018: V. Yotov, Data about northmen's presence in the Lower Danube Area. In: Studia romana et medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXX peragentis professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata (Bucureşti-Brăila 2018), 467-476.

Zaharia 1967: E. Zaharia, Săpăturile de la Dridu. Contribuţii la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român (Bucureşti 1967).

Алешковский 1960: М.Х. Алешковский, Курганы русских дружинников XI-XII вв. СА 1, 1960, 70-90.

Багрянородный 1991: Константин Багрянородный, Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии, издание второе, исправленное. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева (Москва: Наука 1991).

Болдуряну, Рябцева 2015: А.И. Болдуряну, С.С. Рябцева, Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX - начала XI вв. В: Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв. II Международная нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3-5 апреля 2015 года. Материалы докладов и сообщений (Санкт-Петербург 2015), 108-115.

Бырня, Рябой, 1988: П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, Археологические работы в Старом Орхее. В сб.: АИМ в 1983 г. (Кишинев 1988), 113-126.

Бырня, Рябой, 1997: П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, Железные изделия XIV века из Старого Орхея. В: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 281-299.

Бырня, Рябой, 2000: П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, Два клада из Старого Орхея (Кишинев 2000).

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-1979, 1989-1990 гг.) (Тирасполь 1995).

Горский 2014: А.А. Горский, Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н.э. В: Русь в IX-XII веках. Общество, государство, культура (Москва-Вологда 2014), 25-33.

Грязнов 1956: М.П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. В: Материалы и исследования по археологии, вып. 48 (Москва 1956).

Дубов 1989: И.В. Дубов, Великий Волжский путь (Ленинград 1989).

Казанский 2010: М.М. Казанский, Скандинавская меховая торговля и „Восточный путь" в эпоху переселения народов. Stratum plus 4, 2010, 17-127.

Каждан 1958: А.П. Каждан, Василики как исторический источник. Византийский временник XIV, 1958, 56-66.

Кирпичников 1966: А.Н. Кирпичников, Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Е1-36 (Москва 1966).

Кирпичников, Медведев 1985: А.Н. Кирпичников, А.Ф. Медведев, Вооружение. Древняя Русь. Город, замок, село. В: Археология СССР (Москва 1985), 298-363.

Комар, Сухобоков 2000: А.В. Комар, О.В. Сухобоков, Вооружение и военное дело Хазарского каганата. Восточноевропейский археологический журнал 2 (3) (Киев 2000), 20-30.

Корзухина 1954: Г.Ф. Корзухина, Русские клады (Москва-Ленинград 1954).

Ковалевская 1981: В.Б. Ковалевская, Северокавказские древности. В: Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981), 83-97.

Козлов 2015: В.И. Козлов, Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII - начала XI веков н.э.: балкано-дунайская культура (Казань-Санкт-Петербрг-Кишинев 2015).

Курта 2013: Ф. Курта, Образ и археология печенегов. Stratum plus 5, 2013, 203-234.

Леонтьев, Носов 2012: А.Е. Леонтьев, Е.Н. Носов, Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. В: Русь в IX-X веках: археологическая панорама. Древности Севера (Москва 2012), 382-401.

Лесман 2014: Ю.М. Лесман, Скандинавский компонент древнерусской культуры. Stratum plus 5, 2014, 43-87.

Макаров 1992: Н.А. Макаров, Древнерусские амулеты-топорики. РА 2, 1992, 41-56.

Макаров 2012: Н.А. Макаров, Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий. В: Русь в IX-X веках. Археологическая панорама (Москва-Вологда), 451-454.

Макаров, Гайдуков, Гомзин 2016: Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, А.А. Гомзин, Серебро на поселениях: монеты и торговый инвентарь IX-X вв. в Суздальском ополье. РА 4, 2016, 48-71.

Мельникова 2010: Е.А. Мельникова, Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 43-57.

Меньшиков 2017: М.Ю. Меньшиков, Секиры Перуна или топор Святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI-XVII веках. В: Археология Подмосковья. Материалы научного семинара, вып. 13 (Москва 2017), 118-131.

Мерперт 1955: Н.И. Мерперт, Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА 23, 1955, 131-168.

Михайлов 2004: К.А. Михайлов, О формировании всаднической субкультуры в Древней Руси. В: Новгород и Новгородская земля. История и археология, 8/94 (Новгород 2004), 93-103.

Недопако 2009: Д.П. Недопако, Залізні вироби з Рухотина. Археологія 4, 2009, 68-75.

Нестеров 1981: С.П. Нестеров, Тесла древнетюркского времени южной Сибири. В: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии (Новосибирск 1981), 163-172.

Нунан 2004: Т.С. Нунан, Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. В: Археология, история, этнография Восточной Европы. Сборник в честь И.В. Дубова (Санкт-Петербург 2004), 255-308.

Пашуто 1953: В.Т. Пашуто, Очерки по истории Галицко-Волынской Руси (Москва 1953).

Перхавко 1979: В.Б. Перхавко, Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. СА 4, 1979, 40-55.

Петрухин 2010: В.Я. Петрухин, Путь „из варяг в греки": летописная конструкция и транконтинентальные магистрали. В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 58-65.

Плетнева 1981: С.А. Плетнева, Салтово-маяцкая культура. Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981), 62-75.

Плетнева 1986: С.А. Плетнева, Хазары (Москва 1986).

Пушкина 2010: Т. Пушкина, Клад „ювелира" периода викингов с территории Верхнего Поднепровья. В: Arheologija un etnografija (Riga 2010), 147-153.

Пчелов 2010: Е.В. Пчелов, Путь „из варяг в греки" и принципы землеописания в начальной части „Повести временных лет". В сб.: (Отв. ред. Т.Н. Джаксон) Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 66-77.

Рафалович 1972: И.А. Рафалович, Славяне VI-IX веков в Молдавии (Кишинев 1972).

Сюзюмов 1958: М.Я. Сюзюмов, Василики как источник для внутренней истории Византии. Византийский временник XIV, 1958, 67-75.

Тельнов 1988: Н.П. Тельнов, Исследование славянского селища Скок. В сб.: АИМ в 1983 г. (Кишинев 1988), 101-113.

Тельнов, Рабинович 1990: Н.П. Тельнов, Р.А. Рабинович, Результаты работ на поселении Скок. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 194-212.

Томенчук 2006: Б. Томенчук, Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення. Християнізація (Івано-Франківськ 2006).

Тимощук 1978: Б.О. Тимощук, Твердиня на Пруті. З історії виникнення Чернівців (Ужгород 1978).

Тюрк 2018: А. Тюрк, Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI-XII вв. В: Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского Государственного гуманитарно-педагогического университета, вып. XIV (Пермь 2018), 165-182.

Федоров 1953: Г.Б. Федоров, Городище Екимауцы. В: Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 50 (Москва-Ленинград 1953), 104-126.

Федоров 1954: Г.Б. Федоров, Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии (памятники эпохи полей погребений в Молдавии). В: Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 56 (Москва 1954), 8-23.

Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. В: Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 89 (Москва 1960).

Федоров 1961: Г.Б. Федоров, Население Юго-Запада СССР в I - начале II тысячелетия нашей эры. Советская этнография 5, 1961, 80-106.

Федоров 1964: Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. КСИА, вып. 99 (Москва 1964), 77-88.

Федоров 1966: Г.Б. Федоров, Посад Екимауцкого поселения. Культура Древней Руси (Москва 1966), 272-277.

Худяков 1981: Ю.С. Худяков, Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии (Новосибирск 1981), 115-132.

Хынку 1967: И.Г. Хынку, Отчет о раскопках на поселении Ханска в 1966 г. (Кишинев 1967). Arhiva MNIM.

Хынку 1969: И.Г. Хынку, Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии (Кишинев 1969).

Хынку 1972: И.Г. Хынку, Археологические исследования на поселении Лимбарь-Кэпрэрия X-XIV вв. в 1968-1969. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 159-183.

Чеботаренко 1973: Г.Ф. Чеботаренко, Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре (Кишинев 1973).

Шаров 1997: О. Шаров, Гибель Ерманариха: история и эпос. Stratum: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории (Санкт-Петербург 1997), 95-106.

Шевеленко 1992: А.Я. Шевеленко, Природные условия, этнодемографические процессы, развитие производительных сил. В: (Отв. ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова) История Европы. Том второй, Средневековая Европа (Москва 1992), 34-62.

Якубовский 1926: А.Ю. Якубовский, Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 943-944 гг. Византийский временник XXIV, 1926, 63-92.

Depozitul de unelte şi arme medievale timpurii descoperit la Sadova-Călăraşi, Republica Moldova

Cuvinte-cheie: spaţiul carpato-nistrean, secolele IX-XI, depozit, unelte, arme.

Rezumat: Investigaţiile sistematice şi descoperirile fortuite din ultimele decenii au scos la lumină un număr important de vestigii arheologice din perioada evului mediu timpuriu. Includerea lor în circuitul ştiinţific permite reconstituirea obiectivă a vieţii sociale-economice, politice şi culturale a comunităţilor autohtone româneşti din spaţiul est-carpatic de la sfârşitul mileniului I p. Chr. şi începutul celui următor. Totodată acestea facilitează înţelegerea ansamblului de particularităţi privind contactele şi interferenţele autohtonilor cu comunităţile limitrofe şi migratoare.

În primăvara anului 2010, la aproximativ 1 km de la intrarea dinspre nord-est în s. Sadova, r-nul Călăraşi, Republica Moldova (fig. 1), la marginea unui masiv forestier, a fost descoperit un mic depozit alcătuit din şapte piese de fier, reprezentând unelte şi arme din perioada medievală timpurie.

Din componenţa depozitului făceau parte o săpăligă (fig. 2), două otice (fig. 3), trei topoare (fig. 4 şi 5) şi un cuţitaş, toate din fier. Ceea ce atrage atenţia la piesele din cadrul depozitului este faptul că săpăligă şi cele trei topoare, de rând cu aripioarele laterale de ranforsare a tubului de înmănuşare, au ceafa frumos traforată, fiind înzestrate cu aripioare continuate simetric în lungul părţii superioare a muchiei. Cele mai apropiate analogii pentru săpăliga de la Sadova le găsim în aşezarea fortificată de la Echimăuţi; în inventarul funerar din mormântul-cenotaf în monoxilă din tumulul de lângă s. Krylos, pe Nistrul Superior, dar şi în depozitele de la Dragosloveni, Bârlogu, Curcani etc.

Forme apropiate pentru topoarele de la Sadova cu acest model de ceafă profilată se întâlnesc la piesele de la Alcedar, Echimăuţi, Fedeşti, Siliştea Nouă şi Jariştea, datate în secolele X-XI. Două dintre cele patru topoare descoperite în timpul cercetărilor arheologice sistematice din aşezarea fortificată de la Echimăuţi au aceeaşi formă de muchie traforată.

Pornind de la aspectele tehno-tehnologice şi analogiile identificate, considerăm că piesele din cadrul depozitului pot fi atribuite secolelor X-XI p. Chr. ascunderea depozitului de unelte şi arme de la Sadova poate fi pusă în legătură cu una dintre incursiunile cumanilor, care s-a putut produce în a doua jumătate sau în ultimul sfert al secolului al XI-lea.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Sadova. Harta cu locul descoperirii depozitului de unelte şi arme din fier.

Fig. 2. Sadova. Săpăligă din fier (foto şi desen).

Fig. 3. Sadova. Oticuri din fier (foto şi desen).

Fig. 4. Sadova. Topoare (foto şi desen).

Fig. 5. Sadova. Topoare (foto şi desen).

Клад орудий труда и предметов вооружения раннесредневекового времени, обнаруженный у с. Садова Каларашского района Республики Молдова

Ключевые слова: карпато-днестровское пространство, IX-XI века, клад, орудия труда, оружие.

Резюме: Эпоха раннего средневековья ознаменовалась важными экономическими, социальными и демографическими процессами, повлекшими за собой серьезные изменения культурного, этнического и политического порядка в регионах Центральной и Восточной Европы.

Археологические раскопки последних десятилетий позволили выявить и включить в научный оборот большое количество артефактов, отражающих качественные сдвиги, происходившие в среде местного романского населения конца I-го и начала II-го тысячелетия, которое создавало свои первые догосударственные и государственные образования в регионах к востоку от Карпат.

Среди материалов, отражающих динамику внутренних социально-экономических процессов и международные связи в определенный исторический период, клады орудий труда и предметов вооружения играют самую важную роль. Один из таких кладов был найден в 2010 г. на опушке леса, на расстоянии 1 км к северо-востоку от села Садова Каларашского района, в центральной части Республики Молдова (рис. 1). Клад состоял из семи железных предметов.

В составе клада были выявлены одна мотыга (рис. 2), два тесла (рис. 3), три топора (рис. 4 и 5) и небольшой нож. Особый интерес представляет тот факт, что и мотыга, и железные топоры снабжены щековицами – выступами на боковых сторонах обуха, а на тыльной части они имеют хорошо профилированные мысики, предохраняющие рукоятку от излома. Наиболее близкие аналогии для мотыги можно найти среди материалов круглого в плане городища Екимауцы, среди погребального инвентаря из погребения-кенотафа в моноксиле-однодревке из кургана в с. Крылос у Галича на Днестре, а также в составе подобных же кладов из Драгословень, Бырлогу и Куркань. Ближайшие аналогии для топоров имеются среди древностей из Екимэуць, Федешть, Силиштя Ноуэ, Жариштя и некоторых других памятников.

Исходя из выявленных аналогий, клад орудий труда и предметов вооружения из Садова можно определить как состоящий из артефактов, относящихся к X-XI векам, а его захоронение может быть связано с одним из военных набегов половцев на регионы к западу от Днестра, произошедшего во второй половине или в конце XI века.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Садова. Карта и план места обнаружения клада орудий труда и предметов вооружения.

Рис. 2. Садова. Железная мотыга из клада (фотография и рисунок).

Рис. 3. Садова. Железные тесла (фотография и рисунок).

Рис. 4. Садова. Железные топоры (фотография и рисунок).

Рис. 5. Садова. Железные топоры (фотография и рисунок).

04.04.2019

Dr. Ion Tentiuc, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3126-6499, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-7431-3558, e-mail: vbubulici@mail.ru

СЛЕДЫ БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Вячеслав Крыжановский

Ключевые слова: мастерская, производство, цветной металл, тигли, древний Киев.

В эпоху Киевской Руси на территории г. Киева и в его окрестностях находилась значительная часть различных по размерам и назначению производственных мастерских по выплавке и обработке чёрного и цветных металлов. Среди них можно выделить мастерские черной металлургии (кузницы), мастерские цветной металлургии, а также ювелирные мастерские.

Так, в результате проведенных в 2008 году Институтом археологии НАН Украины спасательных раскопок по ул. Сечевых Стрельцов (бывшая улица Артёма), 52-Б, Д в г. Киеве были найдены остатки древнерусской мастерской по обработке цветных металлов – меди и бронзы (Крижановський 2013а, 217-218).

Участок раскопа, где были найдены следы мастерской, располагался во внутреннем дворе бывшей школы, а ныне – учебного корпуса Института повышения квалификации учителей (рис. 1). В древнерусское время этот участок находился далеко за городской чертой – в исторической местности под названием «Кудрявец», недалеко от тогдашней западной окраины Киева – «Копырева конца».

В древности Кудрявец был расположен вдоль нынешней улицы Сечевых Стрельцов и охватывал южные склоны над современной ул. Глубочицкой. Его название произошло от деревьев и зарослей кустарника, которые когда-то живописно «кудрявились» тут.

Копырев конец – один из районов древнего Киева, упоминания о котором встречаются в письменных источниках с XI по XVI вв. Так, в летописи русской Копырев конец упоминается в связи с различными историческими событиями восемь раз (Махновець 1989). Слово «конец» означало какую-то особую часть города или его загородную слободу. Именно такой слободой в начале своего существования, согласно летописи, и был Копырев конец (Петров 1897, 21). Как правило, концы относятся к посадской части города (Толочко 1972, 138). С расширением центральной части города Копырев конец становится одним из его районов. Необходимо отметить, что название «конец» не характерно для городов Южной Руси. Киев – единственный из городов этого региона, где встречается такая структурная единица (Толочко 1985, 9).

Копырев конец всегда вызывал большой интерес исследователей, но в отличие от других районов, таких как «город Владимира», «город Ярослава», Подол, исследовался значительно меньше. Вопрос расположения Копырева конца, его планировочной структуры, времени возникновения, где проходили его границы и в наше время недостаточно полно отражён в научных трудах и вызывает споры среди исследователей.

В результате их работы были установлены вероятные границы Копырева конца и исследован ряд оборонительных укреплений. Кроме того, на территории Копырева конца было исследовано несколько укрепленных дворов (Мовчан, Климовский 2006, 224-226) (Мовчан, Козловский, Иевлев 2006, 285-288), а также на всей территории Копырева конца зафиксировано значительное количество разновременных сооружений жилого и хозяйственного назначения и несколько объектов производственного назначения. Кроме этого, было исследовано несколько могильников X - первой половины XIII в., а также церковь XII-XIII вв. (Толочко, Высоцкий, Боровский 1981, 231-234).

С XVI века на исследованном участке, где была мастерская, находилась сначала усадьба деревянной Спасской церкви, а с 1718 г. – Старокиевской Вознесенской (Кудрявской) церкви. Её территория была достаточно большой, так

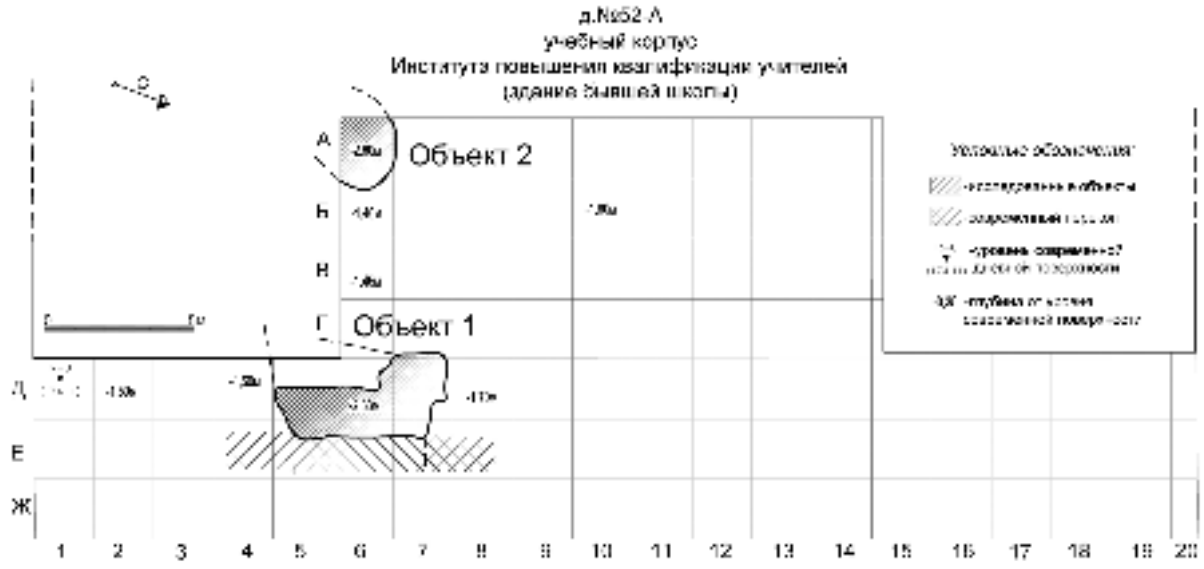


Рис. 1. Общий план раскопа (2009 г).

что большую часть занимало Старокиевское кладбище.

В 1889 году рядом с исследованным участком (южнее) был построен Покровский женский монастырь, существующий и ныне.

А в 1931 году Старо-Вознесенская церковь была снесена, и на ее месте в 1935 году построена школа (сейчас – здание учебного корпуса института) (Абрамова, Мокроусова 2004).

Таким образом, судя по вышеизложенному, можно предположить, что, скорее всего, археологические объекты более ранних времён, в частности – древнерусского времени, постепенно разрушались при строительстве церквей и других зданий, а также при постоянном расширении церковного погоста. Наибольшие разрушения культурный слой на исследованном участке претерпел во время строительства школы, которая, как оказалось позже, почти полностью разрушила объекты, относящиеся к комплексу построек древнерусской бронзолитейной мастерской (Крижановський 2013b, 146).

В начале исследования было установлено, что в целом на участке верхний слой до 0,25 м от современной дневной поверхности (в дальнейшем все глубины будут указаны от уровня современной дневной поверхности (отметка 173,11 за Балтийской системой высот) (рис. 1)) – это слой строительного мусора, который прослеживался по всей территории участка раскопа. Ниже шёл светло-серый слой почвы с единичными вкраплениями печины и угольков. Материк был зафиксирован на глубине 1,50 м. Выяснено, что культурный слой на данном участке практически отсутствует – разрушен поздними перекопами от современных коммуникаций и находится в переотложенном состоянии. Среди строительного мусора встречались единичные фрагменты керамики XI в. и керамики XVII-XIX вв., несколько фрагментов стенок керамических сосудов, ручек амфор и фрагментов донышек древнерусского времени, а также мелкие фрагменты керамических тиглей.

Во время раскопок было обнаружено два объекта древнерусского времени – остатки от производственных построек бронзолитейной мастерской, датируемые началом XI в., и контуры более чем 25 погребальных ям, оставшихся от прежнего церковного погоста XVIII-XIX вв. (Козловський, Ієвлев, Крижановський 2009, 136).

Объект 1 располагался в южной части раскопа и прилегал к юго-западной торцевой стене здания учебного корпуса, своими стенками был ориентирован по сторонам света. Размеры раскрытой и исследованной части данного объекта составляли: 5,40 м по линии север-

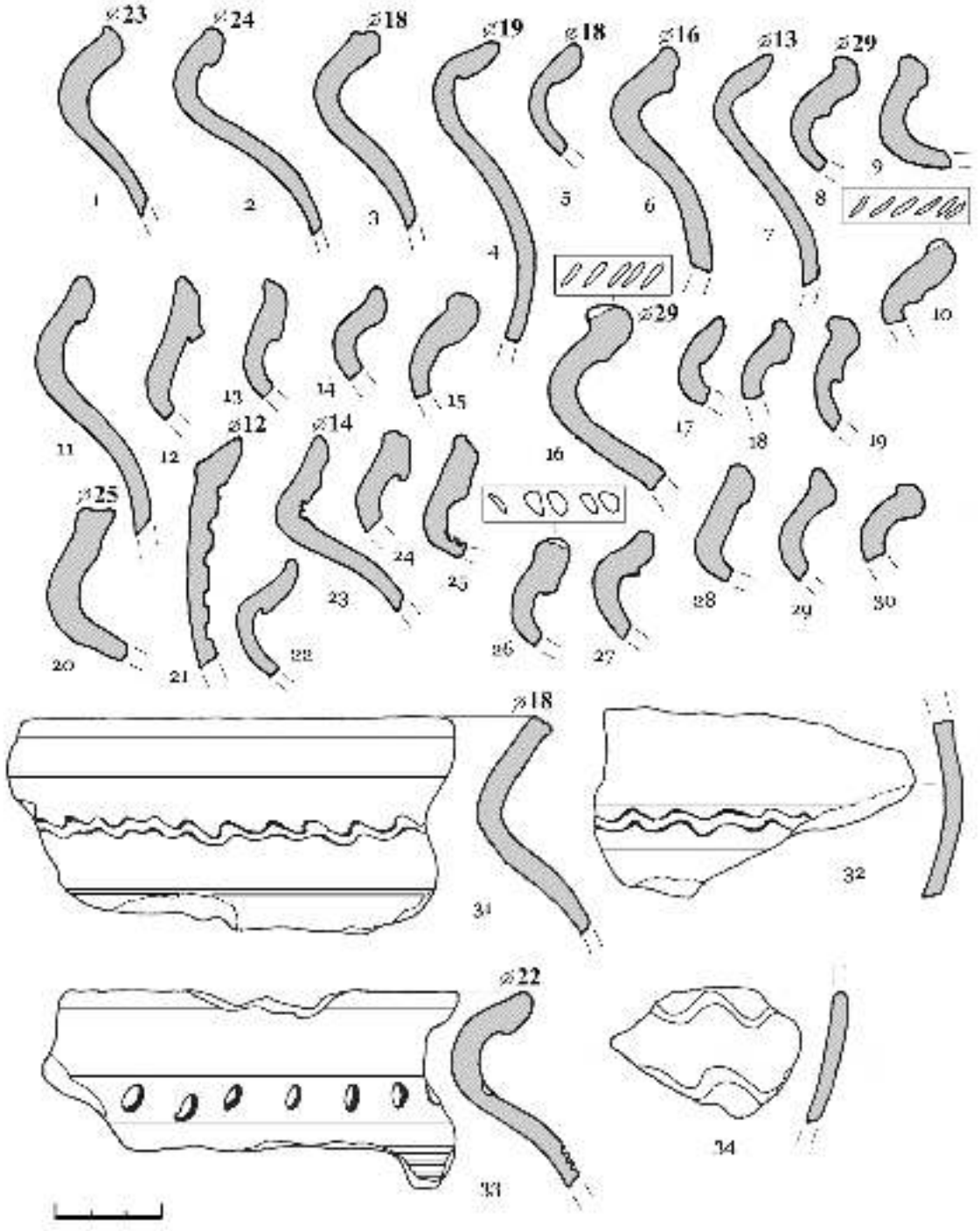


Рис. 2. Керамика из заполнения объекта 1.

юг и 1,70 м по линии запад-восток, глубина – 2,33 м. Западная часть объекта 1 была перерезана зданием учебного корпуса института, а восточная – коммуникационной траншеей, которая простиралась вдоль всей территории раскопа (рис. 1). Таким образом, невозможно установить его реальную форму и размеры.

При исследовании данного объекта было обнаружено плотное заполнение, состоящее преимущественно из прослоек золы, крупных и не очень развалов печины в нескольких местах, угольков и пепла. Больше всего печины обнаружено в юго-западном углу объекта 1. Возможно, неподалёку от этого места рас-

полагался производственный горн, который впоследствии был разрушен (растянут) при планировании участка под строительство будущей школы. Исследования объекта 1 осложнялись тем, что в него было впущено пять погребений конца XIX века.

В заполнении объекта 1 были найдены различные фрагменты кухонной, столовой и тарной керамики. Кухонная посуда представлена 150 фрагментами венчиков (рис. 2; рис. 3/3, 5). Среди них большую часть составляют фрагменты обычных манжетовидных и валикообразных венчиков. Найдено два фрагмента толстых валикообразных венчиков – валик завернут внутрь (рис. 2/15, 30) и пять фрагментов манжетовидных венчиков, верхняя часть манжета завёрнута внутрь. Также было найдено 20 фрагментов валикообразных венчиков горшков, один фрагмент венчика горшка с жёлобом по верхнему краю с врезным линейным и волнистым орнаментами (рис. 2/31), один фрагмент валикообразного венчика горшка с врезным ногтевидным и линейным орнаментами (рис. 2/33) и несколько фрагментов венчиков с жёлобом по верхнему краю (рис. 2/3, 20). Тут обнаружено 25 фрагментов донышек (рис. 4), два фрагмента ручек от горшков (рис. 3/9, 10) и два фрагмента ручек от глиняных крышек (рис. 3/11). Найден интересный фрагмент стенки керамического горшка с прочерченным граффити в виде буквы «Ш» (?) (рис. 3/6).

Столовая посуда представлена одним фрагментом венчика кувшина (рис. 2/21), тремя фрагментами стенок кувшинов и одним фрагментом стенки кувшина с прочерченным волнистым орнаментом (рис. 3/4).

Тарная посуда представлена двумя фрагментами древнерусских амфор (рис. 3/1, 2) и несколькими фрагментами стенок амфор, на одной из которых были остатки медного окисла и спёкшегося шлака. Найден фрагмент ручки от амфорки киевского типа (рис. 3/8).

В объекте 1 был обнаружен 21 фрагмент донышек от керамических сосудов с клеймами, которые датировались XI веком (рис. 4). Среди них можно выделить три фрагмента донышек с фрагментами клейм в виде круга (рис. 4/3, 12, 14); четыре фрагмента донышек с фрагментами клейм в виде двух кругов, вписанных друг в друга (рис. 4/1, 17, 20); два фрагмента донышек с фрагментами клейм в виде двух кругов, вписанных друг в друга – рисунком в виде солнышка (?) (рис. 4/15, 18); семь фрагментов донышек с фрагментами клейм в виде круга с крестом внутри (рис. 4/2, 4, 7-10, 16); один фрагмент донышка с фрагментом клейма в виде параллельно прочерченных линий (рис. 4/13) и один фрагмент донышка с остатками нечитаемого клейма (рис. 4/6). Также были найдены один фрагмент донышка горшка с клеймом в виде трех параллельных линий (фрагмент трезубца (?)) (рис. 4/11) и один фрагмент донышка горшка с фигурным изображением, датируемые началом XI в. Кроме того, в заполнении объекта 1 найдено 106 мелких фрагментов венчиков, 93 мелких фрагмента донышек от керамических сосудов различной формы и диаметра, а также 1460 фрагментов стенок керамических сосудов. Помимо этого, в заполнении объекта 1 было найдено три фрагмента точильных брусков и один фрагмент свинцового грузила (Крижановський 2013b, 147).

Наиболее интересными находками в процессе исследования данного объекта оказались остатки древнерусских тиглей различных форм и размеров (рис. 5-7). Тут было обнаружено 327 фрагментов керамических тиглей, которые использовались при выплавке бронзы и меди. Из них 136 крупных фрагментов тиглей и 191 фрагмент мелких стенок керамических тиглей.

Значительное количество керамических тиглей с объекта 1 сохранилось достаточно хорошо. Благодаря нескольким крупным фрагментам, найденным во время исследования объекта 1, удалось достаточно точно сделать реконструкцию и установить их истинные размеры (рис. 5/1-2; 6/3). В большинстве своём они были похожи. В общем все эти тигли можно классифицировать по форме, размерам и цвету глиняного теста. Значительное количество данных фрагментов было от тиглей квадратной или прямоугольной в плане формы (рис. 5). Среди тиглей, имеющих прямоугольную в плане форму, можно выделить два больших фрагмента. Размеры одного из них 15,5×≈9,0 см, высота – 6,7 см; другого – 16,0×9,5 см, высота – ≈7,0 см. К тиглям квадратной в плане формы можно отнести один

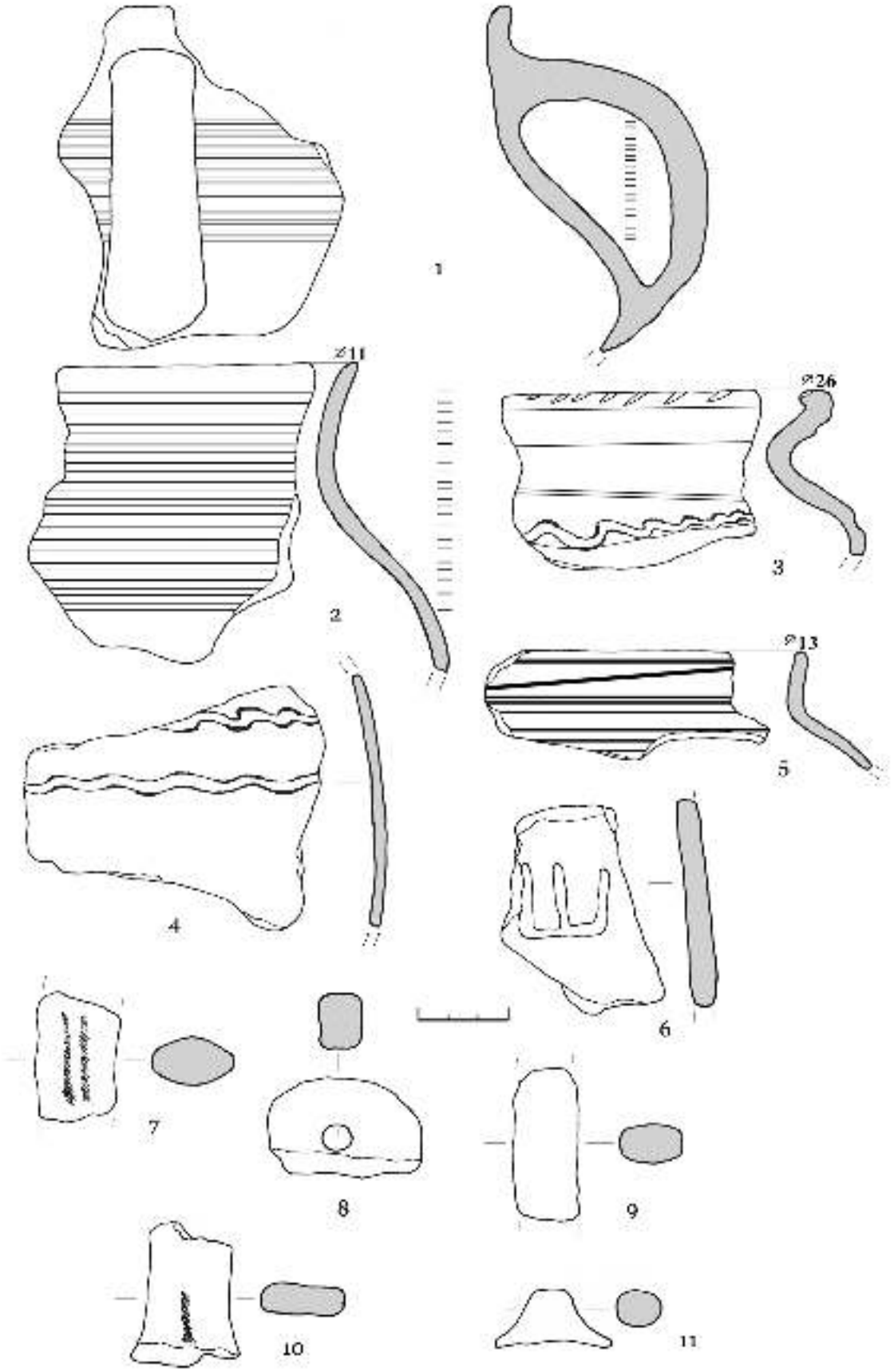


Рис. 3. Вещи из заполнения объекта 1.

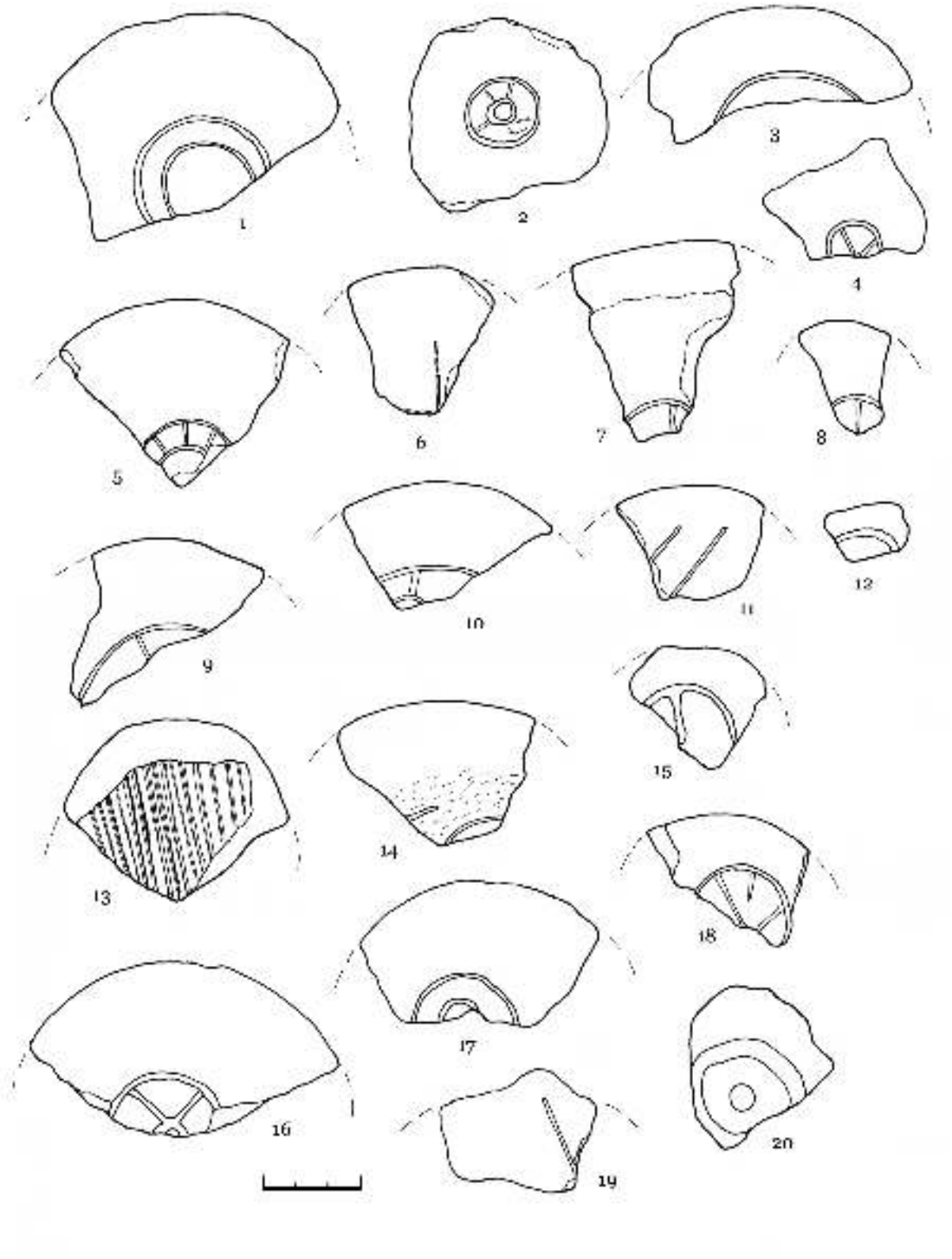


Рис. 4. Фрагменты клеймёных донышек из заполнения объекта 1.

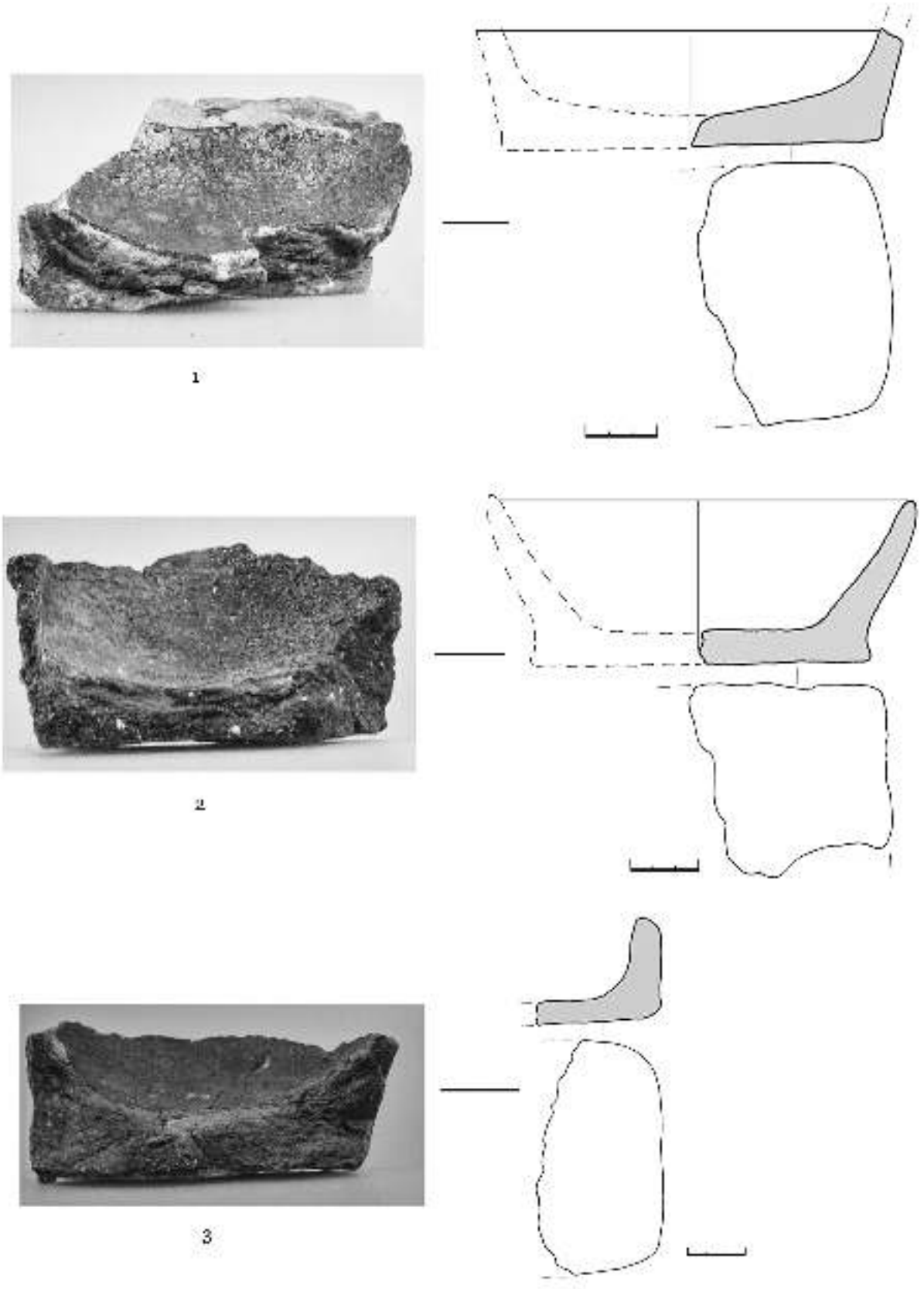


Рис. 5. Фрагменты квадратных и прямоугольных тиглей из заполнения объекта 1.

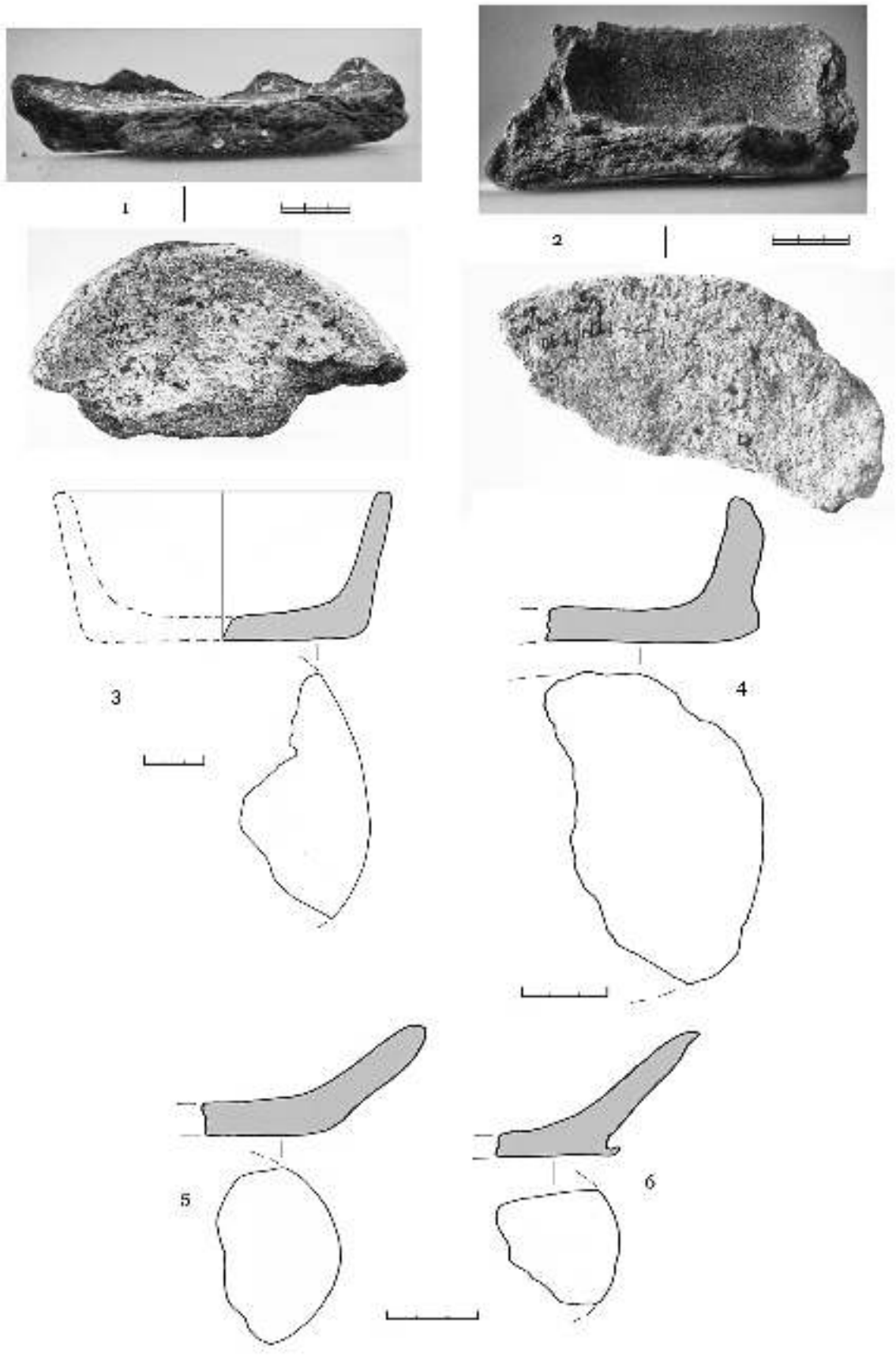


Рис. 6. Фрагменты круглых тиглей из заполнения объекта 1.

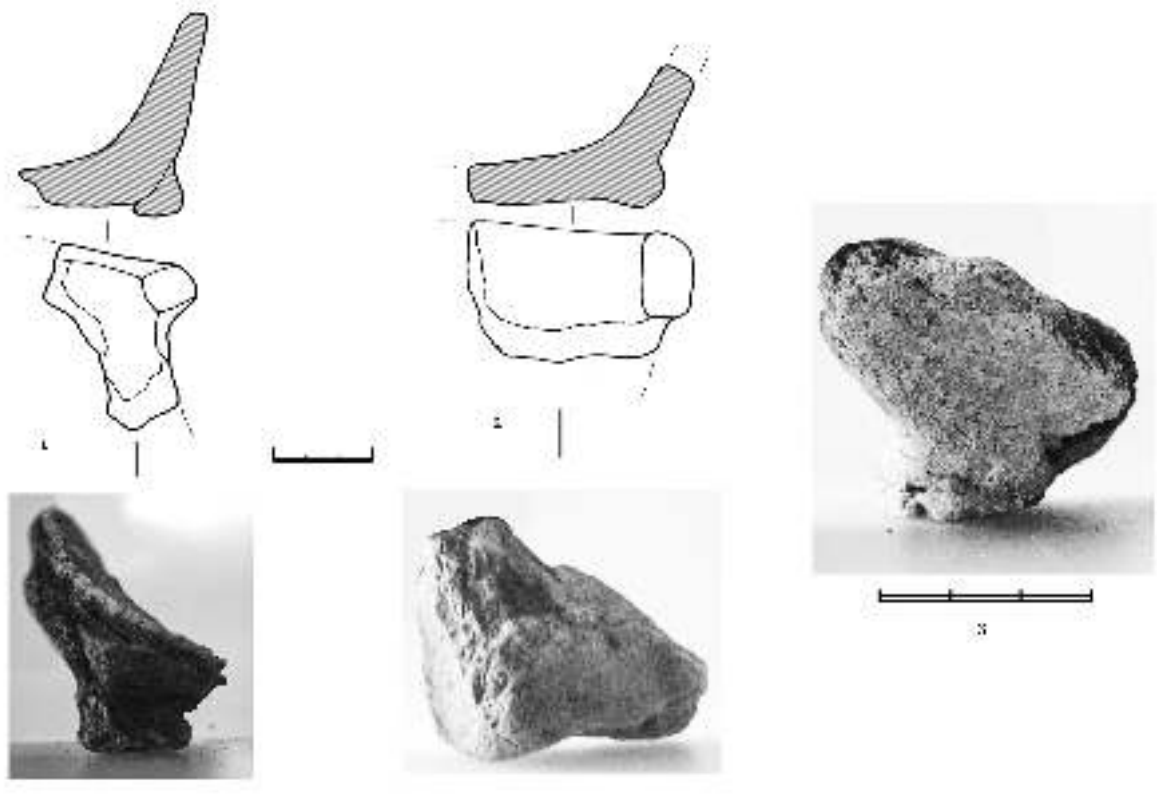


Рис. 7. Фрагменты тиглей на ножках из заполнения объекта 1.

достаточно большой фрагмент. Его размеры: 13,5×≈13,0 см, высота – 6,0 см. Кроме квадратных и прямоугольных в плане тиглей, во время раскопок было найдено четыре фрагмента керамических тиглей округлой в плане формы (рис. 6). Их размеры: 1) диаметр – 9,5 см, высота – 6,2 см; 2) диаметр – 10,5 см, высота – 5,5 см; 3) диаметр – 15,5 см, высота – 6,7 см; 4) диаметр – 14,0 см, высота – 7,2 см.

Отдельно надо выделить три фрагмента тиглей, которые имели небольшие ножки (рис. 7). Высота ножек составляла от 1,5 до 3,0-3,5 см. Такие ножки, скорее всего, были приделаны в процессе производства самого тигля с четырёх его сторон.

Керамические тигли, найденные в ходе исследования объекта 1, отличались друг от друга не только по своей форме и размерам, но и по цвету теста, а также различным добавкам, которые присутствовали в нём. По цвету теста их можно разделить на серые, светло-серые, рыжие, светло-коричневые, темно-коричневые, темно-серые и коричневые. Скорее всего, цвет основной массы тиглей формировался в зависимости от степени и температуры их обжига. В заполнении объекта 1 преобладают тигли, в которых прослеживается серый и светло-серый цвета глиняного теста. В изломе же в основном преобладали серый и тёмно-серый, отчасти – чёрный цвета. Для различных примесей, которые четко прослеживались в изломе тиглей, значительно преобладали примеси грубого шамота коричневатого, реже – красного и рыжеватого цвета, вкрапления песка и кварца.

Небольшие фрагменты керамических тиглей отличались лишь размерами и цветом теста, так как по ним достаточно сложно установить истинную форму и размеры целого тигля. Высота стенок у большинства из них колебалась от 4,8-5,5 до 7,0-7,5 см. Несколько фрагментов имели высоту стенок, превышающую 10 см. Такой высоты тигли были, возможно, самыми крупными по размерам и объему среди всех остальных. Толщина фрагментов стенок керамических тиглей, найденных в заполнении объекта 1, достигала 2-3 см, а дна – 3 см. В некоторых фрагментах их толщина достигала до 5 см.

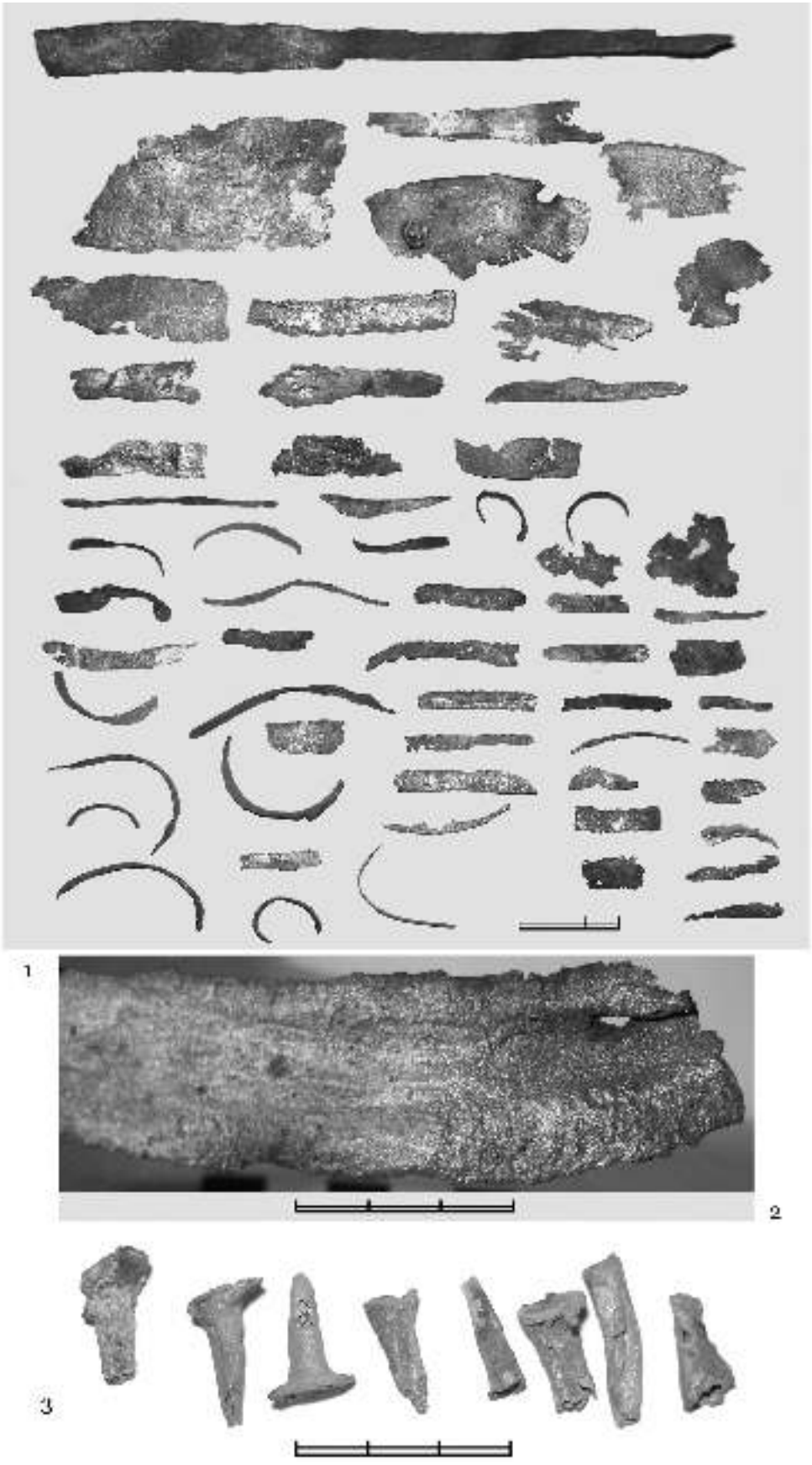


Рис. 8. Обрезки и заклёпки из заполнения объекта 1.

Почти на каждом фрагменте тигля по его внутренним стенкам прослеживался медно-бронзовый налёт зеленоватого, реже – коричневато-бурого цвета, который заканчивался ровной линией не доходя 0,3-2,0 см до верхнего края тигля.

Все тигли были сделаны из грубого теста и имели достаточно толстые стенки, что помогало выдерживать высокие температуры при выплавке в них металла.

По предварительным расчетам, объём исследованных фрагментов тиглей составлял от 200 см^3 (0,20 л) до 1200 см^3 (1,20 л). Таким образом, учитывая среднюю плотность меди/бронзы (≈8,80-8,90 г/см^3), в найденных тиглях можно было выплавлять от 1,8-2,0 до 6,0-10,5 кг металла.

Также, было обнаружено около 320 кусков бронзового, медного, а также небольшое количество железного шлака и других отходов металлургического производства. Среди них можно выделить два больших фрагмента (куска): первый, в составе которого был смешанный медно-железный шлак, и второй – железный шлак с прилипшими фрагментами древесины. Размеры этих кусков колебались от 2,50 до 12 см. А ещё среди находок было обнаружено 194 фрагмента стенок сосудов с остатками спёкшихся и налипших медных/бронзовых шлаков (крусты).

В заполнении объекта 1 было найдено три фрагмента серой огнеупорной глины. Скорее всего, данная глина использовалась при изготовлении найденных тиглей, ведь они должны были выдерживать высокую температуру при выплавке (переплавке) меди и бронзы (Крижановський 2013b, 149).

Среди большого количества находок, обнаруженных в объекте 1, в процессе исследования было найдено 154 обрезка в виде тонких медных пластинок различных размеров. Они, скорее всего, использовались как сырье в процессе переплавки. В основном это обрезки прямоугольной формы. Их длина колебалась от 3 см до 7-10 см, ширина – от 1,5 до 3,5-5,0 см, а толщина – от 0,10 до 0,35 см (рис. 8/1). Среди них был обнаружен прямоугольный фрагмент медной пластинки со штампованным орнаментом в виде плетения (рис. 8/2). Надо отметить находку восьми заклёпок для изготовления клёпаных бронзовых котлов (?) (рис. 8/3). Они были изготовлены способом сворачивания в конус (трубочку) расклепанной медной проволоки или тонкой пластинки. Также найдено несколько обломков от бронзовых колоколов. Данные обломки и фрагменты свидетельствуют об интенсивном производстве – переплавке и отливке медных/бронзовых изделий.

Достаточно интересными оказались найденные в заполнении объекта 1 сильно окисленные (покрытые зелёным налётом) фрагменты зубов и клыков животных. Это явление стало возможным благодаря большой концентрации сырья для выплавки меди и бронзы (металлического лома), а также отходов бронзолитейного производства (фрагментов медного/бронзового шлака и т.п.), которые как бы насквозь пропитали окружающую среду заполнения (Крижановський 2013b, 150).

Таким образом, в ходе исследования объекта 1 было найдено более трехсот фрагментов керамических тиглей различной формы и размеров, а также остатки сырья и фрагменты изделий из меди/бронзы – детали, обрезки, брак и иной металлический лом. Что же касается самого объекта 1, то сложно судить о его истинном назначении. Это могла быть часть производственного комплекса: литейная мастерская с производственным горном, или же отдельно стоящее здание хозяйственного назначения для хранения сырья либо уже готовой продукции. Также возможно, что данный объект использовался как своеобразная «мусорка» для складирования, хранения отбракованной и побочной продукции. Возможно и то, что эта постройка в процессе эксплуатации могла сгореть дотла – на это указывает мощное золистое заполнение (следы пожара) внутри объекта. В дальнейшем его углублённая часть превратилась в большую мусорную яму.

Ясно лишь то, что данный объект был частью бронзолитейной мастерской.

Ещё одним объектом, вероятно, входящим в данный бронзолитейный комплекс, был объект 2. Он прилегал к внутреннему юго-западному углу здания учебного корпуса. Размеры раскрытой части объекта 2 составляли всего 2,4×1,8 м, глубина – 2,6 м. К сожалению, этот объект почти полностью был перерезан совре-

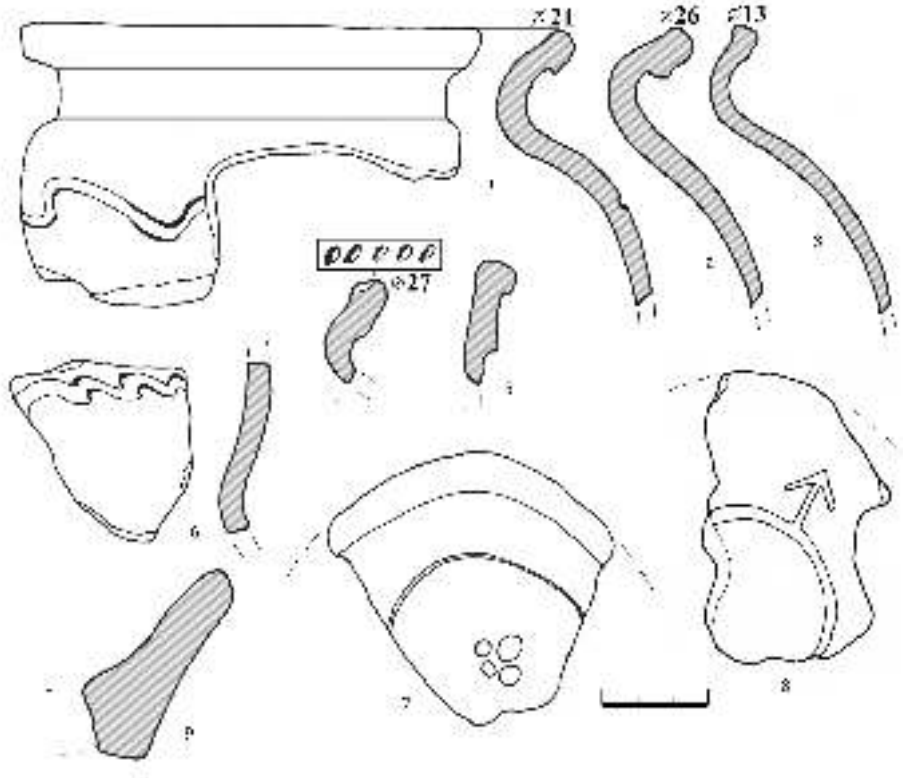


Рис. 9. Керамика из заполнения объекта 2.

менным фундаментом (рис. 1). В связи с этим обстоятельством невозможно восстановить настоящую форму и размеры данного объекта. Здесь также было обнаружено несколько обломков глиняных тиглей (рис. 9/9) точно такой же конструкции, как и в объекте 1, но не найдено никаких бронзовых или медных фрагментов изделий (обрезков). Также в заполнении данного объекта найдено несколько стенок, венчиков и донышек от керамических сосудов XI века.

Керамика с объекта 2 представлена пятью фрагментами венчиков от горшков (рис. 9/1-5). Один из венчиков имел врезной линейный и волнистый орнаменты (рис. 9/1), а другой – пальцевые вдавления по верхнему краю (рис. 9/4). Также найдены один фрагмент стенки горшка с врезным волнистым орнаментом (рис. 9/6) и два фрагмента донышек горшков с фрагментами клейм (рис. 9/7, 8). На одном – часть клейма в виде четырёх мелких кругов, расположенных рядом и помещенных в круг большого диаметра (рис. 9/7), а на другом – круг со стрелкой (рис. 9/8).

В заполнении объекта 2, подобно заполнению объекта 1, были найдены фрагмент прямоугольного тигля (рис. 9/9), два фрагмента венчиков тиглей и три мелких фрагмента тиглей. Высота данных фрагментов составляла 5,5, 6,2 и 6,7 см, толщина стенок – 2,0-2,5 см, а дна – 2,0-4,5 см. У двух фрагментов в изломе был рыжий цвет керамического теста, а у одного – светло-коричневый. Подобные фрагменты тиглей встречались и в заполнении объекта 1.

Кроме этого, в заполнении объекта 2 было найдено небольшое количество медных/бронзовых шлаков, подобных тем, которые были обнаружены в объекте 1 (Крижановський 2013b, 150-151).

Таким образом, при проведении археологических исследований в западной окрестности г. Киева были изучены остатки двух объектов XI в. с отходами бронзолитейного производства. Обнаружено большое количество фрагментов керамических тиглей – литейных форм для выплавки медных/бронзовых слитков весом от 1,80 до 10,50 кг.

Это свидетельствует о наличии большой мастерской по переплавке металлического лома в медные или бронзовые слитки (чушки) для дальнейшего производства (отливки) разнообразных изделий. Также тут могли изготавливать значительные по размерам изделия из бронзы – колокола и бронзовые клепаные котлы, фрагменты которых были найдены в заполнении объекта 1 (Крижановський 2013b, 151).

Исследованный бронзолитейный комплекс находился за пределами городских укреплений, на значительном расстоянии от жилых объектов того времени. Такое расположение пожароопасных производств было общепринятым в древнерусское время (Козловський, Ієвлев, Крижановський 2009, 137).

Библиография

Абрамова, Мокроусова 2014: І. Абрамова, О. Мокроусова, Історична довідка. Ділянка по вулиці Артема, 52. КНМЦ по охороні, реставрації та використанню пам'яток історії, культури і заповідних територій (Київ 2004).

Козловський, Ієвлев, Крижановський 2009: А.О. Козловський, М.М. Ієвлев, В.О. Крижановський, Археологічні дослідження у Києві по вул. Артема, 52-Б, Д. Археологічні дослідження в Україні 2008 р. (Київ 2009), 136-137.

Крижановський 2013a: В.О. Крижановський, Відтворення конструктивних особливостей давньоруських керамічних тиглів. Археологія і давня історія України 10, 2013, 217-219.

Крижановський 2013b: В.О. Крижановський, Залишки бронзоливарної майстерні, знайдені під час розкопок по вул. Артема, 52-Б, д у м. Києві. В сб.: (Ред. Г.Ю. Івакін) Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди 75-річчя (Київ 2013), 146-151.

Махновець 1989: Л.Є. Махновець, Літопис руський (Київ 1989).

Мовчан, Климовський 2006: І.І. Мовчан, С.І. Климовський, Розкопки у «граді Ярослава» та Копиревому кінці Києва. Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. (Київ 2006), 224-226.

Мовчан, Козловський, Ієвлев 2006: І.І. Мовчан, А.О. Козловський, М.М. Ієвлев, Археологічні дослідження поблизу Львівської площі в 2005 р. Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. (Київ 2006), 285-288.

Петров 1897: Н.И. Петров, Историко-топографические очерки древнего Киева (Киев 1897).

Толочко 1972: П.П. Толочко, Історична топографія стародавнього Києва (Київ 1972).

Толочко 1985: П.П. Толочко, О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов. Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. (Киев 1985), 5-18.

Толочко, Высоцкий, Боровский 1981: П.П. Толочко, С.А. Высоцкий, Я.Е. Боровский, Новое в археологи Киева. В сб.: (Ред. П.П. Толочко) Культовые постройки, гл. IV, ч. 3 (Киев 1981), 193-234.

Resturi ale producţiei de turnat bronzuri la periferia de vest a vechiului Kiev

Cuvinte-cheie: atelier, producţie, metale colorate, creuzete, vechiul Kiev.

Rezumat: Articolul analizează resturile unui atelier meşteşugăresc pentru producerea pieselor din bronz, din secolul al XI-lea, descoperit în anul 2008 în urma investigaţiilor arheologice de salvare efectuate de cercetătorii Institutului de Arheologie al Academiei Naţionale a Ucrainei. Sectorul unde au fost efectuate cercetările în perioada veche rusă se afla mult în afara spaţiului urban – pe locul istoric numit „Kudreavţev", în imediata apropiere a limitei de vest a Kievului – „Kopyrev koneţ".

În procesul săpăturilor au fost identificate resturile adâncite în sol ale unor construcţii din perioada rusă veche, care, judecând după umplutura lor, alcătuiau un complex de producere – atelier pentru prelucrarea aramei şi a bronzului. Materialul pentru datare este reprezentat de ceramica de la începutul secolului al XI-lea.

Cele mai interesante descoperiri identificate în procesul investigaţiilor sunt reprezentate de fragmentele a circa 300 de creuzete de diferite forme şi dimensiuni, din perioada rusă veche, utilizate la topirea aramei şi a bronzului. O parte importantă dintre acestea sunt în stare bună de conservare. Câteva fragmente bine conservate au permis reconstituirea formei şi a dimensiunilor reale ale pieselor. Au fost descoperite, de asemenea, resturi ale materiei prime: fragmente de piese din aramă şi bronz, resturi tăiate, metal reutilizat dar şi resturi ale procesului de turnare reprezentat de o importantă cantitate de zgură.

Analiza materialelor identificate în umplutura atelierului mărturiseşte despre procesul de prelucrare a metalului colorat, turnat în formă de lingouri (bare) cu greutatea de la 2 până la 10,5 kg, utilizate pentru realizarea unor piese aparte. Aici puteau fi turnate clopote şi căldări nituite din bronz.

Atelierul cercetat, datat cu secolul al XI-lea, se afla în afara spaţiului urban fortificat, la o distanţă apreciabilă de casele de locuit, fapt explicat de riscul izbucnirii unor incendii.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul general al şantierului (2009).

Fig. 2. Ceramică din umplutura stucturii 1.

Fig. 3. Piese din umplutura stucturii 1.

Fig. 4. Fragmente ale unor funduri de vase cu marcă de olar, din umplutura stucturii 1.

Fig. 5. Fragmente de creuzete pătrate şi dreptughiulare din umplutura stucturii 1.

Fig. 6. Fragmente de creuzete de plan circular din umplutura stucturii 1.

Fig. 7. Fragmente de creuzete cu picioruş din umplutura stucturii 1.

Fig. 8. Resturi şi nituri din umplutura stucturii 1.

Fig. 9. Ceramică din umplutura stucturii 2.

Traces of bronze casting production on the western outskirts of ancient Kyiv

Keywords: workshop, production, non-ferrous metal, crucibles, ancient Kyiv.

Abstract: The article presents the results of researches of the remains of a bronze casting workshop of the 11th century, which was discovered as a results of scientific and rescue archaeological excavations conducted in 2008 by the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. The area where the excavations were carried out, in ancient Rus' time, was far beyond the city limits – in the historical area called "Kudryavets", not far from the western outskirts of Kyiv – "Kopyrev konets".

During the excavations, fragments of ancient Rus' structures deepened into the mainland ground were found, a kind of industrial complex – a workshop for manufacture copper and bronze. The main chronological indicators were fragments of pottery of the early 11th century.

The most interesting findings in the workshop were fragments of more than 300 crucibles of various shapes and sizes, which were used in the smelting of bronze and copper. A significant number of them are very well preserved. Several large fragments made it possible to fairly accurately reconstruct them and determine their true dimensions. There were also found the remains of raw materials: fragments of copper and bronze products, cuttings, other metal scrap and foundry waste in the form of a large amount of slag.

Analysis of the materials found in the workshop shows the process of recycle non-ferrous metal scrap into copper or bronze ingots weighing from 2 to 10.50 kg, which were used for casting new products. Large bells and rivets for bronze cauldrons could be made here.

In the 11th century, the studied workshop was located outside the city fortifications, at a considerable distance from residential buildings, due to the fire hazard of production.

List of illustrations:

Fig. 1. The general plan of the excavation (2009).

Fig. 2. Pottery from Structure 1.

Fig. 3. Finds from Structure 1.

Fig. 4. Fragments of branded bottoms from Structure 1.

Fig. 5. Fragments of square and rectangular crucibles from Structure 1.

Fig. 6. Fragments of round crucibles from Structure 1.

Fig. 7. Fragments of crucibles on legs from Structure 1.

Fig. 8. Trimming and rivets from Structure 1.

Fig. 9. Pottery from Structure 2.

28.02.2019

Вячеслав Крыжановский, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр. Героев Сталинграда 11, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-8999-7446, e-mail: viach.kryzhanovskyi@gmail.com

UN MORMÂNT MEDIEVAL CU INELE DE TÂMPLĂ DESCOPERIT LA BUTUCENI, ORHEI (PRELIMINARII)

Octavian Munteanu, Angela Simalcsik

Cuvinte-cheie: Butuceni, complexe funerare, inhumaţie, inele de buclă, tipologie.

Introducere

Campania cercetărilor arheologice din anul 2018 în fortificaţia de pe promontoriul Butuceni-Vest (fig. 1/1), dincolo de rezultatele planificate, a adus şi o surpriză. Deja al doilea an consecutiv, pe promontoriul Butuceni, ploile torenţiale de vară scoteau la suprafaţă vestigii cu caracter funerar (fig. 1/2). În anul 2017 au fost identificate trei înhumări care se raportează la perioada medievală[1], iar anul trecut, intemperiile au făcut să apară femurul unei înhumaţii care a ieşit din tiparul aşteptărilor. Cercetările de salvare[2], întreprinse în spaţiul din vârful promontoriului Butuceni, au adus la lumina zilei scheletul precar conservat al unei tinere, care se deosebea de mormintele medievale fără inventar descoperite anterior în imediata apropiere. Nou-descoperita inhumaţie avea orientarea scheletului uşor deplasată (NNV şi nu V) şi era însoţită de 11 piese de podoabă realizate din bronz. Este vorba de artefacte de dimensiuni mici, care, în literatura de specialitate, sunt desemnate prin diferiţi termeni: inele de buclă, cercei de buclă, spirale de buclă sau ace de păr (fig. 2)[3]. Vom prezenta, în cele ce urmează, tabloul contextualizat al descoperirilor, însoţit de o analiza primară a vestigiilor arheologice şi vom încerca, într-o primă fază preliminară, să răspundem la câteva dintre multiplele întrebări pe care ni le-a pus această descoperire. În primul rând, vom încerca să delimităm arealul de răspândire a pieselor caracteristice înmormântării de la Butuceni şi să stabilim cadrul cronologic în care acestea au fost utilizate. În baza acestor observaţii, vom aprecia cadrul cronologic al descoperirii de la Butuceni şi vom încerca să stabilim cărui fenomen cultural aparţine complexul funerar. Ni se pare oportun să reflectăm asupra funcţionalităţii respectivelor artefacte şi asupra semnificaţiei pe care le-au avut piesele descoperite. Totodată, în această fază de cercetare, vom recurge şi la analiza antropologică a descoperirii de la Butuceni.

Locul, contextul şi caracteristicile generale ale vestigiilor descoperite

Locul şi contextul descoperirii. Mormântul a fost descoperit în vârful promontoriului Butuceni, pe drumul ce face legătură între staţia de la intrarea în sat şi mănăstirea rupestră, la distanţa de circa 300 m de staţie (fig. 1/2). Defunctul, depus în poziţie întinsă pe spate, avea craniul orientat pe direcţia NNV, întors spre stânga (fig. 3/1)[4]. Mâna stângă era îndoită spre clavicula dreaptă (fără a fi descoperite oasele palmei), iar mâna dreaptă lipsea. Scheletul este parţial reprezentat. Din segmentul cranian sunt prezente toate oasele, însă în stare avansată de fragmentare. Reconstituirea craniului nu s-a putut realiza din motive obiective. În ceea ce priveşte segmentul post-cranian, menţionăm absenţa următoarelor elemente: omoplatul stâng, rotulele, femurul drept, tibia dreaptă şi toate oasele membrului superior drept şi ale palmei stângi (fig. 4). Starea de conservare este satisfăcătoare în segmentul post-cranian şi precară în cel cranian. Urmele gropii funerare nu au fost delimitate.

[1] Vornic et al. 2018, 81-83.

[2] Numărul participanţilor la cercetările de teren ale complexului a fost mult mai mare decât numărul autorilor. Îi menţionăm pe Iurie Stamati, Livia şi Ghenadie Sîrbu, Nicolae Batog şi Valeriu Prohniţchi. Exprimăm, fiecăruia în parte, mulţumiri pentru eforturile depuse şi pentru buna asigurare a cercetărilor.

[3] Nici în limbile de circulaţie europeană nu există un singur termen pentru astfel de piese: Schleifenringe, Noppenringe, Lockenringe – pentru germană; double pins, hair-ring, temple rings – pentru limba engleză etc.

[4] De menţionat, că printre mormintele de inhumaţie în care s-au depistat inele de tâmplă, au fost documentate suficiente cazuri de deviere a orientării scheletului de la axa EV. Spre exemplu, în preajma satului Bakota, mai multe morminte similare au avut orientarea pe azimutul de circa 27 grade NV (Нечитайло и др. 2018, 258-261; Баженов, Мерей 2007, 210-214).

1 2

Fig. 1. 1 - Amplasarea sitului Butuceni; 2 - localizarea descoperirii funerare pe promontoriul Butuceni.

Mormântul conţinea 11 piese de bronz, toate fiind atribuite categoriei desemnate cu termenul inele de buclă (fig. 2). Două piese, prinse între ele, au fost descoperite în zona temporală de pe partea dreaptă (fig. 4/A; 2/1, 2), iar alte nouă piese (opt dintre care erau prinse între ele şi formau patru perechi, la care se adaugă o piesă singulară) au fost descoperite în zona temporală de pe partea stângă (fig. 4/B-F; 2/3-11). Piesele s-au conservat relativ bine şi pot fi supuse analizelor metalografice care urmează a fi întreprinse. De altfel, şi celelalte tipuri de analiză aplicabile în astfel de situaţii sunt abia în fazele de procesare şi nu pot fi prezentate deocamdată. Vom reveni la asocierea tipurilor de piese imediat după ce le vom descrie.

Descrierea inelelor de buclă şi tipologia pieselor de la Butuceni. Toate piesele descoperite sunt lucrate dintr-un fir de bronz cu secţiunea circulară, a cărui grosime variază între 1,5 şi 2 mm. În funcţie de modul de realizare a artefactului, pot fi delimitate două tipuri.

Tipul I (fig. 5/1) reprezintă o piesă lucrată dintr-un fir de bronz cu secţiunea circulară, care este răsucit în formă de spirală, având o spiră şi jumătate, astfel încât capetele libere şi neprelucrate ale piesei sunt poziţionate perfect unul în faţa celuilalt. Grosimea firului este de 2 mm, iar diametrul piesei pe exterior este de 26 mm. A fost descoperit un singur exemplar.

Tipul II (fig. 5/2-6) este reprezentat de artefacte, care, de asemenea, sunt lucrate dintr-un fir de bronz cu secţiunea circulară, a cărui grosime variază între 1,5 şi 2 mm. Firul este îndoit neproporţional lungimii, formând o buclă, după care, fiecare dintre terminaţiile firului sunt răsucite pe spirală în două direcţii opuse, capetele rămânând libere. Partea mai lungă a firului formează o spiră şi jumătate, iar cealaltă este întoarsă doar pe jumătate, astfel încât capetele sunt poziţionate perfect unul în faţa celuilalt. În acest fel, am putea califica piesa ca bispiralată. Diametrul pieselor descoperite variază de la 22 mm la 25 mm. În funcţie de modul în care se prezintă capetele pieselor, putem deosebi trei variante ale acestui tip, după cum urmează:

Varianta II.A (fig. 5/2) este constituită dintr-un singur exemplar ale cărui capete libere nu sunt nici decorate, nici prelucrate suplimentar. Grosimea firului este de 2 mm, iar diametrul piesei pe exterior este de 25 mm. A fost descoperit un singur exemplar (fig. 2/11; 5/2).

Celelalte două variante sunt reprezentate de piese la care unul dintre capete este decorat, celălalt prezentându-se fără nici un fel de intervenţii suplimentare. De menţionat că de fiecare dată este vorba de ornamentarea capătului de pe partea mai scurtă a firului, rezultată din îndoirea/buclarea acestuia, cea care este răsucită doar pe o jumătate de spirală. Este vorba de variantele II.B. şi II.C.

Varianta II.B (fig. 5/3). Unul dintre capete este, iniţial, aplatizat prin batere, după care este răsucit spre exterior, formând ceva asemănător unui manşon cu secţiunea circulară. Lăţimea maximă a părţii aplatizate a firului este de circa 5 mm, iar grosimea – mai mică de 1 mm. Diametrul manşonului este cuprins între 1,3 şi 3 mm, iar diametrul piesei pe exterior variază între 23 şi 25 mm. Au fost descoperite 3 exemplare (fig. 2/3, 5, 6). În cadrul acestei variante pot fi deosebite exemplare care se delimitează într-o subvariantă (*II.B.1*).

Fig. 2. Butuceni 2018. 1 - Perechile de inele de buclă descoperite pe promontoriul Butuceni: A - descoperite în partea dreaptă a craniului; B-F - descoperite în partea stângă a craniului (foto). Desen şi foto pentru fiecare inel de buclă: 1, 2 - A; 3, 4 - B; 5, 6 - C; 7, 8 - D; 9, 10 - E; 11 - F.

Subvarianta II.B.1 (fig. 5/4) – Delimitarea subvariantei este determinată de ornamentul aplicat pe partea aplatizată a firului. Este vorba de trei nervuri/caneluri care încep pe partea interioară a spirei, în imediata apropiere de locul răsucirii piesei în manşon. Odată cu răsucirea capătului spre exterior, decorul apare deja pe partea exterioară a piesei. Diametrul manşonului este de la 2,5 la 3 mm, iar diametrul piesei pe exterior – de la 22 la 24 mm. Au fost descoperite două exemplare (fig. 2/1, 8).

Varianta II.C (fig. 5/5) este asemănătoare variantei B, respectiv, unul dintre capete este, iniţial, aplatizat prin batere, după care este răsucit. Deosebirea constă în aplicarea unei duble răsuciri spre

1 2

Fig. 3. 1 - Vedere dinspre sud-est asupra descoperirii funerare; 2 - craniul scheletului şi localizarea inelelor de buclă din zona temporală stânga la momentul descoperirii.

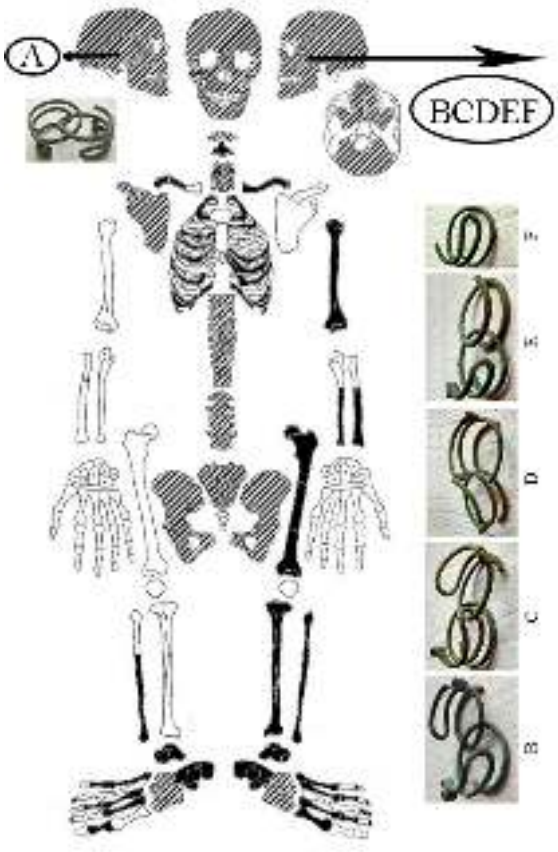


Fig. 4. Gradul de reprezentare a scheletului (alb - element absent; negru - element prezent; haşurat - element prezent parţial) şi localizarea podoabelor.

exterior: mai întâi se produce o răsucire a firului aplatizat spre exterior (formând ceva asemănător unui manşon cu secţiunea apropiată de elipsă) în aşa mod, încât să rămână suficient spaţiu pentru a realiza o a doua răsucire (în direcţie inversă), care formează un al doilea manşon cu secţiunea circulară, alăturat primului. Lăţimea firului aplatizat este de circa 0,4-0,5 mm, iar grosimea – mai mică de 1 mm. Diametrul primului manşon, cel cu secţiunea elipsoidală, este de 1,0-1,5×1,5-3,0 mm, iar al celui de al doilea, care are secţiunea circulară – cuprinsă între 1 şi 3 mm. Au fost descoperite 3 exemplare (fig. 2/2, 4, 7). Şi în cadrul acestei variante putem delimita o subvariantă (*II.C.1*).

Subvarianta II.C.1 (fig. 5/6) Delimitarea subvariantei este determinată de ornamentul aplicat pe partea aplatizată a firului. Este vorba de trei nervuri/caneluri care încep pe partea interioară a spirei, în imediata apropiere de locul răsucirii piesei. Odată cu răsucirea capătului spre exterior, decorul apare deja pe partea exterioară a piesei. Diametrul primului manşon, cel cu secţiunea elipsoidală, este de 1-2×2-3 mm, iar al celui de al doilea, care are secţiunea circulară – de 2 mm. A fost descoperit un singur exemplar (fig. 2/9).

Asocierea tipurilor de artefacte (fig. 2; 5).
În partea temporală de pe partea dreaptă au fost depuse piese de tip II.B.1 în asociere cu II.C (fig. 2/A, 1, 2).

În partea temporală de pe partea stângă stânga au fost depuse 4 perechi de piese şi una singulară, precum urmează:

– II.B şi II.C (fig. 2/B, 3, 4);
– II.B şi II.B ; (fig. 2/C, 5, 6);
– II.B.1 şi II.C (fig. 2/D, 7, 8);
– II.C.1 şi tip I (fig. 2/E, 9, 10);
– piesă singulară tip II.A (fig. 2/F, 11).

Observăm că doar într-un singur caz sunt asociate piese identice – exemplare de tip II.B (fig. 2/D, 5, 6) şi nu se atestă nicio situaţie de dublare a asocierilor. Este oare acest lucru întâmplător? Puţin probabil, din punctul nostru de vedere. Ce s-ar ascunde în spatele acestei combinări de piese, însă, nu putem nici măcar să bănuim în această

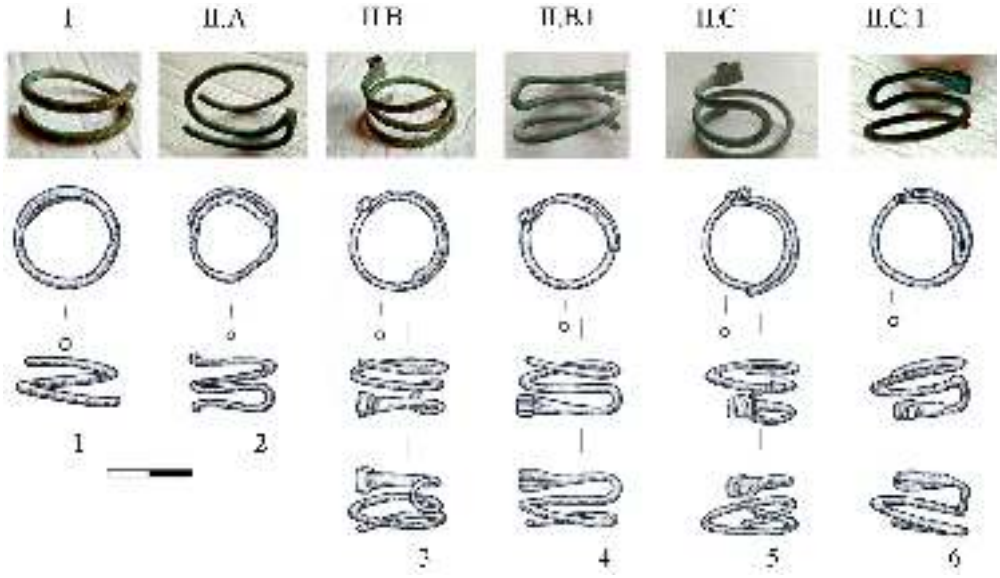


Fig. 5. Tipologia inelelor de buclă de la Butuceni.

etapă a cercetărilor, fiind primul caz de identificare a unui astfel de ritual în spaţiul nostru (dacă este un ritual), cu utilizarea acestui tip de piese. Totodată, suntem tentaţi să credem că nu este nici ultimul caz[5], de aceea o evidenţă strictă a situaţiilor similare şi crearea unei baze de date vor fi de natură să ne aducă, în timp, în faţa unor dezlegări de enigme.

Analiza antropologică a vestigiilor

Etapele analizei paleoantropologice au fost următoarele: stabilirea lateralităţii oaselor (White, Folkens 2005, 75-308), reconstituirea elementelor scheletice craniene şi postcraniene, estimarea vârstei biologice (Buikstra, Ubelaker 1994, 21-38) şi determinarea sexului (Ubelaker 1979, 72-80, 93-114; Buikstra, Ubelaker 1994, 16-20), prelevarea datelor metrice, conformative şi morfoscopice (Martin 1928; Martin, Saller 1957-1966; Buikstra, Ubelaker 1994, 69-84), calcularea staturii scheletice (Manouvrier 1892, 227-233; Pearson 1899, 169-244; Breitinger 1938, 249-274; Trotter, Gleser 1951, 311-324; Trotter, Gleser 1952, 469-514; Trotter, Gleser 1958, 79-123; Bach 1965, 12-21) şi stabilirea tipului antropologic (Boev 1972). S-au notat eventualele patologii dentare şi osoase, traumatismele, anomaliile scheletice şi trăsăturile non-metrice dentare şi osoase (Mays 1998, 102-181; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 19-200, 305-316, 357-423; Ortner 2003, 119-639; Mann, Hunt 2005, 19-230; Katzenberg, Saunders 2008, 299-410; Waldron 2009, 24-248; Barnes 2012; Mann, Hunt, Lozanoff 2016), dar şi adaptările funcţionale sau indicatorii ocupaţionali şi ai stilului de viaţă, numite şi entezopatii mecanice sau marcheri musculo-scheletici (Hawkey, Merbs 1995, 324-338; Pálfi, Dutour 1996, 41-55; Chapman 1997, 390-411; Hawkey 1998, 326-340; Robb 1998, 363-377; Mann, Hunt 2005, 203-211). S-a înregistrat starea de conservare a osemintelor (Connel 2009, 9), gradul de reprezentare a scheletului (Buikstra, Ubelaker 1994, 5-8) şi modificările tafonomice (Buikstra, Ubelaker 1994, 95-106).

Estimarea vârstei şi determinarea sexului. Osemintele provin de la un individ de sex feminin cu vârsta biologică în momentul decesului cuprinsă în intervalul 25-30 ani (adult tânăr sau *adultus*).

Caracteristici biomorfometrice. Apreciat doar morfoscopic, din cauza fragmentării accentuate, neurocraniul, privit din plan vertical, pare să fi fost lung, de formă ovoidă, înalt şi destul de larg. Occipitalul este puternic curbat, destul de larg şi nu prea înalt (fig. 6/1). Chiar dacă este incompletă, se poate constata că fruntea avea lărgime moderată, era destul de bombată, cu eminenţe frontale accentuate. Procesul mastoid nu este

[5] Descoperiri întâmplătoare mai vechi în apropierea locului unde s-a descoperit mormântul cu depuneri de inele, printre care menţionăm un fragment de podoabă de tip colt din bronz, ar constitui un bun indiciu că astfel de complexe s-ar mai putea descoperi în această microregiune.

1 2 3

Fig. 6. 1 - Occipitalul, incomplet; 2 - temporalul stâng cu urme de oxidare; 3 - zigomaticul stâng, incomplet.

1

2

Fig. 7. 1 - Arcada dentară superioară, incompletă; 2 - mandibula, incompletă.

nici voluminos şi nici reliefat (fig. 6/2). Zigomaticele (oasele pomeţilor) sunt gracile şi fără relief (fig. 6/3). Fosa canină pare să fi fost superficială. Mandibula este foarte gracilă, nu prea largă, cu simfiza butonată slab conturată, cu relief atenuat în regiunea *gonion*, cu un corp foarte înalt, cu ram îngust şi înalt (fig. 7/2). Relieful cranian este slab dezvoltat.

Osatura post-craniană este zveltă şi gracilă şi prezintă inserţii musculare slab marcate. Statura scheletică, calculată după lungimea femurului, este de 166 cm, iar după cea a tibiei, de 175 cm, valori care se încadrează fie la limita superioară a categoriei feminine mari, fie la cea inferioară a categoriei feminine foarte mari.

Tipul antropologic. Caracteristicele osaturii în general şi cele ale părţilor neurocraniului şi ale mandibulei în special, alături de statura scheletică mare sau foarte mare susţin un fond tipologic nordoid gracilizat. Nu putem omite trăsăturile discrete înregistrate la nivelul mandibulei (*torus mandibularis*) şi al dentiţiei (incisivii de tip „lopăţică” (fig. 7/1) şi extensia smalţului pe molarii inferiori (fig. 7/2), care, alături de fosa canină superficială, exprimă discret elemente tipologice mongoloide.

Starea dentiţiei. Cele două maxilare nu sunt întregi, în unele porţiuni alveolele dentare fiind distruse, astfel încât unele unităţi dentare sunt căzute, fiind prezente în stare izolată în proba scheletică. Starea de sănătate dentară este foarte bună (fig. 7/1, 2). Uzura coroanelor este slabă, de tip atriţie, cauzată de procesul fiziologic de masticaţie, indiciu al consumului alimentelor cu duritate scăzută (Périer 1935, 687-697; Périer 1949, 1-7). Pe nici un dinte nu au fost identificate carii, tartru, căderi dentare produse *antemortem* sau alte procese patologice. Lipsesc defectele hipoplazice ale smalţului, ceea ce poate constitui un indiciu despre condiţiile de viaţa favorabile din perioada copilăriei acestui individ – fără episoade de severe de boală infecţioasă sau parazitară sau subnutriţie/malnutriţie în intervalul de vârstă 0-7 ani (copilăria mică), când se formează şi se calcifiază coroanele dentare permanente.

Fig. 8. 1 - Humerusul stâng; 2 - femurul stâng; 3 - tibia stângă; 4 - peroneele.

Trăsături non-metrice dentare. Incisivii laterali superiori au formă de „lopăţică” (fig. 7/1). Molarii primari inferiori prezintă câte un cuspid suplimentar (al cincilea) şi o uşoară extensie spre rădăcină a smalţului (fig. 7/2).

Anomalii osoase. La nivelul sacrumului este prezentă lombarizarea centrală incompletă. Lombarizarea constă în deplasarea în sens caudal a frontierei lombo-sacrale, astfel încât prima vertebră sacrală migrează spre regiunea lombară, luând aspectul ultimei vertebre lombare (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 65-66; Mann, Hunt 2005, 102-105).

Trăsături non-metrice osoase. Pe latura internă a corpului mandibular, bilateral, menţionăm *torus mandibularis* slab marcat. Acesta apare ca nişte excrescenţe osoase dispuse de-a lungul marginii alveolare a mandibulei, lingual, la nivelul rădăcinilor premolarului secundar şi molarului primar, în dreptul foramenului mental. După unii autori, prezenţa torusului mandibular în tandem cu incisivii de tip „lopăţică” şi extensia smalţului la molarii inferiori formează o triadă care indică prezenţa trăsăturilor tipologice mongoloide (Mann, Hunt 2005, 46-47; Hassett 2006, 1-4).

1

2

Fig. 9. 1 - Coxalul stâng, incomplet; 2 - omoplatul drept, incomplet.

Regiunea supraorbitară dreaptă a osului frontal este prevăzută cu foramen supraorbitar lărgit/complet, iar cea stângă, cu şanţ/sulcus supraorbitar. Foramene uşor lărgite au şi parietalele, dar şi temporalele în zona apofizelor mastoide. Aceste caracteristici indică adaptarea organismului la climatul rece şi umed. Foramenele la care ne referim sunt responsabile de transmiterea vaselor de sânge şi a nervilor şi se lărgesc sau se multiplică ca răspuns adaptativ al organismului prin termoreglare la temperaturile ambientale scăzute, în scopul prevenirii pierderilor de căldură prin pachetul neurovascular, acesta din urmă îngroşându-se şi localizându-se mai profund în structurile osoase (Tomaszewska, Tomczyk, Kwiatkowska 2013, 58-59).

Indicatori ocupaţionali. Inserţiile musculare sunt slab marcate pe toate oasele centurilor şi membrelor (fig. 8/1-4). Humerusul prezintă un indice al secţiunii diafizei de tip platibrah (fig. 8/1). Tibia este mezocnemă în treimea superioară a diafizei (fig. 8/3). Femurul este platimer în treimea superioară a diafizei, iar în regiunea mediană prezintă un început de pilastrie (fig. 8/2), ceea ce ne sugerează o uşoară suprasolicitare a muşchilor coapsei prin activităţi precum mersul susţinut pe distanţe lungi şi pe teren denivelat (mobilitate terestră).

La nivelul coxalelor semnalăm sulcusul preauricular (fig. 9/1), iar bilateral pe pubis, câteva cicatrici lăsate de ligamentele centurii pelviene, probabil în timpul parturiţiilor.

Modificări tafonomice. Fracturile şi fisurile care au condus la fragmentarea elementelor scheletice sunt produse *postmortem*, majoritatea fiind recente. Pe ambele temporale (fig. 6/2) şi pe ramul mandibular de pe partea stângă sunt prezente urme de oxidare provenite de la obiectele metalice cu care au venit în contact aceste regiuni scheletice după înhumare. Pe întregul schelet sunt prezente urme răzleţe lăsate de rădăcinile plantelor (model „macaroni") (fig. 9/2).

Analogii pentru piesele de la Butuceni

Tipul I reprezintă cea mai simplă spirală realizată din fir de bronz cu secţiunea circulară, având o răsucire şi jumătate (fig. 5/1). Acest tip de piese este reprezentat la Butuceni printr-un singur exemplar şi poate fi întâlnit în diverse spaţii şi perioade de timp începând cu Epoca Bronzului şi până în Evul Mediu (Hänsel 1976, I, 107-108; Vladar 1974, T. 10/2-3, T. 11/17-19; Kemenczei 1988, T. 80/15; Novak 1975, T. 36/1-3; Aldea, Ciugudean, 1987, 81-79, 4/19; Aldea, Ciugudean 1995, 214, fig. 2/8; Borş 2015; Popović, Vukmanović 1998, 30-31; Гопкало 2012, 10-116). Deosebit de răspândit este acest tip de podoabă şi în perioada medievală (Бондарець 1997, 100, рис. VI/1-27; Воронин 1954, 179, рис. 93/7; Возний 1998, рис. 1/3, 4; Гончаров 1950, табл. XIX/9; Гуревич 1981, 103), fiind considerat specific tradiţiilor slave (Седов 1962, 198).

Tipul II, însă, este mai rar întâlnit, fiind specific doar unor spaţii mai restrânse şi unor segmente cronologice înguste[6]. Analogiile pe care am reuşit să le documentăm până la acest moment au fost descoperite în patru tipuri de contexte arheologice atribuite evului mediu: în situri funerare (aşa cum este cazul la Butuceni), în situri de habitat, în

[6] Piese asemănătoare, dar totuşi diferite, au fost descoperite şi în alte medii culturale, care, într-o primă fază a cercetării, ne-au dus pe o pistă eronată de interpretare (Munteanu et al. 2019, 58-60). Mulţumim colegului Sergiu Matveev, care, prin informaţiile oferite, ne-a ajutat să redimensionăm abordarea subiectului.

Fig. 10. Harta cu localizarea descoperirii de la Butuceni şi arealul de răspândire a inelelor de tâmplă buclate bispiralice.

situri de cult şi în depozite/tezaure. În rândurile de mai jos, vom prezenta câteva dintre analogiile mai semnificative pentru fiecare dintre cele patru tipuri de situri.

Descoperiri în situri funerare. Din start vom atenţiona asupra observaţiilor mai vechi, care constată răspândirea înmormântărilor cu inele de tâmplă similare celor de la Butuceni, în regiuni relativ bine delimitate (fig. 10): în zona Cernăuţilor – Ciornivka, Daraban, Lincăuţi, Onuţi, Peribicăuţi, Chiţmani, Cibulevka etc. (Вамуш 2015, рис. 1/15, 16; Вамуш 2009, 228-229; Пивоваров, Вамуш 2011, 75; Возний 1998, 168, рис. 1/1, 2); în regiunea Ternopol (Ягодинська 2010, рис. 7/5, 6, 9-12) şi în zona de silvostepă a bazinului râului Pripjat (Гончаров 1950, 111). În continuare, ne vom referi la câteva situaţii pe care le-am considerat mai expresive pentru a elucida tabloul pe care îl urmărim.

Astfel, la Kamenec-Podolskij, pe teritoriul vechiului castel au fost identificate şi cercetate recent două morminte în care au fost descoperite 10 piese, toate de tip I[7]. Un exemplar de tip II.A a fost identificat în tumulul nr. 4 de la Suljatici, împreună cu un exemplar de tip I (Седов 1982, таб. XXX/4, 5). Un alt exemplar de tip II.A a văzut lumina zilei la Zhivacev (Седов 1982, таб. XXXI/44), alături de patru piese de tip I (Седов 1982, таб. XXXI/45-48). În necropola de la Krogulce au fost surprinse două inele de buclă de tip II.A (Седов 1982, таб. XXXI/30, 31), împreună cu un exemplar de tip I. Asocierea de tip II.A, II.B şi de tip I a fost constatată în necropola de la Gorodnica (Седов 1982, таб. XXXI/33-38). Acolo au fost descoperite şase piese, dintre care un exemplar de tip II.A, un al doilea de tip II.B şi două exemplare de tip I (altele două erau cu capetele desfăcute). La Myshkov au fost găsite 9 piese (Седов 1982, таб. XXXI/10-18). Un exemplar este de tip II.B, iar al doilea pare să fie de tip II.A (Седов 1982, таб. XXXI/10, 16). Alte patru piese asemănătoare au fost dezvelite în situl Glubochek: două sunt de tip I, iar altele două – cu capetele în formă de „S" (Седов 1982, таб. XXXI/40-43).

În preajma mănăstirii „Бакотський скельний монастир", în preajma satului Bakota au fost descoperite mai multe morminte în care s-au depistat inele de tâmplă (Нечитайло и др. 2018, 258-261; Баженов, Мегей 2007, 210-214), inclusiv de tipul I (Маярчак 2006, рис. 38/5-10, 39/1-11) şi de tipul II.B de la Butuceni (Маярчак 2006, рис. 38/11-12, 39/16). E de menţionat un mormânt dublu (femeie de 20-30 ani şi copil), în care au fost descoperite două inele de tâmplă din argint de tip II. B, în asociere cu o cruciuliţă (Нечитайло и др. 2018, 259-262, рис. 3; 4) (fig. 11). În apropierea

[7] https://www.ukrinform.ru/rubric-tourism/2603339-arheologi-kameneckoj-kreposti-pohvastalis-svoimi-nahodkami.html

Fig. 11. Descoperirile de inele de tâmplă de la Bakota (după Нечитайло и др. 2018, рис. 4)

satului Bakota au fost identificate alte trei puncte cu descoperiri funerare, în două dintre care au fost semnalate morminte feminine cu depuneri de inele de tâmplă. Astfel, în locul numit Skeliki au fost cercetate două morminte. În mormântul 11 au fost semnalate un inel de tâmplă din argint de tip II.B şi unul similar pe degetul mâinii drepte. În mormântul 28, inelul de argint, similar celor de tâmplă, a fost descoperit pe degetul median al mânii stângi (Маярчак 2008, 35), iar în regiunea temporalelor au fost localizate cinci inele de tâmplă: două în partea dreaptă şi trei în partea stângă (Винокур, Горішній 1994, 332-333). În locul numit Bila Gora, în anul 1975 au fost identificate două înmormântări, dintre care în mormântul feminin a fost descoperit un inel de tâmplă (Горишний, Юра 1975, 318; Маярчак 2006, 56), iar ulterior au mai fost găsite cinci înmormântări (în anii 1999 şi 2006), una dintre care conţinea inele de tâmplă (Баженов, Мегей 2007, 210-214).

În privinţa necropolei de la Batareja din preajma satului Sokilicy, constatăm că cel mai răspândit inventar funerar pentru mormintele feminine le prezentau asocierile de inele de buclă de tipul II – 24 de cazuri (de cele mai multe ori din argint, fiind atestate diferite variante) cu inele de acelaşi tip descoperite pe degetele defunctelor. Predomină descoperirile de inele de pe degetele de la mâna dreaptă: 11 cazuri în raport cu două descoperiri pe degetele de la mâna stângă (Маярчак 2008, 32).

Descoperiri în aşezări şi depozite/tezaure. Numărul de descoperiri ale inelelor de tâmplă în incinta aşezărilor este mai redus decât cel din siturile funerare. Amintim aici patru exemplare din aşezarea fortificată Knjazha Gora, reg. Cerkask, dintre care trei sunt sigur cu buclă (tip II.B), al patrulea, fiind prost ilustrat, nu oferă certitudini (Бондарец 1997, 100, рис. VI/28-31). În fortificaţia Gubin au fost descoperite mai multe exemplare de inele de tâmplă (Винокур и др. 2004, рис. 92/1-6), dintre care cinci exemplare par să fie de tip II.B. Piese similare au mai fost găsite în fortificaţia Dorogobuj (Прищепа, Никольченко 1996, рис. 28/5; 34/1-14; 35/1-15; 71/1-5) şi în incinta fortificaţiei Rajkovets, unde au fost surprinse fragmente de benzi din piele cu inele de tâmplă (Гончаров 1950, 111).

Numărul restrâns din siturile de habitat este compensat prin descoperirile tezaurelor în care au fost depuse inele de buclă similare tipului II.B de la Butuceni. În fond, tezaurele provin tot din incintele aşezărilor. Astfel, în fortificaţia amplasată pe malul drept al râului Ikva, în locul numit „Vali" (Valuri) de lângă satul Telizhency, regiunea Hmelniţk, a fost identificat un depozit cu 28 de obiecte de argint (Depozit nr. 1). Majoritatea pieselor o constituiau anume inelele de buclă – 22 exemplare. Cu părere de rău, materialele publicate nu sunt ilustrate calitativ, respectiv nu ne putem pronunţa asupra tipurilor existente. Cu siguranţă poate fi delimitat doar tipul II.C (Якубовський 2003, рис. 47/6).

Un alt punct cu descoperiri similare în depozite se află pe malul drept al râului Sluch, la confluenţa acestuia cu râul Ladizhki, în preajma satului Gubin. În locul numit „Zamok" a fost identificată şi cercetată o fortificaţie, în incinta căreia s-au descoperit mai multe depozite, două dintre care conţineau piese similare celor ce sunt în centrul atenţiei noastre.

În *depozitul/tezaurul nr. I* (în total 18 piese de argint) au fost descoperite 16 inele de buclă din argint (fig. 12; 16/1; Якубовський 2003, рис. 61/8-18), dintre care 10 erau de tip II.B; un exemplar – de tip II.A (Якубовський 2003, рис. 61/14; Винокур и др. 2004, рис. 98/10), iar cinci erau de tip I (Винокур и др. 2004, рис. 98/12-16; Якубовський 2003, рис. 61/3-7). Din cele 10 piese de tip II.B, trei exemplare pot fi atribuite subvariantei II.B.1 (Якубовський 2003, рис. 61/9, 11, 17; Винокур и др. 2004, рис. 98/7, 9, 11),

iar şapte exemplare – tipului II.C (Якубовський 2003, рис. 61/8, 10, 12, 13, 15, 16, 18; Винокур и др. 2004, рис. 98/1-6, 8). Autorii menţionează că două dintre piesele descoperite aveau decor, fără să fie specificat care dintre ele, iar imaginile nu reflectă situaţia. Din aceste considerente, nu ne putem pronunţa despre care variante poate fi vorba în depozitul nr. I.

În *depozitul/tezaurul nr. III* au fost găsite două garnituri.

În prima garnitură a depozitului nr. III au fost descoperite în total 19 piese de argint (fig. 13; 14; Винокур и др. 2004, рис. 104), dintre care 12 exemplare de inele de buclă din argint (Якубовський 2003, рис. 66/1, 2; Винокур и др. 2004, рис. 104/5; Винокур и др. 2003, рис. 8, 9). Textul nu oferă descrieri mai detaliate, iar în imaginile publicate de Jakubovskij sunt prezentate doar două exemplare, din care nu pot fi deslușite caracteristicile particulare. Cert este că cele două piese ilustrate sunt de tip II.B şi II.C, dar fără a putea afirma cu certitudine existenţa unei sau altei subvariante (putem doar bănui că în fig. 66.1 este vorba de varianta II.C, iar în figura 66.2 – o posibilă variantă II.B). Din desenele publicate de Винокур şi colegii săi am putea presupune că este vorba de două piese de tip II.C (Винокур и др. 2004, рис. 104), de altfel, aşa cum reiese şi din publicaţia aceloraşi autori din anul 2003 (Винокур и др. 2003, рис. 8). Totodată este posibilă şi existenţa unor subvariante, având în vedere că textul aminteşte de un exemplar decorat.

În garnitura a doua a depozitului nr. III[8] au fost descoperite în total 21 piese, dintre care 20 de argint şi una de piatră (Винокур и др. 2004, 52, 53; рис. 106; Якубовський 2003, рис. 77). Dintre cele 21 de piese din garnitură, 12 exemplare sunt inele de tâmplă din argint (fig. 15; Винокур и др. 2004, рис. 106; Винокур и др. 2003, рис. 15, 16). Tipologia nu este descrisă, iar imaginile nu sunt foarte explicite. Se pare că e vorba de patru piese de tip II.B şi una de tip II.C. O bună parte dintre piesele reprezentate se pare că ar constitui un tip aparte – inele cu două bucle (şase exemplare).

Fig. 12. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin, tezaurul nr. I (după Винокур и др. 2004, рис. 97).

Fig. 13. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin, tezaurul nr. III, garnitura 1 (după Винокур и др. 2004, рис. 104).

[8] În lucrarea lui Якубовський 2003 acest depozit este desemnat cu nr. IV.

Fig. 14. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin, tezaurul nr. III, garnitura 1 (foto după Винокур и др. 2003, рис. 8).

Fig. 15. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin, tezaurul nr. III, garnitura 2 (foto după Винокур и др. 2003, рис. 15).

În *depozitul/tezaurul nr. IV*[9] (în total 47 piese de argint, bronz şi bronz aurit) au fost identificate 30 exemplare de inele de argint similare descoperirilor de la Butuceni (fig. 17; Якубовський 2003, рис. 78/1, 5, 7, 9, 14, 16; Винокур и др. 2004, рис. 109). Informaţia prezentată de Jakubovskij este foarte superficială, neindicându-se nici măcar materia primă din care au fost realizate. Este adevărat, informaţia poate fi recuperată din monografia colectivului de autori în frunte cu Vinokur (Винокур и др. 2004, 54), care specifică materia primă – argintul. Partea bună e că s-a încercat o tipologie, dar care nu este însoţită de imagini, ceea ce din start ştirbeşte din capacitatea receptării informaţiilor oferite. Putem desprinde, cu o mare doză de probabilitate, că 13 exemplare erau de tipul I (Якубовський 2003, рис. 78/14; Винокур и др. 2004, 19-30); cinci exemplare erau de tipul II.A (Якубовський 2003, рис. 78/9 – nesigur; Винокур и др. 2004, 14-18), pentru celelalte piese nefiind clare elementele de tipologizare. Ceea ce poate fi văzut din ilustraţie e că sunt atât exemplare de tip II.B – posibil opt exemplare (Якубовський 2003, рис. 78/7; Винокур и др. 2004, 1-4, 8, 11-13), cât şi de tip II.C – patru exemplare (Якубовський 2003, рис. 78/1, 5, 16; Винокур и др. 2004, 5-7, 10).

Cel mai mare număr de depozite/tezaure a văzut lumina zilei în aşezarea fortificată de lângă satul Shepetivka, regiunea Hmelniţk – 16 unităţi, dintre care în nouă s-au descoperit 147 inele de tâmplă similare celor de la Butuceni.

Depozitul/tezaurul nr. I consta din opt exemplare de inele din argint asemănătoare celor de la Butuceni (Піскова 1988, 16, рис. 1/10-20).

[9] Depozitul nr. IV din monografia lui B. Винокур и др. 2004 reprezintă tezaurul nr. V din monografia lui Якубовський 2003.

1

2

Fig. 16. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin: 1 - tezaurul nr. I; 2 - tezaurul nr. III (după Якубовський 2003, рис. 61, 66).

Fig. 17. Descoperirile de inele de tâmplă de la Gubin, tezaurul nr. IV (după Винокур и др. 2004, рис. 109).

În *depozitul/tezaurul nr. II* (în total 20 piese de argint) au fost contabilizate 11 exemplare de inele de tâmplă din argint (Якубовський 2003, рис. 80/10-20; Піскова 1988, 16, fig. 1/10-20). Ilustraţia prezentată de autorul publicaţiei poate oferi anumite posibilităţi pentru desprinderea tipologică, dar cu rezerva că nu poate specifica existenţa/lipsa decorului. Respectiv, este cert că avem exemplare similare tipului II.B, cu rezerva că am putea avea şi piese decorate, care ar sugera existenţa subvariantei II.B.1 (Якубовський 2003, рис. 80/11).

Depozitul/tezaurul nr. III era constituit din 13 exemplare de inele de tâmplă din argint similare celor de la Butuceni, calificate în literatura de specialitate ca „півторазворотнього типу” (Якубовський 2003, 114; Піскова 1988, 18). Piesele nu sunt ilustrate.

Depozitul/tezaurul nr. IV, ca şi depozitul nr. III, conţinea doar un tip de artefacte – 18 inele de tâmplă din argint, care, însă, nu au fost ilustrate de autorii publicaţiei (Піскова 1988, 18).

În *depozitul/tezaurul nr. VI* (în total 20 piese de argint) au fost descoperite 16 exemplare de inele de tâmplă din argint (Якубовський 2003, рис. 83/1-4, 9-17). Din imagine pot fi desprinse clar tipul I (Якубовський 2003, fig. 83/14-17), tipul II.B.1 (Якубовський 2003, рис. 83/2, 9, 12) şi tipul II.B.3 (Якубовський 2003, рис. 83/3, 13).

În *depozitul/tezaurul nr. VII* (în total patru piese, dintre care trei de argint şi una de bronz) au fost identificate două inele de tâmplă, fără a fi specificat tipul şi fără a fi prezentate imagini. Ceea ce necesită a fi menţionat e că una dintre piese este din argint, iar cealaltă este din bronz (Якубовський 2003, 117).

În *depozitul/tezaurul nr. VIII* (în total 13 piese din argint, aur, argint aurit şi chihlimbar) au fost descoperite patru exemplare de inele de tâmplă din argint de tipul II.B (Якубовський 2003, рис. 85/8), II.B.1 (Якубовський 2003, рис. 85/9) şi II.C (Якубовський 2003, рис. 85/7).

În *depozitul/tezaurul nr. IX* (în total 18 piese din argint, plumb şi chihlimbar) au fost descoperite patru exemplare de inele de tâmplă din argint (Якубовський 2003, рис. 86/8-11). Imaginile nu sunt calitative, nefiind posibilă desprinderea clară a tipurilor reprezentate: cel puţin trei dintre ele pot fi raportate la tipul II.B (Якубовський 2003, рис. 86/8-10).

Fig. 18. Descoperirile de inele de tâmplă din Muzeul Viniţa, Ucraina (după https://vezha.vn.ua/wp-content/uploads/2017/04/IMG_6780.jpg).

Fig. 19. Descoperirile de inele de tâmplă din Muzeul Sonock, Polonia (după http://wici.org.pl/wp-content/uploads/2018/02/P1130413.jpg).

În *depozitul/tezaurul nr. X* (în total 14 piese din argint) au fost descoperite 14 exemplare de inele de tâmplă din argint, dintre care 10 întregi şi patru fragmentare. Descrierea lor lipseşte, de altfel, ca şi ilustraţia (Якубовський 2003, 120).

În *depozitul/tezaurul nr. XI* (în total 26 piese din argint) au fost depistate 25 exemplare de inele de tâmplă din argint. Şi în acest caz lipseşte descrierea şi ilustraţia (Якубовський 2003, 120).

În depozitul/tezaurul nr. XII (în total nouă piese din argint şi una din fier) au fost observate patru exemplare de inele de tâmplă din argint, dintre care, judecând după ilustraţie (Якубовський 2003, рис. 89/1-4), două exemplare pot fi raportate la varianta II.B (Якубовський 2003, рис. 89/1, 3), iar celelalte două nu pot fi apreciate din ilustraţie.

În *depozitul/tezaurul nr. XIII* (în total 21 piese din argint) au fost surprinse 21 exemplare de inele de tâmplă din argint, fiind menţionate ca fiind de tipul „півторазворотнього типу із загнутими кінцями". Descrierea lor lipseşte, de altfel ca şi ilustraţia (Якубовський 2003, 120).

Depozitul/tezaurul nr. XIV (în total 11 piese, dintre care 9 din argint) adăpostea 11 exemplare de inele de tâmplă din argint, fiind menţionate ca fiind de tipul „півторазворотнього типу". Două dintre ele sunt din bronz, restul – din argint. Descrierea şi ilustraţia lipsesc (Якубовський 2003, 121).

În final, *depozitul/tezaurul nr. XV* ascundea şase exemplare de inele de tâmplă, dintre care cinci din bronz şi una din argint, fără a fi oferite alte detalii. Descrierea lor lipseşte, de altfel ca şi ilustraţia (Якубовський 2003, 121).

Descoperiri din situri de cult. Ne vom rezuma să menţionăm, la acest compartiment, doar descoperirile din cel mai renumit centru de cult – cel de la Zvenigorod, unde au fost atestate cel puţin şapte contexte în care au fost fixate inele de tâmplă similare celor de la Butuceni: Sanctuarul 1 – două inele de tip I (Русанова, Тимощук 1993, рис. 31/16, 17); Sanctuarul 2 – trei inele, dintre care două exemplare de tip II.B şi unul de tip I (Русанова, Тимощук 1993, рис. 56/1-3); Sanctuarul 3 – nouă inele, dintre care opt exemplare de tip II.B (Русанова, Тимощук 1993, рис. 45/7-15); construcţia 5 – un inel de tip I (Русанова, Тимощук 1993, рис. 50/9); construcţia 8 – patru inele, dintre care două exemplare de tip II.B, iar altele două – cu câte două bucle (Русанова, Тимощук 1993, рис. 53/10); construcţia 10 – patru inele, dintre care trei exemplare de tip II.B.1 (Русанова, Тимощук 1993, рис. 53/10); construcţia 11 – două inele, dintre care un exemplar de tip II.B.1 şi unul de tip I (Русанова, Тимощук 1993, рис. 54/14, 15).

În afară de piesele prezentate mai sus, care sunt bine localizate şi publicate, un şir de alte exemplare au apărut în vizorul nostru graţie unor elementare căutări pe internet. Astfel, imaginea a două inele de buclă din argint (tip II.B) se raportează la colecţiile Muzeului din Lvov, informaţii despre locul şi contextul descoperiri nefiind oferite (Зарубій 2001, рис. 85; 86). În Muzeul din Viniţa sunt expuse alte opt exemplare din argint (fig. 18), dintre care trei exemplare erau cu câte două bucle[10]. Şi în colecţia Muzeului de Istorie din

[10] https://vezha.vn.ua/wp-content/uploads/2017/04/IMG_6780.jpg

Fig. 20. Descoperirile de inele de tâmplă din vechiul Vozvjagol (după http://zwiahel.info/pictures/illustrations/room3/2-7.jpg).

Fig. 21. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Domongol (după http://domongol.org/gallery/image.php?pic_id=3804&sid=33c07a4a39fdd1acf40cc1bb69c71214).

Sanock, pe teritoriul Poloniei (fig. 19), apar patru exemplare, dintre care două sunt de tip II.B, unul de tip I şi unul de tip II.A[11]. Un şir de inele de tâmplă (reprezentând practic toate tipurile de la Butuceni) apar în legătură cu descoperirile recente de la Zvjagel[12] (fig. 20), un indiciu în acest sens primindu-l de la fraţii Oleg şi Andrei Petrauskas, cărora le aducem mulţumiri şi pe această cale. Mai amintim aici mai multe exemplare de inele de tâmplă din argint şi bronz, perfect identice cu cele descoperite la Butuceni, care au apărut pe diverse portaluri de comercializare a antichităţilor. Astfel, pe site-ul Домонгол sunt expuse două piese[13] (fig. 21). Pe site-ul Sobiratel au fost expuse 4 piese din bronz (bronz argintat?), care, judecând după informaţiile însoţitoare, au apărut într-un depozit, împreună cu podoabe de tip colt, fără a fi indicat locul descoperirii[14] (fig. 26). Pe site-ul Violity au fost expuse trei seturi descoperite în regiunea Hmelniţk şi unul fără indicarea provenienţei (fig. 22[15], 23[16], 24[17], 25[18]).

Fig. 22. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Violity (după https://st.violity.com/auction/big/auctions/73/53/28/73532820.jpg).

Fig. 23. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Violity (după https://st.violity.com/auction/big/auctions/85/49/14/85491460.jpg).

Rezumând cele prezentate, constatăm că analogiile din complexele funerare, de altfel ca şi din celelalte tipuri de complexe pe care am reuşit să le documentăm până la acest moment, au fost descoperite, în fond, în regiunile Volâniei şi Podoliei, cu extindere spre bazinul râului Pripjat, dar şi în regiunile mai sud-vestice, în teritoriile de pe cursul mijlociu al râului Nistru (fig. 10).

[11] http://wici.org.pl/wp-content/uploads/2018/02/P1130413.jpg
[12] http://zwiahel.info/pictures/illustrations/room3/2-7.jpg
[13] http://domongol.org/gallery/image.php?pic_id=3804&sid=33c07a4a39fdd1acf40cc1bb69c71214
[14] https://sobiratel.org/files/4926_1519423013.png
[15] https://st.violity.com/auction/big/auctions/73/53/28/73532820.jpg
[16] https://st.violity.com/auction/big/auctions/85/49/14/85491460.jpg
[17] https://st.violity.com/auction/big/auctions/84/21/98/84219872.jpg
[18] https://st.violity.com/auction/big/auctions/83/12/5/83120571.jpg

Fig. 24. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Violity (după https://st.violity.com/auction/big/auctions/84/21/98/84219872.jpg).

Fig. 25. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Violity (după https://st.violity.com/auction/big/auctions/83/12/5/83120571.jpg).

Fig. 26. Descoperirile de inele de tâmplă de pe site-ul Sobiratel (după https://sobiratel.org/files/4926_1519423013.png).

Repere cronologice

Pentru a răspunde la întrebarea atribuirii cronologice a vestigiilor de la Butuceni, vom reveni la siturile din zona Nistrului Mijlociu, dar şi la acelea din teritoriile nord-vestice ale actualului stat Ucraina, regiuni în care am sesizat analogiile prezentate mai sus. Cele mai sugestive situaţii le putem desprinde din complexele tezaurelor. Atragem atenţia că toate tezaurele amintite, fără excepţie, au fost găsite în procesul de excavare sistematică ale unor aşezări fortificate din teritoriile Bolohovinenilor. Cea mai mare parte ale acestora au fost găsite în depozitele din incintele fortificate de la Bolochiv, Gubin, Bozhsk, Tilizhenets şi Shepetivka. Aceste situri au o bună evidenţă stratigrafică, astfel încât cronologia lor este relativ bine fixată. În mod deosebit impresionează situaţia constatată în cadrul fortificaţiei de la Shepetivka (locul cu cele mai multe tezaure ce conţin inele de tâmplă de tip II.B) şi unde numărul unor astfel de piese este la fel de mare ca numărul de piese similare descoperite în toate celelalte locuri ale Statului Kievean luate la un loc. Datele disponibile pentru încadrarea cronologică a sitului îl ancorează în segmentul cuprins între a doua jumătate a secolului al XII-lea - prima jumătate a secolului XIII-lea (Якубовський 2003, 135).

Suficient de bune sunt reperele cronologice şi pentru fortificaţia Gubin. Printre materialele descoperite în cadrul cercetărilor arheologice există un inventar considerabil de artefacte, care arată că centrul fortificat Gubin a fost fondat nu mai devreme de sfârşitul secolului al XII-lea (Якубовський 2003, 98-101, рис. 59). Şi tezaurele de la Gubin sugerează acelaşi interval de timp. Analiza lor a relevat că, din cele cinci tezaure/depozite publicate, patru sunt adăpostite în partea inferioară a structurilor de lemn – componentă a sistemului defensiv. În contextul descoperirilor este menţionată, de fiecare dată, prezenţa ceramicii ce se atribuie secolelor XII-XIII (Якубовський 2003, 103, 104). Viaţa centrului fortificat s-a întrerupt la mijlocul secolului al XIII-lea ca urmare a unui asediu, în timpul căruia au murit locuitorii şi apărătorii oraşului. Acest lucru este demonstrat de scheletele umane, ale căror condiţii de descoperire demonstrau că nu au fost supuse ritualului de înmormântare (Якубовський 2003, 102). În acest sens, avem şi informaţii scrise care menţionează distrugerea fortificaţiei Gubin în anul 1241: campania lui Daniil de Halici, în anul 1241, contra conducătorilor Bolohoveni (Літопис Руський, 399).

Cam aceeaşi situaţie cronologică este documentată în baza descoperirilor din depozitul de la Telizhentsy – secolele XII-XIII (Якубовський 2003, 72). Astfel, cercetările de teren indică faptul că situl din preajma râului Ikva a fost fondat la sfârşitul secolului al XII-lea, ulterior fiind ridicate fortificaţiile sale – valurile şi şanţurile, iar teritoriul intramural al aşezării a fost locuit până în prima jumătate a secolului al XIII-lea. Studiile comparative ale ceramicii, brăţărilor de sticlă, pandantivelor şi altor podoabe asemănătoare cu cele din săpăturile de la Veliky Gorodishche de pe râul Husca (satul Horodyshche de lângă Shepetivka) au arătat că producţia lor datează din prima jumătate a secolului al XIII-lea (Якубовський 2003, 73). Datarea poate fi verificată şi în baza unui grup de aşezări care sunt situate în apropiere, bine ancorate în timp conform informaţiilor din letopiseţe. Acestea sunt, de exemplu, aşezări bine datate, precum cele de la Gubin, Kolodyazhne, Kudinka, care se caracterizează prin similitudinea schemelor inginereşti ale fortificaţiilor, dar şi prin cultura materială şi spirituală specifică acestora. Cercetările ne arată că aceste puncte sunt, de obicei, aşezări urbane care au apărut la sfârşitul secolului al XII-lea şi şi-au încetat funcţionalitatea la mijlocul secolului al XIII-lea. În baza săgeţilor de tip tătăresc ce au fost descoperite în incinta fortificaţiei, poate fi dedus faptul că aşezările ar fi putut fi arse de trupele hanilor mongoli (Якубовський 2003, 127).

Săpăturile din 1957-1964, care au fost efectuate pe teritoriul centrului fortificat al oraşului Bolokhov1 sub conducerea M.K. Karger, au relevat că teritoriul său a început să fie explorat încă din secolul al XI-lea. În perioada secolelor al XII-lea - începutul secolului al XIII-lea fortificaţia şi-a atins apogeul, anume atunci fiind ridicate principalele sale structuri de apărare. Complexele locative ce au fost cercetate în incintă, precum şi elementele de fortificare au fost arse într-un incendiu, care a avut loc în anii 40 ai secolului al XIII-lea, locuitorii aşezării şi apărătorii acesteia fiind nimiciţi (Якубовський 2003, 112). Mai mult, o analiză a podoabelor care alcătuiesc tezaurele din zona Bolohivsk arată că majoritatea pieselor sunt realizate de meşteri locali, pe baza tradiţiilor locale, iar prin analogiile decorului, stilului şi morfologiei, producţia podoabelor din argint, argint aurit şi aur nu depăşeşte a doua jumătate a secolului al XII-lea - prima jumătate a secolului al XIII-lea (Корзухина 1954, 126, 130; Якубовський 2003, 123). Un argument în plus în favoarea acestei cronologii îl poate constitui elementara trecere în revistă a podoabelor, care ne demonstrează că arta aplicată practicată la Bolokhiv a fost influenţată de relaţiile creative cu artiştii din Statul Kievean, Halici şi Chernihiv dn secolul al XIII-lea. Spre exemplu, imaginea păsărilor şi grifonilor de pe podoabele de tip colt a fost utilizată în această perioadă de meşteri pe spaţii destul de largi. Decorul podoabelor de tip colt descoperite în tezaurul de la Gubin şi în alte tezaure ale ţării bolohovinene (Піскова 1988, 16-17, 19, рис. 2/5; 20, рис. 3/5, 6; 21, рис. 4/1, 2; 22, рис. 5/5; 24, рис. 6/11, 12; 26, рис. 7/6, 7; 28, рис. 9; Якубовський 2003, 53, рис. 24; 61, рис. 35; 66, рис. 39/1; 68, рис. 41; 95, рис. 62; 96, рис. 63, 64), este specific teritoriilor din Volânia, Kiev şi Cernigov (Корзухина 1954, 110, 120; Кучинко 2002, 260, рис. 32/5), dar şi celor din regiunile mai îndepărtate din nord-vestul Rusiei (Корзухина 1954, 138, 140, 141, 144, табл. LX; Цикольскай 1968, 188, рис 1/2; Загорульский 1982, табл. XVII/1, 2; Седова 1981, рис. 5/1).

Cronologia mormintelor în care s-au descoperit inele de tâmplă similare celor de la Butuceni nu contravine datelor din fortificaţii. Astfel, în baza pieselor de argint şi a ceramicii, necropola de la Bakota, Skeliki, a fost datată cu perioada secolelor XII-XIII (Нечитайло 2018, 260-264, рис. 6, 19; Винокур, Горішній 1994, 333). În mod special, atragem atenţia la tipul de cruciuliţă descoperit în asociere cu tipul de inelele de tâmplă pe care le analizăm. Tipul respectiv de cruciuliţe a fost descoperit într-un şir de situri care datează cu secolele XII-XIII (Нечитайло 2018, 260): Sokiltsy, Batareja (Маярчак 2006, 82, 86), Shatsk, Sad (Савицький 2014, рис. 5/5), Perejaslav (Бузян, Тетеря 2012, рис. 1/1), Poloc'k, Pins'k, Novgorod (Савицький 2014, 200), fortificaţia Pirovo (Кокоркина 2013, 59), Starij Rjazani, fortificaţia Rajkovec'k (Станюкович, Осипов, Соловьёв 2003, 24), Kiєv (Кайль, Нечитайло 2006, 32-47), Lisichniki, regiunea Ternopil' (Ягодинська 2007, 352, рис. 4/1) şi fortificaţia Chorniv (Возний 1998, 114, фото 99/1). Ar mai fi de adăugat observaţiile făcute de către Majarchak asupra evoluţiei tipurilor de rituri şi ritualuri funerare în teritoriile din stânga Nistrului Mijlociu. Astfel, conform rezultatelor obţinute, apariţia înmormântărilor în necropole plane fără lespezi de piatră ar reprezenta caracteristici pentru începutul secolului al XIII-lea (Маярчак 2008, 36).

Astfel, dacă ne rezumăm la această scurtă trecere în revistă a datărilor propuse pentru siturile în

care s-au descoperit analogii pentru piesele de la Butuceni, vom observa că acestea se încadrează în intervalul de timp cuprins între finele secolului al XII-lea şi prima jumătate a secolului al XIII-lea, date ce pot fi considerate ca reper şi pentru descoperirea de la Butuceni, fără să putem veni acum cu precizări mai exacte în acest moment[19].

Funcţionalitatea şi semnificaţia artefactelor

Inelele temporale, care au fost utilizate pe scară largă în rândul populaţiei din Volânia şi Podolia, în secolele XII-XIII s-au transformat într-un decor regional care a fost la modă, după cum am văzut mai sus, nu numai în mediul rural, ci şi în rândul populaţiei urbane. Care, însă, este originea formei circulare a respectivelor podoabe şi care este semnificaţia lor? Este o întrebare care s-a aflat în epicentrul atenţiei numeroşilor cercetători şi care a oferit diferite răspunsuri. Inelele de tâmplă sunt de diferite tipuri şi depozitate în cantităţi diverse în variate tipuri de complexe (tezaure, morminte, complexe locative, dar şi funerare). Totodată, podoabele au fost aranjate într-o anumită ordine şi, cu siguranţă, aveau o anumită încărcătură simbolică. Trebuie menţionat că cercetătorii mormintelor funerare au remarcat adesea o asimetrie deliberată în poziţionarea inelelor temporale. Pentru un şir întreg de situri s-a constatat că inele de tâmplă au fost descoperite câte cinci în mormânt – trei pe o parte şi două pe cealaltă. În alte cazuri s-a constatat prezenţa a câte patru exemplare sau a unui număr ce reprezintă derivatele cifrei 4. În acelaşi timp, numărul complexelor cu un aranjament simetric al inelelor temporale este destul de mare, iar în unele cazuri chiar predominant.

Ce este important să luăm în seamă analizând mormântul de la Butuceni pentru a întrezări funcţionalitatea lui?

Sunt, cel puţin, cinci criterii în baza cărora am putea medita asupra funcţionalităţii pieselor din complexul funerar de la Butuceni. În primul rând, e de menţionat ritul de înhumare în morminte plane, fără amenajări suplimentare, scheletul fiind întins pe spate cu capul înspre vest (cu o mică deviere). În al doilea rând, atragem atenţia asupra depunerii acestora într-un mormânt feminin, defuncta fiind o femeie tânără, dar care deja avusese experienţa naşterii. În al treilea rând, este de luat în seamă locul în care s-au descoperit inelele de buclă – toate în zona temporală a craniului (unele dintre ele lăsând o pronunţată urmă de oxidare în locul contactului cu craniul – fig. 9/2). În al patrulea rând, de reţinut modul în care erau depuse acestea, şi anume – formând perechi prinse între ele (cu excepţia unei piese) care erau suspendate în zona temporală. În al cincilea rând, dispunerea asimetrică a artefactelor (din punct de vedere numeric) pe fiecare dintre părţile temporale ale capului (două şi nouă). Având în vedere cele enumerate mai sus, am putea admite că ipotezele deja enunţate în istoriografie, conform cărora respectivul tip de piese ar fi putut să facă parte din decorul podoabei capilare, ar fi aplicabile şi în cazul descoperirii de la Butuceni.

În contextul descoperirilor pe care le prezentăm, este important să ne amintim că la sfârşitul secolului al X-lea, după o perioadă mai îndelungată de practicare a incineraţiei, pe spaţii largi a început procesul de substituire a incineraţiilor cu înhumările sub tumuli, pentru ca mai târziu să se treacă spre înhumaţii în morminte plane. Analiza inventarului funerar din respectivele morminte a permis nu doar generarea datelor privind tipologia inelelor de tâmplă, dar să şi ofere anumite repere pentru delimitarea variantelor de port şi de prindere. În fond, materialele descoperite indică faptul că, în acea perioadă, inelele temporale erau fie ataşate la anumite accesorii ale costumului, fie ţesute în părul de pe părţile laterale ale capului, la tâmple. Acest lucru este evidenţiat de localizarea inelelor în zona temporală a scheletelor, dar şi de urmele de culoare verde pe care le lăsau artefactele respective pe craniile defuncţilor (Ляпушкин 1958, 59). Totodată, varietatea localizării descoperirilor a permis extinderea interpretărilor. Conform analizelor întreprinse de către A.K. Shpilev în baza descoperirilor din necropola Gochevo (Шпилев 2005; Шпилев 2009), dar şi ale N. Ristovska, care a analizat materiale din arii mai extinse (Ristovska 2010, 206-209, plate 12, 14), au fost delimitate cinci variante de port ale acestora, o parte dintre ele fiind aplicabile şi în cazul nostru.

Spre exemplu, una dintre variantele delimitate prevedea posibilitatea *agăţării inelelor temporale de o bandă de pânză sau piele prinsă pe cap*. În calitate de argument erau aduse un şir de exemple care ni se par suficient de convingătoare. Astfel, trei „inele mici din sârmă de cupru cu o buclă şi un capăt în „S", înfăşurate printr-o centură de pie-

[19] Probele pentru analiza C14 au fost transmise pentru procesare, urmând să primim în viitorul apropiat şi rezultatele.

le, au fost identificate la tâmpla din dreapta a înmormântării feminine din tumulul nr. 27 (Глазов 1913, 16, cf. Шпилев 2009). În tumulul nr. 71, în jurul craniului au fost găsite 6 inele temporale de bronz, lângă două dintre acestea păstrându-se urme „de la banda din piele pe care erau atârnate" (Стародубцев 1996, I/4 -5). În tumulul nr. XLII au fost găsite 6 inele spiralate (Самоквасов 1915a, tabelul XX, cf. Шпилев 2009; Самоквасов 1915b, 16, cf. Шпилев 2009), iar în tumulul nr. 41, la stânga craniului unei fete de 10-12 ani – o bandă de țesătură de culoare cenușiu-deschisă, trecută prin două inele temporale (Стародубцев 1999, 11-12, cf. Шпилев 2009, рис. 1/8). Uneori, inelele temporale erau suspendate unul de altul, obținându-se un pandantiv asemănător celui descoperit de către P.I. Zasurtsev la temporalul din stânga al defunctului din tumulul nr. 80 de la Lipinsky (Засурцев 1949, рис. 1/10). Panglicele din țesătură sau din piele cu inelele prinse de ele ar putea fi împletite în păr, așa cum se pare că s-a produs în cazul tumulului nr. 86 de la Gochev (Глазов 1915), unde, în apropierea defunctei, au fost descoperite „6 inele din sârmă netedă de cupru prinse de o curea și împletite cu părul întunecat" (Глазов 1915, рис. I/19, cf. Шпилев 2009).

O a doua variantă, care ar putea fi admisă și în cazul de la Butuceni, prevede *atașarea inelelor temporale la accesoriile de port ale capului* (ceva gen cocoșnicul rusesc de mai târziu). Această metodă a fost înregistrată în baza situațiilor din opt tumuli de la Gochevo. În tumulul nr. 7, în partea dreaptă a craniului, s-au găsit „două inele de sârmă de cupru cu rămășițe uzate de țesătură galbenă" (Рыков 1912, 17-18, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. LXXXVIII, lângă capul scheletului feminin, au fost identificate opt inele temporale și o bucată de pânză (Самоквасов 1915a, tumulul nr. XXXIX; Самоквасов 1915b, 26, рис. 1/1, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. LX, 18 inele temporale se aflau pe craniu, împreună cu „resturi de piele și pânză" (Самоквасов 1915a, таб. XXXI; Самоквасов 1915b, 21, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. 35, în stânga craniului erau trei inele temporale cu resturi de materie (Рыков 1912, 74-76); în tumulul nr. 26, în dreapta craniului unei fete de 8-10 ani erau nouă inele temporare de argint, iar în stânga – trei inele temporale și bucăți de țesătură cu franjuri (Рыков 1912, рис. I/52-53). Un șir de cercetători consideră că inelele temporale ar fi putut fi atașate la căptușeală prin intermediul unor bucle de ață făcute special. O astfel de metodă a fost constatată de către V.V. Hvoiko în Brovarka (regiunea Poltava), unde în tumulul nr. 6 se aflau „câte 3 inele temporale cu bucăți de pânză pe ambele părți ale craniului, la care au fost cusute „încheietori" care țineau aceste inele" (Хвойко 1904, 46-47, cf. Шпилев 2009). O altă metodă de atașare a inelelor temporale a fost urmărită de E.N. Melnik în tumulul nr. 28 al necropolei Nica (provincia Kharkov), unde a fost descoperită o căptușeală de scoarță de mesteacăn, care a fost decorată cu câteva zeci de inele de sârmă de argint de diferite dimensiuni și grosimi, amplasate deasupra și de dedesubt, „sub formă de franjuri". Potrivit cercetătorului, cercul de scoarță de mesteacăn a fost acoperit pe deasupra cu o pânză în care erau inserate inelele, având în vedere că în bucățile păstrate de scoarță de mesteacăn nu erau găuri vizibile de la fixarea inelelor (Мельник 1905, 737, cf. Шпилев 2009). Cu toate acestea, la fel ca în Brovarka, inelele temporale de la Nica ar fi putut să nu fi trecut direct prin țesătură, ci să fi fost fixate pe „încheietori" de ață.

Varianta a treia ar presupune *împletirea inelelor temporale în păr*. În favoarea acestei variante de interpretare ar pleda descoperirile șuvițelor de păr în mai multe morminte cu depuneri de inele de tâmplă. Astfel, în patru înmormântări ale necropolei de la Gochevo, pe inelele temporale au fost păstrate resturile de păr, în care acestea au fost probabil împletite. În tumulul nr. 65 s-au găsit trei inele temporale cu rămășițe de păr blond închis (Рыков 1912, 118-119, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. 101 „sub craniu au fost descoperite șuvițe de păr negru și 6 inele temporale (Рыков 1912, 158-159, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. 39, între inelele temporale s-au „păstrat șuvițe de păr negru" (Глазов 1913, 119, cf. Шпилев 2009); în tumulul nr. 14, inelele de sârmă de la tâmple erau „înfășurate cu șuvițe de păr închis, bine păstrate grație ligaturii oxidului de cupru" (Глазов 1915, 8, cf. Шпилев 2009).

Fiecare dintre cele trei modalități de prindere a podoabelor ar fi putut fi fost utilizată în cazul de la Butuceni, însă neavând nici un indiciu exact de genul celor descrise mai sus, rămânem doar la nivel de ipoteze, care, sperăm să fie justificate în cazul unor noi descoperiri. Dincolo de modalitățile de port indicate mai sus, pot fi amintite și alte variante, care, însă, nu pot fi admise în cazul reconstituirii cazului de la Butuceni, dar care e bine să fie luate în seamă în contextul eventualelor descoperiri. Vom aminti, în primul rând, utilizarea ar-

tefactelor identice pieselor pe care le examinăm, în calitate de cercei. Într-o serie de înmormântări din regiunea Kursk, plasarea inelelor temporale indică faptul că acestea ar fi putut fi folosite anume ca cercei. În acest sens, s-au păstrat fragmentele de ureche într-o serie de înmormântări de la Gochevo, graţie oxidării inelelor încorporate. Cu un grad ridicat de probabilitate, rămăşiţele urechilor sunt reprezentate în tumulul nr. 60 (Рыков 1912, cf. Шпилев 2009). Probabil, cinci inele temporale „legate de piele" din tumulul nr. 13 de la Gochevo şi inelele temporale „legate de piele" din tumulul nr. 8 de la Gornalsky (Самоквасов 1908, 214, cf. Шпилев 2009), absolut identice cu inelele din tumulul Gochevo nr. CXXVIII (Самоквасов 1909, cf. Шпилев 2009), erau utilizate în calitate de cercei. Utilizarea inelelor temporale ca bijuterii pentru urechi este indicată şi de cercetările mai recente ale lui A.S. Agapov şi T.G. Saracheva. Aceştia au prelucrat mai multe fragmente de piele de care erau prinse inele de diferite tipuri şi au stabilit că pielea reprezintă rămăşiţele auriculelor care aveau de la 1 până la 4 găuri şi a căror stare generală sugerează că ele s-au format în timpul vieţii, ca urmare a contactului cu podoabele de-a lungul unei perioade de timp mai extinse" (Агапов, Сарачева 1997, 106).

Într-o a cincea variantă a fost inclusă utilizarea mai puţin obişnuită a inelelor temporale de tipul celor descoperite la Butuceni. Ne referim, în primul rând, la localizarea unei părţi a inelelor temporale în alte zone ale corpului decât cele descrise mai sus, ceea ce ar sugera că podoabele desemnate cu termenul de inele de tâmplă ar putea fi, în anumite cazuri, şi polifuncţionale. Astfel, într-o serie de înmormântări de la Gochevo, inelele temporale au jucat rolul de podoabe ale zonei pectorale. În tumulul nr. LIX a fost descoperit un colier format din 12 mărgele din sticlă argintie şi din trei inele în formă de brăţară împletite între ele (Самоквасов 1915b, 20, таб. XXX, cf. Шпилев 2009). Cinci inele temporale din argint în formă de brăţară cu capetele deschise, „alcătuind un colier", au fost identificate pe clavicula defunctului în tumulul nr. 41 (Рыков 1912, 85-86). Un aranjament similar de inele a fost, de asemenea, înregistrat în tumulii nr. XXXVIII (cinci inele), XXXIX (patru inele), XL (şase inele), XLIII (patru inele), XLIV (patru inele), XLVI (cinci inele), XLVII (două inele), XLVIII (şase inele), XLIX (patru inele), LXIII (patru inele), LXIV (cinci inele), LXIX (două inele), LXX (şase inele), LXXII (trei inele), LXXIII (trei inele), LXXVI (patru inele), LXXXI (şase inele), CXIII (patru inele), CCLXI (cinci inele) (Самоквасов 1915a; Самоквасов 1915b, cf. Шпилев 2009). Este foarte posibil ca şi inelele din tumulul nr. 74 să fi format podoabe de gen coliere (Рыков 1912, cf. Шпилев 2009). Trei inele de bronz de forma celor temporale se aflau într-un grup de 16 lunule de argint şi şase mărgele de pastă care erau amplasate în jurul maxilarului inferior al defunctului. Un al doilea grup de compoziţii similare a fost găsit aproape de mâna dreaptă a unui bărbat îngropat. Probabil, a fost şi în acest caz un colier format din patru inele de sârmă, 84 de mărgele şi patru lunule de argint (Рыков 1912, 132-133, cf. Шпилев 2009). Se poate presupune că inelele găsite pe pieptul decedatului erau fie o parte dintr-un colier de tip mixt (inele de tâmplă-mărgele), fie erau purtate pe piept sub forma unui lanţ, cum ar fi podoabele din Nica (regiunea Kharkov), unde în înmormântarea 2 din tumulul nr. 28, E.N. Melnik a găsit în jurul gâtului scheletului „o serie întreagă de inele de argint, înfăşurate unul în altul, sub formă de lanţ" (Мельник 1905, 699, cf. Шпилев 2009). Încheiem prezentarea utilizării mai puţin obişnuită a respectivelor piese prin amintirea descoperirii din tumulul nr. 27 de la Gochevo a opt inele prinse de o curea „în zona brâului" (Рыков 1912, 55-56, cf. Шпилев 2009).

O ultimă variantă de port a pieselor de tipul inelelor temporale de la Butuceni ar presupune utilizarea lor ca inele propriu-zise. În necropola Gochevo, acest lucru a fost înregistrat într-o serie de înmormântări de bărbaţi, cum este cazul înmormântării plane nr. 6 şi a tumulilor nr. I, XXII, XXX din fortificaţia Carsky Dvorec (Самоквасов 1909, cf. Шпилев 2009); de femei – tumulii nr. XXXVII, XLIV, XLVI, LXVI, LXXIII, LXXXIII, LXXXVIII, XCVI (Самоквасов 1909, cf. Шпилев 2009), nr. 41, 73, 79 (Рыков 1912, cf. Шпилев 2009); de copii – tumulii nr. CIII, CVII, CVIII, CIX, CXXII (Самоквасов 1909, cf. Шпилев 2009), dar şi în morminte nedeterminate din punct de vedere al apartenenţei de gen - nr. CXXXIII, CXXXV, CXXXVIII (Самоквасов, 1909, cf. Шпилев 2009). În Lipino, inelele de sârmă au fost găsite în tumulii nr. 7, 9, 11, mormintele 2 şi 63 (Засурцев 1948, cf. Шпилев 2009). De regulă, funcţia de inele a fost îndeplinită de piese din sârmă cu capetele deschise cu un diametru de aproximativ 3,0-3,5 cm. În mormântul dublu (femeie şi copil) din preajma mănăstirii rupestre Bakota s-a păstrat în apropierea degetelor de la

mâna stângă un inel de argint, care este absolut identic ca formă pieselor de tip II.B.1 de la Butuceni (Нечитайло и др. 2018, 260, рис. 4/1). În mormântul nr. 11 de la Bakota au fost descoperite un inel de tâmplă din argint şi o piesă similară pe degetul mâinii drepte. În mormântul 28, inelul de argint similar celor de tâmplă a fost descoperit pe degetul median al mânii stângi (Маярчак 2008, 35), iar în zonele temporale au fost descoperite cinci inele de tâmplă: două în partea dreaptă temporală şi trei în partea stângă (Винокур, Горішній 1994, 332-333).

Făcând bilanţul, constatăm că inelele de tâmplă fac parte din lista de podoabe preferate ale femeilor din spaţiului volâno-podolean în perioada secolelor XII-XIII. Dar, se pare că aceste preferinţe sunt determinate nu doar de frumuseţea respectivelor piese, ci mai degrabă de încărcătura simbolică pe care acestea le-ar fi avut si de semnificaţia care derivă din aceasta. Astfel, în lumea păgână, inelele de tâmplă, desemnate ca fiind podoabe feminine, prin forma circulară sau spiralică, s-ar asocia cu simbolul solar (Рыбаков 1987, 521; Якубовський 2003, 132). Mai mult, s-a exprimat ideea că amplasarea inelelor de o parte şi de alta a coafurii poate fi considerată o poziţie ce ar reflecta răsăritul soarelui la începutul zilei şi apusul de soare la sfârşitul zilei. „Orizontul" în acest caz ar fi marginea inferioară a benzii de pânză sau piele de care se prindeau inelele temporale (Бондарець 1997, 100). Prin urmare, fiind un simbol solar, inelele de tâmplă ar fi trebuit să contribuie nu doar la fertilitate (şi probabil nu doar a solului), ci, în acelaşi timp, să fie şi o amuletă contra forţelor malefice (Русанова, Тимощук 1993, 79).

Este interesant şi faptul că inelele temporale similare celor de la Butuceni, prin forma lor, par să imite şarpele, în special varianta artefactelor cu capătul răsucit (variantele II.B şi II.C). De remarcat, în acest context, că, printre amuletele păgâne, cele cu simbolul şarpelui erau printre cele mai populare. De regulă, ele semnificau înţelepciunea şi frumuseţea şi se considera că deţineau forţa să înlăture orice rău (Возный 2013, 168). Suntem tentaţi să admitem că funcţii similare de amuletă ar fi putut să aibă şi inelele temporale de la Butuceni.

Astfel, în baza materialelor arheologice obţinute în cursul cercetărilor din teritoriul volâno-podolean, observăm că viaţa spirituală a populaţiei locale de la sfârşitul secolului al XII-lea - prima jumătate a secolului al XIII-lea s-a dezvoltat, în general, sub influenţa a doi factori: perpetuarea vechilor credinţe păgâne, pe de o parte, iar pe de alta – pătrunderea tot mai insistentă a elementelor de credinţă creştină. Caracteristicile spiritualităţii care s-a dezvoltat istoric în timpul creştinării acestor teritorii, a reprezentat un complex de credinţe, obiceiuri, prejudecăţi, rituri şi ritualuri religioase şi mistice din perioada păgână, care au fuzionat cu elementele creştinismului. Cu alte cuvinte, suntem în faţa unor posibile tradiţii păgâne ce erau încă foarte puternice într-o lume care tot mai mult se apropia de creştinism. Chiar dacă datele antropologice sunt încă puţine, se pare că depunerile de inele de tâmplă sunt predominante în mormintele fetelor tinere care au născut sau urmau să mai nască, ceea ce ar avea anumite tendinţe de apărare/îngrădire contra forţelor malefice nu doar în timpul vieţii, dar şi dincolo de ea.

Concluzii

Făcând bilanţul celor prezentate, se desprind câteva raţionamente privind descoperirea de la Butuceni. În primul rând, remarcăm constatările cu caracter obiectiv, care, deocamdată, sunt relativ restrânse la număr. Astfel, este o certitudine că înmormântarea a păstrat resturile unei persoane feminine de vârstă tânără (circa 25 ani), care a trecut prin experienţele parturiţiei. Aceasta a avut statură înaltă, era zveltă şi, din punct de vedere al tipului antropologic, trădează un fond nordoid glacilizat, care, însă, prin anumite trăsături discrete, exprimă şi elemente tipologice mongoloide. Judecând după starea dentiţiei, care lasă să se întrevadă un mod sănătos de nutriţie, cel puţin până la vârsta de 7 ani, tânăra a făcut parte dintr-o familie asigurată, fără s-o putem compara, la momentul actual, cu alţi membri ai comunităţii din care făcea parte. Posibil, acelaşi statut ar putea fi sugerat de portul funerar, dar şi în acest caz încă nu prea avem cu ce compara. Mai putem adăuga că anumite caracteristici ale scheletului indică adaptarea organismului la climatul rece şi umed, dar şi o activitate fizică ce implica mobilitate terestră – deplasarea pe jos, pe teren denivelat. Totodată, având în vedere orientarea scheletului (capul spre vest), putem admite încetăţenirea unor elemente din ritualul creştin, chir dacă această orientare nu de fiecare dată poate confirma caracterul creştin al înmormântării.

De aici încolo, gradul de obiectivitate al concluziilor devine mai redus. Având în vedere că suntem în faţa unei descoperiri singulare pentru spaţiul nostru, dar şi pentru că anumite probe prelevate sunt

încă în fază de prelucrare, concluziile sunt suficient de preventive şi restrânse la număr, generând, pe de o parte, multiple întrebări care îşi mai caută răspunsul, iar, pe de altă parte, şi subiecte de analiză suplimentară. Printre întrebările fundamentale pe care ni le-am formulat din start, prioritate am acordat subiectelor ce au vizat perioada la care se atribuie descoperirea şi fenomenul istorico-cultural ce se ascunde în spatele vestigiilor identificate. Răspunzând la prima întrebare, am avut în vedere doi factori decisivi: răspândirea analogiilor principale în mediul populaţiilor din regiunea volâno-podoleană şi încadrarea cronologică a siturilor respective în perioada cuprinsă între finalul secolului al XII-lea – începutul secolului al XIII-lea, pe de o parte, iar pe de altă parte – prezenţa orizontului ce defineşte acest segment cronologic în spaţiul din preajma descoperirii funerare de la Butuceni. În acest moment, pe promontoriul Butuceni nu avem cunoscute descoperiri ce ar avea caracteristici de habitat şi s-ar raporta la segmentul cronologic cuprins între secolele XII-XIII. Cele mai apropiate vestigii de acest tip sunt din împrejurimi. În imediata apropiere (pe malul opus al râului Răut), în partea de vest a promontoriul Peştere sunt cunoscute două puncte ce pot fi raportate la orizontul ce ne interesează, iar alte patru puncte sunt ceva mai îndepărtate: Măşcăuţi Poiana-Ciucului; Trebujeni-Gura Ivancei; Brăneşti-Vale Budăi şi Brăneşti-Ivancea (Postică 2009, 247). Dintre cele patru cunoscute, cele mai apropiate vestigii au fost descoperite în situl din preajma satului Măşcăuţi, care se află la distanţa de circa 2 km în aval, pe malul opus, abrupt şi stâncos al râului Răut, ceea ce ne face să considerăm mai puţin plauzibile şi chiar forţate încercările de a lega între ele descoperirile de la Butuceni şi Măşcăuţi, ca să nu mai vorbim de cele mai îndepărtate. Ceea ce am putea agrea, la această etapă, e că în preajma mormântului de la Butuceni, fie că există alte situri cu orizont datat cu secolele XII-XIII (despre care încă nu cunoaştem), fie că s-ar putea admite, totuşi, o legătură dintre mormântul descoperit şi unul dintre punctele de pe teritoriul promontoriului Peştere. Având în vedere constatările de mai sus, am putea, în mod preventiv şi destul de larg, să atribuim mormântul descoperit la Butuceni segmentului cronologic ce acoperă perioada cuprinsă între a doua jumătate a secolului al XII-lea şi prima jumătate a secolului al XIII-lea.

În ceea ce priveşte aprecierea fenomenelor cultural-istorice la care se pot referi descoperirile de la Butuceni, acestea rămân a fi încă foarte vagi. Ceea ce este clar la momentul actual e că descoperirile de la Butuceni sunt conectate, într-un fel sau altul, la fenomenele ce caracterizează teritoriile volâno-podolene, în special la cele ale bolohovenilor din secolele XII-XIII. În mod particular putem admite aceleaşi procese care definesc evoluţia comunităţilor ce păstrează profunde elemente ale credinţei păgâne, dar care erau pe calea fuzionării cu elementele creştinismului. Vom evita, oricât ar fi de tentant, să intrăm acum în discuţiile privind aspectele istorice, în special ale celor cu caracter etnic, care rămân a fi încă destul de contradictoriu interpretate. Sunt necesare mult mai multe date, ale căror analiză, corelare şi sistematizare ar putea vărsa mai multă lumină şi înţelegere asupra proceselor generale. În acest sens, constatăm, cu părere de rău, că, pentru complexele în care s-au descoperit artefacte similare celor de la Butuceni, nu avem astăzi un catalog complet al descoperirilor, nu avem date exacte privind numărul de complexe de acest gen, nu cunoaştem încă multe lucruri despre locul şi contextul arheologic al descoperirilor. Pentru multe dintre complexele descoperite nu avem date exacte despre locul amplasării pieselor în mormânt. Nu avem date exacte despre numărul de piese. Pentru foarte multe situaţii nu există o analiză antropologică a scheletelor şi nu poate fi evaluată tendinţa de vârstă sau alte particularităţi, cum ar fi, spre exemplu, situaţiile cu experienţa parturiţiei etc. Din aceste considerente, dar şi pentru că deocamdată avem doar o singură descoperire de acest fel în spaţiul pruto-nistrean al actualei Republici Moldova, interpretările cu caracter istoric le considerăm premature.

Totodată, datele mai exacte, dar şi fenomenele complexe ce se ascund în spatele acestei descoperiri vor fi obiectul unor cercetări ulterioare, pe măsura în care vom obţine rezultatele analizelor C14, analizelor metalografice şi a celor ADN, dar şi ca rezultat al prospecţiunilor de verificare a terenului în vedere aprecierii dacă este vorba de câteva morminte izolate sau de existenţa unei necropole. Analiza complexă a vestigiilor descoperite, pornind de la studierea, cu acurateţe, a contextelor şi, până la ultima fază, a cercetărilor de laborator, inclusiv cea a compoziţiei metalelor, va contribui la depăşirea abordărilor tradiţionale, oferind numeroase posibilităţi pentru valorificarea acestei categorii de izvoare arheologice. Mai cu seamă că descoperirile de acest gen, provenind deopotrivă din morminte şi depozite, tot mai mult, de rând cu viaţa cotidiană,

trădează anumite practici rituale cu profunde semnificaţii spirituale. În acest fel, studiul în detaliu al vestigiilor de pe promontoriul Butuceni va oferi o mai bună înţelegere a fenomenelor ce caracterizează secolele XII-XIII, inclusiv a difuziunii diverselor piese de metal care sunt asociate cercului de forme volâno-podolean, dar şi a relaţiilor pe care le-au avut comunităţile din spaţiul carpato-nistrean cu cele din zona imediat învecinată dinspre nord şi nord-vest la finele primului sfert al mileniului II, într-un moment de importante transformări în istoria spaţiului central şi sud-est european.

Bibliografie

Aldea, Ciugudean 1987: Al.I. Aldea, H. Ciugudean, Depozitul hallstattian de la Vinţu de Jos III. Apulum 24, 1987, 81-79.

Aldea, Ciugudean 1995: Al.I. Aldea, H. Ciugudean, Der dritte hallstattzeitliche Depotfund von Vinţu de Jos. In: (Ed. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien (Berlin 1995), 213-224.

Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998: A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology (Cambridge University Press, Cambridge 1998).

Bach 1965: H. Bach, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette. Anthropologischer Anzeiger 29, 1965, 12-21.

Barnes 2012: E. Barnes, Atlas of Developmental Field Anomalies of the Human Skeleton: A Paleopathology Perspective (Wiley-Blackwell, Hoboken 2012).

Boev 1972: P. Boev, Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung, Verlag der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften (Sofia 1972).

Borş 2015: C. Borş, Depozitele de bronzuri Tărtăria I şi Tărtăria II. In: (Eds. H. Ciugudean, G. Bălan) Artizanii epocii bronzului. Descoperiri recente de depozite de bronzuri în Transilvania (Alba Iulia 2015), 51-65.

Breitinger 1938: E. Breitinger, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmaßen Knochen. Anthropologischer Anzeiger 14, 1938, 249-274.

Buikstra, Ubelaker 1994: J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, No 44 (Fayetteville 1994).

Chapman 1997: N.E. Chapman, Evidence for Spanish influence on activity induced musculoskeletal stress markers at Pecos Pueblo. International Journal of Osteoarchaeology 8, 1997, 390-411.

Connell 2008: B. Connell, Preservation and archaeological data. In: (Ed. N. Powers) Human osteology method statement (Museum of London, London 2008), 9.

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau, Bd. 1 u. 2 (Bonn 1976).

Hassett 2006: B. Hassett, Torus mandibularis: etiology and bioarchaeological utility. Dental Anthropology 19, 1, 2006, 1-14.

Hawkey 1998: D.E. Hawkey, Disability compassion and the skeletal record: using musculoskeletal stress markers (MSM) to reconstruct an osteobiography from early New Mexico. International Journal of Osteoarchaeology 8, 1998, 326-340.

Hawkey, Merbs 1995: D.E. Hawkey, Ch.F. Merbs, Activity-induced musculoskeletal stress markers (MSM) and subsistence strategy changes among ancient Hudson Bay Eskimos. International Journal of Osteoarchaeology 5, 4, 1995, 324-338.

Katzenberg, Saunders 2008: M.A. Katzenberg, R.S. Saunders, Biological Anthropology of the Human Skeleton (Hoboken, New Jersey 2008).

Kemenczei 1988: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn I, PBF IV, 6 (München 1988).

Kemenczei 2005: T. Kemenczei, Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken, PBF XX, 10 (Stuttgart 2005).

Mann, Hunt 2005: R.W. Mann, D.R. Hunt, Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton (Charles C. Thomas Publisher, Illinois, Springfield 2005).

Mann, Hunt, Lozanoff 2016: R.W. Mann, D.R. Hunt, S. Lozanoff, Photographic Regional Atlas of Non-Metric Traits and Anatomical Variants in the Human Skeleton (Charles C. Thomas, Illinois, Springfield 2016).

Manouvrier 1892: L. Manouvrier, Détermination de la taille d'après les grands os des membres. Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris 2, 1892, 227-233.

Martin 1928: R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie, 2nd ed. (Fisher, Jena 1928).

Martin, Saller 1957-1966: R. Martin, K. Saller, Lehrbuch de Anthropologie (Fischer, Stuttgart 1957-1966).

Mays 1998: S. Mays, The archaeology of human bones (Routledge, London, New York 1998).

Munteanu et al. 2019: O. Munteanu, A. Simalcsik, N. Batog, V. Prohniţchi, Un complex funerar din epoca fierului descoperit pe promontoriul Butuceni, r-l Orhei. In: (Ed. Vlad Vornic) Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2018 (Chişinău 2019), 58-60.

Novak 1975: P. Novak, Die Schwerter in der Tschechoslowakei I, PBF, IV, 4 (München 1975)

Ortner 2003: D.J. Ortner, Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Academic Press, Oxford 2003).

Pálfi, Dutour 1996: Gy. Pálfi, Dutour, O. Activity-induced skeletal markers in historical anthropological material. International Journal of Osteoarchaeology 11, 1, 1996, 41-55.

Pearson 1899: K. Pearson, Mathematic contributions to the theory of evolution. On the reconstruction of stature of prehistoric races. In: Proceedings of the Royal Society of London, Philosophical Transactions of the Royal Society 192, 1899, 169-244.

Périer 1935: A.L. Périer, Observation sur le phénomène de l'abrasion dentaire fonctionnelle chez un groupe ethnique inférieur. Odontologie 28, 10, 1935, 687-697.

Périer 1949: A.L. Périer, Usure, abrasion, érosion. Pratique Odonto-Stomatologique 140, 1949, 1-7.

Popović, Vukmanovic 1998: P. Popović, M. Vukmanović, Vajuga-Pesak Early Iron Age cemetery (Belgrad 1998).

Postică 2009: Gh. Postică, Istoricul cercetării arheologice în zona Orheiului Vechi. In: (Ed. V. Sîrbu) Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Professoris Ionel Candea (Brăila 2009), 209-248.

Ristovska 2010: N. Ristovska, Temple Pendants' in Medieval Rus': How were they Worn? In: (Eds. Ch. Entwistle, N. Adams) Intelligible Beauty: recent research on Byzantine jewellery (British Museum 2010), 203-211.

Robb 1998: J.E. Robb, The interpretation of skeletal muscle sites: a statistical approach. International Journal of Osteoarchaeology 8, 5, 1998, 363-377.

Tomaszewska, Tomczyk, Kwiatkowska 2013: A. Tomaszewska, J. Tomczyk, B. Kwiatkowska, Characterization of the supraorbital foramen and notch as an exit route for the supraorbital nerve in populations from different climatic conditions. Homo 64, 1, 2013, 58-70.

Trotter, Gleser 1951: M. Trotter, G. Gleser, The effect of ageing on stature. American Journal of Physical Anthropology 9, 1951, 311-324.

Trotter, Gleser 1952: M. Trotter, G. Gleser, Estimation of stature from long bones of American whites and Negroes. American Journal of Physical Anthropology 10, 1952, 469-514.

Trotter, Gleser 1958: M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. American Journal of Physical Anthropology 16, 1958, 79-123.

Ubelaker 1979: D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Taraxacum, Washington D.C. 1979).

Vladar 1974: J. Vladar, Die dolce in der Slowakei, PBF VI, 3 (München 1974).

Vornic et al. 2018: Vl. Vornic, S. Matveev, O. Munteanu, S. Tabuncic, Săpăturile arheologice de salvare de la Orheiul Vechi din anul 2017. In: (ed. Vl. Vornic) Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2017 (Chişinău 2018), 81-83.

Waldron 2009: T. Waldron, Palaeopathology (Cambridge University Press, Cambridge, New York 2009).

White, Folkens 2005: T.D. White, P.A. Folkens, The Human Bone Manual (Academic Press, Amsterdam, Boston 2005).

Агапов, Сарачева 1997: А.С. Агапов, Т.Г. Сарачева, О способах ношения височных колец. РА 1, 1997, 99-108.

Баженов, Мегей 2007: О. Баженов, В. Мегей, Про перспективи дослідження Бакотського печерного монастиря. В: Матеріали XII Подільської історико-краєзнавчої конференції, т. 1 (Кам'янець-Подільський 2011), 210-214.

Бондарець 1997: О.В. Бондарець, Обереги з городища Княжа Гора: (колекція НМІУ). В: Наукові записки НаУКМА, т. 2 (Київ 1997), 91-112.

Бузян, Тетеря 2012: Г. Бузян, Д. Тетеря, Нові знахідки ставрографічних старожитностей давньоруського часу на території центральної Переяславщини. В: Наукові записки з української історії, вип. 31 (Переяслав-Хмельницький 2012), 57-62.

Седов 1982: В.В.Седов, Восточные славяне в VI-XII вв. В: (ред. Б.А. Рыбаков) Археология СССР (Москва 1982).

Вамуш 2015: А. Вамуш, Скроневі кільця в середньовічних старожитностях буковини. В: Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія, вип. 2, ч. 1 (Тернопіль 2015).

Винокур, Горішній 1994: І.С. Винокур, П.А. Горішній, Бакота. Столиця давньоруського Пониззя (Кам'янець-Подільський 1994).

Винокур и др. 2003: И.С. Винокур, В.И. Якубовский, О.И. Журко, В.П. Мегей, Вещевой клад из летописного Губина. Археологія 1, 2003, 54-65.

Винокур и др. 2004: І.С. Винокур, О.І. Журко, В.П. Мегей, В.І. Якубовський, Літописний Губин XII-XIII ст. В: Болохівська земля. Вип. І. За матеріалами археологічних досліджень 1997-2003 років. До 800-річчя Губина (Київ-Кам'янець-Подільський-Хмельницький-Старокостянтинів 2004).

Возний 1998: І.П. Возний, Чорнівська феодальна укріплена садиба XII.XIII ст. (Чернівці 1998).

Возный 2013: И.П. Возный, Пережитки языческих верований в быту древнерусского населения Прут-Днестровского междуречья. В: (ред. Н.А. Томилов) Интеграция археологических и этнографических исследований, том 2 (Иркутск-Омск 2013), 166-171.

Войнаровський 1992: В.М. Войнаровський, Підплитові поховання давньоруського могильника Борівці на Буковині. В: Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки: Тематичний збірник наукових праць (Київ 1992), 33-45.

Воронин 1954: Н.Н. Воронин, Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932-1942 гг.). Материалы и исследования по археологии, вып. 41: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3 (Москва 1954).

Глазов 1913: В.Н. Глазов, Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1913 г. В: Архив ИИМК, Ф. 1, д. 123 за 1913 г.

Глазов 1915: В.Н. Глазов, Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1915 г. В: Архив ИИМК, Ф. 1, д. 93 за 1915 г.

Гончаров 1950: В.К. Гончаров, Райковецьке городище (Киев 1950).

Гопкало 2012: О.В. Гопкало, Прикраси волосся у дівочому вбранні населення черняхівської культури. В: Археологія і давня історія України, вип. 8 (Київ 2012), 109-116.

Горишний, Юра 1976: П.А. Горишний, Р.А. Юра, Раскопки в селах Бакота и Студеница на Днестре. В: Археологические открытия 1975 г. (Москва 1976), 317-318.

Гуревич 1981: Ф.Д. Гуревич, Древний Новогрудок (Ленинград 1981).

Загорульский 1982: Э.М. Загорульский, Возникновение Минска (Минск 1982).

Зарубій 2001: Е. Зарубій, Срібні скроневі кільця княжої доби в колекції Львівського історичного музею. В: Наукові записки. Львівський історичний музей, вип. 10 (Львів 2001), 217-219.

Зарубій 2009: Е. Зарубій, Золоті та срібні прикраси княжої доби в колекції Львівського історичного музею (Киев 2009).

Засурцев 1949: П.И. Засурцев, Липинские курганы. 1949 г. В: Научный архив Курского государственного областного музея археологии. VI-20/3. История культуры Древней Руси (Курск 1949).

Кайль, Нечитайло 2006: В. А Кайль., В.В. Нечитайло, Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X-XIII столетий (Луганск 2006).

Каргер 1957: М.К. Каргер, Древний Киев (Москва-Ленинград 1957).

Кокоркина 2013: Н.А. Кокоркина, Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Владимир 2013).

Корзухина 1954: Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва 1954).

Кучинко 2002: М. Кучинко, Волинська земля X - середини XIV ст. (Луцьк 2002).

Ляпушкин 1958: И.И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое. МИА № 74. (Москва-Ленинград 1958).

Ляска 2013: В. Ляска, Поховальні комплекси княжої доби. В: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 17 (Львів 2013), 169-192.

Маярчак 2006: С.П. Маярчак, Археологічні пам'ятки IX-XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я (Кам'янець-Подільський 2006).

Маярчак 2008: С.П. Маярчак, Поховання і розвиток поховального обряду в давньоруського населення Лівобережжя Середнього Подністров'я. Археологія 2, 2008, 30-39.

Мельник 1905: Е.Н. Мельник, Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900-1901 гг. В: Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г., т. I (Москва 1905).

Миролюбов 1983: М.А. Миролюбов, Древнерусский город Изяславль: Каталог (Ленинград 1983).

Нечитайло и др. 2018: П. Нечитайло, Ю. Долженко, І. Старенький, П. Болтанюк, Т. Горбняк, Поховання другої половини XII - першої половини XIII століття поблизу Бакотського печерного монастиря. В: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 22, 2018, 256-277.

Пивоваров 2006: С. Пивоваров, Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (Чернівці 2006).

Пивоваров, Вамуш 2011: С. Пивоваров, А. Вамуш, Скроневі кільця в середньовічних старожитностях Буковини. В: Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології, т. 1, 2011, 70-80.

Піскова 1988: Г.О. Піскова, Скарби стародавнього Ізяславля. Археологія 61, 1988, 16-35.

Прищепа, Никольченко 1996: Б.А. Прищепа, Ю. М. Никольченко, Літописний Дорогобуж у період. Київської Русі. До історії населення Західної Волині в X-. XIII століттях. В: До історії населення Західної Волині в X-XIII ст. (Рівне 1996).

Пушкарева 1989: Н.Л. Пушкарева, Женщины Древней Руси (Москва 1989).

Русанова, Тимощук 1993: И.П. Русанова, Б.А. Тимощук, Языческие святилища древних славян (Москва 1993).

Рыбаков 1987: Б.А. Рыбаков, Язычество древней Руси (Москва 1987).

Рыков 1912: П.С. Рыков, Дневник раскопок курганного могильника близ Городища с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных на средства Императорской археологической комиссии в июне – июле 1912 г. В: Рукописный архив ИИМК, Ф. 1, д.116 за 1912 г.

Савицький 2014: В. Савицький, Нагрудні мініатюрні хрести та підвіски з хрестами Княжої Доби у збірці Любомльського краєзнавчого музею. В: Княжа доба: історія і культура, вип. 8 (Львів 2014), 181-208.

Самоквасов 1915а: Д.Я. Самоквасов, Атлас гочевских древностей (Москва 1915).

Самоквасов 1915б: Д.Я. Самоквасов, Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии произведенных в августе 1909 г. (Москва 1915).

Седов 1962: В.В. Седов, О юго-западной группе восточнославянских племен. Историко-археологический сборник (Москва 1962), 197-203.

Седова 1981: М.В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) (Москва 1981).

Станюкович, Осипов, Соловьёв 2003: А.К. Станюкович, И.Н. Осипов, Н.М. Соловьёв, Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X-XX веков из частных собраний (Москва 2003).

Тимощук 1968: Б. Тимощук, Дорогами предків (Ужгород 1968).

Томенчук 2001: Б. Томенчук, Ятвяги на Буковині (Кам'яні кургани і поховання в кам'яних огорожах). В: Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології, т. 1 (Чернівці 2001), 215-222.

Хвойко 1904: В.В. Хвойко, Раскопка могильника при с. Броварки, Гадячского уезда, Полтавской губ. В: Труды Московского археологического общества. Древности. Т. XX, вып. II (Москва 1904).

Цикольскай 1968: Т.Н. Цикольскай, К вопросу о феодальных замках в земле вятичей. В: Культура древней Руси (Москва 1968).

Шпилев 2009: А.Г. Шпилев, О многовариативности использования височных колец в древнерусское время (по материалам курской области). Русский сборник, вып. 5 (Брянск 2009), 67-72.

Шпилев 2005: А.Г. Шпилев, Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Псле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя). В: Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. (Тула 2005).

Юра 1962: Р.О. Юра, Древній Колодяжин. В: Археологічні пам'ятки УРСР, т. XII (Київ 1962), 57-100.

Ягодинська 2010: М.О. Ягодинська, Ювелірні вироби з давньоруських пам'яток Західного Поділля (за матеріалами Тернопільської області). В: Археологія і давня історія України: зб. наук. пр. Вип. 2 (Київ 2010).

Якубовський 2003: В.І. Якубовський, Скарби Болохівської землі: Наукове видання (Кам'янець-Подільський 2003).

Une tombe médiévale avec d'anneaux à boucles decouverte à Butuceni, la région d'Orhei (notes préliminaires)

Mots-clés: Butuceni, sépulture, inhumation, anneaux à boucles, typologie, Volhynie, Podolie.

Rezumé: Les recherches archéologiques de 2018 dans la fortification de Butuceni-West, au-delà des résultats prévus, a apporté une surprise. Déjà pour la deuxième année consécutive, sur le promontoire de Butuceni, les pluies torrentielles de l'été ont ramené à la surface des vestiges funéraires. En 2017, trois sépultures liées à la période médiévale ont été identifiées. L'année dernière, le temps mauvais a fait apparaître le fémur d'une inhumation qui est sorti du modèle attentes. Les recherches effectuées dans la zone située au sommet du promontoire de Butuceni, ont permis de mettre au jour le tombe avec le squelette d'une jeune femme, mal conservé, qui dans ses caractéristiques était radicalement différent des découvertes précédentes. Contrairement aux tombes médiévales sans inventaire, l'inhumation nouvellement découverte était accompagnée de 11 pièces d'ornements en bronze. Ce sont des anneaux à boucles qui ont été accouplés dans la région temporale: à droite - une paire et à gauche – autre 4 paires et une pièce singulière. Les analogies les plus proches ont été rapportées sur les sites du territoire Volhyno-podolien à partir de la période comprise entre le fin du XIIe siècle - la première moitié du XIII siècle (découvert en même temps dans les complexes funéraires, les sites d'habitat, les lieux de culte ainsi que dans les thésaurus). Le texte présente le tableau contextuel des découvertes, accompagné d'une analyse primaire des vestiges archéologiques, et la tentative de répondre, dans une phase préliminaire, à certaines des nombreuses questions que cette découverte nous a posées.

Liste d'illustrations:

Fig. 1. 1 - Localisation du site de Butuceni; 2 - localisation de la découverte funéraire sur le promontoire de Butuceni.

Fig. 2. Butuceni 2018. 1 - Paires d'anneaux à boucles découverts sur le promontoire de Butuceni: A - découvertes sur le côté droit du crâne; B-F - découvert sur le côté gauche du crâne (photo). Dessin et photo pour chaque anneau: 1, 2 - A; 3, 4 - B; 5, 6 - C; 7, 8 - D; 9, 10 - E; 11 - F.

Fig. 3. 1 - Voue du sud-est sur la découverte funéraire; 2 - le crâne et localisation des anneaux de boucle dans la zone temporaire gauche au moment de la découverte.

Fig. 4. Degré de représentation du squelette (blanc - élément absent, noir - élément présent, éclos - présent partiel) et localisation des ornements.

Fig. 5. Typologie des anneaux de boucle de Butuceni.

Fig. 6. 1 - L'os *occipital,* incomplet; 2 - l'os temporal de gauche avec traces d'oxydation; 3 - l'os zygomatique gauche, incomplet.

Fig. 7. 1 - Arcade dentaire supérieure, incomplète; 2 - la mandibule incomplète

Fig. 8. 1 - L'humérus gauche; 2 - le fémur gauche; 3 - la tibia gauche; 4 - péronés.

Fig. 9. 1 - L'os coxal gauche, incomplète; 2 - l'omoplate droite, incomplète.

Fig. 10. La carte avec la localisation de la découverte de Butuceni et la zone de propagation des anneaux de boucle.

Fig. 11. Découvertes des anneaux à boucle du Bakota (d'après Нечитайло и др. 2018, рис. 4).

Fig. 12. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin, trésor nr. I (d'après Винокур и др. 2004, рис. 97).

Fig. 13. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin, trésor nr. III, groupe 1 (d'après Винокур и др. 2004, рис. 104).

Fig. 14. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin, trésor nr. III, groupe 1 (photo d'après Винокур и др. 2003, рис. 8).

Fig. 15. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin, trésor nr. III, groupe 2 (photo d'après Винокур и др. 2003, рис. 15).

Fig. 16. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin: 1 - trésor nr. I; 2 - trésor nr. III (d'après Якубовський 2003, рис. 61, 66).

Fig. 17. Découvertes des anneaux à boucle du Gubin, trésor nr. IV (d'après Винокур и др. 2004, рис. 109).

Fig. 18. Découvertes des anneaux à boucle du Musée du Vinitsa (d'après https://vezha.vn.ua/wp-content/uploads/2017/04/IMG_6780.jpg).

Fig. 19. Découvertes des anneaux à boucle du Musée du Sanock, Pologne (d'après http://wici.org.pl/wp-content/uploads/2018/02/P1130413.jpg).

Fig. 20. Découvertes des anneaux à boucle du l'ancienne Vozvjagol (d'après http://zwiahel.info/pictures/illustrations/room3/2-7.jpg).

Fig. 21. Découvertes des anneaux à boucle du site Domongol (d'après http://domongol.org/gallery/image.php?pic_id=3804&sid=33c07a4a39fdd1acf40cc1bb69c71214).

Fig. 22. Découvertes des anneaux à boucle du site Violity (d'après https://st.violity.com/auction/big/auctions/73/53/28/73532820.jpg).

Fig. 23. Découvertes des anneaux à boucle du site Violity (d'après https://st.violity.com/auction/big/auctions/85/49/14/85491460.jpg).

Fig. 24. Découvertes des anneaux à boucle du site Violity (d'après https://st.violity.com/auction/big/auctions/84/21/98/84219872.jpg).

Fig. 25. Découvertes des anneaux à boucle du site Violity (d'après https://st.violity.com/auction/big/auctions/83/12/5/83120571.jpg).

Fig. 26. Découvertes des anneaux à boucle du site Sobiratel (d'après https://sobiratel.org/files/4926_1519423013.png).

Средневековое захоронение с височными кольцами на Бутученском мысе, Оргеевский район Республики Молдова (предварительные заметки)

Ключевые слова: Бутучень, погребение, трупоположение, височные кольца, типология, Волынь, Подолье.

Резюме: Археологическая кампания 2018 года по изучению гетского городища Бутучень, помимо запланированных результатов, преподнесла сюрприз. Уже второй год подряд на мысе Бутучень проливные летние дожди выводят на поверхность остатки человеческих захоронений. В 2017 году было обнаружено три захоронения, относящихся к средневековому периоду, а в прошлом году непогода выявила бедренную кость женского скелета, детали, захоронения которого превзошли все ожидания. В результате проведения спасательных раскопок на вершине мыса Бутучень была обнаружена и исследована могила с плохо сохранившимся скелетом молодой женщины, которая по своим характеристикам радикально отличалась от пре-

дыдущих находок. В отличие от средневековых безынвентарных захоронений, изученных в предыдущие годы, обнаруженное погребение сопровождалось одиннадцатью бронзовыми украшениями. Это височные проволочные кольца, которые были расположены попарно в области висков: с правой стороны – одна пара, а с левой стороны – четыре пары и одно единичное кольцо. Наиболее близкие им аналогии были обнаружены на памятниках Волыно-Подольского региона, датируемых периодом с конца XII по первую половину XIII веков. Схожие находки были зафиксированы как в погребальных комплексах, так и на поселениях, в кладах и в культовых сооружениях. В статье представлена контекстуальная картина археологических находок с их первичным анализом, а также сделана попытка ответить, на начальном этапе исследования, на некоторые из многочисленных вопросов, поставленных перед нами этим захоронением.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Местоположение памятника Бутучень; 2 - место обнаружения захоронения на мысе Бутучень.

Рис. 2. Бутучень, 2018 г. 1 - Пары височных колец, найденные в захоронении на мысе Бутучень: A - обнаруженные с правой стороны от черепа; B-F - обнаруженные с левой стороны от черепа (фото). Рисунок и фото каждого височного кольца: 1, 2 - A; 3, 4 - Б; 5, 6 - C; 7, 8 - Д; 9, 10 - E; 11 - F.

Рис. 3. 1 - Вид с юго-востока на место обнаружения захоронения; 2 - череп скелета и расположение колец в левой височной области во время обнаружения.

Рис. 4. Степень сохранности скелета (белый - отсутствующий элемент, черный - присутствующий элемент, заштриховано - частично присутствующий элемент) и расположение украшений.

Рис. 5. Типология височных колец Бутучень.

Рис. 6. 1 - Затылочная кость, частично сохранившаяся; 2 - левая височная кость со следами окисления; 3 - левая скуловая кость, частично сохранившаяся.

Рис. 7. 1 - Верхняя зубная дуга, частично сохранившаяся; 2 - частично сохранившаяся нижняя челюсть.

Рис. 8. 1 - Левая плечевая кость; 2 - левое бедро; 3 - левая большеберцовая кость; 4 - малые берцовые кости.

Рис. 9. 1 - Левая бедренная кость, частично сохранившаяся; 2 - правая лопатка, частично сохранившаяся.

Рис. 10. Карта с месторасположением захоронения в Бутучень и зоной распространения височных колец.

Рис. 11. Височные кольца, найденные в Бакоте (по Нечитайло и др. 2018, рис. 4).

Рис. 12. Височные кольца, найденные в Губине, клад № I (по Винокур и др. 2004, рис. 97).

Рис. 13. Височные кольца, найденные в Губине, клад № III, группа 1 (по Винокур и др. 2004, рис 104).

Рис. 14. Височные кольца, найденные в Губине, клад № III, группа 1 (по Винокур и др. 2003, рис 8).

Рис. 15. Височные кольца, найденные в Губине, клад № III, группа 2 (по Винокур и др. 2003, рис. 15).

Рис. 16. Височные кольца, найденные в Губине: 1 - клад № I; 2 - клад № III (по Якубовський 2003, рис. 61, 66).

Рис. 17. Височные кольца, найденные в Губине, клад №. IV (по Винокур и др. 2004, рис. 109).

Рис. 18. Височные кольца из коллекции Винницкого музея, Украина (https://vezha.vn.ua/wp-content/uploads/2017/04/IMG_6780.jpg).

Рис. 19. Височные кольца из коллекции Саноцкого музея, Польша (http://wici.org.pl/wp-content/uploads/2018/02/P1130413.jpg).

Рис. 20. Височные кольца из древнего Возвяголя (http://zwiahel.info/pictures/illustrations/room3/2-7.jpg).

Рис. 21. Височные кольца, выставленные на сайте «Домонгол» (http://domongol.org/gallery/image.php?pic_id=3804&sid=33c07a4a39fdd1acf40cc1bb69c71214).

Рис. 22. Височные кольца, выставленные на сайте «Виолити» (https://st.violity.com/auction/big/auctions/73/53/28/73532820.jpg).

Рис. 23. Височные кольца, выставленные на сайте «Виолити» (https://st.violity.com/auction/big/auctions/85/49/14/85491460.jpg).

Рис. 24. Височные кольца, выставленные на сайте «Виолити» (https://st.violity.com/auction/big/auctions/84/21/98/84219872.jpg).

Рис. 25. Височные кольца, выставленные на сайте «Виолити» (https://st.violity.com/auction/big/auctions/83/12/5/83120571.jpg).

Рис. 26. Височные кольца, выставленные на сайте «Собиратель» (https://sobiratel.org/files/4926_1519423013.png).

01.08.2019

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9340-8002, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Dr. Angela Simalcsik, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov” al Academiei Române – Filiala Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0001-8639-3535, e-mail: angellisimal@gmail.com

CERCETAREA ŞI CONSERVAREA-RESTAURAREA UNEI STRUCTURI TEXTILE DIN SĂPĂTURILE ARHEOLOGICE DE LA MĂNĂSTIREA CĂPRIANA

Mariana Gugeanu, Gheorghe Postică

Cuvinte-cheie: Căpriana, arheologie, conservare-restaurare, textile.

Date generale

Mănăstirea Căpriana se înscrie printre cele mai vechi lăcaşe creştine de pe teritoriul Republicii Moldova. Situată la obârşia râului Işnovăţ, în partea centrală a spaţiului pruto-nistrean, într-o zonă colinară cu păduri istorice cunoscute drept „Codrii Lăpuşnei", Mănăstirea Căpriana a constituit, pe parcursul timpului, cel mai important centru monahal de la răsărit de Prut (Capriana 2018; Postică 2003). Pentru prima dată, Mănăstirea Căpriana, este menţionată în cartea domnească de danie din 10 februarie 1429, prin care domnul Alexandru cel Bun dăruia soţiei sale, Marena „*mănăstirea de la Vişnevăţ unde este egumen Chiprian*" (DRH 1975, doc. 84, 124-127). În secolul al XV-lea, la Căpriana a fost edificată biserica *Adormirea Maicii Domnului*, care, după multiplele prefaceri, şi-a păstrat totuşi aspectul general iniţial, până în prezent.

Cercetare arheologică

În anii 1993, 2001-2003, 2005-2008 şi 2016, Mănăstirea Căpriana a beneficiat de importante săpături arheologice, cele mai semnificative fiind realizate în cadrul bisericii *Adormirea Maicii Domnului*. Acest lăcaş, având calitatea de ctitorie voievodală, de la început, a fost prevăzut cu gropniţă. Cu toate acestea, săpăturile arheologice au demonstrat că spaţiul gropniţei, cu o excepţie târzie, n-a fost utilizat pentru înhumarea reprezentanţilor Casei Domneşti (Postică 2018, 27; Căpriana 2018, 157). În acelaşi timp, în pronaosul şi pridvorul bisericii au fost descoperite mormintele ctitorilor de rang boieresc, în cadrul cărora au fost identificate diverse vestigii arheologice, printre care sunt prezente şi artefacte textile reprezentative.

Vestigiile textile din 11 morminte de la Căpriana, prelevate cu ocazia cercetărilor arheologice, în anul 2002, au fost puse la dispoziţia specialiştilor Centrului de Cercetare şi Conservare-Restaurare a Patrimoniului Cultural din cadrul Complexului Muzeal Naţional „Moldova", Iaşi, în scopul realizării procedurilor de conservare-restaurare. Printre aceste artefacte pot fi menţionate: ţesături în stare fragmentară de diferite dimensiuni, materiale compozite (ţesături şi accesorii cu rol ornamental, din metal şi aragonit), materiale textile obţinute prin împletire (şnururi, şireturi), aglomerări informe de fire de natură organică şi metalice (Marian, Anăstăsoaei, Gugeanu 2006, 301).

Investigaţii şi conservarea-restaurarea uneia dintre structurile textile

Dintre artefactele textile descoperite în biserica *Adormirea Maicii Domnului* un interes aparte îl prezintă mostra textilă nr. 3 prelevată din mormântul nr. 39 din pronaos, aceasta constituind subiectul prezentului articol.

În baza pieselor monetare şi a analizei stratigrafice, mormântul nr. 39 şi inventarul acestuia, este datat în anii '80 ai secolului al XVI-lea. Mormântul aparţinea unui bărbat înhumat în sicriu de lemn, amplasat în cavou din cărămidă deasupra căruia era o lespede masivă din piatră fără inscripţie. În mormânt au fost identificate cinci mostre de vestigii de vestimentaţie, inclusiv, lângă oasele mâinilor – fragmente de manşete din mătase naturală înzestrate cu nasturi globulari din argint (mostrele nr. 1, 2), pe suprafaţa pieptului – fragmente de cămaşă (mostra nr. 23) şi găitane cu motive brocate (mostra nr. 27, restaurată de către specialiştii Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău), iar lângă mâna stângă – fragmente de mătase naturală şi găitane cu motive brocate (mostra nr. 3).

Textilele arheologice şi sursele iconografice

Fragmentele textile care formează mostra nr. 3 din mormântul nr. 39, sunt alcătuite din ţesătură

Fig. 1. Găitane după conservare-restaurare. Detaliu.

Fig. 2. Tablou votiv, Biserica *Sf. Elefterie* din Bucureşti. Detaliu.

Fig. 3. Miniaturi din manuscrisul medieval (Ludolph of Saxony).

de mătase naturală, de culoare ocru-maronie şi găitane (benzi înguste) realizate în *tehnica ţeserii cu tăbliţe sau cartoane* din fire de mătase şi fire metalice (fig. 1).

Elementele textile menţionate sunt prezente în costumul de epocă domnesc şi boieresc din secolul al XVI-lea din Ţările Române (Nicolescu 1970). Acesta, pe lângă calitatea şi rafinamentul ţesăturilor folosite şi a nasturilor din metale preţioase, prezintă şi găitane realizate din mătase şi fir metalic preţios, dispuse de-a lungul pieptului, grupate sau la distanţe egale (fig. 2).

Pornind de la sursele iconografice din mănăstirile şi bisericile româneşti, lucrările de specialitate asupra costumului de epocă, precum şi de la piesele textile arheologice restaurate, putem presupune că, fragmentele textile din mormântul nr. 39 de la Mănăstirea Căpriana reprezintă elemente ale unui costum de ceremonie. Aceste fragmente textile aduc informaţii importante şi oferă posibilitatea de a reconstitui atât tehnica de realizare a găitanelor cât şi a unor imagini evocatoare ale costumului de ceremonie sau ale costumului de curte din secolul al XVI-lea.

Modalitatea de realizare a găitanelor prin tehnica *ţesere cu tăbliţe*

Tehnica de *ţesere cu tăbliţe* este una dintre cele mai vechi tehnici textile care datează, în Europa, încă din epoca fierului. Deşi reperele geografice şi temporale ale originii acestui meşteşug nu sunt cunoscute cu precizie, există mărturii istorice ale practicării acestuia din preistorie şi până în epoca modernă, în multe locuri din lume, inclusiv, în Europa, Asia şi Africa de Nord (Verberg 2018a; Verberg 2018b). Un exemplu, în acest sens, îl constituie manuscrisele medievale cu ilustraţii în culori vii (cărţi vechi scrise de mână, cu o caligrafie deosebită, decorate cu ilustraţii în miniatură, cu majuscule transformate în opere de artă) în care sunt prezentate şi imagini ale meşteşugului ţeserii cu tăbliţe (Ludolph 2009) (fig. 3).

Conform datelor arheologice, forma acestor tăbliţe, de regulă, este pătrată, dar sunt descoperite şi tăbliţe cu forme circulare, triunghiulare, rectangulare (Williams 2015). Fiecare tăbliţă prezintă perforaţii, prin aceste perforaţii fiind introduse firele ce formează urzeala. Urzirea firelor, adică modalitatea de introducere a firelor în perforaţiile tăbliţelor (de la stânga spre dreapta, sau invers, dinspre dreapta spre stânga), reprezintă un element important, inclusiv, pentru realizarea motivelor decorative ale acestor ţesături înguste. De asemenea, sensul de răsucire a firelor (S sau Z) contribuie la realizarea motivelor decorative ale produsului final (fig. 4). Tăbliţele, se rotesc într-

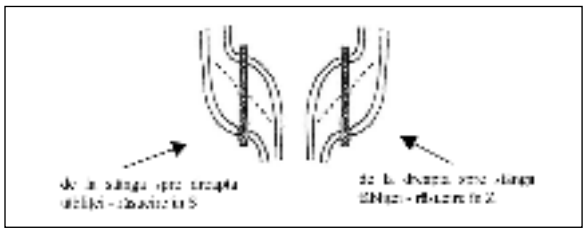


Fig. 4. Urzirea firelor.

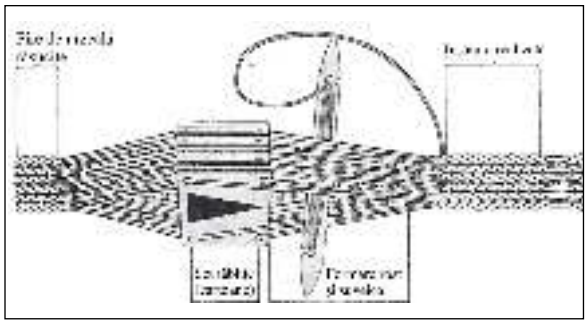


Fig. 5. Modalitate de realizare găitane, utilizând tehnica ţeserii cu tăbliţe (cartoane).

un plan perpendicular pe axa lor orizontală, determinând formarea rostului în care se inserează bătătura. Fiecare tăbliţă, prin rotire, va realiza răsucirea, împreună, a firelor inserate în perforaţiile ei determinând, astfel, formarea unui şnur. Numărul şnururilor formate este egal cu numărul tăbliţelor folosite în procesul de ţesere. Şnururile formate prin răsucirea tuturor tăbliţelor sunt fixate împreună prin inserarea bătăturii, în rost. În acest mod se realizează ţesătura (fig. 5) (Henri 2017). Această modalitate de realizare a ţesăturilor înguste este realizată prin combinarea a două meşteşuguri vechi, ţesere şi răsucire. Tăbliţele pot fi rotite, toate odată sau individual, pentru a crea modele diferite. Rotirea tăbliţelor se poate realiza în acelaşi sens, continuu (înspre ţesător sau în sens invers) sau de un număr de ori într-un sens şi de acelaşi număr de ori, în sens invers. În funcţie de sensul de rotire se formează motive decorative diferite.

Prin rotirea tăbliţelor ce susţin firele de urzeală, într-un sens sau altul, cu un anumit unghi, în acelaşi plan, se formează rosturile în care se inserează firul de bătătură, determinând astfel formarea unei anumite structuri ţesute. Prin utilizarea unor fire suplimentare diferite, prin modificarea sensului şi a unghiului de rotaţie a tăbliţelor se pot realiza modele diverse.

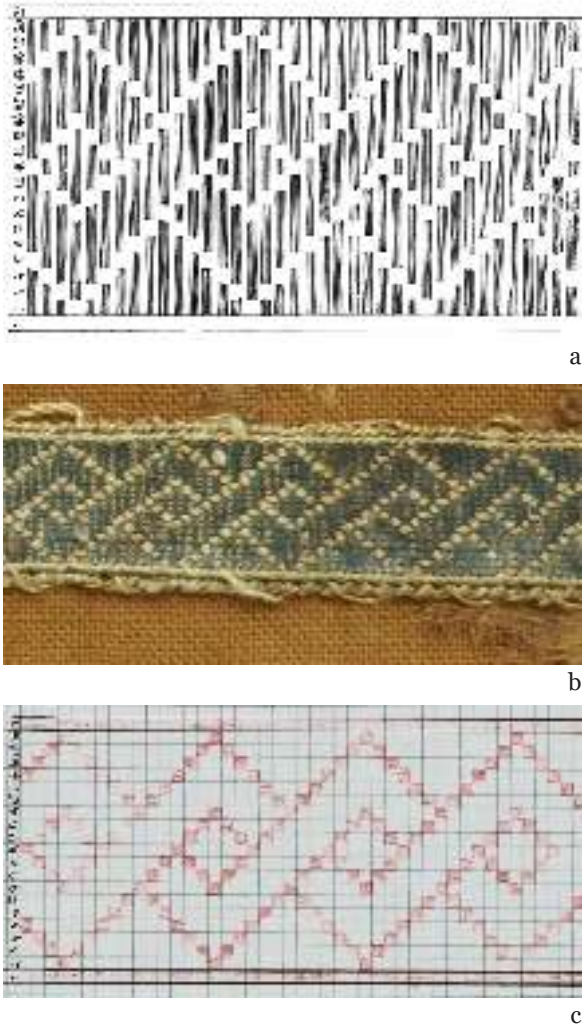
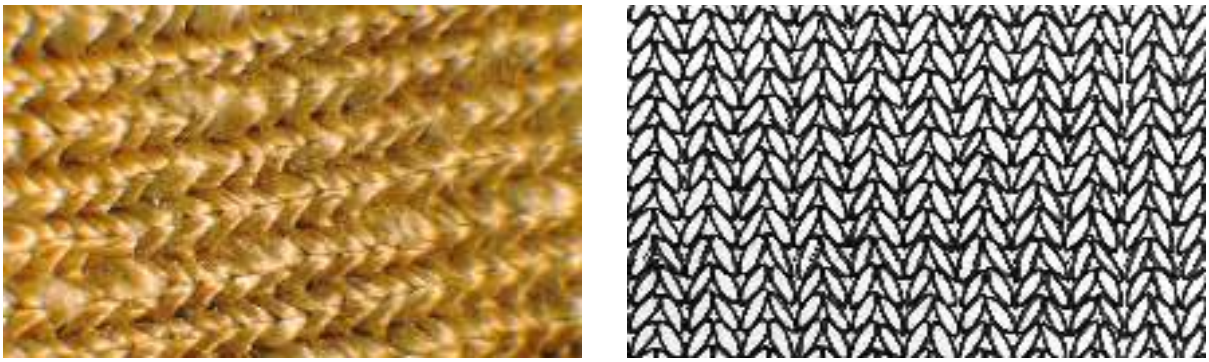


Fig. 6. Găitan. Faţa piesei: a - reprezentare grafică; b - detaliu; c - distribuţia punctelor de legare.

Lăţimea ţesăturilor realizate prin această tehnică era limitată de numărul de tăbliţe care, pentru a forma rostul, trebuiau rotite în acelaşi timp. Astfel, prin ţeserea cu tăbliţe se realizează, de obicei, produse textile înguste cum sunt centuri, curele, benzi decorative. Deseori, fragmentele găsite într-un context arheologic arată că modelele realizate de către ţesător erau destul de complicate. Astfel, cel ce realiza acest tip de ţesătură trebuia să aibă atât cunoştinţe matematice cât şi abilităţi artistice, pentru a reuşi să producă diferite combinaţii de culori, materiale, precum şi modele diferite pentru o ţesătură ce avea o lăţime mică, de doar câţiva centimetri.

Găitanele/benzile înguste descoperite în mormântul nr. 39 (mostra nr. 3), au lungimea de 12 cm iar lăţimea de 1 cm şi sunt realizate din fire de mătase naturală şi fire metalice (ben-



a b

Fig. 7. Găitan. Reversul piesei: a - detaliu; b - reprezentare grafică.

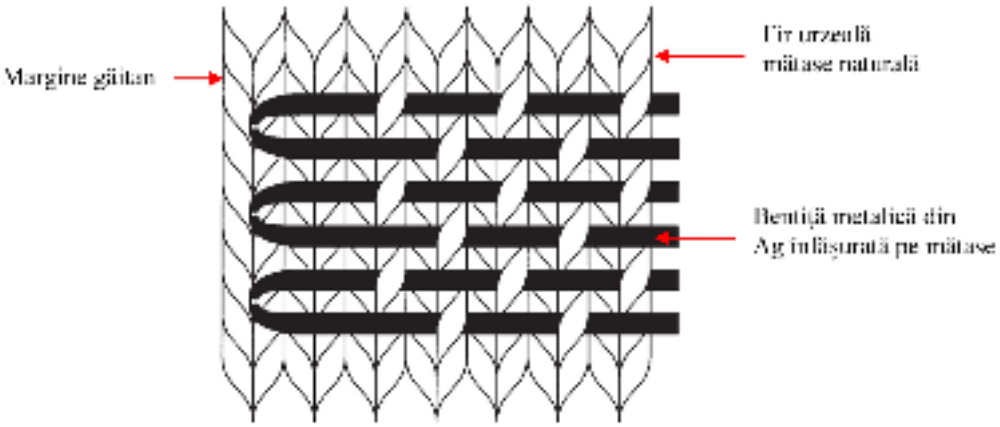


Fig. 8. Modalitate de inserare a firului metalic (după Verberg 2018b).

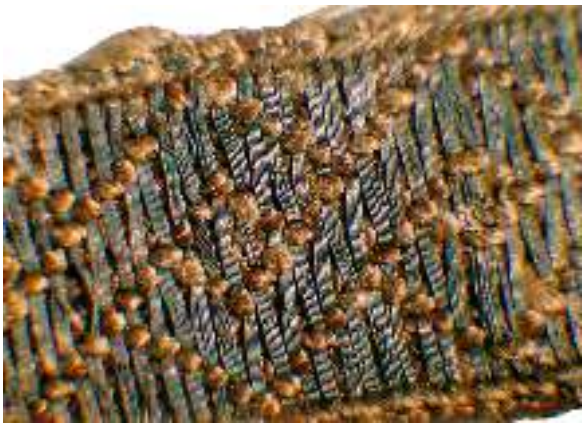
Fig. 9. Găitan (bandă îngustă). Ansamblu după conservare-restaurare.

tiță metalică din argint, înfășurată pe miez de mătase). Urzeala de bază și bătătura de bază utilizate pentru țesătura de fond sunt alcătuite din fire de mătase naturală. Motivele decorative (geometrice) brocate sunt vizibile doar pe fața țesăturii, fiind realizate cu ajutorul unei bătături suplimentare alcătuită dintr-un grup de cinci fire metalice (bentiță metalică din argint, înfășurată pe miez de mătase). Aceste fire sunt introduse ca bătătură suplimentară, doar pe față, după un desen, rezultând pe fața piesei motivul decorativ geometric (fig. 6/a, 6/b). În figura 6/c, sunt reprezentate punctele de legare ale firelor de urzeală de bază, din mătase naturală, cu bătătura suplimentară alcătuită din fire metalice. În zonele punctelor de legare, urzeala de bază este vizibilă pe fața găitanelor. Poziția acestor puncte de legare (în funcție de rotirea tăbliților), determină formarea motivului decorativ. Pe lateralele găitanului, firul metalic se întoarce înainte de ultimul șir/fir de mătase naturală (fig. 8). Pe revers sunt vizibile doar firele de mătase naturală (fig. 7/a, 7/b). Pentru țeserea acestor găitane s-au utilizat 21 cartoane (fig. 6/c). La unul dintre capete găitanele prezintă o terminație iar la celălalt capăt, o cheiță (fig. 9).

Fig. 10. Fragmente de ţesătură şi găitane (faţă). Ansamblu înainte de conservare-restaurare.

Fig. 11. Fragmente de ţesătură şi găitane (revers). Ansamblu înainte de conservare-restaurare.

a



b

Fig. 12. Găitane. Faţa piesei: a - detaliu înainte de conservare; b - detaliu după conservare.

a

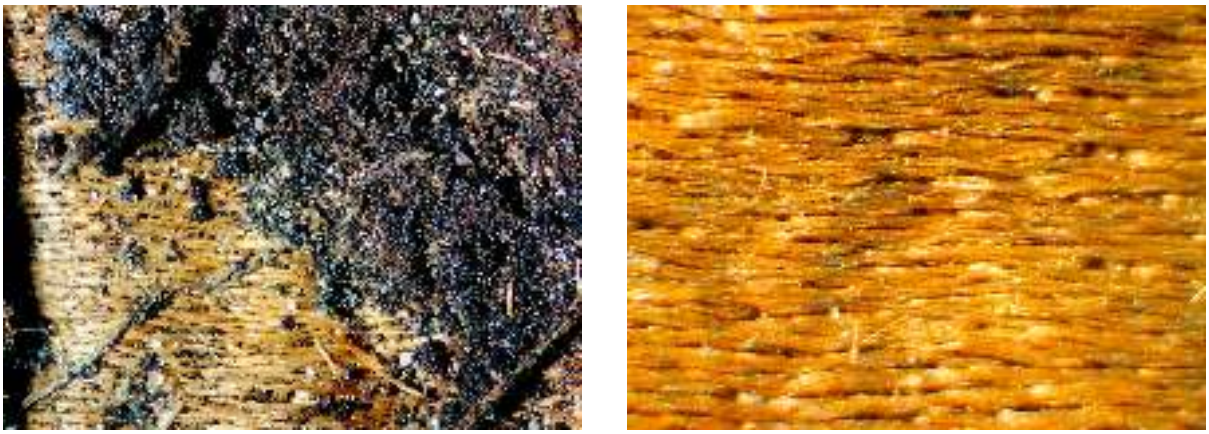
b

Fig. 13. Găitane. Reversul piesei: a - detaliu înainte de conservare; b - detaliu după conservare.

Starea de conservare

La preluarea de către specialiştii în restaurare textile, mostra nr. 3 se prezenta sub forma unui conglomerat inform, din materiale eterogene, distingându-se, în anumite zone, fragmente de ţesătură şi găitane (fig. 10, 11).

Se remarca prezenţa exuviilor, a depunerilor aderente de săruri şi particule de pământ, a produşilor de coroziune a metalelor componente ale găitanelor, a produşilor de descompunere a materiilor organice (fig. 12/a, 13/a, 14/a) şi, în mod deosebit, efectul conjugat al prezenţei acestora – rigidizarea materialelor textile şi transformarea acestora într-un ansamblu compact. Menţionăm faptul că, ţesătura de culoare ocru-maronie era deshidratată şi extrem de fragilă, prezentând rupturi cu lacune de material, plieri şi cute accentuate.



a b

Fig. 14. Ţesătura. Faţa piesei: a - detaliu înainte de conservare; b - detaliu după conservare.

Fig. 15. Fragmente de ţesătură şi găitane-ansamblu după conservare.

Etape ale procesului de conservare-restaurare

Investigaţiile fizico-mecanice şi fizico-chimice efectuate pentru identificarea naturii materialelor componente, în vederea aplicării tratamentelor de conservare corespunzătoare, au relevat natura organică a firelor componente ale ţesăturii (mătase naturală) şi a firelor componente ale găitanelor – mătase naturală pentru ţesătura de bază şi fire metalice (argint) înfăşurate pe miez din mătase naturală, pentru motivele decorative geometrice brocate pe faţa găitanelor/benzi înguste.

În cadrul procesului de conservare-restaurare, etapele principale au constat în: dezinfecţia materialului arheologic, curăţiri mecanice efectuate alternativ cu hidratarea progresivă a piesei, curăţire umedă, curăţire chimică şi neutralizare şi, în final, consolidarea, prin coasere, a fragmentelor textile, pe un suport textil, nou.

În vederea efectuării tratamentelor specifice s-au utilizat Tymol, soluţii de curăţire cu Radix saponaria, soluţii de Complexon, glicerină, alcool, apă distilată. Aplicarea acestor tratamente a avut ca efecte îndepărtarea depunerilor, hidratarea şi relaxarea ţesăturii, reuşind să atenueze şifonările şi cutele, fără deteriorarea filamentelor de mătase, permiţând, astfel, deplierea ţesăturii şi a găitanelor.

Consolidarea s-a efectuat prin coasere cu fire de borangic, pe un suport nou, respectând principiul integrării cromatice. În vederea conferirii unui plus de rezistenţă mecanică, piesele au fost consolidate, suplimentar, pe un suport din carton neutru din punct de vedere chimic (fig. 15).

Concluzii

Cercetarea textilelor arheologice identificate în mormintele din biserica *Adormirea Maicii Domnului* de la Căpriana, relevă informaţii excepţionale referitoare la tehnica manuală de realizare a unor elemente cu rol atât funcţional cât şi decorativ. Studiul acestor fragmente textile arheologice, corelat cu informaţiile obţinute din surse iconografice şi lucrări de specialitate în domeniul costumului de curte conduce la presupunerea că acestea reprezintă elemente caracteristice ale unui costum de epocă, specific secolului al XVI-lea.

Prin lucrările de conservare-restaurare a artefactelor în cauză, s-a asigurat recuperarea şi protejarea unor importante documente de artă textilă, contribuind, totodată, la valorificarea acestora în cadrul expoziţiei de bază a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău.

Bibliografie

Căpriana 2018: Mănăstirea Căpriana cu Schitul Condriţa (secolele XV-XXI). Coord. A. Eşanu şi Gh. Postică (Chişinău: Editura Cartdidact 2018).

DRH 1975: Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, vol. I (Bucureşti 1975).

Henri 2017: D. Henri, L'archéologie des textiles: les vêtements funéraires de Marmoutier (Tours, Indre-et-Loire). https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01387513/document (accesat în noiembrie, 2018).

Marian, Anăstăsoaei, Gugeanu 2006: C. Marian, D. Anăstăsoaei, M. Gugeanu, Textile arheologice descoperite la Mănăstirea Căpriana, Republica Moldova. In: Monumentul, VII (Iaşi 2006), 297-302.

Nicolescu 1970: C. Nicolescu, Istoria costumului de curte în Ţările Române secolele XVI-XVIII (Bucureşti: Editura Ştiinţifică 1970).

Postică 2003: Gh. Postică, Mănăstirea Căpriana (de la întemeiere până în zilele noastre) (Chişinău: Ed. Pontos 2003).

Postică 2018: Gh. Postică, Cercetarea arheologică a Mănăstirii Căpriana. In: Simpozionul Internaţional Monumentul Tradiţie şi Viitor, ediţia a XX-a (Iaşi 2018), 27-28.

Verberg 2018a: R. Verberg, Gold brocaded headband inspired by a find from the Shestovica cemetery. https://www.academia.edu/37766326/Gold_ brocaded_headband_ (accesat în martie 2019).

Verberg 2018b: R. Verberg, Making bone tablet weaving tablets. https://www.academia.edu/36500576/Making_bone_tablet_weaving_tablets (accesat în februarie, 2019).

Ludolph 2009: Ludolph of Saxony, Vita Christi. Translated by Guillaume le Ménard, Miniatures attributed to Jacques de Besançon, Paris, 1490 s, Sp Coll MSS Hunter 36-39: http://special.lib.gla.ac.uk/exhibns/month/dec2009.html (accesat în octombrie, 2018).

Tablou: Tablou votiv Mihai Racoviţă voievod şi jupan Constantin. In: Biserica Sf. Elefterie. Monografie. https://sfelefterie.ro/despre-biserica-sfantul-elefterie/monografie/ (accesat în martie, 2019).

Williams 2015: K.D. Willams, Making a Tablet Woven Band. https://www.researchgate.net/publication/281290702_Making_a_Tablet_Woven_Band (accesat în decembrie, 2018).

The research, preservation and restoration of textiles discovered during the archaeological excavations undertaken at the Căpriana Monastery

Keywords: Căpriana, archaeology, preservation and restoration, textiles.

Abstract: The article presents the research of archaeological textiles (sample No. 3) found in burial No. 39 (dating back to 1580s) in the narthex of the Assumption Church of the Căpriana Monastery. The paper describes the archaeological textiles, procedures for the preservation and restoration of artifacts, as well as the method of manufacturing textile products based on archaeological analogies in the Romanian medieval principalities and the countries of Northern Europe.

Fragments of textiles from the Căpriana Monastery are made of natural silk and narrow strips made using the technique of weaving from silk and metal threads.

On the basis of analogies, it was established that fragments of textiles from the Căpriana Monastery represent elements of the ceremonial costume characteristic of the Romanian principalities in the 16th century.

List of illustrations:

Fig. 1 Strips after restoration. Detail.

Fig. 2 Votive painting, the St. Eleutherius Church, Bucharest. Detail.

Fig. 3. Miniatures from the medieval manuscript "Vita Christi" (Ludolph of Saxony).

Fig. 4. Processing yarn.
Fig. 5. A method of making strips.
Fig. 6. Strip. Front side: a - graphical representation; b - detail; c - distribution of binding points.
Fig. 7. Strip. Back side: a - detail; b - graphical representation.
Fig. 8. Inserting the metallic thread (after Verberg 2018b).
Fig. 9. Strip after restoration.
Fig. 10. Fragments of woven fabric and strips (front side) before restoration.
Fig. 11. Fragments of woven fabric and strips (back side).
Fig. 12. Strip. Front side: a - detail before restoration; b - detail after restoration.
Fig. 13. Strips. Back side: a - detail before restoration; b - detail after restoration.
Fig. 14. Woven fabric. Front side of the object: a - detail before restoration; b - detail after restoration.
Fig. 15. Fragments of woven fabric and strips after restoration.

Исследование, консервация и реставрация текстиля из археологических раскопок в Каприянском монастыре

Ключевые слова: Каприяна, археология, консервация-реставрация, текстиль.

Резюме: Статья посвящена исследованию археологического текстиля (образец №3), обнаруженного в погребении №39 (датируемого 80-ми годами XVI века) внутри притвора Успенской церкви Каприянского монастыря. Приводится описание археологического текстиля, процедуры консервации и реставрации артефактов, а также проанализирована методика изготовления текстильного изделия на основе археологических аналогий в румынских средневековых княжествах и странах Северной Европы.

Фрагменты текстиля из Каприянского монастыря изготовлены из натуральной шелковой ткани и узких лент (тесьмы), изготовленных в технике плетения из шелковых и металлических нитей.

На основании аналогий установлено, что фрагменты текстиля из Каприянского монастыря представляют собою элементы парадного костюма, характерного для румынских княжеств XVI века.

Список иллюстраций:

1. Тесьма после реставрации, деталь.
2. Вотивная роспись, церковь св. Элевтерия в Бухаресте, деталь.
3. Средневековые миниатюры из манускрипта Лудольфа Саксонского.
4. Обработка пряжи.
5. Способ изготовления тесьмы.
6. Тесьма. Лицевая сторона: a - графическое изображение; b - деталь; c - распределение точек привязки.
7. Тесьма. Оборотная сторона: a - деталь; b - графическое изображение.
8. Способ ввода металлической проволоки (по Verberg 2018b).
9. Тесьма после реставрации.
10. Фрагменты ткани и тесьма (лицевая сторона) до реставрации.
11. Фрагменты ткани и тесьма (оборотная сторона) после реставрации.
12. Тесьма. Лицевая сторона: a - деталь до реставрации; b - деталь после консервации.
13. Тесьма. Оборотная сторона: a - деталь до консервации; b - деталь после реставрации.
14. Ткань. Лицевая сторона: a - деталь до реставрации; b - деталь после реставрации.
15. Фрагменты текстиля и тесьмы после реставрации.

12.04.2019

Mariana Gugeanu, Centrul de Cercetare şi Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Naţional „Moldova” Iaşi, bd. Ştefan cel Mare şi Sfânt 1, RO-700028 Iaşi, România, https://orcid.org/0000-0003-1368-853X, e-mail: m_gugeanu@yahoo.com

Dr. hab. Gheorghe Postică, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: gpostica@gmail.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (XII-XIII)

Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: descoperiri monetare, tetradrahmă, denari, solidus, şilling, parale.

În ediţia curentă a Cronicii prezentăm emisiunile monetare descoperite şi cele de care am luat cunoştinţă în a doua jumătate a anului 2017 şi în prima jumătate a anului 2019. O mare parte din descoperiri sunt încă inedite şi le vom introduce în Cronică în ediţia următoare, după prezentarea Rapoartelor de săpătură.

Dintre emisiunile antice, menţionăm un lot alcătuit din patru monede romane, descoperite undeva în zona localităţii Călmăţui, raionul Hânceşti. Acestea reprezintă denari de la Hadrianus (117-128), Faustina Junior (145-175), Commodus (177-192) şi o emisiune din metal comun, mai rară pentru zona noastră, de la Constantius al II-lea (337-361).

Descoperirile din perioada medievală sunt reprezentate de câteva tezaure monetare. Două mici tezaure provin din localitatea Costeşti, raionul Ialoveni. Primul dintre ele a fost găsit în necropola de lângă aşezarea urbană medievală de acolo, reprezentând nişte monede lipite între ele în formă de fâşic. În procesul de curăţare, s-a reuşit desprinderea monedelor şi au rezultat 11 exemplare. Toate piesele reprezintă emisiuni ale Hoardei de Aur de la hanii Tokta (1290-1312), 2 ex. şi Uzbek (1312-1339), 9 ex. S-a presupus că acesta ar reprezenta un fragment dintr-un tezaur mai mare, semnalat anterior. A fost propusă datarea tezaurului de la Costeşti, ca şi a celui de la Ivancea, raionul Orhei, pe la 1399, după bătălia de la Vorskla (Boldureanu, Nicolae 2019, 11-13).

Cel de-al doilea tezaur a fost găsit vreo 15 ani în urmă în împrejurimile satului Costeşti. Este alcătuit în întregime din parale otomane, bătute în perioada Mahmud I (1730-1757) – Abdülhamid I (1774-1789). Paralele otomane au avut o largă circulaţie pe teritoriul Moldovei, fiind atestate izolat şi în cadrul complexelor funerare, dar foarte rar în componenţa unor tezaure. Aceasta se datorează în mare parte calităţii destul de proaste a argintului din care au fost bătute.

Alte două tezaure, incluse în Cronică au fost descoperite pe teritoriul Moldovei istorice, în raioanele Chilia şi Sărata, regiunea Odesa. Primul dintre ele, păstrat în Muzeul Ţinutului din oraşul Vâlcov, este alcătuit din 61 de monede, emise de Ungaria, Hanatul Crimeei şi Imperiul Otoman. Cel de-al doilea, a fost descoperit în anul 2019, în satul Culevcea, raionul Sărata, fiind alcătuit din cca 500 de exemplare. Au fost comunicate date referitoare la 205 monede, dintre care 202 ex. au fost emise de Imperiul Otoman în perioadele de domnie a sultanilor Bayezid al II-lea până la Murad al III-lea, iar 3 ex. reprezintă emisiuni ruseşti de la Ivan al IV-lea. Introducerea în circuitul ştiinţific a acestor descoperiri completează repertoriul tezaurelor din secolul al XVI-lea descoperite în Moldova, aducând noi date privind structura numerarului în diferite zone ale Moldovei medievale.

Menţionăm printre descoperirile izolate monedele găsite în calea gazoductului Iaşi – Ungheni – Chişinău. Una dintre ele reprezintă un mangır otoman de la Süleyman I (1520-1566), bătut la Constantinopol, pe la 1535-1536, a cărei prezenţă în această zonă este surprinzătoare. Mangârii au circulat în principiu numai pe teritoriul Imperiului Otoman, fiind cunoscute până în prezent foarte puţine piese de acest fel care au pătruns pe teritoriul Moldovei şi al Ţării Româneşti. În schimb, mangirii se găsesc în număr mare în zonele aflate sub administrarea directă a Porţii Otomane, cum ar fi Cetatea Albă, Tighina etc. Moneda poloneză de la Vălcineţ reprezintă o piesă de ½ groş de la Sigismund August

I. Monede greceşti

1. *Cigârleni*, raionul Ialoveni. A fost semnalată o monedă de Thasos, aflată la circa 3,4 km sud-est de această localitate.
Vîlcu, Nicolae 2017, 8.

2. *Ivancea*, raionul Orhei. Recent au fost comunicate câteva descoperiri antice, descoperite în zona localităţii Ivancea, raionul Orhei. Una dintre ele reprezintă o tetradrahmă macedoneană de tip Filip II, bătută la Amphiopolis, în perioada cca 355 - cca 349/8 a. Chr.; un as de Olbia cu capul Meduzei, o monedă emisă de cetatea Tyras din secolele IV-III a. Chr, o monedă subdivizionară de argint a cetăţii Istros, datată în a doua jumătate a sec. IV a. Chr.
Vîlcu, Nicolae 2017, 7-8.

3. *Răzeni*, raionul Ialoveni. De pe teritoriul localităţii au fost comunicate patru emisiuni monetare greceşti descoperite întâmplător: o monedă de bronz, de modul mare, pusă în circulaţie de cetatea Olbia în secolele V-IV a. Chr.; o monedă de bronz a oraşului Tyras din secolele IV-III a. Chr., o subdiviziune istriană de argint bătută în a doua jumătate a secolului IV a. Chr. şi o imitaţie după tetradrahmele de argint de tip Filip al II-lea.
Vîlcu, Nicolae 2017, 7-8.

II. Monede romane

4. *Călmăţui*, raionul Hânceşti. În anul 2017 preotul din localitate a predat Agenţiei Naţionale Arheologice un depozit de bunuri arheologice şi monede, descoperite în împrejurimile localităţii. Piesele au intrat ulterior în patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, printre care se află şi patru monede.

IMPERIUL ROMAN
Roma
Denari
Hadrianus (117-128)
Av. HADRIANVS – AVGVSTVS; capul laureat spre dreapta
Rv. COS III; în centru stea cu şapte raze; sub ea, semiluna în creştere. RIC II, 200 (C)
1. AR ↓ 3,01 g; 17,5×19,5 mm. FB-30242-7.

Faustina Junior (145-175)
Av. [FAVST]INA –[AVGUSTA]; bust drapat spre dreapta
Rv. [IVN]O; Iunona spre stânga, ţinând patera şi sceptrul. RIC III, 269, nr. 690
2. AR↑ 1,82 g; 19,4 mm; fragment; înnegrită; anii (161-175).

Commodus (177-192)
Av. M. COMM [ANT P F]EL AVG BRIT; capul laureat spre dreapta
Rv. NOBILIT AVG TR P VI IMP VIII COS P P; Nobilitas în picioare spre dreapta ţinând sceptrul şi statueta Minervei? RIC III, 381, nr. 139
3. AR ↓ 2,67 g; 16,9×18,1 mm; anii 186-187.

Constantius II (337-361)
Constantinopol
Maiorina
Av. DN CONSTAN – TIVS PF AVG; bust perlat, diademat, drapat spre dreapta; în câmp sigla Γ;
Rv. FEL TEMP RE –PARATIO; soldat roman doborând un călăreţ roman; în exergă CONSB RIC VIII, 82 var.
4. AE↓ 4,80 g; 23,5×21,5 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

5. *Romanovca*, comuna Pepeni, raionul Sângerei. Moneda a fost găsită în anul 1995 în curtea unei gospodării din localitate. A fost adusă spre identificare de Ion, strănepotul descoperitoarei.
Faustina Junior (145-175)
Denar
Av. DIVA – FAVSTINA; bust drapat spre dreapta
Rv. VESTA; Vesta în picioare spre stânga lângă altar, ţinând o pateră şi *palladium*. RIC III, 72, nr. 370. Emisiune postumă
AR↓ 2,42 g; 15,2×17 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

III. Monede medievale şi moderne

6. *Costeşti*, raionul Ialoveni. În timpul unor săpături de salvare din anul 2017, în necropola din partea de nord şi de nord-est a vestigiilor aşezării urbane medievale de la Costeşti, efectuate de Agenţia Naţională Arheologică, a fost descoperit un tezaur monetar, compus din 11 monede de argint lipite între ele (fişic). Monedele reprezintă emisiuni ale Hoardei de Aur: Tokta (1290-1312), 2 ex.; Uzbek (1312-1339), 9 ex.

Boldureanu, Nicolae 2019, 11-12.

7. *Costeşti*, raionul Ialoveni. Acum 10-15 ani pe teritoriul localităţii a fost găsit un mic tezaur monetar alcătuit din parale otomane din secolul al XVIII-lea. Tezaurul are următoarea structură: Mahmud I 1143-1168 AH/1730-1757; Kostantiniye, 1 ex.; Mustafa III 1171-1187/ 1757-1774; Mısır; 1 ex.; Islâmbol, 1 ex; Selim III 1203-1222 AH / 1789-1807; Mısır; 1 ex.; Islâmbol, 2 ex.; Abdülhamid I 1187-1203 / 1774-1789; Mısır; 2 ex.; Kostantiniye, 1 ex.; Emitent neprec. Mısır; 1 ex.; atelier neprecizat, 1 ex. Tezaurul se păstrează într-o colecţie privată.

Informaţie: Ana Boldureanu.

8. *Culevcea*, raionul Sărata, regiunea Odesa, Ucraina. În anul 2019, în împrejurimile localităţii, pe o arie de 10 m² a fost descoperit un tezaur alcătuit din cca 500 de monede, din care au fost recuperate pentru studiu 205 exemplare. Tezaurul are următoarea structură: Rusia, Ivan IV (1533-1584), Moscova, 3 ex. Imperiul Otoman, Bayezid II (1481-1512), 2 ex.; Selim I (1512-1520), 10 ex.; Süleyman I, 161 ex.; Selim II (1566-1574), 10 ex.; Murad III (1574-1595), 5 ex.; emitent neprecizat, 14 ex.

Yanov 2019, 23-25.

9. *Logăneşti*, raionul Hânceşti. În vara anului 2017 în timpul săpăturilor arheologice de salvare întreprinse de dr. lect. A. Corobceanu, dr. V. Vornic, dr. conf. univ. S. Matveev la vest de iazul situat la est de drumul Hânceşti-Logăneşti, au fost descoperite fortuit două monede medievale, intrate în patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei.

POLONIA

Solidus

Sigismund III (1587-1632)

Coroana

Bydgoszcz, 1626

Av. +SIGIS III D G REX POLONIAÆ; scutul Poloniei în centru

Rv. SOLIDVS REGNI POLO; în centru monograma regelui. Kopicki 2007, 46, nr. 186.

1. Bi ↗ 0,47 g; 16,5×16,7 mm; tocită, oxidată. FB-30241-2.

LIVONIA (sub ocupaţie suedeză)

Gustav Adolf (1611-1632)

Şilling

Riga, 1625

Av. [GVSTA AD-OL] D G REX S; monograma încoronată a regelui

Rv. SOLIDVS CI[VI RIGEN]SIS 25; stema or. Riga

2. Bi 0,54 g< 16,5 mm; puteric tocită. FB-30241-1.

Corobcean, Vornic, Matveev 2018, 4.

10. *Orheiul Vechi* (Trebujeni), raionul Orhei. În timpul campaniei arheologice din vara anului 2017 au fost descoperite 21 de monede medievale. Acestea reprezintă o emisiune de cupru de la hanul Uzbek (1312-1339), f.a., bătută în Crimeea; emisiuni de cupru cu rozetă purtând numele atelierului Saray al-cedid (11 ex.), introduse în circu-

laţie de hanul Canibek (1341-1357); emisiuni de cupru ale Oraşului Nou (Şehr al-cedid); un groş de la Ştefan cel Mare (1457-1505).
Bacumenco-Pârnău, Boldureanu 2017, 19-20.

11. *Vălcineţ*, raionul Călăraşi. În toamna anului 2018, în timpul investigaţiilor arheologice de salvare din calea gazoductului Iaşi, Ungheni, Chişinău, în apropiere de localitatea Vălcineţ, pe lângă alte artefacte, au fost găsite şi două monede.

IMPERIUL OTOMAN
Süleyman I (1520-1566)
Mangir
Av. Duri be / Konstantiniye/ sene / 942
Rv. Ornament. Kabaklarli 1998, 373, 10-Qos-68
1. Æ 0,69 g; 11,2×13,5 mm.

POLONIA
Lituania
Sigismund II August (1547-1572)
½ groş, 1558
Av. SIGIS AVG REX PO MAG DVX LI; acvila poloneză
Rv. MONETA MAGNI DVCAT LITVA; călăreţul polon; sub el anul 1558
2. AR 1,16 g; 19 mm.

Gumowski 1960, 598.
Informaţie: Vlad Vornic şi Ana Boldureanu.

12. *Vâlcov*, raionul Chilia, reg. Odesa, Ucraina. Au fost comunicate 68 de emisiuni monetare provenite din împrejurimile oraşului Vâlcov, aflate în patrimoniul Muzeului din localitate.

Un lot alcătuit din 61 de monede dintre acestea, are o compoziţie compactă, care ar presupune o tezaurizare comună, adică un tezaur. Lotul are următoarea componenţă: Ungaria, Vladislav II (1490-1516), Kremnica, 2 ex. Hanatul Crimeea, Sahib Gyrei I (1532-1551), Qirq-Yer, 1 ex. Imperiul Otoman, Bayezid II (1481-1512), Novar, 1 ex.; Edirne, 1 ex; Üsküp, 1 ex. imitaţie. Selim I (1512-1520), Grupa I (1512-1514), Karatova, 1 ex. Grupa II (1514-1517), Kostantaniye, 2 ex; atelier neprecizat, 2 ex. Grupa III (1518-1520), Serez ?, 1 ex. ; Kostantaniye , 2 ex.; Edirne, 3 ex.; Tire, 1 ex.: atelier neprecizat, 5 ex. Süleyman I (1520-1566), Grupa I, perioada 1, (1520-1534), Novar, 1 ex.; Kostantabniye, 1 ex.; atelier neprecizat, 3 ex.; Grupa I, perioada 2, (1534-1541), Karatova, 2 ex.; Üsküp, 1 ex.; atelier neprecizat, 1 ex. Prima emisiune jubiliară (1541), atelier neprecizat, 1 ex.; Grupa II (1541-1555), Novabırda, 3 ex.; Srebreniçe, 1 ex., Sidrekıpsı, 3 ex., Siroz, 1 ex., Edirne, 1 ex., atelier neprecizat, 2 ex. A III-a emisiune jubiliară (1556), Kuçayna ?, 1 ex. Grupa III (1555-1566), Novabırda, 3 ex., Srebreniçe, 1 ex.; Kuçayna, 2 ex.; Mudava, 1 ex.; Belgrad?, 1 ex.; Üsküp, 1 ex.; Sidrekıpsı, 3 ex.; atelier neprecizat, 1 ex.; Tip neprecizat, Kuçayna, 1 ex.; atelier neprecizat, 1 ex. Emitent neprecizat, atelier neprecizat, 1 ex.
Yanov 2017, 24-24.

Bibliografie

Corobcean, Vornic, Matveev 2018: A. Corobcean, V. Vornic, S. Matveev, Raport ştiinţific privind săpăturile arheologice de salvare în situl Logăneşti I, r-nul Hânceşti, în anul 2017 (Chişinău 2018). Arhiva MNIM, nr. 612.

Bacumenco-Pîrnău, Boldureanu 2017: L. Bacumenco-Pîrnău, A. Boldureanu, Monede medievale descoperite recent la Orheiul Vechi (campania 2017). In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chişinău, 4-6 octombrie 2017). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 19-20.

Boldureanu, Nicolae 2019: A. Boldureanu, E. Nicolae, Un tezaur de monede ale Hoardei de Aur descoperit la Costeşti, raionul Ialoveni, Republica Moldova. In: Al XVIII-lea Simpozion de Numismatică (Chişinău, 24-25 octombrie 2019). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 11-13.

Gumowski 1960: M. Gumowski, Handbuch der Polischen numismatik (Graz 1960).

Kabaklarli 1998: N. Kabaklarli, Mangir, Osmanli Imparatorlugu Bakir Paralari. Copper Coins of Ottoman Empire 1299-1809, Uşaklılar Eğitim Kültür Vakfı Yayınları (Istanbul 1998).

Kopicki 2007: E. Kopicki, Monety Zygmunta III Wazy (Szczecin 2007).

RIC III: The Roman Imperial Coinage. Antoninus Pius to Commodus, v. III (London 1968).

RIC VIII: The Roman Imperial Coinage. The Family of Constantine, v. VIII (London 1981).

Yanov 2017: D. Yanov, The 16th-century coin deposit from the collection of Vylkove Local Lore Museum. In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chişinău, 4-6 octombrie 2017). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 7-8.

Yanov 2019: D. Yanov, The 16th-century hoard discovered at the village of Kulevcha, Sarata raion, Odessa oblast (preliminary conclusions). In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chişinău, 4-6 octombrie 2017). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 23-25.

Vîlcu, Nicolae 2017: A. Vîlcu, E. Nicolae, Date noi privind pătrunderea monedelor greceşti în spaţiul dintre Prut şi Nistru în sec. IV-I a. Chr. In: Al XVII-lea Simpozion de Numismatică (Chişinău, 4-6 octombrie 2017). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 7-8.

Chronicle of coin finds (XII-XIII)

Keywords: coin finds, tetradrachm, denarii, solidus, shilling, para.

Abstract: The author presents coins discovered in the second half of 2017 and in the first half of 2019. Among the ancient issues, there are Roman coins from the area of the village of Călmăţui in the Hânceşti District. These are the denarii of Hadrian (117-128), Faustina the Younger (145-175), Commodus (177-192) and a coin of Constantius II (337-361).

Medieval finds are represented by several coin hoards. Two small hoards come from the village of Costeşti in Ialoveni District. The first of them was found in a necropolis near a medieval urban settlement and contains coins of the Golden Horde from the reign of Tokhta Khan (1290-1312) (2 specimens) and Uzbeg Khan (1312-1339) (9 specimens), dated from the time after the battle of the Vorskla River (1399). The second hoard, discovered about 15 years ago in the vicinity of the village of Costeşti, consists only Ottoman para minted during the reign of Mahmud I (1730-1757) – Abdülhamid I (1774-1789).

Two other hoards were discovered in the territory of historical Moldova, in the Chilia and Sarata districts of Odessa Region. The first of them, stored in the Vylkove Museum of Local Lore, consists of 61 coins issued by Hungary, the Crimean Khanate and the Ottoman Empire. The second was discovered in 2019 in the village of Kulevcha in the Sarata District and consisted of about 500 specimens. 205 coins were recovered from its composition, of which 202 were issued by the Ottoman Empire during the reign of the sultans from Bayezid II to Murad III and 3 specimens were Russian issues of the time of Ivan IV.

The Chronicle also includes isolated coins found during the laying of the Iaşi–Ungheni–Chişinău gas pipeline. One of them is the Ottoman mangir of Suleiman I (1520-1566), minted in Constantinople in 1535-1536, and the second coin is the Lithuanian 1/2 groschen of Sigismund II Augustus (1547-1572).

Хроника монетных находок (XII-XIII)

Ключевые слова: монетные находки, тетрадрахма, денарии, солид, шиллинг, пара.

Резюме: Автор представляет монеты, обнаруженные во второй половине 2017 года и в первой половине 2019 года. Среди античных выпусков выделяются римские монеты, найденные на территории села Кэлмэцуй Хынчештского района. Это денарии Адриана (117-128), Фаустины Младшей (145-175), Коммода (177-192) и монета Констанция II (337-361).

Средневековые находки представлены несколькими монетными кладами. Два небольших клада происходят из села Костешть Яловенского района. Первый из них был найден в некрополе возле средневекового городского поселения и содержит монеты Золотой Орды времен правления Тохта-хана (1290-1312) (2 экз.) и Узбек-хана (1312-1339) (9 экз.), датирован временем после битвы при Ворскле (1399). Второй клад, обнаруженный около 15 лет назад в окрестностях села Костешть, полностью состоит из османских пара, отчеканенных в период правления Махмуда I (1730-1757) – Абдул-Хамида I (1774-1789).

Два других клада были обнаружены на территории исторической Молдовы, в Килийском и Саратском районах Одесской области. Первый из них, хранящийся в Краеведческом музее города Вилково, состоит из 61 монеты, выпущенных Венгрией, Крымским ханством и Османской империей. Второй был обнаружен в 2019 году в селе Кулевча Саратского района и состоял из около 500 экземпляров. Из его состава получено 205 монет, из которых 202 были выпущены Османской империей времен правления султанов от Баязида II до Мурада III и 3 экземпляра представляли собой русские эмиссии времен Ивана IV.

В «Хронику» также включены отдельные монеты, обнаруженные при прокладке газопровода Яссы-Унгены-Кишинев. Одна из них представляет собой османский мангир Сулеймана I (1520-1566), отчеканенный в Константинополе в 1535-1536 гг., а вторая монета – литовский полугрош Сигизмунда II Августа (1547-1572).

11.11.2019

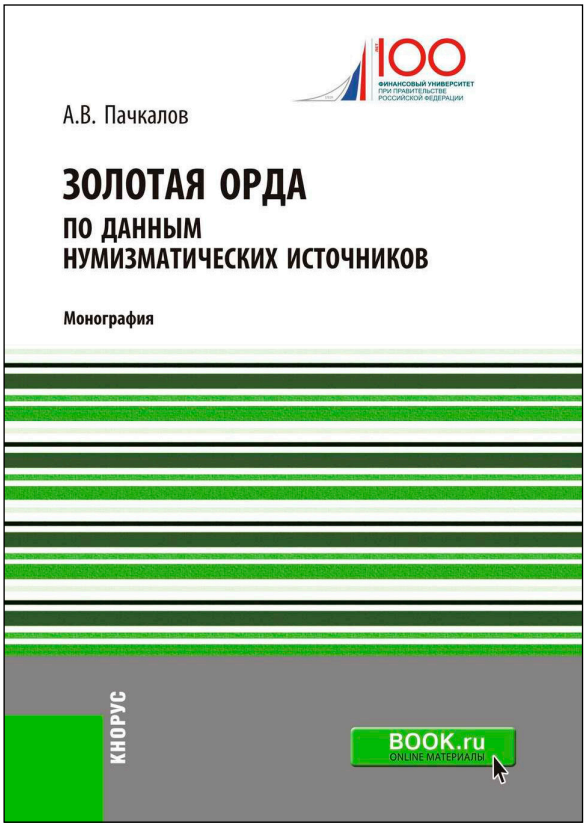
Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3686-1393, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

Александр Владимирович Пачкалов,

ЗОЛОТАЯ ОРДА ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.

Монография, Москва: КНОРУС, 2018, 180 pp., ISBN 978-5-4365-2528-0

Studierea Istoriei Hoardei de Aur prin intermediul izvoarelor numismatice este deosebit de importantă, acestea oferind de multe ori date unice referitoare la geografia istorică, la circulaţia monetară din diferite regiuni ale acesteia, completând cunoştinţele anterioare cu noi consideraţii şi concluzii. Deşi există o bibliografie bogată la această temă, actualizarea ei continuă datorită unor recente contribuţii şi studii. În acest context se înscrie şi monografia semnată de cercetătorul Alexandr Pačkalov, apărută în anul 2018, sub egida Universităţii de Finanţe de pe lângă Guvernul Federaţiei Ruse de la Moscova. Lucrarea conţine materiale legate de istoricul cercetării emisiunilor monetare ale Hoardei de Aur, a celor din domeniul geografiei istorice bazate pe datele numismatice, precum şi studiilor dedicate circulaţiei monetare în diferite regiuni ale Hoardei.



Monografia începe cu un studiu dedicat lui Jakob Kehr – primul cercetător al Hoardei de Aur (p. 4-17), care a activat în secolul al XVIII-lea, fiind astfel, în viziunea autorului, primul numismat-orientalist din Rusia. Georg Jakob Kehr s-a născut în anul 1692 în oraşul german Schleusingen, a studiat limbile orientale la universităţile din Halle şi Leipzig. În anul 1732 a fost invitat în calitate de profesor la Sankt Petersburg, la Academia slavo-greco-latină, unde a activat până la moartea sa în anul 1740. A fost printre primii participanţi la constituirea colecţiilor de monede orientale şi cel care a purces la studierea lor. Jakob Kehr a reuşit să publice doar două tratate de numismatică, un manuscris de-al lui fiind descoperit de Vladimir Tiesenhausen la sfârşitul secolului al XIX-lea, iar alte informaţii privind activitatea lui se află în diferite colecţii de arhivă. Autorul enumeră meritele lui Kehr în atribuirea monedelor Hoardei de Aur, prin citirea corectă a numelor hanilor şi a atelierelor monetare, localizarea corectă a unor centre ale Hoardei, menţionând totodată şi greşelile cele mai frecvente comise de acesta.

În continuare autorul abordează problema descoperirilor de monede antice pe teritoriul unor situri ale Hoardei de Aur (p. 18-24). Autorul se întreabă cât de veridică ar putea fi informaţia referitoare la proveniența unor descoperiri de monede romane, bizantine şi medievale timpurii din perioada premongolă din oraşele Hoardei de Aur? Acceptând posibilitatea unor falsificări ale locului de proveniență de către vânzătorii de antichităţi, el aduce argumente care confirmă că nu toate descoperirile de monede antice sunt falsificate. În acest sens sunt menţionate monedele descoperite în cadrul săpăturilor arheologice. Emisiuni antice au fost găsite la Tzarevsk (un bronz de la Valentinian III), Azov (monedă, sec. II, din Asia Mică), Costeşti, Republica Moldova (monede romane, sec. IV). Autorul consideră că populaţia din unele regiuni ale Hoardei de Aur, izolat, ar fi putut utiliza monede timpurii, venite din alte zone în calitate de talismane şi că prezenţa lor nu este cu totul neobişnuită, monede antice

şi bizantine provenind din aproape toate siturile arheologice cercetate.

Un studiu aparte este dedicat oraşelor de pe Volga Inferioară din secolul al XIII-lea (p. 25-39). Pornind de la faptul că periodizarea culturii materiale a oraşelor Hoardei de Aur este insuficientă şi nu s-a insistat suficient la datarea acestora, autorul menţionează necesitatea folosirii în acest sens a izvoarelor scrise, a celor numismatice şi arheologice. În baza surselor scrise, se cunoaşte cu certitudine despre existenţa a două oraşe pe Volga Inferioară, acestea fiind Saray şi Ukek. Cu toate acestea, lipsa descoperirile monetare nu confirmă existenţa unei vieţi economice active în acea zonă, cu excepţia aşezării de la Uvek. Autorul consideră drept mare noroc pentru cercetători descoperirile de la Lisja Balka şi noile informaţii referitoare la descoperirile monetare din aşezarea Krasnyj Iar din regiunea Astrahan. Iar marea cantitate de monede de la sfârşitul secolului al XIII-lea - începutul sec. al XIV-lea, precum şi lipsa emisiunilor lui Canibek în necropola de pe movila Majak (Majačnyj Bugor), împreună cu depistarea unor înmormântări mai bogate, presupune, în viziunea autorului, localizarea primei capitale a Hoardei de Aur în preajma acestei necropole, pe teritoriul aşezării de la Krasnyj Iar.

Aceeaşi temă, legată de localizarea capitalelor Hoardei de Aur este analizată în articolul următor (p. 40-51). O lungă perioadă de timp a fost acceptată ipoteza existenţei a două capitale: Saray-ul Vechi, amplasat în aşezarea Selitrennoie (reg. Astrahan, Federaţia Rusă) şi Saray-ul Nou, situat pe teritoriul aşezării Tzarevsk (reg. Volgograd, Federaţia Rusă), fără să coroboreze însă perioada de existenţă a aşezărilor presupuse a avea rol de capitale şi cea a perioadei de existenţă a posibilelor capitale. Ulterior, I.V. Evstratov a ajuns la concluzia că a existat un singur Saray, cel localizat la Selitrennoe, cu toate că acesta recunoştea lipsa straturilor culturale din secolele XIII - începutul sec. al XIV-lea, pe care o lega de o posibilă inundare a oraşului. Autorul monografiei discutate menţionează că el mai mult de 10 ani promovează ideea localizării Saray-ului din secolele XIII - începutul sec. XIV în aşezarea de la Krasnyj Iar, aflată în delta fluviului Volga, susţinută ulterior şi de arheologul din Astrahan D.V. Vasilev, care susţinuse ipoteza cu materiale provenite din necropola de la Majačnyj Bugor. Astfel, din cele expuse mai sus, în prezent există trei puncte de vedere privind problema acestor capitale. Autorul va insista în acest articol asupra ipotezei sale, considerând că descoperirile monetare reprezintă izvoarele cele mai importante la elucidarea acestei probleme, cu toate că în prezent din lipsa unui material mai amplu, nu pot exclude nici alte versiuni.

Până la momentul publicării prezentei monografii, din aşezarea Krasnyj Iar au fost înregistrare 37 de monede de argint şi 101 de cupru. Această informaţie se completează însă în fiecare an cu noi descoperiri. Majoritatea emisiunilor de argint au fost bătute la Saray/Saray al-Mahrusa. Merită atenţie cele provenite de la Ukek, de obicei destul de rare la sud de Saratov. Printre monedele de cupru predomină cele bătute la Saray şi Saray al-cedid. Componenţa lotului permite presupunerea existenţei unui oraş al Hoardei în a doua jumătate a secolului al XIII-lea, afirmaţie bazată pe emisiunile de Saray, care nu circulă după domnia lui Tokta. Cele de cupru sunt datate în secolul al XIV-lea, cuprinzând şi emisiuni de la Toktamâş. Lipsa însă a monedelor de argint şi cupru din epoca lui Canibek din anii 1340, presupune întreruperea locuirii aşezării spre sfârşitul domniei lui Uzbek şi începutul domniei lui Canibek, precum şi revenirea populaţiei aici în perioada anilor 1350-1360, confirmată şi de emisiuni monetare. Vârful circulaţiei monetare în această aşezare a fost la sfârşitul domniei lui Tokta şi perioada de aflare în fruntea Hoardei de Aur a hanului Uzbek. Cercetarea necropolei de la Majačnyj Bugor a rezultat cu o serie de monede din a doua jumătate a sec. XIII - începutul sec. XIV. După 1330 înmormântări cu monede n-au mai fost atestate.

Oraşul situat la Krasnyj Iar şi-a întrerupt existenţa între anii 1330-1340, revenirea populaţiei fiind legată de coborârea nivelului mării. Autorul presupune că oraşul nu s-a mai numit Saray, lipsindu-i deja bogatele necropole, caracteristice primei etape de existenţă; este discutabil faptul că emisiunile de Saray de la sfârşitul secolului al XIV-lea şi începutul secolului următor să fi fost bătute în zona aşezării Krasnyj Iar. Autorul menţionează că în etapa de apariţie a oraşului, pe monede apare numele Saray al-cedid, ulterior însă în izvoarele scrise numele oraşului apare fără epitet, monede însă se bat şi cu şi fără sintagma al-cedid. Din aceste considerente, A. Pačkalov consideră că epitetul respectiv a fost utilizat doar în faza timpurie de existenţă a oraşului. În continuare acesta expune o serie de argumente care, în viziunea sa, permite localizarea Saray-ului Vechi pe locul aşezării Krasnyj Iar.

Iată o parte din aceste argumente:

1. Saray apare în documentele scrise de la mijlocul sec. XIII până la începutul sec. XIV. Pe Volga de Jos nu există aşezări datate în acea perioadă.

2. Aşezarea Krasnyj Iar a fost un centru orăşenesc important la intersecţia a două mari artere comerciale: Marele Drum al Mătăsii şi al Marelui Drum al Volgăi.

3. Aşezarea Krasnyj Iar e existat în a doua jumătate a secolului al XIII-lea, perioada de înflorire fiind în timpul hanului Uzbek. Către 1340 când apare Saray-ul Nou, aşezarea Krasnyj Iar este deja părăsită.

4. În preajma aşezării Krasnyj Iar, la Majačnyj Bugor se află necropola oraşului cu cele mai timpurii monede datate la 1260, aproape contemporane epocii apariţiei oraşului.

5. În necropola de la Majačnyj Bugor au fost găsite morminte bogate, precum şi foarte diferite din punct de vedere etnic.

7. Autorul presupune apariţia oraşului Saray pe locul unde îşi avea tabăra Hanul Batu.

După expunerea argumentelor, el menţionează ca dacă nu am fi de acord cu presupunerile de mai sus, atunci apar mai multe întrebări, pe care le pune în continuare în viziunea cititorilor. Cu toate că autorul este convins de existenţa a două capitale cu numele de Saray, dintre care unul pe locul aşezării de la Krasnyj Iar, trecut mai târziu la Selitrennoe, lasă totuşi o îndoială în afirmaţiile sale, recunoscând contradicţiile existente în ce priveşte localizarea şi datarea celor două capitale.

Monografia conţine un studiu important dedicat influenţei transgresiei Mării Caspice asupra evoluţiei oraşelor Hoardei de Aur (p. 52-64). Fenomenul a fost menţionat în mai multe cronici din secolele XIV şi XV. În a doua jumătate a sec. XIII - primul sfert al sec. al XIV-lea pe Volga de Jos, au existat câteva localităţi. Au fost cercetate arheologic aşezările de la Moşaik, Samosdelskoe şi Krasnyj Iar. Artefactele găsite acolo mărturisesc că la sfârşitul domniei lui Uzbek aceste localităţi au fost părăsite din cauza creşterii nivelului Mării Caspice. Materialele arheologice au demonstrat că şi mutarea capitalei Hoardei de Aur, a oraşului Saray, este legată de ridicarea nivelului mării şi inundarea pe la 1330 a mai multor localităţi din delta fluviului Volga. În anul 1330 a fost observată o dezvoltare bruscă a capitalei Hoardei localizate pe aşezarea Selitrennoje, demonstrată de cantitatea mare de monede descoperite acolo, dar şi de lipsa emisiunilor timpurii. La începutul anului 1340 în aşezarea Selitrennoe se băteau deja emisiuni purtând numele Saray al-cedid, noua capitală. Transgresia observată în cazul monumentelor de la Volga de Jos, are analogie şi în Uralul de Sud. Astfel, localitatea Ak-Tobe din acea regiune, apărută în sec. al XIII-lea a dispărut în a doua jumătate a sec. al XIV-lea, în legătură cu ridicarea nivelului Mării Caspice.

Cercetările arheologice au demonstrat că apariţia pe Volga şi în Ural a astfel de monumente cum ar fi Selitrennoe şi Saraičik sunt legate direct de dispariţia localităţilor din deltă, noile localităţi fiind deja amplasate la distanţe sigure de la mare. Asta ar demonstra încă o dată că care a fost cauza mutării capitalei Hoardei de Aur şi începerea utilizării epitetului al-cedid pentru capitala Saray.

Un alt subiect al monografiei îl constituie introducerea în circuitul ştiinţific a emisiunilor monetare provenite din localitatea Mizdahan din Horezm (p. 65-69). Au fost cercetate de autor 133 de monede descoperite în perioada anilor 1985-2000. Pe lângă alte observaţii referitoare la circulaţia monetară din Horezm, autorul menţionează că doar un singur exemplar din lotul menţionat este din argint, în timp ce în oraşele de pe Volga emisiunile de argint constituie un procent mai ridicat. Autorul ajunge la concluzia că informaţia cu privirea la circulaţia monetară din Horezm este foarte scundă şi necesită cercetări suplimentare.

Următorul studiu este consacrat producţiei monetare ale giucizilor din Kazahstanul de Sud, care este foarte slab studiată (p. 70-79). Sunt cunoscute mai multe informaţii referitoare la monedele bătute la Sygnaq. Au fost introduse în circuitul ştiinţific emisiunile anonime de puluri din Jangikent în din anul 738 A.H., precum şi puluri emise de oraşul Barčin de pe râul Syrdarja. Cu această ocazie, autorul comunică noile descoperiri monetare din aşezarea Dgean-Kala, identificată cu oraşul Djend, care în epoca medievală a fost un important centru comercial, meşteşugăresc şi cultural. Lotul de monede de acolo este constituit din 108 de cupru şi 15 exemplare de argint. Acestea au fost descoperite în cadrul săpăturilor arheologice din anii 2008-2009. Majoritatea monedelor care au fost identificate aparţin perioadelor de domnie ale hanilor Uzbek şi Canibek (1330-1350). Se remarcă o foarte bună prezenţă a

monedelor emise în anii 1340. Aceasta este legată probabil de perioada de înflorire a oraşului. Lipsa însă din componenţa lotului a emisiunilor premongole nu permite, în viziunea autorului, localizarea oraşului Djend datat în secolele XI-XIII pe locul aşezării Dgean-Kala, ipoteză susţinută şi de alte artefacte arheologice din perioada secolelor XI-XIII. Dgean-Kala reprezintă însă o importantă aşezare din perioada secolelor XIII-XIV, a cărui vârf de dezvoltare poate fi datat în prima jumătate a secolului XIV, pe la 1340. Circulaţia monetară de aici dispare către anul 1360. Din aceste considerente, localitatea premongolă Djend urmează să fie localizată în altă parte.

Autorul încearcă în următorul material să analizeze căile comerciale cale legau oraşele de pe Volga Inferioară cu Caucazul (p. 80-85). Cele mai importante oraşe din Caucaz au fost Derbent şi Madjar, care erau şi centre producătoare de monede. Căile comerciale legau strâns teritoriile din Caucaz de oraşele de pe Volga, inclusiv de Hagi-Tarhan. Caucazul, la rândul său, a avut legături intense cu Iranul. Monedele iraniene din sec. al XIII-lea însă nu au pătruns în Hoarda de Aur, acestea ajungând abia în sec. al XIV-lea. Derbentul era legat de delta fluviului Volga şi pe cale maritimă. Autorul aduce mai multe argumente cu privire la funcţionarea acestor drumuri, dar şi de data aceasta menţionează că viitoarele cercetări vor aduce noi completări şi informaţii.

O altă temă discutată este cea legată de descoperirile monetare din necropolele popoarelor migratoare din Kazahstanul de Vest (p. 86-90). Monedele găsite în necropola Mokrinsk din acea zonă sunt datate în perioada de domnie a hanilor Uzbek şi Canibek şi demonstrează că în mediul migratorilor pătrund îndeosebi emisiuni de argint de pe Volga Inferioară şi din Horezm.

Un capitol aparte din monografie este rezervat publicării monedelor provenite din aşezarea Tzarev de pe râul Ahtuba (raionul Lenin, reg. Volgograd), descoperite în anii 1994-2000 (p. 93-108). Această aşezare reprezintă rămăşiţele unui mare oraş datat în secolul al XIV-lea. O perioadă lungă de timp se considera că aici a fost amplasat Saray-ul cel Nou. Ultimii ani a fost înaintată o nouă ipoteză conform căreia în acel loc a fost localizat oraşul Ghiulistan (Grădina cu trandafiri). Autorul este de acord cu această ipoteză, unul din argumentele principale fiind coincidenţa datării perioadei de menţionare a oraşului Ghiulistan în sursele scrise şi cea de batere monetară.

Materialul numismatic descoperit acolo este destul de compact din punct de vedere cronologic, dar şi ca provenienţă. Acest lucru este legat, în viziunea autorului, de faptul că oraşul a existat o scurtă perioadă de timp, de câteva decenii. Cele mai multe monede sunt emisiunile anonime de cupru din epoca lui Canibek (cu vulturul bicefal şi rozetă) şi pulurile din perioadă războaielor civile, bătute la Daraz al-cedid şi Ghiulistan. În staturile culturale ale aşezării au fost atestate şi emisiuni ale unor state destul de îndepărtate de Hoarda de Aur, cum ar fi Veneţia, China, Sultanatul de Delhi etc. Acestea vorbesc despre relaţiile comerciale avute de oraşul Ghiulistan în acea perioadă.

În continuarea temei legate de oraşul Ghiulistan (p. 109-122), autorul ridică problema localizării Noului Ghiulistan, cunoscut doar după inscripţiile de pe monedele de argint bătute în perioada anilor 1360-1367. În urma analogiilor asemănătoare situaţiei şi în cazul altor oraşe ale Hoardei, care au purtat epitetul al-cedid, dar şi a descoperirilor monetare, autorul propune situarea Ghiulistan-ului cel Nou în zona localităţii Kolobovka, ipoteză care însă are nevoie de noi precizări şi argumente.

Datele obţinute în urma analizei emisiunilor monetare din epoca lui Canibek, l-au ambiţionat pe autor să consacre unul din articole din monografie studierii personalităţii hanului Canibek (p. 123-126). Conform legendelor de pe unele emisiuni monetare, Canibek este numit cu epitetul de *răposatul aziz Canibek han*, iar pe altele cu *aziz Canibek han*. Cu toate acestea, autorul consideră că este vorba despre aceeaşi persoană, şi nu despre un oarecare Canibek II.

Unul din articolele incluse în monografie este dedicat descoperirilor monetare de pe peninsula Mangyşlak (p. 127-130). În epoca medievală peninsula era traversată de un important drum comercial. Până nu de mult nu se cunoşteau date referitoare la descoperirile monetare de acolo. Unul din monumentele cele mai importante îl reprezintă aşezarea Kyzyl-Kala, al cărei strat cultural este de cca doi metri. Cu toate acestea, de acolo provine o singură monedă emisă de Canibek la Horezm în anul 750 A.H. Un lot important de monede provine din aşezarea Ketik-Kala, reprezentând emisiuni ale Hoardei de Aur, dar şi o monedă bizantină de la împăratul Arcadius (383-408), fiind prima emisiune bizantină atestată pe teritoriul Kazahstanului contemporan.

Descoperirile monetare de pe peninsula Mangyşlak demonstrează intensificarea relaţiilor comerciale din acea perioadă, inclusiv şi intrarea în zonă pe care maritimă a monedelor de pe Volga Inferioară.

Chiar dacă cuprinsul monografiei se încheia cu articolul despre descoperirile monetare de pe peninsula Mangyşlak, lucrarea continuă cu un material dedicat oraşelor de pe Volga Inferioară din secolul al XIV-lea (p. 131-146), examinate în baza descoperirilor monetare. Capitala Hoardei de Aur la sfârşitul secolului al XIV-lea a fost oraşul Saray al-cedid, localizat în aşezarea de la Selitrennoe. Ponderea emisiunilor din perioada anilor 1380-1390 reprezintă 12,06% din numărul celor de cupru şi 15,9% din cele de argint. Este destul de mare numărul emisiunilor de cupru din aceşti ani şi în aşezarea vecină, de la Kamennyj Bugor cu 17,3% din numărul total de puluri (42 ex.). În ambele aşezări emisiunile lui Toktamyş sunt cele mai numeroase faţă de alte situri de pe Volga Inferioară. Şi oraşul Ghiulistan conform descoperirilor monetare a existat în secolul XIV. Unul dintre oraşele mari la sfârşitul secolului XIV era Hadji-Tarhan (Astrahan), care este însă slab studiat arheologic. Exista în secolul al XIV-lea şi Ukekul. Cele mai multe descoperiri monetare provin din regiunea Volgograd, din aşezarea Vodjansk cu ultimele monede datate la 1361. Autorul ajunge la concluzia că la sfârşitul secolului al XIV-lea aşezările Hoardei de Aur de pe Volga Inferioară erau localizate în partea sudică (în sudul regiunii Volgograd şi în regiunea Astrahan) şi aproape că dispar aşezările de teritoriul regiunii actuale Saratov.

În următorul articol este discutat atelierul monetar Orda al-cedid (p. 147-154). Până în prezent nu se cunoaşte locul unde au fost bătute monedele având acest nume de atelier. La Orda al-cedid au fost emise monede sub hanii Toktamyş, Bek-Pulad, Timur-Kutlug şi Şadibek. Majoritatea emisiunilor de Orda al-cedid aparţin hanului Toktamyş (cca 80%), 75% dintre care fiind bătute în anii 785, 790 şi 791. Din acest atelier se cunosc şi emisiuni de cupru, fiind publicate monede cu diferite ornamente, animal spre dreapta, leu spre dreapta, călăreţ spre stânga. Probabil şi acestea sunt din epoca lui Toktamyş. Au fost înaintate mai multe propuneri privind localizarea acestui atelier, fiind propuse Ghiulistan al-cedid, Orda al-Muazam, Saray al-Ced. Autorul a emis o ipoteză încă în 2007, argumentată de topografia descoperirilor, privind localizarea undeva la vest de Volga sau poate pe Don.

În continuare urmează un studiu dedicat oraşelor de pe Volga Inferioară din secolul al XV-lea (p. 155-172). Cercetările efectuate de autor în baza izvoarelor scrise şi a descoperirilor monetare demonstrează că în secolul al XV-lea oraşele de pe Volga funcţionează, însă au o viaţă mai puţin activă decât în secolul anterior. Cele mai importante rămân să fie Saray, localizat la Selitrennoe, aşezarea de la Kamennyj Bugor şi Hadji-Tarhan.

Ultimul articol este consacrat descoperirilor monetare ale Hoardei de Aur din Siberia şi Ural (p. 173- 178).

Lucrarea conţine la final lista abrevierilor (p. 179).

Monografia semnată de Alexandr Pačkalov reprezintă o lucrare foarte utilă pentru studierea circulaţiei monetare a Hoardei de Aur, precum şi a elucidării problemelor legate de localizarea unor oraşe ale Hoardei. Existenţa a două centre urbane tătăreşti pe teritoriul Republicii Moldova, dar şi din România, face utilă această lucrare şi pentru istoricii şi numismaţii din spaţul românesc.

19.09.2019

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3686-1393, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

THE 4TH ANNUAL SYMPOSIUM OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR THE STUDY OF SILK ROAD TEXTILES

The 4th Annual Symposium of the International Association for the Study of Silk Road Textiles (IASSRT) took place in Kislovodsk, North Caucausus, Russia from 23-29 September 2019. The theme was "Textiles as Historic Sources" and there were 70 participants from 20 countries, including 36 speakers.

The symposium organizer and IASSRT vice-president, Dr. Zvezdana Dode, opened the meeting. Then the audience was welcomed by local authorities and museum directors, including IASSRT president, Zhao Feng, director of the China National Silk Museum, Hangzhou. IASSRT was founded in 2015 with the goal of presenting scientific investigations, promoting scholarly exchanges, and international cooperation on matters related to Silk Road research, particularly textiles. Each year one of the member countries hosts the symposium. In prior years meetings have been held in China, France, South Korea. The choice of the North Caucasus was particularly apt because a major branch of the Silk Road ran through this geographic region. Consequently, there are many archaeological sites that have yielded important artifacts, including well-preserved silk textiles.

The symposium consisted of seven sessions, reflecting the multifaceted theme. The keynote speaker, Dr. Z. Dode, introduced the concept of textiles as text, which reflected different aspects of human culture and history. The first session, "The Caucasus on the Silk Road", described the role of the region in the functioning of the Silk Road as a part of global history including significant new finds of Chinese silk. Speakers included S.N. Savenko, D.S. Korobov, Zhao Feng and Anna Muthesius.

Session 2, "Textiles in Medieval Archaeological Monuments in Europe", discussed findings of medieval Eastern textiles in European settlements. These provide substantial evidence of broad cultural contacts. Papers in this session were presented by Turk Attila, Harangi Florian and Nagy Katalin; Annika Larsson and Karolina Pallin; Ase Eriksen; Anne Hedeager Krag and Aki Arponen.

"Museum Collections and New Archaeological Finds From East Asia", the subject of Session 3, were presented by M. Menshikova, Betty Hensellek, Luk Yu-ping, Xu Wenyue and Wang Le.

Session 4, discussed "Textile Techniques as Historical Text". Speakers Cai Xin, Mao Huiwei, Lee Hee-Jin and Ho Zhaohua presented their theoretical findings while Keum Da Woon and Park Ki Chan demonstrated results from the practical application of techniques such as embroidery and the making of gold thread.

In Session 5, "Textile Patterns as Models of the World", Angela Sheng, Kosuke Goto and Kuang Yanghua each analyzed the important role of ornamentation in our understanding of individual cultures as well as the transmission of images and semantic meaning across time and space.

Speakers in Session 6 discussed "Textiles as a Materialized Policy: Fabrics in the Context of Diplomacy, Religion, and International Relations". Morris Rossabi presented a broad aspect of the session topic while Juliane von Fircks, Irina Shingiray, Su Miao, and Su Lee Tsai and Zhao Hua Ho discussed textiles as trade and diplomacy along the Silk Road. Sim Yeon Ok presented an interesting religious aspect of the re-use of tribute silks. And Orit Shamir and Alisa Baginsky discussed the origin, history, technology, and artistic quali-

ties of *mulham* (textiles with a silk warp and hidden cotton wefts).

In Section 7, "Textile Traditions and Innovations" Alisa Saisavetvaree, Yoshida Masako, Shen Jie and Wang Chen and Sudha Dhingra each discussed specific cross cultural adaptations at the Siamese Court, the Gion Festival of Kyoto, Chinese-produced Jaquard chiffon exported to the Middle East and the cultural journey of the *Chamba Rumal*. Session participant, Fatima Dzhigunova's presentation consisted of an excursion for attendees to the Kislovodsk Museum of Local History to view the exhibition, "The World of the Adyghe Woman in the Interiors of Historical Memory" which originated at the National Museum of the Republic of Adygea of which she is the director.

During the course of the symposium, there were two special educational activities for attendees. A Master Class, "Caucasian Gold Embroidery" was offered to participants by Saida Pseunova, Head of Art and Design, Department of the National Museum of the Republic of Adygea. In addition, Elena Teleshova, a member of the Union of Designers of Russia, held a second Master Class, "Felt Art" which gave an opportunity to those who wished to have a greater understanding of historical felt production.

Following the symposium, there were two days of excursions for participants. They saw historical places on the Silk Road as well as viewing local archaeological finds including textiles at the State Karachay-Cherkess Historical-Cultural and Nature Museum Reserve and the Zelenchuksky District Local History Museum. On the second day, symposium members were taken to the annual Ayran (fermented milk) Festival of the local Karachay people.

Pre- and post-conference tours took symposium participants to St. Petersburg and Moscow. The pre-conference tour to St. Petersburg centered on special visit to the textile finds of Moschevia Balka and Pasaryk in the Hermitage. In Moscow, attendees visited the Museum in the Moscow State Academy of Art and Industry where they saw a collection of ancient textiles. Then a visit was paid to the textile workshop in the Novospasskiy Monastery where silk textiles are being produced as they were in the 18th century. A visit was also paid to the Museum of Oriental Art.

The next symposium is planned to take place in Italy in 2020. Please see the ISASSRT website for more information and updates as they become available: http://www.iassrtsymposium.com

Dr. Zvezdana Dode, Nasledie (Stavropol) Ltd., Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russia, e-mail: zvezdana.dode@gmail.com

Dale Carolyn Gluckman, Los Angeles, USA, e-mail: jonandale@hotmail.com

WOJCIECH BLAJER
oder die Kraft der Ruhe

Eigentlich ist es ungerecht, jedenfalls unangebracht, die Menschen, und besonders die Wissenschaftler, ausgerechnet beim Erreichen einer bestimmten chronologischen Stufe – in unserem Falle 65 Jahre – zu würdigen. Zwar sind zeitliche Einordnungen in unserem Fach groß geschrieben. Aber Anlass einer solchen Würdigung ist doch der pure Zufall und kein Verdienst des jeweiligen Kollegen. Man könnte uns sogar Bequemlichkeit vorwerfen, weil wir uns nicht die Mühe machen, den richtigen Zeitpunkt zu erkennen, zu dem eine Würdigung angebracht ist. Denn in Wahrheit sollte man sich nach den Stufen richten, die die Wissenschaftler in ihren Leistungen und im klugen Einsatz ihrer persönlichen Eigenschaften erreicht haben. Angewandt auf meinen Kollegen Wojciech Blajer bedeutet dies: Seine Würdigung ist bereits seit vielen Jahren überfällig.

So hat mich diese letzte Überlegung – trotz des chronologischen Anlasses – zu einer lockeren Auswahl und knappen Zusammenstellung einiger zerstreuter Gedanken und Erinnerungen zur Archäologie in Polen, in Krakau, vor allem aber zu meinem guten Freund Wojciech Blajer veranlasst. Dementsprechend sind die vorliegenden Zeilen in der Tat keine laudatio im klassischen Sinne. Sie sind vielmehr der liebevolle Versuch, einen Blick in die persönliche und in die allgemeine Vergangenheit zu werfen.

Für den geborenen Krakówer bedeutete das Geburtsdatum, 25. Juni 1954, nur den Anfang einer stetig ansteigenden Lebenskurve. Die Schuljahre in der Heimatstadt, der er immer sehr verbunden geblieben ist[1], waren die Vorbereitung für das Studium an der ehrwürdigen Universität Krakau (Gründung: 12 Mai 1364), an der unser Jubilar zwischen 1973 und 1978 unter der Betreuung namhafter Professoren wie Marek Gedl seine Grundkenntnisse vor allem im Fach Archäologie erhalten hat. Bewußt oder unbewußt wurde diese archäologische Ausbildung sicherlich von der großen archäologischen Tradition in Krakau unterstützt, die auf den jungen Blajer stark und nachhaltig wirkte.

Was darf man eigentlich eine große archäologische Tradition nennen? Denkt man nur an den früheren Studenten der *alma mater cracoviensis* und den späteren Historiker, Diplomaten, Erzieher der königlichen Kinder und Erzbischof Jan Długosz (1415-1480) und an sein Interesse u. a. für die archäologischen Entdeckungen, so ist bereits einer der ersten Meilensteine in unserem Fachbereich deutlich in Krakau gesetzt[2]. Długosz war ein guter Kenner der historischen und politischen Lage auch westlich und östlich der Karpaten, die er teilweise sogar bereiste.

Ungefähr ein Jahrhundert später, am 12. Mai 1581, unterzeichnete der gewählte König Polens, Stephan Báthory, die Gründungsurkunde des Jesuitischen Collegium Maior zu Kolozsvár/ Klausenburg (heute auch Cluj), wo man unter anderem Latein, Hebräisch und Altgriechisch studieren konnte. Der erste Rektor dieses Kollegiums mit Latein als Unterrichtssprache war der polnische Jesuit Jakub Wujek (1541, Wągrowiec - 1597, Krakau).

Umgekehrt schöpfte der rumänische Chronist Miron Costin (1633-1691) am Jesuitenkolleg zu Bar seine hervorragende historisch-philologische Kultur, die es ihm erlaubte, als erster Moldauer die Latinität der rumänischen Sprache zu erkennen und zu beweisen. Er blieb übrigens lebenslang Polen freundschaftlich gesinnt.

Ein großer Sprung führt uns zum 1862 auf Initiative von Józef Łepkowski (1826-1894)[3] gegrün-

[1] Ein bleibendes Zeichen ist die Betreuung der dortigen wissenschaftlichen Zeitschrift.

[2] Aus der Feder des Jan Długosz stammt übrigens eine der ältesten Beschreibungen vorgeschichtlicher Gefäße, die 1416 bei einer „Feldbegehung" des Königs Władysław II. Jagiełło auf seine Anordung bei Nochow ausgegraben worden sind (Annales seu cronicae incliti regni Poloniae). Der König wollte eine „archäologische Information" des Soldaten Jan Warschewsky überprüfen und seinen mißtrauischen Verwandten Arnest, den Herzog Österreichs, von der Anwesenheit und Echtheit solcher Funde überzeugen; laut der damaligen gängigen Meinung wuchsen die Tongefäße „allein durch die Kraft der Natur und ohne jede menschliche Einwirkung". Für Einzelheiten, vgl. A. Schnapp, Die Entdeckung der Vergangenheit (Stuttgart 2011), 379-380; empfehlenswert ist es auch, die französische Originaledition in die Hand zu nehmen.

[3] Vgl. J. Chochorowski, 150 years of prehistoric archaeology at the Jagiellonian University. Recherches Archéologiques NS 7, 2015, 7-35 (auf Englisch) mit vielen zusätzlichen Informationen und Literatur.

deten archäologischen Kabinett der Universität in Krakau, das mit seinen 6500 archäologischen Gegenständen von zahlreichen ausländischen Wissenschaftlern besucht wurde[4]. Zweifelsohne bildete es einen Anziehungspunkt nicht nur für viele Fachleute außerhalb des polnischen Kulturraumes[5], sondern auch für junge Leute, die sich für die Archäologie interessierten. So konnte 1872 auf Initiative und unter der Leitung desselben Józef Łepkowski der erste Lehrstuhl für Archäologie an der Jagellonischen Universität eingerichtet werden. In der Zwischenkriegszeit kam es durch die Bemühungen des Prof. Włodzimierz Demetrykiewicz zu einem weiteren wichtigen Schritt, nämlich zur Gründung des Lehrstuhles für Vorgeschichte. Zu erwähnen ist auch der für kurze Zeit in Krakau wirkende Professor Tadeusz Sulimirski, der gute Beziehungen zu seinem Bukarester Kollege, Ioan Andrieşescu, unterhielt. Eine Kleinigkeit, nämlich eine aus Krakau abgeschickte Ansichtskarte, zeugt von der Freundschaftlichkeit der fachlichen und menschlichen Beziehungen. Mit dieser Ansichtskarte bedankte sich Sulimirski bei Andrieşescu unverzüglich für den Druck seines Aufsatzes[6] und für eine Postkarte aus Bukarest, auf der er seine Adresse in Krakau mitgeteilt hatte (am 27. Oktober 1937)[7].

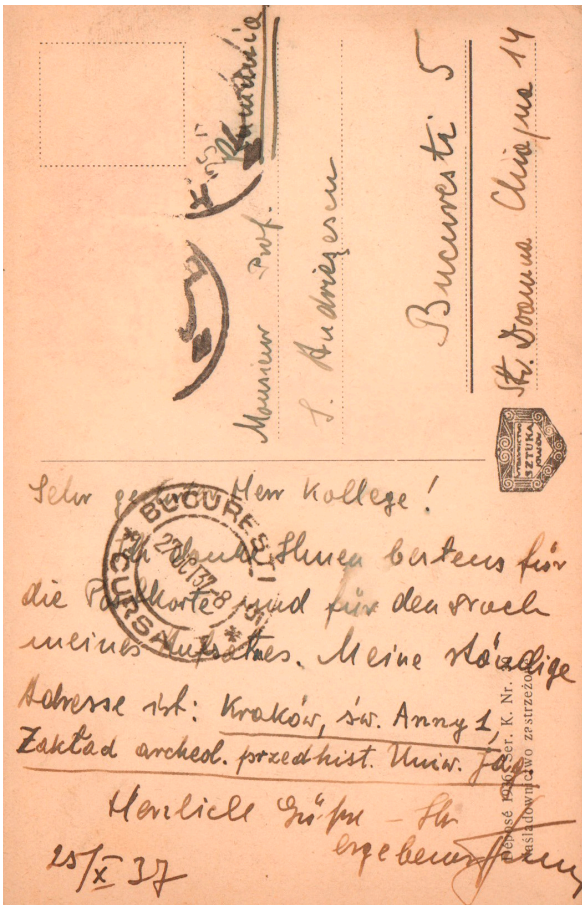


Abb. 1. Ansichtskarte von T. Sulimirski (damals Krakau) an I. Andrieşescu (Bukarest).

Schließlich ist M. Gedl einer der neueren Vertreter dieser hervorragenden Entwicklung des archäologischen Forschungsstranges in Polen und in Krakau, aber auch der polnisch-rumänischen Beziehungen im Fach Archäologie. Er unternahm mehrere Rumänien-Reisen und besuchte dabei mindestens zwei Mal Klausenburg. Seine menschliche Offenheit, seine Kompetenz als Spezialist und nicht zuletzt die Übersendung seiner Werke erweiterten uns in beachtlicher Weise den „polnischen Überblick".

Wie man sieht, bestand in Krakau über mehrere Jahrhunderte lang nicht nur das Interesse an der Archäologie, an alter Geschichte und Sprachen, sondern es kamen auch einige Verbindungen zustande, nicht zuletzt zwischen Krakau und Klausenburg.

Verglichen mit der großen Vergangenheit setzen sich die polnisch-rumänischen (Fach)Beziehungen auf einer ganz bescheidenen Ebene zwischen dem Jubilar und dem Verfasser dieser Zeilen fort. Der damalige Student Wojciech Blajer kam 1977 zu Besuch zu den Grabungen in Battonya, wo der gastfreundliche Grabungsleiter János Szabó uns alle empfing und beherbergte. Der Name des polnischen Studenten war mir schon damals nicht fremd, hatte doch der gute Lehrer Marek Gedl in seinen Briefen und bei seinen Besuchen in Rumänien immer über seine Schüler berichtete. Nach dem Abschluß seiner Studien war der junge Archäologe übrigens zunächst im Oppelner Schlesischen Museum tätig (1978-1979), dann im Regionalmuseum in Rzeszów, um schließlich ab 1980 seinen angemessenen Platz an der Jagellonischen Universität zu finden. In all dieser Zeit blieben unsere Beziehungen bestehen, wenn auch

[4] Albin Kohn, Zeitschrift für Ethnologie 9, 1877, 151-155.

[5] Krakau gehörte nach der dritten Teilung Polens zur Habsburger Monarchie.

[6] T. Sulimirski, Einige rumänische Funde in polnischen Museen. Revista de Preistorie şi Antichităţi Naţionale I, 1937, 33-37 + 12 Taf., in dem er zwei Bronzefunde aus Rumänien (Dersca, Tg. Secuiesc II) sowie einige Einzelstücke veröffentlichte.

[7] Archiv I. Andrieşescu, Bukarest (freundliche Mitteilung und Veröffentlichungsgenehmigung Dr. George Trohani, Bukarest).

manchmal von langen Pausen unterbrochen. Natürlich waren die kommunistischen Jahre nicht besonders günstig für die Herstellung enger Kontakte und für häufigere Reisen, so daß wir erst nach 1990 in unseren Briefen auch brisante Themen ansprechen konnten. Die Kommunisten, die in unseren beiden Ländern unrechtmäßig und mit grausamen Methoden an die Macht gekommen waren, hatten nicht mehr die Oberhand, und auf diese Weise normalisierten sich nicht zuletzt auch die Beziehungen mit den Kollegen unseres Fachs.

Unvergesslich bleibt für mich sein Besuch in Berlin. Erstmals konnten wir dabei eine erste freie Unterhaltung genießen und Ideen aus vielen Bereichen auch außerhalb der Archäologie austauschen. Ermöglicht wurde dieser Besuch durch die Vergabe des Humboldt-Stipendiums an W. Blajer. Zwei Jahre (1990-1991) in Deutschland (Münster) zu verbringen bedeutete für ihn sicherlich eine willkommene Gelegenheit, sich die Kultur und die Sprache[8] des Gastlandes anzueignen, Fachkenntnisse zu erweitern und aufzuarbeiten, Fachkollegen kennenzulernen und Kontakte zu pflegen. Die freundliche Atmosphäre des damals von A. Jockenhövel geleiteten Seminars trug sicherlich zur wissenschaftlichen Reifung des jungen Stipendiaten bei. Er war hierzulande übrigens kein Unbekannter, weil seine Monographie über „Die Arm- und Beinbergen in Polen“ 1984 in der damaligen Prestigereihe „Prähistorische Bronzefunde“ als Band X 2 erschienen war. Auch sein Buch über die frühbronzezeitlichen Hortfunde in den polnischen Territorien[9] erschien im Jahr des Antritts seines Humboldtstipendiums und trug dazu bei, seine wissenschaftliche Position zu festigen. Zwei weitere Bücher[10] ergänzten später die Erforschung des Bronzehortphänomens in seiner Heimat; alle bleiben solide Referenzarbeiten für jede künftige Untersuchung.

Vor seinem Aufenthalt in Deutschland lagen die Verteidigung seiner Dissertation (1988) und seine Habilitierung (2001). Damit war er sozusagen auch vom Standpunkt der Wissenschaftsbüro-

Abb. 2. W. Blajer (letzte Reihe links) bei der Tagung in Târgu Mureş 2010.

Abb. 3. W. Blajer bei der Verteidigung einer Dissertation.

[8] Was heutzutage leider nicht mehr selbstverständlich ist.

[9] Skarby z wczesnej epoki brązu na ziemiach polskich. In: Prace Komisji Archeologicznej PAN Kraków, 28 (Wrocław 1990).

[10] Skarby ze starszej i środkowej epoki brązu na ziemiach polskich. In: Prace Komisji Archeologicznej PAN Kraków, 30 (Kraków 1999); Skarby przedmiotów metalowych z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza na ziemiach polskich (Kraków 2001).

Abb. 4. W. Blajer auf Grabungen.

Abb. 5. W. Blajer bei einem Glas Wein.

kratie aus reif, Universitätsprofessor zu werden. Er gehört jedoch nicht zu denen, die sich damit zufriedengeben, eine Dissertation, höchstens eine Habilitation „abgehakt“ zu haben, um sich danach mehr oder weniger schläfrig durch die Semester bis zur Pensionierung hinzuschleppen oder eifrig Wissenschaftspolitik als Vorwand für ihre wissenschaftliche Entfremdung zu betreiben. Zwischen den drei möglichen Stufen: Job – Beruf – Berufung hat Wojciech Blajer die letzte ausgewählt. In Wirklichkeit ist er ein Auserwählter: berufen dazu, verschiedene Facetten einer bestimmten Problematik immer weiter zu erforschen, immer weiter zu vertiefen. Deshalb bleiben seine Schriften immer gründliche, unübersehbare Beiträge zum besseren Verständnis des Archäologischen. Der Deutung, dem Deuten, dem sorgfältigen Ausdeuten der archäologischen Funde, dem Sich-Hüten vor dem Umdeuten und dem Mißdeuten des ans Tageslicht gekommenen Materials räumte er immer einen hervorragenden Platz ein. Ersichtlich ist das, überblickt man seine Veröffentlichungsliste: über 100 Veröffentlichungen bezeugen es in unterschiedlichem Maße, aber einstimmig. Um eines seiner Lieblingsthemen – den Sinn der Bronzedeponierungen – unter guten Fachleuten besprechen zu können, hat er auch eine Tagung veranstaltet. So erblickte 1997 ein wertvoller Band das Licht der wissenschaftlichen Welt[11].

Als echter Fachmann scheut er sich nicht, auch dem breiten Publikum bestimmte Aspekte des vorgeschichtlichen Geschehens zu präsentieren[12], was meistens unter verschiedenen Vorwänden vermieden wird. Ein weiteres Feld findet sein forschender Geist in der Ahnenforschung. Überhaupt kennt er sich in vielen historischen Bereichen aus, seien es Denkmäler, seien es grundsätzliche Fragen. Unsere wissenschaftliche und menschliche Kommunikation wirkte sich deshalb auf uns in vielleicht schwierigeren Augenblicken geradezu erhebend aus, weil sie sich auch auf allgemeine Kenntnisse, Ideen und Meinungen erstreckte. *Spes nostra firma* besteht allerdings in der Überzeugung, daß nicht nur die Zeit der Prüfungen, sondern auch die darauffolgende Freude, sei es am Leben, sei es am eigentlichen Forschen, eine Hauptkomponente unserer Existenz darstellt.

Eine andere Facette seiner Tätigkeit zeigen seine Ausgrabungen. Um nur die wichtigsten zu nennen: Jędrychowice, in Schlesien, zusammen mit J. Chochorowski und M. Gedl und Lipnik im Südosten Polens, spätbronzezeitliche Siedlung und Gräberfeld, 1998-2005.

[11] Beiträge zur Deutung der bronzezeitlichen Hort- und Grabfunde in Mitteleuropa (Kraków 1997).

[12] Epoka brązu i okres halsztacki. W: (Red. E. Tomczak) Archeologia. Górny Śląsk (Katowice 2014), 79-109 (monografia popularno-naukowa).

Man muß nicht lange reden über viele weitere gute Eigenschaften Wojciech Blajers, beispielshalber über seine Hilfsbereitschaft: zahlreiche Übersetzungen aus dem Polnischen und ins Polnische, Literaturhinweise, Informationen über neuere (Bronze-)Funde, Ratschläge bei fachlichen Problemen sind nur einige Bereiche, in denen sein Entgegenkommen angenehm sichtbar wird. Daß er seine wertvolle Zeit oft für andere opfert, ist für ihn charakteristisch. Eindrucksvoll ist ferner seine Objektivität; auch bei sensiblen Themen dominiert immer seine wissenschaftliche vorurteilslose Denkart. Was aber allen seinen Gesten, Handlungen und Errungenschaften eine bestimmte Färbung gibt, ist seine souveräne Bescheidenheit. Eine Eigenschaft der wahrhaftig großen esprits – ein größeres Lob kann ihm nicht gespendet werden.

So strahlt seine Gestalt eine ruhige Stärke aus, die seiner Umgebung gut tut, zumal uns Wissenschaftlern. Denn man braucht dringend diese ruhige Stärke in unserer kläglichen Bildungs- und Forschungslandschaft, die weitgehend von falschen Urteilskriterien, einer überwuchernden Wissenschaftsbürokratie, Modulen, Ansammeln von Punkten, Projekten, Statistiken, letztlich auch von Inkompetenz usw. zutiefst verunsichert ist[13]. Man redet heutzutage über Ökologie so viel und grundlos, daß schon diese Öko-Rederei selbst Umweltverschmutzung verursacht. In diesem Zusammenhang wurde bereits betont, daß die Hauptökologie die Ökologie des Menschen selbst ist[14]. Höchstwichtig für uns ist die Erkenntnis, daß auch die Ökologie der Wissenschaft in ihrer Gesamtheit von gewollten Verschmutzungen bedroht ist. In erster Reihe die Geschichtsforschung; sie ist mehr als andere Fachbereiche durch Ideologien, Nationalismen, falsche Forschungsfelder, Tabu-Themen, vorgeschriebene Ergebnisse usw. gefährdet. Daher braucht man Verfechter der gesunden Linie, zu denen wir Wojciech Blajer lobend zählen möchten. Solange Gestalten wie unser Jubilar überhaupt existieren, wird unsere zweitwichtigste Hilfe, die Hoffnung, nicht erlöschen.

Wojciech Blajer otrzymał bez wątpienia pięć talentów i już dawno zyskał drugie pięć. To czego mu życzę, to tylko tego, aby zbierał kolejne talenty i pełen radości tworzenia jeszcze przez wiele lat mógł odgadywać tajemnice prahistorii – a przede wszystkim epoki brązu! – i dzielić się z nami rezultatami swoich badań[15].

Tudor Soroceanu

[13] Zur Dekadenz der europäischen Bildungsinhalte, vgl. die Werke von Manfred Fuhrmann (1925-2005): Der europäische Bildungskanon des bürgerlichen Zeitalters (Frankfurt am Main 1999); ders., Bildung. Europas kulturelle Identität (Stuttgart 2002). Ihm war es doch vergönnt, die allerletzte kulturelle Erniedrigungsstufe nicht mehr zu erleben.

[14] Benedikt XVI, Die Ökologie des Menschen (München 2012).

[15] Wojciech Blajer hat zweifellos fünf Talente erhalten und seit langem die anderen fünf erwirtschaftet. Was ich ihm wünsche, ist es nur das, daß er weitere Talente ansammelt, in dem er voller Schaffensfreude möglichst viele Jahre lang, die Geheimnisse der Vorgeschichte – in erster Reihe der Bronzezeit! – entziffern und die Ergebnisse seiner Untersuchungen uns zur Verfügung stellen kann.

TUDOR SOROCEANU ŞI CERCETAREA EPOCII BRONZULUI

Pe Tudor Soroceanu l-am cunoscut în toamna anului 1985, după o primă lună petrecută la aşa-numita „practică agricolă" din anul I la Facultatea de Istorie şi Filosofie a Universităţii din Cluj. Am ajuns în casa familiei Soroceanu de pe strada Moţilor 104 la recomandarea lui Florin Medeleţ. Ştiam deja multe poveşti despre prietenul de-o viaţă al „Boss"-ului, spuse pe şantierele arheologice ale adolescenţei mele de la Remetea Mare sau Cugir şi abia am aşteptat să-l întâlnesc. Dezamăgit de unii profesori pe care îi aveam la Facultate (Hadrian Daicoviciu murise în toamna anului 1984), îmi petreceam timpul, spre marea înţelegere a regretatei noastre bibliotecare doamna Cordoş, răsfoind toate cărţile de arheologie, după un volum mult muncit şi prea puţin apreciat (**8, 25**)[1], în aşteptarea zilei în care eram programat pentru lecţiile „private" de epoca bronzului. Acesta a fost primul lucrul pe care l-am învăţat: bucură-te de-o bibliotecă.

În primăvara anului 1989, alături de puţinii, dar adevăraţii prieteni pe care-i avea, conduceam de pe peronul gării din Cluj familia Soroceanu spre lumea civilizată. Zece ani mai târziu eram tot împreună la un alt moment care mi-a marcat destinul: întâlnirea cu profesorul Bernhard Hänsel. Ce împlinire mai mare poţi avea din punct de vedere profesional decât să-ţi vezi ucenicul, ca şi tine, de altfel, bursier Alexander von Humboldt?

Despre omul şi savantul Tudor Soroceanu am scris şi eu (Gogâltan 2004, 7; Gogâltan 2010a; Gogâltan, Găvan 2014, 7-8) şi alţii (Dietrich et al. 2009, 7; Boroffka 2009; Ursulescu 2010) cu diverse ocazii în care l-am omagiat. Generaţii de arheologi şi-au manifestat recunoştinţa pentru sprijinul generos şi necondiţionat pe care l-au primit din partea sa. De aceea cred că sunt în asentimentul tuturor afirmând că Tudor Soroceanu este astăzi unul dintre cei mai respectaţi arheologi români.

*

În continuare voi încerca să prezint pe scurt ce a adus nou Tudor Soroceanu pentru cercetarea

1. La masa de lucru. Berlin, 2005.

epocii bronzului european. Consider oportună o asemenea abordare deoarece majoritatea studiilor sale au fost scrise şi publicate doar în limba germană, conţinutul lor rămânând practic necunoscut pentru cei care nu stăpânesc această limbă. De multe ori am avut discuţii contradictorii pe această temă şi rareori am reuşit să-l conving să insereze în cărţile scrise şi pasaje mai generoase în limba română (**2-3**). A rămas însă intransigent în această privinţă considerând, de-altfel pe bună dreptate, ca fiind obligatorie pentru un arheolog cunoaşterea limbii germane.

După un început în care s-a arătat interesat de alte perioade istorice (**9-11**), preocupările sale ştiinţifice se vor orienta definitiv spre epoca bronzului. La aceasta a contribuit şi colaborarea cu regretaţii profesori clujeni Kurt Horedt şi Ioan Horaţiu Crişan. Pentru familiarizarea sa cu descoperirile epocii bronzului din Transilvania, prelucrarea materialelor descoperite de către Dumitru

[1] Numerele boldate la care se face referire corespund listei publicaţiilor ştiinţifice.

Protase la Obreja s-a dovedit un bun început (**13**). De remarcat este repertorierea a circa 60 de puncte în care se regăseau împreună descoperiri Noua şi Wietenberg. Problematica convieţuirii între localnici (comunităţile Wietenberg) şi noii veniţi (Noua) a rămas de atunci o discuţie deschisă pentru specialiştii epocii bronzului din Transilvania (Andriţoiu, Vasiliev 1993; Ciugudean 1997; Sava 2002; Gogâltan, Popa 2016; etc.). Părerile sunt şi astăzi împărţite, aşteptând un răspuns din partea analizelor ADN. Evoluţia stilului ceramic Wietenberg va fi un subiect la care va reveni cu ocazia publicării unor loturi de materiale ceramice din colecţia Muzeului din Târnăveni (**16**) sau a săpăturilor de la Aiton (**18**).

În urma cercetărilor arheologice de la Pecica din anii ’60, unde accentual s-a pus pe investigarea locuirii dacice (Crişan 1978), a rezultat o cantitate apreciabilă de ceramică din epoca bronzului. Prelucrarea şi analiza descoperirilor arheologice mai vechi sau mai noi de la Pecica şi Periam ca şi studierea realităţilor culturale ale epocii bronzului de la Mureşul de Jos a fost o preocupare constantă pentru următorii ani, până la susţinerea lucrării de doctorat în 1978. Variantele în limba română ale unor articole dedicate ceramicii culturii Mureş, importanţei stratigrafiei tell-ului de la Pecica, analizei cimitirului de la Mokrin etc., se vor regăsi într-o serie de studii publicate în limba germană (**15**, **19**, **23**, **30**, **32**) sau în monografia dedicată culturii Mureş (**1**). Analiza tipo-cronologică a inventarului funerar al cimitirului de la Mokrin a fost un model şi a reprezentat o noutate pentru arheologia românească a acelei perioade. Ea a impulsionat şi alţi cercetători să investigheze cronologia acestui important obiectiv al epocii bronzului din estul Bazinului Carpatic (Şandor-Chicideanu, Chicideanu 1989). Julia Wagner, dedicându-i cu prilejul împlinirii vârstei de 65 de ani interpretarea ei cu privire la cimitirul de la Mokrin, scria câteva cuvinte elocvente: *Mehr als 30 Jahre danach greift die Forschung immer noch auf diese Arbeiten zurück* (Wagner 2009, 337).

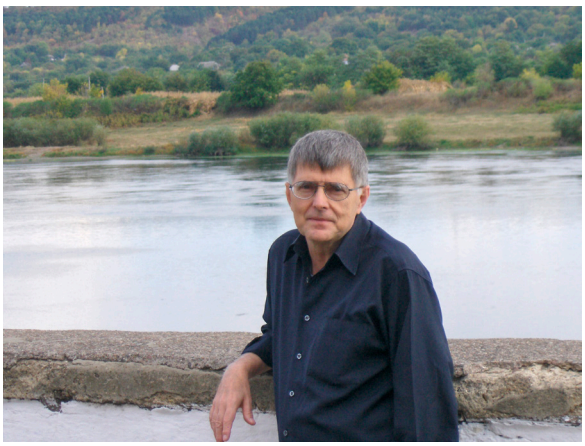
Publicarea în limba germană a unor depozite de bronzuri precum cele de la Buza (**24**), Vâlcele (**26**), Perişor (**28**) sau a celui de la Sâg în limba română (**27**) i-au adus şi ele aprecierea internaţională prin acordarea bursei Alexander von Humboldt. Din nefericire, situaţia politică de la începutul anilor ’80 din România nu i-au permis să se

2. Cu Tiberiu Bader şi Alexandru Vulpe. Münster, 2008.

3. Cu colegii Oleg Leviţki, Aurel Zanoci şi Mihail Băţ în excursie la Orheiul Vechi. Octombrie 2009.

bucure cu adevărat de această şansă ştiinţifică. La întoarcerea în ţară din Germania a continuat să se concentreze asupra recuperării unor descoperiri mai vechi sau mai noi ale epocii bronzului şi primei epoci a fierului din Transilvania (**29**, **33**, **35**) sau asupra publicării exemplare a unor săpături precum cimitirul Wietenberg de la Dumbrăviţa (**28**). Până astăzi a rămas actuală (Rezi 2017) legătura dintre depunerea de depozite de bronzuri şi aşezările fortificate (**31**). Partea a III-a din seria de articole *Materialien zur Bronze- und Hallstattzeit Siebenbürgens* este practic necunoscută pentru specialiştii români, fiind publicată într-un volum cu o circulaţie restrânsă (**35**). Aici se regăsesc descoperirile Wietenberg II de la Micăsasa-*Palamida* menţionate, dar nu şi illustrate de N. Boroffka (Boroffka 1994, 95, nr. 560) sau un fragment ceramic Wietenberg pe care fuseseră incizate litere greceşti. Importantă este şi descrierea

4. Cu Florin Gogâltan la Orheiul Vechi. Octombrie 2009.



5. Pe malul Nistrului. Octombrie 2009.

și ilustrarea de foarte bună calitate a colecției de vase Basarabi de la Iernut, descoperite în 1977 în grădina casei familiei Vlassa.

O preocupare constantă a acelor ani a fost și recenzarea unor lucrări de specialitate (**62-70**). Îmi aduc aminte că nu era zi în care să nu care o geantă mare și albastră (pe care am moștenit-o cu plăcere la plecarea sa din țară), în care se găseau cărți și o colecție impresionantă de creioane bine ascuțite. Nici un rând nu scăpa unei analize atente. Era o formă de supraviețuire culturală și de îmbogățire a orizontului științific. Nu în ultimul rând în acest fel semnala colegilor apariții noi editoriale în bibliotecile din Cluj, dar mai ales cărțile pe care le primea personal din străinătate.

După petrecerea unei perioade scurte de timp în Chile, familia Soroceanu se va muta în 1990 la Berlin. Acum va definitiva manuscrisul tezei sale de doctorat, care vede într-un final lumina tiparului (**1**). Monografia culturii Mureș reprezintă o referință bibliografică obligatorie pentru oricine se apleacă asupra realităților culturale ale epocii bronzului de la Mureșul de Jos. Chiar și colectivul american care a investigat în ultimii ani tell-ul de la Pecica a „descoperit" după 10 ani această carte, ce-i drept, scrisă în limba germană!

La începutul anilor '90 a încercat să revină în țară. Nu s-a găsit însă un loc potrivit pentru el și de aceea, în anii următori, școala arheologică ardeleană a avut numai de suferit. Pentru a-și întreține familia s-a angajat în 1993 la *Gesellschaft f. Archäologische Denkmalpflege e. V. Berlin* unde a activat până în 2004 când firma s-a desființat. Nu a fost o perioadă defel ușoară. După orele petrecute pe diversele șantiere din Berlin-Brandenburg (**85-87**) se întorcea obligatoriu la masa de lucru. Acum este editat și coordonat primul volum din *Bronzefunde aus Rumänien* (**5**). Pentru cei care studiază sau vor să studieze epoca bronzului de-o parte și de alta a Carpaților este o carte care nu poate fi ocolită. Spun asta constatând că foarte mulți nu cunosc o lucrare de referință pentru ceea ce înseamnă fenomenul de depunere a bronzurilor preistorice europene (**37**). Astăzi nu mai este o problemă procurarea vreunei cărți, cu atât mai mult cu cât biblioteca mea digitală este la dispoziția tuturor celor interesați. Atunci când vrei să publici un depozit de bronzuri nu poți să nu consulți studiile lui T. Soroceanu privind depozitele de la Galoșpetreu (**38**), al doilea depozit de la Dragu (**34**) sau cel de la Gârbou (**39**) ori cele ale colaboratorilor săi din acest volum (**102-108**).

Profesorului Hänsel, acelui *fautori ac sponsori meo*, îi sunt dedicate cu ocazia împlinirii vârstei de 60 de ani două articole referitoare la depozitele de la Cincu (**40**) și Suseni (**41**), reprezentative pentru seria de depuneri care le poartă numele. Cele două depozite, atât de menționate în literatura de specialitate, nu beneficiaseră până atunci de o publicare exaustivă (Cincu), nici de întregirile necesare (Suseni). De aceea atrag atenția tuturor celor care fac referiri la aceste descoperiri să nu se mărginească doar la lucrarea lui M. Petrescu-Dîmbovița (Petrescu-Dîmbovița 1977) care este inexactă. În cele două articole există o discuție exaustivă pentru acea vreme privind diversele tipuri de arme, podoabe, articole de toaletă, vase de metal etc. caracteristice perioade Ha A din Europa. Din nefericire limba germană este obligatorie,

dar se poate folosi şi *google translate* cu riscurile de rigoare.

Alături de Nikolaus Boroffka (**6**), un prieten de-o viaţă, va edita, cu multe sacrificii financiare, un volum *in memoriam* profesorului Horedt (**43**). Acestui gest moral s-au alăturat şi unii specialiştii ai epocii bronzului care au crescut alături de marea personalitate a şcolii arheologice clujene (**109-110**). Remarc din nou profesionalismul cu care a publicat, alături de Florin Medeleţ, o foarte interesantă descoperire din Banat (**44**). Analiza de detaliu a fiecărei piese, dar şi contextul istoric în care el a fost folosit, îl determină să plaseze lanţul de bronz cu pandantive de la Moldova Veche într-o altă secvenţă de timp decât s-a propus anterior.

Specialiştilor în epocă romană le recomand să consulte un articol dedicat acelor piese care în mod greşit au fost atribuite epocii bronzului (**42**). Ucenicia petrecută printre „clasicişti" şi-a spus din nou cuvântul. Depozitul de la Gyula, prelucrat împreună cu vechiul său prieten J. József Szabó, este un alt prilej pentru a demonstra nivelul cunoştinţelor sale privind metalurgia preistorică a Bazinului Carpatic (**45**).

Începând cu anul 2004 intră în şomaj şi devine asistat social. Pentru unii o ruşine, pentru Tudor Soroceanu o salvare. Găseşte acum un minim de suport financiar pentru a-şi putea continua destinul. De altfel, mulţumeşte în repetate rânduri, cu tot umorul fin şi sarcastic care-l caracterizează, acelui *Arbeitsamt Berlin Nord* şi *BerlinJobCenters Charlottenburg-Wilmersdorf*, pentru posibilitatea de a-şi întreţine familia şi asigurarea unor „condiţii de viaţă decente" (**2**, **13**). Urmează de acum cei mai prolifici ani din întreaga sa carieră. Editează în 2005 volumul *Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România* (**7**). În cei trei ani petrecuţi la Berlin am urmărit aproape zilnic travaliul prin care trece un editor serios atunci când are ca scop să strângă laolaltă contribuţii esenţiale pentru un anumit subiect (**115-126**). Ştiu pe propria piele cât am fost de „cătănit" să scriu un articol serios. Am întâlnit astăzi „editori" care nici măcar nu citesc articolele din volumele pe care se presupune că le-au coordonat. Conceptul celui de-al doilea volum este diferit de primul, făcând lucrarea mai accesibilă specialistului român şi prin traducerea unor articole interesante privind descoperirile de bronzuri din România (**124-126**).

7. Cu soţia Alina şi Eugen Sava. Berlin, 2013.

Prelucrarea sistematică a vaselor de metal preistorice de pe teritoriul actual al României are o istorie (stră)veche care-şi are începutul în anii '80 ai secolului trecut (**2**). Iniţial urma să fie publicat un volum în prestigioasa serie *Prähistorische Bronzefunde*. Pe măsură ce monografia se contura, a constatat că nu se poate înscrie în şabloanele pe care le oferea *PBF*-ul. Cu doar câţiva ani în urmă am discutat la Münster despre acest subiect cu profesorul Jockenhövel. Era încă supărat că volumul nu a fost publicat în seria *PBF*, dar recunoştea valoarea deosebită pe care o are *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße* şi calitatea publicaţiei. Aşa cum am mai spus, mă felicit că am reuşit să-l conving să introducă şi concluziile în limba română la fiecare categorie de piese. În acest fel cartea nu va fi „uitată" de unii specialişti români. Atrag atenţia şi acum că rezumatele sunt doar orientative şi nu suplinesc generoasele explicaţii din textul german sau din note. Pentru cei interesaţi trebuie făcut efortul de a asimila şi aceste informaţii. Recenzând lucrarea rămân şi astăzi la aceeaşi opinie: „o lucrare pe care am convingerea că oricare specialist în metalurgia preistorică şi-ar fi dorit să o scrie" (Gogâltan 2010b, 264). Povestea frumoasă a celor două situle de la Brâncoveneşti poate fi citită şi în limba română (**47**). Actul ritual de depunere a vaselor de metal nu poate fi descifrat decât prin contextualizarea tuturor descoperirilor semificative (**49**).

Un interes constant a arătat şi restituirii ştiinţifice a unor descoperi arheologice mai vechi ori recuperării de informaţii bibliografice esenţiale privind piesele de metal preistorice (**48**, **50**). Pe

8. Pregătirea de excursie cu rucsacul. Berlin, 2014.

9. Cu nepotul Anton. Berlin, 2019.

extrasul din *Das Altertum* mi-a scris următoarea dedicaţie: „Încă un pic de filatelie! Cu drag T.S.”. Efortul de arhivist nu este însă apreciat de toată lumea. Necesită foarte multă muncă, dar rezultatele sunt spectaculoase. Dovadă o face de exemplu colecţia dr. Samuel Egger din Viena (**54**), a cărei valoare documentară m-a frapat din momentul în care mi-a arătat o trimitere bibliografică de mult uitată.

Toată munca migăloasă de a cerne adevărul de neadevăr, de a scotoci printre numerele vechi de inventar ale diverselor muzee sau de a răsfoi periodice şi reviste necitite de nici un specialist, a dus la o adevărată „asanare” a depozitelor bronzului timpuriu şi mijlociu din România (**3**). Era o lucrare de mult aşteptată, un instrument de lucru care nu mai lasă loc la comentarii. În momentul în care am primit cartea din partea autorului i-am şi stricat bucuria întrebându-l când o va scrie pe cea cu depozitele din bronzul târziu, măcar pe cele din Bz D. Grea întreprindere. Sper să vorbesc despre ea peste zece ani, la următorul moment omagial!

Aspectul ritual al depunerilor de piese de metal este o temă la care va reveni tot timpul (**51-53**). De la momentul *Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen* cercetarea personală a subiectului a evoluat substanţial prin asimilarea unei bibliografii din ce în ce mai stufoase şi prin lărgirea orizontului istoric (**55**). Pentru mulţi ar fi fost util ca măcar acest din urmă articol de sinteză să fie tradus în limba română. În acelaşi context se situează şi reprezentările preistorice din peştera de la Nucu (**56**). Dar despre acestea poate citi oricine.

Finanţarea generoasă mijlocită din nou de profesorul Svend Hansen a făcut posibilă finalizarea unui proiect mai vechi: depozitul de la Bandul de Câmpie (**4**). Colaborarea cu mai tinerii noştri colegi de la Târgu Mureş, Rita Németh şi Botond Rezi, s-a dovedit salutară pentru calitatea ştiinţifică a acestei lucrări. Cartea nu este încă disponibilă în totalitate pe internet, dar sperăm că acest lucru se va întâmpla cât mai repede. Mă mărginesc doar să spun că analiza celor 2838 de piese care cântăresc puţin peste 230 kg, chiar dacă monotone din punct de vedere tipologic cum, de altfel, se exprimau chiar autorii, oferă posibilitatea reconsiderării acelei serii de depozite ateliere-topitorii din Transilvania. Nici o piesă nu aparţine exclusiv etapei Ha A1, ele grupându-se la finalul fazei Bz D. Avem astfel la îndemână un nou mo-

del de abordare a unui depozit de bronzuri şi o sursă de inspiraţie pentru publicarea viitoarelor descoperiri.

În încheiere aş mai menţiona doar planul de viitor imediat pe care îl are. Împreună cu Eugen Sava vor publica vasele de metal ale epocii bronzului descoperite la est de Carpaţi, până la Caucaz şi în estul Kazahstanului. Începutul a fost făcut (**58-59**, **93-94**), iar finalizarea lucrării este aşteptată în acest an.

Este o performanţă de invidiat (poate o speranţă şi pentru noi ori o lecţie, dacă se mai poate, pentru alţii de aceeaşi vârstă) ca în zece ani de când este pensionat să scrie atâtea cărţi şi articole, să facă traduceri (care necesită un efort la fel de mare) (**99-101**, **127-128**), să participe la conferinţe internaţionale şi, nu în ultimul rând, să se plimbe cu nepotul Anton. O viaţă echilibrată şi cumpătată, o familie frumoasă, credinţa în Dumnezeu şi pasiunea pentru epoca bronzului au reprezentat tot atâtea chei pentru uşa succesului. Se spune despre unii că au avut sau nu noroc în viaţă. Eu mă consider printre cei norocoşi, la aceasta contribuind şi întâlnirea mea acum aproape 40 de ani cu Tudor Soroceanu. Să ne întâlnim, magistre, sănătoşi şi cu aceeaşi plăcere de a scrie despre epoca bronzului şi peste zece ani!

Bibliografie

Andriţoiu, Vasiliev 1993: I. Andriţoiu, V. Vasiliev, Câteva consideraţii privind cultura Noua în Transilvania. Apulum XXVII-XXX, 1990-1993, 121-146.

Boroffka 1994: N. Boroffka, Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. UPA 19 (Bonn 1994).

Boroffka 2009: N. Boroffka, Dr. Tudor Soroceanu la 65 de ani/ Dr. Tudor Soroceanu zum 65. Geburstag. Tyragetia s.n. III/1, 2009, 381-391.

Ciugudean 1997: H. Ciugudean, Cercetări privind epoca bronzului şi prima vârstă a fierului în Transilvania (Alba Iulia 1997).

Crişan 1978: I.H. Crişan, Ziridava. Săpăturile de la "Şanţul Mare" din anii 1960, 1961, 1962, 1964. Ziridava. Die Ausgrabung der Jahre 1960, 1961, 1962 und 1964 vom "Şanţul Mare" (Arad 1978).

Dietrich et al. 2009: L. Dietrich, O. Dietrich, B. Heeb, Al. Szentmiklosi, Aes Aeterna - In Honorem Tudor Soroceanu. Analele Banatului XVII, 2009, 7.

Gogâltan 2004: Fl. Gogâltan, Nevoia de teorie? In: (Coord. C. Gaiu, H. Bodale) Centru şi periferie. Lucrările colocviului naţional, Bistriţa 23-25 aprilie 2004 (Cluj-Napoca 2004), 7-16.

Gogâltan 2010a: Fl. Gogâltan, Die Tells und der Urbanisierungsprozess. In: (Hrsg. B. Horejs, T.L. Kienlin) Siedlung und Handwerk. Studien zu sozialen Kontexten in der Bronzezeit. Beiträge zu den Sitzungen der Arbeitsgemeinschaft Bronzezeit auf der Jahrestagung des Nordwestdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Schleswig 2007 und auf dem Deutschen Archäologenkongress in Mannheim 2008. UPA 194 (Bonn 2010), 13-46.

Gogâltan 2010b: Fl. Gogâltan, Recenzie, T. Soroceanu, Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien. – Vasele de metal prescitice de pe actualul teritoriu al României. In: Bronzefunde aus Rumänien III – Descoperiri de bronzuri din România III (Bistriţa/Cluj-Napoca 2008). Ephemeris Napocensis XX, 2010, 264-270

Gogâltan, Găvan 2014: Fl. Gogâltan, Al. Găvan, Der bronzezeitliche Tell von Pecica „Şanţul Mare". Ein metallurgisches Zentrum des Karpatenbeckens (I). Ephemeris Napocensis XXIV, 2014, 7-38.

Gogâltan, Popa 2016: Fl. Gogâltan, C.I. Popa, Gligoreşti „Holoame" (com. Luna, jud. Cluj). O aşezare a bronzului târziu din Transilvania. Terra Sebus 8, 2016, 35-82.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Rezi 2017: B. Rezi, Újabb bográcslelet Erdőszentgyörgyről (Sângeorgiu de Pădure, Ro). Archaeologiai Értesítő 142, 2017, 35–73.

Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS 19 (Kiel 2002).

Şandor-Chicideanu, Chicideanu 1989: M. Şandor-Chicideanu, I. Chicideanu, Zu den Grabsitten der Periam-Pecica-Kultur. Dacia N.S. XXXIII, 1989, 5-38.

Ursulescu 2010: N. Ursulescu, Tudor Soroceanu în cel de al 65-lea an al vieţii. ArhMold XXXIII, 2010, 413-420.

Wagner 2009: J. Wagner, Die chronologische Entwicklung des Gräberfeldes von Mokrin. Analele Banatului XVII, 2009, 337-356.

Florin Gogâltan

Publicații științifice/Wissenschaftliche Publikationen

Cărţi/Bücher

1. T. Soroceanu, Studien zur Mureş-Kultur. Internationale Archäologie 7 (Buch am Erlbach 1991). Mit Beiträgen von V.V. Morariu, M. Bogdan, I. Ardeleanu (physikalische Untersuchungen), D. Săbădeanu (metallographische Analysen) und unter Mitarbeit von Ortansa Radu.

2. T. Soroceanu, Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien. – Vasele de metal prescitice de pe actualul teritoriu al României. In: Bronzefunde aus Rumänien III – Descoperiri de bronzuri din România III (Bistriţa/Cluj-Napoca 2008).

3. T. Soroceanu, Die Kupfer- und Bronzedepots der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien. – Depozite de obiecte din cupru şi bronz din România. Epoca timpurie şi mijlocie a bronzului. In: Archaeologia romanica Bd. V (=*Bronzefunde aus Rumänien IV*) (Cluj-Napoca/Bistriţa 2012).

4. T. Soroceanu, B. Rezi, R. Németh, Der Bronzedepotfund von Bandul de Câmpie, jud. Mureş/Mezőbánd, Maros-Megye. Beiträge zur Erforschung der spätbronzezeitlichen Metallindustrie in Siebenbürgen. (Universitätsforsch. z. prähist. Archäol, 307/ Prähistorische Konfliktforschung, 1/ Bibliotheca Musei Marisiensis, Ser. Archaeol, 13) (Bonn 2017).

Volume editate/Herausgeberschaft

5. T. Soroceanu (betreut und redigiert), Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995). Cu contribuţii de/Mit Beiträgen von: I. Al. Aldea, N. Boroffka, V. Căpitanu, N. Chidioşan, H. Ciugudean, V. Enăchiuc, C. Iconomu, I. Ioniţă, G. Iuga, C. Kacsó, E. Lakó, D. Lichiardopol, S. Luca, F. Medeleţ, I. Motzoi-Chicideanu, I. Şovan, Al. Vulpe.

6. N. Boroffka, T. Soroceanu (herausgegeben und bearbeitet), Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999). Cu contribuţii de/Mit Beiträgen von: M. Babeş, N. Boroffka, T. Bader, H. Ciugudean, E. Dörner, R. Harhoiu, C. Kacsó, A. László, J. Makkay, F. Medeleţ, J. Müller, M. Novotná, B. Novotný, I. Ordentlich, Z. Pinter, D. Protase, A. Rustoiu, M. Rusu, Z. Székely, M. Tulok, V. Vasiliev, V. Wollmann, W. Wolska, E. Zaharia.

7. T. Soroceanu (betreut und redigiert), Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005). Cu contribuţii de/Mit Beiträgen von: I. Bejinariu, L. Marta, H. Ciugudean, I.Al. Aldea, N. Boroffka, F. Ridiche, G. Crăciunescu, C. Kacsó, J. Kobal', G. Marinescu, A. Hänsel, S. Hansen, C. Metzner-Nebelsick, F. Gogâltan, A. Giumlia-Mair.

Instrumente de lucru/Instrumenta

8. T. Soroceanu, A. Soroceanu, Répértoire des publications périodiques contenant articles d'histoire ancienne, d'archéologie et de muséologie / Verzeichnis der Zeitschriften mit archäologischen, althistorischen und museumskundlichen Aufsätzen (Bucureşti 1982).

Articole/Aufsätze

9. C. Pop, T. Soroceanu, Cîteva stele familiale din Dacia Superioară / Quelques stèles familiales de la Dacie Supérieure. SCIV 19, 1968, 351-357.

10. Fl. Medeleţ, T. Soroceanu, N. Gudea, Descoperiri arheologice din epoca dacică la Pescari (jud. Caraş-Severin) / Découvertes archéologiques d'époque dace à Pescari (dép. Caraş-Severin). Acta Musei Napocensis 8, 1971, 465-475.

11. T. Soroceanu, Un mormînt de incineraţie de la Cristurul Secuiesc / Une tombe à incinération de Cristurul Secuiesc. Acta Musei Napocensis 8, 1971, 499-502.

12. T. Soroceanu, Aşezarea de tip Wietenberg de la Pălatca (jud. Cluj) / Die Wietenberg-Siedlung von Pălatca (Bez. Cluj). In: Centenar Muzeal Orădean (Oradea 1972), 165-172.

13. T. Soroceanu, Descoperirile din epoca bronzului de la Obreja (jud. Alba) / Die bronzezeitlichen Funde von Obreja (Bez. Alba). Acta Musei Napocensis 10, 1973, 493-515.

14. T. Soroceanu, O contribuţie la cunoaşterea ceramicii din epoca bronzului în Transilvania / Ein Beitrag zur Kenntnis der bronzezeitlichen Keramik in Siebenbürgen. In: In memoriam C. Daicoviciu (Cluj 1974), 367-373.

15. T. Soroceanu, Die Bedeutung des Gräberfeldes von Mokrin für die relative Chronologie der frühen Bronzezeit im Banat. Praehistorische Zeitschrift 50, 1975, 161-179.

- T. Soroceanu, Însemnătatea cimitirului de la Mokrin pentru cronologia epocii timpurii a bronzului în Banat. Banatica 3, 1975, 33-48 (varianta română / rumänische Version).

16. T. Soroceanu, M. Istrate, Faza finală a culturii Wietenberg / Die Endphase der Wietenberg-Kultur. Studii şi Comunicări - Muzeul Brukenthal 19, 1975, 21-27.

17. T. Soroceanu, O. Radu, Şantierul arheologic Corneşti (jud. Timiş). Săpăturile din 1973 şi 1974 / Archäologische Ausgrabungen der Jahren 1973 u. 1974 in Corneşti, Kr. Timiş. Tibiscus 4, 1975, 33-40.

18. T. Soroceanu, M. Blăjan, T. Cerghi, Cimitirul de incineraţie de la Aiton / Das Brandgräberfeld von Aiton. File de Istorie 4, 1976, 57-83.

19. T. Soroceanu, Beiträge zur Bronzezeit am Unterlauf des Mureş. Dacia 21, 1977, 55-79.

20. T. Soroceanu, Gh. Lazarovici, E.Amlacher, Al. Mureşan, Contribuţii la repertoriul arheologic al judeţului Mureş / Beiträge zum archäologischen Ortsverzeichnis des Kreises Mureş. Marisia 7, 1977, 57-65.

21. T. Soroceanu, Consideraţii preliminare asupra ceramicii de tip Mureş / Vorläufige Betrachtungen über die Keramik vom Mureş-Typ. Banatica 4, 1977, 105-110.

- Varianta germană / deutsche Version in: T. Soroceanu, Studien zur Mureş-Kultur. Internationale Archäologie 7 (Buch am Erlbach 1991).

22. T. Soroceanu, Însemnătatea stratigrafiei de la Pecica pentru epoca bronzului carpato-danubian / Die Bedeutung der Stratigraphie von Pecica für die Bronzezeit im Karpatenbecken. Studii şi comunicări, Muzeul Caransebeş 2, 1977, 241-250.

- Varianta germană / deutsche Version in: T. Soroceanu, Studien zur Mureş-Kultur. Internationale Archäologie 7 (Buch am Erlbach 1991).

23. T. Soroceanu, Ein neues Buch über die Bronzezeit im Karpatenbecken. Dacia 22, 1978, 319-324.

24. T. Soroceanu, V. Buda, Der Bronzegefäßhort von Buza (Kr. Cluj). Dacia 22, 1978, 99-106.

25. T. Soroceanu, A. Soroceanu, Cîteva observaţii prilejuite de alcătuirea „Repertoriului de periodice conţinînd articole de istorie veche, arheologie şi muzeologie". Acta Musei Napocensis 17, 1980, 693-695.

26. T. Soroceanu, Der zweite Depotfund von Vîlcele, Rumänien. Praehistorische Zeitschrift 56/2, 1981, 249-261.

27. T. Soroceanu, É. Lakó, Depozitul de bronzuri de la Sîg (jud. Sălaj) / Der Bronzefund von Sîg (Kr. Sălaj). Acta Musei Porolissensis 5, 1981, 145-168.

28. T. Soroceanu, Al. Retegan, Neue spätbronzezeitliche Funde im Norden Rumäniens. Dacia 25, 1981, 195-229.

29. T. Soroceanu, Materialien zur Bronze- und Hallstattzeit Siebenbürgens (I). Acta Musei Napocensis 18, 1981, 357-365.

30. T. Soroceanu, Pecica - eine bronzezeitliche Siedlung in Westrumänien. In: (Hrsg. B. Hänsel) Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 1 (Berlin 1982), 353-369.

31. T. Soroceanu, Hortfunde und befestigte Anlagen in Transsilvanien. In: (Hrsg. B. Chropovký, J. Herrmann) Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau in Mitteleuropa (Berlin/Nitra 1982), 363-376.

32. T. Soroceanu, Die Periodisierung der Mureş-Kultur. Acta Archaeologica Carpathica 23, 1984, 43-78.

33. T. Soroceanu, Materialien zur Bronze- und Hallstattzeit Siebenbürgens (II). Acta Musei Napocensis 21, 1984, 433-458.

34. T. Soroceanu, É. Lakó, Al doilea depozit de bronzuri de la Dragu. Acta Musei Porolissensis 8, 1984, 125-127.

- T. Soroceanu, É. Lakó, Der zweite Depotfund von Dragu, Kr. Sălaj. Zu den Tüllenbeildepotfunden in Rumänien. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 187-195 (varianta germană / deutsche Version).

35. T. Soroceanu, Materialien zur Bronze- und Hallstattzeit Siebenbürgens (III). In: Festschrift für Dieter Korell. Mannus Bibliothek 28 (Bonn 1987), 922-956.

36. V.V. Morariu, T. Soroceanu, Pore structure of ancient pottery. An Experiment with representative potsherds from an excavation site. In: Archaeometry in Romania, 1 (Bucharest 1988), 119-129.

37. T. Soroceanu, Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen – Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 15-80.

38. N. Chidioşan, T. Soroceanu, Der Bronzefund von Galoşpetreu, Kr. Bihor. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 169-186.

39. T. Soroceanu, Der Bronzefund von Gîrbău, Kr. Cluj. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 197-211.

40. T. Soroceanu, Der Bronzedepotfund von Cincu/Groß-Schenk, Siebenbürgen. Eurasia Antiqua 2, 1996, 241-286.

41. T. Soroceanu, Zum Depotfund von Suseni. In: (Hrsg. C. Becker et al.) Chronos. Festschrift für B. Hänsel. Internationale Archäologie. Studia honoraria 1 (Espelkamp 1997), 389-402.

42. T. Soroceanu, Peregrini romani. Römisches Fundgut in vorskythenzeitlichen Horten Siebenbürgens. Prähistorische Zeitschrift 73/2, 1998, 233-251

43. T. Soroceanu, Kurt Horedt. Eine Persönlichkeit in bewegten Zeiten. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 11-17.

44. T. Soroceanu, F. Medeleţ, Die bronzene Kette mit Anhängern von Moldova Veche, am Eisernen Tor. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 181-213.

45. T. Soroceanu, J. József Szabó, Der Bronzefund von Gyula (Kom. Békés). Mora Ferenc Múzeumi Évkönyve. Studia Archaeologica [Szeged] 7, 2001, 219-230.

46. N. Boroffka, T. Soroceanu, Das Noua-Gräberfeld von Cluj-Str. Banatului. Eine Materialvorlage. In: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. Mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E. V. Jarovoj, T. Soroceanu. PAS 19 (Berlin 2002), 100-103 + Taf. 137-141.

47. T. Soroceanu, În legătură cu plasarea cronologică a situlelor de tip Kurd de la Brâncoveneşti. In: Festschrift für F. Medeleţ (Timişoara 2004), 163-222.

- T. Soroceanu, Zur zeitlichen Heimat des Eimerpaares vom Kurd-Typ aus Brâncoveneşti, Kr. Mureş, Siebenbürgen. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 429-476 (varianta prescurtată a articolului / kürzere Variante des Beitrages).

48. T. Soroceanu, Restitutiones bibliographicae et archaeologicae ad res praehistoricas pertinentes. I. Contribuţia lui C. Nicolescu-Otin la cunoaşterea metalurgiei preistorice din România. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 15-46.

49. T. Soroceanu, Zu den Fundumständen der europäischen Metallgefäße bis in das 8. Jh. v. Chr. Ein Beitrag zu deren religionsgeschichtlichen Deutung. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 387-428.

50. T. Soroceanu, Johann Georg Keysler (1689-1743) und die anfänglichen Deutungsversuche der Bronzedeponierungen. Restitutiones bibliographicae et archaeologicae ad res praehistoricas pertinentes III. Das Altertum 52, 2007/2, 131-154.

- O variantă uşor schimbată şi prescurtată/Leicht geänderte, kleinere Variante in: (Hrsg. J. Kobal') Bronzezeitliche Depotfunde. Problem der Interpretation (Užgorod 2006), 27-54.

51. T. Soroceanu, Zweigeteilte Einheit oder geeinte Zweiheit ? Zur Frage der Dualität in den bronzezeitlichen Deponierungen. In: (Hrsg. S. Berecki, R. Németh, B. Rezi) Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin – Ritus und Ritual in dem bronzezeitlichen Karpatenbecken. Tagung in Târgu Mureş, 8-10 Oktober 2010 (Târgu Mureş 2011), 269-294.

52. T. Soroceanu, Le guerrier des Carpates à l'âge du Bronze: particularités régionales et traits communs continentaux. In: (Ed. L. Baray, M. Honnegger, M.-H. Dias-Meirinho) L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes : de l'objet à la tombe. Table ronde internationale et interdisciplinaire. Centre de Recherche et d'Étude du Patrimoine (CEREP) SENS, 4-5 juin 2009 (Dijon 2011), 225-270.

53. T. Soroceanu, „Gladius barbarico ritu humi figitur nudus". Schriftliches, Bildliches und Ethnologisches zur Bedeutung der Schwerter und der Schwertdeponierungen außerhalb des militärischen Verwendungsbereiches. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 39-116.

54. T. Soroceanu, Restitutiones bibliographicae et archaeologicae ad res praehistoricas pertinentes. II. Colecţia dr. Samuel Egger din Viena. Marmatia. Arheologie 10/1, 2011, 53-108.

55. T. Soroceanu, Fundplätze bronzezeitlicher Hortfunde im heutigen Rumänien. In: (Hrsg. S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta) Hort und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Mitteleuropa (Berlin 2012), 227-254.

56. T. Soroceanu, V. Sîrbu, La grotte de Nucu du néolithique à l'âge du Bronze. In: (Hrsg. V. Sîrbu, S. Matei) Un monument din Carpaţii Orientali cu reprezentări din preistorie şi Evul Mediu – Nucu-"Fundu Peşterii", judeţul Buzău. – Un monument des Carpates Orientales avec des représentations de la préhistoire et du Moyen Âge – Nucu-"Fundu Peşterii", département de Buzău. Monografii arheologice şi istorice, Biblioteca Mousaios IV (Brăila/Buzău 2012), 119-331 + XXXII Taf.

57. T. Soroceanu, Der Bronzefund von Jabeniţa (Görgénysóakna), Kr. Mureş, Siebenbürgen. In: (Hrsg. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitzer, M. Băţ) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. Tyragetia International I (Chişinău 2016), 163-180.

58. T. Soroceanu, E. Sava, Einige Bemerkungen zur Herstellung, zur Typologie und zur Verbreitung der spätbronze- und fruheisenzeitlichen Metallgefaße im Raum zwischen Karpaten, Nordkaukasus und Ural / T. Сорочяну, Е. Сава, Некоторые заметки об изготовлении, типологии и распространении в позднем бронзовом — раннем железном веках металлических сосудов между Карпатами, Северным Кавказом и Уралом. In: (Hrsg. M.T. Kashuba, S. Reinhold, Ju. Ju. Piotrowskij) / (отв. ред. тома М.Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю.Ю. Пиотровский) Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Archäologie in Iran und Turan (Berlin 2019), 279-300.

59. Т. Сорочяну, К. Добринеску, С. Айлинкэй, В. Бодоликэ, Т. Сава, Комплекс культуры Кослоджень (яма № 121) в Чернаводэ – «Шоссе №2, 152-й км», место восточно-европейского конвергентного сближения в регионе Западного Причерноморья. Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, ...

Recenzii/Buchbesprechungen

60. Acta Musei Napocensis (=AMN) 6, 1969, 541-545 (D. Tudor, Oltenia Romană[3], Bucureşti 1968).

61. AMN 7, 1970, 561-563 (Tabula Imperii Romani L 34, L 35).

62. AMN 13, 1976, 631-637 (O. Trogmayer, Das bronzezeitliche Gräberfeld von Tápé, Budapest 1975; J. Banner, I. Bóna, Mittelbronzezeitliche Tell-Siedlung bei Békés, Budapest 1974).

63. AMN 14, 1977, 665-676 (P. Roman, Cultura Coţofeni, Bucureşti 1976; I. Bóna, Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen, Budapest 1975; M. Gedl, Kultura Predłuzicka, Wroclaw 1975; Jahresber. des Institutes ... Frankfurt/M. 1975, 1976).

64. Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie Cluj 20, 1977, 397-399 (H. Müller-Karpe, Handbuch der Vorgeschichte III. Kupferzeit, München 1974).

65. AMN 15, 1978, 675-692 (P. Roman, J. Németi, Cultura Baden în România, Bucureşti 1978; M. Primas, Untersuchungen zu den Bestattungssitten ... BerRGK 58, 1977, 1-160; W. Sarnowska, Kultura unietycka w Polsce, Wroclaw....I 1969, II 1975; V.A. Dergacev, Pamjatniki epochi bronzy, Kisinev 1973; V.A. Dergacev, Bronzovye predmety..., Kisinev 1975; M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România, Bucureşti 1977; Symposium on the Dark Ages..., New York 1977; B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau I-II, Bonn 1976).

66. AMN 16, 1979, 849-871 (T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei, Bucureşti 1978; V. Bianco-Peroni, Die Messer in Italien, PBF VII 2, München 1976; Jahresber. des Institutes Frankfurt/M. 1977; Mitteleuropäische Bronzezeit, Berlin 1978; F. Laux, Die Nadeln in Niedersachsen, PBF XIII 4, München 1976; S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii, Bucureşti 1978; M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien, PBF XVIII 1, München 1978; Studien z. Lausitzer-Kultur, Kraków 1974; Studien z. südpolnischen Wehranlagen...., Warszawa 1976).

67. AMN 17, 1980, 853-872 (S. Mirié, Das Thronraumareal des Palastes von Knossos...., Bonn 1979; F. Stein, Bronzezeitliche Hortfunde in Süddeutschland..., Bonn 1976; F. Stein, Katalog der vorgeschichtlichen Hortfunde in Süddeutschland..., Bonn 1979; J. M. Coles, A. Harding, The Bronze in Europe..., London 1979; J. Pastor, Cana a Valalíky..., Kosice 1978; A. Tocik, Výcapy-Opatovce..., Nitra 1979; J. Todorovic, Praistorijska Karaburma II..., Beograd 1977; M. Gedl, Bronze II-III (Mont..... InventArch XLI), Warszwa 1978; M. Gedl, Stufengliederung und Chronologie des Gräberfeldes..., Kietrz/Warszawa 1979).

68. AMN 19, 1982, 719-738 (V.A. Dergacev, Pamjatniki pozdnego Tripolija..., Kisinev 1980; Jahresber. des Institutes Frankfurt/M 1978-1979; T. S. Hačatrjan, Artikskij nekropoli.... Erevan 1979; G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriu ... Vaslui, Bucureşti 1980; J. Paulík, Prähistorische Kunst in der Slowakei, Bratislava 1980; A. Tocik, Nitriansky Hradok...I-III, Nitra 1978, 1981; Bronze Age Hoards (Burgess/Coombs), Oxford 1979; N. Chidioşan, Contribuţii la istoria tracilor timpurii... Derşida, Oradea 1980 = Praehistorische Zeitschr. 59/1, 1984, 103-110; I.S. Masimov, Keramicesoe proizvodstvo epohi bronzy..., Ashabad 1976; K. Wilhelmi, Zwei bronzezeitliche Kreigrabenfriedhöfe bei Telgte..., Münster 1981; T. Kemenczei, Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Gelej..., Budapest 1979).

69. Dacia 27, 1983, 209-211 (K. Goldmann, Die Seriation chronologischer Leitfunde der Bronzezeit Europas..., Berlin 1979).

70. AMN 21, 1984, 803-826 (I. Jakabffy, A Közep-Dunamedence régészeti bibliogr., Budapest 1981; Bodendenkmalpflege und archäologische Forschung... [Horst], Berlin 1983; Palast und Hütte ..., Mainz 1982; Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte... Festschrift Coblenz, Berlin 1981; R. Hachmann, Bericht..., Kamid el-Loz 1971-1974..., Bonn 1982; E. Kroeger-Michel, Les haches à disque du bassin des Carpathes ... Paris 1983; Die Frühbronzezeit im Karpatenbecken ... Symposium Velem, Budapest 1981 + Il passaggio dal neolitico all'età del bronzo... Symposium Lazise, Verona 1982; J. Ondracek, J. Stuchliková, Veterovske sidliste..., Brno 1982; S. Stuchlik, Osidelni jeskyn ve starsi... Brno/Praha 1981; Cumania 7= I. Bóna, Monographie von Tiszaalpár..., Kecskemét 1982; A. Radwan, Die Kupfer- und Bronzegefäße Ägyptens, PBF II 2, München 1983; A. Hochstetter, Die Hügelgräberzeit in Niederbayern..., Kallmünz/Opf. 1980; T. Bader, Die Fibeln in

Rumänien, PBF XIV 6, München 1983; H. Koschik, Die Bronzezeit im südwestlichen Oberbayern..., Kallmünz/ Opf. 1981; J. Říhovský, Základy stredodunakskych popelnicovych poli..., Praha 1982; J. Nekvasil, Pohrebište lužice kultury..., Brno 1982; V. Rychner, L'âge du bronze final à Auvernier..., Brno 1982).

71. Zeitschrift für Archäologie 27/2, 1993, 399-402 (T. Bader, Die Schwerter in Rumänien, PBF IV 8, Stuttgart 1991).

72. Dacia 46-47, 2002-2003 (2004), 209-214 (Studien zur Metallindustrie ... Festschr. Mozsolics, Budapest 1996).

73. Eurasia Antiqua 10, 2004, 359-373 (W. David, Studien zu Ornamentik und Datierung der bronzezeitlichen Depotfundgruppe ..., Alba Iulia 2002).

74. Praehistorische Zeitschrift 81, 2006, 237-242 (V.A. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde..., PBF XX 9, Stuttgart 2002).

75. Revista Bistriţei 20, 2006, 371-374 (M. Salaš, Bronzové depoty..., Brno 2005).

76. Dacia 50, 2006, 461-463 (Festschrift Vulpe, Baia Mare 2003) = în română / auf rumänisch in Revista Bistriţei 22, 2008.

77. Revista Bistriţei 24, 2010, 471-472 (Nevenka Bojović, Miloje Vasić, Rastko Vasić (edit.), Sahranjivanje u bronzano i gvozdeno doba. Simpozijum, Čačak, 4-8 Septembar 2002 – Burials Customs in the Bronze and Iron Age (Čačak 2003).

78. Prähistorische Zeitschrift 88, 2013/2, 278-286 (Mandl, Felsbilder ... Haus i. E. 2011).

Varia

79. T. Soroceanu, Katalogstichworte D 41-42, 48-49, 93, 187-192, 238-243, 301-302, 304-305. In: Iliri şi Daci, Ausstellungskatalog (Cluj/Bucureşti 1972).

80. T. Soroceanu, L'età delle origini. In: I Daci, mostra della civiltà daco-getica in epoca classica. Roma dicembre 1979 – gennaio 1980 (Roma 1979), 23-24.

81. T. Soroceanu, Buchpräsentation T. Bader 1978. In: Cronica sătmăreană 1978.

82. T. Soroceanu, Buchpräsentation T. Bader 1978. In: Előre 1978.

83. T. Soroceanu, Die Zeit vor den Dakern. In: Die Daker. Archäologie in Rumänien (Mainz 1980), 8-10.

84. T. Soroceanu, In: Encyklopédia archeológie (Hrsg. B. Novotný a kolektiv) (Bratislava 1986): Periamská kulturá (678-679); Socodor (807); Wietenbergská kulturá.

85. T. Soroceanu, Datiert durch Münze und Kamm. Eine spätkaiserzeitliche Siedlung von Deutsch Wusterhausen, Landkreis Dahme-Spreewald. In: Archäologie in Berlin und Brandenburg, 1993-1994 (1996), 90-92.

86. T. Soroceanu, Archäologische Funde am Kirchplatz in Luckau. In: Luckauer Heimatkalender, 29, 1996 (1997), 48-51.

87. T. Soroceanu, Die Grabungen in einer germanischen Siedlung bei Deutsch Wusterhausen. In: Denkmalpflege im Land Brandenburg, 1990-2000. Bericht des Brandenburgischen Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologischen Landesmuseums (Worms 2001), 548-549.

88. T. Soroceanu, Würdigung eines rumänischen Archäologen durch Humboldianer. Laudatio für Kurt Horedt. Mitteilungen des Humboldt-Clubs Rumänien 5, 2001, 7-9.

89. T. Soroceanu, Prefaţa. In: Ioan Bejinariu, Depozitul de bronzuri de la Brâglez (comuna Surduc, judeţul Sălaj) (Cluj-Napoca 2007), 7-9.

90. T. Soroceanu, Rolf Hachmann – eine Medaille zum 95. Geburtstag. ArhMold 35, 2012, 381-383.

91. T. Soroceanu, Ein internationaler Sathmarer: Tiberiu Bader ist 75 Jahre alt geworden. Studii şi comunicări Satu Mare 2013, 11-23 + Abb.

92. T. Soroceanu, Kurt Horedt. La centenarul naşterii / Kurt Horedt. Zum hundertjährigen Jubiläum seiner Geburt. In: Archäologische Beiträge. Gedenkschrift zum hundertsten Geburtstag von Kurt Horedt (Cluj 2014), 9-15.

93. Т. Сорочану, Е. Сава, Металлические сосуды предскифского периода между Карпатами, Кавказом и Уралом. In: Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции, Москва, 21-25 апреля 2014 г. (Москва 2014), 203-205.

94. T. Soroceanu, E. Sava, Metallgefäße zwischen Karpaten, Nordkaukasus und Ural während der Bronze- und Früheisenzeit. Vorläufige Betrachtungen auf Grund der Verbreitung dieser Fundkategorie. In: Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller) Internationale Fachtagung für die Archäologie und Humboldt-Kolleg in St. Petersburg, Russische Föderation (5.-8.10.2015), 85-89.

95. T. Soroceanu, E. Sava, Nikolaus Boroffka sau lupta cu inerţia. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 303-320.

Traduceri/Übersetzungen

Cărţi/Bücher

96. E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungriten zwischen Dnestr und Westkarpaten, PAS 19 (Kiel 2002) (traducere din română cu contribuţia lui/Übersetzung aus dem Rumänischen unter der Mitarbeit von E. Sava und E. Kaiser).

97. Raymund Netzhammer, Secretarul meu. Amintiri despre părintele Lucius Fetz O. S. B. 1870-1931 capitular al mănăstirii Maria-Einsiedeln (Iaşi 2006) (traducere în română/Übersetzung ins Rumänische).

98. Joseph Ratzinger/Papa Benedict al XVI-lea, Sarea pământului. Creştinismul şi Biserica Catolică la cumpăna dintre milenii. O convorbire cu Peter Seewald (Iaşi 2006) (traducere în română/Übersetzung ins Rumänische).

99. Joseph Ratzinger/Papa Benedict al XVI-lea, Dumnezeu şi lumea. A crede şi a trăi în epoca noastră. O convorbire cu Peter Seewald (Iaşi 2009) (traducere în română/Übersetzung ins Rumänische).

100. Alina Soroceanu, Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donauraum (=Zivilisation & Geschichte). Peter Lang Verlag (Frankfurt am Main 2013).

101. Keltisches Lexikon, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Wien (sub tipar).

Articole/Aufsätze

102. I. Motzoi-Chicideanu, G. Iuga, Der Bronzefund von Bogdan Vodă, Kr. Maramureş. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 141-168.

103. I.Al. Aldea, H. Ciugudean, Der dritte hallstattzeitliche Depotfund von Vinţu de Jos, Kr. Alba, Siebenbürgen. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 213-224.

104. Fl. Medeleţ, Ein urnenfelderzeitlicher Depotfund von bronzenen Werkzeugen in Fratelia, bei Timişoara, Kr. Timiş. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 229-236.

105. C. Iconomu, Archäologische Funde aus Brădiceşti, Kreis Iaşi (I). In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 245-254.

106. I. Ioniţă, O.L. Şovan, Bronzene Einzelfunde aus der Moldau und Siebenbürgen. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 255-260.

107. I. Motzoi-Chicideanu, D. Lichiardopol, Der Bronzefund von Străoşti, Kr. Prahova. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 261-278.

108. V. Enăchiuc, Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomiţa. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 279-310.

109. C. Kacsó, Neue Daten zur ersten Phase der Suciu de Sus-Kultur. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 91-106 (cu/mit N. Boroffka).

110. V. Vasiliev, Betrachtungen zur Chronologie der älteren Eisenzeit in Siebenbürgen. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 173-180.

111. A. Rustoiu, Dakische Fibeln mit anthropomorphen Ornamenten (Typologische und chronologische Bemerkungen). In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 219-222.

112. D. Protase, Kontrollgrabungen in den Jahren 1985-86 und 1989-91 bei Moreşti (Kr. Mureş), Rumänien. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie, Studia honoraria 7 (Rahden/Westf. 1999), 265-272.

113. M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Nekropole der Noua-Kultur auf der „Ţuguieta“ bei Truşeşti, Kr. Botoşani, Nordmoldau, Rumänien. Prähistorische Zeitschrift 76, 2001, 179-208.

114. M. Cristescu, G. Miu, Die paläoanthropologischen Untersuchung der Skelette aus der Noua-Nekropole Truşeşti-„Ţuguieta“. Prähistorische Zeitschrift 76, 2001, 209-220.

115. I. Bejinariu, Beiträge zur Kenntnis der Bronzemetallurgie im Nordwesten Rumäniens (unter Berücksichtigung des Oberlaufes von Crasna und Barcău. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 47-74.

116. L. Marta, Der bronzene Nadeldepotfund von Petea. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 75-94.

117. H. Ciugudean, I.Al. Aldea, Der Bronzefund von Cugir, Kr. Alba, und seine Beziehungen zu den spätbronzezeitlichen Kulturphänomenen Siebenbürgens. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 95-132 (cu/mit N. Boroffka).

118. N. Boroffka, Fl. Ridiche, Der Gußformenfund von Pleniţa. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 133-209 (cu/mit R. Boroffka).

119. G. Crăciunescu, Der Bronzefund von Mileni. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 209-218.

120. C. Kacsó, Der Bronzefund von Sebeş, Kr. Alba. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 219-234.

121. C. Kacsó, Bronzefunde von Târgu Lăpuş, Kr. Maramureş. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 235-245.

122. J.V. Kobal, Bronzezeitliche Metallfunde aus der Sammlung des Transkarpatischen Heimatkundemuseums (Užgorod, Ukraine). In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 245-264.

123. G.G. Marinescu, Urnenfelderzeitliche Bronzefunde aus dem Nordosten Siebenbürgens. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 265-284.

124. A. Hänsel, Un depozit de bronzuri din ţinutul Sucevei. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 285-299.

125. S. Hansen, Noi cercetări asupra metalurgiei epocii bronzului în sud-estul Europei. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 301-316.

126. C. Metzner-Nebelsick, Despre importanţa cronologică şi cultural-istorică a depozitelor din România în epoca târzie a bronzului şi în epoca timpurie a fierului. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II – Descoperiri de bronzuri din România (Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang) (Bistriţa/Cluj-Napoca 2005), 317-342.

127. S. Hansen, Catalogul expoziţiei de fotografii (Iaşi 2011).

128. B. Lauer, Expoziţia Brüder Grimm in Hermannstadt (2011).

PROFESORUL ION NICULIȚĂ LA 80 DE ANI

Dintre arheologii din Republica Moldova care activează la limita secolelor XX şi XXI, profesorul Ion Niculiţă – fondatorul şcolii arheologice la Universitatea de Stat din Moldova, a beneficiat de o atenţie istoriografică aparte. În ultimele decenii au fost editate câteva volume şi studii dedicate vieţii şi activităţii Profesorului (Studia 1999; Studia 2009; Zanoci, Arnăut 2009; Contribuţii 2019). În acest context, anul 2019 pentru mediul arheologic universitar are o încărcătură simbolică aparte. Accentul principal este determinat de omagierea prof. Ion Niculiţă cu prilejul împlinirii unei vârste venerabile de 80 de ani, tot în acest an cuantificăm şi împlinirea a 60 de ani de la prima participare la o cercetare arheologică de teren a magistrului Ion Niculiţă. În spatele acestor cifre se ascund sute de zile şi nopţi petrecute în diferite condiţii în varia localităţi ale Republicii Moldova, sute de tineri instruiţi să studieze, să valorifice şi să protejeze patrimoniul cultural al ţării şi, desigur, zeci de mii de vestigii arheologice, multe dintre care au devenit carte de vizită a muzeelor naţionale şi raionale de istorie din Republica Moldova. În condiţiile unui laconism expresiv al surselor de arhivă privind istoricul cercetărilor arheologice la Universitate şi penuriei lucrărilor memorialistice în domeniu, în rândurile care urmează ne propunem să realizăm o schiţă de repere care să contureze principalele evenimente ale carierei de arheolog a prof. Ion Niculiţă.

Ion Niculiţă s-a născut la 27 mai 1939 în comuna Zârneşti, judeţul Cahul, asupra cărui fapt ţine mult, atenţionând de fiecare dată că-şi trage originea din judeţul care a participat la Unirea Principatelor din 1859. Prin descendenţă maternă este rudă cu arheologul român Vasile Pârvan. După ce a urmat şcoala în satul natal, Ion Niculiţă a fost admis la Facultatea de Istorie a Universităţii din Chişinău unde a studiat între 1958 şi 1963. Printre profesorii săi se numărau E. Rikman şi R. Enghelgardt. În calitate de student în anul I, împreună cu G. Samson, N. Grigoriev, V. Botnariuc ş.a. a participat la fondarea Seminarului Ştiinţific Studenţesc de Arheologie şi Istorie Veche (SŞSAIV), care continuă să activeze şi astăzi.

Profesorul Ion Niculiţă la Catedra de Arheologie şi Istorie Antică. Chişinău, 2006.

Între 1963 şi 1968 a lucrat ca asistent la Catedra de Istorie Universală la Facultatea de Istorie, iar începând cu anul 1968 a fost doctorand la specialitatea „Arheologie" la Universitatea de Stat „M. Lomonosov" din Moscova, studiind sub îndrumarea unor profesori precum B. Rybakov, B. Grakov, A. Arcychovskij, V. Janin, F. Kyzlasov, A. Meljukova, I. Jacenko etc. Teza de doctorat, susţinută la universitatea moscovită în 1972 sub îndrumarea dr. Irina Jacenko, avea drept obiectiv de cercetare „Geto-dacii la est de Carpaţi în secolele IV-III a. Chr." Revenind la Chişinău a fost angajat lector la Catedra de Istorie Antică şi Medievală, care va deveni în anul 1984, prin insistenţa prof. Ion Niculiţă şi calitatea cercetărilor sale, Catedră de Arheologie şi Istorie Antică, iar Ion Niculiţă – şeful respectivei catedre. Între 1993 şi 2002 va deţine şi funcţia de decan al Facultăţii de Istorie. Paralel cu cercetările pe teren, cu activitatea managerială la Facultate, în 1991, tot la Universitatea de Stat „M. Lomonosov" din Moscova, a obţinut titlul de *doctor habilitat* în istorie pentru lucrarea „Tracii septentrionali în secolele VI-I a. Chr."

Interesele ştiinţifice ale prof. Niculiţă sunt axate pe interferenţele culturale din sud-estul Europei, între sfârşitul celui de-al II-lea mileniu a. Chr. şi până la mijlocul mileniului I p. Chr., în special:

Profesorul Ion Niculiţă la deschiderea simpozionului „Orheiul Vechi: 70 de ani de la primele săpături arheologice”. Butuceni, 2017.

Profesorul Ion Niculiţă împreună cu discipolii în vizită de documentare la Glauberg (Germania). 2017.

Profesorul Ion Niculiţă împreună cu studenţii Facultăţii de Istorie şi Filosofie pe şantierul arheologic Saharna Mare. 2018.

aspecte de etnogeneză ale istoriei tracice timpurii, istorie şi civilizaţie geto-dacică, continuitate daco-romană şi procese de romanizare etc. Pentru a-şi concentra cercetările, în anul 1990 prof. Niculiţă a organizat la Universitate Laboratorul de Cercetări Ştiinţifice „Tracologie”. Sub conducerea sa au fost studiate o serie de situri arheologice, precum Dănceni, Suruceni, Butuceni, Hansca, Sobari, Trebujeni, Maşcăuţi, Saharna şi cele de la Dunărea de Jos, precum Satu Nou/ Novosel’skoye şi Orlovka (Cartal) în Ucraina.

Drept o recunoaştere a activităţii de decenii, în anul 1992 Ion Niculiţă a fost ales membru al Consiliului Internaţional de Studii Indo-Europene şi Tracice, este membru al comitetelor de redacţie ale unor reviste ştiinţifice precum SCIVA (Bucureşti), Istros (Brăila), Cumidava (Braşov) şi Tyragetia (Chişinău). Eforturile sale de peste 60 de ani în cercetarea arheologică au cumulat paginile a peste 10 monografii şi circa 200 de studii publicate în reviste şi culegeri de specialitate naţionale şi internaţionale.

Amplitudinea parcursului ştiinţific al profesorului Ion Niculiţă aminteşte de cel al fondatorului metodologiei istoriografiei contemporane savantul german Leopold von Ranke (1795-1886). Dintre trăsăturile comune evidenţiem: dorinţa perpetuă de a afla „istoria aşa cum a fost ea” sau *wie es eigentlich gewesen*, atitudinea critică faţă de cercetările moderne şi evocarea rolului izvorului istoric, conştientizarea importanţei formării noii generaţii de cercetători etc. Intensitatea manifestărilor ştiinţifice la care participă sau le organizează, apariţia lucrărilor monografice şi a altor diverse studii, omniprezenţa pe şantierele arheologice ale Universităţii este direct proporţională cu anii acumulaţi şi este în ascendenţă continuă.

La vârsta de 80 de ani Profesorul Ion Niculiţă rămâne a fi aşa cum l-a cunoscut fiecare generaţie de studenţi ai universităţii chişinăuiene: critic, activ şi dornic de a se implica în rând cu cei tineri în toate provocările mediului savant de la începutul secolului XXI. Cei care învăţăm lecţiile Profesorului îi oferim tot respectul nostru, respect determinat de anii dedicaţi Facultăţii şi Universităţii noastre, de opera pedagogică şi ştiinţifică. Prin tot ce a contribuit la edificarea *Alma Mater* – USM. Pentru romanii antici *Alma Mater* însemna, în primul rând, zeiţa naturii – Cibela, sau a vegetaţiei – Ceres, ca mai apoi să-şi extindă conţinutul semantic pentru sensul de *Patrie*, iar

începând cu anul 1088, când devine deviza uneia dintre primele universităţi europene, cea de la Bologna, *Alma Mater* devine sinonimul *Universităţii*. Aceste conţinuturi reapar şi în lecţiile Profesorului Ion Niculiţă: Universitatea se prezintă drept o Divinitate prin atitudini şi o Patrie prin activitatea cotidiană. Cunoscând rezervele Profesorului Ion Niculiţă faţă de tehnologiile didactice, astăzi, când onorăm simbolic o etapă de activitate, putem afirma că numărul celor pe care i-aţi motivat şi format prin prelegeri, prin atitudini, este mult mai mare decât al celor care au citit şi, ce e mai important, au înţeles opera ştiinţifică a Dumneavoastră

Stimate d-le Profesor! E uşor a număra anii, când laşi la o parte nopţile nedormite şi timpul liber dedicat – în locul familiei şi celor apropiaţi – studiilor, emoţiile complexe, şi nu tot timpul pozitive, legate de o cercetare sau de momente din activitatea administrativă etc. Studenţii, profesorii, dar şi cele câteva mii de absolvenţi ai Facultăţii care activează în variate domenii îşi exprimă gratitudinea pentru contribuţia la formarea fiecăruia, regăsind lecţiile Dvs. în activitatea curentă, indiferent de meseria practicată. Anii petrecuţi alături de Dvs. au devenit o şcoală veritabilă nu doar de Arheologie, ci şi de un mod de a fi, a fi în primul rând Om, de a fi Om la locul tău, bine pregătit în domeniul de activitate, corect şi onest. Şi totuşi, de fiecare dată, după discuţiile cu Dvs., te prinzi cu gândul că principala lecţie, încă, urmează şi că avem multe de învăţat de la Dvs. În acest context e binevenit să revenim la sus-pomenitul Leopold von Ranke, care publica în anul 1880 primul volum al fundamentalei lucrări „Weltgeschichte", an în care împlinea vârsta de 85 de ani.

În numele celor pentru care Facultatea de Istorie şi Filosofie a Universităţii de Stat din Moldova a devenit adevărată *Alma Mater,* Vă mulţumim şi Vă urăm La mulţi ani!

Bibliografie

Studia 1999: T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev (eds.), Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău: Cartdidact 1999).

Studia 2009: A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băţ (eds.), Studia archeologiae et historiae antiquie. Doctissimo viro Scientiarum Arheologiae et Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur (Chişinău 2009).

Contribuţii 2019: A. Zanoci, M. Băţ (eds.), Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului Carpato-Danubiano-Pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis (Chişinău 2019).

Zanoci, Arnăut 2009: A. Zanoci, T. Arnăut, Profesorul Ion Niculiţă la 70 de ani. Tyragetia s.n. III/1, 2009, 337-380.

Sergiu Matveev